

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Sozialī la Partij. A. Burijas latu ca,
res bibliotekās leetošanas noteikumi.

- 1) Bibliotekās leetošanas tiesības bauda tā šķīis nojares beedri, tā nebeedri.
- 2) Lasitajam-nebeedrim grahmatas top isdotas uļ 2 nojares beedru galwoššanu.
- 3) Katris bibliotekās lasitajs war pagehret ne wairaf, tā 2 šehjunus.
- 4) Katris lasitajs war grahmatas leetot, ne ilgaf war 30 deenam.
- 5) Peh 30 deenu notezesšanas grahmatas janodod bibliotekā, waj lasiššanas terminā, ja atjauno.
- 6) Lasiššanas terminu war atjaimot tikai 2 reifes.
- 7) Lasitajs, kas leeto grahmatu beļ terminā atjaunošanas ilgaf par 30 deenam, mašā par labu bibliotekai 1 zentu, no katras turpmatās deenas.
- 8) Katram lasitajam tiesiba no bibliotekara pagehret „lasitaja karti“, uļ furas ar tinti atšimejams, kahdā datumā grahmata isdota un šanemta.
- 9) Lasitajam jabuht atbildigam par katru šehjunu, kas wina leetošanā. Grahmatas šobojasšanas gadījumā tam jashamāšā tās pilna wehrtiā.
- 10) Šheem noteikumeem jaatrodas katras grahmatas eefšvufē uļ pirmā wahka.

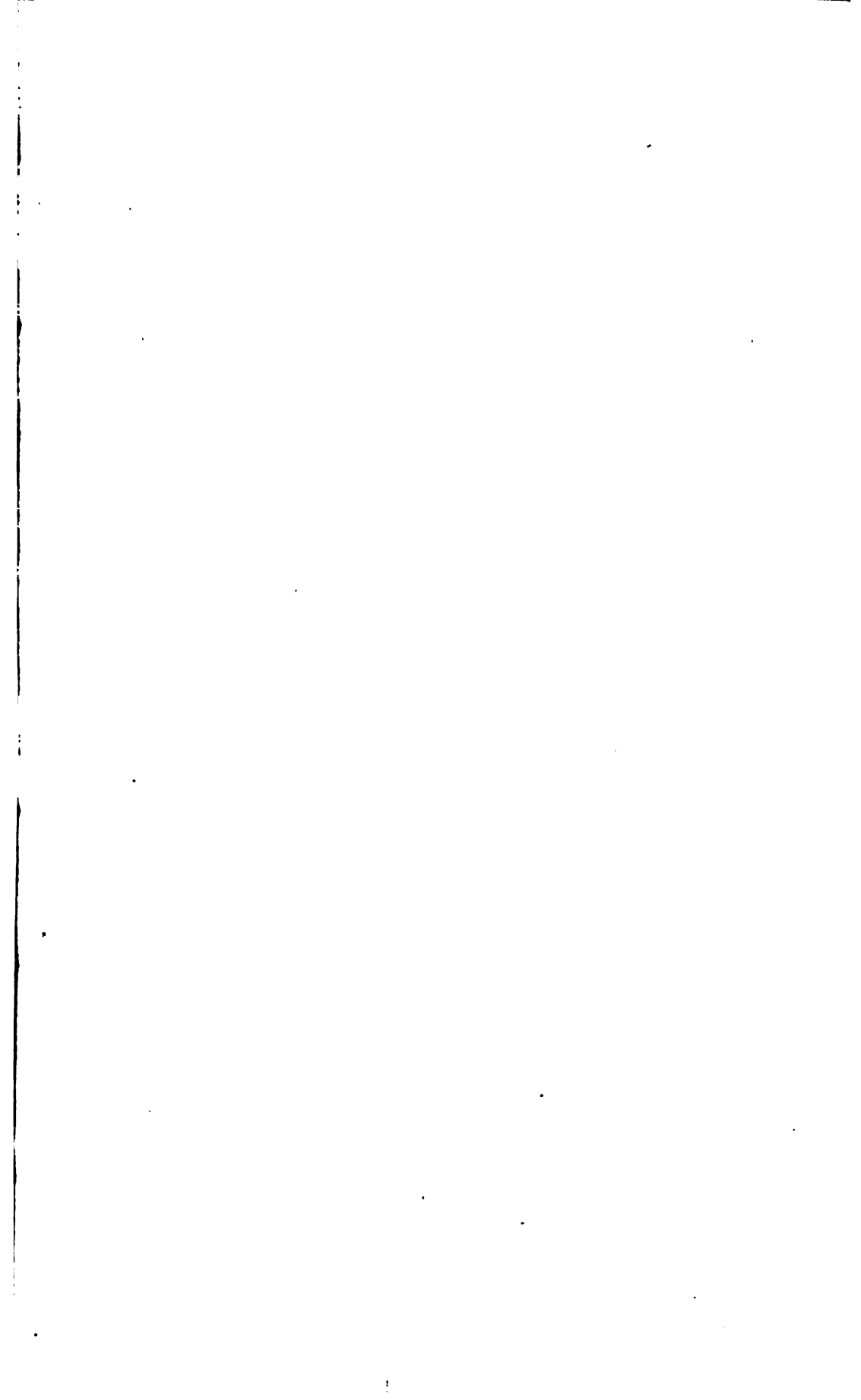
Peenenti un itahjas šehfā ar 20. aprili, 1913. g.

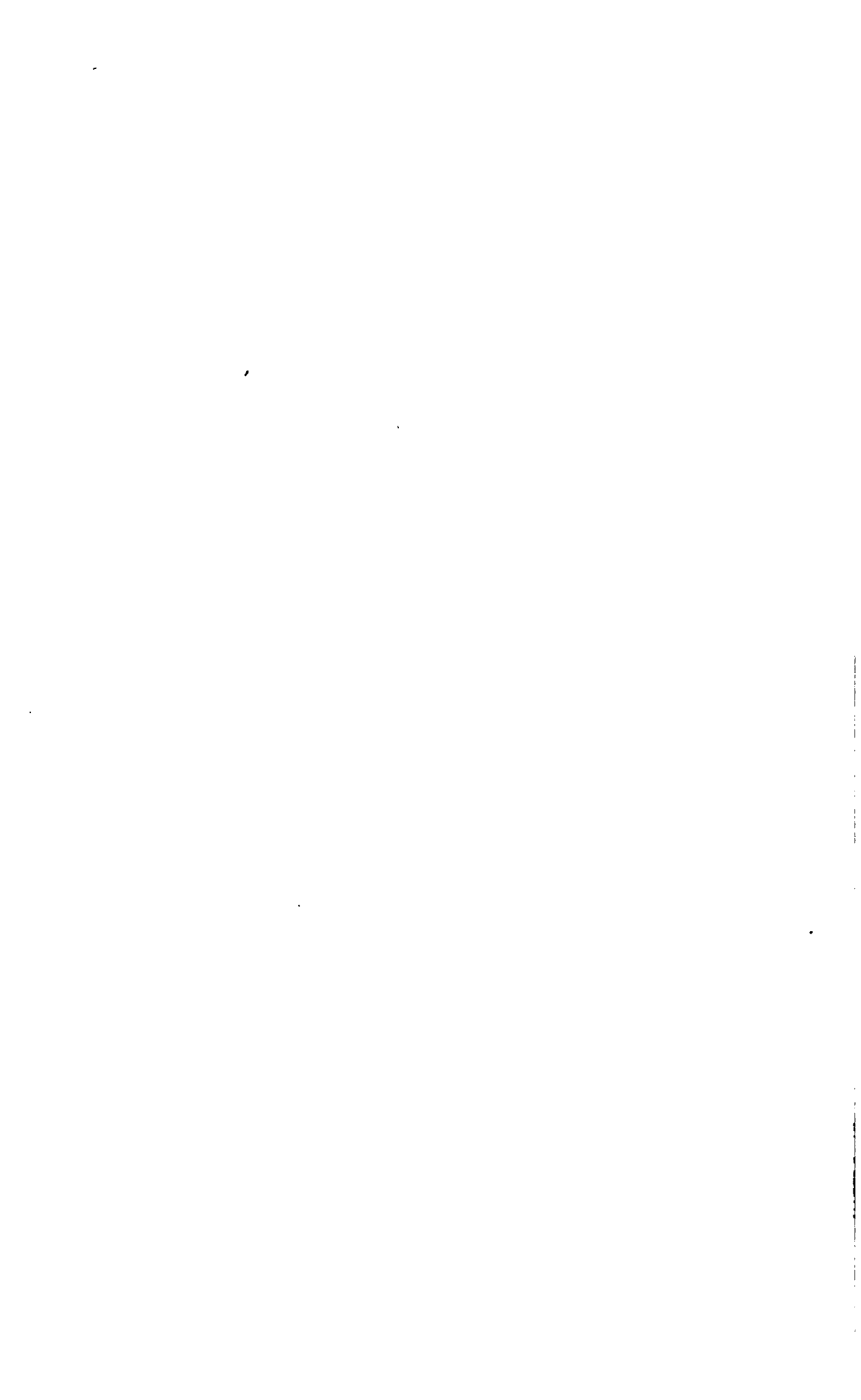
Bought with the income of
THE
SUSAN A. E. MORSE FUND
Established by
WILLIAM INGLIS MORSE
In Memory of his Wife

Harvard Colleg

І Ю Л Ъ .

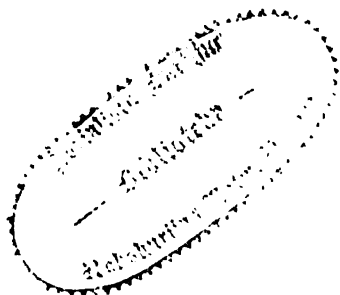
1908.

РУССКОЕ БОГЯТСТВО

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 7.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Первой Слб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34.
1908.

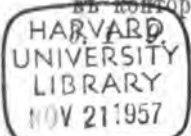
~~K 56 722~~
P Slay 620.5

(1908)
7/8

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учреждений.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басквой ул.*,

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 руб.; при перемѣнѣ же иногороднаго на петербургскій—65 коп.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 15 числа наждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія уничтожаются.

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТРАН.
1. Стѣны. (Очерки военной жизни). Вячеслава Артемьева	1— 23
2. Матери. Стихотвореніе. Бориса Лойко	24
3. Разладъ. Разсказъ. С. Подъячева	25— 64
4. Очерки изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей декабристовъ. V—VII. В. Семевского.	65—100
5. Италія. С. Елматьевского.	101—131
6. Дореформенный институтъ и преобразованія Н. Д. Ушинскаго. (Изъ личныхъ воспоминаній). Е. Водозовой	132—154
7. Соблазнъ. Романъ. Вильгельма Гегелера. Переводъ съ нѣмецкаго А. М. Брумберга.	155—188
8. Тайфунъ. Стихотвореніе. А. Федорова.	188
9. „Хорошіе“ и „плохіе“ у Л. Андреева. А. Е. Рыдько.	1— 17
10. Изъ общественной жизни на Украинѣ. С. Ефремова.	17— 57
11. Первая брешь. (Письмо изъ Германіи). Р. Бланка.	57— 75
12. Въ поискахъ за смысломъ жизни. Діонео.	76—109
13. Въ глухомъ переулкѣ. А. Петрищева.	109—139
14. На очередныя темы. Изъ матеріаловъ земельной анкеты: I. „И какъ это начальство позволяетъ?“— II. Свободная игра интересовъ при административномъ содѣйствіи. — III. Кое-какія недоразумѣнія. А. Пъшехонова	139—160
15. Хроника внутренней жизни. 1. Окончаніе думской сессіи. Оптимистическіе итоги. Кому и чему Дума помогаетъ?—2. Дума и неотложныя реформы. Рыковская катастрофа. Процессы россійскихъ санта-	

(См. на оборотѣ .

- федитовъ. Безудержный оптимизмъ. *А. Петри-
щева* 160—170
16. Тэнъ передъ судомъ Олара. *Н. Каръева*. 170—181
17. Новыя книги:
 Андрей Бѣлый. Кубокъ метелей.—Федоръ Сологубъ.
 Мелкій бѣсъ. — Н. Каръевъ. Введение въ изученіе
 социологіи.—Карлъ Каутскій. Карлъ Марксъ и его исто-
 рическое значеніе. — К. Кульчицкій (Мазовецкій). Авто-
 номія и федерація въ современныхъ конституціонныхъ
 государствахъ.—М. Шанинъ. Муниципализація или раз-
 дѣлъ въ собственность?—Людвигъ Кульчицкій. Анархизмъ
 въ современномъ социальномъ-политическомъ движеніи въ
 Россіи.—Проф. Авг. Форель. Половой вопросъ.—Новыя
 книги, поступившія въ редакцію 181—203
18. Петръ Исаевичъ Вейнбергъ (некрологъ). *П. Яку-
бовича* 204—207
19. Отчетъ конторы редакціи.
20. Объявленія.

Изданія редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

(С.-Петербургъ—контора журнала „Русское Богатство“, Васкова ул., 9;
Москва—отдѣленіе конторы, Никитскія Ворота, д. Гагарина).

Выписывающіе книги въ провинцію на сумму не меньше 1 рубля пользуются даровой пересылкой. Книжнымъ магазинамъ — уступна 25% при пересылкѣ книгъ на ихъ счетъ.

Н. Авксентьевъ. ВЫБОРЫ НАРОДНЫХЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ. Изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 коп.

С. А. Ан—скій. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Изд. 1894 г.—150 стр. Ц. 80 к.

П. Булыгинъ. РАЗСКАЗЫ. Изд. 1902 г.—482 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Григорій Бѣлорѣцкій. БЕЗЪ ИДЕИ (Изъ рассказовъ о русско-японской войнѣ). 1906 г. 207 стр. Цѣна 75 коп. Безъ идеи.—Безъ настроенія.—Въ чужомъ пиру.—Химера.

П. Голубевъ. ПОДАТНОЕ ДѢЛО. 1906 г. 32 стр. Цѣна 8 к.

Джонс. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИИ. Изд. 1903 г.—558 стр. Ц. 1 р. 50 к.

— АНГЛІЙСКІЕ СИЛУЭТЫ. Изд. 1905 г. 501 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Характеръ англичанъ.—Англ. полиція.—Возрожденіе протекціонизма.—Ирландскій „ледоходъ“.—Земля.—Женскій трудъ.—Дѣтскій трудъ.

— НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ И ЖИЛИЩА. Изд. второе 1906 г. 16 стр. Цѣна 4 коп.

— СВОБОДА ПЕЧАТИ. 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

В. І. Дмитріева. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ. 1906 г. 312 стр. Цѣна 1 руб. Гомочка.—Подъ солнцемъ юга.

В. Я. Нокосовъ. РАЗСКАЗЫ О КАРИЙСКОЙ КАТОРГѢ. 1907 г. 317 стр. Ц. 1 р. «Не нашъ».—Воспоминанія врача.—Практика.—Искусники.—Трофимычъ.—Ласковый.—Яшка.—Н. Г. Чернышевскій.

Владиміръ Короленко. ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ. Книга I. *Двадцатое* изд. 1908 г.—403 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ дурномъ обществѣ.—Сонъ Макара.—Лѣсъ шумитъ.—Въ ночь подъ свѣтлымъ праздникомъ.—Въ подслѣдственномъ отдѣленіи.—Старый звонарь.—Очерки сибирскаго туриста.—Соколинецъ.

— ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ. Кн. II. *Восьмое* изд. 1908 г.—411 стр. Ц. 1 р. 50 к. Рѣка играетъ.—На затмѣніи.—Атъ-Даванъ.—Черкесь.—За иконою.—Ночью.—Тѣни.—Судный день (юмъ-Кипуръ). Малор. сказка.

— ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ. Кн. III. *Четвертое* изд. 1907 г.—стр. Ц. 1 р. 25 к. Огоньки.—Сказаніе о Флорѣ, Агриппѣ и Менахемѣ, Іегуды.—Парадоксъ.—„Государевы ямщики“.—Морозъ.—Послѣдній лучъ.—Сина заимка.—Мгновеніе.—Въ облачный день.

— ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ. Наблюденія, размышленія и записки. *Шестое*, исправленное и дополненное, изд. 1907 г.—стр. Ц. 1 р.

— СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. Этюдъ. *Одинадцатое* изд. 1906 г.—200 стр. Ц. 75 к.

— БЕЗЪ ЯЗЫКА. Разсказъ. *Четвертое* изд. 1906 г.—218 стр. Ц. 75 к.

— ПИСЬМА КЪ ЖИТЕЛЮ ГОРОДСКОЙ ОКРАИНЫ. *Второе* изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 к.

— СОРОЧИНСКАЯ ТРАГЕДІЯ (по даннымъ судебного разслѣдованія). Изд. 1907 г. Ц. 10 коп.

— ОТОШЕДШІЕ. Объ Успенскомъ. О Чернышевскомъ. О Чеховѣ. Изд. 1908 г. Цѣна 40 коп.

Ө. Крюновъ. КАЗАЦКІЕ МОТИВЫ. 1907 г.—438 стр. Ц. 1 руб. Казачка.—Въ родныхъ мѣстахъ.—Станичники.—Изъ дневника учителя Васюлина.—Кладь.—Картинки школьной жизни.—Къ источнику исцѣлений.—Встрѣча.

Н. Е. Нудринъ (Н. С. Русановъ). ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. *Второе* изд. 1903 г.—612 стр. Ц. 1 р. 50 к. Народъ и его характеръ.—Наука, литература и печать.—Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ.—Дѣло Дрейфуса.—Идейное пробужденіе.

— ГАЛЛЕРЕЯ СОВРЕМЕННЫХЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ. Съ 12 портрет. Изд. 1906 г. 499 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пастъръ.—Доля.—Золя.—Клемансо.—Вальдекъ Руссо.—Комбъ.—Рошфоръ.—Жоресъ.—Гэдъ.—Анатоль Франсъ.—Поль Бурже.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). ИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМА. Изд. *третье*. 1906 г.—380 стр. Ц. 1 р.

— ФОРМУЛА ПРОГРЕССА Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО. НАУЧНЫЯ ОСНОВЫ ИСТОРИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ. 1906 г. 143 стр. Цѣна 40 коп.

— ЗАДАЧИ ПОЗИТИВИЗМА И ИХЪ РѢШЕНІЕ. Теоретики сороковыхъ годовъ въ наукѣ о вѣрованіяхъ. Изд. 1906 г.—143 стр. Ц. 40 к.

А. Леонтьевъ. РАВНОПРАВНОСТЬ. *Второе* изд. 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

— СУДЪ И ЕГО НЕЗАВИСИМОСТЬ. Изд. 1905 г. 24 стр. Ц. 5 к.

Ек. Лѣтнова. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ. Т. I. Мертвая зыбь. *Третье* изд. 1906 г.—222 стр. Ц. 1 р.

— ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ. Т. II (распроданъ).

— ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ. Т. III. Изд. 1903 г.—316 стр. Ц. 1 р. Рабъ.—Оборванная переписка.—На мельницѣ.—Облачко.—Безъ фамилии (Софья Петровна и Таня).

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. Т. I. *Четвертое* изд. 1907 г.—386 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ преддверіи.—Шелаевскій рудникъ.—Ферганскій орденъ.—Одиночество.

— ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Т. II. *Третье* изд. 1906 г.—402 стр. Ц. 1 р. 50 к. Съ товарищами.—Кобылка въ пути.—Среди сопологовъ.—Post-scriptum автора.

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Рассказы. Второе изд. 1903 г.— 367 стр. Ц. 1 р. Юность (изъ воспоминаній неудачницы).—Пасынки жизни.—Чортовъ яръ.—Любимцы каторги.—Искорка.—Не досказанная правда.—На китайской рѣкѣ.—Гая.

— ОЧЕРКИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ. Изд. 1904 г. — 406 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пушкинъ.—Некрасовъ.—Фетъ.—Тютчевъ.—Надсонъ. — Современныя миниатюры.—О старомъ и новомъ настроеніи.

— ВМѢСТО ШЛИССЕЛЬБУРГА. I. Вѣсти изъ политической каторги. I. Мелешина. — II. На Амурской колесной дорогѣ. P. Бравская. Изд. 1906 г.—40 стр. Ц. 8 коп.

В. А. Милотинъ. ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА. Изд. второе 1906 г.—400 стр. Ц. 1 р. 25 к. Протопопъ Аввакумъ.—Кн. Щербатовъ.—На зарѣ русской общественности (Радищевъ).—Изъ Пушкинской эпохи.—Т. Н. Грановскій.—К. Д. Кавелинъ.—Памяти Глѣба Успенскаго.—Памяти Н. К. Михайловскаго.

— НАДО ЛИ ИДТИ ВЪ ДУМУ. Изд. второе 1906 г. 40 стр. Цѣна 10 коп.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть (изъ холерной эпидеміи 1892 г.). Изд. 1898 г.—236 стр. Ц. 1 р.

А. А. Николаевъ. КООПЕРАЦІЯ. Изд. 1906 г. 56 стр. Ц. 10 к.

А. Б. Петрищевъ. ЦЕРКОВЬ И ШКОЛА. Изд. 1906 г. Ц. 15 к.

— ДВА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХЪ ЗАКОНА. Спб. 1907 г. Ц. 10 к.

С. Подъячевъ. Т. I. МЫТАРСТВА.—Изд. 1905 г.—296 стр. Ц. 75 коп.—Московский рабочий домъ.—По этапу.

— Т. II. СРЕДИ РАБОЧИХЪ.—Изд. 1905 г.—287 стр. Ц. 75 к.

А. В. Пѣшеховъ. ЗЕМЕЛЬНЫЯ НУЖДЫ ДЕРЕВНИ. Основные задачи аграрной реформы. Изд. третье 1906 г.—155 стр. Цѣна 60 к.

— КРЕСТЬЯНЕ И РАБОЧІЕ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Изд. третье безъ перемѣнъ. 1906 г. 64 стр. Ц. 25 к.

— ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВІЯ. Второе изд. 1906 г. 80 стр. Ц. 30 к.

— ХЛѢБЪ, СВѢТЬ и СВОБОДА. Четвертое изд. 1906 г. 84 стр. Ц. 10 к.

— АГРАРНАЯ ПРОБЛЕМА въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ. Изд. 1906 г. 135 стр. Ц. 40 к.

— СУЩНОСТЬ АГРАРНОЙ ПРОБЛЕМЫ. Отдѣльный оттискъ изъ книги „Аграрная проблема“. 1906 г. 32 стр. Ц. 6 к.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ. 1906 г. 103 стр. а 95 коп.

КАНУНЪ. Изд. 1906 г. 214 стр. Ц. 60 к.

ПРОГРАММНЫЕ ВОПРОСЫ. Вып. I. Основные положенія.

Вып. II. Историческія предпосылки. Ц. 10 коп.

С. А. Савинкова. ГОДЫ СКОРБИ (Воспоминанія матери). Изд. 1906 г. 64 стр. Ц. 15 коп.

П. Тимофеевъ. ЧѢМЪ ЖИВЕТЪ ЗАВОДСКІЙ РАБОЧИЙ. 1906 г. 117 стр. Ц. 40 к.

Карль Шурцъ. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ НѢМЕЦКАГО РЕВОЛЮЦІОНЕРА. 1907 г.—132 стр. Ц. 30 к.

Викторъ Черновъ. МАРКСИЗМЪ и АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ. Историко-критическій очеркъ. Ч. I Изд. 1906 г. 246 стр. Ц. 75 к.

Б. Эфруси. ОЧЕРКИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. Второе изд. 1906 г.—274 стр. Ц. 1 руб.

С. Н. Южаковъ. «ДОБРОВОЛЕЦЪ ПЕТЕРБУРГЪ». Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Изд. 1894 г.—350 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ странѣ хунзузовъ и тумановъ. — На теплыхъ водахъ.

П. Я. — П. Якубовичъ (Л. Мельшинъ). СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. I. (1878—1897 гг.). Пятое изд. 1903 г.—282 стр. Ц. 1 р.

— СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. II. (1898 — 1905). Третье, дополненное, изд. 1906 г.—316 стр. Ц. 1 р.

Въ конторѣ «Р. Б.» продаются и нѣкоторыя чужія изданія:

РУССКАЯ МУЗА. Составилъ П. Я. Стихотворенія и характеристики 132 поэтовъ. Красивый компактный томъ въ два столбца; около 40.000 стиховъ. Переработанное и дополненное изданіе. 1908 г. Ц. 1 р. 75 к.

Галерея шлиссельбургскихъ узниковъ. Съ 29 портретами, 30 биографіями. Изд. 1907 г. въ пользу бывшихъ шлиссельб. узниковъ. Цѣна 3 р.

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ШЛИССЕЛЬБУРГСКІЕ МУЧЕНИКИ. Весь чистый сборъ въ пользу бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ. Изд. 1906 г.—32 стр. Ц. 15 к.

М. Фроленко. МИЛОСТЬ. (Изъ воспоминаній объ Алексѣевскомъ равелинѣ). Изд. 1906 г. 16 стр. Ц. 10 к.

Вѣра Фигнеръ. СТИХОТВОРЕНІЯ. Изд. 1906 г. Ц. 20 к.

Въ защиту слова. СБОРНИКЪ СТАТЕЙ и СТИХОТВОРЕНІЙ. IV-е изданіе (удешевленное) безъ перемѣнъ. 225 стр. Ц. 75 к.

Эдмъ Шампльонъ. ФРАНЦІЯ НАКАНУНѢ РЕВОЛЮЦІИ по наказамъ 1789 года. 1906 г. 220 стр. Ц. 50 к.

Даніэль Стернь. ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦІИ 1848 г.—Изд. 1907 г. Два тома, по 75 к. каждый.

С. Н. Южаковъ. ВОПРОСЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ. Цѣна 1 р. 50 к.
— СОЦИОЛОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ. Т. II (т. I распроданъ). Цѣна 1 руб. 50 коп.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). НАРОДНИКИ и ПРОПАГАНДИСТЫ. Цѣна 1 руб.

С Т Ъ Н Ы.

(Очерки.)

XV.

Послѣ вѣнчанія Торбѣевъ чувствовалъ себя самымъ счастливымъ человѣкомъ въ мірѣ. Обладать красивымъ, стройнымъ, теплымъ тѣломъ любимой женщины казалось ему такимъ необыкновеннымъ счастьемъ, больше котораго онъ не могъ себѣ представить. Въ тиши ночи онъ часто вставалъ и смотрѣлъ на спящую жену, любуясь изгибами ея тѣла, красотой закрытыхъ глазъ, полуоткрытой грудью, потомъ будилъ ее, и она улыбалась ему сонной улыбкой любящей женщины.

Всюду, гдѣ только онъ ни былъ, онъ думалъ о ней, воображалъ, какъ она сидитъ одна безъ него въ пустой комнатѣ, какъ скучаетъ и ждетъ его.

Состояніе остраго счастья продолжалось цѣлую недѣлю.

На восьмой день у нихъ произошла ссора, или, скорѣй, маленькая размолвка изъ-за какого-то пустяка, которая омрачила безоблачное состояніе семейнаго неба. Мужъ хотѣлъ показать нѣкоторую самостоятельность, твердость характера и не уступилъ. Леночка расплакалась, надулась, и ея красивое лицо сразу испортилось гримасой злобы. Онъ посмотрѣлъ на это новое, совершенно незнакомое ему выраженіе и испугался. Онъ еще никогда не видѣлъ такой Леночку, и это первое проявленіе тайныхъ свойствъ небеснаго созданія заставило его вдругъ задуматься и пристальнѣй всмотрѣться въ жену, которую онъ привыкъ видѣть только веселой, воздушной, счастливой, улыбающейся...

Впрочемъ, они быстро помирились. Но за первой ссорой вскорѣ послѣдовала вторая. Леночка раскричалась визгливымъ голосомъ, который живо напомнилъ Торбѣеву ея сварливую старуху-мать, потомъ бросилась на диванъ, и съ ней сдѣлалась истерика.

— Отвези меня домой! — кричала она такимъ неприлично-пронзительнымъ голосомъ, что онъ испугался, какъ бы не услышали въ сосѣднихъ квартирахъ.

— Леночка,—просилъ онъ умоляюще,—успокойся. Дорогая, успокойся. Я все сдѣлаю такъ, какъ ты хочешь. Все будетъ по-твоему.

— Не хочу!—кричала Леночка, сама не помня себя отъ злости.—Зачѣмъ ты меня ваялъ замужъ? Ты меня обманулъ. Взялъ, чтобы мучить. Я пойду домой. Я не могу ни минуты оставаться въ этой квартирѣ.

— Леночка!..—умолялъ Торбѣевъ, стоя на колѣняхъ и цѣлуя ея руки.

Но она вырвалась, надѣла ретонду и ушла домой. Вечеромъ она вернулась, веселая, сіяющая, какъ будто рѣшительно ничего не случилось, расцѣловала мужа, назвала его котикомъ и милашкой,—и миръ былъ окончательно восстановленъ.

— Ну, что же? — спрашивали товарищи. — Хорошо женатому?

— Да, я очень счастливъ, — отвѣчалъ Торбѣевъ, дѣлая довольное лицо.—Развѣ можно сравнить холостую жизнь съ моей теперешней?

Но онъ самъ сознавалъ, что кривилъ душой. Безпокойный характеръ жены его угнеталъ и заставлялъ каждый день сильнѣе тревожиться. Это былъ пустой, взыбаломощный ребенокъ, который не терпѣлъ ни въ чемъ отказа, которому бракъ представлялся безконечной серіей поцѣлуевъ при лунѣ. Она ждала отъ брака исключительно удовольствія, не подозревая того, что онъ накладываетъ на нее и тяжелыя узы обязанностей.

Черезъ два мѣсяца стало нехватать жалованья. Выпадали такіе дни, что не на что было купить хлѣба.

— Какъ же ты расходуешь деньги? — удивлялся Торбѣевъ.—Вѣдь ты же должна слѣдить... Нельзя же такъ...

Леночка страшно сердилась, хватала записную книжку и два дня записывала каждый расходъ. На третій день такое занятіе ей надоѣдало, она надѣвала шелковое платье, шла танцевать въ офицерское собраніе и порхала тамъ, счастливая и веселая, до самаго утра, восхищая офицеровъ своею граціей и фигурой Діаны.

— Ну и подцѣпилъ Торбѣевъ жену, — завидовали многіе.—Огонь! Красавица! Все отдашь.

Мужъ терзался ревностью, стоя у притолки двери и глядя на порханія Леночки.

— И охота тебѣ плясать,—говорилъ онъ въ шесть часовъ утра послѣ бала, снимая сапоги.

— Ахъ, какъ было весело!—болтала Леночка.—Этотъ Чубуковскій такой милый, такая душка.

— Идиотъ, прохвость! — говорилъ съ досадою Торбѣевъ, блѣднѣя отъ злости.

— Это ты, Сашокъ, изъ ревности. И не глупо ли ревновать? Онъ просто мальчикъ. Неужели ты меня можешь ревновать къ ребенку?

— Хорошъ мальчикъ. Живетъ съ женой товарища.

— Фи, какія гадости! Какія мерзкія сплетни. И ты это еще повторяешь.

— Ну, оставь, пожалуйста,—прерывалъ Торбѣевъ и за-вертывался въ одѣяло, чтобы не слушать.

— Тоже осуждаешь людей,—ворчала Леночка.— А самъ то какой былъ. Самъ ѣздилъ къ женщинамъ. Ты пальца ноги моей не стоишь.

— Леночка!—говорилъ Торбѣевъ плачущимъ голосомъ.— И не стыдно тебѣ меня упрекать. Развѣ я тебѣ самъ не говорилъ про это? Развѣ ты мнѣ не обѣщала все забыть? Это подло съ твоей стороны!

Разговоръ обострялся, и дѣло кончалось истерикой и обѣщаніемъ утопиться.

„Это она въ интересномъ положеніи, — утѣшалъ себя Торбѣевъ.— Она милая, добрая. Правда, она мало развита, но моя обязанность развить ее, сдѣлать изъ нея отшлифованный брилліантъ“.

— Леночка,—сказалъ онъ какъ-то разъ.— Отчего ты мало читаешь? Вѣдь это очень интересно. Вотъ прочитай, напри-мѣръ, для начала—Кольцова... его народныя пѣсни.

— Да я съ удовольствіемъ, — сказала Леночка, переста-вая смотрѣть въ окно.— У меня даже въ коммодѣ лежитъ пѣсенникъ, гдѣ есть стихотвореніе Кольцова. Не помню, какъ начинается... Въ серединѣ только помню... Какъ это...

Офицерикъ молодой,
Проведи меня домой,
Мой домъ на горѣ,
Три окошка на дворѣ...

— Ну, это ты не изъ той оперы,—прервалъ мужъ.

— А скажи,—заинтересовалась Леночка,—были писатели совсѣмъ простыя?

— Какъ это простыя? Ты хочешь сказать, народные, пи-сатели изъ народа?

— Ну, да. Ну, да. Вотъ именно простыя, которые умѣли только читать и писать.

— Но они старались себя развивать, учились. Всякій че-ловѣкъ обязанъ учиться. Ты тоже можешь себя развить

чтениемъ. Вотъ прочти, на примѣръ, Короленка „Въ дурномъ обществѣ“. Интересный и трогательный рассказъ изъ жизни дѣтей. Я безъ слезъ не могъ читать. Хочешь, я сегодня же достану эту книгу, и мы вечеромъ прочтемъ вмѣстѣ.

— Хорошо,—согласилась Леночка.

Вечеромъ Торбѣевъ сидѣлъ на диванѣ, обнявъ одной рукой жену, а въ другой держалъ книгу и читалъ, очень волнуясь въ сильныхъ мѣстахъ. Но на Леночку, къ его великому удивленію, рассказъ не произвелъ ни малѣйшаго впечатлѣнія. Все время она черезъ силу сдерживалась, чтобы не зѣвнуть, а въ концѣ не выдержала и зазѣвала громко во весь ротъ, даже испугавъ Торбѣева.

— Леночка, — сказала онъ укоризненно, — неужели это тебя не интересуетъ?

— Нѣтъ, ничего,—отвѣтила жена, покраснѣвъ.—А только я думала, что это про любовь. Вотъ я читала... очень интересное... Какъ это... Вотъ прелесть! Переплетъ такой коричневый, и книга толстая, толстая... Да, „Тайны парижскаго двора“... Ты себѣ представишь не можешь, какъ это интересно. Вотъ достань мнѣ, пожалуйста!

Торбѣевъ съ испугомъ посмотрѣлъ на красивое лицо жены и въ первый разъ послѣ свадьбы отчетливо и съ ужасомъ понялъ, что ошибся въ ней. Передъ нимъ сидѣла пустая, глухая, красивая кукла, и сознание связанности съ нею на всю жизнь обдало его холодомъ.

— Не можетъ быть, не можетъ быть!—твердилъ онъ мысленно, боясь даже думать объ этомъ дальше.

— Чего ты на меня такъ странно смотришь? — сказала Леночка и засмѣялась красивой, изящной улыбкой, какой она постоянно улыбалась всѣмъ знакомымъ офицерамъ.

— А скажи мнѣ,—продолжала она, вдругъ сдѣлавъ ласковое лицо кошечки.—Скажи, котикъ, только не сердись... Дай мнѣ слово, что не будешь сердиться.

— Ну?

— Дай слово.

— Ну, хорошо, даю.

— Скажи, котикъ, когда ты былъ у женщинъ... знаешь, у этихъ... женщинъ. Что, какія онѣ? Расскажи все подробно.

Торбѣевъ съ неудовольствиемъ пожалъ плечами и сказалъ:

— Охота интересоваться такими глупостями.

— Нѣтъ, котикъ, скажи,—не унималась Леночка.—Меня очень интересуетъ, какъ онѣ живутъ. Какъ, что? Ну, вотъ, ты, на примѣръ, приходишь... и что же дальше?

— Ахъ, отстань.

— Ну, голубчикъ, душончикъ. Скажи, пожалуйста.

— Вотъ странное дѣло. Онѣ такіе же люди, какъ и ты. Это несчастныя созданія, доведенныя голодомъ и безработицей до такого положенія. Что же тутъ особенно интереснаго? Если хочешь, я тебѣ достану рассказъ Чехова на эту тему, изъ котораго ты можешь узнать все подробно и лучше, чѣмъ я расскажу.

Леночка сразу оживилась и обрадовалась.

— Гдѣ, гдѣ? — спросила она. — Достань, пожалуйста, достань.

— Хорошо, принесу завтра.

— Это совсѣмъ не то, что я думала, — сказала Леночка разочарованно, прочитавъ рассказъ, и почему-то надулась.

Съ ней такія переменны бывали ежедневно. Съ утра она щебетала, бѣгала, хохотала, какъ безумная, а къ вечеру рыдала безо всякой причины такъ громко, что слышно было въ сосѣднихъ квартирахъ. Денегъ съ каждымъ мѣсяцемъ не хватало. Пришлось закладывать часы, кольца, даже образа.

И вотъ разъ случилось, что и заложить было нечего.

— Леночка, — сказалъ Торбѣевъ. — Попроси у денщика двадцать копѣекъ. Только не говори, что мнѣ, а то неловко.

Жена пошла въ кухню, и онъ услышалъ слѣдующій разговоръ:

— Кулебякинъ, — сказала Леночка, — дай, пожалуйста, копѣекъ двадцать.

— Вы, барыня, и такъ наемни рупь заняли и до сихъ поръ не отдали.

— Да это не мнѣ, а барину, — сказала Леночка.

— Обманываете, барыня. Нѣтъ у меня денегъ.

— Зачѣмъ же ты занимала у него? — разсердился Торбѣевъ.

Леночка, въ свою очередь, разсердилась, и опять произошла неприятная семейная сцена. Леночка бросилась лицомъ въ подушку и, натянувъ на себя одѣяло, рыдала три часа.

Торбѣевъ ушелъ изъ дому и долго гулялъ по полотну желѣзной дороги, серьезно подумывая о томъ, не броситься ли подъ поѣздъ. Потомъ онъ вспомнилъ безпомощную, плачущую Леночку, и острая жалость охватила все его существо. Онъ бѣгомъ бросился домой и началъ осыпать ее поцѣлуями, стараясь отнять ея руки отъ лица.

— Леночка, Леночка, — безумно шепталъ онъ. — Дорогая!

Она отняла руки отъ непророхшаго лица, улыбнулась и сказала:

— Джикъ, купи мнѣ плитку шоколаду.

Приближалось время родовъ. Леночка трусила, подолгу молилась Богу и спрашивала мужа:

— Котикъ, ты даешь мнѣ слово, что не женишься, если я умру.

— Какія глупости!—говорилъ Торбѣевъ.

— Нѣтъ, я чувствую,—повторяла она со слезами,—что умру. Непремѣнно умру.

— Это говорятъ въ такихъ случаяхъ всѣ женщины,—успокаивалъ Торбѣевъ.

— Нѣтъ, у меня предчувствіе.

Она ходила вялая, грустная, растрепанная, и все время приготовлялась къ смерти.

— Шевелится,—говорила она со страхомъ, прикладывая руку мужа къ своему животу.—Слышишь, какъ шевелится? Если будетъ мальчикъ, мы назовемъ его въ честь тебя Сашей.

Въ тотъ же вечеръ она благополучно родила дѣвочку.

Торбѣевъ опустился на колѣни и не могъ удержать слезъ при видѣ маленькаго, беспомощнаго комочка мяса, копошившагося въ крови на простынѣ у ногъ матери.

— Моя дочь!—думалъ съ умиленіемъ, жалостью и восторгомъ.—Моя дочь! Моя дочь!

XVI.

Послѣ родовъ Леночка быстро оправилась, и красота ея стала еще пышнѣй, какъ красота совершенно распутившейся махровой розы; но семейныя несогласія вспыхивали все чаще, и съ каждымъ разомъ дѣлались продолжительнѣй и острѣй. Мужъ и жена стали чужіе другъ другу.

Торбѣевъ молча таилъ страданіе, и здоровье его отъ постоянныхъ нервныхъ потрясеній распатывалось. Зимой онъ, къ тому же, схватилъ простуду. Онъ блѣднѣлъ, худѣлъ и часто чувствовалъ во всемъ тѣлѣ ноющую лѣнь, точно кто-то вытянулъ изъ него часть той жизненной силы, которая заставляетъ думать и дѣйствовать. Иногда ему казалось, что сердце у него перестаетъ биться, точь-въ-точь какъ испорченный механизмъ въ часахъ. Въ такія минуты мысль о смерти огненной змѣей пронзала все его существо, и Торбѣевъ начиналъ быстро бѣгать по комнатѣ, отчего сердце начинало колотиться съ такой быстротой, что онъ хватался рукой за грудь, точно стараясь хоть на минуту задержать его біеніе.

— Неврастенія, батенька,—говорилъ докторъ.— Нужно

больше гулять, больше развлекаться, избѣгать огорченій. Поѣзжайте на кумысь.

Но избѣгать огорченій стало трудно. Иногда ему дѣлался противнымъ даже видъ своей квартиры, исцарапанный ножами обѣденный столъ, стулья съ дырками, усталое, старое лицо тещи, которая приходила каждый день, и красиво-холодное лицо жены, которая по-прежнему, какъ будто, не замѣчала семейнаго разлада.

— И неужели это будетъ такъ сегодня, завтра, всегда?— съ ужасомъ думалъ Торбѣевъ.— Неужели это уже непоправимо? Неужели это конецъ?

И какой-то внутренній голосъ отвѣчалъ ему: „да, это непоправимо, это конецъ“.

Поданъ вечерній чай, выползаетъ теща, которая такъ трудолюбива, что вяжетъ чулокъ даже на улицѣ. Первые стаканы и чашки выпиваются молча. Только шипитъ и жалобно пищитъ самоваръ, да тикаютъ часы. Теща звѣкаетъ во весь ротъ.

— Звѣается,—говоритъ она.— Кабы звѣвалось, да продавалось, много бы денегъ было!..— острить она и смѣется.

Послѣ чаю старуха беретъ карты и раскладываетъ пасьянсъ, всегда одинъ и тотъ же, или гадаетъ.

— Мама, погадай мнѣ,—проситъ Леночка.

Старуха, не спѣша, тасуетъ колоду и говоритъ:

— Карты, не мнѣ скажите правдочку, а вотъ ей! — и раскладываетъ.— Тебѣ предстоятъ какія-то трефовыя хлопоты въ червонномъ домѣ, — бормочетъ она, глядя поверхъ очковъ.— Свиданіе съ червями... дальняя дорога къ бубновому королю... Успокоить сердце... Только вотъ тутъ неприятность.

Она глубоко вздыхаетъ, складываетъ колоду и опять тасуетъ.

— А послѣ обѣда,—говоритъ Леночка,—я видѣла во снѣ воровъ. Воровъ видѣтъ нехорошо, тоже означаетъ неприятность...

И Торбѣеву опять приходитъ въ голову ужасная мысль, что жизнь его непоправимо испорчена и несчастна.

Когда въ полку говорили о томъ, что Торбѣевъ боленъ, никто не рѣшался произнести страшное слово „чахотка“.

Но когда онъ, осунувшійся и желтый, приходилъ въ полковую канцелярію, — всѣ смотрѣли на него какъ то особенно ласково и пристально, какъ на человѣка, приговореннаго къ казни. Становилось жутко отъ этихъ взглядовъ. Торбѣевъ догадывался, что боленъ сержеано, но мысль о смерти была далека отъ него.

— Вамъ слѣдуетъ, однако, застраховать свою жизнь, — посоветовалъ командиръ полка, когда Торбѣевъ явился къ

нему однажды съ рапортомъ.—Общество „Унионъ“—прекрасное общество, я самъ тамъ застрахованъ.

Отъ этого совѣта у Торбѣева захватило духъ, и по кожѣ побѣждалъ морозъ испуга.

— Неужели я такъ плохъ? — думалъ онъ со страхомъ, когда шелъ домой. Дома онъ взялъ зеркало и долго со вниманіемъ изучалъ свое лицо.—Немножко похудѣлъ,—думалъ онъ,—но все-таки еще не очень. Если у меня даже и чахотка, то вѣдь и чахоточные выздоравливаютъ, нужно только вести правильный образъ жизни.

И онъ каждое утро мѣшалъ ложкой яичные желтки съ сахаромъ и ромомъ и пилъ эту смѣсь черезъ два часа. Цѣлый день глоталъ порошки, пилюли, капли и настойки изъ травъ. За два мѣсяца болѣзни онъ перечиталъ всѣ учебники и такъ изучилъ болѣзнь, что могъ бы самъ съ успѣхомъ лѣчить больныхъ грудью.

— Бѣдный, бѣдный, — говорили про него при встрѣчѣ полковныя дамы,—навѣрно, скоро умереть. Жена и ребенокъ!.. Докторъ говоритъ, что у него осталось только лѣвое легкое.

— Вамъ бы въ санаторію,—совѣтовала Марья Ивановна.— Вотъ, представьте, наши знакомые въ Петербургѣ, Грундины... бо-огатѣйшіе... миллионеры... Такъ вотъ у нихъ была дочь больна, тоже чахотка... Она въ санаторіи въ первый же мѣсяцъ пополнила на одинъ пудъ и пятнадцать фунтовъ. Узнать было нельзя! Физиономія... вотъ такая!

И Марья Ивановна разводила руками на аршинъ.

— Вамъ бы поѣхать поклониться мощамъ святого старца Серафима Саровскаго,—совѣтовала командирша.

— Я какъ-то читала въ газетахъ,—говорила Анна Ларионовна, встрѣтивъ въ садикѣ Торбѣева,—что какой-то итальянскій ученый или профессоръ, ужъ не помню, изобрѣлъ сыворотку отъ грудныхъ болѣзней. Вотъ бы вамъ поѣхать.

Торбѣевъ тупо слушалъ совѣты и молчалъ. Ему становилось тяжело общеніе съ людьми, разговоры, обязательные улыбки, рукопожатія. Когда сидишь одинъ у себя дома въ комнатѣ, и окна завѣшаны темными занавѣсками,—кажется, что не такъ тяжело. Поэтому онъ старался рѣже показываться людямъ и все думалъ, думалъ безъ конца.

Ночью его била лихорадка, пульсъ дѣлался слабый, какъ у цыпленка, душилъ кашель.

Нужно, думалъ онъ, поѣхать къ специалисту посоветоваться. Наши врачи плохи.

— Конечно, поѣзжай къ профессору,—сказала жена, съ безпокойствомъ слѣдившая за быстрымъ развитіемъ болѣзни.—Профессоръ, навѣрно, посоветуетъ что-нибудь.

Въ тотъ же день Торбѣевъ отправился въ губернский городъ.

Профессоръ былъ пожилой, совершенно лысый, толстый старикъ съ лицомъ разбогатѣвшаго, сытаго буржуа. Онъ долго ощупывалъ больного, выслушивалъ, тяжело сопя и не говоря ни слова. Потомъ положилъ молоточекъ, откинулся на спинку кресла и сказалъ загробнымъ голосомъ:

— Поѣзжайте въ Ялту, не теряя времени.

Онъ началъ разсказывать, что нужно дѣлать въ Ялтѣ, называлъ докторовъ, къ которымъ нужно обратиться. Чтобы выполнить все это, нужно было не менѣе тысячи рублей, которыхъ у Торбѣева не было.

— Это бесполезныя совѣты, — прервалъ Торбѣевъ, начиная сердиться. — У меня нѣтъ средствъ.

— Въ такомъ случаѣ, — сказалъ профессоръ, поднимая брови, — поступайте въ санаторію. Тамъ есть бесплатныя мѣста.

Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько указаній, которыя были давно извѣстны Торбѣеву, и умолкъ, давая понять, что конченъ.

Когда Торбѣевъ вышелъ на улицу, солнце свѣтило ярко, весело стучали колеса экипажей, бѣжали куда-то люди, кипѣла жизнь, а въ груди было такъ тѣсно, сердце стучало такъ мучительно, и откуда-то изъ глубины выплывалъ грозный вопросъ о жизни и смерти. Вечеромъ онъ поѣхалъ обратно, разстроенный и еще болѣе больной. Дома ему показалось все тоскливо и противно. За окномъ, на улицѣ, раздавался звонкій смѣхъ жены, которая кокетничала съ Чубуковскимъ.

— Я не любитель современной литературы, — говорилъ голосъ Чубуковского. — Толстой исписался, Чеховъ пишетъ пустячки...

— А Пушкинъ? — сказалъ голосъ Леночки. — Мнѣ ужасно нравится Пушкинъ. Вотъ, на примѣръ, „Герой нашего времени“...

— Да, но это старый писатель, онъ вѣдь умеръ...

— Ахъ, да! я и забыла, — поспѣшила поправиться Леночка.

Торбѣевъ съ силой захлопнулъ окно и легъ въ постель. Особенно тоскливо было ночью, когда сами собой приходили мысли о той неизвѣданной тѣмѣ, которая ожидаетъ насъ въ могилѣ. Онъ ясно представилъ свои похороны, свѣчи, пѣвчихъ, лицо священника. Страхъ охватывалъ его съ головы до ногъ, заставляя вскакивать съ постели и зажигать свѣчу.

— Неужели я умру? — думалъ онъ, хватаясь за пульсъ. —

Не можетъ быть! Не можетъ быть! Какіе пустяки. Это просто разстроены нервы.

Чтобы успокоиться, онъ бралъ книгу и читалъ мысли людей, которые давно умерли, и которые такъ же, какъ и онъ, терзались мыслью о смерти, пытаясь разрѣшить эту вѣчную загадку.

„Я пришелъ къ ненарушиму убожденію,—читалъ онъ,— что смерти нѣтъ, что жизнь не можетъ быть иная, какъ вѣчная, что безконечный прогрессъ есть законъ жизни, что всякая способность, всякая мысль, всякое стремленіе, вложенное въ меня, должно имѣть свое практическое развитіе, что мы обладаемъ идеями, мыслями, стремленіями, которыя далеко превосходятъ возможности нашей земной жизни, что самый тотъ фактъ, что мы обладаемъ ими и не можемъ прослѣдить ихъ происхожденіе отъ нашихъ чувствъ, служить доказательствомъ того, что они приходятъ въ насъ изъ области, находящейся внѣ земли и могутъ быть осуществимы только внѣ ея, что ничто не погибнетъ здѣсь на землѣ, кромѣ формъ, и что думать, что мы умираемъ, потому что умираетъ наша форма,—все равно, что думать, что работникъ умеръ, потому что орудія его изнасились“.

Торбѣевъ положилъ книгу и до утра размышлялъ надъ этимъ мѣстомъ.

XVII.

— Самое большое, ему осталось жить три дня,—сказалъ какъ-то въ полковой канцеляріи младшій врачъ Вагнеръ.

— Неужели нѣтъ надежды?—спрашивали кругомъ, и въ этихъ вопросахъ слышалась затаенная радость, что это не они больны, не они умираютъ, что они еще долго, долго, можетъ быть, десятки лѣтъ будутъ жить и наслаждаться жизнью.

— Что-жъ, всѣ помремъ,—сказалъ Яшъ, который говорилъ исключительно всѣмъ извѣстныя, неоспоримыя вещи.

— Умирать въ такихъ лѣтахъ, когда именно надо жить!—съ неодобреніемъ замѣтилъ командиръ полка.

И всѣ жалѣли Торбѣева холодной, равнодушной жалостью далекихъ, постороннихъ людей, для которыхъ положительно безразлично, что гдѣ-то какъ-то умираетъ „человѣкъ“.

Узнавъ, что Торбѣеву мало осталось жить, Коля Башневъ вдругъ, по какой-то совершенно необъяснимой причинѣ, рѣшилъ немедленно навѣстить его, хотя они считались въ ссорѣ и не разговаривали почти въ продолженіе года.

— Немножко страненъ будетъ мой визитъ, — думалъ Коля,—но я не могу поступить иначе.

Дѣйствительно, при видѣ его Леночка такъ растерялась, что не знала, о чемъ говорить и куда глядѣть.

— Давно вы у насъ не были,—сказала она краснѣя, хотя онъ еще ни разу не былъ у нихъ.

— Я пришелъ навѣстить Сашу,—сказалъ онъ, нисколько не смущаясь, глядя ей прямо въ глаза.

Онъ смотрѣлъ на Леночку и не испытывалъ теперь ни тѣни прежняго чѣвства къ ней, точно передъ нимъ стояла не Леночка, а женщина, которую онъ видѣлъ въ первый разъ въ жизни.

— Ему очень плохо,—сказала она съ выраженіемъ дѣтскаго страха.—Пройдите.

Коля вошелъ въ комнату больного, гдѣ стоялъ удушливый запахъ отъ лекарствъ, и чуть не вскрикнулъ. Онъ не видѣлъ Торбѣева три мѣсяца и теперь нашелъ, что ни одной прежней черты не осталось въ этомъ лицѣ безъ кровинки.

Передъ Колей сидѣлъ сгорбленный, казалось, шестидесятилѣтній старикъ съ сухими, какъ палки, торчащими волосами и огромными глазами, на которые уже смерть наложила свою печать. Они выпѣвли и потеряли блескъ. Онъ шевелилъ пальцами, перебирая простыню.

При видѣ Коли онъ не удивился, не обрадовался, точно они видѣлись только вчера. Онъ кивнулъ головой, показывая на стулъ, стоявшій рядомъ, и сказалъ хриплымъ, прерывающимся шопотомъ:

— Вотъ... только... немножко поправлюсь... сейчасъ же поѣду... на кумысъ. Мнѣ теперь уже значительно... лучше... Только вотъ... нервы... Какое бы средство... отъ нервовъ?

Коля чуть не заплакалъ отъ жалости и, чтобы сказать что-нибудь, произнесъ:

— Займитесь какимъ-нибудь любимымъ дѣломъ.

— Любимымъ дѣломъ?..—машинально повторилъ Торбѣевъ, видимо не понимая словъ.—Хочу... впрыскивать туберкулинъ,—черезъ силу прошепталъ онъ.—Говорять, какой-то... итальянскій... ученый...

Прошла въ молчаніи томительная минута.

— Плохо мнѣ, плохо,—вдругъ сказалъ больной съ отчаяніемъ въ голосѣ.—Вѣрно, скоро умру. Да... умру!

Коля взялъ его за руку, стараясь подавить волненіе, глотая слезы, и такъ сидѣлъ цѣлый часъ, пока Торбѣевъ не забылся.

Высвободивъ осторожно руку, онъ на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты, взволнованный и потрясенный.

Когда на слѣдующій день Башневъ пришелъ на квартиру Торбѣева, то еще изъ передней увидѣлъ гробъ, въ

которомъ лежало то неподвижное, инертное и страшное, во что послѣ смерти обращается человѣкъ.

Лицо у покойника было важное, строгое, какъ у святого. Леночка съ опухшими, красными глазами сидѣла у стола и, повидимому, никого не видѣла. Появились какія-то двѣ незнакомыя старухи того типа, безъ которыхъ не обходятся ни однѣ похороны.

— Выкушай кофеечку, — приставала къ Леночкѣ одна изъ нихъ. — Да поплачь, поплачь, легче будетъ.

— Покойничекъ такъ и умеръ во снѣ, — говорила другая, обращаясь къ Колѣ. — Все ѣхать собирался до самаго конца. Теперь его душенька здѣсь витаетъ съ нами... Сорокъ дней, сорокъ ночей такъ будетъ все витать... Намучился, сердешный. А какъ, вѣдь, умирать-то не хотѣлъ!

Похороны Торбѣева были обставлены съ необычайной торжественностью, какъ будто послѣ смерти ему сразу хотѣли отдать все то, чего онъ не имѣлъ при жизни.

Командиръ полка былъ большой любитель всякой помпы. Хоронить кого-нибудь было для него высшее удовольствіе. Тогда онъ совершенно преображался, терялъ свою солидность и безъ отдыха хлопоталъ. Онъ бѣгалъ то и дѣло на квартиру покойника, оттуда въ церковь, изъ церкви въ канцелярію, изъ канцеляріи на кладбище. Адъютантъ, съ портфелемъ подмышкой, никакъ не могъ поймать въ тотъ день полковника для подписи важныхъ бумагъ.

— Отецъ Андрей, — сказалъ командиръ, входя въ алтарь, — я надѣюсь, что скоро прибудетъ духовенство?

На лицѣ отца Андрея появилось выраженіе недоумѣнія.

— О какомъ духовенствѣ изволите говорить, господинъ полковникъ? — спросилъ батюшка. — Вѣдь, поскольку мнѣ извѣстно, въ полку я одинъ.

— Ка... къ? Почему нѣтъ духовенства? — вскипѣлъ полковникъ. — Чтобы было! Чтобы немедленно было, и въ полномъ облаченіи!

— Но... гдѣ же его взять?

— Гдѣ ваять? — Полковникъ на минуту задумался. — Вотъ что мы сдѣлаемъ. Капитанъ Ягъ, побѣжайте сейчасъ же въ городъ въ моей коляскѣ и пригласите всѣхъ священниковъ, какіе есть. Да чтобы въ полномъ облаченіи... Скажите, что командиръ полка... Поняли?

— Такъ точно.

— Сейчасъ же побѣжайте. Знаете, батюшка, чтобы поторжественнѣй. Нашъ генераль будетъ въ восторгѣ. Онъ, вѣдь, любить это. Вотъ, увидите сами, какъ онъ будетъ доволенъ...

И командиръ побѣжалъ на кладбище.

— Длиннѣе роите могилу, — говорилъ онъ солдатамъ. — Покойникъ былъ большого роста.

Похороны, дѣйствительно, вышли великолѣпныя. Погребальной колесницѣ предшествовалъ хоръ музыкантовъ и хоръ пѣвчихъ въ новыхъ суконныхъ костюмахъ съ нашивными галунами. Публики было множество. Всѣмъ хотѣлось послушать музыку, недавно разучившую новый похоронный маршъ, и посмотреть на рѣдкую церемонію. Вдова шла за гробомъ и по временамъ дико вскрикивала. Ее поддерживали подъ руки Яшъ и Олшинъ.

Коля находилъ почему-то неестественными эти крики...

— Притворяется, — думалъ онъ. — Плачетъ, кричитъ, а, небось, трауръ на шляпу не забыла нацѣпить.

Онъ вглядывался въ лицо Леночки и находилъ теперь въ немъ черты, которыхъ раньше не видѣлъ. Лицо было красивое, но сухое и жесткое. И онъ начиналъ чувствовать къ ней что-то въ родѣ ненависти, вспоминая ея нелады съ покойникомъ, о которыхъ зналъ весь полкъ. Онъ смотрѣлъ на нее, какъ на рисунокъ, сдѣланный имъ самимъ въ дѣтствѣ. Тогда все нарисованное казалось идеальнымъ, но вотъ онъ выросъ и увидѣлъ теперь это самое изображеніе, на которомъ домъ былъ кривой, крыша не на мѣстѣ, а чело-вѣкъ, стоящій рядомъ, ростомъ выше дома, и казалось непонятнымъ, почему эта картинка такъ нравилась прежде.

Генералъ суетливо бѣгалъ взадъ и впередъ, дѣлалъ замѣчанія, поправлялъ у солдатъ аммуницію и спрашивалъ на ходу обязанности часового и разводящаго. По лицу его было видно, что онъ чѣмъ-то очень недоволенъ. Какъ оказалось потомъ, — два нижнихъ чина не знали, въ чемъ состоитъ воинская дисциплина.

Обрядъ погребенія, такимъ образомъ, удался не вполне, и командиръ съ грустнымъ, оскорбленнымъ лицомъ пошелъ домой, думая горькую думу:

— Хлопоталь, трудился, и все пошло прахомъ изъ-за какихъ-то двухъ мерзавцевъ!..

XVIII.

Въ день именинъ Огурцова, двадцать шестого января, всѣ офицеры полка, по давно установившемуся обычаю, ѣздили поздравлять именинника съ днемъ ангела.

Коля только что началъ облачаться въ парадную форму, какъ позвонилъ Олшинъ.

— Дай-ка перекусить, голоденъ, какъ собака. Игралъ сегодня въ клубъ цѣлую ночь, все просвисталъ. Ну, и живанъ,

чтобы ей пусто было. Пошли-ка за полбутылкой, а потомъ айда къ Огурцову отыгрываться. А если не отыграюсь, ну тогда... Аминь! провалился, пятачекъ, ступай на мѣсто, какъ говориваль нашъ достопочтенный попъ въ училищѣ. Вотъ, братъ, былъ экземпляръ. Рѣшили мы ему разъ цѣлымъ классомъ столба сдѣлать... Вызываетъ онъ на экзаменъ перваго ученика, задаетъ „Крещеніе Руси“. А тотъ ему и чешетъ: „Въ царствованіе Александра перваго Владиміръ Святой собралъ всѣхъ христіанъ и велѣлъ имъ войти въ Ладожское озеро“... Да! такъ вотъ... О чемъ, бишь, это я...

И, запивая водкой, перескакивая съ предмета на предметъ съ легкостью мотылька, Олшинъ заболталъ безъ умолку.

— Ты думаешь, ты одинъ боленъ? У насъ въ полку почти всѣ больны. И я, и Матусевичъ, и Радугинъ, и Яшъ, и Чубуковскій, и самъ, говорятъ, командиръ полка. Словомъ, всѣ, всѣ. Не больны только фендрики, да и тѣ, самое большое, годъ, полтора держатся, а потомъ — общая участь. Жениться по закону нельзя раньше двадцати восьми лѣтъ, а вѣдь мы не монахи. Былъ у насъ одинъ такой изъ армяшекъ. Боялся этой болѣзни, я тебѣ и передать не могу, какъ. Словомъ, „онъ на женщинъ не смотрѣлъ и до гроба ни съ одною молвить слова не хотѣлъ“... Но мы всей коллегіей какъ-то напоили его до потери сознанія и повели туда. И онъ сейчасъ же, съ перваго раза, заразился и поѣхалъ въ госпиталь отбывать повинность. Да, я тебѣ скажу, было смѣху...

— Да вѣдь это... это же... высшая подлость!—не выдержалъ Коля, и лицо его исказилось злобой.

Олшинъ пересталъ жевать, съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Колю и сказалъ:

— То есть, какая же подлость? Я знаю, ты философъ, но вся твоя философія гроша ломаного не стоитъ. Это со всѣми бываетъ въ молодыхъ годахъ: заносится человекъ въ небеса и абсолютно перестаетъ понимать обыденную жизнь. Я тоже былъ одно время въ родѣ тебя. Читалъ всякаго рода книги, романы... Отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ прямо съ ума сошелъ... Но потомъ остылъ и понялъ, что все въ нихъ безконечно далеко отъ нашей оберъ-офицерской жизни. Зачѣмъ это мнѣ? Ну, спрашивается, зачѣмъ я буду читать, напримѣръ, „Петербургскія трущобы“? Исправить ли эта книга мою жизнь, внесетъ ли что-нибудь въ мой внутренній міръ? Я все такъ же буду пить водку, играть въ штоссъ и ходить къ женщинамъ.

— Да, тебя не прошибешь никакими „Петербургскими трущобами“!—подумалъ Коля, съ презрѣніемъ и почти ненавистью глядя на Олшина.

— Говорятъ,—продолжалъ Олшинъ,—тамъ, молъ, описы-

вается жизнь всѣхъ классовъ общества. Да вѣдь я самъ ее не хуже знаю, хотя, можетъ быть, и не могъ бы рассказать литературно. Въ „Петербургскихъ трущобахъ“ есть, напримѣръ, какая-то дѣвица, которая попала случайно въ домъ терпимости и не можетъ оттуда вырваться. Я видѣлъ и знаю вещь ужаснѣе этой. Я самъ взялъ одну женщину изъ такого дома, заплатилъ ей хозяйкѣ и далъ ей денегъ на дорогу, чтобы она кинула свое ремесло (это была совсѣмъ юная дѣвушка, почти дитя). И, въ результатѣ, черезъ малый промежутокъ времени, я нашелъ ее въ томъ же домѣ! Она предпочла вести легкую жизнь проститутки. Въ томъ же романѣ старикъ-таперъ долженъ играть въ одномъ изъ такихъ домовъ, въ то время какъ тутъ же насилуютъ его дочь. А я зналъ отца, который кланялся мнѣ въ поясъ и подавалъ пальто за то, что я былъ у его дочери и далъ ей двадцать копѣекъ. Я помню, меня когда-то ужасала грязь и подлость жизни; а теперь я равнодушенъ. Я убѣжденъ, что самая лучшая жизнь—та, въ которой можно посвящать себя абсолютному спокойствію. Но такъ какъ абсолютное невозможно, то нужно стремиться къ относительному. Водка, карты и женщины сокращаютъ намъ быстротекущій опытъ жизни, какъ сказалъ какой-то поэтъ или философъ. Избави Богъ распускать крылья и заноситься въ зоооблачные края.

— Однако пора,—спохватился Олшинъ, прерывая потокъ своего краснорѣчія. — Знаешь что, — сказалъ онъ весело, глядя прямо въ глаза Колѣ,—главная-то цѣль моего посѣщенія слѣдующая: не можешь ли ты одолжить мнѣ взаймы... этакъ съ десятокъ рублей? Нужно отыгратъся!

Черезъ полчаса квартира Огурцова наполнилась офицерами. Пріѣхалъ даже самъ командиръ, какъ всегда, сухой, молчаливый, деревянный, посидѣлъ молча десять минутъ и также молча уѣхалъ.

Послѣ его отъѣзда началась обычная сцена обжорства сытыхъ и праздныхъ людей. Офицеры, точно никогда не ѣвшіе хорошихъ закусокъ, напирали другъ на друга, просовывая руки къ столу черезъ головы ближе стоящихъ, обливали ихъ водкой, капали соусомъ на мундиры, спѣшили жевать, чтобы засунуть въ ротъ новый кусокъ, наступали на ноги и толкались локтями.

Чубуковскій что-то рассказывалъ, съ необычнымъ оживленіемъ жестикулируя. Коля прислушался.

— Является ко мнѣ жидъ Минцесъ,—говорилъ онъ,—и требуетъ денегъ, да еще какъ нахально. Я, говорить, полгода жду. Я, знаете, позвалъ двухъ вѣстовыхъ и совершенно серьезнымъ тономъ приказалъ подвѣсить его къ

потолку за ламповый крючекъ. Вотъ испугался-то мой жидъ! Вотъ была потѣха!..

— Это что,—сказалъ Олшинъ,—а вотъ я въ прошломъ году зашелъ въ синагогу, слышу — канторъ воетъ что-то фистулой, а я какъ грянулъ русскимъ басомъ: „гряди, гряди, голубице моя!“—всѣ, какъ листья, посыпались... Вотъ Глинка мастеръ на эти штуки былъ.

— А гдѣ теперь Глинка?—спросилъ Каштановъ.

— Выставили. Въ запасъ долженъ былъ выйти.

— За что?

— Да какъ-то въ пьяномъ видѣ, будучи дежурнымъ по полку, вызвалъ караулъ и построилъ его поперекъ улицы, въ родѣ, знаете, заставы, и никого не пускаетъ ни взадъ, ни впередъ. Скомандовалъ людямъ „на руку“, а самъ вынулъ шашку и танцуетъ по улицѣ трепака. Вся полиція на ноги поднялась, самъ исправникъ пріѣхалъ уговаривать,—ничего не помогаетъ. Кричить: „зарублю!“ и конецъ. Пока самъ командиръ полка не пріѣхалъ,—онъ весь городъ въ осадѣ держалъ.

— Да, это я понимаю! — съ восторгомъ сказалъ Каштановъ.

— Что-жъ, господа, — прервалъ Олшинъ, вынимая изъ кармана и съ трескомъ распечатывая колоду картъ,—приступимъ...

Публика зашевелилась и начала подходить къ раскрытому ломберному столу.

Откуда-то вдругъ появились три совсѣмъ молодыхъ дѣвушки, изъ которыхъ самой старшей было не болѣе семнадцати лѣтъ.

— Здравствуй, Муха,—сказалъ Олшинъ, въ десять минутъ уже успѣвшій опять проигратъся.—Что новаго подъ луной?

Муха засмѣялась, обнаживъ блѣдныя десны.

— Можно васъ поцѣловать?—вдругъ совершенно неожиданно обратилась къ Колѣ одна изъ дѣвушекъ.

Коля сконфузился и ничего не отвѣтилъ.

Дѣвушка, принявъ молчаніе за отказъ, отошла съ грустнымъ лицомъ и сѣла на диванъ, не сводя глазъ съ Коли, который ей, видимо, очень понравился. Всѣхъ трехъ быстро напоили, и онѣ, красныя, растрепанныя, запѣли что-то непонятное дикими, пьяными голосами. Двухъ увели въ сосѣднія комнаты, а Муха сѣла къ Олшину на колѣни.

— Пой!—приказалъ Олшинъ.

— Что же я буду пѣть? Я не умѣю.

— Пой, тебѣ говорятъ.

Муха подумала и вдругъ затянула:

— Хлѣбъ съ ма-сламъ! хлѣбъ съ ма-сламъ! хлѣбъ съ масламъ!..

Всѣ засмѣялись.

— Что же это за пѣсня?—спросилъ Олшинъ.

— Такая пѣсня,—отвѣтила Муха.

— Ну,—сказалъ Олшинъ, сбрасывая ее съ колѣнъ,—раздѣвайся.

— Какъ? Здѣсь раздѣваться?—удивилась Муха.—Здѣсь не хочу.

— Раздѣвайся, тебѣ говорятъ!—крикнулъ дикимъ голосомъ Олшинъ, топнувъ ногой.

Муха испугалась, и руки ея сами собой начали развязывать шнурки.

— Скорѣй!—крикнулъ онъ опять.

Она сбросила кофточку, юбку, корсетъ и осталась въ одной рубашкѣ. Всѣ съ любопытствомъ слѣдили за этой сценой, бросивъ даже игру.

— И рубашку!—крикнулъ Олшинъ.

Муха застыдилась и сѣла на диванъ, съ тоской оглядываясь кругомъ, какъ задраленная собачонка.

— Стыдно,—тихо прошептала она.

— Вотъ нѣжности! Тебѣ говорятъ, снимай рубашку. Снимай, сукина дочь!

Но она не снимала. Тогда онъ подошелъ къ ней и, схвативъ за воротъ, разорвалъ полотно сверху до низу, совершенно обнаживъ тѣло. Муха вскрикнула и закрылась руками.

Произошла дикая, невѣроятная сцена. Два человѣческихъ тѣла катались по полу и рычали, сплетаясь въ пестрый клубокъ. Яшъ хохоталъ, какъ сумасшедшій, схватившись руками за животъ, откинувшись на спинку стула.

— Ха-ха-ха! Хо-хо-хо!—грохоталъ онъ.

Остальные смущенно улыбались. Хотя всѣ давно привыкли видѣть равнодушно всякую мерзость, но поступокъ Олшина былъ чудовищно-невѣроятенъ.

— Негодяй! Мерзавецъ!—вдругъ зазвенѣлъ негодующій, почти плачущій голосъ. Все время дикой сцены спазмы сжимали Башневу горло, и онъ находился въ какомъ-то столбнякѣ, который мѣшалъ ему говорить и дѣйствовать.

Всѣ обернулись. Всѣ сразу отрезвѣли. Неловкое молчаніе воцарилось въ комнатѣ...

— Мерзавецъ!—повторилъ Коля, направляясь къ выходу.—Да и вы всѣ не лучше...

Молчаніе было еще разъ ему отвѣтомъ, но, какъ только онъ вышелъ за дверь, всѣ разомъ заговорили.

— Мальчишка зазнался. Но это ему не пройдет даром!— сказалъ надувшійся, какъ индѣйскій пѣтухъ, Яшъ.

Часамъ къ шести утра всѣ почти разошлись, кромѣ нѣсколькихъ завязатыхъ игроковъ, да чеха Воучека, который оставался по обязанности капельмейстера. Усталые музыканты дудѣли изъ послѣднихъ силъ, извлекая изъ инструментовъ охрипшіе, какъ бы простуженные звуки. Хозяинъ также чувствовалъ сильное утомленіе, ломуто во всемъ тѣлѣ и желаніе соснуть, но изъ вѣжливости дѣлалъ любезное лицо и разговаривалъ съ капельмейстеромъ, который недавно только пріѣхалъ въ полкъ откуда-то изъ Богеміи и даже плохо говорилъ по-русски

— Оркестръ сталъ теперь значительно лучше,—польстилъ Огурцовъ.

— О, очень мусикаленъ!—отозвался чехъ.

— Ни къ чоргу не годенъ вашъ оркестръ,—вставилъ Каштановъ, бросая карты и подходя къ столу, на которомъ въ страшномъ безпорядкѣ валялись и стояли бутылки, въ перемежку съ грудой несъѣденныхъ закусокъ. Красивое лицо Каштанова было зловѣще-блѣдно, а глаза сверкали пьянымъ холоднымъ блескомъ глазъ сумасшедшаго.

Въ обыкновенное время это былъ скромный, даже застѣнчивый юноша, занимавшійся живописью и постоянно въ кого-нибудь влюбленный, но когда разъ или два въ годъ напивался, то выкидывалъ такіе дикіе скандалы, что о нихъ говорилъ нѣсколько мѣсяцевъ весь городъ. Каштановъ давалъ себѣ послѣ этого слово не пить, но не выдерживалъ и опять рубилъ пашкой еврея, или билъ по физиономіи какого-нибудь пассажира на вокзалѣ, вообще дѣлалъ что-нибудь нелѣпое и чудовищное. Въ немъ была какая-то двойственность души, совершенное отсутствіе равновѣсія, и въ этомъ обычно скромномъ, застѣнчивомъ человѣкѣ всегда дремалъ звѣрь, тѣмъ болѣе опасный, что никто заранѣе не могъ предсказать его появленіе.

Чехъ посмотрѣлъ удивленно на сине-блѣдное лицо офицера и продолжалъ говорить:

— Я имѣетъ большой мусикальны талантъ. Въ Прагѣ я билъ первій, der erste, въ консерваторіи я билъ первій по успѣхъ.

— Все вреть,—вставилъ Каштановъ.—Никогда онъ не былъ въ консерваторіи. Просто нѣмецкій сапожникъ.

Яшъ одобрительно засмѣялся.

Чехъ понялъ только половину изъ того, что сказалъ Каштановъ, но онъ ясно видѣлъ, что надъ нимъ смѣются.

— Въ Прагѣ господинъ профессоръ Таубе...—началъ онъ опять, краснѣя.

— Всѣ нѣмцы дураки и чехи тоже,—громко прервалъ Каштановъ, въ упоръ глядя на Воучека.

— Петруша, оставьте. Будетъ вамъ!—просилъ Огурцовъ. Капельмейстеръ, между тѣмъ, поблѣднѣлъ отъ негодованія.

— Какая невѣжливая русска офицеръ,—сказалъ онъ, волнуясь.—Это пряма дерзка... Это...

— Замолчи, а то сейчасъ морду побью!—спокойно объявилъ ему Каштановъ.

При этихъ словахъ чехъ совершенно потерялъ самообладаніе. Онъ схватилъ тарелку и бросилъ ея въ подпоручика. Тарелка со звономъ разбилась о стѣну, обдавъ всѣхъ осколками. Каштановъ вскочилъ, точно отъ электрическаго удара, выхватилъ пашку и бросился на капельмейстера, который въ азартѣ подставлялъ театрално грудь.

— Господа, оставьте! Господа, перестаньте!—испуганно вопилъ хозяинъ, хватаясь за обнаженную пашку и порѣзывая себѣ пальцы.

Но было поздно. Каштановъ сдѣлалъ выпадъ, и остріе пашки, прорѣзавъ мундиръ капельмейстера, вошло ему въ тѣло.

Мгновенно всѣ отрезвѣли. Самъ Каштановъ бросился за водой, Матусевичъ и Яшъ старались разстегнуть мундиръ раненаго, который, держа за грудь, шатаясь, сдѣлалъ нѣскольکو шаговъ и упалъ.

— Эки... пажъ!—сказалъ онъ черезъ силу:—До... мой! Квартиръ!..

— Доктора!—кричалъ Огурцовъ, совершенно обезумѣвъ.—Доктора! Доктора!—повторялъ онъ, всхлипывая и бѣгая вокругъ раненаго.

— О Боже,—шопотомъ произнесъ несчастный чехъ.—Я умирай... За что? За что?

Онъ закрылъ глаза, вытянулся, и лицо его приняло вдругъ выраженіе торжественнаго, спокойнаго безстрастія смерти.

XIX.

Наканувъ похоронъ капельмейстера Коля не спалъ всю ночь отъ напора обуревавшихъ его мыслей, тщетно ища исхода.

Передъ нимъ съ ясной отчетливостью проходили, точно на экранѣ волшебнаго фонаря, картины недавняго прошлаго, какъ онѣ рисовались ему теперь, когда были сдернуты декорации и смыты румяна. Глухія стѣны загораживаютъ пустое мѣсто... Стѣны, отъ времени потрескавшіяся, накренившіяся

и готовныя рухнуть отъ перваго толчка, но со всѣхъ сторонъ подпертыя такими же ветхими столбами и раскрашенныя яркими надписями: „сіе мѣсто свято“... Но заглянешь въ трещину—и внутри ничего не увидишь, кромѣ еще не успѣвшаго истлѣть мусора...

Онъ вдругъ вспомнилъ почему-то, что давно не молился, и, еле сдерживая слезы, сталъ на колѣни среди постели и, задыхаясь, началъ молиться такъ горячо, какъ въ дѣтствѣ когда-то его учила молиться мать. Онъ долго дрожалъ и бился головой о желѣзо кровати.

— Господи!—повторялъ онъ съ ужасомъ:—Господи!—но никакихъ словъ не находилъ больше въ опустошенной душѣ.

Пробило три, четыре, пять часовъ... Сонъ бѣжалъ отъ глазъ. Коля всталъ, одѣлся и вышелъ черезъ садъ въ поле, все покрытое предразсвѣтнымъ туманомъ. Еще дрожали послѣднія звѣзды, сверкающія, далекія, загадочныя... Наступалъ день, который Башневу казался почему-то рѣшающимъ его судьбу, роковымъ...

Похороны были обставлены обычной помпой. Командиръ суетился, писалъ снова чинъ погребенія и бѣгалъ, дѣлая подробныя распоряженія о томъ, что, кому и какъ нужно дѣлать.

Тѣло везли въ роскошномъ траурномъ катафалкѣ съ позолоченными гербами и вензелями. Впереди несли образа, музыка играла похоронный маршъ, за колесницей тянулась огромная, равнодушная толпа провожатыхъ.

Въ воротахъ военнаго кладбища произошла давка. Задніе напирали на переднихъ, стараясь влѣзть имъ на плечи и рассмотреть, что дѣлается у ямы, въ которую на полотенцахъ опускали гробъ, но полурота оцѣпляла это пространство, и любопытные довольствовались тѣмъ, что поднимались на носки и глядѣли черезъ головы солдатъ.

Какой-то немолодой, растрепанный, пьяный человѣкъ, по-видимому, мастеровой, нѣсколько разъ пытался пробраться сквозь ряды, но это ему не удавалось, и, оттиснутый назадъ, онъ снова лѣзъ и толкался, стараясь раздвинуть людей локтями.

— Дай ему въ морду! — крикнулъ бравый фельдфебель одному изъ нижнихъ чиновъ.

— Въ морду?—прохрипѣлъ оборванецъ, схвативъ фельдфебеля за рукавъ.—Въ морду?.. А самъ не хочешь?.. Я тебѣ такъ дамъ, что...

Но онъ не договорилъ, получивъ страшный ударъ въ зубы, и, перекинувшись на спину, упалъ въ грязь.

— А! ты такъ!.. — захрипѣлъ онъ, вскакивая на ноги. —

Ну, такъ я тебѣ докажу, я тебѣ... Ишь, пузо отростилъ на казенныхъ харчахъ...

Онъ рвался къ фельдфебелю и, отгѣсняемый солдатами, бормоталъ въ бессильной злобѣ.

— Ахъ, ты такъ... Ладно же, шкура барабанная. Мы и повыше кого найдемъ.

Съ этими словами онъ подскочилъ неожиданно къ Башневу и изо всей мочи ударилъ его по лицу. Ударъ былъ такъ силенъ, что у Коля подъ глазомъ мгновенно образовался огромный синякъ, а изъ носу потекла кровь.

Молодой офицеръ такъ растерялся, что не могъ дать себѣ отчета въ происшедшемъ. Какъ во снѣ, передъ нимъ промелькнула фигура оборваннаго человѣка съ искаженнымъ злобой лицомъ, который что-то кричалъ, грозилъ кому-то и барахтался въ рукахъ схватившихъ его солдатъ.

— Это онъ меня,—сообразилъ Коля, прижимая къ лицу платокъ, весь окрашенный въ багровый цвѣтъ.—За что же это онъ?..

Раздались полицейскіе свистки, оборванца скрутили и куда-то увели. И теперь только Коля опомнился и началъ обдумывать происшествіе. Ударъ по лицу, хотя бы и случайный,—думалъ онъ,—это, по мнѣнію общества офицеровъ, несмываемое пятно, и мнѣ, навѣрно, командиръ полка предложить теперь уйти въ запасъ или, по меньшей мѣрѣ, перевестись въ другой полкъ. Но зачѣмъ я буду переводиться? Вѣдь это сама судьба указываетъ мнѣ путь... И въ другомъ, и въ третьемъ, и въ десятомъ полку я найду одно и то же. Я для этой службы, очевидно, не годюсь... Подамъ же въ запасъ и начну новую жизнь, новую, разумную работу!

Часа два спустя онъ зашелъ въ канцелярію, чтобы написать рапортъ о болѣзни. Тамъ уже было человѣкъ десять офицеровъ, которые о чемъ-то оживленно разговаривали, но при входѣ его сразу замолчали.

Коля не обратилъ на это вниманія и, проходя мимо Яша, машинально протянулъ ему руку, но Яшъ взглянулъ на него такимъ взглядомъ, какимъ люди глядятъ на пустое мѣсто, и рука его не шевельнулась.

— Послушай, Яшъ,—сказалъ Коля удивленно,—я съ тобой здороваюсь.

Тогда Яшъ изрекъ тономъ судьи, произносящаго смертный приговоръ:

— Я съ битыми не здороваюсь. Прошу не говорить мнѣ „ты“ и не считать меня товарищемъ.

Коля посмотрѣлъ на глупо-важное лицо Яша, и ему вдругъ сдѣлалось весело и смѣшно.

— Чучело гороховое! — сказалъ онъ, громко расхохотавшись, повернулся и вышелъ изъ канцеляріи.

XX.

Въ тотъ же день его потребовалъ къ себѣ командиръ полка. Не безъ волненія Коля переступилъ порогъ его кабинета, гдѣ предстояло ему испытать чашу до конца. Онъ невольно вспомнилъ первое свое представленіе, происходившее въ этой самой комнатѣ. Все, казалось, застыло въ ней безъ измѣненія: тотъ же большой письменный столъ, тѣ же шкафы, тѣ же правила на стѣнахъ, но въ душѣ было совсѣмъ другое, новое, могучее и странное чувство, которое испытываетъ узникъ, когда передъ нимъ внезапно отворяютъ желѣзныя двери тюрьмы. Онъ ошеломленъ, щурится отъ свѣта, и на него глядитъ прекрасный, сіяющій день...

Командиръ сидѣлъ за столомъ и что-то долго писалъ, хотя ему не было рѣшительно никакой надобности писать именно теперь; но онъ дѣлалъ это для того, чтобы придать бѣльшую торжественность минутѣ. Манеру эту онъ перенялъ у кого-то изъ своихъ начальниковъ, и когда къ нему приходили подчиненные по дѣламъ службы, онъ, заслушавъ звонокъ, бѣжалъ къ письменному столу и, принявъ дѣловый, озабоченный видъ, начиналъ водить перомъ по бумагѣ.

Такъ прошло минуты три. Наконецъ, командиръ кончилъ, положилъ перо на край стола и, вытянувшись во весь ростъ, выпитивъ грудь, сказалъ:

— Съ вами сегодня, какъ мнѣ было официально доложено, произошелъ весьма прискорбный случай. Какой-то неизвѣстный человѣкъ бросился и ударилъ васъ по лицу. Не знаю, да и не вхожу въ обстоятельства дѣла, что вынудило его къ этому поступку. Надо, конечно, полагать, что поводъ къ этому былъ съ вашей стороны.

— Но, господинъ полковникъ...

— Никакихъ „но“. И я не позволю (въ этомъ мѣстѣ полковникъ возвысилъ голосъ до трубнаго звука)... я не позволю, чтобы въ моемъ полку служили битые офицеры!

Онъ помолчалъ, любуясь эффектомъ, который произвела его рѣчь.

— Вамъ остается одинъ исходъ. Вотъ здѣсь лежитъ прошеніе объ увольненіи васъ въ запасъ арміи по домашнимъ обстоятельствамъ. Если же вы не захотите подчиниться, то я (здѣсь полковникъ опять возвысилъ голосъ) передамъ васъ суду общества господъ офицеровъ, который въ полномъ составѣ находится здѣсь же рядомъ, въ слѣдующей

комнатъ, и вы все равно будете исключены. Напоминаю вамъ, что исключенный по суду общества офицеровъ не можетъ быть нигдѣ принятъ на службу. Выбирайте же!

Башневъ, молча, взявъ перо и на развернутомъ прошеніи написалъ свою фамилію.

Въ тотъ же день онъ собралъ свой скудный багажъ и поѣхалъ на вокзалъ. Изъ окна вагона онъ взглянулъ въ послѣдній разъ на городъ, который начинался отъ самаго вокзала огромными зданіями казармъ, и ему стало грустно при мысли, что здѣсь погибла часть жизни, которую никогда уже не вернуть.

Послышался сигнальный свистокъ кондуктора, поѣздъ тихо покачнулся, вадрогнулъ, застоналъ и медленно началъ продвигаться мимо оконъ вокзала. Застучали молоточки, загремѣли цѣпи, тяжело задышалъ паровозъ, гулко перекликнулся со встрѣчнымъ паровозомъ, усилилъ ходъ и помчался съ бѣшеной быстротой мимо деревьевъ, кустовъ, дорогъ и сторожевыхъ будокъ.

Башневу вдругъ представилось, что онъ умеръ. Тѣло его было холодно, неподвижно. Онъ не могъ пошевелиться и лежалъ, какъ трупъ. Чьи-то голоса раздавались вокругъ: — Что же, умеръ? Да, умеръ.

Въ отчаяніи Коля хотѣлъ крикнуть, что это ошибка, что онъ живъ, но языкъ не повиновался, и не двигался ни одинъ мускулъ.

Смертельный ужасъ заставилъ его проснуться, но онъ проснулся только изъ одного сна въ другой, и въ этомъ второмъ снѣ онъ шелъ по рельсамъ и слышалъ сзади себя шумъ и грохотъ поѣзда. Онъ бѣжалъ, падалъ, спотыкался, снова вставалъ и бѣжалъ изо всѣхъ силъ. Все ближе и ближе дышало желѣзное чудовище. Еще моментъ...

Онъ сдѣлалъ неимоверное усиліе воли, чтобы страхнуть съ себя кошмаръ, и проснулся, весь въ холодномъ поту.

Въ окнѣ уже брезжилъ разсвѣтъ. Кровавая заря просвѣчивала сквозь стволы деревьевъ. Свѣжій предразсвѣтный вѣтерокъ щекоталъ лицо.

Еще мгновенье—и солнце озолотило все кругомъ первыми мягкими лучами.

И въ душѣ начинался разсвѣтъ... Да, труденъ будетъ новый путь, тернистый путь труда и лишений, но вѣдь на этомъ только пути и можно найти истинное счастье на землѣ.

О, какъ свѣтла, свободна, прекрасна будетъ новая жизнь!
За работу! За работу!

Вячеславъ Артемьевъ.

М а т е р и.

Который часъ?.. Какая ночь глухая!
Острогъ затихъ, погашены огни;
Сосѣди спать,—лишь мы съ тобой, родная,
Не спимъ одни...

Насъ разлучили каменные своды,
Тюремный дворъ, надежный часовой...
Ты вспоминаешь прожитые годы,
Я—вижу сны о жизни молодой.
Ты—тамъ, гдѣ столько было пережито,
Моя же мысль въ грядущее ушла:
Въ раздумьи я надъ книгою раскрытой,
А ты—надъ той, которую прочла...
Моя темна... Безсвязныя страницы,
Одна другой ненужнѣй и страннѣй...
И будто жизнь, и будто небылицы,—
О, какъ блѣдна въ сравненіи съ твоей!
Обрывки фразъ, неконченныя строки...
Иныхъ листовъ въ ней почему-то нѣтъ;
Порой на что-то жалкіе намеки,
Порой чего-то горестнаго слѣдъ...
Насъ раздѣляетъ сумракъ непроглядный,
Тюремный дворъ за каменной стѣной,
Но вижу я, какъ въ думѣ безотрадной
Поникла ты сѣдою головой.
И сердце у меня такъ тихо бьется...
Но я шепчу—и вѣрю въ тѣ слова:
„Сейчасъ, сейчасъ, родимая, начнется
И въ этой книгѣ чудная глава!“
Ты слышишь?.. О, какая ночь глухая!..
Давай уснемъ—ужъ клонить сонъ меня.
Моя свѣча мерцаетъ, потухая,
Въ твоёмъ окнѣ, должно быть, нѣтъ огня...

Борисъ Лойко.

РАЗЛАДЪ.

(Разказъ.)

I.

Въ частой „чапыгѣ“ молодого осинника, полукругомъ облежавшаго маленькій, заросшій тиной прудокъ, на берегу котораго сидѣлъ я и удилъ карасей, раздався трескъ. Я обернулся... Изъ чапыги, раздвигая ее руками, вылѣзло прямо ко мнѣ на берегъ какое-то косматое чудище и остановилось, глядя на меня мутными, посоловѣлыми глазами...

Я, съ своей стороны, съ любопытствомъ уставился на него.

Передо мной былъ мужикъ, до крайности плохо одѣтый, даже можно сказать, почти совсѣмъ раздѣтый, если не считать какую-то болтавшуюся на немъ грязную, рваную рубашку и полосатые короткіе, чуть ли не по колѣни штаны... На головѣ ничего не было... Въмѣсто шапки или картуза, расплазались копной черныя, съ легкой просѣдью, всклокоченныя, свалаявшіяся космы волосъ...

Постоявъ немного, мужикъ подошелъ ко мнѣ и прохрипѣлъ:

— Рыбку ловишь?.. Клюеть-ли?.. Мое почтеніе! Все ли я здоровъ?..

— Здравово!—отвѣтилъ я, не спуская съ него глазъ:—ты это откуда?..

Мужикъ ничего не отвѣтилъ и, молча, легъ на берегу, животомъ внизъ, уставясь мутными глазами на поверхность пруда.

Я сбоку глядѣлъ на него. Лицо у него было какое-то черное, густо обросшее бородой, глаза мутные, большіе на выкатѣ, руки тряслись, и весь онъ, всѣмъ своимъ тѣломъ, то и дѣло вздрагивалъ и корчился, поднимая кверху то одну ногу, то другую.

— Да ты куда же?..—опять спросилъ я.

— Въ больницу!—нехотя отвѣтилъ онъ.

— Заболѣлъ?..

Мужикъ помолчалъ, плюнулъ въ воду, досталъ изъ-за пазухи до половины выпитую полбутылку и сказалъ, подавая мнѣ:

— На... глотни...

— Спасибо,—отвѣтилъ я,—не надо.

— Не пьешь?—онъ опять помолчалъ и потомъ сказалъ:

— Нѣтъ ли у тебя какихъ брюкъ старыхъ, негодящихъ... Нѣтъ ли, а?.. Дай, сдѣлай милость...

Я промолчалъ. Онъ сѣлъ и, запрокинувъ назадъ косматую голову, началъ тянуть изъ горлышка...

— Пропился! — сказалъ онъ затѣмъ, — обстрогали меня добрые люди... гляди, что на мнѣ есть... Адамъ, истинный Господь!.. Посмотрика-сь...

— Вижу!—сказалъ я.

— Иду вотъ въ больницу, не положить ли, моль... Смерть!.. Что съѣмъ ли, выпью ли—все назадъ!..

Онъ опять легъ животомъ внизъ и, помолчавъ, сказалъ:

— Ты мнѣ хлѣбушка далъ бы... Жрать, сейчасъ помереть, хочу, какъ сукинъ сынъ...

Я послалъ бывшего со мной сынишку домой за хлѣбомъ и, когда онъ ушелъ, спросилъ у мужика:

— Да ты откуда же?

Прежде чѣмъ отвѣтить, онъ, съ какимъ-то ожесточеніемъ, кривя ротъ, поскребъ обѣими руками свою косматую голову и сказалъ:

— Изъ Голубина, знаешь?

— Знаю,—отвѣтилъ я.—Да ты въ городъ шель бы... Въ городъ-то отъ Голубина ближе, чѣмъ сюда...

— Былъ... не приняли... Мѣстовъ, ишь, нѣтъ... притка ихъ знаетъ... сво-о-лочи!..

Онъ опять уставился мутными глазами на поверхность пруда, что-то думая.

Въ это время мой сынишка прибѣжалъ, запыхавшись, неся въ рукѣ ломоть хлѣба.

— На, дяденька!—едва переводя духъ, сказалъ онъ, подавая хлѣбъ.

— Спасибо, сынокъ,—ласково сказалъ мужикъ.—Умница ты... спасибо. И посолилъ никакъ?.. Вотъ спасибо-то...

Онъ сѣлъ, перекрестился и, взявъ ломоть хлѣба въ обѣ руки, принялся ѣсть, откусывая куски бѣлыми, необыкновенно большими зубами...

Проглотивъ нѣсколько кусковъ, онъ снова перекрестился и, спрятавъ недоѣденный ломоть за пазуху, сказалъ, обтеревъ рукою ротъ.

— Вотъ я и сытъ!..

— Мало поѣлъ,—сказаль я,—ѣшь еще.

— Спасибо!.. Мало... гм! слава Богу, это то проглотилъ... Н-да! Подкатить къ сердцу, понимаешь, ну, думаю, крышка.. душа съ тѣломъ разстается... И тоска, смерть! Не приведи Господи!.. А что, другъ, покурить ты мнѣ не соблаговолишь?..

— Можно,—сказаль я.

Онъ раза три, жадно втягивая щеки, затянулся и вдругъ, повернувшись ко мнѣ совершенно неожиданно и, какъ говорится, ни къ селу, ни къ городу, сказаль:

— Слышаль, Думу-то разогнали?..

— Тебѣ-то что?—удивился я.

— Какъ что?—въ свою очередь, удивился онъ:—я, небось, кто? Хресьянинъ? Мнѣ, чай, любопытно знать, какъ они тамотко нащеть земли-то... Положимъ, мнѣ-то она не нужна... Котора и была—и таѣ бросилъ, ну, а православнымъ-то какъ жить... любопытно... Думали: авось, молъ... Анъ вотъ тебѣ... н-да!.. Я вѣдь, — ты не думай, — продолжалъ онъ, — одѣтъ плохо... я грамотный, смыслимъ тоже кое-что, добрыхъ людей слыхивали, книжки читали... понимаемъ... Худо-ли *имъ*, чертямъ, живется... отдадутъ-ли! Взять бы за глотку, истинный Господь, самое, по-моему, святое дѣло... Какого рожна еще глядѣть-то... циримонію-то разводить... Они съ нами не больно-то циримонятся; кабы имъ да волю надъ нами—загрызали бы! Да и то чего ужъ,—онъ махнулъ рукой,—на что мы похожи? Куды годны? Бараньѣ, истинный Господь! Такъ насъ и считаютъ: дискать, какъ хотимъ, такъ и воротимъ... Ахъ, дьяволъ васъ заломай! Гдѣ-жъ правда-то, а?..

Онъ замолчалъ. Я перекинулъ удочку на другое мѣсто и спросилъ:

— Ты какой губерніи?

— Калуцкой я...

— Не живешь дома-то?

— Какой у меня домъ?.. Нѣтъ у меня ни рожна... Весь вотъ тутъ... чистъ молодець, голь, какъ соколь...

— Какъ же такъ?

— Такъ... бросилъ все... ушелъ на чужую сторону... Сгорѣлъ я!—угрюмо добавилъ онъ, помолчавъ.

— А семейный?

— Жененка на фабрикѣ путается, а сынъ—шорникъ въ Питерѣ... такой же вотъ задался угаръ, не плошь меня... Видно, братчикъ, „отъ яблоньки — яблочки, а отъ елки шишки“... Были еще двое,—продолжалъ онъ, дрыгая ногами,—дѣвочка съ мальчишкой, да сгорѣли въ избѣ оба...

— Ну?!

— Истинный Господы! О самую рабочую пору въ покось... Мы съ бабой версты за три отъ деревни были, траву сгребали по кустамъ... Слышимъ, вдарили въ набать... пожаръ... Рядомъ съ нами тоже работали, кричатъ: „пожаръ! горить! бросайте“... А тихо было, ни чукнетъ, далеко каждое слово слыхать...— „Маркель,—говорить мнѣ жена,—а вѣдь это у насъ“. Что ты, говорю, дура, очумѣла... Богъ милостивъ, говорю, а у самого сердце въ груди тукъ, тукъ! тукъ, тукъ! точно, понимаешь, кузнецъ молоткомъ по наковальнѣ... Бросили мы грабли, побѣжали напрямки, гдѣ поближе... забѣжали на валобокъ, отседа вся деревня наша какъ на ладошкѣ... смотримъ: горить наша хата... Завопила моя баба: „Дѣтушки, дѣтушки“. Побѣжала подъ гору, словно изъ ружья выпалила... Я за ней... Ну, прибѣжали, глядимъ, полыхаетъ нашу хату со всѣхъ четырехъ сторонъ, занялась вся... подступиться никакъ невозможно...

Онъ перевелъ духъ и такъ же, какъ давеча, поскребъ въ головѣ обѣими руками:

— Баба моя начала сновать промежъ народу, глядитъ, гдѣ ребята: нѣтъ ли, молъ, думаетъ, и нашихъ... анъ нѣтъ, нѣту... туды, сюды—нѣту... „Сгорѣли дѣтушки!“ кричить, да сама въ огонь... Я ее за подолъ да въ охапку, оттащилъ въ сторону... повалилась баба, завyla, сгребла себя воѣ эдакъ обѣими руками за волосы, принялась драть ихъ, ажно, братчикъ, ключья летать... а сама землю кусаетъ, какъ собака: амъ! амъ! амъ-амъ!.. Страшно, братчикъ. Вѣришь, дѣло прошлое, а какъ вспомнишь—жутъ, истинный Господы.. Н-да... дѣла... Одолжи-кась еще курнуть... Прогорѣлъ, другъ, въ чистую... табачишку и того не имѣю,—точно извиняясь, съ конфузливой улыбкой на толстыхъ губахъ пояснилъ онъ.

— Ну, а потомъ какъ-же? — видя, что онъ замолчалъ, спросилъ я.

— А такъ же, что бабу свою о ту пору я изъ петли вынулъ, — какъ бы отвѣчая не мнѣ, а на свои думы, продолжалъ онъ.—Петлю ужъ на шею надѣла, а я тутъ и есть... Стой, говорю, очумѣла, душу губить?.. Н-да! и дуракъ же былъ... Чортъ бы съ ней, пуцай бы давилась!—совершенно неожиданно и съ какой-то злобой въ голосѣ закончилъ онъ.

По нахмуреннымъ бровямъ видно было, что то, о чемъ онъ думаетъ, для него тяжело и непріятно.

— Сгорѣли,—началь онъ опять,—остались въ чемъ были... Что тутъ дѣлать? Думалъ я, думалъ, думалъ, думалъ... Дай, говорю, пойду къ попу схожу, ко священнику, не дастъ ли, молъ, совѣта какого, не научить ли, молъ?.. Ну, пошелъ, прихожу, выходитъ... „Ты, говоритъ, что, Маркель?“ Такъ и такъ, говорю, батюшка... сталъ ему говорить, а самъ, другъ,

слышу, словно кто меня за глотку душитъ... Вѣришь Богу— заплакалъ... Сталъ это онъ меня утѣшать: „Полно, говорить, Маркель, не унывай... вся власть Божья... А я, говорить, и радъ бы тебѣ душевно помочь, да не изъ чего... Вотъ, говорить, на, что могу“... далъ три рубля... „А посовѣтовать, говорить, я тебѣ посовѣтую: сходи, говорить, къ князю. Онъ, молъ, не дастъ ли тебѣ лѣску на срубъ... попроси, поклавайся, князь добрый“...

— Ладно,—продолжалъ мужикъ, улыбнувшись какой-то страшной, злбной улыбкой,—послушалъ я, пошелъ къ князю... Прихожу... прямо на барскій дворъ... Имѣнье огромное... устроено все по богатому... чистота... служащихъ однихъ—конца-краю нѣтъ... Ла-а-дно... Иду это мимо конюшни... слышу, кучера лошадей убираютъ, нокаютъ, ругаются... Зашелъ я къ нимъ... вижу: трое... старшій съ черной бородой, толстый, словно дьяконъ какой, да два помощника... „Тебѣ, спрашиваютъ, кого надо?.. Чего тутъ ходишь?“ Да вотъ, говорю, такъ, молъ, и такъ, къ его сіятельству... Чернобородый и говорить: „тебѣ надо прошенье въ контору подать, а ужъ изъ конторы передадутъ куда надо... Порядокъ здѣсь такой установленъ...“ А кто-жъ, говорю, мнѣ напишетъ?... Самъ я пишу плохо да и струменту у меня такого нѣтъ. „Тамъ, говорить, писарь напишетъ... Да только, говорить, напрасно... наврядъ твое дѣло выгоритъ...“ А молодой конюхъ засмѣялся да и говорить мнѣ: „Чего тебѣ прошенье писать? Валяй самъ... Дѣло твое сурьезное, авось не съѣстъ... Дастъ—дать, а не дастъ—наплевать, не слиняешь ты съ эстого...“ Взаправду, думаю, пойду самъ... что будетъ. А гдѣ-жъ мнѣ его найти?—спрашиваю. „А ловить тебѣ его надо на балконѣ, устроены таматко изъ дому въ садъ балконъ эдакой, ну, скажемъ, навѣсъ, цвѣтами установленъ... Каждое утро, часу эдакъ въ десятомъ, онъ таматко кофій пьетъ, закусываетъ, вѣдомости читаетъ... Ну, вотъ, ты туды прямымъ лицомъ и при“... Ладно, говорю, спасибо! Авось не убьетъ...

— Ну, посидѣлъ я съ ними часокъ, покурили... Подивился я, какъ они лошадей чистятъ... Выхолили — какъ стеклышко, лоснятся! Эхъ, думаю про себя, у насъ ребята того не видятъ, что тутъ лошади... позавидовалъ. Истинный Господь!.. Показали они мнѣ дорогу, гдѣ пройтитъ къ балкону. Обошелъ я это вокругъ хоромъ, вышелъ на эту сторону въ садъ... пошелъ по дорожкѣ къ балкону... картузъ снялъ... въ рукахъ несу... Ну, иду это, братчикъ, по дорогамъ и дивлюсь и самъ себѣ не вѣрю—куда это я попалъ?.. Чисто, понимаешь, рай пресвѣтлый! Твѣты это... одинъ одного краше... фанталъ шибаетъ кверху, а кругъ

фантала каки-то голыя каменные бабы стоятъ... по сторонамъ липы растутъ... здоровенныя, обхвата по три... духъ отъ ихъ... стоятъ во тѣвту, бѣлыя... пчелки божьи летаютъ... Гоже, Истинный Господь! А окошки изъ хоромъ растворены, и висятъ надъ ними, отъ солнышка, вродѣ какъ навѣсы какіе изъ парусины, и слышна, братчикъ, отседа музыка... Такъ, голова, по всему саду и раздастся!..

— Ну, постоялъ я немного, разиня ротъ, послушалъ... пошелъ... Подхожу къ балкону... вдругъ, понимаешь, откеля ни возмись, собака... вотъ эдакая... Истинный Господь, съ жеребенка, съ сосунка... прямо на меня... какъ гамкнетъ!.. Ну, думаю, съѣсть... Испужался до смерти... да со страху-то какъ сигану прямо на балконъ... А на балконѣ-то, гляжу, промежъ цвѣтовъ, самъ князь сидитъ на стулѣ эдакомъ прутьяномъ... качается подъ нимъ въ родѣ какъ люлька... Ноги кверху задраль... въ зубахъ цыгара... самъ въдомости читаетъ. Увидаль меня... должно, испужался... думаль, небось, жуликъ какой грабить пришелъ... Вскочилъ это съ качалки-то со своей, да какъ завопить не своимъ голосомъ, тонкимъ эдакимъ, словно баба-кликуша: „Кто это? Чего тебѣ здѣсь надо? Кто ты?“ Ну, я, понимаешь, пуще его испужался... Бултыхъ ему, ни слова не говоря, въ ноги, и, вѣришь Богу, со страху-то подступили у меня слезы, не могу сдержаться... Скипѣлось у меня на сердцѣ-то, горе-то задавило меня... ну, и нѣту словъ... Ловлю его за ноги да реву коровой и самъ себя, понимаешь, никоимъ манеромъ сдержатъ не могу... „Да что ты?“ закричалъ опять князь не своимъ голосомъ, а самъ, понимаешь, меня подъ рыло-то сапогомъ тычетъ. А я все одно бормочу: „вашеся, вашеся... явите божескую милость“... Обозлился онъ, думаль—пьяный... Какъ дастъ, понимаешь мнѣ эдакимъ макарцемъ, подъ это вотъ мѣсто, сапогомъ-то своимъ разъ... Такъ я свѣту ажно не взвидѣлъ, покотился кубаремъ... А собака, дьяволъ ее заломай, не будь дура, на меня... Я еще пуще испужался... спрыгнулъ съ балкону-то да бѣжать куда-то внизъ, подъ гору, по дорожкѣ... Собака за мной, не отстаетъ, сволочь... кусать не кусаетъ, а только забѣжитъ въ встрѣчу, остановится: „гамы!“ Не даетъ ходу, хотъ ты что хошь... А тамъ ужъ тревогу сдѣлали... Слышу, топочуть сзади... оглянулся—батюшки-свѣты! — четверо, въ рукахъ у каждого по плеткѣ, а сами на дьяволовъ похожи... Съ рыла черные, носья съ горбинами, глазищи, какъ у совъ... Сталь я. Все одно бѣжать некуда... спереди собака, позади—они... Одинъ эфіопъ, ни слова не говоря, цопъ меня за воротокъ, да плеткой какъ шиганетъ вдоль спины... Я, было, съ дуру-то: „ка-а-а-рауль!“ а тутъ, гляжу, и тѣ трое пристали... жучили,

жучили, братчикъ... Какъ живъ только остался, дивное дѣло...

Онъ замолчалъ и провелъ ладонью лѣвой руки по всему лицу, начиная со лба, съ такою молчаливою выразительностью, что мнѣ стало его жалко.

— Ну, и что-же?—спросилъ я.

— Да что! Доползъ кое-какъ домой... Жена спрашиваетъ: „ну, что Господь послалъ?“ А вотъ говорю, гляди, что... Заверотилъ рубаху, кажу ей... „Батюшки, говорить, кто-жъ это тебя испестрилъ такъ, за что?“ А за то, говорю, что не ходи одна, а ходи съ маменькой... Дураковъ учать, какъ на свѣтѣ жить... И съ досады то, понимаешь, съ эстой, съ огорченья, набросился на бабу... Давай ее ни за што, ни про што клочить... Вырвалась та, да бѣжать... Я осатанѣлъ да съ коломъ по деревнѣ за ней... бѣгу, а самъ кричу: „мнѣ попало, и тебѣ попадетъ“... Ужъ и не помню, куды она отъ меня въ тѣ поры упряталась...

— Вижу я, братчикъ, — продолжалъ рассказчикъ, глядя какимъ то пугливымъ взглядомъ на поплавокъ и, очевидно не видя его,—что дѣло мое—табакъ... Эхъ, думаю пропадай все, наплевать! Брошу я эту самую землю, уйду въ люди... авось, молъ, не пропаду... Ай, думаю, я работы боюсь? Али силы нѣтъ? Уйду! Уговорилъ свою шкуреху, —будь она отъ меня проклята отъ нынѣ до вѣку! — Продали лошаденку, овецъ, собрали кое-какіе хундры-мундры, ну и того... „прощай, Москва, прощай столица!“ Н-да, братчикъ, дѣла! Жизнь прожить—не мутовку облизать... Н-да!—закончилъ онъ и замолчалъ, наклоня голову и глядя на свои ноги, распухшія, красныя, съ огромными загнутыми ногтями на большихъ пальцахъ.

II.

Молчаніе длилось довольно долго. Въ кустахъ, позади насъ, назойливо-однообразно чирикала какая-то птичка... Въ осокахъ, на той сторонѣ пруда, квакали лягушки... На поверхность пруда то и дѣло поднимались желтобрюхіе „хритоны“... Большіе сѣрые комары бѣгали по водѣ, скользя по ней, точно на лыжахъ. Вдали, гдѣ виднѣлась полоса темнаго еловаго лѣса куковала кукушка, и ея монотонная пѣсня, какъ-то особенно ясно и отчетливо стоявшая въ воздухѣ,—точно масло по водѣ, расплывалась потихоньку въ необыкновенно чуткой тишинѣ...

— Семь!—сказалъ вдругъ неожиданно мужикъ и, улыбаясь, посмотрѣлъ на меня.

— Что семь?—спросилъ я, не понимая.

— Семь годовъ житья мнѣ осталось, — сказалъ онъ, — кукушка вонъ куковала... считалъ я... Ну, что-жь... семь, такъ семь, и то ладно... а по мнѣ хотъ сейчасъ—не заплачу... Сколько ни живи, а умирать не миновать... Такъ ли, братчикъ, а?..

— Такъ, значить, и бросилъ деревню-то, въ Москву ушелъ? Что же тамъ?

— Цѣлыхъ, почитай, два года въ дворникахъ выжилъ. Можетъ, и больше бы прожилъ, да жененка, стерва, съ хозьяйскимъ сыномъ спуталась... Отъѣлась, сволочь, на хорошихъ-то харчахъ, зажирѣла, гладкая стала, бѣлая, красивая... Ну, а ему, знамо, худо-ли.

— Какъ же ты узналъ?—спросилъ я.

— Какъ, какъ!—точно разсердившись на мой вопросъ, воскликнулъ мужикъ.—Добрые люди глаза открыли. Добрые люди этому рады, медку слизнуть... Ну, знамо, осатанѣлъ я, ключку ей... Съ мѣста оба долой... Другое сталь подыскивать... Тутъ ужъ у меня кое-какіе знакомые завелись... Вышло мѣсто на фабрику. Въ сторожа меня предѣлили. Ну, ладно. Приѣхалъ я съ женой по утру, слѣзъ съ машины, пошелъ. Прихожу прямо къ воротамъ: сидятъ два сторожа, въ шапки отъ нечего дѣлать играютъ... Одинъ, который помоложе и, спрашиваетъ: „а это, говорить, жена твоя, что-ли?“ Жена, говорю, законная. А что? говорю. „Да ничего, говорить, ишь, она у тебя какая гладкая, сытая... Самъ такихъ любить... Не сумлѣвайся, землякъ, быть тебѣ на мѣстѣ!

— И что-жь братчикъ, думаешь? — воскликнулъ рассказчикъ, повернувшись ко мнѣ. Истинная, сейчасъ провалиться, правда. По бабѣ только и меня взялъ. Такая-то, понимаешь, сволочь, не приведи Богъ. Ни одну сукинъ сынъ не упустить—всѣ молодыя бабенки его. Высокій, ноги долги, съ рыла рыжий. Англичанинъ какой-то... песь его знаетъ... Попадись теперь—убью, истинный Господь, убью! Имъ, сволочамъ, все можно... Нѣтъ, тпру! погоди, и наше время подходит! Мы вамъ пропишемъ...

— Ну, поступилъ я, предѣлился, сталъ жить.. Жененка тоже на дѣло попала, ей три бумажки положили... Каморку дали на четверыхъ: я съ женой да мой товарищъ — сторожъ, тоже съ бабой... Посмѣнно мы съ нимъ у воротъ дежурили... Я двѣнадцать часовъ, онъ—двѣнадцать. Я по ночамъ, онъ днемъ. Ну, пожилъ... привыкъ, намотался... Жизнь, братчикъ, фабричная, не приведи Создатель... аки вотъ, истинный Господь, въ аду кинишь... Народу много... дѣвки это... все отчаянныя... „деньги ваши, будутъ наши“... Попадетъ особливо холостой, живо съ копыльевъ слетить... Водку эту глушатъ, аки воду.. Въ карты жарятъ. Нала-

каются пьяные, пойдутъ съ гармошками, съ дѣвками гулять... пѣсни орутъ, безобразничаютъ... съ ножами ходятъ... Слова не могли сказать — зарѣжутъ, истинный Господь! Отчаянный народъ московскій, не приведи царица небесная. Я было съ дуру-то, по первому-то разу, строго дѣло повелъ, да меня, братчикъ, живо укротили... Дежурилъ я у заднихъ воротъ. Приказано было на ночь ихъ запирать, а въ калитку безъ дѣла никого не пущать... Я было такъ и повелъ, не сталъ пущать... Только вотъ разъ сижу, глядь—идетъ артель чело-вѣкъ десять, съ дѣвками, прямо ко мнѣ. „Ты это, говорятъ, чего здѣся, косопузый чортъ, за начальство сидишь, а?“ Баць меня ни съ того, ни съ сего по уху, баць по другому, начали валтузить... Я было: караулъ! А они мнѣ ротъ-то зажали, да и того—и по бокамъ-то, и по рылу-то... Вотъ это мѣсто, около глазу, наскрозъ прошибли... Крови изъ меня выпустили—конца-краю нѣтъ!.. Съ тѣхъ поръ, братчикъ, полно, шабашъ, по другому дѣло повелъ: что и вижу, такъ не вижу, что и слышу—не слышу... Сбили съ меня форсъ-то, вся политура сразу слѣзала... И дѣло мое, гляжу, съ эстого разу пошло въ гору... Прямо скажу: полюбилъ меня народъ, доходишко кое-какой образовался... Глядишь—тотъ запоздалъ, а пройти нужно, сейчасъ пятакъ... А то, глядишь, изъ лавки къ казенкѣ кто волочетъ что на похмѣлье... Разъ съ цѣльнымъ мѣшкомъ двоихъ пропустилъ... на половинку дали...

— Привыкъ я... сталъ за галстукъ закладывать... Какъ липняя копѣйка завелась, сейчасъ ее подъ ноготокъ... Грѣш-ный человекъ, по пьяной лавочкѣ отъ жены погуливать сталъ. Мамзело одну себѣ приначилъ... Что она ни до-будетъ, все, бывало, и пропьемъ вмѣстѣ... Немолодая была, а полюбился я ей.. пристала, не отдерешь... какъ пластырь, Истинный Господь... Жены только я все опасался сдуру-то... Опасаться-то нечего было: она допрежъ того этимъ самымъ дѣломъ занялась. Спуталась съ табельщикомъ... а мнѣ, по-нимаешь, и ни къ чему... Ночь-то меня дома нѣтъ, ну, а днемъ-то она на работѣ... Приду по-утру, перехвачу чего ни на есть, спать... А тамъ, глядишь, выпью... Дѣло-то бы оно такъ и шло, да, спасибо, эта самая моя мамзеля глаза мнѣ открыла. „Ты, говоритъ, Маркель, что знаешь? Вѣдь твоя, говоритъ, милая-то половинка съ Игнатъ Тимофеичемъ, съ табельщикомъ, снюхалась...“ Врешь?!—, Сичасъ издохнуть, го-ворить, не вру. Ступай-кась, говоритъ, часиковъ въ десять въ чепуху—увидишь...“ Такъ она мнѣ этими словами сердце пронзила. Ахъ ты, думаю себѣ, погоди, я тебѣ покажу Игнатъ Тимофеича, до морковкиныхъ заговинъ не забудешь!.. Собрался это я по вечеру... сердце кипитъ... Трахнулъ половинку для

смѣлости... Прихожу въ чепуху, а ужъ эта полюбовница-то моя тутъ. „Они, говорить, въ каморкѣ... тамъ ихъ, говорить, компанія. Ванька Бузинъ со своей шкурой, Михайло Петровичъ булгахтеръ съ Танькой Голядской, да Игнатъ Тимофеичъ съ твоей пиво глушатъ... Ступай, говорить, полюбуйся, какъ жены-то, Богомъ даденныя, отъ мужей пузья дѣлаютъ“... Распалила меня, окаянная сила, во какъ—страсть... Побѣжалъ я въ трактиръ... прошелъ мимо буфету, сквозь всю залу, прямо въ каморку... отворилъ дверь, гляжу... ахъ ты, сила окаянная... Сидитъ этотъ самый Игнатъ Тимофеичъ, а моя шкура у него на колѣнкахъ и лѣвой ручкой за шею обхватила... Пѣсни поютъ, а на столѣ, насупротивъ ихъ, бутылки съ пивомъ, стаканы, закуска... Эхъ, вѣришь Богу, братчикъ, какъ увидаль я это,— пошелъ, слышу, по всему тѣлу холодъ, а передъ глазами, словно кто фонарики зажегъ, замелькали огоньки, часто эдакъ, инда глазамъ больно... Ну, сгребъ я ее тутъ, понимаешь, ни слова не говоря, за глотку, и пошла у насъ, братчикъ, передѣлка... Подскочилъ было этотъ самый ко мнѣ Игнатъ Тимофеичъ... заступиться хотѣлъ... А я его ка-а-къ шаркну бутылкой пивной... брыкъ онъ! прямо на столъ... Столъ къ чортовой матери!.. Хозяинъ прибѣжалъ, половые, гости, начали меня укрощать... Разгорѣлся я, самъ себя не помню... Какъ котораго ни ахну,—съ ногъ долой! Ну, однако, спшибли меня, кто-то по затылку бутылкой тарарахнулъ. Помутилось въ глазахъ, свалился... Очухался въ больницѣ... избили всего, живого мѣста не оставили...

— Поправился, вышелъ изъ больницы, меня сейчасъ на выносъ, къ расчету... Получилъ расчетъ, пошелъ, выпилъ, какъ слѣдовательно... Пойду, думаю себѣ, къ бабѣ, велю ей сряжаться, вмѣстѣ уйдемъ... Ладно! прихожу въ каморку... нѣту ея... сталъ дожидаться. Гляжу, идетъ. Посмотрѣла на меня этакъ сбоку, ничего не сказала, диви, не узнала... Платьишко, гляжу, на ней, даромъ что на работѣ была, хорошее... Такого у ней, думаю, словно не было. Закипѣло, слышу, во мнѣ опять все, какъ кипятокъ въ чугуиъ.—„Здорово, говорю. Аль не узнала?“—Какъ, говорить, не узнать! Аль вышелъ изъ больницы-то? Мало, говорить, тебя, озорника, клочили... „Ахъ ты, говорю, лахудра ты эдакая... Да я, говорю, тебя превращу сейчасъ въ соль и отвѣчать не стану. Я тебѣ кто?.. Что во святомъ-то писаньи сказано, говорю, а? Сказано: „жена да боится своего мужа“, а ты, трепло, что, а?.. Сряжайся, говорю, бери расчетъ... пойдемъ... Не желаю я здѣсь находиться.“— И что-жъ ты, братчикъ, думаешь, она мнѣ дернула на это, а?

Разсказчикъ замолчалъ и вопросительно смотрѣлъ на меня, ожидая отвѣта.

— Не знаешь? Не дай Богъ и знать. „Не пойду,—говорить,—на кой ты мнѣ нуженъ. Трепаться-то съ тобой?“—Хватило-же, понимаешь, у сволочи смѣлости такія слова сказать мужу, а? Стало быть, хороша... Хватило же смѣлости, а? Ну, гляжу я на нее, своимъ ушамъ не вѣрю. — Не пойдешь? — говорю. „Нѣтъ... Ступай одинъ, коли охота, а мнѣ и здѣсь жить можно“.—Вскочилъ я тутъ, братчикъ, да за ней... Она за дверь по коидору... „Караулъ!“ кричить... я за ней... коидоръ-то длинный, есть гдѣ рагуляться... бѣжить она, а сама оглядывается... А я, понимаешь, словно волкъ остервенился... Настигъ, сцопалъ за это мѣсто, за повойникъ... Стой! теперь наша! Сшибъ на полъ, да ногами подъ бока, и такъ и эдакъ, и такъ и эдакъ... Будешь?—спрашиваю.— „Буду“, говорить.—Будешь?—„Буду!“ Вцѣпилъ я ей лѣвой рукой за пастъ-то, зажалъ, а правой по мордѣ... валилось все кровью... Будешь?—говорю.—„Бу-бу-ду“—булькаетъ только, понимаешь, а выговорить не можетъ, что, дискать, „буду“... До того, братчикъ, билъ, усталъ инда, словно цѣльный день въ рошѣ работалъ. Забилъ бы, истинный Господь, до смерти, кабы не хожалый Наумъ Василичъ... сказали ему... при-бѣжалъ, отбилъ, а то бы крышка!..

— Ну, тутъ ужъ и мнѣ опять попало... били, не жалѣли... Директоръ велѣлъ сказать, чтобы уходилъ, пока цѣль, а то-де плохо будетъ. Полицію, дескать, позоветъ... А жену бить не смѣешь, и ничего ты съ ней сдѣлать не можешь, коли она съ тобой жить не желаетъ... Надо уходить, думаю, ничего не попишешь, а куда?.. Пошелъ съ горя въ казенку... Любовницу свою позвалъ. Взяли бутылку, колбасы взяли, выпили. Пошли въ трактиръ, чаю заказали двѣ пары, баранокъ сдобныхъ фунтъ. Потомъ далъ ей денегъ, сбѣгала она въ казенку, принесла еще половинку... И сдѣлался я, братчикъ, пьяный... Она-то ничего, а я вдребезги... съ огорченья, видно, ослабъ... Вышли изъ трактира, ткнулся я въ канаву, уснулъ, какъ умеръ... Проснулся—темно, ночь. Собаки гдѣ-то брешутъ, дождикъ идетъ, моросить. Опомился,—гляжу—сапогъ на мнѣ нѣту... Я—въ портки, кошелька нѣту... Вскочилъ, сѣлъ, дрожу весь... Что, думаю, сдѣлать теперь? Куда идти?.. Всѣ спать, трактиры заперты... надо разсвѣту дожидаться... Нащупалъ въ карманѣ кисетъ... Въ кисетѣ видъ мой лежитъ. Ну, думаю, слава Богу, хоть видъ-то цѣль. Легъ, картузь подъ щеку, свернулся калачикомъ, какъ собачонка, а зубами-то—тра-та-та, тра-та-та... Холодно, мокро... да съ похмѣлья-то... смерти!.. Забылся, однако... въ родѣ какъ бы уснулъ... Очухался, гляжу: бѣло... гудокъ оретъ, машина бѣжить, стучить колесами объ рельсы... Дождя нѣтъ, пересталъ. Заря занимается, разъяснѣло, на небѣ чисто... хороший

день будетъ. Сълъ это я, досталъ кисеть, свернулъ, закурилъ. Хотѣлъ было идти... глядь: отъ фабрики по мосту бѣжитъ баба, шалью покрыта... шаль трепыхается однимъ концомъ... А вѣдь это она, думаю себѣ, самая моя мамзеля. Подбѣжала... запыхалась... „Проснулся?“ Проснулся. „Что же это ты разумись-то? Гдѣ сапоги? Батюшки, неужели сняли?“ — Стало быть, говорю. Проснулся — нѣту... другіе наказывали припасать. И кошелекъ, говорю, нѣту. И кошелекъ уперли. „Кошелекъ то, говорить, у меня. Я взяла. Ужъ очень ты сразу, дивное дѣло, ослабѣ: тащила, тащила, словно мертвый лежишь. Дура я, сапоги не догадалась стащить,—цѣлы бы были... Чай, иззябъ?!“ Смерть!.. „Ну пойдёмъ въ трактиръ... отперли... я тебя обогрѣю... А твою-то, говорить, милую половинку въ больницу положили... Очень ты ее вечеро разукрасилъ ловко“...—Чортъ съ ней, говорю, хоть бы подохла... наплевать! — „Ой-ли?“ говорить. Истинный Господь!—Смѣется, любо ей. — „Видно, говорить, это не я, дура. Я развѣ не могла бы, говорить, твой кошелекъ-то себѣ взять?.. Анъ не взяла, мнѣ тебя жалко. Уйдешь ты вотъ, а я опять одна останусь... Никого у меня нѣтъ... все тутъ... И въ жизни-то, говорить, своей радости не видала... Шпитонка я, казенная... Били, говорить, меня только безперечь всю жизнь... Жалко мнѣ тебя до смерти... опять я одна“.—Ну, другого, говорю, какого-нибудь гусара подыщешь... мало-ли... найдется. И мнѣ тебя жалко... привыкъ! А что станешь дѣлать?..

— Ну, посидѣли мы въ трактирѣ, водочки выпили, похмѣлился я, чайку попили... Куда-жъ мнѣ теперь?—говорю.—„Ступай, говорить, въ городъ. Сапожонки перво-наперво какія-нибудь головки подержанныя купи, а тамъ, говорить, иди въ деревню, въ работники наймись... Дѣло лѣтнее, народъ нуженъ. Приткнешься гдѣ-нибудь“ .. Утѣшила меня, понимаешь, словами этими, другой сталъ, ожилъ... Еще выпили... Принялась она плакать... не пускаетъ меня: „посиди да посиди, такой-сякой, немазаный“... Провожать меня пошла... На свои половинку на дорожку купила. Отошли отъ фабрики эдакъ побольше версты, сѣли на бережокъ, выпили изъ горлышка, закусили колбасой, посидѣли... Плакать она опять принялась, и мнѣ ее, вѣришь, въ родѣ какъ жалко стало. Душевная баба, Истинный Господь! Хитрости въ ней не было... прямая была, ей-Богу!

— Посидѣли мы. Говорить не говоримъ, въ родѣ какъ не объ чемъ... Плачетъ. „Ну что же, говорю, идти надо... Прощай, буде, не забывай... Можетъ статься, свидимся когда“.— „Богъ съ тобой, говорить, прощай, Маркель... Дай тебѣ Господи... Можетъ, говорить, когда обо мнѣ вспомнешь, а

я, говорить, завси... Приходи, коли что, послѣднюю корку горѣлую раздѣлю пополамъ, не пожалѣю"... Ну, попрощались мы... Отошелъ я шагъ на сто, оглянулся... Стоит она, глядитъ мнѣ вслѣдъ... Еще отошелъ, опять оглянулся: стоит все моя баба, издали вижу, плачетъ... Махнулъ ей вдаль картузомъ: „прощай, молъ!“ и пошелъ, и оглядываться больше не сталъ.

— Н-да!—произнесъ мужикъ, помолчавъ,—вотъ ты и говори... чужая, а...

Онъ не докончилъ и опять замолчалъ, какъ бы что-то думая, низко опустивъ свою косматую голову.

III.

— Пришелъ я въ городъ,—началъ онъ, очнувшись,—купилъ въ лавкѣ сапожонки подержанные за три четвертака. Пошелъ въ трактиръ чай пить... А день былъ базарный, въ трактирѣ всѣ столы заняты, сѣсть негдѣ... Ходилъ, ходилъ промежъ столовъ, приткнуться негдѣ... Пошелъ было уже вонъ, хватъ,—у самага у порога въ уголкѣ сидятъ за столомъ трое: мужикъ, баба да мальчикъ, и одинъ уголъ стола у нихъ свободень... Тутъ я и примостился... Подаль мнѣ шестерка чаю, налилъ я, сталъ пить... Вижу—не кипяченой водой чай заварень... Ну, да ужъ что станешь дѣлать,—пью... Мужикъ съ бабой молчатъ, на меня поглядываютъ... Мужикъ съ виду сурьезный, немолодой ужъ, лѣтъ эдакъ, сказать тебѣ, подъ шестьдесятъ... бородача во какав, по пупокъ, надъ глазами брови висятъ сѣдые, росту самъ большого... грузный... Сидитъ въ одной рубашкѣ и воротъ отстегнулъ,—жарко ему... Бабенка насупротивъ его сидитъ, чай разливаетъ по чашкамъ... красномордая, молодая, гладкая... Не иначе, думаю себѣ, сноха это его... Ну, сидимъ это мы, другъ на дружку поглядываемъ... Мужикъ вдругъ и говоритъ: „Ты говорить, землякъ откуда?“ Да я, говорю ему, не здѣшній... Калуцкой... жилъ на фабрикѣ, расчелся.. Разсказалъ ему, какъ и что... „Стало быть, ты, говорить, теперича безъ дѣловъ?“—Безъ дѣловъ,—говорю. „А ты, спрашиваетъ, работу хресьянскую можешь вести?“—Ну, вотъ, говорю, я самъ хозяинъ былъ. И сейчасъ бы былъ, кабы не божья немилость. „Та-а-а-къ! — говоритъ. — И видъ у тебя есть?“ Есть, знамо... безъ виду нешто возможно. Замолчалъ онъ, поглядѣлъ на меня и говоритъ: „Пойдешь ко мнѣ на лѣто въ работники?.. Много-ль возьмешь съ меня до Казанской?.. Работать, говорить, на четыре души... Ну, знамо, и я, говорить, тоже помогать буду... Да мнѣ, говорить, нельзя за-

вси-то, у меня другое дѣло... углемъ занимаюсь... въ Москву поставляю на мѣста... Этимъ круглый годъ кормлюсь... Сынъ у меня, говоритъ, есть... въ Москвѣ живетъ по футлярному дѣлу... Это вотъ, молодушка-то, жена его, а это сынишка... Къ Петрову я его выпишу на покосъ,—косите вмѣстѣ, травы у меня много... Своей много, да сываю еще рублей на двадцать пять... Нельзя иначе, — скотина: двѣ лошади, жеребенокъ-стриганъ, быкъ, корова, овцы. Прямо скажу—полонъ дворъ скотины... Самъ я вдовый, старуха давно представилась... Живу вотъ одинъ... она воѣ за хозяйку... Сынъ въ Москвѣ и, сказать тебѣ по совѣсти, неудачный: соплей перешибить... худой, махонькій, а за воротъ-то запускаетъ во какъ! Въ домъ подаетъ плохо,—забастовщикъ, сукинъ сынъ... Ни въ Бога, ни въ царя не вѣруетъ... Развелось ихъ, анафемъ, конца-краю нѣтъ... „Слабоды“ ишь какой-то имъ надеть... Мошенники! Начальства надъ собой не признають никакого, господамъ грубятъ... Какой-нибудь сукинъ сынъ, и цѣна-то ему монетка,—готовъ постарѣ себя за глотку... „Ты, говоритъ, старый чортъ, отжилъ свое, пора тебя и на свалку въ навозъ, а то, говоритъ, отъ тебя зараза идетъ“... Допустилъ царь-батюшка до чего! И къ намъ въ деревню трое повадились ходить... Книжки читають... листки какіе-то... Я разъ ваялъ одинъ, думалъ—Троицкіе отъ преподобнаго Сергія... поглядѣлъ—вотъ такъ троицкіе! Уряднику показалъ.. такъ, моль, и такъ, господинъ урядникъ, народъ баламутятъ, супротивъ начальства, нехорошо... А онъ, урядникъ-то, сукинъ сынъ, взялъ листокъ, да какъ сунетъ мнѣ въ рыло: ахъ ты, говорить, сволочь старая, не твое, говорить, дѣло,—начальство и безъ тебя знаетъ!.. Такой же, видно, и урядникъ—забастовщикъ! Въ храмъ Божій—и то перестали ходить... Батяка сталъ сердчатъ: „Служи, говорить, а для кого, для бабъ“... А баба, самъ посуди, кака спосуда, что она смыслить, кака у ней молитва...

— Ну, такъ какъ же, говорить, землякъ, что скажешь?.. Подумалъ я, подумалъ: все одно, куда-жъ итти, а пить-ѣсть надо. Ладно, говорю. Стали рядиться... Онъ свое, я свое выговариваю... Крѣпкій, вижу, мужикъ... выжига, прижима... Ну, да и я тоже не пальцемъ струганъ, вижу, куда гнетъ... Стакались, сошлись, порядились... Отдалъ я ему тутъ же пачпортъ, а онъ приказалъ половому еще половинку принести... Выпили, спрыснули. „Пойдемъ, говорить, теперича на базаръ, въ лавки зайдемъ, поглядимъ тамъ, что надо, поросенка выберемъ, да и со Христомъ ко дворамъ...“ Вышли мы изъ трактира, пошли въ ряды... Зашли въ одну лавку, краснымъ товаромъ торгуетъ, на три раствора, богатѣющая... На-

роду страсти! Подошли мы всё къ стойкѣ. „Дака-сь, говоритъ мой новый хозяинъ приказчику, ситцу, да, гляди, безъ обману, давай какой подобротнѣй“... „Да ужъ будьте покойны-сь,—тотъ говорить, — кожа-сь, а не ситецъ“... Началь прикащикъ куски съ полокъ кидать. Начала Аксиньюшка выбирать... Бабенка, вижу, того, голой рукой не бери... Тотъ не хорошъ, этотъ не ладенъ... Откидываетъ куски, какъ навозъ вилами... Прикащикъ инда сердчать сталъ,—упарила она его... Выбрала подъ конецъ... Начали торговаться... по семнадцати монетъ купили 16 аршинъ... на два семь гривенъ сразу. „Теперича, говорить, кружевовъ давай да пуговицъ“. Купили и этого... „Ну, теперича, говорить хозяинъ,—пойдемте башмаки покупать къ Плошкину въ лавку, а тамъ, говорить, ты, Аксиньюшкѣ, сказывала даве, сачокъ, ишь, какой-то тебѣ нуженъ? Ужъ за одно бы, все едино тратиться-то, авось, говорить, зачтется... А самъ на молодую глядять, и улыбка умильная на устахъ... Гм! — думаю про себя... Пришли въ лавку, велѣлъ показать полсапожки. Подаль приказчикъ простые. Думалъ, небось, баба деревенская, какого ей еще рожна... А она,—вонъ те и баба,—взяла, да какъ шваркнетъ ихъ.—„Чего ты мнѣ, говорить, дерьма-то суешь... не видывала я... ты давай мнѣ пцигреньевы, на низкомъ каблукѣ съ благороднымъ скрипомъ, да калоши резиновыя мелкія“. Подаль тотъ. „Цѣна?“—„Три—полсапожки, безъ четвертака два—калоши“... Ловко, думаю про себя... Ай, да Аксиньюшка!. Отдалъ старикъ деньги... выкинулъ, все равно какъ соръ какой... Ну, думаю, теперича, что будетъ... Куда пойдемъ?.. Приходимъ, гляжу, въ одежду лавку. „Что вамъ угодно-сь?“ „Да вотъ бабѣ сачекъ какой-то... есть у васъ?“ „Сачекъ? Помилуйте-сь! У насъ сколько угодно-сь... пожалуйста на верхъ-сь...“

— Полѣзли мы всё за малымъ наверхъ, на чердакъ, въ родѣ какъ на какую-то вышку аль на колокольню... Встрѣтилъ насъ таматко другой малый... приказчикъ, что-ли, песь его знаетъ... здоровый, морда лопнуть хочеть, винищемъ разить... Обрадовался намъ... закидалъ словами... „Ты, молодецъ,—говорить ему мой хозяинъ,—не торопись, не танцуй, намъ не на пожаръ, показывай товаръ получше“...—„Будьте покойны-сь, будьте покойны-сь... Вотъ пожалуйста: картина-сь, а не сачекъ... Извольте взглянуть, купецъ... глазамъ больно-сь... ослѣпнешь“... Стою это я въ сторонкѣ, гляжу на нихъ, и чудно мнѣ, Истинный Господь, дивлюсь я, чего это они покупаютъ. Понимаешь, братчикъ, сачекъ этотъ болтается на бабѣ, словно тряпка на колу... ни красы, ни радости... На кой онъ ей, дурѣ, думаю, сачекъ-то этотъ, неужли въ деревнѣ носить будетъ?.. Ладно. Стою, жду, что дальше будетъ... Мѣрила, мѣрила наша мадама сачковъ этихъ...

штукъ десять перемѣрила... все не по ней! Чисто, понимаешь, голова, барыня какая... Подъ конецъ и языкомъ трепать, сердешный, пересталъ... подаетъ молча... Ну, выбирала она, выбирала, вертѣлась, вертѣлась передъ зеркаломъ-то... и такъ гузномъ-то повернетъ, и эдакъ... выбрала, глядѣть на бабу совѣстно, Истинный Господь... „Ладенъ ли этотъ батюшка, будетъ?“—спрашиваетъ у свекора.—„А мнѣ что,—тебѣ носить то... гляди... Ладенъ, такъ ладенъ... объ цѣнѣ будемъ говорить... Какъ цѣна-то, а? Много-ль положишь?“— „За этотъ-съ? Съ васъ только безъ запросу восемнадцать съ полтиной-съ! Дешевле нельзя-съ, всѣ берутъ... мода-съ! Фасонъ одинъ чего стоитъ... матерія“... Взялъ мой хозяинъ у него изъ рукъ сачекъ этотъ, оглядѣлъ кругомъ, встряхнулъ, и обернулся ко мнѣ: „Какъ, говорить, думаешь, много-ль давать?“—Да много-ль, говорю... бутылки на двѣ подыметъ...—За смѣялся приказчикъ.—„Нонче, говорить, заэдакую цѣну до вѣтру не сходишь“... Начали торговаться, бились, бились, сошлись, слава Богу, за двѣнадцать съ четвертью да на чай приказчику... Въ двѣнадцать, значить, сорокъ пять этотъ сачекъ-то вскочилъ!.. Полѣзли опять на низъ, старшему деньги отдали...

— Пошли послѣ того на постоялый, оставили тамъ покупки... четверку овса лошади всыпали и опять на базаръ къ садкамъ, гдѣ поросятъ продаютъ... Хозяинъ все ищетъ изъ боровковъ курносаго, а молодая свинку. „Борова, говорить, мнѣ не надо... съ боровомъ хлопотъ много... лягчатъ, говорить, надо... то... се... бери его себѣ, коли хошь... вѣшай на шею... а мнѣ свинку давай“... Ишь ты, думаю я себѣ, похоже, бабочка-то съ норовомъ... задомъ бьетъ... кнута, видно, только хорошаго себѣ не найдетъ... Настояла баба на своемъ, купили свинку безъ четверти за пять, на постоялый пошли, оставили ее тамъ, дворнику наказали: поглядывай, молъ, а сами опять въ трактиръ пошли чай пить... Съели за столъ, хозяинъ и говорить:—„Ну, теперича, говорить, надѣть покупки спрыснуть... Выпьемъ Аксиньюшкѣ... Я тебѣ красенькаго, кагорцу хошь?“ Постучалъ. Велѣлъ половинку подать простого, да краснаго... Принесъ половой. Выпили... Мнѣ подносить впередъ своего... „Пей, говорить, не бойся... Я самъ пью. Водка у меня завси... никогда не переводится“. Ну, раздавили мы съ нимъ эту половинку, еще велѣлъ подать... и эту шпокнули... Гляжу,—мой хозяинъ заговорилъ по другому: покраснѣлъ, вспотѣлъ, глаза словно масломъ смазалъ и все, понимаешь, на бабенку поглядываетъ... „Выпей да выпей“... Та, гляжу, выпить тоже не дура: рюмку за рюмкой такъ и пошвыриваетъ... Смѣется, зубы скалить... на меня поглядываетъ... Я смотрѣлъ, смот-

рѣлъ на нее, да тоже, возьми, глазомъ и моргони... дикать: „я тебя моргану, а ты догадайся, я тебя поману, а ты подвигайся“.. Гляжу, ничего она... рада... смѣется... Ну, думаю, ладно, Маркель Иванычъ, наше съ тобой дѣло на колесахъ поѣхало... А его, стараго лѣшаго, развеало: взялъ эдакъ рукой правой ее по плечу хлопты.. А потомъ, гляжу, безъ стыда за грудки прихватилъ. „Баба она у меня, говоритъ, форменная... вотъ она, пятьсотъ дана! Такъ, что-ли, Аксинья да Петровна?“—„Отстань, говоритъ, старый кобель... Ишь, тебя разбираетъ лихая-то година. Погоди, пожалуйсъ мужу, онъ те покажетъ“... „Боюсь я, говоритъ, твоего мужа, какъ лѣтошняго снѣгу... Сопляка-то... гдѣ ужъ ему... ему козой владѣть, а не эдакой бабой... Онъ про тебя и думать то забылъ... чего ему! Уткнетъ морду въ книжку... ни фига не видитъ... Много ты отъ него получаешь? Два бѣлыхъ, а третій какъ снѣгъ... Добыча-то его плюнуть стоитъ, и все на глотку да на книжки. Домой прїѣдетъ,—люди гостинца везуть, а онъ книжекъ похабныхъ... мужикамъ читаетъ, народъ смущаетъ... И дивное дѣло... въ кого только такой чортъ уродился?! У насъ и въ роду-то такихъ не бывало... Съ нимъ начальникъ говоритъ, а онъ въ носу ковыряетъ... Нешто это порядокъ? Сволочи! „Слабоды“ имъ, чертямъ! Въ-шають дьяволовъ, да мало... Забастовщики окаянные, тьфу!“...

Не утерпѣлъ я: чего, говорю, костишь-то его... Что, молъ, онъ у тебя за разбойникъ такой, Чуркинъ?..

— Не люблю, говоритъ, больно умны стали... А ты молчи, говоритъ, не серди меня... Я, выпимши, нехорошъ бываю... Не говори мнѣ насупротивъ ничего... Чортъ съ тобой, думаю, не великъ баринъ-то... Князь какой, подумаешь, Хованскій... Снохачъ чортовъ!.. Разобрало его... кликнулъ полового... велѣлъ пива двѣ бутылки принести... Я пить не сталъ, онъ одинъ вылокалъ... Вылокалъ, братчикъ, да и того, гляжу, съ копыльевъ долой, опьянѣлъ мой мужикъ... Сидитъ, хлопаетъ глазами, какъ сова, и языкомъ еле ворочаетъ, а все бахвалится:—Я, говоритъ, супротивъ десятерыхъ выстою.—Аксинья ему не перечить, смѣется, а сама мнѣ, понимаешь, глазомъ моргаетъ... Ахъ ты, думаю, сволочь ты эдакая... Взять бы тебя, да объ уголь... Пошли изъ трактира съ молодой лошадей глядѣть, колеса мазать... Ну, и смазали же ловко,—и теперь, чай, не скрипятъ...

Онъ засмѣялся и поскребъ обѣими руками голову.

— Вѣдь вотъ онѣ, бабы... возьми ихъ... Истинный Господь, всѣ на одинъ покрой... Ну, знамо, одна похитряе, другая поплеше... одна этакъ концы схоронить, другая эдакъ, а дѣло-то все одно выходить... Тѣ же портки, да назадъ гашникомъ повернуть...

— Справили лошадь, покупки уложили, отдали дворничихъ за постой, сѣли, выѣхали за ворота къ трактиру. „Ступай, говорить мнѣ баба, тащи его пса отседа... чай, раздрябъ, кисель киселемъ“... Пошелъ я... Гляжу, сидитъ мой бурлакъ за столомъ, клюетъ носомъ, а мальчишки нѣту при немъ. Гдѣ-жъ онъ?—думаю. У полового спросилъ: не видалъ ли, молъ. „Въ бильярдную, говорить, пошелъ“. Заглянулъ я туды. Вѣрно, гляжу, здѣсь онъ... папироска въ зубахъ... курить... Ахъ ты, думаю себѣ... вотъ ужъ „сынъ въ отца, отецъ во пса, вся семья въ бѣшеную собаку“. Взялъ его отседа... пошли къ самому. Насилу съ половымъ спустили по лѣстницѣ... Завалили на телѣгу, какъ борова... Сѣли, поѣхали по городу... растрясло его по камнямъ, блевать принялся... Блажить на всю улицу... головой объ грядку колотится... самъ безъ картуза... Народъ идетъ, глядятъ, смѣются... „Далече ли, говорятъ, падалъ везете?“ А тамъ, понимаешь, малость прочахъ, началъ пѣсни орать, да все норовитъ позабористѣй:

„Капустка моя, мелкорубленная,
Отойди, шантрапа, я напудренная!..“

— Ъхали до дворовъ долго... Поѣхали селомъ Кузьма-демянскимъ, глядь—а въ немъ казенка, трактиръ около... Ну, знамо: „стой! приворачивай!“ Пошли въ трактиръ... Насъ трактирщикъ въ особую каморку,—почеты!.. Съ самимъ за ручку, съ бабой тоже... „Пожалуйте!.. Изъ города-съ? Чайку вамъ? Три пары?.. Съ лимончикомъ прикажете? Бараночекъ-съ? Свѣжія Хрусталева-скія-съ“... Сѣли за столъ къ окну. Меня тоже посадили. „Садись, говорятъ, какъ тебя... чего стоишь-то, чай, мы не господа“... Трактирщикъ принесъ чаю, баранокъ: „Пожалуйте! Что въ городѣ новенькаго-съ? Какъ насчетъ Думы-съ? Что слышно?“ А мой и говорить ему: „Ни рожна я, говорить, не слыхалъ... Кака тамъ Дума... выдумашь... На кой она намъ лядъ: жили безъ нея и опять жить будемъ... Народъ только смущаютъ, а и все-то дѣло наплевать стоитъ! Давакась, неси половинку“. Выпили, захватили съ собой четверть, сѣли и поѣхали...

IV.

— Приѣхали въ деревню—скотину, гляжу, гонять,—продолжалъ рассказчикъ.—Стройка хорошая: двѣ избы, крыты желѣзомъ, дворъ дранкой... Слѣзали, отпрегъ я лошадь. Вышла ко мнѣ старуха, Аксюткина мать... „Работникъ, говорить, новый, знать?“ Да. Самъ меня спрашиваетъ: „Ну

что, голова, какъ у меня, по твоему, а?" На что ужъ лучше... полная чаша!.. И вѣрно, братчикъ, все у него въ порядкѣ, всего много, каждая вещь у мѣста „Я, говорить, все приобрѣлъ... моими трудами нажито“... Пошли въ избу... Двѣ избы-то, одна зимняя, другая лѣтняя, сѣнями раздѣлены... Въ одну—дверь клеенкой обколочена зеленой, гвоздиками мѣдными пришта, а скобка,—за что открываютъ-то,—тоже мѣдная, начищена, словно золото, истинный Господь, горьма-горить!.. Отворилъ хозяинъ эту дверь: „шагай!“ говорить. Вошли. Гляжу я, братчикъ, горница, на избу не похожа... словно, голова, у господь... стулья, диванъ... стѣны обоями обшиты... портреты висятъ... въ переднемъ углу Божья благодать, все въ ризахъ... на полу половики подостланы, чтобы, значить, полъ не топтать сапогами... Цвѣтки въ горшкахъ... кисейныя занавѣски на окнахъ... Хорошо, голова, истинный Господь, барину жить!..

— „Ну что, говорить, какъ по твоему?“ а самъ смѣется, любо ему. „Сами-то, говорить, мы здѣсь не живемъ... Нешто можно, это у меня для гостей, которы достойны... У меня здѣсь, говорить, самъ батюшка-графъ молодой былъ не одинъ разъ... Покойнаго стараго графа, чье мы барскіе были, сынокъ. Теперешнее время онъ, говорить, въ Питерѣ, къ царю близокъ... совѣту государственнаго членъ... Много я отъ него добра видалъ... Хорошъ онъ для меня... А вотъ сына моего не того, не любить... „Крамольникъ онъ, говорить, у тебя... держи его строго... Въ церквѣ говорить, никогда не вижу“... А самъ до храма божьяго вотъ какой—удивительное дѣло! Чисто, понимаешь, угодникъ какой... Имѣнье его сумежно съ нашей землей... Заходить ко мнѣ. Про старину любить поговорить, какъ допрежь жили... „Да, скажете, Абрамъ, разорились старья дворянскія гнѣзда... разорились!“ Чуть не заплачетъ сердешный... „А теперь-то, скажете, что, а? А все, Абрамъ, отъ того, что воля, слабость, ученье.. Ты вѣдь вотъ, скажете, ученый, что-ли?“ Нѣтъ, ваше-съ. „А вѣдь живешь?“—Дай богъ всякому, ваше-съ.—„То-то вотъ, скажете, и оно-то. Если васъ всѣхъ учить,—вы графами захотите быть... Кто-же землю-то пахать станеть, а? Мы, что-ли?“ Хо-о-о-рошій человекъ. Только вотъ до женскаго естества слабенекъ... Бабу ли молодую, дѣвку ли съ нимъ однимъ оставлять, того, погодишь. Слабъ! Ну, я признаться,—ты только помалкивай,—свою дуру Акютку подсуну ему: разливай, молъ, чай его сіятельству, а самъ за дверь... Наплевать, думаю, что ей дѣлается... Не ягодка, не перезрѣеть, не опара—на шестокъ не уйдетъ... А мнѣ за это, глядишь, красненька! Отъ него жить пошелъ, ей-богу!.. Уголь вотъ теперь жгу въ его рощѣ... Роща то, почитай, дарма мнѣ досталась,—а какой уголь то...

одна березка... звенить!.. Угольщикъ у меня жгетъ, вашъ Калуцкой, землякъ твой... двѣ ямы... Такъ вотъ какъ, милочекъ, денежки-то наживають, а не по нынѣшнему: „Кто-ста я? Ученый!“ Забастовщики безпортошные, дери васъ чортъ. Перевѣшалъ бы васъ начисто, мошенниковъ!

— Молчу я... не перечу... Хозяинъ! потрафлять надо... Пошли въ другую избу... сѣли за столъ... ужинать велѣлъ собирать, четвертную распечаталъ, налилъ въ графинъ. Самъ выпилъ и мнѣ поднесъ. Стали ужинать. Харчи, гляжу, хорошіе. Щи со свининой, изъ бѣлой капусты, каша съ саломъ, квасъ, любота! Поужинали, онъ и говоритъ: „Ложись теперича спать... хоть здѣсь, хоть въ сѣнцахъ... Въ сѣнцахъ-то покой, а здѣсь бабы встають чѣмъ свѣтъ, громыхаютъ.“ Ладно, говорю, мнѣ все одно,—въ сѣнцахъ, такъ въ сѣнцахъ... „Пойдемъ, говоритъ, я тебѣ укажу гдѣ. Аксюшь, дакъсь ему постелиться чего-нибудь въ головашки. „А я, говоритъ, пойду, на печку, разломало меня дорогой то, растрясло... спинъ больно“. Та-а-къ, думаю себѣ. Ахъ ты, старый чортъ, растрясло тебя!.. Ушелъ онъ. Помолился я Богу, легъ... уснулъ, точно умеръ. Долго ли спалъ, не знаю, только слышу скрозь сонъ толкаетъ меня кто-то подъ бокъ... Открылъ глаза, съ просонокъ-то не пойму, гдѣ я... Кто это? „Я, говоритъ... Что ты, аль испугался? Небось, говоритъ, не домовой,—душить не буду“.. Ахъ ты, думаю, притка тебя задави!.. Во жены-то!.. Наши хороши, а эти еще чище... Что ты, говорю сперва, очумѣла?.. Спаси Богъ, самъ услышитъ, отвѣчай тутъ изъ-за тебя... „Небось, говоритъ, не услышитъ... знаю я... спать, старый чортъ“... А много-ль время теперь? Свѣтъ, небось, скоро? „А зачѣмъ тебѣ, говоритъ, свѣтъ-то?“ Хохоchetъ подлая. Ловко, говорю ей, это ты... не знамишь человѣка,—пожалуйте! „У ловкаго, говоритъ, все ловко“.—А мужъ-то, говорю... вонъ свекоръ тоже... вижу, небось, я...—„Да что ты, говоритъ, къ обѣднѣ я къ тебѣ, что ли, пришла, ай на духъ къ попу?“

А и то, думаю, мнѣ-то какое дѣло... наплевать!..

— Ушла она отъ меня, должно, передъ свѣтомъ... Только было я глаза завелъ, слышу: заигралъ пастухъ въ жалейку,—скотину выгонять. Вставать, думаю, мнѣ аль погодить?.. Лежу... слушаю. Пошли, слышу, бабы на дворъ коровъ доить... Подоили, заскрипѣли воротами,—выгнали скотину на улицу. Гляжу, идетъ самъ, — только проснулся, — косматый, разумшись.—Ну, говоритъ, какъ спалъ на новомъ-то мѣстѣ? Вставай... дѣловъ намъ нонѣ по горло. Въ Москву поѣдемъ на двухъ съ угольемъ. Попьемъ чайку, закусимъ, поѣдемъ на угольницу насыпать... Вставай“. Всталъ я. Напились чаю, позавтракали, поднесъ онъ мнѣ стаканчикъ, забрали посуду,

кули тоись, запрягли въ полки—поѣхали на угольницу. Приѣхали туда, начали насыпать изъ кучи уголь... Измазался я, аки чортъ какой... потя эта съ непривычки-то въ ротъ набилась... Отъ ямъ дымъ идетъ, глаза ѣсть... Плюнешь—слюва черная... А жарко-то,—духотень... А хозяину съ угольникомъ ничего, такъ словно и надо... Знамо, привычка... Ну, насыпали—слава Богу... пить смерть захотѣлось... Пошли всѣ трое въ сторожку, досталъ хозяинъ бутылку,—выпили, посидѣли, поѣхали навадъ въ возами домой... Дома не мѣшкали, не отпрягали... Живо срядились опять, — закусили, выпили... „Попелъ со Христомъ!“ Онъ на чалой кобылѣ передомъ, я на саврасомъ жеребенкѣ, позади... Лошадки здоровыя, привычныя,—прутъ... снасть крѣпкая... все устроено, какъ надо быть, не бойся, что ось сломишь. Не сломишь—желѣзная...

— Съѣздили мы въ Москву съ углемъ, все по хорошему... Навадъ приѣхали... Кладъ оттуда захватили въ городъ... Олять деньга... не порожняемъ... Сталъ я у него жить... Недѣлю живу, другую, третью... вижу, ничего: жить можно... Аксютка эта для меня—лучше быть не надо... Старухъ, ейной матери, потрафилъ... Жить можно. Работы особо тяжелой нѣту... Знамо, хресьянская, то, се... Ну, да вѣдь мнѣ не привыкать стать... По праздникамъ въ храмъ Божій обязательно посылаеъ хозяинъ... Самъ, бывало, пойдетъ, коли дома, и меня съ собой. „Пойдемъ, скажетъ, Маркель, возблагодаримъ Господа за его великія и богатяя милости“... По праздни камъ въ деревнѣ весело было... Деревня большая... народъ все мастеровой... игрушки изъ жести дѣлають... исправный... ловкій... Дѣвки это... все больше на фабрикѣ живутъ, прожженныя... На улицѣ-то стонъ стоитъ. Ну, я, знамо, до этого не касался. Я, братчикъ, по другому ударилъ. Даве я тебѣ сказывалъ, какъ хозяинъ-то мой въ трактирѣ говорилъ, что, моль, повадились къ нимъ въ деревню трое... народъ смущать... забылъ?

— Помню,—отвѣтилъ я.

— Вотъ это самое... Мнѣ, можетъ статья, и не къ чему бы, и не зналъ бы я про нихъ, да дѣло вышло какъ-то само собой. Сидимъ мы разъ съ хозяиномъ въ избѣ, чай пьемъ. Окошко открыто... Глядь, идутъ по улицѣ мимо оконъ трое... одинъ повыше всѣхъ въ шляпѣ, а тѣ двое въ картузахъ... Чье такіе, — говорю я,—глядика-сь? Посмотрѣлъ хозяинъ. Плюнулъ. „А вотъ эти, говоритъ, самые смутьяны-то, гитаторы-то и есть“. Куды-жы это они? „Куды? Идутъ, вишь, какъ и водится, къ Чюнину двору... Таматко у нихъ клубъ, притонъ... Да погоди, ужо, попадетъ вамъ, а Мишкѣ не миновать острога... Донесу, Истинный Господь“...

— Пойду-ка-сь я, говорю ему, схожу туды, послушаю, что такоича... любопытно.

— Ступай, говорить, только смотри — знай край, да не падай...

Пошелъ я... Гляжу: точно, около Чюнина двора народъ... Тѣ трое сидятъ на скамьѣ подъ окнами, двое папироски курятъ, а третій, въ шляпѣ-то, разговариваетъ... Мужики вокругъ, которые сидятъ, которые стоятъ, слушаютъ. Протискался я поближе, сталъ слушать... Говорить баринъ, вижу, все по-хорошему, дѣло, а не пойму я путемъ, не вникну... Да и гдѣ-жъ мнѣ, братчикъ, самъ посуди, сразу понять было... Что я до этого-то слыхалъ, каки слова? Материнство одно... да „сволочь“, „въ рыло“, „мужикъ“, „дуракъ“... Эх-ма! Н-да!..

Онъ помолчалъ, подумалъ, опять поскребъ голову и продолжалъ:

— Началъ я съ этого раза ходить, слушать ихъ, открыли они мнѣ глаза, понялъ я, въ чемъ дѣло-то... повязку съ моихъ глазъ сняли... Ну, братчикъ, и люди же, Истинный Господь, цѣны нѣтъ. А этотъ, въ шляпѣ-то, Николай Ивановичемъ звать, какъ начнетъ говорить,—что ты, голова!.. Заслушаешься... откуда что берется, ей-Богу, чисто вотъ у него по маслу такъ и плыветъ... За сердце хватаетъ, Истинный Господь!.. Хозяинъ мой, вижу, сталъ того... косыми глядѣтъ на меня... „Чего ты, говорить, туды повадилса... Какого чорта... Нашелъ кого слушать... Нехристи, сукины дѣти... Смотри, говорить, и тебѣ попадетъ... Молчу я... ничего ему не перечу, а самъ про себя ужъ за паузой камушекъ припасъ... Попротивѣлъ онъ мнѣ, братчикъ, хуже драной кошки... Эдакіе-то вотъ дьявола все и дѣло-то гадятъ... Много вѣдь ихъ, чертей, и ничѣмъ ты ихъ не проймешь, никакими словами... хуже быковъ, Истинный Господь! Необузданный народъ, заскорузный... Только и заботы, какъ бы хапнуть гдѣ, обмануть, нажить, больше имъ ни рожна не надеть... Чужой бѣдѣ рады. Я разъ какъ-то и скажи ему: все, говорю, они истинную правду говорятъ. Нѣтъ въ ихнихъ словахъ лжи. Вотъ хоть, говорю, насчетъ земли... Нешто это порядокъ: у одного тысяча десятинъ, а у меня нѣтъ ничего. Вонъ хоть у здѣшняго графа-то твоего сколько земли-то, а? Половина уѣзда, а на кой она ему чортъ? Сказалъ, да и самъ не радъ... Батюшки-свѣты, накинулса онъ на меня!.. „Да ты, кричить, чего это, а? Въ ихнюю вѣру перешелъ... отравы хватилъ... ахъ ты, сукинъ ты сынъ, дуракъ... эдакія слова!.. Да скажи я его сіятельству про дерзновенныя рѣчи твои,—что онъ тогда съ тобой сдѣлаетъ? Ему только одно слово сказать—и кончено, и нѣтъ человѣка.

Дуракъ ты! намъ ли съ ними равняться... Онъ кто? Графъ! И родитель его графъ, и родителейъ родитель графъ, такъ и идетъ колесо... Земля дарственная, дареная... Дуракъ,— царями дарена! За выслугу. Стало быть, они стояли того... Смотри, братъ, коли услышу еще, ступай тогда, гдѣ былъ... Ненадобенъ будешь, и расчету не дамъ, да еще и уряднику представлю».

— Ну, что ты станешь съ нимъ, со старымъ идоломъ, дѣлать... Молчу я. Ладно, молъ, толкуй, кто откуль... Живу, работаю... Съ хорошихъ харчей въ тѣло входитъ сталь... Шея это, морда... не то, что сейчасъ... Лопнуть хочеть! Завси, почитай, водка, харчи хорошия... Аксютка эта самая... любота, Истинный Господь! Покосъ подошелъ... съ Петрова закосили усадьбу, а къ Казанской сынъ изъ Москвы пріѣхалъ... Покосу, травы страсть сколько... своей много, да нанятой вдвое... Знамо, одному мнѣ не управиться, а самому со мной недосугъ. То, глядишь, въ Москву, то еще что,—все отрывка... Дѣло не ждетъ, а нанять некого, всѣ за свой взялись... Такъ и пришлось сына изъ Москвы на покосъ звать...

Пріѣхалъ онъ изъ города со станціи подъ вечеръ, въ самую Казанску, на ямщикѣ парой, съ колокольчикомъ... Мы думали, кто такой? Анъ хватъ,—это онъ. Соскочилъ съ тарантасу. Пальтишко на немъ легкое, брючонки на выпускъ, жилетка, при часахъ... фу-ты, ну-ты! Рубашка на вороту шнуркомъ перевязана, на ногахъ щиблеты, зонтикъ... Баринъ, истинный Господь!

Полѣзъ это въ карманъ, досталъ кошелекъ, отдалъ ямщику за подводу, взялъ изъ-подъ сидѣнья узелокъ эдакой небольшой, пошелъ домой въ избу.

Мы сидимъ всѣ за столомъ, чай пьемъ... молчимъ... хозяинъ инда потемнѣлъ весь. Насупился, глядитъ въ блюдо... Аксютка покраснѣла, бѣльями-то такъ и стрѣляетъ... знаетъ, погань, чье мясо съѣла... Мальчишка разинулъ ротъ, уставился на дверь, глядитъ во всѣ глаза...

Ну, входитъ онъ. Картузъ на немъ надѣтъ бѣлый, снялъ его на порогъ, на иконы, гляжу, не крестится... „Здравствуйте!—говорить,—живы ли вы тутъ?“ Никто ему на это, ни отецъ, ни жена, ни чукнули. Посмотрѣлъ онъ на нихъ, на меня посмотрѣлъ, усмѣхнулся эдакъ тонкими губами, подошелъ къ столу, наклонился къ мальчишкѣ. „Здравствуй, говорить, Колюшка. Аль не радъ отцу-то?“ Началъ цѣловать его. Снялъ потомъ пальтишко, повѣсилъ, остался въ пиджачишкѣ куцомъ... штанишки это на выпускъ, болтаются. Да и весь-то, гляжу я, чудной какой-то, словно пѣтушишко забитый, заморышь-курояй... Жалость индо глядѣть на него, истинный Господь! Ну, думаю себѣ, хорошъ

работникъ... много ты натяпаешь... Мордочка у него, понимаешь, гляжу, вотъ эдакая, съ кулачекъ, словно моченое яблоко... глазенками хлопаешь... въ градусахъ... Росту небольшого, жиденькій, словно ивовый хлыстикъ, а видать, что юркій... Такъ его всего и ведетъ, какъ бересту на огнѣ... ручонки такъ и трясутся, а губы бѣлыя, тонкія... Ну, думаю себѣ, ты тоже, братъ, должно, огурчикъ.

Чудно мнѣ на нихъ, братчикъ: сидятъ — молчать... Ни тотъ, ни другой, ни третій покориться другъ дружкѣ не хотятъ... говорить не желаютъ. Я сижу, жду, что будетъ. Хоть и не мое дѣло, а и мнѣ какъ-то въ родѣ неловко... — „А, что, спрашиваю, молодчикъ, какъ дорога-то, ничего? Попросохла ли?“ — „Просохла, говорить, ѣхать можно. Мѣстами плохо, а то ничего. Въ Спирькиномъ оврагѣ плоше всего.“ Гляжу, хозяинъ мой скосилъ на него глаза эдакъ сбоку, словно, прости Господи, на чорта сталъ похожъ, да и говоритъ ему эдакъ сквозь зубы:—„Да ты видѣлъ ли дорогу-то?.. Самъ-то себя видѣлъ ли?.. Налилъ очки-то“... А тотъ ему на это, не будь плохъ, въ отвѣтъ:

— „Самъ-то ты не налилъ-ли?.. Чего брешешь зря“?.. Обозлился, гляжу, мой хозяинъ... вытѣвъ изъ-за стола, руки въ боки уперъ, покраснѣлъ весь, какъ кумачъ, такъ и трясется, старый чортъ. „Ты что-жъ это, говорить, сукинъ сынъ, дѣлаешь-то, а? Чего это ты меня ради страмишь, а?“ — „Чѣмъ я тебя страмлю?“ — „Чѣмъ, чѣмъ... какой баринъ, подумашь, — на парѣ съ позвонками пріѣхалъ, а? Что теперича люди-то говорить стануть, а? Обо мнѣ и такъ слухъ, что у меня денегъ дѣвать некуда... а онъ нако-сь... Чай, мимо графскаго дома ѣхалъ?.. Хорошо, его дома нѣту, а то что бы онъ подумалъ, коли-бъ увидалъ, а?“ — „А мнѣ наплевать на твоего графа, — это сынъ-то ему на отвѣтъ, — тебѣ онъ нуженъ, а мнѣ—тьфу да ногой растереть! Все одно ихъ скоро къ чортовой матери, графовъ-то твоихъ... Голову ему отшибить, твоему графу-то... воткнуть на колъ да поставить въ коношлю воробьевъ пугать... болѣ-то онъ никуда не годится“... Гляжу я на него во всѣ глаза... Вотъ тебѣ, думаю, штука! Откуда что, понимаешь, берется... и ни чуточки не робѣеть! Эдакой сморчокъ, а куды годишься... Такъ весь и трясется... тронь его—зарѣжетъ—истинный Господь! Ошалѣлъ, вижу, мой хозяинъ отъ этихъ словъ. Выпучилъ глаза, глядитъ, какъ сычъ, а сказать ничего не можетъ. Оголоушилъ онъ его, какъ дубиной... Гдѣ-то, гдѣ-то опомнился, — какъ заоретъ во всю пасть по матерну... „Давай, ореть, деньги... нажилъ, чай, въ Москвѣ-то?... Кажи, давай, а я твою жененку да щенка кормить дарма не обвязался.. Забастовщикъ проклятый! Наплевалъ бы на то мѣсто, гдѣ ты,

сукинъ сынъ, родился... Женѣ вонъ на платышко не купить, мошеникъ... въ храмъ господень и то вытти не въ чемъ... А тоже: „кто я?!“ Сволочь!“ А онъ ему на это: „Чего мнѣ, говорить, покупать, а ты-то на что? Ты купишь. У тебя денегъ много... подохнешь, съ собой не возьмешь, нешто только на поминъ души попамъ оставишь?“—„А ты, думаешь, тебѣ оставлю, а?.. Тебѣ? Накось, вотъ чего не хочешь-ли... нако-сь, выкуси! Въ печкѣ сожгу, а не дамъ“. А сынъ ему на это: „Жги, наплевать! Мнѣ твоихъ грабленныхъ денегъ не надо... Подавись ими! Грабилъ, грабилъ... подохнешь вѣдь все едино“...—„Подыхай ты, сукинъ сынъ, а я не собака подыхать-то... Можеть, ты впередъ много подохнешь. Глядика-сь, Аксюткъ, муженекъ-то какой сталъ—картинка... Что значить Москва-то, а? Хо, хо, хо! поправился! Возьмика-сь его, Аксюткъ, зажди промежь ногъ, не вывернется, подохнетъ... хо, хо, хо!“—ржетъ, аки жеребецъ... Мнѣ, братчикъ, индо совѣстно стало. Не видывалъ я и не слыхивалъ отродясь, чтобы, то ись, отецъ съ сыномъ такъ-то... Сижу, гляжу на сынка-то, и жалко мнѣ его. Видать сразу, больной человекъ, чаврый. Побѣлѣлъ весь, аки бумага... трясется... страшно инда смотрѣть на него. Заплакалъ, сердешный, махнулъ рукой да изъ избы вонъ. Дверью хлопнулъ,—стекла заговорили... А мой чортушка-то ему въ догонку: „чтобъ тебя, сукина сына, эдакъ-то по шеѣ бы дернули! Поди, говорить, Маркель, посмотри, куды онъ пошелъ? Начнетъ теперь, сволочь, языкомъ трепать по деревнѣ... поглядика-сь, выдь“. Надѣлъ я картузъ, пошелъ. Выхожу на крыльцо, гляжу: сидитъ онъ на скамейкѣ, папирску курить... Посмотрѣлъ на меня... „Ты, говорить, здѣсь кто-жъ такой, а?“—Да работникъ, говорю. Нанялся вотъ до Казанской. — „Такъ. Много-ль же онъ тебѣ положилъ?“ — Сказалъ я. — „Дуракъ ты, говорить, дешево... Бралъ бы больше. У него, черносотенца, денегъ много. Драть съ нихъ, чертей, надо... бить ихъ“... Закашлялся индо со злости...—„Эна, говорить, вишь вонъ имѣнье-то графское... Вонъ отседа видать, долина-то... а на чье это все денежки строено? На ваши, говорить, все... Народъ-то у насъ, говорить, все одно, что звѣри дикіе... Вотъ въ родѣ моего родителя, черти!.. Сами въ петлю лѣзутъ... Въ Москвѣ вотъ дѣло другое... есть люди... Эхъ, братъ, слыхалъ я... Какъ соберутся да запоютъ: „Вставай, поднимайся, рабочій народъ“! — вѣришь, говорить, сердце мреть... словно вотъ, говорить, летишь на крыльяхъ, и ничего тебѣ не страшно и не боишься никого... такъ бы вотъ взялъ, говорить, сейчасъ да и померъ за правду... Правду я, говорить, люблю пуще себя... За правду пострадать готовъ, муку пріять... Я, говорить, вертѣться не стану, чер-
Юль. Отдѣлъ I

наго бѣлымъ дѣлать не буду... Ты, думаешь, — я сюда на покосъ пріѣхалъ?.. На кой онъ мнѣ чортъ! Такъ я пріѣхалъ, воздухомъ дыхнуть... Плохъ я... сынишку вотъ жалко!..“

— А жена то?—говорю. Посмотрѣлъ онъ на меня—усмѣхнулся да и говоритъ:

— „Ты, говорить, арапа-то не строй... небось, видишь“... Удивился я..

— Дыкъ какъ же, говорю, ты это стерпѣть-то можешь, а? Неужли тебѣ ничего?

— Ничего, говорить. Я теперь вродѣ Алексѣя, человекъ божьяго... больной я, говорить, видишь... да и дура она, чортъ съ ней... корова... Кабы любилъ я ее,—дѣло двѣнадцатое, а то она мнѣ все одно, какъ касторка съ похмѣлья... наплевать... Эхъ, говорить, землякъ, да нешто въ бабѣ дѣло?.. Наплевать баба!.. Не такой я человекъ, мнѣ не баба нужна, мнѣ правда нужна... дѣло мнѣ дѣлать нужно, пострадать... Вотъ я тебѣ, погоди—у меня книжки есть — почитаю про людей... Вотъ были люди, не съ нами сравнять, орлы! Ничего не боялись! Рѣжь его, все одно ни чукнетъ! За правду умирали, за насъ, дураковъ, кровь проливали, старались... а мы что имъ за это? „Такъ и надѣть... дери ихъ чортъ. Они, молъ, въ Бога не вѣрують, противу царя идутъ“... Тѣфу ты, говорить, дуболомы проклятые. Вонъ мой родитель въ Бога вѣритъ, въ церковь ходитъ, посты блюдетъ, а живодеръ первый во всемъ уфадѣ... Не догадается ни одинъ дуракъ придти къ нему „руки въ верхъ“... Хлопнули бы, одной собакой меньше!“

— Что это говорю, родителя-то ты какъ?.. Нешто можно?.. Какъ ни какъ, а все родитель...

— „А я, говорить, просилъ его меня родить-то?.. Спрашивался онъ у меня?“

— Ну, это дѣло, говорю, божье, онъ не при чемъ... законъ!..

— „Божье, говорить, да божье! Вонъ къ моей дурехѣ лѣзеть... тоже дѣло божье, коли родить, а?“

Молчу я... сижу, слушаю его... дивлюсь. А что, говорю, васъ эдакихъ-то много? Допрежь, словно бы, такихъ я и не привидывалъ?—Усмѣхнулся онъ. „Много, говорить, повсемѣстно... по всей Росей... Помни говорить, Маркель, слова мои... подохну, можетъ, я скоро, можетъ, повѣсять, наплевать: встанетъ Росей, подыметъ народъ—„отдай наше“... Эхъ, кабы мнѣ дожить, говорить... По локоть бы, говорить, руки въ ихней крови выкупалъ... напился бы, говорить, ихней крови досыта!“...

Гляжу на него... страшно индо, истинный Господь!..

словно вот полоумный какой, порченный.. Что это, говорю, они тебѣ насолили больно, а? Ужъ очень ты озлобился...

— „Не мнѣ, говорить, насолили... Я что, я муравей... всѣмъ они насолили, народу всему... грабители! Дуракъ ты, говорить, ничего еще не смыслишь...

— Понимать-то нечего, говорю, нашему брату цѣна извѣстная—съ поконь вѣку грошъ... Ломай, да и вся не долга... У кого деньги есть, тому, знамо дѣло, и хорошо, живи не тужи... а безъ денегъ самъ бездѣльникъ... и ничего не подѣлаешь... Дакось, говорю, мнѣ денегъ, и я баринъ буду, халуха заведу. „Эй ты, малый, подай водки алой“... Лошадей заведу, коляску, нешто мы не можемъ...

Махнулъ рукой на мои слова... „Отстань, говорить. Я, говорить, про Оому, а ты про Ерему... спать, говорить, пора... въ сараѣ сѣно есть? лягу я тамъ“. Что-жъ тебѣ въ сарай, говорю, ложись дома... Только пріѣхалъ, чай, не чужой... жена молодая... поужиналъ бы... все честь-честью...“ Махнулъ онъ опять рукой, ничего мнѣ на это не сказалъ; всталъ, пошелъ въ сарай... Поглядѣлъ я ему взадъ-то... жалко стало... Пошелъ въ избу.—„Гдѣ-же онъ то?“ ховяинъ спрашиваетъ.— Въ сарай, говорю, спать ушелъ.—„Ну, чортъ, говорить, съ нимъ, пуцай спать. Давайте ужинать. Ты его завтра, смотри, раньше буди... Косить пуцай... это не книжки читать, не языкомъ болтать“...—Какой ужъ, говорю, онъ работникъ... въ чемъ душа...—„А ругаться, небось, умѣетъ... на это мастеръ... Нѣтъ, ты, сукинъ сынъ, долженъ покориться родителямъ... Вся моя власть надъ нимъ: стащу въ контору, вотъ... земскому скажу, прикажутъ отодрать... У насъ земскій, дай ему богъ здоровья, человекъ справедливый, меня хорошо знаетъ,—съ нимъ и разговаривать не будетъ... Велить отодрать, и во какъ, за милую душу насыплютъ... Погляжу, вотъ, что будетъ изъ него, а то форсъ-то ему сшибить надеть... Погодишь, браты! мы васъ взнуздаемъ“... Ничего я ему на это не говорю. Сижу молча... Поужинали... Пошелъ я къ себѣ въ сѣнцы спать... Подъ утро, слышу, пыхъ ко мнѣ Аксютка... „Спишь?“ Взяла тутъ меня, братчикъ, злость.

— Тебѣ, говорю, чего-жъ это надо-то, сволочь ты эдакая, а?—„Что ты, говорить, очумѣлъ?“—Уйди, говорю ей, паскуда, безстыдница, уйди, пока цѣла... Мужъ дома, а она... зачѣмъ же ты стерва, апосля этого законъ приняла, а?—Засмѣялась она.—„Какой это, говорить, мужъ? Онъ негожъ для этого дѣла, я такихъ не люблю“. Такъ, безъ стыда, и рѣжетъ. Цлунулъ я тутъ ей въ харю, да по шеѣ раза три и отвѣсилъ. Больше, говорю, ко мнѣ не ходи. Ступай, вонъ, къ свекру-батюшкѣ, онъ тѣ, можетъ, еще сачекъ какой купить.

Выругалась она матерно, заплевала меня,—ушла.

Стала заря заниматься... всталъ я, пошелъ въ сарай москвича будить на работу. Гляжу, а ужъ онъ не спитъ.—Что-жъ это ты не спишь-то?—„Да такъ... не спится, тоска какая-то, да кашель одолѣлъ... грудь болитъ... Плохъ, братъ, я, Маркель... А ты что пришелъ?“—„Да за тобой, говорю, косить. Вечоръ самъ наказывалъ будить тебя... Пойдешь?—Усмѣхнулся. „Пойду, говорить, по своему желанію... Наказу его не боюсь. Коса-то есть отбитая?“—Есть. Всталъ онъ. Пошли мы съ нимъ, умылись на дворѣ, взяли косы, вышли на улицу. Онъ и говорить: „Выпить бы хорошо теперь, да съ собой бы половиночку“. Дома у отца, говорю, водки хучь облейся... постоянно держать.—„Ну его къ чорту, говорить, съ водкой-то его. Купить бы... Не знаешь, кривая Гундора торгуетъ?“—Признаться, говорю, самъ не хаживалъ а слыхивалъ: придерживаетъ...—„Зайдемъ“. Мнѣ чтожъ, говорю, зайдемъ. Только какъ бы самъ не узналъ... ругаться станеть.

Зашли мы къ этой самой Гундорѣ... бабенка, вдова, водкой торгуетъ... съ ребятишками живетъ, этимъ и кормится. Глядимъ—заперто. Постучали въ оконце, встала она, впустила...—Есть?—„Пожалте... Закусить-то вамъ чего? Лучку нешто пойти головку выдернуть“. Пошла, принесла луку зеленого. Съели мы къ столу. Налилъ онъ. „Пей!“—Съ хозяйина, чай, говорю, чередъ.—„Пей, не ломайся! не люблю я“. Хлопнулъ я. Налилъ онъ себѣ, тоже хлопнулъ. „Дака-си намъ еще половинку, а эту на, убери (мнѣ говорить) въ карманъ, съ собой возьмемъ“... Притащила Гундора еще половинку, и эту хлопнули. Отдалъ онъ деньги. Вышли на улицу... пошли вдоль деревни... Пошатывается, гляжу, мой малый, развезло его натоцкѣ-то, да и у меня тоже, слышу, того, не въ порядкѣ... А солнце чуть встало, на небѣ ни облачка, роса сильнѣйшая... „Хорошій день будетъ“—думаю себѣ, надо понавалиться, до завтрака подвалить побольше...

Вышли за деревню, стали подъ гору спускаться къ рѣчкѣ, глядь — изъ-подъ горы пылить кто-то намъ на встрѣчу. Глядимъ, не мужикъ ѣдетъ. „Со станціи, говорю, должно, господа каки-нибудь въ имѣнье“. Остановились. Вотъ, глядимъ, катитъ пара въ дышлѣ, лошади хорошия, всѣ въ мылѣ... На козлахъ кучеръ, руки вытянулъ въ струнку... бородача черная по брюхо... А въ коляскѣ, глядимъ, сидитъ—развалился баринъ какой-то въ шляпѣ, папиреску курить... прищурился, на насъ смотритъ... Поровнялся съ нами... Снялъ я картузъ, хотѣлъ было поклониться... Хватъ, мой хозяйнъ-то молодой какъ закричитъ по матерному, что ни есть хуже, а самъ зубы ощерилъ да кулакомъ-то вотъ эдакъ барину и грозитъ... — „Вотъ тебѣ,

кричитъ, такой-сякой!“ Я такъ, братчикъ, вѣришь Богу, и присѣлъ... Увидаль это баринъ, кучера въ спину тыкъ— „пошелъ“! А мой чудородъ вдогонку-то имъ, вдогонку. что ни есть гаже... Что ты, говорю, очумѣлъ—ни за што, ни про што лаешь!.. Кто такой баринъ этотъ? А онъ побѣлѣлъ весь, глаза страшенные... съ винища то еще пуще, пѣна изъ роту клубкомъ. „Графъ это, говоритъ, чтобъ ему“... да опять матерно. — „Вотъ бы, говоритъ, была бонба, шваркнулъ бы, полетѣлъ бы вмѣстѣ и съ коляской своей къ чортовой матери... ишь, катить въ коляскѣ... кучеръ... а мы съ тобой иди, вотъ, тяпай... А что онъ, умнѣ насъ съ тобой, что-ли? Отними отъ него деньги, одѣнь поплоче, сыми, какъ съ бутылки, ярлычекъ графскій... Подикась, молъ, добудь себѣ на пропитанье. Ей-Богу, въ злую роту не примуть... Подохнетъ, сукинъ сынъ, съ голоду“... Обернулся опять въ ту сторону, куда графъ поѣхалъ, поднялъ кулакъ, кричитъ словно помѣшался:

— „На наши денежки живешь... нашу кровь сосеешь... погоди, погоди!“ Затрясся весь вдругъ, а пѣна-то изъ роту, братчикъ, словно, истинный Господь, мыло какое... Показываетъ, вижу, мнѣ рукой на глотку на свою, а самъ глаза вытаращилъ, чортъ-чортомъ... Испугался я... Не знаю, что дѣлать... А онъ, вдругъ, понимаешь, какъ закричитъ, да объ землю брыкъ—и забился, словно курица съ перерѣзанной глоткой... Нашло, значить, на него, вступило!.. Испугался я того пуще... Батюшки-свѣты, что, думаю, какъ помреть... что мнѣ тогда дѣлать? Затаскаютъ... Стою надъ нимъ, разиня ротъ... гляжу, а что дѣлать—не знаю... Отродясь такого страху не видываль... Лежить, смотрю, хрипитъ... Уснулъ, потомъ стихъ... Что дѣлать? Не бросать же на дорогѣ... Много-ль онъ проспигъ — шутъ его знаетъ... Домой ежели, думаю, хозяйнъ заѣстъ и меня-то вмѣстѣ... Провались ты совсѣмъ проваломъ. И не чортъ ли, думаю, меня съ тобою связалъ... Гляжу, эдакъ шагахъ во ста отъ дороги кусты растутъ, и трава-некося высокая, метла... Дай, думаю, туды его стащу, пушай спигъ... ужю пойду завтракать, зайду, разбужу, а то и самъ проснется, чортъ съ нимъ, найдетъ дорогу. Взялъ это его, поднялъ, завалилъ на спигу, какъ обрубокъ какой сволокъ, положилъ въ кустахъ... Спи, молъ, а самъ взялъ косы, пошелъ на мѣсто—косить.

Разсказчикъ замолчалъ и, потянувшись, зѣвнулъ.

— А вѣдь мнѣ идти надить,—сказалъ онъ,—заболтался я тутъ съ тобой. Языкъ мой—врагъ мой.

— Куда тебѣ торопиться?—сказалъ я,—успѣешь, на, по-кури.

— Давай... наказываю я тебя.

— Ничего. Ну, какъ же ты потомъ то... а?..

— Да какъ!.. Покошилъ часика два, пошелъ завтракать, зашелъ въ кусты, а онъ, гляжу, лежитъ, не спитъ, на небо смотритъ, табакъ курить... Ну, какъ, говорю, дѣла-то, проснулся?.. Напугалъ ты меня до смерти. Графа ни за что облаялъ.. Узнаеть отецъ, плохо тебѣ будетъ. — „Ступай ты, говорить, къ чорту съ графомъ-то да и съ отцомъ-то вмѣстѣ... Не боюсь я никого... „Ну, пойдемъ, говорю, закусимъ, усталъ, небось... Чай, ѣсть захотѣлъ,—голова болитъ?.. Вотъ, на, поправься... Досталъ давешнюю половинку, которую съ собой-то взялъ... подаю ему... Обрадовался онъ. „А я, говорить, и забылъ про нее... Вотъ спасибо. Завтракать я не пойду. Ты мнѣ захвати сюда, пойдешь назадъ, хлѣбушка... А я пока полежу... Не хочется мнѣ туда... ишь, здѣсь какъ гоже... благодать!..“ Нечего дѣлать—пошелъ одинъ. Сѣлъ за столъ. Аксюшка и косыми на меня не глядитъ, такъ все швыркомъ и швыряетъ... Самъ пришелъ со двора.—„А тотъ-то говорить, гдѣ-же? Лодырь-то?“ Сказалъ я. „Ишь ты, говорить, должно, съ осени закормленъ... Ну, шутъ съ нимъ. Губа толще—брюхо тоньше, наплевать! Ну, какъ трава?“ Трава хорошая... Помолчалъ и говорю... чортъ-то меня за языкъ потянулъ... „Графа, говорю, твоего пріятеля, видѣли... со станціи, должно, домой покатишь... На встрѣчу намъ попался подъ горой... „О-о-о!“ Вѣрно. Обрадовался онъ. „Аксюшь, кричитъ, слышь, что бантъ: графъ-батюшка пріѣхалъ“... А она отъ печки: „а мнѣ наплевать, пріѣхалъ, такъ пріѣхалъ. Много васъ тутъ, графьевъ-то“... — Что это ты очерилась, говорить ей, — смотри, не замай... Это онъ, батюшка, благодѣтель, на свои именины прибылъ... У насъ нонѣ какой день... пятница? Ну, значить, въ понедѣльникъ онъ именинникъ. Сходку надѣтъ собрать наканунѣ, потолковать съ православными, какъ и что насчетъ проздравленья. У насъ, говорить, съ изстари заведено, проздравлять ходить на барскій дворъ съ анделомъ... Теперича все по другому пошло: старики одни, почитай, ходятъ... молодые-то неплошь вотъ тово, не идуть, а допрежь всѣ, всѣмъ обществомъ... Хо-о-о-рошо было! А теперича, говорить, его вдвойнѣ проздравить надо: кромѣ андела-то съ царской милостью, съ производствомъ въ государственный совѣтъ членомъ... Подарочекъ какой-нибудь надѣтъ сдѣлать. Барашка, нешто, а? Какъ думаешь?“—Да мнѣ то, говорю, какое дѣло... По мнѣ хучь мерина, дѣло ваше.—„А что, говорить, какъ онъ вамъ попался-то, мой-то поклонился ли ему?.. Картузь-то сдернулъ ли?“ — Поклонился, говорю. — „То-то, молъ, а то вѣдь отъ него станеть“...

Ну, закусилъ я.. пошелъ опять на покосъ валы бить...

хлѣба взялъ ломоть. Прихожу на то мѣсто, гдѣ дружка-то милаго оставилъ, гляжу, а онъ выпилъ все, полеживаеъ себѣ, покуриваеъ...— „Идешь?“ — Иду. На, хлѣбушка тебѣ принесть... пожуй. — „Ну что, какъ тамъ мой чертогонъ-то, про графа-то ты сказалъ?“—Сказалъ, молъ, попался—вдетъ, а насчетъ лаянья твоего умолчалъ. Спрашивалъ: поклонился ли ты, молъ, ему. Я говорю: — „какъ же... знамо дѣло, поклонился“.—Хочеть, ишь, въ воскресенье сходи съ братъ насчетъ графа-то этого самаго... съ анделомъ иттить поздравлять, да съ царской съ милостью... въ члены, ишь, каки-то произвели,—барана, говорить, надо въ подарокъ снести"... Засмѣялся онъ. — „Ахъ, говорить, мошенникъ... вотъ сволота-то! Ты думаешь, ему графъ этотъ нуженъ?.. Какъ же, графъ!.. Карманъ ему нуженъ... цѣлковый... Онъ за двугривенный съ любой свиньей спать ляжетъ... Поклонился... хы... ахъ вы, дьяволы сѣрые!..“—Небось, тебя, говорю ему, графъ-то призналъ, чай?.. Вотъ отпу-то скажетъ, а?—„Наплевать... что я, боюсь, что-ли?“ — Побойсья... вспылють хорошихъ въ конторѣ-то, узнаешь... Онъ, графъ-то, лицо большое, скажетъ слово и каюкъ, крышка... — „Небось, не скажетъ. Имъ тоже хвостъ-то прижали, боятся они... Пущай только тронетъ, — убью и усадьбу до тла спалю"... Неужли взаправду, доведись такое дѣло, спалишь?— „Спалю“.—Поймаютъ—повѣсятъ.—„Наплевать, вѣшай.. Всѣхъ не перевѣшаешь...“ — А что-жъ, думаешь, веревокъ не хватить на вашего брата?—„Вѣрно, говорить, не хватить. Мы, говорить, не тараканы, насъ морозомъ не испугаешь"...—Подивился я на него опять. Чудакъ ты, говорю, я такого и не видывалъ. Смотри, наскочишь, не сносить тебѣ головы.

Махнулъ онъ рукой... поднялся... „Пойдемъ, говорить, косить"...—Пойдемъ, говорю.

Свернули еще, покурили... Пошли...

V.

— Въ воскресенье, братчикъ ты мой, эдакъ послѣ обѣда, часу во второмъ, стали наряжать на сходку... Хозяинъ мой пуще всѣхъ хлопоталъ и все это дѣло, будь онъ неладенъ, онъ оборудовалъ. Отъ нечего дѣлать и я пошелъ поболтаться. Послушаю, молъ, какъ они тамъ.

Пошли... А молодой, москвичъ-то, дома остался... Позвалъ было его самъ, а онъ только рукой махнулъ. Ну, молъ, васъ, идите... Разладъ у нихъ каждодневно промежъ себя... одинъ другому уважить не хотять. Этотъ то гово-

рить, а этотъ ему на зло другое... Раскорячка, понимаешь, ни на што не похоже!..

Ну, пришли это мы, сѣли... Народъ, гляжу, подходитъ, дѣло праздничное... есть, которые изъ молодыхъ, въ градусахъ... Собрались, мой и началъ говорить: „Вотъ, говоритъ, господа, завтрашній день тезоименитство благодѣтеля нашего, его сїятельства графа. Какъ, значить, споконъ вѣку не нами, дураками, а старыми стариками заведено было, такъ, значить, и мы должны идтить его всѣмъ опчествомъ проздравить со днемъ андела, да окромя этого съ производствомъ въ государственнаго совѣта членомъ... Согласны ли, господа? А теперича, говорить, намъ надѣтъ обдумать, какой-бы ему презентъ преподнестъ, тысь, подарокъ. Барашка нешто, а? Какъ думаете? Сложимся по гривеннику съ души, купимъ... велики-ль деньги, а ему это вродѣ лестно будетъ... понятіе объ насъ будетъ имѣть не какое-нибудь... А, православные, какъ скажете?“

Вышелъ какой-то малый, подошелъ къ нему изъ народа подъ самое рыло, выпимши...—„Мы, говорить, пойдемъ, коли онъ намъ угощенье поставитъ. А не поставитъ, на кой онъ намъ тогда нуженъ?.. За гривенникъ-то я пойду къ Гундорѣ да и ахну сотку. Намъ твой графъ наплевать, намъ водка нужна. А то придешь къ нему, притащишь баранато, а онъ „спасибо“ скажетъ да и покажетъ тебѣ на чемъ сидишь. Отъ ихняго брата, по нонѣшнимъ временамъ, всего жди... жулье тоже, знаемъ мы, на чемъ свинья хвостъ-то носить“. А мой обозлился, да и говорить ему:—„Ну, съ тобой, съ мошенникомъ, смутьяномъ, я и говорить-то не желаю... есть постарше тебя... твое дѣло слушать, что старшіе говорятъ, да молчать. Тебя не спрашиваютъ... Кто ты такой?.. Молчи, не твое дѣло“... Ну, тутъ и малый обозлился.—„Ахъ, ты, говорить, старый лопухъ... Да что-жъ я, неужели съ твое-то не смыслю? Тебѣ ли меня учить?.. Чудно! Тебѣ, знаешь, куды пора... Ты ступай, вонъ, Акютку учи... поняль?..“ Пришилъ ему языкъ-то... Замолчалъ на время...

— Ну, такъ какъ же, православные, рѣшайте насчетъ барашка-то... согласны, аль нѣтъ?—слышу, опять мой бормоть затявалъ.—Расчудесное бы дѣло—ей-Богу... лестно бы ему было...

— А я и барана знаю гдѣ найтить, — кричитъ на его слова Миша Долгій—чудакъ мужичонка и постоянно съ мухаремъ...—Такого барана, говорить, диковиннаго, четырехрогаго... Ну, знамо, и цѣна ему... Хо-о-рошій баранъ! Вотъ бы его разукрасить лоскутьями да къ графу на именины... на, молъ, ваше ся, прймай отрадъ сердца... Безпремѣнно бы

угощенье поставилъ...—Смѣются православные. „Гдѣ-жь это твой баранъ диковинный находится?“

— Недалече, говоритъ, въ Кузьмодемьянскомъ у трактирщика... Ну, только онъ его меньше красной не отдастъ... Давайте, православные, денегъ, я сбѣгаю. Вотъ какъ бы потрафилъ графу,—залить бы водкой... Не разстался бы онъ съ эstimъ бараномъ... Въ Питеръ бы его съ собой увезъ на показъ,—ей-Богу... Во, молъ, какъ меня мужички-то чествовали... какимъ бараномъ! Смѣются мужики.

— Вмѣстѣ бы, говорятъ, съ твоимъ бараномъ и въ совѣтъ ѣздилъ для охотки, вдвоемъ-то поваднѣй... Можетъ, и ему на харчи 25 бумажекъ на день положили бы... А тебя бы, Долгій, за нимъ ходить приставить... Пошелъ бы?

— Нѣтъ, говоритъ, за бараномъ ходить не пошелъ бы, а вотъ кабы въ думу избрали, пошелъ бы. не отказался бы... Ужь очень, голова,—послушаешь вонъ, въ вѣдомостяхъ читають, — этимъ самымъ епутатамъ жизнь хороша... Красная въ зубы на харчи каждодневно... Подумать надо, а? А каки дѣла-то? Пришелъ по-утру въ думу, промялся по улицѣ... сѣлъ въ кресло, — сиди... любота! Слушай, какъ господа промежь себя грызутся... одинъ такъ лаеъ, другой эдакъ... тепло, чисто... посиживай въ креслѣ-то, аки графъ, а денежка течеть... красную, какъ ни какъ, а отдай за работу... На что ужъ лучше... Пошелъ бы, ей-Богу, съ большой съ охотой!

— Ну, погоди, говорятъ ему, мы тебя въ другой разъ, шары катать будемъ, наберемъ... Дѣйствуй таматко! хлопочи для міру!..

Ну, тутъ опять мой вступился со своимъ графомъ да съ бараномъ... присталъ безъ короткаго, сбиль весь міръ... согласились, порѣшили идтить съ бараномъ на поклонъ... Знамо дѣло, изъ расчетовъ больше: дискать, сдѣлаеъ угощенье, попьемъ винца съ хлѣбцемъ. Выпить-то всѣ не дураки, особливо на даровщинку-то... Опять же и мой увѣрилъ: „будеъ угощенье... нешь онъ свинья, говоритъ, какая-нибудь... чай, понимаетъ съ наше-то... чего ему значить угостить-то для эдакаго-то разу... Лестно ему, говоритъ, будеъ. Много доволенъ останется“.

Собрались на другой день въ понедѣльникъ... Работать бы надо—не стали работать... Срядили барана, разукрасили, собрались всѣ: „пойдемте!“

Хозяинъ и мнѣ велѣлъ идтить. „Пойдемъ, говоритъ. Проздравь и ты. Посмотришь, говоритъ, на него“.

— А ты что-жь, спрашиваетъ у сына,—пойдешъ? А онъ ему: „На кой онъ мнѣ чортъ?.. Иди поздравляй, коли охота...“

буду я самъ себя унижать. Небось, онъ меня поздравлять не придетъ. А выпить-то я захочу,—на свои выпью“...

Такъ и не пошелъ, дома остался.

Ну, собрались это мы гурьбой, пошли... Барана впереди ведутъ двое за рога... Потѣха, истинный Господь!.. Чисто съ крестнымъ ходомъ... Пришли на барскій дворъ, оставились это передъ парадной, коло балкону, барана впередъ къ самымъ ступенькамъ, на видное мѣсто. Стоимъ, ждемъ... глядимъ,—выходить... доложили ему... — „Здравствуйте, говорить, мужички, вы что?“ Голосъ у него тонкій, какъ у дѣвки, самъ небольшой, чернявый, съ плѣшью.

Гляжу, мой хозяинъ лѣзетъ къ нему. Картузь снялъ, держать въ обѣихъ рукахъ... поклоны отвѣшиваетъ поясные... чисто передъ иконой стоитъ, Богу молится. „Мы, говорить, ваше ся, осмѣлились... всѣмъ, тысь, опчествомъ... честь имѣемъ проздравить васъ со днемъ вашего ангела, а окромя этого съ царской милостью, съ производствомъ въ государственный советъ членомъ... Примите вотъ, ваше ся, отъ насъ барашка... барашка вотъ привели... не побрезгуйте“.

Засмѣялся онъ... любо ему... лестно. „Что-жь, говорить, спасибо, мужички... очень радъ! очень радъ!“ Сошелъ это со ступенекъ, взялъ барана рукой, погладилъ. „Славный, говорить, барашекъ... славный“...

Мы стоимъ, молчимъ. Ждемъ, что далъ отъ него будетъ. „Не зналъ я, говорить, мужички, не зналъ, что вы это сдѣлаете... Я бы приготовился, угостилъ бы васъ... спасибо вамъ, спасибо... Вы вотъ что — приходите въ среду... Я распоряджусь угостить васъ, а теперь, говорить, пока вотъ вамъ“... Досталъ, понимаешь, портмонетъ, вынулъ двѣ красныхъ на двѣ ведерки... Важно. Сейчасъ мы всѣ ему за это ура, много лѣтъ здравствовать!.. А онъ стоитъ, усмѣхается... любо ему... инда покраснѣлъ... А мы что: намъ, знамо, водка дороже Бога... Онъ, думаетъ, его чествуютъ...

Взяли деньги, отправились назадъ въ деревню. Сейчасъ двоихъ за виномъ наладили. А бабы узнали, что онъ намъ столько закатилъ,—взяли ихъ завидки. „Пойдемте, говорить, и мы... какого рожна... имъ гулянки, а мы что-жь,—за ними только за пьяными ухаживать“... Набрали яицъ, маршъ съ поклономъ. Ну, братчикъ, у бабъ еще того чище вышло: помазали онъ его чище нашего, размякъ онъ... а онъ ему пѣсни... Денегъ далъ, звалъ въ среду... И пошла, милый ты мой, у насъ по деревнѣ гульба... Въ праздникъ, истинный Господь, въ Николу того не бываетъ... переписались и мужики, и бабы...

Разсказчикъ замолчалъ. Вынулъ изъ-за пазухи пустую бутылку и, приставя ее горлышкомъ къ губамъ, запроки-

нуль голову и долго держаль ее такъ, слизывая языкомъ тихо ползущія со дна капли водки.

Было жалко и смѣшно глядѣть на него.

— Да ужъ полно,—сказаль я,—не выжмешь.

— Вѣрно,—согласился онъ и откинулъ бутылку. — Хочется, братчикъ... червякъ завелся во мнѣ винной... Пропадать мнѣ, а?

Онъ вопросительно посмотрѣль на меня. Я не отвѣтилъ ему на это ничего и спросилъ:

— А сынъ-то ховяйскій гуляль съ вами?.. Пилъ водку-то графскую?

— Куда пилъ!.. Полаялся съ отцомъ, ушелъ куда-то... И въ среду на угощенье не ходилъ. Да, взаправду, хорошо сдѣлалъ, что не ходилъ. И мнѣ бы, братчикъ, кабы знать, не слѣдъ ходить... да ужъ, видно, такъ грѣху быть... Дѣло съ эстими именинами да съ угощеніемъ вышло — бя... Собрались это православные въ среду идтить... Хозяинъ мнѣ и говорить по-намеднишняму: „пойдемъ, работа успѣть... для эдакаго разу можно“. Ну, а мнѣ худо ли?.. Я радъ... Бабы тоже не отстають... разрядились, — чисто, голова, барыни... другъ передъ дружкой... съ пѣснями на барскій дворъ... Сыннокъ опять не пошелъ. Ходить, молчать... смотреть звѣремъ... Только мнѣ въ догонку, какъ пошли мы, буркнуль: „ахъ вы, сволочи, хамы!“

— Ну, пришли это мы на барскій дворъ, опять на это мѣсто, къ балкону... Тутъ, глядимъ, столъ стоитъ, скатертью накрыть, на столѣ бокаль вотъ эдакій,—рукой обхватить, графинъ... А за столомъ дворецкій, толстый, рыжій... поставленъ, значить, водку подносить. Немного подальше другой столъ, тамъ закуска: по пирогу вотъ по эдакому да ветчины кусокъ, а коли кто ветчины не желаетъ, день постный, ѣшь рыбу... Водки пей досыта... Выпилъ бокаль, мало,—пей, еще нальють.

Ладно. Обождали мы это мало дѣло, глядимъ—изъ парадной самъ вышелъ... Какая-то высокая барыня въ очкахъ съ нимъ да два жигана въ пиджачишкахъ, учительшки вокругъ его, какъ хмѣль кругъ тычинки, вьются... Привели съ собой, сукины дѣти, ребятъ все училище, выстроили въ сторонкѣ и, только, понимаешь, графъ-то сошелъ съ балкона здороваться, велѣли они имъ какую-то канту пѣть... Знамо, чтобы угодить, народъ бѣдный, семейный... Глядишь, что-нибудь перепадеть: штанишки старые дасть—и то давай сюда... Забитый народъ, робкій, хуже насъ грѣшныхъ, истинный Господь!

Поздоровался это онъ съ нами... Мы во всю глотку ура... такой-сякой, отецъ, батюшка... Увидали водку-то,

ошалѣли, рады... Сѣлъ на стулъ около стола, барыня около, учителяшки... Дворецкій за столомъ, да два какихъ-то бритыхъ, холуи, что ли, песь ихъ знаетъ, у него въ поддужныхъ... Изъ четвертной въ графинъ водку льютъ, добавляютъ...

Начали подходить къ столу другъ за дружкой... очередь устроили... Я позади своего всталъ... держусь ему за поясъ, какъ ребенокъ за няньку.

Подошли... подошелъ нашъ чередъ... Хозяинъ передомъ... „Здравія желаю, батюшка ваше ся... честь имѣю проздравить съ прошедшимъ съ анделомъ, да съ царской съ милостью съ производствомъ“... Отвѣсилъ это поклонъ въ поясъ. Узналъ его графъ. „А, Абрамъ! Здорово... Ну, какъ живешь?“ Слава, Богу, батюшка ваше ся. Вы, осмѣлюсь спросить, какъ? Какъ тамъ Дума-то?—осмѣлюсь спросить. — „Дума-то? Ничего. Дума, братъ, все думаетъ, какъ у насъ землю отнять, да вамъ отдать. Хо, хо, хо!“ Заржалъ. А мой ему: „Да нешь это возможно... Какъ же такъ? Не законъ“.

— „А вотъ, говорить, по-твоему не законъ, а по-ихнему законъ... Набрали тамъ крамольниковъ, головорѣзовъ, кричать, какъ въ кабакъ“... Махнулъ рукой, не сталъ больше говорить... досталъ портсигаръ, закурилъ папирску.

Вышилъ мой хозяинъ бокаль—пошелъ къ закускѣ... Я подошелъ... Налилъ мнѣ дворецкій... Взялъ я въ лѣвую руку бокаль этотъ, перекрестился правой, графу поклонъ, здравія, молъ, желаю... только хотѣлъ выпить, анъ тутъ и случись, братчикъ, грѣхъ... такая-то вышла заварышка... тьфу!..

Узналъ меня графъ.—„А, говорить, пріятель! Ты кто такой, а?“ Всталъ съ мѣста, подошелъ ко мнѣ... покраснѣлъ весь... такъ и залился краской... „Ты не здѣшній? А тотъ, который съ тобой былъ, здѣсь? Говори же! Что ты молчишь?“

Гляжу, подбѣжалъ мой хозяинъ... „Это, говорить, ваше ся, мой.. въ работникахъ у меня нанялся, калуцкой, дальній... Взялъ я его сюды... не прогнѣвайтесь, на васъ взглянуть... Человѣкъ онъ темный! эдакое лицо гдѣ-жъ ему видать... не обезсудьте“... Засмѣялся графъ, эдакъ, слышно, со злостью, нехорошо.—„Да ужъ онъ, говорить, видалъ меня. А тотъ... кто съ тобой шелъ тогда?. Кто такой, чей?“ — Его вотъ, говорю, сынъ. Показалъ на хозяина. Обернулся онъ.—„Сы-ы-нъ?“—говорить.—Вотъ какъ, а я и не узналъ... Не думалъ, не думалъ... Не ожидалъ я, Абрамъ, что твой сынокъ меня площадными словами ругать смѣлъ... Благодарю, Абрамъ, очень благодарю!..“ А тотъ испугался, побѣ-

лѣль... „Ваше ся... помилуйте! что такое?“ — „А вонъ у него, говорить, сприси... онъ тебѣ скажетъ“...

И напустился онъ, братчикъ, тутъ допрежь на меня, а потомъ на самого. „Да ты, кричить на меня, кто такой? Да ты такой же... ты заодно... ни Бога, ни царя не признаете, сукинны сыны... За урядникомъ послать. Да я тебя, такой-сякой, въ острогъ... сгнѣшь ты у меня въ тюрьмѣ“... Я стою... ошалѣль, слова сказать не могу. Бросилъ меня, напустился на хозяина... Ну, этому попало здоровше мого. Ужъ онъ его... ужъ онъ его при народѣ-то!..— „Кто онъ такой, кричить, твой щенокъ, а? Какъ онъ смѣль? Зачѣмъ ты его держишь?.. Почему онъ сюда не пришелъ, а?.. Всѣ пришли, а онъ нѣтъ... Почему?.. Молчишь, старый песъ? Крамольника держишь... Да знаешь ли ты, что я власть имѣю повѣситъ его, мерзавца, а?“...

А мой ему на это бултыхъ при всемъ-то народѣ въ ноги.— „Вѣшай, говорить, батюшка, слова не скажу... Отступаюсь я отъ него... Не сердись ты только на меня Христа ради... прости... Да нешь я учу его... Уродился такой разбойникъ... Что станешь дѣлать съ нимъ. Прости“... Катается у него въ ногахъ-то на старости лѣтъ, смотрѣтъ индо совѣстно... Народъ стоитъ, молчать, всѣмъ вродѣ какъ-то неловко, стыдно... Сѣлъ опять графъ на стулъ, утишился малость... поговорилъ что-то по-каковски-то съ барыней въ очкахъ... Потомъ моему хозяину и говорить: „Ступай домой. Испортилъ ты мнѣ весь праздникъ. А ты,—мнѣ говорить,—лучше не попадайся на глаза. Чтобы и духу твоего не было... Понялъ?“...— „Да я, говорю, ваше ся, ни при чемъ... Онъ пьяный былъ... а я что-жъ... я, знамо, работникъ.“ Напустился онъ опять на меня: „Молчать, кричить, не разговаривать... Молчать!.. Передъ кѣмъ стоишь, сукинъ сынъ, а?.. Молчать!“

Ужъ я стою, не дышу, не токмо что говорить, а онъ все свое:— „молчать!“—ореть...

Что станешь дѣлать... Пошли мы съ хозяиномъ отъ народу прочь, словно собаки, хвостъ поджамши. Совѣстно ему, вижу. Голову наклонилъ, въ лицѣ точно почернѣлъ какъ-то, сопить носомъ... Эхъ, думаю, быть чему-нибудь... дѣло-то по-хорошему не обойдется.

Отошли мы отъ барскаго двора порядочно эдакъ, не видать насъ отседа; онъ, понимаешь, ни слова не говоря, бацъ меня по рылу—искры посыпались, истинный Господь. И началъ, и началъ... „Да ты такой-то, да ты эдакой-то. Да зачѣмъ ты не сказалъ мнѣ. Заодно ты съ нимъ! Расчетъ тебѣ, ступай къ чорту, не нуженъ“. А самъ такъ съ кулачьями, остервенился, и претъ къ рылу... Ну, тутъ ужъ и

я не стерпѣлъ: смазалъ его раза два... Дери тебя, говорю, чортъ и съ расчеомъ-то. Снохачъ проклятый!.. Всю дорогу, пока до двора шли, лаялись мы, что ни есть хуже... Мнѣ, знамо, обидно... Доведись до кого хошь, понапрасну лають... Я тоже, небось, не каменный... Пришли въ избу. Одна старуха дома, никого нѣтъ. „А гдѣ-жь тотъ, говорить, разбойникъ-то?“—„Да не знаю. Тутатко былъ, вертѣлся, вышелъ куда-то“... Сѣлъ онъ на лавку, ноги разставилъ, сопитъ, духъ не переведеть... Отстегнулъ воротъ, тяжело ему... Посидѣлъ, вскочилъ, побѣгалъ по избѣ, сѣлъ опять и— что же ты думаешь, братчикъ, заплакалъ со злости-то... Ужь очень ему, значить, обидно насчетъ графа-то... остранилъ при всемъ народѣ...

Неловко мнѣ стало... пошелъ я изъ избы... Глядь, за дверью въ сѣнцахъ сынокъ... идетъ откуда-то, выпимши... „Ну что, говорить, угостили васъ? Вы еще бы, говорить, Христа ради попросили... Онъ еще бы угостилъ. Ахъ вы, сволота!..“

— Не ходи, говорю ему, въ избу, обожди: самъ нехорошъ... какъ бы чего не было.—„А что?“...

Разказалъ я ему. А онъ смѣется, радъ... „Такъ вамъ, говорить, и надо... Ловко. Вотъ, небось, мой-то, пойду посмотрю“.—Пошелъ въ избу... Я за нимъ... Грѣшный человекъ, любопытно мнѣ, что у нихъ будетъ.

Не успѣлъ это онъ черезъ порогъ путемъ перелѣзть, какъ набросился на него самъ, ровно волкъ на падаль... Сцѣпились. „Ты что-жь это со мной сдѣлалъ, богоотступникъ проклятый, а?—кричить старикъ.—Долго-ль ты меня страмить-то, мучить-то будешь? Что ты со мной надѣлалъ? Съ какими я бѣльмами на улицу теперь выйду? Какъ я къ графу покажусь? Мошенникъ ты, разбойникъ, сукинъ сынъ! Къ уряднику тебя... свяжу по рукамъ, по ногамъ,—въ городъ!.. Пороть тебя, смутьянъ проклятый... вышибить изъ тебя духъ-то твой окаянный!..“—А сынъ смѣется да и говорить ему на это: „Угостилъ, говорить, ловко... такъ и надо. Поди еще поклоняйся,—поднесетъ чашку... Помиритесь, говорить. Онъ такихъ любитъ... Рыбакъ рыбака съ другого берега видитъ... Такіе обормоты, какъ ты, имъ нужны, какъ мость черезъ рѣку. По вашимъ спинамъ ходять, а ты, дуракъ, гнишь ниже... эхъ, вы!“ Хотѣлъ еще что-то сказать, да не успѣлъ... Случилось тутъ, братчикъ, дѣло, не дай Богъ, вспомнить тошно... Схватилъ, понимаешь, самъ рубель, вотъ которымъ бабы бѣлье катають, на брусу онъ лежалъ, да какъ ахнетъ его этимъ рубелемъ-то по головѣ... такъ онъ и покотился по полу, какъ снопъ...

— Убилъ?—какъ-то неволью воскликнулъ я.

— А ты слушай. Нѣтъ, не убилъ сразу, а только оглушилъ... Ударилъ-то онъ его, понимаешь, плашмя, а не ребромъ... Кабы ребромъ—прошибъ бы голову... Ну, упалъ это онъ на полъ, потомъ хотѣлъ встать, анъ нѣтъ, не можетъ... Поднялся эдакъ на карачки, да по избѣ-то кругомъ, кругомъ на одномъ мѣстѣ, какъ волчекъ... Страсти смотрѣть—истинный Господь...

Подбѣжалъ я къ нему. Что-ты, что ты? Взялъ его въ охапку, посадилъ на скамейку, а у него голова-то вотъ такъ внизъ и падаетъ, и говорить ничего не можетъ, языка рѣшился... Ваялъ я, подстелилъ въ голова—положилъ его.—Старуха-то со страху убѣжала за дверь, втроемъ мы остались... Убилъ, говорю, малаго-то... что теперь дѣлать, а?.. Молчитъ старый, испугался, трясется... Въ больницу, говорю, надо скорѣе везти—пока живъ. Можетъ, помогутъ... Да наврядъ... За попомъ бы послать... Напрѣветъ тебѣ теперь, говорю, что надѣлалъ!.. Испугался онъ, вижу, еще больше... „Батюшка, говоритъ, Маркелъ, не сказывай, не сказывай Христа ради... не губи!.. Затаскаютъ!.. Я тебѣ за это... вотъ погоди... погоди, я тебѣ двѣ красныхъ... Мало? Три... живи у меня, пей, ѣшь...“ Гляжу я на него. Ахъ ты, думаю, сволочь ты эдакая. Онъ все объ себѣ-то хлопочетъ, себя-то ему жалко пуще всего, а не человѣка... Н-да!..

— Померъ?—спросилъ я еще разъ.

— Тутъ же, на этой скамьѣ, гдѣ положилъ я его—отдалъ Богу душу. Безъ языка былъ да, должно, и безъ памяти... погасъ, какъ лучина... потрещала, потрещала, да и того, свалилася въ лоханку, только дымокъ пошелъ.

Разсказчикъ опять замолчалъ, словно задумавшись о чемъ-то...

— Ну, а какъ же потомъ-то?—спросилъ я.—Самъ-то какъ же?.. Судили? Что ему было?

Онъ махнулъ рукой.

— О, братчикъ,—чорта лысаго судили!.. Ни фигу ему не было,—оправдали...

— Ну, а ты какъ же?.. У него жить остался?

Онъ усмѣхнулся какой-то нехорошей, злобной усмѣшкой и отвѣтилъ:

— У него... да только, братчикъ, не долго... Его, стараго пса,—нашелся какой-то добрый человѣкъ,—спалили...

— Какъ спалили?

— Какъ!.. Какъ!.. Не знаешь, какъ?.. Махонькій, что-ли?.. Подпустили ночью пѣтуха подъ крышу-то—и готово дѣло... Какъ корова языкомъ слизнула.

— Кто-жь это?—спросилъ я и посмотрѣлъ на него.

Онъ тоже смотрѣлъ на меня, и его губы кривила прежняя злобная, нехорошая усмѣшка.

— Нашелся такой... да и за дѣло... такъ ему, сукину сыну, и надо... такъ и надо... и всѣмъ имъ, кровопійцамъ, всѣмъ... Охъ, Господи...

Онъ схватился за грудь, закашлялся, всталъ и, махнувъ рукой, пошелъ отъ меня прочь.

— Куда-жъ ты, погоди!—крикнулъ я, думая, что онъ остановится...

Но, даже не оглянувшись на мой крикъ, онъ опять махнулъ рукой и черезъ минуту скрылся на поворотѣ за часто и густо разросшимися кустами.

С. Подъячевъ.

Очерки изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей декабристовъ.

V.

Судебная реформа.

Члены Тайнаго Общества въ своихъ предположеніяхъ относительно преобразованія существующаго строя останавливались почти на всѣхъ явленіяхъ русской жизни: они задумывались надъ тѣмъ, какъ нужно реформировать высшую и мѣстную администрацію, судопроизводство, улучшить тюрьмы, ограничить тѣлесныя наказанія, устроить болѣе правильно государственное хозяйство. Они разсматривали, что нужно сдѣлать для совершеннаго уничтоженія сословнаго строя или для измѣненія положенія отдѣльныхъ сословій и, прежде всего, для уничтоженія крѣпостнаго права; они стремились къ установленію свободы совѣсти или, по крайней мѣрѣ, вѣротерпимости, къ введенію свободы печати. Они требовали уничтоженія военныхъ поселеній, полнаго преобразованія нашего военнаго строя и особенно сокращенія срока службы солдатъ. Ознакомившись съ проектами конституціоннаго характера и перехода къ требованіямъ частныхъ преобразованій, мы начнемъ съ предположеній относительно преобразованія судопроизводства.

Надъ вопросомъ о необходимости введенія гласнаго судопроизводства и суда присяжныхъ едва-ли не болѣе другихъ членовъ Тайнаго Общества размышлялъ Н. И. Тургеневъ, который еще въ московскомъ университетѣ слушалъ лекціи по «теоріи права» извѣстнаго профессора Цвѣтаева *). Онъ сталъ задаваться этими вопросами, какъ видно изъ его дневника, еще до вступленія въ Общество **).

*) *М. Л. Вишницеръ*. „Гёттингенскіе годы Н. И. Тургенева“. „Минувшіе годы“ 1908 г. №№ 5—6, стр. 220—222.

**) Напомню, что, еще въ самомъ началѣ XIX в., А. Н. Радищевъ считалъ необходимыми введеніе гласнаго судопроизводства и суда присяжныхъ и совершенное уничтоженіе пристрастныхъ допросовъ; онъ
Юль. Отдѣлъ I

Въ 1816 году, задумываясь надъ изданіемъ сочиненія по уголовно-му праву, для котораго онъ воспользовался своими записями лекцій по уголовному праву талантливаго гёттингенскаго профессора Гёде *), онъ высказываетъ предположеніе о томъ, чтобы въ предисловіи къ нему представить «пользу и необходимость» суда присяжныхъ. Въ этомъ же или слѣдующемъ году онъ останавливается на мнѣніи Паганеля, автора книги о французской революціи **), о необходимости не только суда присяжныхъ, но и «мирныхъ судей». Въ февралѣ 1819 г. онъ возражаетъ въ своемъ дневникѣ на мнѣніе о судѣ присяжныхъ извѣстнаго защитника стараго режима Бональда. Утверждая «что jury не есть условіе свободы, Бональдъ говоритъ, что какаѣ въ томъ свобода: осуждать себѣ подобныхъ? Мы замѣтимъ», продолжаетъ Тургеневъ, «что это не право, а обязанность для судящихъ, но право для подсудимаго и признакъ, условіе его свободы». Въ 1819 г. (7 августа) онъ пишетъ въ дневникѣ: «Довольно въ пользу учрежденія присяжныхъ сдѣлать одно замѣчаніе, предъ которымъ всѣ кривотолки должны безмолствовать; довольно сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ Англія наслаждается благодѣтельнымъ учрежденіемъ присяжныхъ, ни одинъ невинный не былъ приговоренъ судомъ ихъ къ наказанію (?). А въ тѣхъ государствахъ, гдѣ мертвыя слова закона, гдѣ окаменѣлыя сердца судей изрекаютъ приговоръ подсудимымъ!..» (sic). Въ сентябрѣ слѣдующаго года Тургеневъ начинаетъ, какъ видно изъ дневника, писать сочиненіе о судѣ присяжныхъ, къ сожалѣнію не сохранившееся. Такъ, напримѣръ, 22 сентября, онъ отмѣчаетъ, что окончилъ вторую главу «о слѣдствіи» и недоволенъ ею. Далѣе онъ пишетъ о томъ, какъ присяжные произносятъ свой приговоръ, въ 4-й главѣ, по его словамъ, «самой существенной», говоритъ «о маломъ судѣ присяжныхъ» ***) и о судейскомъ сословіи вообще; шестая глава была посвящена вопросу о единогласномъ рѣшеніи присяжныхъ. Въ началѣ декабря онъ пишетъ 7-ю главу «объ отвѣтственности» ****) и при этомъ замѣчаетъ: «мысль о цензурѣ отнимаетъ духъ писать»

утверждалъ также, что всѣ состоянія равны передъ закономъ, и потому тѣлесныя наказанія должно отмѣнить.

*) См. *La Russie et les Russes* I, 84, 389—391.

**) „Essai historique et critique sur la révolution française, ses causes et ses resultats“ par M... (Paganel). Первое изданіе конфисковано въ 1810 г. и уничтожено въ 1813 г.; второе вышло въ свѣтъ въ 1814 г.

***) Большой судъ присяжныхъ въ Англіи рѣшалъ вопросъ о преданіи суду (см. Миттермайеръ „Уголовное судопроизводство въ Англіи, Шотландіи и Америкѣ“, М. 1864 г. стр. 216 и сл.); малый судъ присяжныхъ произносилъ единогласный приговоръ о виновности или невинности подсудимаго. Ср. Фойницкій. „Курсъ уголов. судопр.“, т. I, изд. 2, Спб. 1896 г. стр. 29—30; „Объ устройствѣ судовъ и судопроизводствѣ въ Англіи“. „Духъ Журналовъ“ 1819 г. кн. 12, стр. 32—40, 49—54.

****) Должны были быть еще главы о наказаніяхъ, о гласности судопроизводства и кое-что „о русскомъ жюри“, что найдется въ Карамзинѣ въ Судебникѣ и проч. .

я «заставляет не торопиться» *). Въ маѣ 1821 г. Тургеневъ отмѣчаетъ: «продолжаю заниматься моимъ журн» (т. е. трудомъ о судѣ присяжныхъ); въ концѣ августа онъ пишетъ: «въ предисловіи къ моему журн надобно сказать объ учености нѣмцевъ, о успѣхахъ ихъ въ теоріи законодательства вообще. Въ философіи права уголовного они далѣе другихъ народовъ», которымъ «даже неизвѣстна философія нѣмцевъ».

Въ перепискѣ Н. Тургенева съ братомъ Сергѣемъ находимъ еще нѣкоторыя подробности объ этомъ трудѣ и указанія на его источники. Въ письмѣ отъ перваго ноября 1820 г. онъ говоритъ, что «охоту писать о журн» вызвало въ немъ сочиненіе Филлипса, переведенное на французскій языкъ извѣстнымъ юристомъ Ш. Контомъ **): «законоискусники, въ особенности нѣмецкіе», продолжаетъ Тургеневъ, «возстаютъ противъ журн. Нѣмцы говорятъ, что имъ не нужно ни взаимное обученіе, ни журн, потому что у нихъ первоначальное ученіе и судопроизводство хорошо». Съ первымъ онъ соглашается, относительно послѣдняго выражаетъ сомнѣніе. «Впрочемъ, вообще новыя политическія идеи», прибавляетъ Н. И., «еще не вкоренились въ Германію». Въ письмѣ отъ 30 ноября Тургеневъ сообщаетъ, что думаетъ посвятить свою книгу польскому сейму «въ изъявленіе желанія», чтобы судъ присяжныхъ былъ у нихъ принятъ.

Этотъ трудъ Н. И. Тургенева о судѣ присяжныхъ не сохранился, но основные принципы его изложены авторомъ въ его книгѣ *La Russie et les Russes* ***). Онъ предлагаетъ примѣнять судъ присяжныхъ не только въ уголовныхъ, но и въ гражданскихъ дѣлахъ; въ пользу послѣдней мѣры его убѣждаетъ примѣръ Шотландіи, гдѣ введеніе суда присяжныхъ въ гражданское судопроизводство «недавно» (съ 1815 г.) было принято какъ важная прогрессивная мѣра. Онъ считалъ необходимымъ, чтобы присяжными могло быть

*) А. И. Тургеневъ въ письмѣ къ кн. Вяземскому отъ 6 октября 1820 г. также говоритъ по поводу работы брата о присяжныхъ: „при мысли о цензурѣ талантъ мерзаетъ, уму тѣсно и душно... Одинъ цензоръ гласно объявилъ: *stat pro lege voluntas*“. „Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ“ II, 84, стр. 89.

***) R. Phillips. *Des pouvoirs et des obligations des jurys*, traduit de l'anglais par Ch. Comte.

***) 1847 г. Bruxelles, II, 231—242. Это видно, какъ изъ собственнаго изложенія Тургенева, такъ и изъ слѣдующаго свидѣтельства декабриста Волконскаго: „Въ предварительныхъ уставахъ разныя части управленія были розданы для обработки разнымъ лицамъ... судопроизводственная и финансовая части были поручены Тургеневу... Труды Тургенева не попались въ руки правительству, но не скрою, что все, что печатно выказано имъ о финансахъ и судопроизводствѣ для Россіи во время его безмятежнаго пребыванія въ чужихъ краяхъ, есть сводъ того, что имъ приготовлено было для примѣненія при переворотѣ, имъ и нами замышляемомъ для Россіи, и это я завѣрю совѣстью“. „Записки С. Г. Волконскаго“. 1901, стр. 422, 423.

возможно большее число лицъ, особенно, чтобы эту обязанность несли лица, состоящія на гражданской службѣ, и чтобы отъ нея были изъяты только духовенство, военные и судьи. Въ уголовныхъ дѣлахъ Тургеневъ устанавливаетъ правило, что каждый имѣетъ право быть судимымъ равными себѣ, членами своего сословія, однако, готовъ допустить, чтобы лица высшихъ классовъ участвовали въ рѣшеніи дѣлъ, гдѣ подсудимыми являлись лица изъ низшихъ классовъ, и соглашается и на то, чтобы только было определено различіе между платящими подушную подать и избавленными отъ нея. Онъ предлагалъ ввести судъ присяжныхъ лишь въ гражданскіе и уголовные суды второй степени (въ губернскихъ городахъ). Предсѣдатели и члены палатъ уголовного и гражданского суда должны были только готовить дѣла для рѣшенія присяжныхъ, а въ уголовныхъ дѣлахъ Тургеневъ готовъ былъ предоставить имъ и составленіе обвинительнаго акта. Для сужденія по гражданскимъ дѣламъ онъ считалъ необходимыми особыхъ присяжныхъ, обладающихъ специальными знаніями. Трибуналы первой инстанціи въ уѣздныхъ городахъ должны были вѣдать только нарушенія полицейскихъ правилъ; кромѣ того, имъ предполагалось поручить слѣдствія по уголовнымъ дѣламъ, которыя тогда были возложены на такъ называемый земскій судъ, состоявшій подъ предсѣдательствомъ исправника. Присяжные должны были засѣдать только въ послѣдній мѣсяцъ каждой четверти года. Тургеневъ считалъ необходимымъ, чтобы они выносили единогласное рѣшеніе, но, по крайней мѣрѣ на первое время, по примѣру французскаго судопроизводства, допускалъ, что, если-бы въ теченіе сутокъ они не пришли къ соглашенію, то дѣло могло бы быть рѣшено большинствомъ голосовъ или при участіи судьи *).

Уголовное судопроизводство должно было быть исключительно устное, а въ гражданскомъ могло быть допущено чтеніе документовъ и записокъ. Адвокаты и прокуроры составляютъ, по его мнѣнію, необходимую принадлежность судопроизводства. Онъ допускалъ, чтобы высшая инстанція (сенатъ) только кассировала приговоры суда присяжныхъ, но не произносила бы сама окончательныхъ приговоровъ. Такимъ образомъ, оставляя по его словамъ, «скелеть» прежнихъ учрежденій, Тургеневъ старался вдохнуть въ него новую жизнь. Но большимъ нововведеніемъ онъ считалъ установленіе гласности судопроизводства во всѣхъ судебныхъ учрежденіяхъ.

Въ своихъ воспоминаніяхъ Н. Тургеневъ говоритъ: «Я рассчитывалъ напечатать въ предположенномъ мною журналѣ **) много статей объ уголовномъ судопроизводствѣ и объ учрежденіи суда

*) Тургеневъ предлагалъ, чтобы при рѣшеніи дѣлъ судомъ съ присяжными былъ одинъ судья, такъ какъ онъ будетъ болѣе чувствовать всю отвѣтственность своей должности.

**) См. о немъ въ моей статьѣ въ „Рус. Богатствъ“ 1908 г. № 4, стр. 77—79.

присяжныхъ». Упомянувъ о томъ, что этотъ послѣдній трудъ былъ «почти оконченъ», Тургеневъ продолжаетъ: «Я хотѣлъ также изложить великія и безчисленныя неудобства письменнаго судопроизводства и показать настоятельную необходимость принять въ русскихъ судахъ устное производство. Для статей, приготовленныхъ по этому предмету, я особенно воспользовался трудами знаменитаго профессора Миттермайера, который, по моему мнѣнію, такъ хорошо зналъ и оцѣнилъ два способа судопроизводства—французскій и нѣмецкій—and который съ истинною научною соединяетъ совершенную ясность изложенія» *).

Въ тѣхъ же воспоминаніяхъ Тургеневъ свидѣтельствуетъ, что, продолжая работу о судѣ присяжныхъ **), онъ задумалъ изложить теорію уголовного судопроизводства, «развивъ основныя начала и правила, которыхъ необходимо всегда держаться при слѣдствіи. Я старался, говоря объ иностранномъ законодательствѣ по этому предмету, показать русскому читателю многіе и очень важныя недостатки нашего законодательства по этому предмету. Я намѣревался, когда этотъ трудъ будетъ оконченъ, составить уставъ уголовного судопроизводства, какъ уже отчасти составилъ проектъ торговаго уложенія. Это была моя мечта, осуществленіе которой постоянно занимало мои мысли. Всѣ мои занятія были направлены съ тѣхъ поръ къ этой цѣли. Судьба не дозволила мнѣ довести до конца ни одинъ изъ этихъ трудовъ. Чтобы лучше ознакомиться съ вопросомъ, какъ о судѣ присяжныхъ, такъ и вообще объ уголовномъ судопроизводствѣ, я задался мыслию научить ихъ въ Англіи. Простыя формы англійскаго судопроизводства казались мнѣ болѣе подходящими къ Россіи, чѣмъ французскія, болѣе правильныя (?), но болѣе сложныя и требующія болѣе образованныхъ судебныхъ слѣдователей». Съ этою цѣлью Тургеневъ сталъ даже хлопотать о мѣстѣ генеральнаго консула въ Лондонѣ, но получить его ему не удалось.

Свой трудъ о судопроизводствѣ Тургеневъ сообщилъ Сперанскому и Мордвинову ***). Этотъ трудъ, носящій заглавіе «Мысли о

*) La Russie et les Russes I, 84—85.

**) На собраніи членовъ Сѣвернаго Тайнаго Общества въ 1823 г., въ квартирѣ И. И. Пущина, Тургеневъ взялся написать проектъ о судѣ присяжныхъ.

***) Тургеневъ записалъ въ дневникѣ 20 октября 1821 года: «Сегодня, читая въ Миттермайерѣ объ устройствѣ судной части въ различныхъ государствахъ, я почувствовалъ какое-то сильное желаніе написать нѣкоторыя desideria для Россіи въ семъ отношеніи. Сперанскій мнѣ пришелъ на мысль, и мнѣ вздумалось сдѣлать это въ видѣ письма къ нему, такъ, однако-же, чтобы изъ письма всегда можно было сдѣлать разсужденіе». 10 ноября Тургеневъ замѣчаетъ: «Не знаю, можетъ-ли понравиться сіе разсужденіе кому-либо. Понятія мои о судопроизводствѣ очень ограничены, ибо я мало знакомъ съ нимъ предметомъ».

возможныхъ исправленіяхъ російскаго судопроизводства» *), дошелъ до насъ **). Сохранилось и черновое письмо, съ которымъ авторъ обратился къ Сперанскому. Онъ говоритъ въ немъ, что въ занятіяхъ «по части судопроизводства» находитъ «болѣе пищи для души», чѣмъ въ занятіяхъ по службѣ въ министерствѣ финансовъ, такъ какъ финансы «во всей Европѣ на практикѣ не согласны съ теоріей», которую онъ считаетъ справедливою и изученію которой «посвятилъ лучшіе годы жизни». Тургеневъ заявляетъ, что имъ «всегда одна главная идея владѣть: приспособленіе, по возможности, всего хорошаго, всего полезнаго, всего благодѣтельнаго къ пользѣ Россіи». Сравненіе правосудія въ иностранныхъ государствахъ съ нашимъ вызываетъ въ немъ «глубокое сокрушеніе». Его утѣшаетъ только надежда на возможность его улучшенія, такъ какъ преобразование судопроизводства нигдѣ не встрѣчало затрудненій. «Сколько справедливыхъ и несправедливыхъ упрековъ раздавалось въ Европѣ относительно послѣдствій революціи французской, но никогда и никому не приходило въ голову порицать введеніе гласности въ судопроизводство, учрежденіе присяжныхъ», высшаго «ревізійнаго» суда (cour de cassation ***).

Въ своемъ разсужденіи ****) Тургеневъ говоритъ о «словесномъ производствѣ дѣлъ, гласности судопроизводства, отдѣленіи и независимости части судной отъ правительственной, устройствѣ судовъ, адвокатовъ и стряпчихъ». Но, прежде чѣмъ перейти къ этимъ вопросамъ, онъ указываетъ на различіе двухъ системъ уголовного процесса—нѣмецкой, основанной на вынужденіи отъ подсудимаго признанія въ винѣ, и французской, стремящейся къ уличенію обвиняемаго свидѣтельскими показаніями и основанной на внутреннемъ убѣжденіи произносящаго приговоръ, и замѣчаетъ, что наше судопроизводство гораздо ближе къ нѣмецкой системѣ, нежели къ французской. Тургеневъ возмущается увѣщаніемъ священника допрашиваемому, этимъ, по его выраженію, стараніемъ сдѣлать Бога «участникомъ въ человѣческой несправедливости». Далѣе онъ указываетъ на то, что система вынужденія признанія приводитъ у

*) Заглавіе это нѣсколько измѣнено карандашемъ: „Мысли о нѣкоторыхъ исправленіяхъ російскаго судопроизводства, возможныхъ даже и въ теперешнемъ состояніи онаго“.

**) См. Тургеневскій Архивъ, въ отд. рукоп. библ. Академіи наукъ, № 1132.

***) Тургеневъ извиняется за длинное вступленіе къ письму: „Привыкнувъ излагать“, — говоритъ онъ, — „мысли мои въ разсужденіяхъ или диссертаціяхъ, назначаемыхъ для чтенія публики, остающихся, однако-же, всегда въ моемъ портфелѣ, я не имѣю довольно искусства, чтобы въ письмѣ къ человѣку просвѣщенному избѣгнуть того, что необходимо только для массы читателей... Если хотятъ избавиться отъ повторенія всѣхъ, такъ называемыхъ, площадныхъ истинъ, то надобно рѣшиться привести ихъ въ исполненіе“.

****) Начало его сохранилось въ двухъ редакціяхъ — сокращенной и болѣе обширной.

насъ «къ другому пагубному обыкновенію»,—пристрастному допросу, который не что иное, какъ пытка. Хотя такой допросъ воспрещенъ закономъ, но часто въ дѣйствительности примѣняется и признается необходимымъ на основаніи предразсудка, что безъ такого вынужденія нельзя узнать истины *). Это зло можетъ быть уничтожено только принятіемъ системы уличенія посредствомъ допроса свидѣтелей и требованія отъ обвиняемаго лишь объясненій и возраженій на свидѣтельскія показанія **).

Нѣтъ причины думать, продолжаетъ Тургеневъ, «чтобы учрежденіе суда присяжныхъ въ Россіи было сопряжено съ непреодолимыми препятствіями. Намъ оно не чуждо. Судебникъ представляетъ намъ остоу сего плода свободы дикихъ германцевъ... Петръ I, сильною рукою отдѣливъ насъ отъ варварства въ обычаяхъ, отдѣлилъ, къ несчастію, и отъ благодѣяній лучшаго судопроизводства вмѣсто того, чтобы сблизить насъ съ оными. Нѣмецкое платье не вытѣснило совершенно русскаго; между тѣмъ какъ судъ нѣмецкій и сохранившаяся донинѣ татарская расправа заставили насъ устранить даже память о древнихъ русскихъ цѣловальникахъ... Но возможное въ дѣсахъ германскихъ почему невозможно теперь въ Россіи? Учрежденіе, существовавшее во времена Іоанна Грознаго, почему не можетъ быть воскрешено и усовершенствовано во времена Александра?» Однако, Тургеневъ не входитъ въ этомъ разсужденіи въ подробное разсмотрѣніе вопроса о судѣ присяжныхъ, такъ какъ здѣсь онъ «предположилъ говорить только о самыхъ незатруднительныхъ перемѣнахъ», о такихъ, «которые могутъ быть приняты даже и при теперешнемъ порядкѣ нашего судопроизводства ***).

При письменномъ судопроизводствѣ Тургеневъ считаетъ полезнымъ, послѣ разсмотрѣнія всѣхъ представленныхъ просьбъ и документовъ, но до рѣшительнаго заключенія, допустить «говореніе

*) Въ первой редакціи разсужденія Тургеневъ отмѣчаетъ разсказъ одного унтеръ-офицера о томъ, какъ онъ допрашивалъ солдатъ, накормивъ ихъ селедками.

**) Важное неудобство нашего уголовного процесса состоитъ, по его мнѣнію, въ томъ, что „люди судятся и осуждаются по большей части заочно“. Онъ предлагаетъ, принявъ систему допроса, какъ при слѣдствіи, такъ и на судѣ, обязать уголовныя палаты разсматривать дѣла въ присутствіи подсудимыхъ.

***) Въ особомъ наброскѣ, безъ начала и конца, составляющемъ, вѣроятно отрывокъ изъ другого труда, Тургеневъ говоритъ о судѣ присяжныхъ: „Законъ предоставилъ не судьямъ рѣшить виновность или невинность подсудимаго, но 12-ти человѣкамъ, къ которымъ подсудимый имѣетъ довѣренность: они рѣшаютъ не по писанымъ инструкціямъ, но единственно по убѣжденію внутреннему, по совѣсти. Они видятъ преступника во все время производства дѣла, они слышатъ свидѣтелей и, наконецъ, произносятъ: да или нѣтъ, зная, что отъ словъ сихъ зависитъ участь подсудимаго. Такимъ образомъ присяжные опредѣляютъ виновность. Судъ предлагаетъ законъ“. Тургеневскій Архивъ, № 789.

суда» въ особомъ засѣданіи, въ которомъ тяжущіяся стороны могли бы словесно, сами или посредствомъ своихъ повѣренныхъ, представить свои искіи или ствѣты, послѣ чего судьи должны постановить рѣшенія. Впрочемъ, такое устное, или, по его терминологіи, «словесное» дѣлопроизводство онъ предлагалъ ввести только въ низшихъ и среднихъ инстанціяхъ, но не въ Сенатѣ.

Если введеніе устности судебного производства представляется Тургеневу удобнымъ, то въ дѣлахъ уголовныхъ онъ считаетъ его даже необходимымъ, особенно если принято будетъ правило разсматривать дѣла не иначе, какъ въ присутствіи подсудимаго.

„У насъ, какъ и вездѣ“, говоритъ онъ, „судамъ уголовнымъ подвергаются наиболѣе люди“, которые „бѣдностью и невѣжествомъ скорѣе увлекаются въ преступленіе и которые... по сей—по самой причинѣ болѣе заслуживаютъ снисхожденія и милосердія законнаго, нежели того равнодушія, съ которымъ судьба сихъ несчастныхъ ввѣряется, такъ называемому, законному порядку, плохо устроенному... и недостатку коего, падая на людей *безъластныхъ*, не могутъ не обратить на себя дѣятельнаго вниманія тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ исправленіе. Другія, высшія сословія у насъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, кажется, совершенно освободили себя отъ благотворнаго ига законовъ уголовныхъ: чиновникъ ли играетъ вѣсами правосудія и обманываетъ довѣренность правительства, дворянинъ ли неистовствуетъ съ своими крестьянами, купцы ли обманываютъ публику и другъ друга, рѣдко сила закона достигаетъ ихъ беззаконія; когда же къ симъ сословіямъ принадлежащіе *попадаются*, какъ у насъ говорятъ *подъ судъ*“), то часто возвращаются въ среду общества *по золотому мосту* оправданными, очищенными. Когда же—что, впрочемъ, рѣдко случается, гораздо рѣже въ сравненіи съ другими государствами—обстоятельства не позволяютъ отстранить наказаніе, то и тутъ часто приговоръ гласитъ: „такого-то чиновника, какъ неблагонадежнаго, отставить отъ службы и впредь ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять и не выбирать“.—„Имѣніе такого-то помѣщика взять въ управленіе опеки, а смерть такого-то крестьянина предать волѣ Божіей“ **).

«Словесное дѣлопроизводство», по мнѣнію Тургенева, «можетъ существовать въ полной мѣрѣ тогда только, когда не будутъ судить заочно и когда будутъ у насъ адвокаты».

Переходя къ вопросу о гласности судопроизводства, Тургеневъ напоминаетъ слова M-me Stael: «tout est mistère en Russie, et cependant rien n'y est secret». Онъ опровергаетъ возраженіе противниковъ гласности судопроизводства, что при этомъ «слабые соблазняются, злонамѣренные научаются различнымъ способамъ преступленія, различнымъ уловкамъ оправданія» ***). Онъ указы-

*) Въ этомъ отдѣлѣ мы встрѣчаемъ ссылку на статью извѣстнаго нѣмецкаго юриста Фейербаха въ „Рейнскомъ Меркуріи“, газетѣ, которую издавалъ въ 1814—16 гг. Герресь.

**) Въ примѣчаніи Тургеневъ поясняетъ: „это выраженіе: *падаютъ подъ судъ*“, не показываетъ-ли, что свойство суда законнаго смѣшивается у насъ съ свойствомъ какой-то *запачки*, около которой ходить можно, но не надобно только попадаться въ нее?!”

***) О нашемъ дореформенномъ судѣ см. І. В. Гессенъ „Судебная реформа“. Спб. 1906 г.; Калмыковъ „Старый судъ“. („Русская Стар.“ 1886 г. т. 62, стр. 511—544).

васть на то, что и публичность наказаній можетъ имѣть такое-же вредное вліяніе, и въ подтвержденіе своего мнѣнія ссылается на показаніе одного русскаго крестьянина, что первая мысль о преступленіи родилась въ немъ, когда онъ, увидѣвъ публичное наказаніе преступника, спросилъ объ его винѣ, — что вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ ошибочность мнѣнія тѣхъ юристовъ, которые главною цѣлью наказанія считаютъ устрашеніе. Напротивъ, на человѣка, смотрящаго на уголовный судъ «съ злымъ намѣреніемъ», могутъ произвести сильнѣйшее впечатлѣніе «разные, часто непостижимые, чудесные, никакъ не предусмотрѣнные случаи обнаруженія преступленія... и изъ души его изгладить первый зародышъ порока». Если театральныя представленія (это, по выраженію Тургенева, «условное, натянутое подражаніе жизни») могутъ благотворно вліять на нравственность людей, то можетъ-ли не имѣть такого-же дѣйствія «торжественное, *подлинное* зрѣлище, представляющее взорамъ и душѣ присутствующихъ злодѣяніе, въ тайнѣ и съ надеждою тайны содѣланное, но открытое и караемое явно силою равныхъ для всѣхъ законовъ?» Гласность судопроизводства возможна и тамъ, гдѣ нѣтъ суда присяжныхъ; она совершенно неразлучна съ устнымъ дѣлопроизводствомъ: «главнымъ обузданіемъ для судьи, главнымъ обезпеченіемъ для подсудимаго» при этомъ «служить присутствіе публики при судопроизводствѣ».

Гласность, по словамъ Тургенева, возможна въ трехъ отношеніяхъ: 1) въ отношеніи къ тяжущимся и подсудимымъ, 2) въ обнародованіи посредствомъ печати производства и рѣшенія дѣла и 3) въ производствѣ дѣла при открытыхъ дверяхъ *). — «Гласность перваго рода состоитъ въ томъ, чтобы все предпринимаемое судомъ, по производящемуся въ ономъ дѣлѣ, не было скрываемо отъ тѣхъ, до кого сіе дѣло касается, чтобы тяжущіяся стороны, чтобы подсудимый знали все то, что дѣлается въ судѣ по ихъ дѣлу, чтобы все производство происходило въ ихъ присутствіи». Относительно печатанія производства и рѣшенія дѣлъ Тургеневъ замѣчаетъ, что, насколько ему извѣстно, это не запрещено нашими законами, «но такъ какъ мы приняли, кажется, правиломъ, что *все то запрещено, что именно не позволено*, то и для права печатанія процессовъ нужно у насъ особое дозволеніе **). Польза отъ оглашенія процессовъ въ печати очевидна: «Судьи съ большею внимательностью разсматривали-бы и рѣшали дѣла, имъ ввѣряемыя, зная, что публика можетъ и надъ ними произнести приговоръ основательный и справедливый. Многие люди при дурномъ дѣлѣ боятся не самого дѣла, но стыда, съ нимъ сопряженнаго. Тайна сей стыдъ

*) Ср. Фойницкій. «Курсъ уголовного судопроизводства», т. I, изд. 2, Спб. 1896 г., стр. 102—103.

**) Цензура разрѣшала у насъ тогда печатать отчеты только о судебныхъ дѣлахъ, рѣшенныхъ въ Царствѣ Польскомъ.

скрываетъ. Гласность можетъ причинить его». Имена судей должны быть обнародованы. Все это—элементарныя истины въ настоящее время, но тогда въ нихъ было много новаго; впрочемъ, даже еще недавно скрывались имена членовъ военно-полевыхъ судовъ *).

Что касается гласности въ смыслѣ производства дѣлъ при открытыхъ дверяхъ, то Тургеневъ указываетъ на то, что она «именно предписывается» въ нашемъ военномъ судопроизводствѣ: «законъ повелѣваетъ производить судъ при растворенныхъ дверяхъ и допускать къ оному зрителей, когда нѣтъ особаго на то воспрещенія». Онъ утверждаетъ, что тамъ, гдѣ этотъ законъ исполнялся, какъ, напримѣръ, въ корпусѣ гр. Воронцова во время пребыванія во Франціи, «гласность была весьма полезна». — Приговоры должны всегда объявляться публично, но совѣщанія судей и присяжныхъ не должны быть гласными. Дѣла, «могущія произвести соблазнъ» **), не должны разсматриваться публично, о чемъ судьи объявляютъ предъ началомъ дѣла. «Отдѣленность судебной части отъ правительственной», по словамъ Тургенева, «состоитъ въ отстраненіи всякаго вліянія чиновниковъ исполнительныхъ не только на судопроизводство, но даже и на самое слѣдствіе, которое, хотя и можетъ иногда производимо быть чиновниками исполнительной или полицейской части, но не иначе, какъ по точнымъ предписаніямъ и подъ исключительнымъ надзоромъ суда.

«Независимость власти судной состоитъ въ безответственности оной и въ непрекословномъ исполненіи приговоровъ, произносимыхъ ею по извѣстнымъ правиламъ и обрядамъ, безъ всякаго участія власти правительственной». Чтобы сдѣлать дѣйствительною эту независимость, въ нѣкоторыхъ государствахъ установлена несмѣняемость судей ***).

«По свидѣтельству исторіи, первые, постоянные успѣхи гражданственности оказывались между народами не прежде, какъ когда судная часть была совершенно отдѣлена отъ правительственной. Сіе отдѣленіе есть корень правосудія» ****).

*) Въ цитированномъ уже отрывкѣ Тургеневъ говоритъ: „гласность состоитъ въ томъ, чтобы всякій могъ печатать извѣстія о своемъ процессѣ, отвѣтствуя, впрочемъ, предъ закономъ за неправильность или непристойность своихъ показаній“. Тургеневскій Архивъ, № 739.

**) Или, какъ онъ выражается въ упомянутомъ отрывкѣ, „которыя касаются до постыднаго нарушенія нравовъ и которыя, по самой непристойности своей, требуютъ нѣкоторой тайны“.

***) Въ цитированномъ уже выше отрывкѣ Тургеневъ говоритъ: „дабы доставить судьямъ независимость, правительство не должно имѣть права по собственному своему произволу отрѣшать ихъ отъ занимаемой должности. Правительство должно только имѣть неуспынное наблюденіе за поведеніемъ и поступками судей, особенно посредствомъ учрежденія прокуроровъ, и въ случаѣ подозрѣнія предавать дѣйствія ихъ разсмотрѣнію присутственныхъ мѣстъ, закономъ для сего учрежденныхъ“... По мнѣнію Тургенева, „независимости судей весьма способствуетъ также безвозмездное... судопроизводство“.

****) Въ вышеупомянутомъ отрывкѣ Тургеневъ рѣшительно высказывается противъ чрезвычайныхъ судовъ: „Правительство не должно имѣть

Наше законодательство отдѣляетъ часть судную отъ правительственной, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно смѣшиваетъ ихъ, предоставляя слѣдствіе чиновникамъ власти исполнительной, обязывая губернатора пересматривать рѣшенія уголовной палаты и допуская разсмотрѣніе судебныхъ дѣлъ въ общемъ собраніи Сената, гдѣ присутствуютъ и члены, опредѣляемые для отправленія исполнительной власти. Нѣкоторые иностранные писатели, по словамъ Тургенева, хвалили устройство нашего Сената, полагая, что предоставленіе окончательнаго рѣшенія уголовныхъ дѣлъ *) «не исключительно чиновникамъ судной части способствуетъ милосердію въ приговорахъ. Привычка, какъ вообще замѣчено, дѣлаетъ обыкновенныхъ судей, долговременно занимающихся отправленіемъ уголовного правосудія, нѣсколько жестокими, по крайней мѣрѣ равнодушными къ участи подсудимыхъ. Напротивъ, люди, не имѣющіе непремѣннымъ занятіемъ разсмотрѣніа дѣлъ уголовныхъ и осужденія виновныхъ, будучи призваны для произнесенія приговоровъ, стараются смягчить оныя сколько возможно». Однако, относительно нынѣшнихъ сословныхъ представителей въ присутствіяхъ судебныхъ палатъ по дѣламъ политическимъ о такихъ стараніяхъ смягчить участь подсудимыхъ что-то не слышно. Къ такому-же выводу приходитъ самъ Тургеневъ относительно Сената. «Признаюсь», говоритъ онъ, «что я не вижу на самомъ дѣлѣ особеннаго милосердіа въ приговорахъ сенатскихъ», да едва-ли можно и ожидать его, «ибо, судя дѣла не только въ формахъ, но и въ самомъ существѣ, онъ судитъ однако-же заочно; а заочность суда и милосердіе приговора несовмѣстны одно съ другимъ».

«Особенно вредно», продолжаетъ Тургеневъ, «смѣшеніе властей судной и исполнительной при слѣдствіи», которое производилось у насъ по дѣламъ уголовнымъ членами земскаго суда и особенно капитанъ-исправникомъ; иногда даже «простой солдатъ или унтеръ-офицеръ внутренней стражи исполняетъ сію важную обязанность» **).

Тургеневъ предлагаетъ составленіе слѣдственнаго устава, основаннаго на системѣ уличенія, допущенія священническаго увѣщанія лишь относительно свидѣтелей предъ принесеніемъ ими присяги. Въ новомъ слѣдственномъ уставѣ важное мѣсто долженъ занять повальный обыскъ; тогда наше слѣдствіе «не чуждо будетъ благодѣяніямъ большого суда присяжныхъ». Такъ какъ и самое

права учреждать чрезвычайныхъ судебныхъ комиссій. Каждый гражданинъ и во всякомъ случаѣ долженъ былъ подсуденъ только обыкновеннымъ мѣстамъ судебнымъ».

*) Судъ сената не былъ окончательнымъ; если дѣло не рѣшалось опредѣленнымъ большинствомъ въ общемъ собраніи сената, оно поступало въ Государственный Совѣтъ—сначала въ соединенные департаменты, а затѣмъ даже и въ Общее Собраніе. Гессенъ, 8.

**) Срав. мою статью въ „Рус. Богатствѣ“ 1907 г. № 5, стр. 146—147.

преданіе суду должно происходить по судебному приговору, то Тургеневъ считаетъ наиболѣе удобнымъ учредить «слѣдственные суды», которые должны постановлять рѣшеніе о преданіи обвиняемаго суду или о прекращеніи дѣла. «Всѣ арестанты вообще должны подлежать вѣдѣнію власти судной». Тургеневъ утверждаетъ, будто-бы «нѣкоторая независимость власти судной совсѣмъ не противна свойству правленія самодержавнаго»; по его мнѣнію, она даже необходима въ самодержавной монархіи. Для обезпеченія судейскаго сословія онъ считаетъ необходимымъ установленіе и точное соблюденіе правила, что «никакой судья не можетъ быть лишень мѣста и званія своего безъ особеннаго, на законномъ основаніи даннаго приговора».

Относительно службы по выборамъ въ судахъ гражданскихъ и уголовныхъ онъ предлагаетъ установить обязанность службы по выборамъ для всѣхъ дворянъ безъ исключенія, но зато сократить срокъ службы: вмѣсто трехъ лѣтъ назначить три или четыре недѣли, а сессіи судовъ сдѣлать не непрерывными, а временными, по срокамъ. Засѣдатели должны выбираться по сословіямъ; число ихъ въ нижней и средней инстанціяхъ или, по крайней мѣрѣ, въ одной средней, онъ предлагаетъ увеличить до 8—12 и назначать тройной комплектъ ихъ съ предоставленіемъ подсудимому въ дѣлахъ уголовныхъ права отвести треть ихъ. Можно предоставить засѣдателямъ рѣшать вопросъ о фактѣ (*la question du fait*) безъ участія судей или дать имъ одинаковыя права съ судьями. Въ первомъ случаѣ примѣненіе закона (*la question du droit*) должно быть предоставлено судьямъ. Засѣдателямъ можно дать участіе въ завѣдываніи тюрьмами во время срока сессій подобно тому, какъ такое же право предоставляется «обвиняющимъ присяжнымъ» въ Англіи; точно также каждый судья долженъ имѣть въ своемъ вѣдѣніи тѣхъ подсудимыхъ, которые содержатся въ тюрьмахъ по дѣламъ, разсматриваемымъ въ этомъ судѣ. Введеніе въ суды новыхъ засѣдателей по предложенной имъ системѣ познакомить, по его мнѣнію, всѣ сословія съ законами и со способами ихъ примѣненія.

Наконецъ, Тургеневъ обращаетъ вниманіе на то, что у насъ нѣтъ адвокатовъ, которые существуютъ только въ нѣмецкихъ и, отчасти, въ польскихъ провинціяхъ Россіи. Есть стряпчіе, но они употребляются только по дѣламъ гражданскимъ. «По дѣламъ уголовнымъ подсудимые не имѣютъ у насъ *официальныхъ* защитниковъ... Хорошее законодательство требуетъ, чтобы всякій подсудимый непремѣнно имѣлъ адвоката», и, если его нѣтъ, то самъ судъ назначаетъ защитника *). Тургеневъ полагалъ, что сословіе адвокатовъ должно пользоваться самоуправленіемъ, и что приему въ

*) Тургеневъ слышалъ, что въ комиссіи законовъ уже былъ въ это время составленъ проектъ объ устройствѣ сословія адвокатовъ.

него должно предшествовать собраніе свидѣній о желающихъ въ него вступить.

«Сословіе адвокатовъ можетъ быть разсадникомъ для сословія судей» *).

Упомянувъ въ своей книгѣ «La Russie et les Russes», о томъ, что записка о судѣ присяжныхъ имѣла связь съ трудомъ объ уголовномъ судопроизводствѣ, Н. Тургеневъ говоритъ, что ни то, ни другое его произведеніе не пригодилося ни къ чему (II, 242). Его братъ, впрочемъ, предвидѣлъ это: еще когда Н. И. занимался составленіемъ проекта о судѣ присяжныхъ, А. И. Тургеневъ писалъ кн. Вяземскому (15 октября 1820 г.): «Но что ему будетъ дѣлать съ нимъ, если янинскій паша не потребууетъ отъ него проекта уголовного судопроизводства?» **).

Изъ цитированнаго выше отрывка отмѣтимъ еще мысль Н. Тургенева о совершенномъ отдѣленіи военныхъ судовъ отъ гражданскихъ и о подсудности первымъ военныхъ только за преступленія и проступки по службѣ ***); исключеніе изъ этого правила онъ допускалъ только во время войны или похода.

По словамъ Тургенева, Н. С. Мордвиновъ остался очень доволенъ его трудомъ; это видно и изъ того, что сохранилось собственноручно сдѣланное этимъ извѣстнымъ государственнымъ дѣятелемъ извлеченіе изъ изложенной работы Тургенева ****). Сперанскій также прочелъ его записку, но автору осталось неизвѣстнымъ его мнѣніе о ней. Тургеневъ объяснилъ это «полнымъ равнодушіемъ Сперанскаго въ это время ко всему, что имѣло цѣлью общественное благо» *****).

Въ изложенномъ нами сочиненіи Тургенева, какъ показываетъ и самое его заглавіе («Мысли о нѣкоторыхъ исправленіяхъ Россійскаго судопроизводства, возможныхъ даже и въ теперешнемъ состояніи онаго»), онъ не вводилъ въ существовавшій тогда строй судебныхныхъ учрежденій такихъ рѣшительныхъ измѣненій, какія предлагалъ Никита Муравьевъ, какъ видно изъ изложенія проекта его конституціи, сдѣланнаго имъ для Слѣдственной Коммиссіи о Тайномъ Обществѣ. гдѣ въ основу своего плана судебныхныхъ учрежденій Муравьевъ положилъ учрежденіе въ каждомъ уѣздѣ совѣстнаго

*) Тургеневскій Архивъ № 1192. Въ этомъ трудѣ Тургеневъ подчеркиваетъ нѣкоторыя предложенія (объ устности и гласности судопроизводства, о правѣ подсудимаго имѣть защитника и проч.) ссылкой на нашъ военнополовой законъ (Образованіе военно-судной части 1812 г.). Эта сравнительная либеральность военно-суднаго производства объясняется тѣмъ, что этотъ законъ былъ передѣлкой съ французскаго.

***) „Остафьевскій Архивъ“ II, 89.

****) Это было прямо установлено во Франціи, подъ вліяніемъ Бенжамена Констана, въ изданномъ во время Ста дней Добавочномъ Актѣ, 22 Апрѣля 1815 г. Tripiet. Les Constitutions de la France, P. 1848, p. 256.

*****) Архивъ графовъ Мордвиновыхъ* VI, 299—312.

*****) La Russie et les Russes II, 226.

судьи, избираемого «обыкновенными избирателями» *). Пестель въ «Запискѣ о государственномъ правленіи», составленной ранѣе его «Русской Правды», рѣшительно высказывается за необходимость введенія суда присяжныхъ и гласности судопроизводства, но въ то-же время желаетъ сохранить письменность судебного производства и не допускаетъ произнесенія въ судѣ рѣчей **).

Въ 1823 г. Тургеневъ сталъ писать сочиненіе подъ названіемъ «Уголовное Уложеніе». Здѣсь онъ также рѣшительно протестовалъ противъ пытки, о которой «въ нынѣшнія времена даже и говорить нельзя», и противъ зрѣстнаго допроса ***).

Еще въ 1816 г. Тургеневъ въ своемъ дневникѣ выразилъ мнѣніе о необходимости уничтоженія кнута; правда, онъ допускалъ тогда клейменіе преступниковъ, но, очевидно, лишь потому, что не считалъ возможнымъ немедленное осуществленіе болѣе гуманныхъ требованій, такъ какъ тутъ-же онъ высказываетъ мысль, что «вообще наказанія должны быть во всѣхъ случаяхъ сколь возможно менѣе строги». Онъ думалъ тогда, что полиція не должна имѣть права производить тѣлесныя наказанія ****). Въ сочиненіи «Уголовное Уложеніе» (1823 г.) неоконченномъ Тургеневымъ, онъ говоритъ, что тѣлесныя наказанія должны быть назначаемы не по усмотрѣнію «гражданскихъ или полицейскихъ» лицъ и учреждений, а развѣ только за важныя преступленія по приговорамъ уголовныхъ судовъ; тѣлесныя-же наказанія «въ простомъ грамматическомъ, а не въ законномъ смыслѣ», т. е., очевидно, розги, могутъ быть назначаемы только людямъ, не достигшимъ совершеннолѣтія.

По вопросу о тюрьмахъ Тургеневъ въ сочиненіи «Уголовное Уложеніе» говоритъ, что «соединеніе съ задержаніемъ какой-либо

*) О планѣ судебной реформы Н. Муравьева см. въ моей статьѣ въ журналѣ „Былое“ 1906 г., № 2, стр. 108—113. Мы видѣли, впрочемъ, что еще въ 1816—17 гг. Тургеневъ задумывался надъ вопросомъ о введеніи у насъ мировыхъ судей.

**); См. мою статью въ журналѣ „Былое“ 1906 г., № 3, стр. 191—192.

***) „Отъ пытки, которая употреблялась не прежде, какъ когда виновность была вѣроятна, нѣкоторые криминалисты отличаютъ причиненіе обвиняемому тѣлесной боли въ случаѣ, если онъ оказываетъ непокорность, противорѣчить самъ себѣ, лжетъ. Отвергая первую, они допускаютъ послѣднее. Сіе различіе неосновательно, несправедливо. Всякое причиненіе боли есть наказаніе. Обвиняемаго, еще неосужденнаго, наказывать нельзя. Наказаніе должно слѣдовать за полнымъ доказательствомъ. Если обвиняемый будетъ уличенъ во лжи или въ какомъ-либо другомъ преступленіи, то онъ долженъ быть за сіе наказанъ не иначе, какъ по силѣ и на основаніи законовъ“. „Уголовное уложеніе“, гл. I „Теорія уголовного судопроизводства“. Введеніе. Тургеневскій Архивъ, № 1131.

****) Въ своемъ сочиненіи „Опытъ теоріи налоговъ“ (1819 г. изд. 2, стр. 207), которое онъ еще въ рукописи, въ 1812 г. представлялъ министру финансовъ, Тургеневъ категорически высказалъ, что „тѣлесныя наказанія никогда не должны быть употребляемы“ при взысканіи налоговъ съ неисправныхъ плательщиковъ.

строгости, не нужной для предупрежденія бѣгства, не позволительна *); не слѣдуетъ также содержать въ одной тюрьмѣ обвиняемыхъ съ осужденными **).

Н. Тургеневъ, Н. Муравьевъ и Пестель подробнѣе другихъ декабристовъ высказались по вопросу о реформѣ судопроизводства, но и нѣкоторые другіе члены Тайнаго Общества считали ее совершенно необходимою ***) и дѣлали относительно нея тѣ или другія предложенія. Въ «Краткомъ опытѣ», составленномъ гр. М. А. Дмитриевымъ-Мамонтовымъ въ то время, когда, вмѣстѣ съ М. О. Орловымъ, онъ предполагалъ основать Общество Русскихъ Рыцарей, сказано: «ягу, или судъ присяжныхъ вмѣсто надворныхъ, уѣздныхъ и совѣстныхъ судовъ. Cours de cassation. Присяжный третейскій судъ, вмѣсто уголовныхъ и гражданскихъ палатъ. Вотъ судная система» ****). Лунинъ въ своемъ «Взглядѣ на Тайное Общество» говорить, что оно старалось доказать «важность суда присяжныхъ въ гражданскихъ и уголовныхъ искахъ и его внутреннюю связь съ гражданской свободой». Общество желало, чтобы судопроизводство было «устное, открытое *****) и даровое». Завали-

*) Онъ указываетъ на то, что такая строгость замѣняетъ иногда пытку. „Во Франціи вошло въ обыкновеніе сажать обвиняемыхъ въ особыя тайныя мѣста (au secret), въ которыхъ сіи несчастныя жертвы судейскаго произвола подвержены бываютъ всѣмъ возможнымъ безпокойствамъ, даже мученіямъ: они дышатъ зараженнымъ воздухомъ, цѣлые дни проводятъ безъ пищи, не видятъ дневного свѣта, но иногда яркій фонарь, направленный прямо въ глаза, принуждаетъ держать ихъ сомкнутыми. Все сіе для вынужденія признанія“. Тургеневскій Архивъ, № 1131.

**) Въ 1812 г. Тургеневъ занесъ въ свой дневникъ слѣдующее предложеніе для охраны заключенныхъ въ тюрьмахъ отъ злоупотребленій полиціи: „Читая Юма“, говоритъ онъ, „пришла мнѣ мысль о комитетѣ, который можетъ быть учрежденъ при министерствѣ полиціи“. Онъ „будетъ изыскивать невинно страждущихъ въ тюрьмахъ и т. п., будетъ разсматривать различныя полицейскія рѣшенія и приговоры.—Служащіе тутъ не должны получать никакого жалованья, ни чиновъ, ни крестовъ, а всякій долженъ знать, что они служатъ безъ малѣйшихъ выгодъ“. Тургеневскій Архивъ, № 207, л. 118 об.

***) О. Н. Глинка вмѣнялъ себѣ въ обязанность „желать открытыхъ судовъ.. „Рус. Стар.“, 1904 г. № 8, стр. 512. В. П. Зубковъ, близкій съ нѣкоторыми изъ декабристовъ и привлекавшійся къ слѣдствію по ихъ дѣлу, вернулся въ 1821 г. изъ Парижа, гдѣ онъ ознакомился съ судомъ присяжныхъ, „прельщенный французскимъ судопроизводствомъ“. Послѣ этого онъ часто говорилъ съ членомъ Тайнаго Общества Кашкинымъ объ „улучшеніи въ судопроизводствѣ, объ адвокатахъ и присяжныхъ“. „Записки В. П. Зубкова. Съ предисл. и примѣч. В. Л. Молдазалева“. Спб. 1906, стр. 4, 47—49.

****) В о р о з д и н ѣ. „Изъ писемъ и показаній декабристовъ“. Спб. 1906 г., стр. 148.

*****) О желаніи ввести гласное судопроизводство свидѣтельствуетъ и Александръ Мих. Муравьевъ въ его воспоминаніяхъ подъ заглавіемъ Mon Journal. Schiemann. Die Ermordung Pauls I und die Thronbesteigung Nikolaus I, S. 165.

шинъ также говорить, что Общество желало «введенія новаго судопроизводства съ присяжными» (I, 323). Въ перечнѣ предполагаемыхъ реформъ, найденномъ въ бумагахъ С. Трубецкаго, были упомянуты, какъ и въ конституціи Н. Муравьева: гласность суда и «введеніе присяжныхъ въ суды уголовныя и гражданскіе», а Батеньковъ и Пестель высказались, какъ и Н. Тургеневъ, за независимость судебной власти. Пестель, какъ и Тургеневъ, считалъ необходимою несмѣняемость судей, т. е. удаленіе ихъ не иначе, какъ по судебному приговору. Въ «Русской Правдѣ» Пестеля и въ перечнѣ реформъ, найденномъ у Трубецкаго, было указано на необходимость уничтоженія всякихъ чрезвычайныхъ судовъ, чего, какъ мы видѣли, требовалъ и Н. Тургеневъ **). А. Бестужевъ, въ письмѣ къ императору Николаю, свидѣтельствуетъ, что члены Тайнаго Общества желали сокращенія продолжительности судопроизводства, «публичности» его и предоставленія тяжущимся права избирать любого судью изъ извѣстнаго ихъ числа.

Лунинъ въ разборѣ «Донесенія тайной слѣдственной комиссіи» упоминаетъ о томъ, что декабристы считали необходимымъ изданіе новаго уложенія. Онъ, вѣроятно, разумѣетъ тутъ предположеніе Н. И. Тургенева составить уголовное уложеніе и работу на эту тему Пестеля, который, въ своемъ сочиненіи «Краткое умозрительное обозрѣніе государственнаго правленія» (1820 г.), посвящаетъ очень много мѣста вопросу о законахъ гражданскихъ и уголовныхъ, представляетъ планъ гражданского судейскаго и проч. Здѣсь Пестель устанавливаетъ слѣдующія основныя начала относительно наказаній: 1) «Наказаніе не есть мщеніе, ибо мщеніе есть страсть», а законъ долженъ ставить преграды страстямъ и не можетъ быть самъ выраженіемъ страсти. Законъ, опредѣляя наказаніе, имѣетъ въ виду «общество, а не преступника, благо общественное, а не частную ненависть, примѣръ для будущаго, а не мщеніе за прошедшее, а потому и состоитъ вся цѣль законовъ при опредѣленіи наказаній единственно въ томъ, чтобы удержать другихъ людей отъ подобныхъ преступленій, исправить, если возможно, самого преступника и поставить его въ невозможность нарушать впредь спокойствіе и благоденствіе общества и частныхъ людей». Поэтому онъ считалъ необходимымъ выбирать такія наказанія, которыя, «будучи соразмѣрны преступленію, производятъ самое сильное впечатлѣніе на другихъ людей и заключаютъ, между тѣмъ, самое меньшее количество страданія для преступника». 2) Пестель рѣшительно высказывается противъ смертной казни. 3) Какъ и въ «Русской Правдѣ», онъ считаетъ необходимымъ, чтобы наказанія были «одинаковы для всѣхъ состояній и

***) Необходимость установленія несмѣняемости судей и недопущенія никакихъ чрезвычайныхъ судовъ доказываетъ и Бенжаменъ Констанъ, произведенія котораго были знакомы многимъ декабристамъ. См. *Politique Constitutionnelle*, I, 154, 236, II, 152.

всѣхъ сословій безъ изъятія», хотя и признаетъ, что одно и то же наказаніе причинить «большее страданіе» чловѣку образованному, нежели лишенному воспитанія.

Каховскій въ письмѣ изъ крѣпости высказывается также противъ смертной казни *). Одобряя французскіе уголовные законы, онъ считаетъ, однако, весьма вреднымъ допущеніе ими смертной казни. Оговариваясь, что, какъ подсудимый, самъ онъ предпочитаетъ «смерть и повору, и заключенію», Каховскій говорить, что «законы должны наказывать виновныхъ, но не убивать, и въ самомъ наказаніи стараться не заграждать пути преступнику къ исправленію **).

Баронъ В. И. Штейнгель, въ запискѣ 1817 г., представленной государю, считалъ необходимымъ отъѣну кнута и плетей.

Н. Тургеневъ въ сочиненіи объ уголовномъ уложеніи ставить въ примѣръ Европѣ американскія тюрьмы, а изъ европейскихъ считаетъ лучшими англійскія и датскія. Каховскій въ цитированномъ письмѣ изъ крѣпости указываетъ на ужасное состояніе нашихъ тюремъ и также восхваляетъ тюремное устройство Соединенныхъ Штатовъ ***).

VI.

Преобразованія военнаго строя.

Такъ какъ громадное большинство членовъ Тайнаго Общества были военные, то естественно, что они серьезно задумывались надъ тѣмъ, какія преобразованія необходимо произвести въ устройствѣ арміи.

Одно изъ первыхъ мѣстъ среди ихъ предположеній по этому вопросу занимаетъ сокращеніе срока службы нижнихъ чиновъ ****).

*) Манифестомъ 30-го ноября 1806 г. о милиціи или ополченіи дана была главнокомандующимъ земскими войсками власть предавать военному суду ослушниковъ и нарушителей присяги и приводить въ исполненіе даже приговоры къ смертной казни. П. С. З. ХХІХ, № 22374, п. 20. Въ дивизіи, расположенной въ Бессарабіи, была введена смертная казнь для прекращенія побѣговъ за-границу. М. О. Гершензонъ. „Исторія молодой Россіи“, М. 1908, стр. 31.

***) Протестъ противъ смертной казни могъ явиться у декабристовъ подъ вліяніемъ Бентама („Разсужденіе о гражданскомъ и уголовномъ законоположеніи“, Спб. т. II, 1806 г., стр. 614—616) и Беккариа. Нѣкоторые изъ нихъ могло быть извѣстно и сочиненіе Гизо „De la peine de mort en matière politique“. Р. 1822 г. Въ 1825 г. въ „Сѣверномъ Архивѣ“ (№ 12) была напечатана статья противъ смертной казни, переведенная изъ *Revue Encyclopedique*.

****) Постановленія о тюрьмахъ въ конституціи Н. Муравьева и „Русской Правдѣ“ изложены Пестеля, въ моей статьѣ въ журн. „Былое“ 1906 г., № 2, стр. 80, № 3, стр. 187.

*****) Въ январѣ 1811 г. Н. С. Мордвиновъ поднесъ государю записку
Юль. Отдѣлъ I.

На это указывают и Луинъ въ своемъ «Взглядѣ на Тайное Общество», и Александръ Мих. Муравьевъ въ спискѣ реформъ, предложенныхъ декабристами. Въ запискѣ, найденной въ бумагахъ Трубецкого, предполагалось сокращеніе срока военной службы для нижнихъ чиновъ, которое должно было послѣдовать по уравненіи воинской повинности между всѣми сословіями, и увольненіе въ отставку всѣхъ безъ исключенія нижнихъ чиновъ, прослужившихъ 15 лѣтъ *). Пестель въ «Запискѣ о государственномъ правленіи», болѣе раннею его произведеніи, чѣмъ «Русская Правда», предлагалъ также установить 15-лѣтній срокъ службы. Такой же срокъ указанъ имъ и въ «Запискѣ о составѣ войска» **). Въ ней онъ говоритъ, что

„О новомъ образѣ комплектованія войскъ“, въ которой между прочимъ предлагалъ срокъ для службы солдатъ опредѣлить въ 12 лѣтъ, въ томъ числѣ 8 для дѣйствительной службы и 4 для того, чтобы числиться въ составѣ резервной арміи. Александръ I противъ этого пункта написалъ „Сіе предположеніе считаю основательнымъ, и прежде оное у меня въ виду уже было“. Во флотѣ Мордвиновъ считалъ возможнымъ назначить 16-лѣтній срокъ службы и предлагалъ, чтобы затѣмъ каждый возвращался „въ первобытное состояніе“ (слѣдовательно крѣпостные, вопреки существовавшему тогда закону, должны были бы возвращаться подъ власть помѣщика). Государь сдѣлалъ на это такое замѣчаніе: „много неудобствъ сопряжено съ симъ“. Комитетъ изъ председателей государственнаго совѣта и его департаментовъ одобрилъ мнѣніе Мордвинова, но оно осталось неосуществленнымъ. „Архивъ гр. Мордвиновыхъ“ IV, 42—43, 51. Въ мнѣніи по поводу росписи на 1811 г. Мордвиновъ предлагалъ даже назначить срокъ службы солдатъ въ 7—8 лѣтъ, послѣ чего они должны были „обращаться въ прежнее свое состояніе“. Ibid. IV, 447. Дибичъ въ 1817 г. предлагалъ сократить срокъ службы нижнихъ чиновъ до 15 лѣтъ съ тѣмъ, чтобы потомъ они, по своему желанію, или продолжали служить, или возвращались къ помѣщику, становясь, однако, не крѣпостными, а лишь прикрѣпленными къ землѣ. „Военный Сборникъ“ 1861 г. т. XIX, 371. Общій срокъ службы въ это время для нижнихъ чиновъ былъ 25-лѣтній, но поступившіе въ нее изъ однопорцевъ, малороссійскихъ казаковъ, войсковыхъ обывателей Слободской Украйны и Новороссіи, военныя поселенъ и дѣтей пахотныхъ солдатъ получали отставку черезъ 15 лѣтъ. Въ 1822 г. срокъ службы въ гвардіи былъ уменьшенъ до 22 лѣтъ.

*) Въ позднѣйшей запискѣ, написанной въ 1855 г. рукою кн. С. Трубецкого, предлагается сокращеніе срока службы до 10-ти и даже до 8 лѣтъ (см. его „Записки“, изд. его дочерей, 1907 г., стр. 168). Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что эта записка составлена Трубецкимъ. М. А. Фояъ-Визинъ въ „Запискѣ о крѣпостномъ состояніи земледѣльцевъ въ Россіи“ (1842 г.) высказался за 10—12-лѣтній срокъ службы нижнихъ чиновъ. См. мою статью о немъ въ изданіи Пирожкова „Обществ. движ. въ Россіи въ первую половину XIX в.“ т. I, Спб., 1905 г. стр. 80; „Библиотека Декабристовъ“. М. 1907 г. в. IV, 118. Мордвиновъ въ 1826 году предлагалъ установить 10-лѣтній срокъ службы, въ 1830 г.—8—10-лѣтній, а позднѣе 8-лѣтній срокъ. „Арх. гр. Мордвиновыхъ“ VII, 36, VIII. 257, IX, 31, 135, 141. При Николаѣ I установлено увольненіе нижнихъ чиновъ по выслугѣ 20 лѣтъ на 5 остальныхъ лѣтъ службы въ безсрочный отпускъ. *Редигеръ*. „Комплектованіе и устройство вооруженной силы“. Спб. 1900 г., стр. 87.

**) Волконскій, упоминая о томъ, что Тайное Общество поручило

одною изъ главныхъ причинъ многочисленности преступленій въ войскѣ является продолжительность службы нижнихъ чиновъ: «Срокъ для службы, опредѣленный въ 25 лѣтъ, до такой степени черезъ всякую мѣру продолжителенъ, что мало солдатъ оный проходить и выдерживаютъ, и потому съ самаго младенчества привыкаютъ они взирать на военную службу, какъ на жесточайшее несчастье и почти какъ на рѣшительный приговоръ къ смерти. Съ таковыми чувствами и понятіями вступая въ войско, а въ продолженіе тягостной своей службы находя мало причинъ переимѣнить на ея счетъ свой образъ мыслей, теряютъ солдаты всякую надежду на счастье всей жизни, а съ тѣмъ вмѣстѣ и содѣлываются готовыми къ послѣдованію дурныхъ примѣровъ и къ принятію еще худшихъ совѣтовъ». Нужно установить, «чтобы въ рекруты брались одни только молодые люди, имѣющіе 20 лѣтъ, а не болѣе. Вслѣдствіе сего имѣлъ бы каждый солдатъ, выходящій въ отставку, не болѣе 35 лѣтъ, былъ бы тогда еще въ полной силѣ и, заплативъ дань отечеству, могъ бы любое себѣ избрать состояніе и надѣяться еще на многолѣтнее счастье, награждающее его за хорошую службу». Короткіе сроки службы казались Пестелю невозможными. «Мысль, что войско, лишаясь старыхъ солдатъ, теряетъ въ крѣпости и устройствѣ своемъ, была бы справедлива, если срокъ службы до 5 лѣтъ былъ бы уменьшенъ, но совершенно неосновательно, когда для онаго опредѣляются 15 лѣтъ, ибо каждый начальникъ подтвердитъ, что самыя лучшіе солдаты суть тѣ, которые служатъ отъ 5 до 15 годовъ. Первые пять годовъ нужны солдату, дабы къ службѣ совершенно привыкнуть и надлежащимъ образомъ оную познать. Прослужа же 15 лѣтъ, начинаетъ онъ слабѣть и становится уже менѣе совершеннымъ, а потому лучшее время для солдата находится между 5 и 15 лѣтъ срока его службы. Пройдя сей срокъ, нельзя отъ него требовать ни живости, ни бодрости надлежащей и нельзя ожидать ни усердія, ни пользы. Люди не суть простыя шашки, коими бы можно было двигать по произволу безъ всякаго соображенія и разсужденія» *). Пестелю казался невозможнымъ 5-лѣтній срокъ службы въ войскѣ, между тѣмъ во Франціи, во время реставраціи, существовалъ для этого 6-лѣтній срокъ и лишь на время войны въ 1817 г. установлена была еще 6-лѣтняя территориальная служба для отставныхъ солдатъ **).

въ некоторымъ своимъ членамъ выработку предварительныхъ уставовъ разныхъ частей управленія, говорить: „административная часть и военная организація были поручены Пестелю“ (стр. 422), и дѣйствительно, въ его бумагахъ сохранилось много записокъ по вопросамъ военного быта, а также предположенія и относительно административныхъ реформъ.

*) Черновыя записки Пестеля по дѣламъ военного управленія „Госуд. Арх.“ 1 В. № 473.

**) Guillon. Les complots militaires sous la Restauration. P. 1896, p. 24, 27. Въ Пруссіи по закону 3 сентября 1814 г. вмѣсто прежняго,

Декабристъ Якубовичъ въ письмѣ къ имп. Николаю изъ крѣпости (отъ 28 декабря 1825 г.) предлагалъ уменьшить срокъ службы солдатъ. Петръ А. Бестужевъ одною изъ важнѣйшихъ цѣлей Тайнаго Общества считалъ сокращеніе срока службы нижнихъ чиновъ *). Членъ Сѣвернаго Общества Назимовъ на вопросъ слѣдственной комиссіи, на чемъ Общество основывало свои надежды на успѣхъ, отвѣчалъ: «на уменьшеніи срока службы солдатъ и на объявленіи свободы помѣщичьимъ крестьянамъ».

Рылѣевъ во время слѣдствія заявилъ: «При совѣщаніи о средствахъ къ возмущенію солдатъ я полагалъ полезнымъ распустить слухъ, будто въ сенатѣ хранится духовное завѣщаніе покойнаго государя, въ которомъ срокъ службы нижнимъ чинамъ уменьшенъ 10-ю годами». Мнѣніе это было единогласно принято, какъ Трубецкимъ, такъ и всѣми другими членами, и рѣшено было офицерами разныхъ полковъ, принадлежащими къ обществу, привести его въ исполненіе. По показанію Трубецкого, предполагалось, когда собраны будутъ всѣ полки на сенатской площади и когда вступать съ ними въ переговоры, требовать отъ сената завѣщанія, по которому убавленъ срокъ службы солдатамъ.

Н. А. Бестужевъ въ воспоминаніяхъ о Рылѣевѣ рассказываетъ, что онъ самъ, его братъ А. А. Бестужевъ и Рылѣевъ, послѣ того, какъ войско присягнуло Константину Павловичу, «положили было писать прокламаціи къ войску и тайно разбросать ихъ по казармамъ; но послѣ, признавъ это неудобнымъ, изорвали нѣсколько исписанныхъ уже листовъ и рѣшились всѣ трое идти ночью по городу, останавливать каждаго солдата, останавливаться у каждаго часового и передавать имъ словесно, что ихъ обманули, не показавъ завѣщанія покойнаго царя, въ которомъ дана свобода кре-

20-лѣтняго срока службы была введена общая воинская повинность для всѣхъ способныхъ носить оружіе срокомъ въ 19 лѣтъ; но изъ нихъ лишь 5 лѣтъ служили въ дѣйствительной службѣ, въ томъ числѣ 3 года подъ знаменами и два—въ отпуску. Затѣмъ на 26 году жизни переходили на 7 лѣтъ въ первый призывъ ландвера, который во время войны, какъ и постоянная армія, обязанъ былъ служить и внутри, и внѣ страны, а въ мирное время, въ извѣстные дни, подвергался небольшимъ ученіямъ и разъ въ годъ соединялся съ отрядами постоянной арміи для маневровъ. Второй призывъ ландвера, также съ 7-лѣтнимъ срокомъ службы, въ мирное время собирался только въ своемъ краю и на нѣсколько дней, а во время войны служилъ для подкрѣпленія гарнизоновъ, но въ случаѣ необходимости могъ быть употребленъ и внѣ страны. Наконецъ, ландштурмъ (ополченіе) предназначался лишь для защиты въ крайнемъ случаѣ отъ непріятельскаго нападенія и въ составъ его входили всѣ способные носить оружіе отъ 17-го до 50-го года. Сыновья образованныхъ сословій, вооружавшіеся на свой счетъ, служили подъ знаменами лишь одинъ годъ, уже послѣ трехъ лѣтъ переводились въ ландверъ и были тамъ первыми претендентами на офицерскія мѣста. Treitschke. Deutsche Geschichte, I Theil, 7 Aufl. 1904, S. 592—593.

*) Никита Муравьевъ также показалъ, что Общество полагало склонить войска на свою сторону уменьшеніемъ срока службы».

стыннамъ и убавлена до 15 лѣтъ солдатская служба... Нельзя представить жадности», говоритъ Н. Бестужевъ, «съ какою слушали насъ солдаты; нельзя изъяснить быстроты, съ какою разнеслись наши слова по войскамъ; на другой день такой же обходъ по городу удостовѣрилъ насъ въ этомъ» *).

С. И. Муравьевъ-Апостолъ во время возстанія черниговскаго полка сказалъ въ Васильковѣ 31 декабря 1825 г. краткую рѣчь солдатамъ, въ которой, призывая ихъ къ защитѣ свободы для себя и отечества, обнадеживалъ ихъ, что имъ будетъ прибавлено жалованье, уменьшенъ срокъ службы и облегчено тяжелое положеніе крестьянъ **).

Лунинъ во «Взглядѣ на Тайное Общество» также свидѣтельствуеетъ о желаніи Общества, чтобы жалованіе солдата было «увеличено въ соразмѣрности съ его нуждами». Пестель въ «Запискѣ о государственномъ управленіи» доказывалъ необходимость улучшить пищу солдатъ и сдѣлать ихъ одежду теплѣе и удобнѣе. По словамъ А. М. Муравьева, стремились и вообще къ «улучшенію судьбы защитниковъ отечества».

По свидѣтельству Лунина и А. М. Муравьева, Тайное Общество желало уменьшенія количества войскъ въ мирное время. А. Бестужевъ въ письмѣ изъ крѣпости къ Николаю I совѣтовалъ ему уменьшить численность арміи «въ треть» ***). Н. Тургеневъ въ неизданномъ сочиненіи «Теорія политики» (ч. II, 1820 г.) высказалъ мысль, что постоянная армія должна «состоять только изъ регулярной кавалеріи и артиллеріи», такъ какъ эти части ея «не могутъ быть вдругъ сформированы», пѣхотою же можетъ быть милиція; принадлежащіе къ ней люди должны были оставаться въ своихъ домахъ и «только по временамъ упражняться въ экзерциціи военной» ****).

Пестель въ «Запискѣ о государственномъ правленіи» очень подробно говоритъ о различныхъ военныхъ преобразованіяхъ; я останавлиюсь лишь на нѣсколькихъ его предложеніяхъ, имѣющихъ болѣе общее значеніе. Для приученія солдатъ къ исполненію ихъ обязанностей онъ предлагалъ, чтобы четвертая часть войска была расположена на границѣ, при чемъ полгода они стояли бы въ лагерѣ, а остальное время въ крѣпостяхъ. Пробывъ такимъ образомъ годъ на военномъ положеніи, эта часть войска должна была смѣняться другою. Войска, находящіяся на мирномъ положеніи,

*) «Полн. собр. соч. К. Θ. Рылѣева», Лейпц. 1861 г., Библ. рус. авторъ», I, 32—33, „Истор. Вѣст.“ 1904, № 4.

**) „Тайное Общество и 14 декабря 1825 г.“, Лейпц. стр. 87; ср. „Рус. Арх.“ 1902 г. № 6, стр. 296.

***) М. А. Фонъ-Визинъ въ позднѣйшемъ трудѣ „О крѣпостномъ состояніи земледѣльцевъ въ Россіи“ 1842 г. находитъ возможнымъ сокращеніе арміи до половины.

****) Тургеневскій Арх. въ рук. отд. Библ. Акад. Наукъ № 1117, л. 22.

онъ предлагалъ употреблять на «дѣланіе дорогъ», постройку зданій и «вообще на всѣ большія государственныя работы» *). Поступающихъ на военную службу Пестель раздѣляетъ на вольно-опредѣляющихся и «наборныхъ ратниковъ». Вольно-опредѣляющимися могутъ быть не только ратники (солдаты), но и всѣ «чиновники» (офицеры). Вольно-опредѣляющійся, желающій поступить на службу офицеромъ, долженъ выдержать соответственное испытаніе, но во всякомъ случаѣ обязанъ предварительно прослужить одинъ мѣсяць рядовымъ, другой десятникомъ (ефрейторомъ), третій унтеръ-офицеромъ, чтобы узнать военную службу во всѣхъ ея степеняхъ. «Наборный ратникъ, опредѣляющійся въ полкъ, съ большою пользою можетъ поступить предварительно въ коренную дружину на одинъ годъ и тамъ быть всему нужному обученъ, для чего и долженъ каждый полкъ имѣть особенное училище при коренной дружинѣ». Отдавать людей въ военную службу въ видѣ наказанія должно быть запрещено, такъ какъ «воинское званіе столь почтенно», что не должно быть «удѣломъ недостойнаго человека». Во флотѣ, по мнѣнію Пестеля, всего полезнаго было бы «имѣть однихъ только вольно-опредѣляющихся, поступающихъ на военные корабли съ купеческихъ кораблей, ибо», какъ полагаетъ онъ, «сильный» флотъ «ни на чемъ иномъ основанъ быть не можетъ, какъ единственно на купеческомъ мореходствѣ» для того, чтобы быть способнымъ къ трудной и продолжительной войнѣ.

Пестель не рѣшился высказаться въ томъ же сочиненіи за совершенное уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній въ войскахъ, а стоялъ только за ихъ ограниченіе. «Тѣлесному наказанію», говоритъ онъ, «должны подлежать одни рядовые младшаго оклада **), и то не иначе, какъ по суду, равно какъ и всякое наказаніе вообще, исключая малозначущихъ случаевъ, которые болѣе ошибками признаны быть могутъ, нежели преступленіями. Но и въ семь случаевъ должно происходить гласно, передъ дружиною, по приговору дружинной расправы» (состоящей изъ дружиннаго начальника и всѣхъ дружинныхъ офицеровъ), «а не по волѣ одного дружин-

*) Завалишинъ сообщаетъ, что, по мнѣнію членовъ Тайнаго Общества, «войска въ мирное время могли быть употребляемы на государственныя работы», а особенно на исполненіе дорожной повинности, что казалось болѣе естественнымъ, нежели давать солдатамъ отпускъ для земледѣльческихъ работъ, а въ то же время отрывать отъ нихъ крестьянина для обработки натуральныхъ повинностей. „Записки“ I, 171.

**) Это предложеніе, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что въ Пруссіи въ это время уже было отмѣнено наказаніе палками для солдатъ перваго класса. Goette, Das Zeitalter der deutschen Erhebung. 1891, I, 144—145. Еще во время существованія Tugendbund'a появилась статья Гнейзенау „Freiheit der Rücken“ (свобода спины) въ кенигсбергскомъ журналѣ „Volksfreund“. Около этого же времени (въ 1809 г.) англійскій публицистъ Коббетъ писалъ противъ употребленія въ арміи тѣлесныхъ наказаній.

наго начальника. Рядовой, съвошь строй прогнанный, долженъ изъ полку быть выписанъ и поступить въ тѣ мѣста гражданскаго и военнаго вѣдомствъ, гдѣ производятся тягостныя работы, напри- мѣръ, въ литейные дворы, заводы и т. п.» *).

Будучи полковымъ командиромъ Вятскаго полка, Пестель не уничтожилъ у себя тѣлесныхъ наказаній. На допросѣ въ Тульчинѣ 22 декабря 1825 г. ему было указано на то, что сначала онъ былъ весьма снисходителенъ къ нижнимъ чинамъ, но послѣ смотра, произведеннаго корпуснымъ командиромъ въ 1823 г. въ лагерѣ при городѣ Барѣ, онъ вывелъ полкъ для наказанія тѣхъ нижнихъ чиновъ, которые замѣчены были офицерами или унтеръ-офицерами, какъ нерадивые или дѣлавшіе ошибки. Пестель отвѣчалъ: «Съ нижнихъ чиновъ я сначала многого требовать не могъ, ибо не были они выучены и не были въ томъ виноваты. Надобно было дать имъ способъ сдѣлаться въ службѣ свѣдущими, а потомъ уже требовать и взыскивать. Послѣ лагеря 1822 г. занялся я особенно унтеръ-офицерами чрезъ всю зиму, собралъ ихъ въ учебныя команды и сдѣлалъ изъ нихъ учителей, а прежде были они сами неучи». Послѣ того солдаты оказали успѣхи, «но недостаточные, и закоренѣлая лѣньность все еще оставалась въ дѣйствиіи. Сіе понудило меня обратиться къ строгости, испытать всѣ средства терпѣнія и поученія и убѣдившись, что одна строгость можетъ искоренить давнишнюю лѣнь и сильное нерадѣніе. Успѣхъ оправдалъ мое соображеніе. Вотъ причины, понудившія меня перемѣнить прежнее мое снисходительное обращеніе на строгое». Пестель признался, что послѣ смотра, произведеннаго корпуснымъ командиромъ, велѣлъ наказывать палками всѣхъ нерадивыхъ солдатъ. Но, если онъ, къ стыду его, не сумѣлъ обойтись при командованіи полкомъ безъ употребленія палокъ, что нашелъ возможнымъ другой декабристъ М. А. Фонъ-Визинъ, бывшій полковымъ командиромъ двухъ егерскихъ полковъ, то все же не слѣдуетъ думать, что Пестель былъ зауряднымъ начальникомъ. Изъ одного донесенія, уже по смерти его, видно, какую хорошую память оставилъ онъ послѣ себя въ Вятскомъ полку. «Всѣ нижніе чины и офицеры», сказано въ этомъ донесеніи, «жалуютъ Пестеля, бывшаго ихъ командира, говоря, что имъ хорошо съ нимъ было, да и еще чего-то лучшаго ожидали, и стоитъ только вспомнить кому

*) Въ „Запискѣ о составѣ войска“, гдѣ повторяется это предложеніе, Пестель находилъ еще возможнымъ, чтобы баталіонный командиръ и высшіе начальники имѣли право наказывать тѣлесно рядовыхъ низшаго оклада по своему усмотрѣнію, но съ тѣмъ, чтобы они обязаны были вносить эти дѣла въ расправныя книги и въ нихъ расписываться. Въ этой запискѣ Пестель также предлагалъ запретить „отдавать людей въ наказаніе въ военную службу“; однако онъ допускалъ здѣсь, чтобы они поступали туда, куда отсылались бы солдаты, выключаемые изъ полковъ, то есть на литейные дворы, заводы и проч. Государств. Арх. I, В, № 473.

изъ военныхъ Пестеля, то вдругъ всякій со вздохомъ тяжкимъ и слезами отвѣчаетъ, что такового командира не было и не будетъ; я сіе отъ многихъ самъ слышалъ, и евреи, почти всякій, тоже отъ военныхъ слыша, мнѣ доносили» *).

Якушкинъ говоритъ, что члены союза Благоденствія «стали при всѣхъ случаяхъ гремѣть противъ дикихъ учреждений, каковы: палка, крѣпостное состояніе и проч.... Въ этомъ дѣлѣ мы рѣшительно были застрѣльщиками;... на каждомъ шагу встрѣчались Скаловубы не только въ арміи, но и въ гвардіи, для которыхъ было непонятно, чтобы изъ русскаго человѣка возможно выправить годнаго солдата, не изломавъ на его спинѣ нѣсколько воевъ палокъ» **). Въ Семеновскомъ полку, въ которомъ служило нѣсколько членовъ Союза Благоденствія, «палка почти совсѣмъ уже была выведена изъ употребленія» ***). Н. Тургеневъ также говоритъ о членахъ Тайнаго Общества, что «если нѣкоторые изъ нихъ прежде воздерживались отъ наказаній солдатъ палками, то это было слѣдствіемъ природной доброты, теперь-же они отвергали это средство поддержанія дисциплины, какъ противорѣчающее основнымъ началамъ справедливости и человѣчности» ****). Поручикъ Тираспольскаго полка Титовъ, принятый въ Общество Нарышкинымъ въ февраль 1824 г., показалъ, что въ числѣ «артикуловъ», сообщенныхъ ему Нарышкинымъ, было обязательство «обращаться съ подчиненными сколь можно человѣколюбивѣ».

*) „Русск. Арх.“ 1905 г. № 6, стр. 309.

***) О. Н. Глинка считалъ себя обязаннымъ порицать употребленіе палокъ въ войскахъ. „Рус. Стар.“ 1904 г. № 3, стр. 512.

****) О гуманной дѣятельности М. Ѳ. Орлова въ находившейся подъ его командою въ Бессарабіи, дивизіи, о чемъ я уже упоминамъ въ началѣ этой статьи („Русск. Бог.“ 1907 г. № 5) см. М. О. Гершензонъ „Исторія Молодой Россіи“, М. 1908 г. стр. 28—37 и въ воспоминаніяхъ Липранди („Русск. Арх.“ 1866 г. стр. 1430—1441). Орловъ былъ лишенъ дивизіи и назначенъ „состоять по арміи“, но дѣло его получило широкую огласку даже и за границу. Очевидно, подъ вліяніемъ приказа М. Ѳ. Орлова, 3 августа 1820 г., гдѣ запрещались „слишкомъ строгое обращеніе съ солдатами и дисциплина, основанная на побояхъ“, командиръ 32-го егерскаго полка, полковникъ Непенинъ, членъ Союза Благоденствія, отдалъ 9 декабря 1820 года приказъ о совершенномъ уничтоженіи наказанія нижнихъ чиновъ палками (Арх. военно-судн. управленія). Въ одномъ вскрытомъ письмѣ неизвѣстнаго поляка на французскомъ языкѣ, которое было доведено до свѣдѣнія имп. Александра I (оно найдено послѣ его смерти въ его кабинетѣ), есть слѣдующее извѣстіе: „Правительству будетъ весьма трудно искоренить духъ, который „генераль Орловъ“ вселилъ въ свою дивизію. Замѣчаютъ, что это прививается въ значительной части арміи, и офицеры очень недовольны и рѣзко говорятъ противъ правительства“. Нужно замѣтить, что поляки, члены Тайнаго Общества, учрежденнаго Лукасинскимъ подъ названіемъ Національнаго Масонства, принимая въ общество офицеровъ, обязывали ихъ гуманно обходиться съ солдатами.

*****) La Russie et les Russes II, 350.

М. А. Бестужевъ, ротный командиръ Л. Г. Московскаго полка, принявъ роту отъ предмѣстника, который былъ жестокъ съ солдатами и даже на ученіи билъ ихъ шомполами. «Желая поставить роту на иныхъ принципахъ», рассказываетъ Бестужевъ въ своихъ запискахъ, «я съ перваго-же дня уничтожилъ употребленіе не только шомполовъ, но даже палокъ и розогъ. Солдаты первоначально меня не поняли и приняли мое гуманное съ ними обращеніе за слабость. Но... послѣ нѣсколькихъ случаевъ недоумѣнія, все обошлось какъ нельзя къ лучшему, я заслужилъ ихъ любовь и довѣренность. Судялись и наказывались они своимъ судомъ, и въ штрафную книгу ни одного солдата не было записано, такъ что я даже заслужилъ строгій выговоръ за потворство подчиненнымъ» *). С. Г. Волконскій говоритъ въ своихъ запискахъ; что во время службы на Волыни, послѣ 1815 г., онъ «старался ввести въ отношенія начальника къ подчиненнымъ болѣе мягкости и теплоты: былъ учтивъ съ офицерами и дружески попечителенъ о нижнихъ чинахъ, старался заслужить общее ихъ довѣріе и любовь, чего можно достигъ и безъ упадка въ дисциплинѣ, вопреки убѣжденію старой, грубой палочной системы». С. Муравьевъ - Апостолъ, баталіонный командиръ черниговскаго полка, показавъ на слѣдствіи: «Кромѣ хорошаго обращенія и помощи въ нуждахъ, я... никакихъ средствъ не употреблялъ», чтобы привязать къ себѣ «людей черниговскаго полка, отъ должнаго же наказанія за вины я солдатъ освобождать не могъ, ибо баталіонный командиръ не входилъ во внутреннее управленіе ротъ (?), а палочныя наказанія за ошибки во время ученія я, дѣйствительно, уничтожилъ». По словамъ біографа С. Муравьева-Апостола, въ баталіонѣ, состоявшемъ подъ его командою, «хозяйство было передано въ руки солдатъ; доброта сердца, мягкое обращеніе С. И. съ подчиненными сдѣлали его любимцемъ всего полка... Корпусный командиръ два раза его представлялъ въ полковые командиры, но всякій разъ тщетно». Это было слѣдствіемъ того, что С. Муравьевъ-Апостолъ служилъ прежде въ раскассированномъ Семеновскомъ полку **). По свидѣтельству члена Общества Соединенныхъ Славянъ Борисова 2-го, С. Муравьевъ-Апостолъ и Бестужевъ-Рюминъ убѣждали ихъ стараться внушать солдатамъ любовь и довѣренность къ себѣ «и ободрять ихъ въ уныніи надеждой скорой перемѣны». Членъ того же общества майоръ Спиридовъ въ письмѣ къ Николаю I изъ крѣпости, въ концѣ декабря 1825 г., говоритъ: «необходимо бы ограничить палочные побои, чтобы каждый не смѣлъ бить, какъ и сколько ему угодно». Во время допросовъ Спиридовъ показалъ, что «строгія и непомярныя взысканія», налагаемыя нѣкоторыми начальниками, какого-бы малаго чина они ни были, наводятъ на мысль, что «быть солдата требуетъ нѣкотораго улучшенія и тѣ-

*) „Русск. Стар.“ 1870 г. т. I, изд. 3, стр. 266.

**) „Русск. Стар.“ 1873 г., т. VII, 669.

лесное наказаніе—ограниченія». Относительно солдатъ онъ никогда не прибѣгалъ къ «жесткой строгости»; право фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ наказывать солдатъ палками было ограничено, такъ какъ онъ не могъ «надѣяться на ихъ нравственность и разсудительность; за ошибки на ученіи не позволялъ наказывать свыше нѣсколькихъ ударовъ», а «заставлялъ обучать хладнокровно и терпѣливо». Спиридовъ упоминаетъ о томъ, что иногда за «терпѣливое обхожденіе» съ солдатами «на ученьи получалъ выговоры отъ ближайшихъ начальниковъ въ случаѣ неудачнаго ученья», однако, несмотря на это, часто подтверждалъ подчиненнымъ, чтобы они безъ толку не дрались, ссылаясь на слова, сказанныя имп. Александромъ I корпусному командиру на смотру Саратовскаго полка въ городѣ Острогѣ: «учить надо солдата, не торопясь,—мѣсяць, два и шесть, постепенно».

Возвращаясь къ предположеніямъ декабристовъ относительно военныхъ преобразованій, упомянемъ о томъ, что, по свидѣтельству кн. Волконскаго, ими было предположено «уничтоженіе привилегированныхъ войскъ», т. е. гвардіи.

Пестель требовалъ въ «Русской Правдѣ» уничтоженія военно-сиротскихъ отдѣленій (кантонистовъ). Объ этомъ, какъ о желаніи декабристовъ, упоминаетъ и Завалишинъ въ своихъ запискахъ.

Въ «Запискѣ о государственномъ правленіи» Пестель для отставныхъ воиновъ предлагаетъ учрежденіе инвалидовныхъ домовъ.

Н. И. Тургеневъ въ «Теоріи политики» (Ч. II, написанной въ 1820 г.) настаивалъ на введеніи всеобщей воинской повинности или конскрипціи. «Съ умноженіемъ арміи», говоритъ онъ, «надобно было прибѣгнуть къ такъ называемой конскрипціи, которой отличительная черта есть: распространеніе обязанности служить на всѣ классы народа вообще, съ нѣкоторыми частными, закономъ опредѣленными исключеніями. Для введенія конскрипціи, или общаго для всѣхъ гражданъ рекрутскаго закона, надлежитъ, чтобы состояніе солдата было соотвѣтственно благородному своему предназначенію, чтобы число лѣтъ служенія было весьма ограниченное, чтобы дисциплина военная не имѣла ничего унижительнаго и проч.—Таковая конскрипція, или общій для всѣхъ гражданъ законъ рекрутскій, существуетъ нынѣ во Франціи, въ Пруссіи, въ королевствѣ Виртембергскомъ и въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ» *). Членъ Южнаго Тайнаго Общества Крюковъ 2-й въ своихъ наброскахъ высказался въ пользу того, чтобы «войско набирать конскрипціями», т. е. посредствомъ всеобщей воинской повинности. Такую повинность совѣтуетъ ввести и Пестель въ «Русской Правдѣ». Завалишинъ въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ (I, 171) говоритъ, что декабристы желали «облегченія воинской повинности распространеніемъ ея на иностранныхъ колони-

*) Тургеневскій Арх. № 1117, л. 21 об.—22.

ство, а впоследствии и на все привилегированныя сословія»; въ другомъ-же мѣстѣ (I, 170—171) онъ выражается болѣе категорично: «военной повинности должны были подлежать одинаково все русскіе граждане. Родъ и степень повинности опредѣлялись не сословіемъ, а качественными условіями, измѣнявшимися отъ степени пользы, которую человекъ можетъ приносить въ томъ или другомъ званіи или занятіи... Отъ предварительнаго служенія въ нижнихъ чинахъ никто не освобождался; различіе состояло только въ болѣе или менѣе продолжительномъ времени.—Второе условіе состояло въ томъ, чтобы сблизить по возможности устройство постояннаго войска съ народнымъ, т. е. съ ополченіемъ. Поэтому всякая служба должна была начинаться и оканчиваться въ мѣстныхъ войскахъ».

Въ программѣ преобразованій, найденной въ бумагахъ Трубецкаго, высказаны были слѣдующія требованія: 1) «уравненіе рекрутской повинности между всеми сословіями», 2) «уничтоженіе постоянной арміи» и 3) «образованіе внутренней стражи» *).

Декабристы единодушно высказались за уничтоженіе военныхъ поселеній. Въ «Русской Правдѣ» Пестеля мы находимъ весьма краснорѣчивую страницу по этому предмету. Никита Муравьевъ, требуя въ своемъ проектѣ конституціи немедленнаго уничтоженія военныхъ поселеній, предлагалъ уравнивать военныхъ поселенцевъ съ государственными и удѣльными крестьянами. Объ уничтоженіи военныхъ поселеній упоминается и въ спискѣ предложенныхъ реформъ, найденномъ въ бумагахъ Трубецкаго, и въ перечнѣ намѣченныхъ преобразованій, сообщаемомъ А. М. Муравьевымъ. Батеньковъ предлагалъ обратить военныя поселенія въ народную стражу или въ народную гвардію. Лунинъ упоминаетъ о требованіи декабристовъ, «чтобы военныя поселенія, не достигающія первоначальной цѣли, незаконныя въ своемъ основаніи, были уничтожены въ отвращеніе новыхъ злодѣйствъ и пролитія крови».

*) Завалишинъ проводилъ среди офицеровъ мысль о „народномъ войскѣ“ (I, 216). Морякъ Торсонъ въ замѣчаніяхъ на проектъ конституціи Н. Муравьева подробно рассмотрѣлъ вопросъ о милиціи (См. „Былое“ 1906 г. № 2, 103—104). Такъ какъ военная служба при Наполеонѣ была крайне тягостна для населенія Франціи, то Людовикъ XVIII хартією 1814 г. уничтожилъ конскрипцію и установилъ добровольную вербовку; гвардія, кавалерія и спеціальныя роды войска набирались этимъ способомъ; но такъ какъ онъ не удовлетворялъ потребности въ пополненіи войска, то законъ 1818 г. установилъ наборъ 40,000 человекъ по жребію изъ всехъ молодыхъ людей 20-ти-лѣтняго возраста. Не вынужденіе жребія навсегда освобождалось отъ военной службы. Добровольная наемка уменьшала число призываемыхъ. Guillon, Les complots militaires, p. 23—24. Аридтъ предлагалъ замѣну прусской арміи милиціею, въ родѣ шведской. Treitschke Deutsche Geschichte II, 5 Aufl. S. 442.

VII.

Свобода печати.

Декабристы были горячими защитниками свободы печати. По этому вопросу въ Россіи у нихъ было не много предшественниковъ. Наиболее талантливымъ изъ нихъ былъ А. Н. Радищевъ, высказавшійся въ своемъ знаменитомъ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву» за полную свободу печати, не исключая вопросовъ религіи и нравственности. Сочиненіе Радищева было уничтожено, но нѣсколько десятковъ экземпляровъ его книги уцѣлѣло, распространены были и рукописныя ея копии, и она оказала вліяніе на наше общество; не даромъ Пушкинъ замѣтилъ, что «Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ». Къ числу выдающихся лицъ, знакомыхъ въ началѣ XIX в. съ сочиненіемъ Радищева, повидимому, принадлежалъ и Сперанскій *). Весьма возможно, что отчасти подъ вліяніемъ идей Радищева Сперанскій, характеризуя въ Запискѣ 1803 г. основныя черты «государственнаго закона» (т. е. конституціи) въ «правильномъ монархическомъ государствѣ», указывалъ на то, что одною изъ такихъ чертъ является существованіе «свободы тисненія въ извѣстныхъ, съ точностью опредѣленныхъ границахъ» **). 9 января 1804 г. въ комиссію, составлявшую цензурный уставъ, была подана записка, неизвѣстный авторъ которой требовалъ уничтоженія цензуры, свободы печати ***). Въ этомъ же году въ журналѣ Мартынова «Сѣверный Вѣстникъ» ****) было помѣщено «Мнѣніе шведскаго короля Густава III о вольности книгопечатанія». Оно вполне благоприятно свободѣ печати *****), что весьма естественно, такъ какъ въ Швеціи ранѣе всѣхъ европейскихъ континентальныхъ государствъ была признана закономъ свобода печати. Параграфъ 86 конституціи 1766 г. постановляетъ, что «подъ свободой печати понимается право каждаго шведа издавать печатныя произведенія», чему государственная власть препятствовать не можетъ. Только послѣ изданія онъ можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности компетентнымъ судьей и лишь въ такомъ случаѣ

*) См. мою статью „Первый политическій трактатъ Сперанскаго“. „Русск. Богатство“, 1907 г. № 1, стр. 47, 57.

***) Но, конечно, эти мысли могли быть навѣяны Сперанскому и чтеніемъ произведеній Бентама во французскомъ изд. Дюмона.

****) Министръ приказалъ не докладывать ея въ Главномъ правленіи училищъ; она напечатана Сухолиновымъ въ его „Исслѣдованіяхъ“, I, 415—416.

*****) Ч. III, стр. 201—206.

*****) „При свободномъ только книгопечатаніи, — говоритъ Густавъ III, — государь узнаетъ истину, которую скрываютъ отъ него съ такимъ тщаніемъ и, весьма часто, съ великимъ успѣхомъ“.

можетъ подлежать наказанію, если его сочиненія очевидно нарушаютъ законъ, изданный для обезпеченія общественнаго спокойствія, но безъ стѣсненія общаго просвѣщенія. Только протоколы государственнаго совѣта, а также у короля по дипломатическимъ дѣламъ и командованію арміею и, наконецъ, протоколы и акты банка и управленія государственными долгами составляютъ тайну; всѣ остальные документы и протоколы могутъ быть печатаемы *). Изъ статьи «Сѣвернаго Вѣстника» читатели могли узнать, что Густавъ III особенно указывалъ на необходимость для общества знать все производство дѣлъ въ судахъ и всѣ судебныя приговоры, и переводчикъ дѣлаетъ отъ себя примѣчаніе о желательности обнародованія приговоровъ, особенно по дѣламъ уголовнымъ, въ полномъ видѣ. Онъ считаетъ необходимымъ періодическое изданіе для печатанія этихъ приговоровъ въ видѣ «Памятника Россійскаго Правосудія».

Въ официальномъ «С-Петербургскомъ Журналѣ» (1804 г., февраль) была помѣщена статья «О свободѣ книгопечатанія» изъ Бентама, а затѣмъ, въ 1805—11 годахъ напечатаны сочиненія Бентама подъ заглавіемъ «Разсужденіе о гражданскомъ и уголовномъ законоположеніи», изданное въ трехъ томахъ, по повелѣнію государя, и въ переводѣ посвященное ему. Здѣсь въ «Началахъ уголовного уложенія» (III, 23—25) русскіе читатели могли ознакомиться съ слѣдующими мыслями: «Сравни правленія, гдѣ стѣсняли обнародованія мысли съ правленіями, кои давали имъ свободное теченіе. Съ одной стороны представится тебѣ Испанія, Португалія, Италия—съ другой Англія **), Голландія, Сѣверная Америка. Гдѣ болѣе проповѣдуетъ нравственность и благосостояніе? Гдѣ чаще злодѣянія? Гдѣ общежительность пріятнѣе и надежнѣе?» Бентамъ возражаетъ противъ восхваленій правленія жрецовъ въ древнемъ Египтѣ, браминовъ въ Индостанѣ и иезуитовъ въ Парагваѣ. Онъ

*) По § 108 конституціи очередной рейхстагъ, созываемый въ каждый третій годъ, обязанъ назначать комитетъ, оберегающій свободу печати и состоящій изъ уполномоченнаго отъ министерства юстиціи и 6 членовъ, выбранныхъ рейхстагомъ. Авторъ или типографщикъ могутъ (но не обязаны) представлять комитету рукопись до напечатанія и, если онъ найдетъ возможнымъ ея опубликованіе и выдастъ о томъ свидѣтельство, то они освобождаются отъ всякой ответственности. Законъ 16 іюля 1812 г. ограничилъ свободу печати, такъ какъ предоставилъ королю право прекращать безъ суда періодическія изданія, угрожающія общей безопасности или оскорбительныя «для невинныхъ личностей». *Aschehough. Das Staatsrecht der vereinigten Königreich Schweden und Norwegen* въ изданіи Marquardsen'a. *Handbuch des öffentlichen Rechts. IV Band. Das staatsrecht der auserdeutschen Staaten. II Halbband, 2 Abtheilung, 1886 г., S. 101.*

**) О развитіи свободы печати въ Англіи см. книгу Thomas Erskine Мау. *Histoire Constitutionnelle de l'Angleterre 1760—1860, trad. par C. de Witt. P. 1866, ch. IX—X* и ст. В. Ф. Дерюжнскаго «Свобода печати и судъ присяжныхъ въ Англіи» въ его книгѣ «Изъ исторіи политической свободы въ Англіи и Франціи». Сиб., 1906 г.

указываетъ на то, что «народы, кои непрестанно были удерживаемы въ состояніи униженія установленіями, противными успѣхамъ всякаго рода, содѣлывались добычею народовъ, имѣвшихъ предъ ними сравнительное превосходство. Состариваясь въ дѣтствѣ, подъ властію опекуновъ, старавшихся продлить ихъ несмысленность для удобнѣйшаго ими управленія, они представили всѣ удобства къ ихъ порабощенію». За этимъ въ подлинникѣ слѣдовало очень сильное мѣсто противъ цензуры, которое въ русскомъ изданіи (1805—11 г.) было исключено. Оно даже и въ настоящее время сохранило значеніе.

„Свобода печати имѣетъ свои неудобства. Но при всемъ томъ вредъ, могущій произойти отъ нея, нельзя сравнивать съ вредомъ отъ цензуры.

„Гдѣ вы найдете такого рѣдкаго гения, тотъ высшій умъ, того смертнаго, доступнаго для всѣхъ истинъ и недоступнаго для всѣхъ страстей, которому бы вы могли поручить эту высшую диктатуру надъ всѣми произведеніями человѣческаго ума? Неужели вы думаете, что Локкъ, Лейбницъ, Ньютонъ рѣшились бы взять на себя эту диктатуру? И въ чемъ состоитъ власть, которую вы принуждены дать людямъ обыкновеннымъ? Это—власть въ исполненіи которой, по неизбѣжной странности, заключаются всѣ причины къ нарушенію своей обязанности и всѣ отличительныя черты несправедливости. Что такое цензоръ? Это судья заинтересованный, судья единственный, судья, дѣйствующій по произволу, производящій свою судебную процедуру тайно, осуждающій безъ выслушанія доводовъ и рѣшающій безъ апелляціи. Тайна, величайшее изъ злоупотребленій, есть самая сущность этой вещи. Заставить вести публично процессъ о книгѣ, это значило бы публиковать ее для того, чтобы узнать—надо ли ее публиковать.

„Что касается до вреда, который можетъ произойти изъ цензуры, этого вреда невозможно исчислить, потому что невозможно сказать, гдѣ онъ останавливается. Это—не что иное, какъ опасность остановить всѣ успѣхи человѣческаго ума во всѣхъ его областяхъ. Всякая любопытная и новая истина должна имѣть много враговъ по одному тому, что она любопытна и нова. Можно ли предположить, что цензоръ принадлежитъ къ тому безконечномногочисленному классу людей, который возвышается надъ господствующими предразсудками? И если бы у него даже была эта столь рѣдкая сила ума, будетъ ли у него мужество подвергать себя опасности изъ-за открытій, слава которыхъ будетъ принадлежать не ему? Для него остается одинъ безопасный исходъ: это—запрещать все то, что выдѣляется изъ ряда ходячихъ понятій, налагать свою рѣжущую косу на все, что становится выше ихъ. Запрещая, онъ не рискуетъ ничѣмъ; позволяя, онъ рискуетъ всѣмъ. Въ случаѣ сомнительномъ потерпѣть не онъ: подавлена будетъ истина...

„Истинная, настоящая цензура есть цензура просвѣщеннаго общества, которая предаетъ осужденію опасныя и ложныя мнѣнія и которая поощряетъ полезныя открытія *).

Читатели, знакомые съ произведеніями Бентама лишь по русскому переводу, были лишены удовольствія прочесть это сильное мѣсто, но въ Петербургѣ, немедленно по выходѣ въ свѣтъ французской францускаго изданія Дюмона, было раскуплено очень много

*) „Избранныя сочиненія Іереміи Бентама, т. I. Переводъ (по англійскому изданію Боуринга и французскому Дюмона) А. Н. Пыпина и А. Н. Невѣдомскаго“. Спб., 1867, стр. 583—585.

экземпляровъ, и, слѣдовательно, краснорѣчивая вылазка Бентама противъ цензуры должна была произвести свое вліяніе и въ Россіи. Нужно замѣтить, впрочемъ, что послѣдняя мысль Бентама («настоящая цензура—есть цензура просвѣщеннаго общества») была высказана у насъ еще Радищевымъ въ его знаменитой книгѣ (1790 г.): «Цензура печатаемаго принадлежитъ обществу: оно дастъ сочинителю вѣнецъ или употребитъ листы на обертки».

Обсуждая далѣе въ томъ же сочиненіи вопросъ объ общихъ предосторожностяхъ противъ злоупотребленій власти, Бентамъ вновь говоритъ о свободѣ печати. Онъ указываетъ на то, что простой здравый смыслъ убѣждаетъ въ необходимости выслушивать всѣ совѣты, а это и значить допустить свободу печати. Мнѣніе публики полезно знать и тогда, когда извѣстная мѣра уже принята; это гораздо полезнѣе и для государя, чѣмъ «дозволенная свобода подачи просьбъ». Опасаются, что, осуждая какую-нибудь мѣру, будутъ нападать и на тѣхъ, кто ее принялъ. Эти «страхи самолюбія» являются причиною того, что такъ рѣдко допускаютъ свободу печати, несмотря на ея очевидную пользу. Однако же, «Иосифъ II, Фридерикъ II введеніемъ ея ознаменовали свои царствованія *). Она существуетъ въ Швеціи; она существуетъ въ Англіи; она можетъ существовать повсюду съ нѣкоторыми ограниченіями, которыя бы предупреждали важныя злоупотребленія оной». Однако, допуская возможность такихъ ограниченій, Бентамъ не сочувствуетъ имъ и указываетъ на то, что они приводили къ совершенно обратнымъ послѣдствіямъ сравнительно съ тѣмъ, ради чего они были установлены **).

Цензурный уставъ 9 іюля 1804 г., хотя онъ и былъ мягче слѣдующихъ цензурныхъ уставовъ ***), все же былъ основанъ на правилахъ предварительнаго разсмотрѣнія печатающихся въ Россіи сочиненій. Онъ вызвалъ сочувственные отзывы Карамзина и Каченовскаго ****), но Пнинъ, человекъ свободнаго образа мыслей, не былъ имъ удовлетворенъ. Въ статьѣ «Сочинитель и Цензоръ, переводъ съ манчжурскаго», онъ отмѣчаетъ возможность цензурнаго произвола и указываетъ на то, что вмѣсто отвѣтственности цензора *****) можно было бы установить отвѣтственность

*) Это не вѣрно: ни тотъ ни другой не уничтожали цензуры, а только смягчили ее. См. Biedermann. Deutschland im XVIII Jahrhundert, Bd. I. 1880, 2 Aufl., S. 124—143.

***) «Разсужденіе о гражданскомъ и уголовномъ законоположеніи соч. Іереміи Бентама. изд. на французск. языкѣ Дюмономъ поручописямъ, отъ автора ему доставленнымъ», переводъ М. Михайлова, т. III, 1811 г., стр. 222—223.

****) П. С. З. XXVIII, № 21388, ср. Сухомлиновъ «Исслѣдованія» I, 404—415.

*****) «Вѣстникъ Европы», 1804 г., ч. XVIII, ноябрь, стр. 70, 1805 г., февраль, стр. 199—204.

*****) Въ ст. 15 цензурнаго устава говорится объ отвѣтственности цен-

автора (сдѣлать, такимъ образомъ, ненужною предварительную пензуру) *). Предсказаніе Пнина вполнѣ подтвердилось цензурною практикою послѣдующаго времени; всего вредѣе было то, что въ 1818 г. запрещено было писать (какъ за, такъ и противъ) и о крѣпостномъ правѣ, и о преобразованіи государственнаго строя **),—двухъ вопросахъ, наиболѣе интересовавшихъ русское образованное общество того времени.

Хорошимъ правиломъ цензурнаго устава 1804 г. было то, что иностранныя книги, привозимыя изъ-за границы для частныхъ лицъ, цензурному досмотру не подвергались, а книгопродавцы должны были отвѣчать за продажу книгъ, противныхъ цензурному уставу (п. 27): это, конечно, дѣлало гораздо болѣе легкимъ распространеніе либеральныхъ книгъ, иностранныя же журналы подлежали цензурѣ, учрежденной при почтамтахъ (п. 9). Н. И. Тургеневъ упоминаетъ о случаяхъ задержанія иностранныхъ газетъ, что же касается выходящихъ за границу книгъ, не соответствующихъ нашимъ цензурнымъ правиламъ, то, кромѣ полученія ихъ чрезъ книгопродавцевъ, былъ и еще одинъ путь ихъ приобрѣтенія: наши морскіе офицеры привозили съ собою, по крайней мѣрѣ, въ первой половинѣ 1820-хъ годовъ, книги, которыя было трудно приобрѣсти иначе, и распродавали ихъ. Такимъ образомъ, иностранныя литературы могли вліять на русское общество, и мы видѣли, какіе авторы были наиболѣе популярны среди декабристовъ ***). Правда, французская литература, наиболѣе у насъ доступная, благодаря широкому распространенію французскаго языка, была, до перваго низложенія Наполеона, крайне стѣснена въ самой Франціи правительственнымъ произволомъ ****). Но произведенія французскихъ авторовъ, запрещенныя во Франціи, печатались за границей: такъ, напримѣръ, запрещенное во Франціи сочиненіе г-жи Сталь о Германіи было издано въ Лондонѣ въ 1813 г.

Свобода печати во Франціи была восстановлена конституціонною хартіей 4 іюня 1814 г., которою было постановлено: «Фран-

зора, пропустившаго сочиненіе, противное „Закону Божію, правленію, нравственности и личной чести какого-либо гражданина“.

*) „Журналь Рос. Словесности“ 1805 г., XII. Статья эта перепечатана М. К. Лемке въ „Мірѣ Божіемъ“, 1904 г., № 11, стр. 60—62.

**) 3 мая 1818 г. въ „Сынѣ Отечества“ появилась статья Куницына „О конституціи“, а 14 мая того же года было разъяснено, что „обо всемъ, касающемся правительства, можно писать только по волѣ самого правительства, которому лучше извѣстно, что и когда сообщить публикѣ; частнымъ же лицамъ не слѣдуетъ писать о политическихъ предметахъ ни за, ни противъ: и то, и другое нерѣдко бываетъ одинаково вредно, давая поводъ къ различнымъ толкамъ и заключеніямъ“.

***) См. мою статью въ „Рус. Бог.“ 1907 г., № 10.

****) См. Welschinger „La censure sous le premier Empire“ P. 1882 и статью объ этой книгѣ В. Ф. Дерюжинскаго въ его книгѣ „Изъ исторіи политической свободы въ Англіи и Франціи“, Спб. 1906.

цуютъ имѣють право публиковать и печатать свои мнѣнія, сообразуясь съ законами, которые должны подавлять злоупотребленія этою свободою». Правительство Людовика XVIII уже успѣло закономъ 21 октября 1814 г. ввести предварительную цензуру для всѣхъ книгъ менѣе 20-ти печатныхъ листовъ *), но само было низвергнуто Наполеономъ. Послѣ 100 дней, во время которыхъ печать пользовалась полнѣйшею свободою, Людовикъ XVIII ординасомъ 20 іюля 1815 г. измѣнилъ прежній законъ о цензурованіи книгъ объемомъ менѣе 20-ти листовъ, но закономъ 9 ноября 1815 г. была установлена самая строгая предварительная цензура **), которая, однако, законами 17 и 26 мая и 9 іюня 1819 г. была замѣнена наказаніемъ преступленій и проступковъ печати по постановленію суда присяжныхъ, а за диффамачію и оскорбленіе частныхъ лицъ—трибуналовъ исправительной полиціи ***). Однако, послѣ убійства Лувелемъ герцога Беррійскаго (13 февраля 1820 г.) законами 31 марта 1820 г. и 26 іюля 1821 г. возвратились вновь для періодическихъ изданій къ предварительной цензурѣ. Законъ 17 марта 1822 г. требовалъ разрѣшенія короля для періодическихъ изданій, предоставлялъ ему право возстановлять цензуру указомъ, контрассигнированнымъ тремя министрами, и давалъ суду (cours royales) право прекращать періодическія изданія за вредное направленіе. По закону 25 марта 1822 г. дѣла о печати должны были разсматриваться судами безъ присяжныхъ. Указомъ 15 августа 1824 г. предварительная цензура была востановлена ****).

Н. И. Тургеневъ слѣдилъ за судьбою печати во Франціи. Онъ отиѣтилъ въ своемъ дневникѣ 20 іюля 1821 г.: «Въ камерѣ депутатовъ прошелъ законъ о продолженіи цензуры. Ультры de l'extreme droite» (крайней правой) произнесли прекрасныя рѣчи: Veau blanc... Delalot, Castelaja, Bertin de Veaux. Министры Pasquier и, въ особенности, Desegge говорили глупо и гадко. Они теперь хотятъ говорить, что хартія, даровавъ свободу книгопеча-

*) Административнымъ распоряженіемъ было установлено, что ни одно періодическое изданіе не можетъ выходить въ свѣтъ безъ спеціальнаго разрѣшенія.

***) По закону 28 февраля 1817 г., временно, до 1818 г., періодическія изданія могли быть разрѣшаемы лишь королемъ.

****) Для политической періодической печати установлены были залоги весьма значительнаго размѣра.

*****) Avenel. „Histoire de la presse française depuis 1789 jusqu'à nos jours“ Р. 1900, р. 206—280. О цензурѣ Пруссіи, Австріи и Баваріи въ 1819—30 гг. См. Salomon. Geschichte des deutschen Zeitungswesen, III, 1906 г., р. 240—260, ср. ст. Фойницкаго „Моменты исторіи законодательства о печати“ въ „Сборникѣ Государственныхъ Знаній“ подъ ред. Безобразова, II, 1875 г., 415—419.

*****) Крайніе роялисты во время реставраціи стали, хотя и не всегда, защищать свободу прессы въ виду своихъ партійныхъ цѣлей. Ср. Avenel, 240.

танія, не включила тутъ и журналы, qui sont hors de la chasse! И эти-то люди хотятъ управлять конституціоннымъ государствомъ!» 22 іюля Тургеневъ вновь отмѣчаетъ: «Manuel съ нѣкотораго времени мнѣ очень нравится. Цензура прошла большинствомъ двухъ голосовъ». 15 февраля 1822 г. Тургеневъ пишетъ въ дневникѣ: «Дочитывалъ французскія газеты. Новый законъ sur la regression des abus de la presse въ Пал. Деп. прошелъ. Ж. (жюри) уничтожено» *).

Декабристы вполне понимали необходимость свободы печати. Изъ показаній М. А. фонъ-Визина и кн. П. Шаховскаго видно, что уже члены Союза Спасенія въ 1817 г. стремились къ достиженію свободы книгопечатанія **). Н. Тургеневъ еще въ 1816 г. записалъ въ своемъ дневникѣ: «Неоспоримо, что свобода печатанія книгъ чрезвычайно полезна. Вездѣ народъ чувствуетъ выгоды оной» ***). 7 августа 1819 г. онъ высказался тамъ же за примѣненіе суда присяжныхъ къ дѣламъ о печати ****). Декабристъ Семеновъ показалъ, что одною изъ главнѣйшихъ цѣлей Тургенева была «свобода книгопечатанія» *****).

Показанія Кюхельбекера и Грибоедова во время слѣдствія по вопросу о цензурѣ *****) были, конечно, не вполне искренни. Гораздо важнѣе для насъ тѣ мнѣнія декабристовъ, которыя выска-

*) Ср. Vaublanc IIe. Histoire des deux Restaurations, t. V, P. 1850, 386—407. Польскою конституціонною хартіею 1815 г. (п. 16) „свобода печати“ была „гарантирована“, но законъ долженъ былъ опредѣлить средства для обузданія злоупотребленія ею. Однако, 22 мая 1819 г. были подчинены предварительной цензурѣ всѣ повременныя изданія, а 16 іюля того же года эта цензура распространена и на книги.

**) Въ одномъ изъ „Пунктовъ преподаваемаго во внутреннемъ Ордени ученія“ (относительно которыхъ пришли къ соглашенію М. Ф. Орловъ и гр. Дмитріевъ-Мамоновъ) было упомянуто: „вольное книгопечатаніе“.

***) Нужно замѣтить, что Тургеневъ еще до отъѣзда въ геттингенскій университетъ прочелъ книгу Радищева „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“.

****) „Разнообразность проступковъ книгопечатанія“, говоритъ Тургеневъ, „заставила также всѣхъ здравомыслящихъ людей убѣдиться, что для сихъ проступковъ одинъ удовлетворительный образъ судопроизводства есть посредствомъ присяжныхъ, и что свобода книгопечатанія ничѣмъ инымъ не можетъ быть достаточно обезпечена“.

*****) Кн. П. А. Вяземскій, не принадлежавшій къ Тайному Обществу, мечталъ хотя бы о нѣкоторомъ улучшеніи положенія печати; онъ писалъ декабристу М. Ф. Орлову 10 ноября 1821 г.: „Дай намъ не полную, но умѣренную свободу печатанія, сними съ мысли алжирскія цѣпи, и въ годъ—словесность наша преобразуется... Ты не знаешь, до какой степени цензура наша давитъ все то, что не словарь, а подобіе мысли. Нѣкоторые примѣры ея строгости и нелѣпости уморили бы со-смѣху Европу. Какъ посмотришь на то, что печаталось при Екатеринѣ... и то, что теперь вымарывается изъ сочиненій!“ Далѣе Вяземскій упоминаетъ, что хотѣлъ бы напечатать переводъ польской конституціи („Пол. Соб. Соч.“ II, 110—111), но для осуществленія этого предположенія встрѣтились препятствія.

*****) См. мою статью въ „Рус. Бог.“ 1907 г. № 7, стр. 158.

ваны ими въ ихъ проектахъ преобразованій. Никита Муравьевъ въ своей конституціи, очевидно подъ вліяніемъ деклараціи правъ (п. 11) и конституціи 1791 во Франціи (тит. III, гл. V, п. 17—18), устанавливаетъ свободу устнаго и печатнаго слова. Во второй, наиболѣе подробной, редакціи конституціи Н. Муравьева сказано: «Всякій имѣетъ право излагать свои мысли и чувства невозбранно и сообщать оныя посредствомъ печати своимъ соотечественникамъ. Книги, подобно всѣмъ прочимъ дѣйствіямъ, подвержены обвиненію гражданъ предъ судомъ и подлежатъ присяжнымъ» (ст. 14) *). Въ главѣ конституціи Н. Муравьева о народномъ вѣчѣ было сказано, что оно «не имѣетъ власти нарушать свободы рѣчей и книгопечатанія» (ст. 98) **).

Батеньковъ относилъ свободу «тисненія» къ числу «моральныхъ обеспеченій неизмѣнности установленнаго порядка»; ее должно установить временное правленіе еще до созванія депутатовъ.

Въ запискѣ о требованіяхъ, которыя должны были быть предъявлены возставшимъ войскомъ сенату, между прочимъ значилось: «свободное тисненіе и, потому, уничтоженіе цензуры».

Рылѣевъ въ письмѣ къ имп. Николаю 16 декабря 1825 г. говорить: «Приговору Великаго Собора положено было безпрекословно повиноваться, стараясь только, чтобы народнымъ Уставомъ» (т. е. конституціею) «былъ введенъ представительный образъ правленія, свобода книгопечатанія, открытое судопроизводство и личная безопасность». А. Вестужевъ, касаясь въ письмѣ къ имп. Николаю преобразованія судопроизводства, говорить: «свобода книгопечатанія обличала-бъ нерадивыхъ или криводушныхъ» судей ***).

Членъ Южнаго Общества Крюковъ 2-ой показалъ, что одною изъ задачъ, къ осуществленію которыхъ стремилось Тайное Общество, было введеніе свободы книгопечатанія.

Пестель въ своемъ болѣе раннемъ трудѣ: «Краткое умозрительное обзорѣніе государственнаго правленія. Сочиненіе русскаго гусара» (1820 г.) еще допускаетъ цензуру. «Исполнительное благочиніе», говоритъ онъ, имѣетъ «надворъ за книгопродавцами, типографіями, театральными представленіями и обращеніемъ книгъ, журналовъ, мелкихъ сочиненій и листовъ. Свѣдѣнія о дозволеніяхъ, данныхъ для тисненія новыхъ сочиненій и для пропуска книгъ изъ-за границы» также относятся къ вѣдомству исполнительнаго благочинія. Но въ «Русской Правдѣ» установлены уже либеральныя основныя начала свободы книгопечатанія, хотя и здѣсь

*) Въ первой редакціи вторая половина статьи была редактирована хуже: „Вредныя книги, подобно другимъ преступленіямъ, преслѣдуются судомъ и подлежатъ присяжнымъ“ (ст. 17).

**) Въ первой редакціи: вѣче „не можетъ воспретить свободнаго книгопечатанія“.

***) Каховскій въ письмѣ къ Николаю I доказывалъ, что строгость цензуры достигаетъ совершенно обратной цѣли.

встрѣчались нѣкоторыя неудачныя предложенія: 1) «каждый гражданинъ имѣеть право писать и печатать все то, что онъ хочетъ», за исключеніемъ только личныхъ ругательствъ, «которыя никогда допускаемы быть не должны». Однако, Пестель требуетъ, чтобы имя автора всегда выставлялось на его сочиненіи. 2) «За мнѣнія и правила, въ сочиненіи изложенныя, отвѣчаетъ каждый писатель на основаніи... правилъ объ ученіи и проповѣдываніи, противныхъ законамъ и чистой нравственности, и судится общимъ судебнымъ порядкомъ» (т. е. судомъ присяжныхъ). 3) «Ежели въ сочиненіи излагаются какія-нибудь происшествія или что-нибудь утверждается, то сочинитель обязанъ оныя доказать, если къ суду обиженною стороною призванъ будетъ. Если же доказать не можетъ, то подвергается уголовному наказанію по суду присяжныхъ, судя съ обыкновеннымъ порядкомъ». 4) Такому же порядку «подлежать всѣ сочиненія большія и малыя, всѣ переводы, всѣ вѣдомости и срочныя изданія, всѣ живописи, гравировки и, однимъ словомъ, все то, что какого бы то ни было рода сочиненія составляетъ»... Срочныя же сочиненія (повременныя изданія) «должны быть издаваемы не иначе, какъ по предварительному извѣщенію правительства о семъ намѣреніи». 5) Каждый гражданинъ можетъ имѣть типографію съ обязанностью только предварительно извѣстить правительство о ея заведеніи и съ тѣмъ, чтобы на всемъ печатаемомъ въ ней было обозначено имя владѣльца. Мысль о необходимости суда присяжныхъ въ дѣлахъ печати могла быть заимствована Пестелемъ изъ сочиненій Детю-де-Траси и Бенжамена Констана.

В. Семевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ИТАЛІЯ.

За стѣной пѣсню поють. Деревенскую протяжную и грустную, какъ малороссійская думка, что носится по-надъ степью, такая же безконечная, какъ безконечна степь. И я слышу, какъ горничная оставляетъ свою щетку и тряпку, которыми она неумолимо борется съ пылью, выходитъ на сосѣдній балконъ, что-то вытряхаетъ и останавливается и смотреть долго, долго — мнѣ видно съ моего балкона — далекимъ туманнымъ взглядомъ поверхъ моря туда, гдѣ синѣетъ извилистая линія итальянскихъ горъ... Она снова возвращается въ комнату, и пѣсня звучитъ еще тише, еще грустнѣе...

И мнѣ нужно нѣкоторое усиліе, чтобы вспомнить, что я въ Ниццѣ, и что предъ моимъ балкономъ горитъ на солнцѣ не Ялтинское море, и что то не Одарка изъ Золотоноши поеть, что она пришла „шукать собі долі у синяго моря“, а итальянская Эрнеста—такая странная, чужая и родная для меня, далекая и близкая — по-деревенски тоскуеть по своему мѣстѣ, по своей сторонѣ. Она тоже пришла искать долю у чужого моря изъ своей итальянской „Золотоноши“, гдѣ крестьянская доля такая горькая и тяжкая. Она устроилась на знати у моихъ знакомыхъ русскихъ, давно живущихъ въ Ниццѣ, она живетъ у нихъ уже три года и поступила на мѣсто своей двоюродной сестры, которая тоже прожила въ той же семьѣ нѣсколько лѣтъ. Въ той же семьѣ живетъ кухарка восемь лѣтъ, изъ одного съ ней мѣста, изъ одной округи, а мужъ ея служитъ на той же улицѣ, а мужній братъ тоже устроился въ Ниццѣ. Они тянутъ другъ друга, сестры, братья, шурья, зятя своихъ сродственниковъ, людей одного мѣста, одной волости.

Эрнеста никуда не выходитъ изъ дому, она не гуляетъ, не радится, на ней все одно и то же платье, только изрѣдка въ праздникъ воткнетъ она красную гвоздичку въ свои черные волосы. И только по утрамъ свою пѣсню поеть, свою грустную, деревенскую пѣсню,—по утрамъ, когда одна въ ком-

натѣ—тихо, чтобы люди не слышали. Тамъ въ Италиі бьется вокругъ пустого мѣста ея женихъ, и, я знаю, они копятъ деньги, чтобы уѣхать въ Америку, гдѣ можно сѣсть на землю, въ Америку, такъ какъ нельзя сидѣть на своей итальянской землѣ, гдѣ пасутся овцы и не могутъ кормиться люди, — сдѣлать такъ, какъ сдѣлала предшественница, ея двоюродная сестра, какъ дѣлають многіе изъ ихъ мѣста, изъ ихъ окружи.

Бѣдные они, бѣдные! Я встрѣчалъ ихъ 14 лѣтъ назадъ въ Швейцаріи, въ той же Франціи. Ихъ работа тамъ, гдѣ трудъ тяжелѣе и плата меньше,—та работа, которую не хотять дѣлать сытые хозяйственные швейцарскіе мужички и болѣе обеспеченные французскіе рабочіе, ихъ доля ѣсть черствый хлѣбъ и удовлетворяться той жизнью, которою не хотять удовлетворяться французы и швейцарцы, ихъ доля— и нѣтъ въ равной мѣрѣ такой доли у другихъ народовъ— покидать навсегда свою родную землю, потому что имъ нѣтъ мѣста въ своей родной землѣ...

Я часто встрѣчаю ихъ въ окрестностяхъ Ниццы. Такіе же прирожденные каменщики, какъ рязанскіе мужики-землекопы и добытчики торфа,—они сидятъ въ бѣлой пыли отъ камня, надъ которымъ работаютъ, на краю придорожныхъ канавъ, и обѣдаютъ. Они вынимають запыленные краяхи грязнаго хлѣба, и, мнѣ кажется, я слышу, какъ хруститъ каменный песокъ на зубахъ ихъ, они ломають большими кусками свой хлѣбъ и откусываютъ маленькіе кусочки, со всѣмъ маленькіе, своего итальянскаго сыра или малороссійскаго, настоящаго малороссійскаго сала, и много и долго жуютъ черствый пыльный хлѣбъ и обильно сдабриваютъ его чеснокомъ, какъ сдабриваютъ лукомъ рязанскіе мужики. И, чтобы онъ былъ не такой черствый и жесткій, они мокають его въ красное вино и крошатъ въ чашку съ краснымъ виномъ, какъ крошатъ свой черствый хлѣбъ въ квасъ рязанскіе мужики. И разъ въ годъ далеко въ горахъ надъ Ниццей, на границѣ Франціи и Пьемонта, бываетъ ярмарка. Съѣзжаются французы и итальянцы. Я не знаю, что привозять французы, — итальянцы привозять своихъ дѣтей. Маленькихъ дѣтей отъ 8 до 10—11 лѣтъ и отдають въ года французскимъ крестьянамъ, отдають изъ корму, потому что нечѣмъ кормить ихъ дома, отдають за плату—5—8 франковъ въ мѣсяцъ, — большія деньги для пьемонтскаго крестьянскаго хозяйства. А потомъ отцы возвращаются домой и идутъ копать швейцарскую землю, обрабатывать французскій камень...

Въ праздникъ они собираются въ своихъ пыльныхъ одеждахъ,—на чужой сторонѣ у нихъ нѣтъ праздничныхъ

одеждъ, — въ темныхъ кабакахъ дальнихъ ниццскихъ улицъ, гдѣ нѣтъ иностранцевъ, и играютъ на мандолинахъ и гитарахъ, которыя, повидимому, дороже имъ праздничныхъ одеждъ, и поютъ свои грустныя итальянскія пѣсни. И пьютъ. Пьютъ много и тяжело, и, когда пьютъ, не радуются и не смѣются, какъ весело и заразительно смѣются французы, — и когда напьются, становятся мрачными и жестокими и дико и бессмысленно суютъ ножъ въ своего товарища, въ того, кто подвернется подъ руку. И кажется, что у нихъ нѣтъ, кромѣ ножа, другого средства утолить свою печаль, свою тоску. Тогда, 14 лѣтъ назадъ, мнѣ все хотѣлось спросить ихъ: почему вы такъ грустны? Почему печаль на вашихъ лицахъ и такъ много гнѣва въ сердцахъ вашихъ? Почему не смѣтаетесь вы, какъ смѣются ваши французскіе братья?

Когда я уѣзжалъ въ нынѣшнемъ году изъ Ниццы въ Италию, мнѣ показалось, что я только что побывалъ тамъ и снова возвращаюсь, и, казалось, тотъ же рабочий, что тогда, 14 лѣтъ назадъ, — съ поврежденной, завязанной грязной тряпкой, рукой и блѣднымъ страдальческимъ лицомъ, сидитъ противъ меня. И тѣ же спутники, хмурые, грустные и молчаливые, — странно молчаливые послѣ говорливыхъ, смѣющихся французскихъ людей Ниццы. Нудно плакалъ ребенокъ, и жалостно и больно звучали нѣжныя итальянскія слова матери. Хмуро и непривѣтно было въ темномъ и грязноватомъ третьеклассномъ французскомъ вагонѣ. Быстро вспыхивалъ разговоръ и такъ же быстро потухалъ. И, когда они молчатъ и смотрятъ въ окно вагона на синее море, мимо котораго несетя нашъ поѣздъ, — у нихъ далекій и долгій, туманный взглядъ, смотрящій поверхъ того, что передъ глазами, не короткій, рѣшительный, точно фиксированный „европейскій“ взглядъ французовъ и нѣмцевъ и англичанъ, а тотъ далекій туманный взглядъ, который я встрѣчалъ только тамъ далеко, въ рязанской землѣ.

На границѣ, въ Вентимильи, я пересѣлъ на итальянскій поѣздъ и — такъ быстро смѣняются впечатлѣнія — встрѣтилъ веселыхъ, смѣющихся итальянскихъ людей. Цѣлая компанія великолѣпныхъ молодыхъ людей съ превосходными галстуками и чудесными разноцвѣтными шарфами сидѣла въ моемъ вагонѣ и дѣлила заработокъ, полученный въ Ниццѣ, гдѣ они кончили сдѣльную работу, — ставили машину на ниццскій заводъ, — итальянскую машину, съ гордостью пояснилъ мнѣ одинъ, — на французскій заводъ. Старшій изъ нихъ, съ серьезными черными усами, раскладывалъ на скамейкѣ предъ каждымъ изъ товарищей кучки серебряныхъ

монетъ, и, такъ какъ остались отъ дѣлежки три франка, которые, очевидно, было неудобно и трудно дѣлить, то въ Санъ-Ремо было куплено должное количество фіаско съ „кванти“, и итальянскій сыръ „горгонзола“ и настоящая итальянская салями, лучше которыхъ, конечно, нѣтъ на свѣтѣ.

Должно быть, вмѣстѣ съ франками они вывели изъ Ниццы долю французской радости жизни и шумнаго карнавальнаго веселья, которое еще не потухло тогда въ Ниццѣ, — старшой игралъ на гармоньѣ, остальные пѣли сезонную карнавальную пѣсенку, которая вплоть до моего отъѣзда звенѣла на всѣхъ улицахъ Ниццы. А потомъ другой членъ компаніи, съ легкомысленнымъ пушкомъ на верхней губѣ, — на плохомъ французскомъ языкѣ, но съ художественно перенятымъ французскимъ шикомъ спѣлъ веселое „морсо“, очевидно, подобранное съ эстрады какого-нибудь маленькаго ниццскаго кабачка. Они были корректные и деликатные люди и спрашивали меня, не мѣшаютъ ли мнѣ, а когда узнали, что я русскій, — отнеслись ко мнѣ съ лестнымъ вниманіемъ, говорили, что они знаютъ, что дѣлается въ Россіи, за что и какъ ведется борьба, такъ какъ въ ихъ газетахъ много пишутъ о Россіи а старшой заявилъ, что онъ слушалъ на митингѣ въ Генуѣ русскую барышню, которая прекрасно говорила по-итальянски и имѣла большой успѣхъ у нихъ, рабочихъ.

И—стражное дѣло!—я долго не отдавалъ себѣ отчета, — что-то новое, какой-то новый тонъ жизни, новыя манеры почувствовались мною за короткій переѣздъ и за тѣ два-три дня, которые я прожилъ въ Генуѣ. Дѣло не въ веселыхъ молодыхъ людяхъ. Меня удивилъ итальянскій третеклассный вагонъ, въ которомъ я ѣхалъ отъ Вентимильи. Онъ былъ не тотъ грязный, темный и заплесанный, въ которомъ я ѣздилъ 14 лѣтъ назадъ, — свѣтлый, просторный и чистый, онъ былъ гораздо лучше третеклассныхъ французскихъ вагоновъ, въ которыхъ приходилось въ нынѣшнемъ году ѣздить мнѣ по Франціи. И несравненно дешевле, чѣмъ во Франціи, стоилъ желѣзнодорожный билетъ. И другіе носильщики встрѣтили меня въ Генуѣ. Я помню, какъ тогда рвали, отнимая другъ у друга, мой багажъ, факино, и какъ жадно на моихъ глазахъ разсматривали, сколько я далъ. Я заплатилъ носильщику большую по-итальянски сумму—полфранка мѣдными монетами и съ удивленіемъ смотрѣлъ, какъ онъ, не взглянувши даже на деньги, опустилъ въ кружку, висѣвшую на груди старика-факино. Я нарочно остановился и наблюдалъ, какъ и другіе факино получали деньги и, какъ только освобождались отъ вещей, бѣжали къ старику, не-

подвижно стоявшему у багажного депо, и полностью опускали въ кружку свои полочки. И въ кабачкѣ, въ Генуѣ, гдѣ я сидѣлъ вечеромъ, въ бѣдномъ, протонародномъ кабачкѣ, гдѣ выходили на эстраду пѣвцы неаполитанскихъ пѣсенъ и пѣвицы въ ослѣпительно блестящихъ платьяхъ, какія появляются только на эстрадахъ народныхъ кабачковъ, — послѣ каждого номера артистъ или артистка обходили съ тарелкой публику, собирали по пяти центезимовъ и такъ же, какъ тѣ носильщики, не считая, сыпали на широкое блюдо, стоявшее на пианино, передъ которымъ они пѣли.

Не исчезли и старыя манеры завѣщаннаго отцами и дѣдами, традиціоннаго использованія иностранца, специально итальянскаго надувательства, какого-то наивнаго, неприкрытаго, не дѣловаго, но въ этотъ разъ мнѣ не приходилось такъ тщательно, какъ прежде, провѣрять отельные и ресторанные счета, и за все время путешествія по Италіи я получилъ въ видѣ сдачи только двѣ фальшивыхъ серебряныхъ монеты, наивно, по-дѣтски сдѣланныхъ, съ какими ни одинъ, сколько-нибудь уважающій себя русскій фальшиво-монетчикъ не позволилъ бы себѣ выйти на дѣловой рынокъ.

И бросилось мнѣ въ глаза, — и въ Генуѣ, и въ дальнѣйшихъ моихъ скитаніяхъ по Италіи, — даже въ Неаполѣ, — рѣзкое уменьшеніе нищенства и попрошайничества на улицахъ и дорогахъ, котораго такъ много было 14 лѣтъ назадъ.

— Вы революціонеръ? — Молодой человекъ, только что узнавшій, что я не англичанинъ, не венгръ и не чехъ, а русскій, предложилъ мнѣ вопросъ просто и спокойно, и по тону его голоса было видно, что онъ, собственно, ждалъ не отвѣта, а подтвержденія того, что было для него несомнѣнно, и на мой встрѣчный вопросъ, почему онъ такъ думаетъ, такъ же просто и убѣжденно отвѣтилъ:

— Вѣдь въ Россіи двѣ только партіи. На одной сторонѣ правительство, полиція и генералы, а на другой революціонеры. Не такъ-ли?

Я могъ бы сдѣлать ему серьезныя редакціонныя поправки, но вмѣсто этого только высказалъ предположеніе:

— А быть можетъ, я генералъ? — Мой возрастъ позволялъ мнѣ это, и я съ нѣкоторой обидой наблюдалъ, какъ онъ улынулся и отрицательно качалъ головой. О себѣ онъ объяснилъ, что онъ калабриецъ, только что окончилъ факультетъ римскаго университета, социалистъ, хотя и не зачислилъ еще себя въ опредѣленную группу, — онъ между Ферри и Лабріола, такъ какъ ни тотъ, ни другой не удовлетворяютъ его въ полной мѣрѣ. Онъ былъ достаточно освѣдомленъ о

Россіи. Оговорившись, что, быть можетъ, онъ ошибается въ оцѣнкѣ, онъ сообщилъ, что Чайковскій ближе ему, интимнѣе и понятнѣе, чѣмъ Глазуновъ, и что Чайковскій даже весьма препятствовалъ ему сдавать выпускные экзамены, такъ какъ онъ не могъ отказаться отъ наслажденія слушать Чайковскаго, который какъ разъ во время экзаменовъ исполнялся въ концертахъ въ Римѣ. Онъ читалъ Тургенѣвъ, Массимо Горки. Они, молодежь, высоко чтутъ Льва Николаевича Толстого, и онъ вмѣстѣ съ товарищами студентами устраивалъ, въ знакъ почитанія, серенаду передъ отелемъ въ Римѣ, гдѣ жила дочь Толстого Татіана, но для него лично выше всѣхъ и ближе всѣхъ Достоевскій,—единственный, исключительный, которому нѣтъ не только равнаго, но и сколько-нибудь сходнаго въ современной европейской литературѣ.

Ихъ было трое молодыхъ людей въ моемъ купе второго класса, въ которомъ я ѣхалъ отъ Генуи, молодыхъ людей въ котелкахъ, почему-то ужасно напомнившихъ мнѣ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, въ несмѣтномъ количествѣ населяющихъ городъ Петербургъ,—одинъ былъ даже съ петербургскимъ адвокатскимъ портфелемъ. Они ѣхали въ Римъ на назначенное на другой день большое собраніе для чествованія памяти д'Амичиса, не задолго предъ тѣмъ умершаго на итальянской Ривьерѣ. Я не хотѣлъ мѣшать имъ и сидѣлъ въ углу съ закрытыми глазами. У нихъ поднимался споръ и потухалъ, и снова громко звучали голоса, и я съ наслажденіемъ слушалъ этотъ необыкновенный, единственный итальянскій языкъ, гдѣ обиліе гласныхъ сочетается съ твердыми и рѣзкими согласными, двойными г, двойными Z, необыкновенная музыкальность съ латинской каменной солдатской твердостью, эту необъятно широкую гамму человеческого голоса, въ которую улягутся всѣ человѣческія чувства, всѣ настроенія души,—и слова любви, и грустной жалобы, самой нѣжной любви и самой грустной жалобы, и великій гнѣвъ, и великая ненависть, и огненные слова проклятій... И были удивительны для меня ихъ манеры, ихъ жесты,—такъ по-русски просты были они и такъ странны послѣ всегда немного приподнятаго, всегда взвинченнаго французскаго разговора и французскаго тона, къ которому, за четыре мѣсяца ниццской жизни, я успѣлъ привыкнуть, какъ къ нормальному тону, какъ къ обычной человѣческой манерѣ.

Я кое-что понималъ изъ ихъ рѣчей, они спорили о д'Анунціо и д'Амичисѣ, спорили о преимуществахъ Генуи, Неаполя и Рима,—обычный итальянскій споръ. Я помню, какъ 14 лѣтъ назадъ генуэзскій профессоръ-медикъ доказывалъ мнѣ, что центръ науки и культуры и итальянской

промышленности только въ Генуѣ, а остальные итальянскія націи, въ особенности Римская, отсталыя націи,—и очнулся отъ страннаго тона одинокаго голоса.

Совсѣмъ юный съ дѣвичьимъ лицомъ неаполитанецъ, ученикъ художественной школы, оказавшійся тоже социалестомъ, говорилъ медленными отдѣльными фразами, и потому что онѣ были медленны, я понималъ ихъ.

— Вы не видали Неаполя лѣтней ночью... Когда море горитъ и горы въ лунномъ свѣтѣ... и пѣсня неаполитанская несется съ берега... Дымится Везувій... Тамъ гнѣвъ въ землѣ, тамъ земля дрожить отъ гнѣва...

И глаза были большіе и темные и свѣтились на блѣдномъ лицѣ, и напряженно, страстно звучалъ голосъ.

А потомъ заговорилъ сидѣвшій въ углу одинокій господинъ съ суровымъ, застывшимъ въ глубокой задумчивости лицомъ и, замѣтивши, какъ я вслушиваюсь въ рѣчь неаполитанца, сталъ убѣждать меня, чтобы я не учился итальянскому языку у римлянъ, генуэзцевъ и неаполитанцевъ, у которыхъ такія дурныя, изуродованныя нарѣчія, что настоящій, чистый, хорошій итальянскій языкъ только у нихъ, во Флоренціи... И даже не въ самой Флоренціи, а въ Фіезолѣ, на холмахъ надъ Флоренціей, и говорятъ настоящимъ итальянскимъ языкомъ только 1500-2000 крестьянъ, живущихъ въ мѣстности Фіезоле.

Онъ только что возвратился изъ артистическаго турне по Россіи,—онъ акробатъ,—и говоритъ наполовину по-русски. Онъ говоритъ, что, когда послѣ долгихъ скитаній по Англіи и Франціи, по Россіи, Сѣверной и Южной Америкѣ онъ возвращается къ себѣ во Флоренцію,—повѣрите-ли, *signore?*—онъ прежде всего идетъ въ окрестности, гдѣ работаютъ крестьяне изъ Фіезоле, и завтракаетъ съ ними въ деревенскихъ кабачкахъ и проводитъ съ ними весь день,—все слушаетъ, какъ они говорятъ, такъ какъ нѣтъ на свѣтѣ лучшей музыки, нѣтъ для него большаго наслажденія. „И,—можетъ быть, вамъ *signore*, покажется странно,—плакать хочется иногда, въ особенности если долго отсутствуешь, долго не слышишь его,—языкъ Фіезоле...“

Потомъ они замолчали и сидѣли съ закрытыми глазами, откинувшись на спинки дивановъ. Темная ночь глядѣла въ окна вагона, смутный свѣтъ падалъ сверху, тѣни отъ шляпъ падали на лица, и легло на нихъ раздумье и строгость и... печаль.

И я все думалъ: что вяжетъ меня съ ними, чужедальными людьми? Почему они такъ близки мнѣ, и такъ кровно волнуютъ меня, какъ люди моей родины?

Я прїѣхалъ въ Римъ. И снова переживаю то же чувство, что тогда, въ первый разъ. Прїѣхалъ въ свое мѣсто, гдѣ все знакомо, гдѣ оставилъ столько воспоминаній, гдѣ столько близкихъ могилъ. Все знакомое, близкое, съ давнихъ лѣтъ, съ дѣтскихъ сновъ, съ юношескихъ мечтаній. И Алексѣй, — божій человекъ, надъ которымъ столько слезъ было пролито, — и Петръ, и Павелъ, и Кирика-Улита. И „люди Плутарха“, надъ которымъ столько думъ было передумано, — и Брутъ, и Цезарь, и августѣйшій Августъ, и Маркъ Аврелій, и Сократъ, и Демосфенъ, и Софокль. И молодые — Рафаэль, Микель-Анжело... И дома, и площади, и улицы, Квириналь, и Капитолій, Форумъ и Колизей, термы, и триумфальныя арки, триумфальныя колонны и мѣста молитвы подъ землей и надъ землей, — все это я видѣлъ давно-давно, еще тогда, когда стали открываться мои глаза на божій миръ, я не помню, — во снѣ или наяву, но я ходилъ здѣсь, толкался между этими камнями и больно стучался о Корнелія Непота и объ Цезаря и Саллюстія и объ Сократа съ его апологіей. Я только немножко забылъ. Я слишкомъ долго жилъ въ другихъ домахъ и толкался между другими людьми, — и нѣсколько стерлись и поблекли давнія воспоминанія...

Ихъ такъ много было, — сѣдыхъ камней и старыхъ могилъ и давнихъ воспоминаній. Языческой, императорской и папской Римъ былъ такъ огромно великъ и такъ страшно тяжелъ, и темныя тѣни Колизея и Пантеона и термъ такъ густо ложились на новый Римъ, что мнѣ не видно было тогда новаго Рима, новой жизни. Мнѣ даже казалось тогда, что наследство слишкомъ велико и тяжело для теперешней Игаліи, что новой культурѣ, новому искусству, новымъ росткамъ жизни слишкомъ трудно пробиваться изъ-подъ старыхъ камней, и приходило тогда въ голову, что, быть можетъ, легче строить свою жизнь тѣмъ молодымъ націямъ безъ наследства, безъ старыхъ кладбищъ, гдѣ ни камни, ни воспоминанія не помѣшаютъ возводить новыя зданія.

Я помню тогдашній Римъ, темный и тѣсный, съ мутнымъ Тибромъ въ грязныхъ вонючихъ берегахъ, заплеснѣвъшые, темные неуютные дома и какую-то общую оброшенность. Казалось, старые жильцы ушли, а новые за двадцать съ небольшимъ лѣтъ, протекшихъ съ освобожденія Рима отъ папской власти, не успѣли устроиться, приспособить жизнь къ своимъ потребностямъ и вкусамъ. А то новое, что входило тогда въ жизнь, — начиная съ крикливаго шовинизма газетъ Криспи до самоновѣйшей отелной архитектуры — было такъ безнадежно-плоско и такъ недостойно Италіи, великаго прошлаго ея духовной жизни. Я помню еще Римъ у подножья алтарей, помню распростертыя на каменномъ полу

церквей фигуры людей въ лохмотьяхъ, съ посинѣлыми отъ холода лицами, я помню тихій шопотъ признаній колѣнопреклоненныхъ фигуръ у окошечекъ исповѣдаленъ,—и въ страстную недѣлю я не могъ попастьъ въ нѣкоторыя церкви изъ-за множества народа, набившаго храмы и тѣсной толпой стоявшаго на паперти...

А за стѣнами Рима начиналась пустыня, шла степь, голая, съ неряшливыми порослями кустарника, заброшенная, гдѣ не было людского жилья, и бродили только безчисленныя стада овецъ, да угрюмые пастухи, да злыя собаки... И старыя овечьи чувства еще живы были въ итальянскихъ сердцахъ. Я помню, какъ катавшій насъ по морю въ портъ Анціо, недалеко отъ Рима, старый рыбакъ бранилъ новый строй жизни, хвалилъ папскія времена и говорилъ намъ:

— Кто теперь думаетъ о насъ? Кто заботится? Людей все прибавляется, а жить становится все труднѣе... Вотъ у меня двѣнадцать сыновей... Когда у дѣда моего родился двѣнадцатый сынъ, онъ сталъ получать отъ папы пенсію. Старшіе сыновья разлетѣлись, а маленькихъ я кормить долженъ,—и вотъ моя пенсія—возить васъ, форестьеровъ!..

Я помню, чѣмъ жила тогда Италія. Вспыхивала колоссальная итальянская панама, вскрывались возмутительныя беззаконія, воровство и произволъ и великій развратъ полиціи и администраціи,—вспыхивали и потухали подъ тяжестью вѣкового наслѣдства, старыхъ укладовъ жизни и немощи новыхъ. Вспыхивали хаотическія стихійныя движенія въ родѣ сицилійской рѣзни, вспыхивали и замирали до новыхъ хаотическихъ вспышекъ. Тогда Криспи праздновалъ медовый мѣсяцъ тройственного союза и упорно толкалъ Италію отъ внутренняго строительства къ политикѣ великой державы, къ абиссинскимъ авантюрамъ. Шла тогда Италія въ хвостъ Германіи и Австріи, казалось, подобранная ими изъ жалости, и было тогда снисходительно-презрительное отношеніе къ ней въ Европѣ, и французы называли итальянцевъ макаронщиками, а великолѣпные русскіе, ушедшіе отъ Севастополя и не пришедшіе еще къ Цусимѣ, презрительно говорили:

— Итальяшки... Тоже воевать собираются!..

Въ этотъ разъ у меня было новое ощущеніе,—я не знаю, откуда оно явилось и какъ сложилось,—новыхъ лицъ, новыхъ рѣчей, новаго уклада жизни. Смутно, медленно скадываясь, выростало у меня впечатлѣніе идущей глубокой ломки жизни освобожденія, я бы сказалъ, *возрожденія* Италіи.

Самый Римъ, вѣдншій Римъ измѣнился. Я многого не узнавалъ въ Римѣ, который такъ хорошо зналъ 14 лѣтъ назадъ. Безконечное число электрическихъ трамваевъ, связавшихъ отдѣльныя части Рима, измѣнили фязіономію города, и великолѣпный туннель, длинный и широкій, разломалъ гнилые дома и проползъ подъ старыми улицами. Каменная набережная одѣла Тибръ и разрушила старое вонючее жилье, ютившееся по илистымъ грязнымъ берегамъ его. Ломаются цѣлыя улицы, и въ новыя широкія, гдѣ много свѣта и солнца, улицы переходитъ римская жизнь. И не жаль мнѣ было въ этотъ разъ, какъ жаль мнѣ было тогда этого разрушенія, такъ какъ разрушается старое пошлое и грязное, мѣшавшее людямъ жить, и старое великое и дорогое теперь заботливѣе охраняется и лучше стережется, чѣмъ тогда. Встали на улицахъ и площадяхъ Рима памятники великихъ людей Италіи, бившихся за счастье родины,—Гарибальди въ своей походной рубашкѣ высится надъ Римомъ, на старомъ холмѣ Яникуло. Удивительная по красотѣ вилла Боргезе стала собственностью Рима, и при мнѣ происходило открытіе огромной насыпи, соединившей новой чудесной аллеей густолиственный паркъ Боргезе съ древнимъ садомъ Пинчіо, гдѣ подъ акаціями и магноліями, подъ старыми пиніями и лиловыми кистями глициній безконечной вереницей тянутся мраморныя бюсты не итальянскихъ Гогенцоллерновъ, а ученыхъ писателей, государственныхъ дѣятелей.

Опустѣли римскіе храмы, и молчатъ пустыя окошки исповѣдаленъ. Какъ и тогда, я провелъ въ Римѣ страстную недѣлю и Пасху и меня поразила пустота церквей въ сравненіи съ прежнимъ. Я не говорю о соборѣ св. Петра и о Латеранскомъ соборѣ, гдѣ и тогда главный контингентъ посѣтителей были иностранцы съ красными бедкерами въ карманахъ, — въ нихъ тоже было втрое меньше прежняго публики, но, быть можетъ, это объясняется меньшимъ пріѣдомъ иностранцевъ,—меня интересовали другія древнія римскія церкви вродѣ *María Maggiore*, *María Sopra Minerva*, *María del Popolo* и тѣ многочисленныя церкви на рынкахъ, въ старомъ Римѣ, переполненномъ жителями, гдѣ собираются римляне. Онѣ были пусты, и даже удивительныя службы страстной недѣли и знаменитое *misereere* и великолѣпная пасхальная обѣдня не собрали и четверти прежняго количества молящихся, и одинокія группы дѣтей, стариковъ и женщинъ терялись между темными колоннами. Люди уходятъ отъ старыхъ пастырей, властителей душъ, отъ прежнихъ учителей жизни.

Свѣтлѣе, просторнѣе и радостнѣе стало въ Римѣ. По иному складывается жизнь и всей Италіи.

14 лѣтъ назадъ, мѣняя деньги въ Ниццѣ, я получилъ за 100 франковъ 107 лиръ; я былъ удивленъ, когда въ этотъ разъ мнѣ предложили за тѣ же 100 фр. только 99 лиръ. Въ мою голову какъ-то не вмѣщалась мысль, что франкъ стоитъ дешевле лиры, и итальянскія государственныя бумаги выше французскихъ. Промышленность Италіи быстро развивается и, по мнѣнію свѣдущихъ людей, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ опережаетъ Францію. Какъ и прежде, яйца составляютъ одинъ изъ главныхъ предметовъ вывоза Италіи, съ которой конкурируетъ въ этомъ отношеніи только Россія—одинъ свѣдущій человекъ увѣрялъ меня, что Италія вывозитъ яицъ даже на большую сумму, чѣмъ Россія—но кромѣ яицъ Италія вывозитъ теперь броненосцы и всякія морскія суда и автомобили, считающіеся въ Европѣ лучшими и получающіе первыя преміи на международныхъ гонкахъ. И, говорятъ, заказы на машины часто минуютъ теперь Францію и направляются въ Италію. Измѣнился и внѣшній престижъ государства, ея международный удѣльный вѣсъ значительно повысился и до извѣстной степени она теперь является яблокомъ раздора, центральнымъ пунктомъ международныхъ дипломатическихъ комбинацій.

Но не этотъ успѣхъ, не это внѣшнее возрожденіе занимаютъ меня, — тамъ внутри самой Италіи, въ нѣдрахъ народной жизни идетъ большая сложная работа освобожденія отъ накопившейся вѣками плѣсени и грязи, — возрожденіе къ новой жизни.

И въ этомъ смыслѣ имѣетъ глубокій интересъ знаменитый процессъ Наази. Онъ преломился въ русской прессѣ въ не совсѣмъ должномъ освѣщеніи. Многие усмотрѣли въ немъ только вскрытіе глубокой общественной язвы, подтачивающей организмъ, именно признаки разложенія Италіи, глубокой порчи нравовъ. Въ дѣйствительности это было симптомомъ именно обновленія и возрожденія Италіи. Я слѣдилъ за этимъ процессомъ и читалъ передовицы газетъ разныхъ направленій и изъ разныхъ центровъ итальянской жизни,—это былъ побѣдный кличъ всего честнаго въ Италіи, безъ различія направленій, всего протестующаго противъ остатковъ стараго режима, всѣхъ привѣтствующихъ оздоровленіе нравовъ. И то, что процессъ могъ состояться и развернуться во всю широту его государственнаго значенія—есть несомнѣнная побѣда, несомнѣнный крупный шагъ впередъ. Крайнія лѣвыя и социалистическія газеты,— и туринская *Stampa*, и римская *Avanti*, и буржуазная миланская газета *Corriere della Sera*, и умѣренная римская *Giornale d'Italia* говорили приблизительно одно и то же: „Намъ не интересно и не важно, какому наказанію подвергнуть

Нази, намъ важно, что преступленіе открыто, глубокіе пороки администраціи отданы на судъ общественнаго мнѣнія и заклеены позоромъ". „Намъ не интересенъ Нази самъ по себѣ, мы боремся не противъ лица, а противъ системы, и мы привѣтствуемъ осужденіе Нази, какъ осужденіе системы".

Это былъ взрывъ всеобщаго негодованія и огромной радости, объединившей всѣхъ, радости за торжество гражданственности. И только. И бунтъ избирателей Нази, этого города южной Италіи, гдѣ хранятся традиціи коморры и копится специфическій мѣстный патриотизмъ,—только подчеркнулъ спеціально значеніе процесса Нази.

И во всемъ этомъ процессѣ мое вниманіе остановила еще одна черта,—единодушіе, общій языкъ, на которомъ говорили социалистическія и несоциалистическія, но независимыя газеты, общій тонъ, возможность котораго я не могу сейчасъ представить себѣ во Франціи. Такое же единодушіе и общій языкъ проявились и въ отношеніи къ памяти д'Амичиса, — и въ оцѣнкѣ его, этого благороднаго человека, заступника за солдатъ, друга дѣтей и народа, официально зарегистрированнаго социалиста, сошлись газеты самыхъ разныхъ направленій. А въ это самое время рядомъ, въ сосѣдней Франціи, шла позорная агитація противъ перенесенія праха Золя въ Пантеонъ, и потоки бѣшеной слюны изливались по адресу Золя на страницахъ націоналистическихъ газетъ.

По всей Италіи идетъ борьба за новое будущее, за освобожденіе и обновленіе ея, за ея возрожденіе,—борьба ежедневная, ни на минуту не затихающая, напряженная и страстная. Не проходитъ дня, чтобы газеты не сообщали о проявленіяхъ антиклерикальнаго движенія въ Италіи,—въ крупныхъ городахъ и маленькихъ общинахъ, на сѣверѣ и югѣ Италіи происходятъ столкновенія. Бываетъ, что мелкіе случаи разрастаются въ событія, даютъ поводъ къ огромнымъ демонстраціямъ, къ обсужденію съ парламентской трибуны, но гораздо важнѣе именно эти ежедневныя коротенькія замѣтки, — объ изнасилованіи монахомъ маленькой дѣвочки, о практикуемыхъ монахами обычаяхъ въ монастырскихъ школахъ для мальчиковъ, о воровствѣ монаха, о поддѣлкѣ клерикалами избирательныхъ бюллетеней въ муниципальной борьбѣ. Кажется, тысячи ревнивыхъ непріязненныхъ глазъ слѣдятъ за каждымъ шагомъ монаха, за тѣмъ, что дѣлаютъ и собираются дѣлать руководители изъ Ватикана. И этотъ клерикальный вопросъ привходитъ сейчасъ во всѣ вопросы итальянской жизни, — и въ обще-

государственную политику, въ вопросъ о народномъ образованіи, въ муниципальную жизнь городовъ.

Быть можетъ, въ нѣкоторой мѣрѣ это ожесточеніе борьбы объясняется новой позиціей католическаго духовенства въ Италіи, — именно тѣмъ, что оно не пожелало долѣе сидѣть дома, оставаться въ положеніи гонимаго узника, перестало ждать, что вотъ придутъ образумившіеся итальянцы и освободятъ его отъ цѣпей, которыя оно само наложило на себя, — и за послѣднія нѣсколько лѣтъ, съ благословенія Ватикана, итальянское духовенство вышло на улицу и со всей силой накопленной энергіи и огромной организованности ринулось во всякую уличную борьбу и въ особенности бьется теперь съ социалистами за обладаніе муниципалитетами.

Когда погружаешься въ провинціальную жизнь, занимающую въ итальянскихъ газетахъ такое огромное мѣсто въ сравненіи съ скуднымъ и нищимъ провинціальнымъ отдѣломъ французскихъ газетъ, чувствуешь, какое широкое и глубокое движеніе въ разныхъ направленіяхъ идетъ въ низахъ Италіи, какая страстная, напряженная ежедневная борьба совершается тамъ. Идетъ огромное движеніе въ сферѣ народнаго образованія, въ сферѣ муниципальной жизни, — противъ старинныхъ родовъ, захватившихъ въ свои руки мѣстную жизнь, желающихъ использовать ее къ своему благополучію, противъ маленькихъ Нази, подкупающихъ и развращающихъ мѣстную жизнь. Идетъ борьба съ глубоко развращенной полиціей, не могущей отказаться отъ старыхъ методовъ произвола и подкупности, неизмѣнно поддерживающей маленькихъ Нази и мѣстныхъ родовыхъ и промышленныхъ магнатовъ и клерикаловъ и, въ тѣсномъ содружествѣ съ маффіей, и коморрой, и воровскими шайками, укрывающей преступленія, фабрикующей съ оружіемъ въ рукахъ муниципальные и парламентскіе выборы. Въ отдѣльныхъ случаяхъ столкновенія съ полиціей и администраціей тоже вырастаютъ до огромныхъ демонстрацій съ кровавымъ финаломъ и до обще-итальянскаго вопроса на парламентской трибунѣ.

Во всю идетъ социальная борьба труда съ капиталомъ... И, можетъ быть, самое крупное измѣненіе въ социальной жизни Италіи, — это выросшая за послѣдніе 15—20 лѣтъ огромная организованность трудящихся классовъ населенія. Газеты полны отчетами о засѣданіяхъ мѣстныхъ социалистическихъ и профессиональныхъ группъ, объ областныхъ и обще-итальянскихъ съѣздахъ представителей трудовыхъ организацій, и уже по тому, какъ подробно, полно и тщательно, — до отдѣльныхъ восклицаній, до передачи даже жестовъ ораторовъ, — реферировуются эти съѣзды, видно, какую

огромную роль они играютъ въ странѣ, и какое значеніе придается имъ прессой.

И еще одно я не могу не отмѣтить въ психологiи современнаго итальянскаго рабочаго движенія—его активность, его напряженность.

Если бы меня спросили, какое слово слышится теперь чаще въ Италіи и звучитъ громче, — я, не колеблясь, скажалъ-бы: „шоперо“ (sciopero—стачка). Стачка стала буднями жизни, ежедневнымъ содержаніемъ газетъ. Стачка оканчивается, стачка разгорается, стачка готовится. Стачка на сѣверѣ, стачка на югѣ, въ Тосканѣ, Пьемонтѣ, въ Генуѣ. Стачки деревенскія, стачки городскія, стачки промышленныхъ рабочихъ, стачки ремесленниковъ. И не столько важны результаты тѣхъ или другихъ стачекъ, сколько та психологiя итальянскаго рабочаго, то настроеніе массъ, которыя вскрываются въ нихъ.

Мнѣ пришлось наблюдать шагъ за шагомъ послѣднюю всеобщую забастовку въ Римѣ. Мотивъ былъ съ нашей обычной русской точки зрѣнія ничтожный, онъ былъ недостаточенъ и съ европейской точки зрѣнія для всеобщей забастовки,—забастовка была, такъ сказать, не научна. Хоронили рабочіе товарища-каменщика, задавленнаго тяжестью на работѣ. Хоронили его скромной процессіей товарищи по ремеслу, и вотъ потому, что полиція не пускала процессію по той улицѣ, по которой хотѣли идти рабочіе, и требовала, чтобы колесница съ мертвымъ тѣломъ свернула въ другую, узенькую улицу, и полицейскіе грубо схватили подъ уздцы лошадей и стали силой сворачивать съ пути,—полетѣли кирпичи въ полицію и каарбинеровъ, а оттуда стали стрѣлять и нѣсколькихъ убили, и многихъ ранили,—объявлена была всеобщая забастовка. Происшествіе случилось днемъ между часомъ и тремя. Въ 6 часовъ назначены были засѣданія отдѣльныхъ районныхъ организацій, въ 8 засѣданіе комитетовъ отдѣльныхъ партій, избранные тамъ представители сошлись въ 11 ночи на обсужденіе общаго вопроса, какъ реагировать на событіе, во второмъ часу ночи вынесено было рѣшеніе объявить всеобщую городскую забастовку съ 6-ти часовъ утра...

Я помню прошлогоднюю забастовку булочниковъ въ Парижѣ, къ которой долго готовились, о которой задолго извѣщалось социалистической газетой, какъ объ огромной забастовкѣ, въ которой всѣ примутъ участіе,—я не помню, какой процентъ булочниковъ принялъ участіе въ забастовкѣ, но бастующихъ оказалось очень мало, и стачка провалилась. Не то было въ Римѣ. Въ тотъ вечеръ я покупалъ всѣ газеты,

выходившія вечерними выпусками, и въ „Jornale d'Italia“ прочиталь сообщеніе въ такомъ смыслѣ: „Мы только что получили точныя свѣдѣнія изъ квестуры и можемъ успокоить публику,— только незначительная часть извозчиковъ приметъ участіе въ забастовкѣ. Трамваи не будутъ ходить по такимъ-то улицамъ, а по такимъ-то будутъ ходить, въ особенности по линіи Транстевере, которая обслуживаетъ, главнымъ образомъ, рабочіе кварталы и нужна имъ самимъ“. Въ 6 часовъ утра, т. е. черезъ четыре съ чѣмъ-то часа послѣ резолюціи, забастовка была осуществлена—не выѣхалъ ни одинъ извозчикъ, ни одинъ трамвай, не вышла ни одна газета, кромѣ „Poppo Romano“, наборщики которой не состояли въ рабочей организаціи. Мы ѣли три дня такъ называемый солдатскій хлѣбъ, т. е. выпеченный солдатами, и я нарочно обходилъ булочныя моего района и нигдѣ не могъ достать обычнаго свѣжаго хлѣба. И маленькая сапожная мастерская на моей улицѣ, гдѣ работали только „хозяинъ“ и „работникъ“, забастовала, и въ полуоткрытыхъ магазинахъ было пусто хозяева больше проводили время на улицѣ подъ своими магазинами, обсуждая въ толпѣ, сколько дней продолжится стачка, чѣмъ въ магазинахъ, въ которые не заглядывалъ покупатель.

Забастовка прошла безъ малѣйшаго осложненія. Я видѣлъ возвращавшуюся съ кладбища, съ похоронъ убитыхъ, толпу въ 30—40 тысячъ человекъ. Съ суровыми напряженными лицами они молча двигались по улицѣ Кавуръ и, видимо, тщательно избѣгали всякихъ столкновеній съ войсками, непрерывной цѣпью растянувшимися по бокамъ улицы и въ выходахъ переулковъ, ведущихъ съ улицы Кавуръ къ Квайроналу. Нельзя не отмѣтить, что, не смотря на телеграмму центрального комитета, руководившаго забастовкой, разосланную всюду и предлагавшую мѣстнымъ рабочимъ организаціи не устраивать забастовокъ, а протестовать по поводу событія другими способами,—нѣкоторые города не подчинились и все же устроили забастовки на одинъ-два дня...

Какъ по мановенію дирижерской палочки, остановилась уличная жизнь, такъ же черезъ три дня она двинулась съ той точки, на которой остановилась. Я не расцѣниваю степень основательности и резонности этой забастовки, но было удивительно то единеніе, та организованность и дисциплина, которыя сказались въ ней. И напряженность настроенія... Теперь въ Италіи идетъ страстная борьба синдикалистовъ съ интегралистами и реформистами. Неаполитанская „La propaganda“ ежедневно обливаетъ помоями парламентскихъ социалистовъ, не проходитъ ни одного рабочаго съѣзда, гдѣ не поднимались бы страстныя обостренныя столкновенія син-

дикалистовъ, и анархо-соціалистовъ, по преимуществу южанъ, съ сѣверными итальянскими соціалистами, — и, тѣмъ не менѣе, манифестъ, выработанный ночью послѣ принятія всеобщей забастовки и расклеенный на другой день по всему Риму, былъ подписанъ соціалистами всѣхъ оттѣнковъ, — и партией мадзинистовъ, и партией республиканцевъ, и партией римской молодежи (я не помню точнаго названія ея) и группой анархистовъ-соціалистовъ.

Повторяю, я не хочу поднимать вопроса о цѣлесообразности и, такъ сказать, правильности этой забастовки. Парламентская соціалистическая фракція была, повидимому, недовольна забастовкой, и въ частныхъ разговорахъ съ свѣдущими людьми и кое-гдѣ въ печати можно было встрѣтить заподозривающее недоумѣніе по поводу воза кирпичей, неожиданно появившагося именно въ моментъ, когда нужно было раздраженной толпѣ дать въ руки то, чѣмъ можно бить полицію и войска. Кое-гдѣ и не во враждебномъ лагерѣ проскальзывало предположеніе о провокаціи со стороны синдикалистовъ и анархистовъ, желавшихъ создать должную обстановку. Съ другой стороны, въ не-соціалистическихъ и въ то же время не французскаго типа итальянскихъ газетахъ, въ родѣ „Messagero“ и „Jornale d'Italia“, приводились резонныя соображенія о томъ, что стачки, настолько частыя и устраиваемыя по такимъ неосновательнымъ поводамъ, не достигаютъ той цѣли, которая имѣется въ виду, — обыватели привыкаютъ къ нимъ, такъ или иначе приспособляются, и въ результатѣ психологическое значеніе такихъ забастовокъ можетъ свестись къ нулю. Мои личные наблюденія скорѣе подтверждаютъ это мнѣніе.

Были напуганы иностранцы, и около 800 иностранцевъ выѣхало въ первый же день; говорятъ, еще большее число изъ-за этой забастовки не пріѣхало въ Римъ, боялись желѣзнодорожной забастовки. Но римскій обыватель, очевидно, особаго безпокойства не испытывалъ, — у дверей магазиновъ и въ уличной толпѣ относительно благодушно обсуждали — три или пять дней продолжится забастовка, и въ той средней обывательской итальянской семьѣ, гдѣ я жилъ, хозяйка дома добродушно извинялась, что молоко я буду получать по-прежнему, а хлѣбъ придется мнѣ ѣсть солдатскій. И я считаю нужнымъ отмѣтить это отношеніе обывательскихъ слоевъ и не соціалистическихъ газетъ къ забастовкѣ, — въ Римѣ совсѣмъ не чувствовалось ни того злобнаго, ни того презрительно-насмѣшливаго тона, который бываетъ въ такихъ случаяхъ во французскихъ буржуазныхъ газетахъ.

Я не знаю и не хочу разбирать, насколько справедливы

предположенія о подкладкѣ забастовки,—меня интересуетъ въ этой римской забастовкѣ ея психологія, то особенное, привходившее въ нее, что отличаетъ итальянское рабочее движеніе отъ остального континентальнаго европейскаго рабочаго движенія.

И когда я читаю сообщенія о стачкахъ въ Италіи вообще, какъ быстро, по всякимъ поводамъ, возникаютъ онѣ, и какъ часто проливается въ нихъ кровь, — предо мной особенно ярко встаетъ специально-итальянскій характеръ тамошняго рабочаго движенія, его темпераментъ, настроеніе, его напряженность и страстность,—и я невольно думаю, ищу причинъ, почему оно такъ сложилось.

Я помню, какъ въ „дни свободъ“, когда послѣ почтово-телеграфной забастовки вспыхнула такая-же въ Парижѣ, — французъ, корреспондентъ одной изъ парижскихъ газетъ, въ кружкѣ русскихъ знакомыхъ предсказывалъ неудачу французской стачки и объяснялъ, что французскіе почтальоны и телеграфисты не смогутъ такъ долго и дружно, какъ русскіе, выдержать, потому что имъ трудно отказаться отъ своихъ установившихся привычекъ, слѣлавшихся жизненной необходимостью,—извѣстнаго комфорта, привычнаго обѣда, стакана абсента, вечера въ кафѣ съ положеннымъ количествомъ краснаго вина или пива, отъ чего легко отказаться русскому почтальону, имѣющему проблематическій обѣдъ и невыработавшему потребностей, отъ которыхъ трудно было-бы отказаться.

Быть можетъ, это правда, и даже болѣе обширная, примѣнимая не къ одной Франціи, быть можетъ, и итальянцы такъ же бѣдны, какъ русскіе, и имъ такъ же легко отказаться отъ того малаго, что они имѣютъ, но дѣло, конечно, не въ этомъ одномъ, и особенности итальянскаго рабочаго движенія нужно искать въ общихъ условіяхъ страны, въ характерѣ народа, въ его исторіи, въ общемъ укладѣ жизни,—въ томъ общемъ и главномъ, что даже однотонную социалистическую схему претворяетъ въ причудливыя, рѣзко индивидуализированныя формы, въ строгомъ соотвѣтствіи съ характеромъ среды, съ условіями страны, въ которой развертывается эта схема.

Дѣло въ особенностяхъ самой Италіи, такъ рѣзко во всѣхъ отношеніяхъ выдѣляющейся изъ остальныхъ европейскихъ государствъ.

И одна изъ характерныхъ особенностей итальянской жизни—огромное мѣсто, которое занимаетъ въ ней деревня и все, что съ деревней связано. Какъ яйца—одинъ изъ главныхъ предметовъ ея вывоза, такъ и деревня играетъ огромную роль во внутренней жизни страны и занимаетъ большое мѣсто

въ литературѣ, на страницахъ итальянскихъ газетъ, на социалистическихъ съѣздахъ. И въ рабочемъ движеніи вообще.

Шоперо звучитъ въ итальянской деревнѣ такъ же непрестанно и быть можетъ, даже настойчивѣе, чѣмъ въ городахъ. Земледѣльческія стачки возникаютъ по всякимъ поводамъ и ведутся съ той же страстностью и единодушіемъ, какъ и въ городахъ. И даже уступки, которыхъ уже много землевладѣльцами сдѣлано, не останавливаютъ аграрнаго движенія и не насыщаютъ мужицкихъ требованій. Черезъ годъ послѣ успѣшной стачки вспыхиваетъ новая, и для посторонняго человѣка, наблюдающаго жизнь изъ газетнаго окна, кажется, что тамъ въ деревенскихъ низахъ Италіи, идетъ непрерывное дрожаніе почвы, вспыхивающей то тутъ, то тамъ языками пламени и потоками лавы.

И то обстоятельство, что аграрное движеніе существуетъ въ такихъ размѣрахъ, и что крестьянское движеніе не ограничено такъ рѣзко, какъ въ другихъ странахъ, отъ чисто пролетарскаго рабочаго движенія, придаетъ совершенно особый характеръ и привноситъ особую силу и въ городское рабочее движеніе.

Германскіе и французскіе социалисты останавливаются съ недоумѣніемъ и вопросомъ передъ деревенской изгородью и должны ломать свои теоретическія построенія и тщетно бьются въ поискахъ должной тактики. Тактика, судя по распространности и интенсивности аграрнаго статистическаго движенія, повидимому, выработана итальянской деревней и согласована съ общимъ итальянскимъ социалистическимъ движеніемъ. Я читалъ необыкновенно трогательное описаніе, какъ принимали деревни знаменитаго, и одного изъ благороднѣйшихъ людей Италіи,—старика-социалиста Косту, и какъ дѣвушки съ цвѣтами встрѣчали его при входѣ въ деревни.

Дѣло не въ однѣхъ стачкахъ, а вообще въ той роли, какую играетъ деревня въ Италіи. И то вниманіе, которое удѣляется итальянской интеллигенціей деревнѣ, дѣло не сегодняшняго дня. Тамъ было своего рода народничество. Я помню свое юношеское удивленіе, тридцать лѣтъ назадъ, когда я читалъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ итальянскіе рассказы Верга и другихъ, такъ гармонировавшіе по тону съ печатавшимися рядомъ рассказами Гл. Успенскаго и Каронина и рѣзко выдѣлявшіеся изъ общаго фона западно-европейской беллетристики, гдѣ встрѣчались только единичные случаи вниманія къ деревнѣ вродѣ „Исторіи одного крестьянина“. И когда я читалъ очерки А. И. Чупрова и слышалъ отъ него самого рассказы объ агрономическихъ просвѣтительныхъ начинаніяхъ Италіи, я невольно прово-

диль непрерывающуюся линію отъ тѣхъ разказовъ Верга къ передвижнымъ сельскохозяйственнымъ академіямъ.

Быть можетъ, эту линію можно продолжить до стѣнъ парламента, и, быть можетъ, не одна государственная необходимость, но и велѣнія справедливости толкаютъ итальянскій парламентъ на путь аграрныхъ реформъ, по которому, повидимому, намѣревается идти онъ.

Почему Италия такъ глубоко демократична и такъ рѣзко выдѣляется своею демократичностью изъ другихъ европейскихъ странъ? Почему монархическая Италия безнадежно равнодушна ко всякимъ суверенамъ, къ которымъ и по сіе время равнодушна республиканская Франція? Почему не аристократична она, какъ глубоко аристократична Англія, и ни въ литературѣ, ни въ жизни итальянскій джокъ не окруженъ и сотою долей того ореола, которымъ окруженъ англійскій лордъ, такъ непреоборимо дѣйствующій на англійскаго купца, на англійскаго клерка?

У итальянскихъ джковъ есть тоже латифундіи не меньшія, чѣмъ у англійскихъ лордовъ, и вотъ—старикъ русскій, больше двадцати лѣтъ прожившій въ Италиі, вращавшійся и между крестьянами и между помѣщиками, рассказывалъ мнѣ, какой удивительный тонъ отношеній существовалъ и существуетъ между помѣщиками и мужиками, и какъ онъ поражался, пока не привыкъ, когда видѣлъ, что входившій въ кабинетъ крупнаго итальянскаго помѣщика его мужикъ-половинщикъ, не дожидаясь приглашенія, бралъ стулъ и садился. Пока не привыкъ и не убѣдился, что это въ правахъ, въ укладѣ жизни, что такъ принято, подразумѣвается само собой.

Эта демократичность чувствуется на каждомъ шагу, она бросается въ глаза даже поверхностному наблюдателю итальянской жизни. Тамъ не чувствуется той разграничительной черты между высшими и низшими, между привилегированными и непривилегированными классами, какая бросается въ глаза не только въ Россіи, но и въ Германіи, Франціи, Англіи. Въ уличной толпѣ, на гуляньи въ Пинчіо, въ театральной публикѣ, въ желѣзнодорожномъ поѣздѣ,—вы не отличите по манерамъ человѣка изъ высшаго общества и средняго сословія и даже ниже средняго сословія, если это различіе не подчеркнута грязными лохмотьями, голоднымъ лицомъ, измученнымъ видомъ. На пріемахъ и празднествахъ, устраивавшихся 14 лѣтъ назадъ въ честь международнаго медицинскаго конгресса,—гдѣ принимали участіе представители двора и аристократіи и римскаго муниципалитета, мнѣ нужно было спрашивать,

чтобы не смѣшать знатнѣйшаго герцога съ членомъ городской управы, вышедшимъ изъ приказчиковъ, и не принять этого приказчика за герцога. А присутствовавшій тогда въ уличной толпѣ портной, у котораго я жилъ, глядѣлъ настоящимъ герцогомъ съ своей великолѣпной сѣдой львиной головой и, какъ герцогъ, приподнималъ шляпу, привѣтствуя проѣзжавшаго короля.

Я не имѣлъ случая болѣе близко присмотрѣться къ представителямъ итальянской аристократіи, но мнѣ пришлось въ тотъ разъ провести вечеръ у моихъ русскихъ знакомыхъ въ обществѣ итальянской графини. И если бы не ея итальянскій языкъ и не ея—говорили мнѣ—характерное римское лицо, и если бы я не зналъ, что она графиня не только по мужу, но и по рожденію, я бы принялъ ее за русскую курсистку, интеллигентную женщину немножко тургеневскаго типа, — такъ просты были ея манеры, такъ по-русски интеллигентна она была. Она играла мнѣ пѣсни безъ словъ Мендельсона и русскіе романсы Глинки и Даргомыжскаго, и я помню, какъ воодушевилась она, когда пожелала просвѣтить меня насчетъ итальянской музыки. И остался у меня въ памяти ея особенный жестъ, которымъ она аргументировала свои мысли именно тогда, когда была взволнована. И помню одинъ возгласъ ея: „niente! niente!“ Черезъ два года я увидѣлъ въ Москвѣ Дузе и пораженъ былъ ея крикомъ „niente, niente!“—и именно въ моментъ высшаго напряжения ея гениальнаго творчества я увидѣлъ тотъ же необыкновенно характерный жестъ руками, котораго кромѣ Италіи не встрѣтишь нигдѣ, — жестъ той итальянской графини—и какъ-то сразу вспомнилъ, что вѣдь это жестъ и моей хозяйки, жены портного, тотъ римскій жестъ, который я видѣлъ на рынкѣ, у прачешнаго бассейна, когда дамы рынка и дамы бассейна разговаривали между собой въ повышенномъ тонѣ.

И въ тотъ, и въ этотъ разъ меня поражало, когда, возвращаясь домой изъ театра, я слышалъ, какъ расходившіеся изъ народныхъ кабачковъ рабочіе пѣли тѣ же аріи и съ той же манерой, которая я только что слышалъ въ театрѣ. И мои знакомые, итальянскіе старожилы, рассказываютъ, какъ просто итальянскіе поленщики, эти прирожденные артисты камня, становятся скульпторами, и какъ быстро и легко приказчики изъ лавокъ и носильщики дѣлаются знаменитыми пѣвцами съ благородными оперными манерами, и какъ безъ театральныхъ школъ итальянки дѣлаются великими драматическими актрисами... Итальянское искусство и по сіе время глубоко народно, и итальянская музыка есть непрерывающаяся традиція народной пѣсни, какъ и русская му-

зыка, — и въ этомъ смыслѣ поражаетъ своею особенной свѣжестью.

И вся итальянская жизнь запечатлѣна этой необыкновенной демократичностью. Мы всё знаемъ укладъ жизни германскаго, англійскаго и французскаго студенчества... Для того, чтобы только сдать выпускные экзамены во французскомъ университетѣ, нужно заплатить такую сумму, которая совершенно недоступна людямъ съ малыми средствами, — и въ меню французскаго студента, между другими обязательными блюдами, входитъ и гризетка съ потребными на нее расходами. Я пораженъ былъ, когда узналъ въ этотъ разъ бюджетъ итальянскаго студенчества, когда узналъ, что 50 лиръ (около 20 руб.) есть идеаль неаполитанскаго студенчества, что у него тотъ-же русскій нищій студенческій бюджетъ. Въ ихъ меню не значится гризетка, нѣтъ гонокъ и всего режима студенчества Оксфорда и Кембриджа, нѣтъ неизмѣнныхъ блюдъ германскаго корпоративнаго студенчества.

А между тѣмъ, кажется, нигдѣ нѣтъ столько аристократіи, сколько въ Италіи. Кажется, совсѣмъ нѣтъ просто дворянъ — все графы, маркизы, принципе. Папскій Римъ и неаполитанскіе Бурбоны создали огромное количество новыхъ дюковъ и графовъ изъ предводителей разбойничьихъ шаекъ, изъ пиратовъ, которые переходили къ нимъ на службу, но они давно слились съ старымъ ядромъ древней итальянской патриціанской знати. Древней знати... Въ Европѣ нигдѣ нѣтъ такой древней аристократіи, восходящей своими корнями къ античнымъ временамъ языческаго Рима. Въ блескъ мірового могущества и высшей культуры стояли предки теперешнихъ принципе, когда предки теперешнихъ лордовъ и родоначальники существующихъ европейскихъ королевскихъ домовъ были еще плохо обставлены насчетъ нижняго бѣлья и за малограмотностью ставили крестъ или прикладывали перстень къ своимъ королевскимъ мандатамъ.

И въ этомъ тоже особенность этой особенной, неправильной страны Италіи — не такъ, какъ во Франціи, Германіи и Англіи пошла жизнь итальянской аристократіи. Они какъ птицы небесныя, что ни сѣютъ, ни жнутъ и не собираютъ въ житницы и, какъ птицы, погибаютъ, лишеныя старыхъ привычныхъ кормовъ. Тѣ птицы, англійскія, французскія, нѣмецкія, тоже не сѣютъ — не жнутъ, но въ житницы собираютъ, онѣ тоже, повидимому, обречены на вымирание, но болѣе цѣлко держатся за свою жизнь, за свою государственную позицію, за свою житницу, — онѣ какъ-то приспособ-

соблюются къ новымъ условіямъ, разыскиваютъ новыя корма. Бѣдные, жалкіе, обреченные люди, — итальянскіе дворяне немощно стоятъ предъ лицомъ новой жизни, какъ ихъ русскіе менѣе древніе братья, такіе же обреченные, очутившіеся, какъ рыбы на берегу, послѣ отгнѣны крѣпостного права, такъ же не приспособившіеся къ жизни, такъ же беспомощно стоящіе предъ лицомъ этихъ новыхъ условій жизни. И такъ же жалко смѣшны они въ своемъ дворянствѣ. Итальянскій принципѣ будетъ питаться однѣми макаронами, какъ его слуга, у него не будетъ пары лиръ на дрова для камина, онъ будетъ жить въ сыромъ и холодномъ дворцѣ, но у него есть пара лошадей съ безукоризненно корректнымъ кучеромъ или автомобиль, и онъ съ силой отчаянія будетъ держаться за него. Это его визитная карточка, это его патентъ на принадлежность къ „нашему кругу“, это послѣднее, съ чѣмъ онъ разстанется, и, когда онъ съ этимъ разстанется, приходитъ конецъ его. Тогда онъ становится declassé, дѣлается маленькимъ чиновникомъ, идетъ въ услуженіе, или покидаетъ свою родину...

Или „выходить замужъ“ за американскую дѣвицу... И послѣ яицъ и автомобилей дюки — значительная статья итальянскаго вывоза. Ихъ подбираютъ парижскія кокетки, желающія увѣнчать свою карьеру короною маркизы; изрѣдка покупаютъ ихъ русскія барыни, — подержанный дюкъ не дорого стоитъ — и я знаю не одинъ случай, когда русскія помѣщицы съ Волги и изъ степей вывозили себѣ дюковъ съ семизатжными фамиліями; но главный рынокъ для итальянскихъ дюковъ, какъ для англійскихъ лордовъ, венгерскихъ графовъ и французскихъ герцоговъ — Америка. Та американская дѣвица, которая, по безсмертному выраженію Гл. Успенскаго, „сама играетъ“, получила теперь вкусъ къ аристократической коронѣ, и изъ всѣхъ коронъ, которыя бѣгутъ къ ней, она выбираетъ по преимуществу итальянскую. Англійскій лордъ слишкомъ дорого стоитъ, и онъ тяжелый, громоздкій, трудно гнуційся; венгерскій графъ только что входитъ въ моду, и онъ слишкомъ экзотиченъ и немножко дикій; великолѣпенъ французскій герцогъ, но трудно на него положиться, и пока что американская дѣвица, какъ практичная дочь своей родины, останавливается на итальянскомъ принципѣ. Онъ подешевле, и онъ гибкій, эластичный, покладистый, и у него черные огненные глаза и фамилія, въ которой значатся папы, коронованныя особы. Это звучитъ гордо, въ этомъ есть даже, выражаясь современнымъ языкомъ, нѣчто мистическое...

Мнѣ пришлось быть невольнымъ свидѣтелемъ кушпи — продажи. Я пришелъ въ гости въ Римѣ къ моему русскому знакомому. Еще поднимаясь по лѣстницѣ, я услышалъ громкій итальянскій разговоръ и взрывы хохота. На верхней площадкѣ передней русская няня, бойкая тверская дѣвушка, не забывшая „ушедши“ и „пришедши“ и свободно балакавшая на итальянскихъ языкахъ, вела оживленную бесѣду съ огромнымъ толстымъ монахомъ.

Вышедшій хозяинъ познакомилъ меня съ оборотистою любезнымъ и необыкновенно подвижнымъ католическимъ аббатомъ и послѣ его ухода объяснилъ:

— Мы познакомились въ Неаполѣ. Это аббатъ изъ Америки.—Онъ называетъ штатъ.—Веселый человѣкъ!..

Дѣло было на Пасхѣ, и я спросилъ:

— Значитъ, пріѣхалъ Пасху встрѣтить въ Римѣ и представится папѣ?

— Да, конечно.—Мой знакомый улыбнулся.—Да, конечно... Но онъ американецъ, и у него дѣло есть. Невѣсту привезъ изъ Америки, доку одному неаполитанскому. У дюка я и познакомился съ нимъ...

И объясняетъ.

...Есть неаполитанскій дюкъ съ гордой фамиліей, настолько гордой, что нужны большія средства, чтобы поддержать честь фамиліи! Онъ поддерживалъ эту честь, на это ушли его средства. Онъ уже былъ женатъ на американской дѣвицѣ, но жена его умерла, и въ поддержкѣ чести фамиліи какъ-то расплылись тѣ нѣсколько сотъ тысячъ долларовъ, которые получилъ онъ въ приданое. Дюкъ поддержанный, ему подѣ пятьдесятъ, но еще молодчина. И вотъ они списались съ аббатомъ, который чуть ли не устраивалъ ему и первую женитьбу, и аббатъ привезъ ему изъ Америки невѣсту.

Черезъ нѣсколько дней произошли смотрины въ присутствіи моей знакомой, русской дамы. Они встрѣтились „случайно“ на гуляньи, на улицахъ Рима. Аббатъ познакомилъ ихъ и послѣ короткаго обмѣна привѣтствіемъ взялъ дюка подѣ руку и нѣсколько отсталъ отъ компаніи; у дюка былъ удрученный видъ. Невѣста оказалась на возрастѣ и тоже подержанной, но аббатъ весело и энергично подбадривалъ:

— Неправда ли, она очень интересна? По-американски она красива... Имѣла успѣхъ...

Дюкъ мычалъ что-то неопредѣленное, что въ переводѣ на русскій языкъ приблизительно значило:

— Д-д-да...—Но скоро подбодрился и болѣе увѣренно сказалъ:—Да!

Насколько мнѣ извѣстно, сдѣлка состоялась. Дѣло шло о полть-милліонѣ — и черезъ двѣ недѣли послѣ моего отъѣзда должна была состояться свадьба. По крайней мѣрѣ, по словамъ моего знакомаго, почтенный аббатъ, отдававшій мало времени Ватикану и все время не выходявшій изъ гостинныхъ итальянскихъ графовъ и маркизовъ, собирався уважать въ Америку, — быть можетъ, для того, чтобы разыскивать новыхъ американскихъ дѣвицъ для итальянскихъ дюковъ.

Старое уходитъ. Разрушаются старыя зданія, уходятъ со сцены принчипе. Идетъ новое...

Я былъ въ глубинѣ Италіи. Мы долго ѣхали вдоль низкихъ и плоскихъ береговъ Тибра, широкой долиной римской Кампаньи. Меньше овецъ, больше полей, но тотъ же старый видъ и то же старое безлюдье. Вотъ заводъ, огромнымъ кирпичнымъ квадратомъ раскинувшійся на берегу рѣки, по сторонамъ гремящаго горнаго ручья, — новенькій, съ неуслѣвшими закоптиться красными кирпичами стѣнъ и трубъ, а дальше средь полей крестьянское жилище, одинокій старый домъ, тяжелый, мрачный и кособокій, съ подслѣповатыми оконцами, съ новыми заплатами на старомъ грязномъ тѣлѣ, — сиротливый и неуютный, и — мнѣ почему-то кажется, — такой холодный-холодный домъ. И опять безлюдье, странное, удивительное въ этой странѣ тысячелѣтней культуры, въ странѣ переполненной людьми, которые разбѣгаются по всѣмъ сторонамъ въ поискахъ труда, не холоднаго жилища, которые ищутъ себѣ полей и долинъ въ далекой Америкѣ... Люди еще тамъ, на высокихъ холмахъ, надъ долиной, все сидятъ подъ тѣнью старыхъ замковъ и сторожевыхъ башенъ, въ покрытыхъ мохомъ старыхъ угрюмыхъ домахъ, — тѣсно сгрудившіеся, прижавшіеся другъ къ другу, какъ овцы въ грозу. И кажется, что они еще боятся спуститься съ горъ въ широкую долину, что они не хотятъ, — имъ непривычно, — строить новыя, веселыя и свѣтлыя жилища, какъ радостныя коттеджи въ англійскихъ поляхъ, смѣющіяся фермы Франціи..

Замки и башни, башни и замки... Голые, покинутыя, съ пустыми окнами, что смотрять, какъ дыры на мертвомъ черепѣ. Случается — осталась только одна башня. Все кругомъ исчезло, — стѣны и бойницы и рвы, и стоитъ она на бугрѣ, окруженная до ея подножія вспаханнныя полями, полуразвалившаяся, неизвѣстно зачѣмъ существующая, — стоитъ одинокая и такая странная въ безлюдьи равнинъ, какъ одинокій стихъ потерянной поэмы, какъ послѣдній грозящій жестъ уходящей бранной рати...

Ушли оттуда люди и аллебарды, копья и щиты, луки и отравленные кинжалы, и остались только видѣнія, что бродятъ въ лунныя ночи между сѣдыми камнями, да старыя легенды, какъ темныя іероглифы, какъ полустертыя надписи, начертанныя неизвѣстной рукой на старыхъ камняхъ...

..... „Здѣсь жила принчихесса Сфорцо, это ея замокъ... И все кругомъ ей принадлежало“.

Сторожъ съ сѣдыми усами широкимъ жестомъ указываетъ на огромную равнину, разстилающуюся передъ нами подъ высокой горой, на вершинѣ которой стоимъ мы въ воротахъ замка. Мы поднимаемся по крутымъ, узкимъ и темнымъ, извѣденнымъ временемъ каменнымъ ступенямъ въ холодныя и пустыя залы, изъ которыхъ жизнь ушла. Этажъ за этажомъ, мимо массивныхъ дверей съ тяжелыми, огромными желѣзными засовами заходимъ мы въ залъ, гдѣ судили старыя Сфорцы, и въ залъ, гдѣ пировали они, и въ залъ, гдѣ возлежали они. И когда сторожъ съ усиліемъ отодвигаетъ тяжелый желѣзный засовъ и отворяетъ дверь, гулъ идетъ по старому замку, и пыль встаетъ съ каменныхъ половъ.

Я заглядываю въ тѣсную и узкую темную комнату безъ оконъ и вижу короткую ржавую цѣпь, ввинченную въ каменный полъ, трогаю ее ногой, отъ чего она шуршитъ ржавымъ, противнымъ звукомъ, и спрашиваю стараго сторожа— что это? Онъ тоже дотрогивается ногой до цѣпи и медленно говоритъ:

— Къ ней принчихесса Сфорца кардинала приковала...

Онъ нѣкоторое время молчитъ и потомъ продолжаетъ,— и, кажется, медленно и трудно встаютъ у него воспоминанія.

— ...За то, что любить ее не хотѣлъ... Давно это было. Была принчихесса у папы и увидѣла тамъ молодого кардинала, который красивъ былъ, какъ ангелъ, и пригласила его къ себѣ въ замокъ. И вотъ онъ пріѣхалъ, и ужинали они, и послѣ ужина предложила она ему любовь свою... Но онъ былъ не какъ другіе кардиналы тогда, — онъ не хотѣлъ женской любви и отказался дѣлить любовь...

Къ этой цѣпи принчихесса Сфорца и приковала кардинала, здѣсь и умеръ онъ,—принчихесса не давала ему ѣсть...

Старый сторожъ показываетъ мнѣ спальню принчихессы и задѣланную кирпичами маленькую дверь изъ нея и говоритъ:

— Вотъ отсюда черезъ корридоръ бѣжали они, молодые люди... Онъ молчитъ и снова продолжаетъ:

— Принчихесса много любила, принчихесса любила любовь... Она разыскивала въ окрестностяхъ самыхъ красивыхъ юношей, и каждую ночь у ней былъ юноша. И, когда ночь проходила, она говорила юношѣ: „бѣги, бѣги, чтобы тебя

не увидѣли!“ Вотъ въ эту дверь бѣжали они по узкому темному тайному корридору, а корридоръ оканчивался отверстіемъ въ бездонный колодець. Туда падали они и тамъ погибали, и никто не слышалъ криковъ ихъ...

Мы выходимъ на дворъ, на выложенный старыми камнями дворъ замка. Сторожъ ведетъ меня въ уголь стѣны и указываетъ мнѣ пятно болѣе новыхъ камней и говорить:

— Вотъ здѣсь начинался подземный ходъ... Когда жители окрестностей начинали волноваться, потому что уходили въ замокъ и не возвращались оттуда самые красивые юноши страны,—принчипесса Сфорца спускалась сюда,—былъ ходъ прямо изъ замка,—и подземнымъ ходомъ переходила вотъ туда... Онъ указываетъ на виднѣющійся вдали на холмѣ горюдокъ и прибавляетъ:

— Тамъ тоже у ней былъ замокъ

Я долго стоялъ у воротъ замка и все смотрѣлъ на разстилавшуюся предо мной вплоть до вырисовывавшихся на горизонтѣ горы Апенинскаго хребта, волнующуюся зеленую равнину Умбріи съ бѣлой лентой дорогъ, съ зелеными пятнами весеннихъ хлѣбовъ, между которыми, какъ змѣя, вилась рѣка отъ тѣхъ туманныхъ горъ.

И все, что кругомъ,—лежитъ предо мной, какъ страница раскрытой книги, большой древней итальянской книги. И не нужно мнѣ стараго сторожа и моего спутника, чтобы прочесть письма въ старой книгѣ. Вотъ тутъ рядомъ рѣка разорвала горный кряжъ и, какъ сердитый Терекъ, зеленая съ бѣлой пѣной прыгаетъ по камнямъ въ дикомъ лѣсистомъ ущельи, чтобы разлиться на поляхъ широкой римской Кампаньи мутно-желтымъ Тибромъ въ плоскихъ берегахъ. То были ворота изъ Умбріи въ римскую Кампанью, и на высокомъ утесѣ, у воротъ, какъ коршунъ, сидѣлъ старый замокъ и зоркими глазами смотрѣлъ, кто идетъ и кто ѣдетъ, и отпиралъ и запиралъ ворота. А подъ его крыльями пріютились, какъ старья гнѣзда, пять монастырей по уступамъ горы, въ чащѣ лѣса дикаго ущелья...

Давно глубокимъ сномъ спитъ принчипесса Сфорца, усталая отъ многой любви, и давно ушла изъ замка та старая жизнь. Много жильцовъ перемѣнилось въ замкѣ; былъ онъ итальянской крѣпостью, былъ онъ государственной тюрьмой, а теперь сторожъ—единственный житель его, и старый замокъ продается за исчезновеніемъ смысла жизни его. Ушли темные жители изъ темныхъ рассыпающихся зданій старыхъ монастырей, и мой спутникъ рассказываетъ мнѣ ихъ судьбу,—одинъ монастырь купилъ русскій художникъ, другой сдается, какъ дача, желающимъ, два совсѣмъ необитаемы, и только

одинъ подъ нашими ногами съ яркими крышами новыхъ построекъ, ожилъ новой жизнью,—тамъ поселился монашескій орденъ, изгнанный изъ Франціи. Давно свиснутъ желѣзно-дорожные поѣзда въ угрюмомъ лѣсистомъ ущельи, и только двѣ великолѣпныхъ арки уцѣлѣли отъ того грандіознаго моста императора Августа, который былъ построенъ надъ рѣкой въ воротахъ ущелья. А по склону горы отъ стараго замка къ мосту Августа тянется городокъ,—маленькій городокъ. Тоже какъ страница книги, старая, пожелтѣвшая страница съ причудливыми заставками, съ замысловатыми миниатюрами, напечатанная стариннымъ, давно вышедшимъ изъ употребленія шрифтомъ.

Все камни и камни, старые, потемнѣвшіе, покрытые разноцвѣтными лишаями, пучки зеленой травы и какіе то цвѣточки лѣзутъ изъ расщелинъ старыхъ камней, и все это прилипшее къ скалѣ, какъ птичья гнѣзда, и не всегда разберешь, гдѣ кончается камень скалы и начинается человѣческое жилье. И такъ странно-ярко и неожиданно блещутъ на солнцѣ красные апельсины и мандарины между темными камнями, лиловыя кисти глициніи и бѣлый плащъ черешни, повисшей на краю утеса. Дома прилипли другъ къ другу, и верхніе этажи соединены арками, чтобы поддерживать другъ друга, чтобы вмѣстѣ дрожать, когда затрясется гнѣвая итальянская земля. А подъ арками вьются темныя узкія улочки,—улицы-лѣстницы. И поднимаются по улицамъ-лѣстницамъ отъ городского ключа, тамъ внизу у городскихъ воротъ, что когда-то запирались тяжелыми желѣзными засовами и огромными гремящими замками,—женщины, и кажется, сошли онѣ съ старыхъ картинъ, съ тѣхъ средневѣковыхъ миниатюръ. У нихъ тяжелыя кувшины съ водой на головахъ, онѣ медленно поднимаются все выше и выше, и вяжутъ на ходу чулки, и ведутъ оживленную бесѣду и, такъ какъ на головахъ ихъ тяжелыя кувшины,—пламенной мимикой лица замѣняютъ необходимые пламенные итальянскіе жесты. А за ними снизу поднимается маленькій осликъ съ вязанками дровъ по бокамъ и тяжелый мулъ съ огромной кладью мѣшковъ на спинѣ.

И казалось, все осталось по старому на кривыхъ и узкихъ улочкахъ городка, съ давнихъ поръ, когда ходила по улицамъ и вглядывалась въ лица юношей итальянская Тамара, и съ гораздо болѣе давнихъ поръ, когда ребенкомъ играть на камняхъ этихъ улицъ императоръ Нерва, здѣсь родившійся, чьимъ именемъ и теперь называется главная улица, когда заходилъ въ городокъ императоръ Августъ съ своими легіонами. Остались камни и дома, только та жизнь ушла,

и новая жизнь вошла подъ темныя арки, въ покрытыя лишаями и сѣдымъ мохомъ стѣны старыхъ домовъ.

Наше появленіе вызвало волненіе въ городкѣ. Въ Бедкерѣ ничего не сказано о городкѣ, бедкеревскіе иностранцы не знаютъ о его существованіи и не посѣщаютъ его, — и потому мой спутникъ, имѣющій большія и давнія связи съ жителями, цѣлую зиму не былъ тамъ. Выбѣгаютъ люди изъ домовъ, изъ лавокъ, горячо жмутъ руку моему спутнику и долго не выпускаютъ ее изъ своихъ рукъ. Старые люди обнимаются съ нимъ и цѣлуются, и такъ сердечно и любовно звучатъ перекрестныя фразы:

— Come state? Come sta vostra famiglia?

Старый, худой лѣсной объѣздчикъ, и слесарь, и владѣлецъ скобяной лавки, и лудильщикъ, и шорникъ, и чиновникъ изъ муниципалитета... Все превосходные синьеры съ красивыми важными лицами, съ твердыми подбородками и чудесными усами, въ котелкахъ и широкополыхъ шляпахъ, въ пиджакахъ, — одинъ въ удивительной разлетающійся, въ какихъ любили ходить до „дней свободы“ въ захолустныхъ городахъ, въ родѣ г. Уфы, — люди свободаго образа мыслей. Отворяется дверь балкона стараго дома, и толстая краснощекая женщина, городская акушерка, привѣтствуетъ насъ.

— Come state? Come sta?... — А изъ-за спины ея посылаетъ намъ привѣтственные жесты мужъ ея, столяръ.

Мы быстро узнаемъ городскія новости, все, что случилось за зиму. Лѣсной объѣздчикъ болѣлъ тифомъ, и одно время *le dottore* совсѣмъ было отчаялся; у владѣльца скобяной лавки умерла *picola Laura*, — помните, *signore*, какая она была милая? — въ сосѣднюю общину пріѣхалъ новый священникъ, молодой, а въ городокъ пріѣзжалъ зимой французъ, собирается купить одинъ изъ брошенныхъ монастырей, — и мнѣніе жителей городка раздѣлилось: одни говорятъ, дачу себѣ строить хочеть, а большинство склоняется, что для монашескаго ордена, который надоѣлъ французамъ... Мы привѣтствуемъ лѣсного объѣздчика, горюемъ по маленькой Лаурѣ и склоняемся къ мнѣнію, что французъ — подставное лицо и хлопочеть для монаховъ.

Тихо, пріятно на улицахъ городка. Нѣтъ извозчиковъ, нѣтъ экипажей. Ни одна фабричная труба не дымится надъ городкомъ. И весь онъ — какъ русскій уѣздный, скорѣе заштатный городокъ, раскинувшійся среди полей, чтобы удовлетворять деревенскія нужды полей. Мужичкій городокъ... И магазины мужичкіе, — скобяные, шорные; только мужичкія шляпы въ окнахъ магазиновъ, только деревенская „сурьез-

ная“ обувь,—одного дегтя не хватает. И нѣтъ отелей; единственная гостинница—настоящій „постояльнй дворъ съ номерами“, гдѣ ночуютъ задержавшіеся по дѣламъ деревенскіе люди, и въ общемъ залѣ по праздникамъ показываютъ свой форсъ молодые крестьянскіе парни. И такъ какъ мы пріѣхали не въ праздникъ и не въ базарный день, то на улицахъ было совсѣмъ тихо и безлюдно. Лавки были открыты, но тамъ не было не только покупателей, но и хозяевъ,—они были въ кафѣ, въ самомъ шикарномъ кафѣ городка, — тамъ, на городской площади, у фонтана.

Тамъ всѣ нотабли города—и лавочники, и сборщикъ податей, и помѣщикъ изъ уѣзда, и муниципалитетъ, и даже адвокатъ изъ Рима, съ портфелемъ и серьезнымъ адвокатскимъ лицомъ,—единственный пассажиръ, слѣзшій съ нами изъ поѣзда на маленькой желѣзнодорожной станціи городка. Они играютъ въ кости, курятъ свои длинныя, крѣпко-пахнуція итальянскія сигары, пьютъ кофе, потягиваютъ превосходное красное вино изъ превосходныхъ фіаско.

— *Buono giorno! Come State? Come Sta?*

Насъ снова шумно привѣтствуютъ. Первымъ подходитъ къ моему спутнику и долго обнимается съ нимъ синьоръ, которому 104 года и котораго только два года назадъ сынъ отстранилъ отъ лавки. Снова крѣпкія пожатія рукъ и ласковыя, сердечныя привѣтствія...

— Все социалисты...—говоритъ мнѣ мой спутникъ о людяхъ, которые подходятъ къ нему на улицѣ здороваться. И на мой недоумѣвающий вопросъ отвѣчаетъ:

— Ну, вотъ лудильщикъ правительственной партіи, пожалуй—лѣсной объѣзчикъ.. Чиновникъ? Онъ самый ярый социалистъ и есть. Клерикалы?

Онъ задумывается надъ моимъ вопросомъ и говоритъ:

— Кто же? Вотъ акушерка клерикалка... А то все социалисты...

Мой спутникъ—почтенный русскій человекъ, давно осѣвшій въ Италіи, человекъ стараго воспитанія, стараго русскаго строгаго уклада жизни. Его огорчаетъ, что итальянскіе люди уходятъ отъ вѣры.

— Старики изъ деревень еще держатся, въ церкви ходятъ, исповѣдуются, а молодежь ушла...—говоритъ онъ мнѣ.—Трудно теперь здѣсь ихнимъ священникамъ, особенно молодымъ... Въ сто глазъ смотрятъ, какъ живетъ, что дѣлаетъ, что ѣсть, какъ спитъ... А не приведи Богъ—съ женщиной подольше поговорить,—не старая если,—сейчасъ слухъ пойдетъ, разговоры нехорошіе...

— И весь муниципалитетъ изъ социалистовъ, и синдикъ ихъ, городской голова, тоже социалистъ — маляръ онъ. Я

не говорю,—продолжалъ онъ,—налоговъ съ бѣдноты убавили, объ школахъ заботятся, почище стало, а только вотъ что не хорошо по моему: кромѣ социалистовъ никто здѣсь работу не найдетъ. Мостовыя, напримѣръ, или другія городскія работы, службу разную,—только своимъ социалистамъ отдають.

Мы зашли въ городскую Думу,—мнѣ хотѣлось познакомиться съ синдикомъ-социалистомъ. Это была удивительная для городка Дума... Древній-древній домъ, внутри великолѣпный дворъ съ колоннами, а во второмъ этажѣ чудесная огромная зала съ фресками, превосходной картиной Гирляндайо, закрывавшей одну изъ стѣнъ,—и у меня невольно вырвалось восклицаніе:

— Да вѣдь это дворець! Замокъ!

— Да, дворець...—подтверждаетъ мой спутникъ и называетъ маркизскую двойную фамилію, одну изъ древнѣйшихъ и уважаемыхъ римскихъ патриціанскихъ фамилій, болѣе древнюю, чѣмъ Сфорца.

— Что же, они вымерли?—спрашиваю я.

— Нѣтъ, маркизъ живъ. Лавочка у него въ Римѣ, табачная,—недалеко отъ моей квартиры. Торгуютъ тамъ съ женой...

— И больше у нихъ ничего?

— Больше ничего.

Къ сожалѣнію, мы не застали синдика,—такъ мнѣ и не удалось познакомиться съ маляромъ-социалистомъ, поселившимся въ замкѣ древнихъ римскихъ патриціевъ.

Мы обѣдали въ темной низкой залѣ постоялаго двора съ номерами, и мой спутникъ говорилъ все о томъ же, на чемъ, очевидно, давно остановилось его вниманіе, что въ меньшей мѣрѣ занимаетъ и меня.

— Вы удивляетесь, какимъ образомъ лавочники и чиновники-социалисты? Вы вотъ чему подивитесь—женщины становятся социалистками! Итальянскія женщины... И какія женщины? И онъ рассказываетъ мнѣ.

...Есть дама въ городкѣ, самая уважаемая дама... Воспитывалась въ домѣ маркизы, какъ приемная дочь, французскій языкъ знаетъ, манеры, нѣкоторое образованіе получила,—и вотъ самая главная социалистка! Заработокъ мужа маленькій, она работаетъ, не покладая рукъ, какъ вообще итальянскія жены. Всякую работу... Стираетъ бѣлье, гладитъ, кружева чиститъ... А когда узнаетъ, что какая-нибудь мать въ городѣ заболѣла и лежитъ,—бросаетъ свою работу, идетъ туда и топить печку, и стряпаетъ, и дѣтей убираетъ... И не только уважають ее во всемъ городкѣ, но и любятъ ее, какъ никого. И самая ярая социалистка и дру-

тихъ женщинъ убѣждаетъ. И сына-подростка тоже воспитываетъ въ этомъ духѣ.

...И не только въ городкѣ уважають, здѣшніе... Два брата у ней, монахи, одинъ еще профессоръ богословія,—мой спутникъ называетъ университетъ.—Страшные друзья съ ней, любятъ ее, почитаютъ. Положимъ профессоръ богословія модернистъ, и были уже слухи въ Римѣ, что папа скоро запретить ему лекціи...

Виситъ надъ обрывомъ старый постоялый дворъ, и огромный несравненный видъ на старую Умбрию открывается изъ него. Мой спутникъ тоже смотритъ туда, на широкую волнистую равнину, и говоритъ мнѣ, какъ много измѣнилось въ долинахъ и горахъ Умбріи съ тѣхъ поръ, какъ двадцать лѣтъ назадъ онъ въ первый разъ пріѣхалъ провести лѣтніе мѣсяцы въ этомъ городкѣ съ чудеснымъ воздухомъ и несравненной красотой видовъ; какъ полны были тогда церкви молящимися, какъ чужды были идеи этимъ женщинамъ, столѣтія носившимъ на головахъ кувшины съ водой и знавшимъ только чулокъ и семью, какъ патриархально непоколебимы были древнія средневѣковыя отношенія крестьянъ-половинщиковъ съ помѣщиками, въ чьихъ избахъ жили изъ поколѣнія въ поколѣніе крестьянскія семьи, какъ тихо, устойчиво и безшумно складывалась тогда жизнь, и какъ теперь „шоперо“, одни шоперо опредѣляютъ людскія отношенія. Мнѣ казалось и теперь тихо въ городкѣ, и я невольно спросилъ:

— Неужели и здѣсь шоперо?

— Постоянно... Вотъ въ прошломъ году, при мнѣ, выгнали крестьяне своихъ быковъ на дорожку лѣсную, помните проѣзжали—вьется по горѣ? Вверхъ—скала, внизъ—пропасть... Быки барскіе, а приплодъ, какъ все у половинщиковъ, пополамъ—и оставили... Быки ревутъ, ни питья, ни корму, и никуда податься нельзя... Ну, съѣхалась полиція, карабинеры,—что они могутъ сдѣлать? Ревутъ быки... Уступили помѣщики.

— И чѣмъ все это кончится?—раздумчиво говоритъ мой спутникъ. Помѣщики сказывали мнѣ, что имъ дальше и уступать нельзя,—нечѣмъ жить будетъ. А гсчорятъ, и въ нынѣшнемъ году готовится шоперо...

С. Ематьевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Дореформенный институтъ и преобразование К. Д. Ушинскаго.

(Изъ личныхъ воспоминаній.)

I.

Александровская половина Смольнаго.—Приемъ «новенькихъ».—Начальница Леонтьева *)—Жизнь воспитанницъ.—Ратманова.—Бѣгство Голембювской.

Институтъ въ прежнее время игралъ весьма важную роль въ жизни нашего общества. Институтки въ качествѣ воспитательницъ и учительницъ, какъ своихъ, такъ и чужихъ дѣтей, очень долго имѣли чрезвычайно большое вліяніе на умственное и нравственное развитіе цѣлаго ряда поколѣній. Однако, несмотря на огромное значеніе института, его правдивое изображеніе долго было немислимо. Въ прежнее время въ печати можно было говорить либо только о внѣшней сторонѣ жизни въ институтѣ, либо восхвалять воспитаніе въ немъ. Это тѣмъ болѣе странно, что цензура уже давно начала довольно снисходительно относиться къ статьямъ, указывающимъ недостатки учебныхъ заведеній другихъ вѣдомствъ. Но лишь только касались закрытыхъ женскихъ учебныхъ заведеній, и въ нихъ указывались какія-нибудь несовершенства, такія статьи пропускали только въ томъ случаѣ, когда выраженія: «классныя дамы», «начальница», «инспектриса», «институтка» были замѣнены словами: «гувернантки», «мадамъ», «пансіонъ», «пансіонерка» и т. п.

Въ этомъ очеркѣ я говорю исключительно о Смольномъ, этомъ древнѣйшемъ и самомъ огромномъ изъ всѣхъ подобныхъ образовательныхъ учреждений. Онъ долго служилъ образцомъ для устройства не только остальныхъ институтовъ, но и многихъ пансіоновъ и различныхъ женскихъ учебныхъ заведеній. Мнѣ кажется, небезынтересно познакомиться съ результатами воспитанія въ

*) Воспитанницы института и весь женскій персоналъ, служившій въ немъ, кромѣ главной начальницы, названы вымышленными фамиліями.

Смольномъ, въ основу принциповъ котораго его основателями (Екатериною II и Беццимъ) были положены передовыя идеи Западной Европы.

Въ числѣ способовъ обученія уставъ этого воспитательнаго средне-учебнаго заведенія требуетъ «паче всего возбуждать въ воспитываемыхъ охоту къ чтенію книгъ, какъ для собственнаго увеселенія, такъ и для происходящей отъ того пользы». Онъ вмѣняетъ въ обязанность «вперять въ нихъ (дѣтей) охоту къ чтенію» и ставитъ непрѣмнымъ условіемъ имѣть въ заведеніи библиотеку. Кромѣ того, уставъ возлагаетъ на воспитателей обязанность «возбуждать въ дѣтяхъ охоту къ трудолюбію, дабы они страшились праздности, какъ источника всякаго зла и заблужденія». Онъ указываетъ на необходимость научить дѣтей «соболѣзованію о бѣдныхъ, несчастливыхъ и отвращенію отъ всякихъ продержостей». Мало того, для сохраненія здоровья предписывается увеселять юношество «невинными забавами», чтобы искоренять все то, что «скукою, задумчивостью и прискорбіемъ назваться можетъ». Путемъ такого гуманнаго воспитанія императрица Екатерина II думала создать въ Россіи *новую породу людей*.

Что эти мечты Екатерины II не могли осуществиться въ ея царствованіе, когда Россія была погружена въ безпросвѣтный мракъ невѣжества, это понятно, но посмотримъ, что представлялъ институтъ почти черезъ 100 лѣтъ послѣ своего основанія.

Въ одно ясное, солнечное, но холодное октябрьское утро я подъѣзжала съ моею матерью къ Александровской половинѣ Смольнаго *), съ тѣмъ, чтобы, вступивъ въ него, оставаться въ немъ до окончанія курса. Но высокія монастырскія стѣны, которыя съ этой минуты должны были изолировать меня на про-

*) Смольный институтъ (основанъ въ 1764 г.), до начала въ немъ нововведеній, т. е. до 1860 г. состоялъ изъ двухъ учебныхъ заведеній: Общества благородныхъ дѣвицъ или Николаевской половины и Александровскаго училища, или Александровской половины. На Николаевскую половину принимали дочерей лицъ, имѣющихъ чинъ не ниже полковника или статскаго совѣтника и потомственныхъ дворянъ; на Александровскую половину—дочерей лицъ отъ чина полковника и коллежскаго совѣтника до штабъ-капитана и титулярнаго совѣтника, а также дѣтей протоіереевъ, священниковъ, евангелическихъ пасторовъ и дочерей дворянъ, внесенныхъ въ третью часть дворянской книги. Оба эти огромныя заведенія состояли подъ главенствомъ одной начальницы и одного инспектора. Лишь черезъ сто лѣтъ послѣ основанія Смольнаго состоялось отдѣленіе Александровской половины отъ Николаевской, т. е. полное обособленіе одного института отъ другого. Съ этого времени Александровская половина Смольнаго получила особую начальницу и своего инспектора. Это раздѣленіе произошло по желанію императрицы Маріи Александровны, обратившей вниманіе на неудобства совмѣстнаго существованія двухъ огромныхъ институтовъ.

Я описываю преимущественно воспитаніе на Александровской половинѣ Смольнаго передъ эпохой реформъ и во время ея.

должительное время не только отъ родной семьи, но, такъ сказать, отъ всѣхъ впечатлѣній бытія, отъ свободы и приволья деревенскаго захолустья, откуда меня только что вывели, не смущали меня. Старшіе много рассказывали мнѣ объ институтѣ, но, не желая, вѣроятно, волновать меня, недостаточно останавливались на его монастырской замкнутости: всѣ ихъ рассказы оканчивались обыкновенно тѣмъ, что у меня будетъ много-много подругъ, что съ ними мнѣ всегда будетъ очень весело. Въ дѣтствѣ я страдала отъ недостатка общества сверстницъ, и это извѣстіе приводило меня въ такой восторгъ, что не пугала даже разлука съ матерью и сестрами. Мое настроеніе было такое бодрое, что не смутилъ и величественный швейцаръ въ красной ливреѣ, который распахнулъ передъ нами двери института.

Не успѣли мы еще снять верхнюю одежду, какъ въ переднюю вошли дама съ дѣвочкой приблизительно моего возраста. Какъ только мы привели себя въ порядокъ, къ намъ подошла дежурная классная дама, m-elle Тюфяева, по внѣшности особа весьма антипатичная, очень старая и полная, и заявила намъ, что инспектриса, m-me Каро, не можетъ насъ принять въ данную минуту: «Вы не только опоздали на три мѣсяца привезти вашихъ дочерей, но и сегодня васъ ожидали къ 9-ти часамъ утра, какъ вы объ этомъ писали. Къ этому времени приглашены были и экзаменаторы. Теперь 11 часовъ, и учителя заняты...»

Моя матушка и m-me Голембювская начали извиняться, но m-elle Тюфяева, не слушая ихъ, попросила насъ всѣхъ слѣдовать за нею въ приемную; при этомъ она, не переставая, бранилась и ворчала на нашихъ матерей, и ея однообразная воркотня раздавалась въ огромныхъ пустыхъ корридорахъ, какъ скрипъ неподмазанныхъ колесъ.

— Вотъ такъ наставница!—заговорила матушка съ раздраженіемъ, когда классная дама ушла, оставивъ насъ однѣхъ въ комнатѣ.—Моя мать, какъ и вообще старшіе въ то время, рѣдко обращала вниманіе на то, что можно сказать при дѣтяхъ и чего нельзя.—Я воспитывалась въ Екатерининскомъ институтѣ,—говорила она,—и такія дамы были немислимы въ мое время. Императрица Марія Федоровна посѣщала институтъ по нѣскольку разъ въ недѣлю. Придетъ въ классъ, скажетъ классной дамѣ, что она одна желаетъ остаться съ дѣтьми, сядетъ на учительское мѣсто къ столику, и ну вызывать къ себѣ воспитанницъ. У одной спросить, что было вчера за обѣдомъ, у другой—не была ли она наказана, переберетъ и многихъ другихъ, разспрашивая ихъ, однимъ словомъ, все доподлинно узнавала. Такая сварливая и грубая классная дама, какъ m-elle Тюфяева, не могла бы служить при ней!..

Мнѣ очень хотѣлось поболтать съ новой подругой, но это не удавалось: она стояла около своей матери, то прижимаясь къ ней,

то нервно хватая ее за руки, то припадая къ ея плечу и жалобно выкрикивая: «мама, мама!»—а слезы такъ и лились изъ ея глазъ.

Мать и дочь Голембiовскiя были чрезвычайно похожи другъ на друга, но такъ, конечно, какъ можетъ походить 35-тилѣтняя женщина на 10-тилѣтнюю дѣвочку. Обѣ онѣ были брюнетки, съ большими черными глазами, блѣдныя, худощавыя, съ подвижными лицами и правильными, красивыми чертами лица, обѣ одѣты были въ глубокой трауръ, т. е. въ черныя платья, обшитыя бѣлыми полосами, называемыми тогда плѣрзсами.

Не получивъ поощренiя со стороны будущей подруги Фанни для моего сближенiя съ нею, я стала прислушиваться къ разговору старшихъ. Вотъ что я узнала. М-ше Голембiовская была полька-католичка, какъ и ея мужъ, который умеръ нѣсколько недель тому назадъ. Оставшись съ дочерью Фанни безъ всякихъ средствъ, она переѣхала изъ провинцiи въ Петербургъ и поселилась въ семьѣ своего родного брата, который зарабатывалъ хорошия средства, но имѣлъ большую семью. Г-жа Голембiовская занималась у него не только хозяйствомъ, но и обучала его дѣтей иностраннымъ языкамъ, которые она хорошо знала. Ея братъ выхлопоталъ для своей племянницы у какого-то магната стипендiю, которая и дала возможность помѣстить ее въ институтъ.

Прозвонилъ колоколъ, и къ намъ вошли пепиньерка *) и учитель русскаго языка: первая должна была заставитьъ меня отвѣтить молитвы и проэкзаменовать насъ обѣихъ изъ французскаго языка, а учитель—изъ русскаго. Экзаменъ былъ совершенно пустой и благополучно сошелъ для насъ обѣихъ. Черезъ нѣсколько минутъ м-ше Тюфяева повела насъ, новенькихъ, одѣваться въ переднюю. Мы должны были явиться къ начальницѣ вмѣстѣ съ нею и отправились по безконечнымъ, холоднымъ и длиннымъ корридорамъ. Туда же обязаны были явиться и наши матери, но имъ приходилось сдѣлать эту дорогу не корридорами, которыми ходили лишь люди, такъ или иначе прикосновенные къ институту, а по улицѣ и войти къ начальницѣ съ подъезда Николаевской половины.

Мнѣ такъ хотѣлось увидѣть поскорѣ моихъ будущихъ подругъ, что у меня моментально вылетѣлъ изъ головы грубый приемъ м-ше Тюфяевой; не обратила я вниманiя и на оффиціальное выраженiе ея лица и непринужденно начала засыпать ее вопросами.

*) Воспитанницы педагогическаго класса назывались пепиньерками. Кромѣ лекцiй, которыя онѣ слушали въ институтѣ, онѣ должны были дежурить въ кофейномъ, младшемъ, классѣ во время болѣзни классныхъ дамъ и спрашивать въ это время уроки у маленькихъ. Пепиньерки одѣвались лучше и красивѣе всѣхъ остальныхъ воспитанницъ: ихъ форменное платье—сѣрое съ чернымъ передникомъ, съ кисейною, а по праздникамъ и съ кружевною пелеринкою. Въ праздничные дни онѣ пользовались правомъ по очереди уѣзжать домой.

— Гдѣ же дѣвочки, тетья?

— Я тебѣ не тетья! Ты должна называть классныхъ дамъ—*mademoiselle*...

Сердитый окрикъ заставилъ меня замолчать. Но вотъ и приемная.

Начальница Смольнаго, Марія Павловна Леонтьева *), была въ это время уже старухой, съ обрюзгшими и отвисшими щеками, съ совершенно выцвѣтшими глазами, безъ выраженія и мысли. Ея внѣшній видъ краснорѣчиво говорилъ о томъ, что она прожила свою долгую жизнь безъ глубокихъ думъ, безъ борьбы, страданій и разочарованій. Держала она себя чрезвычайно важно, какъ королева первостепеннаго государства, давая чувствовать каждому смертному, какую честь оказываетъ она ему, снисходя до разговора съ нимъ.

Она, дѣйствительно, была немаловажною особою: начальница старѣйшаго и самаго большого изъ всѣхъ институтовъ Россіи, она и помимо этого имѣла большое значеніе по своей прежней придворной службѣ, а также и вслѣдствіе покровительства, оказываемаго ей послѣдовательно тремя государынями; она имѣла право вести переписку съ ихъ величествами и при желаніи получить у нихъ аудіенцію. Къ тому же, Леонтьева имѣла огромныя связи не только при нѣсколькихъ царственныхъ дворахъ, но и вела знакомство съ высокопоставленными лицами свѣтскаго и духовнаго званія. Своего значенія она никогда не забывала: этому сильно помогали огромное населеніе двухъ институтовъ и большой штатъ классныхъ дамъ и всевозможныхъ служащихъ той и другой половины Смольнаго, которые работливо пресмыкались передъ нею. Забыть о своемъ значеніи она не могла уже и потому, что была особою весьма невѣжественной, неумной отъ природы, а на старости лѣтъ почти выжившей изъ ума. Отъ учащихся она прежде всего требовала смиренія, послушанія и точнаго выполненія предписаннаго этикета, а классныя дамы, согласно ея инструкціямъ, должны были всѣ свои педагогическія способности направить на поддержаніе суровой дисциплины и на строгое наблюденіе за тѣмъ, чтобы никакое вліяніе извнѣ не проникало въ стѣны института. Порядокъ и духъ

*) Урожденная Шипова. Марія Павловна получила образованіе въ Смольномъ. Вскорѣ послѣ окончанія ею курса, имп. Марія Федоровна назначила ее фрейлиной къ своей дочери, вел. кн. Екатерины Павловны, вышедшей впослѣдствіи замужъ за принца Георгія Ольденбургскаго. Затѣмъ Марія Павловна Шипова вышла замужъ за генерала Леонтьева, но когда ей было 45 лѣтъ, она овдовѣла и была пожалована им. Александрой Федоровной гофмейстериною ко двору своей дочери вел. кн. Маріи Николаевны, бывшей замужемъ за герцогомъ Лейхтенбергскимъ. Въ 1839 г. Леонтьеву назначили начальницею въ Смольный, гдѣ она прослужила 36 лѣтъ и умерла на своемъ посту 82-хъ-лѣтнею старухою. Такимъ образомъ, 45 лѣтъ своей жизни Леонтьева провела въ институтѣ, изъ нихъ 9 лѣтъ, какъ воспитанница, а 36 лѣтъ, какъ его начальница.

заведенія строго поддерживался ек; перемѣнъ и нововведеній она боялась, какъ огня, и ревниво охраняла неизмѣнность нашего строя, установившагося испоконъ вѣка. Нашею непосредственною начальницею была инспектриса, М-ше Каро, которую мы называли «ташан», но мы часто видѣли и нашу главную начальницу: ежедневно, по очереди, двое изъ каждаго класса носили ей рапорты о больныхъ, каждый большой праздникъ воспитанницы должны были являться въ ея апартаменты съ поздравленіями, она присутствовала на всѣхъ нашихъ экзаменахъ, отъ времени до времени приходила на наши уроки или въ столовую во время обѣда, и кромѣ всего этого мы каждую субботу и воскресенье видѣли ее въ церкви. За все время моего пребыванія въ институтѣ я никогда не слыхала, чтобы она кому-нибудь изъ насъ сказала ласковое, сердечное слово, задала бы вопросъ, показывающій ея заботу о насъ, чтобы она проявила хотя малѣйшее участіе къ больной, которая, какъ ей было извѣстно изъ ежедневно подаваемыхъ рапортовъ, пролежала въ лазаретѣ нѣсколько мѣсяцевъ въ тяжелой болѣзни. Она посѣщала и лазаретъ, но разговаривала съ воспитанницами не иначе, какъ строго - офиціально. Являясь къ намъ на экзамены, Леонтьева никогда не интересовалась ни умственными способностями той или другой ученицы, ни отсутствіемъ ихъ у нея. Принимая отъ насъ рапорты, она спрашивала, какое евангеліе читали въ церкви въ послѣднее воскресенье, или по поводу какого событія установленъ тотъ или другой праздникъ. На экзаменахъ она поправляла только произношеніе отдѣльныхъ словъ, и не потому, что оно было неправильно, а потому, что у нея было нѣсколько излюбленныхъ словъ, произношеніемъ которыхъ ей никто не могъ угодить. Какъ бы воспитанница ни произнесла «святѣй Боже», «божественный», «тысяча», «человѣкъ», она сейчасъ заставляла ее за собой повторять эти слова. Когда мы отвѣщивали ей реверансъ при ея появленіи, она непременно замѣчала по-французски: «вы должны дѣлать глубже вашъ реверансъ!» А когда мы сидѣли, она каждый разъ считала долгомъ сказать: «держитесь прямо!»

Въ церкви мы стояли стройными рядами, но какъ только входила начальница, она начинала все перестраивать по-своему: воспитанницъ маленькаго роста ставила въ проходахъ, а болѣе высокѣхъ—къ клиросу; въ другой же разъ вытягивала на средину большихъ ростомъ, а маленькихъ выставяла у проходовъ, и такъ далѣе, до безконечности. Если на слѣдующій разъ дежурная дама ставила въ церкви воспитанницъ такъ, какъ угодно было начальницѣ поставить ихъ въ послѣдній разъ, та все-таки переставляла ихъ по своему. Этими и ограничивались всѣ «материнскія» заботы начальницы относительно воспитанницъ Александровской половины. Однимъ словомъ, нашею начальницею, безъ преувеличенія можно сказать, была не женщина, а просто какой-то каменный истуканъ,

даже въ то рабское, крѣпостническое время поражавшая всѣхъ своимъ бездушнымъ, деревяннымъ отношеніемъ къ людямъ вообще, но особенно къ воспитанницамъ. Однако, эта особа умѣла превосходно втирать очки, кому слѣдуетъ. Ея письма и отчеты государынѣ дышатъ необыкновенною добротой къ дѣтямъ, снисхожденіемъ и всепрощеніемъ ея любвеобильнаго сердца. Въ 1851 г. Леонтьева пишетъ императрицѣ: «Дѣти всегда послушны, за рѣдкими исключениями, когда ихъ волнуетъ живость, простительная въ ихъ возрастъ». Черезъ нѣсколько лѣтъ, возвращая послѣ лѣтняго отдыха изъ деревни, она пишетъ: «Велика моя радость снова увидѣть мою милую, многочисленную семью!» («Статсъ-дама Марія Павловна Леонтьева. Составила З. Е. Мордвинова». Стр. 85, 93).

По установившимся традиціямъ и кодексу весьма своеобразной институтской морали, нерѣдко, впрочемъ, не имѣвшей ничего общаго съ здравымъ смысломъ, начальница, несмотря на свой престарѣлый возрастъ, должна была имѣть величественный видъ, даже и въ томъ случаѣ, если природа не надѣлила ее для этого никакими данными.

Для достиженія этой цѣли Леонтьева прибѣгала къ незамысловатымъ средствамъ: она всегда туго зашнуровывалась въ корсетъ, ходила въ форменномъ синемъ платьѣ и въ высококомъ модномъ чепцѣ. Разговаривая съ подчиненными, она смотрѣла не на нихъ, а поверхъ ихъ головъ, до смѣшнаго растягивала каждое слово, все произносила необыкновенно торжественно, не давала возможности представлявшимся ей лицамъ вдаваться въ какія бы то ни было объясненія и подробности, а допускала лишь лаконическій отвѣтъ: «да» или «нѣтъ, ваше превосходительство», имѣла всегда крайне надменный видъ и застывшую улыбку или, точнѣе сказать, гримасу на старческихъ губахъ, точно она проглотила что-нибудь горькое.

Когда мы, новенькія, въ первый разъ подходили къ пріемной начальницы, мы встрѣтили здѣсь нашихъ матерей и вошли вмѣстѣ съ ними въ сопровожденіи m-elle Тюфяевой. Въ огромной пріемной, обставленной на казенный ладъ, у стѣны противъ входной двери, сидѣла на диванѣ начальница Леонтьева, а подлѣ нея, на стулѣ, ея компаньонка Оленкина.

— «Мама! Мама!»—вдругъ закричала Фанни, бросаясь въ объятія матери. Этотъ крикъ раздался совершеннымъ диссонансомъ среди гробовой тишины.

Начальница чуть-чуть приподняла голову, что для Оленкиной, видимо, послужило сигналомъ узнать фамилія новоприбывшихъ, такъ какъ она быстро подошла къ нашимъ матерямъ, а затѣмъ начала что-то шептать на ухо начальницѣ.

— Потрудитесь подойти! Сюда! Ближе! Я прежде всего попрошу васъ покончить съ этой сценой.. Можете садиться!—И она величественнымъ жестомъ указала г-жѣ Голембіовской на стулъ про-

тивъ своего стола. Фанни подбѣжала къ матери и крѣпко вдѣпн-
лась въ ея юбку.

— Видите-ли,—снова обратилась начальница къ Голембiов-
ской,—какихъ недисциплинированныхъ, испорченныхъ дѣтей вру-
чаете вы намъ!

— Испорченныхъ? — переспросила Голембiовская съ изумле-
ніемъ, въ своей провинціальной простотѣ не понимавшая ни ве-
личія начальницы, ни того, какъ съ нею слѣдуетъ разговари-
вать.— Увѣряю васъ, сударыня, что моя Фанни послушная, ласковая,
привязчивая дѣвочка!.. А то вдругъ «испорченная!» Какъ же это
можно сказать, не зная ребенка!— Въ ту же минуту надъ ея сту-
ломъ наклонилась компаньонка Оленкина и шопотомъ, который
былъ слышенъ во всей комнатѣ, произнесла, отчеканивая каждое
слово: «должны называть начальницу ваше превосходительство.
Вы не имѣете права такъ *вольно* разговаривать съ ея превосхо-
дительствомъ! Извольте это запомнить!»

— Извините, ваше превосходительство, — заговорила перекон-
фуженная Голембiовская.— Я васъ назвала не по титулу... Я вѣдь
провинціалка... Всѣхъ этихъ тонкостей не разумѣю... Все же о
своей дочкѣ опять скажу вамъ: золотое у нея сердечко! Будьте ей
матерью, ваше превосходительство! Она вѣдь у меня сиротка! —
И слезы полились изъ глазъ бѣдной женщины.

— Мнѣ страшно, мама!—вдругъ со слезами въ голосѣ завопила
ея дочь.

— Сударыня! Моя пріѣмная не для семейныхъ сценъ! Извольте
выйти въ другую комнату съ вашей дочерью и ждать классную
даму.

Тогда къ начальницѣ подошла моя мать и начала рекомендо-
вать себя на французскомъ языкѣ, которымъ Голембiовская не
сумѣла воспользоваться, хотя свободно говорила на немъ. Въ то
время знаніе французскаго языка облагораживало и возвышало
каждаго во мнѣніи общества, тѣмъ болѣе громадное значеніе оно
имѣло въ институтѣ. Вѣроятно, вслѣдствіе этого начальница бла-
госклонно кивнула ей головой, но когда моя мать выразила свое
удовольствіе по поводу того, что ея дочь принята на казенный
счетъ и получить образованіе, котораго она, за отсутствіемъ ма-
теріальныхъ средствъ, не могла бы дать сама, Леонтьева возразила
ей не безъ ироніи: «Если бы вы понимали, какое это счастье для
вашей дочери, вы могли бы въ назначенное время доставить ее
сюда!»—и, кивнувъ головой въ сторону m-elle Тюфяевой, она по-
казала этимъ, что аудіенція окончена.

Мы шли обратно такъ же, какъ и пришли: матери отдѣльно,
мы—въ сопровожденіи Тюфяевой. Общее молчаніе нарушалось на
этотъ разъ только всхлипываніями Фанни. Когда мы вошли въ
комнату, въ которой экзаменовались, наши матери уже сидѣли въ
ней. Фанни не замедлила броситься со слезами въ объятія своей

матери. М-elle Тюфяева рѣзко замѣтила: «прошу прекратить этотъ ревъ!.. Черезъ нѣсколько минутъ, когда я приду за дѣвочками, мы уже сами позаботимся объ этомъ, а теперь это еще ваша обязанность!»

— Ахъ, милая m-elle Тюфяева, — съ мольбой обратилась къ ней Голембiевская. — скажите ей хоть одно ласковое словечко... хоть самое маленькое!.. Вѣдь у нея отъ всѣхъ этихъ пріемовъ сердчишко, точно у пойманной птички, трепыхаетъ...

— Трепыхаетъ! Это еще что за выраженіе! «Молчать!» — вотъ что вы должны сказать вашей дочери! Вы своими телячьими нѣжностями и начальницу осмѣлили обезпокоить, а тутъ опять начинаете ту же исторію! — и она направилась было къ двери.

— Поворись, дитячко! Перестань плакать, сердце мое! — покрывая дочь страстными поцѣлуями, приговаривала Голембiевская, не обращая вниманія на то, что классная дама остановилась и смотрѣла на нихъ. — Что же дѣлать, дитячко! Тутъ ужь, видно, и люди такъ же суровы, какъ эти каменные стѣны!

— А! — прошипѣла Тюфяева. — Я сейчасъ доложу инспектрисѣ, какія наставленія вы даете вашей дочери!

Моя мать, испуганная за Голембiевскую, и понимая, какъ это можетъ повредить ея дочери, подбѣжала къ Тюфяевой и начала умолять ее.

— Сжальтесь... Сжальтесь надъ несчастной женщиной! Она въ такомъ нервномъ состояніи!

М-elle Тюфяева грубо отстранила мою мать рукой; въ эту минуту Фанни вскрикнула и безъ чувствъ упала на полъ. Тюфяева быстро вышла за дверь, а затѣмъ къ намъ вбѣжало нѣсколько горничныхъ, и безчувственную Фанни понесли въ лазаретъ. За ними послѣдовала и ея мать. Я наскоро простилась съ моею матерью, и такъ какъ передо мной уже выросла Тюфяева, я поделалась за ней. Она привела меня на урокъ рисованія. Я какъ-то машинально продѣлывала все, что мнѣ приказывали, и очнулась отъ разсѣянности только тогда, когда прозвонилъ колоколь. Дѣвочки задвигались и стали подбѣгать ко мнѣ съ вопросами.

— Молчать! Становитесь по парамъ! — кричитъ классная дама Петрова и устанавливаетъ воспитанницъ по росту, пару за парой, маленькихъ впереди, дѣвочекъ болѣе высокаго роста — позади. То одна воспитанница выдвинется нѣсколько вбокъ, то другая подастся впередъ, — классная дама сейчасъ же равняетъ такихъ: немедленно подбѣгаетъ къ нимъ, одну толкаетъ назадъ, ея сосѣдку двигаетъ впередъ, кого ставить правѣе, нѣкоторыхъ дергаетъ влѣво и, наконецъ, въ строгомъ порядкѣ ведетъ въ столовую, выступая впереди своего отряда. По институтскимъ правиламъ требовалось, чтобы воспитанницы, куда бы онѣ ни отправлялись, выступали, какъ солдаты, представляя стройную колонну и двигались безъ шума. Если предводительница этой женской арміи при-

бавить шагу,—и воспитанницы должны идти скорѣе, не разстраивая колонны; при этомъ онѣ обязаны были молчать; если одна изъ воспитанницъ произносила хотя слово, такое преступленіе рѣдко оставалось безнаказаннымъ, особенно въ кофейномъ классѣ.

Трудно представить, какъ много времени уходило на установку по парамъ. Въ столовую водили 4 раза въ день (на утренній и вечерній чай, къ обѣду и завтраку), слѣдовательно—туда и назадъ по парамъ строились восемь разъ; тоже дѣлали, когда отправлялись на прогулку и возвращались послѣ нея; такимъ образомъ тратили болѣе часу времени, а по субботамъ и праздникамъ, когда приходилось отправляться въ церковь, и еще того больше.

Въ то время, которое я описываю, начальство института уже не имѣло права давать волю рукамъ: оттрепать по щекамъ или избить чѣмъ попало по головѣ, выстѣчь розгами, какъ это бывало раньше, въ мое время не практиковалось даже и въ младшемъ классѣ, но толчки, цинки, весьма чувствительное обдергиваніе со всѣхъ сторонъ, брань, безчисленныя наказанія, особенно въ младшемъ классѣ, были обычными педагогическими воздѣйствіями.

Къ молчанію и безусловному повиновенію институтокъ приучали весьма систематично. Впрочемъ, на женщину въ то время вообще смотрѣли, какъ на существо вполне подчиненное и подвластное родителямъ или мужу,—институтъ стремился подготовить ее къ выполненію этого назначенія, но чаще всего достигали совершенно противоположныхъ результатовъ. Отъ насъ требовалось или молчаніе, или разговоръ полупшопотомъ, и такъ въ продолженіе всего дня, кромѣ перемѣнъ между уроками, когда громкій разговоръ не вызывалъ ни окрика, ни кары. Наиболѣе суровыя классныя дамы ограничивали и суживали даже ничтожныя привилегіи «кофулекъ» (воспитанницъ младшаго класса), которымъ по праздничнымъ днямъ, вечеромъ, дозволялось бѣгать, играть и танцовать. Какъ только онѣ поднимали шумъ и возню даже въ такіе дни, классныя дамы кричали: «по мѣстамъ! вы не умѣете благопристойно держать себя!» Дѣти послушно садились на скамейки и, получая постоянно нагоняй за рѣвность, все рѣже предавались веселью.

Какъ ни была жива и шаловлива дѣвочка при поступленіи въ институтъ, суровая дисциплина и вѣчная муштровка, которымъ она подвергалась, а также полное отсутствіе сердечнаго участія и ласки, быстро измѣняли характеръ ребенка. Если дѣвочка свыкалась съ институтскимъ режимомъ, а склонность къ шаловливости еще не совсѣмъ пропадала въ ней, ее неудержимо влекли къ себѣ глупыя и пошлыя шалости.

Когда я въ первый разъ вошла въ столовую, меня удивило огромное число наказанныхъ: нѣкоторые изъ нихъ стояли въ простѣнкахъ, другія сидѣли «за чернымъ столомъ», третьи были безъ передника, четвертыя, вмѣсто того, чтобы сидѣть у стола, стояли за скамейкой, но мое любопытство особенно возбудили двѣ дѣвочки:

у одной изъ нихъ къ плечу была приколата какая то бумажка, у другой—чулокъ. Когда, послѣ пѣнія молитвы, мы усѣлись за обѣдъ, я больше уже не могла выносить молчанія и стала спрашивать сосѣдку, можно-ли разговаривать; та отвѣчала, что можно, но только тихонько. И меня съ двухъ сторонъ шопотомъ начали просвѣщать насчетъ институтскихъ дѣлъ. Когда у дѣвочки приколата бумажка, это означаетъ, что она возилась съ ней во время урока; прикрѣпленный чулокъ показывалъ, что воспитанница или плохо заштопала его, или не сдѣлала этого вовсе, а за что наказаны старшія воспитанницы (бѣлаго класса),—намъ, кофейнымъ, неизвѣстно.

На другой день послѣ завтрака насъ повели въ дортуаръ, гдѣ мы должны были надѣть гарусные капоры и камлотовые салопчики, чтобы отправиться въ садъ на прогулку. Институтскій туалетъ въ дореформенный періодъ отличался необыкновеннымъ безобразіемъ: только платья шили болѣе или менѣе по фигурѣ, а верхнюю одежду и бѣльемъ воспитанницы должны были довольствоваться, что кому попадало отъ предшественницы. Нерѣдко дѣвочки, весьма полной, доставался салопъ отъ худенькой, и она еле натягивала его на себя. Воспитанницы старшихъ и младшихъ классовъ, одѣтыя въ салопы допотопнаго фасона и въ гарусные капоры, скорѣе походили на богадѣльныхъ старушенокъ, чѣмъ на молоденькихъ дѣвушекъ.

Воспитанницы гуляли въ саду по полчаса, и притомъ только по мосткамъ, какъ всегда, по парамъ, подъ предводительствомъ классной дамы и обыкновенно подъ аккомпаниментъ ея воркотни и распеканій. Она находила для этого много поводовъ: то ей досаждалъ «дурацкій смѣхъ» кого-нибудь изъ воспитанницъ, то пилила она тѣхъ, которые отставали отъ другихъ или чуть-чуть выходили изъ пары, то за то, что кто-нибудь на минуту соскакивалъ съ мостковъ. Воспитанницы ненавидѣли эти прогулки и были безконечно счастливы, когда ихъ находчивость помогала имъ сослаться то на ту, то на другую несуществующую болѣзнь, чтобы избавить себя отъ этой неприятной повинности. Черезъ полчаса послѣ прогулки мы возвращались въ томъ же порядкѣ.

Меня, какъ новенькую, отправили къ кастеляншѣ, которая оказалась женщиною добрейшей души. Вообще нельзя сказать, чтобы въ институтѣ совсѣмъ не было хорошихъ людей. Кромѣ нея, обѣ лазаретныя дамы, а также и докторъ были весьма добрыя существа. Но замѣчательно, что всѣ эти личности не играли ни малѣйшей роли въ институтѣ и только въ экстренныхъ случаяхъ сталкивались съ воспитанницами. Къ тому же, всѣ они жили своею особою жизнью, обособленною отъ институтскаго міра, что и давало имъ возможность сохранить душу живую.

— Что же ты такъ грустна, милая дѣвочка?—ласково спросила меня кастелянша. Это было первое ласковое слово, которое я услышала въ стѣнахъ института, и, вмѣсто отвѣта, я припала къ ей

плечу и залилась слезами. Она дала мнѣ выплакаться, напоила меня кофеемъ и усадила къ столу.

— Жаль, что тебя не привезли къ общему приему, тремя мѣсяцами раньше. Тебѣ было бы легче привыкать вмѣстѣ съ другими новенькими.

На мой вопросъ, почѣму классныя дамы такія сердитыя, она отвѣчала: «Потому, что у нихъ своихъ крошекъ не было. Запомни, дѣтка, какъ можно меньше съ ними разговаривай,—не съ подругами конечно, а съ своими наставницами,—онѣ и придираться меньше будутъ къ тебѣ».

Доброе отношеніе милой женщины успокоило меня и, примѣривая то одно, то другое, я выражала ей свое удивленіе. «Какая рубашка! Вѣдь она свалится съ плечъ! А эта у меня до полу доходить». — Меньше нѣтъ,—все бѣлье шьется у насъ по безобразнымъ образцамъ. Зато въ длинной рубашкѣ теплѣе будетъ спать. Ночью у васъ холодно: ваши одѣяла вѣтромъ подбиты, спите вы безъ ночныхъ кофть, длинной рубашкой хоть ноги себѣ обмотаешь.

Наконецъ, я превратилась въ казенную воспитанницу. На мнѣ надѣто было плохо сидѣвшее камотовое платье коричневаго цвѣта—символь младшаго класса: оно было декольте и съ короткими рукавами. На голыя руки надѣвались бѣлыя рукавчики, подвязанные тесемками подъ рукавами платья; на голую шею накидывали уродливую пелеринку; бѣлый передникъ съ лифомъ, который застегивался свади булавками, довершалъ костюмъ. Пелеринка, рукавчики, передникъ были изъ грубаго бѣлаго холста и по праздникамъ замѣнялись коленкорowymi.

Форма чрезвычайно мѣняла наружность новенькой: даже граціозная, миловидная дѣвочка казалась въ ней неуклюжей и неповоротливой. Камотовое платье было настолько коротко въ младшемъ классѣ, что выставяло на показъ жалкіе кожаные башмаки, которые скорѣе можно было назвать туфлями или шлёпанцами, и грубые, бѣлыя нитяные чулки. Пока новенькая не умѣла приноровиться къ своему форменному наряду такъ, чтобы ея безобразныя туфли не падали съ ногъ, чтобы рукавчики не сползали, чтобы платье не разстегивалось позади, она ходила, тяжело ступая, и имѣла крайне неуклюжій видъ. Въ первый разъ на свиданіи съ родными новенькая обыкновенно поражала ихъ своей перемѣной, и они, не стѣсняясь, повторяли на всѣ лады: «какой смѣшной нарядъ! Какъ онъ тебя безобразитъ!..» Къ тому же, этотъ нарядъ совсѣмъ не былъ приноровленъ къ условіямъ жизни. Холщевая пелеринка, накинутая на плечи, не защищала отъ зимняго холода, когда термометръ въ классѣ показывалъ десять и даже девять градусовъ, а во время уроковъ приходилось сидѣть съ обнаженными плечами.

Переодѣвшись въ форменное платье, я отправилась въ дортуаръ

(спальню) уже къ своей классной дамѣ *). Нужно замѣтить, что, поступивъ въ дортуаръ къ той или другой дамѣ, воспитанница вмѣстѣ съ нею переходила изъ одного класса въ другой, однимъ словомъ, была подъ ея руководствомъ во все время своего воспитанія. Такъ устроено было для того, чтобы классная дама могла хорошо изучить характеры ввѣренныхъ ей 30-ти, а то и болѣе воспитанницъ, привязаться къ нимъ всей душой, сдѣлаться для нихъ истинной наставницей, руководительницей, матерью. Но при мнѣ эти родственныя узы проявлялись въ одномъ: если воспитанница была наканунѣ наказана не своею дамою, она обязана была заявить объ этомъ на другой же день своей дортуарной дамѣ. Узнавъ объ этомъ, дама обыкновенно находила необходимымъ наказывать во второй разъ ту, которая была уже наказана наканунѣ. Я поступила къ классной дамѣ m-elle Верховской, къ то время когда въ другомъ отдѣленіи классною дамою была Тюфяева.

— Покажи-ка, какъ тебя нарядили?—спросила меня m-elle Верховская.

— Башмаки съ ногъ падаютъ...—пожаловалась я.

— А ты еще крѣпче рассердись, тогда тебѣ уже навѣрное приплюютъ изящныя ботинки,—мило пошутила m-elle Верховская.

Воспитанницы, обрадованныя веселымъ настроеніемъ своей дамы, громко засмѣялись.

— Ахъ, тетечка,—вдругъ закричала я въ восторгѣ отъ того, что поступила къ такой, какъ мнѣ показалось, веселой и доброй дамѣ.—Какая вы добрая! Какая вы красавица!—И я бросилась къ ней на шею и расцѣловала ее въ губы. Воспитанницы, поступившія въ институтъ за три мѣсяца до меня и уже успѣвшія освоиться съ институтскими нравами, съ ужасомъ наблюдали эту сцену. Поцѣловать классной дамѣ руку или плечо не только дозволялось, но считалось похвальною почтительностью къ старшимъ, поцѣловать же ее въ губы было верхомъ неприличія и фамиллярности: впрочемъ, это случалось только съ новенькими, да и то въ рѣдкихъ случаяхъ.

— Ну, милѣйшая моя племянница, это, знаешь-ли, черезчуръ

*) Въ дореформенное время воспитанницы Александровской половины дѣлились на два класса: на младшій (кофейный) и старшій (бѣлый) въ зеленыхъ платьяхъ. Въ томъ и другомъ изъ нихъ онѣ оставались по три года. Каждый классъ дѣлился на два отдѣленія, а каждое отдѣленіе—на два дортуара; одинъ изъ нихъ находился подъ руководствомъ одной, другой—подъ руководствомъ другой классной дамы. Воспитанницы одного дортуара спали въ одной спальнѣ и были связаны между собою тѣснѣе, чѣмъ съ подругами другого дортуара, хотя онѣ и были съ ними въ одномъ отдѣленіи, сидѣли въ одной общей классной комнатѣ, учились у однихъ и тѣхъ же учителей. Такъ какъ въ каждомъ отдѣленіи было по 2 дортуара, а слѣдовательно и по двѣ классныхъ дамы, то онѣ дежурили въ классѣ по очереди, и одна изъ нихъ въ свободное время могла уважать изъ института.

нѣжно. Здѣсь это не принято,—отстраняя меня, сказала m-elle Верховская. — Къ тому же, ты должна всѣхъ классныхъ дамъ называть «mademoiselle», а не «тетечка». Черезъ недѣлю-другую, когда ты будешь уже не новенькая, а старенькая, ты должна будешь это твердо помнить.

Все это, однако, было сказано очень мило. Затѣмъ мы по очереди должны были подходить къ ней и читать по-русски и по-французски. Наконецъ, она ушла въ свою комнату.

Когда мы остались однѣ, дѣвочки окружили меня и стали закидывать вопросами. Но, когда я выразила радость по поводу того, что поступила не къ Тюфяевой, которая мнѣ очень не понравилась, а къ Верховской, воспитанницы потянули меня къ двери дортуара, на противоположномъ концѣ котораго находилась комната нашей дамы, говоря, что тутъ будетъ менѣ слышенъ нашъ разговоръ. Перебивая другъ друга, онѣ сообщали мнѣ о томъ, что Верховская нерѣдко поступаетъ съ ними еще хуже, чѣмъ Тюфяева. Но меня это не взволновало: я подумала, что дѣвочки сами сильно напугали. А мнѣ чего же бояться? Я собиралась быть очень прилежной и послушной, чтобы по окончаніи курса получить золотую медаль, какъ я это обѣщала моей любимой сестрѣ и матушкѣ.

— А ты зачѣмъ подлизывалась? Зачѣмъ полѣзла цѣловать Верховскую въ губы?—накинулась на меня одна изъ подругъ, по фамиліи Ратманова. Я очень переконфузилась, не зная, что отвѣтить. Но тутъ всѣ дѣвочки стали меня защищать, оправдывая мой поступокъ тѣмъ, что я новенькая, и просили меня показать имъ вещи, привезенныя изъ дому. Меня схватили съ обѣихъ сторонъ за руки, и мы всѣ вмѣстѣ побѣжали къ табурету, въ ящикѣ котораго уже стояла моя шкатулка. Для удобства мы опустились на колѣни и начали вынимать изъ шкатулки различные сверточки: карандаши, вставочки для пера, перочинные ножички и другія классныя принадлежности.

— Ну, это не интересно!—отрѣзала Ратманова. Это была худощавая, высокаго роста дѣвочка, съ смѣющимися глазами на выкатъ, портившими ея миловидное, нервное, подвижное лицо, придавая ему насмѣшливое, иногда даже наглое выраженіе.

— Почему же не интересно?—въ обидѣ за меня перебила ее Ольхина, болѣзненная, блѣдная дѣвочка съ синими глазами.—Ратмановой всегда нравится только то, что дорого стоитъ и нарядно!

— А ты любишь только гадосты!.. Недаромъ ты постница и богомолка!—бросила ей Ратманова.

— Перестаньте браниться! Пусть новенькая покажетъ намъ все, что у нея есть,—кричали со всѣхъ сторонъ.

Я сняла верхнее отдѣленіе своей шкатулки, которое, кромѣ классныхъ принадлежностей, было занято конфетами съ картинками. Каждой дѣвочкѣ я дала по конфетѣ и одну изъ нихъ протянула Ратмановой.

— Я не нуждаюсь въ такой дряни!—запальчиво закричала она, бросая назадъ поданное ей.—Если хочешь мнѣ что-нибудь подарить, дай мнѣ вотъ эту конфетку,—и она указала на самую лучшую. Но она такъ нравилась мнѣ самой, что я сильно поколебалась и, чувствуя, что красяю, въ замѣшательствѣ наклонилась надъ шкатулкой.

— Ишь, жаднюга!—насмѣшливо воскликнула Ратманова.

— Нѣтъ, нѣтъ! Это я только такъ... Возьми!—и я испуганно подала ей то, что она просила.—А вотъ тутъ у меня такая прелесть, такая прелесть,—говорила я дѣвочкамъ, окружавшимъ меня, и вынула со дна шкатулки большую коробку, наполненную мелкими стружками, среди которыхъ симметрично разложены были птичьи яички.—Это яичко жаворонка... воробушка... голубиное.. воронье...

— Вороньи яйца! Эко диво! Ахъ ты, деревенщина!—захохотала Ратманова и со всей силы ударила рукой по ящику, изъ котораго вывалились и разбились всѣ мои яички, мое сокровище, которое я берегла столько лѣтъ. Я отчаянно зарыдала.

— Какая ты злая, гадкая!—бросила Ольхина по адресу Ратмановой, которая нисколько не была сконфужена этими эпитетами. Съ торжествующей улыбкой на губахъ, точно послѣ геройскаго подвига, направилась она въ другой конецъ дортуара.

Мнѣ не только жаль было крошечныхъ яичекъ, къ которымъ я всегда чувствовала нѣжность, но они дороги были мнѣ и потому, что будили воспоминанія о горячо любимой нянѣ, съ которою я собирала ихъ въ лѣсу, когда у насъ рубили деревья, падавшія внизъ съ птичьими гнѣздами. Къ тому же меня неприятно поразила такая грубость, такая мальчишеская выходка въ институтѣ.

Маша Ратманова играла большую роль въ нашей жизни, а потому я и хочу познакомить съ нею, какою она была не только въ младшемъ, но и въ старшемъ классѣ. Ея мать овдовѣла, когда дочери было около года. Не имѣя никакихъ средствъ къ жизни, она была рада, что представилась возможность поселиться съ ребенкомъ на бесплатной половинѣ вдовьяго дома Смольнаго. Жилечками этого учрежденія были жены умершихъ офицеровъ, а также средней руки чиновниковъ военнаго и гражданскаго вѣдомства. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ это все были старья, необразованныя женщины, которыя, какъ собаки, съ утра до вечера грызлись между собой, уличали другъ друга Богъ знаетъ въ какихъ преступленіяхъ и скандалахъ, подобранныхъ, вѣроятно, отъ такихъ же жалкихъ существъ, какими онѣ были сами. Такимъ образомъ, Маша Ратманова свое раннее дѣтство провела среди бранчивыхъ, пошлыхъ старухъ, полувывжившихъ изъ ума отъ непрекращающихся интригъ, дразгъ и ссоръ. Послѣ жизни во Вдовьемъ домѣ, которая могла заложить въ душу ребенка лишь дурныя склонности и безнравственныя привычки, она на 9-мъ или 10-мъ году жизни поступила въ институтъ. Институтское воспитаніе того времени не

могло благоприятно повліять на кого бы то ни было, Ратманову же оно испортило еще болѣе. Вѣчные окрики классныхъ дамъ, наказанія за всякое проявленіе живости, муштровка и суровая дисциплина все болѣе ожесточали ея сердце, но не могли окончательно подавить живость этой на рѣдкость подвижной натуры, остроумной и отъ природы весьма неглупой дѣвочки. Она со страстью бросалась на игры и бѣготню по праздникамъ, но и это возбуждало неудовольствіе классныхъ дамъ. А между тѣмъ ея неугомонная натура требовала шума, крика, возни. И эту потребность она начала удовлетворять исподтишка, когда изъ класса на время уходила дежурная дама. Тогда изъ одного конца корридора въ другой раздавались ея раскатистый хохоть, крикъ, визгъ, перемежавшіеся фырканьемъ, слышался шумъ отъ ея бѣготни. Ее то-и-дѣло ловили на мѣстѣ преступленія, съ нея срывали передникъ, толкали въ уголъ, къ доскѣ, сыпалось на ея безшашную голову и множество другихъ наказаній. Шаловливая, нервная, невоспитанная, рѣвкая, невоздержная на языкъ, обовленная до невѣроятности, Маша Ратманова стала грубить напрапалу и получила, наконецъ, эпитетъ «отчаянной», который неотъемлемо остался за нею во все время институтскаго воспитанія.

Она досаждала, однако, не только кл. дамамъ, но и подругамъ, симпатією которыхъ тоже не пользовалась. Вѣчно изощряясь въ школьничествѣ, она бросала въ люпитръ одной мокрую тряпку и портила книгу или на-чисто переписанную тетрадь, другой потихоньку засовывала за лифъ булавку или кусокъ жѣванной бумаги. Въ старшемъ классѣ ея мальчишескія шалости смѣнились другими: во время урока она то-и-дѣло оборачивалась къ воспитанницамъ, сидѣвшимъ сзади ея, дѣлала гримасы или посредствомъ мимики своего подвижного лица въ комическомъ видѣ изображала учителя, классную даму, подругу. Съ такимъ же индифферентизмомъ и безсердечіемъ она высмѣивала не только комичныя стороны, которыя легко схватывала, но и физическіе недостатки подругъ,—особенному высмѣиванію подвергала она дурнушекъ. Еще болѣе отталкивала отъ нея подругъ ея привычка дѣлать намеки на то, чего тогда не вѣдалъ еще никто. Въ разговорѣ или спорѣ съ товарками она вдругъ произносила какое-нибудь слово или фразу, что-то показывала руками и какъ то при этомъ особенно нагло фыркала въ лицо, обзывая каждую дурой и тупицею. Я глубоко убѣждена въ томъ, что въ то время никто изъ насъ не понималъ, въ чемъ дѣло, но каждая инстинктивно чувствовала, что это должно быть что-нибудь скверное, постыдное, и здоровый инстинктъ заставлялъ насъ, несмотря на любопытство, столь присущее женскому полу, не приставать къ ней съ разспросами о томъ, что она хотѣла сказать тѣмъ или другимъ намекомъ или жестомъ.

Она была очень щедра, но и это проявляла довольно грубо:

почти всё свои гостинцы она раздавала подругамъ, исключая «парфетокъ». «Парфетками» институтки называли тѣхъ изъ своихъ подругъ, къ которымъ благоволили классныя дамы за ихъ послушаніе и отминное поведеніе, проявлявшееся нерѣдко въ наушничаньи на своихъ подругъ. Маша Ратманова всѣми силами своей души ненавидѣла этихъ «парфетокъ» и называла ихъ не иначе, какъ «подлипалками», «подлизалками», «подлянками», «мовешками» и т. п. Если она входила съ гостинцами въ то время, когда воспитанницы сидѣли въ дортуарѣ, она швыряла ихъ кому на кровать, кому прямо въ лицо. Смѣялись и брали, а тѣмъ, которыя при этомъ благодарили ее за нихъ, она высовывала языкъ или дѣлала почтительный книксенъ съ придачею отвратительной гримасы, а потому въ послѣдствіи уже никто не совался къ ней съ своею благодарностью. Однако, мнѣ пришлось не по душѣ этотъ способъ угощенія, и я каждый разъ швыряла ей назадъ дары тѣмъ же способомъ, какимъ получала ихъ. Это заставило ее перемѣнить относительно меня способъ угощенія. Она начала засовывать для меня гостинцы, куда попало: ложась въ кровать, я иногда находила подъ подушкой то яблоко, то нѣсколько леденцовъ.

Теперь такихъ субъектовъ, какъ Маша Ратманова, называютъ психопатками. И всю свою послѣдующую жизнь она вполне доказала, что была таковою, но тогда этотъ терминъ еще не былъ изобрѣтенъ. Тѣмъ не менѣе, подруги въ душѣ считали ее въ концѣ испорченной, но боялись высказывать это вслухъ, чтобы это не дошло до нея, и всё старались держаться подальше отъ нея. Я бы прибавила еще, что ея общество приносило подругамъ гораздо больше вреда, чѣмъ пользы, если бы не одна рѣдкая и замѣчательно хорошая черта ея характера. Маша Ратманова будила въ насъ общественныя инстинкты, если можно только такъ выразиться о насъ, дѣвочкахъ въ то время совсѣмъ неразвитыхъ.

За тяжелыя провинности, съ точки зрѣнія классныхъ дамъ, онѣ наказывали тѣмъ, что запрещали воспитанницамъ разговаривать съ провинившеюся. Ратманова первая начала возмущаться повиновеніемъ подругъ такому нелѣпому распоряженію и, несмотря на строгое запрещеніе, начала разговаривать съ наказанною, а затѣмъ нападать на тѣхъ, которыя подчинялись этому требованію дамъ. Хотя она ни съ кѣмъ изъ подругъ не дружила особенно, но всю нѣжность своей души, все вниманіе проявляла къ каждой наказанной, а тѣмъ болѣе къ той, которая особенно сильно надервила классной дамѣ. За наказанную она распиналась, сколько хватало силъ. Одна изъ наиболѣе распространенныхъ каръ состояла въ томъ, что насъ заставляли стоять за обѣдомъ или завтракомъ. Бѣсть стоя было очень неудобно; къ тому же, не только классныя дамы, но и подруги высмѣивали воспитанницъ, которыя ѣли во время такого наказанія. Маша Ратманова, когда подросла, какъ ястребъ, начала слѣдить за тѣмъ, чтобы воспитанница, наказанная

такимъ образомъ, получала отъ сосѣдокъ всѣ кушанья, но такъ какъ супъ при этомъ пропадалъ, то она, обращаясь къ наказанной, говорила такъ, чтобы слова ея доходили до ушей классной дамы: «Отчего ты супа не ѣшь? Если бы было дозволено наказывать насъ безъ ѣды, сколько бы народу у насъ подошло отъ голоду!» Сильно нападала она на тѣхъ, которыя издѣвались надъ подругами за ѣду во время наказанія: она осыпала ихъ градомъ бранныхъ, грубыхъ словъ изъ своего собственного лексикона, который у нея былъ весьма обширенъ. Въ старшемъ классѣ она безпощадно казнила предательство: сплетницъ и доносчицъ она не только изводила неистовымъ издѣвательствомъ, но неожиданно и исподтишка толкала ихъ и щипала такъ жестоко, что у тѣхъ оставались надолго синяки на рукахъ и шеѣ, и это продолжалась она вплоть до самаго выпуска, когда уже была взрослой дѣвушкой.

Если институтъ испортилъ такую богато одаренную натуру съ живымъ общественнымъ инстинктомъ, съ огромною энергіей и жизне-способностью, какою была Маша Ратманова, то другихъ онъ губилъ и физически.

Уже прошло болѣе 3-хъ мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ Фанни Голембювская поступила въ институтъ, а между тѣмъ она не появлялась ни въ классѣ, ни въ дортуарѣ m-me Верховской, воспитанницею которой числилась. Она продолжала оставаться въ лазаретѣ. Что была за болѣзнь, которою она страдала, мы не знали, но нашъ докторъ объяснялъ ее тоскою.

Однажды утромъ, послѣ звонка, на урокъ нѣмецкаго языка вошли инспектриса, а за нею и Голембювская. Боже, какъ она измѣнилась за это время! Ея длинныя, худенькія пальчики нервно теребили передникъ, ея длинная шея казалась ниточкой, скрѣпленной граціозно посаженную головку, ея узкія плечи нервно передергивались, щеки провалились, и ея большіе глаза, казалось, сдѣлались еще больше и растерянно бѣгали по сторонамъ. Нѣмецъ спросилъ ее, выучила ли она заданный урокъ. Она отвѣчала, что не учила уроковъ во время болѣзни. Когда она бѣгло прочитала указанную ей страницу, учитель спросилъ, не говоритъ ли она по-нѣмецки. Она отвѣчала утвердительно, и онъ заставилъ ее переводить, что она исполнила совершенно легко, заслужила 12+ и большую похвалу отъ учителя.

На урокъ французскаго языка опять присутствовала m-me Каро. Французъ тоже заставилъ Фанни читать и переводить, а затѣмъ попросилъ ее сказать на память какое-нибудь стихотвореніе или басню. Она начала декламировать стихотвореніе «Молитва», помѣщенное въ то время во всѣхъ французскихъ хрестоматіяхъ. Въ ней ребенокъ обращается къ Богу, умоляя его продлить дни своей дорогой матери. Голосъ ея дрожалъ все сильнѣе, она произносила стихи съ такимъ чувствомъ и увлеченіемъ, какъ это обыкновенно не удается дѣтямъ, а тѣмъ болѣе въ институтѣ. Но вотъ въ ея декла-

маціи слышались рыдающіе звуки, она остановилась, не кончивъ фразы, точно спазма сдавила ей горло. Французъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на инспектрису, а затѣмъ спросилъ Фанни, не можетъ ли она написать что-нибудь, хотя какое-нибудь маленькое письмо. Дрожащими руками дѣвочка взяла мѣлъ и быстро написала нѣсколько строкъ. Учитель громко прочиталъ написанное. Это оказалось письмо къ матери, въ которомъ Фанни умоляла ее взять изъ института, заявляя, что иначе она умретъ. Должно быть, это было выражено очень трогательно,—у «шапап» текли слезы по щекамъ. Французъ, который, вѣроятно, съ восторгомъ думалъ о томъ, какой козырь судьба посылаетъ ему въ руки въ лицѣ Фанни, и мечталъ уже, какъ будетъ онъ гордиться ею при высокихъ посылителяхъ, началъ утѣшать ее, указывая на несообразность мысли о смерти въ ея годы, пророчилъ ей блестящее окончаніе курса, первую награду и т. п. Когда Фанни возвращалась на свою скамейку, инспектриса, наклоняясь къ ней, нѣжно сказала: «Дети мое! вы превосходно подготовлены! Что же намъ дѣлать, чтобы вы не тосковали?»

Послѣ окончанія урока мы строились въ пары, чтобы идти въ столовую, а Фанни шла въ лазаретъ, гдѣ она, въ виду своего слабаго здоровья, должна была обѣдать, завтракать и даже проводить ночь. Мы въ одинъ голосъ кричали ей: «Первая, самая первая по классу!» Конфузливо улыбаясь, она съ угловатыми манерами дѣвочки-подростка, торопливо пробиралась между парами.

Фанни менѣе, чѣмъ кто-нибудь изъ насъ, должна была бы чувствовать ненормальныя условія институтскаго существованія: она спала въ теплой комнатѣ лазарета, питалась больничною пищею, которая была несравненно лучше общей, пила молоко, видѣлась съ матерью по два раза въ недѣлю, всѣ въ лазаретѣ баловали ее и стали баловать еще болѣе послѣ ея блестящаго дебюта въ классѣ, когда инспектриса просила доктора, чтобы для нея было сдѣлано все, что только возможно: она могла спать въ лазаретѣ до 8 час. утра, укрываться такъ, чтобы ей было тепло, докторъ постоянно снабжалъ ее «дѣвичьею кожей», — любимое лакомство институтокъ, которое было въ большомъ запасѣ въ нашей казенной аптекѣ.

Однако, эти неслыханныя для того времени привилегіи, которыми она пользовалась, видимо, мало утѣшали ее. Хотя окрики и брань классныхъ дамъ были обыкновенно направлены не на нее, она все-таки при этомъ вздрагивала, блѣднѣла и по-прежнему имѣла удрученный видъ. Ея хрупкій организмъ, тонкая организація, до болѣзненности страстная привязанность къ матери, нѣжное домашнее воспитаніе не могли дать ей энергіи, силы и устойчивости для сопротивленія окружающей грубости и солдатчинѣ,—и она въ полномъ смыслѣ слова увядала, не успѣвши расцвѣсть. Съ подругами она мало сближалась и на ихъ разспросы вяло, нехотя давала одно-

сложные отвѣты и только, болѣзненно пожимаясь, говаривала: «Какъ у васъ холодно! Какъ у васъ скверно!» — «Что ты все говоришь—у васъ, да у васъ? У насъ то же, что и у тебя, госпожа принцесса-недотрога!..» насмѣшливо глядя на нее, выпаливала Ратманова. «Злая, грубая!» отвѣчала Фанни и заливалась слезами. Не могла она переносить и холода въ классѣ, хотя и въ этомъ отношеніи она пользовалась привилегіею не снимать пелеринку даже во время уроковъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, во время которыхъ она приходила въ классъ, она рѣдко когда учила заданный урокъ, а сидѣла на своей скамейкѣ и всегда что-то писала въ свободное время. Инспектриса, когда встрѣчала ее, ласково спрашивала о здоровьи. Верховская, ея дортуарная дама, послѣ ея блестящаго дебюта въ язвахъ, тоже относилась къ ней весьма любезно, но м-лле Тюфяевой, этой истинной злопыхательницѣ, было не по душѣ отношеніе къ Фанни окружающихъ, и она то-и-дѣло ворчала на нее или кидала въ ея сторону злобныя взгляды. Однажды, когда та, по своему обыкновенію, что-то писала, Тюфяева схватила написанные ею листики и съ этими трофеями, что-то бурча себѣ подъ носъ, поплелась къ своему столу.

— Это что такое?..

— Мамѣ письмо.

— Это что за небыллица! Какія могутъ быть у тебя письма къ матери, когда ты видишь ее по два раза въ недѣлю? А если къ матери пишешь, то съ кѣмъ же изволишь посылать ихъ?

— Когда мама приходитъ, я и отдаю ихъ ей сама.

Тюфяева отложила въ сторону чулокъ, который она вѣчно вязала, надѣла очки и начала разбирать написанное.

— Какъ, ты изволишь переписываться по-польски? Я не только скажу объ этомъ инспектрисѣ, но сама отнесу твои письма начальницѣ, попрошу ее объяснить мнѣ, смѣютъ ли воспитанницы писать своимъ родителямъ на языкѣ, котораго, кромѣ полекъ, никто здѣсь не понимаетъ? Смѣютъ ли онѣ отдавать письма родителямъ, не прочитанныя предварительно классной дамой? Съ тѣхъ поръ, какъ я служу, еще никого не баловали такъ, какъ тебя. А за что? Не за то ли, что ты лижешься съ своею матерью, которая, не успѣвъ переступить порога заведенія, надѣлала всѣмъ массу неприятностей, даже начальницѣ, не за то ли, что она оставила здѣсь свое чадушко, которое только киснетъ, нюнить и въ обморокъ падаетъ?

Эта рѣчь была прервана истерическими рыданіями Фанни.

— Дрянъ! Плакса!—бросила въ ея сторону Тюфяева и, точно послѣ блистательно одержанной побѣды, побѣдоносно вышла изъ класса. Мы окружили Фанни, подавали ей воду, смачивали виски, но она такъ разстроилась отъ слезъ, что ее увели въ лазаретъ.

Прошла недѣля—другая, а Фанни все еще не показывалась въ классѣ. Какъ-то утромъ, когда мы только что встали, мы услышали бѣготню въ корридорахъ и стремглавъ бросились посмотреть,

что такое случилось. Мимо насъ сновали горничныя, больничная прислуга, классныя дамы.

— Не смѣть выходить изъ дортуаровъ!—кричали намъ, и мы, какъ мыши, прятались въ свои норы. Въ ту же минуту въ нашу дортуаръ вбѣжала пепиньерка и заявила м-лле Верховской, что инспектриса проситъ ее немедленно явиться къ ней. Мы, кофульки, пожираемыя любопытствомъ, опять выбѣжали на «развѣдки». Когда мы загородили дорогу горничной, пробѣгавшей мимо насъ, умоляя ее сказать намъ, въ чемъ дѣло, она остановилась и рѣшительно произнесла: «Какъ же это возможно? Когда у насъ происходитъ даже не такое важное, да и то намъ запрещаютъ рассказывать... А тутъ такое, такое!..» и, растолкавъ насъ, чтобы очистить себѣ дорогу, она быстро исчезла.

И въ этомъ случаѣ, какъ всегда, наше любопытство удовлетворила Ратманова. Она спустилась въ нижній корридоръ къ истопнику, который, какъ человѣкъ менѣе отвѣтственный за несоблюденіе институтскихъ тайнъ, не устоялъ передъ обѣщаннымъ пятиалтыннымъ и рассказалъ Ратмановой все безъ утайки. Тайна, которую отъ насъ скрывали,—побѣгъ Фанни Голембювской. Надѣвъ утренній капоть, имѣвшійся у каждой воспитанницы для вставанія, и накинувъ на голову платокъ (она рассчитывала, что ее примутъ за горничную и подумаютъ, что она бѣжитъ въ лавочку), она рано утромъ выбѣжала изъ лазарета на улицу, но была поймана въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ институтскаго подъезда швейцаромъ, который тотчасъ узналъ ее и водворилъ въ лазаретъ.

Мы не успѣли опомниться отъ этого ошеломляющаго извѣстія, какъ къ намъ вошла пепиньерка и, вмѣсто Верховской, повела насъ въ столовую, куда тотчасъ же вошла инспектриса и ввзволнованнымъ голосомъ, не объясняя, въ чемъ дѣло, произнесла: «Надѣюсь, дѣти, что объ этомъ печальномъ происшествіи вы не будете разговаривать ни между собой, ни съ своими родственниками».

— О чемъ нельзя разговаривать? Что такое произошло?—какъ только вышла инспектриса, начали спрашивать воспитанницы, не успѣвшія узнать институтской новости.

— Какъ, вы этого не знаете?—закричала Тюфяева.—Ахъ вы, фокусницы! Ахъ вы, сквернявки! Васъ изъ грязныхъ закоулковъ и трущобъ подобрали сюда изъ милости, холили, лелѣяли, а вы вотъ какъ отблагодарили вашихъ благодѣтельницацъ! Извольте зарубить себѣ на носу, чтобы съ этой минуты вы не смѣли и близко подходить къ лазарету, а тѣмъ болѣе къ комнатамъ, въ которой лежитъ эта тварь...

Несмотря на строгое запрещеніе разговаривать между собой о небываломъ еще у насъ инцидентѣ, мы то-и-дѣло говорили о немъ. «Отчаянныя», какъ старшихъ, такъ и младшихъ классовъ, пускались на всевозможныя предпріятія, чтобы что-нибудь вывѣдать

объ этомъ дѣлѣ. Прячась за углами и колоннами, онѣ подсматривали и подслушивали у дверей лазарета, наблюдали, кто въ него входилъ и выходилъ, разспрашивали лазаретныхъ служащихъ, не считавшихъ нужнымъ дѣлать изъ этого тайну, и такимъ образомъ по-нѣскольку разъ въ день, даже въ лицахъ, передавали новости другъ другу.

Какъ только Фанни привели въ лазаретъ, ее уложили въ постель. Она вся дрожала, какъ въ лихорадкѣ. Черезъ часъ-другой послѣ этого къ ея кровати уже подходили—инспектриса, m-lle Верховская, въ качествѣ ея дортуарной дамы, начальница Леонтьева и m-lle Тюфяева, которая, какъ старѣйшая изъ классныхъ дамъ, считала своею обязанностью совать носъ во всѣ дѣла. Когда Фанни увидела особу, которую она ненавидѣла, она вскрикнула и потеряла сознание. Леонтьева приказала позвать врача и привести ее въ чувство. Но тутъ въ комнату вошли, уже извѣщенные о событїи, дядя дѣвочки и ея мать, которая, рыдая, бросилась на колѣни передъ постелью дочери. Наша начальница, со всѣми разговаривавшая очень надменно, на этотъ разъ вложила все высокомерїе и преврѣніе въ свои слова и, торжественно протягивая руку по направленію къ больной, произнесла: «Сїю минуту прошу забыть меня отъ вашей позорной дочери!» Голембїовская, какъ ужаленная, вскочила съ колѣнъ и, глядя въ упоръ на начальницу, наговорила ей съ три короба неприятныхъ вещей, въ родѣ того, что для ея дочери-ребенка нѣтъ никакого повода въ томъ, что она, не стерпѣвъ институтской муштровки, выбѣжала изъ воротъ, а для заведенїя дѣйствительно позорно, что изъ него приходится бѣгать. Что же касается того, чтобы она немедленно взяла свою дочь, находящуюся въ глубокомъ обморокѣ, то этого она не сдѣлаетъ, пока врачи, приглашенные ею, не удостовѣрятъ ее въ томъ, что это не представляетъ опасности для жизни ея ребенка. Начальница, какъ говорятъ, стояла въ это время, поднявъ глаза къ небу, т. е. къ потолку, какъ бы призывая Бога въ свидѣтели, что ей, при ея высокомъ положенїи, немислимо отвѣчать на это что бы то ни было.

— Да какъ вы смѣете такъ говорить съ нашею обожаемою начальницею?—вскричала m-lle Тюфяева, грозно подступая къ Голембїовской.—Знаете ли вы, жалкая, несчастная женщина, что къ нашей начальницѣ съ благоговѣніемъ относится даже вся царская фамилія?

Продолженіе этой сцены прекратилъ докторъ, который просилъ у начальницы дозволенїя сказать ей нѣсколько словъ съ глазу на глазъ. Повидимому, онъ заявилъ ей, что дѣвочку пока никакъ нельзя трогать съ мѣста, такъ какъ начальница въ этотъ день уже не входила въ комнату больной.

Фанни пришла въ сознание не надолго: скоро у нея явился жаръ, а потомъ и бредъ, и она около мѣсяца пролежала въ лаза-

реть. Ея мать неотступно сидѣла у ея постели. Отъ времени до времени дверь комнаты больной открывалась, и въ нее входила начальница, за которою неизмѣнно слѣдовали Верховская и Тюфяева,—имъ она предварительно давала знать о своемъ посѣщеніи. Фанни, уже передъ этою болѣзью, сильно исхудавшая, теперь таяла, какъ свѣчка. У нашей инспектрисы, которая сама была любящею матерью, нерѣдко текли слезы при видѣ несчастнаго ребенка. Но въ такихъ случаяхъ она хваталась за голову и жаловалась на нестерпимую мигрень, а m-lle Тюфяева при этомъ, съ презрѣніемъ глядя на нее, бросала нѣсколько словъ о вредѣ баловства. Малѣйшая ласка, всякое доброе слово, сказанное инспектрисою или какою-нибудь классною дамою воспитанницѣ, терзало сердце Тюфяевой, не знавшей ни жалости, ни пощады. Впослѣдствіи ближе познакомившись съ характеромъ инспектрисы, я увѣрена, что она въ то время болѣла душой за несчастную Фанни, преждевременно загубленную суровымъ институтскимъ режимомъ, но, по слабости своего характера, она ничего не могла замѣтить m-lle Тюфяевой, навѣтовъ которой она страшно боялась.

Какъ только въ положеніи Фанни наступила перемѣна къ лучшему, ея мать заявила точась же, что беретъ ее изъ института.

Послѣ этого происшествія не прошло и мѣсяца, какъ въ нашъ дортуаръ вошла пожилая дама, родственница Фанни, и просила возвратить ей шкатулку дѣвочки, оставящуюся у насъ. Она сообщила намъ, что Фанни, нѣсколько дней тому назадъ, скончалась отъ скоротечной чахотки.

Е. Водовова.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

СОБЛАЗНЪ.

Романъ *Вильгельма Гегелера.*

Пер. съ нѣмецкаго А. М. Брунберга.

Съ ранняго утра въ воскресенье на Новомъ рынкѣ города Гаммерштедта воцарился невѣроятный переполохъ, и слышалась громкая брань; все это было нѣкоторымъ образомъ предвареніемъ еще большей сумятицы и болѣе громкой ругани, которыми долженъ былъ вскорѣ наполниться весь городъ. Крестьянки, которыя съ кадками масла, корзинками яицъ и клѣтками съ птицей спустились съ окрестныхъ высотъ въ покрытую копотью долину рѣки Вупера; торговцы зеленью, которые на своихъ телѣжкахъ, запряженныхъ собаками и шерстными клячами, привезли мѣшки картофеля и яблокъ, лучи нѣжно-зеленыхъ огурцовъ и темно-фіолетовой капусты; садовники, мясники, продавцы дичи и рыбы,—вся эта толпа, съ давнихъ поръ привыкшая по воскресеньямъ и средамъ нераздѣльно пользоваться рыночной площадью, нашла сегодня передъ выстроеннымъ посреди площади достаткомъ заборомъ огромную телѣгу съ обернутой соломой глыбой, о тяжести которой можно было судить по четыремъ тяжело дышавшимъ брабантскимъ конямъ, впряженнымъ въ телѣгу. Такъ какъ возъ не двигался съ мѣста, то обычное распредѣленіе площади между торговцами было нарушено, и потому послѣдовала вначалѣ ссора съ извозчиками, а затѣмъ перебранка въ своей компаніи и ругань по адресу городского, господина Пампуха, толстаго и рыжеволосаго, съ надутыми обливающимися потомъ щеками и рѣзкой фістулой,—человѣка темперамента холерическаго всегда способнаго прійти въ бѣшенство отъ гнилой сливы или копченой селедки, брошенной какой-нибудь торговкой на улицу.

Впрочемъ, господинъ Пампухъ былъ прекраснымъ полицейскимъ, проявлявшимъ неутомимое усердіе по службѣ и безграничную вѣру въ свой авторитетъ. Если онъ не умѣлъ.

объжать, то въ этомъ было виновато лишь чрезвычайное развитіе средней трети его тѣла, отъ которой нѣсколько отстали его ноги. Въ общемъ, однако, онъ обладалъ огромной силой: кто попадалъ въ его руки, того онъ держалъ крѣпко. И когда онъ тащилъ по Новому рынку въ кутузку изголодавашагося бродягу, котораго поймалъ на попрошайничествѣ, онъ являлъ собою зрѣлище, которое у всякаго человѣка съ не совсѣмъ чистой совѣстью заставляло дрожать колѣнки, у честнаго же гражданина вызывало пріятное чувство безопасности, наводя его на красивыя поэтическія сравненія, какъ, напримѣръ: „Мощная длань закона“ или „Око закона бодрствуетъ“... Правда, общая молва говорила, что по ночамъ Пампухъ предавался сладкому сну и вмѣсто того, чтобы безплодными обходами вымершихъ улицъ рвать свои сапоги, любилъ просто прикурнуть у подворотни. Однако, никто, кромѣ него самого и двухъ-трехъ бродягъ, не имѣлъ объ этомъ достовѣрныхъ свѣдѣній.

Сегодня утромъ его служба была, дѣйствительно, не изъ пріятныхъ: онъ выходилъ изъ себя, бѣгалъ туда, сюда, оралъ на жирную торговку, размахивалъ пашкой передъ носомъ заспаннаго деревенскаго пентюха и за свои труды получалъ отвѣты, которые, согласно мѣстной поговоркѣ: *«Bergisch Brot ist grob gebacken»*, были не особенно деликатнаго содержанія. Въ концѣ концовъ, ему удалось уговорить этотъ крѣпколобый народъ потѣсниться, уступить сосѣду часть полагающагося каждому квадратнаго метра пространства и какъ нибудь устроиться.

Пока устанавливались лотки и выгружались привезенные товары, передняя часть дощатаго забора раскрылась, и добрая дюжина людей напрягла всѣ свои силы, чтобъ снять съ воза гигантскую глыбу и на каткахъ ввезти ее за пергородку, гдѣ съ нея сбросили солому и съ помощью крана подняли на фундаментъ. На это ушло много времени, наступилъ ужъ девятый часъ утра, и площадь наполнилась посѣтителями. Октябрьское солнце освѣщало три четверти рынка, такъ что въ прохладной тѣни стояли лишь мясники и торговцы рыбой. Небо сіяло съ необыкновенной ясностью, и воздухъ былъ такъ чистъ, какъ онъ бываетъ лишь въ рѣдкіе дни, когда надъ этимъ мрачнымъ городомъ дуетъ благопріятный вѣтеръ: обыкновенно же изъ цѣлаго лѣса прямо поднимающихся къ небу фабричныхъ трубъ надъ городомъ носятся густыя облака дыма, изъ которыхъ падаетъ почти непрерывный дождь мелкихъ крупинокъ сажи.

Хозяйки и служанки входили въ низкія лавки, толпились у лотковъ, защищенныхъ большими зонтами, болтали и торговались съ торговками; здѣсь пробовали кусочекъ масла

на кончикъ ножа, тамъ вѣвѣшивали въ рукъ кочанъ капусты, нюхали зайцевъ, смотрѣли у рыбъ жабры, у гусей клювы и у куръ то мѣсто, гдѣ долженъ быть жиръ. Но почти всѣ, даже тѣ, которыя очень торопились, не уходили съ рынка, не бросивъ предварительнаго взгляда черезъ щели и дыры опять закрывшейся досчатой перегородки, за которой, какъ мухи на сахаръ, копошилось множество черныхъ фигуръ. Всѣмъ хотѣлось взглянуть на таинственный предметъ, который былъ не что иное какъ новый фонтанъ, о которомъ такъ много толковали и открытіе котораго было назначено на одинъ изъ ближайшихъ дней.

Уже много лѣтъ проектировался для рыночной площади какой-нибудь памятникъ. Нѣкоторое время предполагали воздвигнуть монументъ покойному пастору Дистерхампу, имѣвшему большія заслуги передъ городской церковью. Но любовь къ искусству и щедрость кружнаго промышленника города Гаммерштедта, коммерціи совѣтника Брооха, привели къ сооруженію этого фонтана. И вотъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ вліятельная партія надѣялась видѣть почтенную фигуру проповѣдника, котораго нѣкогда столь же почитали, сколь и боялись, на этомъ самомъ мѣстѣ высилась теперь слегка стилизованная скала, на которой четыре маленькихъ голыхъ мальчика, весело играя съ падавшими между зубцами скалы волнами, взбирались къ молодой, стройной дѣвушкѣ, которая съ кувшиномъ въ лѣвой рукѣ сидя отдыхала на слегка округленной верхушкѣ скалы,—и дѣвушка была также голая... И когда она со своимъ беззаботнымъ лицомъ, свѣтящимся внутреннимъ счастьемъ, смотрѣла внизъ, въ ея тихой улыбкѣ, казалось, просвѣчивало удивленіе и легкая насмѣшка надъ всѣми этими недоброжелательными, сверкающими, широко раскрытыми, иногда странно косящими глазами, которые были вытаращены на нее.

На площади стоялъ старомодный домъ съ черной шиферной крышей и бѣлыми ставнями. Благодаря своему узкому фронту и мелочной опрятности, онъ производилъ пріятное, хотя нѣсколько претенціозное впечатлѣніе старой дѣвы. Пристроенная лѣстница вела съ двухъ сторонъ къ двери, украшенной орнаментами еприге, широкія окна были составлены изъ многочисленныхъ сверкающихъ стеклышекъ, и закрывавшія ихъ занавѣски были такъ часты, что заглянуть въ домъ было невозможно.

Хозяйкой этого дома была старая дѣвица фрейлейнъ Адель Дюмелингъ, внучка нѣкогда столь знаменитаго владѣльца ленточной фабрики Дюмелинга. Она и ея вѣрная Мими, а затѣмъ еще экономка и горничная занимали весь этотъ домъ, — вѣрнѣе, занимали лишь нѣсколько комнатъ,

такъ какъ въ остальныхъ фрейлейнъ Дюмелингъ только стирала пыль. Каждое утро послѣ завтрака она спускалась въ комнату нижняго этажа и передъ трюмо въ золотой рамѣ и съ низкой мраморной консолью переодѣвалась для этого занятія. Резиновой лентой она высоко подвязывала свой пестрый капотъ, надѣвала на свои темнорусые, гладкіе, теперь ужъ довольно-таки рѣдкіе волосы пестрый шелковый носовой платокъ, который она крѣпко завязывала подъ подбородкомъ, натягивала старыя шведскія перчатки, которыя съ удовольствіемъ принимала въ даръ отъ своихъ знакомыхъ, и тогда лишь бралась за тряпку и метелку.

При этомъ занятіи ее сопровождала вѣрная Мими, которая время отъ времени останавливалась передъ особенно ярко блестящимъ предметомъ и звуками выражала свое удовольствіе. По мнѣнію фрейлейнъ Дюмелингъ, Мими была самой нѣжной, благонаправной, сердечной лягавой собакой, какою когда-либо обладала пожилая дама. По мнѣнію же экономки, это была безобразная, злая сука, полная блохъ и худшихъ пороковъ. Если же посмотрѣть на нее безпристрастно, безъ любви и безъ ненависти, то она представляла собою довольно-таки гаденькую маленькую собачонку съ всклокоченной, свѣшивающейся на самый носъ шерстью, изъ которой глядѣла пара темныхъ сверкающихъ, но безконечно печальныхъ глазъ.

Итакъ, при стираниі пыли онѣ были неразлучны. Послѣ этого фрейлейнъ Адель совершала свой туалетъ и занимала свое мѣсто у окна; Мими же вскакивала на другой подоконникъ, и обѣ приступали къ наблюденіямъ.

Фрейлейнъ брала въ руки какое-нибудь шитье или вязанье, но дѣлала это лишь для отводу глазъ. На самомъ же дѣлѣ, она лишь глядѣла, и это было ея любимѣйшимъ занятіемъ. Чего только не видно было на базарной площади! Изъ окна открывался также видъ на аптеку г-на Рингеля, и можно было слѣдить за кондитерской Батге. Такимъ образомъ, фрейлейнъ всегда имѣла возможность сейчасъ же узнать, не заболѣлъ ли кто въ какомъ-нибудь почтенномъ семействѣ города и не заказывался ли кѣмъ-нибудь торгъ.

На этомъ своемъ мѣстѣ у окна фрейлейнъ Дюмелингъ сидѣла уже многіе годы, и въ маленькомъ мірѣ Гаммерштедта она ориентировалась почти такъ же хорошо, какъ Господь Богъ со своего небеснаго трона въ своемъ великомъ мірѣ. Она видѣла многое, что ее огорчало, немногое, что ее радовало, но, правду сказать, тихое, злобное раздраженіе ей доставляло больше удовольствія, чѣмъ радость.

Но что случилось сегодня—какъ разъ тогда, когда она,

сдѣлавъ свой туалетъ для стиранія пыли, стояла передъ зеркаломъ и высунула свой языкъ, который былъ нѣсколько обложенъ?

Среди этого медицинскаго осмотра съ базара донеслось хриплое, дикое гиканіе подбадривающихъ другъ друга извозчиковъ и громкое шелканье кнутовъ, между тѣмъ какъ отъ потрясшаго землю удара задрожалъ полъ ея комнаты, и зазвенѣли стекла оконъ. Собака съ бѣшеннымъ лаемъ вскочила съ мѣста. Фрейлейнъ Дюмелингъ инстинктивно сдѣлала движеніе по направленію къ окну, но, возмущенная, отпрянула назадъ, тотчасъ же сообразивъ, что этотъ шумъ находится въ непосредственной связи съ воздвигаемымъ тамъ внизу таинственнымъ чудовищемъ. А объ этомъ она ничего знать не хотѣла. Разъ это не былъ памятникъ Дистеркампу, то это не украшало, а гадило ея площадь и не должно было существовать для нея.

Порядокъ и аккуратность были высшими принципами ея жизни. Сперва стереть пыль, потомъ сдѣлать туалетъ, потомъ поглядѣть на суету міра. Но это неприличіе тамъ, на площади, слишкомъ сильно возбуждало ея гнѣвъ и ея любопытство. Вопреки своимъ принципамъ, она со злобно вытаращенными глазами поплелась къ окну, раздвинула занавѣски и чрезъ узкую щель между ними выглянула наружу, но тотчасъ же съ громкимъ крикомъ откинулась назадъ, растерявшись не менѣе, чѣмъ если бы она попала не въ свой номеръ въ гостиницѣ и натолкнулась на разодѣтыхъ жильцовъ его... Черезъ нѣсколько секундъ она пришла въ себя, достала изъ своего письменнаго стола ужъ многіе годы не употреблявшійся изящный бинокль съ длинной эмалевою ручкой и самымъ тщательнымъ образомъ, съ головы до ногъ, стала осматривать голыя фигуры.

Она еще стояла въ томъ же положеніи, когда въ комнату вошла ея компаньонка, фрейлейнъ Мейзель.

— Мясникъ пришелъ, барышня. У насъ, вѣдь, сегодня телятина...

— Посмотрите-ка! — вскрикнула, дрожа всѣмъ тѣломъ, фрейлейнъ Дюмелингъ и подала ей бинокль.

— Что? Онъ, вѣдь, не разбитъ?

— Что разбито?

— Ахъ, Боже мой, я думала, что Элиза что-нибудь разбила...

— Да, на прошлой недѣлѣ — рюмку для яицъ. Вамъ этого мало? Нѣтъ, вы на это только посмотрите, на голую фигуру, эту...

— Ахъ, Господи Іисусе! Ахъ, Господи Іисусе! — взволновалась и фрейлейнъ Мейзель и жеманно двинула нижней

частью своего тѣла, приводя въ то же время въ порядокъ свой паричокъ, сдвинутый съ мѣста занавѣской. — Ахъ, Господи, да это богиня!

— Вы можете такъ называть ее. И коммерціи совѣтникъ Бруокъ и его жена могутъ такъ же называть ее и даже молиться ей. Я же говорю, что это—безстыдство, это...

— Н... да, ее, собственно, нужно было бы помѣстить въ музей... Правда, что нѣсколько неловко. Но я хотѣла сказать, такъ какъ у насъ сегодня телятина...

— Это хуже, чѣмъ если-бъ здѣсь построили балаганъ. Это... это сама голая чувственность. И она будетъ стоять здѣсь... передъ моими глазами! Нѣтъ, она здѣсь не останется. Не останется! Мими, иди сюда! Что вамъ, собственно, нужно?—повернулась она вдругъ къ фрейлейнъ Мейзель.

— Такъ какъ у насъ сегодня телятина...

— Такъ закажите телятину! Чего вы такъ долго стоите? Иди сюда, Мими!

Пожимая плечами и качая бедрами, фрейлейнъ Мейзель ушла. Сегодня телятина, завтра телятина, неужели такъ будетъ всю недѣлю?

Нѣсколько мгновений спустя фрейлейнъ Дюмелингъ съ Мими направилась въ свою спальню. Фрейлейнъ Дюмелингъ хотѣла немедленно же отправиться въ полицію. Но, одѣваясь, рѣшила, что лучше будетъ раньше посѣтить пастора Дистеркампа (сына покойнаго). У него было больше власти, и онъ представлялъ собою болѣе надежную инстанцію.

Въ шляпѣ, съ зонтикомъ въ рукѣ, она опять вернулась въ гостинную и въ то время, какъ Мими вскочила на подоконникъ, стала еще разъ осматривать фигуру на фонтанѣ, которая, въ свою очередь, не то серьезно, не то улыбаясь, смотрѣла, казалось, ей прямо въ лицо своими мечтательными, беззаботными глазами. „Ты сердисься?“ — какъ будто спрашивала дѣвушка. „Не лучше ли стать добрыми сосѣдями? Улыбнись же мнѣ!“

Но собака зарычала, а фрейлейнъ лишь сказала:

— Тьфу! Тьфу!

По дорогѣ къ пастору Мими привѣтствовали со всѣхъ сторонъ, такъ какъ всѣ псы города были съ ней въ наилучшихъ отношеніяхъ. Фрейлейнъ Дюмелингъ также привѣтствовали со всѣхъ сторонъ, такъ какъ она была въ городѣ чрезвычайно популярна. Она была предсѣдательницей всевозможныхъ фереиновъ и пользовалась славой щедрой благотворительницы, хотя славу эту можно было приписать скорѣе тому, что отъ нея многого ожидали, чѣмъ тому, что она много давала. Она была въ родствѣ съ первыми семействами города, и ея многочисленные племянники и племян-

ницы называли ее: „наша бессмертная тетушка“. Дѣти же звали ее: „тетя чуть-чуть“, такъ какъ, получая визиты или отдавая ихъ, она къ милымъ малышамъ обыкновенно обращалась со словами: „Я чуть было не принесла вамъ что-то хорошее“, или: „Я чуть было не оставила для васъ кусокъ печени“. Постоянно—чуть-чуть... Бѣдные же и больные, находившіеся въ больницѣ, звали ее: „старый футляръ“, такъ какъ она носила черный кожаный ридикюль, изъ котораго охотно раздавала душеспасительныя брошюры.

Да, она была извѣстна, любима и уважаема всѣми слоями общества, и вотъ она хотѣла попытаться, достаточно ли ея вліяніе для того, чтобы избавить ее отъ этого чудовищнаго сосѣдства.

II.

Пасторъ Дистеркампъ, заслуженный дѣятель поднятія общественной нравственности, наканунѣ вернулся изъ агитационной поѣздки очень поздно и поэтому сидѣлъ еще за завтракомъ. На столѣ стояли прекрасные дары Божьи, служащіе для подкрѣпленія тѣла и духа: свѣже нарѣзанная чайная колбаса, половина копченаго угря, коричневый эмалированный кофейникъ, изъ котораго поднимались легкія облачка дыма, никкелированный сливочникъ, большая чашка господина пастора и тарелка съ поджаристыми ломтиками хлѣба, которые дочь намазала ему довольно толстымъ слоемъ масла. Все это имѣло очень аппетитный видъ, и пасторъ сидѣлъ передъ своимъ добромъ съ видомъ человѣка, которому стоитъ только протянуть руку, чтобы насладиться благами жизни. Онъ такъ и поступалъ, но дѣлалъ это съ охами и вздохами. У него была своеобразная манера долго и усердно разжевывать пищу; видно было, что онъ весь отдавался этому занятію, но какъ-то постоянно бралъ слишкомъ большіе куски: когда онъ глоталъ, его нѣсколько мутные глаза расширялись какъ бы съ нѣкоторымъ страхомъ, и казалось, будто онъ давится. Затѣмъ онъ шумно отхлебывалъ кофе и издавалъ нѣсколько неодобрительныхъ вздоховъ: „Ахъ да, да, да, безобразно, прямо безобразно!“

Онъ былъ стройный мужчина; черный сюртукъ облегалъ порядочно упитанное тѣло, и на массивной шеѣ, охваченной отложнымъ воротникомъ и бѣлымъ, сегодня нѣсколько грязноватымъ галстукомъ, сидѣла крѣпкая круглая голова. Густо намазанные, ужъ порядочно порѣдѣвшіе волосы, съ пробормомъ нагѣво, были зачесаны назадъ, и спереди подъ ними просвѣчивала лысина. У него были голубые глаза, настоящіе глаза Лютера, какъ говорили его почитательницы. Да,

они были дѣйствительно голубые, а затѣмъ вѣдь Лютеръ давно ужъ умеръ. Поразительно бѣлъ, блестящъ и безъ морщинъ былъ его лобъ, но зато сильно развитая, лишенная растительности нижняя часть лица была изборождена глубокими складками.

По другую сторону стола, наклонившись надъ голубой тетрадкой, сидѣла его дочь Анна. Передъ этимъ, когда она сказала отцу, что оставленныя ей на хозяйство деньги ушли до послѣдняго пфеннига, онъ испуганно откинулся на своемъ стулѣ и спросилъ, какъ это возможно. Когда же Анна пересчитала ему всѣ малѣйшіе расходы, онъ сказалъ лишь:

— Да, это ужасно, какъ жизнь становится все дороже. И я могу тебѣ похвастать тѣмъ-же. Моя поѣздка произвела порядочное опустошеніе въ моемъ кошелькѣ. Слава Богу, что я, по крайней мѣрѣ, могу быть убѣжденъ въ томъ, что сдѣлалъ хорошее дѣло. Но два жаркихъ на одной недѣлѣ я, откровенно говоря, считаю излишнимъ.

— Извините, пожалуйста, — возразила Анна, нѣсколько уязвленная, — мы ѣли одинъ только разъ жаркое. Другой разъ лишь вареную говядину. И то потому, что у насъ была прачка. Ты вѣдь, папа, самъ знаешь, какая она требовательная.

— Да, да, да, я знаю. Ахъ, — сказалъ онъ, согнувшись и опять глубоко вздыхая, — я усталъ. Да это и не мудрено: дальняя поѣздка, и по ночамъ едва глаза смыкалъ. Когда мнѣ хотѣлось спать, мнѣ приходилось подниматься на кафедру и читать свою проповѣдь.

— Какъ ты только не переутомился!

— Это, вѣроятно, и будетъ. Чего я только не возложилъ на себя! Но кому же вести борьбу съ гидрой? Да, тебѣ хорошо, ты можешь сидѣть дома и смотрѣть за собою. Ахъ, принеси мнѣ ящикъ съ сигарами.

Когда дочь подала ему сигару, онъ попросилъ ее распаковать привезенныя имъ изъ поѣздки книги и досталъ изъ бокового кармана брошюру, поля которой онъ во время чтенія испещрялъ разными замѣчаніями, вродѣ: «Sic», „O!“ „Увы!“ и т. п.

Анна была худощавая, но крѣпкая дѣвушка, лѣтъ тридцати съ небольшимъ, но моложавая, съ милымъ и нѣжнымъ лицомъ и прекрасными густыми волосами. Ея глаза похожи были на отцовскіе, но, темно-голубые, большіе, свѣтящіеся, они дѣйствительно казались отраженіемъ сильной безпокойной души. Къ сожалѣнію, носъ она наслѣдовала отъ одной тетки, — носъ порядочно длинный и притомъ предрасположенный къ краснотѣ. Этотъ носъ не только портилъ ея лицо, но грозилъ испортить и ее самое. Ибо нѣкоторое время

Анна постоянно думала о своемъ носѣ и, лишь только открывала глаза, видѣла его красный кончикъ, что заставляло ее задавать себѣ вопросъ: что можетъ молодая дѣвушка дѣлать, имѣя подобный носъ? Она ненавидѣла саму себя, была недовѣрчива и враждебна къ другимъ и тяготилась жизнью. Однако, въ одинъ прекрасный день она пришла къ сознанію, что человѣкъ можетъ стать выше какого угодно большого носа, и что жизнь богата цѣнностями и красотами, которыя не оскорбляются видомъ какой угодно наружности.

Первый толчокъ къ этому новому міросозерцанію былъ данъ ей, собственно говоря, отцомъ, хотя и помимо его воли и вѣдома.

Пасторъ Дистеркампъ во время своихъ поѣздокъ постоянно покупалъ новѣйшія произведенія литературы, въ которыхъ онъ искалъ отчасти присущей имъ грязи, отчасти скрытыхъ въ нихъ нападокъ на бракъ. Твердымъ его убѣжденіемъ и любимѣйшей темой его рѣчей, приводившей въ трепетъ и гнѣвъ его слушателей, было мнѣніе, что существуетъ большая интернаціональная и, конечно, тайная лига литераторовъ, которые поставили себѣ задачей разрушить бракъ. Чтобы быть въ курсѣ дѣла, онъ въ теченіе немногихъ лѣтъ составилъ себѣ очень хорошую бібліотеку современныхъ нѣмецкихъ и иностранныхъ писателей, рѣдкую по своей полнотѣ. Однажды Анна изъ любопытства заглянула въ одну изъ этихъ книгъ и нашла въ ней совсѣмъ не то, что господинъ пасторъ. Скоро она стала читать систематически, и эта робкая, скрывавшая за размѣренной гордостью свою внутреннюю жизнь дѣвушка мало-по-малу, послѣ сильной борьбы, совершенно освободилась отъ вѣры и другихъ взглядовъ своего отца и создала себѣ новое сокровище убѣжденій и святынь, къ которымъ привязалась со страстной преданностью чистой, сильной и одинокой души. Но, нашедши такимъ образомъ путь изъ гнетущаго одиночества своей прежней жизни въ столь богатый и красивый міръ, она научилась забывать свой недостатокъ и вступила въ новыя отношенія съ окружающими ее людьми.

Отнесши въ шкафъ юмористическіе журналы и книги съ двусмысленными названіями, она намѣревалась просмотрѣть остальные распакованныя книги, какъ вдругъ въ ея дверь постучались. Она открыла дверь и, выведя Мими на дворъ, а фрейлейнъ Дюмелингъ попросивъ въ комнату, она позвала отца.

— Да благословить васъ Богъ, — сказалъ онъ, пожимая обѣими руками туго стянутую перчаткой правую руку старой дѣвы. — Что доставляетъ мнѣ удовольствіе? Извините, что здѣсь еще не все въ порядкѣ, но я вернулся изъ

Берлина лишь вчера поздно вечеромъ. Ахъ, мой другъ,— продолжалъ онъ съ большей живостью, почти съ энтузіазмомъ,— все-таки доживаешь до радостей! Третьяго дня я говорилъ въ Берлинѣ передъ громадной благоговѣйной аудиторіей: было, навѣрное, не менѣе тысячи человѣкъ, мужчинъ и женщинъ...

— Неужели?— прервала его фрейлинъ Дюмелингъ, видимо пораженная самымъ пріятнымъ образомъ, между тѣмъ какъ ея зеленые глаза зло выпятились изъ орбитъ.— Это меня очень радуешь, г. пасторъ! Въ моей газетѣ сказано было, что на собраніи было довольно мало слушателей...

— Мало слушателей? О,— возразилъ тотъ, въ первый моментъ сбитый съ толку.— Нѣтъ... такъ ошибиться я не могу. Были, правда, и свободныя мѣста, но...

— Конечно, газеты врутъ!

— Разумѣется!— подтвердилъ онъ съ жаромъ и наклонился всей верхней частью своего тѣла.— Ахъ, моя дорогая фрейлейнъ, если-бъ вы знали, сколько грязи я видѣлъ въ Берлинѣ! Сколько нравственной испорченности! Вы себя даже представить не можете.

— И не хочу, не хочу!— возразила она съ жаромъ.— Да-а-а... и желаю вамъ приобрести порядочную метлу, если желаете очистить конюшни. И... и порядочный носъ. Да... но почему вы постоянно ѣдете въ другія мѣста? Развѣ въ Гаммерштадтѣ нѣтъ грязи?

— *Rescatur intra muros et extra.* Это значить, и у насъ грѣшать. Но такъ много— нѣтъ! То, что возможно въ Берлинѣ, то у насъ, слава Богу, невозможно. Я хочу вамъ показать нѣсколько картинъ, выставленныхъ въ витринахъ магазиновъ на самыхъ многолюдныхъ улицахъ Берлина,— голыя тѣла съ такимъ безстыдствомъ...

— Не хочу видѣть! Не хочу видѣть! Не утруждайте себя, г-нъ пасторъ! Заприте лучше эти безстыдныя картины въ шкафъ, чтобъ до нихъ не могли добраться тѣ, кому не слѣдуетъ ихъ видѣть. Я вообще не понимаю, зачѣмъ вы ввели этотъ грѣхъ въ свой христіанскій, пасторскій домъ.

— Это— матеріаль. Онъ мнѣ нуженъ, чтобы будить совѣсть, чтобъ внушать людямъ пламенный гнѣвъ...

— Но меня уже пощадите съ вашимъ матеріаломъ! Мое совѣсть вамъ нечего будить. Я пришла сюда не затѣмъ, чтобы видѣть еще болѣе безстыдныя вещи. Мнѣ ужъ достаточно. Повѣрите ли, г-нъ пасторъ, считаете ли возможнымъ, чтобы... нѣтъ, мнѣ становится дурно при одной мысли о томъ, что день и ночь передъ моими окнами эта голая женщина...

— Что?— спросилъ пасторъ Дистеркампъ, отъ страха нѣсколько раскрывъ ротъ.— Кто стоитъ передъ вашимъ окномъ?

— И вы также отчасти виноваты въ этомъ. Вы бы лучше заботились о томъ, что происходитъ въ вашей общинѣ, вмѣсто того, чтобъ ѣздить въ другія мѣста читать проповѣди въ полупустыхъ залахъ. Теперь вотъ у насъ она... эта голая женщина, эта воплощенная чувственность!

— Да что вы, любезная фрейлейнъ, хотите, собственно, сказать?

— Памятникъ передъ моимъ окномъ. Новый фонтанъ, который только что открыли.

— Который построилъ мой зять?

— Да, господинъ коммерціи совѣтникъ Броохъ пожертвовалъ его. Онъ могъ бы постыдиться. И г-да городскіе гласные также. Тамъ наверху сидитъ голая фигура такъ безстыдно и дерзко... Моей экономкѣ чутье вѣрно подсказало — богиня революціи, словно желающая сказать: я свергнула бога съ трона, и теперь замѣщаю его я.

Дистеркампъ испустилъ глубокій вздохъ, опустил сложенные руки между колѣнами и растерянно смотрѣлъ на свои зеленныя туфли.

Наконецъ, онъ поднялся.

— Моя любезная фрейлейнъ, вы не повѣрите, сколько горя доставилъ мнѣ проектъ этого памятника! Чего хотѣли для Новаго рынка, мы, не только я, но, надѣюсь, и лучшая часть нашихъ гражданъ,—вы знаете сами. Это, дѣйствительно, было бы прекраснымъ свидѣтельствомъ царствующаго въ нашемъ городѣ христіанскаго духа. И вотъ, я узналъ про фонтанъ. Дѣло, очевидно, велось въ глубочайшей тайнѣ, а я самъ умышленно держался вдали отъ этого дѣла. А теперь открыто выступить противъ? Можете ли вы требовать, чтобы я дѣйствовалъ противъ своего зятя?

Тутъ фрейлейнъ Дюмелингъ такъ сжала губы, что между носомъ и выступающимъ впередъ подбородкомъ образовалось лишь небольшое разстояніе.

— Да, г-нъ пасторъ... конечно... если вы такъ понимаете это...

Она высоко подняла плечи и опустила на нихъ голову.

— Если при выборѣ между Господомъ Богомъ и зятемъ вы предпочитаете г-на коммерціи совѣтника Брооха...

— О, отъ этого я далекъ!

Пасторъ вскочилъ въ сильномъ гнѣвѣ.

— Вы... я не совѣмъ ясно выразился. Я буду, конечно...

Растерянный и сердитый, онъ засопѣлъ, при чемъ по привычкѣ теръ гладко выбритые углы рта, и затѣмъ сѣлъ опять.

— Ахъ, моя дорогая фрейлейнъ, вѣрьте мнѣ, мысль о

фонтанъ не исходитъ отъ моего зятя. Въ этомъ виновата лишь его жена! Сколько огорченій доставилъ мнѣ этотъ бракъ! Какъ я отговаривалъ его! Но все было напрасно! Онъ только еще больше отдалился отъ меня. Мнѣ жалко лишь ребенка, бѣднаго, невиннаго Эрнста.

— Не былъ ли отецъ этой дамы художникъ?

— Да, художникъ. Я не видалъ его картинъ. Онъ, кажется, не заключаютъ въ себѣ ничего, что попирало бы нравственность. До сихъ поръ, видите ли, я еще поддерживалъ, по крайней мѣрѣ, для виду наши отношенія исключительно ради Эрнста, чтобы имѣть его подъ своимъ присмотромъ. Я такимъ образомъ могу время отъ времени противо-дѣйствовать новымъ влiянiямъ и способствовать тому, чтобы въ его душѣ продолжала жить память о матери. А теперь... неужели это должно случиться? Скажите, любезная фрейлейнъ, неужели эта фигура, дѣйствительно, такъ ужасна?

— Не знаю, право, г-нъ пасторъ, возможно, что теперь на голыхъ женщинъ смотрятъ другими глазами.

— Она, дѣйствительно, совершенно голая?

— На одежду нѣтъ и намека.

— Никакой одежды? Даже покрывала на бедрахъ?

— Не можете же вы требовать отъ меня, чтобы я эту отвратительную фигуру осмотрѣла подробно. Во всякомъ случаѣ мужскiя фигуры внизу совершенно голыя.

— Ахъ, Спаситель!—сказалъ Дистеркампъ, опустивъ голову на правую руку.—Ну, чему только не научить его эта женщина! Это, дѣйствительно, безобразно!—бормоталъ онъ.

Фрейлейнъ Дюмелингъ, которой, казалось, не особенно нравилась эта нерѣшительность пастора, энергично барабанила указательнымъ пальцемъ по краю стола.

— Я одно хочу вамъ сказать: если этотъ фонтанъ здѣсь останется, меня въ Гаммерштедтѣ дольше не будетъ... У меня нѣтъ никакого желанiя на старости лѣтъ переносить такой срамъ. Или я, или та женщина, эта... воплощенная чувственность!

Казалось, что она прямо влюбилась въ эти послѣднiя слова. Она каждый разъ нѣсколько останавливалась передъ ними и произносила ихъ затѣмъ съ нѣкоторымъ безстыд-нымъ наслажденiемъ.

— Я самъ посмотрю на это произведение. Если оно, дѣйствительно, такъ неприлично, я поступлю, какъ повелѣваетъ совѣсть. Пусть не говорятъ затѣмъ, будто я не дѣлалъ всего, чтобы уберечь свою общину отъ соблазна.

— Я бы предложила вамъ сейчасъ же посмотрѣть фонтанъ. Самое лучшее, пойдемте ко мнѣ. Но лишь черезъ часъ, если можно. Я еще не смела пыли.

Проводивъ свою гостью до выходной двери, онъ пошелъ на кухню и попросилъ дочь сейчасъ же приготовить второй завтракъ.

Въ столовой его охватило неприятное чувство, и онъ сталъ роптать, если не непосредственно на Бога, то, по крайней мѣрѣ, на міровой порядокъ. „Нѣтъ“, думалъ онъ, „вѣдь это же дѣйствительно подло: каждый разъ, когда возвращаешься изъ поѣздки, тебя ждуть дома одни лишь огорченія. Что только думаетъ эта женщина? Не могу же я попросту приказать Герману (такъ звали его зятя) разрушить этотъ фонтанъ... Но если она, дѣйствительно, такъ бевстыдна? Гмъ, тогда я долженъ это сдѣлать!.. И что можетъ произойти изъ всего этого?

Между тѣмъ, Анна принесла чашку бульона и поджаренный хлѣбецъ съ тонко нарѣзанной ветчиной. Взявъ бульонъ и понюхавши его, онъ спросилъ:

— Яйцо свѣжее?

— Я ничего не замѣтила.

Онъ попробовалъ глотокъ и съ отчаяніемъ въ голосъ сказалъ:

— Конечно, тухлое.

Онъ хотѣлъ вспылить, но вмѣсто этого весь согнулся, думая при этомъ: „Тише, тише! Нужно покориться. Все это испытанія, ниспосылаемая Богомъ“.

Было неясно, что онъ имѣлъ при этомъ въ виду: гнилое ли яйцо, или возможный конфликтъ съ зятемъ.

III.

Недолго спустя послѣ полудня по улицѣ Евангелической церкви шли четыре мальчика въ большихъ зеленыхъ шляпахъ. Старшій изъ нихъ былъ долговязый Гаверкамтъ, разыгрывавшій изъ себя важнаго барина и принципиально не носившій учебниковъ. Зато его маленькій сосѣдъ, который своими рахитичными ногами больше подпрыгивалъ и подскакивалъ, чѣмъ шагалъ, тащилъ огромную связку книгъ, такъ какъ, кромѣ надлежащихъ учебниковъ, онъ сунулъ еще въ свою связку два объемистыхъ тома исторіи. Это былъ Фрицъ фонъ Люне, сынъ кавалерійскаго офицера, худощавый мальчикъ съ узкимъ, неправильнымъ, но симпатичнымъ лицомъ, свѣтлыми глазами и до смѣшного большими ушами. Такъ какъ отецъ его былъ вдовцомъ, то онъ жилъ у учителя гимназіи, профессора Мартини. Третій мальчикъ былъ Эрнстъ Броохъ, сынъ коммерціи совѣтника отъ перваго брака. На его высокомъ лбу, подъ вьющимися каштановыми волосами,

ниспадавшими изъ-подъ шляпы, лежала какая-то своеобразная строгая и нервная черточка, а въ глазахъ, отгнѣнныхъ дугами сросшихся бровей, горѣлъ почти фанатическій огонекъ. Онъ былъ сильно возбужденъ. Четвертый, все время отстававшій на полшага, со стершимся ранцемъ на широкой спинѣ, былъ Августъ Шлехтендаль, сынъ портного и интимный другъ Эрнста Брооха. Это былъ мальчикъ невѣроятно добродушный и преданный другу и уже нѣсколько склонный полнѣть, что при его тѣсно облегавшихъ тѣло штанахъ и курткѣ вызывало у учителей и товарищей соблазнъ нѣсколько пощипать, потолкать или, по крайнемѣрѣ, мягко похлопать его пухлую фигурку.

Онъ старался идти нога въ ногу съ остальными и прислушивался къ горячему спору пріятелей. Рѣчь шла объ отношеніи учителя математики къ одному изъ ихъ товарищей. Карлъ Гаверкампъ, подвергая этотъ случай моральной оцѣнкѣ, употреблялъ такія выраженія, какъ „совершенно некорректно“, „абсолютно неблагородно“, между тѣмъ какъ Фрицъ фонъ Люне, бросивъ нѣсколько крѣпкихъ словечекъ, вродѣ „скотина“, „низкій человекъ“, вдругъ добродушно сказалъ въ оправданіе учителя:

— Да онъ, можетъ, и не думалъ ничего дурного.

Эрнстъ Броохъ откинулъ голову назадъ, такъ что кадыкъ его рѣзко выступилъ между краями воротника, и взялъ на себя защиту учителя математики, котораго онъ, впрочемъ, ненавидѣлъ:

— Я бы также не далъ себя морочить. Если-бъ кто-нибудь такъ нагло вралъ мнѣ въ глаза, мнѣ было бы все ни почемъ. Какъ ты думаешь, Августъ? — прибавилъ онъ, по обыкновенію, обращаясь къ своему другу.

И, какъ всегда, тотъ отвѣтилъ добродушно и задумчиво:

— Да... я тоже такъ думаю.

Такъ спорили они, какъ взрослые, какъ вдругъ у кондитерской Батге ихъ вниманіе было на нѣсколько минутъ привлечено гигантскимъ шоколаднымъ всадникомъ и украшеніями изъ сахара и марципановъ. Передъ дверью своего магазина стоялъ въ бѣломъ передникѣ самъ господинъ Батге, розовое, безбородое лицо котораго было сама сладость, само человѣколюбіе и сама вѣра въ Бога.

Г-нъ кондитеръ Батге былъ человѣкомъ набожнымъ. Въ задней комнатѣ его магазина надъ диваномъ, какъ разъ противъ щели между портьерами, висѣло изреченіе: „Я и домъ мой служатъ Господу“. За это онъ пекъ для всѣхъ хорошихъ и набожныхъ гражданъ Гаммершtedта пирожныя и торты и получалъ всѣ заказы на праздничныя и рож-

дественскія подношенія отъ всѣхъ христіанскихъ ферейновъ.

Господинъ Батге вышелъ немного подышать свѣжимъ воздухомъ и съ снисходительнымъ любопытствомъ глядѣлъ на базарную толкотню.

Но когда среди мальчиковъ, смотрѣвшихъ на витрину, онъ узналъ и Эрнста Брооха, лицо его вдругъ выразило несказанное презрѣніе и оскорбленное достоинство. Онъ поспѣшно скрылся въ дверяхъ магазина и сталъ у мраморнаго прилавка, на которомъ красовалось множество только что вынутыхъ изъ печи тортовъ. Величайшее наслажденіе вдыхать этотъ запахъ свѣжаго деревенскаго масла, не правда ли? Онъ бросилъ вопрошающій взглядъ на краснощекую продавщицу, точно и она должна была быть опьянена этимъ запахомъ.

— Да, г-жа коммерціи совѣтница, кто осмѣлится сказать мнѣ въ глаза, что мои торты пахнутъ маргариномъ, тотъ по просту вретъ!—думалъ онъ.

Этотъ упрекъ, незадолго передъ тѣмъ брошенный ему матерью Эрнста, вызывалъ въ немъ невыразимое раздраженіе. Несмотря, однако, на его благородное негодованіе, г-жа Броохъ уплатила по счету и съ тѣхъ поръ стала все заказывать у его конкуррента,—какъ будто тотъ не употреблялъ маргарину.

Г-нъ Батге, только что усѣвшійся на высокое кожаное кресло у кассы, саркастически потиралъ свои руки... Коммивояжеръ маргариновой фабрики открылъ ему, что другой городской кондитеръ его лучшій клиентъ, а онъ, Батге, стоитъ лишь на второмъ планѣ... Вообще, что представляетъ собою все это отвращеніе къ маргарину, если не глупое предубѣжденіе! Въ общемъ кондитеръ былъ человѣкъ строго консервативныхъ взглядовъ, но въ данномъ пунктѣ онъ твердо стоялъ за просвѣщеніе и боролся противъ вреднаго суевѣрія.

Между тѣмъ, мальчики замѣтили кишашую на рынкѣ толпу.

— Эй, толстякъ, что тамъ такое?—сказалъ Фрицъ Августу Шлехтендалю.—Посмотримъ-ка!

И онъ быстрыми прыжками бросился впередъ. Остальные также забыли и свой диспутъ, и шоколаднаго всадника и бросились бѣжать вслѣдъ за нимъ. Въ этотъ моментъ одинъ рабочій открылъ дверь въ заборѣ. Они забрались внутрь и съ любопытствомъ уставились на фонтанъ, который ослѣпительно ярко блестѣлъ на солнцѣ. Первое ихъ чувство было—полное разочарованіе. За дощатымъ заборомъ, подъ высокими лѣсами, съ которыхъ спускались еще

желѣзные цѣпи подъемнаго крана, они надѣялись узрѣть нѣчто болѣе внушительное и мощное, чѣмъ эта поднимающаяся изъ бассейна не совсѣмъ-то естественная скала, на которой виднѣлись лишь четыре голыхъ мальчика (которые здорово должны были поцарапать себѣ колѣни, какъ думаль Фрицъ фонъ-Люне), а надъ ними женская фигура. Послѣдняя обращала на себя ихъ вниманіе, но, такъ какъ они не привыкли наслаждаться произведеніями скульптуры, то она производила на нихъ впечатлѣніе не полного жизни тѣла, высѣченнаго изъ мрамора, а чего-то чуждаго, застыващаго и скучнаго. Крайне смущенные и, къ тому же, ослѣпленные лучами солнца, они жмурились на статую и тщетно спрашивали себя, что тутъ красиваго? Только долговязый Гаверкамъ черезъ нѣкоторое время отпустилъ грубоватую острогу.

— Ты свинья!—возразилъ Фрицъ.

Они еще продолжали стоять, какъ позади нихъ появился какой-то старикъ съ длинной, бѣлой, у подбородка и носа отливавшей коричневатымъ цвѣтомъ бородой, и съ живостью спросилъ ихъ:

— Дѣти, какъ вы сюда попали? Да вообще, зачѣмъ вы здѣсь? Здравствуйте, г-нъ Бюргель, извините, что я такъ ворвался, но я увидѣлъ, какъ мои юнцы залѣзали сюда. Развѣ можно смотрѣть до открытія фонтана?

Скульпторъ, коренастый и не старый еще человѣкъ съ сверкающими очками на короткомъ носу, испустилъ изъ-за чернаго лѣса своей густой бороды какое-то непонятное, но, повидимому, дружелюбное ворчанье.

— Ну, мальчики, если г-нъ Бюргель такъ любезенъ, то вы можете смотрѣть на фонтанъ. Эта здѣсь,—старикъ поднялъ свою палку,—въ своемъ родѣ такъ же красива, какъ и бюсты въ нашемъ актовомъ залѣ.

Мальчики, съ почтеніемъ снявшіе шляпы передъ своимъ учителемъ, стояли нѣсколько смущенные, не зная, на что рѣшиться: остаться или улизнуть. Но Фрицъ фонъ-Люне задалъ дерзкій вопросъ:

— Это, вѣрно, нимфа, г-нъ профессоръ?

— Если отъ этого фигура становится тебѣ болѣе понятной, то пусть это будетъ нимфа, сынъ мой. На самомъ же дѣлѣ, это не что иное, какъ красивая дѣвичья фигура, столь же чистая и прекрасная, какъ прозрачная вода, которая скоро потечетъ здѣсь. Но вы должны посмотреть на фонтанъ въ цѣломъ.

Тутъ ученый мужъ прочелъ небольшую лекцію, при чемъ водилъ мальчиковъ то туда, то сюда. Они внимательно прислушивались къ его словамъ и на своихъ лицахъ стара-

лись выразить сознательное удивленіе. Однако, слова его остались для нихъ мало понятными. Когда же они услышали, что на гармоніи сооруженія они могутъ изучать законы золотого сѣченія, ихъ охватила легкая дрожь.

Наконецъ, учитель опять обратился къ скульптору, который въ это время надвинулъ свою шляпу на затылокъ и отиралъ себѣ лобъ.

— Послушайте, г. Бюргель мнѣ интересно было бы знать, не находились ли вы подъ вліяніемъ Гомера, созидая свою чудесную дѣвичью фигуру?

— Гомера?

— Да, вы вѣдь знаете, что именно онъ вдохновлялъ древнихъ ваятелей.—Зевсиса при созданіи Елены и Фидія при созиданіи Зевса. Вы помните вѣдь знаменитое мѣсто...

— Я, къ сожалѣнію, вообще не знаю Гомера, г-нъ профессоръ,—возразилъ скульпторъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ.—Я вѣдь реалистъ.

Замѣтивъ полное изумленіе на лицѣ старика, онъ прибавилъ:

— Но мнѣ всегда хотѣлось прочесть его. Я ужъ давно собираюсь это сдѣлать.

— Человѣкъ вы этакій!—сказалъ профессоръ Мартини:—вы не знаете Гомера? Приходится завидовать вамъ. Вамъ еще предстоитъ огромнѣйшее наслажденіе. Когда подумаю, что я могъ бы еще разъ свѣжо воспринять этотъ міръ красоты! Но прочтите его! Даже въ переводѣ онъ произведетъ на васъ замѣчательное впечатлѣніе. Что? Вы, значить, о Гомерѣ совершенно не думали? Ну, ну, меня это, дѣйствительно, удивляетъ.

Онъ продолжалъ стоять нѣсколько растерянно, какъ вдругъ одинъ рабочій взялъ его за рукавъ и сказалъ ему, что было бы хорошо, если бы онъ нѣсколько отодвинулся. Онъ попрощался, обѣщавъ при этомъ скульптуру принести въ ближайшее воскресенье переводъ Фосса.

Мальчики также продолжали свой путь. Когда долговязый Гаверкампъ, пройдя съ ними вмѣстѣ нѣсколько шаговъ, попрощался, у нихъ начался оживленный разговоръ.

— Пусть себѣ Мартини говоритъ, что ему угодно, но мнѣ больше нравятся картины, — началъ Фрицъ фонъ-Люне.

— Но труднѣе вѣдь ваяніе,—высказалъ свое мнѣніе Августъ.—Стоитъ только сдѣлать одинъ невѣрный ударъ, и вся фигура къ чорту.

— Въ настоящее время скульпторъ самъ не высѣкаетъ. Для этого существуетъ машина,—наставлялъ его Эрнстъ.

— Что?—крикнулъ Фрицъ. — Ты съ ума сошелъ? Онъ самъ не высѣкаетъ? Что же онъ дѣлаетъ?

— Онъ дѣлаетъ модель.

— Ерунда! Это тоже искусство?

— Хочешь пари?

— На что?

— На десять папирозъ!

— Идетъ. Впрочемъ,—обратился Эрнстъ послѣ короткаго раздумья,—я вообще не могу биться объ закладъ. Я это слышалъ за столомъ отъ самого г-на Бургеля. Но мы сегодня послѣ обѣда посмотримъ въ нашемъ энциклопедическомъ словарѣ.

— Если это такъ,—сказалъ Фрицъ,—то я скульптуру не считаю искусствомъ. Лучше ужъ смотрѣть картины у Керксига.

И они направились къ сосѣднему книжному и художественному магазину, гдѣ были выставлены англійскіе эстампы, изображающіе сцены спорта.

— Чортъ возьми!—крикнулъ Фрицъ, въ восхищеніи подпрыгивая съ одной ноги на другую.—Посмотрите-ка steerle-chasse! Какъ нарисованы жеребцы! А тамъ упала кобыла! Смотри, Августъ, это чистокровная англійская порода, это можно сейчасъ узнать. Ну, посмотри только, какъ нарисованы гвозди въ подковахъ! Это вѣдь нѣчто совсѣмъ не то, что эти скучныя фигуры!

IV.

Профессоръ Мартини взобрался, между тѣмъ, по крутой улицѣ, ведущей къ городскому парку, расположенному на окрестныхъ горахъ. Задумчиво ступая впередъ, онъ на каждомъ шагу ударялъ по асфальту желѣзнымъ наконечникомъ своей палки.

— Гмъ, — думалъ онъ про себя, — Гомера, значить, онъ не знаетъ! А вѣдь въ общемъ славный, образованный и литературно-развитой человѣкъ. Реалистъ...

Онъ остановился и медленно покачалъ своей бѣлой головой. Онъ этого никакъ не могъ понять. Реальное училище можетъ, пожалуй, воспитать дѣльныхъ, почтенныхъ, честныхъ людей, но самое высшее, что есть въ жизни, можетъ вѣдь дать лишь тотъ, кто получилъ классическое образование. А вѣдь все-таки выраженіе лица этой дѣвушки такъ благородно, вѣдь она вся, точно воплощеніе какого-нибудь мѣста изъ Гомера, котораго этотъ человѣкъ и не читалъ даже. Это, вѣрно, такъ! Это, вѣрно, даръ Божій!.. „Wenn ihr's

nicht fühlt, ihr werdet's nicht erjagen“, — вспомнилось ему: — „чего вы не прочувствовали, того не усвоите“. Гмъ, гмъ! А кто чувствуетъ, кто видитъ, тотъ не нуждается въ ученыхъ изысканіяхъ! — думаль онъ.

Богъ вѣдаетъ, какимъ образомъ старику вдругъ вспомнились его собственные стихи, стихи, которые онъ столько разъ сочинялъ въ былыя времена по случаю дня рожденія императора, по поводу всякихъ юбилеевъ, во время экскурсій и веселыхъ попоекъ. Одни изъ этихъ произведеній были отпечатаны на красивыхъ листахъ и, какъ „Macte senex imperator“, торжественной мелодіей распѣвались ученическимъ хоромъ подъ управленіемъ учителя пѣнія, г-на Костенварта, которому ключъ отъ дверей замѣнялъ дирижерскую палочку; другія же исполнялись взрослыми и пѣлись на болѣе народные мотивы, какъ напр., „Prinz Eugen, der edle Ritter“. И всегда эти пѣсни вызывали восторженное одобреніе, соотвѣтственно обстоятельствамъ возбуждая то тихое умиленіе, то бурный энтузіазмъ. Но Богъ знаетъ, что разстроило вдругъ стараго учителя: всѣ эти рѣшмы разомъ перестали нравиться ему и показались ему безцѣльными, безжизненными. Въ своемъ несправедливомъ гнѣвѣ онъ дошелъ даже до того, что началъ стыдиться за этихъ свидѣтелей столь многихъ счастливыхъ часовъ. Онъ въ мысляхъ своихъ провелъ по нимъ мокрой губкой, какъ будто онъ имѣлъ передъ собою безграмотную пачкотню плохого ученика на классной доскѣ. Никогда больше онъ не позволить себѣ коснуться поэзій, онъ въ этотъ моментъ не понималъ даже, какъ онъ могъ позволять себѣ подобное раньше!

— Ахъ, да, да, да! — вздохнулъ онъ, опять видя передъ собою выраженіе лица статуи на фонтанѣ, чувствуя при этомъ нѣкоторое огорченіе, нѣчто въ родѣ зависти и стыда, но ощущая, вмѣстѣ съ тѣмъ, какую-то внутреннюю радость, которая вызвала на его лицѣ умиленную улыбку. И, видя передъ собою эту фигуру, которая представлялась ему то вся въ цѣломъ, то въ какой-нибудь восхитительной детали, онъ началъ шагать легче и быстрѣе, какъ будто ему было не семьдесятъ два года, а двадцать семь лѣтъ. Онъ чувствовалъ себя проникнутымъ и какъ бы ободреннымъ какимъ-то особеннымъ ощущеніемъ, которое являлось одновременно и осуществленнымъ счастьемъ, и тоской по немъ.

Едва успѣлъ онъ пройти желѣзную калитку, ведущую въ паркъ, какъ замѣтилъ на одной изъ боковыхъ дорожекъ, окаймленной низко-подстриженными кустиками, господина маленькаго роста. Его выцвѣтшая, искривленная и измятая шапочка была залихватски сдвинута на лѣвый бокъ, а золотое пенсне безопасно покачивалось на носу, такъ что

хитро мигающіе глаза могли глядѣть и черезъ стекла и поверхъ нихъ. То былъ оберъ-бургомистръ г-нъ Клейнгольдъ.

Едва замѣтивъ учителя, онъ ускорилъ свои и безъ того быстрые сѣменяшіе шагки и поспѣшилъ къ нему. Послѣ перваго привѣтствія, онъ тихо и хитро улыбнулся своему vis-à-vis и, плотно придвигаясь къ нему, плутовскимъ тономъ, какъ будто рѣчь шла объ удачной юношеской продѣлкѣ, спросилъ его:

— Ну, какъ вы себя чувствуете послѣ нашего вечера „непринужденныхъ“? Вотъ былъ вечеръ. Господи, такъ весело мнѣ ужъ, право, давно не было. Нѣтъ, а ваши стихи, г-нъ профессоръ,—они были просто великолѣпны. Я вамъ вотъ что скажу.

Взявъ учителя подъ руку и привлекая его еще ближе къ себѣ, онъ разсказалъ ему, какъ, вернувшись домой поздно ночью или — хи-хи-хи! — рано утромъ, онъ не могъ удержаться, чтобъ не разбудить свою жену, дабы тотчасъ же прочесть ей стихи учителя.

— Нѣтъ, вамъ надо было видѣть, какъ моя старуха хотала! „Я бы хотѣла услышать ихъ изъ устъ самого г-на учителя“, сказала она. Нѣтъ, нѣтъ, они ей ужасно понравились. Но, послушайте! Вѣдь мы на будущей недѣлѣ открываемъ фонтанъ. Большого народа хотя и не будетъ, но вѣдь обѣдъ у Брооха надо обставить нѣсколько торжественно. Такъ вы ужъ, пожалуйста, осѣдлайте своего Пегаса.

Но Мартини, въ виду только что даннаго себѣ обѣщанія, отказывался самымъ рѣшительнымъ образомъ, подъ предлогомъ массы работы, отсутствія настроенія и всевозможныхъ причинъ. Увидѣвъ, наконецъ, что не достигаетъ цѣли, онъ заявилъ, что вѣдь въ Гамерштедтѣ есть болѣе молодая сила, которая сдѣлаютъ это гораздо лучше его. Но тутъ оберъ-бургомистръ былъ просто возмущенъ. Онъ прижалъ свое пенснэ къ переносицѣ и спросилъ: гдѣ же еще можно найти такого вѣчно юнаго поэта, какъ профессоръ Мартини, если подъ молодостью понимать сердце, воодушевленіе и работоспособность. Нѣтъ, нѣтъ, эти такъ называемые молодые люди съ ихъ усталой пресыщенностью,—о нихъ ужъ лучше и не говорить.

И, подсовывая свою руку подъ руку учителя, онъ прибавилъ:

— Я еще немного провожу васъ, но не дѣлайте такихъ огромныхъ шаговъ, а то у нашего брата духъ захватываетъ.

И онъ засыпалъ его столькими доводами, что старикъ началъ смотрѣть на свои старыя грѣхи болѣе мягко и, наконецъ, далъ согласіе.

— Ну, теперь addio! Вы, значить, опять благополучно окрутили меня. Но это ужъ въ послѣдній разъ.

Оставалось еще пройти небольшое разстояніе за паркомъ по постепенно возвышающемуся, извивающемуся шоссе, чтобъ очутиться на боковой дорожкѣ, которая вела въ лѣсъ. Золотистое осеннее солнце лило свой свѣтъ на темно-зеленныя сосны, коричневатые буки и тонкіе стволы нарядныхъ березъ, которые спускались по отлогому склону къ ровному лугу въ долину и опять поднимались на слѣдующемъ возвышеніи. А за ними въ синѣющей дали, окутывающей лѣсную чашу, глазу представлялись новыя красоты.

По опрятной дорожкѣ впереди учителя ковылялъ богатый фабрикантъ, нѣкогда бывшій его ученикомъ, а нынѣ уже старикъ. Его вела подъ руку жена. Мартини снялъ шляпу, чтобъ поклониться, и, не надѣвая ея больше, съ обнаженной головой легкими шагами пошелъ дальше, наслаждаясь ощущеніемъ своей молодости. Свѣжій осенній вѣтеръ развѣвалъ его бѣлые волосы и не совѣмъ еще сѣдую бороду, покрывающую ротъ и подбородокъ; проносаясь надъ увѣшанными шишками верхушками елей и сосенъ, осенній вѣтеръ вливалъ въ его грудь крѣпкіе запахи и уносилъ его умъ въ безконечно далекія пространства и времена. *Integer vitae scelerisque ritus*. Старый мотивъ звучалъ въ немъ, какъ будто нашептывалъ и напѣвалъ его этотъ веселый тихій шелестъ деревьевъ. Тутъ ему пришли на умъ стихи, которыхъ отъ него требовали. Онъ торжественно вдохнулъ и призвалъ на помощь всѣхъ добрыхъ духовъ. И точно такъ же, какъ воюющимъ грекамъ помогали боги Олимпа, такъ къ нему изъ воздушной синевы приблизились любимцы музъ античныхъ классическихъ временъ. И Гораций и Пиндаръ, и Клопштокъ и Шиллеръ и даже старый добрый Глеймъ,—каждый внесъ свою лепту: кто прекрасный образъ, кто возвышенную мысль, кто остроумный оборотъ. Они всѣ вознаграждали стараго учителя за его преклоненіе передъ ними и не оставляли его, пока онъ съ раскраснѣвшимся лицомъ шелъ все дальше, палкой отбивая тактъ тяжело-вѣсныхъ рюмъ.

V.

Около часу дня коммерціи совѣтникъ Брокъ оставилъ свою фабрику. Онъ опоздалъ, имѣлъ крупныя неприятности и, изъ-за массы работъ, не успѣлъ позавтракать. Голодный, нервный, занятый всякими планами, онъ большими шагами шелъ домой, раскачивая грузную верхнюю часть своего тѣла, что онъ всегда дѣлалъ при быстрой ходьбѣ. Домъ его, отдѣленный

отъ дома фрейлейнъ Дюмелингъ всего двумя зданіями, также былъ построенъ въ старомодномъ стилѣ, съ крутой крышей изъ чернаго шифера. Это было большое зданіе, которое своей величиной и простотой орнаментики производило внушительное, хотя и нѣсколько мрачное впечатлѣніе.

Круто повернувъ ключъ, коммерціи совѣтникъ открылъ высокую калитку, которая вслѣдъ за нимъ опять захлопнулась, вбѣжалъ по широкой лѣстницѣ и открылъ дверь въ комнату, которая еще со времени его дѣтства называлась дѣтской, хотя въ этомъ обставленномъ старомодною удобною мебелью помѣщеніи жили теперь взрослые.

Рядомъ была комната, въ которой обыкновенно находилась семья: Когда, остановившись на порогѣ, онъ увидѣлъ тамъ свою жену, стоящую у окна, онъ вдругъ улыбнулся. Улыбнулся открытію, которое сейчасъ, впрочемъ, не въ первый уже разъ сдѣлалъ въ себѣ. Стоило ему только увидѣть свою молодую жену, какъ въ немъ утихало всякое раздраженіе, которое безъ этого часто прорывалось; оно утихало, уступая мѣсто ощущенію тихой, счастливой радости.

— Ты, видно, налюбоваться не можешь на свой фонтанъ?

— Да, не могу. Иди-ка сюда. Развѣ онъ не очарователенъ?

Елена взяла его подъ руку и, подводя къ окну, указала ему на голубя, усѣвшагося на одинъ изъ зубцовъ скалы.

— А насколько это будетъ красивѣе, когда еще польется вода, и птицы будутъ пить ее. Вообще, другъ мой, я тебѣ еще разъ должна сказать: какимъ прекраснымъ ни представлялся мнѣ фонтанъ, онъ на самомъ дѣлѣ во много разъ красивѣе. И мнѣ кажется, что люди тамъ внизу тоже въ восторгѣ. Если-бъ я только знала, что они думаютъ.

Коммерціи совѣтникъ посмотрѣлъ внизъ на площадь. Толкотня немного улеглась, но тамъ все еще толпились любопытные. Къ каждой щели дощатой стѣны прилипла голова какого-нибудь мальчугана, между тѣмъ какъ взрослые издали оглядывали возвышающуюся надъ заборомъ верхнюю часть женской фигуры.

— Что думаютъ люди?—добродушно, но немного насмѣшливо, отвѣтилъ онъ.—Одни злятся, что на это мѣсто не попалъ старый Дистеркамъ, а другіе... Ну, они думаютъ: „Этотъ дуракъ на свои деньги могъ-бъ приобрести что-нибудь болѣе разумное“.

— Фи, ты пессимистъ! Ты прозаикъ.

— А ты сама поэзія! Ты энтузіастка!

Онъ разсмѣялся еще болѣе сердечно и сказалъ:

— Ты, вѣрно, думаешь, что всѣ пылаютъ воодушевленіемъ по адресу благороднаго жертвователя.

— Разумѣется! Если не всѣ, то, во всякомъ случаѣ, многіе.

Въ Гаммершtedтѣ гораздо больше людей, привѣтствующихъ это произведеніе искусства, чѣмъ ты думаешь.

— Дитя, что понимаемъ мы, жители Гаммершtedта, въ искусствѣ? Вѣдь я самъ ничего въ немъ не смыслилъ, пока не познакомился съ тобой. Насъ ты спроси о фабрикаціи пуговиць, о бумагопрядильняхъ, отканьѣ и набивкѣ, — вотъ въ этомъ мы знатоки. Но искусство—это товаръ, котораго мы до сихъ поръ еще не знали.

— Ахъ, я тебѣ не вѣрю. Вѣдь нѣкоторые все-таки рады будутъ этому. А остальные... они прочтутъ въ газетѣ, что фонтанъ является произведеніемъ искусства и будутъ тебѣ благодарны хотя-бы изъ мѣстнаго патриотизма.

— Да, несомнѣнно, ибо гаммершtedтцы вообще въ высшей степени благодарный народъ. Но если быть честнымъ, то придется сказать, что я вовсе не заслужилъ ихъ благодарности. Развѣ для нихъ я воздвигъ фонтанъ! Нѣтъ, я его подарилъ тебѣ. Потому что ты въ Мюнхенѣ пришла въ такой восторгъ отъ модели, потому что ты такъ радовалась мысли, что онъ будетъ стоять здѣсь, передъ нашимъ домомъ. Да, для тебя и только для тебя я заказалъ его; изъ самыхъ низменныхъ эгоистическихъ чувствъ, чтобы твой глазъ могъ видѣть что-нибудь прекрасное въ этомъ городѣ. Ибо то, что тебѣ приходится здѣсь видѣть, мои, напримѣръ... морщины и щетину.

— Ты опять начинаешь?

— Ну, знаешь, когда я вижу тебя, я иной разъ, дѣйствительно, кажусь себѣ старой, обвѣтренной развалиной.

— Вѣдь ты этимъ оскорбляешь мой вкусъ.

Она немного приподнялась на цыпочкахъ, чтобъ поцѣловать его.

Въ томъ, какъ ея мужъ отвѣтилъ на ея ласку, въ томъ, какъ онъ ласково провелъ при этомъ своей тяжелой рукой по ея бѣлокурымъ волосамъ, — было что-то трогательное; а въ улыбкѣ, которая освѣтила его обычно рѣзкое лицо, было что-то удивительное, что-то похожее на робкое счастье молоденькаго мальчика, который любить въ первый разъ.

Въ этотъ моментъ Эрнстъ прошелъ черезъ „дѣтскую“. Увидавъ родителей въ этой нѣжной позѣ, онъ въ изумленіи остановился и, сильно покраснѣвъ, улизнулъ.

Откинувъ голову и высоко поднявъ плечи, онъ глядѣлъ черезъ окно, но не видѣлъ ничего изъ того, что дѣлалось на дворѣ: все время стояли передъ его глазами отецъ и ма-чиха, обнявшіеся въ интимной нѣжности, не подозрѣвая, что ихъ видятъ. Лишь спустя нѣсколько секундъ мраморная фигура за окномъ отпечатлѣлась на глазахъ мальчика. Ея нагота только теперь дошла до его сознанія: голая женщина...

Въ немъ зашевелилось безпокойное и дразнящее чувство, за которое ему было стыдно, и онъ опять сильно покраснѣлъ. Наконецъ, онъ взялъ съ этажерки книгу и съ шумомъ уронилъ ее. Тогда отецъ окликнулъ его. Скрывая свою робость подъ неуклюжей нелюбезностью, онъ поклонился своимъ родителямъ и холодно поцѣловалъ мать въ щеку.

Послѣ обѣда къ Эрнсту пришли его два друга, чтобы вмѣстѣ готовить уроки. Фрицъ фонъ Люне стремглавъ взбѣжалъ по широкой лѣстницѣ, перескакивая черезъ три ступеньки, точно наверху былъ пожаръ, между тѣмъ какъ покладистый Августъ, сильно отставая, слѣдовалъ за нимъ. Нѣкоторое время у мальчиковъ было тихо, но вдругъ по дому пронесся грохотъ, какъ будто кто-то выстрѣлилъ, такъ что экономка, фрейлейнъ Кипшъ, которая какъ разъ складывала серебро въ шкафъ, прилетѣла въ комнату фрау Броохъ съ ножомъ въ рукахъ и, вся запыхавшись отъ ужаса, крикнула:

— Спасите, нашъ мальчикъ!

— Дѣти, вѣрно, выкинули какую-нибудь шалость,—отвѣтила фрау Броохъ, вскочивъ изъ-за письменнаго стола. Она поспѣшила наверхъ, но, какъ только она поднялась на второй этажъ, ей навстрѣчу взбѣжалъ Эрнстъ и быстро сказалъ:

— Ахъ, прости, мама, мы не знали, что она такъ сильно выпалитъ. Я только вложилъ патронъ въ мою старую пушку.

— Вѣдь не ты же!—перебилъ его Августъ.

— Это я, фрау Броохъ, я,—съ веселой усмѣшкой сказалъ Фрицъ, отвѣщая ей низкій поклонъ. — Здравствуйте, фрау Броохъ, надѣюсь, что вы не спали какъ разъ въ это время.

— А вы еще всѣ цѣлы, мальчики? Ну-ка, покажитесь! И напугали же вы меня! Вы, вѣрно, не совсѣмъ въ своемъ умѣ, господа. Такой стрѣльбой вы можете, Богъ знаетъ, какую бѣду натворить.

— Если я при томъ, ничего не можетъ случиться.

— Да? А профессоръ Мартини мнѣ недавно рассказалъ, что ты имъ чуть было весь домъ не поджогъ.

— Ахъ, госпожа Броохъ, семейство Мартини ужасно пугливые люди. Стоитъ только немножко подпалить занавѣску, и имъ ужъ кажется, что весь домъ сгорѣлъ.

— Я думала, что вы всѣ углубились въ свои уроки, а вы вотъ какими фокусами занимаетесь. Какъ же это произошло?—обратилась она къ своему сыну.

— Мы, дѣйствительно, сидѣли за уроками. Латинскій мы приготовили, но вотъ у насъ французскій переводъ...

— Да, французскій переводъ, того...—продолжалъ Августъ, покачивая головой.

— Онъ намъ попросту не дается. Онъ слишкомъ труденъ,— съ большей твердостью докончилъ Фриць.

— Но, господа, вѣдь готовятъ же его ваши товарищи.

— Да, они....

— У нихъ просто есть ключъ, они прямо списываютъ.

— Неужели переводъ, дѣйствительно, такъ труденъ, Августъ?

Августъ задумчиво пожалъ плечами и сказалъ:

— Вѣдь Эрнстъ изъ насъ троихъ лучше всѣхъ знаетъ французскій; и если ужъ онъ не можетъ вылѣзть...

— Дѣло вотъ въ чемъ: учитель Крумъ, онъ...—Фриць выдвинулъ нижнюю губу, подражая учителю французскаго языка:—дѣйствительно, имѣеть словарь французской академіи; это вѣрно—вѣдь его не всякій имѣеть, вѣдь онъ 200 франковъ стоитъ. Но по-французски онъ ни аза не знаетъ, онъ самъ пользуется ключемъ и всегда отыскиваетъ тамъ самыя трудныя мѣста. И если не все такъ, какъ въ его ключѣ, онъ все перечеркиваетъ. Онъ попросту неучъ и придира.

— Ради Бога, мальчикъ, что ты такое болтаешь,—прервала его г-жа Броохъ, между тѣмъ какъ Августъ и Эрнстъ весело смѣялись.

— Да, придира и неучъ!—Это Мартини говорилъ своей женѣ, я самъ слышалъ!

— Чего ты только не слышалъ!

— А на что мнѣ мои большія уши? Должны же они для чего-нибудь пригодиться.

Фрау Броохъ притворилась, что она не слышала послѣднихъ словъ и, глядя въ открытую тетрадь своего сына, читала вполголоса:

— „Когда играю мускуловъ на лицѣ ея почтеннаго стараго отца, который, возмущенный совершеннымъ надъ его дочерью насиліемъ, былъ близокъ къ тому, чтобъ лишиться ясности ума, Лукреція, этотъ во всемъ древнемъ мірѣ знаменитый образецъ той геройской добродѣтели, которая“...

— Гм,—сказала она.

— Да, это такое предложеніе, что его по-нѣмецки еле поймешь!—сказалъ Августъ.

— Госпожа Броохъ, если-бъ вы помогли намъ немного,—просилъ Фриць, который успѣлъ уже, пока что, взобраться на трапецію, свѣшивающуюся съ потолка.

— Ну, послушайте, мальчики, что идетъ всегда впередъ?

— Всегда дамы,—находчиво отвѣтилъ Фриць при общемъ хохотѣ.

— Это въ данномъ случаѣ не такъ глупо, потому что Лукреція вѣдь дама. Но не сойдешь ли ты съ трапеція?

Трудно одновременно качаться на качеляхъ и готовить французскіе переводы. Чѣмъ же является Лукреція?

— Лукреція дочь своего почтеннаго отца.

— Да я не про то. Скажи-ка ты, Эрнст!

— Лукреція—подлежащее,—отвѣтилъ онъ, по обыкновенію избѣгая взгляда матери и глядя въ окно.

— А подлежащее?

— Во французскомъ языкѣ всегда стоитъ на первомъ мѣстѣ.

— Такъ. Но что ты тамъ видишь такое за окномъ?

— Ничего,—отвѣтилъ онъ, вздрагивая, и повернулся къ матери. Но она замѣтила, что онъ дѣлаетъ при этомъ усиліе надъ собой.—Она помогла имъ перевести весь урокъ, разбивая ужасающіе періоды на разумныя предложенія и заставляя мальчиковъ мало-по-малу склеить ихъ. Всѣ четверо при этомъ очень увлеклись, и даже у Фрица, который всегда былъ расположенъ шутить, пробудилось честолюбіе, такъ что онъ не отводилъ глазъ отъ ея губъ, чтобъ не проронить ни слова. Когда эта работа была окончена, она велѣла мальчикамъ написать переводъ и обѣщала угостить ихъ хорошимъ виноградомъ, если они скоро и хорошо окончатъ работу.

Это обѣщаніе привело къ тому, что всѣ трое углубились въ свои тетрадки, такъ что въ продолженіе получаса, кромѣ краткихъ вопросовъ и отвѣтовъ, слышенъ былъ только скрипъ перьевъ. Съ раскраснѣвшими лицами они свободно вздохнули, когда одинъ за другимъ отложили перо въ сторону.

Чтобъ отдохнуть, они затѣяли игру, жертвой которой служилъ кожаный диванъ, и которая состояла въ томъ, что надо было вскочить на него черезъ одну ручку и съ размаху перескочить черезъ другую. Это былъ крѣпкій старый диванъ прадѣдовскихъ временъ; онъ перенесъ уже многое на своемъ вѣку и сейчасъ спокойно терпѣлъ шалости мальчиковъ, хотя пружины въ его набитой конскимъ волосомъ старой груди каждый разъ глухо вздыхали.

— Разъ, два, три, ура!—кричалъ Фрицъ, проносясь надъ диваномъ.

— Ура!—вторилъ ему Эрнстъ, стискивая зубы и дѣлая еще болѣе отчаянный прыжокъ.

— Ур-ра! Ур-ра! Ур-ра!—ревѣлъ Августъ и, кувыркаясь и барахтаясь руками и ногами, перелѣзалъ.

На стѣнѣ подъ портретомъ покойной матери Эрнста торчалъ старый гвоздь, вѣчно причинявшій различныя бѣды. И вотъ, когда Августъ своими лягушечьими прыжками бралъ приступомъ диванъ, онъ зацѣпился локтемъ объ этотъ гвоздь и порвалъ себѣ весь рукавъ.

— Чортъ подери! Моя новая куртка!

— Твой старикъ ее заштопаеть,—сказаль Фрицъ.

— Да, онъ это можетъ сдѣлать,—отвѣтилъ Августъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ.

На самомъ же дѣлѣ, хотя мастеръ Шлехтендаль, дѣйстви-тельно, былъ профессиональнымъ латочникомъ, о рваныхъ костюмахъ своего сына онъ и знать не хотѣлъ. Поэтому Августъ предвидѣлъ ужасную грозу. Когда Фрау Броохъ, немного спустя, вошла въ комнату съ большимъ блюдомъ винограда, ему, несмотря на всѣ старанія, не удалось скрыть своего огорченія, и она сейчасъ же замѣтила происшедшую въ немъ переменъ. Эрнстъ, хорошо знавшій домашнюю обстановку своего друга, заявилъ, что если-бъ Августъ только имѣлъ иголку и нитки, онъ могъ бы самъ заштопать дыру.

— Ну, Августъ, я думаю, лучше всего будетъ, если я попробую приложить свое искусство къ твоей курткѣ.

Она послала Эрнста внизъ за иголками и ниткой, и, пока Августъ, немного смущенный своимъ дезабилье, но внутренно чрезвычайно успокоенный, наслаждался виноградомъ, она чинила его куртку.

Фрицъ смотрѣлъ на нее широко раскрытыми глазами и, наконецъ, покачивая головой, сказалъ:

— Вы, значитъ, и это умѣете дѣлать?

— Ну, было бы плохо, если-бъ я этого не умѣла.

— Да вѣдь обыкновенно говорятъ, что такія ученныя дамы, какъ вы, ничего не понимаютъ въ хозяйственныхъ дѣлахъ.

— Ахъ ты, дурачокъ!—Она весело разсмѣялась.—Во-первыхъ, подобныя вещи должна умѣть всякая женщина, во-вторыхъ, я далеко не такая ученая.

На это даже Августъ возразилъ какимъ-то неразборчивымъ бормотаніемъ, а Фрицъ началъ перечислять все, что она знаетъ:

— Во-первыхъ, математику, потомъ латынь...

— Да все это крохи, которыя я прошла когда-то вмѣстѣ съ моимъ маленькимъ братомъ,—прервала она его.

— Потомъ французскій, англійскій и итальянскій. И, кромѣ того, вы знаете наизусть такую массу стихотвореній и огромные отрывки изъ Шиллера и Гете.

— Я думаю, болѣе ученымъ можно считать развѣ только профессора Мартини,—сказаль Августъ и до ушей покраснѣлъ отъ этого перваго комплимента въ своей жизни.

Послѣ того, какъ госпожа Броохъ оставила комнату, мальчишки продолжали уничтожать виноградъ. Фрицъ удобно растянулся на диванѣ и бросаль себѣ ягоды въ ротъ. Вдругъ онъ вскочилъ и крикнулъ:

— Славная у тебя мама, Эрнстъ!

Послѣдній съ изумленіемъ посмотрѣлъ на своего друга, который съ разгорѣвшимися глазами продолжалъ:

— Я бы тоже хотѣлъ имѣть такую мать. Иной разъ вечеромъ, въ кровати, я думаю о томъ, что вѣдь и мой отецъ, собственно, могъ бы вторично жениться, такъ же, какъ и твой. И я представляю себѣ всѣхъ моихъ тетусекъ, но нѣтъ, изъ нихъ я бы никого не хотѣлъ имѣть мамой. Если онъ женится, то она должна быть такой, какъ твоя вотъ мать.

Эрнстъ смѣялся и не зналъ, что ему отвѣтить. Но такъ какъ онъ вдругъ почувствовалъ въ глазахъ щекочущее теплое ощущеніе, онъ вскочилъ на трапецію, чтобъ стряхнуть съ себя то, что такъ настойчиво поднималось въ его груди. Онъ хотѣлъ овладѣть собой и подавить то, что дѣйствовало въ немъ, точно сильный физическій толчокъ, какъ будто онъ, бѣгая въ извѣстномъ направленіи, былъ кѣмъ-нибудь повернутъ въ противоположную сторону.

Когда онъ въ этотъ вечеръ прощался на ночь со своими родителями, онъ не избѣгалъ взгляда своей мачихи, а, наоборотъ, пристально посмотрѣлъ въ ея глаза и въ первый разъ на одинъ мигъ крѣпко прижался губами къ ея щекѣ. Но вслѣдъ затѣмъ, смущенный и растерянный, убѣжалъ изъ комнаты, такъ что отецъ даже заставилъ его вернуться и приказалъ ему отучиться, наконецъ, хлопать дверьми.

Когда онъ раздѣлся и легъ, въ темнотѣ слова Фрица съ непреодолимой силой овладѣли имъ. Онъ думалъ о Фрицѣ, видѣлъ его своеобразно тоскующее выраженіе лица и думалъ о своемъ собственномъ поведеніи. Обуреваемый самыми противорѣчивыми чувствами и безпокойно ворочаясь въ кровати, онъ спрашивалъ себя: почему онъ не любилъ своей второй матери? Почему онъ не хотѣлъ любить ее, хотя она была такъ добра и ласкова съ нимъ? Почему онъ убѣжденъ, что не долженъ ее любить?

VI.

Душа ребенка представляетъ собою вѣчно измѣнчивую, неустойчивую ткань, сплетенную изъ тысячъ дѣдовскихъ и прадѣдовскихъ нитей. Если, пожалуй, и можно иногда установить, какой родъ нитей является преобладающимъ въ основѣ, то совершенно неопредѣлимы окраска и рисунокъ. Лишь уткомъ опредѣляется узоръ, и этимъ уткомъ является воспитаніе. Нельзя, правда, измѣнить основу, нельзя сдѣлать шелковую ткань изъ шерсти, но, смотря по утку, ткань можетъ стать благородной или вульгарной. Безчисленные, невидимые челноки безпрестанно пробѣгаютъ черезъ душу

ребенка, завершая узоръ. И въ одинъ прекрасный день, къ своему ужасу или къ своей радости, ты видишь передъ собою готовую ткань: твое произведеніе, но и не твое, твой ребенокъ, но не только твой.

Вліяніе покойной Матильды Броохъ, урожденной Дистеркампъ, на ея мужа и сына было очень различно. Когда она умерла, маленькому Эрнсту было всего девять лѣтъ. Какъ сильно онъ ее любилъ, этого онъ раньше и не сознавалъ, это онъ понялъ лишь послѣ ея смерти. За то ея мужъ, который жилъ съ ней въ счастливомъ и дружномъ бракѣ, былъ прямо пораженъ, когда вскорѣ послѣ ея кончины почувствовалъ, что ея смерть является для него хотя съ одной стороны несомнѣннымъ ударомъ, но съ другой какъ бы освобожденіемъ. Она была волюбленной его молодости, на которой онъ женился тогда, когда внезапная смерть старшаго брата заставила его бросить университетъ, чтобъ стать во главѣ кружевной фабрики. Онъ первый нарушилъ традицію, по которой всѣ Броохи становились купцами или промышленниками. Съ широкими, хотя и юношески неясными планами, поступилъ онъ въ университетъ, но подъ давленіемъ вѣнскихъ обстоятельствъ опять подпалъ общей традиціи. Благодаря, однако, своей энергіи, своей рѣшимости такъ или иначе создать что-нибудь значительное, онъ удивительнымъ образомъ использовалъ свое, хотя и недобровольное, положеніе. Фабрика находилась въ ужасномъ состояніи. Уже давно, еще при жизни отца, должны были быть приобрѣтены новыя машины. Онъ предпринялъ коренныя преобразованія, велѣлъ снести старыя накренившіяся зданія и во вновь построенныхъ установилъ новѣйшіе дорогіе нотингамскіе станки. Въ тотъ моментъ передъ нимъ стоялъ вопросъ: быть или не быть?

Въ эти годы борьбы мягкой, милый нравъ его первой жены, ея сохранившаяся вдали отъ суеты міра наивность являлись для него благотворной смѣной послѣ бѣшеннаго напряженія трудового дня. Она была очень далека отъ его дѣловыхъ интересовъ, и если онъ, бывало, иной разъ вечеромъ, полупуть рассказывалъ:— „Слушай, я сегодня опять заказалъ три бобины, въ двадцать пять тысячъ каждую“, она отвѣчала: „Господи! смотри, не истрать только всѣхъ денегъ“, и продолжала грошъ за грошомъ записывать свои расходы по хозяйству. По вечерамъ разговоръ опредѣлялся обыкновенно ея интересами, которые, помимо домашнихъ заботъ, вращались вокругъ того, что дѣлалось у родственниковъ, въ пасторатѣ и въ разныхъ благотворительныхъ обществахъ, въ которыхъ она, по гаммерштедтскому обычаю, состояла членомъ. Вообще вся ихъ жизнь имѣла ярко пѣтистскій харак-

теръ. Въ домѣ много молились, больше чѣмъ это было по душѣ Брооху. Хотя въ послѣднее время, когда къ его вѣрѣ стали предъявлять все большія требованія, дѣло доходило до маленькихъ стычекъ, онъ въ общемъ подчинялся этому домашнему режиму. Являясь въ своей дѣятельности энергичнымъ, въ случаѣ необходимости даже безпощаднымъ борцомъ, онъ былъ дома самоотверженнымъ, покорнымъ супругомъ, приносящимъ этой милой женщинѣ жертвы, гораздо большія, чѣмъ онъ самъ подозрѣвалъ.

Но среди той пустоты, которая наступила съ ея смертью, въ немъ вновь проснулось все то, что хаотически волновало его душу въ молодые годы. У него было такое чувство, какъ будто онъ, послѣ долгаго пребыванія въ комнатѣ больного, сталъ вдыхать свѣжій потокъ вольнаго воздуха, вдыхать его съ наслажденіемъ, съ тоскою и съ изумленіемъ. Въ первый годъ послѣ ея смерти онъ читалъ больше, чѣмъ въ теченіе многихъ лѣтъ своего брака. И съ тою же безпощадной рѣшительностью, съ которой онъ когда-то снесъ слишкомъ низкую крышу и облупившіяся стѣны старой фабрики, онъ освободился отъ тѣхъ затхлыхъ и столь мало отвѣчавшихъ его жаждѣ познанія воззрѣній, въ которыхъ онъ наполовину бессознательно двигался до сихъ поръ.

Правда, постройка новаго духовнаго зданія шла не такъ быстро. Хотя его въ извѣстной степени удовлетворяло натуралистическое міровоззрѣніе, но когда онъ начиналъ углубляться, читая и внимательно вдумываясь въ прочитанное, онъ скоро открылъ незаполнимые пробѣлы въ своемъ образованіи. Болѣе того, онъ замѣтилъ, какой неподготовленной почвой является его душа. И какъ разъ тѣми областями, которыя когда-то больше всего привлекали его, — головокружительныя высоты философіи, сверкающіе сады искусства, — передъ ними онъ стоялъ сейчасъ безпомощный и растерянный. И, наконецъ, онъ пришелъ къ заключенію, что онъ слишкомъ старъ, чтобъ стать ученикомъ, и долженъ удовольствоваться тѣмъ, чтобъ стоять высоко въ своемъ дѣлѣ. Онъ съ новой силой набросился на свое дѣло, и успѣхъ прямо-таки валился ему въ руки, не доставляя ему, однако, настоящей радости.

По отношенію къ своему сыну онъ былъ добросовѣстнымъ, внимательнымъ, строгимъ, но далеко не хорошимъ воспитателемъ. Продолженіе материнскаго надзора за ребенкомъ было поручено фрейлейнъ Киппъ. Она начала его слѣдующимъ образомъ. Г-нъ Броохъ ей показалъ, какъ слѣдуетъ обтирать Эрнста холодной водой. На слѣдующее утро она воскликнула: „Да, дѣточка, ты правъ, если кричишь. Твой отецъ, вѣрно, не такъ думалъ“. И, вмѣсто того,

чтобъ воспользоваться душемъ, она поставила его въ ванну и два раза осторожно провела по его спинѣ мокрой губкой. Въ такомъ же духѣ она истолковывала большую часть указаній г-на Брооха, проявляя при этомъ искусство, которому могъ бы позавидовать не одинъ теологъ, толкующій Священное Писаніе. Это вело отнюдь не къ тому, чтобъ подорвать уваженіе Эрнста къ отцу, а научало его только смотрѣть на папу глазами своей воспитательницы: глазами слугъ, глядящими съ преувеличеннымъ преклоненіемъ. Она имѣла сильное вліяніе на развитіе маленькаго Эрнста. И это вліяніе опредѣлялось не столько ею самой, сколько тѣмъ, что она стала вѣрной исполнительницей указаній пастора Дистеркампа, къ которому она льнула какъ изъ симпатіи къ нему, такъ и изъ хитраго расчета.

Уже при жизни матери Эрнстъ часто посѣщалъ домъ пастора, гдѣ черезъ его душу ревностно гнали многочисленные челночки.

Въ одинъ прекрасный день, когда Эрнстъ, тогда еще карапузъ, весело сидѣлъ на коврикѣ, его дядя, ударивъ кулакомъ по столу, началъ метать громы въ обширной рѣчи, въ которой онъ клеймилъ грѣховное поведеніе людей. Эрнстъ подѣвъ за печку и горько расплакался. Лишь тогда, когда перепуганный ребенокъ громко заревѣлъ, дядя сказалъ ему, что онъ повысилъ свой голосъ не потому что сердился на него, а потому лишь, что готовить проповѣдь къ наступающему воскресенью. При этомъ случаѣ онъ разсказалъ мальчику, какова на видъ церковь, какъ пасторъ стоитъ высоко надъ всей общиной и возвѣщаетъ слово Божіе.

Впослѣдствіи чтеніе проповѣдей стало любимой забавой мальчика, и читалъ онъ ихъ такъ хорошо, что мать съ восторгомъ слушала его.

Къ счастью, онъ вскорѣ послѣ того поступилъ въ школу. Тамъ все пошло совершенно иначе; тамъ и ткачи и ученики ткачей были одинаково дѣятельны, и неисчислимы были тѣ нити, которыя перекрещивались въ станкѣ.

Онъ былъ неравномѣрно способный, но въ общемъ недурной ученикъ. Кто зналъ его поверхностно, тотъ считалъ его флегматичнымъ, хотя на самомъ дѣлѣ онъ далеко не былъ вялъ. Его темпераментъ только не проявлялся во внѣшней шумливости. Онъ никогда не могъ читать или слышать про что-нибудь, не приводя этого въ связь съ самимъ собой. Такъ, напр., стоя съ Августомъ, который съ самого поступленія въ школу сталъ его закадычнымъ другомъ, на какой-нибудь стѣнѣ или обрывѣ, онъ вспоминалъ вдругъ стихотвореніе про смѣлаго прыгуна, и ему хотѣ-

лось во что бы то ни стало подражать ему. Практичный Августъ, который былъ очень далекъ отъ подобныхъ поположененій, часто спрашивалъ потомъ своего друга, поднимающагося съ земли съ ушибленной ногой:

— Ну, что это дало тебѣ?

Эристъ могъ ему только отвѣтить:

— Да мнѣ это просто пріятно.

Но его переживания оставались, главнымъ образомъ, внутри его, а дѣятельность фантазіи повышалась еще, благодаря однообразію домашней обстановки.

Очень скоро часы передъ самымъ сномъ стали для него самыми пріятными. Все, что было воспринято днемъ, выступало въ душѣ, которая въ эти вечерніе часы слышала и видѣла яснѣе, чѣмъ при дневномъ свѣтѣ и шумѣ. Но охотнѣе всего его молодой умъ совершалъ экскурсіи во времена счастливаго ранняго дѣтства, когда была еще въ живыхъ его мама, которая сама укладывала его спать, молилась съ нимъ и, если онъ бывалъ днемъ послушенъ, рассказывала ему исторію, которая произошла съ нимъ самимъ. Ибо его больше всего забавляло видѣть себя героемъ маленькихъ исторій. Ахъ, никто, ни одинъ человекъ и ни одна книга (даже библія) не умѣли рассказывать такъ хорошо, какъ его мама. И когда ему уже надо было засыпать, она оставляла маленькую щелочку въ двери въ другую комнату, потому что онъ немного боялся темноты, и узкая полоса свѣта успокаивала его. Но если въ смежной комнатѣ бывало слишкомъ тихо, онъ звалъ ее испуганнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ застѣнчивымъ голосомъ: „Мама! Мама!“ Она тогда, бывало, часто приходитъ, беретъ его маленькій кулачекъ въ свою худощавую, горячую руку, на пальцахъ которой такъ странно-свободно вертѣлись кольца и, точно изъ большого отдаленія, шепчетъ: „Спи, милый!“

Онъ часто вспоминалъ и то время, когда лицо матери стало такое ужасно худое и приняло какое-то неземное возраженіе, когда она мягко отклоняла его ласки и не позволяла ему,—онъ не могъ понять, почему—цѣловать себя. Такъ мучительны и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ утѣшительны были эти воспоминанія. Они ласкали мягкія, жаждущія любви стороны его осиротѣвшей души. И о томъ чтобъ эти воспоминанія получали все новую пищу, больше всего заботился дядя Готлибъ, который не уставалъ рассказывать своему племяннику о покойной и не пропускалъ ни одной годовщины, чтобъ не посѣтить вмѣстѣ съ нимъ ея могилу.

А рядомъ съ этими воспоминаніями на сцену выступили представленія совершенно инья, настоящія мысли

подрастающаго мальчика, мысли, въ которыхъ фигурировали учителя, товарищи и послѣдняя каникулярная экскурсія. Но заманчивѣ всего, непобѣдимо, какъ сама реальная жизнь, завладѣли имъ широкія мечты о будущемъ. Да, всякія невзгоды и прелятствія, отъ которыхъ онъ особенно страдалъ послѣ того, какъ они проходили (если онъ, напр., осрамился передъ отцомъ или въ школѣ),—все это въ эти свѣтлые часы уступало мѣсто одной блестящей фантастической картинѣ будущихъ дней. Онъ зналъ, что счастье и слава не падаютъ съ неба. Но, тѣмъ не менѣе, онъ вѣрилъ, что наступитъ день, когда отецъ признательно похлопаетъ его по плечу и воскликнетъ: „Браво, мой сынъ“. И, несомнѣнно, наступитъ тотъ день, когда онъ у подѣзда гимназіи встрѣтитъ стараго Крумма, который со шляпой въ рукѣ подойдетъ къ нему и скажетъ:

— Этого я себѣ, дѣйствительно, не представлялъ, господинъ Броохъ, что изъ васъ выйдетъ что-нибудь великое. Въ училищѣ вы вѣдь были олицетвореніемъ невниманія...

Ужъ около дюжины отвѣтовъ Эрнстъ придумалъ на случай этой встрѣчи, но ни одинъ еще не показался ему достаточно мѣткимъ и побѣдоноснымъ.

Вотъ тѣ картины, которыя были затканы въ коверъ души этого мальчика. Многие унаслѣдовалъ онъ отъ матери, многое отъ отца. Смѣлое стремленіе къ высокимъ цѣлямъ, глухо бушующій потокъ, въ шумъ котораго слышалась возвышенная пѣснь о чудесахъ міра и желаніе овладѣть этими чудесами, стремленіе, освободившее нѣкогда Германа Брооха отъ власти традиціи его семьи и толкнувшее его въ университетъ,—это стремленіе и желаніе жили въ Эрнстѣ еще гораздо болѣе глубоко и дѣйствовали съ еще большей стихійной силой.

Но этого отецъ не видѣлъ. Если бы онъ обладалъ инстинктивной чуткостью женщины, онъ бы, вѣрно, лучше понималъ своего сына.

Теперь же, несмотря на всю свою заботливость въ дѣлѣ воспитанія мальчика, онъ не умѣлъ войти въ его душу, не понималъ его, какъ нерѣдко старики не понимаютъ своей собственной юности.

Весной того года, когда Эрнсту минуло четырнадцать лѣтъ, Броохъ предпринялъ путешествіе и поручилъ мальчика фрейлейнъ Киппъ и пастору. Онъ рассчитывалъ скоро вернуться, но возвращеніе его оттянулось, и въ скоромъ времени съ береговъ Лаго-Мадясоре получилось извѣстіе о его помолвкѣ. Сначала мальчикъ былъ, какъ будто, испуганъ, но все-таки обрадованъ этимъ извѣстіемъ. Только

мало-по-малу воздвиглась стѣна, которая впослѣдствіи отдѣлила его отъ матери. Эту стѣну съ одинаковымъ рвеніемъ воздвигали, какъ фрейлейнъ Киппъ, такъ и пасторъ Дистеркампъ. Они это дѣлали безъ помощи прямо непріязненныхъ рѣчей, но мальчика подавляли и заражали та подавленность и искренняя боязнь, которыя овладѣли обоими послѣ полученія этого извѣстія. Въ томъ же направленіи дѣйствовали намеки и полугромкіе разговоры, которыхъ онъ не долженъ былъ понимать, но, однако, понималъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ТАЙФУНЪ.

Океанъ недвижимъ. Но въ смятеніи
Забѣлзли съ полдня облака,
Развѣтляясь, какъ рога олени,
Разливаясь въ небѣ, какъ рѣка.
Догонялъ другъ друга легкой цирусъ *),
И по нимъ струился солнца блескъ...
Безконечный облачный папирусъ
Раскрывался въ тайнахъ арабескъ.
День погасъ, зловѣще бездыханенъ.
А когда смѣнилъ его закатъ,
Западъ былъ какъ мѣдью очеканенъ,
И подъ нимъ завѣсу поднялъ адъ.
Средь огня и дыма злые духи
Разметали крылья надъ водой;
Взвились вѣдьмы—черныя старухи,
Ворожа надъ бездною сѣдой.
Берегись! Всѣ признаки тайфуна,
И въ ночи кругомъ луны кольцо...
Заскрипитъ, запляшетъ въ вихрѣ шхуна
И ударитъ пѣною въ лицо.
Изорветъ на клочья буря снасти.
Не спасетъ Угодникъ Николай
Никого отъ гибельной напасти,
И, какъ псы, поднимутъ волны лай,—
Лай и вой, дѣля, терзая жертвы...
Завтра мракъ. Не избѣжать судьбы.
Но пускай сдаются тѣ, что мертвы,—
Славьте жизньъ средь бури и борьбы!

А. Федоровъ.

*) Облака, предвѣщающія вѣтеръ.

«Хорошіе» и «плохіе» у Л. Андреева.

VII.

«Тьма» дѣлаетъ ясной, въ чемъ вина «хорошихъ». Они—роскошь въ жизни. Они—чужіе въ жизни. Масса человѣческая принадлежитъ къ категоріи «плохихъ», хотя въ душахъ ихъ и живетъ тяготѣніе къ «хорошему. Отсюда ихъ вражда къ «хорошимъ». Это—вражда несчастныхъ къ счастливымъ, соціально-моральнаго плебса—къ соотвѣтствующей аристократіи.

. Людей, которымъ посчастливилось остаться «хорошими» и «чистыми», не могутъ не ненавидѣть люди «тьмы», ибо по условіямъ, отъ нихъ не зависящимъ, они *не могли* остаться хорошими, *должны были* стать плохими, а, слѣдовательно (такова логика жизни), и униженными.

Въ противность Иисусу это понялъ герой холодной «Тьмы».

Черезъ два дня онъ долженъ былъ принять участіе въ «видномъ террористическомъ актѣ»,—бросить бомбу—и онъ умеръ бы спокойно, не зная, что вся его жизнь была сплошнымъ проступкомъ. Ибо «стыдно быть хорошимъ», а онъ всю жизнь именно и гордился этимъ: отсутствіемъ въ его жизни какихъ бы то ни было моральныхъ дефектовъ.

Но вотъ онъ, спасаясь отъ полиціи, попадаетъ въ публичный домъ и слышитъ это своими собственными ушами отъ проститутки, у которой попытка было—совершенно безуспѣшно—пробудить симпатіи къ себѣ и къ тому, что считалъ дѣломъ своей жизни... Кто онъ? Въ чемъ это дѣло, за которое онъ готовъ умереть? Какое отношеніе къ *ней* это дѣло имѣетъ? Какое отношеніе имѣетъ вообще ко всѣмъ, какъ она, изуродованнымъ жизнью? Все это, оказывается, для Любы не имѣетъ никакого интереса. Изъ того, что онъ успѣлъ рассказать о себѣ: о тюрьмѣ съ 14-лѣтняго возраста, о 12-лѣтнемъ мыканьи съ тѣхъ поръ по свѣту въ роли звѣря, на котораго ведется облава съ финаломъ, который не трудно предвидѣть, — она знаетъ самое главное: онъ — человѣкъ изъ того враждебнаго сословія «хорошихъ», которое существовало въ Иудейскія времена Иуды... Больше ей ничего не нужно знать.

Этого совершенно достаточно, чтобы у нея толчекъ за толчкомъ назрѣло (временно) злобное желаніе вмѣшаться въ замыселъ «счастливица»-революціонера: обезоружить его, отдать въ руки полиціи, оставивъ себѣ роль режиссера въ смѣшномъ фарсѣ униженія «хорошаго». (N. B. Мы уже оговорились, что это настроеніе временное. Оно проходитъ безслѣдно, и то обезоруженіе, которое въ концѣ концовъ Люба все-таки продѣлываетъ, не имѣетъ ничего общаго съ предательствомъ. Для него есть свои причины. Считаемо нужнымъ оговорить это, потому что эта подробность ускользнула отъ вниманія критиковъ, очень внимательныхъ и сочувственныхъ загадкамъ автора «Тьмы»).

Всѣ слова убѣжденія остаются въ горлѣ, когда проститутка задаетъ герою «Тьмы» кардинальный и рѣшительный вопросъ: «Какое же ты имѣешь право быть хорошимъ, когда я плохая?»

...Даже жалость какъ будто свѣтилась въ надменныхъ глазахъ проститутки, вдругъ чудомъ поднявшейся на ступень невидимаго престола и оттуда съ холоднымъ и строгимъ вниманіемъ разглядывавшей у ногъ своихъ что-то маленькое, крикливое и жалкое. Уже не смѣялась она, и волненія не было замѣтно, и глазъ невольно искалъ ступенекъ, на которыхъ стоитъ она—такъ сверху внизъ умѣла глядѣть эта женщина.

Пораженный герой Л. Андреева рѣшаетъ, что онъ и на самомъ дѣлѣ обязанъ стать «плохимъ». Правда, онъ «не умѣетъ» этого. Онъ когда-то успѣшно выдержалъ бунтъ плоти и остался до своихъ преждевременныхъ сѣдинъ дѣвственникомъ. Онъ не прикасался, какъ библейскій Назорей, и къ вину. Но все это не помѣшаетъ ему. «Какъ странно: нужно учиться быть плохимъ... ну, да я сумѣю»,—ободряетъ онъ свою рѣшимость.

Плохимъ нужно быть по настоящему, такъ, чтобы... Охъ, что-то большое я разрушу! А потомъ, когда-нибудь, приду къ ней, или въ кабакъ, или на каторгу, и скажу: теперь мнѣ не стыдно, теперь я ни въ чемъ не виноватъ передъ вами, теперь я самъ такой же, какъ вы, *грѣшный, падшій, несчастный*... Все у меня было и умъ, и честь, и достоинство, и даже—страшно подумать—безсмертіе; и все это я бросилъ...

Не желая остановиться въ своемъ рѣшеніи впредь быть пьяницей и распутникомъ, которому не стыдно ни въ кабакъ (?), ни въ публичномъ домѣ, ни на каторгѣ среди профессионаловъ преступления, герой «Тьмы» участвуетъ въ оргіи всѣхъ «незанятыхъ» обитательницъ дома. Во время оргіи произноситъ тостъ «за нашу братію», отъ «подлецовъ» до умирающихъ отъ сифилиса влучительно... Одна изъ участницъ, въ серьезъ принимая тостъ и заявленіе Любы («Онъ былъ честный, у него есть товарищи, а те-

перь онъ останется со мною»), предлагаетъ герою—мѣсто полового у нихъ въ «домѣ».

Мы ничуть не хотѣли бы шутить по поводу «Тьмы». Даже то, что въ ней на самомъ дѣлѣ смѣшно—обычныя у Л. Андреева не-суразности въ изображеніи — производятъ совсѣмъ не смѣшное впечатлѣніе, вызывая чувство, близкое къ негодованію. Точно близкій вамъ человѣкъ потребовалъ отъ васъ вниманія къ серьезному и важному и вдругъ совершенно неожиданно разразился мистификаціей, съ трагической вышностью.

Но объ этомъ — потомъ.

Пока для насъ важно отмѣтить, что на этическое и логическое чудо, явленное террористомъ, героиня «Тьмы» отвѣчаетъ вторымъ чудомъ.

Такъ какъ послѣ оргіи террористъ добровольно остался у нея—уже не отъ полиціи, а для себя, Люба въ приторно-сентиментальной сценѣ (неизмѣнная особенность Л. Андреева) сама становится «хорошей» *), мечтаетъ пойти къ «молоденькимъ, нѣжнымъ дѣвушкамъ», которыя «мужественно и смѣло идутъ по стопамъ мужчинъ и гибнутъ», какъ рассказываетъ ей, лежа въ постели, герой «Тьмы».

...взволновалась до краски въ лицѣ, почти до слезъ, отъ страшной мысли, что тѣ могутъ ее не принять.

— Милый! А они примутъ меня?

Получивъ утвердительный отвѣтъ («Примутъ. Отчего же?»), она обращается уже съ болѣе рѣшительной просьбой:

-- Такъ пойдемъ къ нимъ, милый!

Но у героя «Тьмы» душа за ночь такъ же надежно перетасована для парадокса, какъ и у Любы. На просьбы «отвести» къ «хорошимъ» дѣвушкамъ («...я уже постараюсь»), бывший террористъ даетъ отвѣтъ, отъ котораго «повѣяло холодомъ и непреклонностью жесткаго камня»:

— Я не пойду. Я не хочу быть хорошимъ.

Молчаніе.

— Они господа,—какъ-то сгранно и одиноко прозвучалъ его голосъ.

— Кто? — глухо спросила дѣвушка.

*) Она до такой степени становится «хорошей», что ночью одѣвается!..

Правда, это не мѣшаетъ ей, когда приходитъ полиція, оказаться «въ одной только смятой рубашкѣ», но тѣмъ не менѣе ночью—когда это показалось нужнымъ автору—она одѣвается, перелѣзавъ въ темнотѣ черезъ лежавшаго—стараясь какъ можно меньше касаться*, такъ какъ это уже давно тревожить ее («...вдругъ въ молчаніи своемъ, въ томъ, что онъ былъ ихъ товарищемъ, жилъ вмѣстѣ съ ними—показался ей такимъ особеннымъ и важнымъ, что даже неловко стало лежать съ нимъ, такъ просто, рядомъ и обнимать его. Отодвинулась немного и руку положила легко, такъ, чтобы прикосновеніе чувствовалось какъ можно меньше...»).

— Тъ, прежніе.

И опять длительное молчаніе...

Положеніе разрѣшается арестомъ обоехъ—и террориста, радостно разысканнаго безоружнымъ на постели въ публичномъ домѣ, и Любы, переполненной любовью къ униженному «хорошему» человѣку, при арестѣ равнодушно раскачивающему голій ногой,— совершенно такъ же, какъ это бывало съ Иисусомъ въ «Иудѣ», когда Онъ задумывался... Теперь все это—мелочи сравнительно съ тѣмъ «новымъ неизвѣданнымъ ужасомъ» обязательнаго перерожденія, который онъ пережилъ въ предыдущую ночь.

VIII.

Равнодушіе бомбометателя компенсируется, однако, возбужденіемъ Любы. Послѣ того какъ онъ оказался побѣдителемъ въ самомъ страшномъ испытаніи, въ пыткѣ униженій, которую заблаговременно подготовила она сама, намѣренно отдавъ браунингъ въ «контору»,—она горюетъ о томъ, что сдѣлала... Тогда передъ ней былъ человѣкъ, который на словахъ рѣшился раздѣлить долю «плохихъ» до послѣдняго предѣла, и ей до невѣроятности хотѣлось сейчасъ же убѣдиться въ томъ, что это рѣшеніе не на словахъ только. Убѣдиться, конечно, было не трудно. *Такое* продолжительное пребываніе въ «домѣ» *такого* необычнаго «гостя», какъ онъ, едва-ли могло остаться продолжительной тайной для полиціи. При такихъ условіяхъ *позволить* себя обезоружить, сдѣлать себя не страшнымъ значило, конечно, одно: не отказываться ни отъ чего, если онъ будетъ захваченъ, ни отъ какихъ издѣвательствъ надъ жалкимъ и безоружнымъ врагомъ.

Все сбылось полнѣе, чѣмъ она могла думать. Но обезоруженный ею человѣкъ, вѣрный рѣшенію стать «женихомъ» въ «ея долѣ», такъ же равнодушенъ къ слову: «скотина» изъ устъ полицейскаго, какъ былъ равнодушенъ нѣсколько часовъ тому назадъ, когда отдавалъ, улыбаясь, браунингъ, хотя нѣсколько не вѣрилъ ни въ ея мнимый страхъ имѣть около себя оружіе, ни въ свою обезпеченность отъ ареста.

Теперь она горько жалѣетъ, что обезоружила: «Миленькій! да зачѣмъ же ты револьверъ отдалъ... Да зачѣмъ же ты бомбу не принесъ... Мы бы ихъ... мы бы ихъ... всѣхъ»,—вопить она при арестѣ.

Послѣ слова: «мы» ее валать съ ногъ, и опытъ о человѣческой душѣ, волей автора, кончается.

Признаемся, такова сила «андреевщины», что мы съ искреннѣйшимъ волненіемъ слѣдили за этой молчаливой жадной «уравненія въ правахъ»—у андреевской проститутки,—жаждой, которой ничѣмъ нельзя напоить, кромѣ какъ видомъ униженія другого. И

тѣмъ отвратительнѣе, тѣмъ слаще! Теперь, когда странный гость далъ ей такое страшное доказательство своей альтруистической искренности—теперь она готова повѣрить, что хорошія слова, на самомъ дѣлѣ, что-то значать... Разъ ей готовы доказать *такимъ* путемъ, она готова вѣрить во все, что угодно, и даже пойти—куда угодно («...я уже постараюсь»)...

Какой—снова—крупный замыселъ! и какое досадное—снова—уменьшеніе замысла тенденціей!

Вѣдь ничего не нужно было, какъ остаться въ рамкахъ психологіи, не перенося центра тяжести въ этическую область, которая—что называется—здѣсь не при чемъ! Проститутка «Тѣмы» требуетъ (и добивается) отъ ультра-хорошаго человѣка, который «пожалѣлъ» въ ней человѣка, доказательствъ, что его поцѣлуй руки не пустой, ничего не стоящій символъ; что онъ на самомъ дѣлѣ болѣетъ любовью къ такимъ, какъ она; что онъ готовъ на самую тяжкую жертву лишь бы снять съ нея (раздѣливъ) ужасъ ея собственного униженія, вплоть до скотскихъ издѣвательствъ любого полицейскаго.

Ну и пусть она этого полу-невмѣняемо требуетъ! Это—кошмаръ, это—предѣлъ скорби, но это—психологическая *правда* за гранью привычныхъ среднихъ нормъ въ человѣческихъ отношеніяхъ,—правда, которую такъ охотно разыскиваетъ—и къ которой прислушивается—авторъ «Тѣмы».

Что досаднѣе всего, это—что авторъ вѣдь и стоитъ на почвѣ чистѣйшей психологіи, поскольку *рисуетъ*, поскольку *изображаетъ*, поскольку ищетъ плоти и крови для своей формулы.

Но ему этого мало: ему нужна какъ-разъ формула; ему нуженъ бунтъ противъ этики; ему нужно убѣдить васъ—или себя черезъ васъ—что человѣчество больно уже 19 вѣковъ моральностью; ему нужна фраза, долженствующая важечъ этической пожаръ въ умахъ: «Какое ты имѣешь право быть хорошимъ, когда я плохая?»—Ради нея онъ придумываетъ и «престолъ», и «ступеньки», и феерическій апофеозъ.

Выбросьте эту пресловутую фразу о ступенькахъ престола изъ «Тѣмы» и передъ вами—подлинная трагедія въ «дорогомъ» петербургскомъ подломъ мѣстѣ! Оставьте ее, вспомните о ней въ самомъ волнующемъ моментѣ «Тѣмы»,—передъ вами только парадоксъ!

И на нашъ взглядъ въ «Тѣмѣ» больше всего именно авторской трагедіи. Въ замыслѣ то, что должно бы «глаголомъ жечь», а въ достиженіи то, что вызываетъ временами насмѣшливую улыбку!

Въ самомъ дѣлѣ.

Какова бы ни была проблема, поставленная себѣ авторомъ,—вопросъ относительно художественности неизбѣжно сводится къ слѣдующему:

Удалось ли автору воплотить ее? удалось ли ему загнипнотизировать васъ сущностью своихъ образовъ? удалось ли ему заставить

васъ повѣрить, что передъ вами живутъ, страдаютъ, движутся, оскорбляютъ и любятъ—не фикціи, а человѣческія сущности (реальныя или символичныя)? Въ частности относительно «Тьмы»—это значитъ: удилось ли автору сдѣлать приемлемыми: этическое чудо перерожденія героя «Тьмы» и отвѣтное психологическое чудо героини?—*Это* было бы третьимъ чудомъ—уже со стороны читателя—и *этого* третьяго чуда непроизходить.—Каждый разъ когда вы пытаетесь приблизиться мыслью къ людямъ, явившимъ передъ вами эти два чуда, передъ вами оказывается нѣчто похожее на мѣоновъ г. Минскаго. Никакимъ усиленіемъ мысли вы не въ состояніи принудить себя мыслить ихъ, какъ хотѣлъ бы авторъ.

Въ самомъ дѣлѣ, попробуйте разобраться въ томъ, *почему* фраза: «стыдно быть хорошимъ», такъ легко опрокинула навзничь всю жизнь человѣка, сложившагося и морально и идейно...

Или: попробуйте выяснитъ себѣ *обликъ* женщины, провозгласившей этотъ «новый, неизвѣданный» этический ужасъ?

Пока вы читаете первую половину разсказа; пока событія только еще назрѣваютъ; пока за ними не чувствуется никакихъ признаковъ проблемы,—трудно освободиться отъ гипноза чего-то назрѣвающаго: огромнаго и угрожающаго. Одна за другой приходятъ нужныя и убѣдительныя подробности (увъ! бытовыя!); одна за другой поработаютъ вниманіе и прикрѣпляютъ его къ художественной сторонѣ разсказа—къ двумъ фатально столкнувшимся людямъ и—прежде всего—къ этой женщинѣ, которая «шопотомъ» (ей самой страшно, при всемъ ея бунтарствѣ) говоритъ: «Богъ-то въдѣ тоже хорошій», а счастливецъ-«хорошихъ» она *ненавидитъ*.

Вамъ ясенъ тотъ разнообразный потокъ оскорбленій, которымъ она отвѣчаетъ на выдуманннй «хорошимъ» поцѣлуй ея руки—послѣ похвалы—передъ ней же, проституткой—своей безгрѣшностью и чистотой, вплоть до незнанія женщинъ:

...Хвастаться сюда пришелъ! Красоту свою показывать! Да что же ты со мною дѣлаешь, да несчастная же я!

Она трясла его за плечи, и ея тонкіе пальцы, сжимаясь и разжимаясь безсознательно, какъ у кошки, царапали его гѣло сквозь рубашку.

— Женщинъ не знаешь, подлець, да? И это мнѣ смѣешь говорить, мнѣ, которую *всѣ* мужчины... *всѣ*... Гдѣ же у тебя совѣсть, что же ты со мною дѣлаешь!..

Но вамъ приходится убѣдиться, что вы ничего не понимаете, когда герой, раскаяваясь (по-прежнему несуразно) въ томъ, что онъ на самомъ дѣлѣ «красоту свою показывалъ», готовъ загладить просьбой: «...потушить огонь», съ поясненіемъ, что онъ проситъ этого—«для себя».

— Ахъ, негодяя! Боже мой, какой же ты негодяя!

отвѣчаетъ проститутка, разобравшись въ сущности просьбы героя. И вамъ сначала кажется, что именно эта готовность (мнимая) потушить огонь—«для себя» и вызываетъ ея протестъ.

Оказывается—нѣтъ. Она возмущена, что онъ хочетъ ограничиться однократностью, когда требуется—во имя разрушенія хорошести—многократность и даже перманентность въ тушеніи огня.

И она вполне удовлетворена, когда герой послѣ нѣкоторыхъ колебаній заявляетъ, что признаетъ «многократность» дѣломъ *всей* своей будущей жизни.

Кто же она, эта озлобленная ненавистница счастливецъ-«хорошихъ, когда она плохая»? Конечно, не представительница нормы, т. е. огромной массы «людей въ лохмотьяхъ, пахнущихъ потомъ и горемъ», — массы, которая въ жаждѣ чужой святости бродитъ по монастырямъ, за тысячи верстъ уходитъ къ людямъ предполагаемаго религіознаго подвига, къ людямъ, у которыхъ предполагается то, чего нѣтъ въ нормальной жизни,—праведность и любовь къ Богу... Вы должны принять ее въ качествѣ бунтаря, за которымъ стоитъ самъ авторъ. Это, такъ сказать, «оппозиція» отъ живущихъ въ его мысли образовъ.

Но тогда какъ объяснить, что женщина, засыпавшая оскорбленіями за одно подозрѣніе, что черезъ нее хотятъ «спастись», соглашается на это, когда бомбистъ изъясняетъ намѣреніе перманентно «тушить огонь» надъ ея постелью и перманентно принимать участіе въ оргіяхъ, чтобы сравняться съ ней, съ «мерзавцами и подлецами» и сифилитиками? Развѣ это можетъ быть средствомъ стать «плохимъ» и сравняться съ ними? Вѣдь это же самый что ни на есть надрывъ, подвигъ, христіанское умерщвленіе гордыни, назовите какъ хотите! Вѣдь это аскетическое «спасеніе» служителей «хорошаго» Бога чрезъ видимую «гибель»? Чѣмъ, напримѣръ, это отличается отъ согрѣванія своимъ тѣломъ прокаженнаго, о которомъ рассказывается въ легендѣ, и которое такъ возмущало своимъ надрывомъ Ивана Карамазова?

Если Люба по утонченности этической мысли способна (вѣрнѣе, должна быть способна) на такую фразу, которую ей влагаетъ въ уста Л. Андреевъ, то она, естественно, не можетъ не видѣть, что ея необычайный гость, изъяснивъ согласіе на немедленную оргію, изъяснилъ согласіе только на самый тяжелый крестъ изъ тѣхъ, которые онъ—по его словамъ—привыкъ носить на спинѣ, а не на шеѣ... Но она—волей автора—этого не видитъ.

Только приходъ полиціи спасаетъ ее отъ явнаго небытія, какъ личности. Ибо что—на самомъ дѣлѣ—стала бы дѣлать *на застра* героиня «Тьмы»? Осталась бы въ публичномъ домѣ? или ушла бы къ «хорошимъ», какъ собиралась до ареста? Но тогда, какой бы отвѣтъ она дала на вопросъ другой какой-нибудь Любы: «какое ты имѣешь право... и пр.»? Нашла бы она *правду* и логическій *смыслъ* въ этомъ вопросѣ или отвергла бы и то и другое?

Еще большее чудо у революціонера «Тьмы». Онъ только въ первую минуту ошеломленъ, а затѣмъ, въ противность читателю, все начинаетъ понимать.

Къ нему предъявлено требованіе не быть хорошимъ. — Для этого недостаточно *механически* продѣлывать все, что полагается плохимъ. Для этого нужно перестроить свое внутреннее влеченіе, т. е. вещи, которыя внушали ему отвращеніе, должны перестать — отнынѣ — внушать отвращеніе... Требованіе конечно, столь же исполнимое, какъ если бы отъ него потребовали, чтобы пересталъ нравиться цвѣтъ, который нравится; перестали быть пріятными тѣ слуховыя или вкусовыя ощущенія, которыя были пріятными и т. д.

Но герой думаетъ, что это возможно, если «научиться»... Чѣмъ же можно объяснить это чудо у 26-лѣтняго человѣка — да еще въ такой срокъ, который меньше малаго?

IX.

Если покривить душой въ пользу автора, проще всего предположить, что герой «Тьмы» просто *не уменъ*. — Для этого есть много (кажущихся) оснований, облегчившихъ для критиковъ задачу пониманія. Герой «Тьмы» совершаетъ и говоритъ достаточное количество несуразностей. И мелкихъ и крупныхъ, начиная съ расхваливанія самого себя передъ проституткой за примѣрно нравственную жизнь. Онъ — «даже съ надменностью» — рассказываетъ ей, что онъ — дѣвственникъ, точно не говоритъ о веревкѣ въ домѣ повѣшеннаго — одно изъ правилъ, противъ которыхъ онъ припасъ бомбу. А потомъ самоуниженно цѣлуетъ ей за несчастье руку и долго недоумѣваетъ, почему проститутка за это дополнительное — въ ея глазахъ — издѣвательство отвѣчаетъ озлобленной пощечиной. Съ большимъ трудомъ онъ наконецъ догадывается, что — «быть можетъ» — оскорбилъ «жалостью». Но вслѣдъ за этимъ онъ сейчасъ же — высказываетъ передъ проституткой альтруистическій максимъ, что она «такой же человѣкъ», какъ и онъ, не понимая — по видимому — что въ его словахъ новое оскорбленіе, такъ какъ «такому же человѣку» никто не станетъ доказывать, что онъ «такой же человѣкъ».

Но такое предположеніе, хотя и проскользнуло въ сочувственныхъ критическихъ отзывахъ о «Тьмѣ», можетъ быть основано только на недостаточной внимательности и къ автору и къ «Тьмѣ».

Герой «Тьмы» ничуть не сомнѣвается въ своей умственной одаренности и о своемъ *умѣ* вспоминаетъ прежде всего, когда перечисляетъ все, что онъ готовъ бросить подъ ноги проституткѣ: «... и умъ, и честь, и достоинство и даже — страшно подумать — безсмертіе...»

Не сомнѣвается, конечно, въ этомъ и авторъ. Ибо какая же трагедія духа (или — хотя бы — трагическій парадоксъ) можетъ имѣть своимъ героемъ глупаго человѣка?!

Но съ другой стороны вѣдь онъ въ буквальномъ смыслѣ не

находить ни одного слова въ защиту своихъ символовъ вѣры, ради которыхъ съ полудѣтства вочеваль по тюрьмамъ?

Въ противность читателю, ему совершенно не кажется дикой самая фраза: какое ты имѣешь *право* быть хорошимъ, когда я плохой? Вѣдь съ такимъ же логическимъ успѣхомъ къ нему могло быть предъявлено неограниченное количество запросовъ, вплоть до вопроса: какое ты имѣешь право быть мужчиной, когда я женщина? Но герою вопросъ кажется до такой степени естественнымъ, что онъ не задается хотя бы *противоположнымъ* вопросомъ (если возможенъ вопросъ о правѣ быть хорошимъ, то естественъ и вопросъ о правѣ быть «плохимъ»), т. е. имѣеть ли онъ «право» превратиться въ пропойцу и завсегдатая публичныхъ домовъ? Въ изображеніи Л. Андреева у героя не находится для этого никакихъ сомнѣній. Въ изображеніи Л. Андреева онъ сраженъ «новымъ неизвѣданнымъ ужасомъ», и только! Вся эта путаница была бы сколько-нибудь понятна, если бы герой «Тьмы» могъ быть придавленъ сознаниемъ, что за «мерзавцами и подлецами» стоитъ *вся* та масса «въ лохмотьяхъ, пахнущихъ потомъ и горемъ», по выраженію г. Сергѣева-Ценскаго, ради которой онъ жилъ и о которой одной думалъ до—волей автора—этой послѣдней ночи. Но и этого, конечно, нѣтъ... Волей автора онъ просто не долженъ спрашивать себя: о какомъ *правѣ* собственно рѣчь? о *нравственномъ*? Но связывать себя во имя *неимѣнія* права вѣдь это и значить быть «хорошимъ»? Вѣдь быть «плохимъ» это и значить — не считаться съ тѣмъ, имѣешь ли право или не имѣешь?.. Какъ же онъ можетъ считать себя душевно-уравновѣшеннымъ съ «подлецами, мерзавцами», если такъ страшно связываетъ себя сознаниемъ нравственного характера?..

Увы! всѣ такіе вопросы для героя «Тьмы» — «отъ діавола суть». Онъ не хочетъ больше ни думать, ни сомнѣваться. Онъ могъ усомниться въ своей *прошлой* правдѣ, но не въ *новой*. Для той у него нѣтъ никакихъ оправданій, для этой — никакихъ сомнѣній.

Любопытно, что стоитъ только отбросить привитый къ «Тьмѣ» вопросъ о правѣ этичности на бытіе, и передъ вами по существу знакомый мотивъ: *доведенный до крайности* психологическій вариантъ изъ покаяннаго періода въ исторіи русской интеллигенціи: *патологическая* параллель къ тому *этическому* сознанию, которое уже заставляло когда-то «хорошихъ» исповѣдывать «уравненіе въ правахъ» вплоть до максима: мужика събукать, пускай и насъ събукать!

X.

Со страннымъ недоумѣніемъ слѣдите вы, какъ крупнѣйшій изъ современныхъ художниковъ пренебрежительно отвергывается отъ того, что могъ бы, и пытается создать то, что безсилень создать: гипнозъ правды въ «Тьмѣ», начиная съ «невидимаго престола».

Онъ самъ отказывается объяснить то, что рассказываетъ:

Было ли то безуміе, которое овладѣваетъ иногда такъ внезапно *самыми сильными и спокойными умами*, или дѣйствительно—подъ визгъ пьяной скрипки, въ стѣнахъ публичнаго дома, подъ дикими чарами подведенныхъ глазъ проститутки—онъ открылъ какую-то послѣднюю ужасную правду жизни, свою правду, которой не могли и не могутъ понять другіе люди. Но было ли безуміемъ или здоровьемъ ума, было ли ложью или правдой новое пониманіе (?) его— онъ принялъ его твердо и безповоротно...

А дальше?—C'est le premier pas qui coûte.—Герой утвердился въ своемъ этическомъ бунтарствѣ, *потому что* въ первый разъ въ жизни пилъ коньякъ и притомъ изъ стакана, хотя, конечно (этический бунтъ опьянѣвшаго немногаго стоитъ), не пьянѣлъ. Хотя пилъ въ первый разъ въ жизни и притомъ изъ стакана, за что и былъ вознагражденъ: Люба «вспрыгнула на него и стала дуть короткими, крѣпкими поцѣлуями».

Пилъ онъ много, но не хмѣлѣлъ, а что-то другое происходило въ немъ, что производить *нерядко* въ людяхъ таинственный и сильный алкоголь. Будто, пока онъ пилъ и молчалъ, внутри его происходила огромная разрушительная работа, быстрая и *лучая*. Какъ будто все, что онъ узналъ въ теченіе жизни, полюбилъ и передумалъ, разговоры съ товарищами, книги, опасная и завлекательная работа,—безшумно сгорало, уничтожалось *безслѣдно*, но самъ онъ отъ этого не разрушался, а какъ-то странно крѣпъ и твердѣлъ. Словно съ каждой выпитой рюмкой онъ возвращался къ какому-то первоначально своему—къ дѣду, прадѣду, къ тѣмъ *стихийнымъ*, первобытнымъ бунтарямъ, для которыхъ *бунтъ былъ религіей и религія—бунтомъ*. Какъ линючая краска подъ горячей водой—смывалась и блекла книжная *чуждая* мудрость, а на мѣсто ея вставало свое (?), собственное (?), дикое и темное, какъ голосъ самой черной земли...

Чего, чего тутъ нѣтъ! И таинственная работа сильнаго алкоголя; и атавизмъ стихійнаго бунтарства; и «бунтъ-религія»; и «религія-бунтъ»; и книжная чуждая мудрость; и «самая черная» земля; и безуміе сильныхъ умомъ; и дикія чары подведенныхъ глазъ проститутки!... Авторъ даже забылъ, что она передъ тѣмъ добрые четверть часа рыдала, уткнувшись лицомъ въ подушку, что не могло не отразиться вредно на «чарахъ подведенныхъ глазъ».

Забылъ объ этомъ совершенно такъ же, какъ забылъ, что его герой, спасая серьезность бунта, не долженъ былъ пьянѣть, и черезъ нѣсколько страницъ говорить о признакахъ, въ которыхъ выражался (по-утру) «не совѣмъ еще прошедшій хмѣль».

XI.

Итакъ, въ итогѣ:—какой бы вопросъ вы ни поставили; къ кому бы вы ни обратились: къ героямъ или автору; кого бы вы ни попытались понять: героевъ или автора антиэтической проблемы—вы не получаете никакого отвѣта и никакой возможности мыслить то, о чемъ вамъ рассказывается.

Чѣмъ же это объяснить? Очевидно, объясненіе можетъ быть только одно: разрѣши художникъ своему герою хоть одинъ изъ перечисленныхъ вопросовъ и сомнѣній, отъ всего этического бунта не останется ничего кромѣ пустого мѣста и разлетѣвшейся пыли. А онъ именно *этого* и не хочетъ. Ему совсѣмъ не нужны враги-друзья, о которыхъ онъ рассказываетъ. (И какъ по существу напыщенно-холодно, несмотря на «ступеньки» и «престолъ»!) Ему они нужны не какъ люди, а какъ символы проблемы «Тьмы»... Ради нея онъ пожертвовалъ всѣмъ, что есть цѣннаго въ «Тьмѣ» и отчасти въ «Иудѣ», отодвинувъ все это на второй планъ; ради нея скомкалъ и превратилъ въ анекдотъ все, къ чему приковывалъ вниманіе; ради нея послалъ своего «виднаго бомбиста», какъ царь раба въ «Анчарѣ»:

«И онъ послушно въ путь потекъ, и къ утру возвратился...» съ желаннымъ доказательствомъ, что въ книжной мудрости не все обстоитъ благополучно; что человѣчество и теперь, какъ 19 вѣковъ назадъ, болѣетъ не чѣмъ инымъ, какъ переоцѣнкой этической чистоты: не мнимой чистоты лицемѣровъ въ «Иудѣ», а самой подлинной и прозрачной, какъ въ «Тьмѣ». Она и виновата въ неодолимости жизненной тьмы!.. Въ книгахъ Моисея упоминается о чистой проказѣ. Этическая чистота, по Л. Андрееву, такая же проказа, только замолчанная книжной мудростью.

XII.

Результаты исканій автора «Иуды» и «Тьмы» нашли неблагоприятную оцѣнку въ литературной средѣ (напр., «Вѣсы»), гдѣ Sehnsucht антиэтического пересмотра могъ встрѣтить наиболее сочувственный приемъ. Говорилось рѣзко о недостаткѣ у него таланта для такихъ задачъ, какъ въ «Иудѣ» и «Тьмѣ».

Что проблема бунта осталась, дѣйствительно, по ту сторону художественнаго воплощенія, это, какъ мы видѣли, къ сожалѣнію, несомнѣнно. Но, конечно, дѣло не въ недостаткѣ таланта или, по крайней мѣрѣ, *не только* въ обычной для Л. Андреева дисгармоничности его вещей.

Основная причина—въ самомъ замыслѣ: дать сочиненнаго, а

не наблюдаеннаго чловѣка и добиться, чтобы читатель повѣрилъ въ него.

М. Горькій правильно оцѣнилъ тоску современнаго чловѣчества по гармоніи бытія и познанія, сдѣлавъ одной изъ задачъ своего Чловѣка: «найти гармонію между собой и міромъ, въ себѣ самомъ гармонію создать». Удовлетворить эту тоску возможно только въ абстракціи и въ сказкѣ.

Лирикъ и публицистъ *могутъ* жаждать гармоничности души; могутъ требовать освобожденія отъ внутреннихъ коллизій; *могутъ*, если хотять, «бунтовать» и требовать потусторонности добра и зла, ничѣмъ въ художественномъ отношеніи не рискуя. Иное дѣло—художникъ-изобразитель, которому нужно видѣть своего напередъ заданнаго чловѣка, нужно заставить его ходить, пить, ѣсть, злоствовать и любить, ничѣмъ не нарушая «бунта» и поставленной авторомъ проблемы. Для такой задачи не хватаетъ никакаго таланта и по самой природѣ задачи какое угодно деревенное постиженіе не избавитъ художника-изобразителя отъ печальной судьбы создать вмѣсто сверхчловѣка двуногаго жеребца, какъ у г. Арцыбашева, или груды логическихъ противорѣчій, какъ у Л. Андреева въ данномъ случаѣ. Впрочемъ, вѣдь и самъ перво-бунтарь Ницше, какъ только перешелъ отъ великихъ гимновъ въ честь сильнаго и гармоничнаго, за неизмѣнимъ лучшаго образа для закрѣпленія своей мечты, принужденъ былъ облить наиболѣе отважнаго (въ силу безнаказанности) преступника среди римскихъ первосвященниковъ.

Менѣе всего, конечно, это удивительно относительно такого земнороднаго сына литературы, какъ авторъ «Луды» и «Тьмы»... Вѣдь все, что есть въ нихъ дѣннаго, насквозь пропитано не только реализмомъ, но и бытомъ. Подробностями онъ пользуется такъ же убѣдительно, какъ Станиславскій въ Чеховскихъ постановкахъ. Попробуйте отдать себѣ отчетъ, что у него сильнѣе: черви подъ черепомъ, которыми онъ васъ пугаетъ въ схемахъ «Жизни Чловѣка», или отвратительный волосъ въ постномъ маслѣ на тарелкѣ съ картошкой, которая фигурируетъ «Въ Туманѣ»? Или что сильнѣе передаетъ безучастность «прогресса» къ чловѣческому горю, какъ не эти электрическія лампочки въ «Тьмѣ», автоматически зажигающіяся у постели, гдѣ женщиной будутъ пользоваться, какъ вещь—на равныхъ правахъ съ электрической лампочкой? Просмотрите всю заключительную сцену «Тьмы», и вы убѣдитесь, что самое неотразимое въ ней не бунтъ за гранью мысли и художественнаго наблюденія, а самый чистосердечный бытъ, ярко реалистическія подробности—въ родѣ вонючей лужи подъ кроватью,—которые нужны автору, безъ которыхъ онъ не можетъ обойтись. Онъ готовъ замучить своего героя, заставивъ его качать голой ногой во время ареста. Иначе какъ съ этой подробностью онъ, очевидно, *не видитъ* передъ собой чловѣка, переживающаго тяжкія думы, а

потому и заставляет его раскачивать ногой чуть не 1½ часа: все время, пока думает!

Авторъ «Тьмы»—реалистъ и бытовикъ не только волей, но и неволей... Даже въ ультра-симплифицированную «Жизнь», незамѣтно для него, быть пробрался, въ образъ огарухи-кухарки четвертой картины. Пробрался и—нужно отдать ему справедливость—съ честью оправдалъ свое самовольное бытіе, сдѣлавъ для «андреевщины» въ пьесѣ больше, чѣмъ всѣ невѣдомыя старухи, ради устрашения зрителя взвнѣгивающія и трескливо смѣющіяся.

И вотъ этотъ-то земнородный художникъ долженъ и *хочетъ* взять на себя задачу перетасовать этическую природу человѣческой души, какъ колоду картъ:

Что черно—то будетъ бѣло,
А что бѣло—то черно...

перепроектировавъ всего человѣка, какъ это дѣлають техники съ устарѣвшими постройками!

Вѣдь при карикатурности, которая у автора—что называется—въ крови, только сдержка, находящаяся въ наблюдении, можетъ смягчить грубость его образовъ, придавъ имъ—если такъ можно выразиться—извѣстную музыкальность. (Теперь онъ часто оглушаетъ, а не заставляетъ слушать).

XIII.

Чѣмъ объяснить успѣхъ «модернизма» въ современной литературѣ? Двадцать лѣтъ онъ безуспѣшно добивался признанія и вдругъ оказался признаннымъ. Для однихъ это—революціонный признакъ, для другихъ—реакціонный. Намъ кажется, что явленіе нѣсколько сложнѣе, и ключъ къ нему—въ фактъ, что спросъ на модернистскую литературу совпалъ на книжномъ рынкѣ—какъ извѣстно—съ усиленнымъ спросомъ на произведенія научной литературы (несомнѣнной цѣнности). Нужно думать, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ мы одинаково имѣемъ спросъ—по существу—на знаніе, на *познаніе* или, какъ теперь говорятъ, постиженіе.

Что такой спросъ на знаніе естественъ въ пору крушенія всевозможныхъ надеждъ, прогнозовъ, а съ ними вмѣстѣ и старыхъ авторитетовъ,—понятно само собой.

Менѣе ясна логическая связь между интересомъ къ наукѣ и къ постиженію одновременно. Логической связи здѣсь, очевидно, и нѣтъ. Зато есть та жизненная связь, которая заставляетъ людей одновременно обращаться и къ научной медицинѣ и къ вдохновенному знахарству.

Именно потому, что все кругомъ смылось «какъ линючая краска подъ горячей водой», вниманіе обратилось на тѣхъ, кто двадцать

лѣтъ безуспѣшно (это даже особенно важно) утверждали, что въ ихъ распоряженіи новое пониманіе; что они видятъ вещи иначе, чѣмъ другіе; знаютъ жизнь иначе, чѣмъ «всѣ». Естественно, что къ обладателямъ новой истины предъявленъ запросъ и обращенъ требованіе—показать ее. И все будущее новыхъ истинъ (ибо имя имъ легионъ) зависитъ отъ того, сумѣютъ ли онѣ обнаружить свое прочное бытіе; выдержать ли перекрестный допросъ скептической мысли.

Таковы—на нашъ взглядъ—причины успѣха недавнихъ отверженныхъ въ русской литературѣ и таковы условія сохраненія успѣха за ними въ будущемъ.

Съ этой точки зрѣнія представляетъ интересъ прослѣдить элементы модернизма у талантливѣйшаго изъ современныхъ бунтарей—Л. Андреева. Что далъ ему модернизмъ и что отъ него взялъ?

Дѣло, конечно, не въ его «непріятіи міра».

Онъ никогда не принималъ міра, даже тогда, когда его пытались понимать, какъ обличителя отдѣльныхъ неустройствъ въ коллективной жизни. И теперешнее непріятіе можетъ быть ново, конечно, только по фактическимъ настроеніямъ, въ которыхъ оно выливается, получая художественную форму.

Новое мы и пытались прослѣдить со всей осторожностью, къ которой насъ обязывала отвѣтственность задачи,—на двухъ крупныхъ вещахъ, привлечшихъ къ себѣ широкое вниманіе читателей.

Новое въ его готовности принять, какъ фактъ, упущенный «книжной мудростью», что ближайшее будущее несетъ человечеству серьезныя измѣненія какъ разъ въ той области, которую Бокль считалъ наиболѣе застрахованной не только отъ революціи, но и отъ коренной эволюціи. Такъ какъ это ожиданіе этического обновленія, пересмотра морали, что называется, разлито въ воздухъ (даже экономическій матеріализмъ не мѣшаетъ этимъ предчувствіямъ), то оно на лицо и у него. Оно даже ему зачѣмъ-то *нужно*.

Какъ отразилось это на художественной цѣнности «Иуды» и «Тьмы», мы видѣли. Безъ риска преувеличенія можно сказать, что въ нихъ много и цѣннаго, много и новаго, но то, что цѣнно, то не ново, а что ново, то—новая язва на изобразительномъ дарѣ Л. Андреева: свои безликіе образы онъ долженъ охранять отъ своей собственной мысли, отъ ея скептической провѣрки совершенно такъ, какъ герой Сервантеса долженъ былъ охранять прочность своихъ доспѣховъ!

XIV.

(Post-scriptum).

Намъ почти не пришлось говорить о новомъ у Л. Андреева въ области формы, т. е. объ эволюціи къ «швабрѣ», къ письму шваброй, по красочному, но ничуть не преувеличенному выраженію г. Чуковского.

Господствующій нынѣ максимъ, что для художника самое важное — ярко развить свою творческую индивидуальность, опредѣлил для Л. Андреева линію наименьшаго сопротивленія.

Его обычная склонность, начиная съ первыхъ же вещей, къ карикатурному безудержу въ изображеніяхъ, нашла въ господствующемъ максимѣ и стимулъ и оправданіе. Вплоть до «швабры».

Но какъ ни соблазнительно было бы присмотрѣться къ творчеству Л. Андреева именно съ этой формальной стороны, намъ не пришлось этого сдѣлать. — Волей-неволей на первый планъ выступаетъ та истина, которую ищетъ художникъ, та «тайна», которую онъ раскрываетъ, и то «постиженіе», свободное отъ традиціи и книжной мудрости, которое онъ обѣщаетъ.

Волей-неволей интересъ къ содержанію давитъ собою интересъ къ формѣ.

Тѣмъ неожиданнѣе и ярче, конечно, результатъ этой возбужденной внимательности, когда читателю приходится убѣдиться, что отъ демоновъ книжной пыли никому не уйти и меньше всего ушелъ самъ авторъ «Тьмы»... Ибо что такое философія «Тьмы» и что такое сама «Тьма», какъ не комментарий на текстъ отъ Ницше:

„Понствяѣ, не люблю я милосердныхъ, блаженныхъ въ состраданіи своемъ: слишкомъ уже лишены они стыда“.

Что представляетъ «свое» и «собственное» въ «Тьмѣ», какъ не толкованіе этого текста: ибо «такъ говорилъ Заратустра» — въ главѣ «О милосердныхъ»?

А вотъ тексты оттуда же, общіе и для «Тьмы» и для «Иуды».

О, братья мои, въ сердца добрыхъ и праведныхъ воззрѣлъ Тотъ, кто сказалъ: „это фарисеи“. Но его не поняли.

Въ комъ наибольшая опасность для будущаго человѣка? Не въ добрыхъ ли и праведныхъ?

*Разбейте, разбейте мнѣ добрыхъ и праведныхъ *!* — О, братья мои, поняли ли вы также и это слово? („О старыхъ и новыхъ скрижалахъ“).

* Подчеркнуто у Ницше.

Наконецъ замѣтили ли вы, что Л. Андреевъ, этотъ мастеръ своей собственной выдумки, какъ-то необычайно перегибаетъ въ «Тьмѣ»? Приглядитесь и вы убѣдитесь, что Л. Андреевъ въ ней чуть что не Л. Андреевъ! Немного отъ автора «Нана» (эпизодъ съ женскими панталонами, которые герою предлагается надѣть); очень много отъ автора Грушеньки въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» (Люба даже говоритъ, какъ Грушенька Достоевскаго) и еще больше отъ автора Катя Масловой. Вѣдь сцена послѣ просьбы «потушить огонь» — сцена изъ «Воскресенія» въ тюрьмѣ, когда Нехлюдовъ заявляетъ о своемъ желаніи жениться на Масловой; слова: «...ты рассчитывалъ: отдамъ ей невинность, и оттого, что отдамъ, стану я еще невиннѣе, и получится у меня вродѣ, какъ бы «неразвѣтный рубль» — это — перифраза Масловой: «...ты мной хочешь спастись... ты мной въ этой жизни услаждался, мной же хочешь и на томъ свѣтѣ спасти!» Какъ на еурьевъ укажемъ, что героиню Л. Андреева зовутъ такъ же, какъ звали Маслову до публичнаго дома; что у Л. Толстого героиню возвращаетъ писатель, а въ «Тьмѣ» Люба больше всего ненавидитъ писателя, который «ходить» къ ней и «подлецъ».

Эти замѣтки были уже написаны, когда въ печати были сдѣланы указанія на такія же совпаденія съ Л. Толстымъ и Достоевскимъ и въ послѣдней вещи Л. Андреева: «Рассказъ о семи повѣшенныхъ».

Отмѣтилъ это г. Чулковъ:

По приемамъ мастерства въ «Рассказѣ о семи повѣшенныхъ» Леонидъ Андреевъ ближе всего подходитъ къ Льву Толстому. Въ иныхъ частяхъ повѣствованія есть явное совпаденіе съ Толстымъ. Такъ, напримѣръ, у Толстого фабричный, котораго ведутъ на казнь, «въ ужасѣ отпрыгнулъ» и закричалъ, когда до него дотронулись; у Леонида Андреева одинъ изъ приговоренныхъ (Василій Каширинъ) «крикнулъ пронзительно, отдергивая руку», едва жандармъ случайно коснулся его; фабричный у Толстого «схватился за Пьера» и его пришлось тащить подъ-мышки; Янсонъ у Леонида Андреева «схватился за ручку и пришлось отдирать его руку насильно».

Эти психологическіе моменты — ужасъ при прикосновеніи кого-то другого «посторонняго» и стремленіе схватиться самому за что-то, удержаться, «прилипнуть» — настойчиво подчеркивается и Левъ Толстой и Леонидъ Андреевъ.

Кромѣ этого совпаденія, г. Чулковъ отмѣчаетъ еще и другое...

У В. Брюсова есть стихотвореніе о «Демонахъ пыли», живущихъ на шкафахъ, «притаившихъ, какъ звѣри»:

...едва распахнутся двери,
Они дрожатъ,

Дико глядятъ
Взметнутся, качнутся....

Демоны г. Брюсова—очень скучные демоны, если судить по стихотворенію г. Брюсова. Но среди нихъ, несомнѣнно, есть и болѣе веселые, зло подшутившіе надъ авторомъ «Тьмы». Вметнувшись, качнувшись, они разбередили пылъ на книжной полкѣ и сдѣлали изъ этой пыли путеводный столпъ въ обѣтованную землю свободной мысли. Заставили написать на текстъ отъ Зоратустры и внушили нешуточную увѣренность, что это «свое—собственное», далекое отъ демоновъ книжной пыли и «книжной мудрости»!

И Л. Андреевъ, конечно, не составляетъ исключенія въ этомъ отношеніи. Надъ другими демоны шутятъ еще злѣе.

А. Е. Рѣдько.

Изъ общественной жизни на Украинѣ *).

Есть замѣчательная украинская пѣсня, авторство которой учеными исследователями связывается иногда съ именемъ того или другого изъ историческихъ дѣятелей Украины. Повѣствуетъ она о «чайкѣ-небогѣ», свившей гнѣздо и выведшей дѣтей вблизи раскожной дороги, гдѣ всякій мимолетующій легко можетъ уничтожить всѣ ея труды, гдѣ поминутно грозить опасность не только цѣлости гнѣзда, но и жизни дѣтей.

Ой діти, діти! Де васъ подіти?
Чи мені втопитись, чи з горя убатись?—

въ отчаяніи восклицаетъ несчастная мать при видѣ опасностей со всѣхъ сторонъ угрожающихъ ея пристанищу и семьѣ.

Уже старые украинскіе историки видѣли въ этой пѣснѣ аллегорію, изображающую, какъ выражается авторъ «Исторіи Руссовъ», «страждущую и колеблемую Малороссію». И дѣйствительно, имѣлъ ли или не имѣлъ въ виду безымянный авторъ пѣсни указанную аллегорію, но такое толкованіе популярнаго произведенія было очень соблазнительно. Въ самомъ дѣлѣ—историческая судьба Украины и ея народа въ сильнѣйшей степени напоминаетъ эту тяжелую, необезпеченную жизнь существа при большой дорогѣ, вѣчно под-

*) Въ оригиналѣ предлагаемая вниманію читателя статья предназначалась авторомъ для одного изъ украинскихъ сборниковъ, не увидѣвшаго свѣта, благодаря господствующей теперь въ провинціи своеобразной свободѣ печати.

вергающагося опасностямъ въ силу самаго своего положенія. Все-возможные Черные Клобуки, Торки, Берендѣи, печенѣги, половцы, татары, венгры, поляки—одни за другими «всѣ промелькнули передъ нами, всѣ побывали тутъ», на этой открытой со всѣхъ сторонъ, не защищенной площади втеченіе долгаго шестивія украинскаго народа по историческому пути выработки формъ государственной жизни. Внѣшнимъ образомъ закончился этотъ путь, какъ мы знаемъ, добровольнымъ присоединеніемъ Украины въ 1654 году къ московскому царству, и съ этого времени Украина живетъ общей государственной жизнью съ остальными частями Россійской имперіи, сохраняя при этомъ свои національныя особенности въ видѣ языка, нравовъ, обычаевъ, культуры и т. п. Сначала безсознательно и пассивно, а затѣмъ—въ особенности въ послѣднее время—все болѣе и болѣе сознательно и активно стремится она отстоять противъ нивелляторскихъ попытокъ всероссійскихъ централизаторовъ эти національныя формы собственной жизни и развить ихъ до того уровня, на которомъ онѣ могли бы въ полной мѣрѣ удовлетворить всѣ культурныя запросы и потребности украинскаго народа. Въ этомъ, собственно говоря, и заключается все значеніе такъ называемаго украинскаго движенія, ставящаго своей задачей—превратить народъ въ смыслѣ этнографическомъ въ націю въ полномъ значеніи этого слова, крѣпкую своимъ самосознаніемъ и двигающуюся своимъ собственнымъ путемъ, но къ той же цѣли, какая стоитъ и предъ другими народами нашего общаго отечества,—къ свободѣ, счастью и прогрессу. Представить схему развитія этого самосознанія отъ его исходной точки и до послѣдняго времени, указать пути, которыми оно проникало и проникаетъ въ народныя массы, и составляетъ задачу настоящаго очерка. Трогательный образъ «чайки-небоги» съ ея материнской тревогой и опасеніями за участь дѣтей представляетъ очень удачно схваченное и выраженное подобіе Украины въ ея прошломъ и даже настоящемъ, и при дальнѣйшемъ изложеніи, по всей вѣроятности, не разъ будетъ проноситься онъ предъ читателемъ. По крайней мѣрѣ, предъ авторомъ въ процессѣ работы неотступно стоялъ этотъ образъ съ его герестной жалобой на трудныя обстоятельства дѣйствительно отчаяннаго положенія, доходившаго иногда до полной, казалось, безвыходности. Къ счастью, выходъ возможенъ...

I.

Судьба Украины, со времени присоединенія послѣдней къ Московскому царству, представляется типической почти для всѣхъ присоединенныхъ къ Москвѣ областей съ оригинальной физиономіей. Украинскій народъ, стоявшій въ то время на порогѣ свободной жизни и фактически пользовавшійся весьма демократическими

учрежденіями, прошелъ долгій путь очень сложной эволюціи и шагъ за шагомъ подходилъ къ тому положенію, на которомъ вмѣстѣ со всѣми народами російскаго государства былъ застигнутъ извѣстными событіями послѣдняго времени. Упомянутая эволюція сказывалась, главнымъ образомъ, въ томъ, что первоначальный кругъ автономныхъ правъ становился все уже, слабая вначалѣ связь съ центромъ крѣпла, централистическая политика русскаго правительства все болѣе и болѣе сокращала объемъ мѣстныхъ особенностей въ управленіи и все ближе къ центру переносила пульсъ народной жизни, пока, наконецъ, не приводила данныя земли въ положеніе «коренныхъ» или «исконныхъ» русскихъ областей. Аракеевскій идеалъ казенной одноформенности и однообразія въ расчетахъ и соображеніяхъ официальныхъ русскихъ политиковъ всегда стоялъ рядомъ съ другимъ идеаломъ, мѣтко сформулированнымъ въ словахъ Шевченко: «од Молдована аж до Фина на всіх язикахъ все мовчить». Абсолютизмъ и централизмъ — родные братья, общими силами и въ добромъ согласіи воздвигнувшіе ту образцовую «тюрьму народовъ», которая извѣстна подъ именемъ Російской имперіи.

Это одна сторона эволюціоннаго процесса — центростремительная. Но рядомъ съ ней въ исторіи каждаго народа подъ владычествомъ русскаго правительства дѣйствуетъ и другая сила — центробѣжная, выражающаяся въ стремленіи обойденныхъ, угнетенныхъ и лишенныхъ свободы народностей сохранить свою автономію, удержать свои національныя права и особенности и добиться человѣческихъ условій существованія. Въ тюрьму никто, разумѣется, не идетъ добровольно; напротивъ, всякому свойственно стремиться къ тому, чтобы чаша сія его миновала. Освободительное движеніе болѣе или менѣ замѣтной струйкой проявляется въ исторіи каждой народности, имѣвшей несчастье потерять свою независимость. — разумѣется, при томъ непремѣнномъ условіи, что данная народность стоитъ при этомъ на извѣстномъ уровнѣ общественнаго и политическаго развитія. Красною нитью проходитъ это движеніе и чрезъ всю исторію украинскаго народа. Весьма не лишнимъ представляется поэтому прослѣдить эту нить, показать, чѣмъ и какъ освободительная идея выразилась въ исторіи украинскаго народа, какія оригинальныя черты она выработала и въ какомъ видѣ дошла до нашихъ дней, воплотившись въ программахъ и стремленіяхъ современныхъ украинскихъ политическихъ партій. Это необходимо хотя бы уже потому, что дастъ намъ возможность поставить болѣе или менѣ вѣроятный прогнозъ касательно будущаго.

Совершенная украинскимъ народомъ въ XVII ст. великая революція, на знамени которой стояла борьба противъ экономическаго, соціальнаго, національнаго и религіознаго гнета польскихъ феодаловъ, окончилась, какъ извѣстно, крайней дезорганизаціей тогдашней Рѣчи Посполитой. Фактически Украина оторвалась отъ

Польшы, но, съ другой стороны, собственными силами она не въ состоянїи была обезпечить себѣ независимое существованіе и мирное развитіе захваченныхъ въ борьбѣ сравнительно свободныхъ учреждений. Польская олигархія не имѣла вовсе намѣренія отказаться отъ своихъ «правъ» на такой лакомый кусокъ, какой представляла изъ себя Украина—эта, по выраженію одного изъ украинскихъ лѣтописцевъ, «земля, текущая млеко́мъ и медомъ». Враги стояли другъ противъ друга, обезсиленные борьбой, утомленные, доведенные до полнаго почти изнеможенія, но въ то же время ожидая лишь удобнаго случая, чтобы опять возобновить ожесточенную борьбу и предъявить старые счета. При такомъ положенїи вещей всегда найдется посторонняя сила — тотъ *tertius gaudens*, который въ своихъ собственныхъ цѣляхъ используетъ неопредѣленные отношенія и присвоить плоды предшествовавшей борьбы, вынимая чужими руками каштаны изъ пылающаго огня. Этой силой оказалось въ данномъ случаѣ Московское царство, соединеніе съ которымъ вдругъ улынулось предводителю восстанія Богдану Хмельницкому.

Соединеніе Украины съ Москвой состоялось въ 1654 году на условїяхъ, обезпечивавшихъ первой очень широкую автономію, почти независимость. Скоро однако и Хмельницкій, и козацкая старшина, и все населеніе Украины должны были убѣдиться въ томъ, что новый союзникъ понимаетъ возникшія изъ переяславскаго договора отношенія не какъ добровольный союзъ, а какъ отказъ украинскаго народа отъ своей независимости. Въ силу рѣзкаго несоотвѣтствія между ожиданіями украинскихъ автономистовъ и обнаружившейся централизаторской политикой Москвы, конфликтъ между союзными сторонами началъ назрѣвать уже въ моментъ заключенія договора, сопровождавшагося обоюдными неудовольствїями и пререканїями.

Уже Хмельницкій началъ приготовленія къ тому, чтобы разорвать связь, принимавшую, очевидно, неблагоприятный для украинской автономїи оборотъ, но еще рѣзче обозначился процессъ борьбы Украины за свою независимость по смерти популярнаго гетмана. Съ одной стороны, Москва все сильнѣе настаиваетъ на уничтоженіи украинскихъ вольностей (автономїи) и обнаруживаетъ стремленіе захватить въ безконтрольное управленіе страну; съ другой—ярче и опредѣленнѣе выступаетъ идея автономности (какъ въ знаменитыхъ «Гадяцкихъ пунктахъ» Выговскаго) и недѣльности Украины (въ домогательствахъ Дорошенка).

Къ сожалѣнїю, критическое время формироваанія на Украинѣ государственнаго строя не выдвинуло такихъ людей, которые бы сознательно приняли къ сердцу интересы широкихъ массъ украинскаго народа и, положивъ ихъ въ основаніе автономистской программы, сумѣли объединить всю страну и воодушевить ее общимъ духомъ протеста противъ грозящей опасности подчиненія. Одинъ за другимъ во

главъ Украины встають такіе авантюристы, какъ Брюховецкій, или ничтожныя во всѣхъ отношеніяхъ интриганы, какъ Тетеря, Ханенко и др., которые своей двусмысленной, неискренней, узкоэгоистической политикой очень быстро ведутъ страну къ «руинѣ». Одновременно и въ среду народныхъ массъ все глубже проникаетъ процессъ дифференціаціи, разслоенія на козачество и чернь («попшільство»), а вмѣстѣ съ этимъ возникаетъ сословная и классовая борьба, вслѣдствіе которой даже выдающимся сравнительно людямъ этой эпохи, какъ Дорошенко, не удается собрать украинское населеніе подъ общимъ знаменемъ защиты старыхъ вольностей. Роковая ошибка всѣхъ украинскихъ автономистовъ того времени состояла въ томъ, что они искали точки опоры не на Украинѣ, а за ея предѣлами, у сосѣднихъ государствъ, входя въ всевозможныя политическія связи и комбинаціи то съ Польшей, то съ Турціей и Крымомъ, то съ Швеціей или Трансильваніей. Возлагая свои надежды, главнымъ образомъ, на помощь сосѣднихъ государствъ, украинскіе политики совершенно пренебрегли естественной почвой—собственнымъ народомъ и не только не препятствовали разслоенію его на враждебныя группы, но даже—сознательно или бессознательно—содействовали этому разрушительному процессу, защищая классовые интересы старшины и козачества и въ угоду послѣднимъ угнетая собственно народъ, «попшільство». Поднявъ знамя возстанія противъ шляхетской Польши, козацкая старшина не въ состояніи была, тѣмъ не менѣе, представить себѣ возможность иныхъ порядковъ, кромѣ господствовавшихъ въ той же Польшѣ, съ той лишь разницею, что привилегированное мѣсто польской шляхты должна была занять шляхта мѣстнаго происхожденія, главнымъ образомъ, та же старшина. Собственно говоря въ соціальной структурѣ нарождающагося государства все должно было остаться по-старому, и народъ цѣною страшныхъ жертвъ и усилий не приобрѣталъ ничего, кромѣ новыхъ цѣпей и притѣснителей.

Нечего и говорить, что въ силу этого автономистскія стремленія козацкой старшины, предлагаемыя подъ соусомъ ея классовыхъ интересовъ и вдобавокъ съ непопулярными среди народа политическими комбинаціями, оставались чужими и непонятными для трудящихся массъ, и послѣднія вполне равнодушно относились къ борьбѣ съ централистической политикой московскаго правительства въ отношеніи Украины. Этой ровню и глубокой разобщенностью очень умѣло воспользовалась Москва. Постепенно, играя роль защитника черни отъ притѣсненій старшины и способствуя въ то же время обостренію раздоровъ на Украинѣ, она, подъ шумокъ, мало-по-малу обрѣзаетъ одну за другой ненавистныя ей вѣтви автономно-демократическихъ учреждений украинскаго государства. *Divide et impera*—этотъ принципъ неутомимо и послѣдовательно Москва проводитъ вплоть до того времени, когда побѣда абсолю-

тизма была уже вполне обеспечена, и отъ автономныхъ правъ и вольностей украинскаго народа осталось одно лишь смутное воспоминаніе. Послѣдняя активная попытка Мазепы отстоять ихъ не удалась, и подѣ Полтавой нанесенъ былъ рѣшительный ударъ надеждамъ и ожиданіямъ украинскихъ автономистовъ. Послѣ этого московское правительство распоряжается на Украинѣ уже вполне самовластно и, неуклонно слѣдуя своей политикѣ, обращаетъ Украину въ обыкновенную провинцію новоиспеченной имперіи, распространяя на нее московскіе порядки.

Одновременно съ политическими реформами русское правительство не оставляетъ безъ своего вниманія и социальныхъ отношеній на Украинѣ. Либеральная корреспондентка «господь Волтера и Дидерота», любившая щегольнуть при случаѣ громкой фразой на счетъ освобожденія народа «отъ мучившихъ его вдругъ многихъ маленькихъ тирановъ», какъ Екатерина II титуловала въ минуты раздраженія козацкую старшину, была на самомъ дѣлѣ ревностной насадительницей крѣпостного права на Украинѣ, раздавая крестьянъ сотнями тысячъ направо и налево своимъ многочисленнымъ фаворитамъ. Собственно говоря, «маленькіе тираны» только въ томъ случаѣ лишались благосклонности императрицы, когда осмѣливались напоминать о старинныхъ своихъ правахъ и вольностяхъ; фонды ихъ сейчасъ же поднимались въ ея глазахъ, какъ только они выступали исключительно въ роли помѣщиковъ-душевладѣльцевъ, изъ головъ которыхъ безъ остатка испарялись автономистскія идеи. Цѣною этой послѣдней уступки Екатерина была готова не только вполне примириться съ «тиранствомъ», но даже способствовать его расцвѣту и развитію, тщательно устраняя всѣ встрѣчавшіяся на его пути препятствія.

Придерживался весьма недвусмысленнымъ образомъ политики покровительства интересамъ командующихъ классовъ, правительство обращало особенное вниманіе на то, чтобы оторвать ихъ отъ родной почвы и вырыть непроходимую бездну въ національномъ отношеніи между ними и трудящимися массами. Этой цѣли служили гѣ гоненія на культурныя особенности украинцевъ, какія возникли почти вслѣдъ за воссоединеніемъ Украины съ Московскимъ царствомъ. Въ началѣ XVIII столѣтія эта искоренительная тенденція уже вполне опредѣленно проглядываетъ въ цѣломъ рядѣ соответственныхъ мѣропріятій. Правительство смотритъ, напримеръ, весьма неодобрительно на особенности въ языкѣ, и цензура, это худшее изъ заимствованій съ Запада, ставитъ совершенно ясныя требованія—исправлять въ украинскихъ изданіяхъ языкъ по московскимъ образцамъ или и совсѣмъ переводить книги «на великороссійское нарѣчіе», «дабы никакой розни и особаго нарѣчія въ нихъ не было». Извѣстны относящіеся къ этому времени случаи прямыхъ запрещеній при неисполненіи указанныхъ требованій на счетъ «особаго нарѣчія», причемъ гоненію подвергаются также

книги, издавныя за-границей, такъ называемой «львовской печати». Въ концѣ XVIII столѣтія русскій языкъ, не смотря на протесты, вводится въ Кіевской академіи и другихъ школахъ на Украинѣ; одновременно ведется кампанія противъ особенностей украинскаго произношенія, приказывается въ церквахъ при богослуженіи читать «голосомъ, свойственнымъ россійскому нарѣчію», т. е. придерживаясь великорусскаго произношенія. Благодаря этимъ и подобнымъ мѣропріятіямъ, школы и типографіи, которыхъ до того времени на Украинѣ было очень много, приходятъ въ упадокъ, исчезаютъ, и страна, служившая нѣкогда путемъ западно-европейскаго просвѣщенія и для Москвы, обращается въ культурномъ отношеніи мало-по-малу въ пустыню, замираетъ и становится образцомъ отсталости и безграмотности народныхъ массъ.

Мимоходомъ выше уже была указана главнѣйшая ошибка украинскіхъ автономистовъ. Она состояла въ томъ, что автономисты свои надежды возлагали исключительно на международныя политическія комбинаціи, оставляя безъ вниманія собственныя силы, заключавшіяся въ поддержкѣ украинскаго народа; что они искали точки опоры не на собственной почвѣ, а за ея предѣлами и, отстаивая автономію, старались поставить ее на сословную и классовую основу. Эта ошибка была чревата рядомъ фатальныхъ послѣдствій, а прежде всего тѣмъ, что широкія массы народа оставались вполне равнодушными и холодными къ идеѣ автономіи и отказывали въ своей поддержкѣ требованіямъ неосмотрительныхъ автономистовъ. Въ самомъ дѣлѣ — что могла значить для народа потеря автономіи предъ надвигавшейся грозой крѣпостного права? Какую, съ другой стороны, цѣну или привлекательность могла имѣть для трудящихся массъ національная независимость при полной невозможности пользоваться ея плодами и даже вѣсти просто человѣческое существованіе? И это тѣмъ болѣе, что поборники автономіи, вышедшіе главнымъ образомъ изъ привилегированныхъ классовъ, и не думали скрывать своихъ узко-классовыхъ видовъ, противорѣчившихъ народнымъ интересамъ, попутно предъявляя своекорыстныя претензіи на свободу и имущество трудящихся массъ. И нужно отдать полную справедливость русскому правительству, — неосмотрительностью украинскіхъ автономистовъ оно сумѣло очень искусно и ловко воспользоваться. Фактически поддѣрживая сословныя и классовыя домогательства высшихъ классовъ, очень щедро надѣлая ихъ крѣпостными дупами и помѣстьями, правительство сохраняло при этомъ до такой степени невинный видъ, что могло казаться даже защитникомъ народа противъ привилегированныхъ классовъ, — особенно, когда послѣдніе предъявляли кабія-либо политическія притязанія. На народъ оно натравило «пановъ», а этихъ послѣднихъ пугало и сдерживало призракомъ народнаго возстанія. Рознь между командующими классами и трудящимися массами возрастала и, по мѣрѣ ея возрастанія,

ослабѣвала сила національнаго сопротивленія и таяли ряды приверженцевъ «старожитныхъ правъ и вольностей» и среди старшины. Большинство ея, пополнившее свои ряды всевозможными ташкентцами—проходимцами и авантюристами изъ великороссовъ, молдаванъ, сербовъ и иного пришлаго люда,—наперерывъ бросилось приобрѣтать всѣми правдами и неправдами «ланки» и «нивки»—покудать и выпрашивать крѣпостныя души и «задья лакомства несчастнаго», по картинному выраженію украинской думы, пожертвовало не только народными интересами, но и собственными политическими правами. Сбылись ожиданія ангальтъ-цербстской нѣмки, сформулировавшей истинно-русскую программу дѣйствій,—«желанія къ чинамъ, а особливо къ жалованію» дѣйствительно вытѣснили «умоначертаніе прежнихъ временъ». Разрозненная Украина сдѣлала было еще одну попытку освободиться изъ политической, соціальной и экономической неволи во время такъ называемой гайдямачины, однако это героическое, но мало сознательное и лишенное выдающихся и опытныхъ руководителей движеніе было залито кровью возставшихъ, и пожаръ, не разгорѣвшись, угасъ... На Украинѣ воцарились крѣпостныя отношенія, темнота, политическая деморализація, и казалось—царству ихъ не будетъ конца. Въ сумеркахъ этого тусклаго времени затемнилась и пришла въ упадокъ и національно-автономистская идея.

Затемнилась, но не вполнѣ; пришла въ упадокъ, но не изсякла. Она возродилась снова, приобщилась къ теченіямъ общечеловѣческой мысли, очистилась отъ примѣси сословныхъ и классовыхъ интересовъ, положила въ основу своего бытія интересы роднаго народа, т. е., украинскихъ трудящихся массъ,—и въ такомъ видѣ старая идея автономности приобрѣла совершенно новыя черты. Новѣйшіе украинскіе автономисты выбросили за бортъ, какъ ненужный балластъ, надежды на международныя политическія комбинаціи, на помощь добрыхъ сосѣдей, и возложили ихъ на сильныя плечи самого народа. Сообразно съ этимъ цѣлью ихъ дѣятельности и ея нервомъ сдѣлалось благосостояніе, матеріальное и духовное, народныхъ массъ, а не интересы командующихъ классовъ. На стражѣ народныхъ интересовъ стало слово — новорожденная украинская литература, пронесшая великую идею національнаго возрожденія чрезъ страшныя испытанія и передающая ее теперь въ новыя и, можно думать, надежныя руки.

II.

Первые дѣятели новой украинской литературы—Котляревскій, Артемовскій-Гудакъ, Гребенка и др.—сразу же сообщили ей сильную демократическую и гуманитарную струю, хотя политическихъ отношеній и, въ частности, вопроса объ автономіи, они вовсе не

касались. У нихъ была иная историческаго значенія миссія — открыть глаза денационализированному къ тому времени украинскому обществу на окружающій его народъ, поставить во всей его наготѣ и остротѣ вопросъ объ элементарныхъ правахъ человѣческой личности, найти эту личность въ забытой крѣпостной массѣ и приобщить посредствомъ родной литературы украинскій народъ, бывшій до того времени сырой этнографической массой, къ семьѣ культурныхъ націй. И эту задачу молодая украинская литература выполнила въ полномъ объемѣ, даже не ставя пока вопроса о политическомъ положеніи Украины. Крайне характерно, впрочемъ, то обстоятельство, что одновременно съ первыми побѣгами демократической литературы на Украинѣ появилось и первое же произведеніе политической мысли, втеченіе долгаго времени впоследствии оказывавшее громадное вліяніе на формированіе автономистскаго теченія среди украинской интеллигенціи. Это была знаменитая «Исторія Руссовъ или Малой Россіи», честь авторства которой ошибочно приписывалась нѣкоторое время извѣстному Георгію Конисскому. «Исторія Руссовъ» обращалась на Украинѣ въ многочисленныхъ спискахъ, ею зачитывались, на ней воспиталось не одно поколѣніе старѣйшихъ украиннолюбцевъ; вліяніе ея сильно сказалось, между прочимъ, на Шевченкѣ. Любовь къ родному краю, автономистское направленіе, демократизмъ вплоть до республиканства—такими чертами отличается этотъ памфлетъ. Онъ будилъ среди украинскаго общества мысли о свободной родинѣ, онъ первый сформулировалъ идею автономіи Украины, онъ сохранилъ автономистскій принципъ и чрезъ голову изнѣженнаго, вырождавшагося панства перенесъ его къ дѣятелямъ послѣдующаго времени, когда явилась, наконецъ, возможность привить его къ свѣжему стеблю.

Едва-ли можетъ быть сомнѣніе относительно того, что «Исторія Руссовъ» являлась выраженіемъ и отраженіемъ мыслей не одного лишь ея автора, а довольно обширнаго круга людей на Украинѣ. Съ другой стороны фактически установлено, что она сама служила распространенію демократическихъ и автономистскихъ идей среди украинскаго общества. Национализаторская, если такъ можно выразиться, роль ея скоро сказалась, какъ только на Украинѣ начали появляться зародыши организацій, имѣвшихъ въ виду общественные интересы. Наиболѣе популярной формой такихъ организацій были въ то время масонскія ложи и связь украинства съ ними доказывается тѣмъ, что въ спискахъ, напримѣръ, Полтавской ложи встрѣчаемъ имя отца новой украинской литературы Котляревскаго *). Въ 1818 г. въ Кіевѣ образовалась масонская ложа,

*) А. Н. Пыпинъ. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Спб., 1900 г., стр. 321. См. также исследование г. Семейскаго „Декабристы-масоны“, „Минувшіе годы“, 1908 г., мартъ, стр. 146. Одного изъ

известная подъ названіемъ «Общества соединенныхъ славянъ»; она, правда, не имѣла въ виду служить собственно украинскимъ задачамъ, однако, стоя на федеративно-демократическомъ основаніи, пропагандировала славянофильскія въ лучшемъ значеніи этого слова идеи *) и до нѣкоторой степени подготовляла почву для появленія такихъ организацій, которыя уже вполне стоятъ на принципѣ украинской автономности. Изъ организацій послѣдняго типа наибольшую известность, благодаря своей трагической судьбѣ, получило основанное по инициативѣ Костомарова въ Кіевѣ въ 1846 г. Кирилло-Меодіевское братство. Его можно считать первой украинской организаціей съ болѣе или менѣе опредѣленно намѣченной политической программой и потому не лишнимъ будетъ на немъ остановиться.

Программа Кирилло-Меодіевского братства теперь уже вполне известна. Цѣлью своей дѣятельности оно ставило служеніе идеѣ славянскаго сближенія и единенія на федеративныхъ основаніяхъ, съ обезпеченіемъ полной свободы и широкой автономіи всѣмъ народностямъ, входившимъ въ составъ проектированнаго федеративнаго государства. Такими народностями члены братства считали: великороссовъ, украинцевъ, поляковъ, чеховъ, лужичанъ, хорутанъ, иллиро-сербовъ и болгаръ; каждая изъ перечисленныхъ націй по уставу братства должна была составлять отдѣльную республику («Рѣчь Посполитую»), вполне самостоятельную и независимую въ своемъ внутреннемъ управленіи и культурныхъ дѣлахъ («чтобы каждый народъ имѣлъ свой языкъ, свою литературу, свое общественное устройство»). Органомъ федеральнаго правительства долженъ былъ служить сеймъ, состоящій изъ выборныхъ пословъ отъ всѣхъ народовъ; ему должна была принадлежать компетенція по общимъ вопросамъ. Во главѣ исполнительной власти въ каждой изъ республикъ намѣчался избранный на время «правитель»; точно также избираемымъ долженъ былъ быть и глава всего федеративнаго союза. Кроме того, члены братства считали необходимыми условіями правильной государственной жизни общее равенство и свободу, уничтоженіе сословныхъ привилегій и прежде всего крѣпостного права, всеобщее народное образованіе, всеобщее избирательное право, выборное начало при замѣщеніи должностей съ уничтоженіемъ бюрократіи и т. п. Средствами достиженія поставленныхъ задачъ братство считало—воспитаніе въ соответственномъ духѣ молодежи, распространеніе грамотности въ народѣ и литера-

украинцевъ-масоновъ, Лукашевича, прямо обвиняли въ основаніи „малороссійскаго общества“, поставившаго цѣлью независимость Украины. См. тамъ же, стр. 149—151.

*) Въ ложѣ были членами многіе поляки, русскіе и малороссы, и самое названіе ея показываетъ стремленіе къ установленію дружественныхъ отношеній между этими тремя составными частями мѣстнаго населенія“. „Минувшіе годы“, 1908 г., мартъ, стр. 152—153.

туры, вообще мирную пропаганду своихъ идей, оговорившись при этомъ, что «правило—цѣль освѣщаетъ средства—общество признаетъ безбожнымъ» *).

Разматривая изложенную программу, особенно съ соблюденіемъ требованій исторической перспективы, мы должны будемъ признать ее, независимо отъ условій своего времени, очень прогрессивной и демократической, обнаруживающей высокій, по крайней мѣрѣ теоретически, уровень политическаго мышленія у членовъ братства. Можно было ожидать, что Кирилло-Меѳодіевское братство окажетъ сильное и благотворное вліяніе на формированіе демократически-автономистскихъ идей не только на Украинѣ, но и во всей Россіи. Къ сожалѣнію, дѣло погнѣбло, какъ извѣстно, въ самомъ зародышѣ: члены общества (Костомаровъ, Гулакъ, Марковичъ, Бѣлозерскій и др.), а также лица, близко стоявшія къ нему (Шевченко, Куляшъ), были въ 1847 г. арестованы и вся организація была разгромлена, не успѣвъ проявить себя чѣмъ-либо въ практической дѣятельности. Правда, идеи братства не прошли безслѣдно, такъ какъ литературнымъ отголоскомъ ихъ были въ 40-хъ годахъ стихотворенія Шевченка, а позже аболіціонистскія произведенія Марка Вовчка, несомнѣнно сыгравшія громадную роль въ дѣлѣ распространенія идей демократизма на Украинѣ.

Болѣе десяти лѣтъ прошло прежде, чѣмъ бывшіе члены Кирилло-Меѳодіевскаго братства получили, наконецъ, нѣкоторую возможность выступить на арену практической дѣятельности — въ «Основѣ» (1861—1862 гг.). Но время было уже иное: пало крѣпостное право, отходилъ въ вѣчность медовый мѣсяцъ россійскихъ свободъ, озваменовавшихъ кратковременную «эпоху великихъ реформъ»; федерализмъ въ то время, когда въ воздухѣ появлялись уже признаки польскаго возстанія, не могъ приобрѣсти популярности въ широкихъ общественныхъ кругахъ, да и вообще многія идеи братства казались тогда уже устарѣвшими по сравненію съ ученіемъ чистаго социализма, распространявшимся въ передовыхъ кругахъ русскаго общества. А въ то же время поднимала голову реакція, возобновились репрессіи со стороны правительства — и «Основа» должна была прекратить свое существованіе. «Братчики», хоть и не по собственной винѣ, опоздали съ пропагандой своихъ идей.

Къ концу существованія «Основы» въ ней зазвучали, впрочемъ, новыя струны въ произведеніяхъ младшихъ ея сотрудниковъ, какъ В. Б. Антоновичъ, П. П. Житецкій, Рыльскій и др. Особенно ясно новая струна прозвучала въ классической по своей простотѣ и искренности тона «Исповѣди» покойнаго Антоновича. «По волѣ судьбы—писалъ онъ—я родился на Украинѣ шляхти-

*) Къ исторіи „Общества св. Кирилла и Меѳодія“. „Былое“, 1906 г., февраль, стр. 73—75.

чемъ; въ дѣтствѣ имѣлъ всѣ привычки паничей и долго раздѣлялъ всѣ сословныя и національныя предубѣжденія людей, въ кругу которыхъ воспитывался. Но, когда пришло для меня время самосознанія, я хладнокровно оцѣнилъ свое положеніе въ краѣ, взвѣсилъ его недостатки, всѣ стремленія общества, среди котораго судьба меня поставила, и увидѣлъ, что его положеніе нравственно безвыходно, если оно не откажется отъ своего исключительнаго взгляда, отъ своихъ заносчивыхъ посягательствавъ на край и его народность. Я увидѣлъ, что поляки-шляхтичи, живущіе въ южно-русскомъ краѣ, имѣютъ предъ судомъ собственной совѣсти только двѣ исходныя точки: или полюбить народъ, среди котораго они живутъ, проникнуться его интересами, возвратиться къ народности, когда-то покинутой ихъ предками, и неусыпнымъ трудомъ и любовью, по мѣрѣ силъ, вознаградить все зло, причиненное ими народу, вскормившему многія поколѣнія вельможныхъ колонистовъ, которому эти послѣдніе за потъ и кровь платили презрѣніемъ, ругательствами, неуваженіемъ его религіи, обычаевъ, нравственности, личности,—или же, если для этого не хватаетъ нравственной силы, переселиться въ землю польскую, заселенную польскимъ народомъ, для того, чтобы не прибавлять собою еще одной тунеядной личности, для того, чтобы, наконецъ, избавиться самому предъ собою отъ грустнаго упрека въ томъ, что и я тоже колонистъ, тоже плантаторъ, что я посредственно или непосредственно (что, впрочемъ, все равно) питаюсь чужими трудами, заслоняю дорогу къ развитію народа, въ хату котораго я залѣзъ непрошенный, съ чуждыми ему стремленіями, что и я принадлежу къ лагерю, стремящемуся подавить народное развитіе туземцевъ, и что невинно раздѣляю отвѣтственность за ихъ дѣйствія. Конечно, — заканчиваетъ Антоновичъ—я рѣшился на первое, потому что, сколько ни былъ испорченъ шляхетскимъ воспитаніемъ, привычками и мечтами, мнѣ легче было съ ними разстаться, чѣмъ съ народомъ, среди котораго я выросъ, который я зналъ, котораго горестную судьбу я видѣлъ въ каждомъ селѣ, гдѣ только владѣлъ имъ шляхтичъ,—изъ устъ котораго я слышалъ не одну печальную, раздирающую сердце пѣсню, не одно честное, дружественное слово (хотя я былъ и *паничъ*), не одну трагическую повѣсть объ истлѣвшей въ скорби и безплодномъ трудѣ жизни... который, словомъ, я полюбилъ больше своихъ шляхетскихъ привычекъ и своихъ мечтаній» *).

«Желая мыслить и писать по-своему, малороссы не выгораживаютъ себя изъ общерусской жизни,—пишетъ въ «Основѣ» же другой, молодой тогда, ученый П. И. Житецкій. — Мы очень понимаемъ, что, устраняя себя отъ участія въ общерусской жизни, малороссы произнесли бы смертный приговоръ своей словесности, — потому что они пошли бы

*) Вл. Антоновичъ. Моя исповѣдь. „Основа“, 1862 г., январь, стр. 94—95.

въ этомъ случаѣ противъ исторіи,—и знаемъ, что они могутъ жить этой общей жизнью самостоятельно, не прибѣгая къ бесполезному и непроеводительному для нихъ займу у другихъ ума и языка... Народъ прежде всего требуетъ отъ своихъ воспитателей уваженія къ его собственному мировоззрѣнію, выработанному вдали отъ школы, и это именно мировоззрѣніе есть точка опоры, отъ которой должно пойти все его будущее развитіе. Отрѣшить народъ отъ этой почвы — значитъ раздвоить его натуру, значитъ обезпечить вѣчное существованіе двухъ смѣшанныхъ категорій—общества и народа (какъ будто народъ—не общество, а стадо овецъ!), которыя у насъ имѣютъ сословный характеръ. Первая—съ титуломъ образованной, послѣдняя... но мы всё знаемъ, какъ въ Россіи называютъ народъ... Такъ какъ малорусская литература—явленіе глубоко своеобразное по тому самому, что она идетъ отъ центра къ радіусамъ, а не наоборотъ, какъ русская; такъ какъ она начинается съ объективной ширины народнаго міросозерцанія, на которую должна вступить и русская литература въ интересъ своего дальнѣйшаго и болѣе правильнаго развитія, и такъ какъ, съ другой стороны, эта послѣдняя гораздо богаче малорусской общими понятіями,—то обѣ оны нуждаются одна въ другой и взаимно себя восполняютъ. Это даетъ малорусскому народу право быть индивидуумомъ, личностью и, съ другой стороны, вводитъ эту личность, какъ самостоятельную силу, въ общерусскій міръ для общечеловѣческихъ стремленій, успѣхъ которыхъ зависитъ отъ равновѣсія и полноправности обихъ народностей *)).

Такимъ образомъ къ концу существованія «Основы» уже ярче и опредѣленнѣе вырисовались тѣ черты демократизма и федерализма, какими проникнута вся вообще новѣйшая украинская литература въ лицѣ ея лучшихъ представителей. Намѣчена линія поведенія на двѣ стороны—по отношенію къ польскому и общерусскому такъ называемому обществу на Украинѣ, опредѣлены его обязанности относительно украинскаго народа. Намъ въ особенности дорого то настроеніе, воплощенное между прочимъ въ «Исповѣди» г. Антоновича, которое вполнѣдствіи, въ 70-хъ годахъ, создало такую яреую полосу въ общерусской жизни, характеризующую «кающимися дворянами». По условіямъ украинской жизни это настроеніе сказалось здѣсь раньше, хотя по тѣмъ же условіямъ и не приобрѣло столь сильнаго размаха и интенсивности, что, впрочемъ, не мѣшаетъ ему опредѣленности и глубокому значенію въ исторіи роста украинскаго самосовнанія.

Характерной въ то же время особенностью украинскихъ программныхъ заявленій начала 60-хъ годовъ является ихъ аполитичность, ихъ равнодушіе, можно сказать даже — пренебрежительное

*) П. Житецкій. Русскій патриотизмъ. „Основа“, 1862 г., мартъ, стр. 17, 18, 19, 20.

отношеніе къ политическому переустройству страны. «Никто вѣдь изъ насъ не только не говоритъ и не помышляетъ о политикѣ, но всякое (?) политическое стремленіе при настоящемъ состояніи общества до того смѣшно и ребячески наивно (!) въ нашихъ глазахъ, что серьезно даже считаемъ лишнимъ (!) возражать на этотъ упрекъ», — такъ заявляютъ лица, подписавшія извѣстный «Отзывъ изъ Кіева» въ 1882 г. и принадлежавшія въ общемъ къ молодому поколѣнію украинскіхъ дѣятелей *). Въ подобномъ же смыслѣ высказывались тогда и старшіе дѣятели, во главѣ съ Костомаровымъ. Принимая, «что каждый народъ стремится всѣми силами души къ разумной политической жизни и желалъ бы поскорѣ видѣть на своемъ знамени лозунгъ: «политическая и національная свобода» — они въ тоже время «дѣйствительныхъ улучшеній» въ этомъ направленіи ожидаютъ отъ... современнаго правительства!.. **) Украинское народничество начала 60-хъ годовъ носило, какъ видимъ, по преимуществу мирный, культурническій характеръ, что ясно не только изъ приведенныхъ заявленій и прямого неодобренія революціонныхъ выступленій «Молодой Россіи», содержащагося въ упомянутомъ уже «Отзывѣ изъ Кіева», но и изъ практической дѣятельности въ видѣ изданія популярныхъ книгъ, устройства воскресныхъ школъ и тому подобныхъ предпріятій. Такое настроеніе продолжалось, впрочемъ, не долго, и уже въ слѣдующее десятилѣтіе осужденныя «политическія стремленія» занимаютъ подобающее мѣсто въ украинскіхъ программныхъ заявленіяхъ.

Послѣ прекращенія «Основы» и вслѣдствіе наступленія реакціи снова слѣдуетъ въ исторіи развитія украинской общественной мысли антрактъ, втеченіе котораго въ украинскіхъ кругахъ обращено было особенное вниманіе на культурно-научную и просвѣтительную дѣятельность, достигшую къ срединѣ 70-хъ годовъ значительныхъ результатовъ. Но въ то же время принимаетъ болѣе опредѣленныя формы и чисто политическое направленіе, не игравшее замѣтной роли среди настроеній украинскаго общества въ 60-хъ годахъ. Въ 1873 г. въ львовскомъ журналѣ «Правда» появился коллективный «Одеритый листъ зъ України до редакціі «Правда», съ протестомъ противъ оппортунизма галицкихъ политиковъ. Въ «листѣ» находимъ между прочимъ слѣдующія строки: «кто... въ вопросахъ политическихъ и соціальныхъ не придерживается началъ свободы и народовластія... тотъ не имѣетъ права говорить отъ имени народа и народниковъ изъ Украины» ***). Въ половинѣ 70-хъ же годовъ, когда на Украинѣ воцарился густой

*) См. „Австро-руські спомини“ М. Драгоманова, ч. III и IV. Львовъ, 1890, стр. 301 и сл.

**) Матеріалы къ исторіи національнаго движенія 60-хъ годовъ прошлаго вѣка“. Кіевская Старина, 1905, кн. II, стр. 199.

***) «Австро-руські спомини, ч. III и IV стр. 231. Эта, какъ и слѣдующія выдержки изъ украинскіхъ изданій, приводятся здѣсь въ русскомъ переводѣ.

мракъ чудовищныхъ репрессій, начинается общественно-политическая дѣятельность незабвеннаго въ исторіи украинскаго движенія Драгоманова. Воспитанный на идеяхъ Кирилло-Меодіевскаго братства и на послѣднихъ выводахъ западно-европейской соціальной науки (Прудонъ, Бакуининъ), человекъ съ широкой эрудиціей, съ глубокимъ критическимъ умомъ и выдающимся публицистическимъ талантомъ—Драгомановъ сумѣлъ удачно примирить федерализмъ братчиковъ съ новѣйшими идеями западно-европейскаго социализма, и потому его общественно-политическую программу можно назвать федералистическо-соціалистической. Кратко самъ Драгомановъ формулировалъ ее, какъ «мысли о союзной общности (федерализмъ) личности нашего народа съ сосѣдями близкими и дальними, о свободѣ личности во всѣхъ проявленіяхъ общественной жизни, о социализмѣ («громадство») въ экономической сферѣ, рационализмъ и реализмъ въ области науки и искусства» *). Отсылая интересующихся программой Драгоманова въ полномъ видѣ къ его статьямъ и изданіямъ, отмѣчу здѣсь только главнѣйшіе ея пункты. Политическія требованія его сводились къ полноправію человеческой личности безъ различія національности и пола, къ неограниченной свободѣ слова, печати, науки, общества, собраній и союзовъ, къ полной автономности каждой общины («громады») въ ея внутреннихъ дѣлахъ и, наконецъ, къ независимости вольнаго союза («вільна спілка») общинъ на всемъ пространствѣ Украины, при чемъ національныя меньшинства должны пользоваться одинаковыми правами съ большинствомъ населенія. Въ сферѣ экономики обращаетъ на себя вниманіе требованіе передачи земель и водъ, а также орудій производства въ руки трудящихся, т. е. рабочимъ ассоціаціямъ. Что касается тактики, то, не отказываясь «отъ мирной дѣятельности для общественнаго прогресса», Драгомановъ въ то же время отмѣчаетъ, что «никогда и нигдѣ коренное переустройство общественныхъ отношеній не являлось результатомъ исключительно мирнаго прогресса», и потому подчеркиваетъ неизбежность упорной и тяжелой борьбы—вплоть до вооруженнаго возстанія — трудящихся массъ за осуществленіе своихъ требованій *).

Въ цѣломъ рядѣ періодическихъ изданій, какъ «Громада», а также въ отдѣльныхъ брошюрахъ и статьяхъ («Вільна Спілка» и др.) Драгомановъ разрабатывалъ, развивалъ и пропагандировалъ изложенные здѣсь взгляды и, несомнѣнно, дѣятельность его имѣла громадное значеніе въ развитіи общественнаго движенія на Украинѣ какъ въ общеполитическомъ, такъ и въ національномъ смыслѣ. Въ этомъ отношеніи Драгомановъ стоитъ какъ бы на авансценѣ современныхъ украинскихъ теченій въ политикѣ и общественности,

*) „Листокъ Громады“ (Женева), 1878, № 1.

*) Изложенная программа появилась за подписью Драгоманова, Павлика и Подолинскаго въ первой книжкѣ „Громады“ за 1881 г. (Женева).

сложившихся большею частью подъ его вліяніемъ; въ свое время онъ предвосхитилъ многое изъ того, что только въ послѣднее время вошло вполне въ общественное сознание. Поставивъ цѣлю своей дѣятельности общечеловѣческіе идеалы свободной личности, Драгомановъ шелъ къ этой цѣли, какъ представитель своего народа («космополитизмъ въ цѣляхъ, націонализмъ въ путяхъ и средствахъ» было его излюбленнымъ выраженіемъ), и большую часть своихъ силъ посвятилъ дѣятельности на пользу родной Украины. Даже больше — онъ органически не въ состояніи былъ представить себѣ социалиста на Украинѣ, который бы не воспользовался для распространенія и популяризаціи своихъ идей той удобной почвой, какую представляетъ украинское движеніе. «Если, — писалъ неоднократно Драгомановъ — украинецъ, не сдѣлавшійся социалистомъ, обнаруживаетъ только, что онъ не додумался или не доучился до конца, то въ свою очередь и социалистъ на Украинѣ, не присоединившійся къ украинскому движенію, тоже не доучился, не додумался до конца, не преодолѣлъ въ себѣ пана, чиновника»^{*)}. Выставивъ такое положеніе и неуклонно слѣдуя ему въ своей дѣятельности, Драгомановъ способствовалъ возврату къ украинскому народу его радикальной интеллигенціи**), считавшей раньше украинскій вопросъ слишкомъ узкимъ и не отвѣчающимъ требованіямъ общечеловѣческаго развитія; онъ заставилъ считаться съ украинствомъ, какъ съ серьезной общественной силой, даже тѣхъ, кто привыкъ съ насмѣшкой или пренебреженіемъ относиться къ національнымъ стремленіямъ угнетенныхъ народностей. Подводя итоги сказанному, можно охарактеризовать Драгоманова, какъ смѣлаго садовника, который умѣло рукою привилъ украинскую вѣтвь къ стволу общечеловѣческаго прогресса и приобщилъ украинское движеніе къ европейскимъ освободительнымъ теченіямъ. Онъ былъ предтечей современныхъ общественно-политическихъ партій на Украинѣ и лучшія стороны ихъ программъ уже въ его работахъ находили освѣщеніе и часто очень мѣткую формулировку.

Дѣятельностью Драгоманова данъ былъ толчокъ социалистическому движенію на украинской почвѣ — сначала въ Галичинѣ, куда его идеямъ и изданіямъ доступъ былъ свободнѣе. Съ конца 70-хъ годовъ среди представителей молодого поколѣнія въ Галичинѣ (Франко, Павликъ, Терлецій и др.) возникаетъ вполне определенное социалистическое теченіе, прибрѣвшее въ концѣ 80-хъ гг. уже форму партійной организаціи, извѣстной подъ именемъ радикальной партіи. Украина переживала тогда особенно тяжелое время. Беспросвѣтная реакція, воярившаяся въ 80-хъ годахъ въ Россіи, на Украинѣ

^{*)} „Громада“ (Женева) 1878, № 1, стр. 86.

^{**)} Ср. интересное письмо Желязова къ Драгоманову, — „Вышло“, 1906 г., мартъ, стр. 71—73.

приобрѣла формы самаго чудовищнаго гнета, какой только можно представить. Литература украинская секретнымъ указомъ 1876 года обречена была на смерть, національный духъ украинскаго народа и его требованія безпощадно подавлялись и были совершенно лишены возможности самовыраженія даже въ такихъ невинныхъ проявленіяхъ, какъ театр, музыка и т. п. *). Въ этомъ отношеніи 80-е годы представляютъ такой пустопорожній антрактъ въ исторіи украинскаго движенія, въ параллель которому можетъ быть поставлено развѣ время, послѣдовавшее за разгромомъ Кирилло-Меодіевскаго братства въ 1847 г. Всѣ живыя силы были скованы невозможными условіями; усталые и отчаявшіеся — одни изъ украинскихъ дѣятелей погрузились въ мелочную будничную работу, другіе совсѣмъ сошли со сцены. Полной безысходностью и безнадежностью вѣть отъ этого страшнаго времени всеобщаго упадка и подавленности. Тѣмъ болѣе сильнымъ толчкомъ завязавшему организму украинскихъ общественныхъ интересовъ оказалось появленіе въ родственной Галичинѣ молодой, свѣжей партіи, пришедшей на смѣну такъ называемымъ народовцамъ, уже потерявшимъ къ тому времени кредитъ на своей родинѣ.

При несомнѣнномъ вліяніи радикальной партіи, благодаря оживленной полемикѣ, завязавшейся между радикалами и народовцами въ Галичинѣ, происходитъ и на Украинѣ пересмотръ полученныхъ въ наслѣдство цѣнностей и формированіе новыхъ кадровъ интеллигенціи, при чемъ она замѣтно передвигается влѣво, въ сторону болѣе опредѣленныхъ демократическихъ требованій **). Дѣятельность радикальной партіи, нашедшей въ Галичинѣ благоприятную почву и поддержку среди крестьянства и ставшей здѣсь твердой ногой, вызвала интересъ и на Украинѣ, проявившійся сперва въ видѣ матеріальной и литературной помощи закордоннымъ единомышленникамъ, а затѣмъ и попытками организаціи политическихъ партій на мѣстной почвѣ. Въ первой половинѣ 90-хъ годовъ мы встрѣчаемъ уже здѣсь зародыши организацій, ставящихъ себѣ не только культурныя, какъ было раньше, но и политическія задачи на украинской почвѣ. Изъ этихъ первоначальныхъ организацій ни одна не дождала до нашего времени, тѣмъ не менѣе онѣ сослужили свою службу въ томъ отношеніи, что подготовили почву для будущихъ партійныхъ организацій и болѣею частью впоследствии вошли въ нихъ, какъ матеріалъ, уже прошедшій кой-какую политическую школу и потому обладавшій извѣстнымъ воспитаніемъ въ политическомъ отношеніи.

*) Подробнѣе объ этомъ мнѣ приходилось уже говорить на страницахъ „Русскаго Богатства“,—см. статью „Видъ закона“ въ январской книжкѣ за 1906 г.

**) См., напр., „Profession de foi молодыхъ украинцевъ“ въ „Правдѣ“ начала 90-хъ годовъ.

III.

Даже при бѣгломъ взглядѣ на эволюцію украинскаго движенія, начиная отъ самыхъ отдаленныхъ его представителей и до послѣдняго времени, вниманіе наше сразу же останавливается на двухъ параллельныхъ процессахъ, или—лучше сказать—двухъ сторонахъ развитія національной украинской идеи: на ростаніи демократизма и углубленіи автономизма. Было время, когда отмѣченныя здѣсь стороны интересующаго насъ процесса не только не совпадали, не только не шли параллельными путями, но находились даже въ нѣкоторомъ антагонизмѣ между собою. Украинскіе автономисты стараго времени, за незначительными исключеніями, меньше всего думали объ интересахъ народа, т. е. трудящихся массъ, и боролись за автономію Украины главнымъ образомъ въ своихъ классовыхъ и сословныхъ видахъ. Если въ моменты остраго національнаго угнетенія имъ и удавалось овладѣть народнымъ движеніемъ и на время стать во главѣ народныхъ массъ, то только потому, что страданія народа достигали высшей степени напряженія, что, не видя ни откуда помощи, народъ инстинктивно хватался за послѣднее средство спасенія, не разбираясь въ тонкостяхъ политическихъ комбинацій. Несомнѣнно однако, что народъ боролся за свое собственное дѣло—соціальное, экономическое и національное освобожденіе, и притомъ же онъ не понималъ національнаго освобожденія безъ соціального и экономическаго и потому всякій разъ оставлялъ автономистовъ на волю всеблагого провидѣнія, какъ только замѣчалъ, что дороги ихъ расходятся, и недавніе союзники и вожди являются представителями чуждыхъ и враждебныхъ классовыхъ интересовъ. За автономистами на узкой классовой подкладкѣ народъ идти не могъ, и всѣ усилія ихъ подвинуть по этому пути массы должны были потерпѣть полную неудачу, при чемъ даже самый принципъ автономности былъ затемненъ и искаженъ до неузнаваемости. Оказалось, что для привлеченія къ этому принципу широкихъ трудящихся массъ необходимо его кореннымъ образомъ передѣлать, очистивъ его отъ классовой окраски и поставивъ на народную же почву, т. е. связавъ автономизмъ съ народными интересами и придавъ ему неподдѣльно демократическій, отвѣчающій народнымъ нуждамъ обликъ. Опытъ прошлаго, съ одной стороны, и общій ростъ демократіи въ Европѣ, съ другой, должны были привести и украинскую интеллигенцію на единственно крѣпкую позицію—общенія съ народомъ на почвѣ его нуждъ и интересовъ. Это теченіе проявляется уже въ дѣятельности первыхъ поборниковъ украинскаго возрожденія въ литературѣ и общественной жизни (начало XIX столѣтія) и по мѣрѣ развитія украинскаго движенія усиливается, звуча доминирующимъ аккордомъ въ наше время.

Приведенныя общія замѣчанія необходимо имѣть въ виду, приступая къ обзорѣннѣю современнаго общественно-политическаго движенія на Украинѣ, развѣтвившагося на нѣсколько направлений.

Въ предыдущемъ изложеніи мы остановились на украинскихъ организаціяхъ, носившихъ переходный, подготовительный характеръ. Изъ такихъ организацій мы упомянемъ здѣсь лишь о двухъ, такъ какъ именно онѣ доставили больше всего матеріала для современной партійной группировки украинскихъ общественныхъ силъ.

Первая организація возникла въ началѣ 90-хъ годовъ въ Кіевѣ, но впоследствии распространила свое вліяніе и на другіе украинскіе города, гдѣ существовала подходящая почва въ видѣ мѣстныхъ «громадъ». Члены упомянутой организаціи называли себя «Тарасівцями» и по направленію, говоря вообще, были близки къ галицкому радикализму. Активной дѣятельностью «Тарасівці» себя не проявили и нѣсколько лѣтъ спустя in concreto вошли въ новую, всеукраинскую, организацію; если они и заслуживаютъ упоминанія, то лишь потому, что едва-ли не первые вышли изъ узкихъ рамокъ мѣстныхъ «громадъ» и одѣлали попытки болѣе широкаго объединенія украинскихъ силъ и элементовъ.

Болѣе видную роль въ этомъ отношеніи, какъ и вообще въ развитіи украинскаго движенія, сыграла всеукраинская организація, начало которой было положено на общемъ съѣздѣ въ Кіевѣ въ 1897 г. Задачей ея было объединеніе всѣхъ сознательныхъ элементовъ украинства, разбросанныхъ по различнымъ мѣстамъ, и борьба общими силами за національныя права украинскаго народа. Въ зависимости отъ политическаго состоянія Россіи названная организація, какъ и другія подобныя, была, конечно, конспиративной; состояла она изъ автономныхъ «громадъ», связанныхъ по типу федераціи. Исполнительнымъ ея органомъ была избираемая на одинъ годъ центральная «рада», а законодательнымъ — періодическіе съѣзды представителей мѣстныхъ громадъ, собиравшіеся три раза въ годъ. Положеніе украинства, въ то время лишеннаго въ Россіи самыхъ элементарныхъ способовъ проявленія, скованнаго неслыханными и безпримѣрными въ исторіи запрещеніями и преслѣдованіями, само собой направило дѣятельность организаціи на удовлетвореніе національныхъ нуждъ и запросовъ украинства. Дѣятельность организаціи заключалась поэтому главнымъ образомъ въ пропагандѣ идеи украинскаго національнаго возрожденія, большею частью среди интеллигенціи, въ сплоченіи сознательныхъ элементовъ, распространеніи украинской книги, издательствѣ и т. п. Это была по преимуществу культурная дѣятельность, имѣвшая цѣлью подготовить почву и людей для будущихъ политическихъ организацій, появленіе которыхъ было неизбежно, какъ только ростъ украинства далъ бы для этого надлежащія силы и средства. Не обладая выработанной въ деталяхъ политической программой, будучи, какъ говорятъ теперь, безпартійной, названная организація имѣла во

всякомъ случаѣ вполне демократическій обликъ и объединила почти всѣ, стоявшія на національной почвѣ, интеллигентныя силы на Украинѣ. Правильнаго общенія съ народомъ, если не считать случайныхъ связей и отношеній, у ней однако не было.

Значеніе упомянутыхъ безпартийныхъ организацій, кромѣ сказаннаго, заключается еще въ томъ, что постепенно, при помощи украинской публицистики, онѣ ликвидировали смуту предыдущаго «украинофильскаго» періода и вполне опредѣленно и твердо стали на національной почвѣ. Этимъ дѣломъ украинскаго національнаго возрожденія было связано уже не съ личными симпатіями и, такъ сказать, «украинофильскимъ» настроеніемъ отдѣльныхъ лицъ, а поставлено на твердое основаніе народныхъ интересовъ, чѣмъ созданы были условія и для партийной общественно-политической дѣятельности, въ которой заинтересованы, а потому и не могутъ оставаться равнодушными, уже и широкія массы трудящагося люда. Аморфныя, мягкотѣлыя элементы такъ называемаго украинофильства, которые и для самихъ себя не выяснили во всей полнотѣ и послѣдовательности своего національнаго положенія и задачъ, не могли, конечно, вести за собой, не говоря уже о болѣе широкихъ кругахъ украинскаго населенія, даже той горсти интеллигенціи, которая стихійно симпатизировала украинскому движенію. По силамъ это было только сознательному украинству, впервые выдвинувшему ясную, безъ колебаній и компромиссовъ, постановку національнаго вопроса и вытекающихъ изъ нея послѣдствій. Въ процессѣ указаннаго уясненія національныхъ задачъ украинскаго движенія наиболѣе, можетъ быть, выразительнымъ симптомомъ было то, что старый терминъ «украинофильство», такъ характерный для своего времени, окончательно теряетъ всякій кредитъ вѣченіе 90-хъ годовъ и постепенно выходитъ вовсе изъ употребленія. Новѣйшее направленіе ставитъ украинское движеніе не на диллетантскую почву личной любви или привязанности къ отвлеченной Украинѣ, а на твердое основаніе реальныхъ нуждъ и интересовъ украинскихъ народныхъ массъ. Отсюда уже оставался одинъ шагъ и до появленія партийныхъ организацій, которыя осуществляли бы указанный принципъ въ жизни, предварительно воплотивъ его въ соответственной программѣ. Условія какъ украинской, такъ и общерусской жизни за послѣдніе годы благопріятствовали этому процессу и расчистили почву для партийныхъ образованій среди украинскаго общества.

Въ исторіи украинскаго движенія послѣдняго времени выдающееся значеніе имѣлъ 1898 годъ—годъ, когда украинская литература праздновала свои «великія роковины» — столѣтній юбилей своего существованія *). Здѣсь нѣтъ надобности подробно остано-

*) Въ 1798 г. вышло первое изданіе извѣстной „Енеиды“ Котляревскаго, которую новая украинская литература считаетъ своимъ исходнымъ пунктомъ.

вливаться на громадномъ общественномъ значеніи литературы, этого, быть можетъ, лучшаго выраженія народной жизни. Правда, украинская литература, полузадушенная извѣстными запрещеніями, не могла, конечно, служить полнымъ и яркимъ отраженіемъ народныхъ нуждъ во всемъ ихъ объемѣ,—о подобной роли дѣятеля украинской литературы не могли и мечтать, не имѣя въ рукахъ прежде всего органовъ периодической печати,—тѣмъ не менѣе, по мѣрѣ своихъ силъ и умѣнья, она все-таки честно выполняла свой долгъ, служа народнымъ интересамъ. И столѣтній юбилей официально упраздненной литературы былъ одной изъ наиболѣе, можетъ быть, яркихъ и наглядныхъ несообразностей, какими вообще такъ богата русская жизнь. Столѣтній юбилей непрерывнаго мученичества, каторжнаго прозванія «внѣ закона», мытарствъ подъ удесятереннымъ бдѣніемъ цензурскаго глаза и отчаянной борьбы за существованіе—этотъ тяжелый юбилей долженъ былъ внушить его участникамъ много горькихъ, но за то и не мало отрадныхъ мыслей. Литература, выдержавшая столько гоненій и просуществовавшая при такихъ ужасныхъ условіяхъ цѣлое столѣтіе, очевидно, искорененію не поддается: очевидно, для упраздненія ея не достаточно начальственныхъ предписаній, очевидно, есть что-то въ самой жизни, что поддерживаетъ ее и питаетъ вопреки грознымъ декретамъ о томъ, что украинскаго языка «не было, нѣтъ и быть не можетъ». *) Этотъ юбилей служилъ, такимъ образомъ, наглядной иллюстраціей ничтожности предпріятія знаменитой Щедринской «комиссіи объ искорененіи», заключеніе которой—«ничто надлежащимъ образомъ не будетъ искоренено, пока не будетъ искоренена литература»—для украинской литературы звучало не невинной шуткой, а вполне реальной угрозой, воплотившись въ искоренительныхъ постановленіяхъ 1863 и 1876 годовъ. Праздникъ украинской литературы сыгралъ роль убѣдительнѣйшаго комментарія къ дышащей глубокимъ убѣжденіемъ въ неискоренимости литературы защитительной рѣчи великаго русскаго сатирика въ «комиссіи объ искорененіи». «Милостивые государи!—какъ будто звучали въ юбилейныхъ рѣчахъ и статьяхъ слова сатирика,—вамъ, конечно, не безызвѣстно выраженіе: *scripta manent*. Я же подъ личною за сіе отвѣтственностью присовокупляю: *semper manent, in saecula saeculorum*. Да, господа, литература не умретъ! Не умретъ во вѣки вѣковъ! А посему какъ бы намъ съ нашей комиссіей не осрамиться. Все, что мы видимъ вокругъ насъ, все въ свое время обратится частью въ развалины, частью въ навозъ,—одна литература останется цѣлою и непоколебимою. Одна литература изъята изъ законовъ тлѣнія, она одна не признаетъ смерти. Не смотря ни на что, она вѣчно будетъ жить и въ памятникахъ

*) Безсмертное выраженіе Валуевскаго циркуляра отъ 18 іюля 1863 года

прошлаго, и въ памятникахъ настоящаго, и въ памятникахъ будущаго. Не найдется такого момента въ исторіи человечества, про который можно было бы съ увѣренностью сказать: вотъ моментъ, когда литература была упразднена. Не было такихъ моментовъ, нѣтъ и не будетъ» («Круглый годъ»). Неумирающая жизнь дѣйствительно осрамила комиссію Валуевыхъ, Юзефовичей и К^о и ея категорическому «не было, нѣтъ и быть не можетъ» (литературы) противопоставила свое не менѣе категорическое: «не было такихъ моментовъ (упраздненія литературы), нѣтъ и не будетъ». На чьей сторонѣ оказалась побѣда, мы уже знаемъ...

И вотъ литература, насчитывающая сто лѣтъ своего существованія, да еще подъ обухомъ такихъ неслыханныхъ притѣсненій, можетъ быть, впервые остановила на себѣ вниманіе широкихъ общественныхъ круговъ на Украинѣ. Публичное празднованіе «великихъ речовин» во Львовѣ, Кіевѣ и нѣкоторыхъ другихъ болѣе крупныхъ центрахъ украинской жизни, разнесенное стоустой молвой по всей Украинѣ, навѣрное не одного, совершенно до того времени несознательнаго въ національномъ смыслѣ, украинца разбудило отъ долгаго сна, не одному открыло глаза и привело въ украинскій лагерь. Русская печать, вольно или невольно, но вообще украинскаго движенія чрезмѣрнымъ вниманіемъ не баловавшая, должна была также откликнуться на событіе и съ своей стороны способствовать по крайней мѣрѣ фактическому ознакомленію широкихъ общественныхъ круговъ съ положеніемъ украинскаго вопроса. Случайно этотъ моментъ совпалъ, кромѣ того, съ нѣкоторымъ ослабленіемъ цензурнаго вниманія къ украинской литературѣ; появилась возможность издавать въ большемъ количествѣ и лучшаго качества по крайней мѣрѣ беллетристику. Украинская книга начала проникать въ читательскую среду, воспитывать и развивать читателя въ національномъ смыслѣ. Постепенно увеличивался кругъ сознательныхъ украинцевъ, національное самосознаніе растетъ въ ширь и глубь, такъ что дѣлаются уже возможными такія внушительныя, по тому времени, демонстраціи украинства, какъ имѣвшія мѣсто при открытіи памятника Котляревскому въ Полтавѣ или во время юбилейнаго чествованія Н. В. Лисенка въ Кіевѣ (1903 г.). Уже не отдѣльные «украинофилы» или небольшіе кружки считаютъ себя связанными съ украинствомъ,—подъ давленіемъ правительственнаго прессы народилось украинское общество, которое, не скрываясь, выступало на публичную арену и заставляло говорить о себѣ и друзей, и недруговъ. Въ самомъ дѣлѣ—характерный и заслуживающій вниманія фактъ: враги украинскаго движенія, обходящіе его презрительно-горделивымъ молчаніемъ въ продолженіе предыдущаго періода (80—90 гг.), теперь снова начинаютъ возвышать голосъ, не брезгая даже такими средствами, какія пущены были въ дѣло на археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ (въ 1899 г.). Усиленное вниманіе, вплоть до обычныхъ доносовъ и натравливанья, со стороны

реакціонныхъ круговъ было вѣрнымъ признакомъ, что украинство, какъ общественное теченіе, уже переросло предѣлы небольшихъ кружковъ и группъ и начинаетъ собирать вокругъ себя болѣе широкіе круги общества. На слѣдующей ступени развитія движеніе должно было затронуть уже и народныя массы, и здѣсь впервые почувствовалась настоящая необходимость выступленія политическихъ партій на основѣ украинской національной жизни и требованій.

Я не имѣю въ виду въ настоящее время заняться подробнымъ обзоромъ партійнаго движенія среди украинскаго общества или входить въ детальную оцѣнку программъ современныхъ украинскихъ партій. Бѣглыя замѣчанія, какія читатель найдетъ ниже, приведены исключительно съ тою цѣлью, чтобы положить мостъ между прошлымъ украинскаго движенія, современнымъ его состояніемъ и перспективами въ будущемъ. Послѣднія принимаются мной въ томъ смыслѣ, что украинская національная идея въ видахъ собственнаго развитія должна быть по возможности крѣпче и рѣшительнѣе связана съ народными интересами, служить имъ и только имъ и никогда не оставлять безъ вниманія нужды украинскихъ трудящихся массъ. Ибо теперь можно считать аксіомой общественной жизни то положеніе, что только тѣ движенія имѣютъ будущность, какія прежде всего и исключительно рассчитаны на поддержку широкихъ массъ трудящагося люда, народа въ этомъ смыслѣ слова. Связать украинскую идею съ указанными интересами, крѣпко спаять ихъ въ нѣчто цѣлое и неразрывное—значитъ обезпечить вѣрную и свѣтлую будущность дѣлу украинскаго національнаго возрожденія, будущность, какой не въ состояніи будетъ вырвать у него какая угодно сила. Это такая громадная—смѣло можемъ сказать: наиболѣе великая—задача настоящаго времени, ради которой украинцамъ необходимо напрочь всѣ свои силы, призвать все живое на послѣднюю, быть можетъ, борьбу съ темной силой,—иначе украинскій народъ, какъ нація, можетъ пасть жертвой преждевременной смерти наканунѣ великаго освобожденія народовъ. Поставивъ предъ украинствомъ такую серьезную задачу, естественно будетъ пересмотрѣть тѣ общественныя силы, какія теперь болѣе или менѣе активно выступаютъ на аренѣ украинской политической жизни или, по крайней мѣрѣ, обнаруживаютъ тенденцію къ такому выступленію. Неизбѣжная при такомъ пересмотрѣ дова субъективизма будетъ, по возможности, сглажена внимательнымъ со стороны пишущаго эти строки отношеніемъ къ объективнымъ событіямъ и фактамъ украинской общественной жизни.

Первой по времени партійной организаціей на украинской почвѣ была *Револуційна Українська Партія* (Р. У. П.), возникшая приблизительно около 1900 г. Это была, какъ теперь сознаются даже бывшіе ея члены, «небольшая группа пропагандистовъ и лите-

раторовъ» *), безъ опредѣленной, прибавимъ, программы, особенно въ экономическихъ вопросахъ; говоря вѣрнѣе, это былъ блокъ весьма различныхъ элементовъ, спаянныхъ, съ одной стороны, социалистическими въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова тенденціями, а съ другой—крайне отрицательнымъ отношеніемъ къ предыдущимъ теченіямъ украинской общественной жизни. Рядомъ и одновременно съ Р. У. П. появилось было и другое родственное ей теченіе, представленное *Соціалістичною Українською Партією* (С. У. П.), опредѣленнѣе намѣчавшей свои отношенія къ общему украинскому движенію, но это послѣднее движеніе оказалось настолько слабымъ, что С. У. П. просуществовала не болѣе 2—3 лѣтъ и впослѣдствіи совершенно слилась съ Р. У. П. Послѣднюю относительно ея украинскихъ постулатовъ легче характеризовать отрицательными, чѣмъ положительными, чертами — тѣмъ, что она отрицала, а не чего добивалась. Выступая—и вполнѣ своевременно—на арену политической дѣятельности, Р. У. П. перегибалась дужь въ обратную сторону, вовсе отрицая всякую вообще культурную работу на украинской почвѣ,—одно время слово «культурникъ» въ устахъ членовъ партіи считалось однимъ изъ наиболѣе оскорбительныхъ эпитетовъ,—и сообразно съ этимъ не признавая вовсе дѣятельности своихъ предшественниковъ. Какъ это всегда бываетъ съ «Иванами непомнящими», въ теоретическихъ взглядахъ и въ практическихъ дѣйствіяхъ упомянутой «небольшой группы» царилъ полный хаосъ, что очень чувствительно отражалось на партійныхъ ея изданіяхъ. Первое изданіе партіи, брошюра «Самостійна Україна», было особенно яркимъ показателемъ смуты и хаоса господствовавшихъ въ рядахъ Р. У. П. Достаточно сказать, что «современная молодая Украина», по терминологіи названной брошюры, «считаетъ себя непосредственнымъ наслѣдникомъ Шевченка, а традиція ея восходятъ къ Мазепѣ, Хмельницкому и королю Данилу, оставляя въ сторонѣ украинофиловъ» **). Вмѣстѣ съ украинофилами «молодая Украина», какъ видимъ, просмотрѣла и Драгоманова, не говоря уже о другихъ теченіяхъ въ украинскомъ движеніи, которыя несомнѣнно должны были отравиться на его современной фізіономіи. Углубившись въ слишкомъ сѣдую старину вплоть до «короля Данила», партія естественно не нашла ничего лучшаго для современности, какъ выдвинуть условія переяславскаго

*) См. Докладъ Украинської Соціалдемократичної Робітничої Партіи Росії Міжнародному соціалістичному конгрессові в Штутгарті. Львовъ 1907, стр. 1. Отмѣтимъ кстати, что названная брошюра является необыкновенно цѣннымъ документомъ не только относительно, такъ сказать, эмбриологіи украинской соціалдемократіи, но и ея анатоміи и фізіологіи. Къ сожалѣнію, я не могу здѣсь использовать его въ надлежащей степени, такъ какъ это слишкомъ отвлекло бы меня отъ предстоящей мнѣ непосредственной задачи.

**) «Самостійна Україна», промова. Видане Р. У. П., ч. I, Львів, 1900. Стр. 19.

договора и положить его требованія въ основу своей дѣятельности: цѣль ея—«возвращеніе намъ правъ, опредѣленныхъ переяславской конституціей 1654 года, съ распространеніемъ ея на всю территорию, занимаемую украинскимъ народомъ въ Россіи» *). Цѣлѣстная, хотя и достаточно туманная фразеологія, патетическія восклицанія, противорѣчія, фактическія ошибки, непродуманные обрывки социализма и довольно откровенный шовинизмъ—сплелись въ этой брошюрѣ въ такой запутанный узелъ, какой партія оказалась, очевидно, не въ состояніи распутать, а предпочла разрубить. Она скоро отреклась отъ перваго своего изданія, этого первороднаго грѣха, и приверженцы «самостійной Украины» выдѣлились изъ Р. У. П., образовавъ новую организацію (Українська Народна Партія), о которой ниже. Тѣмъ не менѣе и послѣ этого Р. У. П. не скоро еще освободилась отъ колебаній и внутренняго тренія разнородныхъ элементовъ, доходящаго до такой степени, что члены во всякомъ случаѣ національной организаціи не признаютъ вовсе національнаго вопроса, считая его «не существующимъ», какъ выразился кто-то въ партійномъ органѣ «Праця». За то въ сферѣ общественно-политическихъ вопросовъ партія постепенно идетъ въ направленіи социалдемократической доктрины, каковая къ тому времени уже имѣла на украинской почвѣ отдѣльную группу (С.-Д.), правда, ничѣмъ себя не проявившую, кромѣ изданія двухъ-трехъ брошюръ. Переживъ въ началѣ 1905 г. кризисъ, когда часть Р. У. П. откололась и основала такъ называемую «Социалдемократическую Спілку» подъ крылышкомъ россійской социалдемократіи, Р. У. П. въ концѣ того же года организуется и сама въ социалдемократическую партію, принявъ и новое названіе—*Українська Соціалдемократична Робітнича Партія* (У. С.-Д. Р. П.). Такимъ образомъ, пройдя довольно сложную эволюцію, партія приобрѣла, наконецъ, опредѣленный обликъ, принявъ извѣстную идеологію, въ которой отъ общероссійской социалдемократіи отличается только требованіемъ автономіи Украины. Пока это требованіе—единственное, что удерживаетъ украинскихъ социалдемократовъ на родной почвѣ и въ положеніи ихъ, какъ партій украинской, нельзя не видѣть большой опасности. Уже и теперь имъ соблазнительно улыбается перспектива «соединенія всѣхъ національныхъ пролетарскихъ армій подъ знаменемъ единой государственной (!) социалдемократической партіи Россіи, съ общей программой и тактикой» **), или, говоря иными словами, поглощеніе централистическими элементами. Что будетъ тогда съ требованіемъ автономіи Украины—загадывать пока излишне, хотя судьба упомянутой выше «Спілки», совершенно утратившей первоначальный украинскій характеръ и даже враждебно

*) Ibid., стр. 21.

***) См. цитированный уже „Докладъ“, стр. 12.

относящейся теперь къ украинскому движенію, можетъ служить весьма поучительнымъ въ этомъ отношеніи прецедентомъ.

Какъ я упоминалъ уже, отъ того же корня «Самостійной України», подъ знаменемъ которой выступили въ свое время предшественники нынѣшнихъ украинскихъ социалдемократовъ, ведетъ свое начало и другая украинская національная организація — *Українська Народня Партія* (У. Н. П.). Но если первые путемъ довольно сложной эволюціи пристали тѣмъ не менѣе къ опредѣленному берегу, то вторая продолжаетъ и до сихъ поръ носиться безъ руля и безъ вѣтриль по безбрежному морю старой фразеологій и противорѣчій «Самостійной України» и другихъ своихъ изданій въ томъ же духѣ *). Не отразились на ней даже бурныя событія послѣднихъ лѣтъ, какъ показываетъ состоявшійся въ прошломъ году съѣздъ партіи, единогласно и самодовольно признавшій свою программу «полной и разработанной» **). Ту же хаотическую смѣсь, какую мы видѣли въ первоначальной организаціи Р. У. П., мы можемъ наблюдать и въ «Народной Партіи», съ тѣмъ, впрочемъ, отличіемъ, что послѣдняя вполнѣ рѣшительно стала на почву самаго крайняго, можно сказать, совершенно откровеннаго шовинизма. Правда, свой шовинизмъ партія силится заретушировать... социализмомъ, оправдывая свои націоналистическія положенія интересами рабочихъ и крестьянства, но въ этой противуестественной смѣси не трудно вскрыть и опредѣлить истинную цѣну такого оригинальнаго социализма. Это не что иное, какъ маргаритовый социализмъ, подъ видомъ интересовъ трудящихся массъ проповѣдующій и распространяющій необузданное челоуѣконенавистничество, раздувающій отвратительный огонь національной вражды. Что это такъ, достаточно будетъ припомнить тѣ «десять заповѣдей», которыми открывается упомянутая выше брошюра «Справа української інтелігенції в програмі У. Н. П.» ***). Достаточно также ознакомиться съ оригинальной, чтобы не сказать больше, политической экономіей партіи, съ ея, на примѣръ, «волчьимъ пролетаріатомъ» ****) и тому подобными нелѣпостями, чтобы избавиться

*) См. брошюру „Справа української інтелігенції в програмі Української Народньої Партії“ (Чернівці, безъ обозначенія года), газету „Самостійна Україна“ (Львівъ, 1905) и др.

**) „Рада“ (украинская газета въ Кіевѣ). 1907 г., № 111.

***) Приводимъ болѣе выразительныя изъ нихъ. Вторая „Заповѣдь“ гласитъ: „Всѣ люди твои братья, но москали, ляхи, венгерцы, румыны и жида — это враги нашего народа, пока они господствуютъ надъ нами и эксплуатируютъ насъ“. Третья: „Украина для Украинцевъ! А потому гони отовсюду изъ Украины чужеземцевъ-угнѣсителей“ и т. п. Вообще партія, сколько можно замѣтить, слѣдуетъ древне-римской терминологіи, отождествляя чужеземца съ врагомъ, по пословицѣ: *perigrinus in Roma antiqua hostis vocabatur*.

****) „Справа“, стр. 80. Это, повидимому, переводъ слова *Lumpenproletariat*. Нѣмецкое *Lumpen* гг. самобытники смѣшали съ латинскимъ *lupus*!

отъ всякихъ сомнѣній относительно истинной фязіономіи У. Н. П. и потерять самыя скромныя иллюзіи на счетъ ея нынѣшней позиціи и будущей эволюціи. Яко таетъ воскъ отъ лица огня, такъ, конечно, исчезнетъ и маргариновый социализмъ отъ самаго слабого соприкосновенія съ дѣйствительностью. Да и теперь уже онъ исчезаетъ, какъ только партія дѣлаетъ попытку съ абстрактныхъ высотъ туманной фразеологіи спуститься къ практическимъ требованіямъ. Такъ, напр., на послѣднемъ своемъ съѣздѣ эта именуемая себя социалистической партія высказалась, между прочимъ, за частную земельную собственность, такъ какъ «къ общественной (социалистической) обработкѣ земли украинскій земледѣлецъ не подготовленъ...» *) Постепенно, доскутъ за доскутомъ, спадутъ съ партіи облакающіе ее теперь якобы-социалистическіе покровы, и тогда ярко выступитъ ничѣмъ не прикрашенная шовинистическая сущность ея, которая дастъ вполне опредѣленный обликъ этимъ, если хотите, «истинно-украинскимъ» людямъ. И въ интересахъ какъ самой партіи, такъ и украинскаго общества желательно было бы, чтобы это превращеніе осуществилось, какъ можно скорѣе.

Третья изъ современныхъ украинскихъ партій—*Українська Демократично-Радикальна Партія* (У. Д.-Р. П.)—также пережила довольно значительную эволюцію, не закончившуюся, можно сказать, и до сихъ поръ, благодаря чему партія стоитъ на распутьи между истиннымъ демократизмомъ и пугливымъ оппортунизмомъ. Начало партіи положено всеукраинской безпартійной организаціей, о которой мною упоминалось въ своемъ мѣствѣ. Въ 1903 году, когда надъ Россіей пронеслись первые признаки неминуемой схватки между абсолютизмомъ и поборниками новаго строя, среди членовъ упомянутой безпартійной организаціи впервые возникаетъ мысль о реорганизаціи ея въ политическую партію съ опредѣленной программой. Какъ осуществленіе этой мысли, вскорѣ появилась «Українська Демократична Партія» **), близкая по своему составу и взглядамъ къ россійской общевемской и городской организаціи и «Союзу Освобожденія». Но уже въ періодъ формировація партіи изъ нея выдѣлились болѣе радикальные элементы, образовавъ самостоятельную группу, съ социалистически-народнической программой, подъ названіемъ «Української Радикальної Партіи» ***), проявившей себя втеченіе кратковременнаго своего существованія (вторая половина 1905 г.) довольно интенсивной издательской дѣятельностью (во Львовѣ и Петербургѣ). Послѣ извѣстныхъ событій въ концѣ 1905 года обѣ названныя партіи, имѣвшія нѣ-

*) „Рада“, 1907 г., № 111.

***) Программа ея появилась въ „Літературно-Науковомъ Вістникѣ“, 1905 г., іунь.

****) См. „Платформу Української радикальної партіи“, Виданне У. Р. П., ч. 1, Львовъ, 1905 г.

которыя общія черты въ программномъ отношеніи, опять сливаются въ одну—нынѣшнюю *Демократично-Радикальную Партію*, положивъ въ основаніе соглашенія компромиссъ между довольно разнородными элементами, характеризовавшими обѣ группы. Съ этого времени и до сихъ поръ партія все еще находится въ періодѣ формировація, съ которымъ она, очевидно, не въ состояніи закончить, время отъ времени предпринимая пересмотръ программы, переимѣну партійнаго названія и т. п. Уже изъ этой, болѣе тѣмъ краткой, исторіи Д.-Р. партіи видно, что она не обладаетъ опредѣленной фizioноміей, будучи въ сущности блокомъ разнородныхъ элементовъ, которые тяготеютъ въ разныя стороны и тѣмъ парализуютъ практическую дѣятельность партіи. Къ этому необходимо прибавить, что и нынѣшняя программа ея, какъ результатъ компромисса, страдаетъ поразительной неясностью въ нѣкоторыхъ кардинальныхъ вопросахъ *), а тактика и вовсе не обозначилась. Слабая вообще дѣятельность партіи зависитъ, мнѣ кажется, отъ того, что основное ядро ея составляютъ люди умѣренно-демократическаго направленія, близкіе къ русскимъ кадетами и по самому существу неспособные къ нелегальной дѣятельности, на которую обречены въ силу условій неумолимой россійской дѣйствительности. Находясь въ обстановкѣ нелегальнаго существованія, составленная къ тому же изъ неоднородныхъ элементовъ, Д.-Р. партія не можетъ принять опредѣленной фizioноміи и колеблется между правымъ и лѣвымъ своимъ крыломъ, не рѣшаясь твердо стать на какую-нибудь опредѣленную позицію. Отсюда упадокъ дѣятельности и слабыя попытки замѣны ея ничтожными суррогатами въ видѣ безконечныхъ распрей по поводу программы и работы надъ всякаго рода партійными мелочами. Это тѣмъ болѣе прискорбно, что по своему составу Д.-Р. партія является наиболее сильной и серьезно обставленной изъ современныхъ украинскихъ партій. Что она могла бы сыграть извѣстную роль въ политической жизни Украины, это показываетъ опытъ съ Государственной Думой перваго и втораго созывовъ, гдѣ такъ называемая «Украинская Громада» организовалась при несомнѣнномъ вліяніи и участіи украинскихъ демократовъ-радикаловъ. Къ сожалѣнію, обстоятельства быстро положили конецъ попыткамъ открытой политической организаци и тѣмъ самымъ внесли разстройство и въ ряды данной партіи, неприспособленной, какъ выше сказано, къ условіямъ подпольной дѣятельности. Можно думать — и это представляется мнѣ чуть ли не единственнымъ выходомъ для партіи,—что въ будущемъ элементы, стоящіе какъ правѣе, такъ и лѣвѣе основного

*) Напр., въ аграрномъ вопросѣ, который партія, собственно говоря, обошла оппортунистической формулировкой: „въ областной земельный фондъ частновладѣльческія земли должны перейти на условіяхъ, выработанныхъ областными сеймомъ“. См. „Программу Украинской дем.-рад. партіи“, Одесса, 1906 г.

ядра ея, отпадутъ и она претворится въ обычнаго типа либеральную партію на украинской почвѣ.

Въ такомъ видѣ представляется партійный составъ современнаго украинскаго общества, такой обликъ имѣютъ нынѣшнія украинскія партіи. Уже изъ представленной здѣсь обглой характеристики каждой можно заключить, что ни одна изъ нихъ не является непосредственной выразительницей и представительницей интересовъ громаднаго большинства украинскыхъ трудовыхъ массъ, состоящихъ главнымъ образомъ изъ мелкаго крестьянства—«хліборобовъ». Украинская социаль-демократія занята организаціей городского пролетаріата и отчасти вслѣдствіе этого, а отчасти и по своей идеологій сознательно уклоняется отъ систематической дѣятельности среди сельскаго населенія, удѣляя свое вниманіе, согласно съ постановленіемъ второго партійнаго съѣзда, лишь «сельскому пролетаріату и полупролетаризированному крестьянству» *). Правда, своимъ девизомъ украинская социаль-демократія ставитъ якобы— «черезъ городъ въ деревню» **), но если даже это не фразы, то и въ такомъ случаѣ данный девизъ только ярче подчеркиваетъ уклоненіе партіи въ настоящемъ отъ дѣятельности въ деревнѣ. Что касается остальныхъ двухъ украинскыхъ партій, то хотя онѣ и ставятъ своей непосредственною задачей работу среди крестьянства, но, очевидно, выполнить ее не могутъ. Онѣ не въ состояніи вполне представить его интересы и, какъ мнѣ кажется, не способны дать глубокіе ростки на деревенской почвѣ—У. Н. П. вслѣдствіе своего повышеннаго шовинизма, а У. Д.-Р. П. вслѣдствіе колебаній и наклонности къ оппортунизму. Такимъ образомъ, среди украинскыхъ партій нѣтъ организаціи, которая взяла бы на себя работу среди украинскаго крестьянства и представительство его интересовъ на основаніи, съ одной стороны, народныхъ потребностей и требованій, съ другой—опредѣленной идеологій и приобрѣтеній общечеловѣческой мысли и, наконецъ, нашего національнаго положенія. Общерусскія организаціи, работающія среди украинскаго народа, не могутъ выполнить данную работу во всей ея полнотѣ и объемѣ, такъ какъ принимая во вниманіе преимущественно социальпо-экономическія потребности украинскаго народа, онѣ въ большинствѣ случаевъ совершенно игнорируютъ его, какъ націю, и даже очень часто съ нескрываемою враждебностью относятся къ его національнымъ потребностямъ.

Итакъ, интересующей насъ организаціи нѣтъ, но она должна быть, — историческая необходимость властно призываетъ ее на арену дѣйствія. Контуры ея уже намѣчаются; необходимые для нея элементы существуютъ уже въ болѣе или менѣе готовомъ видѣ—отчасти въ современныхъ украинскыхъ партіяхъ, отчасти въ

*) „Докладъ“ ..., стр. 12.

***) Ibid., стр. 2.

безпартийныхъ кругахъ, отчасти даже въ чужихъ организаціяхъ, къ которымъ они примкнули за недостаткомъ собственной. Дѣятельность указанныхъ элементовъ, пока они элементами только и остаются, ни ихъ самихъ удовлетворить не можетъ, ни тѣмъ болѣе дать отвѣтъ на запросы, предъявляемые къ нимъ народными массами. И мнѣ кажется, что единственнымъ путемъ для этихъ разрозненныхъ и разбросанныхъ элементовъ, имѣющихъ тѣмъ не менѣе общую идеологію и міровоззрѣніе, можетъ быть только объединеніе и въ организаціонномъ отношеніи, на почвѣ определенной программы. Лишь при этомъ условіи возможна будетъ систематическая и плодотворная дѣятельность, развивающаяся теперь, благодаря случайности и неорганизованности. Украинская социалистическая партія безъ того узкаго доктринерства и догматизма, какими отличаются социаль-демократы, партія, которая, не справляясь съ экономическимъ термометромъ насчетъ градуса пролетаризаціи, представляла бы интересы всѣхъ трудящихся на Украинѣ и главнымъ образомъ многочисленнаго трудового крестьянства—такая партія кажется мнѣ насущной потребностью времени, не терпящей ни замедленія, ни отлагательства. Въ противномъ случаѣ въ тяжелую эпоху перелома, когда рушится старое міровоззрѣніе и на его обломкахъ созидаются основы новаго — украинскій народъ останется безъ своего ближайшаго вырavitеля и естественнаго руководителя и долженъ будетъ итти за чужими въ національномъ отношеніи людьми, которые лучше и полнѣе откликаются на его насущные интересы въ экономической области. Для украинскаго движенія этотъ исходъ былъ бы такой безповоротной и невознагражденной потерей, такимъ смертельнымъ ударомъ, отъ послѣдствій котораго ему едва-ли вполнѣ удалось бы оправиться. Съ того времени, когда представительство экономическихъ интересовъ украинскаго народа и руководство имъ перешло бы вполнѣ въ чужія руки, пришлось бы поставить крестъ надъ украинскимъ народомъ, какъ самосознающей себя націей. Одной могилой на всемірномъ кладбищѣ отошедшихъ въ вѣчность народовъ стало бы больше и едва-ли наплась бы сила, которой удалось бы поднять новаго Лазаря изъ его гроба. Символь «мужичества» для несознательныхъ людей теперь, украинство сдѣлалось бы символомъ реакціи, непониманія народныхъ интересовъ и этимъ окончательно и безповоротно убило бы себя въ глазахъ уже сознательныхъ людей, вышедшихъ на поиски лучшаго будущаго. Сейчасъ я не намѣренъ спорить съ тѣми, кто сталъ бы утверждать, что это къ лучшему,—такіе, несомнѣнно, имѣются, и не только въ рядахъ правѣе той критической линіи, которая расколола на два враждебныхъ лагеря все русское общество,—я обращаю лишь вниманіе на перспективу, грознымъ призракомъ встающую предъ украинцами въ случаѣ, если они заблаговременно къ ней не приготовятся. Единственное средство избѣжать такой пер-

спетивы — это, какъ уже было сказано, немедля всесторонне связать украинство съ истинными потребностями народныхъ массъ и прежде всего въ сферѣ экономическихъ интересовъ, ибо что бы тамъ ни говорили, — а они доминируютъ въ жизни народовъ. Украинская исторія дала намъ весьма краснорѣчивый въ этомъ отношеніи урокъ и мы должны воспользоваться имъ и, какъ огня, избѣгать старыхъ ошибокъ и вытекающихъ изъ нихъ послѣдствій...

IV.

Два пункта обращаютъ на себя особенно сильное вниманіе въ украинскомъ движеніи. Двѣ черты являются наиболѣе въ немъ привлекательными и такъ органически съ нимъ сросшимися, что безъ нихъ и само движеніе немислимо, такъ какъ потеряло бы всякій *raison d'être*. Черты эти — демократизмъ и автономизмъ (на федеративномъ основаніи).

Какъ нація до самыхъ низовъ, до корней своихъ мужицкая и пока она такой останется, украинская нація можетъ выносить на поверхность своей національной жизни только демократическіе элементы, насквозь проникнутые идеей народолюбія, сочувствіемъ къ широкимъ массамъ трудящагося народа, стремленіемъ для нихъ работать и свои интересы предъ интересами народными. Все, что выходило за предѣлы такого настроенія, уже тѣмъ самымъ отпадало и отъ корня украинской націи, какъ отпали всѣ эти Терещенки, Харитоненки, Ханенки и прочіе, порывающіе всѣ связи съ своимъ народомъ, кромѣ чисто владѣльческихъ. Далѣе, — какъ нація, не-государственная, нація, издавна испытывающая громаднѣйшее зло отъ централистической политики того или иного чужаднаго правительства — украинская нація должна была упорно искать такихъ формъ государственной жизни, при которыхъ наилучшимъ образомъ были бы обезпечены интересы ея, какъ не-государственной народности. Она эти формы нашла въ федерализмѣ.

Съ этими двумя чертами, демократизмомъ и автономизмомъ, связаны лучшія страницы въ исторіи украинскаго народа, на нихъ основывается вся его сила въ настоящемъ и всѣ надежды касательно будущаго. И наоборотъ — затемненіе той или другой изъ указанныхъ чертъ всегда влекло за собой упадокъ и пульса украинской жизни, давало пищу тѣмъ критическимъ моментамъ, какими такъ богато наше прошлое. Козацкая старшина XVII—XVIII столѣтій, свернувшая съ пути демократизма, выставивъ голый принципъ автономности, и этотъ послѣдній привела къ гибели. Народъ не послѣдовалъ, да и не могъ слѣдовать, за предводителями, измѣнившими знамени демократизма и обнаружившими «желанія къ чинамъ, а особливо къ жалованію» и населеннымъ имѣніямъ изъ

рукъ центрального правительства. Съ другой стороны, слабость безусловно демократически въ общемъ настроеннаго «украинофильства» зависѣла въ огромной степени отъ того, что старшее поколѣніе ближайшихъ къ намъ украинскихъ дѣятелей не ясно и себѣ представляло, и въ общественное сознание проводило принципъ автономности и вообще оказалось слишкомъ робкимъ въ достиженіи національныхъ задачъ возрождающагося народа. Демократизмъ безъ автономизма на національной почвѣ, равно какъ и автономизмъ безъ демократизма, въ украинствѣ всегда являлись признаками слабости, кризиса, упадка. И напротивъ—соединеніе обоихъ указанныхъ элементовъ одно только и способно дать украинскому національному движенію живнедѣтельную силу и привлечь къ нему многочисленныя ряды послѣдователей. Современныя политическія организаціи поняли это и потому каждая изъ нихъ соединяетъ на своемъ знамени лозунги демократизма и федерализма (автономности Украины). Однако ошибка существующихъ партій состоитъ въ томъ, что онѣ не нашли той гармонической пропорціи, того необходимаго соотношенія этихъ двухъ элементовъ, при которомъ послѣдніе другъ друга поддерживали бы. То одному, то другому элементу оказываютъ онѣ предпочтеніе, приближаясь то одной, то другой стороной къ теченіямъ въ украинствѣ, осужденнымъ уже историческимъ процессомъ и жестоко поплатившимся за пренебрежительное отношеніе къ какому-либо изъ указанныхъ элементовъ. Глубокой, хотя и односторонней, демократизмъ украинской социалдемократіи съ ея стыдливостью въ области національнаго вопроса и въ частности автономіи; преувеличенный вплоть до «самостоятельности» и только для вида одобренный маргариновымъ социализмомъ автономизмъ народной партіи; «умѣренность и аккуратность», доходящая до оппортунизма у демократовъ-радикаловъ,—все это явленія одного порядка: это результатъ диспропорціи между двумя главнѣйшими и необходимѣйшими элементами украинства, какъ комплекса общественно-политическихъ стремленій. Этой диспропорціей и можно въ значительной степени объяснить сравнительную слабость современныхъ украинскихъ партій, такъ какъ въ силу указаннаго недостатка ни одна изъ нихъ не имѣетъ возможности охватить во всей цѣлостности и полнотѣ нужды и интересы украинскаго народа, т. е. громаднаго большинства его трудящихся классовъ, за интересами того или иного класса забывая объ интересахъ цѣлаго. Отсюда слѣдуетъ, что для появленія на украинской почвѣ желательнаго общественно-политическаго направленія прежде всего необходимо найти такую формулу, которая сумѣла бы въ соотвѣтственной пропорціи объединить оба необходимые элемента украинства — демократизмъ и автономизмъ, и, воплотивъ ихъ въ конкретной, близкой и понятной народнымъ массамъ программѣ, повела бы ихъ на борьбу за всенародное дѣло. Такое дѣло возможно и, пока украинскій народъ почти въ полномъ составѣ при-

надежить къ трудовымъ массамъ, оно и въ дѣйствительности существуетъ: это освобожденіе народа отъ соціально-экономической и національно-политической зависимости. Это, въ настоящее время, всенародная, а вмѣстѣ съ тѣмъ и глубоко-національная задача общественнаго движенія на Украинѣ, ибо здѣсь пока понятіе націи совпадаетъ въ главнѣйшихъ чертахъ съ понятіемъ народа. Такая и только, на нашъ взглядъ, такая программа соответствуетъ народнымъ (національнымъ) интересамъ на Украинѣ, такъ какъ послѣдніе въ ней найдутъ свое выраженіе, и, съ другой стороны, она сама будетъ всесторонне опираться на реальныя основы народныхъ стремленій. Поищемъ же такую формулу, или, по крайней мѣрѣ, попытаемся очертить ея границы, пользуясь для этого накопленнымъ человѣческой мыслью опытомъ.

Процессъ человѣческой жизни сводится въ сущности къ борьбѣ каждой отдѣльной личности за наибольшую сумму доступнаго чело-вѣку здѣсь, на землѣ, счастья. Въ основѣ этой борьбы лежатъ, слѣдовательно, эгоистическіе интересы данной личности, ибо только живая человѣческая личность, а не фиктивный общественный организмъ, если ужъ прибѣгать къ этой устарѣвшей соціологической аналогіи, испытываетъ горести и радости, чувствуетъ, мыслить, страдаетъ, борется, наслаждается, терпитъ лишения. Говоря, что это переживаетъ какой-либо общественный организмъ—общество, нація, классъ и т. п.,—мы въ концѣ концовъ хотимъ сказать не что иное, какъ только то, что данное состояніе переживается отдѣльными личностями, входящими въ составъ опредѣленной общественной группы. Къ живой человѣческой личности, къ ея чувствамъ, къ ея горестямъ и радостямъ, къ ея мыслямъ, стремленіямъ, дѣятельности и борьбѣ сводится вся жизнь со всѣми многогранными формами ея проявленія. Слѣдовательно, въ основаніи общественной жизни лежатъ все-таки интересы и потребности этой автономной человѣческой личности и для полного удовлетворенія ихъ должно употребить всѣ средства какъ теоретической мысли, такъ и практической дѣятельности. Истиннымъ демократизмомъ будетъ тотъ, который эти интересы и потребности напишетъ на своемъ знамени и поставитъ ихъ единственнымъ критеріемъ практической дѣятельности; который сдѣлаетъ, пользуясь выраженіемъ Н. К. Михайловскаго, «фокусомъ своего размышленія интересы не націи, не государства, не общины, не провинціи, не федераціи, а—личности. Она составитъ тотъ центръ, изъ котораго разсѣются для васъ во всѣ стороны лучи Правды и освѣтятъ вамъ значеніе всякаго общественнаго союза». «Всякіе общественные союзы,—пишетъ тотъ же защитникъ личности нѣсколькими страницами выше,—какія бы громкія или предвзято-симпатичныя для васъ названія они ни носили, имѣютъ только относительную цѣну. Они должны быть дороги для васъ постольку, поскольку они способствуютъ развитію личности, охраняютъ ее отъ страданій, расши-

Юль. Отдѣлъ II.

ряютъ сферу ея наслажденій... Личность никогда не должна быть принесена въ жертву; она свята и неприкосновенна, и всѣ усилія вашего ума должны быть направлены къ тому, чтобы самымъ тщательнымъ образомъ слѣдить въ каждомъ данномъ случаѣ за ея судьбами и становиться на ту сторону, гдѣ она можетъ восторжествовать». *)

Но, являясь центромъ, изъ котораго, по приведенному прекрасному выраженію Михайловскаго, разсѣваются во всѣ стороны лучи правды, автономная въ идеѣ личность живетъ въ извѣстныхъ общественныхъ соединеніяхъ, налагающихъ на нее свою тяжелую руку и связывающихъ ее кругомъ опредѣленныхъ обязанностей. Кромѣ того, интересы личности, взятой отдѣльно, слишкомъ разнообразны, слишкомъ многочисленны и многосторонни; они могутъ быть направлены и къ добру, и ко злу окружающихъ личностей, они могутъ перепутываться, расходиться и сталкиваться съ интересами другихъ автономныхъ же личностей и вести упорную борьбу съ ними. Охватить ихъ въ такой голой, абстрактной формѣ или услѣдить въ каждомъ данномъ случаѣ за судьбами личности, не установивъ общаго, синтезирующаго начала, очевидно, не представляется возможнымъ. Правда, личности, живущія при болѣе или менѣе одинаковыхъ условіяхъ и подъ одними вліяніями, вырабатываютъ въ себѣ много одинаковыхъ же общихъ чертъ, дающихъ возможность индивидуальныя интересы личности до нѣкоторой степени синтезировать въ интересахъ общества, націи, класса или иной коллективной единицы. Но за всѣмъ тѣмъ и въ предѣлахъ такой единицы остается широкое, слишкомъ широкое поле для проявленія индивидуальныхъ интересовъ и борьбы за нихъ съ другими членами той же единицы, и велика опасность не найти выхода изъ этого лабиринта сталкивающихся интересовъ безъ путеводной нити въ рукахъ. Необходимо, такимъ образомъ, привести всѣ многообразныя и противорѣчивыя интересы отдѣльныхъ личностей къ какому-нибудь общему началу, къ одному знаменателю, необходимо найти типическій признакъ человѣка и имъ воспользоваться въ качествѣ ариадниной нити при группированіи человѣческихъ интересовъ.

Типическимъ, общимъ признакомъ человѣка, какъ такового, является трудъ, т. е. планомерная, направленная на опредѣленные результаты затрата человѣкомъ своихъ органическихъ силъ въ жизненномъ процессѣ. Трудъ есть неотъемлемая, наиболѣе общая, характерная и вполне конкретная особенность человѣческой личности; безъ труда мы не можемъ вообразить себѣ послѣдней, и своеобразнымъ, если хотите, трудомъ заняты даже наиболѣе тупеядныя личности, поскольку и онѣ ставятъ себѣ извѣстныя цѣли

*) „Письма о правдѣ и неправдѣ“. Соч. Н. К. Михайловскаго, т. IV. Спб., 1897 г., стр. 400, 451, 452.

и добиваются ихъ осуществленія. Въ трудѣ, въ томъ или иномъ его направленіи, въ его цѣляхъ и результатахъ высказываются всецѣло интересы и стремленія личности: по трудамъ ихъ познаете ихъ, какъ сказано въ великой книгѣ жизни. И вотъ, познавъ личности по труду ихъ, т. е. произведя классификацію труда на преслѣдующій необходимыя жизненныя цѣли и такихъ цѣлей въ виду не имѣющей, мы получимъ безошибочный признакъ для оцѣнки стремленій личности или, что то же, искомое общее начало, къ которому могутъ быть сведены интересы личности. Подставивъ, дажѣ, вмѣсто интересовъ личности интересы необходимаго въ общественномъ смыслѣ труда или, еще конкретнѣе, тѣхъ, кто этотъ трудъ проявляетъ—рабочниковъ,—мы тѣмъ самымъ сведемъ интересы личности съ недосыгаемаго неба абстрактныхъ теорій на землю практической дѣятельности и найдемъ совершенно конкретную отправную точку истиннаго демократизма. Какъ видимъ, демократизмъ при этомъ обращается въ социализмъ—не тотъ узкій, я сказалъ бы, сектантскій социализмъ, который придирчиво требуетъ формальныхъ признаковъ для проявленія своего сочувствія, а общечеловѣчскій социализмъ, обнимающій всѣхъ въ потѣ лица трудящихся, всѣхъ «трудящихся и обремененныхъ», равно относящійся, по словамъ украинскаго поэта—

До всіх, що любть свій піг і кров,
До всіх, котрих гнетут окуви...

Взявъ единственнымъ критеріемъ своихъ симпатій трудъ, мы, очевидно, не можемъ отказать въ нихъ никому, кто прилагаетъ его въ сферѣ своей дѣятельности, кто живетъ трудомъ, и потому такое мировоззрѣніе должно охватить интересы и пролетаріата, и трудового крестьянства, и таковой же интеллигенціи. Принявъ за отправной пунктъ своего мировоззрѣнія интересы человѣческой личности, мы, въ концѣ концовъ, придемъ къ интересамъ всѣхъ трудящихся, дающихъ въ суммѣ тотъ коллективный организмъ, который мы называемъ народомъ. Слѣдовательно, народъ, какъ совокупность трудящихся классовъ, и должны мы положить въ основу своей дѣятельности, удовлетвореніе его потребностей и служеніе его интересамъ сдѣлать своею цѣлью. «Служить народу—писалъ Н. К. Михайловскій—значить работать на пользу трудящагося люда. Служа этому народу по преимуществу, вы не служите никакой привилегіи, никакому исключительному интересу, вы служите просто труду, слѣдовательно, между прочимъ, и самому себѣ, если только вы вообще чему-нибудь служите» *). Народъ—это та почва, на которой требованія на пользу всѣхъ трудящихся только и могутъ достигнуть желательныхъ результатовъ и расцвѣсти пышнымъ цвѣтомъ. Тѣ требованія будутъ истинно-демократическими, которыя

*) Сочиненія Н. К. Михайловскаго, т. I, стр. 659.

имѣютъ въ виду нужды и интересы этого «народа по преимуществу», которыя направлены на то, чтобы поднять его изъ духовной и матеріальной нищеты и въ борьбѣ за индивидуальность способствуютъ воспитанію прекрасно, гармонично и всесторонне развитой человѣческой личности.

Такая постановка вопроса на украинской почвѣ тѣмъ легче и привлекательнѣе, что на Украинѣ до сихъ поръ вовсе почти не имѣется своей національной буржуазіи и, вообще, командующихъ классовъ. Все, что возвышается надъ народомъ соціально, обыкновенно разрываетъ съ нимъ и національныя связи, и потому громаднѣйшее большинство, можно сказать, компактная масса украинской націи состоитъ изъ людей, собственнымъ трудомъ обезпечивающихъ свое существованіе. Вотъ почему, какъ было выше указано, національное дѣло на Украинѣ совпадаетъ въ настоящее время съ народнымъ, и, работая непосредственно и всесторонне для интересовъ народа, мы тѣмъ самымъ совершаемъ дѣло національнаго возрожденія, и обратно—работая для этой послѣдней цѣли, уже тѣмъ самымъ служимъ интересамъ украинскаго народа, трудящихся массъ. Принявъ одно изъ данныхъ положеній, мы уже не имѣемъ нравственнаго права отказываться отъ другого, не раскалываясь на-двое. Конечно, такое взаимоотношеніе понятій націи и народа у насъ не вѣчно, и оно вовсе не свидѣтельствуетъ о какой-нибудь мистической самобытности украинскаго народа. Съ развитіемъ нашей жизни народится и собственная буржуазія и вообще нетрудящиеся классы, стоящіе на національной почвѣ; придетъ «чуждый» въ національномъ одѣяніи, или, лучше сказать, смѣшивъ нынѣшній общерусскій костюмъ на украинскій,—и тогда національный и народный элементы разойдутся, конечно, въ разныя стороны и во многихъ отношеніяхъ выступятъ, какъ враждебныя стихіи. Но пока этого не случилось, для стоящаго на національной почвѣ и не расколотаго на-двое украинца нѣтъ и при данныхъ обстоятельствахъ и быть не можетъ другого національнаго дѣла, какъ интересы украинскаго народа, украинскихъ трудовыхъ массъ.

Отправляясь отъ этой позиціи, не трудно уже будетъ построить программу тѣхъ требованій, которыя должны быть предъявлены во имя интересовъ украинскаго народа,—необходимо только вникнуть въ нихъ и положить ихъ краеугольнымъ камнемъ программы. Земля и воля, вся земля и вся воля—этой формулой исчерпываются въ общемъ видѣ народныя потребности въ настоящее время, и къ удовлетворенію ихъ и должны быть направлены всѣ усилія истинной демократіи на Украинѣ, на этомъ фундаментѣ должна она воздвигать зданіе своей программы. Разъ принято это основное положеніе, то изъ него уже сами собой должны будутъ вытекать и частности, ибо изъ данной почвы органически возникнуть можетъ лишь одна программа. Все, что можетъ быть

согласно съ основнымъ положеніемъ, войдетъ въ программу, что ему противорѣчитъ, отпадетъ.

Таковы изложенныя въ общихъ чертахъ основанія программы, которую для Украины я считалъ бы наиболее желательной, наиболее соответственной интересамъ украинскаго народа. Не входя въ детали программы, я не могу, однако, пройти мимо одного пункта—того пониманія основного положенія «земли и воли», которое вытекаетъ изъ нашего національнаго положенія и потому не совсѣмъ укладывается въ тѣ рамки, какія этому положенію обыкновенно присваиваются.

Выше указаны уже были органическія черты современнаго украинства: демократизмъ и автономизмъ являются въ настоящее время необходимыми составными его элементами, безъ которыхъ оно не имѣло бы права на существованіе. Какъ понимается нами демократизмъ—объ этомъ шла рѣчь на предыдущихъ страницахъ: для насъ онъ совпадаетъ съ социализмомъ, дѣятельностью на пользу трудящихся массъ украинскаго народа и борьбою за ихъ личныя и гражданскія права. Въ процессѣ этой борьбы раскрываются скобки и другой черты нашей программы—ея автономизма. Въдъ въ понятіе «воли», въ сумму правъ личности и составленнаго изъ отдѣльныхъ личностей коллектива—націи однимъ изъ первыхъ слагаемыхъ необходимо должны войти такъ называемыя національныя права: право каждой національности на развитіе своихъ культурныхъ особенностей, каковы—языкъ, литература и т. п., право пользоваться всѣми средствами для культивированія этихъ особенностей—слѣдовательно, право на собственную школу, судъ и тому подобныя общественныя учрежденія и, наконецъ, какъ обезпеченіе всѣхъ указанныхъ правъ—право каждой національности неограниченно распоряжаться всѣми касающимися ея дѣлами—экономическими, политическими, культурными. Сумму всѣхъ перечисленныхъ правъ и можно формулировать, какъ право на автономію или независимое существованіе и управленіе своими дѣлами. Государственнымъ національностямъ, не испытывающимъ національнаго гнета и гоненій, нѣтъ нужды выставлять національныя требованія, ибо ихъ никто не отрицаетъ, и на практикѣ въ той или иной степени они удовлетворяются. Тамъ, если и приходится бороться, то не за форму, а за содержаніе этихъ правъ, ограничиваемое эгоизмомъ и своекорыстіемъ командующихъ классовъ. Не то у такихъ національностей, какъ украинская, которыя, сверхъ всего прочаго, по штату полагающагося въ современномъ государствѣ, испытываютъ еще и національный гнетъ вслѣдствіе централистической системы управленія. Здѣсь, помимо борьбы за содержаніе, возгорается также борьба за форму указанныхъ выше правъ, такъ какъ и послѣдняя здѣсь очень часто служитъ сильнѣйшимъ препятствіемъ при пользованіи неоспоримыми благами и въ значительной степени затрудняетъ удовлетвореніе обществен-

ныхъ и личныхъ потребностей. Въ качествѣ примѣра возьмемъ элементарный по своей ясности вопросъ о народномъ образованіи. Общепринято, что школа должна быть органически связана съ жизнью и народными потребностями, такъ какъ цѣль ея—служеніе народу. И вотъ въ зависимости отъ этого въ Великороссіи борьба за улучшеніе школьнаго дѣла будетъ происходить исключительно на почвѣ содержанія преподаваемого въ школѣ, ибо противъ формы, языка тамъ не выступаютъ даже заявленные враги народныхъ интересовъ. На Украинѣ же эта борьба неминуемо должна принять двоякій видъ: и за содержаніе, и за форму, т. е. языкъ школьнаго преподаванія, ибо настоящая форма, воплощенная въ чужомъ для народа языкѣ, даже удовлетворительному содержанію оказывала бы неустранимое при данныхъ условіяхъ препятствіе, мѣшающее воспріятію знаній народомъ. Сказанное здѣсь о школѣ относится ко всѣмъ сторонамъ народной жизни.

Такимъ образомъ, интересы трудящихся массъ на Украинѣ, равно какъ и интересы гармоническаго развитія личности, требуютъ такихъ формъ государственной жизни, при которыхъ исчезли бы указанные препятствія на пути развитія, замѣнившись всестороннимъ содѣйствіемъ послѣднему. Личность, которую мы взяли «фокусомъ своего размышленія», дѣйствительно освѣтила намъ значеніе общественныхъ союзовъ. При этомъ свѣтъ общечеловѣческая практика уже выработала для государствъ съ неодинаковымъ населеніемъ образецъ наиболее цѣлесообразныхъ въ указанномъ отношеніи формъ въ видѣ федеративнаго строя, обеспечивающаго отдѣльнымъ областямъ автономію, территориально-національное самоуправленіе, употребляя послѣдній терминъ въ самомъ широкомъ смыслѣ. Для Украины, такъ много зла испытавшей отъ централистической политики, автономія при настоящихъ условіяхъ является единственнымъ средствомъ свободнаго развитія. Эта форма, при послѣдовательномъ примѣненіи ея, имѣющая въ идеалѣ полную независимость отъ чуждыхъ вмѣшательствъ въ жизнь народа, одинаково далеко стоитъ какъ отъ жестокаго угнетенія и удущья, господствующихъ въ настоящемъ централистическомъ строѣ, такъ и отъ излишней ровни и траты народныхъ силъ, что могло бы наступить при полномъ отдѣленіи. Она можетъ обеспечить нашему народу все необходимое для его развитія и вмѣстѣ съ тѣмъ удержать тѣ выгоды, какія предоставляетъ народамъ мирное сожителство подъ общимъ сводомъ свободныхъ учреждений. Она находится въ гармоническомъ сочетаніи съ демократизмомъ и даже больше—составляетъ *conditio sine qua non* истинно-демократическаго строя. Не даромъ эта связь старымъ социалистомъ Прудонмъ выражена въ слѣдующихъ энергическихъ словахъ: «Кто говоритъ: свобода—говоритъ: федерація, или ничего не говоритъ; кто говоритъ: республика—говоритъ: федерація, или ничего не говоритъ; кто говоритъ: социализмъ—говоритъ: фе-

дерація, или ничего не говорить». Выражаясь иными словами наиболее демократическій строй, построенный по централистическимъ шаблонамъ, представляетъ одну лишь форму безъ содержанія, ибо интересы меньшихъ коллективовъ и человеческихъ личностей приносятъ въ жертву Молоху слѣпой государственности. Вотъ почему взять демократизмъ и автономизмъ въ соответственной пропорціи и гармоническомъ сочетаніи — значитъ найти наилучшую формулу общественно-государственной жизни вообще, значитъ, переходя къ частному, интересующему насъ случаю, разрѣшить и проблему, стоящую предъ украинствомъ. Это значило бы — воплѣть приспособить къ жизни народа и крѣпко связать судьбу даннаго общественно-политическаго направленія съ судьбой и интересами народа на почвѣ наиболее жгучихъ народныхъ нуждъ и потребностей.

Я говорилъ уже, что указанному сейчасъ требованію не удовлетворяетъ воплѣть ни одна изъ существующихъ украинскихъ партій, ни одна изъ нихъ не обладаетъ такой формулой, которая соединяла бы демократизмъ и автономизмъ въ надлежащей пропорціи, не уклоняясь въ ту или другую сторону. Глубокій, но не широкій демократизмъ украинской социалдемократіи, сознательно вычеркивающей изъ сферы своихъ симпатій обширныя категоріи трудящихся на томъ лишь основаніи, что онѣ формально не подходятъ подъ извѣстную доктринерскую мѣрку, усложняется къ тому же неопредѣленностью и робостью въ постановкѣ національнаго вопроса и, въ частности, требованія автономіи. Партія до сихъ поръ не въ состояніи освободиться даже отъ фразеологіи, заимствованной у своихъ російскихъ товарищей, обѣщая въ резолюціяхъ второго съѣзда — «какъ можно энергичнѣе бороться противъ національнаго угнетенія, за равныя права для всѣхъ національностей на свободное существованіе и развитіе и твердо отстаивать право націй на культурное и политическое самоопредѣленіе» *). Правда, принимая во вниманіе особенность украинскаго вопроса, въ этомъ отношеніи съѣздъ попытался было сойти съ своей слишкомъ широкой и потому крайне неопредѣленной точки зрѣнія на болѣе конкретную позицію, но уже форма этой попытки свидѣтельствуетъ о не особенно значительной твердости партіи на данномъ пунктѣ. Съѣздъ лишь «принимаетъ» требованіе автономіи Украины, и то лишь снисходя къ «интересамъ развитія классовой борьбы и производительныхъ силъ на Украинѣ» **), оставивъ, такимъ образомъ, безъ вниманія другіе доводы за автономію и ослабивъ этимъ позицію въ національномъ вопросѣ. На противоположномъ полюсѣ стоитъ, какъ извѣстно, «Українська Народня Партія». У нея національный вопросъ выступаетъ до такой степени уродливо раздутымъ, что по-

*) „Вільна Україна“, 1906 г., кн. III. стр. 109.

**) Ibid., 110.

глощаетъ всё остальные стороны программы, доходя до откровеннаго, весьма недвусмысленнаго шовинизма, только замаскированнаго интересами трудящихся. Здѣсь, слѣдовательно, произошло обратное явленіе—преувеличеніе автономизма въ ущербъ демократизму. Средину между двумя этими партіями занимаютъ демократы-радикалы, но то, что есть у нихъ положительнаго—здоровое зерно автономизма—тонетъ въ общей неопредѣленности и колебаніяхъ. И какъ ни одна изъ существующихъ украинскихъ партій не является представительницей интересовъ широкихъ трудящихся круговъ на Украинѣ, такъ ни одна и программой своей не въ состояніи привлечь къ себѣ людей, свою цѣль ставящихъ служеніе этимъ интересамъ. Вотъ почему опредѣленно намѣчается новое теченіе, которое, избѣгая отмѣченныхъ промаховъ, встанетъ на единственно правильный путь, гармонически соединяя при свѣтѣ опредѣленнаго міровоззрѣнія оба необходимые элемента украинства—демократизмъ и автономизмъ—и беря ихъ въ надлежащей пропорціи.

Я не программу пишу и даже не комментарий къ готовой программѣ,—послѣднее потому, что ея нѣтъ еще, этой готовой программы, да и вообще—неблагодарное это дѣло составлять программу, прежде чѣмъ вполнѣ рельефно опредѣлится та матеріальная сила, которая сразу же пойдетъ за ней. У меня была иная задача—намѣтить лишь схему такой программы, которая, по моему убѣжденію, явилась бы наиболѣе полнозвучнымъ откликомъ на интересы и потребности украинскаго народа, помня при этомъ конечную цѣль человѣческаго прогресса—возможно полное развитіе челоуѣка, совершенствованіе и расцвѣтъ личности челоуѣческой. Всесторонне охватить жизнь челоуѣка, выразить всё его потребности—экономическія, политическія и культурныя—въ конкретныхъ формахъ данной національной обстановки, въ которой мы живемъ,—таковы требованія, какія можно предъявить къ нашей схемѣ. И если за указанными принципами вообще стоитъ какая-либо общественная сила, то общая схема не замедлитъ, конечно, наполниться живой кровью и облечется въ живую плоть. Тогда вырастетъ изъ нея и детальная программа, и соответственная тактика. Образецъ ихъ мы можемъ найти у родственныхъ намъ по духу и міровоззрѣнію такъ называемыхъ народническихъ или трудовыхъ направленій русской общественной мысли, и, конечно, необходимо воспользоваться ихъ опытомъ, поскольку онъ владывается въ рамки специальныхъ условий нашей жизни. Это въ полномъ объемѣ относится къ демократической, общей и намъ и напишемъ русскимъ товарищамъ основѣ. Что же касается автономистской стороны будущей программы, то въ этой области мы богаче опытомъ, и потому ее намъ предстоитъ поставить и выработать самостоятельно, имѣя въ виду общечеловѣческія идеи федерализма. Тѣмъ не менѣе, взявъ «фокусомъ своего размышленія»

интересы личности, конкретизировавъ ихъ на практикѣ въ интересахъ народа, трудящихся массъ и, въ частности—украинскаго народа, украинскіхъ трудящихся массъ, и послѣдовательно отправляясь отъ этой послѣдней точки—украинскіе дѣятели могутъ быть увѣрены, что идутъ правильнымъ путемъ. Въ концѣ пути яркой звѣздой сіяетъ великая цѣль—общечеловѣческое счастье на «оновленій землі», гдѣ, говоря словами великаго украинскаго поэта,—

Врага не буде, супостата,
А буде син і буде мати
І будуть люде на землі.

Просто люди—безъ той накипи соціальной табели о рангахъ, которая густымъ слоємъ осѣла на нихъ втеченіе долгаго пути отъ темнаго прозябанія до-историческихъ временъ къ будущему царству разума и свободы.

С. Ефремовъ.

Первая брешь.

(Письмо изъ Германіи).

I.

На происходившихъ въ іюнѣ новыхъ выборахъ въ прусскій ландтагъ нѣмецкой соціаль-демократіи удалось, наконецъ, пробить брешь въ этой цитадели прусской реакціи. Заколдованный кругъ, охранявшій прусскій ландтагъ въ продолженіе шести десятилѣтій отъ вторженія социализма и демократіи, разбитъ, и семь соціаль-демократовъ проникли въ это святилище прусскаго юнкерства (Карлъ Либкнехтъ, Боргманъ, Гейманъ, Гиршъ, Гофманъ, Штрейбель, Лейнертъ). Это само по себѣ немного (пруссскій ландтагъ насчитываетъ 443 депутата) и далеко не соответствуетъ тому значенію, которое имѣетъ въ странѣ соціаль-демократическое теченіе, захватившее отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ части населенія. Но система выборовъ въ ландтагъ такова, что можно было сомнѣваться въ возможности провести хотя бы одного соціаль-демократа въ это учрежденіе, созданное для того, чтобы служить оплотомъ всѣхъ реакціонныхъ элементовъ народа противъ всѣхъ прогрессивныхъ и демократическихъ теченій. Зависимость избирательнаго права отъ *имущественнаго* состоянія, предоставленіе болѣе состоятельнымъ избирателямъ каждаго избирательнаго округа прочнаго большинства *двухъ третей* всѣхъ голосовъ и публичность вотума,

дающая возможность контролировать голосованіе избирателей, находящихся въ социальной зависимости отъ высшихъ классовъ, казалось, вполне обезпечили собраніе прусскихъ патриціевъ отъ «вторженія» нежелательныхъ для нихъ элементовъ. Поэтому надо признать, что нѣмецкая социаль-демократія, дѣйствительно, имѣетъ основанія гордиться результатомъ послѣднихъ выборовъ и видѣть въ немъ весьма знаменательное явленіе.

Эта побѣда снова подняла духъ нѣмецкой социаль-демократіи, замѣтно понизившійся нѣсколько послѣ чувствительной неудачи на общихъ выборахъ въ январѣ 1907 г. На социаль-демократическихъ собраніяхъ, созванныхъ въ день выборовъ для выслушанія результатовъ послѣднихъ, каждое сообщеніе о побѣдѣ социаль-демократическаго кандидата въ томъ или другомъ избирательномъ округѣ встрѣчалось съ неописуемымъ, безконечнымъ восторгомъ, обнаружившимъ въ то же время, какъ мало сами социаль-демократы надѣялись на побѣду на этихъ выборахъ и какъ сильны были у нихъ опасенія, что тяжелыя впечатлѣнія результатовъ выборовъ въ рейхстагъ еще усугубятся новымъ пораженіемъ. Если бы социаль-демократіи не удалось провести на этихъ выборахъ ни одного изъ своихъ кандидатовъ, какъ это было въ 1898 и 1903 гг., она, вѣроятно, окончательно отказалась бы отъ участія въ избирательной борьбѣ за мандаты въ прусскій ландтагъ и вернулась бы къ тактикѣ воздержанія, которой она придерживалась до 1898 г. Избирательная агитація сама по себѣ, безъ парламентскихъ мандатовъ, теперь не даетъ больше удовлетворенія нѣмецкой социаль-демократіи. Простая демонстрація, «смотръ социаль-демократической арміи», подсчетъ своихъ силъ,—то, чему социаль-демократія на первыхъ ступеняхъ развитія придавала такое большое значеніе, превосходившее въ глазахъ многихъ значеніе парламентскихъ мандатовъ,—теперь сравнительно мало интересуетъ нѣмецкую социаль-демократію. Ея стремленія теперь направлены главнымъ образомъ къ тому, чтобы занять всѣ доступныя политическія позиціи и оттѣснить отъ нихъ своихъ противниковъ, подвигаясь все дальше впередъ. Поэтому она, не ограничиваясь выборами въ рейхстагъ, все болѣе и болѣе энергично участвуетъ въ избирательной борьбѣ за мѣста и въ органахъ мѣстнаго самоуправленія, хотя-бы избирательная система противорѣчила всѣмъ требованіямъ демократіи. Поэтому увеличеніе числа избирательныхъ голосовъ социаль-демократическихъ кандидатовъ на послѣднихъ выборахъ въ рейхстагъ на 250.000 нѣсколько не уменьшило огорченія нѣмецкой социаль-демократіи отъ потери нѣсколькихъ десятковъ парламентскихъ мандатовъ. Поэтому и на нынѣшнихъ выборахъ въ прусскій ландтагъ она напрягла всѣ свои силы, чтобы не только увеличить число своихъ избирательныхъ голосовъ, но также завоевать нѣсколько депутатскихъ мѣстъ.

Задача эта была весьма нелегкая. Классовая избирательная

система прусскаго ландтага совершенно отдѣляетъ пролетаріатъ отъ всей остальной массы избирателей и, изолируя его, ставитъ въ такое положеніе, что онъ даже при полномъ единодушіи въ его средѣ не въ состояніи провести собственными силами хотя бы одного своего кандидата. Каждый изъ трехъ классовъ избирателей отдѣльно выбираетъ своихъ выборщиковъ, но избраніе депутата производится сообща выборщиками всѣхъ трехъ классовъ, такъ что третій классъ (имѣющій только $\frac{1}{3}$ всего числа выборщиковъ) всегда остается въ меньшинствѣ *). Соціалдемократическіе кандидаты, слѣдовательно, не могли довольствоваться поддержкой одного третьяго (пролетарскаго) класса; избраніе ихъ было возможно только при поддержкѣ достаточнаго числа избирателей первыхъ двухъ классовъ. На первый классъ, обнимающій самыхъ крупныхъ капиталистовъ, конечно, рассчитывать нельзя было; только во второмъ классѣ, въ которомъ рядомъ съ крупной и средней буржуазіей группируется также мелкая буржуазія, можно было надѣяться найти при благоприятныхъ обстоятельствахъ нѣкоторую поддержку. Рѣшающій голосъ, принадлежалъ, такимъ образомъ—мелкой буржуазіи.

Такое положеніе, правда, не ново для соціалдемократіи. И при выборахъ въ рейхстагъ на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права соціалдемократическіе кандидаты также нуждаются для своего успѣха въ поддержкѣ извѣстной части мелкой буржуазіи, такъ какъ нигдѣ, или почти нигдѣ, въ Германіи пролетаріатъ не обладаетъ абсолютнымъ большинствомъ избирательныхъ голосовъ.

Привлеченіе сочувствія наиболѣе отзывчивой части буржуазной демократіи было поэтому одной изъ главныхъ задачъ избирательной агитаціи соціалдемократическихъ кандидатовъ на мѣста депутатовъ въ прусскій ландтагъ. Руководящія линіи этой агитаціи выяснять приводимыя ниже характерныя цитаты изъ воззванія «Vorwärts'a» въ день выборовъ, 3-го іюня н. ст.

Воззваніе обращается ко всѣмъ избирателямъ безъ различія классоваго положенія и сосредоточиваетъ вниманіе на интересахъ, общихъ для подавляющаго большинства народа, выдвигая на первое мѣсто борьбу противъ нынѣшней избирательной системы,

*) Въ каждомъ избирательномъ округѣ подводится итогъ всѣмъ прямымъ налогамъ, вносимымъ гражданами, достигшими 24-хъ лѣтняго возраста, при чемъ пролетаріямъ, не платящимъ прямого налога, ставится въ счетъ 3 марки на душу. Полученная такимъ образомъ сумма дѣлится на три равныя части, и граждане распределяются на три класса такимъ образомъ, чтобы сумма налоговъ, вносимыхъ гражданами cadaго класса равнялась одной трети общей суммы; при чемъ наиболѣе крупные плательщики причисляются къ первому классу, менѣе крупные—къ второму, мелкіе—къ третьему классу. Каждый классъ выбираетъ $\frac{1}{3}$ всѣхъ выборщиковъ округа.

отдающей всю государственную власть въ руки маленькой кучки привилегированныхъ.

«Избиратели, выполните вашу обязанность!—такъ начинается воззваніе Vorwärts'a.—Вамъ необходимо послать въ ландтагъ *хоть нѣсколько представителей народа*, которые могли бы тамъ, вмѣстѣ съ народной массой внѣ ландтага, вести борьбу за низверженіе позорнѣйшаго классоваго избирательнаго права! Интересъ въ сохраненіи какого бы то ни было классоваго и привилегированнаго избирательнаго права имѣетъ только *маленькое меньшинство* народа. Интересы массы населенія могутъ быть представлены только *демократіей*. Это относится ко всемъ слоямъ *средняго сословія и рабочаго класса*.

«*Маленькіе предприниматели* всецѣло заинтересованы въ низверженіи реакціи и классовой политики имущихъ классовъ».

«Ни одинъ избиратель не долженъ позволять обманывать себя лживыми увѣреніями противниковъ, будто социалдемократія ведетъ «одностороннюю классовую политику». Къ *классовой политикѣ* стремится тотъ, кто поддерживаетъ классовое избирательное право, отдавая всю народную массу подъ опеку маленькаго меньшинства. Кто, какъ социалдемократія, добивается всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, тотъ стремится къ *тому*, чтобы воля и сознаніе *большинства* народа имѣли рѣшающее значеніе, чтобы интересы *большинства* народа находили удовлетвореніе!—Напротивъ, именно *имушчіе* классы, именно *буржуазная* партія, всѣ безъ различія, также и партія центра и партія свободомыслящихъ, представляютъ односторонніе классовые интересы, ко вреду массы народа!»

«Кто хочетъ поддерживать *народныя права и народныя интересы*, тотъ долженъ избрать социалдемократическихъ выборщиковъ!»

II.

Конечно, свободомыслящая партія,—лѣвое крыло либеральной буржуавіи,—съ своей стороны также утверждала, что именно она является истинной представительницей народныхъ интересовъ. Но она давно уже не пользуется симпатіями у буржуазной демократіи, а въ послѣднее время, послѣ того, какъ она вошла въ странную, такъ называемую «консервативно-либеральную» коалицію съ реакціонерами, исчезли и послѣдніе остатки довѣрія во всѣхъ народныхъ слояхъ, проникнутыхъ демократическими принципами. Не только ея «демократизмъ», но и *либерализмъ* этой партіи, желающей проводить прогрессивныя реформы въ союзъ съ реакціей, вызываетъ теперь большія сомнѣнія у тѣхъ буржуа, для которыхъ либерализмъ не звукъ пустой, не фирма для политическаго предпріятія, а *принципъ*, символъ вѣры. Поэтому уже до выборовъ лучшіе

элементы свободомыслящей партіи начали покидать ее, а послѣ выборовъ, при которыхъ она почти всю свою энергію сосредоточила на борьбѣ съ социалдемократіей, а съ реакціонными партіями боролась весьма вяло, нерѣдко прямо отказываясь отъ борьбы съ ними, лишь бы нанести лишній ударъ социалдемократіи или получить путемъ компромисса лишній мандатъ,—послѣ этихъ выборовъ демократическая буржуазія, вѣроятно, окончательно отвернется отъ нея.

Это разложеніе нѣмецкаго либерализма,—явленіе само по себѣ, несомнѣнно, печальное и задерживающее политическое развитіе страны,—для чисто партійныхъ интересовъ нѣмецкой социалдемократіи весьма благопріятно, превращая ее въ единственную истинно-демократическую и прогрессивную партію и ставя ее во главѣ всей демократіи. Въ этомъ отношеніи послѣдняя избирательная кампанія сыграла весьма значительную роль и сильно способствовала укрѣпленію нѣмецкой социалдемократіи на позиціи широкаго демократизма, на которой она, правда, стояла почти все время ея существованія, но которая нѣсколько пошатнулась послѣ знаменитаго дрезденскаго партейтага. Результаты дрезденской эры ясно обнаружались на выборахъ въ рейхстагъ въ январѣ 1907 г. въ уменьшеніи числа социалдемократическихъ депутатовъ больше, чѣмъ на одну треть; значеніе этого ослабленія парламентскихъ силъ социалдемократіи тотчасъ же выразилось въ усиленіи натиска реакціонныхъ партій, усугубленіи давленія администраціи на социалдемократическое движеніе и пониженіи настроенія рабочей массы.

Въ избирательной кампаніи для выборовъ въ ландтагъ нѣмецкая социалдемократія снова рѣшительно заняла свою старую тактическую позицію; яркимъ свидѣтельствомъ этого служатъ приведенныя нами выше цитаты изъ «Vorwärts'a», руководимаго представителями *лѣваго* крыла соц.-дем. партіи,—и результаты этой избирательной кампаніи не могутъ не содѣйствовать упроченію этой позиціи. Въ Берлинѣ, повидимому, весьма значительная часть буржуазныхъ избирателей подали свои голоса за кандидатовъ социалдемократіи; только благодаря этому, социалдемократическая партія могла, при классовой избирательной системѣ, завоевать *половину* всѣхъ берлинскихъ мандатовъ (6 изъ 12).

При этихъ выборахъ вся буржуазная демократія убѣдилась, что въ Пруссіи *буржуазной* демократической партіи сейчасъ нѣтъ, что здѣсь теперь только социалдемократія воплощаетъ въ себѣ демократическіе принципы и рѣшительно и энергично отстаиваетъ интересы демократіи.

Конечно, современемъ можетъ возникнуть новая буржуазно-демократическая партія, и буржуазная демократія, можетъ быть, опять отдѣлится отъ социалдемократіи. Группа бывшихъ свободомыслящихъ, съ извѣстнымъ политическимъ дѣятелемъ *Теодоромъ*

Бартомъ во главѣ, уже теперь работаетъ надъ созданиемъ такой партіи. Она приняла живое участіе въ послѣдней избирательной кампаніи и имѣла своихъ отдѣльныхъ кандидатовъ въ выборщики и члены палаты. Но силы этой группы пока весьма не значительны. Самымъ яркимъ отличіемъ этой политической группы отъ всѣхъ другихъ политическихъ организацій нѣмецкой буржуазіи служитъ ея отношеніе къ социалдемократіи: въ послѣдней она видитъ не противника, а политическаго союзника, такъ какъ относительно главнѣйшей очередной задачи, состоящей въ низверженіи господства юнкерства, между буржуазной и социальной демократіей нѣтъ и не должно быть никакого антагонизма.

Провести своего представителя въ ландтагъ этой группѣ на нынѣшнихъ выборахъ не удалось.

Нѣкоторыя претензіи на демократизмъ заявляетъ также партія «центра», католическая партія, замѣчательнѣйшая изъ всѣхъ существующихъ въ Европѣ партій, сумѣвшая соединить въ единой мощной политической организаціи всѣ классы и слои католическаго населенія Германіи, отъ крупнѣйшихъ феодаловъ-землевладельцевъ до скромнѣйшихъ безземельныхъ батраковъ, отъ высшей капиталистической буржуазіи до послѣдняго социальнаго класса—фабричнаго пролетаріата. Католическая партія называетъ себя «народной партіей», и въ ея программѣ имѣются нѣкоторые демократическіе пункты. Принципіально она также признаетъ необходимость уничтоженія нынѣшней классовою избирательной системы въ прусскій ландтагъ и желательность установленія всеобщаго и равнаго избирательнаго права. Но практически эта партія ни разу еще не сдѣлала попытки уничтожить существующую избирательную систему, или хотя бы подвергнуть ее серьезной реформѣ. Нынѣшняя система весьма выгодна для католической партіи, обеспечивая ей большое вліяніе въ прусскомъ ландтагѣ въ тѣсномъ единеніи съ ея обычными союзниками, прусскими юнкерами. Имѣя въ своихъ рядахъ нѣкоторые quasi-демократическіе элементы, католическая партія тѣмъ не менѣе находится всецѣло подъ руководствомъ феодаловъ старой и новой формации. Партіи и на этихъ выборахъ удалось сохранить всѣ свои позиціи и даже увеличить число своихъ парламентскихъ мандатовъ, большею частью на счетъ ея традиціоннаго врага—національ-либеральной партіи.

Послѣдняя, игравшая въ 60-хъ и 70-хъ годахъ весьма большую роль въ политической жизни Пруссіи и Германіи, принуждена была затѣмъ уступить свое теплое мѣсто въ политическихъ комбинаціяхъ желѣзнаго канцлера и его преемниковъ католической партіи, растерявъ съ теченіемъ времени почти все, что она имѣла,—политическіе принципы, политическую программу, вліяніе на общественное мнѣніе и проч. Уже много лѣтъ тому назадъ великій нѣмецкій историкъ, нынѣ покойный, Теодоръ Моммзенъ, который нѣкогда самъ принадлежалъ къ національ-либеральной партіи, съ

глубокимъ негодованіемъ заклеили ея какъ партію, сбросившую съ себя все, что она имѣла на себѣ, и націонализмъ и либерализмъ, и сдѣлавшейся простой наложницей сильныхъ міра сего.

Националь-либеральная партія тоже съ порицаніемъ относится къ существующей избирательной системѣ, но такъ же, какъ и католическая партія, ничего не сдѣлала для ея устранения.

Открытымъ защитникомъ нынѣшней системы выборовъ въ прусскій ландтагъ заявляетъ себя только консервативная партія, знающая, что это не повредитъ ей въ общественномъ мнѣніи, на которое она все равно не можетъ рассчитывать, и прекрасно понимающая, что ея политическое вліяніе неразрывно связано съ этой системой. Благодаря послѣдней, она занимаетъ въ прусскомъ ландтагѣ почти половину всѣхъ депутатскихъ мѣстъ: 211 изъ 443 и имѣетъ въ немъ господствующее положеніе.

Въ общемъ составъ прусскаго ландтага имѣетъ послѣ послѣднихъ выборовъ такой видъ:

	Число депутатовъ.	
	Въ новомъ ландтагѣ.	Въ предшествовавшемъ.
Консервативная партія	151	144
Свободно-консервативная партія . . .	60	64
Националь-либеральная партія	64	76
Свободомыслящая партія	36	33
Католическая партія (центр)	105	96
Поляки	15	13
Соціалдемократическая партія	7	0
Внѣ партій	5	7
Сумма (увеличилась вслѣдствіе новаго распредѣлен. округовъ).	443	433

III.

Отъ такого состава ландтага нельзя, конечно, ожидать никакихъ уступокъ требованіямъ демократіи ни въ отношеніи избирательной системы, ни въ какомъ бы то ни было другомъ отношеніи. На существенное измѣненіе этого состава при господствѣ нынѣшней избирательной системы тоже нельзя рассчитывать. Эта система, октроированная прусскимъ королемъ антиконституціоннымъ образомъ въ 1849 г. послѣ побѣды контръ-революціи надъ освободительнымъ движеніемъ 48-го года, неизмѣнно оставалась въ теченіе шести десятилѣтій, за исключеніемъ краткаго періода 1862—65 гг., твердымъ оплотомъ всѣхъ реакціонныхъ элементовъ Пруссіи. Опытъ послѣднихъ выборовъ снова показалъ, что только широкое и интенсивное общественное движеніе могло бы уничтожить этотъ позорный пережитокъ контръ-революціонной эпохи, служащій тяжелымъ тормазомъ политическаго и культурнаго развитія не только Пруссіи, но также и всей Германіи, находящейся

подъ началомъ прусскаго короля, подъ управленіемъ прусскаго премьеръ-министра и вообще подъ гегемоніей Пруссіи. Маленькая социаль-демократическая фракція, проникшая, наконецъ, въ прусскій ландтагъ, сдѣлается, можетъ быть, центромъ объединенія общественныхъ силъ, напоръ которыхъ рано или поздно заставитъ прусскую бюрократію отказаться отъ послѣдняго остатка контръ-революціоннаго режима.

До послѣднихъ выборовъ общественное мнѣніе относилось весьма индифферентно къ этому вопросу, подавляющее большинство народа впало въ полный абсентеизмъ по отношенію къ прусскому ландтагу и совсѣмъ не принимало участія въ выборахъ. На выборахъ 1893 г. только 18,4% избирателей воспользовались своимъ избирательнымъ правомъ; столь же незначительно (18,36%) было участіе избирателей при выборахъ 1898 г. При выборахъ 1903 г. интересъ избирателей нѣсколько усилился, благодаря участію социаль-демократической партіи; но послѣдняя весьма нерѣшительно приступила къ этому новому для нея дѣлу, значительная часть ея все еще была противъ участія социаль-демократіи въ прусской избирательной борьбѣ. Поэтому вліяніе социаль-демократіи было на тѣхъ выборахъ не значительно, процентъ избирателей, явившихся къ избирательнымъ урнамъ, повысился только на 5%, поднявшись до 23,63% всѣхъ правомочныхъ, и социаль-демократіи не провела въ ландтагъ ни одного изъ своихъ кандидатовъ. И при нынѣшнихъ выборахъ социаль-демократіи также далеко не развила всей своей политической энергіи, разслабленная внутренними разногласіями по этому вопросу и сомнѣніями въ успѣхѣ при такой избирательной системѣ. Но, во всякомъ случаѣ, она была болѣе активна, чѣмъ при предшествовавшихъ выборахъ; поэтому и результаты были болѣе удовлетворительные. По всѣмъ наблюденіямъ участіе избирателей было при этихъ выборахъ болѣе значительно, чѣмъ при предшествовавшихъ; цифровыхъ данныхъ еще нѣтъ, сложная избирательная система весьма затрудняетъ подсчетъ.

Однакожь, несомнѣнно, что и на этихъ выборахъ большинство избирателей воздержалось отъ участія въ голосованіи. Въ этомъ абсентеизмѣ надо искать одну изъ главныхъ причинъ того поразительнаго въ политической исторіи XIX-го вѣка явленія, которое представляетъ собою прусская конституція, чуть ли не самая реакціонная изъ всѣхъ европейскихъ конституцій и тѣмъ не менѣе—самая долговѣчная изъ нихъ. Трудно понять, какъ такой высококультурный и политически весьма развитой народъ можетъ терпѣть въ теченіе болѣе чѣмъ полвѣка такой отсталый образъ правленія, такую возмутительную избирательную систему, такое пренебрежительное отношеніе къ духу времени и элементарнымъ требованіямъ политической справедливости, которые олицетворяются въ прусской «конституціи».

Сами авторы этой конституции смотрѣли на нее, какъ на временную, признавая ея несостоятельность, и въ самомъ текстѣ конституции находится признаніе необходимости установленія другого избирательнаго закона (§ 72), вмѣсто нынѣшняго «временнаго» (черезъ годъ этому «временному» исполнится 60 лѣтъ!..). Всѣ политическіе дѣятели того времени, консерваторы почти столько же, сколько либералы, относились къ этой «конституціи» самымъ ироническимъ образомъ. Любопытна въ этомъ отношеніи слѣдующая сцена, имѣвшая мѣсто въ прусской палатѣ депутатовъ начала пятидесятыхъ годовъ.

Членъ палаты депутатовъ Отто фонъ-Бисмаркъ-Шенгаузенъ (будущій имперскій канцлеръ) заявляетъ:

«Мы не народное представительство! Спустимся съ этого пьедестала самованнаго величія! Прусскій народъ, живущій въ восьми провинціяхъ Пруссіи, съ его вѣрой, его чаяніями, съ его живыми органами и жизненными потребностями, съ *этой палатой* не отражается и не представляется. Эта палата есть только представительница, при томъ еще неудовлетворительная представительница, *налоговой силы*, выражающая послѣ двойной дистилляціи въ двухъ избирательныхъ процессахъ немного болѣе половины (тогда участіе избирателей было значительнѣе чѣмъ теперь) плательщиковъ налоговъ трехъ классовъ. Это я не могу называть народнымъ представительствомъ!»

Предсѣдатель: «Я долженъ здѣсь прервать г. оратора и замѣтить ему, что ст. 83 конституции гласитъ:

— «Члены обѣихъ палатъ суть представители всего народа».

Депутатъ Бисмаркъ: «Я очень благодаренъ г. предсѣдателю за сообщеніе этого фактическаго утвержденія конституціи..»

Предсѣдатель: «Я долженъ бы призвать оратора къ порядку..»

Въ 1867 г. тотъ же Бисмаркъ, бывшій тогда уже прусскимъ премьеръ-министромъ, защищая всеобщую и равную избирательную систему, такъ отозвался о классовой системѣ на публичномъ засѣданіи сѣверо-германскаго рейхстага:

«Да, господа, кто наблюдалъ вблизи ея вліяніе и вызываемыя ею констелляціи, тотъ долженъ сказать: *болѣе бессмысленной и болѣе возмутительной* избирательной системы не было ни въ одномъ государствѣ!»

Не смотря на это Бисмаркъ ни въ качествѣ прусскаго премьеръ-министра, ни въ качествѣ имперскаго канцлера ничего не сдѣлалъ для замѣны этой избирательной системы другою, и она до сихъ поръ продолжаетъ служить фундаментомъ прусской государственности. Бисмаркъ, впрочемъ, не имѣлъ большого интереса въ избирательной реформѣ: «бессмысленная и возмутительная система» только въ 60-хъ годахъ доставила ему нѣкоторыя неприятели; потомъ онъ сжился съ нею и прекрасно устраивалъ при ней свои политическія дѣла; къ концу своей государственной дѣятельности,

когда онъ всецѣло посвятилъ себя дѣлу реакціи, онъ даже сталъ дорожить ею, какъ незамѣнимымъ орудіемъ въ борьбѣ съ демократіей и либерализмомъ. Но какъ общество, какъ либеральная буржуазія, какъ демократія, — могли мириться съ такой системой и терпѣть ея гнетъ отъ середины XIX-го до начала XX-го вѣка?

Правда, значительная часть государственныхъ дѣлъ Пруссіи перешла, со времени основанія германской имперіи, къ компетенціи рейхстага; но большая часть весьма существенныхъ дѣлъ до сихъ поръ остается въ вѣдѣніи ландтага, и эти дѣла въ общемъ *ближе* затрагиваютъ реальные интересы народа, чѣмъ вопросы болѣе общаго характера, разсматриваемые имперскимъ парламентомъ. Вся администрація, вся исполнительная власть, т. е. все фактическое управленіе страны подчинено контролю ландтага, и рейхстагъ *не имѣетъ права* вмѣшательства въ это дѣло (прусское правительство, по крайней мѣрѣ, это утверждаетъ и рѣшительно опровергаетъ малѣйшую попытку рейхстага въ этомъ направленіи). Ландтагу же подчинено все прямое обложеніе, самая важная часть современной налоговой системы. Ему же подчинено законодательство по вопросамъ мѣстнаго самоуправленія, народное просвѣщеніе, всѣ культурныя задачи и *все аграрное законодательство*. Всѣ эти важныя отрасли государственной жизни организованы въ такомъ реакціонномъ, узко-сословномъ и полицейскомъ духѣ, что нѣмецкіе демократы съ полнымъ правомъ говорятъ, что Пруссія—Боруссія, не только географически, но и въ политическомъ и въ социальномъ отношеніи «Пред-Россія»,—преддверіе послѣдняго оплота европейской реакціи.

Государственная власть фактически почти всецѣло находится въ рукахъ помѣстнаго дворянства, проникнутаго до сихъ поръ глубокимъ преврѣніемъ ко всѣмъ другимъ классамъ и сословіямъ,—традиционнымъ убѣжденіемъ, что «государство это—я». Это накладываетъ глубокой отпечатокъ на все законодательство Пруссіи, направляемое въ значительной степени узко-сословными интересами, симпатіями и антипатіями «перваго» сословія.

Земское самоуправленіе почти всецѣло въ рукахъ юнкерства, и все сельское населеніе находится въ зависимости отъ него, непосредственной или посредственной черезъ его представителей, ландратовъ, земскихъ начальниковъ и т. п., назначаемыхъ обыкновенно изъ среды мѣстнаго дворянства. Та часть сельскаго населенія, которая живетъ на помѣщичьей землѣ, остается вполнѣ подъ началомъ своего помѣщика, считающагося «начальникомъ помѣстья» и назначающаго собственной властью замѣстителя этой должности. Населеніе этихъ помѣстій подчасъ весьма значительно. Въ Восточной Пруссіи оно обнимаетъ 13,7% всего населенія провинціи, въ Западной Пруссіи — 13,3%, въ познанской провинціи 19,6%, а въ Помераніи — 21% всего мѣстнаго населенія! Много помѣстій имѣютъ весьма значительное населеніе; такъ по стати-

ствѣ 1887 г. въ восточныхъ провинціяхъ 1038 помѣстій имѣли болѣе 300 жителей, 216 имѣли отъ 501 до 1000 жителей и 43 помѣстья имѣли болѣе 1000 жителей, находящихся, на основаніи закона, подъ началомъ помѣщика.

Конечно, обязанности помѣщика-начальника по отношенію къ подвластному ему населенію точно опредѣлены закономъ, но предѣлы «усмотрѣнія» тѣмъ не менѣе весьма широкіе и относительно мало стѣснительны для юнкера. Для характеристики состоянія населенія этихъ помѣстій приведемъ слѣдующія замѣчанія одного берлинскаго профессора: «Въ помѣстьяхъ, населеніе которыхъ никогда не привлекается къ участию въ общинныхъ дѣлахъ, никогда не имѣетъ случая познакомиться съ благами общественнаго управленія,—въ этихъ помѣстьяхъ господствуетъ духъ, внушающій однимъ убѣжденіе, что они рождены для власти, а другимъ, осужденнымъ въ политическомъ отношеніи на тупое прозябаніе, полную готовность голосовать на выборахъ такъ, какъ того желаетъ милостивый господинъ». Этимъ отчасти объясняется, что большая часть сельскаго населенія, не только при выборахъ въ ландтагъ, но также на выборахъ въ рейхстагъ на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права отдають свои голоса юнкерамъ.

Своею властью прусскіе юнкеры пользуются весьма усердно для «охраны порядка и спокойствія», для насажденія «добрыхъ нравовъ» и благочестія, а также—для облегченія лежащей на нихъ самихъ налоговой тяжести посредствомъ перенесенія ея на широкія плечи народныхъ, и вообще для улучшенія своего положенія, всегда, по ихъ убѣжденію, «крайне бѣдственнаго»...

Въ налоговомъ отношеніи юнкерство въ настоящее время уравнино съ другими сословіями, но самымъ знатнымъ представителямъ юнкерства государство заплатило около 15-ти лѣтъ тому назадъ крупную сумму за отмѣну ихъ привилегій: имъ былъ выданъ капиталъ, составляющій 13¹/₂-кратное годичное обложеніе.

Правительство, съ своей стороны, съ чрезвычайной заботливостью охраняетъ интересы юнкерства, съ легкимъ сердцемъ жертвуя ради него интересами другихъ классовъ. Характернымъ примѣромъ можетъ служить прошлогодній циркуляръ министра общественныхъ работъ, рекомендовавшій подчиненному ему вѣдомству, *избѣгать* принятія на работу при предстоящихъ работахъ по устройству каналовъ, требовавшихъ много рабочихъ силъ, — *нѣмецкихъ рабочихъ*, дабы интересы помѣщиковъ не страдали отъ усиленія конкуренціи на нѣмецкомъ рабочемъ рынкѣ! — Министръ *долженъ* былъ это сдѣлать, потому что этого требовало господствующее въ прусскомъ парламентѣ юнкерство. Онъ поэтому даже счелъ необходимымъ доложить прусскому ландтагу о своихъ мѣропріятіяхъ въ защиту интересовъ помѣщиковъ.

«Съ сельскохозяйственнымъ и торговымъ вѣдомствомъ устано-

влено соглашеніе,—заявилъ онъ въ своей рѣчи,—чтобы воспрепятствовать отвлеченію сельско-хозяйственныхъ и промышленныхъ рабочихъ. Приняты мѣры къ поощренію привлеченія *иностранныхъ рабочихъ*. Предпринимателямъ запрещено подъ угрозой штрафа привлекать въ случаѣ недостатка рабочихъ силъ нѣмецкихъ рабочихъ, сельско-хозяйственныхъ или промышленныхъ. Это министръ признаетъ публично, съ парламентской трибуны, въ спокойномъ сознаніи, что это не только не повредитъ ему, но еще упрочитъ его положеніе, какъ свидѣтельство его преданности интересамъ юнкерства!

Отношеніе юнкерства къ государственнымъ интересамъ выразилось особенно ярко въ вопросѣ объ устройствѣ новыхъ водныхъ путей—каналовъ, имѣющихъ огромное значеніе для развитія промышленности и торговли. Въ 1899 г. правительство внесло въ ландтагъ проектъ центрального канала, соединяющаго Эльбу съ Рейномъ. Это былъ грандіозный планъ огромнаго экономическаго и культурнаго значенія. Но юнкеры, вообще непріязненно относящіеся къ развитію промышленности и торговли, подозрительно относящіеся также къ увеличенію средствъ сообщенія, рѣшительно воспротивились этому плану. Убѣжденія и настоянія правительства и самого монарха, чрезвычайно дорожившаго проектомъ, имѣющимъ историческое значеніе, были тщетны; ландтагъ *отвергъ* законопроектъ. Негодованіе Вильгельма II было безгранично; онъ прервалъ всякія сношенія со многими представителями юнкерства, бывшими прежде частыми гостями у него, уволил нѣскольکو десятковъ членовъ ландтага съ государственной службы, отставилъ нѣсколько министровъ, подозрѣваемыхъ имъ въ скрытой поддержкѣ юнкеровъ, между прочимъ, извѣстнаго министра финансовъ Микеля и торжественно заявилъ, что каналъ непременно долженъ быть и будетъ построенъ.

Но юнкеры не сдавались и въ концѣ концовъ, послѣ долгихъ споровъ и переговоровъ, продолжавшихся 6 лѣтъ, правительство принуждено было удовольствоваться каналомъ отъ Рейна до Ганновера и при томъ дать интересамъ юнкерства значительныя компенсаціи въ другихъ отношеніяхъ. Юнкеры блестяще выиграли битву подъ традиціоннымъ юнкерскимъ лозунгомъ: «Und der König absolut, wenn er unseren Willen thut!»

Удивительно ли послѣ этого, что скромный общественныхъ работъ считаетъ необходимымъ увѣрить юнкеровъ съ высоты парламентской трибуны, что онъ дѣлаетъ все, что возможно, для охраны интересовъ помѣщиковъ и готовъ жертвовать ради этого интересами рабочихъ?

Сельскіе рабочіе, живущіе въ помѣщичьихъ экономіяхъ до сихъ поръ подчинены контръ-революціоннымъ законамъ 50-хъ годовъ, лишаящимъ ихъ и тѣхъ скромныхъ правъ, которыми пользуются другіе рабочіе. За стачку они подлежатъ наказанію тю-

ремнымъ заключеніемъ до одного года; за непослушаніе приказаніямъ хозяина или его замѣстителя они могутъ быть подвергнуты штрафу до 15-ти марокъ или тюремному заключенію до 3-хъ дней. Самое грубое обращеніе со стороны хозяина, не исключая даже «легкаго» тѣлеснаго наказанія (пощечины, удара и т. п.), не даютъ этимъ рабочимъ права досрочнаго отказа отъ службы, развѣ только если «грубое обращеніе хозяевъ подвергаетъ опасности ихъ жизнь или ихъ здоровье, или если хозяева, хотя и безъ таковой опасности, обращаются съ ними съ *необычной и чрезмѣрной жестокостью*». Это отношеніе къ рабочимъ напоминаетъ крѣпостное право, но юнкерамъ удалось отстоять этотъ законъ отъ всѣхъ нападокъ и сохранить его до нашего времени.

Интересы юнкеровъ стоятъ на первомъ планѣ, но и интересы капиталистовъ принимаются близко къ сердцу прусскимъ правительствомъ. Фабричная инспекція весьма недостаточна и не отвѣчаетъ требованіямъ нашего времени, но ходатайства рабочихъ о ея развитіи и улучшеніи остаются безъ вниманія. За то сколько вниманія къ узкимъ интересамъ фабрикантовъ показываетъ, напр., заявленіе министра съ *парламентской трибуны*, что «частная промышленность имѣетъ право требовать, *чтобы государственныя предприятия не платили болѣе высокой заработной платы, дабы не повредить этимъ частной промышленности!*» (Въ засѣданіи ландтага 2-го марта 1893 г.).

Нѣкоторымъ вниманіемъ со стороны правительства и господствующей партіи прусскаго правительства пользуется еще «среднее сословіе» (ремесленники, мелкіе промышленники и т. п.), въ которомъ они видятъ оплотъ существующаго строя противъ революціонныхъ стремленій. Много «реформъ» изобрѣтено было прусскою бюрократіей для «спасенія» средняго сословія: организація цеховъ, кредитная помощь, мѣры противъ большихъ магазиновъ-баваровъ, обложеніе и частичное запрещеніе разносной торговли,— не остановились даже передъ мѣрами противъ потребительныхъ обществъ бѣднѣйшихъ пролетаріевъ. Но все это мало принесло пользы «среднему сословію» и далеко не удовлетворило его.

Еще болѣе, чѣмъ въ законодательствѣ, кастовый социальный духъ налагаетъ свою печать на исполнительную власть прусскаго королевства. Самоуправленіе, судъ, народное просвѣщеніе и проч. и проч. (о полиціи, конечно, и говорить нечего)—все проникнуто этимъ узкимъ духомъ, духомъ классовой борьбы въ худшемъ смыслѣ слова, классовой борьбы привилегированныхъ классовъ, маленькой частицы населенія, со всѣмъ почти народомъ.

IV.

Какъ могъ такой реакціонный строй удержаться до нашего времени въ высококультурной Германіи, при весьма развитомъ политически населеніи, со сплоченной и прекрасно организованной социаль-демократіей? Дать исчерпывающій отвѣтъ на этотъ вопросъ весьма не легко; онъ связанъ съ многочисленными причинами сложнаго социаль-политическаго, культурнаго и историческаго характера, и мы здѣсь не можемъ себѣ ставить цѣлью разсмотрѣніе вопроса, требующаго обширныхъ изслѣдованій. Мы остановимся здѣсь только на одной сторонѣ проблемы—на отношеніи социаль-демократіи къ этому вопросу, на ея роли въ дѣлѣ обновленія застывшаго государственнаго строя Пруссіи и освобожденія Германіи отъ этого крайне вреднаго пережитка контръ-революціонной эпохи 50-хъ годовъ. Въ Пруссіи болѣе чѣмъ въ какомъ-либо другомъ союзномъ государствѣ германской имперіи социаль-демократія сосредоточила въ себѣ почти всю наличную политическую энергію демократіи; ея роль въ демократизаціи прусскаго королевства, поэтому, должна быть самая значительная. Такое положеніе налагаетъ на социаль-демократическую партію большую отвѣтственность, и она это сознаетъ; но она долго была убѣждена, что лучше всего выполнить свою миссію, если ...не будетъ вмѣшиваться въ парламентскую жизнь Пруссіи, сосредоточивъ все свое вниманіе на центральномъ органѣ политической жизни всей Германіи—имперскомъ рейхстагѣ. Она была убѣждена, что только здѣсь надо искать ту архимедову точку, въ которой демократія должна приложить свой рычагъ, чтобы поднять всю имперію и всѣ ея составныя части на болѣе высокой социальный уровень. Поэтому социаль-демократическая партія до 1898 г. вовсе не принимала участія въ прусскихъ парламентскихъ выборахъ. Она даже возвела это отреченіе въ принципъ, рассчитывая путемъ демонстративнаго воздержанія скорѣе достигнуть цѣли, чѣмъ участіемъ въ избирательной борьбѣ при столь тяжелыхъ для нея условіяхъ, какъ классовая избирательная система и публичность голосованія.

Ошибочность этого *расчета* обнаружилась сравнительно скоро, но *принципъ* долго продолжалъ господствовать въ умахъ, подавляя силой своей инерціи энергію и рѣшимость и той части социаль-демократической партіи, которая сознавала ненормальность положенія.

Въ первый разъ вопросъ объ участіи въ прусскихъ парламентскихъ выборахъ поставленъ былъ на очередь для социаль-демократическаго партейтага въ 1898 г. (въ Кельнѣ),—въ связи съ полемикой, вызванной статьей Эдуарда Бернштейна съ «*Neue Zeit*», въ которой онъ высказался за участіе въ выборахъ и избирательное

соглашение съ либеральной буржуазіей. Докладчикомъ на партейтагѣ былъ Бебель, и онъ рѣшительно отвергъ предложеніе Бернштейна. Признавая *желательность* участія социаль-демократіи въ прусскомъ ландтагѣ, Бебель однако-жъ находилъ, что это фактически *не возможно*, такъ какъ собственными силами соц.-дем. партія не можетъ завоевать депутатскихъ мѣстъ, а коалиція съ буржуазными партіями не допустима; «заключеніе компромиссовъ съ враждебными партіями противорѣчило бы тѣмъ принципамъ, которыхъ партія до сихъ поръ придерживалась при выборахъ, такъ какъ они неизбежно внесли бы въ наши ряды деморализацію, споры и раздоры». Въ виду такого положенія Бебель предлагалъ съѣзду постановить, что

„прусскіе товарищи по партіи обязаны воздерживаться отъ всякаго участія въ выборахъ въ ландтагъ при нынѣшней избирательной системѣ“.

Предложеніе Бебеля не встрѣтило возраженій ни съ чьей стороны и *единогласно* было принято партейтагомъ. Одновременно съ этимъ, партейтагъ, также единогласно, принялъ предложеніе Бебеля «призвать всѣхъ товарищей развить широкую и энергичную агитацію въ пользу введенія для ландтаговъ всеобщаго, равнаго, тайнаго и прямого избирательнаго права».

Первое изъ этихъ постановленій съѣзда (о воздержаніи) было точно выполнено, но второе (о широкой и энергичной агитаціи) осталось на бумагѣ... Нѣкоторыя попытки, дѣлавшіяся въ этомъ направленіи, не встрѣтили живого отклика, и все дѣло скоро заглохло.

Постановленіе Кельнскаго партейтага было равносильно отказу социаль-демократіи отъ борьбы съ прусскою реакціей на прусской почвѣ. Но прусская реакція, конечно, отнюдь не отказывалась отъ борьбы съ германскою социаль-демократіей всѣми доступными ей средствами и дошла въ этомъ отношеніи, наконецъ, до того, что сдѣлала попытку, въ 1897 г., провести черезъ прусскій ландтагъ тѣ исключительные законы противъ рабочаго движенія, въ которыхъ германскій рейхстагъ отказалъ правительству.

Тогда германская социаль-демократическая партія поняла, какія опасности таить въ себѣ неограниченное господство реакціоннаго юнкерства въ прусскомъ ландтагѣ, и какая ошибка была совершена ею на Кельнскомъ съѣздѣ. Предложеніе «оппортуниста» Бернштейна, отвергнутое единодушно въ 1893 г., было возобновлено «радикаломъ» *Карломъ Каутскимъ*, при энергичной поддержкѣ многихъ другихъ представителей лѣваго крыла социаль-демократіи, какъ, напр., Клары Цеткинъ и Парвуса, при чемъ послѣдній находилъ теперь, что участіе социаль-демократіи въ прусскомъ ландтагѣ имѣло бы глубокое *революціонное* значеніе. Бебель самъ предложилъ очередному партейтагу того года (въ Гам-

бургъ) *отменить* постановление Кельнскаго съезда и вмѣсто того постановить, что

«участіе въ ближайшихъ выборахъ въ прусскій ландтагъ необходимо повсюду, гдѣ условія это допускаютъ», и «тамъ, гдѣ выставленіе собственныхъ выборщиковъ не возможно, а товарищи однако-жъ рѣшили принять участіе въ выборахъ, допускается избраніе выборщиковъ, принадлежащихъ (исключительно) къ буржуазной оппозиціи».

Первое предложеніе (объ участіи социаль-демократіи въ прусскихъ выборахъ) съездъ принялъ; но второе (о поддержкѣ буржуазныхъ кандидатовъ) онъ отвергъ, постановивъ, что «компромиссы съ другими партіями не должны быть заключаемы».

Послѣднее постановленіе однако-жъ не должно быть понято въ смыслѣ принципиальнаго осужденія политики компромиссовъ. Главный ораторъ противъ предложенія Бебеля, Вильгельмъ Либкнехтъ, категорически заявилъ, что принципиальныхъ возраженій противъ тактики компромиссовъ онъ не имѣетъ. «Я, навѣрное, не противникъ компромиссовъ», сказалъ онъ. «Я уже 30 лѣтъ тому назадъ писалъ, что вся политическая жизнь составляетъ сумму компромиссовъ между различными міросоверщеніями, между различными интересами. И при французской революціи никогда не дѣлали *tabula rasa*; такое представленіе имѣютъ только политическіе младенцы или, во всякомъ случаѣ, наши правительства и наша полиція. Въ политикѣ точно такъ же, какъ въ физическомъ мірѣ, дѣйствуетъ законъ параллелограмма силъ. Это я признаю; и если компромиссъ съ другою партіей обѣщаетъ мнѣ какую-нибудь выгоду, превышающую вредныя послѣдствія, то я его непременно приму». Но большинство съезда, повидимому, раздѣляло недоувѣріе Либкнехта къ современной либеральной буржуазіи, не имѣющей теперь, по его мнѣнію, ничего общаго съ демократіей; со свободомыслящей партіей нельзя соединяться, «съ *трутомъ* нельзя соединяться, а у насъ въ Германіи прогрессивная партія представляетъ собою — трутъ». Не считая возможнымъ соединеніе съ такой либеральной партіей и убѣжденный въ невозможности побѣды на выборахъ собственными силами социаль-демократіи, Вильгельмъ Либкнехтъ настаивалъ на сохраненіи кельнскаго постановленія.

Согласившись на половину съ Либкнехтомъ, на половину съ Бебелемъ, совершенно несогласными другъ съ другомъ, гамбургскій съездъ социаль-демократической партіи создалъ положеніе, съ которымъ не могла примириться ни та, ни другая сторона. Въслѣдствіе этого сторонники той или другой точки зрѣнія вступили другъ съ другомъ въ весьма оживленную, отчасти очень рѣзкую, полемику относительно того, какъ надо понимать рѣшеніе съезда и что можно и что должно дѣлать при предстоящихъ въ 1898 г. новыхъ выборахъ въ ландтагъ. Эта полемика, конечно,

не привела къ соглашенію и слѣдующему съѣзду (въ Штутгартѣ) снова пришлось заняться тѣмъ же вопросомъ. Но теперь партейтагъ стремился не столько къ разрѣшенію вопроса по существу, сколько къ примиренію враждующихъ сторонъ, къ восстановленію внутренняго мира въ партіи. Назначена была примирительная комисія изъ представителей обоихъ направлений, выработавшая компромиссную резолюцію, которую партейтагъ принялъ *безъ прений*, хотя она весьма расходилась съ постановленіями предшествовавшаго партейтага, отмѣняя то, что годъ тому назадъ признано было необходимымъ и разрѣшая то, что тогда было запрещено. Въ этой резолюціи участіе социалдемократіи въ выборахъ въ прусскій ландтагъ ограничивается тѣми округами, въ которыхъ это будетъ признано желательнымъ мѣстными социалдемократами; общая директива въ этомъ отношеніи партейтага отмѣняется;—въ то же время отмѣняется запрещеніе избирательныхъ соглашеній съ буржуазными партіями.

Эти противорѣчія высшей инстанціи партійной организаціи и отсутствіе какой-либо сплоченной организаціи для руководства избирательной кампаніей, въ соединеніи съ развѣдающей полемикой и вызванными ею раздорами въ рядахъ партіи, привели къ тому, что и сторонники участія социаль-демократіи въ прусскихъ выборахъ охладѣли къ дѣлу и «махнули рукой» на него...—Далѣе тамъ, гдѣ мѣстная социаль-демократическая организація принимала участіе въ избирательной борьбѣ (Бреславль, Линденъ, Бранденбургъ, Эльберфельдъ, Альтона, Франкфуртъ на Майнѣ), дѣло велось такъ нерѣшительно и вяло, что успѣхъ былъ не возможенъ и вся избирательная кампанія социаль-демократіи при прусскихъ выборахъ 1898 г. оказалась совершенно безрезультатной, какъ въ положительномъ, такъ и въ отрицательномъ смыслѣ, не выяснивъ даже вопроса о шансахъ на успѣхъ при энергичной агитаціи и вообще о реальныхъ условіяхъ избирательной борьбы для социаль-демократіи при наличной избирательной системѣ.

Это побудило Бебеля настоятельно потребовать на партейтагѣ 1900 г., въ Майнцѣ, чтобы была, наконецъ, установлена определенная директива, позволяющая сдѣлать рѣшительный опытъ для выясненія этого важнаго вопроса. Камнемъ преткновения попрежнему служило отношеніе къ буржуазнымъ партіямъ, и Бебель долженъ былъ снова и снова доказывать азбучную истину, что нѣтъ никакого грѣха въ соглашеніяхъ съ буржуазными партіями, что компромиссы неизбежны, что этого требуютъ насущные интересы социаль-демократіи и что тутъ нѣтъ и слѣда «измѣны» или «предательства». — «Что такое компромиссъ? — Соглашеніе съ другимъ взаимно поддерживать другъ друга для того, чтобы достигнуть чего нибудь такого, чего нельзя добиться однѣми собственными силами. И вотъ въ Пруссіи положеніе таково, что мы, не ради прекрасныхъ глазъ прогрессивной партіи или буржуазной демократіи или

лѣваго центра, отдаемъ имъ наши голоса, а для того чтобы въ нашемъ собственномъ партійномъ интересѣ усилить оппозиціонную часть прусскаго ландтага и помѣшать законодательству, которое больше всего касается *насъ самихъ, намъ вредить*».

Но главный ораторъ противной стороны, Зингеръ, категорически заявилъ: «на политическое торгашество я не пойду. Отказъ отъ точки зрѣнія, которая сдѣлала партію великой и могучей и которая *должна* быть сохранена,—отказъ отъ точки зрѣнія добиваться политическихъ успѣховъ, опираясь только на свои собственные силы, по моему мнѣнію, много опаснѣе, чѣмъ та польза, которую можетъ намъ дать пара мандатовъ!»

Однакожь большинство съѣзда стало на сторону Бебеля и приняло 163 голосами противъ 66 резолюцію Бебеля съ нѣкоторыми малосущественными поправками. Руководство избирательной компаніей поручено было центральному комитѣту, который долженъ былъ организовать первое планомѣрное выступленіе социаль-демократической партіи на прусской парламентской аренѣ на ближайшихъ выборахъ въ ландтагъ, въ 1903 г.

Тѣмъ временемъ въ либеральной партіи происходили значительныя перемены. Послѣ смерти императора Фридриха, на котораго нѣмецкіе либералы возлагали большія надежды и вступленія на престолъ германской имперіи и прусскаго королевства Вильгельма II, отъ котораго они не ожидали ничего хорошаго для либерализма, либеральная партія начала разлагаться и быстро падать, какъ въ идейномъ отношеніи, такъ и въ отношеніи политическаго вліянія на буржуазію. Крысы спѣшили покинуть корабль, не имѣвшій никакихъ шансовъ добраться до правительственной гавани; буржуазная масса охладѣла къ партіи, не дающей ей ни моральнаго, ни матеріальнаго удовлетворенія, не испытавшей за все время своего существованія ничего, кромѣ неудачи и пораженій; наиболѣе живые, демократическіе элементы буржуазіи все болѣе и болѣе проникались симпатіями къ социаль-демократіи. Либеральная партія очутилась на распутьи, имѣя передъ собою только два пути: одинъ велъ въ лагерь національ-либерализма, другой—къ союзу съ социаль-демократіей. Свободомыслящая партія не могла рѣшиться ни на то, ни на другое и долго топталась на одномъ мѣстѣ, продолжая бевнадежную борьбу «на два фронта», поглощавшую послѣдніе остатки ея политической энергіи и приводившую только къ увеличенію числа ея враговъ. Но послѣ смерти своего стараго вождя, непреклоннаго Евгенія Рихтера, партія какъ будто потеряла послѣднюю моральную опору и при первомъ удобномъ случаѣ, когда между канцлеромъ и партіей центра, принадлежавшей до тѣхъ поръ къ правительственному большинству, возникли разногласія, свободомыслящіе успѣшили занять освободившуюся вакансію въ правительственномъ большинствѣ и вошли въ пресловутый «консервативно-либеральный блокъ».

Ко времени прусских выборов 1903 г., когда социаль-демократія предложила ей избирательное соглашеніе для взаимной поддержки въ борьбѣ съ прусскимъ юнкерствомъ, свободомыслящая партія уже была въ такомъ состояніи, что только незначительное меньшинство партіи, во главѣ съ Теодоромъ Бартомъ, отнеслось съ полнымъ сочувствіемъ къ социаль-демократическому предложенію; большинство же, во главѣ съ Евгеніемъ Рихтеромъ, отвергло это предложеніе, говоря, что союзъ съ социаль-демократіей скорѣе приведетъ къ уменьшенію числа свободомыслящихъ мандатовъ, чѣмъ къ ихъ увеличенію, и, главное, опасаясь скомпрометировать себя въ глазахъ «партіи порядка». — Этимъ свободомыслящая партія сама заняла мѣсто *позади* клерикальной партіи, которая почти одновременно съ этими событіями, вошла въ коалицію съ баварской социаль-демократической партіей съ цѣлью уничтоженія устарѣвшей избирательной системы и замѣны ея всеобщимъ и равнымъ избирательнымъ правомъ, что вскорѣ и было достигнуто. Собственными силами социаль-демократическая партія въ 1903 г. не могла добиться представительства въ прусскомъ ландтагѣ, и эта первая кампанія прошла безъ результатовъ.

Не смотря на это, старые противники участія социаль-демократіи въ прусскихъ парламентскихъ выборахъ не воспротивились повторенію эксперимента въ 1908 г.,—и, благодаря этому, прусская социаль-демократическая партія могла одержать на этихъ выборахъ многозначительную побѣду, значеніе которой не отрицается и упорнѣйшими изъ противниковъ участія социаль-демократіи въ прусскихъ парламентскихъ выборахъ. Пробита брешь въ главной цитадели реакціонной Германіи, въ *последней* цитадели, остававшейся до сихъ поръ всецѣло во власти реакціонныхъ силъ; и хотя проникла внутрь пока только маленькая горсточка демократическихъ элементовъ, но ея достаточно для того, чтобы вызвать броженіе и въ самомъ ландтагѣ и, въ особенности, въ народной массѣ, привлечь вниманіе общества къ дѣятельности прусскаго парламента и сосредоточить его на необходимости коренного преобразованія архаическаго строя.

Р. Бланкъ.

Въ поискахъ за смысломъ жизни.

L'homme est le seul animal, qui ne
sache pas vivre *).

(Dr. Paul Dubois).

I.

Полное глубокаго смысла изреченіе, поставленное эпиграфомъ и взятое изъ вышедшей въ этомъ году книги профессора Дюбуа «L'Education de Soi-Même»,—припоминается мнѣ постоянно при чтеніи перваго собранія сочиненій Оскара Уайльда, выпущеннаго здѣсь Methuen and Co. До послѣдняго времени произведенія Оскара Уайльда, кромѣ «De Profundis», «Тюремной баллады» и двухъ комедій,—составляли библиографическую рѣдкость, за которою поклонники несчастнаго писателя тщательно охотились. Десять лѣтъ тому назадъ, когда мнѣ приходилось собирать матеріалы для одной изъ первыхъ статей въ Россіи объ Оскарѣ Уайльдѣ,—имя его считалось запретнымъ въ Англіи. Не только признавалось неприличіемъ упомянуть его, но въ Британскомъ музеѣ библиотекари переспрашивали, зачѣмъ именно понадобились мнѣ сочиненія опальнаго писателя. Теперь времена измѣнились. M-rs Grundy не считаетъ болѣе надобнымъ сурово потупить очи при имени Оскара Уайльда. Его пьесы снова ставятся съ большимъ успѣхомъ въ театрѣ; но только теперь англійскій издатель рѣшился собрать первое полное собраніе сочиненій писателя, да и то онъ пошелъ на компромиссъ съ M-rs Grundy. Выпущено только 1000 экземпляровъ; за двѣнадцать томовъ назначена цѣна въ восемь гиней, т. е. 80 рублей. Такимъ образомъ книга будетъ имѣть только ограниченный кругъ читателей. Правда, изданіе великолѣпно. На изящныхъ переплетахъ изъ бѣлаго полотна двѣ символическія виньетки: одна изображаетъ чайку, бьющуюся крыльями о рѣшетку; на другой—чайка вырвалась на свободу и стремительно несется въ высь, гдѣ сверкаетъ во мракѣ одинокая звѣзда.

Въ изданіе вошли произведенія, появлявшіяся прежде только въ изуродованномъ видѣ, какъ, напримѣръ, пьеса «Vera». *Саломея* напечатана въ оригиналѣ, т. е. по-французски, безъ тѣхъ сокращеній, какія мы видимъ во всѣхъ переводахъ, циркулирующихъ на континентѣ. «De Profundis» тоже включаетъ болѣе десятка страницъ, которыхъ нѣтъ въ изданіи 1905 г. (а слѣдовательно, и во всѣхъ переводахъ). Между прочимъ текстъ изданія 1908 г. начинается покаяннымъ воплемъ. «Мѣсто мое—говоритъ авторъ—

*) Человѣкъ единственное животное, не умѣющее жить.

будетъ между Жиллемъ де-Ретцомъ и маркизомъ де-Садомъ. И, быть можетъ, такъ и слѣдуетъ. У меня нѣтъ желанія жаловаться. Въ тюрьмѣ люди научаются многому. Между прочимъ, они узнаютъ, что вещи—таковы, каковы они есть, и будутъ таковыми. Не сомнѣваюсь я также въ томъ, что прокаженный мрачнаго средневѣвья *) и авторъ Жюстины **) будутъ признаны лучшими товарищами, чѣмъ авторъ «Sandford and Merton». Въ дѣйствительности авторъ «De Profundis» не написалъ ни одной строки (во всякомъ случаѣ такой строки нѣтъ въ полномъ собраніи сочиненій), которую можно было бы хотя бы отчасти сблизить съ патологической, уродливой, кровавой и тошнотворной мерзостью, какъ «Justice ou les malheurs de la vertu». Въ его процессѣ мы также не находимъ никакихъ ужасовъ, которые могли бы быть поставлены рядомъ съ дѣяніями мрачнаго и страшнаго владѣльца тифозскаго замка. Такимъ образомъ, Оскаръ Уайльдъ слишкомъ грѣшитъ противъ истины, когда помѣщаетъ себя между двумя гнусными и отвратительными типами и беретъ на себя даже большую вину. Что касается специальныхъ признаній Оскара Уайльда въ грѣхахъ, то мнѣ припоминаются характерныя мѣста изъ обстоятельной біографіи Поля Верлена, выпущенной въ прошломъ году другомъ французскаго поэта Эдмондомъ Лепелетье. Про развратность и про чудовищные пороки Поля Верлена ходили легенды, проникавшія въ печать. Поэтъ самъ любилъ говорить о своихъ противоестественныхъ порокахъ. И вотъ оказывается, что Поль Верленъ занимался «мнестворчествомъ». «Бѣдный Поль,—говорить его другъ,—охотно любилъ исповѣдываться публично... Свою исповѣдь онъ облекъ и въ прозу, и въ стихи. Онъ любилъ также рассказывать, сидя въ кафе... Рассказывалъ онъ о себѣ съ сильными преувеличеніями, раскрашивая все. Онъ обвинялъ себя, каялся, осуждалъ». Верленъ вводилъ на себя грѣхи и пороки, которымъ былъ совершенно чуждъ. Поэту казалось, что онъ становится героемъ, фигурируя титаномъ порока. Ученики Верлена, которыхъ онъ вербовалъ въ кабакахъ, разнесли всюду ученіе своего учителя; по обыкновенію, мнѣи, пущенные въ обращеніе поетомъ, варировались, украшались мерзкими подробностями. Публика жадно подхватывала эти легенды, «ужасалась» и... повторяла ихъ. «Признаніе не всегда есть доказательство,—говорить Лепелетье.—Верленъ, прежде всего, былъ поэтъ. Вотъ почему онъ преувеличивалъ, выдумывалъ или украшалъ *). Если даже первоклассные поэты, сознательно, какъ Верленъ, или бессознательно, какъ Уайльдъ взваливаютъ на себя мерзкіе пороки, *rouge se grandir en se abaissant*, то тѣмъ болѣе это относится къ гомункулусамъ, которыхъ такъ много развелось у насъ теперь.

*) Де-Ретцъ.

**) Де-Садъ.

***) «Edmond Lepelletier», Paul Verlaine. Sa Vie. Son Oeuvre. Paris. 1907 p. 16—18.

Защитники морали у насъ отмѣчаютъ съ преувеличеннымъ негодованіемъ просто скверныя и бездарныя стихи въ родѣ:

„Я жалкой радостью себя утѣшу,
Купивъ такую-жъ шапку, какъ у васъ,
Ее на вѣшалку, вздохнувъ, повѣшу,
И вспоминать васъ буду каждый разъ“.

Вмѣсто негодованія (оно крайне льститъ гомункулусамъ, которые ищутъ se grandir en se abaissant), лучше было бы задать авторамъ «Шапки» тотъ же вопросъ, какъ Теона Ипполиту въ комедіи Островскаго: «Ахъ, Апполитка, Апполитка, хорошій ты парень, а зачѣмъ это только ты такъ ломаешься? Къ чему не отъ своего ума слова говоришь, важность эту на себя напускаешь?»

Возвращусь, однако, къ собранію сочиненій Оскара Уайльда. Мы находимъ въ двѣнадцати томахъ не только дополненныя и исправленныя согласно рукописямъ произведенія, но также и вещи, появляющіяся въ свѣтъ въ первый разъ.

Закрывъ послѣдній томъ, мы не можемъ не воскликнуть: «Какая ослѣпительная радуга красокъ! Какой великій мастеръ языка! Оскаръ Уайльдъ—лучшій англійскій стилистъ. Его поэмы—музыка. Одно слово вызываетъ цѣлыя картины. Въ то же время у Оскара Уайльда нѣтъ нигдѣ ребусовъ, для пониманія которыхъ долженъ явиться на помощь читателю самъ поэтъ. Я выпишу только одно стихотвореніе, которое переведу блѣдной прозой. Называется оно «Впечатлѣніе утра».

„The Thames nocturne of blue and gold
Changed to a Harmony in grey:
A barge with ochre-coloured hay
Dropt from the wharf: and chill and cold

The yellow fog came creeping down
The bridges, till the houses' walls
Seemed changed to shadows and st. Paul's
Loomed like a bubble o'er the town.

Then suddenly arose the clang
Of waking life; the streets were stirred
With country waggons: and a bird
Flew to the glistening roofs and sang.

But one pale woman all alone,
The daylight kissing her wan hair,
Loitered beneath the gas lamps' flare,
With lips of flame and heart of stone“.

(Ноктюрнъ Темзы въ голубомъ и золотѣ измѣнился въ гармонию въ сѣромъ. Баржа, нагруженная сѣномъ цвѣта охры, отвалила отъ пристани. Желтый туманъ, холодный и знобящій, ползетъ подъ мостами. Стѣны домовъ снова превращаются какъ бы въ тѣни, и

куполь Св. Павла, какъ пузырь, рветъ надъ городомъ. Но вотъ внезапно поднимается гомонъ пробуждающейся жизни. На улицѣ загрохотали вoзы, прибывшіе изъ деревни. Птица полетѣла къ сверкающимъ крышамъ и заплѣла. Но одинокая блѣдная женщина, выпѣвѣвшіе волосы которой цѣлуетъ разсвѣтъ, бродитъ подъ мерцающими газовыми фонарями. Губы ея горятъ, какъ огонь, а сердце затвердѣло, какъ камень»).

Оскаръ Уайльдъ говоритъ о любви, объ изящныхъ асфоделяхъ, о яркомъ солнцѣ, о прекрасной Элладѣ; въ этихъ двѣнадцати томахъ есть остроумные рассказы, въ которыхъ фантазія переплетается съ дѣйствительностью (напр., *Lord Arthur Savile's Crime*); есть, наконецъ, повидимому, крайне забавные фарсы, какъ *The importance of being Earnest*. Но чѣмъ больше мы любуемся яркими и разнообразными красками, тѣмъ замѣтнѣе становится одна особенность творчества Оскара Уайльда: всѣ сочныя краски незамѣтно и неизмѣнно сливаются въ одну мрачную и печальную. Въ веселомъ смѣхѣ писателя всегда слышится затаенное рыданіе. Повидимому, даже жизнерадостное произведеніе Оскара Уайльда оставляетъ щемящее чувство. И ухо привыкаетъ отличать постоянно вопль неудовлетворенной души, переходящій въ отчаяніе и въ отвращеніе къ жизни. И этотъ вопль звучитъ не только въ *De Profundis*, написанной несчастнымъ каторжникомъ, но въ первыхъ же произведеніяхъ, вышедшихъ изъ-подъ пера всеобщаго кумира и баловня счастья. Въ произведеніяхъ, написанныхъ задолго до процесса, Оскаръ Уайльдъ высказываетъ тезисъ: «радость мимолетна, страданіе же вѣчно». Къ одному и тому же выводу пришли съ противоположныхъ концовъ два писателя, принадлежавшіе къ разнымъ народамъ, разнымъ культурамъ и знавшіе въ жизни далеко не одинаковое отношеніе къ себѣ окружающимъ. Оскаръ Уайльдъ въ рядѣ произведеній доказываетъ, какъ и Леопарди, неприемлемость дѣйствительной жизни, потому что

«Amaro e noia

La vita . . . e fango é il mondo»

(т. е. «Жизнь—горечь и томленіе, а міръ—лишь грязь») *). Въ поразительномъ діалогѣ между Фридрихомъ и муміями послѣднія поютъ своего рода гимнъ «глухой лѣтовщины»:

Sola nel mondo eterna, a cui si volve
Ogni creata cosa,
In te, morte, si posa
Nostra ignuda natura **)

*) Т. е. Наша нагая природа покоится въ томъ мірѣ, который только одинъ вѣченъ и куда стремится все живое, т. е. въ твоёмъ царствѣ, смерть».

**) Изъ стихотворенія Леопарди *A se stesso*.

Воспоминаніе о жизни—это «страшный призракъ, похожіи на кошмаръ, пугающій маленькихъ дѣтей».

— Что же такое смерть, если она не страшна?—спрашиваетъ Фридрихъ.

— *Piuttosto piacere che altro!* (т. е. «Скорѣе всего, наслажденіе») — отвѣчаютъ муміи. *) «Дѣйствительность есть только усталость, причиняемая жизнью (*la noia*),—говорить отстаивающій право на самоубійство Порфиріо въ «*Dialogo di Plotino e di Porfirio*» **). Всѣ радости жизни призракъ. «Смерть—отнюдь не зло, такъ какъ она освобождаетъ насъ отъ всѣхъ волъ. И если она лишаетъ человѣка всего хорошаго, то она же отнимаетъ желанія. Старость—горшее зло (*La vecchiazza è male sommo*), потому что отнимаетъ у человѣка всѣ наслажденія, оставляя только страстное желаніе ихъ. Она приноситъ съ собою бездну страданій. И, тѣмъ не менѣе, люди страдаютъ смерти и желаютъ дожить до глубокой старости» ***). Это писалъ гениальный неудачникъ, калѣва, жаждавшій любви, орелъ, всю жизнь рвавшійся изъ тѣсной, грязной клѣтки, каковой былъ для Леопарди его родной провинціальный городокъ. Для провинціаловъ Леопарди былъ только бѣдный дворянчикъ, не имѣющій ни денегъ, ни профессіи. Но вотъ къ такимъ же выводамъ, какъ авторъ «диалоговъ», приходитъ баловень судьбы, вумиръ общества, божегъ женщинъ, сразу добившійся славы и богатства. «Я превратилъ искусство въ философію и философію въ искусство,—говоритъ Оскаръ Уайльдъ о себѣ.—Я измѣнилъ умы и взгляды людей на цвѣта. Все то, что я говорилъ или дѣлалъ, заставляло людей изумляться... Я брался за драму, повѣсть, поэмѣ въ прозѣ, поэмѣ въ стихахъ, за фантастическій діалогъ. И все то, за что я брался, выходило у меня прекрасно. Я открылъ новый видъ красоты» (*De Profundis*). Въ этихъ словахъ нѣтъ самохвальства. Оскаръ Уайльдъ констатируетъ только фактъ. Но и тогда, когда каждая строчка, вышедшая изъ-подъ пера Уайльда, вызывала восхищеніе; когда женщины молились на него, и мужчины рабски копировали каждую эксцентричность его,—недовольство жизнью является основнымъ тономъ его творчества. Вотъ, напр., сборникъ поэмъ, вышедшій въ 1881 г., т. е. за 14 лѣтъ до катастрофы въ жизни Оскара Уайльда. Мы находимъ въ сборникѣ стихотвореніе *Tedium Vitae*, подъ которымъ смѣло могъ бы подписаться Леопарди. Въ большой поэмѣ *Humanitad* Оскаръ Уайльдъ говоритъ о Голгоѣ, на которой все человѣчество переноситъ крестныя мученія.

„Being ourselves the sowers and the seeds,
The night that covers and the lights that fade,
The spear that pierces and the side that bleeds,
The lips betraying and the life betrayed;

*) *Opere di Giacomo Leopardi. Firenze 1845. Vol. I, p. 281.*

***) *Opere etc., vol. II, p. 65.*

***) *Pensieri. Opere etc., vol. II, p. 121.*

The deep hath calm: the moon hath rest: but we
Lords of the natural world are yet our own dread enemy*.

(«Мы сами—святѣлы и сѣмена; ночь, покрывающая все, и блѣднѣющій свѣтъ; копые, пронизывающее тѣло, и то тѣло, которое истекаетъ кровью отъ раны; мы—тѣ губы, которыя предають, и та жизнь, которую предають. Омуть имѣеть спокойствіе, мѣсяць—отдыхъ; но мы, цари видимаго міра, мы сами собственные страшные враги»). Въ одномъ изъ наиболѣе сильныхъ стихотвореній въ прозѣ Уайльда, Господь прочитавъ въ книгѣ живота грѣхи стоящаго передъ нимъ человѣка, говоритъ:

— Я пошлю тебя въ адъ. Въ адъ пошлю я тебя.

И человѣкъ воскликнулъ: «Ты не можешь!»

И Господь сказалъ человѣку: «Отчего я не могу послать тебя въ адъ? По какой причинѣ?»

— Потому что *въ аду жить я все время*,—отвѣтилъ человѣкъ *).

II.

Въ этой статѣ я не хочу выяснять литературной фizioноміи Оскара Уайльда въ цѣломъ. Мнѣ хотѣлось бы только отмѣтить исканія его смысла жизни. Исканія эти мы найдемъ въ цѣломъ рядѣ сонетъ, комедій, романовъ, діалоговъ, сказокъ.

Существуетъ громадная литература, не приѣмлющая настоящаго. Она ищетъ идеальную жизнь или въ будущемъ, или въ прошломъ. Въ Англіи недавно только умерла писательница, всю свою жизнь доказывавшая, что дѣйствительность лишена смысла, пошла и убиваетъ всякую индивидуальность. Я говорю о Луизѣ де-ла-Рамѣ, писавшей подъ псевдонимомъ «Уида». Предъ нами эксцентричная фигура съ «grand grain», если не безумія, то большого чудачества. Около тридцати лѣтъ Уида прожила за предѣлами Англіи, главнымъ образомъ въ Италіи. Такъ какъ писала Уида очень много (оставила она около 40 романовъ, нѣсколько театральныхъ пьесъ и три книги критическихъ очерковъ), а произведенія ея покупались нарасхватъ, то она получала большія деньги. Но средства эти тратились на эксцентричные предметы, какъ, на примѣръ, на сооруженіе великолѣпныхъ мавзолеевъ изъ мрамора на могилахъ многочисленныхъ любимыхъ собакъ. И въ результатъ то, что послѣдніе годы жизни Уиды прошли въ крайней бѣдности. Когда безчисленные поклон-

*) Кстати pro domo sua. Первый переводъ этого стихотворенія въ прозѣ и другихъ поэмъ появился въ „Русскомъ Богатствѣ“ за 1898 г. Такъ какъ цензурныя условія были тогда ужасны, и у меня было основаніе предполагать, что стихотвореніе, въ которомъ дѣйствующимъ лицомъ является Господь не пройдетъ, то мнѣ пришлось поставить вмѣсто Господь—Аллахъ. Въ такомъ видѣ поэма фигурируетъ и въ моихъ „Очеркахъ современной Англіи“, вышедшихъ тоже до „весны“.

ники романистки узнали случайно, что живет она в бѣдной тосканской деревушкѣ в крестьянской избѣ, собрана была немедленно большая сумма. Британское правительство в свою очередь явилось немедленно на помощь и назначило Уидѣ пожизненную пенсію. Но романистка не приняла ни собранной суммы, ни пенсіи. Уида страдала мизантропіей,—не театральной, какъ покойный Уистлеръ. Тотъ «презиралъ» критиковъ и привлекалъ ихъ къ суду, если они отзывались неодобрительно объ его картинахъ *); онъ «ненавидѣлъ» газеты и гнался за репортерами, чтобы дать имъ interview; смѣялся надъ наградами и бралъ ордена, если ихъ ему давали. У де-ла-Раме была болѣзненная ненависть ко всякой популярности. Романистка не приняла ни одного «интервьюера», убѣгала отъ всѣхъ поклонниковъ. «Я не причинила никому зла и не заслужила такого наказанія, какъ биографія»,—отвѣтила какъ-то Уида, когда издатель обратился къ ней за матеріалами для жизнеописанія. Умерла Уида в рыбацкѣй итальянской деревушкѣ Массарова, гдѣ занимала одинъ чуланчикъ в бѣдной избѣ. Не смотря на свою французскую фамилію, де-ла-Раме — англичанка по отцу, предокъ котораго явился в Англію еще в войскахъ Вильгельма Завоевателя. Произведенія де-ла-Раме многочисленны и переведены на многіе языки, между прочимъ и на русскій. Во всякомъ случаѣ у насъ извѣстны романы «Деревенская община», «Моль», «Массарены» и, кажется, «Деревянные башмачки» (Two Little Wooden Shoes). В 1877 г. Уида оставила Англію и съ тѣхъ поръ жила в Италіи, в компаніи своихъ величайшихъ друзей, многочисленныхъ собакъ, которымъ устраивала великолѣпныя похороны. Далеко не всѣ романы Уиды равноцѣнны. Мы имѣемъ среди нихъ такія трогательныя поэмы в прозѣ, какъ «Деревянные башмачки», и такія довольно аляповатыя вещи, какъ «Моль», «Street Dust» или «Массарены». Но почти всѣ произведенія Уиды проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ: это—сплошной протестъ противъ вульгарности современной жизни, противъ всего того, что у насъ опредѣлено неудачнымъ, ничего не выражающимъ терминомъ, заимствованнымъ изъ паспортныхъ бланковъ,—«мѣщанство». В Англіи лѣтъ сорокъ тому назадъ Милль предложилъ свой терминъ «кол-

*) Рескинъ по поводу одной картины Уистлера сказалъ, что нужно совершенно презирать публику, чтобы, выливъ на полотно горшокъ голубой краски и лапнувъ нѣсколько пятнышекъ желтой,—назвать это «симфоніей» и потребовать 500 гиней. Уистлеръ обидѣлся и привлекъ критика къ суду, утверждая, что Рескинъ своимъ отзывомъ причинилъ матеріальные убытки художнику. Присяжные вынесли Рескину обвинительный приговоръ, но опредѣлили убытки в одинъ фартингъ, т. е. в копейку. Уистлеръ получилъ этотъ фартингъ и носилъ его до смерти на цѣпочкѣ в видѣ брелока съ такою же гордостью, съ какой краснокожіи носятъ на поясѣ скальпы, содранныя съ врага. А между тѣмъ в рядѣ лекцій Уистлеръ утверждалъ, что художникъ не долженъ обращать вниманія на отзывы критиковъ.

лективная посредственность» (conglomerated mediocrity). Уида вмѣсто термина «мѣщанинъ» говоритъ «sads» и не находитъ достаточно ядовитыхъ словъ для опредѣленія его. «Главный продуктъ современной жизни—*sads*,—говоритъ Уида въ своей книгѣ, вышедшей въ 1900 г. *) Можно смѣло сказать, что бѣднѣйшій рабъ Эмлады, послѣдній феллахъ въ Египтѣ, самый смиренный царь въ Азій—джентельменъ въ сравненіи съ кадомъ. «Sads»—вытяжка изъ современной культуры, цвѣтъ ея... Никогда еще не было ничего болѣе гнуснаго, мерзкаго и пошлаго, чѣмъ «sads» индивидуальный или коллективный. Илотъ, гладиаторъ, наемный убійца среднихъ вѣковъ, даже сводня время Елизаветы, были образцами благородства и интеллектуальной красоты въ сравненіи съ «sads» *Кэдъ*, по опредѣленію Уида, это современный банкиръ, газетчикъ, священникъ, архитекторъ, полководецъ, администраторъ. Какая громадная коллекція «sads» всякаго рода выведена въ «Массаренахъ»! «Кэды» сдѣлали современную жизнь невыносимой для человѣка съ художественнымъ вкусомъ,—доказываетъ Уида въ очеркѣ «The Ugliness of Modern Life». Приходится бѣжать куда нибудь отъ этой волны пошлости, злости и глупости. Имѣй современное человѣчество хоть какое нибудь представление о красотѣ,—продолжаетъ Уида въ другомъ мѣстѣ,—то развѣ оно допустило бы такія безобразія, какъ памятникъ изображающій Карно въ сюртукѣ, съ растопыренными ногами, въ объятияхъ какой-то бабы, представляющей будто бы Францію. Или памятникъ, на которомъ Викторъ-Эммануилъ представленъ въ треуголѣ, съ брюхомъ въ видѣ надутаго пузыря! Допустило ли бы человѣчество, имѣющее вкусъ, бронзовое изображение Клода Бернара, собирающагося пытать живую собаку?» Однимъ изъ пунктовъ обвинительнаго акта, составленнаго Уида противъ современнаго человѣчества, является вивисекція. «Можно ли говорить о красотѣ въ современномъ обществѣ,—продолжаетъ Уида,—гдѣ женщины украшаются перьями специально убитыхъ птицъ?» Природу калѣчатъ и уродуютъ въ угоду «sads». Рѣки отравлены фабриками, поля осквернены человѣческими экскрементами и различными сульфатами и фосфатами. На горы въ Швейцаріи всюду ползутъ отвратительные фуникулеры. Города напоминаютъ сточныя каналы своимъ безобразіемъ. «Вполнѣ естественно,—продолжаетъ Уида,—что народъ, запертый въ такія клѣтки, отъ отчаянія впадаетъ въ несказуемые пороки, идетъ въ кабаки, въ игорныя и непотребныя дома». Какъ Рескинъ или Вильямъ Моррисъ, Уида противопоставляетъ пошлости современной жизни красоту и живописность среднихъ вѣковъ. Тогда былъ также смыслъ въ жизни, такъ какъ, по мнѣнію Уиды, индивидуальность не была забита. Художественный вкусъ послѣдняго сапожника культивировался образчиками дѣйствительной красоты,

*) Critical Studies. A Set of Essays by Ouida. p. 287.

разсыпанными всюду: передъ глазами обывателя были изящныя постройки, красивые балконы, живописное платье. «Можно ли сравнить современную бессмысленную пошлость съ той полной, красивой жизнью, которая рисуется намъ въ *Кентерберійскихъ разсказахъ* Чосера?»—патетически восклицаетъ Уида. *). Обличительница современной пошлости и уродливости видитъ только одну сторону въ той средневѣковой жизни, которую она противопоставляетъ мѣщанству, и не хочетъ знать, что средніе вѣка далеко не такъ красивы, какъ они рисуются представленію Уиды, Рескина и другихъ обличителей современнаго «мѣщанства». Пусть бронзовый Викторъ-Эммануилъ съ брюхомъ въ видѣ надутаго свиного пузыря дѣйствительно уродливъ; пусть фуникуляръ портитъ видъ швейцарскихъ горъ; пусть современные зданія не такъ изящны, какъ Palazzo Vecchio во Флоренціи или Вестминстерское аббатство; но у нашего современника гораздо больше возможности и доступа обличать «мѣщанство» XX вѣка, чѣмъ у виллона XIII или XIV в. в. было времени и охоты любоваться красотой своего господина, отъ каприза котораго зависѣла честь и жизнь крѣпостного.

Уида охотнѣе всего описывала маленькіе итальянскіе города, такъ какъ въ нихъ больше всего сохранились слѣды среднихъ вѣковъ. Населеніе этихъ городковъ, по мнѣнію Уиды, какъ будто бы только что выступило изъ картинъ Фра-Бартоломео или Гирландайо. Можно сказать также, что населеніе, несмотря на свою религіозность, вѣрить еще, какъ современники Вергилія, и въ своихъ пѣсняхъ мѣшаетъ христіанскія и языческія божества. Въ маленькихъ итальянскихъ городкахъ дома и сады являются иллюстраціями къ произведеніямъ Боккачіо и Петрарки **).

Оскаръ Уайльдъ не идетъ за идеалами ни въ будущее, какъ Вильямъ Моррисъ, ни въ прошлое, какъ Уида. Для него вся дѣйствительная жизнь не пріемлема. Дѣйствительность, по мнѣнію Уайльда, скучна, сѣра, не интересна. Нѣтъ смысла въ томъ, чтобы жить для изученія жизни, какъ она есть. Существованіе приобретаетъ смыслъ, когда оно окрашено художественнымъ творчествомъ. И чѣмъ художественное произведеніе меньше напоминаетъ дѣйствительную жизнь, тѣмъ оно лучше. Реализмъ, т. е. стремленіе копировать живую жизнь, погубилъ искусство. Не художникъ долженъ копировать жизнь, а наоборотъ: жизнь должна воспроизводить фантазію художника. «Искусство,—говоритъ Оскаръ Уайльдъ,—находитъ свое собственное совершенство въ себѣ самомъ, а не въ окружающемъ мірѣ. Къ искусству нельзя приступить съ мѣркой, на сколько оно похоже на дѣйствительность. Оно скорѣе покрывало, чѣмъ зеркало. Въ распоряженіи искусства цвѣты, не растущіе ни въ одномъ лѣсу, птицы, нигдѣ не водящіяся. Искусство творить и

*) См. романъ Уиды *Signa*.

***) *The Ugliness of Modern Life*, p. 288.

разрушаетъ міры. Съ помощью алой нити оно можетъ притянуть съ неба мѣсяць... Въ глазахъ искусства природа не имѣетъ ни одного образа, ни законовъ. Искусство по своей волѣ творитъ чудеса; и когда оно вызываетъ чудовищъ изъ глубины, тѣ послушно являются на зовъ... Гдѣ искусство проходитъ, изъ кустарника выглядываютъ дриады, а смуглые фавны улыбаются изъ-за деревьевъ» *). «Неинтересная, жалкая человѣческая жизнь» приобретаетъ только тогда смыслъ, когда пытается подражать искусству. «Жизнь подражаетъ искусству гораздо больше, чѣмъ искусство жизни». Россети выдумалъ типъ женской красоты, фигурирующій на всѣхъ картинахъ его, т. е. женщину съ длинной изогнутой шеей, губами въ видѣ алаго цвѣтка, квадратной нижней челюстью и волнами мѣдныхъ кудрей. И этотъ выдуманный типъ властно вторгся потомъ въ искусство **). «Великій художникъ,—говоритъ Оскаръ Уайльдъ,—выдумываетъ типъ, а жизнь потомъ копируетъ его и воспроизводитъ въ общедоступной формѣ. Жизнь въ данномъ случаѣ поступаетъ, какъ предприимчивый издатель, выпускающій въ дешевомъ изданіи великое произведеніе. Ни Гольбейнъ, ни Вандейкъ не нашли въ Англии тѣ типы, которые дали намъ. Художники привезли съ собою въ головѣ свои типы, а жизнь снабдила Гольбейна и Вандейка подходящими моделями». Греки отлично знали, что жизнь подражаетъ искусству, вотъ почему они всегда были противъ реализма. Они, по увѣренію Уайльда, ненавидѣли реализмъ, потому что онъ опошляетъ жизнь, и были совершенно правы. «Мы пытаемся улучшить расу при помощи хорошаго воздуха, обильнаго солнечнаго свѣта, здоровой воды и казарменныхъ жилищъ. Но всѣ эти мѣры создаютъ только здоровье, а не красоту. Для послѣдняго необходимо искусство. Истинными учениками великаго художника являются не его подражатели, работающіе у него въ мастерской, но тѣ, которые уподобляются его произведеніямъ». Во времена древней Эллады ваятели придумывали идеалы красоты, которымъ греки и гречанки старались лишь подражать. Жизнь, однимъ словомъ, лучший и единственный ученикъ художника. «Шопенгауэръ анализировалъ пессимизмъ, характеризующій

*) Intentions and the Soul of Man, p. 31.

**) Къ слову сказать, это заявленіе слѣдуетъ принять съ нѣкоторой оговоркой. Странный типъ женской красоты, фигурирующій на картинахъ Россети то въ видѣ Беатрисы, то пресвятой Дѣвы,—не выдуманъ художникомъ. Въ артистическихъ кружкахъ доподлинно извѣстно, что Россети писалъ съ натурщицы, а именно со своей родственницы Христины Россети, здравствующей, кажется, еще и теперь. Художникъ только нѣсколько утрировалъ длинную шею и изгибъ ея. Въ остальномъ—Россети „копировалъ жизнь“. Выраженіе неземной скорби, лежащее на лицѣ центральной женской фигуры всѣхъ картинъ Россети, тоже не выдуманно. Художникъ придалъ этому выраженію только больше тонкости. Христина Россети—авторъ стихотвореній, проникнутыхъ религіознымъ и мистическимъ чувствомъ. Пламенная католичка, она не пожелала выйти замужъ.

современное настроеніе, но придумалъ эту философскую доктрину Гамлетъ,—говоритъ Оскаръ Уайльдъ.—Миръ сталъ печаленъ, потому что художникъ придумалъ меланхолическую игрушку. Нигилистъ, этотъ странный мученикъ, не имѣющій вѣры, идущій на эшафотъ безъ энтузіазма и умирающій за то, во что не вѣруетъ,—чисто литературный продуктъ. Нигилистъ придуманъ Тургеневымъ и дополненъ Достоевскимъ. Робеспьеръ сошелъ со страницъ писаній Руссо, точно такъ же, какъ Народный дворецъ въ Лондонѣ зародился сперва въ головѣ романиста. Литература всегда предвосхищала жизнь. Литература не копируетъ жизнь, но отливаеъ ее по собственной формѣ. Деятнадцатый вѣкъ, какъ мы его знаемъ, выдуманъ въ значительной степени Бальзакомъ. Наши Люсьенъ де Ребанпре, наши Растиньяки и Марсъ появились сперва на страницахъ *Comédie Humaine*. Мы только повторяемъ съ излишними вариациями и подстрочными примѣчаніями фантазіи великаго романиста» *). Такимъ же образомъ не Теккерей копировалъ своихъ Беки Шарпъ и Кроули (*Ярмарка Тщеславія*), а жизнь подражала придуманнымъ типамъ. Не только жизнь, но и природа подражаютъ искусству. «Только импрессионисты дали намъ эти удивительные бурные туманы, ползущіе по улицамъ, превращающіе горящіе фонари въ расплывающіяся пятна, а дома—въ чудовищныя тѣни. Кому, какъ не импрессионистамъ, обязаны мы прелестными серебристыми туманами, висящими надъ нашими рѣками и придающими такіа изящныя мягкія формы изгибу мостовъ или скользящимъ баркамъ». Историческія событія и эпохи тоже созданы художниками. Эплада дѣйствительности не имѣетъ ничего общаго съ тою Эпладой, которая отразилась въ искусствѣ. «Средніе вѣка, какъ мы ихъ знаемъ въ искусствѣ,—продолжаетъ Оскаръ Уайльдъ,—являются только формой стиля. Ни одинъ великій художникъ никогда не видитъ вещей, какъ онѣ есть въ дѣйствительности. Если онъ дѣлаеъ это, то перестаетъ быть художникомъ. Возьмемъ, напр., японскія вещи. Неужели вы думаете, что такіе японцы, какіе представлены въ ихъ искусствѣ, дѣйствительно существуютъ? Если вы думаете такъ, то пониманіе японскаго искусства ускользнуло отъ васъ. Сравните рисунокъ Хокузая, Хоккея или какого-нибудь другого великаго художника съ современнымъ японцемъ или японкой и вы убѣдитесь, что сходства нѣтъ никакого. Люди, живущіе въ Японіи, мало чѣмъ отличаются отъ большой публики въ Англіи. Другими словами, они очень сѣры и ничѣмъ не замѣчательны. Въ сущности, вся Японія выдумана художниками. Такого народа въ дѣйствительности не существуетъ. Одинъ изъ нашихъ наиболѣе галантливыхъ художниковъ недавно отправился въ страну хризантемъ, чтобы видѣть типъ японцевъ. И ему удалось нарисовать только нѣсколько бумажныхъ фонарей

*) *Intentions and the Soul of Man*, p. 31.

да немного вѣровъ. Художникъ не могъ открыть народа, какъ доказываетъ выставка его картинъ. Произошло это потому, что художникъ не зналъ, что японскій народъ это только *стиль*, изящный капризъ искусства. Итакъ, если вы желаете видѣть Японию, не будьте туристомъ и не ѣздите въ Токио. Напротивъ. Оставайтесь дома и изучайте произведенія японскихъ художниковъ. И когда вы усвоите ихъ стиль и схватите ихъ манеру видѣть предметы, отправляйтесь въ паркъ или на Пиккадилли. И если вы тамъ не увидите японскихъ эффектовъ, то не замѣтите ихъ уже нигдѣ. Неужели вы думаете, что греческое искусство даетъ намъ представленіе о томъ, на что похожи были греки? Аѳинскія женщины совсѣмъ не были похожи на благородныя фигуры, украшающія фривъ Пареннона, или на богинь, возсѣдающихъ у подножія того же зданія. Стоитъ прочесть Аристофана, чтобы убѣдиться въ этомъ. Вы увидите, что аѳинянки такъ же шнуровались, носили такіе же высокіе каблуки, такъ же красили волосы и румянили щеки, какъ современныя модныя дамы и проститутки?» *).

Чтобы жизнь приобрѣла смыслъ, необходимо существованіе художниковъ, у которыхъ есть «стиль»; необходимы таланты, не копирующіе жизнь, а обладающіе смѣлостью «выдумывать». Упадоеъ лжи Оскаръ Уайльдъ считаетъ гибельнымъ для человѣчества. Жизнь приобрететъ глубокой смыслъ тогда, когда человѣчество окончательно отрѣшится отъ реализма. «И когда день этотъ придетъ,—говоритъ Оскаръ Уайльдъ,—какою радостью преисполнятся всѣ. Факты признаны будутъ незаслуживающими довѣрія. Истина будетъ плакать въ оковахъ, а Вымыселъ со своимъ настроеніемъ и всѣми чудесами властно возвратится на землю. Передъ нашими изумленными очами все измѣнится. Изъ морскихъ пучинъ снова выйдутъ Левіаѳанъ и библейскій бегемотъ. Снова они будутъ кружиться вокругъ кораблей съ тупыми кормами, какъ на великолѣпныхъ картинкахъ тѣхъ временъ, когда только и можно было читать книги по географіи. Драконы снова появятся въ горахъ и въ лѣсахъ, а фениксъ опять станетъ возрождаться изъ огня. Мы увидимъ кокатриса и увѣруемъ въ драгоценный камень, хранящійся въ головѣ жабы. Снова гиппогрифъ будетъ жевать золотой овесъ, а голубая птица запоетъ про невозможныя вещи, которыя никогда не бываютъ, но должны были бы быть» **).

III.

Естествоиспытатель или географъ очеркнули бы карандашомъ эти слова Уайльда. Почему средневѣковая естественная исторія, или путешествіе сэра Джона Мандевилля, описывающія то, чего не было, болѣе

*) *ib.*, p. 48.

**) *ib.*, p. 54.

красивы и болѣе интересны, чѣмъ аналогичный трудъ, въ которомъ «рабски копируется жизнь?» Оскаръ Уайльдъ, перечисляя фантастическихъ животныхъ, имѣеть въ виду, конечно, естественную исторію «фратъе Бартоломео», монаха XV вѣка. У меня какъ разъ теперь подъ руками старинный переводъ этой книги. (*Bartholomew or Berthelet. Bartholomeus de Proprietatibus Regum. Translated into English by j. Trevisa. In aedibus T. Bertheletti, London 1535*). Я вижу «великолѣпные», по опредѣленію Уайльда, рисунки, приложенные къ книгѣ: тутъ аистъ, связавшій свою шею въ цифру 8; дѣлающій «истину» крокодилъ, съ безконечно длиннымъ, голымъ, какъ у крысы хвостомъ; крылатый хамелеонъ, похожій на овцу; пантера съ четырьмя языками; фениксъ и пр. «Драконъ,—читаю я,—величайшая изъ всѣхъ змѣй. Часто онъ выползаетъ изъ своего логовища и поднимается въ воздухъ, и воздухъ тогда приходитъ въ движеніе отъ полета, и море отъ ядовитаго дыханія вдувается горой. И у дракона на головѣ есть гребень; ротъ же у чудовища небольшой. И дышетъ онъ поэтому порывисто, и далеко высовываетъ языкъ. И зубы у него, какъ у пилы. И сила у дракона не только въ зубахъ, но еще и въ хвостѣ. Послѣднимъ драконъ жалитъ, хотя уколъ не такъ ядовитъ, какъ укусъ змѣй. И драконъ убиваетъ, кого только встрѣтитъ. И даже слонъ не защищенъ отъ дракона. Драконъ прячется возлѣ того мѣста, мимо котораго идутъ слоны, сплетаетъ имъ ноги своимъ хвостомъ, валитъ на землю и убиваетъ. Драконъ имѣеть двадцать локтей въ длину. Часто четыре или пять драконовъ сплетаются хвостами, поднимаютъ вверхъ головы и такъ плывутъ черезъ рѣки или моря въ поискахъ за лучшей добычей. Драконы убиваютъ слоновъ, потому что чувствуютъ постоянную жажду, а кровь у слоновъ прохладная. Драконъ всегда хочетъ пить, такъ какъ не можетъ найти достаточно воды, чтобы залить свою палашую жажду. Вотъ почему онъ и раскрываетъ пасть противъ вѣтра, чтобы хоть немного охладиться такимъ образомъ. Дыханіе у дракона такое горячее, что онъ зажигаетъ иногда воздухъ, вотъ почему и кажется, что онъ дышетъ огнемъ. Иногда онъ дыханіемъ выпускаетъ вонючіе пары. Воздухъ бываетъ тогда отравленъ, что порождаетъ чуму... Всѣ ядовитыя гадины не любить и уползаютъ, зачуявъ запахъ жира дракона. Тотъ же жиръ, если его смѣшать съ медомъ, исцѣляетъ слѣпоту... Въ мозгу дракона зарождается камень *драконтій* (*Dracontias*); но слѣдуетъ брать его только изъ живаго животнаго. Ибо, если драконъ издыхаетъ раньше, чѣмъ драконтій вынуть, твердость его исчезаетъ одновременно съ дыханіемъ. Дракона усыпляютъ различными снадобьями, а потомъ вынимаютъ камень... Мясо дракона цвѣта стекла и утоляетъ жажду, если поѣсть его. Вотъ почему эеіопы, живущіе въ странѣ, гдѣ солнце палитъ, охотно ѣдятъ драконятину... Въ Македоніи водятся ручные драконы; они такъ еротки, что женщины выкармливаютъ ихъ тамъ грудью. Дѣти тамъ играютъ съ драко-

нами, садятся на них верхомъ и треплютъ ихъ, какъ собакъ. Глазныя яблоки драконовъ—драгоценныя камни—сверкаютъ, какъ огонь. Африканцы утверждаютъ, что драконы появились отъ неестественнаго скрещиванія орловъ съ волчихами. Въ Фригии голодные драконы поступаютъ такъ. Они поворачиваются на западъ, раскрываютъ широко ротъ и силою своего вдыханія втягиваютъ летающихъ птицъ. Драконы берегутъ свое здоровье, для чего ѣдятъ дикій лагукъ, причиняющій имъ рвоту. Яблоки же дѣйствуютъ на нихъ, какъ ядъ *)). Не менѣе удивительныя вещи нашъ естествоиспытатель знаетъ и про самыхъ обыкновенныхъ животныхъ. Коза, напр., дышетъ не ноздрями, а ушами. «Горячая кровь козла смягчаетъ камень адамантъ, котораго не беретъ ни огонь, ни желѣзо... Козы околѣваютъ, если полижутъ медъ. Нѣкоторые козлы имѣютъ на головѣ между рогами отверстіе канала, идущаго прямо въ печень животнаго. И если это отверстіе залѣпить воскомъ, животное задохнется». Дѣтская наивность естественной исторіи Бертелета имѣетъ, безъ сомнѣнія, извѣстную прелесть; но Оскаръ Уайльдъ говоритъ объ увлекательности вымысла, противопоставляя его скучной дѣйствительности. Естествоиспытатель или врачъ скажутъ, что рассказъ о фагоцитахъ, борющихся съ бактеріями, попадающими въ кровь даетъ большій просторъ воображенію, чѣмъ всѣ рассказы о драконахъ и фениксахъ, взятые вмѣстѣ. Дѣйствительность только тогда сѣра и безцвѣтна, когда мы не умѣемъ наблюдать. Отличительное свойство человѣческаго ума то, что ему легче выдумать гипотезу, чѣмъ замѣтить обыкновенныя явленія и поставить ихъ въ причинную связь. Возьмемъ дальше путешественниковъ, которыми увлекается Оскаръ Уайльдъ и признаетъ, что только ихъ можно еще читать. Это, прежде всего, сэръ Джонъ Мандевилль, авторъ XIV вѣка, описавшій свои путешествія по Турціи, Арменіи, Тартаріи, Персіи, Сиріи, Аравіи, Египту, Ливіи, Эіопіи, Халдеѣ, «Армазоніи» и Индіи. Путешествія заключаютъ рядъ совершенно невѣроятныхъ приключеній. Авторъ видѣлъ феникса, стержень пера котораго имѣетъ двѣ ладони въ ширину, драконовъ, усыпляемыхъ въ Эіопіи звуками пѣсенъ. Въ Индіи онъ видѣлъ другой способъ ловить тѣхъ же чудовищъ. «Индійцы берутъ плащъ алаго сукна, пишутъ на немъ золотомъ заклинаніе и кладутъ у входа въ логовище дракона, который отъ этого впадаетъ въ глубокій сонъ. Тогда индійцы отрубаютъ дракону голову топоромъ и выковыриваютъ глаза, въ которыхъ находятся драгоценныя камни, обладающіе неисчислимыми волшебными свойствами. Не разъ случается, — повѣствуетъ Мандевилль, — что драконъ притворяется только спящимъ. Онъ хватаетъ подошедшихъ къ нему индійцевъ, волочитъ въ свою берлогу и пожираетъ. И драконъ при этомъ приходитъ въ такую ярость, что гора надъ берлогою содрогается».

*) Bartholomew (Berthelet), book XVIII, § 88.

Мандевиль видѣлъ своими глазами въ Индіи борьбу орловъ съ драконами. Историческая критика давно уже доказала, что путешествіенника сэра Джона Мандевилля не было, а былъ французскій компиляторъ Жанъ Бургонскій, онъ же Жанъ Бородатый (Jean à la Barbe). Онъ бралъ рассказы о путешествіяхъ Марко Поло, Жака Витри и монаха Одорика Порденонскаго, ставилъ въ нихъ свое я и придумывалъ невѣроятныя приключенія, поражающія только выдумкой, но не красотой (какъ, напр., приключенія Синбада Мореходца). Тамъ, гдѣ знаменитый венеціанскій землепроходецъ говоритъ по наслышкѣ (продавая за то, что купилъ)—Жанъ бородатый или сэръ Джонъ Мандевиль говорятъ не только утвердительно, но и какъ очевидцы. Марко Поло, напр., передаетъ рассказъ, циркулирующій при дворѣ богдыхана про гигантскую птицу «рукъ» или «рухъ», прилетающую періодически къ берегамъ Занзибара *). Мандевиль сообщаетъ, что онъ самъ убилъ эту птицу и даетъ подробныя описанія ея перьевъ, клюва и лапъ. Безъ сомнѣнія, воображеніе и фантазія—одно изъ наиболѣе дорогихъ человѣку качествъ; но неужели только выдумка въ состояніи открывать фантазію? Неужели для работы воображенія необходимо прежде всего оторваться отъ дѣйствительности, какъ отъ чего-то сѣраго и безцвѣтнаго? Если бы Оскаръ Уайльдъ поговорилъ съ географомъ, то услышалъ бы рассказы про дѣйствительныя приключенія, поражающія воображеніе сильнѣе, чѣмъ всѣ повѣствованія Мандевилля. Взять хотя бы несчастную американскую экспедицію капитана Делонга, отправившагося въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ къ сѣверному полюсу. Его корабль *Жанета* потерпѣлъ крушеніе. Экипажъ добрался до пустыннаго берега Сибири и, напрягая послѣднія силы, дошелъ до устья Ялы, гдѣ, по картѣ, значилось поселеніе. Къ несчастію, карта генеральнаго штаба сообщила невѣрный фактъ. Экспедиція отправила двухъ самыхъ сильныхъ и энергичныхъ товарищей на югъ чтобы искать тамъ людей, а сама осталась зимой, въ 60° морозъ, въ палаткѣ, у устья рѣки. Провизіи у нихъ было на четыре дня. И вотъ черезъ три дня два американца, оборванные, измученные

*) Жители острова этого рассказываютъ, что въ известное время года прилетаетъ необыкновенная птица, именуемая ими „рукъ“. По виду, говорятъ, она походитъ на орла, но только несравненно больше. „Рукъ“ такъ великъ и силенъ, что поднимаетъ въ когтяхъ слона и бросаетъ его съ высоты на скалы, дабы онъ убился. „Руки“ питаются падалью. Видѣвшіе птицу говорятъ, что размахъ ея крыльевъ равенъ шестнадцати шагамъ.. Великій ханъ, узнавъ про эту птицу, отправилъ развѣдчиковъ на Занзибаръ подъ предлогомъ хлопотать за плѣнника, а въ дѣйствительности, чтобы провѣдать про „рука“. Развѣдчики возвратились и привезли съ собою какъ мнѣ передавали, перо птицы. Оно имѣло въ длину девяносто падей, а стебель пера у основанія былъ въ одну падь въ поперечникѣ.

(Цитирую по англійскому переводу: „The Travels of Marco Polo the Venetian“ chap. XXXV).

голодомъ и утомительными переходами, добрались до становища тунгусовъ, гдѣ находился въ то время выгнанный изъ Верхоянска улусный писарь (большое начальство по тамошнимъ мѣстамъ). И тутъ произошла трагедія. Напрасно американцы по-англійски, по-французски и по-нѣмецки объясняли, что они оставили товарищей, которые погибли отъ голода, если къ нимъ сейчасъ не придутъ на помощь. Разсказовъ никто не понималъ. Американцы тогда прибѣгли къ языку знаковъ. Они предлагали деньги, отдавали оружіе. И тунгусы поняли, что необходимо ѣхать немедленно на сѣверъ съ провизіей. Но тутъ выѣхался улусный писарь. Онъ слышалъ про «крамолу» и про то, какъ люди выслуживаются, лоя ея. И писарь Кузьма объяснилъ тунгусамъ, что это и есть крамольники, которыхъ нужно сейчасъ же связать и повести къ начальству на югъ, въ Верхоянскъ. Робкіе тунгусы не посмѣли послушаться писаря. И, когда американцы поняли, что ихъ хотятъ вести на югъ, что это займетъ дней десять, и что, значитъ, въ это время экспедиція погибнетъ,—они пришли въ отчаяніе. Сильные духомъ и тѣломъ моряки, выдавшие много разъ спокойно смерть лицомъ къ лицу, плакали, рвали себѣ волосы, падали къ ногамъ Кузьмы; но ихъ скрутили и повезли въ Верхоянскъ. Тамъ были политическіе ссыльные, которые перевели слова моряковъ. Исправникъ въ тотъ же день нарядилъ экспедицію къ устьямъ Ялы; тамъ нашли товарищей Делонга, но мертвыми. Они погибли всѣ отъ голода, поклявшись на библии, что лучше умрутъ, чѣмъ прибѣгнуть (какъ это было въ нѣкоторыхъ полярныхъ экспедиціяхъ XVIII в.) къ людоедству. Трупы лежали босые, такъ какъ мокасины были сдѣланы матросами. А дневникъ, веденный Делонгомъ до самой смерти! Трудно представить болѣе трагическое! Человѣку со слабыми нервами лучше не браться за эти ужасныя по своей простотѣ строки. И въ то же время этотъ дневникъ миритъ человѣконенавистника съ людьми, свидѣтельствуя о томъ, какъ много силы, благородства и красоты въ душѣ «сыновъ Прометея». Географъ могъ бы разсказать Оскару Уайльду также про то, какъ Робертъ О'Хара Беркъ и Уилсъ пересѣкли въ 1860—61 г. Австралію, и какъ первый путешественникъ погибъ отъ голода не обратномъ пути. Наиболѣе расцѣпенныя выдумки Мандевилля кажутся блѣдными и неинтересными въ сравненіи съ дѣйствительностью. «Воображенію есть мѣсто только тогда, когда человѣкъ отрывается отъ реальной жизни». Оно, будто бы, даетъ возможность мысли заглянуть «по ту сторону бытія». Въ лучшемъ случаѣ, результатомъ такихъ экскурсій бывають стихи въ родѣ:

„Безсвязныя, странныя лопасти,
 Намъ путь отрѣзаютъ... мы ждемъ.
 Мы видимъ бездонныя пропасти
 За нашимъ невѣрнымъ путемъ.“

Человѣкъ, привыкшій къ точному мышленію, скептически только пожметъ плечами, когда ему говорятъ объ экскурсіяхъ «по ту сторону бытія». Онъ придаетъ громадное значеніе воображенію, но научному, помогающему мысли перелетѣть черезъ пропасть, раздѣляющую двѣ категоріи тщательно провѣренныхъ явленій. Приведу старый примѣръ подобнаго научнаго воображенія. Въ 1628 г., когда появился трактатъ Гарвея о кровообращеніи, микроскопъ представлялъ еще совершенно грубый инструментъ; въ силу этого, такъ называемые, капиллярные сосуды были совершенно неизвѣстны. Только послѣ смерти Гарвея, когда микроскопъ былъ усовершенствованъ, Мальпиги сдѣлалъ рядъ великихъ открытій. И вотъ Гарвей при своихъ изслѣдованіяхъ пришелъ къ заключенію, что кровь идетъ изъ сердца въ артеріи, а потомъ черезъ вены возвращается въ сердце. (До него полагали, что артеріи переходятъ въ нервы, что въ нихъ движется кровь, смѣшанная съ воздухомъ по тому же закону, какъ вода въ морѣ, т. е. что есть приливы и отливы крови и пр.). Гарвей не зналъ, какъ кровь изъ артерій переходитъ въ вены, и не могъ знать, такъ какъ соединительными каналами являются капиллярные сосуды, которые не были еще тогда открыты. Но Гарвей тщательно изслѣдовалъ движеніе крови по артеріямъ и венамъ и пришелъ къ заключенію, что это одинъ процессъ. Творческое воображеніе помогло его мысли перенестись черезъ пропасть, черезъ которую мостъ былъ перекинутъ впоследствии. Это—одинъ изъ наиболѣе классическихъ примѣровъ, доказывающихъ необходимость и важность научнаго творческаго воображенія.

IV.

Оскаръ Уайльдъ переноситъ насъ въ странный міръ. «Чѣмъ больше мы изучаемъ жизнь и литературу,—говоритъ онъ,—тѣмъ сильнѣе чувствуемъ, что позади всего чудеснаго стоитъ индивидуальность человѣка. Не моментъ создаетъ человѣка, но человѣкъ создаетъ свой вѣкъ. Въ самомъ дѣлѣ, я склоненъ думать, что каждый мигъ и каждое преданіе, являющіеся, будто бы, созданіемъ цѣлаго народа, удивленіемъ или ужасомъ которыхъ вдохновлены,—въ сущности придуманы отдѣльнымъ человѣкомъ. Важны не красивыя дѣйствія, а красивыя слова». «Каждый можетъ дѣлать исторію; но только великіе люди могутъ писать ее. Нѣтъ такихъ дѣйствій, нѣтъ такихъ эмоцій, которыя не равняли бы насъ съ низшими животными. Только рѣчь возвышаетъ насъ надъ ними; только она возвышаетъ одного человѣка надъ другимъ. Слово является отцомъ, а не дитятей мысли. Дѣйствовать всегда очень легко». Дѣйствуютъ тѣ люди, которые не въ состояніи ничего другого дѣлать. Это—послѣднее убѣжище людей, не умѣющихъ мечтать,—говоритъ Оскаръ Уайльдъ. «Исторію необходимо переписать заново...

Послѣ мечтателей никто не имѣлъ столько заблужденій, какъ человѣкъ дѣйствія. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не знаетъ ни происхожденія, ни результатовъ собственныхъ поступковъ. Съ полей, заросшихъ по его мнѣнію терновникомъ, — мы собрали виноградныя грозди; фиговое дерево, посаженное имъ для нашей услады, бесплодно, какъ чертополохъ, и горько. Человѣчество можетъ найти свой путь только потому, что не знаетъ, куда идетъ» *). Жизнь — великій обманщикъ и правда только въ искусствѣ. «Великія прозведенія искусства — живыя существа, точнѣе, они — единственныя существа, обладающія жизнью. Съ прогрессомъ цивилизаціи избранные умы настолько проникнутся сознаниемъ этой истины, что все меньше и меньше станутъ интересоваться дѣйствительной жизнью и все свои впечатлѣнія почти всецѣло будутъ черпать изъ того, до чего дотронулось искусство (курсивъ Оскара Уайльда). Въ самомъ дѣлѣ. Жизнь крайне несовершенна по формѣ своей. Катастрофы въ ней случаются не такъ, какъ слѣдуетъ, и не съ тѣми людьми, которые заслуживаютъ. Комедія ея ужасна, а ея трагедія — часто переходятъ въ фарсъ». Пріемлющій жизнь постоянно чувствуетъ себя оскорбленнымъ. Событія въ ней продолжаются или чрезмѣрно долго или, напротивъ, кончаются слишкомъ скоро. «Жизнь, подобно директору кукольнаго театра, обольщаетъ насъ китайскими тѣнями. Мы просимъ у нея наслажденій; она примѣшиваетъ къ нимъ горечь и разочарованія. Мы встрѣчаемся съ благороднымъ горемъ и мыслимъ, что оно дастъ намъ достойную пурпурную мантию трагедіи; но горе уходитъ; его замѣняетъ нѣчто менѣе благородное. И вотъ наступаетъ сѣрый холодный разсвѣтъ, когда мы съ безразличнымъ изумленіемъ или съ застывшимъ, каменнымъ сердцемъ глядимъ на золотыя кудри, которыя мы когда-то безумно цѣловали и боготворили» *).

Жизнь не пріемлема, между прочимъ, потому, что пережитыя впечатлѣнія никогда не повторяются въ одинаковой степени. Какъ сильно отличается въ этомъ отношеніи міръ искусства. Удалившись въ него, мы, по своему желанію, можемъ вызывать въ себѣ разныя эмоціи; въ нашихъ рукахъ возможность пережить въ любой моментъ полную гамму ощущеній. На полкѣ моего книжнаго шкафа стоитъ *Божественная Комедія*, и я знаю, что, открывъ книгу, преисполнюсь свирѣпой ненавистью къ человѣку, который никогда меня не обижалъ, или великою любовью къ женщинѣ, которую никогда не увижу. Нѣтъ такого сильнаго напряженія страсти, котораго не могло бы дать искусство. Открывъ тайну его, мы можемъ заранѣе сказать, каковы будутъ ощущенія. Мы можемъ даже выбрать для этого день и назначить часъ. Въ нашей волѣ сказать себѣ: «завтра на разсвѣтъ я отправлюсь съ важнымъ *Виргилиемъ* въ долину тѣней и

*) *The Critic as Artist*, p. 132—133.

**) *И.*, p. 166.

смерти. И дѣйствительно, разсвѣтъ застаётъ насъ въ темномъ лѣсу, и мы видимъ мантуанца рядомъ съ собою... Въ пурпурномъ мракѣ проносятся передъ нами всѣ тѣ, которые запятали мѣръ красотой своего грѣха; въ отвратительной ямѣ, съ тѣломъ, распухшимъ отъ водянки въ видѣ чудовищной лиры, валяется тѣло фальшивомонетчика Адама де Брепіа. Онъ молитъ насъ выслушать его несчастія. Мы останавливаемся. Сухими, растрескавшимися устами сообщаетъ онъ намъ про то, какъ днемъ и ночью мечтаетъ о ручейкахъ чистой воды, журчащихъ по мшистымъ бокамъ живописныхъ холмовъ. Предатель грекъ, Синонъ изъ Трои, глумится надъ нимъ. Адамъ бьетъ его по лицу и между ними завязывается драка. Поворъ ихъ приковываетъ насъ, и мы стоимъ неподвижно, кудаки Виргилій не начинаетъ упрекать насъ. Мы идемъ дальше къ городу, охраняемому великанами, въ которомъ трубятъ въ свой рогъ Нимродъ. Ужасныя приключенія случаются съ нами, и мы чувствуемъ ихъ, какъ Данте, одѣтые, какъ онъ... Да, мы можемъ отодвинуть землю на шесть вѣковъ назадъ, чтобы склонить колѣна передъ тѣмъ же алтаремъ, что и великій флорентинецъ. И если давно прошедшіе вѣка утомляютъ насъ; если мы желаемъ испытать страданія и грѣхи нашего времени, то развѣ нѣтъ книгъ, которыя въ одинъ часъ заставляютъ насъ испытать больше, чѣмъ жизнь за двадцать лѣтъ поворнаго существованія? Откройте мадригалъ Бодлера, начинающійся словами:

„Que m'importe que tu sois sage?
Sois belle! et sois triste!“ *)).

Вы почувствуете, что поклоняетесь горю больше, чѣмъ когда-либо поклонялись радости»... **). «Эта передача эмоцій изумительна. Мы страдаемъ тѣми же болѣзнями, что и поэтъ,—говоритъ Оскаръ Уайльдъ.—Мертвыя уста шепчутъ намъ что то, а сердце, давно обратившись въ прахъ, сообщаетъ намъ свою радость... Мы слѣдуемъ по всему міру за Манонъ Леско. Мы тоже сходимъ съ ума отъ любви, какъ герой Аріосто, и намъ передается ужасъ Ореста. Нѣтъ такой страсти, которую мы не могли бы чувствовать и такого наслажденія, котораго не могли бы испытать. Мы сами избираемъ время для этого и тотъ моментъ, когда ощущенія должны кончиться». Ничего подобнаго не можетъ дать намъ жизнь. «Жизнь заставляетъ насъ платить слишкомъ высокую цѣну за свои товары. Самую ничтожную тайну ея мы приобретаемъ за чудовищную цѣну... Только черезъ посредство искусства, и только его одного, мы постигаемъ наше собственное совершенство. Только однимъ искусствомъ мы можемъ закрыться отъ опасностей дѣйствительной жизни» ***).

*) „Что мнѣ до твоего благоразумія? Будь прекрасна! Будь печальна“.

***) The Critic as Artist, p. 172.

***) Ib., 174.

— Въ такомъ случаѣ, мы существуемъ, чтобы ничего не дѣлать?— спрашиваетъ одно изъ лицъ діалога.

— Да, избранныя натуры существуютъ именно для этого,— отвѣчаетъ лицо, излагающее взгляды Оскара Уайльда. Дѣйствіе человѣка ограничено и относительно. Не ограничена и абсолютна лишь фантазія одинокаго мечтателя. Но мы живемъ въ чрезмерно культурномъ и критически настроенномъ вѣкѣ; мы слишкомъ жаждемъ изысканныхъ наслажденій, чтобы въ обмѣнъ за дѣйствительную жизнь принять только созерцаніе ея,—говоритъ Оскаръ Уайльдъ. Для насъ *città divina*—безцвѣтенъ, а *fruitio Dei*—лишенъ значенія. Метафизика не соответствуетъ нашему темпераменту, а религиозный экстазъ вышелъ изъ моды. Міръ, черезъ посредство котораго академическій философъ становится наблюдателемъ всѣхъ временъ и разныхъ существованій,—есть только міръ абстрактныхъ идей. Вступивъ въ этотъ міръ, мы застываемъ въ обществѣ слишкомъ отвлеченныхъ мыслителей. Что же касается воротъ «града божіяго», то они заперты теперь для насъ. Ихъ охраняетъ невѣжество. Чтобы пройти этими воротами, намъ необходимо предварительно отказаться отъ всего, что есть возвышеннаго въ нашей природѣ. Довольно и того, что наши отцы вѣрили. Они истожили совершенно всю вѣро-способность вида *homo sapiens* и завѣщали намъ скептицизмъ, который пугалъ ихъ... Мы не можемъ возвратиться и назадъ ко временамъ святыхъ. Теперь гораздо большому можно научиться у грѣшниковъ. Мы не можемъ также возвратиться къ абстрактной философіи, мистика же сбиваетъ насъ съ пути. Кто теперь пожелаетъ обмѣнять изящную кривую розоваго лепестка на безформенное, неуловимое бытіе, которое Платонъ ставилъ такъ высоко? Что намъ до теодицеи Филона Александрійскаго, до «вечернаго и утренняго посланія» Экарта, до видѣній Бёме и даже до чудовищнаго неба, развернушагося передъ свѣтлыми очами Сведенборга? Все это не стоитъ одной желтой чашечки цвѣтка асфодели; самое низшее искусство неизмѣримо выше всего этого. Точно такъ, какъ природа есть матерія, претворяющаяся въ разумъ, искусство есть разумъ, претворяющійся въ матерію. Истиннаго эстетика все неясное всегда отталкивало. Греки представляли націю художниковъ, потому что имъ чуждо было представленіе о безконечномъ... Мы желаемъ конкретнаго, и ничто, кромѣ конкретнаго, не можетъ удовлетворить насъ *).

Искусство можетъ дать человѣку все то, чего не даютъ ни жизнь, ни философія, ни мистика. Въ искусствѣ и заключена таинственная прелесть, влекущая, какъ пропасть. «Искусство болѣетъ многими болѣзнями и хранитъ воспоминанія о заманчивыхъ грѣхахъ. Оно мудрѣ насъ, и мудрость его горька. Искусство наполняетъ насъ невозможными желаніями и заставляетъ насъ гнаться

*) The Critic as Artist, p. 179.

за тѣмъ, что мы сами сознаемъ недостижимымъ. За то искусство можетъ сдѣлать для насъ одно: оно уводитъ насъ отъ окружающаго, красота котораго затемнена вульгарностью, а уродливость котораго не даетъ намъ совершенствоваться. Искусство помогаетъ намъ покинуть вѣкъ, въ которомъ мы родились, перейти въ другіе вѣка и чувствовать тѣмъ не менѣе тамъ себя въ родной атмосферѣ. Оно учитъ насъ, какъ уйти отъ опыта и какъ постичь опытъ другихъ людей, болѣе талантливыхъ, чѣмъ мы. Муки Леопарди, проклинающаго жизнь, становятся нашими муками. Теокритъ играетъ на свирѣли, а мы смѣемся вмѣстѣ съ нимфами и пастухами. Одѣтые въ воловью шкуру Пьера Видаля *), мы мчимся на конѣ впереди псовъ или свершаемъ подвиги Ланселота. Вмѣстѣ съ Абельаромъ мы шепчемъ тайну нашей любви и, какъ Виллонъ, наливаемъ нашъ позоръ въ стихахъ. Мы видимъ расвѣтъ глазами Шелли, и, когда бродимъ вмѣстѣ съ Эндиміономъ, мѣсяцъ влюбляется въ нашу красоту». Избранныя природы не пріемлютъ дѣйствительности и берутъ изъ нея только грѣхъ. «То, что люди называютъ грѣхомъ, является существеннымъ элементомъ прогресса,—говоритъ Оскаръ Уайльдъ.—Безъ грѣха міръ застоялся бы, состарился или же обезцвѣтился бы. Грѣхъ своимъ любопытствомъ увеличиваетъ опытъ націи. Своимъ интенсивнымъ индивидуализмомъ онъ спасаетъ насъ отъ монотонности. Отвергая ходячія понятія о нравственности, грѣхъ ведетъ насъ къ высшей этикѣ. Что такое добродѣтели? Природѣ,—говоритъ намъ Ренанъ,—нѣтъ никакого дѣла до цѣломудрія. Лукреціи современнаго міра чисты отъ пятна не въ силу собственной добродѣтели, а благодаря повору Магдалины. Благотворительность, которую церковь тайъ превозноситъ, порождаетъ, какъ признано всѣми, много зла. Одно существованіе совѣсти, которой такъ гордятся теперь, является признакомъ нашего несовершеннаго развитія. Самоотреченіе есть методъ, которымъ человѣкъ задерживаетъ собственный прогрессъ, а самопожертвованіе—пережитокъ того времени, когда дикарь калѣчилъ себя, думая угодить этимъ своему идолу; самопожертвованіе—отзвукъ преклоненія предъ страданіемъ, которое является такимъ ужаснымъ факторомъ въ исторіи чело-

*) Пьеръ Видалъ—провансальскій трубадуръ XII вѣка. Нѣсколько непонятно, почему именно Оскаръ Уайльдъ вспоминаетъ его. Видалъ Тулузскій, какъ говоритъ Симонди въ своей исторіи провансальской литературы, прославился не столько пѣснями, сколько эксцентричностями въ духѣ рыцаря печальнаго образа. „Ни одинъ поэтъ,—говоритъ Симонди,—не проявлялъ такихъ яркихъ признаковъ безумія. Увѣренный, что всѣ дамы влюблены въ него и что онъ самый храбрый рыцарь, Видалъ являлъ собою прототипъ Донъ-Кихота въ поэзіи. Его уморительныя любовныя приключенія и напыщенныя родомонтады дѣлали его шуткомъ своего времени. Во времена крестоваго похода, которымъ предводительствовалъ Ричардъ Львиное Сердце, пріятели убѣдили его жениться въ Кипрѣ будто бы на знатной гречанкѣ. Съ тѣхъ поръ Видалъ считалъ себя претендентомъ на престолъ Византіи“.

вѣчества». Пусть читатели вспомнятъ слова Эдмона Лепелетье о Полѣ Верланѣ. Мы скоро увидимъ, что въ большинствѣ своихъ комедій Оскаръ Уайльдъ проводилъ самую благонамѣренную, буржуазную мораль.

V.

Уже Вольтеръ говорилъ о театрѣ, какъ о какомъ-то ихтеозаврѣ, который зачѣмъ-то затесался въ наше время, когда окружающія условія совершенно иныя, чѣмъ во времена возникновенія его. Въ «Философскомъ словарѣ», въ статьѣ «Общее мѣсто въ литературѣ» Вольтеръ высмѣиваетъ театральныя пьесы, въ которыхъ можно заранее угадать не только развязку, но даже рѣшмы. Если героиня говоритъ о письмѣ (lettre), то въ слѣдующей строчкѣ мы, конечно, узнаемъ, что его нужно передать (remettre). «Героиня не успѣваетъ проявить свою тревогу (alarmes), какъ у нея сейчасъ же начинаютъ литься слезы (larmes). Въ англійскомъ театрѣ XIX вѣка это «общее мѣсто» достигло верховъ нелѣпости. Не только фиксировались «виды» дѣйствующихъ лицъ, какъ сказалъ бы зоологъ, но даже внѣшній видъ ихъ. Героиня, какъ Маргарита въ оперѣ, всегда бѣлокура. «Bad character» всегда рыжий и непременно выходитъ въ желтыхъ штиблетахъ. Комикъ—непременно толстый и носитъ панталоны въ большихъ клѣткахъ и пр. Въ Англии нелѣпость традиціоннаго театра достигла апогея; но въ значительной степени то же самое мы видимъ на континентѣ. Смерть стараго театра кажется теперь многимъ такой очевидной истиной, которую и доказывать нечего. Передъ нами намѣчено даже нѣсколько видовъ возрожденнаго театра. Намъ даютъ, напримѣръ, сперва подражаніе той мистеріи Гренгуара, которою въ романѣ Гюго забавляютъ парижанъ въ соборѣ Богоматери, т. е. абстрагированный театръ съ алгебраическими величинами вмѣсто дѣйствующихъ лицъ. Иные авторы идутъ еще дальше; они мирятся уже не на добродѣтели съ русой косою, не на добродѣтели вообще, какъ Гренгуаръ, а не иначе, какъ на вѣчныхъ двигателяхъ и на силахъ природы. На сцену выводятся теперь Время, Голодь, Смерть. У Времени «голова большая, съ огромной, косматою старческою бородою и волосами; въ профиль виденъ большой строгій носъ и нависшія мохнатые брови». Совсѣмъ такъ, какъ на обложкѣ календарей, но только безъ песочныхъ часовъ. Смерть, какъ значитса въ ремаркѣ пьесы, «канканируетъ». Время поетъ пѣсню, въ которой высказывается не совсѣмъ новая мысль о безконечности его и о томъ, что оно дѣлится на годы, минуты и секунды. О неблагодарное челоуѣчество! Почему ты забыло «мистерію въ XI-ти явленіяхъ» подъ названіемъ «Сродство мировыхъ силъ»? Въ этомъ произведеніи участвуютъ Сѣверный Аквилонъ, Ночные Часы, ночная тишина, зальюль. Отдѣлъ II.

гробный міръ и общее собраніе міровыхъ силъ. Кромѣ того еще звѣзда орденская, душло, полное собраніе твореній великаго поэта и даже альмавива его. Южный ураганъ поетъ:

„Нѣтъ силъ мѣры!
Нѣтъ вѣчныхъ узъ!“

Ночные часы декламируютъ:

„Дойдутъ часы всѣ, безъ изъятія,
До лона вѣчности. Но днемъ
Бѣгутъ при свѣтѣ наши братья,—
Впотымахъ мы медленно бредемъ“.

Это нисколько не хуже, чѣмъ пѣсня времени изъ современной мистеріи: «Пришла смерть и взяла голубя. Все падаетъ, все рушится и все родится вновь. О безначальность, мать моя! О дѣточки мои—секундочки, минуточки, годочки—о безконечность, дочь моя!» Авторъ мистеріи «Средство міровыхъ силъ» — бессмертный директоръ пробирной палатки Кузьма Петровичъ Прутковъ.

Оскаръ Уайльдъ никогда не писалъ абстрагированныхъ пьесъ, но онъ сдѣлалъ нѣсколько попытокъ изобразить жизнь, какой она никогда не бываетъ. Таковы «Вѣра или нигилисты», «Герцогиня Падуанская» и «Саломея». Оскаръ Уайльдъ не любилъ демократіи, не зналъ и боялся ее. Онъ зналъ хорошо тотъ высшій кругъ, въ которомъ вращался, ненавидѣлъ его и презиралъ. Оскаръ Уайльдъ зналъ про борьбу обойденныхъ; но объ его отношеніяхъ къ ней лучше всего говорить крайне характерный «сонетъ къ свободѣ», помѣщенный въ сборникѣ стиховъ изданія 1881 г.

„Not that i love thy children, whose dull eyes
See nothing save their own unlovely wol,
Whose minds Know nothing, nothing care to Know,—
But that the roar of thy Damocracies,
Thy reigns of Terror, thy great Anarchies,
Mirror my wildest passions like the sea
And give my rage a brother!—Liberty!
For this sake only do thy dissonant cries
Delight my discreet soul, else might all Kings
By bloody Knout or treacherous cannonades
Rob nations of their rights inviolate
And i remain unmoved—and yet, and yet,
These Christs that die upon the barricades,
God Know it i am with them, in some things“.

(т. е. я не люблю твоихъ дѣтей, которыхъ мрачные глаза не видятъ ничего, кромѣ своего собственного неизящнаго горя, а умы ничего не знаютъ и не хотятъ знать,—но бушеваніе твоихъ демократій, твое царство террора и великія анархія, какъ море, отражаютъ мои наиболѣе дикія страсти и даютъ брата моему бѣшенству. Свобода! Только поэтому твои нестройные вопли пріятны моему осторожной натурѣ. Иначе я не пошевелился бы, даже если бы

всѣ короли окровавленными бичами или предательской канонадой отняли у народовъ ихъ неприкосновенныя права. И, однако, Богу извѣстно, я кое въ чемъ сочувствую этимъ страстотерпцамъ, погибающимъ на баррикадахъ»).

Ранняя драма *Вѣра* является иллюстраціей къ этому сонету. Происходитъ она въ нашемъ отечествѣ, но это такая же совершенно фантастическая Россія, какъ *приморская* Богемія въ Шекспировской «Зимней сказкѣ». Мы имѣемъ здѣсь Шиллеровскаго Филиппа II и Донъ-Карлоса. Филиппъ — мрачный тиранъ, подозрительный, вѣчно трепещущій за свою жизнь; онъ послушное орудіе въ рукахъ камарильи. Донъ-Карлосъ — благородный энтузіастъ, понимающій положеніе дѣлъ и присоединяющійся подъ именемъ студента Алексѣя къ мрачнымъ, жестокимъ, фанатичнымъ и безпощаднымъ заговорщикамъ. И когда Филиппъ II падаетъ отъ руки убійцы, Донъ-Карлосъ вступаетъ на престолъ съ широкими планами преобразованія. Онъ первымъ дѣломъ отправляетъ въ изгнаніе главарей камарильи. И вотъ вождя ея — женолюбивый, умный, изящный, безчестный, смѣлый, отлично знающій людей, «*prince Paul Magaloffski*» — переходитъ къ заговорщикамъ. Онъ убѣждаетъ ихъ, что реформы опаснѣе тираніи и устраиваетъ заговоръ противъ Донъ-Карлоса. Но нигилистка Вѣра, которой поручено убить Донъ-Карлоса, любитъ его. Она закалывается сама и этимъ спасаетъ Донъ-Карлоса. Пьеса носитъ совершенно сказочный характеръ. Вотъ, напримѣръ, засѣданіе заговорщиковъ. Происходитъ оно въ Москвѣ «на Чернавой, 99» (это еще ничего: въ драмѣ есть «профессоръ Марѳа», мужского пола). «Громадный чердакъ, освѣщенный керосиновыми лампами, висящими съ потолка, — говорится въ ремаркѣ. — Нѣсколько замаскированныхъ людей молча стоятъ въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга. Человѣкъ въ алой маскѣ пишетъ у стола. Дверь на заднемъ планѣ. У нея стоитъ съ обнаженной шпагой человѣкъ въ желтомъ плащѣ. Раздается стукъ. Входятъ замаскированныя и закутанныя въ плащи фигуры».

Предсѣдатель.— Пароль?

Первый заговорщикъ.— Набать.

Предсѣдатель.— Откликъ?

Второй заговорщикъ.— Калить.

Предсѣдатель.— Который часъ?

Третій заговорщикъ.— Часъ страданія.

Предсѣдатель.— Какой день?

Четвертый заговорщикъ.— День угнетенія.

Предсѣдатель.— Какой годъ?

Пятый заговорщикъ.— Годъ надежды.

Предсѣдатель.— Сколько насъ?

Шестой заговорщикъ.— Десять, девять и три.

Предсѣдатель.—У Галлилеянина было меньше людей, но онъ завоевалъ міръ. Въ чемъ наша миссія?

Седьмой заговорщикъ.—Дать свободу.

Предсѣдатель.—Нашъ символъ вѣры?

Восьмой заговорщикъ.—Уничтожать.

Предсѣдатель.—Нашъ долгъ?

Девятый заговорщикъ.—Повиноваться.

Предсѣдатель.—Братья! на всѣ вопросы данъ правильный отвѣтъ. Здѣсь, очевидно, только нигилисты. Откройте лица. (*Заговорщики снимаютъ маски*). Прочти клятву, Михаилъ.

Михаилъ. Клянемся подавлять въ себѣ все человѣческое; никогда не любить и не быть любимымъ; никогда не давать и не просить пощады; никогда не жениться и не выходить замужъ. Клянемся наносить ночью удары кинжаломъ; сыпать ядъ въ стаканъ; возстановлять отца противъ сына и супруга противъ жены; клянемся, что безъ страха и безъ надежды будемъ страдать, уничтожать и мстить*).

Вотъ при какомъ условіи изящные эстеты помирились бы съ «заговорщиками»: поклонникамъ красоты необходимы плащи, маски и таинственные діалоги!

Наиболѣе живымъ и обаятельнымъ для автора типомъ является злой геній пьесы, князь Павелъ. «Донъ-Карлосъ» драмы въ пыломъ объясненіи съ отцомъ предсказываетъ господство демократіи въ Европѣ.

— Дикіе звѣри въ лѣсахъ имѣютъ свои берлоги, хищники—свои норы; только побѣдитель всего міра—русскій народъ—не знаетъ гдѣ преклонить голову,—говоритъ «Донъ-Карлосъ» драмы, пародируя знаменитыя слова Тиверія Гракха.

— Что онъ думаетъ сказать?—испуганно шепчетъ князю Павлу «король Филиппъ.»—Довѣряешь ли ты ему? Тюрьма не излѣчила его. Сослать ли его? Или не лучше ли? (*что-то шепчетъ*). Императоръ Павелъ сдѣлалъ это. Екатерина тоже поступила такъ. Почему мнѣ не сдѣлать того же?

— Ваше величество,—отвѣчаетъ князь Павелъ.—Безпокойтесь нечего. Принцъ, конечно, очень остроумный молодой человѣкъ. Онъ увѣряетъ, что преданъ народу, а живетъ между тѣмъ во дворцѣ; онъ проповѣдуетъ социализмъ, а получаетъ такое жалованіе, что можно прокормить имъ цѣлую область. Придетъ время, и принцъ найдетъ, что лучшее леченіе отъ республиканства—корона. И тогда онъ изрѣжетъ свой краснѣйшій фригійскій колпакъ на орденскія ленточки для своихъ министровъ**). Но князь Павелъ ошибся. Когда Донъ-Карлосъ вступаетъ на престолъ, то прежде всего велитъ

*) *Vera, or the Nihilists*. Act I.

**) Act II.

князю Павлу убраться за границу. И на ближайшемъ засѣданіи заговорщиковъ происходитъ такая сцена.

— *Vae tyrannis*, — раздается пароль.

— *Vae victis*, — слышится откликъ. (Входятъ замаскированные заговорщики и образуютъ полукругъ). *Предсѣдатель*. — Который часъ? *1-й заговорщикъ*. — Часъ нанесенія удара. *Предсѣдатель*. — Какой день? *2-й заговорщикъ*. — Маратовъ день. *Предсѣдатель*. — Какой мѣсяць? *3-й заговорщикъ*. — Мѣсяць свободы. — И т. д. Но когда предсѣдатель задаетъ вопросъ: «нашъ символъ вѣры?» — то слышитъ насмѣшливый отвѣтъ:

— *Parbleu, monsieur le President!* Никогда я не думалъ, что у васъ есть какой-нибудь символъ вѣры!

Раздаются восклицанія: «Тутъ шпионъ! заprite двери! Долой маски! Смерть шпиону!» И когда маски сняты, то заговорщики узнаютъ князя Павла, перваго министра и вождя реакціонной партіи. На яростныя восклицанія и на угрозы онъ хладнокровно отвѣчаетъ насмѣшкой. Онъ явился сюда, какъ товарищъ.

Втра. Тигръ не можетъ измѣнить свою природу; змѣя не можетъ не кусать. Какимъ же образомъ вы стали внезапно другомъ народа?

Князь Павелъ. *Mon Dieu, non mademoiselle!* Мнѣ больше по душѣ злословить въ гостинной, чѣмъ строить заговоры въ подвалѣ. На придачу, я терпѣть не могу грубую толпу, отъ которой воняетъ чеснокомъ и сквернымъ табакомъ. Мнѣ невыносимы люди, встающіе рано и имѣющіе обѣдъ только изъ одного блюда.

Предсѣдатель. Что же въ такомъ случаѣ вы выиграете, если будетъ революція?

Князь Павелъ. — *Mon ami*, мнѣ нечего больше терять! Новый царь отправилъ меня въ изгнаніе. *Втра*. Въ Сибирь? *Князь Павелъ*. — Нѣтъ, въ Парижъ. Мои помѣстья конфискованы. Меня прогнали въ отставку и отняли повара. У меня остались только ордена. Я здѣсь для мщенія. *Предсѣдатель*. — Въ такомъ случаѣ вы имѣете право быть нашимъ. Мы тоже собираемся здѣсь для мщенія. *Князь Павелъ*. — Вамъ, конечно, необходимы деньги. Никто, становящійся заговорщикомъ, ихъ не имѣетъ. Вотъ вамъ. (*Бросаетъ деньги на столъ*)... Вы найдете во мнѣ лучшаго знатока всѣхъ злоупотребленій нашего правительства, потому что я самъ дѣлалъ ихъ. — Заговорщики принимаютъ въ свою среду бывшаго перваго министра, который «клянется на кинжалѣ». Потомъ князю Павлу даютъ читать уставъ нигилистовъ.

Князь Павелъ (читаетъ) «Права человечества!» Въ былое время люди сами добывали себѣ права въ теченіе жизни; теперь же каждый младенецъ рождается съ деклараціей правъ во рту, большей, чѣмъ самъ ребенокъ. «Природа не храмъ, а мастерская. Мы требуемъ права на трудъ». Ну, я охотно отказался бы отъ моего права въ этомъ отношеніи. «Семья, какъ институтъ, подрывающій

основы истиннаго коммунизма,—подлежить уничтоженію». О да, предсѣдатель, безусловно согласенъ съ этимъ. Семья, въ особенности незаконная, большая обуза!»

Приведу еще одну фразу, и тогда можно будетъ покончить съ драмой. «Реформы въ Россіи,—говоритъ товарищъ князя Павла баронъ Раффъ,—начинаются всегда трагедіями и всегда кончаются фарсомъ» *).

Въ драмѣ *Саломея*, напечатанной теперь впервые такъ, какъ она вышла изъ подъ пера автора, мы имѣемъ другой примѣръ произведенія, написаннаго по вышеприведенной теоріи. Саломея внезапно загорается страстью къ Іоанну и хочетъ поцѣловать его. Предтеча проклинаетъ ее. Саломея говоритъ, что поцѣлуетъ его. Страстной пляской она вымаливаетъ у робкаго тетрарха разрѣшеніе казнить Іоанна. «Руби, руби, Нааманъ!—кричитъ она палачу, спустившемуся въ цистерну.—Руби, говорю я тебѣ!.. Ахъ, что-то упало. Я слышу, что-то упало. Это мечъ палача. Рабъ боится! Онъ выронилъ свой мечъ! Онъ не смѣетъ убивать. Этотъ рабъ—трусъ. Нужно послать солдатъ!.. Тетрархъ! Тетрархъ! прикажи своимъ солдатамъ принести мнѣ голову Іоанна». И вотъ разъяренной Саломеѣ даютъ страшный трофей. «Что, Іоаннъ! Ты не хотѣлъ, чтобы я поцѣловала тебя въ губы? Ну, я ихъ поцѣлую теперь. Я ихъ укушу зубами, какъ кусаютъ спѣлый плодъ. Да, Іоаннъ, я поцѣлую тебя въ губы! Я тебѣ сказала это, не такъ ли? Я тебѣ сказала! Ну, я поцѣлую теперь... Почему ты не глядишь на меня? Ты не боишься ли меня, Іоаннъ, что не хочешь глядѣть на меня? Не шевелится больше твой языкъ, который, какъ красная змѣя, источалъ ядъ. Теперь эта красная гадюка, изливавшая на меня ядъ, не шевелится больше. Странно, не такъ ли? Почему не шевелится эта красная гадина?».

VI.

Герцогиня Падуанская составляетъ третью пьесу, написанную по той теоріи искусства, которую формулировалъ самъ Оскаръ Уайльдъ. Въ майской книжкѣ *Fortnightly Review* помѣщена любопытная статья Джона Хэлкина о пьесахъ Оскара Уайльда. Авторъ, между прочимъ, отмѣчаетъ одну характерную черту. «Какъ драматургъ, Уайльдъ былъ скорѣе подражатель, чѣмъ оригинальный писатель. Подражательная способность у Оскара Уайльда достигала почти геніальности. Онъ удивительно тонко чувствовалъ чужой стиль. И если бы Оскаръ Уайльдъ желалъ, изъ него вышелъ бы геніальный подражатель, какъ Чаттертонъ или Симонидъ» **).

*) Act IV

**) *Fortnightly Review*, May, 1908, p. 793.

ствомъ удивительной подражательной способности Уайльда. Авторъ въ совершенствѣ овладѣлъ манерой, языкомъ и міровоззрѣніемъ, такъ называемой, Елизаветинской плеяды драматурговъ (т. е. той школы, во главѣ которой стоитъ Шекспиръ). Для подтвержденія мнѣ достаточно привести нѣсколько стиховъ:

„Murder did you say?
Murder is hungry, and still cries for more,
And Death, his brother, is not satisfied,
But walks the house, and will not go away,
Unless he has a com rade!“

(т. е. «Ты говоришь объ убійствѣ! Убійство голодно и требуетъ еще жертвъ. Смерть, братъ его, не удовлетворена. Она бродитъ по дому и не уйдетъ до тѣхъ поръ, покуда не будетъ имѣть товарища»).

Совсѣмъ инымъ является намъ Оскаръ Уайльдъ въ комедіяхъ, имѣвшихъ колоссальный успѣхъ при жизни автора до 1895 г., снятыхъ потомъ со сцены и возобновленныхъ въ послѣднее время: «Вѣрѣ леди Уиндермиръ», «Неинтересная женщина», «Образцовый мужъ» и «Важность быть откровеннымъ». Діалогъ въ этихъ комедіяхъ сверкаетъ. Каждая сцена, каждый монологъ блещетъ парадоксами, облеченными въ удивительную форму. Дѣйствующія лица очерчены великолепно, въ особенности это относится къ «вариантамъ» князя Павла, какъ лордъ Иллингвортъ (въ *A Woman of no importance*). Оскаръ Уайльдъ выводитъ тотъ міръ, въ которомъ вращался все время, т. е. высшую родовитую аристократію. Насколько средніе классы въ Англіи сохранили еще всецѣло ту энергію и силу, какой обладали 250 лѣтъ тому назадъ, когда впервые помѣрялись при Морстонъ-Муръ съ войсками Карла I, настолько же старая титулованная аристократія выродилась. Къ счастью для англичанъ, она не можетъ теперь играть важной роли въ исторіи страны. Лорды, имена которыхъ связаны съ наукой, съ политической или промышленной жизнью страны, за самыми ничтожными исключеніями, *новые пары*, поднявшіеся изъ рядовъ среднихъ классовъ. Родовитые лорды, имена которыхъ фигурируютъ въ шекспировскихъ хроникахъ, большею частью, если появляются передъ публикой, то только какъ герои невѣроятно скандальныхъ процессовъ. Таковъ, напр., недавно скончавшійся лордъ Англеси, который былъ тѣнью Оскара Уайльда. И въ этотъ міръ самодовольныхъ тупицъ и дегенератовъ судьба бросила блестящаго, высокоталантливаго художника! Не смотря на апологію «грѣха», которую писалъ Оскаръ Уайльдъ; не смотря на то, что въ остроумномъ очеркѣ, озаглавленномъ «Pen, Pencil and Poison» (Перо, карандашъ и ядъ), онъ любовно пишетъ біографію нѣкоего Томаса Гриффита Уэйньюрайта (Wainwright), который писалъ любопытныя статьи, рисовалъ и былъ еще отравителемъ,—въ комедіяхъ своихъ авторъ *De Profundis* является защитникомъ буржуазной

морали. Такъ, напимѣръ, въ комедіи «A Woman of no importance» міру, законодателемъ котораго является лордъ Иллингуортъ, противопоставляется молодая американка миссъ Эстеръ Уорсли, издагающая кодексъ пуританской морали. Мы видимъ здѣсь женщинъ, требующихъ, чтобы съ ними обращались, какъ съ рѣдкой и цѣнной игрушкой. «Идеальный мужчина,—говоритъ свѣтская дама миссисъ Оллонби,—долженъ говорить съ нами, какъ съ богинями, и обращаться, какъ съ маленькими дѣтьми. Онъ долженъ отказывать намъ во всѣхъ серьезныхъ просьбахъ и обязанъ охотно исполнять каждую причуду. Онъ долженъ поощрять въ насъ капризы и запрещать намъ имѣть мисси. Онъ долженъ скзать всегда больше, чѣмъ чувствуетъ, и постоянно чувствовать больше того, что говорить». *Лэди Хенстэнтонъ*.—Но какъ онъ можетъ одновременно дѣлать и то и другое? *Миссисъ Оллонби*.—Идеальный мужчина никогда не долженъ ухаживать за другими хорошенькими женщинами. Это показывало бы, что у него нѣтъ вкуса, или внушило бы другимъ мысль, что у него слишкомъ много вкуса, и т. д. *). И вотъ выступаетъ молодая пуританка. «Мы пытаемся построить жизнь на лучшемъ, болѣе справедливомъ и чистомъ фундаментѣ, чѣмъ тотъ, на которомъ держится жизнь здѣсь. Все это кажется вамъ страннымъ, не такъ ли? Вы всѣ, англійскіе богачи, не знаете смысла жизни. И какъ вы можете знать? Вы изгоняете изъ своей среды всѣхъ кроткихъ и добрыхъ. Вы глумитесь надъ простыми и чистыми. Всѣ вы живете на счетъ другихъ, и при помощи чужого труда. И, тѣмъ не менѣе, вы смѣетесь надъ самопожертвованіемъ. Если вы швыряете хлѣбъ бѣднякамъ, то только для того, чтобы успокоить ихъ на время. Не смотря на блескъ, на любовь къ искусству и на все богатство,—вы не умѣете жить. Вы не подозреваете даже, что не умѣете жить. Вы любите только такую красоту, которую можно видѣть и тронуть руками; такую красоту, которую можно разрушить. И вы разрушаете ее. Вы ничего не знаете о высшей красотѣ жизни. Вы потеряли ключъ къ ней. О! ваше англійское общество кажется мнѣ пустымъ, эгоистичнымъ, глупымъ. Оно закрыло глаза и ваткнуло себѣ уши. Оно напоминаетъ прожареннаго, выжареннаго въ пурпурѣ. Общество ваше сидитъ, какъ трупъ, который вызолотили. Все оно ложно». Молодой пуританкѣ говорятъ о лордѣ Генри Уэстонѣ, который хвалилъ ее. «Лордъ Генри Уэстонъ?—отвѣчаетъ Эстеръ,—я вспоминаю его, лэди Хенстэнтонъ. Человѣкъ съ отвратительной улыбкой и отвратительнымъ прошлымъ. Его приглашаютъ всюду. Безъ него не обходится ни одинъ обѣдъ. А тѣ женщины, которыхъ онъ погубилъ? Отъ нихъ отвернулись. О нихъ никогда не говорятъ. Встрѣтивъ ихъ на улицѣ, вы отворачиваетесь. *Я не жалью о томъ, что онъ наказанъ. Пусть каждая согрѣшившая женщина будетъ нака-*

*) A Woman of no importance, Act II.

зана. Это справедливо. Но почему страдаютъ только однѣ онѣ? Если мужчина и женщина согрѣшили, пусть ихъ обоихъ изгнать въ пустыню, чтобы они тамъ любили или ненавидѣли другъ друга. Слѣдуетъ заклеить обоихъ. Зачѣмъ же накладывать печать на женщину, а мужчину избавлять отъ наказанія? Не слѣдуетъ имѣть одинъ законъ для мужчины, а другой для женщины. Вы въ Англии не справедливы къ женщинамъ. А до тѣхъ поръ, покуда вы прощаете мужчинѣ проступокъ, за который осуждаете женщину,—отъ вашихъ глазъ будутъ скрыты Правда, этотъ огненный столбъ, и Неправда—этотъ столбъ облачный». Такие монологи часто произносятъ въ англійскихъ шаблонныхъ пьесахъ добродѣтельные герои и героини въ бѣлокурныхъ парикахъ. Нѣсколько странно только встрѣтить требованіе, чтобы «согрѣшившая» женщина была наказана, въ пьесѣ, вышедшей изъ подъ пера автора, который написалъ «Intentions» и «The Soul of Man!» Въ комедіи «Вѣрѣ леди Уиндермиръ» мы опять видимъ отстаиваніе кодекса морали, противъ котораго даже суровая Mrs Grundy ничего не можетъ возразить. То же самое мы видимъ въ «Идеальномъ Супругѣ» и въ самой лучшей комедіи Оскара Уайльда въ «The Importance of Being Earnest». Джонъ Хэнкинъ, авторъ упомянутой уже статьи въ «Fortnightly Review», даетъ любопытное объясненіе этого явленія. «Въ дѣйствительности, Оскаръ Уайльдъ презиралъ театръ,—говоритъ Хэнкинъ.—Онъ былъ прирожденный драматургъ въ томъ смыслѣ, что обладалъ нѣкоторыми цѣнными талантами, необходимыми автору, пишущему для сцены. Но Уайльдъ сталъ драматургомъ не по убѣжденію, какъ Ибсенъ или Бернардь Шоу. Ибсенъ писать театральныя пьесы не потому, что этотъ родъ литературы оплачивался въ Норвегій очень хорошо. Напротивъ, пьесы оплачивались плохо. Ибсенъ писалъ драмы потому, что эта форма непреодолимо влекла его. Бернардь Шоу пишетъ пьесы потому, что считаетъ сцену самой лучшей каеэдрой. Отношеніе Уайльда къ сценѣ совсѣмъ иное,—продолжаетъ Джонъ Хэнкинъ.—Онъ откровенно признавался, что пишетъ «для рынка». Уайльдъ писалъ комедіи, потому что за это платили очень хорошо. Безъ сомнѣнія, онъ вкладывалъ въ свои произведенія частицу своего я. Истинный талантъ иначе не можетъ. Но никогда еще художникъ съ талантомъ такого калибра, какъ у Оскара Уайльда, не вкладывалъ въ свои произведенія такъ мало своего я. Комедіи Уайльда шли навстрѣчу запросамъ рынка... Уайльдъ любилъ роскошь, а ее нельзя имѣть даромъ. И если художникъ желаетъ немедленно получить большой доходъ, ему обыкновенно приходится поступиться многимъ. И Уайльдъ поступился. Онъ присмотрѣлся къ тому, за какой товаръ платятъ деньги другимъ драматургамъ, съ презрѣніемъ, хотя внимательно изучилъ товаръ, понялъ секретъ его фабрикаціи и изготовилъ по образцу. Единственная пьеса, написанная по убѣжденію—*Саломея*; но ее именно Оскаръ Уайльдъ на-

писалъ не для сцены. Когда онъ работалъ надъ пьесой, то не зналъ, будетъ ли она когда-либо поставлена. Но когда Сара Бернаръ шутливо разъ спросила Оскара Уайльда, почему онъ не напишетъ для нея пьесу,—поэтъ послалъ ей *Саломею* *). Въ этой пьесѣ талантъ Уайльда развернулся свободно. Авторъ писалъ, чтобы доставить наслажденіе себѣ, а не антрепренеру. Вотъ почему *Саломея*—лучшая драма Уайльда. Въ комедіи *The Importance of Being Earnest* тоже въ значительной степени отразился темпераментъ Оскара Уайльда; но комедія эта—только шутка, хотя поразительно красивая. Впрочемъ, судя по всѣмъ даннымъ, Оскаръ Уайльдъ и къ этому дѣтищу относился такъ же презрительно, какъ и къ остальнымъ комедіямъ... Да, Уайльдъ презиралъ драму вообще и она отомстила за себя,—говоритъ Джонъ Ханкинъ.—При его талантѣ писать діалоги; при его умѣнии очерчивать характеры и удивительномъ пониманіи сцены,—Оскаръ Уайльдъ могъ бы стать замѣчательнымъ драматургомъ, если бы отнесся серьезно къ работѣ; но онъ не хотѣлъ этого. И въ результатѣ слѣдующее. Въ вѣкъ Ибсена, Гауптмана, Стриндберга и Бріе—Уайльдъ довольствовался тѣмъ, что писалъ комедіи, какъ Сарду, и думалъ, какъ Дюма-сынъ. Уайльдъ взялъ сцену въ такомъ видѣ, въ какомъ нашелъ ее и писалъ только «хлѣбныя пьесы». Не послѣдній грѣхъ англійскаго театра конца прошлаго вѣка то, что для яркаго таланта Уайльда не нашлось примѣненія. Талантъ этотъ растрачивался даромъ» **).

VII.

Цѣлью моею не было говорить о произведеніяхъ Оскара Уайльда вообще. Мнѣ хотѣлось только указать на исканія имъ «смысла жизни». Высокоталантливый авторъ пришелъ къ мрачнымъ выводамъ, такъ какъ въ первыхъ же произведеніяхъ своихъ отвернулся отъ жизни и создалъ себѣ вмѣсто нея призракъ. Одной изъ причинъ, почему Оскаръ Уайльдъ сдѣлалъ это, нужно считать неприемлемость для сколько-нибудь чувствительнаго человѣка той «географической среды», въ которую судьба поставила высокоталантливаго художника. Чтобы жизнь приобрѣла смыслъ для индивидуума,

*) *Salomé* написана по французски въ 1891 г.—говоритъ издатель перваго полнаго собранія сочиненій Оскара Уайльда. Сара Бернаръ желала поставить пьесу въ 1892 г. въ Лондонѣ; но театральныи цензоръ не далъ разрѣшенія. *Саломея*, поэтому, появилась впервые на сценѣ въ 1896 г. въ Парижѣ, въ Théâtre de l'Œuvre. Въ Англии возможно было до сихъ поръ поставить пьесу только на частной сценѣ (Stage Society). На представленія, устраиваемыя этимъ обществомъ, допускаются только члены. Билеты тогда не продаются въ кассѣ.

**) «St. John Hankin», *The Collected Plays of Oscar Wilde*. «Fortnightly Review», May, 1908, p. 801—802.

необходима наличность двухъ условій: должна быть индивидуальность, а затѣмъ возможность проявить ее. «Когда я говорю объ индивидуальности, то имѣю въ виду не только зоологическую особенность, именуемую талантомъ. Индивидуальностью будетъ любой живой трудъ, въ который человѣкъ можетъ вложить свое я. Человѣкъ, не имѣющій труда, который его всецѣло захватываетъ, будетъ или проклинать свое существованіе, или искать выходъ въ экссесахъ (напр., эротическихъ). Терминъ «мѣщанинъ» очень неудаченъ; но, конечно, самый важный признакъ, отличающій «мѣщанина» отъ «не мѣщанина» тотъ, что одинъ дѣлаетъ всю жизнь работу, которую проклинаетъ, тогда какъ другой находитъ живое дѣло, захватывающее его всего. Въ этомъ отношеніи герой напумѣвшаго романа г. Арцыбашева типичный мѣщанинъ, такъ какъ, будучи письмоводителемъ, врядъ ли можетъ вложить свое я, выразить свою индивидуальность въ трудѣ. Но одной индивидуальности мало, чтобы жизнь приобрѣла смыслъ. Необходима наличность такихъ внѣшнихъ условій, чтобы индивидуумъ имѣлъ возможность проявить свою индивидуальность. Другими словами, необходима наличность такихъ политическихъ и социальныхъ условій, при которыхъ индивидуальность не душилась бы. И мы приходимъ снова къ старому вопросу, отъ котораго напрасно стараются насъ отодвинуть метафизика. Любопытно, что у современныхъ беллетристовъ, доказывающихъ непріемлемость жизни вообще, можно найти только факты, доказывающіе непріемлемость *русской* жизни. Возьму наудачу нѣсколько выдержекъ изъ второго тома рассказовъ г. Сергѣева-Ценскаго. «Въ офицерскомъ собраніи играли въ «дурака съ Наполеономъ». Было четырнадцать ранговъ дурака, пять кофѣвъ Наполеона и Наполеонъ. Играли канцелярія полка: завѣдующій хозяйствомъ, казначей, два адъютанта. Нужно было двадцать разъ оставить дуракомъ кого-нибудь одного. Этотъ одинъ становился Наполеономъ. Сдѣлать это было трудно: начали играть въ сентябрѣ, теперь шелъ декабрь,—не могли кончить». Описаніе такой жизни производитъ на человѣка, живущаго въ Англии, болѣе страшное впечатлѣніе, чѣмъ ужасы дантовскаго ада. Это—ключъ къ пониманію такихъ типовъ, какъ Бабаевъ. Или вотъ еще выдержка. «Казарма была огромная, оконная,—тысяча пудовъ надъ головой. Въ толстыя стѣны всосалось насиліе, и чудилось, что это оно выступаетъ на штукатуркѣ въ пятнахъ плѣсени». Или вотъ еще. «Казалось, что это яркіе крики врывались въ окна лавокъ, а не тяжелые камни. Звенѣли осколки стеколъ, осыпая мостовыя. Пьяный дождь осколковъ, безъ котораго не мыслима толпа. Толпа—пьяна, это ея право—быть пьяной отъ запаха множества тѣлъ... А ночью захлестнуло дома окраинъ, ночью насилывали и душили женщинъ, издѣвались надъ дѣтьми, рѣзали взрослыхъ. Ночь была мягкая и густая, и въ нее яркими зигзагами врывались одинокіе крики, рожденные глазами близкой

смерти. Тревожно хлопали выстрѣлы то здѣсь, то тамъ, и собаки лаяли и выли далека, но казавшіяся близкими, бѣлыми въ темнотѣ, какъ огни фонарей на шоссе, ночью» *). Можно ли поднимать вопросъ о «смыслѣ жизни» при наличности такой географической среды?

Я позволю себѣ кончить статью однимъ сравненіемъ. Когда возникаетъ старый и вѣчно новый вопросъ о смыслѣ жизни, мнѣ представляется поѣздъ, стремительно мчащійся впередъ. Во всѣхъ вагонахъ темно. Пассажиры, запертые въ вагонахъ, доподлинно знаютъ, что гдѣ-то впереди разрушенъ мостъ и что весь поѣздъ рано или поздно, въ какой именно моментъ неизвѣстно, полетитъ въ страшную пропасть. Всѣ, кромѣ пьяныхъ и безумныхъ, знаютъ, что остановить поѣздъ нѣтъ никакой возможности. Но не всѣ пассажиры однако реагируютъ на сознание неминуемаго. Въ первомъ вагонѣ кромѣшная тьма. Воздухъ удушливъ и спертъ. Пассажиры потеряли разумъ отъ ужаса. Одни забились подъ диваны и каждое мгновеніе *видятъ* страшное паденіе поѣзда въ пропасть. Въ отчаяніи они взываютъ къ машинисту, который будто бы ведетъ поѣздъ, хотя у нихъ нѣтъ никакого доказательства, что этотъ машинистъ существуетъ. Они доподлинно знаютъ, что впереди пропасть, и что поѣздъ стремительно несется къ ней. И пассажиры отъ ужаса потеряли всякое человѣческое достоинство. Одни напились и воютъ, какъ звѣри. Другіе стараются хоть на мгновеніе уйти отъ сознанія гибели въ мерзкомъ вождельніи и въ грубомъ сладострастіи. Иные строятъ безумныя гипотезы на счетъ машиниста. Въ другомъ вагонѣ такой же мракъ и такая же удушливая атмосфера. Но тамъ ужасовъ еще больше. Нѣсколько пассажировъ, нащупавъ въ темнотѣ съѣстные припасы, забрали ихъ себѣ. Эти пассажиры выбрали себѣ самое лучшее отдѣленіе въ вагонѣ, удобное и теплое. Остальные пассажиры обращены въ рабовъ. И положеніе ихъ еще горше отъ того, что потеряли свое самое дорогое—человѣческое достоинство. Въ третьемъ вагонѣ опять мракъ и опять отчаянье. И тутъ въ темнотѣ слышатся дрожащія отъ страха голоса. «Зачѣмъ намъ думать о дѣйствительности? Наше воображеніе работаетъ. Создадимъ же себѣ мысленный міръ, полный солнца, тепла и яркихъ красокъ. Въ него мы уйдемъ отъ страшной дѣйствительности». И дрожащія отъ страха пассажиры, говорящія это, забываютъ, что кто-нибудь долженъ ихъ кормить въ то время, какъ они будутъ носиться въ своемъ призрачномъ мірѣ. И мы переходимъ въ слѣдующій вагонъ. Здѣсь раздаются спокойные, сильные, мужественные голоса. «Господа, поѣздъ несомнѣнно мчится въ пропасть. Машиниста на немъ нѣтъ. Этотъ фактъ слѣдуетъ точно уяснить себѣ. Но что намъ, если мы станемъ въ отчаяніи рвать на себѣ волосы! Давайте лучше устроиваться

*) *Сергеевъ-Ценскій*. Разказы, т. II, стр. 11, 12, 111.

хорошо и удобно. Мы многое можем сдѣлать. Прежде всего тутъ должны быть кнопки, нажавъ которыя мы откроемъ окна. Больше всего безумить человѣка мракъ. Всѣ мрачныя легенды о враждебныхъ силахъ сложены первобытнымъ человѣкомъ, дрожащимъ отъ страха въ темнотѣ». И пассажиры, говорившіе такъ, стали искать въ темнотѣ, нащупали кнопки и отерли окна. Яркій солнечный свѣтъ хлынулъ въ вагонъ и разогналъ ужасы, навѣянные мракомъ. «Смотрите, какъ прекрасно все кругомъ,—продолжали спокойные пассажиры. Страхъ смерти не должно быть. Мы не почувствуемъ, когда полетимъ въ бездну. Не слѣдуетъ думать только о себѣ. Послѣ насъ будутъ мчаться еще, еще и еще пассажиры. Мы можемъ многое сдѣлать для нихъ. Мы можемъ научить ихъ быть мужчинами, а не трусливыми рабами. Въ вагонѣ нашемъ и другихъ—много припасовъ, много прекрасныхъ книгъ, музыкальныхъ инструментовъ, хорошаго и удобнаго платья. Хватитъ на всѣхъ. Необходимо только, чтобы никто не захватывалъ больше, чѣмъ ему нужно самому. Прежде психологи дѣлили людей на добрыхъ и злыхъ, мудрыхъ и безумцевъ, сильныхъ и слабыхъ, чистыхъ и порочныхъ, вѣрующихъ и атеистовъ. Въ сущности же люди дѣлятся только на причиняющихъ другимъ радость и на причиняющихъ другимъ страданія. Будемъ устраиваться. Постараемся, чтобы число первыхъ увеличилось, а чтобы вторыхъ удалили изъ вагоновъ. Тогда дѣйствительность не будетъ пугать». Къ несчастью, *l'homme est le seul animal qui ne sache pas vivre!*

Діонео.

Въ глухомъ переулкѣ.

Есть особаго рода удовольствіе—оторваться вдругъ, неожиданно отъ литературной сутолоки, перенестись въ самую настоящую провинціальную глушь, въ гущу мелкихъ обывательскихъ дрявгъ и наблюдать, какъ бьется пульсъ жизни въ глухомъ, заросшемъ бурьяномъ переулкѣ, гдѣ двѣ сосѣдки ссорятся изъ-за яйца, свнесеннаго неизвѣстно чьею курицею въ межѣ между грядами картофеля. Порою мнѣ удается доставлять себѣ это маленькое удовольствіе. И еще ни разу не приходилось, помядая въ обывательскую глушь, испытывать то довольно странное и сложное чувство, которое причиняютъ теперь свѣждоставленныя почтальономъ газеты. Обыкновенно, газета дѣлается наиболѣе цѣнной именно въ глуши, гдѣ она съ особенною силою притягиваетъ къ себѣ, гдѣ почтальона ждешь, какъ дорогого и рѣдкаго гостя. Теперь же... Право затрудняюсь, какъ опредѣлить то чувство, съ

какимъ мнѣ теперь вдали отъ Петербурга приходится разворачивать свѣжій газетный листъ. Это можно бы назвать чувствомъ обузы, или, пожалуй, не совсѣмъ приятной необходимости выполнить работу, которая ничего не обѣщаетъ, и отъ которой ничего не ждешь. Словно заранѣе знаешь, что въ новомъ газетномъ листѣ, будетъ то же, что и во вчерашнемъ, старомъ. И морщишься, принуждая себя одолѣть газету до конца. А когда одолѣешь, ничего въ головѣ, кромѣ легкаго утомленія, не остается.

Я бы готовъ считать это чисто личнымъ чувствомъ, обусловленнымъ чисто личными причинами. Но странное дѣло, — то же я замѣчаю и вокругъ себя среди сосѣдей, которыхъ знаю поименно, и которые на моихъ глазахъ два года назадъ волновались, суетились, жадно ждали «вѣстей изъ Питера». Чувствуется, что тутъ дѣло не въ тѣхъ или иныхъ личныхъ переживаніяхъ, что передъ тобою симптомъ какого-то большого и сложнаго явленія. Оно заинтересовываетъ. Его хочется понять и объяснить. Вотъ медленно подходитъ къ низенькому окну, у котораго я расположился, мой старинный пріятель Устинъ Ѳомичъ, — полуплотникъ, полустоляръ, полупеченикъ, полуслесарь, — одинъ изъ тѣхъ удивительныхъ людей, которые «все умѣютъ» и за все берутся.

— Ничего, братецъ ты мой, не подѣлаешь, — полторы десятины надѣлъ; да и тотъ — сплошь песокъ.

Мы — давнишніе знакомые. Онъ изъ крестьянъ, и жена его доселѣ крестьянствуетъ. Два года назадъ былъ очень настроенъ противъ «республики», живо интересовался событіями, и своихъ почти крайнихъ монархическихъ убѣжденій не скрывалъ, хотя формально къ союзу истинно-русскихъ не присоединился и, по причинѣ своей какъ бы инстинктивной вражды къ мѣстному начальству, не могъ присоединиться. Я жду, пока онъ подойдетъ, и готовлюсь снова, какъ два года назадъ, подвергнуться обстоятельному допридирчивости допросу, что въ Питерѣ дѣлается, и какъ, и почему. Но на сей разъ Устинъ послѣ обычнаго обмѣна взаимными привѣтствіями, какъ оно и полагается между знакомыми, которые давно не видѣлись, ограничивается чуть-чуть ироническимъ кивкомъ въ сторону развернутаго на подоконникѣ газетнаго листа:

— Газетки почитываете?..

— Да, надо...

— Все вѣшаютъ?

— Вѣшаютъ...

— И все про Думу?

— Про Думу...

— Такъ-съ, — съ тѣмъ же оттѣнкомъ ироніи тянетъ онъ, и, глядѣвъ куда-то вдаль, вяло спрашиваетъ: — ну, а какъ, по-вашему А. Б., можно отъ этой Думы хорошаго ждать?

Въ тонѣ вопроса слышна именно вялость, чувствуется какъ бы невысказанная вслухъ мысль:

— Собственно, молъ, на счетъ Думы дѣло ясное, виданное, рѣшеное. А все таки разъ ты прѣвѣжій человекъ, надо же съ тобою о чемъ и нибудь разговаривать.

— А вы, Устинъ Фомичъ, что хорошимъ называете?

— Думаетъ Дума объ этомъ? Да ужъ извѣстно... Первое дѣло, чтобъ земля.

— Нѣтъ, объ этомъ она не думаетъ...

— Такъ-съ,— снова тянетъ онъ и нѣкоторое время молча поглаживаетъ бороду.—Ну, а насчетъ молодежи какъ?

— Что насчетъ молодежи?

— Бьютъ ее, сердечную. Бьютъ... И конца краю этому бою не видно... Сердце, вѣдь, кровью обливается!..

Онъ говорить о молодежи горячо, съ дрожью въ голосѣ. Онъ говорить, какъ «бьютъ» молодежь въ деревнѣ, какъ бьютъ въ городѣ, называетъ имена, припоминаетъ дни и обстоятельства, по случаю которыхъ, того забили, того забили, тому ребра переломали, тотъ въ тюрьмѣ, а тотъ въ ссылке... Я слушаю и невольно вспоминаю любопытную черту въ характерѣ Устина. Какъ-то разъ при расчисткѣ земли подъ какую-то постройку въ саду, понадобилось срубить яблоню. Устинъ категорически отказался сдѣлать это. И когда хозяинъ самъ взялъ топоръ, и яблоня задрожала отъ ударовъ, Устинъ ушелъ.

— Не могу я этого видѣть,—объясняя онъ.—Живое, вѣдь. Жалко.

Теперь я напоминаю ему этотъ эпизодъ.

— Такъ, вѣдь, то жъ древо!—восклицаетъ онъ.—А это люди... Такъ, значитъ, ихъ и будутъ все бить?..

— Дума вводитъ штукъ 90 новыхъ сыскныхъ отдѣлений.

— По-ихнему, значитъ, еще мало?

Устинъ сердито плюетъ и молчитъ.

— Можетъ, газетку дать?—говорю ему.

— А что ее читать?—отвѣчаетъ онъ.—Кабы что новое было... Новости то теперь у насъ все однѣ. Вѣшаютъ да бьютъ, бьютъ да вѣшаютъ. Только имена разныя. Нынче Ивана, завтра Петра... Тутъ у насъ старикъ Фетисовъ есть... Можетъ, знаете? Такъ онъ,—которое имя узнаетъ,—въ поминанье записываетъ, за упокой молится. Да только нечто всѣхъ запишешь. Я вотъ тожъ молюсь, только гуртомъ,—упокой, Господи, души казнимыхъ и убиенныхъ, имена же ихъ Ты Самъ вѣси...

И рядомъ съ этимъ обывательскимъ выводомъ, — «новости все однѣ, только имена разныя»—меня невольно поражаетъ удивительная, доселѣ небывалая общность языка, чрезвычайное единообразіе понятій. Взять хотя бы насъ съ Устиномъ. Казалось бы, мы люди совершенно различныхъ родовъ дѣятельности; разные у насъ интересы, разные вкусы, разный языкъ. И встрѣтились мы случайно, мимоходомъ. чтобъ тотчасъ же разойтись, быть можетъ, навсегда.

Но вотъ одинъ спрашиваетъ: «вѣшаютъ?» Другой столь же лаконически отвѣчаетъ: «вѣшаютъ». И оба мы безъ всякаго предварительнаго уговора отлично понимаемъ: кто и кого, о какомъ родѣ явленій идетъ рѣчь. И когда я мелькомъ упоминаю о новыхъ сыскныхъ отдѣленіяхъ, Устинъ не спрашиваетъ, не требуетъ доказательствъ... Онъ просто связываетъ эту реплику со своимъ вопросомъ: «все будутъ бить», и идетъ дальше. Спорить и разговаривать не о чемъ. Истина самоочевидная. Мы, какъ авгуры, научились понимать другъ друга съ полуднамека. И послѣ нѣсколькихъ взаимныхъ репликъ разговоръ на общеполитическія темы исчерпывается до дна.

Оставивъ въ сторонѣ общія темы, мы нѣкоторое время дѣлимся чисто фактическими свѣдѣніями. Но и о фактахъ говорить намъ довольно быстро надѣдается. Устинъ на особый ладъ машетъ рукой:

— Э, что, молъ, объ этомъ!—Насъ теперь ничѣмъ не удивишь. Все выдвигали...

И въ самомъ дѣлѣ,—всякаго рода эксцессы успокоительной политики обыватель каждодневно видитъ, чувствуетъ, переживаетъ, испытываетъ на собственномъ опытѣ... Кому охота говорить и слушать о томъ, что свѣше всякой мѣры извѣстно? Пытаюсь снова завести разговоръ о Думѣ. Но Устинъ и эту тему быстро обрываетъ саркастическимъ смѣшкомъ:

— Жалованья, говорятъ, себѣ депутаты прибавили?

— Да, собираются...

— Сколько?

— 350.

— Въ мѣсяцъ?

— Да...

Кстати, повидимому, изъ всего, что сдѣлала третья Дума, именно «прибавкѣ жалованья» посчастливилось привлечь всероссийское вниманіе и наиболѣе заинтересовать обывателя. О «прибавкѣ», что называется, всѣ говорятъ, какъ о самомъ яркомъ, самомъ характерномъ событіи дня и говорятъ съ такимъ же, саркастическимъ смѣшкомъ, какой вызывается у моего пріятеля Устина; «прибавка» даетъ поводъ для такихъ же, приблизительно, заключеній, какія кратко формулируетъ Устинъ:

— Не вѣваютъ!.. Ни къ чему, выходитъ...

И опять-таки я безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій понимаю, что «выходить ни къ чему», и даже почему оно «выходить ни къ чему».

Сколько я могъ замѣтить, сейчасъ въ разговорахъ обывателей слышится нотка мистическаго ужаса. Да и странно было бы, если бы она не слышалась. На распатанный въ корнѣ общественный организмъ свалилась вдругъ война, нѣсколько неурожайныхъ лѣтъ подъ рядъ, промышленная анемія, безработица, эпидемія, ужасы ре-

прессій и, въ заключеніе, нынѣшнее на рѣдкость неблагоприятное гѣто вслѣдъ за крайне бѣдственной весной, сильно разорившею, между прочимъ, наводненіями значительную часть Россіи. Въ мѣстности, гдѣ я сейчасъ нахожусь, хлѣбъ 1 р. 60 коп. пудъ,—цѣна здѣсь небывавшая, неслыханная; повсемѣстное сокращеніе работъ надвигается лавиной, покосы залиты паводкомъ, поля и огороды забиты дождями, тифъ всякаго рода гуляетъ уже болѣе года, гречиха не сѣяна, а что посѣяно,—пропало, конопля, главный мужицкій ресурсъ въ этихъ мѣстахъ для оплаты податей, колегла на корню и гниетъ. Прожитый страшный годъ кажется пустякомъ по сравненію съ тѣмъ, что грозитъ впереди. Набожные люди крестятся и вспоминаютъ Апокалипсисъ: «изливаетъ Господь надъ нами фїалы гнѣва Своего». Люди положительнаго ума облачаютъ ту же мысль въ болѣе реальную форму:

— Погубили Россію. Гибнетъ матушка наша.

Гибнетъ изнутри, гдѣ ивнemoщаль народъ и стонетъ подъ тяжестью старыхъ бѣдствій, которымъ конца не видно, и бѣдствій новыхъ, которымъ тоже конца не видно. Гибнетъ по фасадной линіи,—тамъ, гдѣ полагается быть «внѣшнему могуществу».

— Ни флота тебѣ, ни арміи... Которая часть Россіи изничтожится, а которую иностранцы возьмутъ...

— Ну, иностранцу-то,—пробуешь на это возражать,— можешь и не повздоровиться. Все-таки у насъ армія... Людей много...

— Людей-то много, да толку мало. Вонъ у меня брательникъ—замасный манджурскій солдатъ. Такъ онъ рассказываетъ... Людей сколько хочешь гони, а ежели настоящаго вооруженія и настоящаго порядка нѣту,—толку не будетъ...

И много теперь этого самаго запаснаго манджурскаго солдата! Стоитъ сойтись пяти-шести человѣкамъ, и уже гдѣ-нибудь по близости непременно окажется запасной манджурецъ съ его авторитетомъ самоочевидца. Эта отставная «святая, сѣрая скотина» передернетъ плечами, поправляя небрежно навиннутую на нихъ свитку, и авторитетно опредѣлитъ:

— Противъ японца невозможно было сустоять. А японецъ что!.. Только слава у него. Вояка не важный. А вотъ ежели, не дай Богъ, къ примѣру, нѣмецъ...

И опять—это говорится спокойно, съ такою же простотою, съ какою говорятъ: наступило утро, вечерѣть, денекъ нынче солнечный... Оно, конечно, можно бы мысль, заключенную въ словахъ: «наступило утро», аргументировать, перечислить признаки и привести доказательства, съ несомнѣнностью устанавливающіе, что теперь именно утро, а не вечеръ, не ночь, не полночь... Но зачѣмъ же ломиться въ открытую дверь, разъ послышки, на которыхъ основывается данный выводъ, а равно и самый выводъ, считаются самоочевидными и бесспорными?

«Россія гибнетъ»... Въ эту формулу обыватель влагаетъ всю
Юль. Отдѣлъ II.

совокупность бѣдствій и своихъ личныхъ, и общественныхъ, и государственныхъ. И та казовая, официальная жизнь, вовлѣ которой расположились Государственная Дума, Государственный Совѣтъ, согласительныя коммисіи, совѣщанія и т. д. и т. д., собственно стоитъ гдѣ-то далеко отъ бѣдствій народной жизни. То само по себѣ, а это само по себѣ. Пропастъ между официальной и народной жизнью—давнишній россійскій грѣхъ. Но теперь она какъ-то особенно углубилась и приняла совершенно очевидныя для обывателя формы. И снова меня невольно поражаетъ удивительная общность выводовъ и мнѣній. Дума утвердила бюджетъ. Но даже ея октябристскіе ораторы признали, что финансовый тупикъ такъ и остается тупикомъ, изъ котораго при данномъ направленіи внутренней политики выхода нѣтъ. Деньги на армию и флотъ ассигнованы. Но даже октябристскіе депутаты признаютъ, что вопросъ о внѣшнемъ могуществѣ не подвинулся ни на шагъ. Дума засѣдаетъ 8 мѣсяцевъ. Но ужасы успокоительной политики, разоряющей и безъ того разоренную страну, обостряются, а не смягчаются... И сколько бы ни шумѣли люди тамъ, гдѣ нынѣ выдѣлывается официальная, казовая жизнь, сколько бы ни заполнялись газетные столбцы отраженіями этой официальной жизни, — возъ ни съ мѣста. Это ясно тамъ, въ Петербургѣ, для тѣхъ людей, которые привлечены къ непосредственному участію въ казовой жизни. Это ясно и здѣсь, на заросшей лопухами грязной улицѣ, даже для тѣхъ двухъ бабъ, которыя ссорятся изъ-за яйца, снесеннаго неизвестно чьею насѣдкою. И не мудрено, что совершенно разные люди научились разговаривать полунамеками. Это—результатъ общности взглядовъ на безспорное и очевидное фактическое положеніе вещей.

Казовая жизнь «ни къ чему». Движенія воды обыватель ждетъ не отсюда. Но откуда же она двинется? По логикѣ вещей отсюда, снизу. Я стараюсь понять, чего можно отсюда ждать, что роится здѣсь въ обывательской головѣ, и моя мысль, прежде чѣмъ оформиться въ тотъ или иной выводъ, никакъ не можетъ пройти мимо живыхъ лицъ и конкретныхъ явленій.

Вотъ передо мной 75-тилѣтній старикъ Фетисовъ,—тотъ самый, который записываетъ имена казненныхъ въ поминальнѣ. Онъ грустно качаетъ трясущейся отъ дряхлости головою:

— За грѣхи караетъ Господь Россію. За чьи грѣхи,—я говорю прямо... Мнѣ что,—я надъ могилой стою. Мнѣ все равно—пусть хоть и вѣшаютъ. Прямо говорю... За казненныхъ и гонимыхъ молюсь. А за гонящихъ не могу. Я—старый человекъ. Не могу. Погубили они Россію. За ихъ грѣхи..

— Дѣдушка,—возражаю ему,—вотъ ты говоришь—гонящихъ... Не теперь только они таковы. И не сами собою они держатся...

— Знаю... Мы попустили. Мы, старики, ихъ утверждали. А теперь,—намъ глядѣть тошно, а вамъ, молодымъ,—ужъ не знаю, какъ вы и жить будете. Постой, не говори. Помню. Прошлый разъ,

какъ ты сюда прѣвѣжалъ, не такія я слова тебѣ говорилъ. А теперь—самъ вижу... Мы попустили. А грѣхъ ихній. Они погубили Россію. Не могу я за нихъ молиться.

Трясетъ головою старый дѣдъ,—и, повидимому, больно и горько его застывшему въ преданіяхъ сердцу, что есть такіе люди на свѣтѣ, за которыхъ онъ, не смотря на все свое желаніе сойти въ могилу, примирившись со всѣмъ и со всѣми, не можетъ молиться.

Вотъ почтенный увѣданный чиновникъ, награжденный за долголѣтнюю и безпорочную службу орденами и медалями. Два года назадъ мы встрѣтились и расстались довольно-таки холодно. Тогда онъ официально состоялъ въ спискѣ членовъ союза русскаго народа. Потомъ устраивалъ торжественныя встрѣчи покойному Грингуму, когда тотъ совершалъ свои агитаціонныя поѣздки. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя къ нему ночью вдругъ «пожаловали гости». И начались обыкновенныя мытарства русской семьи, имѣвшей несчастье привлечь къ себѣ вниманіе начальства. Отца, какъ официального патріота, не тронули. Но дочь попала въ тюрьму, заразилась тамъ сыпнымъ тифомъ, и доселѣ не успѣла оправиться. Сына занесло въ Нарымскій край. И теперь отецъ бредетъ со мною по улицѣ, небрежно, начальнически отвѣчаетъ городовымъ, которые ему, какъ видному чиновнику, «отдаютъ честь», и въ то же время рассказываетъ мнѣ исторію своего несчастья. Его рассказъ не сложенъ. Жилъ-былъ въ городѣ молодой человекъ, исключенный изъ городского училища и нигдѣ не смогшій пристроиться. Открылась этому молодому человеку «вакансія по сыскной части». И, въ качествѣ агента, онъ сдѣлалъ цѣлый рядъ открытій, отъ которыхъ пострадали его бывшіе учителя, его школьные товарищи, разные лица, у которыхъ онъ раньше служилъ и которыхъ его увольняли...

— Всего заплатилось,—говоритъ мнѣ бывший союзникъ,—человѣкъ 70. И я въ ихъ числѣ. Я хлопоталъ, писалъ низшему начальству, писалъ высшему начальству. Сначала я говорилъ: побойтесь Христа... Теперь я не спрашиваю, есть ли у нихъ Христосъ. Ни Христа у нихъ, ни Магомета... Что же это дѣлается! И за что!?

И старый почтенный чиновникъ, бывший членъ союза, продолжая небрежно отвѣчать отдающимъ честь городовымъ, произноситъ пламенную рѣчь въ защиту чисто максималистскихъ способовъ дѣйствованія.

Вотъ подгородняя мѣщанка—немножко огородница, немножко базарная торговка. Она подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ мѣстной злобы дня. Станціонный ротмистръ жестоко разсердился на сосѣдскихъ куръ, забредшихъ на его огородъ. Сначала ротмистръ просто гналъ куръ. Но такъ какъ онѣ слушались плохо и разлетались, которая куда, то онъ открылъ по нимъ огонь изъ казеннаго револьвера. Разные соотвѣтствующіе этому эпизоду поступки рот-

министра по отношенію къ людямъ подгородняя мѣщанка все-таки можетъ понимать. Ну бьютъ, ну пытаются, ну калѣчатъ людей,— это пусть. Пусть, по-ихнему, это нужно. Но стрѣльбу въ курь, стрѣльбу среди жилыхъ построекъ безъ соображенія, куда которая летитъ пуля и въ кого можетъ попасть, — этого она не можетъ ни понять, ни объяснить.

— Что же это такое?—спрашиваетъ она у меня.— До чего дожили!

Вотъ солидная дама-чиновница, была одною изъ тѣхъ увѣданныхъ барынь, которыя отлично солать огурцы, готовятъ превосходную наливку, съ гостями и въ гостяхъ играютъ по маленькой въ баночекъ, иногда колотятъ прислугу и собственноручно принимаютъ подносимыя супругу приношенія. Словомъ, дама во всѣхъ отношеніяхъ не политическая и при томъ жена становаго пристава. Но вотъ уже мѣсколько мѣсяцевъ живетъ не при мужѣ. И о своемъ горѣ рассказываетъ тономъ жестоко пришибленнаго жизнью человека. Рассказъ ея кратокъ. Мужъ растратилъ около 5 казенныхъ тысячъ руб. И чтобы замести слѣды, симулировалъ экспроприацію. Дѣло сложилось не совсѣмъ удачно.

— Мой мужъ,—тихо говоритъ дама,—запуталъ нашего сына. Сына судили и повѣсили. Видите ли, ему необходимо было серьезно запутать сына. Иначе бы ему не повѣрили. Но послѣ этого жить съ мужемъ я не могу. Я бы все ему простила. Но вотъ онъ по-прежнему служить. Ему даже повышение дали. Онъ можетъ по-прежнему служить. Этого я простить не могу... Я хочу—повышаетъ она голосъ—заплатить за смерть сына. Я донесла на мужа. За это меня было упрятали въ сумасшедшій домъ... И теперь сама не знаю,—скажите, что можно сдѣлать?..

Я бы никогда не кончилъ, если бы захотѣлъ останавливаться на конкретныхъ явленіяхъ, то безвыходно трагическихъ, какъ горе матери, которая хочетъ отомстить мужу за смерть сына, то явно болѣзненныхъ, какъ залпы станціоннаго ротмистра по курамъ. Конкретныя явленія неисчислимы. Ихъ родитъ каждый новый день. Я останавливаюсь на немногихъ эпизодахъ, да и то лишь потому, что мнѣ, повторяю, крайне трудно опредѣлить обывательскія чувства относительно данныхъ представителей власти и даннаго направленія внутренней политики. Это не ненависть, не вражда. Это не жажда борьбы. Обыватель какъ бы отшатнулся къ сторонкѣ и съ ужасомъ наблюдаетъ происходящее. Онъ готовъ, пожалуй, стать на «ихнюю» точку зрѣнія. Но въ томъ и дѣло, что въ «ихъ» поведеніи, если даже стоять на «ихней» точкѣ зрѣнія, обыватель не видитъ ни логики, ни цѣлесообразности. Его поражаетъ именно бессмысленность бѣдственныхъ для страны дѣйствій. Онъ не можетъ объяснить эти дѣйствія. И не можетъ разсуждать о нихъ «по человѣчеству», какъ о дѣлахъ человѣческихъ, относительно которыхъ нельзя всякое лыко ставить въ строку, всякую ошибку

считать фальшью. О дѣлахъ, человѣчески объяснимыхъ, можно судить снисходительно. Но въ томъ и суть, что происходящее передъ обывателемъ человѣчески не объяснимо.

Тамъ, въ главномъ штабѣ успокоительныхъ дѣйствій въ кабинетѣ г. Столыпина, планы, быть можетъ, по-своему логичны и человѣчески объяснимы. Тамъ, надо полагать, люди «не зря дѣйствуютъ». У нихъ, навѣрное, есть своя тактика и своя стратегія. Не будемъ спорить, человѣчнѣе ли теоретики данной системы, нежели ея исполнители, и если человѣчнѣе, то насколько именно. Во всякомъ случаѣ обыватель непосредственно соприкасается не съ министерскими стратегами, а съ жандармскимъ ротмистромъ, разстрѣливающимъ изъ револьвера сосѣдскихъ куръ. Непосредственно передъ обывателемъ стоитъ не столько политическій расчетъ довѣрителей г. Столыпина, сколько глубокое извращеніе инстинктовъ, неизбежное тамъ, гдѣ есть чрезмерное обиліе власти и безнаказанность. И, сталкиваясь всего чаще именно съ извращенными инстинктами своеволія, обыватель на самое данную «власть» смотритъ какъ на нѣчто, морально для него чуждое и психологически совершенно непріемлемое. Это, повторяю, не ослобленіе, не гнѣвъ, не ненависть. Это—нѣчто болѣе глубокое и важное. Я бы рискнулъ опредѣлять его словами: пропасть, полный моральный разрывъ.

Слова о наступившемъ «успокоеніи» вообще представляются нѣсколько теоретическими, звучатъ сомнительно, двусмысленно. Здѣсь въ непосредственномъ соприкосновеніи съ повседневною обывательскою жизнью какъ-то физически чувствуешь ихъ странное несоответствіе жизни и ничемности... Глухой переулокъ, въ которомъ я обитаю, упирается однимъ концомъ своимъ въ улицу, направляющуюся прямо къ уѣздной тюрьмѣ. И по этой улицѣ непрестанно по нѣсколько разъ въ день гонять людей,—гонять въ тюрьму, гонять изъ здѣшней тюрьмы куда-то, гонять скованныхъ и въ арестантскихъ халатахъ, гонять только что захваченныхъ, гонять безъ конца, какъ никогда раньше не гнали. И демонстрируются картины, какихъ прежде никто не видывалъ и не предполагалъ. Вотъ сейчасъ только погнали къ тюрьмѣ цѣлую предсвадебную вечеринку,—штуку восемь барышень въ легкихъ лѣтнихъ платьяхъ и шляпкахъ, нѣсколько кавалеровъ, посрединѣ высокій красавецъ-мужчина съ окладистою сѣдою бородой, какъ говорятъ, отецъ только что просватанной невѣсты; онъ несетъ въ рукахъ графинъ,—видимо догадался захватить воды на дорогу. Все это окружено цѣпью конвойныхъ,—пѣшихъ и конныхъ, и, повидимому, нарядно вымочено по пути дождемъ. Барышни, кое-какъ подобранные платья, шагаютъ по изрытой мостовой, покрытой жидкой грязью. Демонстративное шествіе невольно обращаетъ на себя вниманіе. Какая-то баба разглядѣла:

— Милыя-жъ мои, чулочки-то на нихъ тоненькія, и въ туфель-

какъ. Видно, какъ танцовали,—такъ и попали. Простудятся, какъ Богъ святъ, простудятся.

Мужчины наблюдаютъ сосредоточенно и молча. За что ведутъ,— пѣсню-ли они на вечеринкѣ запрещенную спѣли, разговоръ-ли политическій завели, или просто кому-то показалось, что подъ видомъ предсвадебной вечеринки происходитъ революціонное собраніе,—Богъ вѣсть. Мало-ли разнаго люда теперь въ тюрьму гонять? Обыватель усталъ догадываться. Но разговаривать по этому случаю онъ разговариваетъ. И если бы г. Столыпинъ хоть краемъ уха услышалъ эти разговоры,—отъ Государственной Думы, навѣрное, потребовался бы экстренный кредитъ на организацію совершенно незамѣтнаго для обывателей способа передвиженія арестантовъ.

Да, «успокоенія еще не наступило». Скажу больше,—если г. Столыпинъ именно успокоеніе ставитъ своей цѣлью, то теперь онъ отъ нея гораздо дальше, чѣмъ два года назадъ, когда бралъ въ свои руки бразды предсѣдателя совѣта министровъ. Положеніе власти въ обывательской психологіи со временъ покойной первой Думы не улучшилось, а ухудшилось. Многочисленные газетныя извѣстія и разсужденія объ упадкѣ союза русскаго народа слишкомъ не соотвѣтствуютъ влиянію верховной управы на весь ходъ внутренней политики. Но въ нихъ, мнѣ кажется, правильно подмѣчена бытовая черта: общественные элементы, примкнувшіе было къ союзу частью по недоразумѣнію, частью по разнымъ сложнымъ причинамъ, коихъ мелькомъ не объяснишь, отошли, подобно всѣмъ вообще обывателямъ, въ сторону. Для нихъ данное поведеніе правительства тоже оказалось морально и психологически неприемлемымъ.

Рядомъ съ полною изолированностью власти, меня невольно поражаетъ необыкновенная физическая близость разнородныхъ и явно враждебныхъ элементовъ. Я позволю себѣ пояснить мою мысль небольшою иллюстраціей. Возлѣ мелочной лавки трое черно-рабочихъ исправляютъ мостки,—два среднихъ лѣтъ, одинъ—парень лѣтъ 19. Тутъ же суетится хозяинъ лавки. И тутъ же двое городовыхъ съ ружьями, по случаю чрезвычайной охраны. Охранять обоемъ стражамъ собственно нечего. И они отъ скуки смотрятъ какъ люди работаютъ, лущатъ сѣмечки и разговариваютъ съ рабочими. Случайно я близко знаю этихъ людей. Лавочникъ—кадетъ, официально записавшійся въ партію. Парень—сторонникъ чрезвычайно рѣшительной тактики и близокъ къ анархизму. Двое другихъ рабочихъ держатся возврѣній, примѣрно, трудовой группы. Эта довольно-таки крамольная компанія отвѣчаетъ на замѣчанія полицейскихъ стражей, отшучивается, слегка язвить. Становится жутко при мысли, что вотъ у кого-нибудь неосторожно сорвется «настоящее», искреннее слово... И на такія сценки, гдѣ огонь и порохъ ужъ слишкомъ близки другъ къ другу, натыкаешься бук-

важно на каждомъ шагѣ. Вотъ неподалеку на постройкѣ у земскаго начальника работает артель плотниковъ. «Народъ все нынѣшній», «аховый», умѣющій въ традиціонныя формы разговора съ хозяиномъ вложить необыкновенно явительное содержаніе. Рабочіе посмѣиваются про себя:

— Мы таки ему отливаемъ пули... Ничего,—только краснѣетъ да поддакиваетъ. У насъ тожъ въ селѣ... Окружили мы разъ своего земскаго... Ну-ка, молъ, ваше благородіе, давай по-нашему поговоримъ... Онъ, какъ и этотъ, только поддакиваетъ. А потомъ отошелъ къ стражникамъ, да какъ выкричить: «Ахъ, вы такіе-сякіе,—теперь я съ вами по-своему поговорю»...

Помнится, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ въ газетахъ было описано довольно характерное «происшествіе». Гдѣ-то во время какого-то семейнаго торжества одинъ изъ гостей попросилъ спѣть «Вы жертвою пали». А другой гость, полицейскій чиновникъ, лишь только услышалъ запрещенные звуки, вспомнилъ о своихъ служебныхъ обязанностяхъ. Въ результатѣ крупное столкновеніе и «политическое дѣло». Въ газетахъ описывалось это, какъ одинъ изъ абсурдовъ политики успокоенія. Но въ этомъ абсурдѣ есть своя бытовая логика. Если считать крамолой противоправительственный образъ мыслей, то, боюсь, всю обывательскую массу надо записать въ разрядъ крамольниковъ. Я стараюсь, сколько можно, провѣрить свои впечатлѣнія, стараюсь подойти къ наиболѣе правымъ слоямъ, къ наиболѣе непосредственному, «нераспропагандированному», обывателю. И, признаюсь, для меня отчасти загадочны тѣ депутаты нынѣшней Государственной Думы, которые безъ всякихъ оговорокъ рукоплещутъ данному направленію внутренней политики. Положимъ, они дѣлаютъ это слишкомъ демонстративно, слишкомъ напоказъ. И все-таки право, затрудняюсь необходимо опредѣлить, какимъ группамъ населенія депутаты-рукоплескатели соответствуютъ. Здѣсь, внизу нужно исключительное счастье, чтобы встрѣтить человѣка, который не сторонится отъ малѣйшаго намека на солидарность съ нынѣшними дѣйствіями власти. Говорю, конечно, не о такъ называемыхъ «перепуганныхъ помѣщикахъ»,—въ Думѣ рукоплещутъ не только эти послѣдніе.

Власть одинока безпримѣрно, какъ никогда. А съ другой стороны, агенты этой власти—живые люди, соприкасающіеся съ обывателями не только служебно, но и житейски. Они женятся и посягаютъ, родятъ, крестятъ, бываютъ въ гостяхъ и къ себѣ зовутъ,—словомъ, это тѣ же обыватели, только обязанные долгомъ службы, навербованные по преимуществу изъ чуждыхъ мѣстнымъ интересамъ элементовъ и направленные сообразно руководящему правилу успокоительной тактики: за пересоль въ дѣлѣ искорененія крамолы, навѣрное, похвалить, а за недосоль, навѣрное, попадешь на замѣчаніе. Сблизяемый полной возможностью показать свою силу, заварить «дѣло», благодаря которому можно выдвинуться по

службъ и обезпечить карьеру, агентъ власти лишь при исключительныхъ душевныхъ качествахъ сумѣетъ удержаться въ границахъ, за которыми начинается развратъ своеволия. Заварить же при теперешнемъ направленіи умовъ «дѣло» можно буквально на каждомъ мѣстѣ и по любому поводу. Карьеристы издавна считали, что въ Россіи хорошая политическая вляуза стоитъ золотой россыпи. Теперь вся русская земля стала въ этомъ смыслѣ золотоносной. Золотоносны даже самые консервативные, самые умѣренные отъ природы слои,—мелкіе торговцы, дворники, сторожа, приказчики,—именно тѣ слои, съ которыми низшіе агенты власти искони входили въ постоянное житейское общеніе. Общеніе продолжается и до сихъ поръ. Но недавній примѣръ петербургскихъ гостиннодворцевъ, пожелавшихъ вещественнымъ образомъ выразить чувство уваженія государственнымъ преступникамъ, заключеннымъ въ тюрьмѣ по дѣлу о выборгскомъ воззваніи, вовсе не представляетъ чего-либо исключительнаго, свойственнаго только Петербургу.

У карьериста сейчасъ въ Россіи богатая жатва. Куда ни помотри, всюду золото. И чѣмъ жаднѣе разрабатываетъ карьеристъ благодатную для него почву, тѣмъ, по логикѣ вещей, крамольнѣе, золотоноснѣе она становится. Государственная машина такъ премудро поставлена, словно удалось, наконецъ, изобрѣсти регретишша mobile въ цѣляхъ углубленія революціи. Одни обречены безъ конца «успокаивать», другіе отшатываться и укрѣпляться на непримиримой позиціи, И не трудно понять тѣхъ, которые тревожно спрашиваютъ себя,—неужели это надолго, на десятки лѣтъ?

II.

— Нѣтъ, дѣдушъ,—горячо спорить Устинъ Ѳомичъ съ старикомъ Фетисовымъ—сколько веревочку ни вить, а концу быть. Много они не повластуютъ...

— А что ты, милый, съ ними подѣлаешь?—возражаетъ старикъ.—У нихъ сила. А у насъ что? Вонъ татары 250 лѣтъ держались... Попустилъ Господь,—Его святая воля. Сила, милый, солону ломить ..

— Ломить, да и сама ломается... Ты вотъ что, дѣдъ, скажи... Ты видалъ на заводѣ прессъ?.. Ага, видалъ. А какъ ты думаешь, можно, къ примѣру, эту книгу такъ прессомъ сдавить, чтобъ она вродѣ папиросной бумаги стала?.. Вотъ то-то и есть, что сверхъ возможности не сдавишь. А ежели сверхъ возможности станемъ давить, прессъ треснетъ. Небось, братъ,—и они треснутъ.

— Да объ этомъ и разговора нѣтъ. Знамо дѣло, конецъ тому дѣлу будетъ. Супротивъ Бога пойдешь, добра не найдешь. А только и такъ надо сказать,—пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ.

Выѣстъ роса очи, прежде чѣмъ треснетъ прессъ, или не

выѣсть?..—Я молча слушаю этотъ споръ, слишкомъ хорошо знакомый. Онъ порядкомъ таки успѣлъ надоесть, хотя и не потерялъ жгучаго интереса, тамъ, въ Петербургѣ. И вотъ тутъ, въ глухомъ переулкѣ, на лицо оказывается тотъ же жгучій интересъ, тѣ же сравненія на счетъ росы и очей, тѣ же приемы аргументаціи. Опять поражаешься небывалой въ Россіи общности ясно сознаваемыхъ, равно надъ всѣми властныхъ общенациональныхъ интересовъ. Именно общенациональныхъ. Будто присутствуешь при таинствѣ превращенія людской пыли въ націю. И сознавая всю необыкновенную важность этой метаморфозы, если она, дѣйствительно, совершилась, боишься ошибиться, боишься вѣрить собственнымъ впечатлѣніямъ. А обобщая свои впечатлѣнія, чувствуешь, что ходячій смыслъ такихъ словъ, какъ, примѣрно, «превращеніе людской пыли въ націю», не охватываетъ живой дѣйствительности, не передаетъ весьма существенныхъ и важныхъ моментовъ.

Недавно «С.-Петербургскія Вѣдомости» такъ характеризовали нынѣшнее настроеніе крестьянской Россіи:

«Деревня живетъ новой лихорадочной жизнью, полной глубокой внутренней работы, быстро подвигающей широкія массы крестьянства по пути культуры и организаціи... Въ деревняхъ происходитъ глубокая органическая работа, и поступающія массы ходатайствъ объ открытіи ссудо-сберегательныхъ и кредитныхъ товариществъ, потребительскихъ обществъ и сельскохозяйственныхъ артелей, а также постройка новыхъ школъ—результаты той внутренней работы, которая происходитъ въ глубинѣ народныхъ массъ»...

Въ этой характеристикѣ есть нѣчто общее съ устиновой формулой: «сверхъ возможности, никакимъ прессомъ не сдавишь». Какъ ни сдавлена сейчасъ страна, но жизнь беретъ свое. И тѣ, кто представляетъ обывателя испуганнымъ, приниженымъ, потухшимъ и похолодѣвшимъ, на сколько я понимаю, во многомъ ошибаются. Обыватель ошеломленъ, обыватель посторонился, но онъ живетъ и продолжаетъ искать новые способы жизни. Говоря о придавленности и приниженности, ссылаются главнымъ образомъ на отсутствіе тѣхъ формъ народнаго движенія, которыми былъ богатъ въ особенности 1905 г. Но этотъ аргументъ если и можно принимать во вниманіе, то даже съ чисто фактической стороны далеко не безусловно. До сихъ поръ въ Россіи есть и забастовки, есть и аграрное движеніе, есть и многое другое, что принято считать несомнѣннымъ признакомъ революціонности. Все это, конечно, разрозненно, и, по сравненію съ громами 1905—1906 гг., звучитъ не громко. Но оно есть, хотя и плохо отмѣчается газетами. Фактическія сообщенія этого рода сокращены частью стараніями цензуры, частью по причинамъ болѣе сложнаго свойства. Общеизвѣстно, напр., въ силу какихъ соображеній пострадавшіе отъ огня землевладѣльцы всячески стараются, чтобы въ полицейскомъ протоколѣ о пожарѣ въ экономіи не было сказано фразы, которая въ переводѣ на языкъ страхо-

выхъ агентоувъ означаетъ: «народныя волненія». Но эту оговорку относительно чисто фактической стороны дѣла привожу между прочимъ. Вообще же суть совсѣмъ не въ тѣхъ или иныхъ формахъ волненій.

По счастливой случайности, я сейчасъ вижу тѣхъ же захоластныхъ обывателей, какихъ наблюдалъ въ разгаръ «революціоннаго подъема». И, сравнивая былой шумъ съ нынѣшнимъ какъ будто затишьемъ, трудно не замѣтить совершенно новой и крайне характерной черты. Тогда была тяга всякую штуку потребовать отъ начальства, для каковой надобности, въ случаѣ чего, пойти на штурмъ. Теперь тѣ же люди, которые прежде требовали, нѣсколько растерянно озираются вокругъ себя, и съ горечью констатируютъ прискорбный фактъ:

— Ничего-то у насъ нѣтъ. Какъ есть ничего...

Это говорить мнѣ сосѣдъ-слесарь собственно по тому случаю, что «у насъ на улицѣ пронадаеть зря вотъ уже третій колодезь». Водоснабженіе, видите ли, здѣсь довольно таки скверное. Ходить за водой на рѣку,—около версты, а къ рѣкѣ частенько ни пройти, ни проѣхать. «Въ случаѣ, помилуй Богъ, пожара,—совсѣмъ воды взять негдѣ». И вотъ, еще когда слесарь былъ мальчикомъ, нашелся въ улицѣ такой хорошій состоятельный человѣкъ, который вырылъ возле своего огорода колодезь на общее пользованіе:

— Славный такой былъ колодезь. Можетъ, рублей полтора ста стоилъ...

И весь околотоувъ пользовался колодцемъ, а устроитель, пока былъ живъ, поддерживалъ и ремонтировалъ. Но устроитель умеръ. Дѣти его разорились. Надземная часть сруба сгнила. Но воду изъ колодца все таки можно брать. Только разъ шелъ мимо какой-то пьяный мѣщанинъ, поскользнулся, упалъ и утонулъ. Пришла полиція и колодезь засыпала. Тогда нашелся другой добрый и состоятельный человѣкъ, который выкопалъ другой колодезь, но у себя на дворѣ, хотя и предоставилъ на общее пользованіе. Но и другой добрый человѣкъ умеръ. Колодезь обвалился и тоже по случаю какого-то несчастья былъ засыпанъ. Лѣтъ 15 назадъ нашелся третій добрый человѣкъ, выкопалъ новый колодезь—полсруба на улицу, полсруба себѣ на дворъ. Но и третій добрый человѣкъ умеръ. Колодезь вотъ-вотъ обвалится. И вся улица по этому случаю ахаетъ.

— Вы разочтите,—деревя на поправку нужно самое большое на полтинникъ. Ежели соберутся человѣкамъ пяти,—всей работы на три часа. Пользуются колодцемъ не меньше, какъ пятьдесятъ дворовъ. И все таки ничего у насъ не выходитъ. Сойдемся, поговоримъ и разоидемся. А чтобъ съютиться да сдѣлать, — этого у насъ не выходитъ... Да что колодезь! Пустое дѣло — прорубь на рѣкѣ въ зимнее время. Которая баба первая утромъ за водой идетъ, та и прорубку рубить. А остальные ужъ за нею слѣдомъ

идуть. За зиму-то прорубка обледенѣтъ, осклизнетъ. Къ водѣ-то чуть не полкомъ надо подбираться. То и гляди оскользнешься и упадешь. И всѣ ахаютъ,—надо бы обрубить намерзшій ледъ, надо бы въ порядокъ привести. А дѣдо ни съ мѣста. Найдется охочій человѣкъ,—приведетъ прорубку въ порядокъ, не найдется,—такъ стоять...

Обыватель, словно слѣпецъ проврѣвшій, вдругъ увидѣлъ, что въ смыслѣ общественной самодѣятельности у него и вокругъ него воистину пустота, нуль, nihil. Если въ деревнѣ, благодаря общинѣ, есть кое-какіе рудименты организованнаго строительства совмѣстной жизни, то въ городахъ и особенно среди русскаго, по національности, населенія, сложилась какъ-бы привычка думать, что все какъ-нибудь устроится либо начальствомъ, либо иждивеніемъ случайнаго добраго человѣка. Въ первый же день пріѣзда сюда мнѣ пришлось вести характерную бесѣду съ нѣкоторыми наиболѣе почетными прихожанами мѣстной церкви. У нихъ возникла мысль устроить при церкви хотя бы «какую-нибудь центру». На вопросъ, для какой именно надобности, они стали излагать свои пожеланія. Слесарь объяснилъ, что вотъ, молъ, къ примѣру хотя бы колодезь,—теперь дѣло ни съ мѣста, а если бы устроить центру, то собрались бы, постановили и сдѣлали. Старикъ Фетисову хотѣлось бы, примѣрно, въ праздничный день собраться, евангеліе почитать и о божественномъ потолковать. Нѣсколько человѣкъ заговорили о библиотекѣ, кто-то упомянулъ о помощи бѣднякамъ... Вообще надобности, для которыхъ могла бы пригодиться «центра», неисчислимы. Мои собесѣдники въ сущности проектировали цѣлый рядъ различныхъ обществъ, каждый сообразно своему вкусу. И если бы ихъ предположенія осуществить, получилось бы нѣчто въ родѣ клуба, объединяющаго сложную сеть общественныхъ организацій даннаго околотка, территориально совпадающаго съ приходомъ. Но это, повторяю, если мысль развернуть. Пока же она представляется моимъ собесѣдникамъ въ крайне суммарномъ и даже туманномъ видѣ:

— Намъ лишь бы гдѣ было приткнуться... Прежде бывало хоть въ кабакѣ, когда свободно, народъ увидишь. А теперь эта самая винополія, и какъ есть некуда дѣться...

— А почему—спрашиваю,—вы хотите приткнуться при церкви?

— Да куда жъ кромѣ? Опять же и священникъ говорить, что такъ оно легче...

Сорганизовать массы возлѣ церкви въ предѣлахъ cadaго отдѣльнаго прихода... Мысль эта особо облюбована реакціонными округами. И уже одно то, что обыватель сталъ подходить къ ней, легко можетъ быть истолковано, какъ симптомъ реакціи, «отрезвленія» и «успокоенія». Столь же легко и отчасти въ такомъ же именно родѣ истолковать небывало быстрый ростъ профессиональныхъ, кооперативныхъ и всякихъ иныхъ организацій. Неожиданная жажда широкихъ массъ организовать на почвѣ мелкаго

будничнаго благоустроенія жизни до сихъ поръ учитывается многими, какъ упадокъ настроенія. Подъ нѣсколько условной и специфической кличкой: «культурная работа» попытки организоваться даже противопоставляются «политикѣ». И съ внѣшней стороны это истолкованіе факта можетъ казаться вполне правдоподобнымъ. Въ самомъ дѣлѣ,—вотъ мои сосѣди два года назадъ собирались на политическіе митинги въ лѣсу, а теперь организуются, между прочимъ, для устройства общественнаго колодца. Ясное, кажись, дѣло, что во-первыхъ колодезь—учрежденіе культурное, а, во-вторыхъ, совсѣмъ не политика. Но при всемъ своемъ внѣшнемъ правдоподобіи это истолкованіе факта, мнѣ кажется, страдаетъ, между прочимъ, слѣдующимъ основнымъ недостаткомъ. Оно смѣшиваетъ стремленіе къ организованному и самостоятельному строительству жизни съ тою формою, въ какую это стремленіе воплощается.

Необходимо признать, что жажда обывателей къ организованному состоянію воплощается пока довольно-таки плохо и неудачно. Да и какъ найти удачную форму общественной самостоятельности въ условіяхъ гипертрофированно-полицейскаго государства? И сама по себѣ жажда самостоятельности пока слишкомъ обща, суммарна, слишкомъ слабо еще дифференцировались и опредѣлились вкусы, потребности, настроенія. Если выражаться вульгарно, обыватель претъ въ организацию ради самой организаци, прежде чѣмъ взвѣситъ, что ему нужно и что по душѣ. Наконецъ, обывательская тяга къ объединенію учитывается съ разныхъ сторонъ, эту новую жилу стараются эксплуатировать различные элементы, въ томъ числѣ и такіе, отъ которыхъ вообще обыватель не селоненъ ждать добра. Какъ извѣстно, значительную энергію въ смыслѣ организаци всякаго рода товариществовъ проявляетъ «союзъ русскаго народа»,—особенно въ юго-западномъ краѣ. Стараются организовать кое-что около приходоувъ священники и архіереи. Въ томъ же направленіи хлопочуть многіе чиновники разныхъ вѣдомствъ, до полицейскаго включительно. Даже одесскій генералъ Толмачевъ выступаетъ въ роли организатора портовыхъ рабочихъ. И повидимому, вовсе не случайность, что между тѣми почетными прихожанами, о которыхъ я сейчасъ упоминалъ, оказалось довольно характерное разногласіе: одни совсѣмъ согласны «пряткнуться вовлѣ цѣркви», а другіе опасаются.

— Будетъ нами верховодить попь,—человѣкъ казенный. А тамъ, глядишь, и полиція окажется. А мы какъ были ни при чемъ, такъ и останемся ни при чемъ...

— А пусть—возражаютъ имъ—хоть чортъ, а не только жопъ. Онъ себѣ какъ хочетъ, а мы на свой манеръ повернемъ...

Слышатся и примирительные аргументы:

— Что жъ попь!.. Онъ у насъ еще ничего, — слава Богу. Не черносотельникъ. Попечительство приходское устроилъ. Тожъ хло-

почетъ народъ объединить. Подбиваетъ насъ теперь оптомъ хлѣбъ выписать. И оно бы дѣйствительно, — ежели оптомъ, почитай, на 20 коп. въ пудъ разница. То рубль шестьдесятъ, а то рубль сорокъ,—разсчитать!.. Нѣтъ, попь у насъ правильный.

Есть и еще аргументъ, обезкураживающій обѣ стороны:

— Зря вы все... Попь, попь... Не въ попь дѣло. Ты вотъ что разсуди. Былъ ты нынче, къ примѣру, на Троицынъ день въ церкви? Много ль народу тамъ насчиталъ? Все равно какъ на пашнѣ худой: колосъ отъ колоса,—не слышать дѣвичьяго голоса. А бывало, вспомни-ка, сколько на Троицынъ день народа въ церкви. Протиснуться некуда. Въ обморокъ отъ духоты люди падали... Кто теперь къ церкви ходитъ? Вотъ мы по старинѣ еще бываемъ, да и то съ лѣнницей. А которые помоложе,—ихъ и въ церкви-то никогда не видишь. Кого жъ ты, выходить, возлѣ церкви съютить? Тебя да меня, да насъ съ тобой? Двѣ калѣки съ половиной? А молодыхъ, которые порасторопнѣе будутъ, значить, прочь отрѣзывать?..

Это собственно рѣшающій аргументъ. Здѣшняго «попа», который возбуждаетъ и надежды и опасенія, дѣйствительно, нельзя назвать «черносотельникомъ». Повидимому, онъ чистосердечно, безъ заднихъ политическихъ цѣлей желаетъ «съютить народъ». И повидимому, искренно огорчается, что прихожане лишь выслушиваютъ его доводы о пользѣ единенія, не возражаютъ, поддакиваютъ, но отъ практическихъ шаговъ уклоняются:

— Вѣдь, я для вашей же пользы говорю, — урезониваетъ онъ прихожанъ.—Вы сами посудите...

— Что ужъ тутъ. Дѣло видимое.

— Вѣдь, надо же самимъ браться. Самы не позаботимся, кто насъ позаботится?

— Известно... кто жъ, кромѣ насъ...

— Ну вотъ я вамъ и говорю,—соберемса, подпишемъ уставъ и поплемъ...

— Да ужъ какъ-нибудь соберемса... Какъ-нибудь посвободнѣе станетъ,—мы и того—озабоченно оканчиваетъ прихожанинъ, вспомнившій вдругъ, что ему очень и очень некогда...

Нѣтъ, мудреное дѣло—при данныхъ условіяхъ найти форму для организаціи. И не даромъ сейчасъ среди обывателей замѣтно охлажденіе къ легальнымъ формамъ организованнаго состоянія подъ видомъ профессиональныхъ союзовъ и кооперативныхъ товариществъ. Вотъ здѣсь, въ глухомъ переулкѣ теперь, не будь столь значительнымъ религіозное расхожденіе между старшимъ и младшимъ поколѣніемъ, по всей вѣроятности, что-либо удалось бы съютить (хотя и врядъ ли надолго) возлѣ церкви на совершенно легальныхъ основаніяхъ и подъ православнымъ флагомъ. Но было бы ошибкой по этимъ основаніямъ и по этому флагу судить о настроеніи обывателя и его образѣ мыслей. Во всякомъ случаѣ, форма, въ какую облекается жажда объединенія, не такъ ужъ

много объясняетъ. И для насъ гораздо интереснѣе эта жажда сама по себѣ, въ ея, такъ сказать, первоначальномъ видѣ, неискаженномъ условіями времени. Прежде всего, едва ли можно сомнѣваться, что она стоитъ въ прямой связи съ моральнымъ крушеніемъ авторитета власти. «Намъ нечего разсуждать,—начальству виднѣе»,—на такомъ, приблизительно, основаніи существовала людская пыль. «Видать, какое у насъ начальство, надо самимъ о себѣ промышлять»,—на такомъ, приблизительно, основаніи начинается складываться тяготѣніе къ организованной общественной жизни, начинается складываться то, что можно назвать націей. Общность языка, общность интересовъ приходится ставить рядомъ со стремленіемъ къ солидарному, организованному строительству жизни. Это двѣ стороны одного и того же процесса, повторяю, тѣснѣйшимъ образомъ связаннаго съ глубокимъ паденіемъ авторитета данной власти.

Обывательскую тягу объединяться, дѣйствовать солидарно, часто сводятъ къ профессиональному и кооперативному движенію, къ постройкѣ новыхъ школъ и вообще къ «культурной работѣ» въ узкомъ, почти техническомъ смыслѣ этихъ словъ. Думается, однако, что такъ называемая «культурная работа» лишь частность большой картины. То искры большого огня, ручейки великой рѣки. Да, стремленіе жить организованно, между прочимъ, воплощается въ профессиональныхъ и всякихъ иныхъ союзахъ. Но, помимо союзовъ, есть многое другое, во всякомъ случаѣ не менѣе характерное.

Между прочимъ, «Кіевскими Вѣстями» было отмѣчено любопытное явленіе въ Черниговской губерніи. Здѣсь, какъ и въ другихъ губерніяхъ черноземной полосы, сильно распространена «испольщина», т. е. аренда земли крестьянами «изъ половины урожая, при чемъ обработка, обѣменение и уборка лежитъ на обязанности арендатора-испольщика». «Испольщина,—объясняетъ корреспондентъ «Кіев. Вѣстей»,—чрезвычайно выгодна для собственниковъ, такъ какъ самымъ упрощеннымъ способомъ ею разрѣшается всегда большой вопросъ о наймѣ сельскохозяйственныхъ рабочихъ и трудная задача содержанія скота». Испольщику же его половины урожая «едва хватаетъ на мѣсяць-другой, и весь огромный трудъ на обработку и расходъ на обѣменение полей (по 8 пудовъ на десятину) сплошь и рядомъ не возвращаются». И вотъ теперь (весною нынѣшняго года) «наблюдается новое невиданное въ Черниговской губ. зрѣлище: массовый отказъ отъ арендованія земли у помѣщиковъ. Если въ теченіе полулѣтка помѣщицье хозяйство кормилось нищенствующей деревней, высасывая изъ нея наибольшаго рода аренды послѣдніе соки, то теперь наступилъ моментъ, когда экономическая бессмыслица этой кабалы стала ясна и послѣднему крестьянину Какой, въ самомъ дѣлѣ, смыслъ получать въ результатѣ за свой каторжный трудъ въ теченіе полугода

половину «обычнаго за послѣдніе года сбора съ десятины» 25 пудовъ, за вычетомъ 8 пуд. на «обмѣненіе»... «Помѣщики теперь упрашиваютъ крестьянъ взять землю въ аренду, предлагаютъ льготныя условія, напр., $\frac{2}{3}$ урожая съ ярового поля, предлагаютъ въ долгъ сѣмена... Но крестьяне... обѣими руками отмахиваются... И волей-неволей помѣщику приходится нанимать рабочихъ для обработки полей, приобретать скотъ и стать въ зависимость отъ той среды, которую онъ привыкъ видѣть обивающею его пороги съ неизмѣнною просьбою о сдачѣ земли. Многія не сильныя помѣщичьи хозяйства вынуждены будутъ отказаться отъ самостоятельной обработки, за неимѣніемъ на то средствъ... Нынѣ баринъ кланяется мужику: возьми, братецъ, землю, многаго не потребую. И обнищавые крестьяне... отлично чувствуютъ все превосходство своего новаго положенія. Таперь мы на верси,—говорятъ они,—хоть и сердце болитъ (тяжело отказаться отъ самостоятельной обработки земли), та ѣ мы на верси» *).

Кстати сказать, арендная забастовка наблюдается сейчасъ не только въ Черниговской губ. Есть она и еще кое-гдѣ. Подвергаются забастовкѣ, какъ земли помѣщичьи, такъ равно и земли, скупленныя крестьянскимъ банкомъ. Мѣстами крестьяне категорически отказываются арендовать «банковскую землю» и на всѣ увѣщанія начальства, на всѣ посулы «дать льготу» отвѣчаютъ:

— Не съ руки. Денегъ нѣтъ. Не съ чего взяться...

Отсюда вовсе, конечно, не слѣдуетъ, что крестьянство, напр., Черниговской губерніи совершенно организовалось. Сколько-нибудь плотной и обширной организаціи тамъ, навѣрное, нѣтъ. Сомнительно, есть ли даже вообще сколько-нибудь замѣтныя организаціи, оформленныя взаимными обязательствами членовъ, взносами, выборными комитетами и т. д. Мнѣ кажется, въ данномъ случаѣ громадную роль играетъ прежде всего тотъ одинаковый учетъ фактовъ обширными кругами населенія и та удивительная общность языка, о которыхъ я говорилъ выше. «Кіевскія Вѣсти» отмѣчаютъ: «экономическая бессмыслица (испольщины) стала ясна и послѣдному крестьянину». Но она далеко не теперь только стала ясна. «Бессмыслица» была ясна ипольщику и раньше. И какъ раньше, такъ и теперь, ей противостоятъ и психологическія причины (мужицкая жадность къ землѣ) и кое-какой экономическій расчетъ. Туда-то, вѣдь, все равно некуда дѣвать,—такъ если за лѣто хоть на два мѣсяца хлѣба заработаешь,—и то ладно. Тутъ много значить и нѣкоторый стадный инстинктъ,—одинъ ухватилъ, другимъ отстать не хочется. Часто противорѣчивые и во всякомъ случаѣ крайне разнообразныя индивидуальныя расчеты и побужденія каждаго отдѣльнаго хозяйства были и остаются противорѣчивыми и разнообразными. И повторяю, мнѣ неизвѣстно, удалось ли черни-

*) „Кіев. Вѣсти“, 15 мая.

говскимъ крестьянамъ найти форму для организаціи. Но болѣе или менѣе полная общность взглядовъ и сколько-нибудь ясно сознаваемая потребность дѣйствовать солидарно могутъ быть суррогатомъ формальной организаціи. И при случаѣ весьма не плохимъ суррогатомъ. И если учитывать стремленіе къ организованности по росту кооперативныхъ предпріятій, то гдѣ основаніе не замѣчать того же стремленія въ самомъ фактѣ арендной забастовки? Арендная забастовка требуетъ во всякомъ случаѣ болѣе обширной и болѣе глубокой солидарности, болѣе плотной дисциплины, чѣмъ сельская потребительская лавка.]

Конечно, и арендные забастовки лишь одна изъ многихъ частныхъ въ общей картинѣ. На ряду съ ними можно бы, на примѣръ, поставить упорную борьбу крестьянства съ землеустроительными предначертаніями правительства. Достаточно напомнить хотя бы о Тульской губерніи, гдѣ правительственные землеустроители, кажется, уже въ третій разъ заново и на новый ладъ размежевываютъ скупленную банкомъ землю подъ отрубные участки, сами не зная, какой изъ этого можетъ выйти толкъ. Печатныхъ свѣдѣній о тульскихъ землеустроительныхъ приключеніяхъ мнѣ не удалось найти. Но если вѣрить рассказамъ мѣстныхъ людей, ближайше причастныхъ къ землеустроительнымъ экспериментамъ, дѣло было начато широко и съ надеждами на успѣхъ. Денегъ не жалѣли. Землемѣры размежевали землю на отруба. Инженеры на участкахъ, удаленныхъ отъ естественныхъ водныхъ источниковъ, вырыли артезианскіе колодцы. Колодцы эти до сихъ поръ стоятъ праздно среди полей и луговъ, ибо распределить отруба, обозначенные этимъ первымъ размежеваніемъ, среди крестьянъ совершенно не удалось. Землеустроители энергически предлагали крестьянамъ воспользоваться благодѣяніями правительства, но ихъ энергія разбилась о необыкновенное единодушіе, между прочимъ, деревенскихъ бабъ, рѣшительно заявившихъ, что по тому плану, по какому разбиты отруба, совѣмъ нельзя. По многимъ причинамъ нельзя. Да вотъ, къ примѣру, дочь-невѣста, дѣло извѣстное, её надо держать на виду, — иначе откуда женихъ возьмется?

— Ежели, молъ, поселиться, по-вашему, у чорта на куличкахъ, то ни дочка моя никого не увидитъ, ни её никто. Такъ что-жь ей въ дѣвкахъ что-ль вѣковать прикажете? Или, къ примѣру, сынъ, — надо его женить. Гдѣ-жь ты невѣсту присмотришь, живя на отлетѣ. Ни ты никого не увидишь, ни тебя никто. Да и сами мы нечто скимники или затворники какіе? И въ церковь сходить, и на посидѣлки, и къ сосѣдямъ въ гости... То-жь и намъ съ людьми поговорить хочется. А вы скитовъ понадѣлали...

Землеустроители размежевали отруба на новый ладъ и примѣнительно къ новому заданію — хоть сколько-нибудь облегчить будущимъ фермерамъ возможность общенія. Но и противъ новаго плана нашлись возраженія:

— А кто будетъ воду носить? Или, къ примѣру, зимою,—кто будетъ дорогу къ колодцамъ чистить?

Словомъ, отруба, расположенные съ расчетомъ на общеніе фермеровъ, оказались непригодными по удаленности отъ источниковъ водоснабженія. Тогда землеустроители стали межевать въ третій разъ наново... И, повидимому, очень негодуютъ на то, что «мужикъ окончательно избаловался»... И въ самомъ дѣлѣ, припомните, какъ было еще очень недавно, когда «мужикъ не баловался». За каждый клочъ земли онъ готовъ былъ ухватиться такъ же стихійно, какъ птица летитъ на коноплю, летитъ не обращая вниманія на силки и западни, съ единственнымъ упованіемъ:

— Авось, Богъ дастъ, выкручусь.

Я невольно припоминаю, какъ возникали и застраивались всего нѣсколько лѣтъ назадъ рабочіе поселки при нѣкоторыхъ фабрикахъ и заводахъ. Рабочій людъ толпою валилъ въ контору съ униженными просьбами:

— Господинъ директоръ, окажите божескую милость, отведите земельки,—построить себѣ хату хочу.

Мнѣ лично не разъ приходилось откровенно говаривать по этому поводу съ рабочими:

— Ну, хорошо, вы строите хату, тратите ваши сбереженія, залѣзаете въ долги... Но, вѣдь, земля-то заводская. А если заводъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ прикажетъ вамъ всѣ ваши постройки снести и убираться на всѣ четыре стороны?..

— Да чего-жъ онъ прикажетъ? Поколь буду работать, потоль и жить.

— А если васъ уволятъ? Или станутъ притѣснять расцѣнками и штрафами?..

— Э, волковъ бояться—въ лѣсъ не ходить... Авось, Господь не до конца прогнѣвается на насъ грѣшныхъ...

— На какихъ же все-таки условіяхъ вы пользуетесь заводскою землею?

— Да какія-жъ тутъ условія! Разрѣшили постройться,—вотъ и слава Богу... Теперь у меня домишко, и огородикъ устрою,—славнѣе!..

Если бы нынѣшніе землеустроители начали свою работу нѣсколькими годами раньше, когда людская пыль летѣла, къ землѣ, не обращая вниманія на условія, когда противъ стихійной жажды земли были бессильны доводы разсудка, успѣхъ былъ бы, пожалуй, обезпеченъ. Теперь они устраиваютъ, предлагаютъ, убѣждаютъ, а мужикъ «ломается»: нѣтъ, молъ, это не по моему вкусу сдѣлано. Землеустроители передѣлываютъ всю работу наново, стараясь пографить на мужицкій вкусъ. Но мужикъ опять-таки «ломается»,—нѣтъ, молъ, и это не по моему вкусу... Этимъ я вовсе не хочу сказать, что ослабѣла жадность къ землѣ. По моему мнѣнію, жадности къ землѣ теперь во всякомъ случаѣ не меньше, если не

больше прежняго. И мы имѣемъ дѣло лишь съ единствомъ тактики, со стремленіемъ дѣйствовать солидарно, идти сомкнутымъ строемъ. Отказаться отъ «отрубковъ» тяжело. Но «хоть и сердце болитъ, та й мы на верси».

Нѣтъ, въ кооперативному и профессиональному движенію новой черты въ народной психологіи не сведешь. Гораздо шире и глубже эта черта, чтобъ ее можно было опредѣлить словами: «культурная работа». И наблюдая, какъ осуществляетъ обыватель свою жажду дѣйствовать скопомъ, трудно не удивляться необычайной сознательности дѣйствій, необычайно тщательному, хотя и далеко не всегда правительственному, взвѣшиванію реального соотношенія силъ и возможностей. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ моего глухого перелуга есть село Вяжки. Недавно тамъ возникла распря между молодежью и стариками, изъ-за спорнаго «клина луговъ», который общество считало по праву своимъ, но которымъ фактически пользовался помѣщикъ. Село издавна жалуется что этотъ клинъ «по плану нашъ». И молодежь стала настаивать: «а нашъ, такъ и разговаривать нечего, — пойдемъ его косить». Старики рѣшительно заявили, что «съ этимъ дѣломъ надо порновить» (пождать). Молодежь не менѣе категорически рѣшила: «а мы пойдемъ». И вотъ все младшее рабочее поколѣніе села высыпало на спорный клинъ съ косами и граблями. А старшее стало неодобрительно наблюдать, что изъ этого выйдетъ. Вышло, разумѣется, «какъ по писаному», — примчались стражники, казаки, прискакалъ земскій начальникъ. Но прежде чѣмъ начальство успѣло появиться на мѣстѣ преступленія, старики схватили косы и присоединились къ молодымъ:

— Видимъ мы, что дѣло-то, значить, плохо. Ну и пошли на помощь...

— Дратся, спрашиваю, что-ли со стражниками вы пошли?

— Зачѣмъ драться? Какъ ты будешь съ нимъ драться, ежели у него револьверъ, а у насъ что?.. А только, — видимъ, значить, что ребята наши одни. Ну, мы и пошли...

— Да зачѣмъ?

— Опять зачѣмъ! Чудакъ! Я-жъ тебѣ русскимъ языкомъ говорю — одни молодые ребята были на клину.

— Ну?

— Ну, а когда мы пришли, — значить всѣ стали. Все то есть село. И старые и молодые...

— Да разница-то кака?

— Ты что, — удивился мой собесѣдникъ, — аль вчера только рожденъ?

Оказывается, видите-ли, у мѣстнаго начальства практика выработала два способа дѣйствій на случай обыкновенныхъ мелкихъ аграрныхъ недоразумѣній. Если на мѣстѣ захвачена только молодежь, то считается несомнѣннымъ фактъ социалистической пропа-

ганды, и дѣло разсматривается, какъ политическое, по всей строгости чрезвычайныхъ законовъ. Если же захвачены «все», и старые и молодые, и старики категорически заявляютъ, что они тутъ именно «все» и дѣйствуютъ не по чьему-либо наущенію, а по собственному желанію,—дѣло разсматривается, какъ мужицкое правонарушеніе, подлежащее компетенціи земскаго начальника.

— Насъ-то земскій страсть какъ допытывалъ. Вы, говорить, такія-сякія дѣти, политикой занимаетесь.—Никакъ, говоримъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе. А плантомъ мы занимаемся. Извольте сами поглядѣть—наша земля по плану. Собственность, значить наша. А свою собственность мы завсегда имѣемъ полное право взять... Ну, земскій тутъ же на лугу полевой судъ устроилъ,—все общество на три дня въ холодную приговорилъ,—тѣмъ и дѣло кончилось. А кабы мы не прибѣгли на выручку,—ого, была бы каша! Помилуй Богъ!...

— Сговаривались вы, значить, на выручку бѣжать?

— Чего-жъ тутъ сговариваться? Послѣднему дураку и то видно, что дѣлать. Стражники ѣдутъ,—разсуждать неколи. Бѣги скорѣй выручать... А только, между прочимъ, даромъ это дѣло земскому тожъ не прошло. Въ обѣдъ, къ примѣру, онъ насъ судилъ. А къ вечеру на большакѣ возлѣ нашихъ Вязковъ ему камнемъ голову проломил. Нашлись, значить, такіе люди... И потѣха вышла! Осудили это они насъ по трое сутокъ. А сажать, говорятъ, будемъ васъ по десятку. Какъ есть у васъ 120 домохозяевъ, такъ будете вы сидѣть по 10 человекъ, на 12 очередей. Нѣтъ, говоримъ, мы на это не согласны. Коли сажать, такъ сажай, усихъ (всѣхъ) сразу. Да гдѣ-жъ мы, говорить, такую тюрьму найдемъ, чтобъ сразу 120 человекъ посадить? А намъ, говоримъ, до этого дѣла нѣтъ: усихъ сразу осудилъ, усихъ сразу и сажай. Получили мы, значить, законное рѣшеніе на бумагѣ да уси 120 человекъ въ городъ. Прямо въ тюрьму,—сажай, говоримъ, безпремѣнно усихъ сажай. Что-жъ ты думаешь,—такъ насъ усихъ и посадили. Женское помѣщеніе намъ отвели и посадили. Что смѣху-то было!.. Только сутки и держали насъ... Почему, говоримъ, только сутки насъ держишь, когда мы по трое сутокъ присуждены? А сутки, говорить смотритель, вы сюда, ребята, изъ Вязковъ шли, да сутки назадъ будете идти, да сутки въ тюрьмѣ сидѣли,—вотъ и вышло трое сутокъ... Посмѣялись мы надъ смотрителемъ и домой пошли. Кому охота съ ними вря связываться? Такъ вотъ, говорю, когда хотѣли нахрапомъ свой клинъ взять, тогда по нашему, какъ мы, старики, балакали, вышло. А то вотъ недавно, по ихнему, помолодому, вышло. Да сумленіе беретъ,—ладно ли? Дѣло, вишь, какое. Прокопалъ помѣщикъ по нашей землѣ канаву. Мы къ земскому,—что-жъ это, молъ, такое, ваше благородіе? Чистое самоуправство. А онъ говорить: мнѣ, господа мужики, это дѣло не подсудно,—обращайтесь въ окружный судъ.—Какъ же это, молъ,

такъ, ваше благородіе, ежели мы что помѣщику, то вамъ подсудно, а ежели помѣщикъ намъ, то и судью не найдешь?.. Земскій, какъ услышалъ это,—верть отъ насъ и ушелъ. А мы собрали было по полтиннику съ двора да хотѣли къ адвокату. Только молодежь напротивъ,—сдурѣли вы, говорить, что-ль, старые? Чего деньги зря тратить? Какую вы правду супротивъ помѣщика найдете? Не знаете развѣ, что суды всѣ ихніе?.. Подумали мы, подумали,—и правда, что суды всѣ ихніе. Роздали деньги назадь по рукамъ,—а лучше оно вышло или хуже—и сами не подотчемся.

III.

Необъятно сложная совокупность нуждъ, потребностей, задачъ, интересовъ, стоитъ предъ обывателемъ. Тутъ свое маленькое мѣсто занимаетъ и уличный колодець, и зимняя прорубка на льду рѣки, и бѣдствія дороговизны, и политическая неурядица, и социальная борьба, и то многообразіе духовныхъ интересовъ, которое объединяется въ общей формулѣ: «культурная работа», и многое другое, чего перомъ не опишешь, глазомъ не окинешь. Грузъ страшной, нечислимой тяжести надо поднять на плечи и нести. Это обыватель чувствуетъ и сознаетъ. Пожалуй, для него далеко не ясно, какъ собственно онъ будетъ нести и куда. Въ одномъ лишь онъ увѣренъ твердо и непоколебимо: поровнь этого дѣла не служить,—надо обществомъ. И въ выводѣ, что «поровнь не осилишь, надо обществомъ», чувствуется не только работа сознанія, не только точность логическихъ построений, но и безошибочность инстинкта. Въ жаждѣ дѣйствовать скопомъ есть именно нѣчто инстинктивное, не столько управляемое обывателемъ, сколько управляющее имъ. И куда эта жажда поведетъ обывателя въ ближайшее время,— даже приблизительно не берусь угадывать. А что въ конечномъ итогѣ она должна смести твердыни абсолютизма, какъ начало ей враждебное и кореннымъ образомъ съ нею несовмѣстимое,—это, полагаю, ясно само собою. Во всякомъ случаѣ, передъ нами огромная сила. И при общности взглядовъ на основные недуги государственной жизни, при однородности чувствъ по отношенію къ данной власти, эта сила богата весьма многими возможностями. Разъ она есть, въ странѣ, гдѣ господствуютъ явленія, о которыхъ, какъ о великомъ бѣдствіи и злѣйшей несправедливости, огромные круги населенія стали думать однѣми и тѣми же мыслями и говорить однимъ и тѣми же языкомъ, стрѣлка политическаго барометра не можетъ показывать ясную и тихую погоду. Пока тягу къ солидарнымъ дѣйствіямъ приходится учитывать лишь какъ новообразование въ народномъ организмѣ, новую складку—и притомъ капитальнаго значенія—въ народной психологіи. Но она уже теперь на особый ладъ окрашиваетъ всю жизнь, всѣ обывательскія взаимоотно-

шенія. Какъ подпочвенные ключи, она не всегда замѣтна на первый взглядъ. Порою нужно углубиться, произвести нѣкоторыя, такъ сказать, спеціальныя изслѣдованія, прежде чѣмъ станетъ понятно, почему на данномъ клочкѣ земли роса ложится гуще, трава растетъ сочнѣе. Но ключъ, хотя бы мѣстами еще и подпочвенный, пробился изъ глубокихъ нѣдръ земли наружу. Новая сила, хотя бы и въ самыхъ общихъ и грубыхъ чертахъ, опредѣлилась.

Многими, говорю, возможностями богато стремленіе дѣйствовать скопомъ при данномъ настроеніи широкихъ обывательскихъ круговъ. И, чувствую, эти слова обявляютъ меня напомнить, что въ числѣ возможностей есть не одни бури и вихри. Я уже упомянулъ, между прочимъ, о необыкновенной скрупулезности обывателя, когда онъ прежде чѣмъ предпринять тотъ или иной шагъ, тщательно, до робости, взвѣшиваетъ каждый шагъ, склоняясь скорѣе къ тому, чтобъ преувеличивать опасности, чѣмъ преуменьшать ихъ. Обыватель, пожалуй, ужъ слишкомъ сталъ реальнымъ политикомъ. И я вполне понимаю нѣкоторый ужасъ, съ какимъ недавно одинъ сельскій интеллигентъ говорилъ мнѣ:

— Знаете-ли, если бы правительство было хоть капелюку умнѣе и дало мужику, что нужно, оно могло бы просто смести съ лица земли всю російскую интеллигенцію. И мужикъ отлично понималъ бы, что люди гибнутъ невинно, но руку давшую поддержалъ бы не за страхъ и не за совѣсть, а, такъ сказать, по принципу: «вы намъ, а мы вамъ»... Вы намъ, примѣрно, земельки, а мы вамъ за это могорычъ... И такъ я теперь понимаю мужика: появиись хоть новый Стенька, но разъ мужикъ увидитъ, что есть выгода, онъ и Стенькѣ могорыча поставитъ...

Это черезчуръ. Такого могорыча, чтобъ смести всю интеллигенцію, обыватель начальству не поставитъ. Но что онъ будетъ благодаренъ и за полумѣры и за полуступки,—это, пожалуй, вѣрно. «Не до жиру—быть бы живу». За исключеніемъ одного пункта, о которомъ рѣчь ниже, обыватель готовъ «протануть ножки и по октябристской одеждѣ»,—разумѣется, по той, какая изложена въ официальной программѣ «союза 17 октября»; какую одежду намѣренъ шить союзъ, не официально, а на самомъ дѣлѣ,—можно лишь догадываться. И если бы октябристамъ удалось хоть кое-что сдѣлать, маленькій могорычъ отъ обывателя они бы получили, хотя самое слово: «октябристъ» въ сѣрыхъ обывательскихъ кругахъ звучитъ, какъ почти ругательное... Однако, еще разъ повторяю, это вовсе не значитъ, что обыватель впалъ въ реакцію, или что обыватель поправѣлъ.

Слишкомъ условны эти термины: «впалъ въ реакцію», «поправѣлъ», и, боюсь, мало они идутъ къ дѣлу. Начать хотя бы съ того, что сѣрый обыватель,—тотъ, конечно, который входитъ въ районъ моихъ наблюденій,—вспоминаетъ о бурныхъ революціонныхъ выступленіяхъ 1905—1906 г. не безъ ироніи, но въ общемъ

съ благодарностью. Почему-то оказывается, что у всѣхъ есть не мало поводовъ помянуть добромъ «эту самую революцію». Странное дѣло,—о ней съ благодарностью вспоминаютъ даже «старые» солдаты, нынѣ отслуживающіе въ рядахъ арміи послѣдній срокъ:

— Вотъ когда была намъ пища, такъ пища. Хорошо тогда нашего брата кормили. А теперь...

Поминаютъ добромъ революцію даже городовые:

— Какъ начались эти забастовки,—намъ отъ начальства первый почетъ и уваженіе. А теперь,—эхъ, говорить только не хочется. Вы думаете намъ сладко!.. Собачья наша должность и по-собачьи съ нами обращаются...

Поминаютъ добромъ революцію мастеравые, ремесленники, огородники, каменщики... Одни по матеріальнымъ соображеніямъ: «забастовка здорово тогда насъ поддержала». Другіе—просто потому, что «тогда было веселѣе». Даже хромой кладбищенскій сторожъ, который очень не любитъ, когда ему напоминаютъ объ его участіи въ черносотенномъ погромѣ 1905 г., находитъ доброе слово:

— Хорошо было, какъ пошли забастовки! Мастеровымъ прибавка... Ужъ на что я—убогій человѣкъ,—и то рубля по три за ночь выгонялъ.

— Какимъ образомъ?

— А социалисты меня послали на заборахъ прокламаціи расклеивать. И расцѣнку вляли, дай имъ Богъ здоровья,—ха-а-ро-о-шю!.. По копейкѣ за штуку... Бывало за ночь худо-бѣдно на тройкѣ наклеишь...

— Однако, вы тѣхъ же самыхъ социалистовъ во время погрома убивали...

— Это что,—морщится онъ.—Это особо...

— Почему же это особо?

— А зачѣмъ они въ прокламаціяхъ зря писали,—иконы надо рубить да жечь...

— Во-первыхъ, это неправда,—социалисты такъ не писали...

— Какъ я человѣкъ неграмотный, то этихъ дѣловъ не знаю. А только люди мнѣ такъ сказывали.

— Значить, ваши люди лгали... А во-вторыхъ, вы же сами эти прокламаціи по заборахъ расклеивали...

— Развѣ жъ я совсѣмъ дуракъ, чтобы отказываться... Расцѣнка хорошая. И платили они аккуратно, безъ обману... Нѣтъ, что и говорить,—веселое было время... Дай Богъ повѣкъ...

Событія отодвинулись на три года, и уже на этомъ небольшомъ пока разстояніи изъяны и шероховатости сгладились, стали неважнѣе, а все свѣтлое, властно зажигающее сердца, сдѣлалось яснѣе, стройнѣе и опредѣленнѣе. Издали, въ воспоминаніяхъ, картина кажется, быть можетъ, красивѣе, чѣмъ вблизи, въ моментъ переживанія. По моему, обыватель нѣсколько склоненъ приуменьсить славу бурныхъ временъ. И нѣтъ-нѣтъ да и помечтаетъ:

— Эхъ, кабы опять забастовка хорошая!..

Скептики качаютъ головами:

— Нѣтъ, видно, пожили и будеть... Въ другой разъ не придется.

Но оптимисты доселѣ не потеряли надежды, что «придется и въ другой разъ».

Недавно прибѣжалъ ко мнѣ сосѣдъ, видимо ввволнованный:

— Знаете что я вамъ скажу, А. Б.

— А что вы мнѣ скажете, Антонъ Ивановичъ?..

— Встрѣтилъ я сейчасъ рыжего штукатура...

— Ну?..

— Такъ онъ, значить, рассказываетъ... Видалъ, говорить, въ трактирѣ человѣка... Одежа на немъ хорошая. И цѣпочка золотая. По всему, говорить, видать, стилизованный человѣкъ. Такъ вотъ онъ, человѣкъ-то этотъ... забастовку, говорить, мы скоро объявимъ...

— Кто это «мы»?

— То-то жъ вотъ я не знаю. Къ вамъ пришелъ спросить, — можетъ, у васъ оно извѣстно...

— Нѣтъ, у меня ничего неизвѣстно... А если эти самые «мы», дѣйствительно, объявятъ забастовку, вы, Антонъ Ивановичъ, такъ сразу и забастуете?..

Мой сосѣдъ чешетъ затылокъ, съ видомъ человѣка, сообразившаго вдругъ, что онъ позабылъ было самое важное:

— Подумавши, А. Б... Безъ соображенія въ воду не прыгнешь.

Съ благодарностью вспоминаетъ обыватель минувшія бури, но и съ ироніей. Два года назадъ вотъ этотъ самый Антонъ Ивановичъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ говорилъ мнѣ:

— И чего это партія время теряютъ? Ни то, ни се... Дали бы распоряженіе какое ни на есть. Намъ только мигни, а ужъ мы...

Теперь съ улыбкой, какъ о дѣтской шалости говорить:

— Кричимъ бывало, а что къ чему, хоть убей, не знаемъ. Спасибо, комитетчики выручали. Прибѣгутъ, скажутъ, дѣлайте такъ-то и такъ-то... Ну, какъ они скажутъ, такъ мы и дѣлаемъ... Своего, значить, понятія у насъ не было.

Невольно припоминается мнѣ рассказъ одного рабочаго, горько раскаивавшагося по случаю плохо выполненнаго имъ служебнаго долга во времена совѣтовъ рабочихъ депутатовъ.

— Ежели по правдѣ говорить, проспали мы народное дѣло, — вотъ что... Придешь, бывало, на засѣданіе. Ну, конечно, — утомившись, съ работы. Приляжешь на полъ да и заснешь. А комитетскіе, которые тамъ эсъ-деки и эсъ-эры, тѣ, небось, не спали. До поздней ночи, бывало, сидятъ и все дѣла рѣшаютъ. Да и насъ подъ конецъ разбудятъ. Ну, молъ, довольно спать, — пора голоса подавать... А какъ ты голосъ подашь, когда никакого дѣла не знаешь, — потому спалъ. Вотъ и бѣжишь, бывало, къ своимъ... Ежели я, къ примѣру, с.-р., то къ с.-р., а ежели с.-д., то къ с.-д. Куда,

дескать, шарь-то власть,—направо или налѣво? Положишь шарь, и опять спать... Такъ и проспали мы народное дѣло...

Нечего грѣха таить,—въ минувшемъ «бунтѣ» человѣческой матеріалъ и по своей психологіи и по своимъ привычкамъ болѣе подходилъ къ традиціонной, авторитарной государственности, чѣмъ къ строительству жизни на началахъ общественной самодѣятельности. Не весь, конечно, человѣческой матеріалъ былъ такимъ,—избави Боже отъ огульныхъ обобщеній. Но привычки старины еще крѣпко сидѣли въ обывательской душѣ. И трудно не удивляться происшедшимъ съ той поры переменамъ. Кажется прямо-таки чудомъ, что въ какіе-нибудь 2—3 года смогла совершиться колоссальная ломка въ самой психологіи обывателя, въ привычкахъ мысли, регулирующей общественное дѣйствованіе. Нѣтъ, не таковъ теперь Антонъ Ивановичъ, чтобъ слѣпо идти за «комитетчиками». Безъ «своего понятія» онъ никуда не поидетъ. Пусть «свое понятіе» у него не очень изъ важныхъ, и не такъ быстро оно складывается, и еще не совсѣмъ онъ умѣетъ во время не забыть самыя важныя и рѣшающія звенья аргументаціи. Но приди къ нему хоть раскомитетчикъ, хоть самъ генералиссимусъ правительства или революціи, покуда у Антона Ивановича не появилось «свое понятіе», своя оцѣнка положенія, онъ ни на шагъ съ мѣста не сдвинется. Называйте, если угодно, это реакціей. Но при переводѣ иностраннаго термина на русскій языкъ вы едва-ли сможете назвать это «шагомъ назадъ». Нѣтъ, это не реакція. Это одно изъ самыхъ цѣнныхъ и самыхъ рѣшающихъ приобрѣтеній революціи. Отъ дѣтскаго ползанія обыватель перешелъ къ ходьбѣ, какъ свойственно взрослому, правоспособному человѣку. Какъ ребенокъ, только что начавшій ходить, онъ слишкомъ склоненъ опасаться открытыхъ пространствъ, норовитъ идти возлѣ стѣны, возлѣ мебели, вообще тамъ, гдѣ есть за что ухватиться рукою и гдѣ не такъ страшно, что упадешь. Въ этомъ переходномъ состояніи, онъ, повторяю, готовъ бы отъ многаго отказаться, лишь бы не рисковать. И особенность даннаго положенія вещей именно въ томъ заключается, что обывателю, при всей его склонности пойти на уступки, не съ чего и нечего уступать.

— Какъ тамъ ни хитри, а мужика землю надо подкрѣпить. Безъ этого не жить. Изнемоцалъ мужикъ. Ежели его землю теперь не подкрѣпишь,—Россія не стоять. Что другое можно и отложить. А безъ этого нельзя.

Въ этомъ пунктѣ тутъ, внизу, сошлись сейчасъ всѣ мнѣнія, всѣ направленія, хотя нынѣ они, сколько я могъ замѣтить, сходятся не совсѣмъ такъ, какъ сходились года два назадъ. Тогда, напрімѣръ, городскіе мѣщане готовы были крикомъ кричать:

— Земля—такъ всѣмъ земля. А то мужикамъ земля, а мы, мѣщане, при чемъ останемся? Нѣтъ, ежели давать, то всѣмъ давай.

Въ этомъ смыслѣ велись разговоры на мѣщанскихъ митингахъ.

И эта мысль высказывалась во многихъ мѣщанскихъ приговорахъ.

Нынѣ не такъ ужъ рѣдко попадается мѣщанинъ, который готовъ, пожалуй, со своею земельною нуждою «малость повременить».

— Мы что, — разсуждаетъ, напр., мой сосѣдъ Антонъ Ивановичъ, — испоконъ вѣковъ живемъ безъ земли, — могли бы и дальше. А чтобъ мужика не подкрѣпить, — этого совсѣмъ нельзя. Потому — задушилъ насъ теперь мужикъ. Претъ въ города. Претъ на заводы. Вдохнуть негдѣ отъ мужика. Никакой работы черезъ него нѣтъ. А заткни мужику голодный ротъ, — и намъ жить можно.

— Земли не будетъ, — ничего не будетъ.

И странное дѣло, — при всей готовности уступить, сжаться, обыватель глубоко увѣренъ, что тамъ, наверху, земли дать не намѣрены и по своей волѣ «ни въ жизнь не дадутъ».

— Потому, — разсчета имъ нѣтъ: дай мужику землю — всему дворянству крышка.

— Небось, знаетъ кошка, чье мясо съѣла. Отнять землю они завсегда рады, а дать — держи карманъ шире... Знаемъ мы ихняго брата. Достаточно видывали. У нихъ шиломъ патоки хватить.

— Скорѣе отъ нѣмца или отъ англичанки, ежели въ случаѣ войны, землю увидишь. А наши — раньше смерти не разстанутся.

Это значить:

— Съ англичанкой въ случаѣ чего помиримся. Могли бы и съ нашими помириться. Да только такой предѣлъ имъ отъ Господа положенъ, что никакой миръ съ ними не возможенъ.

Какой выводъ будетъ сдѣланъ въ ближайшее время жизнью изъ этихъ грозныхъ посылокъ, предсказывать, повторяю, нѣтъ возможности. Слишкомъ много вариантовъ въ той партіи, которую предстоитъ разыграть исторіи, слишкомъ много возможностей и комбинацій. Во всякомъ случаѣ, быть можетъ, не слишкомъ далеко отъ истины мой здѣшній пріятель Устинъ, который упорно твердитъ, что нынѣшнимъ «успокоителямъ Россіи» не такъ ужъ долго придется рубить тотъ сукъ, на которомъ они сидятъ.

Тихій теплый вечеръ. Сажу съ своими сосѣдами на скамьѣ у воротъ. Возлѣ меня все степенные пожилые люди. Идетъ спокойное, неторопливое обсужденіе участіи Устина Ѳомича. У него нѣсколько мѣсяцевъ назадъ вышло маленькое столкновение съ деревенскими сыщиками. Тѣ написали доносъ. И Устинъ привлеченъ по статьѣ, угрожающей годичнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ. Оставленъ онъ на свободѣ лишь благодаря тому, что нашелся поручитель. Теперь ему черезъ нарочнаго изъ села одно-

сельчане дали знать, что дѣло осложнилось, одного поручительства, повидимому, окажется мало, надо ждать болѣе тяжелой мѣры пресѣченія. И пріятель дѣловито обсуждаютъ, какъ теперь быть, и чѣмъ помочь человѣку, впавшему хотя и въ обычную по нынѣшнимъ временамъ, но крайне раззорительную для него и семьи неприятность. Я собственно лишь соприсутствую при этомъ разговорѣ. Моего совѣта не спрашиваютъ. Моей помощи не требуется. Мнѣ предоставляется лишь сидѣть и слушать. И слушая, я мысленно дѣлаю сравненіе:

— Вотъ тебѣ и глушь! Вотъ тебѣ и заросшія лопухами переулочь, гдѣ двѣ бабы ссорятся изъ-за яйца, неизвѣстно чьею наследкою снесеннаго! Эдакими разговорами, какъ достать залогъ, гдѣ найти поручителя, и въ Питерѣ хоть прудъ пруди. Только у насъ, петербуржцевъ рѣчь идетъ о сотняхъ и тысячахъ, а Устину, по его соображеніямъ, нужно денегъ много,—не меньше, какъ 25 цѣлковыхъ. Вотъ и удивляйся тутъ единообразію языка и мыслей, умѣнью понимать другъ друга съ полунанека!..

Откуда-то, по близости, съ огородовъ доносится пѣніе:

— «Радуйся земскій начальникъ, крестьянъ неподобный грабителю» — саркастически, задорно выводятъ молодые голоса новосложенный деревенскій акаеистъ земскому начальнику. Это ядовитое и малоцензурное произведеніе неизвѣстнаго автора, судя по языку, несомнѣнно освѣдомленнаго въ церковной грамотѣ, подхвачено, разучено и охотно распѣвается окрестною крестьянскою молодежью.

— Никакъ штукатуры?—прислушивается къ пѣнію кто-то изъ моихъ собесѣдниковъ.

— Кому кромѣ!..—замѣчаетъ другой.—Ловко выводятъ. Только надо сказать, чтобъ они потише,—селетка (городовой) услышитъ.

— Ничего,—останавливаютъ его.—Въ городѣ все-таки. Тутъ про квартальнаго нельзя, а про земскаго можно. Это въ селѣ про земскаго надо съ опаской.

— «Радуйся — доносится до насъ—землеразорительной комиссіи членъ сущій».

Пѣвцы, отчасти сообразно мѣстному говору, вмѣсто «сущій», выговариваютъ: «сучій». Степенные люди, съ которыми я сижу, смѣются:

— Ловко! Ай да акаеистъ!..

А вечеръ такъ вкрадчиво тихъ. Переулочь, заросшія лопухами, такъ далеко отъ суеты, такъ мало похожъ на мѣсто, гдѣ могутъ быть потрясаемы основы, гдѣ маленькая кучка людей, сошедшихся просто отдохнуть, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ ухитряется совершить кощунство, богохульство, дерзостное порицаніе власти, призывъ къ ниспроверженію существующаго строя, — цѣлый рядъ тягчайшихъ государственныхъ преступленій, за которыя въ общей

сложности причитается пожизненная каторга. И невольно смѣешься. Хочется спросить:

— Ну, а что если бы успокоители Россіи провѣдали, какія дѣла здѣсь творятся? Что двинули бы они противъ заросшаго допухомъ переулка, — кавалерію, артиллерію, пѣхоту? Въ какое волненіе пришла бы вся мѣстная власть? Какую страшную телеграмму отравили бы въ Петербургъ губернаторъ? И какъ заволновались бы тамъ, въ Питерѣ, въ сферахъ?

Мнѣ жаль нарушать добродушное настроеніе, съ какимъ мои собесѣдники слушаютъ и комментируютъ «акаенствъ». И я не высказываю своей мысли вслухъ. Да и зачѣмъ? Какой на нее отвѣтъ послѣдуетъ, мнѣ до нѣкоторой степени ясно:

— Теперь всюду то жъ. Противъ всей Россіи стрѣльбу изъ пушекъ не откроешь...

И это вѣрно: теперь всюду то жъ. — Тягчайшія государственныя преступленія, подобныя предусмотреннымъ 103, 128, 129- и многими другими статьями Уголовнаго Уложенія, совершаются похода, на каждомъ шагу, въ неторопливомъ семейномъ разговорѣ за чайнымъ столомъ, въ тихой вечерней бесѣдѣ сосѣдей во время отдыха, совершаются даже тутъ въ глухомъ переулкѣ, подъ каждой крышей, возлѣ каждаго воротъ, совершаются бабами, которыя несутъ воду съ рѣки и по этому случаю ведутъ промежду себя разговоръ, заключающій крайне дерзостныя порицанія власти, совершаются мужьями, совершаются дѣтьми. Получилось какъ бы все-россійское, всеобщее и непрерывное противорѣчіе Уголовному Уложенію. И кажется, самый воздухъ, которымъ дышешь, вовсе не воздухъ, а какая-то подозрительная и крайне опасная смѣсь, — нѣчто въ родѣ гремучаго газа, для котораго достаточно малѣйшей искры, чтобъ произвести бурный эффектъ.

А. Петрищевъ.

На очередныя темы.

Изъ матеріаловъ земельной анкеты.

I. «И какъ это начальство позволяетъ?»—II. Свободная игра интересовъ при административномъ содѣйствіи.—III. Кое-какія недоразумѣнія.

Въ мартѣ мѣсяцѣ, какъ знаютъ читатели, мною было опубликовано письмо, въ которомъ, ссылаясь на скудость свѣдѣній о томъ, что происходитъ въ деревнѣ въ связи съ указомъ 9 ноября, я просилъ лицъ, располагающихъ матеріалами по этому вопросу, подѣ-

литься ими со мною *). Послѣ того я получилъ цѣлый рядъ сообщений изъ самыхъ различныхъ мѣстностей **). Составъ моихъ корреспондентовъ оказался очень разнообразнымъ: на мое обращеніе откликнулись крестьяне и рабочіе, помѣщики и управляющіе, волостные писаря и сельскіе адвокаты, священники, учителя, агрономы, врачи, землемѣры и т. д. Въ общемъ преобладаютъ, повидимому, «обыватели», но имѣются и партійные работники (с.-р. и н.-с.), изъ коихъ нѣкоторые прислали свои сообщенія уже изъ мѣстъ, «столь и не столь отдаленныхъ». Различными оказались и самыя сообщенія, какъ по своему характеру, такъ и по своему объему. Каждый, очевидно, подѣлился чѣмъ могъ. Одни рассказываютъ о томъ, какъ они сами «укрѣплялись», другіе—о томъ, какъ они «укрѣпляли» другихъ; одні сообщаютъ извѣстные имъ факты, другіе—слышанныя ими мнѣнія, третьи—свои соображенія; кто прислалъ вырѣзку изъ мѣстной газеты, почему-либо обратившую на себя его вниманіе, кто—документъ, оказавшійся у него въ рукахъ, кто—указаніе, гдѣ можно найти тѣ или другія свѣдѣнія. На ряду съ сообщеніями, умѣстившимися на открытѣхъ, въ моихъ рукахъ имѣются и обстоятельныя описанія, составленныя нерѣдко на основаніи специально собранныхъ для этой цѣли данныхъ ***)... Различными, надо сказать, оказались и отношенія моихъ корреспондентовъ къ тѣмъ явленіямъ, которыхъ имъ пришлось касаться въ своихъ сообщеніяхъ. На ряду съ горячими приверженцами общиннаго землевладѣнія отозвались и убѣжденные его противники. Къ самому указу 9 ноября большинство относится безусловно отрицательно, но нѣкоторые и въ немъ видятъ «мудрый актъ государственной важности»...

Сообщенія продолжаютъ поступать до сихъ поръ. Въ виду этого

*) Недавно къ тому же способу полученія свѣдѣній оказались вынужденными прибѣгнуть и члены Государственной Думы. 27 Іюня въ газетѣ „Рѣчь“ одновременно появились два такихъ письма: одно—за подписью членовъ к.-д. фракціи Березовскаго и Шингарева, и другое—за подписью члена трудовой группы Дзюбинскаго.

**) До сихъ поръ сообщенія мною получены изъ губерній: Архангельской, Бессарабской, Вологодской, Воронежской, Донской, Екатеринославской, Казанской, Калужской, Курской Московской, Нижегородской, Новгородской, Орловской, Пензенской, Псковской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Смоленской, Таврической, Тамбовской, Тульской, Уфимской, Харьковской, Херсонской и Ярославской. Въ общемъ предпринятая мною анкета уже захватила значительную часть губерній съ развитымъ общиннымъ землевладѣніемъ.

***) Между прочимъ въ числѣ присланныхъ мнѣ матеріаловъ имѣются и данныя одной изъ мѣстныхъ анкетъ. Редакція вологодской газеты „Сѣверъ“, какъ оказалось, еще въ январѣ мѣсяцѣ обратилась къ своимъ корреспондентамъ со специальнымъ запросомъ относительно выхода изъ общины. Получивъ мое письмо, она немедленно выслала мнѣ программу, какая ею была дана корреспондентамъ, а также всѣ присланныя ими и напечатанныя въ газетѣ корреспонденціи.

я считаю за лучшее нѣсколько обождать съ общими выводами, какіе можно сдѣлать относительно направленія и темпа того болѣзненнаго процесса, какой вызванъ указомъ 9 ноября въ народной жизни. Въ настоящій разъ я остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ изъ основныхъ, какъ мнѣ кажется, факторовъ, опредѣляющихъ его теченіе.

I.

Дня два спустя послѣ опубликованія моего письма въ газетахъ ко мнѣ явился рабочій, пріѣхавшій, какъ оказалось, изъ Колпина (часть ѣзды отъ Петербурга), гдѣ онъ работаетъ на желѣзной дорогѣ.

— Въ вашей сторонѣ пришлось быть, такъ вотъ, думаю, заиду... Въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» письмо ваше было напечатано. Такъ я могу разсказать, что вамъ нужно...

Нечего и говорить, какъ я обрадовался этому первому отклику на мое обращеніе.

— Я это дѣло хорошо знаю,—началъ свой разсказъ мой посѣтитель, когда мы устроились съ нимъ кабинетѣ.—Самъ укрѣплялся, нарочно для этого въ деревню ѣздилъ...

И онъ сталъ толково и обстоятельно излагать мнѣ процедуру укрѣпленія: кому нужно подать заявленіе, какой срокъ выждать и т. д. Получилось такое впечатлѣніе, что онъ пришелъ меня научить, какъ такое дѣло лучше всего устроить. Я объяснилъ, конечно, ему, что не это мнѣ нужно. Напрасно, однако, я пытался перевести разговоръ на болѣе интересную для меня почву. Было очевидно, что для моего собесѣдника это вопросъ не принципиальный, а техническій, не общественный, а личный...

— Пяти лѣтъ меня изъ деревни-то вывезли... На что мнѣ тамъ земля?! А теперь за нее деньги можно получить... Я и покупателя уже имѣю...

Указъ 9 ноября онъ принялъ, очевидно, какъ фактъ,—выгодный для него фактъ,—который и желалъ въ своихъ интересахъ использовать. Нѣкоторое смущеніе появилось у него лишь тогда, когда я спросилъ, укрѣпился ли онъ...

— Нѣтъ!..—съ досадой отвѣтилъ онъ.—Тетки у меня тамъ старыя, да и другіе родственники заспорили... Дѣло и по сю пору тянется.

Но если въ данномъ случаѣ и было смущеніе, то объяснялось оно не тѣмъ, что пришлось о теткахъ и другихъ родственникахъ вспомнить. Мой собесѣдникъ какъ будто бы боялся, что я упрекну его:

— Своего дѣла не могъ устроить, а еще другихъ пришелъ учить!..

Какъ я уже упомянулъ, въ моихъ матеріалахъ имѣется нѣсколько сообщеній отъ лицъ, которыя сами укрѣплялись. И всѣ

туеть и мнѣ,—заканчиваетъ свою личную исторію г. Б.,—отложить всякія попеченія и не возбуждать никакихъ ходатайствъ, дабы не навлечь на себя кары со стороны общества, а то возьмутъ-де да выберутъ тебя въ десятники или пожарные караульщики и придется бросить мѣсто и приѣхать изъ Самары»...

Эти два сообщения, если въ нихъ вдуматься, вскрываютъ въ сущности много любопытнаго относительно дѣйствія указа 9-го ноября. Но мнѣ сейчасъ хотѣлось бы отмѣтить лишь одно: люди которымъ онъ выгоденъ, пользуются имъ со спокойною совѣстью, чувствуя себя «въ законномъ правѣ»...

Изъ числа «укрѣплявшихся» я взялъ людей, стоящихъ не ниже, а скорѣе выше общаго уровня. Кр. М. читаетъ «Русскія Вѣдомости» и совершенно безкорыстно желаетъ помочь мнѣ въ литературной работѣ. Кр. Б. заканчиваетъ свое письмо просьбой рекомендовать ему нѣкоторыя книги по крестьянскому вопросу, «потому что наши мужики,—поясняетъ онъ,—часто меня спрашиваютъ письмами о такихъ вопросахъ». Тому и другому, очевидно, не чужды общественные интересы; свойственны имъ и добрыя чувства,—даже въ пользованіи указомъ 9 ноября («хотѣлъ поддержать брата, больно плохо живетъ»). Но это не мѣшаетъ имъ въ своихъ личныхъ и семейныхъ интересахъ опираться на силу, чуждую народному правосознанію. А что они дѣйствуютъ наперекоръ послѣднему, это они хорошо знаютъ. За исключеніемъ немногихъ, кому указъ 9 ноября выгоденъ,

все остальное крестьянство,—говоритъ г. Б.,—не допускаетъ и мысли укрѣпить или выдѣлить кому либо надѣлъ. Крестьяне про законъ имѣютъ плохое понятіе, все разбираютъ по своему: дескать, земля мірская, и принудить общество противъ его желанія никто не имѣетъ права. Только міръ, кому захочетъ, можетъ дать землю; будь у общества общественный быкъ, общество можетъ дать и этому быку надѣлъ. А если кто и имѣетъ душевой надѣлъ, а самъ хлѣбопашествомъ не занимается, общество имѣетъ право и не дать надѣла и даже отобрать ранѣе срока передѣла у того, кто имѣлъ.

«Кстати замѣчу,—прибавляетъ г. Б.,—что въ нашемъ селѣ мордва, въ волости только два села русскихъ. И тѣ и другіе по культурѣ на одинаковомъ уровнѣ». Самъ г. Б., повидимому, уже другой, болѣе «высокой», культуры, онъ усвоилъ инныя правовыя понятія, онъ знаетъ, что такое «законъ»... Это до извѣстной степени объясняетъ, конечно, его отношенія къ крестьянскимъ правовымъ воззрѣніямъ. Но любопытнѣе всего вотъ что: рассказавъ свою личную исторію, г. Б. даетъ оцѣнку указу 9 ноября съ общей точки зрѣнія и приходитъ при этомъ къ безусловно отрицательнымъ выводамъ на его счетъ. Описавъ земельное положеніе крестьянъ своей мѣстности и общинные порядки, онъ дѣлаетъ въ концѣ концовъ такое заключеніе:

Невозможно опредѣлить, какой кавардакъ получится при укрѣпленіи или выдѣлѣ земли въ личную собственность. Да это въ нашей мѣстности и

невозможно... Кромѣ того въ обществѣ существуетъ много разныхъ натуральныхъ повинностей... И всѣ эти виды соблюдать при укрѣпленіи надѣльной земли, если не невозможно, то очень трудно.

Выходить такимъ образомъ, что съ общей точки зрѣнія указъ 9 ноября никуда не годится, но люди, которымъ онъ выгоденъ, имъ все-таки пользуются. Одно дѣло общественный интересъ, и другое дѣло—личный... Не въ укоръ, конечно, г-ну В. или другимъ любезнымъ моимъ корреспондентамъ я это пишу.

Мнѣ хотѣлось лишь отмѣтить одну изъ основныхъ, какъ я думаю, линій въ развитіи интересующаго насъ явленія. Драматизмъ положенія въ томъ именно и заключается, что вопросъ громадной важности, вопросъ, отъ котораго зависитъ все будущее Россіи, рѣшается не коллективной мыслью и не общою волею, а враздробь, въ одиночку, съ точки зрѣнія личныхъ интересовъ,—и при томъ интересовъ ближайшихъ, интересовъ сегодняшняго дня. Вполнѣ возможно, что многіе изъ укрѣпляющихъ теперь надѣльную землю рѣшили бы этотъ вопросъ совершенно иначе, если бы имъ пришлось его рѣшать съ общей точки зрѣнія, оглядываясь вширь и заглядывая вдаль.

Таково общее впечатлѣніе, которое оставляютъ письма «укрѣплявшихся». Таковы же выводы, къ которымъ приходятъ и нѣкоторые другіе наблюдатели. «Сознательность идейная,—пишетъ г-нъ Мецельскій изъ Тирасполя Херсонск. губ.,—при укрѣпленіи земли отсутствуетъ, и есть просто рельефно выраженное стремленіе закрѣпить выгоды даннаго момента».

Мнѣ пришлось,—разсказываетъ онъ,—бесѣдовать по этому поводу съ крестьяниномъ. Со стороны политической благонадежности его прекрасно характеризуетъ то, что онъ, самъ выдѣлившись, успѣлъ уже скупить нѣсколько надѣловъ у своихъ односельчанъ. И вотъ онъ безхитростно и образно описывалъ мнѣ происходящее теперь разрушеніе общиннаго уклада сельской жизни. «Мужики, которые повывѣлились, продали свои участки, деньги пропили или пропиваютъ. Что дальше они будутъ дѣлать? На работу ихъ никто не приметъ; хоть бы взять меня: я купилъ у сосѣда землю, а на работу я его не возьму, потому что съ сынами я и самъ обработаю; такъ и каждый. А имъ что останется дѣлать?—выходить на большую дорогу...» Мой собесѣдникъ искренно недоумѣвалъ: „и какъ это начальство позволяеть?!”

«Въ этихъ словахъ—прибавляетъ г. Мецельскій—кроется ужасъ, и самъ собесѣдникъ проникся имъ, когда задавалъ вопросъ—что они дальше будутъ дѣлать?»

Психологія, въ сущности та же, что и въ отношеніяхъ ко всякому другому общественному имуществу, оставленному безъ присмотра. Бываетъ вѣдь, что по бревнышку растаскиваютъ цѣлое зданіе. Сами тащутъ и сами же удивляются:

— И какъ это начальство позволяеть?!

II.

Одни тащутъ, потому что имъ нужно, довольные тѣмъ, что теперь это возможно. Другимъ, можетъ быть, и не очень нужно, но... «душѣ мужескаго пола у нихъ не предвидится», и для нихъ прямой расчетъ хоть чѣмъ-нибудь попользоваться. Третьимъ приходится уже тащить волей-неволей, такъ какъ иначе, вѣдь, и безъ нихъ все растащутъ... Свободная игра интересовъ... Осуществляется, можно сказать, программа стараго либерализма. Впрочемъ, не только стараго: и современный либерализмъ склоненъ, вѣдь; рѣшеніе вопроса о формахъ землевладѣнія предоставить «самой жизни», т. е. той-же стихіи.

Правительство идетъ, однако, нѣсколько дальше. Оно не только «позволяетъ», но и приглашаетъ, поощряетъ, понуждаетъ. Тащител.. Отецъ одного изъ земскихъ начальниковъ (Дгѣпровскаго у. Таврической губ.) пишетъ мнѣ, что въ 1907 году въ участкѣ его сына «дѣла о выходѣ изъ общины шли до высшей степени быстро». «Администрація, — поясняетъ онъ, — предпринимала слишкомъ серьезныя мѣры для ускоренія этого движенія, такъ что нѣкоторые земскіе начальники даже чуть не лишились мѣстъ изъ-за болѣе равнодушнаго отношенія къ этому вопросу» *). Высшая администрація давить на земскихъ начальниковъ, земскіе начальники — на низшую администрацію. И, чѣмъ ниже, тѣмъ давленіе, по общему правилу, сильнѣе.

«Поручаю волостному правленію, — читаемъ мы въ циркулярѣ одного изъ земскихъ начальниковъ Ставропольской губерніи, — принять энергичныя мѣры къ наибольшему поступленію заявленій отъ крестьянъ о выходѣ изъ общины, въ противномъ случаѣ старшина и писарь за бездѣйствіе будутъ привлечены къ отвѣтственности за неразъясненіе крестьянамъ закона». Все дѣло въ томъ только, чтобы разъяснить законъ. И власти не бездѣйствуютъ, «разъясняютъ»...

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ земскіе начальники сами развѣзжаютъ по селеніямъ, «увѣщываютъ крестьянъ», «разъясняютъ пользу укрѣпленія и превосходство его передъ настоящимъ пользованіемъ», въ другихъ мѣстахъ они предпочитаютъ дѣйствовать черезъ волостную администрацію и своихъ письмоводителей, которые, конечно, и себѣ при этомъ кое-что зарабатываютъ. Аги-

*) Въ нынѣшнемъ году въ Таврической губерніи предприняты съ тою же цѣлью новыя серьезныя мѣры. Между прочимъ изъ газетъ извѣстно, что землеустроительная кампанія 1908 г. началась здѣсь обязательнымъ постановленіемъ губернатора, въ силу котораго всякія дѣйствія, направленныя къ удержанію крестьянъ отъ выхода изъ общины, наказываются штрафомъ до 500 руб. или арестомъ до 3 мѣсяцевъ.

тація ведеться и устная, и письменная при помощи циркуляровъ, и печатная при посредствѣ листовъ и брошюръ. Правда, эта пропаганда не всегда оказывается удачною, въ особенности, если за нее берутся лица, стоящія выше волостного писаря. Въ качествѣ примѣра приведу хотя бы слѣдующую сценку, имѣвшую мѣсто на одномъ изъ сходовъ въ Перемышльскомъ у. Калужской губ.

Земскій начальникъ,—разсказываетъ корреспондентъ,—объясняя пользу личнаго владѣнія, привелъ такой примѣръ: если у крестьянина, уже укрупнившаго надѣлы въ личную собственность, одинъ изъ дѣтей выйдетъ никуда негодный человекъ, то отецъ имѣетъ возможность такого сына лишитъ права на эту землю *). Изъ группы крестьянъ ему привели другой примѣръ:

— Если у хорошихъ дѣтей будетъ скверный отецъ, который разматаетъ закрѣпленную землю, то что тогда дѣлать сыновьямъ?

На это земскій начальникъ отвѣта не далъ.

Но у земскихъ начальниковъ имѣются въ распоряженіи другіе, болѣе сильные аргументы, чѣмъ словесныя разъясненія. И они прибѣгаютъ къ нимъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда, казалось бы, этого вовсе не требуется. Напримѣръ, въ селѣ Кривошеевѣ Корочанск. у. Курской губ. одинъ крестьянинъ, самъ землю не обрабатывающій, пожелалъ укрупнить числящіеся за нимъ пять надѣловъ. Требованіе о выдѣлѣ онъ заявилъ уже болѣе года тому назадъ; но общество отказало. «Власть—сообщаетъ корреспондентъ—пока ограничивается выдерживаніемъ подъ арестомъ старосты за то якобы, что онъ плохо внушаетъ общинѣ повиноваться закону». Можно, конечно, утѣшать себя тѣмъ, что власть «ограничивается» арестомъ старосты, не прибѣгая пока къ другимъ, еще болѣе сильнымъ, средствамъ. Но въ сущности неизвѣстно вѣдь, для чего и старосту она держитъ подъ арестомъ, когда земскій начальникъ, помимо общества, можетъ сдѣлать все, что нужно.

Для чего земскіе начальники добиваются согласія общества—я не знаю. Но объ этомъ пишутъ не только изъ Корочанскаго уѣзда. Одинъ изъ корреспондентовъ передаетъ свой разговоръ съ

*) Кстати: одинъ изъ моихъ корреспондентовъ (г. Афанасьевъ изъ Тульск. губ.) указываетъ, что въ деревнѣ не знаютъ, какъ рѣшается этотъ вопросъ по закону. „Я тоже—прибавляетъ г. Афанасьевъ—этого не знаю, да и земскіе начальники, вѣроятно, тоже не понимаютъ“. Дѣло въ томъ, что не извѣстно, должна-ли укрупненная въ личную собственность надѣльная земля приравниваться къ имуществамъ „родовымъ“ или „благопріобрѣтеннымъ“. Если ее разсматривать, какъ родовую, т. е. перешедшую къ нынѣшнему владѣльцу отъ его родителей, то его завѣщательныя права на эту землю, согласно нашимъ законамъ, ограничены; если же ее разсматривать, какъ „благопріобрѣтенную“ имъ въ настоящее время у общества, то завѣщать ее онъ, дѣйствительно, можетъ, кому захочетъ. Законъ на этотъ счетъ умалчиваетъ. Но это, очевидно, не смущаетъ земскихъ начальниковъ: они „разъясняютъ“ его въ самомъ „либеральномъ“ смыслѣ.

земскимъ начальникомъ Грайворонскаго уѣзда той-же Курской губерніи.

— Я совершилъ,—говорилъ этотъ земскій начальникъ,—болѣе 10 актовъ о выходѣ изъ общины и ни разу не встрѣтилъ случая добровольнаго соглашенія общества на выдѣленіе кому-либо земли изъ общиннаго владѣнія. Вездѣ общества не давали согласія на выраженное тѣмъ или другимъ членомъ желаніе выдѣлиться. И никакимъ страхомъ на нихъ не подѣйствуешь. Зовешь старосту и подѣ угрозой ареста и штрафа приказываешь ему составить и подписать приговоръ о выдѣленіи изъ общины, но получаешь категорическій отказъ. Староста переноситъ и штрафъ, и арестъ, но упорно поряетъ, что «общество ни велѣло давать согласія». Съ тѣмъ и отпустишь...

Можетъ быть, земскіе начальники видятъ особый шикъ въ томъ, чтобы укрѣпленія, происходили по приговорамъ обществъ, а не по ихъ постановленіямъ. Можетъ быть, они думаютъ, что начальству пріятнѣе, что у нихъ въ участкахъ все идетъ «по-милому, по-хорошему», «по согласію». И то, и другое возможно, конечно.

Но утѣшить себя или начальство «согласіемъ» земскимъ начальникамъ приходится, какъ извѣстно, рѣдко. Громадное большинство укрѣплений происходитъ по ихъ постановленіямъ при рѣшительномъ отказѣ обществъ дать свое согласіе,—и многіе земскіе начальники вполне съ этихъ примирились. Но и за всѣмъ тѣмъ укрѣпленія не обходятся безъ «средствій». Дѣло въ томъ, что личнаго интереса въ укрѣпленіи надѣльной земли у лицъ, которыя готовы услужить начальству, иногда не имѣется, или онъ оказывается недостаточнымъ для того, чтобы оплатить эту услугу. И земскимъ начальникамъ приходится этотъ интересъ такъ или иначе создать или усилить. Средства для этого, конечно, имѣются: власти «разъясняютъ» соответствующимъ образомъ указъ 9 ноября, а попутно и всѣ другіе законы. Если же этого оказывается недостаточно, то пускаются въ ходъ «успокоительныя» средства.

Читатели, быть можетъ, помнятъ «письмо изъ Балашовскаго уѣзда», напечатанное въ мартовской книгѣ «Русскаго Богатства», и тѣ беззаконія, какія понадобились, чтобы оборудовать рассказанные въ немъ «три случая» укрѣпленія надѣльной земли въ личную собственность. На совѣщаніи*), состоявшемся въ концѣ апрѣля по инициативѣ н.-с. партіи, мнѣ пришлось услышать исторію укрѣпленія земли въ с. Большомъ Караѣ, находящемся въ

*) Въ совѣщаніи, посвященномъ указу 9 ноября, кромѣ лицъ, спеціально прибывшихъ для этой цѣли, приняли также участіе нѣкоторые члены происходившаго тогда въ Москвѣ кооперативнаго съѣзда. Я познакомилъ совѣщаніе съ матеріалами, какіе къ тому времени были мною получены, и въ свою очередь не мало услышалъ рассказовъ о томъ, что творится въ деревнѣ въ связи съ указомъ 9 ноября. Матеріалами этого совѣщанія мнѣ еще придется воспользоваться.

томъ же Валашовскомъ уѣздѣ—исторію, еще болѣе характерную съ этой точки зрѣнія. Администрація задалась здѣсь двойною цѣлью: съ одной стороны, вознаградить «союзниковъ» за счетъ надѣльной земли, и съ другой—двинуть надѣльное землеустройство при ихъ содѣйствіи. Въ результатѣ жизнь громаднаго села до нелѣзя осложнилась, а значительная площадь надѣльной земли осталась незаасянной. Земля оказалась на столько «укрѣпленной», что хозяева не рѣшаются къ своимъ полосамъ даже приступиться. Больше-Карайская исторія, насколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ остается не ликвидированной.

Для иллюстраціи того, какую длинную цѣпь беззаконій иной разъ приходится властямъ продѣлать и какъ много энергіи имъ приходится проявить, чтобы двинуть укрѣпленіе надѣльной земли, я вовзму исторію, разыгравшуюся во 2-мъ Барнуковскомъ обществѣ Вольскаго у. той же Саратовской губ.

Мысль объ укрѣпленіи надѣльной земли,—разсказываетъ корреспондентъ, — первоначально была внушена крестьянину Ежову, который уже давно бросилъ крестьянское хозяйство, какъ главное занятіе, и обратился къ торговлѣ и промышленности. Для этой цѣли онъ снялъ у общества въ 1898 г. десятина земли около вокзала (за 64 руб. въ годъ), построилъ тамъ амбаръ, постоянный дворъ, лавочку... Закона 9 ноября онъ не замѣтилъ и не понялъ, пока его не натолкнулъ земскій начальникъ, подъ руководствомъ котораго онъ и выступилъ. Кромѣ него было привлечено къ этому дѣлу еще два захудалыхъ крестьянина, Кузнецовъ и Одинокъ, и такимъ образомъ исторія началась.

По существу исторія короткая: «земскій начальникъ пришелъ, у однихъ взялъ, другимъ отдалъ». И надо сказать, что съ этимъ дѣломъ онъ не медилъ. 10 апрѣля 1907 года онъ предписалъ волостному правленію объявить Барнуковскому обществу, что надѣльная земля, находящаяся при станціи желѣзной дороги, имъ отводится крестьянамъ такимъ-то. И «схематическій планъ» имъ былъ при этомъ приложенъ, и приказаніе «исполнить безъ замедленія» не было забыто. Между тѣмъ въ это время даже постановленія объ укрѣпленіи въ указаннымъ имъ крестьянами надѣльной земли еще не было. Таковое было составлено земскимъ начальникомъ только 8 мая. Больше того: даже заявленій желающихъ укрѣпиться еще не подали, — таковыя поступили отъ нихъ лишь 13 апрѣля.

Само собою понятно, что первые кліенты указа 9 ноября явились не даромъ. Земскій начальникъ ихъ облагодѣтельствовалъ. Хотя въ обществѣ уже состоялся (12 января), вошелъ въ законную силу и даже отчасти былъ приведенъ въ исполненіе приговоръ о новомъ передѣлѣ, онъ взялъ за основаніе для дальнѣйшихъ расчетовъ передѣлъ 1894 г. Кузнецовъ и Одинокъ по этому передѣлу, который произведенъ былъ по наличнымъ душамъ мужскаго пола, имѣли по три надѣла, а Ежовъ четыре; между

тѣмъ наличныхъ душъ въ семьѣ къ моменту укрѣпленія оказалось: у Кузнецова и Одинокова по одной и у Ежова три. Последній отъ излишней земли, а также Одинокъ отъ одного изъ имѣвшихся у него надѣловъ великодушно отказались; остальная излишняя земля, имѣвшаяся у Одинокова и Кузнецова, была укрѣплена за ними, при чемъ земскій начальникъ назначилъ съ нихъ въ пользу общества по 14 руб. за каждый излишний надѣлъ (въ 4 дес.). Надо сказать, что по указу 9 ноября излишняя земля можетъ быть укрѣплена за крестьянами, у которыхъ таковая окажется, но «подъ условіемъ уплаты обществу ея стоимости, опредѣляемой по первоначальной средней выкупной цѣнѣ за десятину». Потому ли, что г. Спувъ—такова фамилія земскаго начальника—черезчуръ торопился или же онъ желалъ быть щедрымъ, но только законъ онъ разъяснилъ по-своему: «первоначальную среднюю выкупную цѣну за десятину», каковая оказалась равной 14 руб., онъ назначилъ за цѣлый душевой надѣлъ, т. е. за 4 десятины.

Но этимъ его благодаренія не ограничились. Онъ не только укрѣпилъ землю, но и выдѣлилъ ее собственною властью къ одному мѣсту, на что даже указъ 9 ноября не давалъ ему права. При этомъ онъ отвелъ въ личную собственность трехъ крестьянъ, какъ уже сказано, землю при станціи, т. е. самую цѣнную часть надѣла. Здѣсь находятся склады, амбары, постоянные дворы, а въ будущемъ, вѣроятно, возникнетъ цѣлое поселеніе. Ежовъ, какъ было упомянуто, до сихъ поръ платилъ обществу 64 руб. въ годъ за одну десятину. Если эту цифру капитализировать изъ 5%, то стоимость земли при станціи опредѣлится въ 1.280 рублей десятины. Эту то землю земскій начальникъ и «выдѣлилъ».

Свой «проектъ» выдѣла онъ мотивировалъ. Онъ нашелъ, что «земля при ст. Барнуковка относится къ четвертому (разряду?) по качеству и мѣсту, т. е. хотя и пригодна вся къ распашкѣ за исключеніемъ дороги, но должна быть отнесена къ средней по качеству землѣ изъ всѣхъ земель, находящихся во владѣніи общества». «Конечно, — прибавляетъ онъ, — ст. Барнуковка, являясь центромъ мѣстнаго пассажирскаго и грузового движенія, даетъ матеріальныя преимущества выдѣляющимся сравнительно съ прочими ихъ однообщественниками, но въ пользу послѣднихъ они отказались отъ доходовъ съ мірскихъ оброчныхъ статей, и кромѣ того выдѣляющіеся принуждены нести всѣ неудобства, расходы и убытки по переселенію изъ села на новый выдѣленный имъ участокъ земли».

Въ дѣйствительности одинъ изъ выдѣляющихся (Ежовъ) живетъ при станціи уже съ 1898 г., а два другіе, какъ указывало потомъ общество въ своей жалобѣ, выселяются туда «по доброй своей волѣ, ради личнаго своего обогащенія». Что касается оброчныхъ статей, отъ доходовъ съ которыхъ будто бы отказались выдѣляющіеся, то

главною оброчною статьею общества и была земля при станціи, которую имъ отдалъ земскій начальникъ.

Чувствуя, повидимому, шаткость своихъ экономическихъ расчетовъ, послѣдній выдвинулъ на первый планъ аргументы политическаго свойства. Онъ ссылается на то, что «безчинства и оскорбленія, которыми не разъ подвергались выдѣляющіеся, заставляютъ ихъ перенести усадьбы на выдѣленную къ одному мѣсту землю, что и составляетъ одинъ изъ поводовъ ихъ желанія выдѣлиться при ст. Барнуковка». «Такое къ границѣ и не смежное съ селомъ выдѣленіе, хотя и недалеко отъ него, — прибавляетъ земскій начальникъ, — гарантируетъ выдѣляющимся больше, чѣмъ всякое другое выдѣленіе, неприкосновенность ихъ имущества, а полей ихъ отъ поправки». Дѣйствительно ли были «безчинства и оскорбленія», участвовало ли въ нихъ все общество или только отдѣльныя лица и, главное, можетъ ли надѣльная земля отводиться въ возмѣщеніе личныхъ обидъ, — все это вопросы, по нынѣшнимъ временамъ не имѣющіе, конечно, значенія. Достаточно сослаться, что такъ именно, а не иначе нужно сдѣлать въ видахъ «успокоенія».

20 іюля 1907 г. уѣздный съѣздъ, въ присутствіи просителей Кузнецова, Одинокова и Ежова (уполномоченныхъ отъ общества не было), рассмотрѣлъ это дѣло и, «соглашаясь съ заключеніемъ земскаго начальника, постановилъ: укрѣпить къ одному мѣсту въ мѣстахъ, указанныхъ земскимъ начальникомъ, и препроводить самое дѣло для надлежащаго исполненія земскому начальнику».

Належащимъ образомъ оно и раньше уже было исполнено. «Пріѣхавъ земскій начальникъ, — рассказываетъ корреспондентъ, — взявъ доморощенную сажень и отмѣрилъ, сколько, по его предположенію, слѣдуетъ выдѣляющимся земли». Послѣ того уже начались всѣ эти формальности — заявленія, постановленія, проекты и т. д., — втянувшіяся до іюля.

Но начавшаяся весной 1907 г. исторія укрѣпленія имѣла и другое теченіе. Крестьяне сначала растерялись. Мало посвященные въ смыслъ и значеніе происходившаго, «они долго путались въ порядкѣ защиты своихъ правъ, не выходя изъ предѣловъ словесныхъ переговоровъ». Но потомъ все-таки выбрались на надлежащую, казалось, дорогу. Они нашли себѣ повѣреннаго и, не пропуская срока, обжаловали постановленіе съѣзда въ губернское присутствіе. Беззаконіи была допущена такая масса, что въ отнѣивъ этого постановленія можно было не сомнѣваться. Такъ какъ постановленія съѣзда по дѣламъ этого рода не считаются окончателными, то крестьяне были вправѣ пахать свою землю. На всякій случай 11 августа они составили приговоръ, что если кого будутъ за это преслѣдовать, то отвѣтственность принимаетъ на себя все общество. На слѣдующій же день четверо крестьянъ были арестованы...

Въ срединѣ сентября въ Барнуковкѣ неожиданно появились 6 стражниковъ, а черезъ мѣсяць земскій начальникъ явился въ

волостное правленіе, приказалъ открыть денежный сундукъ и забралъ имѣвшіеся тамъ 480 руб. общественныхъ денегъ, объявивъ, что 300 руб. пойдутъ на обмундированіе стражниковъ, а 180 руб. имъ въ жалованье за первый мѣсяць. На дальнѣйшее же ихъ содержаніе земскій начальникъ обложилъ крестьянъ дополнительнымъ сборомъ въ 1 р. 25 к. съ души, что дало 937 руб. 50 коп. Такимъ образомъ крестьяне не только лишились земли, но и получили содержимую за ихъ счетъ боевую дружину, — правда, безъ оружія.

Девять разъ они собирались на сходъ, желая подать жалобу губернатору съ требованіемъ, чтобы имъ возвратили отобранныя деньги. Но власти ни за что этого не желали допустить и разрѣшили въ концѣ концовъ лишь просительный приговоръ въ ихъ собственной редакціи. Губернаторъ обѣщалъ разслѣдовать дѣло, но стражники все-таки остались. Въ январѣ нынѣшняго года крестьяне составили новый приговоръ, которымъ рѣшительно отказались платить деньги на ихъ содержаніе. Въ отвѣтъ на это земскій начальникъ заявилъ, что къ стражникамъ онъ прибавитъ еще роту солдатъ.

Но губернское начальство чувствовало, повидимому, что зашли черезъ-чуръ ужъ далеко, и земскому начальнику, какъ предполагаетъ корреспондентъ, было предложено исторію со стражниками ликвидировать. Онъ предложилъ крестьянамъ составить покаянный приговоръ, обѣщая, что стражниковъ послѣ этого уберутъ. Но крестьяне отъ такого приговора категорически отказались и, не зная, что дальше дѣлать, рѣшили обратиться непосредственно къ Столыпину.

Но тутъ произошло, — рассказываетъ корреспондентъ, — нѣчто неожиданное: стражники исчезли... Явились въ волостное правленіе, сняли свои мундиры и покинули село... Въ результатъ у общества оказался цейхгаузъ полицейскаго обмундированія: 6 мундировъ, 6 шинелей, 6 фуражекъ. Оружія въ этомъ цейхгаузѣ только потому нѣтъ, что его еще не выслали. Общественныя деньги тоже исчезли...

Землею при станціи владѣютъ Ежовъ и К°. «Общество замерло въ ожиданіи рѣшенія сената»...

Такова Барнуковская исторія. Мнѣ кажется, достаточно ея одной, чтобы читатели составили себѣ наглядное представленіе о той силѣ, которая, рядомъ съ личнымъ интересомъ и даже опережая его, работаетъ надъ разрушеніемъ общины.

III.

Имѣются и другіе факторы, дѣйствующіе въ томъ же направленіи. Въ ряду ихъ корреспонденты отводятъ довольно видную роль агитаціи всякихъ ходатаевъ, «любителей» и низшихъ властей, дѣйствующихъ уже не за страхъ, а за деньги. Въ своемъ усердіи они нерѣдко опережаютъ даже начальство. Въ качествѣ примѣра вѣзому сообщеніе г-на О.,—одного изъ лицъ, «укрѣпившихъ» землю другимъ.

Я живу,—пишетъ онъ,—въ Аккерманскомъ уѣздѣ 10 лѣтъ... Я служилъ въ должности дѣлопроизводителя волостного суда и помню, какъ при мнѣ на мѣстномъ волостномъ сходѣ законъ 9 ноября былъ объявленъ лично земскимъ начальникомъ. Въ другихъ волостяхъ своего участка онъ также лично объявлялъ этотъ законъ. Надо сказать, что молодой земскій начальникъ, кѣкто г. Д., проявившій неопытность вообще въ своихъ служебныхъ обязанностяхъ, выказалъ и въ этомъ дѣлѣ большую ошибку. Прочитавъ сходу печатный текстъ закона, онъ взялся разъяснить порядокъ укрѣпленія земли въ личную собственность, и разъяснилъ такъ, что крестьяне, очень заинтересованные новымъ закономъ, который имъ понравился и на осуществленіе коего они выразили горячее желаніе, послѣ „разъясненія“ г. Д. и головы опустили.

Дѣло въ томъ, что г. Д., повидимому, вообразилъ, что укрѣпленіе будетъ производиться въ серьевъ, какъ это слѣдовало бы дѣлать при нормальномъ порядкѣ. Каждая сдѣлка, по его словамъ, должна завершиться у нотариуса, который долженъ выдать данную на укрѣпляемую землю съ приложеніемъ точнаго чертежа каждаго участка. Въ общемъ, какъ онъ думалъ, это можетъ потребовать до 20 р. расхода на десятину. Того, что въ данномъ случаѣ имѣется въ виду чисто-русское укрѣпленіе,—не столько укрѣпленіе, сколько расхищеніе,—г. Д., очевидно, не расчужалъ. Въ результатѣ «крестьяне мирно разошлись, чтобы позабыть поскорѣе новый законъ, какъ вещь для нихъ неосуществимую».

Но присутствовавшій на сходѣ дѣлопроизводитель волостного суда сразу раскусилъ, въ чемъ тутъ штука. Между тѣмъ, благодаря «маленькимъ недостаткамъ механизма», съ нимъ случилась непріятность. «Къ марту мѣсяцу 1907 г.,—говоритъ онъ,—я за какую то мнимую пропаганду былъ временно устраненъ отъ должности, впредь до рѣшенія моего политическаго дѣла». Нуженъ былъ какой-либо заработокъ.

Случайно разговорившись по вопросу объ укрѣпленіи земли съ крестьяниномъ сосѣдняго села В., который особенно живо интересовался этимъ дѣломъ, но боялся непроезжихъ расходовъ, я сказалъ ему, что земскій начальникъ навралъ и больше ничего. Въ доказательство предложилъ свои услуги провести дѣло съ условіемъ, если найдется $\frac{1}{2}$ желающихъ изъ числа домохозяевъ села (для законнаго числа голосовъ на сходѣ).

за плату по 5 коп. съ десятины укрѣпляемой земли и съ уплатой этихъ денегъ по принятии земскимъ начальникомъ приговоровъ схода и засвидѣтельствованія имъ же, что болѣе никакихъ расходовъ не потребуется. Б. передалъ мои условія односельчанамъ, тѣ согласились. Совершили пробную запись желающихъ. Ихъ набралось въ первый же день около 80. На другой день, когда узнало все село, записалось болѣе 170 человекъ. Можно было приступить къ дѣлу. Въ помощь ко мнѣ примкнулъ товарищъ. Заказали бланки приговоровъ по формѣ, присланной губернскимъ присутствіемъ, и закупѣла работа. Присоединилось еще 49 новыхъ „желающихъ“. Къ 12 апрѣля 1907 г. 299 приговоровъ были заполнены необходимыми свѣдѣніями всего свыше чѣмъ на 3000 дес. земли... Этого числа состоялся сходъ, приговоры были подписаны грамотными, фамиліи неграмотныхъ пропечатали въ типографіи, и такимъ образомъ оформленные приговоры отвезли къ земскому начальнику.

Земскій начальникъ даже поблагодарилъ «за помощь»,—иначе, вѣдь, ему самому пришлось бы выполнить всю эту работу. «Но на бѣду забрешіе ему въ голову нотаріусы, — говорить г. О.—никакъ не хотѣли уходить оттуда, и это стало опять помѣхой».

Мы начали доказывать ему, что въ дѣлѣ *укрѣпленія* нотаріусы не нужны. Сталъ сердиться за нашу „смѣлость“, наконецъ, чтобы доказать правоту своего мнѣнія, досталъ законъ 9 ноября, мы вынули послѣдовавшіе циркуляры къ тому закону и расположились „изучать“. Долго Д. не хотѣлъ сознаться въ своей ошибкѣ; наконецъ сдался... Потомъ, оставшіяся со мной наединѣ, онъ съ укоризной сказала: „дѣло новое, сложное, нигдѣ еще не начинавшееся и вдругъ начало въ моемъ участкѣ“, какъ бы говоря этимъ: и какой чертъ васъ поселилъ въ этомъ участкѣ нарушать мой покой, за-давать мнѣ лишнюю работу только потому, что вамъ нечего дѣлать.

Какъ бы то ни было, приговоры онъ «принялъ». Въ одинъ мѣсяцъ г. О. съ товарищемъ, не смотря на объявленную ими дешевку, работали больше 150 руб. Можно было работать и дальше. «Стали мы,—разсказываетъ г. О.,—работать въ другомъ селѣ, опять наладилось дѣло. Желающихъ набралось опять болѣе, чѣмъ надо. Но дальше мы работать не могли»...

Д. приказалъ старостѣ не позволять намъ продолжать работу, называя насъ „нелегальными“ лицами и, хотя сходъ „легализировалъ“ насъ, постановивъ приговоръ, коимъ поручаетъ провести дѣло укрѣпленія земли именно намъ, мы тѣмъ не менѣе, видя придирки земскаго начальника, рѣшили, что лучше убраться по доброй волѣ изъ его участка, такъ какъ дѣло нашихъ взаимныхъ симпатій могло перейти на излюбленную имъ политическую почву.

Въ участкахъ другихъ земскихъ начальниковъ уже дѣйствовали сельскіе писаря... «Намъ ничего не оставалось болѣе,—говорить г. О.,—какъ искать постоянныхъ занятій. Товарищъ поѣхалъ на родину въ Курскую губернію, а я поступилъ на земскую службу»...

Любопытно, что на пути указа 9 ноября оказалась въ данномъ случаѣ «политика» *). Но читатели этому, вѣроятно, не удивятся.

*) Не лишне будетъ прибавить, что г. О. состоитъ корреспондентомъ

«Политика» въ наше время служить для разныхъ цѣлей,—для поддержанія начальственнаго авторитета, для удовлетворенія задѣятаго самолюбія и для сведенія личныхъ счетовъ. Не всегда, конечно, эти частныя задачи совпадаютъ съ общою цѣлью, къ которой стремится правительство. Да и вообще дѣйствующія въ жизни силы функционируютъ не всегда прямолинейно, и не рѣдки поэтому различныя *qui pro quo*, въ родѣ только что нами видѣннаго: энергичный и незамѣнимый агентъ правительственной политики преслѣдуется агентами того же правительства. Какъ мы увидимъ, жизнь разыгрываетъ подчасъ и не такія еще шутки.

Но эти случайныя уклоненія не измѣняютъ, конечно, общаго направленія, въ которомъ дѣйствуетъ тотъ или иной факторъ. Надо сказать, что и въ данномъ случаѣ порокъ былъ въ концѣ концовъ наказанъ: г. Д., не сумѣвшій, какъ слѣдуетъ, разъяснить указъ 9 ноября и проявившій медленность при проведеніи его въ жизнь, получилъ—какъ слышалъ г. О.—«строгій выговоръ». Вообще же, для многочисленнаго ряда лицъ указъ 9 ноября явился источникомъ не только доступнаго, но и всячески поощряемаго заработка. «Мѣстные аблакаты (волостные и сельскіе писаря, писмоводитель земскаго начальника и т. д.),—пишеть, напримѣръ, г. Манжелей изъ Харьковской губ.,—предвкушали впередъ выгоды, какія они извлекутъ изъ кармановъ просителей, и надо отдать полную справедливость ихъ дальноворкости». Судя по тому, что то же самое отмѣчаютъ многіе другіе корреспонденты, нужно думать, что возможность «кормиться» около указа 9 ноября является далеко не послѣдней въ ряду силъ, которыми онъ приводится въ дѣйствіе.

Я остановился на сообщеніи г. О. между прочимъ потому, что попутно онъ отмѣчаетъ и еще одно интересное явленіе: желающихъ укрѣпиться, по его словамъ, «болѣе, чѣмъ надо». Его сообщеніе относится къ той мѣстности, гдѣ указъ 9 ноября сразу получилъ широкое примѣненіе: наибольшее число «выдѣловъ» въ 1907 году дали, какъ извѣстно, Херсонская, Екатеринославская, Таврическая и та часть Бессарабской губерніи, гдѣ сохранилось общинное владѣніе. По слухамъ, въ нынѣшнемъ году довольно широкое распространеніе «укрѣпленія» получили въ нѣкоторыхъ изъ поволжскихъ губерній. Возможно, что и нѣкоторыя другія губерніи еще заявятъ себя тѣмъ же.

Естественно, возникаетъ вопросъ: можно ли это явленіе объяс-

одной изъ мѣстныхъ газетъ, а изъ приведенныхъ мною выдержекъ читатели могли замѣтить, что онъ, несомнѣнно, обладаетъ обличительнымъ даромъ. Вѣроятно, это обстоятельство является одною изъ причинъ, тяготящихъ на немъ подозрѣній въ крамолѣ. Хотя теперь онъ и поступилъ на земскую службу, но реабилитированнымъ себя, повидимому, не считаетъ и для сношеній даетъ конспиративный адресъ: такимъ путемъ—поясняетъ онъ—«я болѣе гарантированъ въ исправномъ полученіи своихъ писемъ и газетъ, нежели черезъ сельскія почты».

нить тѣми факторами, о которыхъ мною уже упомянуто, т. е. личною заинтересованностью отдѣльныхъ крестьянъ, усиленнымъ содѣйствіемъ администраціи и широкой пропагандой «любителей»? До известной степени, да. Нельзя упускать изъ виду, что экономическое положеніе крестьянъ въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ дѣйствіе указа 9 ноября сказалось съ особой силой, представляется особенно обостреннымъ, а социальное состояніе, быть можетъ, болѣе, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ, дифференцированнымъ. Нѣтъ ничего мудренаго поэтому, что въ этихъ мѣстностяхъ оказалось много крестьянъ, которымъ не остается другого исхода, какъ продать свою землю, и нашлось не мало охотниковъ, которые имѣютъ возможность купить ее. Имѣются также свѣдѣнія, что въ этихъ губерніяхъ, оказавшихся въ свое время наиболѣе безпечными, администрація проявила особую энергію по части надѣльнаго землеустройства. Наконецъ вполне возможно, что и «любителей» здѣсь оказалось болѣе, чѣмъ гдѣ-либо: еще Гл. И. Успенскій поражался обиліемъ на югѣ «ястребовъ», какъ онъ ихъ называлъ.

Но и за всѣмъ тѣмъ въ явленіи, о которомъ намъ напомнилъ г. О., есть кое-что неясное. Подумайте въ самомъ дѣлѣ: какъ только узнало село, чуть не всѣ бросились записываться. И мы знаемъ, что дѣйствительно цѣлыми селами укрѣпляли и укрѣпляютъ землю въ личную собственность. Неужели всѣмъ или значительному большинству это выгодно?

Нѣкоторые изъ моихъ корреспондентовъ останавливаются на этомъ явленіи и указываютъ еще одинъ факторъ, который въ данномъ случаѣ, по ихъ мнѣнію, дѣйствовалъ. «Большинство,—говорить, на примѣръ, корреспондентъ про с. Ковяги Валковск. у., гдѣ изъ 800 домохозяевъ укрѣпили землю около 120,—какъ это наблюдается при всякомъ малоопытномъ нововведеніи, просто-напросто пошли по примѣру другихъ.

Свое первое письмо,—пишетъ уже упомянутый выше г. Мецельскій,—я закончилъ догадкой, что укрѣпленіемъ земли въ частную собственность многіе крестьяне (Херсонск. губ.) увлекаются, какъ новинкой. Въ настоящее время моя догадка начинаетъ принимать реальную подкладку. Пришлось недавно разговаривать съ секретаремъ землеустроительной комиссіи, сторонникомъ теперешней аграрной политики. И вотъ онъ сообщалъ мнѣ или, вѣрнѣе, проговорился, что въ комиссію приходятъ выдѣлившіеся за разъясненіями: „Когда мы выдѣлялись—думали, что послѣ выдѣла намъ земли прибавятъ“; другіе недоумѣваютъ: „Зачѣмъ мы выдѣлились“... Интересенъ фактъ—прибавляетъ корреспондентъ,—когда одинъ богатѣйшій крестьянинъ, скушая укрѣпленные участки земли, самъ совершенно пока и не помышляетъ о выдѣлѣ...

Нѣкоторые корреспонденты, желая охарактеризовать явленіе, гдѣ оно получило массовый характеръ, называютъ его «горячкой» или «эпидеміей». Такимъ образомъ, если одни тащутъ, потому что это имъ нужно или выгодно, то другіе въ силу всякихъ недоразумѣній и иногда просто для того, чтобы не отстать отъ другихъ.

Движеніе подчасъ захватываетъ даже тѣхъ, которымъ укрѣпленіе земли прямо не выгодно. М. Р. Поповъ въ своемъ сообщеніи (изъ Ростовскаго уѣзда, Донской области) передаетъ такой фактъ:

Спрашиваю какъ-то знакомаго крестьянина, какъ у нихъ рѣшили на сходѣ о выдѣлѣ изъ общины?— Да записываются, человекъ 160 записалось. Записался и я было сначала, но потомъ потребовалъ, чтобы вычеркнули меня. Несправедливое это дѣло, какъ потомъ то оказывается. Я, напримѣръ, съ отцомъ платилъ за два надѣла. Потомъ отецъ померъ, я пользуюсь однимъ надѣломъ, за одинъ и плачу. Но у меня есть малолѣтніе братья, имъ земли пока нѣтъ, но когда они придутъ въ совершеннолѣтіе имъ тоже по старому закону должны дать земли. Теперь выходитъ по новому закону имъ земли нѣтъ и, значитъ, отецъ даромъ выплачивалъ за землю. Гдѣ же тутъ правда? За что мой отецъ платилъ выкупъ? Выходитъ напрасно онъ платилъ выкупныя, коли его дѣтямъ не даютъ земли. Такъ я, другой, третій подумали— подумали, да и рѣшили не выдѣлять никого. На сходѣ большинство сказало: ни въ какомъ случаѣ не желаемъ выдѣлять! Старики, такъ тѣ еще и такъ сказываютъ: выдѣля ихъ, они пропьютъ землю, да опять же на нашу шею сядутъ, ни гдѣ дѣнута!

Кромѣ недоразумѣній и отсутствія достаточной сознательности, въ ту же сторону толкаетъ нѣкоторыхъ и отчаяніе: «хуже не будетъ». Нельзя упускать изъ виду, что и психологическія и экономическія предпосылки для этого въ народной жизни имѣются. Многие корреспонденты увлеченіе указомъ 9 ноября ставятъ въ непосредственную связь съ разочарованіями въ надеждахъ рѣшить земельный вопросъ другими средствами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ невозможностью существовать дальше при нынѣшнихъ условіяхъ. Н. Д. Краевскій въ своемъ сообщеніи (изъ Краснинскаго у. Смоленской губ.), желая дать общую характеристику укрѣпляющимся, говоритъ, что «это все, какъ здѣсь ихъ зовутъ, *рисковые люди*». При этомъ онъ настойчиво повторяетъ, что движеніе къ укрѣпленію земли «началось лишь тогда, когда всѣ надежды на увеличеніе землевладѣнія за счетъ другихъ классовъ были потеряны».

Такимъ образомъ многіе крестьяне, повидимому, бросились въ дверь, открытую указомъ 9 ноября, только потому, что всѣ другія оказались запѣртыми. Любопытно, что въ эту дверь иногда пытаются пробраться даже тѣ, для которыхъ она совершенно не предназначена. Агрономъ Ф. А. Севъ въ своемъ сообщеніи (изъ Бузулуцкаго у. Самарской губерніи) упоминаетъ о случаяхъ, когда за указъ 9 ноября пробовали ухватиться сторонники передѣла. «Партія, оставшаяся въ меньшинствѣ,— говоритъ онъ,— чувствуя себя несправедливо обдѣленной, подаетъ заявленіе о своемъ желаніи укрѣпить надѣльную землю въ собственность, при условіи новаго передѣла, соответствующаго ея интересамъ; при этомъ она надѣется получить землю цѣльнымъ кускомъ». Повидимому, въ данномъ случаѣ у сторонниковъ передѣльной формы проглядываетъ даже желаніе при помощи

указа 9 ноября какъ бы обособиться. Но «такъ какъ,—продолжаетъ г. Севъ,—для передѣла не всегда имѣется законное основаніе, то крестьяне этой партіи, не будучи обнадѣжены земскимъ начальникомъ, немедленно берутъ свои заявленія обратно».

Съ фактомъ такого же рода и, пожалуй, еще болѣе любопытнымъ, мнѣ пришлось какъ-то лично столкнуться въ одну изъ своихъ поѣздокъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ я ѣхалъ изъ Самары въ Саратовъ. Въ одномъ вагонѣ со мною ѣхалъ уже немолодой человѣкъ въ длиннополой одеждѣ, съ благообразнымъ лицомъ, съ волосами, подстриженными въ скобку, съ тихой, плавной и нѣсколько пѣвучей рѣчью. По виду онъ очень походилъ на скромнаго сельскаго попаика. Послѣ Пензы мы съ нимъ оказались въ одномъ купе и разговорились. Оказалось, что это крестьянинъ изъ Новоузенскаго уѣзда, возвращающійся изъ Самары къ себѣ въ деревню.

— Ну, что,—спрашиваю,—какъ у васъ землеустроительная коммиссія дѣйствуетъ?

— Да что...—неохотно какъ-то отвѣтилъ онъ.—Есть и у насъ это, толку-то только мало... Не выходитъ у нихъ это дѣло...

— Ну, а указъ 9 ноября? Укрѣпляютъ надѣлы?

— Это есть,—нѣсколько оживился онъ.—Большая смута идетъ... Вотъ и я по этому самому дѣлу въ Самару ѣздилъ...

— А что?

— Да на отруба наши мужики задумали переходить... Да развѣ возможно это? Мыслимо ли такое дѣло со ссорой начинать? Ужъ если расходиться, то надо по-хорошему... И то взять: какъ жить-то на отрубяхъ? Теперь мы сообща и школу, и церковь, и мостъ исправляемъ... А тогда какъ?...

Однимъ словомъ, общинникъ оказался на рѣдкость. Встрѣтить такового въ лицѣ крестьянина, совершающаго свои дѣловыя поѣздки во 2-мъ классѣ, было по меньшей мѣрѣ странно. Но ларчикъ очень просто отерлся. Кромѣ нѣсколькихъ своихъ надѣловъ мой собесѣдникъ, какъ оказалось, держитъ въ арендѣ что-то около десятка, даже болѣе, чужихъ. Передѣлъ въ селѣ былъ 8 лѣтъ тому назадъ, земля была подѣлена на 12 лѣтъ. И вотъ нѣкоторые крестьяне тогда же сдали ему свою землю за плату въ 30 руб. за надѣлъ (а надѣлы тамъ большіе) за все время. Кромѣ того, онъ же долженъ былъ платить подати. Между тѣмъ выкупные платежи были отмѣнены, и это обстоятельство, заставило, повидимому, владѣльцевъ сданной земли добиваться возвращенія ея раньше срока. Кромѣ того и въ обществѣ явилось желаніе поравнять землю. Задумали передѣлъ, но пріѣхалъ земскій начальникъ и сказалъ, что это никакъ не возможно. Вотъ они и удумали: на отруба!

— Да я бы имъ и такъ землю-то отдалъ... Скажи только ве-

время. А то вѣдь нѣтъ... Дождались, когда я на нее иврасходо-
вался... 135 десятинь у меня вспахано, чтобы пшеницу весной
сѣять, на худой конецъ это 10 руб. на десятину стоитъ. А они:
на отруба... Знаю я: это все староста ихъ подбиваетъ. Давно ужъ
онъ ихъ мутить. У него по ночамъ все собирались, и приговоръ
ночью составили, а утромъ нарочнымъ къ земскому. Тотъ имъ и
утвердилъ сразу... Въ августѣ я вспахалъ землю, а въ сентябрѣ
они отруба нарѣзали. Прямо, можно сказать, ограбили...

— Ну какъ же они?—заинтересовался я:—землемѣра звали?

— На что имъ землемѣръ?! Сами съ кольями ходили, мѣряли...
Живо обошли... Да и то сказать,—закончили онъ опять тихимъ и
какъ будто упавшимъ голосомъ,—вѣдь на годъ только дѣлили-то...

— Какъ на годъ?

— Да такъ! потомъ, говорятъ, можетъ, опять на старое по-
вернемъ...

— Вотъ я и ѣздилъ теперь къ губернатору,—продолжалъ мой
собесѣдникъ.—Ограбили, говорю, ваше превосходительство... Очень
внимательно выслушалъ, общалъ сдѣлать все возможное. Только,
говорить, рѣшеніе уже въ силу вошло, въ сенатъ теперь писать
требуется...

Я не знаю, удалось ли самарской администраціи дать въ этомъ
случаѣ задній ходъ «землеустройству», сыгравшему, очевидно, со-
всѣмъ не ту роль, на какую рассчитывало правительство. Инте-
ресно, однако, отмѣтить вотъ что. Въ опубликованномъ недавно
планѣ землеустроительныхъ работъ, какія предположено выполнить
въ настоящемъ году, между прочимъ, въ отдѣлѣ о надѣльномъ
землеустройствѣ, говорится:

Совершенно особое положеніе занимаетъ Самарская губернія, которая
стоитъ на первомъ мѣстѣ по площади, намѣченной къ образованію хуторовъ,
а именно 177.258 дес. или 22% общей площади. Изъ этой площади болѣе
154 тысячъ десятинь приходится на одинъ Новоузенскій уѣздъ, въ которомъ
16 сельскихъ обществъ, съ 7,373 дворами, заявили ходатайство о переходѣ
на хуторскіе участки *).

Новоузенскій уѣздъ,—это тотъ, съ крестьяниномъ котораго мнѣ
пришлось встрѣтиться. Въ числѣ 16 общинъ, изъявившихъ желаніе
перейти на хутора, быть можетъ, заключается и то село, про ко-
торое онъ рассказывалъ (Знаменка—если не измѣняетъ мнѣ
память)... Во всякомъ случаѣ, я считалъ не лишнимъ въ ряду дру-
гихъ отмѣтить и этотъ случай.

Съ разныхъ сторонъ летитъ вода на правительственную мель-
ницу...

Читатели знаютъ, что я ограничилъ въ настоящей разѣ свою
задачу. Я отмѣтилъ лишь тѣ факторы, которые содѣйствуютъ про-

*) „Новое Время“, 10 іюля.

веденію указа 9 ноября. Само собой понятно, однако, что они не одни дѣйствуютъ въ жизни. Если много имѣется лицъ, которымъ выгодно укрѣпленіе надѣльной земли, то еще больше такихъ, которымъ оно прямо убыточно. На ряду съ разрозненными личными интересами дѣйствуетъ и сплоченный интересъ общественный. Множеству всяческихъ недоразумѣній во многихъ мѣстахъ противостоятъ довольно опредѣленная сознательность. Общее направленіе процесса, а также его социальныя и хозяйственныя результаты опредѣляются лишь, какъ итогъ всѣхъ этихъ, то взаимно сплетающихся, то другъ другу противодѣйствующихъ силъ. Но, какъ уже сказано, я считаю за лучшее нѣсколько обождать съ выводами на этотъ счетъ. И свою статью закончу новой просьбой къ лицамъ, которыя мнѣ уже обѣщали писать, и которыя вообще располагаютъ соответствующимъ матеріаломъ, не отказать въ дальнѣйшихъ своихъ сообщеніяхъ. Нынѣшнимъ дѣломъ, какъ многіе предполагаютъ, дѣйствіе указа 9 ноября должно уже достаточно опредѣлиться. Между тѣмъ газетныя свѣдѣнія о томъ, что творится въ связи съ нимъ въ деревнѣ, за последнее время стали еще болѣе скудными, чѣмъ даже были раньше.

А. Пѣшеховъ.

Хроника внутренней жизни.

1. Окончаніе думской сессіи.—Оптимистическіе итоги.—Кому и чему Дума 3 іюня помогаетъ?—2. Дума и неотложныя реформы.—Рыковская катастрофа.—Процессы російскихъ сантафедитовъ.—Безудержный оптимизмъ.

...«Важнѣйшей—если не единственной—заслугой третьей Думы является укрѣпленіе идеи народнаго представительства. Какой бы цѣной, невозможной для демократическихъ депутатовъ перваго и втораго созыва, Дума 3 іюня ни купила право на существованіе, во всякомъ случаѣ самымъ фактомъ своего существованія, каждымъ новымъ днемъ его Дума все болѣе и болѣе встаетъ, такъ сказать, въ государственный строй, становится его органическою составною частью»... Такъ высказывалась «Рѣчь», подводя итоги думской работы приблизительно за недѣлю до указа 28 іюня о «перерывѣ занятій» (см. № «Рѣчи», 20 іюня). «Впервые для русскаго парламента открылась возможность реальной работы, впервые Дума почувствовала подъ своими ногами твердую законодательную почву... Этимъ начавшимся движеніемъ законодательства русскій парламентъ утвердилъ себя въ настоящемъ и почувствовалъ свое будущее. Это утвержденіе невѣсомое, но ясное, не продуцирующее нынѣ, но способное въ грядущемъ принести неистребимые плоды—

является главнымъ и сильнымъ козыремъ въ рукахъ политическихъ оптимистовъ. Парламентъ обнаружилъ возможность, необходимость и неизбежность своего существованія, онъ пустилъ корни не только въ русскомъ политическомъ сознаниі, но и въ русской политической дѣйствительности... Такъ, подводя итоги 8-мѣсячныхъ думскихъ работъ, писало «Слово», приблизительно, недѣлю спустя послѣ указа о перерывѣ (см. № 8 іюля).

Дума «купила» себѣ существованіе, — «уволена въ отпускъ», а не распущена... Таковъ «главный козырь въ рукахъ политическихъ оптимистовъ». И, повидимому, козырь единственный, ибо другихъ оптимисты почти не предъявляютъ. Правда, Дума «контрассигнировала», по выраженію «Слова», 350 «министерскихъ предложеній», но эту «работу» «Слово» готово признать «скучной и ничего не выражающей». А «Рѣчь» «законодательные итоги сессіи резюмируетъ такъ: ни одного общаго, ни одного имѣющаго принципиальное значеніе проекта». Правда и то, что со стороны оптимистовъ дѣлались попытки предъявлять и еще кой-какіе козыри. Между прочимъ, дѣлались попытки истолковать въ демократическомъ смыслѣ проведенную необыкновенно быстро, въ самомъ концѣ сессіи замѣну десятирублевой суточной діеты депутатовъ (только за время сессій) годичнымъ жалованьемъ въ размѣрѣ 4200 р., — случаемъ ежемѣсячно какъ во время сессіи, такъ и во время каникулъ. Оптимисты цытались было по этому поводу напомнить, сколь депутатская діета вообще соответствуетъ интересамъ демократіи, и почему надо, стоя на демократической точкѣ зрѣнія, радоваться... Но теоретическіе разговоры о діетѣ ужъ слишкомъ плохо соответствовали житейской и всѣмъ очевидной обстановкѣ, а у депутатовъ не нашлось даже выдержки, чтобы повременить съ назначеніемъ себѣ жалованья хотя бы до 15 октября, когда начнется новая сессія. 1200 руб. жалованья за 3¹/₂ нынѣшнихъ каникулярныхъ мѣсяца оказались сильнѣе чувства неловкости. «Реформа» была спѣшно проведена. И козырь оказался явно проигрышной картой, какъ, впрочемъ, и нѣкоторые другіе козыри, на которыхъ въ разное время и по разнымъ причинамъ сосредоточивалось оптимистическое вниманіе. И въ рукахъ оптимистовъ доселѣ остается важнѣйшимъ и, повидимому, единственно несомнѣннымъ для нихъ козыремъ самый фактъ: Дума существуетъ, не разогнана и поставила себя такъ, что «теперь» ея роспускъ правительствомъ, по выраженію «Рѣчи», «напоминалъ бы того щедринскаго городничаго, который овнаменовалъ свое вступленіе во власть, окативъ недоумѣвающихъ глуповцевъ водою изъ пожарной трубы»...

Къ этому главному козырю мы вскорѣ подойдемъ ближе. А пока остановимся на картахъ, такъ сказать, безкозырнаго значенія. «Скучна и ничего не выражаетъ» работа Думы, — говорить «Слово». Ничего «общаго, имѣющаго принципиальное значеніе» Дума не дала, — говорить «Рѣчь». Мнѣ кажется, обѣ газеты могли сказать

это, лишь упустивъ изъ виду кое-какіе общезвѣстные факты. Дума приняла законопроектъ объ учрежденіи 87 новыхъ сыскныхъ отдѣленій... Эту совершенно очевидную помощь правительству въ его борьбѣ съ политическими, главнымъ образомъ, врагами «Слово» можетъ находить скучной или веселой. Но едва ли можно сказать, что она «ничего не выражаетъ» и «никакого общаго, принципиальнаго значенія не имѣетъ». Дума разрѣшила очередной заемъ въ 200 милліоновъ, Дума ассигновала средства на продолженіе усиленныхъ и чрезвычайныхъ охранъ. Можно бы напомнить множество другихъ обстоятельствъ, по поводу которыхъ Дума выражала моральное сочувствіе и оказывала матеріальное содѣйствіе правительству въ его борьбѣ противъ неотложныхъ реформъ, ожидаемыхъ страню. Но эти дѣйствія Думы болѣе или менѣе общезвѣстны. И увѣрять, будто она въ нѣкоторомъ родѣ невинный политическій младенецъ, коего дѣянія «ничего не выражаютъ» и никакого «общаго принципиальнаго значенія» не имѣютъ, значитъ говорить ужъ слишкомъ не то, что есть въ дѣйствительности.

Пожалуй, мнѣ могутъ напомнить не высказываемый, но подразумеваемый аргументъ, благодаря которому благодушные публицисты, видимо, привыкли не краснѣя писать слова о политической невинности Думы 3 іюня. Въ самомъ дѣлѣ, съ Думой или безъ нея, но правительство такъ же неуклонно шло бы къ своей цѣли, какъ оно идетъ и теперь. Возможно, что въ отдѣльныхъ случаяхъ помощь Думы имѣетъ кое-какое реальное значеніе. Въ частности можно сказать, что, не будь одобренъ послѣдній 200-милліонный заемъ «народными представителями», правительство, навѣрное, испытало бы больше затрудненій и заплатило бы дороже. Но въ общемъ реальная величина думской помощи не такъ уже велика. Это во-первыхъ. А, во-вторыхъ, оказывая правительству помощь въ дѣлѣ борьбы съ неотложными реформами, Дума въ сущности посылаетъ поддержанія на завѣдомо безнадежную позицію. И всѣ это понимаютъ, что позиція безнадежна. Бездонной бочки не наполнишь, позиція правительства думскими вѣтами не укрѣпишь. Слѣдовательно, при оцѣнкѣ общаго положенія сознательную помощь думскаго большинства можно просто не принимать въ расчетъ, какъ величину, которая по малозначительности своей не имѣетъ особеннаго значенія въ конечномъ итогѣ.

Оставимъ въ сторонѣ вопросъ,—можно ли считать роль Думы, какъ правительственной помощницы, малозначительной; и если можно, то въ какомъ именно смыслѣ эта роль малозначительна. Во всякомъ случаѣ, только признавая, что явное содѣйствіе Думы «политикѣ успокоенія» мало значитъ въ общемъ ходѣ событій, можно говорить, будто «ничего не выражаетъ» дѣятельность того большинства, которое, помимо всего прочаго, въ одну изъ весьма затруднительныхъ для власти финансовыхъ минутъ скрѣпило формальною санкціей народнаго представительства правительственный

бюджет и подписало отъ имени всей страны заемныя обязательства совѣта министровъ. Аргументъ, что думское содѣйствіе режиму чрезвычайныхъ и усиленныхъ охранъ не принесетъ большой помощи правительству, можно, пожалуй, не высказывать, а лишь подразумевать. Но это вовсе не даетъ права и основанія забывать самый фактъ содѣйствія. Можно, пожалуй, доказывать, что моральное и матеріальное содѣйствіе режиму чрезвычайныхъ охранъ и есть та цѣна, какую Дума «купила право на существованіе». Но совершенно непонятно, какимъ чудомъ въ оптимистическихъ головахъ помощь бордамъ, ополчившимся за сохраненіе исконныхъ устоевъ, превращается въ «укрѣпленіе идеи народнаго представительства». Шутки, что ли, шутить г. Столыпинъ, пришедшій въ раздраженіе даже отъ того, сворѣе дипломатическаго, чѣмъ серьезнаго, намека на «новый строй», какой содержался въ адресѣ 3 Думы? Простой и несомнѣнный фактъ, что указа о роспускѣ пока не послѣдовало, можно, пожалуй, изложить необыкновенно торжественными словами: «Дума «вростаетъ въ государственннй строй», представительное учрежденіе «становится органическою составною частью» государственной машины и т. д. Пожалуй, для передачи того же факта можно найти штиль еще болѣе высокой. Божь, однако, что буквальное пониманіе словъ, свойственныхъ высокому штилю, способно завести слишкомъ далеко въ сторону чистѣйшаго фантазирования.

Въ самомъ дѣлѣ,—первыя двѣ Думы не «вросли», третья, видите ли, «вростаетъ». Примѣнительно къ дѣйствительности это, между прочимъ, значитъ: первыя двѣ Думы имѣли право получать иностранныя изданія помимо цензуры, а пользуется ли этимъ право третья Дума, — неизвѣстно. До сихъ поръ заграничныя изданія пропускаются нынѣшней Думою только въ просмотрѣнномъ и часто «перипродованномъ» цензурою видѣ и пока лишь обѣщано принять мѣры къ устраненію этой «особой почтовой цензуры». Такимъ образомъ, даже въ смыслѣ простой освѣдомленности, по сколько интересамъ послѣдней служить иностранная печать, законодательное de jure учрежденіе приведено въ полную зависимость отъ одного изъ органовъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Уже одна эта деталь свидѣтельствуетъ, какой ироническій смыслъ заключается въ торжественной формулѣ: Дума вростаетъ въ государственный строй... Вростаетъ въ полицейскій строй, окрашивается подъ одинъ цвѣтъ со всѣми другими учрежденіями полицейскаго государства. Понимать востаніе иначе, въ смыслѣ «укрѣпленія идеи народнаго представительства», значило бы пользоваться двусмысленными оборотами рѣчи для явно несоответствующихъ дѣйствительности выводовъ.

Конечно, цензурная «икра» на заграничныхъ изданіяхъ, получаемыхъ Думою, лишь деталь. Однако, она вовсе не единственная въ своемъ родѣ. Такихъ деталей, пожалуй, слишкомъ много. Припомните,

напр., въ какомъ направленіи разрѣшился вопросъ о правѣ избирателей обращаться къ депутатамъ со своимъ наказами и заявленіями. Спорный во времена первой и второй Думы, онъ окончательно рѣшенъ теперь, и рѣшенъ совершенно въ духѣ департамента полиціи. Или вспомните другой спорный вопросъ,—о правѣ депутатовъ бесѣдовать съ избирателями. Во времена первой Думы это право осуществлялось болѣе или менѣе явно. Во времена второй, которая такъ «оберегала» себя, оно осуществлялось болѣе или менѣе тайно. Теперь дѣло поставлено откровенно: депутатъ правительственной партіи можетъ вести съ избирателями разговоръ, соответствующій видамъ правительства; депутаты оппозиціи особымъ циркуляромъ отданы подъ особый полицейскій надзоръ, имѣющій цѣлью пресѣкать самолюбившія попытки къ развитію передъ населеніемъ оппозиціонной точки зрѣнія. Если обвинительный судебный приговоръ за бесѣду съ населеніемъ депутату Косоротову, основанный на полицейскомъ оговорѣ, опровергнутомъ на судѣ показаніями всѣхъ свидѣтелей (кромѣ полицейскаго стражника), знаменуетъ совершенную откровенность правительства, то вотумъ Думы объ исключеніи г. Косоротова выражаетъ взгляды думскаго большинства,—того самаго большинства, которое ни одного депутата оппозиціи въ такъ называемую комиссію государственной обороны допустить не пожелало. Нечего удивляться недавнему указу сената, запретившему допускать какъ на государственную, такъ и на общественную службу (по выборамъ дворянскихъ и земскихъ собраній и городскихъ думъ) лицъ, обнаружившихъ неправомерный образъ мыслей. Это—лишь одинъ изъ первыхъ шаговъ, формально закрѣпляющихъ единодушіе правительства съ думскимъ большинствомъ. И въ силу этого единодушія оппозиціонные депутаты, вытѣсненные большинствомъ изъ такихъ «секретныхъ» мѣстъ, какъ комиссія государственной обороны, стали именно поднадзорными посѣтителями Таврическаго дворца. Какъ почетнымъ пѣвникамъ, имъ оказываются внѣшніе знаки вниманія, время отъ времени имъ разрѣшаютъ посѣтить то Обуховскій заводъ, то иныя достопримѣчательныя мѣста. Но это, разумѣется, нисколько не мѣшаетъ имѣть за каждымъ почетнымъ пѣвникомъ неослабное наблюденіе,—дабы, Боже избави, не улизнуть тайкомъ на непріятельскую территорію и не устроилъ тамъ митинга. Достигнутое, благодаря 3 Думѣ, правовое положеніе російскаго народнаго представителя довольно точно характеризуется, между прочимъ, вызовами депутатовъ-священниковъ по начальству для внушеній и наставленій, какъ подобаешь православному духовенству вести себя, играя роль законодателя, и что подобаешь дѣлать. И немудрено, если съ Думою, до такой степени сумѣвшей «врости» въ нынѣшній государственный строй, г. Шварцъ, напр., разговариваетъ тономъ ментора, читающаго нравоченія легкомысленнымъ гимназистамъ. И не мудрено, что у отдѣльныхъ пред-

ставителей власти временами срываются по адресу думы ужь совѣмъ безцеремонныя словечки,—въ родѣ «доморощенныхъ законодателей». Не мудрено, что въ самой Думѣ представитель министерства народнаго просвѣщенія публично и официально объявилъ незаконнымъ вотумъ, о приемѣ вольнослушательницъ въ университеты. И напрасно по этому поводу представителя учебнаго вѣдомства обвиняли въ юридической безграмотности. Онъ не столько юридически безграмотенъ, сколько просто откровенный человѣкъ, у котораго, что называется, душа на распаху. И его дѣйствія—лишь результатъ все того же «востанія» представительнаго органа подъ одну фасадную линію, «заподлицо», какъ говорятъ ремесленники, съ департаментомъ полиціи.

Очень бѣгло и лишь на очень немногихъ примѣрахъ я стараюсь показать плоды трудовъ г. Столыпина по укрѣпленію антиконституціонныхъ позицій. Собственно, дѣятельность направляемую систематически въ эту сторону, было бы интересно прослѣдить шагъ за шагомъ,—отъ осторожной полупросительной рѣчи нынѣшняго предсѣдателя совѣта министровъ въ первой Думѣ до безцеремоннаго и безапелляціоннаго заявленія въ Государственномъ Совѣтѣ передъ самымъ развѣздомъ третьей Думы на лѣтніе каникулы:

— Разъ правительство требуетъ ассигновки на флотъ, и разъ оно говоритъ, что деньги есть, Дума обязана отъ имени всей страны подписать долговые документы безъ разсужденій.

По дорогѣ отъ полупросительнаго, заискивающаго тона къ начальнически безцеремонному были этапы, остановки, разные оттѣнки искательства и разные оттѣнки безцеремонности. И было бы, пожалуй, назидательно—вскрѣсть, какъ росъ аппетитъ г. Столыпина по мѣрѣ ѣды. Въ частности было бы интересно хоть сколько-нибудь учесть размѣры помощи, какую получилъ г. Столыпинъ на этомъ своемъ пути специально отъ большинства третьей Думы. Но это особая и сложная тема. Намъ сейчасъ приходится лишь коснуться ея и при томъ въ самыхъ общихъ чертахъ.

II.

Думское большинство морально и материально содѣйствуетъ ликвидационной политикѣ,—политикѣ, острѣе которой направлено къ устраненію неотложныхъ реформъ. И уже одно это по логикѣ вещей должно обрекать 3 Думу на роль правительственнаго помощника въ дѣлѣ укрѣпленія именно тѣхъ позицій, каковыя желательно укрѣплять довѣрителямъ г. Столыпина. Однако, думское большинство не просто помощникъ. Въ смыслѣ борьбы съ неотложными основными реформами русской жизни, оно проявляетъ и нѣкоторое собственное усердіе и нѣкоторую инициативу. Ни для кого не секретъ, напр., что по отношенію къ земельному вопросу,

какъ онъ ставится самою жизнью, всею совокупностью наличныхъ социальныхъ условий, большинство третьей Думы настроено вовсе не благожелательно. И ни ставить, ни разрѣшать этотъ вопросъ оно не намѣрено. Относительно мѣстной, земской реформы желанія большинства оформлены и опубликованы во всеобщее свѣдѣнiе. Вообще говоря, они сводятся къ тому, чтобы сохранить status quo. Въ частности, даже мелкiй законопроектъ объ «общественномъ управленiи» въ Карсъ передъ самымъ концомъ сессii былъ снятъ и погребенъ до лучшихъ временъ въ комиссiи. Жалобы же крестьянскихъ депутатовъ, что тягота всѣхъ волостныхъ расходовъ и повинностей возложена исключительно на крестьянъ, встрѣчены октябристскимъ большинствомъ враждебно. А соответствующiй этимъ жалобамъ законопроектъ хотя и переданъ въ комиссiю, но едва ли для кого-либо тайна, что торопиться съ нимъ октябристы 3 Думы не намѣрены. И точно также ни для кого не тайна отношенiе думскаго большинства къ обѣщанной манифестомъ 17 октября 1905 г. реформѣ избирательнаго права въ сторону всеобщности. Правда, одно время г. А. Гучковъ заявлялъ себя сторонникомъ всеобщаго избирательнаго права,—но то было давно, въ 1905 г. Съ тѣхъ поръ г. Гучковъ съ его политическими единомышленниками непрестанно «умѣлъ». Въ 1906 г. они поумѣли до радостнаго привѣтствiя военно полевымъ судамъ. Въ 1907 г. они поумѣли до радостнаго праздника съ шампанскимъ по случаю избирательнаго закона 3 iюня. Нынѣ они совсѣмъ поумѣли,—до исполнѣнiя откровенной, продуманной и прочувствованной неприязни къ невыгоднымъ для нихъ обѣщанiямъ манифеста 17 октября.

Конецъ сессii совпалъ со взрывомъ въ рыковскихъ каменноугольныхъ шахтахъ, унесшимъ около 300 жертвъ. Вслѣдъ за этою катастрофою произошелъ обвалъ потолковъ въ строящемся зданiи кавалергардскаго полка (на Шпалерной, въ Петербургѣ). А вслѣдъ за разѣздомъ депутатовъ на каникулы въ юзовскихъ шахтахъ произошелъ новый взрывъ... «Рабочiй вопросъ» сталъ усиленно напоминать о себѣ на этотъ разъ съ такимъ потрясающимъ краснорѣчiемъ, что «Новое Время» заторопилось установить alibi центральнаго начальства:

«Правительство, по отзыву этой газеты, (своевременно) ассигновало 42000 руб. для исслѣдованiя шахтъ въ смыслѣ ихъ опасности, но горнопромышленники два года тянули постройку помѣщенiя и исслѣдованiя» *). Главнiй виновникъ катастрофы — промышленники, «умѣющие только вопить передъ правительствомъ о своихъ нуждахъ, но виновато также и вѣдомство, не справившееся съ надлежащей организацiей надзора за рудниками».

«Вѣдомство» хотѣло «надлежаще организовать надзоръ», но «не справилось»... Дѣйствительность далеко не такъ отрадна, чтобы

*) Цит. по „Одесск. Новост.“, 25 iюня 1908.

предполагать очень сильное «хотѣніе» вѣдомства тамъ, гдѣ предприниматели избавлены отъ уголовной отвѣтственности за непріятіе элементарнѣйшихъ мѣръ предосторожности, и гдѣ организація рабочихъ ради солидарнаго предъявленія къ предпринимателю исковъ за увѣче довольно легко разбиваются обысками, арестами, высылками по первому доносу самого предпринимателя или его довѣренныхъ лицъ. Слишкомъ общезвѣстно, что задолго до «смуты» 1905 г. въ смыслѣ ужь слишкомъ беспечнаго отношенія къ жизни и здоровью рабочихъ молодая російская промышленность далеко назади оставила своихъ зарубежныхъ соперницъ. А послѣ смуты, когда «вѣдомства» съ предпринимателями вкупѣ и влюбѣ открыли походъ противъ крамольнаго направленія рабочихъ умовъ, кстати ли было помнить о такихъ, вовсе не дешево стоящихъ предпринимателю, пустякахъ, какъ мѣры предосторожности? И въ частности, на рыковскихъ шахтахъ въ моментъ катастрофы на лицо оказалось сколько нужно казаковъ для усмиренія рабочихъ, но рѣшительно никакихъ спасательныхъ средствъ, рѣшительно никакой спасательной организаціи, хотя, по свѣдѣніямъ «Новаго Времени», эти «шахты давно извѣстны, какъ чрезвычайно опасны,—онѣ и назывались пороховымъ погребомъ».

По случаю гибели свыше 300 человекъ, думское большинство высказало соболѣзнованіе. Но чего стоитъ это соболѣзнованіе, можно до нѣкоторой степени судить хотя бы по слѣдующей замѣткѣ, напечатанной 15 іюня въ «Русскомъ Словѣ»:

„Изъ всѣхъ думскихъ комиссій самая „рабочая“—это комиссія по рабочему вопросу. Что она до сихъ поръ дѣлала, мы не знаемъ. Газеты про нее забыли, и она имъ о себѣ не напоминала. Это, кажется, единственная комиссія, о дѣятельности которой ничего не могли сообщить самые ретивые думскіе репортеры... Только на дняхъ (12 іюня) намъ попалась въ „Нов. Врем.“ маленькая замѣтка, напечатанная мелкимъ шрифтомъ, изъ которой мы узнали, что думская комиссія по рабочему вопросу все таки существуетъ. Въ этой крохотной замѣткѣ сказано, что комиссія при участіи представителей министерства путей сообщенія и министерства торговли разсматривала ст. 1 закона 15 ноября объ отдыхѣ торговыхъ служащихъ. Но дальше комиссія не пошла и рѣшила: „пока лишь напечатать статью 1 закона въ четырехъ, имѣющихся въ распоряженіи комиссіи, редакціяхъ“...

Какіе еще есть большіе вопросы русской жизни, относительно которыхъ можно съ увѣренностью сказать, что большинство 3 Думы не старается отложить ихъ въ долгій ящикъ? Есть, положимъ, національный вопросъ. Но если даже не брать собственно этотъ вопросъ во всей его широтѣ и сложности, если остановиться лишь на такой безспорно уродливой, явно и дико безчеловѣчной детали, какъ организація еврейскихъ погромовъ,—и то... право же, трудно сказать, каковы собственно взгляды и намѣренія думскаго большинства на этотъ счетъ. Минувшая сессія протекала одновременно съ цѣлымъ рядомъ судебныхъ процессовъ, завершавшихъ дѣятельность російскихъ сантафедитовъ 1905—1906 г. Конечъ

сессіи почти совпалъ съ процессомъ бѣлостовскихъ громилъ. Во все это время не прекращались, да и до сихъ поръ не прекращаются, ни призывы къ новымъ погромамъ, печатаемые въ органахъ союза русскаго народа, ни распространеніе всякаго рода погромныхъ листовъ и прокламацій. Въ свое время «Русскому Богатству» пришлось довольно подробно раскрыть, какъ и къмъ были организованы погромы 1905 г. *). Съ той поры, благодаря, между прочимъ, разоблаченіямъ кн. Урусова, докладу ротмистра Пѣтухова, благодаря цѣлому ряду другихъ достовѣрнѣйшихъ свидѣтелей и несомнѣннѣйшихъ документовъ, вопросы: какъ и къмъ, не приходится даже ставить. Адресъ россійскихъ сантафедитовъ общеизвѣстенъ. Они продолжаютъ пребывать въ организованномъ и, судя, повторяю, по непрекращающимся до сего дня призывамъ къ новымъ погромамъ, дѣятельномъ состояніи. Эта страшная язва нашей государственности отнюдь не залечена. Отъ гарантій, что игра на эту ставку больше не повторится, мы слишкомъ далеко. И вотъ, говорю, мнѣ хотѣлось бы опредѣлить, считаетъ-ли «большинство» 3 Думы эту государственную язву яввой? Случайно или обдуманно оно не воспользовалось ни однимъ изъ поводовъ во время минувшей сессіи, дабы поставить вопросъ о гарантіяхъ, что организаци сантафедитовъ будутъ обезврежены? Не спорю, было бы донкихотствомъ предъявлять къ октябристамъ 3 Думы требованія, умѣстныя по отношенію къ общественнымъ организаціямъ, вполне самостоятельнымъ и дѣйствительно самоопредѣляющимся. Но чего ждать отъ нихъ хотя бы въ предѣлахъ полупризнанія, какое заключено въ словахъ такого виднаго представителя октябризма, какъ новременскій г. А. Столыпинъ:

«Негръ сдѣлалъ свое дѣло, негръ можетъ уйти».

Какъ полагаетъ единомышленная съ г. А. Столыпинымъ «руководящая думская фракція»,—есть еще впереди «дѣло» для негра, или негру пора дать окончательный расчетъ и выгнать вонъ? Когда П. Н. Милюковъ «осмѣлился» въ своей «американской лекціи» «назвать виновниковъ кишиневского погрома», октябристы негодовали не меньше «негровъ» и вмѣстѣ съ «неграми» участвовали въ устройствѣ думскаго скандала по этому поводу. Октябристы и по сей день, услышавъ сколько-нибудь опредѣленныя указанія на виновниковъ погромовъ, теряютъ душевное спокойствіе. Между прочимъ, по поводу процесса бѣлостовскихъ громилъ «Голосъ Москвы» счесть необходимымъ выступить съ такою полемическою замѣткой:

„Слово“ подводитъ „итоги Бѣлостока“. Сказавъ нѣсколько приличныхъ случаю казенныхъ либеральныхъ словъ, органъ г. М. Федорова напускаетъ на себя невинность младенца и грозитъ „патріотамъ, столь пекущимся о внѣшней славѣ и мощи Россіи“, голосомъ общественнаго мнѣнія запада:

*) См. мою статью: «Генеральное сраженіе», май, 1906 г.

„всякій Кишиневъ, Бѣлостокъ или Сѣдецъ равняется проигранной битвѣ на полѣ культурной борьбы“. Г. Федорову неизвѣстно, какими „патриотами“ фабрикуется мнѣніе запада о Россіи? Ему неизвѣстна та помощь въ дѣлѣ оклеветанія, злонамѣренной подтасовки фактовъ, которую оказываютъ этимъ „патриотамъ“ нѣкоторыя „русскія“ газеты? Въ такомъ случаѣ рекомендуемъ ему повнимательнѣе читать издаваемый имъ органъ.

Г. Миллюковъ былъ сопричисленъ октябристами къ лику намятниковъ. За аналогичный «преступокъ» къ «Слову» отъ тѣхъ же октябристовъ предъявлено обвиненіе въ клеветѣ на Россію, въ злонамѣренной подтасовкѣ фактовъ, въ помощи измѣнникамъ «фабриковать мнѣніе Запада»... Какъ видите, въ этихъ нѣскольکو бредовыхъ вылазкахъ октябризма есть система. Горькимъ опытомъ мы приучены не ждать добра съ той стороны, гдѣ каждый намекъ на виновниковъ и устроителей погромовъ принимается, какъ личное оскорбленіе. Октябристы, конечно, въ правѣ возражать и доказывать, что этотъ слишкомъ эмпирическій выводъ по отношенію къ нимъ несправедливъ. Но во всякомъ случаѣ руководящая партія 3 Думы пока отнюдь не обнаружила склонности поставить на очередь даже такой, повторяю, ясный и острый вопросъ, какъ еврейскіе погромы.

Знаю, у оптимистовъ и для столь недвусмысленнаго отношенія ко всѣмъ сколько-нибудь основнымъ и крупнымъ вопросамъ русской жизни заготовлены объясненія и оправданія:

— Руководящая партія умышленно, дескать, откладываетъ большіе вопросы и по расчету занимается «законодательною вермишелью», какъ непочтительно выразился самъ предсѣдатель Думы г. Хомяковъ. Ибо большіе вопросы — дѣло щекотливое, опасное. Подойти къ нимъ вплотную, — того и гляди, будетъ снова указъ о роспускѣ. Значитъ, надо пока что отложить въ долгій ящикъ. Это тоже входитъ въ ту цѣну, какою Дума 3 июня «купила право на существованіе»...

Оптимистъ, ежели онъ захочетъ быть оптимистомъ безъ удержу, подобенъ тому анекдотическому пастуху, который старался доказать хозяину стада, что хотя волкъ и скушалъ ягненка, но вовсе не для корысти и не по злобѣ, а единственно ради хозяйскаго же интереса:

— Потому, — ягненокъ овцу сосеть. И была бы овца тощая-прегощая. А теперь будетъ наша овечка жирненькая-прежирненькая, а шерсть у нея станетъ густая-прегустая...

Переубѣждать безудержныхъ оптимистовъ — занятіе праздное. Фактическое же положеніе вещей вкратцѣ таково. Сама Дума въ минувшую сессію не торопилась подходить къ неотложнымъ реформамъ. А въ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, относительно земской реформы или реформы избирательнаго права думское большинство и не скрывало, что будетъ бороться за сохраненіе status quo. Дума старалась оказывать возможно болѣе дѣятельную

и моральную и матеріальную помощь правительству въ его борьбѣ, также направленной къ сохраненію status quo, къ тому, чтобы не допустить такого рѣшенія основныхъ вопросовъ, какого требуютъ условія жизни. Не будемъ спорить, больше или меньше стали дорожить Думою правительственныя сферы. Но въ смыслѣ авторитета и интереса среди широкихъ массъ населенія третья Дума за 8 мѣсяцевъ работы во всякомъ случаѣ ничего не выиграла. Ско-рѣе, наоборотъ,—проиграла. Не видно даже, чтобы среди самихъ депутатовъ интересъ къ «законодательной дѣятельности» повышался и углублялся. Третья Дума стала таять мѣсяца за полтора до 28 іюня. Чтобы собрать кворумъ, отъ президіума требовались особыя усилія, давшія богатую пищу юмористическимъ журналамъ. И едва ли случайно сорвались у г. Хомякова ироническія слова, что Дума занималась законодательною вермишелью. Въ этой грустной самооцѣнкѣ есть доля искренности и разочарованія. Словно повторяя исторію земскихъ соборовъ первой половины XVII в., третья Дума въ теченіе всего 8 мѣсяцевъ сумѣла превратиться въ учрежденіе, на которое безъ особыхъ надеждъ смотреть народъ и которое плохо и мало воодушевляетъ самихъ депутатовъ. И уже теперь не такъ просто рѣшить вопросъ,—кто собственно радуется жизни такого учрежденія, и кто будетъ плакать въ случаѣ его смерти. Вполнѣ соотвѣтственно этому положенію вещей, правительство стало опредѣленнѣе идти къ окончательной ликвидаціи иллюзіи 17 октября, откровеннѣе окапываться на антиконституціонныхъ позиціяхъ. И, наблюдая людей, которые ухитряются во всемъ этомъ видѣть «укрѣпленіе конституціонной идеи», «утвержденіе представительнаго строя», признаюсь, я лично невольно вспоминаю только что упомянутаго анекдотическаго пастуха, по мнѣнію котораго хозяинъ долженъ благодарить волка за съѣденнаго ягненка.

А. Петрицевъ.

Танъ передъ судомъ Олара *).

Если бы меня спросили, кто въ настоящее время можетъ быть названъ лучшимъ знатокомъ французской революціи, то я, конечно, указалъ бы на Олара, автора существующей и въ русскомъ переводѣ «Политической исторіи французской революціи». Дѣло въ томъ, что Оларъ стоитъ, такъ сказать, въ центрѣ занятій исторіей этой знаменательной эпохи, занимая специальную кафедру исторіи революціи въ Сорбоннѣ, играя руководящую роль въ ученomъ об-

*) A. Aulard. Taine historien de la révolution française. 1907.

ществѣ, специально разрабатывающемъ эпоху, редактируя специально же посвященный ей ежемѣсячный журналъ и въ то же время издавая какъ разные документы, относящіеся къ исторіи революціи, такъ и свои собственныя изслѣдованія въ той же области. Указывая на Олара, какъ на перваго знатока эпохи, я, однако, оговорился бы, что знанія его далеко не одинаковы въ отношеніи разныхъ сторонъ революціи. Оларъ интересуется, главнымъ образомъ, политической стороною революціи, а экономической занимается сравнительно очень мало, и даже какъ-то въ одной бесѣдѣ со мною, лѣтъ шесть-семь тому назадъ, онъ высказывалъ нѣкоторымъ образомъ недоумѣніе по поводу того, что какъ только русскіе,—ученые ли, студенты ли, все равно,—начинаютъ заниматься французской революціей, то прежде всего и болѣе всего обращаются къ ея экономической сторонѣ. Такимъ образомъ, специализировавшись, какъ профессоръ, какъ изслѣдователь, какъ редакторъ научнаго журнала и какъ издатель документовъ, на французской революціи, Оларъ и въ этой сравнительно ограниченной области сосредоточилъ свою работу преимущественно на политической сторонѣ этого историческаго событія.

Я здѣсь, впрочемъ, не намѣренъ говорить объ Оларѣ, какъ историкѣ французской революціи. Этимъ вопросомъ я еще когда-нибудь займусь, теперь же я имѣю въ виду Олара, лишь какъ критика другаго историка французской революціи, знаменитаго Тэна, и мнѣ нужно было упомянуть о значеніи Олара въ исторіографіи французской революціи только для того, чтобы сразу подчеркнуть свое отношеніе къ этому историку, именно какъ къ ученому, наиболѣе компетентному во всемъ, что касается исторіи французской революціи и въ особенности политической ея стороны. Конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ я не забываю, что въ своихъ политическихъ взглядахъ Тэнь и Оларъ принадлежатъ къ двумъ различнымъ лагерямъ: Оларъ—демократъ и республиканецъ, тогда какъ Тэнь, слывшій когда-то въ реакціонныхъ кругахъ за вольнодумца и нечестивца, прославился какъ разъ своимъ рѣзко отрицательнымъ отношеніемъ къ принципамъ, положеннымъ въ основу демократизма и республиканизма великой революціи, и тѣмъ самымъ приобрѣлъ популярность и авторитетъ среди реакціонеровъ не одной при томъ Франціи. Я не скрою напередъ и того, что въ своей критикѣ Тэна Оларъ не сумѣлъ удержать себя въ рамкахъ научнаго безпристрастія: то же самое, что онъ вообще говоритъ, можно было бы сказать въ болѣе спокойномъ тогѣ, и я даже утверждаю, что аргументація Олара выиграла бы въ убѣдительности при большей объективности. Можетъ быть, онъ самъ это когда-нибудь признаетъ, какъ уже пришлось ему признать, что первоначальная оцѣнка, данная имъ труду еще одного историка революціи, Сореля, оказалась несправедливою, и что Сорель вовсе не былъ какимъ-то агентомъ Орлеанской династіи, желав-

шимъ подвѣпаться подъ республику. Однимъ словомъ, я заранее принимаю въ расчетъ извѣстную партійность Олара и готовъ видѣть наиболѣе слабую сторону его критики тамъ, гдѣ онъ выступаетъ болѣе публицистомъ, нежели историкомъ, но это не мѣшаетъ мнѣ постоянно помнить, что Оларъ очень крупный ученый въ области французской революціи, и уже это одно придаетъ его критику труда Тэна значеніе немаловажнаго научнаго факта.

Тэнь приобрѣлъ значеніе великаго авторитета, какъ историкъ революціи, въ глазахъ не однихъ консерваторовъ. «Не-консерваторы, люди лѣвой,—говоритъ Оларъ,—протестовали противъ его доктрины, противъ его страстности, но серьезно считались съ нимъ, какъ съ историкомъ». Въ солидности его эрудиціи были всегда убѣждены историки разныхъ отгѣнковъ, какъ-то и Сенъ-бось, и Бутми, и Сорель, часто совсѣмъ несогласные или не вполне согласные съ его общимъ отношеніемъ къ революціи. Оларъ и взялъ на себя задачу разсмотрѣть, насколько Тэнь, дѣйствительно, научно изслѣдовалъ французскую революцію. Въ основу своего разбора «Происхожденія современной Франціи», критику положилъ не малый трудъ—провѣрку матеріала, которымъ пользовался Тэнь, въ частности провѣрку архивныхъ источниковъ, на которые у него дѣлаются ссылки. Прежде чѣмъ напечатать свою работу, сначала отдѣльными статьями въ своемъ журналѣ, потомъ особою книгою, Оларъ изложилъ ея содержаніе въ публичномъ курсѣ, читавшемся имъ въ Сорбоннѣ въ теченіе 1905 — 1906 и 1906 — 1907 академическихъ годовъ. Дѣло велось, значитъ, методично, постепенно и, понятно, съ большимъ вниманіемъ. Какой же общій выводъ Олара? А тотъ выводъ, что трудъ Тэна «почти какъ выражается критикъ, бесполезенъ для исторіи» (*presque inutile à l'histoire*). Къ такому результату приходитъ онъ по провѣркѣ всѣхъ источниковъ Тэна, сколько-нибудь доступныхъ провѣркѣ, и по разсмотрѣннн способа, какимъ Тэнь ими пользовался. «Я пытался,—говоритъ Оларъ,—дать отчетъ не относительно идей Тэна или его искусства, но относительно его эрудиціи». Критикъ оговаривается, что онъ воспользовался лишь частью своего матеріала, ибо иначе пришлось бы написать книгу въ три или четыре раза больше той, какую онъ даетъ. По собственнымъ его словамъ, онъ ограничился лишь тѣми примѣрами, которые касаются того, что самъ Тэнь считалъ наиболѣе важнымъ въ своемъ трудѣ и что онъ признавалъ новымъ и рѣшающимъ вопросомъ (*nouveau et décisif*).

Книга Олара распадается на вступленіе, девять главъ и заключеніе. Въ первой главѣ онъ даетъ общую характеристику Тэна до появленія его «Origines»; во второй разбираетъ первый томъ, посвященный «старому порядку»; въ слѣдующихъ затѣмъ—отдѣльные части, въ которыхъ излагается уже самая революція, и почти во всѣхъ этихъ главахъ есть особые отдѣлы, разматривающіе «доку-

ментацию» Тэна. Подъ документацией Оларъ разумѣетъ матеріалъ, которымъ пользовался Тэнь, и обычный этому историку способъ пользованія даннымъ матеріаломъ, другими словами, источники Тэна и его методъ, въ смыслѣ непосредственнаго отношенія къ этимъ источникамъ.

Уже въ томъ, посвященномъ «старому порядку», Тэнь обнаружилъ недостаточное вниманіе къ источникамъ, изъ которыхъ только и можно было бы познакомиться съ общественнымъ настроеніемъ передъ 1789 г. Лично меня, напр., въ свое время крайне удивило, что историкъ революціи совсѣмъ не пользовался знаменитыми наказами (cahiers) 1789 г.,—несмотря на массу уже бывшихъ тогда изданными документовъ этого рода,—если не считать полдюжины ссылокъ на нихъ изъ вторыхъ рукъ. Оларъ отмѣчаетъ пропуски документовъ и другихъ категорій, каковы парламентскія ремонстранціи, протоколы собраній духовенства и двухъ собраній нотаблей, бумаги провинціальныхъ собраній. Правда, Тэнь пользуется письмами и мемуарами (послѣдними даже въ формѣ романовъ, ставя вообще на одну доску съ мемуарами и настоящіе романы или комедіи) но во всемъ этомъ нѣтъ ни выбора, ни критики; изъ иностранныхъ же мемуаристовъ онъ отдавалъ предпочтеніе завѣдомо враждебнымъ революціи. Особенно подробно останавливается Оларъ на архивномъ матеріалѣ Тэна, которымъ послѣдній самъ, можно сказать, хвастался въ своихъ ссылкахъ на массу разпородитѣйшихъ рукописныхъ документовъ, на сотни переплетенныхъ томовъ и картоновъ. Оларъ имѣлъ терпѣніе, по собственнымъ указаніямъ Тэна въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ тексту, провѣрить единичныя ссылки: оказывается, что въ нынѣ называемыя имъ категоріи документовъ Тэнь и не заглядывалъ вовсе, а въ иныхъ просматривалъ лишь кое-что, самое большее восемь картоновъ изъ цѣлой сотни, чаще всего одинъ или два-три, или, напр., 5 бумагъ изъ четырехъ тысячъ. Случалось еще, что Оларъ въ указанномъ мѣстѣ не находилъ приводимаго Тэномъ извѣстія, какъ, съ другой стороны, встрѣчался и съ несомнѣнными ошибками, когда, напр., въ документахъ совсѣмъ не отыскивалось соответственнаго нумера. «Обыкновенно,—говоритъ Оларъ,—Тэнь ограничивался тѣмъ, что просматривалъ одну-двѣ связки изъ картона, который ему приносили, и лишь для того, чтобы выхватить оттуда одну какую-либо фразу, когда она соответствовала его пристрастіямъ или теоріямъ». Въ ссылкахъ на печатный матеріалъ Оларъ обнаруживаетъ у Тэна небрежности, неточности, прямыя искаженія въ видѣ передѣлокъ фразъ, поставленныхъ въ ковычки, или придачи легкими черточками цитатамъ не того смысла, который онѣ имѣютъ. Въ пользованіи письменными источниками наблюдается то-же самое.

Разборъ тэновской документациі, сдѣланный во второй главѣ книги по отношенію къ первому тому «Происхожденія современной Франціи», Оларъ продолжаетъ по отношенію къ тремъ слѣдующимъ

томамъ въ главахъ III, IV, VI, IX, не считая случайныхъ замѣчаній и въ остальныхъ главахъ. Во второмъ томѣ своего труда Тэнъ опять указываетъ на массу прочитанныхъ документовъ, но Оларъ того мнѣнія, что прочитано было Тэномъ не Богъ знаетъ сколько, и что его пользованіе документами вызываетъ серьезные возраженія. Историкъ революціи ни разу (jamais) не исполнилъ своего обѣщанія класть передъ глазами читателя тексты, чтобы уже самъ онъ дѣлалъ заключенія; изъ документовъ вырываются отдѣльныя фразы, да и то съ перѣдкими искаженіями приводимыхъ кусочковъ текста. Другое обѣщаніе—отдавать предпочтеніе перепискѣ передъ другими свидѣтельствами—Тэнъ тоже не исполняетъ: онъ пользовался преимущественно мемуарами, обнаруживая при этомъ особенную склонность къ мемуарамъ, враждебнымъ революціи. Въмѣсто того, чтобы широко черпать изъ періодической прессы, провѣряя одніѣ газеты другими, онъ обращается только къ контръ-революціонному «Меркурію Франціи» и къ «Монитеру». Предостереженія читателей относительно всѣхъ номеровъ этой газеты до 24 ноября 1789 г., какъ позднѣйшей компіляціи, Тэнъ, однако, самъ ссылается на нѣкоторые изъ этихъ же номеровъ, какъ на первоисточникъ для описываемыхъ событій. Что касается другихъ печатныхъ источниковъ и пособій, то Оларъ сомнѣвается, имѣлъ-ли Тэнъ терпѣніе даже пересмотрѣть библиотечный каталогъ по исторіи Франціи: такъ случаетъ, такъ не систематиченъ у него выборъ матеріала!

Съ рукописными матеріалами второго тома, по словамъ Олара, дѣло обстоитъ не лучше, чѣмъ и съ первымъ. На основаніи писемъ Тэна и отчасти архивныхъ справокъ критикъ устанавливаетъ сроки занятій Тэна рукописными источниками и перѣдко констатируетъ, что въ такіе сроки можно было лишь поверхностно ознакомиться съ десятками и сотнями связокъ, папокъ и картоновъ, о которыхъ упоминаетъ авторъ. Опять брались на-удачу лишь 3—4 картона изъ ста, притомъ не изъ тѣхъ серій, которыя были бы особенно важны для темы, и опять дѣлались ошибки, не говоря уже о томъ, что Тэнъ ни разу не подумалъ обратиться къ мѣстнымъ архивамъ. Оларъ подробно останавливается и здѣсь на способѣ пользованія матеріаломъ у Тэна, отмѣчая разныя преувеличенія, неправильныя обобщенія, прямыя противорѣчія и искаженія, допускаемыя Тэномъ этотъ способъ пользованія источниками критикъ прямо называетъ то фантастичнымъ и пристрастнымъ, то методомъ фантастическихъ обобщеній. Цѣлымъ рядомъ ссылокъ доказываетъ онъ, что, кромѣ того, у Тэна здѣсь множество прямыхъ небрежностей, что часто онъ обнаруживалъ простое легковѣріе и легкомысліе («combien Taine est crédule et léger dans la documentation») и т. п.

Тѣ же замѣчанія о неполнотѣ и случайности источниковъ, о легковѣрїи и отсутствіи критики, о небрежности или предвѣятости въ пользованіи ими находимъ мы въ параграфахъ, посвященныхъ Оларомъ документациі Тэна и въ другихъ главахъ критики. Напр.,

онъ совсѣмъ не читалъ протоколовъ ни учредительнаго, ни законодательнаго собраній, а между тѣмъ описывалъ ихъ дѣятельность. Изъ архивныхъ источниковъ онъ отдавалъ явное предпочтеніе серіи полицейскихъ донесеній, ни разу не заглянувши въ документы, относящіяся къ «общественному настроенію» (*esprit public*). Особою любовью и особымъ уваженіемъ Тэна и здѣсь пользуются мемуары иностранцевъ, враждебные революціи. Въ главѣ о конвентѣ Оларъ снова отмѣчаетъ, что Тэнъ и не подозрѣвалъ существованія протоколовъ этого собранія. Такъ много занимаясь якобинцами, онъ и не подумалъ обратиться къ отчетамъ о засѣданіяхъ клуба въ «*Journal de la Montagne*» или, по крайней мѣрѣ, въ Монитерѣ. Цѣлымъ рядомъ ссылокъ Оларъ опять и опять подтверждаетъ свои неслетныя для Тэна характеристики относительно незнанія архивовъ, случайности выбора документовъ, неточностей, небрежностей и искаженій въ цитированіи ихъ и пр. и пр. Кромѣ того, Оларъ отмѣчаетъ особую зависимость Тэна отъ отдѣльныхъ источниковъ и пособій, какъ только показанія ихъ неблагопріятны для революціи. Свою ревность къ провѣркѣ ссылокъ Тэна критикъ простираетъ до того, что по поводу сравненія якобинца съ крокодиломъ, котораго египетскіе жрецы показывали въ храмахъ, какъ божество, онъ обращается къ сравненію съ подлиннымъ текстомъ Климента Александрійскаго сдѣланнаго Тэномъ перевода, чтобы обличить критикуемаго автора въ искаженіи ссылки. Давая свой переводъ этого мѣста и въ подстрочномъ примѣчаніи самый текстъ по-гречески, Оларъ, однако, самъ дѣлаетъ ошибку: и въ переводѣ Тэна, и въ собственномъ переводѣ Олара все-таки фигурируетъ крокодилъ, котораго въ приведенномъ текстѣ нѣтъ и слѣда.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ по поводу «документаціи» Тэна, Оларъ высказываетъ еще мысль, что авторъ «Происхожденія современной Франціи» былъ лишень надлежащаго терпѣнія, безъ котораго исследователь не можетъ ступить ни одного шага, особенно въ разыскиваніи и изученіи архивныхъ документовъ. Вообще, по расчету Олара, Тэнъ слишкомъ быстро написалъ трудъ, «который по современнымъ научнымъ методамъ и даже по методу, имъ самимъ возвѣщенному, долженъ былъ бы потребовать чуть не цѣлую человѣческую жизнь». Необычайная торопливость, часто крайняя поверхностность, недостатокъ вдумчивости, — вотъ, по мнѣнію Олара, коренные недостатки работы Тэна. «У Тэна, говоритъ онъ, не было достаточно терпѣнія (*manque de patience*). Онъ совершенно не въ состояніи прочитать документъ до конца, спокойно, пассивно. Читая, онъ постоянно реагируетъ на прочитанное, потомъ бросаетъ чтеніе и остальное дополняетъ воображеніемъ (*se figure le reste*), слѣша писать, творить. Эта лихорадочность объясняетъ искаженія и извращенія текстовъ и фактовъ, объясняетъ ихъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда эти искаженія и извращенія не тенден-

ціозны». Главная бѣда, однако, заключается именно въ тенденціозности.

О ней уже много говорили и писали, и Оларъ потому не сказалъ ничего новаго. Онъ только постарался установить, гдѣ источники этой тенденціозности, въ чемъ она отразилась на общемъ характерѣ и на частностяхъ его труда, и что изъ всего этого получилось. Нѣсколько бѣглый очеркъ трудовъ Тѣна до появленія «Происхожденія современной Франціи», сдѣланный Оларомъ въ первой главѣ, клонится къ тому выводу, что умъ Тѣна былъ по преимуществу теоретическій или систематическій, склонный подгонять факты подъ заранее составленныя схемы, откуда частыя искаженія всего, чего только онъ ни касался. «Да,—говоритъ Оларъ,—онъ былъ философомъ, но также и прежде литераторомъ». Тѣнъ занимался и наблюдениемъ не иначе, какъ съ предвзвѣтою идеей. Это былъ писатель, никогда не рѣшавшійся сказать: «не знаю», и что бы ни было у него подъ руками, онъ уже создаетъ для себя историческую достоверность. Онъ чувствовалъ постоянную потребность немедленно же все объяснить известной теоріей: «онъ видитъ все, онъ все понимаетъ, ни въ чемъ не сомнѣвается».

Это одна сторона дѣла, другая—его политическіе взгляды послѣ страшно его напугавшей Коммуны. Въ сущности, Тѣнъ былъ натурой глубоко аполитической и очень мало интересовался вопросами государственнаго строя, права, народнаго хозяйства: его областями были психологія и духовная культура, т. е. философія, литература, искусство, настроенія и нравы общества. Изданная недавно переписка Тѣна дала Олару возможность прослѣдить, какъ возникла у него весной 1871 г. самая мысль о книгѣ, и какіе взгляды уже тогда онъ высказывалъ о революціи: «въ конфликтѣ націи съ правительствомъ не права была первая», или «это было бунтомъ муловъ и лошадей противъ людей подъ предводительствомъ обезьянъ съ глотками попугаевъ». Въ 1872 г. Тѣнъ даже перевелъ съ англійскаго и издалъ одинъ памфлетъ о революціи, появившійся въ свѣтъ въ 1797 г., но и переводъ этотъ очень характеренъ—съ произвольными сокращеніями, съ составленіями самимъ переводчикомъ цѣльныхъ текстовъ изъ отдѣльныхъ разрозненныхъ кусковъ.

У Тѣна образовалось даже своего рода пристрастіе къ свидѣтельствамъ и сужденіямъ враждебныхъ революціи иностранцевъ, которымъ онъ довѣряетъ безъ критики, за которыми самъ робски слѣдуетъ, нападая вмѣстѣ съ ними на злокозненную философію XVIII в., называемую у него «классическимъ духомъ». Вся вина была для него въ этомъ «классическомъ духѣ», хотя онъ не замѣчалъ, что самъ рассуждалъ о многомъ совершенно рационалистически, не справляясь съ фактами. Въ частности, Оларъ показываетъ, на примѣръ, до какой степени Тѣнъ въ своихъ сужденіяхъ о дѣятельности учредительнаго собранія только повторялъ известныя «Размышленія» Верка. Историкъ прямо имъ упивался, зани-

ствуя изъ его книги не только идеи, но самый даже стиль вплоть до метафоръ. И другіе иностранные вдохновители Тэна вездѣ отмѣчаются Оларомъ, рядомъ съ внутренними вдохновителями изъ роялистовъ, у которыхъ Тэнъ тоже заимствовалъ и анекдоты, и аргументы, и сравненія, и словечки. Критикъ особенно напираетъ на эту зависимость Тэна отъ показаній свидѣтелей только извѣстнаго лагеря, чѣмъ и обуславливается то одностороннее освѣщеніе, какое получаетъ революція въ его трудѣ.

Важную сторону критики Олара представляетъ собою разборъ, иногда очень детальный, того, какъ Тэнъ описываетъ и рассказываетъ. Тэнъ поражаетъ массой мелкихъ фактовъ изъ повседневной жизни, собранныхъ имъ отовсюду, но за то упорно молчитъ о многомъ крупномъ и важномъ, безъ чего мелкіе факты теряютъ половину своей цѣны и приводятъ къ невѣрнымъ заключеніямъ.

Возьмемъ «структуру общества», описанную въ первомъ томѣ. Оларъ совершенно вѣрно указываетъ на то, что въ изображеніи Тэна мы почти не находимъ третьяго сословія, почти не видимъ буржуазіи: есть только аристократія, есть крестьяне, и общая симметрия картины нарушена. Ни провинціальныхъ собраній, ни борьбы королевской власти съ парламентами тоже нѣтъ въ этой картинѣ. Пренебрегая крупными явленіями жизни, Тэнъ нагромождаетъ одни на другіе мелкіе факты, синхронизируя ихъ, т. е. беря ихъ изъ разныхъ эпохъ и даже допуская явные анахронизмы, въ родѣ, наиримѣръ, того, что «настроеніе и доктрина» передъ 1789 г. характеризуются у него однимъ сочиненіемъ Кабаниса, которое, однако, вышло въ свѣтъ только въ 1802 г.

Въ описаніи событій революціи масса мелкихъ фактовъ и полное или почти полное молчаніе о крупныхъ. Взятіе Бастиліи Тэнъ приписываетъ простой фантазіи или неистовству народа. Онъ почти умалчиваетъ о причинахъ возстанія и даже ни единымъ словомъ не заикается о войскахъ, призванныхъ дворомъ съ очевиднымъ намѣреніемъ произвести государственный переворотъ. У него нѣтъ ни единого слова и о знаменитой рѣчи Мирабо 8 іюля, заключавшей въ себѣ жалобы и опасенія патриотовъ по поводу этихъ войскъ. Тэнъ совсѣмъ умалчиваетъ и о томъ, что въ составѣ этихъ войскъ были иностранные наемники, отъ которыхъ ради короля можно было ожидать всего. Нѣтъ у него и указанія на приѣмъ Людовикомъ XVI адреса національнаго собранія объ отзывѣ войскъ, на его отказъ это сдѣлать, на предложеніе перевести генеральные штаты въ другое мѣсто. Равнымъ образомъ, едва-едва упоминается отставка Неккера, но ничего не говорится объ его преемникахъ, объ ихъ репутаціи. Оларъ подобнымъ же образомъ анализируетъ страницы, посвященныя у Тэна слѣдствіямъ 14 іюля: описывая всякіе ужасы, Тэнъ не удостоиваетъ своимъ вниманіемъ муниципальное движеніе, вышедшее изъ центра и вернувшееся къ нему въ формѣ движенія федеративнаго, создавшаго «новую форму об-

шаго отечества» въ единеніи самочинно (spontanement) образовавшихся муниципалитетовъ. Тѣмъ видитъ только элементы безпорядка и не видитъ созидательной работы этой эпохи. Какъ ни легко было бы критиковать недостатки конституціи 1791 г., Тѣмъ и здѣсь нерѣдко попадаетъ въ просакъ, приписывая ей то, чего въ ней не было. Онъ, говоритъ Оларъ, «плохо ее изучилъ, едва только ее просмотрѣлъ». Напримѣръ, онъ утверждаетъ, будто законъ исключилъ священниковъ изъ муниципалитетовъ, хотя самъ же рассказываетъ въ другомъ мѣстѣ исторію аббата Каріона, бывшего одновременно кюре и мэромъ Иссе-л-Евека. (Еще въ одномъ мѣстѣ Тѣмъ смѣшиваетъ муниципальные выборы съ церковными и говоритъ о несуществующей церковной присягѣ, которую будто бы должны были приносить избиратели на муниципальных выборахъ).

Конечно, мы не можемъ слѣдить за разборомъ у Олара отдѣльных мѣстъ книги Тѣна, гдѣ только проявляется его привычка называть на одну нить массу мелкихъ фактовъ безъ указаній на важныя событія, которыми эти мелкіе факты объясняются. Это отягощаетъ, напримѣръ, въ рассказу о сентябрьскихъ убійствахъ, при чемъ Тѣмъ не только ничего не говоритъ о причинахъ и слѣдствіяхъ превращенія французовъ, въ это время, изъ монархистовъ въ республиканцевъ, но даже не упоминаетъ объ этомъ важномъ обстоятельстве. Въ ста десяти страницахъ, посвященныхъ Тѣномъ эпохѣ основанія республики, Оларъ нашелъ только шесть строкъ о внѣшней опасности, грозившей въ это время Франціи. Называя мелкіе факты, авторъ не считается съ ихъ хронологіей, какъ бы иммобилизуя исторію, будто въ ней не было ни движенія, ни эволюціи, ни перемѣнъ. «Представьте себѣ, говоритъ Оларъ, историка, который, желая дать понятіе о нравахъ и настроеніи парижанъ въ декабрѣ 1870 и январѣ 1871 г., привелъ бы рядъ мелкихъ знаменательныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о смутномъ состояніи душъ въ это время. Люди, рассказалъ бы онъ, даже самые важнѣйшіе, переселились въ подвалы своихъ домовъ и стали питаться большею частью кошками и собаками. Прогуливаясь по нѣкоторымъ улицамъ лѣваго берега, они часто ложились на землю, прямо животомъ, потомъ поднимались блѣдые, съ крикомъ бѣжали и прятались въ страхѣ въ свои подвалы. Если этотъ историкъ не скажетъ, что въ это время Парижъ былъ въ осадѣ, что осада привела къ недостатку съѣстныхъ припасовъ, что была бомбардировка, что снаряды падали на улицахъ нѣкоторой части города, что была опасность быть убитымъ и на улицѣ и въ домахъ, — если онъ этого не скажетъ, не упомянетъ о крупномъ знаменательномъ фактѣ осады Парижа пруссаками, напрасно будетъ онъ нагромождать мелкіе знаменательные факты и между ними выбирать наиболѣе картинныя, ничего во всемъ этомъ нельзя будетъ понять: можно подумать только, что парижане помѣшались. Восстановите дѣйствительность, напомните великій знаменательный фактъ, объясняющій

и причиняющій маленькіе знаменательные факты повседневной жизни парижанъ въ эти времена, всѣ эти безумства покажутся вамъ весьма естественными дѣйствіями людей, которые во время осады и бомбардировки, какъ умѣютъ только, спасаются отъ смерти». Точно такъ обстоитъ дѣло и съ парижанами 1793 г., но Тэнь поступаетъ какъ разъ подобно изображенному историку. Оларъ и въ другомъ еще мѣстѣ дѣлаетъ подобное же сравненіе, которое нельзя не назвать весьма удачнымъ. «Это, говоритъ онъ, все равно, какъ если бы стали рассказывать о недостаткѣ съѣстныхъ припасовъ, отъ котораго терпѣли жители Парижа съ сентября 1870 до января 1871 г. безъ упоминанія объ осадѣ города пруссаками, но съ объясненіемъ этого бѣдствія экономическими теоріями людей 4 сентября», т. е. тогдашняго правительства.

Разборомъ отдѣльныхъ большихъ эпизодовъ Оларъ доказываетъ ту общую свою мысль, что у Тэна не было ни охоты, ни терпѣнія устанавливать причинную связь фактовъ, изучать ихъ реальное соотношеніе, когда можно было просто ихъ нагромождать и не для того, чтобы дѣйствительно что-либо объяснить, а для того, чтобы произвести извѣстное впечатлѣніе, поразить воображеніе, вызвать изумленіе читателей. Это чисто литературный, отнюдь не научный приемъ, какъ это неоднократно отмѣчаетъ Оларъ. Самъ Тэнь заявилъ въ предисловіи къ своему труду, что предпринялъ изученіе эпохи въ цѣляхъ политическаго наставленія и лично для себя, и для своихъ согражданъ. Правда, вмѣстѣ съ этимъ онъ утверждалъ также (въ предисловіи ко второму тому) и то, что онъ только историкъ, отнюдь не имѣющій въ виду современной злобы дня, какъ если бы дѣло шло о революціи въ Афинахъ или во Флоренціи, а не во Франціи, но это совсѣмъ невѣрно: именно злоба дня внушила Тэну самую мысль о книгѣ и все время, когда онъ писалъ эту книгу, имъ руководила. Если даже только половину или треть того, что Оларъ объявляетъ въ ней фантастичнымъ, признать дѣйствительно таковымъ, то авторитетъ Тэна, какъ историка, долженъ считаться совершенно подорваннымъ критикою. Олара пусть и сама она мѣстами можетъ быть названа пристрастною, придирчивою, мелочною. Въ короткой журнальной статьѣ, конечно, нельзя разбирать по отношенію къ отдѣльнымъ заявленіямъ Олара, гдѣ онъ вполнѣ правъ, гдѣ въ его отзывы нужно вносить тѣ или другія поправки и гдѣ самъ онъ погрѣшаетъ противъ истины, хотя бы и непреднамеренно, но то, что въ цѣломъ и общемъ представляетъ собою его критика, должно быть принято, какъ результатъ объективнаго изслѣдованія фактическаго матеріала, научнаго метода и литературныхъ приемовъ Тэна. Если бы Оларъ отнесся къ критикуемому труду съ большимъ спокойствіемъ, быть можетъ, ему чаще пришлось бы находить, что въ такихъ-то и такихъ-то пунктахъ Тэнь былъ правъ, и оцѣнка вышла бы болѣе всестороннею, но это уже совсѣмъ иной вопросъ. Нужно, впрочемъ, не забывать

того, что дѣль Олара была полемическая, а это уже одно опредѣлило общій характеръ и направленіе критики. Съ другой стороны, нѣкоторые утвержденія Олара сами могли бы быть предметомъ спора, но и это уже опять-таки другой вопросъ, касающійся не оцѣнки книги Тѣна, а пониманія тѣхъ или другихъ фактовъ революціи самимъ Оларомъ.

Не входя въ обсужденіе того, какъ самъ Оларъ понимаетъ якобинизмъ, интересно познакомиться съ его отзывомъ о тѣновскомъ пониманіи якобинцевъ, играющемъ такую важную роль во всемъ критикуемомъ Оларомъ трудѣ. У Тѣна,—говоритъ онъ,—«якобинецъ, это—типъ, отвлеченное существо (*un être de raison*), которое Тѣнъ создаетъ при помощи литературнаго приѣма, какъ Лабрюйеръ написалъ портретъ «Разсѣяннаго», и котораго я, по крайней мѣрѣ, никогда не встрѣчалъ въ исторіи революціи». вмѣстѣ съ этимъ Оларъ указываетъ на то, что Тѣнъ, постоянно упрекающій дѣятелей революціи въ подмѣнѣ живыхъ людей «философическими автоматами», самъ же, вмѣсто дѣйствительныхъ якобинцевъ, предъявляетъ намъ постоянно имъ же самимъ измышленнаго автомата, смѣшивая подъ общою этикеткою, имѣвшею не одинъ и тотъ же смыслъ, и членовъ разныхъ якобинскихъ клубовъ, и вообще болѣе крайнихъ революціонеровъ или людей, принадлежавшихъ къ «лѣвой», и революціонную массу съ разными ея оттѣнками. Тѣнъ,—прибавляетъ Оларъ,—«мѣняетъ смыслъ слова, то его расширяя, то суживая, смотря по обстоятельствамъ и совершенно произвольно (*selon sa fantaisie*). Эта двусмысленность или, лучше, путаница (*confusion*) дѣлаетъ весьма трудною критику главъ о якобинцахъ». Однако, Оларъ не отказывается отъ задачи, самъ будучи превосходнымъ знаткомъ предмета въ качествѣ редактора обширнаго изданія якобинскихъ документовъ. Онъ ловитъ Тѣна на противорѣчій, на анахронизмахъ, на неточныхъ или искаженныхъ цитатахъ, на невѣрныхъ передачахъ чужихъ словъ, на всякихъ невѣрностяхъ и другихъ категорій, на особой тенденціозности въ подборѣ источниковъ, подчеркивая мѣстами и ту бранную фразеологию, которою Тѣнъ пользовался, говоря о якобинцахъ: когда, напр., рѣчь идетъ о ненавидѣвшемъ революцію Малле-дю-Панѣ, Тѣнъ говоритъ, что онъ «путешествовалъ», но зато Бриссо у него только «таскался» или «шлялся» (*a goulé*) и т. п. Оларъ мѣстами отмѣчаетъ и преднамѣренныя умолчанія Тѣна, когда факты могли бы повредить его тезису, и даже мимоходомъ бросаетъ въ одномъ случаѣ тѣнь на «*probité intellectuelle de Taine*». Съ другой стороны, Тѣнъ оказывается иногда точно знающимъ то, чего никто не знаетъ, когда, напр., нужно поразить читателя крупными цифрами*). Самое убійственное для Тѣна въ разборѣ его исторіи якобинизма—

*) По всей книгѣ Олара разбросаны замѣчанія о вообще «фантастической статистикѣ Тѣна».

это не толкованія Олара, несогласныя съ его взглядами, а указываемыя критикомъ фактическія неточности, невѣрности, искаженія, которыхъ оказывается довольно много. Вотъ, напр., Тэнъ приводитъ въ кавычкахъ параграфъ изъ составленной Робеспьеромъ деклараціи правъ, и оказывается, что историкъ невѣрно ихъ цитировалъ. Цитата Тэна такова: «*le droit de propriété est borné et ne s'applique qu' à la portion des biens gara la loi*», Робеспьеръ же писалъ: «*le droit de propriété est borné, comme tous les autres, pas l'obligation de respecter le droit d'autrui*», т. е. совпадаютъ только начальныя слова, а дальше большая разница. На подобныхъ «альтераціяхъ текстовъ» Оларъ ловитъ Тэна и въ другихъ мѣстахъ.

Книга Олара оканчивается семью страницами общихъ итоговъ. Нѣтъ надобности ихъ повторять. Прибавлю только, что Оларъ не заподозриваетъ Тэна въ сознательной недобросовѣстности. Это, по его мнѣнію, былъ только слишкомъ самоувѣренный человѣкъ, больше всего любившій литературную славу и «литературную пиротехнику», но совсѣмъ лишенный научнаго терпѣнія, поддавшійся притомъ въ политикѣ реакціонному настроенію. Онъ самъ хотѣлъ быть безпристрастнымъ, понимающимъ (*intelligent*), объективнымъ, но не сумѣлъ удержаться на такой позиціи. Для оправданія своей консервативной политической теоріи онъ задумалъ обновить изученіе революціи эрудиціей, но на самомъ дѣлѣ и этого у него не вышло, ибо всѣ его взгляды на революцію уже были высказаны авторами роялистическихъ памфлетовъ временъ самой революціи и эпохи реставраціи. Оларъ даже думаетъ, что трудъ Тэна важенъ только для «умственной біографіи» своего автора и нѣсколькихъ современниковъ его учениковъ, отнюдь не для изученія самой изображаемой имъ эпохи.

Быть можетъ, такое заключеніе страдаетъ излишнею рѣзкостью и односторонностью, но по чистой совѣсти его нельзя считать совсѣмъ необоснованнымъ.

Н. Карѣевъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Андрей Бѣлый. Кубокъ метелей. 4-я симфонія. Кн—во «Скорпионъ». М. 1908. ц. 1 р. 50 к.

Чистосердечно признаемъ, что первыя три «симфоніи» г. Бѣлаго, такъ же, какъ и его сборникъ стиховъ «Золото въ лазури», мы плохо помнимъ. Одно только хорошо помнимъ: въ свое время мы видѣли въ произведеніяхъ г. Андрея Бѣлаго декадентскую абра-

кадабру самой чистой воды, то чудовищно-нелѣпую, то арлекински-смѣхотворную, и не находили въ ней ни капли поэзіи...

Но шли годы. И вотъ, въ одинъ прекрасный день оказалось, что вся русская литература, въ лицѣ своихъ рецензентовъ и критиковъ, поверглась благоговѣнно ницѣ передъ осмѣянными когда-то «декадентами», и г. Андрей Бѣлый очутился въ сонмѣ «замѣчательныхъ и оригинальныхъ» поэтовъ современности. Даже чиновно-солидный «Вѣстникъ Европы» не такъ давно объявилъ его «однимъ изъ безумно-смѣлыхъ аргонавтовъ нашего времени»...

Естественно послѣ этого, что мы съ чувствомъ невольнаго трепета взяли за «Кубокъ метелей», посвященный между прочимъ «дорогому другу З. Н. Гиппиусъ, *разрѣшившей* эту тему», внутреннюю автору нѣкимъ г. Метнеромъ. Эпиграфомъ къ «симфоніи» является четверостишіе другого знаменитаго поэта нашихъ дней, г. М. Кузмина:

Стукнулъ въ дверь. Отверзь объятя.
Поцѣлуй—и вновь, и вновь.
Посмотрите, сестры, братья,
Какъ свѣтла наша любовь!

Въ подкрѣпленіе, быть можетъ, недостаточно авторитетному свидѣтельству г. Кузмина приходитъ самъ авторъ, заявляющій въ предисловіи: «Въ предлагаемой симфоніи я хотѣлъ изобразить всю гамму той особаго рода любви, которую смутно предощущаетъ наша эпоха, какъ предощущали ее и раньше Платонъ, Гете, Данте,—священной любви». «Я долженъ оговориться, что не имѣю ничего общаго съ современными пророками эротизма, стирающими черту не только между мистикой и психопатологіей, не только вносящими въ мистику порнографію, но и придающие эротизму смутныхъ религіозныхъ переживаній отгѣнокъ рекламы и шарлатанства».

Къ сожалѣнію, г. Бѣлый не указываетъ, кто же эти «современные пророки эротизма», съ которыми онъ не имѣетъ «ничего общаго»; одно ясно, что г. Кузминъ, по его мнѣнію, не изъ ихъ числа... Да и самый «эротизмъ», и самая «порнографія»—что они такое? Мнѣнія о нихъ тоже могутъ быть весьма различны. Въ «Кубкѣ метелей», посвященномъ изображенію «священной любви», мы находимъ, напр., на стр. 161 такую милую сценку:

Блѣдный, схватилъ ее, чуть прищуренный, руками, точно тигриными лапами, терзалъ кружевной черной муаръ на упругой груди, устами искалъ ея усть, впился въ нихъ, и изъ-подъ своихъ жаркихъ устъ, полуоткрытыхъ въ его раздѣленные уста, обожгла быстро, безстыдно, сладостно. «Милая, дай счастье... дай». И она дала снять съ себя лифъ. Руки ея, оголенные, теплыя закрывали ей грудь. Нѣжныя чаши мягко колыхались надъ чернымъ, узкимъ корсетомъ. Когда охватила ея станъ, спадающія юбки уже перестали шуршать, и она осталась въ сквозномъ, красномъ шелку, точно сотканная изъ воздуха. Мягко таялъ въ рукахъ ея жаркій станъ. Такъ она замирала, одной

рукой закрывая сквозящія чресла, а въ другую, сжавшую корсетъ, уронила головку, всю обсыпанную солнечными кудрями, ниспадавшими ей на круглыя, четко обрисованныя бедра: „Тѣло мое—упругое, гибкое... Ночь моя—жарка и бархатна“.

Изогнулась, свиснула между его рукъ рубашка, и онъ сжималъ пустоту. Ея съ нимъ не было. Тамъ изъ постели лилейной рукою манила, призывно раскидалась на бѣлой простынѣ краснымъ цвѣткомъ. Когда онъ сталъ пьянымъ и подходилъ тихо къ постели, она закрылась малиновымъ одѣяломъ, испуганно слѣдила за движеніями его пытливо, жестоко. Когда онъ сорвалъ съ нея одѣяло, она вскочила на постели, поднимая къ груди колѣни свои, но онъ опрокинулъ ее, повалилъ въ подушки, и она закрыла лицо руками.

Когда легъ рядомъ съ ней, обхвативъ, она вырвалась, царапала его, отвернулась со злобой, оттолкнула ногой, а другую ногу спустила на полъ и стояла, нагая, съ закинутой головой, закрывая лицо руками, плача и не желая испить любви.

Дверь отворилась, вошелъ ея мужъ!!

Правда, послѣ того, какъ появляется на сценѣ такъ некстати мужъ г-жи Свѣтловой,—последняя поспѣшно одѣвается и гнѣвно говоритъ злосчастному Адаму Петровичу: «Я позвала васъ безстыдно. Вы безстыдно отвѣтили на зовъ. Нѣтъ, вы не тотъ, кто мнѣ снился!»—и съ этими гордыми словами уходитъ. Уходитъ она въ какой-то удивительный монастырь... Повидимому, тотъ же Адамъ Петровичъ проникаетъ и туда въ образѣ не то странника, не то мертвеца, но ужъ не для соблазнительныхъ сценъ вродѣ вышеприведенной, а просто для какой-то «священной» канители, которую трудно даже изложить, трудно понять... До того трудно, что нельзя даже съ увѣренностью поручиться, точно ли подъ псевдонимомъ странника и мертвеца надо разумѣть Адама Петровича, и точно ли имѣется здѣсь въ виду настоящій, обыкновенный монастырь!

Однако, что же это за языкъ, которымъ написанъ «Кубокъ метелей»?—спросить, бытъ можетъ, любознательный читатель. Стихи это, или проза?.. Не знаемъ. Во всякомъ случаѣ прочесть книгу въ 229 страницъ, сплошь написанную такъ цвѣтисто и кудряво («легковѣстная пляска», «вѣйное кадило», «вихряной летунъ вздыбился, взлетѣлъ, промчался, проржалъ», «гробная лазурь»)—нудно и тягостно... Что касается содержимаго «Кубка», то въ общемъ и оно трудно усваиваемо умомъ обыкновеннаго читателя... По старой памяти, мы безъ колебаній назвали бы это произведение «декадентскимъ», если бы... если бы на стр. 22—24 не встрѣтили такихъ любопытныхъ строкъ:

Блѣдный гокъ метущій осѣдалъ мягко, какъ снѣгъ, въ сердца декадентовъ; ихъ слова зацвѣтали страхами и отгорали. Декаденты бросались по городу и восхищались. Козловодъ Жеоржій Нулковъ крутилъ въ гостинныхъ мистическіе кружки; смѣялся въ лукавый усь... Ѳедоръ Сологубъ пошелъ изъ переулка. Черныя тѣни развѣсиль, охлажденныя хрусталими звѣздными слезь: тряся сѣдою бородой, ѣдко замѣтилъ: „И яркія въ небѣ горѣли звѣзды“! Выбѣжалъ Ремизовъ изъ подворотни: „Хочешь играть со мною въ снѣжнаго Крикса-Варакса?“ Вышелъ великій Блокъ и предложилъ сложить изъ ледяныхъ сосулдекъ снѣжный костеръ. Скокъ да скокъ на костеръ вели-

кій Блокъ: удивился, что не сгораеть. Вернулся домой и скромно рассказывалъ: „Я сгоралъ на снѣжномъ кострѣ“. На другой день всѣхъ объѣздилъ Волошинъ, воспѣвая „чудо святого Блока“. Черныя толпы ждали Городецкаго на Невскомъ. Добрый народъ поджидалъ долго. Прошелкалъ Городецкій. Шелкнулъ пальцемъ кому-то въ носъ. Громовые волны провожали мальчика. Жеоржія Нулковъ на лихачѣ пролетѣлъ мимо и кричалъ: „Мы, мы, мы“... Грустно вздохнулъ Шестовъ: „Не люблю болтовни!“ и т. д.

Очевидная, хотя и мало вразумительная, «сатира» на декадентовъ и мистиковъ; и, очевидно, самого себя г. Андрей Бѣлый къ ихъ компаніи не причисляетъ. Выходить—«своя своихъ не поваша», и намъ остается лишь добросовѣстно констатировать факты. Любопытно, что самъ авторъ задается въ предисловіи вопросомъ: не парадоксъ ли, т. е. не простая ли чепуха его книга? Кто станетъ ее читать? Кому она нужна? И пробуетъ дать читателю совѣтъ относительно того, какъ слѣдуетъ читать и понимать ее: оказывается, нужно сначала прочесть просто, потомъ «разсмотрѣть структуру», а затѣмъ прочесть «еще и еще»... Мы, признаемся, утрашились такого подвига. А жаль! «Если при поверхностномъ чтеніи,—говорить г. Бѣлый,—смысль переживанія передается съ точностью до $\frac{1}{2}$, то при соблюденіи всего сказаннаго со стороны читателя смыслъ переживанія уясняется съ точностью до 0,01»...

То-то удивительныхъ красотъ и премудростей навидались бы мы! Не даромъ же тему этой гениальной симфоніи «разрѣшила» сама законодательница декадентскихъ модъ, З. Н. Гиппіусъ. Но, видно, не судьба!...

Федоръ Сологубъ. Мелкій бѣсъ. Романъ. Изд. [второе] „Шиповника“. Спб. 1908. Стр. 384. Ц. 1 р. 75 к.

Незамѣченный въ журналѣ, романъ г. Сологуба имѣлъ громкій успѣхъ въ отдѣльномъ изданіи, создалъ литературу—и авторъ воспользовался новымъ изданіемъ, чтобы въ предисловіи къ нему посчитаться съ нею. Въ устныхъ и печатныхъ отзывахъ о романѣ, съ которыми автору пришлось познакомиться, онъ особенно настойчиво отмѣчаетъ одно мнѣніе, съ которымъ и полемизируетъ. «Одни думаютъ, что авторъ, будучи очень плохимъ человѣкомъ, пожелалъ дать свой портретъ, и изобразилъ себя во образѣ учителя Передонова. Вслѣдствіе своей искренности, авторъ не пожелалъ ничѣмъ себя оправдать и прикрасить и потому размазалъ свой ликъ самыми черными красками. Совершилъ онъ это удивительное предпріятіе для того, чтобы взойти на нѣкую Голгоу и тамъ для чего-то пострадать. Получился романъ интересный и безопасный. Интересный потому, что изъ него видно, какіе на свѣтѣ бываютъ нехорошіе люди. Безопасный потому, что читатель можетъ сказать: «это не про меня писано». Другіе, не столь жестокіе къ автору,, думаютъ, что изображенная въ романѣ передоновщина—явленіе довольно распространенное. Нѣкоторые ду-

мають даже, что каждый из насъ, внимательно, въ себя всмотрѣвшись, найдетъ въ себѣ несомнѣнныя черты Передонова».

Не трудно видѣть, что эта антитеза искусственна. «Изъ этихъ двухъ мнѣній—говорить г. Сологубъ—я отдаю предпочтеніе тому, которое для меня болѣе пріятно, а именно второму». Это, конечно, совершенно естественно, и откровенность такого признанія заслуживаетъ всякаго поощренія; напрасно, однако, г. Сологубъ такъ настойчиво ищетъ только пріятнаго, что изъ за этого забываетъ обь истинахъ, можно сказать, самоочевидныхъ. Если онъ полагаетъ, что, каждый изъ насъ, внимательно въ себя всмотрѣвшись, найдетъ въ себѣ черты Передонова, то естественна мысль читателя, что г. Сологубъ нашелъ ихъ въ себѣ и былъ первой изъ живыхъ моделей, художественно обобщенныхъ въ чудовищномъ образѣ гнуснаго, нелѣпаго и несчастнаго Передонова. Никакого противорѣчія между «писалъ съ себя» и «писалъ съ другихъ» здѣсь—какъ и во многихъ случаяхъ—нѣтъ, и нѣкоторые изъ «печатныхъ отзывовъ» именно на это указывали. Если бы Передоновъ былъ только портретомъ исключительно Федора Сологуба, если бы въ каждомъ изъ насъ не сидѣлъ Передоновъ, то этотъ образъ былъ бы невѣроятенъ и неинтересенъ. Передоновщина, дѣйствительно, явленіе довольно распространенное; Передоновъ—фигура широко типичная и потому значительная и цѣнная, но это совершенно не отнимаетъ у насъ права находить въ его душевномъ складѣ черты, разительно напоминающія литературно-психическій обликъ его создателя. Документально доказано, что Гоголь даже Хлестакова писалъ въ известной степени съ себя,—изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что «Ревизоръ» есть произведение «безопасное». Въ карикатурномъ объясненіи предисловія эти попытки уяснить механизмъ творчества Сологуба посредствомъ сближенія его съ его образами изображены совершенно неправильно. «Правда, люди любятъ, чтобъ ихъ любили. Имъ нравится, чтобъ изображались возвышенныя и благородныя стороны души. Даже и въ злодѣяхъ имъ хочется видѣть проблески блага, «искру Божию», какъ выражались въ старину. Потому имъ не вѣрится, когда передъ ними стоитъ изображеніе вѣрное, точное, мрачное, злое. Хочется сказать: «Это онъ о себѣ».

Удивительная нескладица. Если «это онъ о себѣ», то вѣдь это все-таки правда, люди этому вѣрятъ и никакихъ «проблесковъ блага» не требуютъ. Они знаютъ, что «проблески блага» есть, что только художественное изображеніе дѣлаетъ все сплошь чернымъ или сплошь лазурнымъ и, видя черное изображеніе, никогда изъ его черноты не выводятъ: «это онъ о себѣ». Вѣдь никто не говоритъ, что Диккенсъ старшаго Домби или Мопассанъ своего *Bel-amí* или фонъ-Визинъ госпожу Простакову или Щедринъ Угрюмъ-Бурчеева писалъ съ себя. Тутъ другія причины—Сологубъ ихъ не хочетъ видѣть. Напрасно съ комическою наивностью—

кто повѣритъ въ наивность Ѳедора Сологуба! — онъ увѣряетъ, что «не былъ поставленъ въ необходимость сочинять и выдумывать изъ себя»: никто его въ этомъ не обвинялъ. Напрасно онъ изображаетъ въ юмористическомъ видѣ «удивительное предпріятіе» своего художественнаго самообличенія; въ предпріятіяхъ этого рода нѣтъ ничего удивительнаго: въ нихъ признавались и Гоголь, и Гете, и другіе. И напрасно онъ тычетъ въ лицо своимъ читателямъ: «нѣтъ, милые мои современники, это о васъ я писалъ мой романъ о Мелкомъ Бѣсѣ»: они это хорошо знаютъ, иначе они не читали бы «Мелкаго Бѣса». Не всѣ они Передоновы, ибо самъ г. Сологубъ говоритъ, что нѣкоторые изъ нихъ—сестры Рутіловы, нѣкоторые—Володины и т. д. Нельзя же думать, что всякій изъ насъ былъ моделью для всѣхъ героевъ г. Сологуба одновременно. И всякій изъ «современниковъ» въ правѣ отвѣтить г. Сологубу: «Позвольте, пожалуйста: у меня есть нѣкоторыя объективныя основанія говорить о передоновщинѣ въ васъ, но у васъ нѣтъ основаній утверждать, что вы писали Передонова съ меня. Я ни въ чемъ подобномъ не признавался, а вся ваша великолѣпная садическая, злобно-пессимистическая и діаболическая лирика есть лирика передоновская. Недотыкомка «истомила присядкою выбою»—это вы писали пятнадцать лѣтъ тому назадъ о себѣ, о Ѳедорѣ Сологубѣ, а теперь—и въ буквально тѣхъ же выраженіяхъ—о Передоновѣ. Я же никогда никакой недотыкомки не видѣлъ. Позвольте мнѣ защититься, ибо иначе—чѣмъ же это кончится? Сегодня Сологубъ объявить меня моделью Передонова, а завтра Кузминъ скажетъ, что онъ своихъ мужеложцевъ писалъ не съ себя, а съ меня. У меня мои пороки, но не передоновскіе и не кузминскіе».

Миръ пороковъ—и тотъ не исчерпанъ передоновщиной; кромѣ того есть вѣдь еще иной миръ; есть не только Передоновъ; есть еще, напимѣръ, и Лиза Калитина. Но г. Сологубъ, начавъ съ скромнаго указанія, что далъ «изображеніе вѣрное, точное, мрачное, злое», въ концѣ предисловія уже видитъ въ своемъ произведеніи нѣчто всеобъемлющее. «Этотъ романъ—зеркало, сдѣланное искусно. Я шлифовалъ его долго, работая надъ нимъ усердно. Ровна поверхность моего зеркала и чистъ его составъ. Многократно измѣренное и тщательно провѣренное, оно не имѣетъ никакой кривизны. Уродливое и прекрасное отражаются въ немъ одинаково точно».

Послѣдняго никакъ нельзя сказать. Прекрасное въ романѣ Ѳедора Сологуба отразилось только развѣ въ красивыхъ тѣлахъ дѣвицъ Рутіловыхъ и гимназистика Саша Пыльникова. Но экспериментъ искусственнаго возбужденія ранней похоти, продѣлываемый надъ послѣднимъ, заливаешь эту красоту такой злой грязью, въ которой отразилось только уродливое. И это тоже имѣетъ цѣну. Не правъ Сологубъ, когда говоритъ, что людямъ нравится, чтобы изображались возвышенныя и благородныя стороны души. Наобо-

ротъ, какъ извѣстно, идеализированныя изображенія рѣдко кажутся удовлетворительными; наоборотъ, образы отрицательные и обличительные производятъ впечатлѣнїе, признаются правдивыми, остаются въ литературѣ. Если здѣсь не умѣстна статистика, то и безъ подсчета общее впечатлѣнїе говорить намъ, что среди общеизвѣстныхъ, признанныхъ, устойчивыхъ литературныхъ образовъ гораздо больше отрицательныхъ, чѣмъ возвышенныхъ.

Среди этихъ обличительныхъ образовъ чудовищныя созданія «Мелкаго Бѣса» займутъ достойное мѣсто. Не нужны увѣренія автора, чтобы видѣть, что въ его романѣ «все анекдотическое, бытовое и психологическое основано на очень точныхъ наблюденїяхъ»: романъ убѣждаетъ въ этомъ съ достаточной очевидностью. Но надо умѣть подойти къ нему; надо имѣть въ виду ту своеобразную манеру, въ которой авторъ перерабатываетъ свои наблюденія. Онъ передаетъ ихъ въ страшной карикатурѣ, мрачной, отвратительной, тягостной. Образы человѣческой пошлости, данные имъ въ обстановкѣ русскаго губернскаго города, отвратительны, но никогда не смѣшны; хотѣлось бы засмѣяться, но что-то грозное, тяжелое сдавливаетъ желѣзной рукой сердце—и нельзя смѣяться. Какъ не смѣшны уродливыя карикатурныя химеры на крышахъ готическихъ соборовъ, такъ не смѣшны, а страшны нелѣпыя и ничтожныя уроды Сологуба. Ихъ уродство такъ велико, такъ значительно и содержательно, что смыслъ ихъ расширяется и жалкая карикатура пошлости, воплощенная въ нихъ, вырастаетъ въ многообъемлющую трагедїю жизни.

Н. Карѣвъ. Введеніе въ изученіе соціологіи. Изд. 2-ое Спб. 1907. 451 стр. Ц. 1 р. 75 к.

«Широкое стремленіе къ самообразованію естественно захватываетъ въ кругъ своихъ интересовъ и соціологію, говоритъ г. Карѣвъ. Въ то самое время, какъ по другимъ наукамъ можно всегда указать на общія пособія въ родѣ школьныхъ учебниковъ, или университетскихъ курсовъ, по соціологіи нельзя указать рѣшительно ничего» (стр. 413). Заполненіемъ этого пробѣла и должна служить разбираемая книга, вышедшая первымъ изданіемъ 10 лѣтъ тому назадъ и перепечатанная теперь съ незначительными измѣненїями. Она содержитъ, во-первыхъ, историческій обзоръ соціологическихъ ученій и, во-вторыхъ, систематическій разборъ соціологическихъ вопросовъ.—Изложивъ взгляды основателя соціологіи, О. Конта, проф. Карѣвъ намѣчаетъ въ дальнѣйшемъ четыре главныхъ соціологическихъ направленія: *органическую* теорію общества, отождествляющую его съ организмомъ, *дарвинистическое* направленіе, сводящее социальныя явленія къ явленіямъ видовой жизни организмовъ, *психологическое*, объясняющее общественныя явленія посредствомъ законовъ психологіи, и *экономическій материализмъ*, считающійся

преимущественно или исключительно съ экономическими факторами. При оцѣнѣ этихъ социологическихъ направлений г. Карѣвъ исходитъ изъ того общаго положенія, что «ни одна изъ этихъ точекъ зрѣнія не могла бы возникнуть, если бы не имѣла оправданія въ фактахъ дѣйствительности. До известной степени каждая изъ разсмотрѣнныхъ основныхъ теорій даже заключаетъ въ себѣ какую-либо вѣрную мысль, но эта же самая мысль дѣлается совершенно невѣрною, разъ молучаетъ болѣе широкое примѣненіе, нежели то, какое ей должно принадлежать по существу дѣла» (стр. 126, въ томъ же духѣ разсужденія на стр. 50, 97 и др.). Предвидя упрекъ въ эклектизмѣ, г. Карѣвъ говоритъ, что «эклектизмъ можетъ имѣть мѣсто только въ философіи», гдѣ эклектикъ изъ такихъ системъ беретъ то, что лично ему болѣе по вкусу. Наоборотъ, «будущее социологіи, какъ науки, зависитъ отъ синтеза въ одну общепризнанную теорію тѣхъ частныхъ истинъ, которыя были уже добыты и впредь будутъ добываться отдѣльными социологическими школами». (стр. 127). Врядъ-ли можно согласиться съ этимъ, такъ какъ очень трудно представить себѣ синтезъ изъ насквозь бесплодной органической школы и психологическаго направленія въ социологіи. Вѣдь, по мнѣнію самого г. Карѣва, слѣдуетъ «отказаться отъ пониманія общества на почвѣ биологическихъ аналогій и обратиться за объясненіемъ общественныхъ явленій къ психическимъ факторамъ человѣческой жизни». (стр. 61). Вообще г. Карѣвъ не разъ и совершенно опредѣленно высказывается за психологическое направленіе въ социологіи. Социологія, говоритъ онъ, напр., «научно не можетъ основываться на чемъ-либо, помимо психологіи». (стр. 263) «Вездѣ за послѣднее время въ изученіи социологіи все сильнѣе и сильнѣе выдвигается психологическая точка зрѣнія» (стр. 220), и т. д. И тѣмъ не менѣе, г. Карѣвъ въ заключеніе говоритъ, что «социологія будущаго выработается изъ научнаго синтеза биологическихъ, психологическихъ и экономическихъ объясненій» (стр. 420). вмѣстѣ съ тѣмъ г. Карѣвъ отводитъ органической и дарвинистической школамъ столько же мѣста, какъ и психологической, и потому не даетъ вполне отчетливаго представленія о различныхъ направленіяхъ въ послѣдней, имѣющихъ для настоящаго времени наибольшій интересъ. Кромѣ того, авторъ почти не упоминаетъ объ антропо-географической и этнологической школахъ, которыя врядъ ли заслуживаютъ меньшаго вниманія, чѣмъ, напр., дарвинистическая.

Изъ социологическихъ вопросовъ г. Карѣвъ разбираетъ вопросъ о методахъ социологіи, о предвидѣніи общественныхъ явленій и воздѣйствіи на нихъ, объ отношеніяхъ личности и общества, объ объективизмѣ и субъективизмѣ въ социологіи и о прогрессѣ. «Строго говоря, научная логика, по словамъ проф. Карѣва, знаетъ только два метода: дедуктивный и индуктивный (стр. 177), понятія же методовъ объективнаго и субъективнаго внесли, по его мнѣнію, большую путаницу. «Единственный законный методъ въ социологіи,

есть методъ научно-объективный, какой употребляется во всѣхъ наукахъ. При изученіи дѣйствительности можно, правда, и даже слѣдуетъ говорить объ объективномъ или субъективномъ къ ней отношеніи, но отношеніе и методъ не одно и то же. Наконецъ, отъ научнаго изученія дѣйствительности можно отличать еще творчество идеаловъ», но.. «ставить его рядомъ съ научными методами, какъ одинъ изъ путей, ведущихъ насъ къ знанію дѣйствительности, конечно, не приходится» (стр. 179). Эти замѣчанія, заимствованныя г. Карѣвымъ у Южакова, можно въ общемъ признать правильными, но здѣсь упускается изъ виду та сторона ученія о субъективномъ методѣ, которая дѣйствительно можетъ имѣть методологическое значеніе. Субъективный методъ можно понимать, какъ указаніе приѣмовъ для устраненія субъективныхъ вліяній изслѣдователя, мѣшающихъ объективному изученію общественныхъ явленій, въ такомъ смыслѣ онъ соотвѣтствовалъ бы личной поправкѣ въ астрономіи. Нужно замѣтить, что г. Карѣвъ вполне раздѣляетъ наиболее существенное положеніе русской субъективной школы, что «общественныя явленія нельзя изучать, игнорируя участіе мыслей, чувствъ и стремленій личностей, создающихъ ихъ своею дѣятельностью (психологическая точка зрѣнія) и игнорируя значеніе этихъ явленій для самихъ личностей, требующее нравственной оцѣнки (этическая точка зрѣнія)». Г. Карѣвъ приводитъ также любопытную параллель между русской субъективной школой и близкими къ ней взглядами Л. Уорда, Гиддинга и др. Иакожичъ затѣмъ методологическія воззрѣнія Милля, Вундта и др., г. Карѣвъ приходитъ къ выводу, что ученіе о методахъ социологіи въ настоящее время еще очень мало разработано. Собственные же взгляды г. Карѣва характеризуются тѣми же чертами, какъ и его отзывы о социологическихъ школахъ. Повидимому, дѣйствительными методами социологіи г. Карѣвъ считаетъ дедуктивный (или гипотетическій), сыгравшій громадную роль въ политической экономіи, и сравнительно-историческій; но въ то же время онъ не совсѣмъ отвергаетъ и аналогическій методъ, хотя и называетъ его «сомнительнымъ», и даже за діалектическимъ методомъ (который г. Карѣвъ изложилъ, впрочемъ, по Гегелю, а не по Энгельсу) онъ не рѣшается «отрицать всякое значеніе», хотя опять-таки «ни въ коемъ случаѣ этотъ методъ не можетъ имѣть значенія, какъ путь для открытія научныхъ законовъ» (стр. 205).

Въ главѣ «предвидѣніе и воздѣйствіе въ общественной жизни» обращаетъ вниманіе критика т. наз. утопизма, который, по мнѣнію г. Карѣва, «придаетъ слишкомъ большое значеніе человѣческому воздѣйствію и слишкомъ мало принимаетъ въ расчетъ, что общественныя явленія подчиняются извѣстнаго рода законамъ» (стр. 242); социологъ же, по мнѣнію г. Карѣва, «долженъ прежде всего освоиться съ той мыслью, что его личныя желанія не могутъ опредѣлять собою будущее, что будущее зависитъ отъ факторовъ, на-

ходящихся внѣ изслѣдователя и отъ него независимыхъ» (стр. 237). Врядъ ли можно согласиться съ этимъ чисто марксистскимъ взглядомъ, тѣмъ болѣе, что и самъ г. Карѣвъ въ другихъ мѣстахъ (въ особенности на стр. 320, 322 и т. д.) говоритъ совершенно иначе. Въ дѣйствительности т. наз. утописты, нисколько не отрицая законмѣрности въ общественной жизни, совершенно правильно полагали, что на ходъ ея развитія оказываетъ вліяніе какъ критика существующаго строя, такъ и построеніе общественныхъ идеаловъ. Недостаткомъ утопистовъ было то, что они мало обращали вниманія на болѣе крупные общественные факторы, главнымъ образомъ на классовую борьбу, но зато цѣнность ихъ указаній на другіе факторы все болѣе и болѣе признается въ послѣднее время (характерный примѣръ г. Туганъ-Барановскій).—Разборъ слѣдующихъ главъ потребовалъ бы больше мѣста, чѣмъ располагаетъ рецензентъ, и потому приходится ограничиться нѣсколькими характерными выписками. Резюмируя главу «личность и общество», г. Карѣвъ говоритъ: «общество не есть простая совокупность личностей, находящихся въ психическомъ и практическомъ взаимодействіи, но и цѣлая система этихъ взаимодействій, въ коей послѣднія получаютъ извѣстныя постоянныя формы, извѣстную организацію... Индивидуумы, однако, суть не только носители общихъ культурныхъ формъ и элементы социальной организаціи: они—носители готовыхъ идей, настроеній, стремленій; они—элементы социальной организаціи, но сама она для нихъ лишь великое орудіе, посредствомъ коего они достигаютъ своихъ цѣлей» и т. д. (стр. 319). По вопросу объ «объективизмъ и субъективизмъ» г. Карѣвъ полагаетъ, что гуманитарныя науки, въ отличіе отъ естественныхъ, способны заключать въ себѣ, кромѣ теоретическаго и утилитарнаго элементовъ еще и элементъ этической» (стр. 332), который состоитъ въ «проявленіи интереса не къ однимъ только внѣшнимъ явленіямъ социальной жизни, но и къ человѣческой личности, живущей въ обществѣ...» (стр. 334). Къ сожалѣнію, разсужденія г. Карѣва объ этомъ не совсѣмъ опредѣленны вслѣдствіе ихъ отвлеченности.—Очень интересна заключительная глава г. Карѣва, излагающая современное состояніе социологіи. Здѣсь говорится о систематическихъ обзорахъ социологическихъ работъ, о социологическихъ журналахъ (и, въ частности, о «международномъ социологическомъ обзорѣ», выходящемъ въ Парижѣ), о международномъ социологическомъ институтѣ, основанномъ въ Парижѣ въ 1895 г., а также приводятся любопытныя данныя о преподаваніи социологіи въ университетахъ.

Къ книгѣ приложенъ очень обширный библиографическій указатель иностранной и русской социологической литературы. Въ немъ можно отмѣтить нѣкоторые пропуски: отсутствуютъ, напр., теоретики синдикализма Бергсонъ, Сорель, Лабріола; изъ русскихъ авторовъ слѣдовало бы упомянуть о книгѣ Бельтова «За двадцать

лѣтъ», объ А. Богдановѣ, Рожковѣ и др.; не отмѣнены также переводы Конта, Анри Мишеля.—Въ общемъ книга проф. Карѣева вполне соответствуетъ своему заглавію,—вводитъ читателя въ кругъ социологическихъ теченій и вопросовъ.

Карль Каутскій. Карль Марксъ и его историческое значеніе. Пер. съ рукописи подъ ред. П. Рязанова. М. 1908. XV+62 стр. Ц. 40 коп.

Небольшая брошюра Каутскаго, вышедшая къ двадцатипятилѣтію со дня смерти Маркса, написана въ томъ духѣ, въ какомъ говорятся обыкновенно рѣчи на юбилеяхъ и пишутся статьи по случаю годовщинъ. Правда, Каутскій заявляетъ, что онъ не намѣренъ писать панегирика Марксу, ибо «этотъ панегирикъ былъ бы неумѣстенъ въ такое время, когда личное значеніе Маркса признано всѣмъ міромъ». Но вышелъ именно панегирикъ, на которомъ незамѣтно никакихъ слѣдовъ той критики, которой подвергались за послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ философскія, социологическія и экономическія воззрѣнія Маркса. По мнѣнію Каутскаго, «Марксъ не только произвелъ переворотъ въ исторической наукѣ, но и заполнилъ пропасть между естественными и общественными науками, обосновалъ единство всего человѣческаго познанія и сдѣлалъ такимъ образомъ ненужной философію»... (стр. 9). Труды Маркса — говорится далѣе — «человѣчeskій духъ въ его наиболѣе сложныхъ и высокыхъ проявленіяхъ, въ социальныхъ, былъ представленъ, какъ часть природы, была доказана (?) естественная закономерность его дѣятельности во всѣхъ областяхъ», и т. д. Всѣхъ тѣхъ, кто сомнѣвается, что Марксъ совершилъ эти невѣроятные подвиги, Каутскій обвиняетъ въ буржуазности. «Тому, кто стоитъ на почвѣ буржуазнаго общества, говорить онъ, точка зрѣнія этого общества мѣшаетъ усвоить всѣ результаты, которые могутъ быть добыты на основѣ единства всего научнаго познанія, какъ оно установлено Марксомъ» (стр. 12). Вообще, по мнѣнію Каутскаго, «мы можемъ отличать пролетарскую науку отъ буржуазной», при чемъ противоположность ихъ «въ концѣ концовъ сказывается и въ естествознаніи». Такимъ образомъ для спасенія философіи Маркса Каутскій провозглашаетъ законность субъективизма самаго дурного тона.

Основная мысль брошюры Каутскаго состоитъ въ томъ, что трудами Маркса достигнуто «синтезъ различныхъ, часто, повидимому, противоположныхъ, областей въ одномъ высшемъ единствѣ. Мы имѣемъ передъ собою прежде всего синтезъ естественныхъ и общественныхъ наукъ, синтезъ англійскаго, французскаго и нѣмецкаго мышленія, соединеніе рабочаго движенія съ социализмомъ, сліяніе теоріи и практики» (стр. 4). Несомнѣнно, что Марксъ, какъ и всякій мыслящій человѣкъ, объединялъ въ своихъ трудахъ самые различные элементы дѣйствительности, и, въ частности,

онъ пользовался данными англійской, французской и нѣмецкой общественной жизни. Но врядь ли можно назвать его работу синтетической по преимуществу, такъ какъ Марксъ никогда не даетъ всесторонняго, исчерпывающаго объясненія дѣйствительности.

П. Л. Лавровъ очень мѣтко назвалъ его мышленіе близорукимъ. Марксъ обращаетъ вниманіе по преимуществу на то, что крупно и бросается въ глаза, и оставляетъ въ сторонѣ менѣ видные факторы. Такъ, въ исторіи, наполненной борьбой самыхъ различныхъ политическихъ, національных, классовыхъ, религіозныхъ и т. п. группъ, онъ останавливается только на борьбѣ классовъ; установивъ законъ концентраціи производства и пролетаризаціи самостоятельныхъ производителей для обрабатывающей промышленности, онъ распространилъ этотъ законъ и на аграрную область. Точно также, проповѣдуя классовую борьбу, какъ единственное средство для увеличенія экономической, политической и духовной силы пролетаріата, а также «для защиты отдѣльныхъ пролетаріевъ отъ нищеты» (стр. 45), Марксъ игнорировалъ тѣ стороны рабочаго движенія, которыми занимались по преимуществу т. наз. утопическіе социалисты, а именно потребительныя и производительныя ассоціаціи рабочихъ. Современной наукѣ и современному рабочему движенію приходится поэтому дѣлать синтезъ изъ Маркса и другихъ мыслителей, приходится измѣнять и дополнять марксистскую тактику, и тѣмъ самымъ обнаруживать односторонность или, по крайней мѣрѣ, несинтетичность его построеній. Отдѣльныя стороны общественной науки и социализма разработаны Марксомъ по истинѣ гениально, но ему нельзя приписывать того, чего онъ не могъ или не успѣлъ сдѣлать.

Въ предисловіи къ русскому переводу Каутскій выражаетъ уверенность, что реакція въ Россіи, подъ вліяніемъ внутреннихъ и вѣшнихъ обстоятельствъ, не затянется на долго, и совѣтуетъ использовать это время «живой работой принципиальнаго воспитанія и организаціи, работой просвѣщенія и культуры». Переводъ удовлетворителенъ, но цѣну брошюры нужно признать очень высокою.

К. Бульчицкій (Мазовецкій). Автономія и федерація въ современныхъ конституціонныхъ государствахъ. Перев. съ польскаго А. Паткина съ дополн., измѣн. и предисл. автора специально для русскаго изданія. Москва. 1907. Изданіе Петровской бібліотеки.

Книжка г-на Кульчицкаго не представляетъ собой научнаго изслѣдованія на данную тему. Это рядъ талантливо написанныхъ и популярно изложенныхъ публицистическихъ очерковъ, предназначенныхъ для широкихъ круговъ читающей публики. Книжка состоитъ изъ введенія и шести отдѣловъ. Во введеніи (стр. 7—56) авторъ излагаетъ основныя понятія государственнаго права: о конституціи, о писанныхъ и обычныхъ конституціяхъ, о пере-

смотрѣ конституцій, о личной и гражданской свободѣ, о неприкосновенности личности и жилища, о свободѣ совѣсти, мысли, слова, печати, собраній, союзовъ и петицій, о представительныхъ учрежденіяхъ, объ избирательныхъ системахъ и о политическихъ партіяхъ. Авторъ неизмѣнно остается при этомъ на выдержанной демократической точкѣ зрѣнія. Въ общемъ этотъ вводный очеркъ можно признать удачнымъ. Мало обоснованными представляются намъ только возраженія автора противъ референдума и права народной инициативы. По мнѣнію г-на Кульчицкаго, непосредственное народное голосованіе въ дѣлѣ изданія новыхъ законовъ не принесло положительныхъ результатовъ. Въ доказательство онъ приводитъ цифры. Въ Бернѣ, напримѣръ, въ референдумѣ участвуетъ 43% гражданъ, имѣющихъ право голоса, въ выборахъ депутатовъ — 63%; въ Цюрихѣ въ референдумѣ — 62,6%, въ выборахъ депутатовъ — 71,3% (168). Г. Кульчицкій, однако, не принялъ во вниманіе того, что сравнительно слабое участие въ народномъ референдумѣ объясняется, такъ сказать, болѣе высокимъ качествомъ этой формы законодательства. Референдумъ требуетъ высшей степени гражданского развитія населенія, но по существу онъ остается идеальной формой законодательства.

Отдѣлъ первый и второй книги (57—123) содержитъ общія сужденія объ автономіи и самоуправленіи, о централизаціи и децентрализаціи и подробное описаніе автономныхъ учреждений, какъ въ государствахъ простыхъ, такъ и «сложныхъ», т. е. такихъ, которыя «состоятъ изъ двухъ или больше отдѣльныхъ частей, имѣющихъ свои собственныя учрежденія и законы и, въ извѣстныхъ границахъ, живущихъ своей особой политической жизнью» (91).

Четвертый отдѣлъ посвященъ описанію федеративнаго строя Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, Швейцарскаго Союза, Германской Имперіи, Мексики, Аргентины, Бразиліи (129—183), третій—вопросу о такъ назыв. «экстерриториальной національной автономіи» (124—128).

Какъ извѣстно, теорію экстерриториальной національной автономіи развилъ съ особой подробностью австрійскій публицистъ Шпрингеръ, но г-нъ Кульчицкій считаетъ долгомъ отмѣтить, что въ этомъ вопросѣ онъ «впервые формулировалъ свои взгляды, не будучи совершенно знакомъ съ трудомъ Шпрингера, на лекціяхъ о сущности націи, организованныхъ въ Краковѣ народнымъ университетомъ имени Мицкевича» (128). Г. Кульчицкій является убѣжденнымъ сторонникомъ экстерриториальной національной автономіи. По его словамъ, автономія отдѣльныхъ территорій въ государствѣ, населеніе котораго однородно по своему національному составу, покрываетъ собою и автономію національную. Съ теченіемъ времени, однако, вслѣдствіе развитія путей сообщенія и капитализма сравнительно однородныя по своему національному составу территоріи

приобрѣтають смѣшанный характеръ населенія, и возникаетъ необходимость въ огражденіи національныхъ меньшинствъ. Это и достигается, по мнѣнію автора, организаціей экстерриториальной національной автономіи, которая сводится къ предоставленію всѣмъ національностямъ права пользоваться во всѣхъ правительственныхныхъ учрежденіяхъ своимъ роднымъ языкомъ и, наконецъ, тѣмъ, что «всѣ народности, разсѣяныя въ данномъ государствѣ, должны имѣть возможность образованія союзовъ съ собственными сеймами, съ предоставленіемъ послѣднимъ права принудительнаго обложенія всѣхъ тѣхъ, которые добровольно записались въ національные союзы» (125). Такимъ образомъ, г. Кульчицкій при конструціи экстерриториальной національной автономіи является сторонникомъ *добровольныхъ* союзовъ, хотя и обладающихъ правомъ *принудительнаго* обложенія.

Послѣдній отдѣлъ шестой (188—211) содержитъ въ себѣ разсужденіе о томъ, «какимъ долженъ быть конституціонный строй Россіи и автономія отдѣльныхъ ея частей». По мнѣнію автора, «съ введеніемъ конституціоннаго строя, центробѣжно-автономистскія стремленія естественно усилятся», но «съ другой стороны, огромное количественное преобладаніе въ государствѣ русскаго народа дѣлаетъ невозможнымъ осуществленіе въ Россіи федеративнаго строя въ той его чистой формѣ, въ какой онъ выступаетъ передъ нами въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки или Швейцаріи».

Во всякомъ случаѣ, политическая автономія необходимо должна будетъ быть предоставлена не только иноплеменнымъ, но и нѣкоторымъ кореннымъ русскимъ областямъ, отдаленнымъ отъ центра. Г. Кульчицкій пытается далѣе намѣтить и схему этихъ автономныхъ дѣленій, указывая при этомъ и на особенности этническаго состава нѣкоторыхъ изъ нихъ, дѣлающія особенно необходимыми «экстерриториальныя» поправки.

Въ общемъ, повторяемъ, книжка г. Кульчицкаго представляетъ собою весьма интересное и популярное изложеніе вопросовъ автономіи и фелераціи, обладающихъ столь жгучимъ интересомъ для современной Россіи.

М. Шанинъ. Муниципализація или раздѣлъ въ собственности? Характеръ нашего аграрнаго кризиса. Вильна, 1907. Кн.—во «Трибуна».

Брошюра съ выписаннымъ заглавіемъ принадлежитъ перу бундовскаго автора. Какъ извѣстно, Бундъ занимаетъ среднее мѣсто между «большевистской» и «меньшевистской» фракціями социалдемократіи. Въ частности, по аграрному вопросу, партія эта не имѣетъ опредѣленной программы. Г-нъ Шанинъ выступаетъ въ первой главѣ своей брошюры противъ муниципализаціи земли, принятой, въ качествѣ программы, на одиннадцатомъ съѣздѣ рос-

сійской социалдемократіи. Сущность этой теоріи, какъ извѣстно, заключается въ предложеніи передачи всѣхъ земель въ распоряженіе выборныхъ на демократическихъ началахъ органовъ мѣстнаго самоуправленія. По этому поводу г-нъ Шанинъ говоритъ: «намъ—и не намъ однимъ—муниципализація рисуется далеко не безвредной и не безопасной для интересовъ пролетаріата, а рѣшеніе объединительнаго сѣзда представляется глубоко ошибочнымъ» (3). Дѣло въ томъ, что въ муниципалитетахъ рабочая политика натывается на тысячи трудно-преодолимыхъ препятствій. На Бременскомъ партѣйтагѣ было засвидѣтельствовано, что ни въ какой политической области классовая борьба не ведется съ такой интенсивностью, какъ въ области коммунальной политики (9—10). Въ Италіи наблюдатели отмѣчаютъ тотъ замѣчательный фактъ, что тѣ же избирательные округа, которые при парламентскихъ выборахъ посылаютъ социалистовъ, при коммунальныхъ и провинціальныхъ съ тѣмъ же успѣхомъ ихъ проваливаютъ (11). По всѣмъ этимъ соображеніямъ, авторъ относится отрицательно къ идеѣ муниципализаціи земли, какъ мѣрѣ, не могущей въ должной степени оградить интересы, какъ онъ выражается, рабочаго класса, или вѣрнѣе, трудового народа. До сихъ поръ аргументація автора понятна. Но далѣе, отдавая свои симпатіи идеѣ раздѣла земли въ собственность, онъ обнаруживаетъ изрядную путаницу понятій. По его мнѣнію, раздѣлъ въ собственность не укрѣпляетъ мелкаго хозяйства, и «отсюда не стоитъ поперекъ эконоическаго развитія деревни въ сторону организаціи крупнаго производства» (44). Организація крупнаго производства предполагаетъ возможность для собственниковъ ликвидировать путемъ продажи свои участки. Затѣмъ авторъ опровергаетъ, хотя, надо признаться, мало убѣдительно—тотъ тезисъ, что мелкая собственность создаетъ изъ крестьянъ варваровъ. Путемъ такихъ разсужденій онъ приходитъ «къ результатамъ, позволяющимъ остановить свой выборъ только на раздѣлѣ, такъ какъ изъ двухъ золъ меньшее представлено, повидимому, раздѣломъ» (61). Почему изъ двухъ золъ? Остальные возможные проекты аграрной реформы авторъ оставляетъ совсѣмъ безъ вниманія. Такъ, по поводу націонализаціи земли онъ замѣчаетъ, что ея «мы здѣсь касаться не будемъ, такъ какъ, по нашему мнѣнію, несостоятельность ея достаточно доказана въ нашей социаль-демократической литературѣ» (31). Доводъ едва ли убѣдительный.

Вторая глава брошюры посвящена анализу «характера нашего аграрнаго кризиса». «Въ чемъ заключается нашъ аграрный вопросъ? Гдѣ причина земледѣльческаго кризиса, гнетущаго Россію?» Причина, — отвѣчаетъ авторъ, — не въ малоземельѣ, такъ какъ малоземелье—понятіе относительное (62—64). Русскій аграрный кризисъ—кризисъ агрикультурный (65—67). Крестьянское земледѣліе страдаетъ отъ технической отсталости. Ближайшимъ этапомъ агри-

культурнаго развитія русской деревни намѣчается переходъ къ травосѣянію. Но для нормальнаго, безболѣзненнаго развитія травосѣянія требуется еще и специальное условіе—надѣленіе крестьянъ землею. «Безъ надѣленія крестьянъ землею не перестанутъ возникать сложныя затрудненія, которыя и въ будущемъ будутъ ложиться непреодолимымъ препятствіемъ къ введенію травосѣянія» (109). Поэтому, «надѣленіе крестьянъ землею диктуется вполне определенными требованіями экономическаго развитія русскаго сельскаго хозяйства» (тамъ же). Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, причиною задерживающаго переходъ къ высшей агрикультурѣ, и, слѣдовательно, причиною современнаго аграрнаго кризиса, является все-таки малоземелье.

Людвигъ Кульчицкій. Анархизмъ въ современномъ социальномъ-политическомъ движеніи въ Россіи. Пер. съ польскаго Л. Б—скаго. Съ портретомъ (и краткой біографіей) Л. Кульчицкаго. 96 стр. Книгоиздательство Юдео. Спб. 1907 г. Цѣна 40 коп.

Названная брошюра Л. Кульчицкаго является какъ бы дополненіемъ къ его книгѣ «Современный анархизмъ», отзывъ о которой былъ помѣщенъ въ мартовской книжкѣ «Русскаго Богатства». Изложивъ довольно подробно анархическія теоріи въ 3. Европѣ, авторъ вератцѣ касается русскаго анархизма 70-хъ годовъ, не оставившаго послѣ себя замѣтныхъ слѣдовъ. Къ сожалѣнію, исторія дѣятельности анархистовъ изложена очень бѣгло; приводится только рядъ отдѣльныхъ эпизодовъ, касающихся Бѣлостока, Нѣжина и др. городовъ; общей же итоговой картины нѣтъ, хотя ее можно было бы составить по легальнымъ газетамъ и анархическимъ изданіямъ. За то программные и тактическіе взгляды русскихъ анархистовъ разобраны съ такими подробностями, которымъ мѣсто въ большомъ теоретическомъ трактатѣ. Въ современномъ русскомъ анархизмѣ г. Кульчицкій различаетъ три направленія, различающіяся прежде всего своимъ отношеніемъ къ профессиональному движенію. Группа «хлѣбъ и воля» «признаетъ синдикализмъ на столько, что рекомендуетъ своимъ приверженцамъ вступать въ профессиональные союзы, но сама не беретса за ихъ организацію» (стр. 75). Группа «новаго міра» и «буревѣстника» считаетъ синдикаты «исходнымъ пунктомъ для всей анархистской дѣятельности». Наоборотъ, третье направленіе, «органомъ котораго служитъ «безначаліе», совершенно отвергаетъ профессиональные союзы» и вообще представляетъ переходъ къ хулиганству. Кромѣ того, г. Кульчицкій касается сочиненій анархиста Вольскаго-Махайскаго и разбираетъ взгляды группы социалистовъ-революціонеровъ максималистовъ, которые не могутъ быть названы анархистами, ибо они, какъ это признаетъ и г. Кульчицкій, «являются государственниками» (стр. 87). Но авторъ правъ, что глав-

нымъ образомъ анархисты были причиной образования въ средѣ партіи соц.-рев. этого течения. Въ общемъ, брошюра г. Кульчицкаго даетъ нѣкоторый матеріалъ относительно русскаго анархическаго движенія, но не полный и односторонній. Много портитъ плохой переводъ. Изъ приложенной къ брошюрѣ біографіи читатель узнаетъ, что г. Кульчицкій одинъ изъ основателей и вилныхъ дѣятелей социалистической польской партіи «Пролетаріатъ». Цѣну брошюры нужно признать довольно высокой.

Проф. Авг. Форель. Половой вопросъ. Естественно - научное, социологическое, гигиеническое и психологическое изслѣдованіе. Переводъ съ VI нѣм. изд. М. А. Энгельгардта. Редакція и предисловіе доктора мед. В. А. Поссе. Спб. 1907, т. I—II, XVI+669 стр. Цѣна 2 р. 50 к.

Авторъ этого изслѣдованія, Августъ Форель былъ профессоромъ психіатріи и директоромъ больницы для душевно больныхъ въ Цюрихѣ; онъ имѣетъ три докторскихъ диплома: доктора медицины, философіи и юридическихъ наукъ; сверхъ того, онъ извѣстенъ, какъ психологъ и хорошій наблюдатель жизни низшихъ животныхъ (муравьевъ и пчелъ).

Человѣкъ съ такими обширными и разнообразными свѣдѣніями, человѣкъ, въ теченіе весьма многихъ лѣтъ наблюдавшій (въ качествѣ врача-практика) различныя нормальныя и ненормальныя проявленія полового инстинкта, — такой человѣкъ, конечно, поставленъ въ наиболѣе благоприятныя условія, чтобы судить о значеніи полового вопроса для индивида и общества, чтобы изслѣдовать этотъ вопросъ во всемъ его объемѣ.

И, дѣйствительно, Форель задался широкой задачей. Самъ онъ (на стр. 555) дѣлаетъ слѣдующій краткій обзоръ своей книги: «въ главахъ I—V, — говоритъ онъ, — мы познакомились съ естественной исторіей, анатоміей и фізіологіей половыхъ органовъ, равно какъ и съ нормальной фізіологіей половой жизни; въ главѣ VI мы дали, главнымъ образомъ, по Вестермарку, краткое изложеніе этнографіи и исторіи половыхъ отношеній человѣческихъ народностей; въ главѣ VII мы пытались, съ одной стороны, прослѣдить зоологическую эволюцію половой жизни (филогенію) въ ряду нашихъ предковъ, а, съ другой, — изложить вкратцѣ индивидуальный ходъ человѣческой половой жизни, отъ рожденія до смерти. Мы желаемъ, такимъ образомъ, сдѣлать болѣе понятными читателю двѣ группы корней нашихъ теперешнихъ половыхъ ощущеній: наслѣдственную, или филогенетическую, и индивидуально приобрѣтенную, или приспособленную; въ главѣ VIII мы описали болѣзненные извращенія половой жизни, такъ какъ послѣднія гораздо глубже, чѣмъ обыкновенно думаютъ, затрагиваютъ наши социальные отношенія; наконецъ, въ главахъ IX—XVIII мы разъяснили отношеніе половой жизни къ важнѣйшимъ сферамъ человѣческихъ чувствъ и к

интересовъ, къ внушенію, къ деньгамъ и къ собственности, къ вѣшнимъ условіямъ жизни, къ религіи, къ праву, къ медицинѣ, къ этикѣ, къ политикѣ и политической экономіи, къ педагогикѣ и къ искусству и обратили наше вниманіе на находящіяся въ связи съ ними общественныя учрежденія и права».

Къ достоинствамъ труда Фореля, сверхъ этой широкой постановки вопроса, слѣдуетъ причислить вполне независимую, не стѣсняемую никакими предвзятыми мнѣніями, трактовку вопроса и энергическую борьбу съ алкоголизмомъ, какъ факторомъ, наиболѣе вредно вліяющимъ на половую функцію людей. «Культъ золотого тельца» и алкоголь являются, по Форелю, двумя главнѣйшими источниками ненормальностей половой жизни. Какъ онъ образно выражается на стр. 357, «богиня Венера, или Афродита, была у древнихъ символомъ красоты и любви... Но въ настоящее время двое низшихъ боговъ все наглѣе простираютъ къ ней руки съ цѣлю стащить ее въ грязь, именно—Бахусъ, который дѣлаетъ изъ нея пошлое и грубое животное, и идолъ Маммонъ, или золотой тѣлецъ, который превращаетъ ее въ продажную дѣвку».

Особенно вреденъ алкоголизмъ тѣмъ, что дѣти алкоголиковъ весьма часто обнаруживаютъ стигматы вырожденія: это люди физически и духовно дряблые и очень часто—съ извращеннымъ половымъ инстинктомъ. Между прочими данными авторъ приводитъ, на примѣръ, слѣдующее: изъ 9000 идіотовъ, оказавшихся въ Швейцаріи по переписи 1900 г., большинство были зачаты «въ теченіе двухъ короткихъ періодовъ года, именно въ періодъ сбора винограда и на масленицѣ, когда всего больше пьютъ» (стр. 296). Поэтому авторъ заявляетъ, что «необходимо признать, вмѣстѣ съ великими людьми, каковы Гладстонъ, Дарвинъ, Кобденъ, О. Контъ и мног. друг., что привычка къ потребленію алкоголя вредитъ человѣчеству больше, чѣмъ война, голодовка и чума, вмѣстѣ взятыя» (стр. 512).

Но если широкая постановка вопроса является главнымъ достоинствомъ книги Фореля, то съ этимъ же связанъ и главный ея недостатокъ. Авторъ, дѣйствительно, широко ставитъ вопросъ, трактуетъ почти о всѣхъ сторонахъ человѣческой жизни въ ихъ отношеніи къ половому вопросу, но все это онъ дѣлаетъ чисто-механически, не объединяя весь этотъ разнообразный матеріалъ въ стройное цѣлое, не связывая отдѣльныя части другъ съ другомъ органически.

Половой инстинктъ есть одинъ изъ самыхъ глубокихъ элементовъ человѣческой личности. Онъ является могущественнымъ проявленіемъ борьбы организма за самоутвержденіе. Простѣйшее, однокѣлочное существо поддерживаетъ свое существованіе, уподобляя подходящіе элементы изъ окружающей среды. Такимъ образомъ оно питается и растетъ. Но когда ростъ его переходитъ за извѣстную границу, такъ что одинъ центръ не можетъ сдерживать

всей плазмы, то клеточка дѣлится на двѣ дочернія клеточки. Такимъ образомъ здѣсь питаніе, размноженіе и смерть связаны неразрывной цѣпью: размноженіе является продолженіемъ питанія, а смерть (т. е. раздѣленіе клеточки-матери на двѣ дочернія клеточки) тождественна съ размноженіемъ. Слѣдовательно, размноженіе является какъ бы переходомъ отъ питанія къ смерти, отъ элементарнѣйшаго самоутвержденія къ саморазрушенію, но при этомъ такому саморазрушенію, которое есть основа увѣковѣченія жизни.

Такое положеніе размноженія дѣлаетъ эту функцію центральной функціей организма. «Геній рода — промышленникъ», говоритъ Шопенгауэръ. Жизнь и счастье индивидовъ приносится этимъ «геніемъ рода» въ жертву единой цѣли: возможно большому воспроизведенію.

Соотвѣтственно съ этимъ центральнымъ положеніемъ воспроизведенія въ тѣлесной жизни организмовъ и половой инстинктъ, «любовь», занимаетъ такое-же центральное положеніе въ духовной жизни индивидовъ. Что половая и материнская любовь является первоисточникомъ всѣхъ остальныхъ видовъ «любви», до социальнаго чувства и нищенской «любви къ дальнимъ» включительно — это можно считать доказаннымъ. Но если наша личная и общественная нравственность коренится въ половой любви, то не мѣнѣе тѣсно связаны съ этой любовью и наши эстетическія чувствованія.

Такимъ образомъ, какъ читатель видитъ, для человѣка, способнаго къ глубокому проникновенію въ сущность вещей, половой вопросъ является весьма благодарной темой для изслѣдованія того, какимъ образомъ нѣкоторая первичная и основная сила участвуетъ въ созданіи всей сложной и тонкой жизни нашихъ чувствъ.

Съ внѣшней стороны нашъ авторъ это и дѣлаетъ: онъ, какъ мы уже и говорили, рассматриваетъ почти всѣ стороны человѣческой жизни въ ихъ связи съ половымъ чувствомъ. Но это только кажется такъ съ внѣшней стороны. Ибо нашъ авторъ даетъ не изслѣдованіе глубокаго взаимнаго проникновенія различныхъ элементовъ жизни, а лишь простое *Nebeneinandersetzung*, какъ сказалъ бы нѣмецъ: простое поставленіе другъ около друга. Характернымъ примѣромъ подобнаго *Nebeneinandersetzung*'а является глава VI: «Этнологія и исторія человѣческой половой жизни и брака», которую авторъ и начинаетъ заявленіемъ, что, будучи человѣкомъ въ этой области некомпетентнымъ, онъ ограничится «краткимъ изложеніемъ» труда Вестермарка «Исторія человѣческаго брака». Здѣсь, очевидно, ни о какомъ проникновеніи въ глубь вопроса не можетъ быть и рѣчи: глава эта является чисто механической прибавкой къ другимъ главамъ книги. Русскіе переводчики, очевидно, не поняли этого. Они взволновались тѣмъ обстоятельствомъ, что

Фореель дѣлаеть «краткое изложене» теоріи Вестермарка, теоріи, по ихъ мнѣнію ошибочной; и вотъ для противодѣйствія этому къ русскому переводу книги Фореля прикладывается статья М. А. Энгельгардта, въ которой дѣлается тоже «краткое изложене» теоріи Моргана и Бахофена о происхожденіи семьи. Этимъ русскіе переводчики неволью подчеркнули то обстоятельство, что VI глава книги Фореля такъ мало связана съ остальными главами той-же книги, что ее можно вынуть и замѣнить другой, трактующей тотъ-же вопросъ съ діаметрально-противоположной точки зрѣнія.

Подобной-же механической вставкой является и почти вся казуистика въ книгѣ Фореля. Напр., на стр. 137—151 приведено 27 «примѣровъ изъ жизни», которые являются скорѣе пикантными анекдотами, чѣмъ дѣйствительными иллюстраціями научныхъ положеній. Мы, по крайней мѣрѣ, знаемъ одного проницательнаго и тонкаго критика, который совѣтовалъ намъ «разнести» книгу Фореля именно за эти якобы «иллюстраціи», которыя, по наблюденію этого критика, производятъ на молодежь совсѣмъ не то дѣйствіе, которое долженъ былъ имѣть въ виду авторъ. Но мы соотримъ на этотъ вопросъ нѣсколько иначе. Конечно, большинство «иллюстрацій» (особенно тѣ, которыя выдѣлены въ особую часть, излишни; но это просто является слѣдствіемъ той-же неспособности автора къ органическому слянію, къ синтезу. Авторъ, быть можетъ, увлекся примѣромъ Крафтъ-Эбинга (сочиненіемъ котораго онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ руководствуется) и далъ свою казуистику, которую и не слилъ органически съ остальнымъ содержаніемъ книги.

Еще болѣе яркимъ примѣромъ этой механической системы составленія книги являются страницы 609—621, посвященные самому бѣглому пересказу всѣхъ романовъ и повѣстей Гюи-де-Мопасана. Мы не можемъ понять цѣли помѣщенія всѣхъ этихъ пересказовъ, но русскіе переводчики, очевидно, находятъ эти пересказы въ нѣсколькихъ строкахъ романовъ Мопасана вполне умѣстными, и, вѣроятно, чтобы еще болѣе усилить значеніе книги Фореля, къ русскому изданію прибавляется статья В. А. Поссе «Половой вопросъ въ произведеніяхъ Л. Н. Толстого и Леонида Андреева», въ которой, нужно замѣтить, взглядъ Толстого на половой вопросъ изучается не по его «мыслямъ» о половомъ вопросѣ, а по его романамъ и повѣстямъ.

Указывая на это механическое составленіе книги Фореля, мы не хотимъ этимъ особенно обезцѣнивать его книгу: мы хотимъ только, чтобы читатель зналъ, что онъ найдетъ въ ней. А найдетъ онъ въ ней не стройное и цѣльное ученіе, выясняющее роль полового инстинкта въ жизни отдѣльнаго человѣка и всего общества, а лишь простой сборникъ статей по половому вопросу, нѣчто въ родѣ энциклопедіи полового вопроса.

Наибольше связывающими элементами во всей книгѣ являются, во-первыхъ, борьба съ алкоголизмомъ, о которой мы уже говорили, и, во-вторыхъ, мысль объ искусственномъ вмѣшателствѣ въ половую жизнь, къ разсмотрѣнію которой мы и приступимъ.

Удовлетворяя свое половое стремленіе, человекъ, вѣроятно, никогда, не думаетъ о послѣдствіяхъ этого акта для общества и очень рѣдко думаетъ о послѣдствіяхъ для него самого. Это ведетъ къ размноженію духовно и физически слабыхъ и даже преступныхъ элементовъ. Форель задался цѣлью найти такой *modus vivendi*, при которомъ размножались-бы лишь духовно и физически сильные элементы. Прежде всего онъ возстаетъ (и совершенно справедливо) противъ законовъ, преслѣдующихъ проявленія различныхъ половыхъ извращеній, если эти извращенія не причиняютъ никому вреда. Онъ говоритъ: «для человѣческаго общества, конечно, выгоднѣе, если идиотъ или слабоумный вступаетъ въ половыя сношенія съ коровой, чѣмъ если онъ дѣлаетъ беременной дѣвушку и плодитъ новыхъ идиотовъ» (стр. 285). Исходя изъ тѣхъ-же соображеній, онъ рѣшительно требуетъ отміны законовъ, наказующихъ гомосексуальныя отношенія, конечно, если обѣ стороны—и «мужъ» и «жена»—вполнѣ взрослые, другъ отъ друга независимыя и правоспособныя лица. А такъ какъ лица, одержимыя гомосексуальными стремленіями (такъ называемые въ медицинѣ урнинги), обыкновенно очень любятъ внѣшнія проявленія брачныхъ отношеній: любить обмѣниваться кольцами, совершать обрученія и т. п., то Форель предлагаетъ доволить совершеніе формальныхъ браковъ мужчины съ женщиной, женщины съ женщиной.

Но, конечно, ни содомія, ни уранизмъ не отвлекутъ и одной сотой части болѣзненнаго и ненормальнаго населенія. Поэтому главный приемъ для возрожденія общества Форель видитъ въ мѣрахъ, предупреждающихъ зачатіе. Онъ относится благосклонно къ проекту кастраціи тяжелыхъ преступниковъ и тѣхъ больныхъ (напр., истеричекъ), которые сами на это согласятся. Слѣдующей мѣрой является деслокація фаллопиевыхъ трубъ у тѣхъ невропатическихъ и больныхъ женщинъ, которыя согласятся на эту, сравнительно, не трудную операцію.

Но, опять-таки, и всѣхъ этихъ мѣръ слишкомъ недостаточно. Остаются мѣры предупредительныя въ узкомъ смыслѣ слова. Фореля можно назвать глѣвцомъ кондома.. Отъ употребленія этого маленькаго аппарата онъ ожидаетъ и возрожденія общества и повышенія личнаго счастья. Всѣ будутъ вступать въ бракъ, когда захотятъ, не думая о необходимости содержать семью. Слабые и больные будутъ такъ благоразумны, что никогда не произведутъ дѣтей, а здоровые и способные будутъ производить дѣтей тогда и столько, когда и сколько слѣдуетъ...

Къ сожалѣнію, Форель не даетъ лишь доказательствъ того, что всеобщее распространеніе кондома поведетъ именно къ этимъ по-

слѣдствіямъ. Что искусственный подборъ есть могущественный факторъ, это мы знаемъ и безъ него и безъ его восклицательнаго указанія: «какъ повысилось качество собакъ съ тѣхъ поръ, какъ стараются выводить хорошія и устранять дурныя породы!» (стр. 566—7). Но вопросъ заключается въ томъ, будетъ-ли кто-либо примѣнять къ людямъ этотъ подборъ столь-же неукоснительно, какъ примѣняютъ его хорошіе заводчики къ собакамъ, или предоставлять дѣло благоусмотрѣнію самихъ людей? Первая альтернатива вообще недопустима и въ частности несовмѣстима съ радикализмомъ и свободолюбіемъ автора. Слѣдовательно, остается лишь вторая альтернатива. Но въ такомъ случаѣ мы не имѣемъ никакихъ гарантій того, что воздержатся отъ дѣторожденія именно тѣ люди, которымъ, ради интересовъ общества, слѣдовало-бы отъ этого воздержаться. Мы не имѣемъ никакихъ гарантій того, что именно люди слабые и неуравновѣшенные рѣшатъ принести на алтарь отечества свою личную жизнь, отказавшись отъ настоящей семьи (самъ Форель многократно повторяетъ, что настоящая семья предполагаетъ дѣтей), отъ радости имѣть дѣтей, отъ опоры старости и т. д..

Повторяемъ нашъ вопросъ: какими мѣрами достигнемъ мы всего этого? Свободолюбивый радикалъ Форель указываетъ намъ лишь одну мѣру: хорошіе совѣты. «Большимъ, неспособнымъ, тупоумнымъ, дурнымъ, низшимъ расамъ надо послѣдовательно рекомендовать неомальтузіанство. Сильнымъ, хорошимъ, здоровымъ и духовно высшимъ надо, напротивъ, настойчиво совѣтовать сильное размноженіе» (стр. 513). А если «тупоумный» сочтетъ себя умнымъ? А ужъ «дурной», тотъ, конечно, будетъ считать себя самымъ лучшимъ, именно и предназначеннымъ для увѣковѣченія своихъ прекрасныхъ качествъ путемъ размноженія. Наконецъ и «низшимъ расамъ» мы будемъ «рекомендовать неомальтузіанство» и онѣ ради процвѣтанія высшихъ расъ рѣшатъ обречь себя на вымираніе!

Таково должно быть вліяніе хорошихъ совѣтовъ, въ могущество которыхъ Форель вообще слишкомъ вѣритъ! Такъ, на примѣръ, онъ даетъ слѣдующій хорошій совѣтъ мужьямъ, которые начали-бы увлекаться другими женщинами. На стр. 579 онъ говоритъ: «Въ особенности мужчинѣ (хотя иногда это можетъ пригодиться и для женщины) мы можемъ посоветовать слѣдующее. Если его чувственная страсть возбуждается постороннимъ женскимъ существомъ, и ему угрожаетъ опасность поддаться ей, онъ долженъ стараться въ воображеніи надѣлать свою жену прелестями той, которая грозитъ соблазнить его. При добромъ желаніи это ему болѣе или менѣе удастся во многихъ случаяхъ».

Мы пока знаемъ лишь одинъ аналогичный случай: это—тотъ, когда несравненный Рыцарь Печального Образа «въ воображеніи надѣлалъ» толстую трактирщицу всѣми прелестями Дульцинеи Тобовской.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

(Значашіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя комиссіи по приобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Изданія товарищества „Знавіе“: *Сборникъ „Знавія“*. Книга двадцать третья. Ц. 1 р.—*Семень Грузенбергъ*. Пессимизмъ, какъ въѣра и міропониманіе. Опытъ критическаго анализа и классификаціи основоположеній и выводовъ пессимизма.—*Н. Н. Бенетовъ*. Рѣчи химика. Общедоступныя лекціи, статьи, рѣчи и доклады—изъ области химіи и физики 1862—1903. Ц. 60 коп.—*Шоломъ Аизъ*. Т. II. Разказы и пьесы. Содержаніе. Городокъ. Времена Мессіи. Богъ мести. 1908. Ц. 1 р.—*Шарль Сеньобосъ*. Политическая исторія современной Европы. Перев. съ французск. подъ ред. В. А. Поссе. Съ приложеніемъ очерка В. А. Поссе. „Европа нашихъ дней“ (1897—1907 гг.) и русской библиографіи. Т. I, II. Четвертое иллюстрированное, исправленное и дополненное изданіе. Ц. за 2 тома 4 р. Спб. 1908.

Е. Д. Бальмонтъ. Второе (дешевое) изд. Пантеонъ. „Міровая литература“. Зовы древности. Спб. Ц. 40 к.

Ал. Бондратьевъ. Мифологическіе разказы. Бѣлый козелъ. Спб. 1908. Ц. 75 к.

Ола Гансонъ. Видѣнія молодого офега. Пер. М. Коваленской. Ц. 50 к.—*А. Гаунландъ*. Дремучіе лѣса. Ц. 50 к. Море. Ц. 50 к. Пер. съ норвежскаго Р. Тираспольской.—*Арне Гарборгъ*. Горный воздухъ. Пер. В. Высоцкаго. Ц. 50 к.—*Юанни Аго*. Одинокій. Пер. А. Койранскаго. Ц. 50 к. Изд. „Современная бібліотека“. М. 1908.

Казиміръ Тетмайеръ. Меланхолія. Переводы В. А. Высоцкаго и Е. Арефьевой. М. 1908. Ц. 1 р.

Внутъ Гамсунъ. Подъ осенней звѣздой. Борьба страстей. М. 1908. Ц. 1 р.

А. Стриндбергъ. Сочиненіе. Т. I. О современной драмѣ и современномъ театрѣ. Фрекенъ Юлія. Кредиторы. Одинокій. Т. II. Современныя басни.

Самумъ. Кто сильнѣй. Парія. Королева Кристина. М. 1908. Ц. по 1 р.

Л. Шницлеръ. Путь къ свободѣ. Авторизованный переводъ подъ редакціей З. А. Венгеровой. Изд. Спб. книжной экспедиціи. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

П. М. Невъжинъ. Въ бою и другіе разказы. Изд. И. Д. Сытина. М. 1908. Ц. 1 р.

Пропилецъ. Первый художественно-литературный сборникъ. Изд. „Пропилецъ“. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

В. Масалды. Морскіе огни. Пересказавъ *Гр. Сегобочный*. У Киіви. Ц. 5 к.—*М. Заіурія*. Якъ визволились Північні Американскіи Штати. У Киіви. Ц. 15 к.—*Д. Дорошенко*.

Оповідання про Ірландію. Ц. 8 к.—Про пустині. Написав *В. Грінченко*. Ц. 8 к.—*М. Заіурія*. Страшный воровъ. Книжка про горілку. Ц. 5 к.—*Д. Марновія*. На вовчому хуторі. Ц. 3 к.—*Ів. Франко*. Ліси та пасовиська. Ц. 3 к.—*Іван а Буджана*. Шматок.

Ц. 4 к.—*Б. Грінченко*. При грім та блискавку. Ц. 4 к.—*Ваву*. Шастя Пейсаха Лейдермана. Ц. 4 к.—*П. Капельгородский*. Українці на Кубані. Ц. 5 к.—*В. Корольовъ*. Якъ годувати худобу. Ц. 10 к.—*Б. Грінченко*. Братства і просвітна справа. Ц. 5 к.—*Б. Иоаницький*. Якъ збутися ярів та пісків. Ц. 4 к.—*П. Э*. Сем'я у звірів, птицъ, комах, рыб, та гадів. З. В. Лувкевича. Ц. 10 к. Изд. товариства.

Просвита у Киіви, заснованого въ память Т. Шевченка, за 1907 рік.

П. Коганъ. Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. Томъ первый. Вып. I. М. 1908. Ц. 1 р.

Л. Б—чъ. Экклезіастъ. Кременчугъ. 1908. Ц. 10 к.

Н. I. Whigham. Персидскій вопросъ. Выпускъ I. Пер. съ англійскаго полк. генер. штаба С. В. Цейль. Асхабадъ. 1908. Ц. 30 к.

Л. Дюбрейль. Коммуна 1871 г. Пер. Н. Тютчевъ. Соціалистическая исторія (1789—1900). Подъ ред. Ж. Жореса. Т. XII. Спб. 1908. Ц. 75 к.

Пер. Н. Тютчевъ. Соціалистическая исторія (1789—1900). Подъ ред. Ж. Жореса. Т. XII. Спб. 1908. Ц. 75 к.

Пер. Н. Тютчевъ. Соціалистическая исторія (1789—1900). Подъ ред. Ж. Жореса. Т. XII. Спб. 1908. Ц. 75 к.

Пер. Н. Тютчевъ. Соціалистическая исторія (1789—1900). Подъ ред. Ж. Жореса. Т. XII. Спб. 1908. Ц. 75 к.

Пер. Н. Тютчевъ. Соціалистическая исторія (1789—1900). Подъ ред. Ж. Жореса. Т. XII. Спб. 1908. Ц. 75 к.

Пер. Н. Тютчевъ. Соціалистическая исторія (1789—1900). Подъ ред. Ж. Жореса. Т. XII. Спб. 1908. Ц. 75 к.

Петръ Исаевичъ Вейнбергъ.

(1830—1908).

Вслѣдъ за Жемчужниковымъ, сошелъ съ жизненной сцены и другой старѣйшій изъ современныхъ русскихъ поэтовъ... Онъ также дожилъ до завиднаго возраста, почти 80-ти лѣтъ, выпилъ до дна всю чашу назначенныхъ на его долю радостей и горестей, «въ предѣлѣхъ земномъ совершилъ все земное» и, казалось, ничего уже новаго не могъ дать родной литературѣ, ничего не могъ и самъ ждать отъ жизни. Казалось... Но П. И. Вейнбергъ былъ еще бодръ духомъ; когда болѣзнь временно разжимала свои острые когти, онъ вдругъ оживалъ, молодѣлъ, проявлялъ кипучую, удивительную для своего возраста энергію, и тогда, наоборотъ, казалось, что онъ еще хочетъ и можетъ жить, что онъ еще много можетъ работать!

Всегда трудно произнести правильный и нелицепріятный судъ надъ человѣкомъ въ виду его свѣжей, едва закрывшейся могилы, а въ данномъ случаѣ, быть можетъ, особенно трудно.

Молодежь, горячо любившая покойнаго поэта, знала его лишь въ позднѣйшій періодъ его долгой жизни, въ классической роли литературнаго Маеусайла, искренняго друга и печальника всѣхъ несчастныхъ; сложнѣе было чувство людей болѣе старыхъ поколѣній, въ памяти которыхъ былъ живъ еще и другой Вейнбергъ,— Вейнбергъ 60-хъ годовъ. Какъ извѣстно, въ то время поэтъ не пользовался популярностью... Недостатокъ политическаго такта и опыта толкнулъ его на нѣкоторые поступки, казавшіеся тогдашнему передовому русскому обществу, недавно лишь проснувшемуся къ политической мысли и жизни, чѣмъ-то ужаснымъ и непрощаемымъ: таковъ былъ знаменитый фельетонъ Вейнберга о г-жѣ Толмачевой («безобразный поступокъ *Вѣка*»), таково было его сотрудничество въ «Сѣверной Почтѣ», тогдашней «Россіи», или лекторство въ Варшавскомъ университетѣ, котораго, по понятнымъ причинамъ, сторонились лучшіе представители профессуры...

Не затѣмъ, конечно, я вспомнилъ это, чтобы ворошить старые грѣхи и посылать дорогому и мнѣ покойнику запоздалые упреки,— нѣтъ! Я хочу только указать, что надъ образомъ Вейнберга былыхъ временъ,—нелюбимымъ и, во всякомъ случаѣ, безразличнымъ для общества,—въ позднѣйшія десятилѣтія, какъ-то незамѣтно для друзей и враговъ, незамѣтно, можетъ быть, и для самого человѣка, сложился другой духовный обликъ—того старенькаго, милаго Петра Исаевича, котораго мы всѣ знали и любили.

Да, я думаю, превращеніе это произошло незамѣтно для него самого. Онъ видѣлъ, какъ быстро, неуклонно и безпощадно рѣдѣетъ

кругъ тѣхъ бойцовъ безъ страха и упрека, ветерановъ родной литературы, что цѣлыя десятилѣтія отважно и бодро стояли «на славномъ посту», защищая ея жизнь и честь; онъ видѣлъ, какъ все гуще сдвигается надъ нею ночь политической реакціи, въ то время какъ изъ глубины народной жизни уже доносятся раскаты отдаленнаго грома... То зрѣла давно желанная буря протеста и возмущенія, сулившая, однако, не только возрожденіе родины, но и рядъ новыхъ жестокихъ ударовъ и испытаній... И П. И. естественно все больше и больше проникался мыслью, что онъ, старѣйшій по лѣтамъ литераторъ, близко знавшій Некрасова, Григоровича, Салтыкова, Тургенева и Достоевскаго, является въ эту трудную историческую годину какъ бы призваннымъ опекуномъ и ходатаемъ родной литературы и ея интересовъ. Собратья по перу безмолвно признали за нимъ это право и единодушно избрали сначала предсѣдателемъ Союза Писателей, а затѣмъ—послѣ славной гибели Союза—и предсѣдателемъ комитета Литературнаго Фонда.

И нужно сознаться, не особенно легко было выполненіе этой почетной и отвѣтственной роли человѣку закала Вейнберга. Горячо и дѣтски-трогательно любя литературу, стремясь всячески послужить ей и принести посильныя жертвы, онъ, прожившій молодость въ атмосферѣ мрака и трепета крѣпостной эпохи, былъ органически неспособенъ стоять передъ врагомъ съ открытымъ забраломъ, съ гордымъ взглядомъ борца, глубоко и смѣло сознающаго свое нравственное превосходство; онъ былъ изъ тѣхъ «героевъ-рабовъ», о которыхъ такъ краснорѣчиво говоритъ Елисеевъ въ своей извѣстной защитѣ Некрасова,—и люди новаго типа и склада, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, достоинство литературы, не разъ могли и должны были находить промахи въ этого рода дѣятельности П. И-ча...

Но онъ дѣлалъ все, что могъ и какъ могъ.

Обычный удѣлъ людей—съ возрастомъ стараться отмежевать себя спокойный уголокъ жизни, подалеке отъ общественныхъ бурь и треволненій, становиться все умѣреннѣе и осторожнѣе, и лишь немногіе превращаются въ борцовъ именно подъ старость. П. И. былъ однимъ изъ такихъ счастливицевъ. Съ годами онъ становился все смѣлѣе и радикальнѣе въ своихъ политическихъ взглядахъ. Его «Письмо» (извѣстное стихотвореніе) долгое время не пропустилось цензурой... Среди тѣхъ имѣющихъ власть звѣздоносцевъ, съ которыми поэтъ,—самъ «гражданскій генералъ» по службѣ,—имѣлъ право, по старой памяти, стоять на равной ногѣ, его не разъ—полупутя, конечно,—упрекали въ томъ, что онъ сталъ революціонеромъ; въ «сферахъ» на него иногда косились и, въ лучшемъ случаѣ, считали и называли «чудакомъ»... Это смѣшно, разумѣется: никогда не стоялъ Вейнбергъ и не могъ стоять сколько-нибудь «лѣвѣе кадетовъ» или, пожалуй даже, «лѣвыхъ октябристовъ» (употребляя новѣйшую терминологию), хотя ни въ какую партію

онъ официально не вступалъ, предпочитая оставаться вольнымъ партизаномъ. Но въ «освободительномъ движеніи» и онъ принималъ посильное участіе: онъ подписался подъ извѣстнымъ протестомъ 44 литераторовъ въ 1901 году (по поводу избіенія полиціей студентовъ во время демонстраціи на Казанской площади), позже онъ далъ свое имя въ качествѣ отвѣтственнаго редактора «Библиотеки Освободительной Борьбы»; онъ вообще не разъ за послѣдніе годы ставилъ на карту свою долготѣную «благонамѣренную» репутацію...

И объяснять это тѣмъ, что человѣкъ сознательно искалъ популярности, что, сохраняя связь съ «старымъ міромъ», онъ заботился о добромъ имени въ потомствѣ, было бы обидной несправедливостью, глубокой ошибкой. При всемъ своемъ умѣньи и привычѣ вести дипломатію въ «сферахъ», въ родной сердцу литературной средѣ П. И. Вейнбергъ былъ человѣкомъ абсолютно-искреннимъ, никогда не скрывавшимъ своихъ задушевныхъ мыслей, хотя бы онъ и шли вразрѣзъ съ общимъ мнѣніемъ. Кто не помнитъ, напр., какъ горячо и рѣзко отстаивалъ онъ, не встрѣчая кругомъ сочувствія, идею *вѣчной* литературной собственности? Или какъ на вечерахъ Литературнаго Фонда, устройтеlemъ и распорядителемъ которыхъ онъ всегда былъ, въ грубоватой подчасъ формѣ ссорился съ молодежью?...

Широко извѣстна та роль П. И., которую онъ снискалъ себѣ наибольшія симпатіи и любовь современниковъ: онъ былъ въ послѣдніе годы общепривзаннымъ адвокатомъ и заступникомъ политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ, особенно тѣхъ изъ нихъ, кто имѣлъ хоть случайное, хоть слабое прикосновеніе къ литературѣ, напечаталъ гдѣ-нибудь стишокъ, помѣстилъ статейку... Тогда ужъ П. И., не колеблясь, бралъ опального юношу подъ свое крыло и безъ устали, безъ конца хлопоталъ до тѣхъ поръ, пока оставалась хоть тѣнь надежды на облегченіе его участи. Слабого, почти восьмидесятилѣтняго старика, часто больного, похожаго на живой трупъ, его поднимали съ постели, отрывали отъ любимаго дѣла — и онъ садился писать письма, составлять телеграммы, ѣхалъ лично на край города, пуская въ ходъ свои «связи», старыя знакомства и старую благонадежную репутацію, ожидая по часамъ въ генеральскихъ пріемныхъ, кланяясь и ведя дипломатическую игру, — и сколько мнѣ лично извѣстно примѣровъ, когда хлопоты Петра Исаевича, — нерѣдко, конечно, и бесплодные, — увѣнчивались блестящимъ успѣхомъ! Немало рассказали бы объ этомъ и петербургскія тюрьмы, и тундры Архангельской губерніи, и сибирская тайга...

О литературныхъ заслугахъ покойнаго я скажу сейчасъ лишь нѣсколько словъ. Оригинальный поэтический талантъ его, и какъ серьезнаго лирика, и какъ юмориста, самъ по себѣ былъ, на мой взглядъ, скроменъ. Рифмованнымъ стихомъ, какъ и большинство поэтовъ-шестидесятниковъ, Вейнбергъ владелъ далеко не въ совершенствѣ;

но подь этимъ неуклюжимъ, порой корявымъ, стихомъ скрывалась всегда серьезная, гуманная мысль и билось искреннее чувство. И съ годами не падала, а все, какъ будто, росла жизнерадостность поэта, его горячая вѣра въ конечное и близкое торжество идеаловъ добра и свѣта; онъ вѣрилъ въ родину, въ молодость и преклонялся передъ ея пламеннымъ движеніемъ къ свободѣ... Вотъ почему, въ связи съ общимъ симпатичнымъ обликомъ старца-поэта, я думаю, и нѣкоторыя изъ его оригинальныхъ стихотвореній останутся все же въ исторіи русской поэзіи.

Несравненно крупнѣе значеніе Вейнберга, какъ переводчика. Нѣтъ, кажется, въ европейской литературѣ поэта болѣе или менѣе крупнаго значенія, котораго покойный не переводилъ бы. Онъ работалъ надъ Шекспиромъ, Шиллеромъ, Шелли, Викторомъ Гюго, Лессингомъ, Гупцовомъ, Гейне, Гервегомъ, Ленау, Шамиссо, Мицкевичемъ и т. д., не обходя и самыхъ капитальныхъ (по объему) произведеній этихъ французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ и польскихъ художниковъ слова («Отелло», «Ченчи», «Натанъ Мудрый», «Уриэль Акоста» и пр.). Между прочимъ, онъ перевелъ *всего* Гейне.

Само собой разумѣется, что среди этого колоссальнаго количества стихотворныхъ переводовъ есть много и совершенно слабыхъ. Я лично не поклонникъ, напр., переводовъ Вейнберга изъ Гейне, которымъ самъ П. И. придавалъ, кажется, наибольшее значеніе; однако, и между ними встрѣчаются превосходныя, по-истинѣ классическія работы. Какъ прелестно передана, напр., «Горная Идиллія»! Вѣдь это, какъ будто, самъ Гейне съ его граціей, нѣжностью, тонкимъ лукавствомъ и могучей энергіей!

Но лучше всего давался нашему переводчику неримованный, бѣлый стихъ, и нѣкоторыя изъ переведенныхъ имъ драмъ также положительно хороши.

Какъ бы то ни было, заслуги Вейнберга передъ русской литературой не малоцѣнны не по одному только количеству.

Да будетъ же легка труженику-поэту родная земля, на которой онъ столько жилъ, работалъ, страдалъ и любилъ!..

П. Якубовичъ.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство“.

ПОСТУПИЛО:

Въ пользу голодающихъ крестьянъ въ разныхъ губ.:
отъ Антоновой—5 р.; отъ сибирячки—4 р.

Итого 9 р.
А всего съ прежде поступившими . . 45 р.

Въ пользу б. шлиссельбуржцевъ: отъ М. А. Е.—3 р.; отъ
О. Н. Флоровской, съ лотереи—31 р.

Итого 34 р.

Въ пользу пострадавшихъ депутатовъ первой и вто-
рой Госуд. Думы: отъ М. А. Е.—5 р.; отъ А. К.—5 р.; отъ
Торговаго Дома С—ва, въ Петербургъ—15 р.; отъ С. Ботнико-
ва, изъ Костромы—30 р.; отъ неизвѣстнаго—4 р. 35 к.; отъ
сибирячки—4 р.

Итого 63 р. 35 к.

Въ пользу смыльныхъ и заключенныхъ: отъ П. Самсо-
нова, изъ Смоленска—3 р.; отъ А. С.—10 р.; отъ п—скихъ
землемѣровъ—15 р.; „изъ Балты“—10 р.; „изъ Калиша“—7 р.; отъ
„Гали и Ави“—12 р.; отъ М. А. Е.—6 р.; отъ А. К.—5 р.; „изъ
Балты“—10 р.; „отъ сочувствующихъ южанъ—1 мая“—13 р. 50 к.;
отъ Н. М. Г. 12-ый и 13-й взносъ—20 р.; „изъ Балты“—10 р.;
черезъ М. П. $\frac{1}{10}$ отчисл.—май, июнь, июль—98 р.; отъ М. А. Е.—
24 р.; отъ А. Р.—2 р.; „изъ Балты“—10 р.; отъ Б. А. Гелло—
75 к.; отъ А. В. Николаева—15 р.

Итого 271 р. 25 к.

Продолжается подписка
на 1908 г.
на ежемѣсячный журналъ
(третій годъ изданія)

ЯСНАЯ ПОЛЯНА.

Въ журналъ помѣщаются запрещенные въ Россіи и печатавшіеся за-
границею журналы: «Колоколь» А. Герцена, «Былое» и «Искра» (журналы ос-
вободительнаго движенія). 24 книги приложеній заключаютъ въ себѣ: 16 книгъ
полнаго собранія сочиненій графа Л. Н. Толстого, до сихъ поръ печатавшихся
за-границею, 5 книгъ «Сборникъ рѣчей депутатовъ Государственной думы
1 и 2 созыва»; 2 книги гр. Джакомо Леопарди «Диалоги и мысли» и 1 книга
популярной исторіи Россіи отъ начала до нашихъ дней. Вышло 9 №№
съ 18 книгами приложеній. Подписная цѣна за 12 №№ журнала и 24 книги
приложеній 7 р. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р., остальные въ раз-
срочку; сроки по желанію г.г. подписчиковъ. Требования адресовать: Петербургъ,
Лѣсной корпусъ, книгоиздательство „Ясная Поляна“. Дешевое собраніе сочи-
неній графа Л. Н. Толстого можетъ быть приобрѣтено только по подпискѣ
на журналъ „Ясная Поляна“. Въ отдѣльной продажѣ оно стоитъ втрое дороже.
Вышедшихъ №№ съ приложеніемъ осталось ограниченное количество и по
израсходованіи ихъ подписка прекратится.

МАГАЗИНЪ ВЫСЫЛАЕТЪ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАТАЛОГЪ
ЖЕЛАЮЩИХЪ ОЗНАКОМИТЬСЯ
СЪ ВЫБОРОМЪ ВЕЩЕЙ ДЛЯ ПОДАРКОВЪ
И КОМНАТНОЙ ОБСТАНОВКИ.

АЛЕКСАНДРЪ.

Фабрикантъ зонтиковъ и вѣровъ, токар-
ныхъ и кожаныхъ издѣлій.

С.-Петербургъ, Невскій просп. д. 11.

АВГУСТЪ.

1908.

РУССКОЕ ПОГЯТСТВО

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 8.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Первой Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34
1908.

Лига.

Контора «Русскаго Богатства» просить руководствоваться, при подпискѣ и доплатахъ, прилагаемыми образцами. Это избавить отъ ошибокъ, происходящихъ вслѣдствіе того, что почтовые штемпеля, попадая на адреса, совершенно ихъ закрываютъ.

Доплата:

№ бандероли.

Прилагаю:

2-й взносъ р. к.

3-й взносъ р. к.

Имя:

Отчество:

Фамилия:

Городъ

Губернія:

Уездъ:

(или ж. д.)

Мѣсто
почтоваго
штемпеля.

Подписка.

Прилагаю р. к., прошу выслать «Русск. Бог.» въ теченіе 1907 г.

Имя:

Отчество:

Фамилия:

Городъ или станція:

Губернія:

Уезда (или ул. и домъ)

(или ж. д.)

Мѣсто
почтоваго
штемпеля.

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТРАН.
1. Посконная жизнь. <i>К. Баранцевича</i>	1— 41
2. Дореформенный институтъ и преобразования <i>И. Д. Ушинскаго. Е. Водовозовой.</i> Продолженіе	42— 68
3. * * Стихотвореніе. <i>Леонида Б.</i>	68
4. Соблазнъ. Романъ. <i>Вильгельма Гегелера.</i> Переводъ съ нѣмецкаго <i>А. М. Брумберга.</i> Продолженіе	69—117
5. Стихотворенія: I—II. <i>Ады Чумаченко.</i>	117—118
6. Италія. Окончаніе. <i>С. Елматьевскаго.</i>	119—144
7. Судьба маленькой деспотіи. <i>Т. Богдановичъ</i>	145—190
8. Стихотворенія: I—III. <i>Г. Галиной.</i>	190—191
9. Исторія моего современника. Деревня Гарный Лугъ. „Помѣщики“.—Мужики. Грѣхи капитана. Судьба Антося.—Смерть отца. <i>Вл. Короленко.</i>	192—228
10. Янусъ. Романъ <i>Ж. Г. Рони.</i> Переводъ съ французскаго <i>С. Б.</i> Продолженіе. (Въ приложеніи)	177—192
11. Польско-русинскія отношенія въ Галиціи. (Письмо изъ Австріи). <i>Л. Василевскаго</i> (Плохоцкаго).	1— 24
12. „Избранныя“ и „отверженныя“ расы. <i>Джонео.</i>	25— 54
13. Изъ быта крестьянъ Саратовской губ. <i>Ф. К. Березова.</i>	55— 68
14. Рудничныя катастрофы и ихъ причины. (По поводу взрыва на Рыковскомъ рудникѣ). <i>Льва Либермана.</i>	69— 84
15. Хроника внутренней жизни: 1. Общественная сила „Слова“. Успокоеніе объявлено. Требованіе реформъ.—2. Реформы г. Столыпина и политическая неблагонадежность.—3. Тайны бакинской юстиціи	

(См. на оборотѣ).

	СТРАН.
и другія тайны. Ванька Каинъ. Эпидемія „воровства“. <i>А. Петрищева</i>	84—108
16. Наброски современности. XIV. О писательскомъ съѣздѣ. <i>В. Мякотина</i>	108—125
17. Левъ Николаевичъ Толстой. <i>Вл. Короленко</i>	125—148
18. Новыя книги: Стихотворенія С. А. Надсона.—А. И. Богдановичъ. Годы перелома	144—151
19. Отчетъ конторы редакціи.	
20. Объявленія.	

Изданія редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

(С.-Петербургъ—контора журнала „Русское Богатство“, Васкова ул., 9;
Москва—отдѣленіе конторы, Никитскія Ворота, д. Гагарина).

Выписывающіе книги въ провинцію на сумму не меньше 1 рубля пользуются даровой пересылкой. Книжнымъ магазинамъ — уступка 25% при пересылкѣ книгъ на ихъ счетъ.

Н. Авксентьевъ. ВЫБОРЫ НАРОДНЫХЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ. Изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 коп.

С. А. Ан—скій. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Изд. 1894 г.—150 стр. Ц. 80 к.

П. Булыгинъ. РАЗСКАЗЫ. Изд. 1902 г.—482 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Григорій Бѣлорѣцкій. БЕЗЪ ИДЕИ (Изъ рассказовъ о русско-японской войнѣ). 1906 г. 207 стр. Цѣна 75 коп. Безъ идеи.—Безъ настроенія.—Въ чужомъ пиру.—Химера.

П. Голубевъ. ПОДАТНОЕ ДѢЛО. 1906 г. 32 стр. Цѣна 8 к.

Дюнео. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИИ. Изд. 1903 г.—558 стр. Ц. 1 р. 50 к.

— АНГЛІЙСКІЕ СИЛУЭТЫ. Изд. 1905 г. 501 стр. Ц. 1 р. 50 к. Характеръ англичанъ.—Англ. полиція.—Возрожденіе протекціонизма.—Ирландскій „ледоходъ“.—Земля.—Женскій трудъ.—Дѣтскій трудъ.

— НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ и ЖИЛИЩА. Изд. второе 1906 г. 16 стр. Цѣна 4 коп.

— СВОБОДА ПЕЧАТИ. 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

В. І. Дмитриева. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ. 1906 г. 312 стр. Цѣна 1 руб. Гомочка.—Подъ солнцемъ юга.

В. Я. Кокозовъ. РАЗСКАЗЫ О КАРІЙСКОЙ КАТОРГѢ. 1907 г. 317 стр. Ц. 1 р. «Не нашъ».—Воспоминанія врача.—Практика.—Искусники.—Трофимычъ.—Ласковый.—Яшка.—Н. Г. Чернышевскій.

Владиміръ Нороленко. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Книга I. *Девъ-надцатое* изд. 1908 г.—403 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ дурномъ обществѣ.—Сонъ Макара.—Лѣсъ шумить.—Въ ночь подъ свѣтлымъ праздникомъ.—Въ подслѣдственномъ отдѣленіи.—Старый звонарь.—Очерки сибирскаго туриста.—Соколинецъ.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. II. *Восьмое* изд. 1908 г.—411 стр. Ц. 1 р. 50 к. Рѣка играетъ.—На затменіи.—Атъ-Даванъ.—Черкесь.—За иконою.—Ночью.—Тѣни.—Судный день (Юмъ-Кипуръ). Малор. сказка.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. III. *Четвертое* изд. 1907 г.—349 стр. Ц. 1 р. 25 к. Огоньки.—Сказаніе о Флорѣ, Агриппѣ и Менахемѣ, сынѣ Іегуды.—Парадоксъ.—„Государевы ямщики“.—Морозъ.—Послѣдній лучъ.—Русина заимка.—Мгновеніе.—Въ облачный день.

— ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ. Наблюденія, размышленія и записки. *Шестое*, исправленное и дополненное, изд. 1907 г.—3 стр. Ц. 1 р.

— СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. Этюдъ. *Одинадцатое* изд. 1906 г.—200 стр. Ц. 75 к.

— БЕЗЪ ЯЗЫКА. Разсказъ. *Четвертое* изд. 1906 г.—218 стр. Ц. 75 к.

— ПИСЬМА КЪ ЖИТЕЛЮ ГОРОДСКОЙ ОКРАИНЫ. *Второе* изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 к.

— СОРОЧИНСКАЯ ТРАГЕДІЯ (по даннымъ судебного разслѣдованія). Изд. 1907 г. Ц. 10 коп.

— ОТОШЕДШІЕ. Объ Успенскомъ. О Чернышевскомъ. О Чеховѣ. Изд. 1908 г. Цѣна 40 коп.

Ө. Крюковъ. КАЗАЦКІЕ МОТИВЫ. 1907 г.—438 стр. Ц. 1 руб. Казачка.—Въ родныхъ мѣстахъ.—Станичники.—Изъ дневника учителя Васюлина.—Кладь.—Картинки школьной жизни.—Къ источнику исцѣленій.—Встрѣча.

Н. Е. Кудринъ (Н. С. Русановъ). ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ. *Второе* изд. 1903 г.—612 стр. Ц. 1 р. 50 к. Народъ и его характеръ.—Наука, литература и печать.—Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ.—Дѣло Дрейфуса.—Идейное пробужденіе.

— ГАЛЛЕРЕЯ СОВРЕМЕННЫХЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ. Съ 12 портрет. Изд. 1906 г. 499 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пастеръ.—Додэ.—Золя.—Клемансо.—Вальдекъ Руссо.—Комбъ.—Рошфоръ.—Жоресъ.—Гэдъ.—Анатоль Франсъ.—Поль Бурже.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). ИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМА. Изд. *третье*. 1906 г.—380 стр. Ц. 1 р.

— ФОРМУЛА ПРОГРЕССА Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО. НАУЧНЫЯ ОСНОВЫ ИСТОРИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ. 1906 г. 143 стр. Цѣна 40 коп.

— ЗАДАЧИ ПОЗИТИВИЗМА И ИХЪ РѢШЕНІЕ. Теоретики сороковыхъ годовъ въ наукѣ о вѣрованіяхъ. Изд. 1906 г.—143 стр. Ц. 40 к.

А. Леонтьевъ. РАВНОПРАВНОСТЬ. *Второе* изд. 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

— СУДЪ И ЕГО НЕЗАВИСИМОСТЬ. Изд. 1905 г. 24 стр. Ц. 5 к.

Ев. Лѣткова. ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. I. Мертвая зыбь. *Третье* изд. 1906 г.—222 стр. Ц. 1 р.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. II (распроданъ).

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. III. Изд. 1903 г.—316 стр. Ц. 1 р. Рабъ.—Оборванная переписка.—На мельницѣ.—Облачко.—Безъ фамиліи (Софья Петровна и Таня).

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. Т. I. *Четвертое* изд. 1907 г.—386 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ предверіи.—Шелаевскій рудникъ.—Ферганскій орленокъ.—Одиночество.

— ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Т. II. *Третье* изд. 1904 402 стр. Ц. 1 р. 50 к. Съ товарищами.—Кобылка въ пути.—Средя сопок Эпилогъ.—Post-scriptum автора.

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Рассказы. Второе изд. 1903 г.— 367 стр. Ц. 1 р. Юность (изъ воспоминаній неудачницы).—Пасынки жизни.—Чортовъ ярь.—Любимцы каторги.—Искорка.—Не досказанная правда.—На китайской рѣкѣ.—Ганя.

— ОЧЕРКИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ. Изд. 1904 г. — 406 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пушкинъ.—Некрасовъ.—Фетъ.—Тютчевъ.—Надсонъ. — Современные миниатюры.—О старомъ и новомъ настроеніи.

— ВМѢСТО ШЛИССЕЛЬБУРГА. I. Вѣсти изъ политической каторги. I. Мельшина. — II. На Амурской колесной дорогѣ. P. Бравскаго. Изд. 1906 г.—40 стр. Ц. 8 коп.

В. А. Мянотинъ. ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА. Изд. второе 1906 г.—400 стр. Ц. 1 р. 25 к. Протопопъ Аввакумъ.—Кн. Щербатовъ.—На зарѣ русской общественности (Радищевъ).—Изъ Пушкинской эпохи.—Т. Н. Грановскій.—К. Д. Кавелинъ.—Памяти Глѣба Успенскаго.—Памяти Н. К. Михайловскаго.

— НАДО ЛИ ИДТИ ВЪ ДУМУ. Изд. второе 1906 г. 40 стр. Цѣна 10 коп.

А. О. Нешировский. НАПАСТЬ. Повѣсть (изъ холерной эпидеміи 1892 г.). Изд. 1898 г.—236 стр. Ц. 1 р.

А. А. Николаевъ. КООПЕРАЦІЯ. Изд. 1906 г. 56 стр. Ц. 10 к.

А. Б. Петрищевъ. ЦЕРКОВЬ И ШКОЛА. Изд. 1906 г. Ц. 15 к.

— ДВА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХЪ ЗАКОНА. Спб. 1907 г. Ц. 10 к.

С. Подъячевъ. Т. I. МЫТАРСТВА.—Изд. 1905 г.—296 стр. Ц. 75 коп.—Московскій работный домъ.—По этапу.

— Т. II. СРЕДИ РАБОЧИХЪ.—Изд. 1905 г.—287 стр. Ц. 75 к.

А. В. Пъшехоновъ. ЗЕМЕЛЬНЫЯ НУЖДЫ ДЕРЕВНИ. Основныя задачи аграрной реформы. Изд. третье 1906 г.—155 стр. Цѣна 60 к.

— КРЕСТЬЯНЕ И РАБОЧІЕ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Изд. третье безъ перемѣнъ. 1906 г. 64 стр. Ц. 25 к.

— ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВІЯ. Второе изд. 1906 г. 80 стр. Ц. 30 к.

— ХЛѢБЪ, СВѢТЪ и СВОБОДА. Четвертое изд. 1906 г. 84 стр. Ц. 10 к.

— АГРАРНАЯ ПРОБЛЕМА въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ. Изд. 1906 г. 135 стр. Ц. 40 к.

— СУЩНОСТЬ АГРАРНОЙ ПРОБЛЕМЫ. Отдѣльный оттискъ изъ книги „Аграрная проблема“. 1906 г. 32 стр. Ц. 6 к.

— КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ. 1906 г. 103 стр. Цѣна 25 коп.

— НАКАНУНЪ. Изд. 1906 г. 214 стр. Ц. 60 к.

— ПРОГРАММНЫЕ ВОПРОСЫ. Вып. I. Основныя положенія. 10 коп. Вып. II. Историческія предпосылки. Ц. 10 коп.

С. А. Савинкова. ГОДЫ СКОРБИ (Воспоминанія матери). Изд. 1906 г. 64 стр. Ц. 15 коп.

П. Тимофеевъ. ЧѢМЪ ЖИВЕТЪ ЗАВОДСКІЙ РАБОЧІЙ. 1906 г. 117 стр. Ц. 40 к.

Нарль Шурцъ. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ НѢМЕЦКАГО РЕВОЛЮЦІОНЕРА. 1907 г.—132 стр. Ц. 30 к.

Викторъ Черновъ. МАРКСИЗМЪ и АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ. Историко-критическій очеркъ. Ч. I. Изд. 1906 г. 246 стр. Ц. 75 к.

Б. Эфрусси. ОЧЕРКИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. Второе изд. 1906 г.—274 стр. Ц. 1 руб.

С. Н. Южановъ. «ДОБРОВОЛЕЦЪ ПЕТЕРБУРГЪ». Дважды вокругъ Авіи. Путевыя впечатлѣнія. Изд. 1894 г.—350 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ странѣ хунзузовъ и тумановъ. — На теплыхъ водахъ.

П. Я. — П. Якубовичъ (Л. Мельшинъ). СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. I. (1878—1897 гг.). Пятое изд. 1903 г.—282 стр. Ц. 1 р.

— СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. II. (1898 — 1905). Третье, дополненное, изд. 1906 г.—316 стр. Ц. 1 р.

Въ конторѣ «Р. Б.» продаются и нѣкоторыя чужія изданія:

РУССКАЯ МУЗА. Составилъ П. Я. Стихотворенія и характеристики 132 поэтовъ. Красивый компактный томъ въ два столбца; около 40.000 стиховъ. Переработанное и дополненное изданіе. 1908 г. Ц. 1 р. 75 к.

Галерея шлиссельбургскихъ узниковъ. Съ 29 портретами, 30 біографіями. Изд. 1907 г. въ пользу бывшихъ шлиссельб. узниковъ. Цѣна 3 р.

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ШЛИССЕЛЬБУРГСКІЕ МУЧЕНИКИ. Весь чистый сборъ въ пользу бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ. Изд. 1906 г.—32 стр. Ц. 15 к.

М. Фроленко. МИЛОСТЬ. (Изъ воспоминаній объ Алексѣевскомъ равелинѣ). Изд. 1906 г. 16 стр. Ц. 10 к.

Вѣра Фигнеръ. СТИХОТВОРЕНІЯ. Изд. 1906 г. Ц. 20 к.

Въ защиту слова. СБОРНИКЪ СТАТЕЙ и СТИХОТВОРЕНІЙ: IV-е изданіе (удешевленное) безъ перемѣнъ. 225 стр. Ц. 75 к.

Эдмъ Шампюнь. ФРАНЦІЯ НАКАНУНѢ РЕВОЛЮЦІИ по наказамъ 1789 года. 1906 г. 220 стр. Ц. 50 к.

Даніэль Стернь. ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦІИ 1848 г.—Изд. 1907 г. Два тома, по 75 к. каждый.

С. Н. Южаковъ. ВОПРОСЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ. Цѣна 1 р. 50 к.

— СОЦІОЛОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ. Т. II (т. I распроданъ). Цѣна 1 руб. 50 коп.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). НАРОДНИКИ и ПРОПАГАНДИСТЫ. I. Цѣна 1 руб.

ПОСКОННАЯ ЖИЗНЬ.

I.

Онъ проснулся отъ какого-то рѣзкаго и звонкаго удара по чему-то твердому, открылъ глаза и увидѣлъ, что въ „углу“ свѣтло,—такъ какъ ситцевая занавѣска оказалась до половины раздвинутой,—и что Негрובהа на койкѣ, рядомъ, нѣтъ.

„Ушелъ... на работу... Значить—поздно!“ подумалъ онъ.

И мысль, что товарищъ, давшій ему пріютъ, на работѣ, что у всѣхъ есть работа, всѣ что-нибудь дѣлають, а у него нѣтъ, что онъ, какъ лежебока, лѣнтяй, и проснулся-то поздно и не можетъ вскочить, умыться и бѣжать „на дѣло“, что Негрובהа, навѣрно, сердится на него за это, и что она права, и всѣ правы, а онъ виноватъ потому, что его расчитали на фабрику,—камнемъ легло на душу.

Онъ хотѣлъ вскочить, поверхъ бѣлой ситцевой рубахи надѣтъ пиджакъ, пальто и уйти, уйти, даже не глядя на Негрובהу, не сказавши ей ни одного слова,—„вотъ какъ уйти!“ горделиво мелькнуло въ его головѣ; онъ сдѣлалъ усиліе подняться, и все ограничилось однимъ усиліемъ, такъ какъ тѣло его,—и въ особенности ноги,—было точно избито, болѣло, страшно хотѣлось полнаго покоя, хотѣлось спать,—и онъ остался на койкѣ. Недвижимъ, словно съ распластанными руками и ногами.

И сквозь сладкую истому безмѣрно уставшаго человѣка, медленно и постепенно, какъ паутина, заволакивавшую мозгъ, одна мысль, подобно встревоженной птицѣ въ клѣткѣ, билась въ немъ:

„Негрובהа станетъ ругаться!.. Вотъ, вотъ сейчасъ начнетъ!“

И замыкавшійся отяжелѣвшимъ вѣкомъ правый глазъ его видѣлъ, какъ тутъ же, къ столу, на табуретку присѣла подвижная, сухенькая женщина среднихъ лѣтъ, какъ изъ-подъ рукава засаленной ситцевой кофты высунулась кост-

лявая, почти черная, вся въ рубцахъ и морщинахъ, и маленькая, какъ у дѣвочки, рука, проворно налившая въ чашку черную жидкость изъ кофейника, какъ маленькіе, желтоватые глазки сердито и недоумѣнно метнулись въ сторону койки.

Өминъ притворился, что спитъ... Лежалъ съ закрытыми глазами и слышалъ, съ какой жадностью и наслажденіемъ втягивала въ себя Негробиха горячій цикорный напитокъ, какъ щелкалъ сахаръ на зубахъ, и какъ въ промежуткахъ между хлебками она громко и властно кричала кому-то въ пространство:

— Чего проклаждаешься-то? Ну, чего! Одинъ передникъ да подштанники выстирала, да ужъ и устала! Эка! Попробовала-бы съ мое! День-деньской вертишься, какъ окаянная! Не знаешь, за что хватиться! Однихъ горшковъ этихъ проклятушихъ насуютъ... Вотъ орава придетъ: гляди, саму бы не съѣли! Ну, чего вылупила глаза? Отжимай да тащи на дворъ, подъ водопроводъ...

Въ отвѣтъ, отъ дверей подвала, гдѣ съ вечера было поставлено мѣшавшее всѣмъ старое, прогнившее, залатанное кускомъ жести корыто, плескалась вода и слышалось что-то похожее на звукъ: „ржжу, ржжу, ржжу“...

И по всей кухнѣ разносился вонючій паръ прѣлаго, грязнаго бѣлья.

„Ни за что не встану при ней! — лѣнливо думалось Өмину: — вышла бы куда ни на есть, чортъ ее задери! Эка стервища, эка стервища!“ — мысленно повторялъ онъ при каждой новой фразѣ „Негробихи“, но потомъ прискучило, надоѣло, и вдругъ въ засыпавшемъ сознаніи мелькнула неопшукатуренная, кирпичная громадина-фабрика съ длинными, черными пальцами-трубами на крышѣ и небывалые по размѣрамъ, неоглядные холмы каменнаго угля.

II.

Проснулся снова, — на этотъ разъ ничѣмъ не разбуженный, — и даже удивился тишинѣ... Ни голоса Негробихи, ни звуковъ стирки... Даже прѣлый запахъ грязнаго бѣлья куда-то исчезъ, и только на плитѣ что-то размѣренно-меланхолично скворчало.

„Уйти развѣ? — мелькнуло у Өмина: — непременно надо уйти! Нечего ждать“.

Соскочилъ съ койки, оглядѣлся. Въ подвалѣ не было никого; даже корыто куда-то унесли.

Движеніемъ руки онъ привелъ въ порядокъ спутанные во-

лосы, накинуть пальто, въ карманѣ котораго ощутилъ присутствіе позабытаго еще съ того времени, какъ ходилъ на работу,—напильникъ безъ ручки, схватилъ лежавшую на подоконникѣ шапку, нахлобучилъ и быстро вышелъ изъ подвала.

На дворѣ долженъ былъ зажмуриться,—такъ было рѣзко-свѣтло отъ солнца, золотившаго карнизъ дома. По водосточнымъ трубамъ журчала вода, стекавшая въ подставленные дворниками ушаты и образовавшая на поверхности бѣлую пѣну. Чирикали воробы, и въ воздухѣ было что-то радостное, возбуждающее.

„Сейчасъ пойду на ферму!—подумалъ Ѳоминъ, проникаясь общимъ радостнымъ настроеніемъ:—копѣекъ сорокъ дадутъ, и то хлѣбъ!“

Онъ вспомнилъ вчерашняго „сурьзнаго“ человѣка, котораго они съ Негроровымъ встрѣтили въ чайной, и слова его, что на новой, не открывшейся еще молочной фермѣ требуются люди для мытья бутылокъ и прочихъ услугъ. У „сурьзнаго“ человѣка было, какъ и подобаеть, серьезное, густо обрешее черной бородой лицо и такіе большіе, выразительные глаза, которые не могли не внушить довѣрія. И говорилъ онъ спокойно, медленно, густымъ баскомъ настаивающаго серьезнаго человѣка.

— Это не то что!—говорилъ „сурьзный“ человѣкъ медленно и, словно съ сознаніемъ собственнаго достоинства, разжевывая хотя и помоченный въ чай, но все еще одеревѣлый баранокъ:—это не то что... какъ говорится, обманъ... или что-нибудь такое... Зря говорить не стану! Ужъ ежели я говорю, то можно, какъ говорится безъ сумнѣнія, въ точности. Вотъ что!—И заключилъ свою сентенцію внушительнымъ:

— Сходи, непременно, смотри, сходи! Такъ и скажи: „Павелъ Павлычъ, молъ, и больше ничего“! Павелъ Павлычъ имя мое, то есть! Понялъ?

Серьезный человѣкъ не допускалъ ни сомнѣній, ни, тѣмъ болѣе, возраженій и, замѣтивъ на лицѣ Ѳомина только намѣреніе возразить,—ясно, категорично, съ соблюденіемъ необыкновеннаго достоинства подтвердилъ:

— Только, значить, имя, отчество произнеси, — больше ничего не требуется! Будь спокоенъ!

Вечеромъ у Ѳомина еще были сомнѣнія, но теперь, при радостномъ солнечномъ свѣтѣ, при веселомъ, весеннемъ движеніи вокругъ, чувства необыкновенной бодрости и смѣлой увѣренности въ себѣ окрылили Ѳомина, и онъ рѣшительно направился по указанному адресу.

III.

На дворъ „фермы“, куда выходили ворота хлѣва, въ которомъ самый наблюдательный человѣкъ не могъ бы заподозрить присутствія хотя бы одного коровьяго хвоста, скупившись, какъ стадо напуганныхъ овецъ, стояло до десятка деревенскихъ дѣвочекъ-подростковъ. Дѣвочки были одѣты по-городскому: въ ватныя кофты и платки, у многихъ на рукахъ были шерстяныя вязаныя перчатки. Солнце пригрѣвало ихъ миловидныя, раскраснѣвшіяся отъ холода щеки, вода каскадомъ лилась съ деревянной, покрытой слоємъ снѣга, крыши длиннаго, покосившагося, съ мокрыми, словно заплаканными, окнами зданія, брызги попадали на кофты и лица дѣвочекъ, и это забавляло ихъ.

Въ двухъ-трехъ шагахъ отъ этой группы, съ сосредоточеннымъ и даже мрачнымъ выраженіемъ на большомъ, продолговатомъ, съ черными, густыми бровями лицѣ, стояла пожилая женщина и кидала нетерпѣливыя взгляды на входную дверь длиннаго зданія.

Изъ воротъ хлѣва вышелъ красный, какъ кровь, съ огромнымъ, свисшимъ на бокъ малиновымъ гребнемъ пѣтухъ, постоялъ, посмотрѣлъ сперва однимъ, потомъ другимъ зоркимъ и злымъ глазомъ на каскадъ и медленно, соблюдая горделивую осанку, отправился обратно.

Женщина еще нетерпѣливѣе стала смотрѣть на дверь, дѣвочки пересмѣивались и обмѣнивались короткими фразами.

Вдругъ дверь длиннаго зданія отворилась, и на порогѣ появился маленькій, сѣденькій старичокъ съ краснымъ носомъ, одѣтый во что-то похожее на мѣховую кацавейку, съ мѣховымъ треухомъ на маленькой, лысой головкѣ.

Старичокъ прищурился на солнце и, увидѣвъ женщину, привѣтливо закивалъ головенкой.

— Настасьюшка, ты никакъ?—тоненькимъ голосомъ спросилъ старичокъ.

— Я, батюшка-баринъ, я!—отозвалась женщина, подходя.

— Привела свою команду-то?—весело воскликнулъ старичокъ.

— Привела, батюшка-баринъ, привела!—также весело и вмѣстѣ угодливо отвѣчала Настасьюшка.

Старичокъ сошелъ съ двухъ ступенекъ крыльца и, подойдя къ группѣ внезапно присмирѣвшихъ и сдѣлавшихся серьезными дѣвочекъ, оглядѣлъ ихъ, какъ стадо телокъ,

веселымъ и довольнымъ взглядомъ совершившаго хорошую покупку хозяина.

— Вотъ, говорятъ, крѣпостнаго права нѣтъ,—усмѣхнулся старичокъ,—а у меня сразу сколько крѣпостныхъ стало. Не правда-ль, Настасьюшка?

— Кабы были крѣпостными, такъ имъ бы и платить ничего не нужно было!—съ загадочной улыбкой замѣтила „Настасьюшка“...

— И то правда!—вздыхнулъ старичокъ.—Такъ какъ же, по сорокъ копѣекъ въ день на всемъ хозяйскомъ?

— По полтинничку!—нерѣшительно сказала женщина.

— И-ни-ни! И не думай! замахалъ руками старичокъ.—Мнѣ на прокормъ на каждую полтинника мало! Народъ молодой, растетъ, ему ѣсть только подавай, а много ли она работаетъ... такая!

— Онъ батюшка-баринъ, не заморыши! Кормленья!

— Кормленья, да не такъ. Сорокъ копеекъ—безъ торга! Хочешь—оставляй, а нѣтъ,—гони всю партію въ деревню.

— Зачѣмъ въ деревню,—и адѣсь дѣло найдется.

— Ну, какъ знаешь!

Старичокъ похлопалъ руками по бокамъ, еще разъ сощурился на солнце и скрылся за дверью.

IV.

Женщина въ раздумьи посматривала на улицу, видѣвшуюся изъ раскрытой настежь половинки воротъ, и, судя по сосредоточенному, мрачному выраженію, что-то соображала.

Въ воротахъ замаячила фигура Алешки Фомина, поторчала нѣкоторое время и медленно, нерѣшительно двинулась къ длинному зданію.

„Сколько нынче голоднаго народа бродить!—мелькнуло въ головѣ Настасьюшки,—и-ихъ сколько! Бѣда!“ Она быстро вошла на крыльцо и потянула къ себѣ входную дверь.

Ѣдкій запахъ постнаго масла и испареніе щей обдали Настасьюшку; въ полумракѣ сырого, мрачнаго и низкаго помѣщенія она увидала тщедушную фигуру старичка, сидѣвшую въ согбенномъ положеніи за грязнымъ сосновымъ столомъ и деревянной ложечкой хлебавшую что-то изъ большой бѣлой съ синими разводами миски.

— Ну, будь уже по-вашему!—воскликнула женщина,—что ужъ!..

— Что это? — спросилъ старичокъ, поднимая облѣзлыя брови.

— Да насчетъ дѣвушекъ-то... Пусть по-вашему, говорю!

— А-а!—злорадно улыбнулся старичокъ.— Не хочешь, значитъ, въ деревню-то везти? Накладно? Хе, хе! То-то и оно!

— Да куда ужъ... Сорокъ копѣекъ, батюшка-баринъ?

— Сорокъ, такъ сорокъ!—милостиво согласился старичокъ.— Я отъ своего слова не отказываюсь, и никогда не отказывался. Сказалъ, такъ сказалъ! Чего тамъ!

— Куда же ихъ?

— А вонъ на другой половинѣ у меня горенка... Пустовала она всю зиму, холодно тамъ, надо быть, ну, да ужъ истопимъ! Онѣ же и истопятъ,—дрова найдутся. Первую ночь на соломѣ проночуютъ, а тамъ нары нужно будетъ сдѣлать... Сдѣлаемъ, все сдѣлаемъ, дай сроку!.. Плотника не дозовусь.

— А коровки-то у васъ, батюшка-баринъ...

— И коровокъ приведутъ, не безпокойся! Шесть штукъ купилъ, хорошихъ, ярославскихъ... по восьмидесяти рублей на кругъ платилъ...

— Деньги-то какія, Господи!

— Да ужъ порядочно ухлопано! Да я за этимъ не стою!

— Дай Богъ легкаго почина, батюшка-баринъ!

— Спасибо, спасибо! Такъ веди ихъ... въ людскую-то.

— Слушаю, батюшка-баринъ.

Стоявшій на дворѣ и глазѣвшій на всѣ четыре стороны Алешка увидалъ, какъ вышедшая изъ дома женщина скомандовала дѣвочкамъ идти въ сѣни, какъ вся эта стайка дѣвчонокъ, сыпля серебрянымъ молодымъ смѣхомъ, тронулась сразу, и какъ черная женщина, замыкая шествіе маленькаго народа, крѣпко хлопнула дверью на проржавѣвшемъ, визжавшемъ блокѣ.

„Должно, наниматься тоже!—мелькнуло въ головѣ Алешки, и чувство чего-то тоскливаго, холоднаго разлилось у него внутри,—какъ же мнѣ-то? Какъ же Паль Палычъ? Идти ли ужъ? Что-то, будто вранье все это... Право!

Постоялъ нѣкоторое время въ нерѣшительности, поглядывая то на улицу, то на крыльцо дома, и медленно пошелъ къ крыльцу.

Открылъ дверь. Старичокъ, быстрыми, нервными шажками измѣрившій комнату, вплотную налетѣлъ на него.

— Тебѣ что? Кого нужно? Кто такой! Отъ кого?—засыпалъ онъ его вопросами.

— Насчетъ мѣста!—могъ только выговорить Алешка.

— Что такое? Какого мѣста? Кому мѣсто?—зачастилъ старичокъ.

— Паль Палычъ говорилъ, значитъ, что бутылки мыть требуется!—выговорилъ Алешка, пристально глядя на ме-

тавшуюся передъ нимъ фигуру старикашки и начиная уже злиться.

— Какой Паль Палычъ! Какія бутылки? — продолжалъ сыпать старикъ, — я такого не знаю! Мало ли: Паль Палычъ! Фамилія-то его, фамилія какая?

— Да нужно вамъ, что ли, бутылки-то мыть? — возвысилъ голосъ Алешка.

— Никакихъ мнѣ бутылокъ мыть не нужно! — въ свою очередь, крикнулъ старикъ, — что ты, любезный!

— Ну, такъ бы и говорилъ! — рявкнулъ Алешка и вышелъ, съ размаха захлопнувъ за собою дверь.

V.

Небо было высокое, высокое, голубое, и среди бѣлыхъ облачковъ, словно играя, то пряталось, то снова выступало солнце. По улицамъ съ крышъ домовъ, съ водосточныхъ трубъ, съ зонтовъ подъѣздовъ мягко срывались пушистые снѣжные пласты, и съ грохотомъ, пугая прохожихъ и извоищичьихъ лошадей, скатывалась ледяная кора. А на мостовыхъ, почернѣвшихъ, покрытыхъ навозомъ, уже сверкали лужи растаявшаго снѣга. Алешка вышелъ за ворота, ухарски надвинулъ на одно ухо рваную шапчонку и, медленно по-свистывая, побрелъ на Невскій.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ потерялъ мѣсто на фабрикѣ, его тянула сюда какая-то непреодолимая сила, и онъ слонялся по Невскому по цѣлымъ днямъ. Раза два проникновеннымъ шопотомъ онъ попросилъ у одного старичка и сѣдой дамы „безработному“, и удалось, — ему дали, дама даже цѣлый гривенникъ, — и ему казалось, что стануť давать еще и еще. Только была бы удача! А какъ не быть удачи, когда такая масса народа проходить взадъ и впередъ по улицамъ? И все, если не богатые, то съ деньгами.

Когда-то, въ дѣтствѣ, живя въ деревнѣ у отца съ матерью, онъ слышалъ, что „просить“ нехорошо. Но почему нехорошо, такъ никто и не объяснилъ, а потомъ, когда онъ былъ привезенъ въ городъ и сперва жилъ на послугахъ у земляковъ, а затѣмъ поступилъ чернорабочимъ на фабрику, понятіе о томъ, что просить нехорошо, какъ-то забылось, стерлось. Въ послѣдніе же два мѣсяца, когда онъ превратился въ „безработнаго“ и жилъ, какъ бродяга, днемъ шатаясь по улицамъ, а ночи проводя или у товарищей, или въ притонахъ, онъ даже удивлялся, откуда могло явиться понятіе, что „просить“ нехорошо! Почему нехорошо? У меня нѣтъ, я не могу заработать, — отчего же нехорошо попросить

у другого, у кого есть? Вѣдь это не то, что взять самому, но если бы дѣло и до этого дошло, то вѣдь что же? Не умирать съ голода? Вотъ еще! Только бы была удача!

А гдѣ же ея и искать, какъ не на Невскомъ. Эта улица съ ея богатыми домами, блестящими магазинами, съ ея публикой, прилично одѣтой, сытой и веселой, казалась ему какой-то фантастической улицей веселаго бездѣлья, счастья, удачи... Тутъ, вѣроятно, можно бы неожиданно найти бумажникъ съ деньгами или какую-нибудь обретенную драгоценность, брошь, булавку, перстень, тутъ могли и „подать“ щедрѣе, нежели на какой-нибудь окраинѣ, тутъ могли быть и другіе счастливые случаи. Фомины не отдавалъ себѣ отчета, какіе именно могли бы быть эти случаи, но когда проходилъ вечеромъ по Невскому, залитому электричествомъ, иллюминированному разноцвѣтными фонариками безчисленныхъ заведеній „кинематографовъ“, когда видѣлъ шумную, пресыщенную бездѣльемъ, дышащую счастьемъ бытія, возбужденную толпу и въ ней красивыхъ, богато одѣтыхъ женщинъ, то ему казалось, что удача, олицетворенная какою-нибудь изъ этихъ богатыхъ женщинъ, ходитъ вотъ тутъ, подлѣ, въ толпѣ, и онъ касается дорогой ткани ея ретонды, обоняетъ острый, опьяняющій запахъ ея косметикъ...

И, чувствуя себя молодымъ, свѣжимъ и сильнымъ, Фомины подолгу останавливался передъ зеркальными окнами магазиновъ, изучалъ свое лицо съ надвинутой лихо набекрень шапкой и, находя его красивымъ, — дальше шель, гордо поднявъ голову.

Но черезъ часъ почувствовалъ, что хочетъ ѣсть. Инстинктивно сунулъ руку въ карманъ изодраннаго пальтишка, и рука ткнулась въ холодное, шершавое остріе напильника... „Не дадутъ и пятака, — мелькнула въ немъ мысль, — да и кому продать? Побоятся, подумаютъ, украсть!“

Въ это время онъ шель мимо Аничкова дворца, по направленію къ менѣе фешенебельной части Невскаго. Мелькнула мысль „попросить“ и понравилась, и сдѣлалась навязчивой, ѣдкой. Онъ улыбнулся про себя и, поднявшись на мостъ, пошелъ направо, вдоль Фонтанки. Напротивъ, на садкѣ, приказчики суетились, стараясь угодить господину въ богатой шубѣ, сачками доставая изъ отдѣленной рыбы. Коричневые налимы и зеленовато-сѣрыя стерлядки извивались въ сѣткахъ, солнце освѣщало ихъ пятнистыя, блестящія спины, и въ серебристыхъ брызгахъ воды плѣвники падали въ бадью.

„Уху будетъ жрать! — мелькнуло въ головѣ Фомина. — А хорошо бы этакъ ушицы!.. А передъ ней пропустить толику! Э-эхъ!“

Онъ шелъ по набережной, пригрѣтый, обласканный вешними лучами солнца, и жизнь казалась ему такой красивой и полной... Навстрѣчу, медленно и важно не шла, а какъ-то тихо плыла дама среднихъ лѣтъ, вся въ собольяхъ и шляпѣ съ широко развѣвающимися страусовыми перьями.

„Вотъ попросить!“ сказалъ себѣ Алешка, и видъ его моментально преобразился. Быстрымъ движеніемъ онъ нахлобучилъ шапку на глаза, скорчился, приподнялъ плечи, втянувши въ нихъ голову, соорилъ жалкую рожу и, какъ бы хромя, началъ припадать на одну ногу.

И такъ они потихоньку сходились: дама съ страусовыми колебавшимися въ воздухѣ перьями и Алешка, всѣми силами старавшійся изобразить убогаго и изнуреннаго, чуть не калѣку. И на панели не было ни души, только они двое. Какая-то смутная тѣнь безпокойства промелькнула на помномъ, очень бѣломъ отъ постоянного употребленія пудры и дрябломъ лицѣ барыни, и Алешка это подмѣтилъ, и въ немъ возросла увѣренность.

— Подайте, барыня, безработному! Двое сутокъ не ѣлъ!

Корчась, строя жалобную и болѣванную рожу, чувствуя, что поддѣлка не удастся, и злясь на это, онъ стоялъ такъ, что загоразивалъ слегка дорогу; и, когда увидалъ, что дама останавливается, усилилъ жалобный тонъ:

— Вѣрите ли, крошки хлѣба не было во рту! Совсѣмъ изголодался! Помогите безработному!

Барыня совсѣмъ остановилась, вынула изъ маленькой собольей муфты блеснувшее на солнцѣ стальной оправой портмонэ изъ гладкой красной кожи, раскрыла и двумя тонкими пальцами, плотно обтянутыми лайковой перчаткой, достала серебряную монету.

Но, пока она раскрывала портмонэ и доставала монету, а онъ наблюдалъ это немного испуганное, немного растерянное дряблое лицо, въ немъ окончательно созрѣла и утвердилась та мысль, что раньше мимолетно и неопредѣленно какъ бы порчала въ головѣ: „побаиваются *они* нашего брата, вотъ оно что!“

И сразу пропало то жалкое, убогое и просительное, что онъ, какъ несвойственную, маскарадную ветошь, силился передъ этимъ напаялить на себя; ощутивъ въ ладони монету, поднялъ голову и пошелъ, освободивъ дорогу барынѣ.

VI.

Въ ближайшей „казенкѣ“ онъ размѣнялъ полученный двугривенный, купилъ „мерзавчика“, котораго раскупорилъ тутъ же на панели, ударивъ ладонью въ донышко посуды, и выпилъ „на лобъ“... Жгучее ощущение спирта прошло по желудку. Еще сильнѣе потянуло на ѣду. Алешка оглянулся, намѣтилъ вдали красно-желтую съ какими-то желтыми синими цвѣтами вывѣску закусочной и черезъ пять минутъ уже сидѣлъ за столикомъ, крытомъ какимъ-то подобіемъ грязной скатерти,—въ ожиданіи заказанной селянки.

Грамофонъ въ углу гнусилъ цыганскія пѣсни и, кажется, больше нравился самому хозяину закусочной, черному угреватому мужику, съ особеннымъ тщаніемъ и любовью мѣнявшему пластинки; остальная публика, состоявшая изъ какихъ-то штукатуровъ и старичка военного, проявляла къ этому исчадію нашего вѣка удивительное равнодушіе. Не слушали, а терпѣли звуки, какъ терпятъ скрипъ вентилятора или ввизгиванья дверного блока.

Послѣ селянки, представлявшей смѣсь кусковъ какого-то неизвѣстнаго мяса съ кислой капустой, Оминъ закурилъ папиросу и велѣлъ подать чаю съ баранками. Это уже было пиршествомъ послѣ суточной голодовки. Алешка постепенно впадалъ въ состояніе сладкаго, сытаго благодушія. Тепло распространялось по жиламъ, глаза суживались. Клонило не то къ дремотѣ, не то къ лѣнивому созерцанію. „А потомъ... а потомъ что?“ тихо и робко спрашивала откуда-то издалека, изъ глубины затаенная мысль, но сознание работало вяло и не хотѣло отвѣчать... Потомъ? Ну, тамъ... что-жь... будетъ видно!

„Захочу—полюблю,
Захочу—разлюблю!“

съ явно намѣренной оттяжкой гнусилъ въ грамофонѣ женскій голосъ, по звукамъ котораго въ воображеніи рисовалась полная, дебелая особа. Немолодая, опытная, прошедшая „огонь и воду“, быть можетъ, нѣмка...

— Газетку?—предложилъ грязный, мухрастый закусочный мальчишка, протягивая подобный грязной тряпкѣ истрепанный номеръ уличнаго листка.

— Не надо!—отмахнулся Алешка.

Онъ былъ плохо грамотенъ. Читалъ чуть не по складамъ и мало понималъ прочитанное. Усваивалъ легче, когда читали другіе.

И когда этот же самый листокъ вслухъ, бойко и съ выраженіемъ началъ читать одинъ изъ штукатуровъ,—онъ внимательно прислушался. Описывалось вторженіе экспроприаторовъ въ мелочную лавку. „Руки вверхъ“, угрозы револьверами и, въ заключеніе, уносъ 300 съ чѣмъ-то рублей...

— Повѣсить бы сукиныхъ дѣтей!—отозвался закусочникъ, роясь въ ящикъ подъ вырубкой:—тутъ же и повѣсить! Безъ дальнихъ разсужденіевъ.

— Нельзя, милый, безъ суда никакъ нельзя!—качалъ головою старикъ-солдатикъ.—Какъ можно безъ суда? Нужно дознять! Вотъ что! Дознать нужно, милый!

— Что тамъ дознавать? Грабители! Чего дознавать!—громко негодоваль закусочникъ.

— Грабители? Точно. А съ чего грабители-то? Съ какого-такого обстоятельства? Ась? Нельзя, милый, дознять нужно! Вотъ оно что! Да!

— Правильно!—замѣтилъ штукатуръ:—они, можетъ, это... самое... съ голоду, значить.

— Съ голоду! А леворверы?

— Что-жъ леворверы!

— А то-жъ! Коли голодень,—продай, а не ходи людей, какъ воробьевъ, прости Господи, стрѣлять.

— А нешто стрѣляли?

— Стрѣляли бы, кабы имъ противность оказать! Не было, значить, противности, такъ и не стрѣляли! Знаемъ мы ихъ тоже! На леворверы деньги нашлись, а на хлѣбъ нѣтъ? Ты спервоначалу хлѣба купи, а потомъ леворверъ.

— А, можетъ, имъ дали?

— А кто далъ—пожалуйте сюда! Того и повѣсить! Что за раздача такая? Откуда? Допрежъ этого не было, а нынѣ нако-сь: леворверы! Ты, скажемъ примѣрно, пришелъ въ лавку хлѣба или чего тамъ купить—и въ тебя изъ леворвера! Это что же такое, позвольте спросить?

— Разсказывай! Они тоже знаютъ...

— Что они знаютъ? Лавочника, торговца убивать? По какому такому закону?

Штукатуръ замолчалъ. Но могъ многое что сказать,—видно было по лицу. Замолчалъ и закусочникъ. Только не надолго. Сказалась привычка человѣка, проводящаго цѣлые дни на людяхъ, привычка болтать.

— Нынче ли народъ-то сталъ какой-то отчаянный да безсовѣстный! Право! Ему ровно ничего не стоитъ человѣка, чѣмъ ни попади, цапнуть. Такъ вотъ, здорово живешь!

— Народъ озорной, что говорить!—подтвердилъ служивый, шаря по карманамъ шинели и вытаскивая старую, съ налипшимъ слоємъ грязи, берестяную табакерку.

— Нынче, братъ, ужъ не просятъ, а прямо требуютъ: давай! Давай, и больше ничего! Блыкающаго народу много стало!

— Много, много!—покрутилъ головой служивый и чихнулъ:—мно-о-о-га!..

— Блыкается, блыкается по городу, гранить панели-то, а тамъ, глядишь, въ какомъ ни на-есть темномъ мѣстѣ и тиснетъ.

— А куда же ему дѣваться?—подальъ голосъ Алешка.

— Кому это?

— А вотъ этому самому, какъ говорите, блыкающему?

— Куда? На работу, на мѣсто иди! Мало ли что!

— Кабы была работа, такъ онъ бы, поди, и не блыкался.

Тоже скажешь!

— Кто хочетъ работать, тому всегда работа есть.

— Давай, коли есть.

— А ты что умѣешь-то?

— Все сумѣю, что дашь!

— То-то *все!* А, по-моему, значить, ничего!

Опять помолчали. Молчалъ и граммофонъ. Штукатуры начали расплачиваться. Ушли. Болтливость одолѣвала закусочника. Онъ заговорилъ:

— Работы просятъ, просятъ, а получить который, поработаетъ немного и давай отлынивать. Вонъ, на пробочномъ партіями работаютъ, по пять человѣкъ. Одинъ ежели не придетъ, остальнымъ дѣлать нечего. Вотъ и не приходитъ который, загуляетъ, а люди изъ-за него страдать должны! Вотъ они какіе, блыкающіе!

— Блыкающіе, блыкающіе!—ворчалъ Ѳоминычъ, выбрасывая на столикъ послѣдніе оставшіеся отъ двугривеннаго мѣдяки. Сами работы не даете, а говорите: блыкающіе! Будешь блыкаться, коли жрать нечего! Ты вонъ, небось, за выручкой стоючи пузо отростилъ,—тебѣ что!

Послѣднее выкрикнулъ онъ стоя уже за дверью, на первой ступенькѣ каменной лѣстницы, что вела изъ „низка“ на тротуаръ. И, не слыша взрыва ругательства, пущенныхъ вслѣдъ закусочникомъ, поднялся и пошелъ по улицѣ.

VII.

Близился закатъ. Старинный Чернышовъ мостъ изъ гранитныхъ глыбъ съ башенками и тяжелыми цѣпями, багровый въ кроваво-красномъ заревѣ, точно подъемный мостъ средне-вѣкового замка. А внизу, на рѣкѣ тальми, рыхлыми слоями лежалъ снѣгъ, изъ водостоконъ непрерывной грязной струею

лилась вода, слетались голуби, и было по весеннему весело. На мосту тоже было оживленно и весело. Вереницей тянулись извозицъи сани, въ нихъ сидѣли господа съ портфелями,—то чиновники торопились къ обѣду; бѣжали гимназисты, школьники, гимназистки, побрякивая пеналами въ ранцахъ и сумкахъ, проходили торговцы съ лотками, торговки съ корзинами. На всемъ чувствовался предобѣденный голодный часъ, такъ все бѣжало, торопилось, мчалось. Алешкѣ только некуда было торопиться... Совсѣмъ некуда. Не было ни комнаты, ни даже какого-нибудь углового уюта. Истекала вторая недѣля голоднаго существованія. Около четырехъ ночей провель у товарища Негрובהа, пока не зазрела со-вѣсть. Да и Негрובהа ужъ очень опротивѣла. Такъ бы и садануль, чтобы не встала! И чего ей? Вѣдь мужнины деньги, не ея? Такая ужъ ядъ-баба! Къ Негрובהу ау,—ни ногой!

Сумерки сгустились. Фонарщики съ лѣстницей перебѣгали впереди Ѳомина отъ одного фонаря къ другому, и бѣлый свѣтъ ауэровскихъ горѣлокъ скоро освѣтилъ оба берега Фонтанки. Какъ-то вдругъ стало холодно; подулъ рѣзкій вѣтеръ, и стали перепадать снѣжинки.

Алешка съежился въ холодномъ пальто, приподнялъ плечи...

„Захочу—полюблю,
„Захочу—разлюблю!“

припомнился ему граммофонъ въ закусочной. Горькая усмѣшка перекосила губы, и ругательство сорвалось съ нихъ. „Полюблю!“ Кто полюбить такого... рванаго да голоднаго! Нынче за любовь платить нужно! Даромъ-то не очень! Хотя бы та же Варька... Ахъ, въ самомъ дѣлѣ—Варька!

Даже остановился, вспомнивъ о ней. Чего это ему раньше не пришло въ голову? На табачной фабрикѣ въ Херсонской улицѣ была сортировщицей. Частенько хаживала къ нимъ на Семяниковъ. Встрѣчались въ саду „Вѣна“, познакомились; угощаль пивомъ, бываль у нея въ комнатѣ раза три, захаживала и она къ нему, а потомъ на содержанье, что ли, попала,—переѣхала на квартиру, на Покровскую площадь. Далеко стало ходить, да и съ другими дѣвчонками путался, а тутъ уволили цѣлую партію, и онъ въ нее попалъ. Что-жъ, Варюха хорошая дѣвушка! И красивая! Рослая, полная, глаза голубые, ласковые... Вотъ только номеръ дома... помнится, говорила 17. А если переѣхала, у дворника можно справиться: Варвара Стрекоткина, молъ. И очень просто! Справиться всегда можно!

Закрутились бѣлыя мухи при свѣтѣ ауэровскихъ фонарей, подсыпало снѣжку; рѣзкій, порывистый вѣтеръ быстро замель

колен стаявшаго, а затѣмъ смерзшаго снѣга, и съ громкимъ раскатомъ покатали извожичьи сани. Оминъ быстро шагаль, направляясь къ Покровской площади. И обдумываль планъ, какъ бы удобнѣе войти. Чортъ ее знаетъ, что тамъ еще можетъ быть? Можетъ, и вправду на содержаньи? Разбогатѣла, зазналась. Не захочетъ принять. Придется ужъ какъ-нибудь съ чернаго хода; по парадному и думать нечего... Швейцаръ не пустить. А съ чернаго какъ будто къ кухаркѣ... ну, а тамъ... Да тамъ видно будетъ! Главное—не робѣть! Что тамъ, въ самомъ дѣлѣ. А можетъ, никакого содержанца и нѣтъ? Такъ квартиру держать, гуляеть? Ну, да тамъ видно будетъ!..

VIII.

— Еще стаканчикъ?

— Покорно благодарю, Ома Терентьичъ! Идти надо!

Гость, тщедушный человѣчекъ съ неопрятной, неопредѣленной цвѣта жиденькой бородежкой, порывисто всталъ со стула, покрестился въ передній уголъ и принялся связывать концы потертаго чернаго коленкора, заключавшаго широкой фракъ хозяина.

— А то выпилъ бы? Ась?

— Нѣтъ-съ, ужъ увольте! Я и такъ засидѣлся. Пора къ домамъ. Такъ ужъ я вамъ въ среду принесу фракъ-то?

— Въ среду? Ладно! Мнѣ главное — въ субботу нужно, потому въ субботу у меня сеансъ...

— Сеансъ? Это что же такое-съ?

Легкая ироническая усмѣшка перекосила широкия, бритыя губы старика.

— А это у одного художника... Картину пишетъ, такъ съ меня срисовываетъ.

— Ска-а-а-жите!—тономъ глубокаго уваженія протянул портной:—что же это, портретъ-съ?

— Не портретъ, а такъ фигуру... во весь ростъ!

— Такъ-съ! Такъ-съ! Интересно бы взглянуть... на картину-то.

— Будетъ выставлена. Сходи—посмотри!

— Гдѣ ужъ намъ по выставкамъ!

Портной торопливо направился къ дверямъ. Ома Терентьичъ отперъ ему дверь, постоялъ немного, пока тотъ скрылся въ концѣ корридора, и, не спѣша, подошелъ къ столу, на которомъ совершалось чаепитіе.

Ома Терентьичъ Никулинъ въ семьдесятъ лѣтъ сохранилъ осанку лакея изъ хорошаго господскаго дома. Гладко выбритые подбородокъ и верхняя губа. Широкіе, сѣдые бакен-

барды. Крутой лобъ и благородный овалъ лысой головы. У Ѳомы Терентьича были необыкновенно бѣлыя, пухлыя, какъ у настоящаго аристократа-барина руки. И такъ же, какъ настоящій баринъ, онъ не любилъ украшать ихъ кольцами. Ходилъ тяжело, но неслышно, въ мягкихъ козловыхъ сапогахъ безъ каблукъ. Широкий, черный, люстриновый пиджакъ и такія же широкія панталоны придавали его громоздкой фигурѣ необъятные размѣры.

Сѣлъ къ столу, налилъ новый стаканъ чаю и, откинувшись на спинку дивана, мечтательно сузилъ на лампу добродушные сѣрые глаза подъ густо нависшими сѣдыми бровями. Вошла Варвара, рослая, дородная, съ красивымъ, но холоднымъ, ничего не выражающимъ лицомъ, сѣла за столъ и лѣниво закурила папиросу, держа между указательнымъ и среднимъ пальцами какъ-то особенно, съ вывертомъ.

— Хочешь, Варвара, чаю?—спросилъ Никулинъ.

Онъ всѣмъ говорилъ „ты“, и это какъ-то ему шло,—никто не обижался; наоборотъ, всѣмъ это льстило.

— Пожалуй, налейте. Что это вы такъ поздно чайничаете?

— Супорновъ задержалъ. Фракъ ему отдавалъ: въ проймахъ вырѣзать нужно. Жметъ!

— Растолстѣли, Ѳома Терентьичъ!

— Къ старости дѣло! Ты что, сахару, что ли, ищешь? Вонъ сахарница-то... Да вонъ, за лампой!

— Нашла. Спасибо.

— Вотъ фракъ-то... Думалъ, что его по боку, анъ приходится вытаскивать, надѣвать.

— Что за нужда!—небрежно проронила Варвара и мизинцемъ страхнула пепель.

— Очень просто, нужда! А ты бы что думала? Отъ удовольствія, что ли? Оно два рубля за сеансъ не Богъ знаетъ что, а все деньги. Глупыя вы! Не цѣните деньги-то, а потомъ и ходите...

— Ну, что-жъ такое! Чего ихъ цѣнить! У меня денегъ много было. Отъ мучника сколько перебрала! И-ихъ! Такъ сотенныя и летѣли... А теперь нѣтъ ничего, и не надо!

— А теперь, глупая, по стулику продаешь! Скоро такъ всю обстановку распродашь. Кто у тебя жить будетъ?

Съ упорствомъ недалекой, лѣниво и мало размышляющей женщины, она мотнула головой:

— Пускай!

— Разбѣгутся жильцы, что ты тогда дѣлать будешь? На улицу пойдешь?

— И пойду! Пускай! Что съ того?

— Да что: „пускай, пускай!“ Заладила сорока Якова одно про всякаго! Вотъ такъ-то у васъ, у глупыхъ, всегда!

Заклепки въ мозгу не хватаетъ. Только что наладила жизньъ, какъ слѣдуетъ: квартирку сняла, жильцовъ стала пускать. Жить бы да жить! А ее чортъ въ болото тянетъ!

— Эка жизньъ, подумаешь. Все равно не хватаетъ.

— „Не хватаетъ“! А ты сократись! Пива меньше пей, мяса меньше ѣшь, на извощикахъ не ѣди. Вотъ и будетъ хватать. Дура!

— Ну, да! Стоить!

— А что же по твоему? Лучше верхнимъ концомъ да книзу?

— По крайности: одинъ конецъ!

— Какой? Дура!

— А что и за жизньъ то наша? Самая расподлая... Какое я утѣшеніе вижу? Кто я такая?

— А ты бы какъ хотѣла быть? Маркграфиней Бранденбургской? Миликтрисой Кирбитъевой?

— Другія замужемъ живутъ.

— Ахъ, вотъ что! Замужъ захотѣла? Любви законной? Честна ложа? Эхъ ты, дура, дура! Замужемъ, думаешь, лучше живутъ? Не видала, какъ мужья женъ утюжатъ? Если ты глупа,—отъ природы скажемъ,—то тебѣ и замужество не поможетъ. Мужа не сумѣешь къ рукамъ прибрать, и не быть тебѣ хозяйкой въ домѣ: все изъ-подъ его локтя будешь смотрѣть. А пойдутъ дѣти,—и того хуже. Думаешь, уважать тебя станутъ? А кто ихъ этому научить?

Старикъ всталъ и заходилъ по комнатѣ, заслоняя всю своей громоздкой фигурой. Варвара сидѣла, прижавшись въ уголъ дивана, не сводя съ него глазъ. Папироска потухла.

— Слушай,—остановился онъ противъ нея, —я у графа прожилъ двадцать восемь лѣтъ... Всѣ дѣти на моихъ глазахъ выросли. Знаешь ли, какъ ихъ воспитывали? Самые лучшіе гувернеры, учителя, бонны, гувернантки, швейцарки, нѣмки, англичане—всѣхъ націй люди около нихъ ходили... Вотъ ужъ воспитывали! И пока графчики были маленькіе—что твой ангелочки. Отца, мать любили, уважали, слова противнаго не скажутъ. Ну, а стали подростать—и чортъ ихъ знаетъ, что съ ними случилось! Словно подмѣнилъ кто! Такая, съ позволенья сказать, дрянь стала! Графиня-то изъ-за нихъ въ шею высохла, да такъ и умерла, и послѣднія ея слова были: „нѣтъ у меня дѣтей!“ А графъ уѣхалъ за-границу, дѣтямъ, что полагается, высылаетъ, а больше ничего! Такъ и не стало у нихъ дѣтей. Такъ тѣ вѣдь графы, и то, вишь, какая ихъ судьба, а ты въ нашей посконной жизни счастья ищешь... Дура!

— А гдѣ же, Гома Терентъичъ, счастье?

— Нигдѣ! Да и не бывало его никогда! Такъ, иногда хо-

рошо человекѣку бываетъ, привольно, весело, ну, скажемъ, удается все. Человекѣкъ думаетъ: вотъ оно, счастье! Лови его, а оно, глядишь, и пятки тебѣ показало!

Варвара разсмѣялась: понравились „пятки“.

— Вотъ то-то и оно! А вы вотъ женщины, глупыя, счастья въ мужьяхъ и дѣтяхъ ищете! Того не понимаете, что онъ—ребенокъ до девяти, ну, десяти, скажемъ, лѣтъ, а потомъ ужъ онъ человекѣкъ и хочетъ все ворочать по своему. У него ужъ борода растеть, до пупа отросла, а для матери—все ребенокъ, и все-то она около него старается. Ровно клохча какая. Тьфу! Противно глядѣть иной разъ! Дура!

Варвара шумно вздохнула.

— Какъ же быть-то, Ома Терентьичъ? Скучно такъ-то!

— А ты займись чѣмъ ни на есть. Я вотъ вижу: у тебя повадка на кровати сидѣть, либо лежать, и непременно что-бы папироска во рту торчала. Ты эту моду брось! Шить хоть поучись! На черный день пригодится.

— А вы, Ома Терентьичъ, не были женаты?

— Богъ избавилъ! Выдумала тоже!

— Что же вы такъ-то?

Старикъ не счелъ нужнымъ объяснить. Только сѣлъ за столъ, налилъ чаю, чуть ли не пятый стаканъ, и, въ ожиданіи, когда остынетъ,—началъ медленно и важно разглаживать баки.

На кухнѣ робко звякнулъ звонокъ. Варвара вышла въ кухню, скинула дверной крюкъ и—испугалась.

IX.

Стоялъ, запорошенный снѣгомъ, высокій парень, смотрѣлъ на нее, улыбаясь и, главное, не снимая шапки.

— Не признали, Варвара Алексѣевна?

— Кто такой? Ома Терентьичъ!

Очень испугалась. Мало ли какіе ходятъ по нынѣшнимъ временамъ... Потомъ вдругъ успокоилась и довольна была, что Ома Терентьичъ не слышалъ зова, — остался сидѣть, какъ сидѣлъ, въ своей комнатѣ.

— Извините, можетъ, не во-время...

— Ахъ, это вы! По голосу узнала! А такъ, въ снѣгу, не узнать!

Здѣсь случилось нѣчто, въ чемъ Оминъ долго раскаивался потомъ.

Тонъ рѣчи Варвары не былъ особенно ласковъ, — какъ-то неувѣренно-нисходителенъ. Очевидно, она еще не пришла въ себя, не совладала съ собою, и этимъ слѣ-

довадо тотчасъ, не откладывая, воспользоваться. Долго послѣ того Алешка разсуждалъ, какъ долженъ былъ поступить. Ну, хотя бы просто снять шапку, расположиться на кухнѣ и ласково, какъ когда-то умѣлъ, заговорить съ Варварой. Баба живо сдалась-бы, и если бы „Ома Терентичъ“ оказался, дѣйствительно, ея содержателемъ, — Алешка такъ и думалъ, не зная, что Никулинъ только жилецъ, — то это, пожалуй, оказалось бы даже къ лучшему, такъ какъ съ Варвары можно было бы сорвать „отступного“.

Но непрерывное хожденіе и ночевки по улицамъ, голодовка, совершенно истрепавшійся, превратившійся въ ломотья костюмъ — окончательно обезкуражили Алешку.

Онъ долго, молча, стоялъ, какъ истуканъ, и потерялъ удобное время, — далъ Варварѣ спросить:

— Что вамъ нужно?

Точно ушатомъ воды облило Омина. Растерялся до того, что не могъ согнать съ лица глупую, заискивающую улыбку.

— Ничего особеннаго-съ...

Варвара фыркнула и повернулась спиной. Тогда только осмѣлѣлъ Алешка и прибавилъ:

— Провѣдать васъ пришелъ-съ... по старому знакомству-съ!

— А знаете: кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ!

Самообладаніе начинало понемногу возвращаться къ Алешкѣ.

„Эка фря! — думалось ему: — попала на содержаніе, да и зафорсила! Тоже подумаешь! И чего это я давеча дурака смолоть?“

— Почему же такъ жестоко-съ?

Онъ улыбался противно и нагло, сощуривъ глаза и выставивъ ногу, точно собираясь пуститься въ плясъ.

Но Варвара уже злилась. Пламя злости, запавшее ей въ душу, съ каждой минутой разгоралось сильнѣе и сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ нарастала самоувѣренность и наглость Алешки.

— Не провѣдывали раньше, такъ теперь само собой нечего. Поздно спохватились! Да и не нуждаются въ вашемъ провѣдываньи. Всякъ Еремѣй про себя разумѣй, знаете ли вы это?

— Что-то больно спѣсивы стали! Должно, покровителя хорошаго спалили?

— А это, ужъ позвольте вамъ сказать, дѣло не ваше, — вся вспыхнула и побагровѣла Варвара. — Можетъ, и покровитель, а можетъ, я и сама хозяйка! Такъ-то, пожалуй, еще вѣрнѣе

будеть! А ежели всякій непрошенный тутъ будетъ врываться...

— Варвара, съ кѣмъ ты это тамъ? — слышался густой басъ Оомы Терентѣича.

— Ладно! Попомнишь когда! — бросилъ Алешка, скрываясь за дверью.

Бѣшеной кошкой выскочила Варвара въ сѣни и крикнула ему въ то время, какъ онъ спускался по лѣстницѣ:

— Приди, приди еще разъ, прохвостъ! Дворники живо ноги обломаютъ! Попробуй, приди!

Вернувшись въ кухню, она увидѣла Оому Терентѣича безъ пиджака и жилета.

— Съ кѣмъ войну ведешь? Что ты это?

— Хулиганъ забѣжалъ одинъ...

— Отчаянная ты, Варвара! Съ хулиганами лаешься, да еще за двери выскочила... Прикокошить тебя одинъ такой, да и меня съ тобою за одно!

— У васъ леворверъ есть.

— Леворверъ! Не все его съ собой таскать будешь. Ну, я пойду, малость сосну, а ты меня, смотри, къ семи часамъ безпремѣнно разбуди. На сеансъ надо будетъ сходить. Разбудишь, что-ль?

— Ладно, разбужу.

Варвара осталась въ кухнѣ одна и раздумалась. Какъ будто не совсѣмъ ладно вышло съ Алешкой. Что же это съ ней стало? Кажется, такая спокойная, хладнокровная, а тутъ забѣсилась. А кто? Самъ виноватъ! Пришелъ рваный, холодный, голодный, — и корить давай! По какому такому праву? Кто онъ ей такой? Ему бы потише, поласковѣе, а онъ корить! Настоящій хулиганъ! Пока еще въ котлахъ не состоить, а туда же: „покровителя сцапала!“ Вотъ тебѣ „покровителя“ и показали! Обидно, право! Ну, ужъ куда ни шло, если бы взаправду былъ содержанецъ... За правду и пострадать можно! А тутъ послѣдній стулишко продавать тащишь! Съ жильцовъ какая корысть, а въ особенности съ этакого стараго, какъ Оома Терентѣичъ! Кабы еще молодой...

Что-то сжало въ горлѣ, потомъ у переносья. А тамъ и слезы выступили на глаза и, одна за другой, крупныя и теплыя, заструились у носа и по щекамъ.

Тихо, сиротливо и жалостливо плакала Варвара подъ монотонное паденіе водяныхъ капель въ водопроводѣ и несмѣлое шуршанье таракановъ за плитой...

X.

Алешка выскочилъ на улицу ввѣщенный. Этакая гадина! Давно ли лаптями щи хлебала, а разыгрываетъ барыню! Такихъ „барынь“ по Невскому сколько хошь! „Что вамъ нужно!“ А забыла, небось, какъ на томъ берегу Невы въ лѣску, у кирпичныхъ заводовъ, на шею вѣшалась да „миленькій“ шептала? Небось, не спрашивала тогда, что нужно? Завела какого-то хахала, да и форсигъ. Погоди ужю! Будешь еще хвостъ трепать по Невскому... А встрѣтимся—угобжу! Будешь довольна! Что это, никакъ Кукушкинъ прошелъ? Совсѣмъ Кукушкинъ! Посмотрѣть хорошенько...

Алешка бросился за молодымъ человѣкомъ, блондиномъ, въ лѣтнемъ пальто и мягкой шляпѣ, обогналъ, заглянулъ въ полускрытое въ воротникѣ лицо и воскликнулъ:

— Кукушкинъ! Павелъ Григорьевичъ?

Молодой человѣкъ остановился. Алешка протянулъ ему руку, тотъ пожалъ холодной и потной рукой.

— Куда это ты, братъ?

— Домой,—отвѣчалъ Кукушкинъ,—я тутъ неподалеку. Зайдемъ, что ли?

— Охотно! Прозябъ я, братъ, какъ собака.

— Ну, погрѣешься. Чаю попьемъ! Закуски большой не обѣщаю, а колбаса есть, купилъ.

Кукушкинъ хлопнулъ по боковому карману, откуда торчалъ сѣрый свертокъ.

— Хорошее дѣло!

— Вотъ еще водки нужно купить.

У Алешки сверкнули глаза. Перспектива закуски, да еще съ выпивкой, была настолько соблазнительна, что исторія съ Варварой и обида на нее разомъ вылетѣли изъ головы.

— Ты что-жь это, расчетъ, что ли, получилъ?

— Какой расчетъ?

— Изъ переплетной.

— Э, да я ужъ восемь мѣсяцевъ, какъ ушелъ, не работаю.

— Не работаешь? Что же ты дѣлаешь?

— А вотъ придемъ, расскажу. Неудобно на улицѣ, люди слышать.

Кукушкинъ вошелъ въ казенку. Алешка стоялъ на улицѣ и размышлялъ: „Не работаетъ, безработный, значитъ, а закуски покупаетъ и водку... Для гостей, поди! Гости будутъ. Съ чего же это онъ такъ? На службу, что ли, куда поступилъ?“

Кукушкинъ привелъ его въ свою комнатку на заднемъ дворѣ большого, грязнаго, переполненнаго мастерскими и рабочимъ людомъ, дома. Комнатка маленькая, унылая, подслѣповатая, съ грязными, въ пятнахъ, когда-то желтенькими обоями. У окна, упирившагося въ стѣну сосѣдняго флигеля, ломберный неустойчивый столъ, крытый клеенкой вмѣсто сукна; на немъ принадлежности для письма и книги, бумаги. Кукушкинъ ушелъ въ кухню ставить самоваръ. Прислуги не полагалось, а старуха-хозяйка лежала больная за ситцевой занавѣской, охала, а въ промежуткахъ ругалась.

Оминъ походилъ по комнатѣ, постоялъ передъ олеографіей, изображавшей албанца въ красной фескѣ, отошелъ къ столу, взялъ верхній листъ. Стихи. Попробовалъ читать, ничего не понялъ и аккуратно положилъ листъ на мѣсто. Вошелъ Кукушкинъ и показалъ Алешкѣ выпачканные въ угляхъ пальцы.

— Вотъ у насъ какъ поэты!

Вытеръ пальцы о полы пиджака и принялся тупымъ ножомъ нарѣзать на ломти колбасу.

— Что же ты дѣлаешь? Чѣмъ живешь?—повторилъ вопросъ Алешка.

— Говорю тебѣ: поэтъ. Стихи пишу. Печатаю! На-дняхъ книжку стиховъ выпустилъ. Вотъ на это и живу! Вотъ книжка!

Кукушкинъ ушелъ за занавѣску, гдѣ была кровать; слышно было, какъ выдвинулъ ящикъ комода,—и вышелъ съ брошюркой въ рукахъ.

— На, читай!

Оминъ бѣгло взглянулъ на книжку. Въ заглавіи крупными буквами стояло: „Призывный кличъ“, а подъ нимъ мельче: „Пѣсни трудящагося“...

— Важно! — сказала Алешка, возвращая брошюрку: — жить, значить, можно?

— Можно!—мотнулъ головою Кукушкинъ.

— И покупаютъ?

— А ты думалъ что? По знакомымъ разбазарилъ больше трехсотъ штукъ. По тридцати копѣекъ сколько будетъ, считай!

Алешка вздохнулъ.

— Здорово! И въ мастерскую не нужно ходить?

— Чорта въ ней, въ мастерской! Нѣтъ, ужъ въ мастерскую—шабашъ!

Кукушкинъ нарѣзалъ колбасы, чернаго хлѣба, съ подоконника взялъ ковригу сыра, тоже нарѣзалъ ломоточками, изъ кухни принесъ тарелочки, вилки, рюмки, пару салфе-

токъ, все устроилъ къ приему гостей, самъ брякнулся на кушетку и закурилъ папиросу. Спросилъ Алешку:

— Можетъ, пропустишь рюмочку?

— Пропустилъ бы, что-жъ... Очень ужъ нахолодался.

— Валяй! Колбаской закуси!

Алешка налилъ большую рюмку и выпилъ съ неиспытаннымъ давно наслажденіемъ. Горячимъ утюгомъ прошла по желудку. Но и въ голову тотчасъ же бросилась: краска ударила въ щеки, глаза заблестѣли. И языкъ развязался.

— Ты это что же—гостей ждешь?—спросилъ онъ.

— Не то, что гостей, а такъ кое-кто придетъ.. Да ты ихъ знаешь... Ермолаевъ булочникъ, свѣчникъ Булавинъ и наборщикъ Птахинъ.

— Знаю, какъ не знать!

— Все, братъ, поэты. Ну, нельзя, книжку выпустилъ, нужно вспрыснуть... Пока что, пропусти еще.

— Можно?

— Валяй, не бойся!

— Съ тобою нешто?

— Нѣтъ, братъ, я ихъ подожду!

XI.

Но ждать пришлось недолго. Въ кухнѣ брякнулъ звонокъ. Кукушкинъ пошелъ отворить и ввелъ сразу двоихъ: Булавина и Ермолаева. Оба имѣли видъ заурядныхъ приказчиковъ въ косовороткахъ, пиджакахъ и высокихъ лакированныхъ сапогахъ. Были выбриты и носили только усы, у Ермолаева коротко подстриженные.

На Оомина покосились какъ бы съ отгѣнкомъ нѣкотораго превосходства. Кукушкинъ внесъ самоваръ, заварилъ чай и предложилъ каждому наливать себѣ.

— А что же Птахинъ?—спросилъ онъ.

— Птаха еще летаетъ,—отвѣчала Булавинъ,—все свою книжечку устраиваетъ.

— Не продалъ еще?

— Гдѣ же тамъ продать! По чайнымъ да по портернымъ не скоро разнесешь. Курочка по зернышку клюетъ.

— Онъ бы сталъ на Невскомъ, да и продавалъ!

— Гоняютъ, безъ бляхи-то. Нельзя!

— Ну, бляху бы взялъ.

— Денегъ нѣтъ.

— Пилъ бы меньше!

— А вотъ кстати! — спохватился Ермолаевъ. — Что-жъ, нужно хояина поздравить. Съ выходомъ!

Налилъ четыре рюмки водки, ваялъ одну и обратился къ Кукушкину:

— Поздравляю, желаю успѣха!

— Спасибо, спасибо...

Кукушкинъ былъ тронутъ. Рука его дрогнула и едва не опрокинула рюмку.

— За твои успѣхи и за успѣхи Гриши Сладкаго!

— Это кто же такой?—тихо спросилъ Алешка.

Онъ чувствовалъ себя чуждымъ среди недавнихъ еще своихъ товарищей и робѣлъ.

— Да все онъ же... Ермолаевъ... Это его псевдонимъ,—съ удареніемъ на второмъ слогѣ отвѣчалъ Кукушкинъ.

Алешка рѣшительно ничего не понималъ. Пропастъ между нимъ и прежними товарищами увеличивалась съ каждой минутой, и онъ катился въ нее съ чувствомъ какого-то тупого ослобленія. „И тутъ не свой, и тутъ лишній“. Разсердился, подошелъ къ столу, налилъ водки, выпилъ залпомъ и, не закусывая, отошелъ.

— Ну, вы, поэты!

Будто нечаянно столкнулъ со стола локоть Булавина и положилъ свой, прямо на листы бумаги.

— Постой, братъ, ты мнѣ тутъ стихи помнешь!—сказалъ Кукушкинъ, прибирая листы.

— А мнѣ что! Плевать!—съ напускнымъ ухарствомъ отвѣчалъ Алешка.

— Черноземная сила!

— Чего?

— Вотъ когда эта сила, братцы, пойдетъ, тогда только держись!—замѣтилъ Ермолаевъ.

— Сокрушить!—подхватилъ Булавинъ.

— Чего?

— Чего, Алешка, пузыришься? Тебя хвалятъ, а ты не понимаешь, думаешь — насмѣхаются! — замѣтилъ Кукушкинъ.

— А мнѣ все единственно! Пусть надсмѣхаются! Плевать!

— Вотъ, вотъ именно. Давай лучше выпьемъ!

— Что съ тобой пить! Ты поэтъ!

— Дурова голова, мы всѣ поэты!

— Ну и чортъ съ вами!

— Эй, не пузырься! Чего ломаешься? Тебя не хотятъ обижать. Выпьемъ, что-ли?

Алешка былъ пьянъ. Хотѣлось спать, но поэты не давали. Все спрашивали:

— Ты гдѣ же живешь-то?

— Нигдѣ!

— А ночуешь гдѣ?

— Когда на улицѣ, когда на баркахъ. Гдѣ придется! Да что вамъ? Пристали!

— Гдѣ же это на баркахъ? Мелешь что-то...

— Мельница мелеть, а не я! Говорю: на баркахъ! На сѣн-
нухахъ у Тучкова моста. Понялъ? Ну и вотъ тебѣ весь сказъ.

— Молодчина! Братцы, вотъ настоящій пролетарій! По-
чище насъ! Выпьемъ за пролетарія!

Всѣ стали чокаться съ Алешкой. Это размѣшило его...

— Что такое за пролетарь?—бормоталъ онъ, ухмыляясь, и тянулся къ водкѣ. Хотѣлось и вѣтъ, но колбаса, сыръ и хлѣбъ,—все было съѣдено.

— Алешка, хочешь,—Ермолаевъ тебѣ стихи прочтеть?

— Читай! Все равно! Миѣ что!

Ермолаевъ читалъ, завывая, размахивая руками, сдѣлавъ страшное лицо:

Бѣднякъ-пролетарій, какъ въ дверь ни стучи,
Тебѣ не откроютъ дверей богачи!
Ты къ нимъ понапрасну зываешь съ мольбой,
Ихъ сердца не тронуть злосчастной судьбой,
И будешь ты въ рабствѣ своемъ изнывать,
И будешь рабовъ поколѣнья рождать,
Свой молотъ рабочій пока не возьмешь,—
И рабскія цѣпи ты имъ разобьешь!

— Очень хорошо! Сильно!—воскликнулъ веселый Кукушкинъ.

— Сознательнымъ рабочимъ нравится...—дергая себя за усь, замѣтилъ Ермолаевъ.

— Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!—крикнулъ кто-то изъ угла.

— Правильно!

— Что это обозначаетъ?—спросилъ Алешка.

— А вотъ что!—вплотную подошелъ къ нему Ермолаевъ и взялъ за висѣвшую на ниточкѣ пуговицу пиджака:—покуда нашъ братъ будетъ лимониться да кукситься, да кланчить, такъ всякій толстосумъ возьметъ тебя этакъ за пиджакъ-то твой и удушить. Понялъ?

Алешка совсѣмъ не понялъ и смотрѣлъ, вытаращивъ глаза.

— Лучше самому удушить, нежели когда тебя удушатъ! Такъ?

— Ну, такъ... Зачѣмъ душить-то?

— Вотъ то-то „ну“! А зачѣмъ душить, спрашиваешь? Зачѣмъ, что тебя душать. Если не прямо руками, такъ поступками своими. Ты рабочій, онъ—капиталистъ, фабрикантъ. Онъ всячески старается тебя прижать, чтобы польза, доходъ отъ тебя имѣть. Понялъ? Не прижметъ онъ тебя, какъ слѣ-

дуетъ,—ему доходу меньше! А онъ жить хочетъ сытно, въ довольствѣ, на своихъ лошадяхъ ѣздить. А лошади и дома откуда у него? Съ твоихъ трудовъ! Что онъ тебѣ не додастъ, все ему на пользу. Понялъ?

— Да ужъ извѣстно. Какъ водится!

— Понялъ, наконецъ? Ты ему наработаешь на два, скажемъ, рубля, а онъ тебѣ дастъ полтину, остальное себѣ,— на дома да на лошадей!

— Можетъ, оно такъ, да вѣдь что-жъ ты подѣлаешь?

— Какъ что? Измѣнить нужно! Строй перемѣнить!

Алешка опять сталъ втупикъ. Смутило слово „строй“.

— Да ты ужъ не черносотенцемъ ли сдѣлался?

— Никѣмъ я не издѣлался. Какимъ былъ, такимъ и остался!—оправдывался Алешка.—Что ты, Павелъ Григорьичъ!

— Оставьте, братцы, онъ не сознательный, — подаль голось Птахинъ.

Это онъ давеча крикнулъ: „Въ борьбѣ обрѣтешь“, но никто не видалъ, какъ вошелъ, какъ пробрался въ уголъ.

Такъ какъ компанія принялась чайничать, — въ уголокъ были сдвинуты раздрызганныя закуски и что оставалось водки. Птахинъ втихомолку придвинулся къ этимъ остаткамъ, наливалъ и пилъ, закусывая раскиданными по тарелкѣ крошками чернаго хлѣба, но пьянъ не былъ, а только очень возбужденъ и золъ.

Вообще, на водку никто, кромѣ Алешки и Птахины, не налегалъ, и куплено ея было до смѣшного мало,—всего бутылка. Птахинъ потому и не любилъ заходить къ Кукушкину, что тамъ была трезвенная компанія, а пилъ онъ, какъ настоящій, правовѣрный наборщикъ.

Алешку сразу всѣ оставили, и онъ былъ радъ. Развалился на диванъ и нѣжился тепломъ нагрѣтой людскимъ дыханіемъ комнаты. Даже вздремнулъ немного.

XII.

Было уже около 12 часовъ. Самоваръ давно остылъ, и Кукушкинъ унесъ его въ кухню. Гости спорили о назначеніи челоуѣка и тому подобныхъ матеріяхъ важныхъ, обнаруживая немалую начитанность. Наконецъ, начали просить Кукушкина прочесть свои стихи. Кукушкинъ сталъ въ позу и такъ же, какъ Ермолаевъ, размахивая руками, началъ скандировать:

Вьется лентой сѣрою дорога,
Деревенька на краю видна,

Сторона моя родимая убога,
 Сторона моя родимая бѣдна!
 День за днемъ здѣсь люди прозябають,
 Здѣсь родились... Рабства подлый страхъ:
 Здѣсь голодной смертью умирають,
 Безъ борьбы, безъ ропота въ сердцахъ!

— Ну, а дальше?—воскликнулъ Ермолаевъ,—неужто все?

— Все!

— Выводъ-то, выводъ какой же?

Онъ дергалъ черный усъ и смотрѣлъ искоса, злобно.

— Какой же выводъ... Такъ, просто... картинка!— смущенно бормоталъ Кукушкинъ.

— Выводъ предоставляется сдѣлать каждому!— хихикнулъ изъ угла Птахинъ.

— Вотъ именно!

— Нѣтъ, это, братъ, не то... Совсѣмъ не то!

Загорѣлся споръ. Ермолаевъ утверждалъ, что слѣдуетъ читателя „тыкать носомъ“... „Пойми, молъ, въ чемъ дѣло!“ Булавинъ съ нимъ соглашался. Кукушкинъ, наоборотъ, увѣрялъ, что ничего подобнаго не нужно, что читатель самъ разберется и пойметъ, а если не пойметъ,—ему же хуже. И что вообще онъ на существующее поколѣнiе не рассчитываетъ, какъ не рассчитываетъ и на подрастающее.

— Какое это поколѣнiе? Подлое! Не вѣрю я въ него!

— А во что же ты вѣришь?—спрашивалъ Ермолаевъ.

— Въ новаго человѣка!

— Въ какого новаго?

— А вотъ, когда все существующее разрушится, погибнетъ до тла, тогда и народится новый человѣкъ.

— Откуда же онъ народится?

— Богъ создастъ. Такъ же, какъ и раньше создалъ.

— Пстой, пстой,—вмѣшался Птахинъ, который все время язвительно посмѣивался изъ своего уголка,—ты говоришь: Богъ создастъ? Онъ еще разъ врядъ ли захочетъ заняться такимъ нестойщимъ дѣломъ! А что насчетъ того, что нужно разрушить,—съ этимъ я согласенъ. Только не все. Есть кое-что и хорошее,—то оставить можно, а всю эту гниль и плѣсень, что жить мѣшаетъ,—это все къ чорту!..

Алешка оживился, сталъ прислушиваться, но опять-таки ничего не понималъ. И въ душѣ было чувство обиды: такіе-жъ безработные, а почему же умнѣе его?..

— Ты посмотри, сколько этой плѣсени развелось, и вся она на народномъ тѣлѣ живетъ! Эти микробы, бациллы, они народу жить не даютъ, не даютъ развиваться... Вотъ всю

эту дрянь нужно смыть,—это правда, а что до новаго чело-
вѣка, такъ зачѣмъ онъ? Еще неизвѣстно, каковъ-то онъ
будеть! А что, если и въ новомъ твоёмъ челоѣкѣ заве-
дется такая же старая плѣсень? Это бываетъ! Другое
яблочко какое свѣжее, румяное на видѣ, а разрѣжешь—
гниль, черви! Такъ и съ твоимъ новымъ челоѣкомъ можетъ
случиться.

Кукушкинъ протестоваль. Поднялся шумъ. Спорившіе
лѣтали другъ на друга чуть не съ кулаками. Въ дверяхъ
неожиданно появилась старуха-хозяйка. Обрюзгшая, тол-
стая. Космы сѣдыхъ волосъ выбивались изъ-подъ чернаго
повойника съ рогульками.

— Что это такое, озорники! Угому на васъ нѣтъ! Что
это, право?

— Бабушка Аграфена, мы споримъ...

— На то день есть, ночью спать нужно. Людямъ покоя
не даете! Нечего тамъ! Расходитесь-ка, расходитесь!

— Да мы сейчасъ...

— Ну, и нечего! Дѣло за полночь! Проваливайте!

— Однако, позвольте, Аграфена Потаповна!—началь Ку-
кушкинъ, подходя къ старухѣ и изображая изломанную фи-
гуру съ поднятой кистью правой руки, что онъ дѣлалъ
всегда, когда хотѣлъ быть элегантнымъ: — въ качествѣ
жильца, я долженъ вамъ замѣтить...

— Нечего замѣчать! — оборвала старуха, — расходитесь
нужно, а не кричать, да людямъ спать не давать! Что ты
за жилецъ? Такіе ли у меня жильцы были? И всегда будутъ!
Сдѣлай такое одолженіе, сѣвжай хоть завтра! Скатертью
дорога! А шумѣть да спорить по ночамъ я не позволю! На
то день есть! Полунощники!

Кукушкинъ какъ-то болѣзненно улыбулся, пожалъ пле-
чами и сказалъ гостямъ:

— Ну, что же, господа, нужно уходить! Видите: невѣ-
жество...

ХІІ.

Изъ квартиры вышли всѣ гурьбой, но у воротъ рас-
прощались и разошлись въ разныя стороны. Ермолаевъ и
Булавинъ жили „съ женщинами“, какъ они объяснили.
Алешка увязался съ Птахинымъ, въ надеждѣ, что тотъ по-
зоветъ его ночевать.

Но на перекресткѣ ближайшей улицы Птахинъ спросилъ:

— Ты куда путь держишь?

— Куда глаза глядятъ..

— Вотъ оно что! Я, братъ, на Васильевскій...

— Развѣ ты тамъ квартируешь?

— Квартировалъ-то я не тамъ, — поправилъ Птахинъ, — да дѣло такое вышло, что безъ комнаты остался.

— Выставили?

— Выставили, братъ, за неплатежъ. За два мѣсяца и задолжалъ-то всего, да квартирный хозяинъ не хотѣлъ ждать, этакій аспидъ! Выселилъ! Я теперь къ товарищу иду, къ одному заводскому. Хорошій человекъ. Самому тѣсно, а все-таки даль пріютъ! Я у него на полу сплю, покуда что.

— Что же, не на что комнаты нанять?

— Не на что. Книжка-то только вышла... Хорошо еще въ типографіи знакомой въ долгъ повѣрили. По три-то копѣйки продаваючи, не много наклюешь!

— Ты, говорятъ, по портернымъ продаешь?

— Гдѣ придется. По портернымъ, по трактирамъ, чайнымъ. Въ день-то набѣгаешься, — ноги болятъ.

— Работать бы лучше наборщикомъ.

— Ну, нѣтъ, братъ! Я поэтъ... У меня чувства въ груди! Не читалъ моихъ стихотвореній?

— Нѣтъ. Да и не понимаю я... Чего читать!

— То-то, не понимаешь! Не всякій можетъ понимать поэзію... А писать и того больше. Вдохновеніе нужно.

— Не писалъ, — лучше жилъ. Не мало зарабатывали въ типографіи-то!

— Мало ли что! У меня чувства есть, а я чужія слова набирать долженъ. Всякія глупости! Вотъ еще! Была нужда!

— Чудно, право! Что-же, и у меня чувства есть... Я вотъ насчетъ этого самаго письма...

— Не можешь? То-то и оно! Нужно талантъ имѣть. А у тебя таланта нѣтъ!

— Ну, ужъ такъ - то тоже жить... Хоть и съ талантомъ...

— Ничего! Живемъ, не тужимъ! И на полу спать можно!

— Еще бы тебѣ, все не на улицѣ... Ну, прощай, пока.

— До свиданія!

Алешка остался одинъ. Повернулъ на Невскій. Окна закрытыхъ магазиновъ чернѣли своими ставнями, и только двойной рядъ далекихъ электрическихъ фонарей освѣщаль улицу. Тянулись извозчики, развозя публику изъ театровъ. По тротуарамъ прохаживались проститутки, зазывая простуженными голосами прохожихъ, и какіе то, молодые люди. На углахъ угрюмо и неподвижно, какъ изваянія, торчали городовые.

Алешка остановился и закурилъ послѣднюю папиросу, взятую имъ у Ермолаева. „Вотъ докурю—и конецъ, ничего

не останется... Ни табаку, ни хлѣба, ни пріюта! А ѣсть хочется, и чайку тепленькаго пропустить не мѣшало бы... А еще того лучше—водочки! Эхъ, огнемъ прошла бы по жиламъ!”

Вспомнилъ ощущение горячаго утюга отъ водки у Кукушкина. „Вѣдь вотъ добылъ денегъ... водки купилъ, пріятелей угощалъ... комнату имѣеть!” думалось съ завистью:— „стихи пишетъ, печатаетъ, книжки продаетъ! А вѣдь такой же рабочій, не лучше! Чѣмъ переплетчикъ лучше слесаря? Да не въ этомъ, конечно, дѣло... Вонъ они что говорятъ: талантъ... Талантъ, талантъ, а сами на полу спятъ, валяются, также у пріятелей пріюта ищутъ! Что тамъ талантъ, пустяки все! Удача, вотъ главное дѣло! Безъ удачи,—совѣмъ пропасть можно. Вонъ, сколько женщинъ ходитъ, тоже удачи ищутъ. Кому счастье... А другая и моложе и красивѣе, да нѣтъ удачи, и пойдетъ въ нетопленную каморку съ голоду да съ обиды слезы лить! Вотъ тебѣ и талантъ! Все пустяки! И мнѣ, вотъ, нѣтъ удачи, и я доженъ пропасть. Неужели такъ, въ самомъ дѣлѣ, пропадать? Что же это? За что?”

Перейдя Полицейскій мостъ, Фоминъ остановился на углу, у подъѣзда Благороднаго Собранія. Изъ клуба выходили гости,—господа въ шубахъ, барыни въ ротондахъ. Оживленные, веселые, отдувающиеся отъ жары, танцевъ и плотнаго ужина съ выпивкой. Безпрестанно открывались массивныя двери, и струя нагрѣтаго и пропитаннаго запахомъ сигаръ и духовъ клубнаго воздуха пріятно обдавала застывшаго на холодѣ Алешку; такъ бы, кажется, все и стоялъ, и грѣлся... Но вышелъ городской и возвратился на Алешку. Городовой былъ сытый, рослый, холеный, натягивалъ бѣлыя перчатки, зѣвалъ, скачивая ротъ, и говорилъ стоявшему на ступенькѣ дворнику въ шубѣ съ поднятымъ воротникомъ:

— Что-то мнѣ сегодня-че не ко времени спать хочется?

„Ахъ, спать, спать! А ужъ какъ мнѣ-то спать хочется! Только бы въ тепло попасть. Ни на что бы не поглядѣлъ, вотъ тутъ же, въ этой клубной передней, прямо въ наслѣженную калошами грязь такъ бы и улегся и заснулъ, вотъ какъ заснулъ бы! Крѣпко, крѣпко!”

Городовой что-то шепнулъ дворнику, тотъ направился къ Алешкѣ, и Алешка понялъ, ушелъ... И, уходя, сквозь зубы проклиналъ и этотъ подъѣздъ, и тѣхъ, кто выходилъ изъ него, и городского... Откуда у него шуба, съ какихъ денегъ пузо свое треклятое набилъ? Съ нашихъ трудовъ! Ты безъ работы ходилъ, съ голоду дохнешь, а онъ въ шубѣ... Сигара... духи! У, дьяволы! И такой же дьяволъ, фараонъ, ихъ стережетъ, чтобы не обезпокоилъ кто!

Вотъ Алешка на Дворцовомъ мосту. Морозъ крѣпчаетъ. Скрипитъ и потрескиваетъ мостовой настилъ. Кругомъ ни души. Тянется съ головою забравшійся подъ полость извощикъ. Каждая шерстинка на лошади покрыта инеемъ, и изъ ноздрей тянутся длинныя бѣлыя нити. Проѣхалъ извощикъ, и опять ни души. Въ крѣпости бьютъ куранты, и въ морозномъ недвижномъ воздухѣ отчетливо слышатся спутанные медленные, глубоко-тоскливые звуки. На рѣкѣ что-то щелкнуло.—должно быть, ледъ треснулъ. И опять тишина. Всѣ спятъ. Спятъ въ теплыхъ квартирахъ, лачугахъ, подвалахъ, и никому нѣтъ дѣла до этого одинокаго, бездомоваго человѣка, вынужденнаго куда-то идти и идти, все только идти, скрючившись отъ холода!...

ХIII.

Никодимъ Игнатьичъ поставилъ ремизъ 4 рубля 82 коп. изъ послѣдняго бывшаго у него въ карманѣ полуимперіала, взялъ сдачи 18 коп. и объявилъ, что больше играть не будетъ. Пора домой.

— Что же такъ? Разыграйте хоть ремизъ-то. Вѣдь вашъ! Какъ-же такъ оставлять?—замѣтила хозяйка дома, именинница.

— Нѣтъ ужъ... не стану! Надоѣло! Пять минутъ третьяго... Завтра на службу, а мнѣ, вѣдь, не ближній свѣтъ!

Но, все таки, остался посмотрѣть: кто возьметъ ставку. Какъ и слѣдовало ожидать,—взялъ о. Іоаннъ. Молодому попику съ русой, расчесанной надвое, бородой и голубыми, холодными глазами страшно везло. Игралъ онъ какъ-то небрежно, словно нехотя, нехотя суя мелочь, рублевки и трехрублевки въ карманъ рясы и пряча тщательно въ маленькое, кожаное портмонэ только золотые. Съ такимъ же небрежнымъ, холоднымъ видомъ сгребъ онъ со стола два ремиза, золотой Никодима Игнатьича спряталъ въ портмонэ, а мелочь въ карманъ, быстрымъ движеніемъ руки расправилъ бороду и всталъ:

— Дѣйствительно, поздно! Хозяевамъ пора дать покой! Засидѣлись!

Поднялись и остальные. Спрашивали другъ у друга, кто проигралъ, кто выигралъ. Хозяйка осталась „при своихъ“, старый капитанъ радовался, что выигралъ рубль восемь гривенъ и увѣрялъ, что возьметъ извощика, что онъ имѣетъ законное основаніе взять извощика, а не „плестись пѣхтурой“. Пожилая дѣвица съ подозрительно черными волосами и такой вытянутой и кислой физиономіей, точно хлебнула уксуса, да такъ навсегда и осталась съ выраженіемъ боль-

шой неприятности на лицѣ, злыми сѣрыми глазами смотрѣла на партнеровъ и ничего не говорила, но все́мъ было ясно, что она проигралась, и порядочно, и злится и завидуетъ выигравшимъ.

Но больше все́хъ проигралъ Никодимъ Игнатьичъ,—такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ онъ самъ, такъ какъ изъ взятыхъ имъ съ собою 15 рублей у него осталось всего 18 коп. Вставая, онъ взглянулъ на себя въ простѣлочное зеркало противъ стола, на которомъ играли, и поцарапанное, старое мутное стекло отразило измятую, желтую, съ красными воспаленными глазами и взерошенными, жидкими волосами на угловатомъ, начинавшемъ лысѣть черепѣ, физиономію 45-лѣтняго, небольшого роста, тщедушнаго мужчины.

— Экая образина! — обругалъ самъ себя Никодимъ Игнатьичъ.—И дернула же тебя нечистая сила въ стуюлку, образина ты этакая, засѣсть да еще съ кѣмъ? Съ попишкой съ этимъ, когда извѣстно, что онъ все́хъ обыгрываетъ! Ну, вотъ и настукалъ!

— Никодимъ Игнатьичъ, что же вы это такъ вдругъ... словно сорвались? Выпьемъ пивка, а? Вѣдь не Богъ знаетъ еще какъ поздно! О. Іоаннъ, вы - то куда спѣшите? Черезъ улицу перейти. Ну, что, право! Въ кои вѣки собрались, и на вотъ!—уговаривалъ хозяинъ, то хлопая по спинѣ Никодима Игнатьича, то цѣпляясь за рукавъ рясы о. Іоанна.

— Нѣтъ ужъ, Лука Аверьянычъ, простите! Не могу! Треть часъ!

— Да наши часы врутъ!

— Ваши-то, можетъ, и врутъ, да мои вѣрные! Антонида Гавриловна, мое почтеніе!

Гостя вышли на лѣстницу проводить. Никодимъ Игнатьичъ звалъ къ себѣ,—„непремѣнно, смотрите же, жду“,—пожелалъ доброй ночи и хозяину, и хозяйкѣ, расшаркивался, расклапывался, просилъ „не беспокоиться, не свѣтить“, но когда ощупью добрался до послѣдней ступеньки, раскрылъ дверь на тугой пружинѣ и съ размаха захлопнулъ за собою, то вдругъ выругался про себя:

— Чтобъ васъ чортъ побралъ, анаемы проклятыя! Картежники!

Вспомнились и тѣснота квартиры сослуживца, и холодное изъ судака „съ душкомъ“, и дешевыя, купленныя, очевидно, на улицѣ, съ лотка, яблоки „съ пятнышками“, а главное—рубль, истраченный на сладкій пирогъ именинницѣ (котораго даже такъ и не подали!), и проигранные 14 рублей 82 коп. „Самъ виновать! Не надо было лѣзть!“ укорялъ себя Никодимъ Игнатьичъ, кутаясь въ вытертую временемъ ентовую шубенку и шагая по пустынной, отдаленной линіи

Васильевского острова.—Самъ, обраина, виновать! Не чортъ тянулъ играть! Въ особенности съ попомъ Иваномъ! Съ нимъ, братъ, шутки плохи! Попъ отчаянный, и къ большой игрѣ привыкъ. Ну, куда съ нимъ тягаться? Онъ пять разъ никакъ по четыре рубля ремизъ ставилъ, а въ концѣ концовъ взялъ да всѣхъ и обыгралъ!»

Архаическіе въ этой пустынной мѣстности масляные фонари, занесенные притомъ наполовину снѣгомъ, тускло мигали и возбуждали все болѣе и болѣе грустныя думы.

„Когда-то дотащишься до Коломны! Подумать нужно! Извозчика бы взять, да вѣдь меньше какъ за сорокъ, ну, на худой конецъ, за тридцать копѣекъ,—не поѣдетъ, а тутъ всего на всего 18 коп. А утромъ Матренѣ на булки? Вѣдь послѣднія взялъ... Ай, ай, ай! О чемъ думала, о чемъ думала голова! Шутово дѣло—пятнадцать рублей проиграть! У Васьки, вонъ, курточка и штаны истрепались, не въ чемъ въ гимназію ходить, сапоги тоже сдавать стали, — вотъ бы какъ разъ 15 рублей и хватило! Курточка и штаны—девять, пять рублей сапоги,—мнѣ бы на теплыя перчатки—рубли, а то руки на морозѣ трескаются,—вотъ бы все и оборудоваль, а теперь что? Мальчишку хотъ совсѣмъ въ гимназію не посылай, а онъ и такъ двѣ недѣли проболѣлъ! Эхъ, бѣда бѣдовая! И нанесъ же меня чортъ на этого попишку! Да и именины-то эти треклятыя!“

Много было времени и большое поле для размышленій Никодима Игнатъича. Масляные фонари тянулись безъ конца, скучные, однообразные, подслѣповатые, какъ скучна и однообразна была жизнь самого коллежскаго ассессора Никодима Игнатъича Подкорнева. Тускляя петербургскія утра въ подслѣповатой, тѣсной и сырой квартирнѣ, сѣрья, тускляя стѣны департамента и столы съ ворохами исписанной сѣрой бумаги въ синей оберткѣ, прискучившія лица товарищей по службѣ, однообразные, скучные разговоры, тускляя сумерки ординарныхъ и скучныхъ улицъ при возвращеніи со службы, скучный, однообразно-скудный обѣдъ изъ супа и варенаго мяса и, въ заключеніе, или сонъ до одурѣнія, или винтъ и стуколка „по маленькой“. И все это при условіи хроническихъ недохватокъ и недостатковъ! Старая пѣсня, старая чиновничья дорожка!

— Э, да я, никакъ, сбился съ дороги?

Масляные фонари давно должны были кончиться, а они все тянулись да тянулись. И все глуше и глуше становилось на улицѣ, и все чаще каменные двухэтажные домики уступали одноэтажнымъ деревяннымъ, а, наконецъ, и просто пустымъ огороднымъ мѣстамъ.

„Да что за чортъ? Неужели я не въ ту сторону повернулъ? Экъ меня съ проигрыша-то!“

Никодимъ Игнатьичъ рѣшительно повернулъ обратно, прошелъ одну поперечную улицу, дошелъ до угла второй и тутъ, на углу, неожиданно столкнулся съ фигурой человѣка въ лѣтнемъ изодранномъ пальто и надвинутой низко на лобъ рваной шапочкѣ...

XIV.

Человѣкъ посторонился, пропустилъ Подкорнева, но тотчасъ же пошелъ сзади. И въ время, какъ онъ пропускалъ мимо себя Никодима Игнатьича, тотъ отчетливо слышалъ, какъ стучали отъ холода его зубы.

И Никодиму Игнатьичу пришло въ голову, какъ вѣрно ходячее выраженіе: „зубъ на зубъ не попадаетъ“,—но онъ прошелъ мимо человѣка и тотчасъ же забылъ все: и человѣка, и удачное выраженіе.

Шелъ такъ минутъ пять. Сзади слышались шаги шедшаго по пятамъ. Протекло еще минутъ пять. Шаги то, какъ будто, настигали, вотъ-вотъ были близко, то отставали. Но неизмѣнно слышался твердый стукъ каблуконъ о тротуаръ, твердый, точно они были изъ кости. „Ишь! Промерзъ до каблуконъ!—мелькнуло въ головѣ Никодима Игнатьича.—Да тотъ-ли это? И что ему?“

Хотѣлось обернуться, посмотрѣть, но удержало опасеніе, что это нищій, который только того и ждетъ, чтобы попросить. А свѣтъ масляныхъ фонарей былъ такъ слабъ, что не отбрасывалъ тѣней. И нельзя было опредѣлить, на какомъ разстояніи находится человѣкъ, но чувствовалось, что близко, и было не по себѣ, даже становилось немного жутко.

Прошли городского, и когда проходили, чувствовалось, что человѣкъ немного поотсталъ, щелканье каблуконъ затихло. А потомъ быстро сталъ нагонять, и опять каблуконъ застучали, какъ кость.

„Не отстаетъ, чортъ бы его побралъ,—подумалъ Никодимъ Игнатьичъ,—догналъ-таки... Это что-то не того... Досадно, что не могу взять извозчика! Этого даже не подумалъ, чтобы оставить на извозчика... Хоть занялъ бы, что ли! Хорошо, если нищій, а если босякъ, хулиганъ. Впрочемъ, что ему съ меня взять? Взятки гладки!“

Никодимъ Игнатьевичъ улыбнулся, но улыбка вышла кислая, напряженная, а самому, внутри, не было смѣшно.

Человѣкъ все шелъ сзади, ровно постукивая по тротуару намерзшими каблуконъ, и ощущеніе „не по себѣ“ все росло, все увеличивалось въ Подкорневѣ.

„Остановитесь, выждать, дать ему пройти мимо?—мелькнуло въ головѣ.—Дольше такъ невыносимо... Что же это?“

И только что онъ подумалъ это, какъ шедшій сзади Алешка нагналъ, зашелъ съ боку и покорнымъ, простуженнымъ до шопота голосомъ заговорилъ:

— Баринъ, ночевать негдѣ!.. На ночлеги! Баринъ!

Къ Никодиму Игнатьичу, какъ и ко всякому петербуржцу, очень часто „приставали“ нищіе, и, исходя изъ того положенія, что если всѣмъ подавать, то, въ концѣ концовъ, самому придется „просить“, онъ, нарочно не глядя, всегда проходилъ мимо.

Такъ поступилъ онъ и теперь, но Алешка не отставалъ. Шелъ сбоку и дрожавшимъ, прерывавшимся отъ холода голосомъ повторялъ:

— Явите божескую милость... Ночевать негдѣ... безработному... съ утра ничего не ѣлъ... Баринъ!..

Никодиму Игнатьичу вспомнилось, какъ сегодня же, на именинахъ, когда затѣяли разговоръ о всеобщей безработицѣ и безработныхъ,—служившій на казенномъ заводѣ акцизный чиновникъ иронически усмѣхнулся и сказалъ, что тотъ, кто хочетъ работать, работаетъ и обставленъ очень хорошо, а что всѣ такъ называемые безработные, въ сущности, пьяницы и лѣнтяи.

— Господинъ, будьте благодѣтелемъ!.. Безработному!—повысилъ голосъ Алешка.

Никодимъ Игнатьичъ молча продолжалъ путь, но ярость наполняла его; и такая же ярость наполняла шедшаго около него человѣка. И оба ненавидѣли другъ друга, но одинъ крѣпился, молчалъ, а другой назойливо, съ явнымъ самоуслажденіемъ, нылъ:

— Господинъ... явите божескую... Что же, пропадать, что-ли? Господинъ! Дайте что-нибудь... безработному!.. Замерзъ вѣдь!

Никодимъ Игнатьичъ молчалъ, и шелъ, нарочно не прибавляя шагу. Но ему все болѣе и болѣе становилось не по себѣ, потому что въ захлебывавшихся словахъ, слетавшихъ съ обмерзлыхъ и дрожащихъ губъ, ему слышались злоба и угроза...

И вдругъ человѣкъ заступилъ ему дорогу и съ блѣднымъ, искаженнымъ лицомъ протянулъ руки къ шубенкѣ.

— Что? Что? Ты это что? А?—залепеталъ Подкорневъ, чувствуя, какъ сердце упало, и холодныя мурашки пробѣжали по спинѣ и икрамъ.—Ты что? Да какъ ты.. Городовой! взвизгнулъ онъ фальцетомъ.

— Э... сволочь!

Что-то взмахнуло передъ глазами, что-то сверкнувшее

при тускломъ свѣтѣ запорошеннаго снѣгомъ фонаря, и холодное и острое вошло въ правую сторону живота...

То Алешка инстинктивно выхватилъ изъ кармана случайно нащупанный пальцами напильникъ и ударилъ имъ. И напильникъ быстро и свободно вошелъ, и тотчасъ что-то теплое облило руку Алешки, но когда онъ ее отдернулъ, это теплое уже стало холоднымъ и липкимъ до того, что склеило заledenѣвшіе пальцы Алешки.

Никодимъ Игнатьичъ распустилъ полы шубенки, какъ-то странно присѣлъ, точно на корточки, или какъ будто собирался подпрыгнуть. что выходило даже смѣшно, потомъ сталъ опускаться ниже, ниже, и когда Алешка, отскочившій въ нѣсколько прыжковъ въ сторону, оглянулся, то на этомъ мѣстѣ, у фонаря, чернѣлось что-то похожее на брошенную кучку платья. И было тихо, такъ странно-тихо кругомъ, что вызывало ужасъ. И, весь проникнутый ужасомъ, Алешка бѣжалъ.

XV.

Онъ бѣжалъ шибко и долго, и задыхался, и нѣсколько разъ схватывался за горло, и сжималъ, чтобы унять бившіяся жилы. Ему все казалось, что его преслѣдуютъ. Слышались даже крики гдѣ-то тамъ, позади, переливы свистковъ. И это все была кровь, наполнявшая жилы, стучавшая въ голову, кричавшая въ уши: „Смыть... смыть!..“

На ходу, пробѣгая мимо кучи снѣга, онъ схватилъ полную горсть, началъ мять, растирать между пальцами. Снѣгъ плохо таялъ въ холодныхъ пальцахъ... Ть, липкое, растекалось и, все-таки, клеило пальцы.

„Ахъ, если бы гдѣ-нибудь костеръ! Но нѣтъ, хуже... У костра—люди, людей не нужно, страшны, опасны люди. Не нужно, не нужно, чтобы видѣли люди! Какъ-нибудь такъ!“

Открылась пустынная набережная Невы, и на ней, обозначенный ниткой огоньковъ, чернѣлъ огромный остовъ Тучкова моста.

Бросился туда, не зная, зачѣмъ и куда прибѣжить, такъ какъ не узналъ знакомыхъ мѣстъ, не узналъ моста. Только бы дальше, какъ можно дальше!..

Повернулъ налѣво, пробѣжалъ мимо моста на Петровскій островъ, потомъ вернулся, пробѣжалъ мостъ и спустился на рѣку къ пустынному устью, гдѣ не было ни фонарей, ни жилья и откуда съ правой стороны возвышались черныя деревья парка, а слѣва, ближе къ Тучкову мосту, величи-

ною съ трехъэтажный домъ, высились толстыя барки-сѣннухи... И когда увидѣлъ, что тутъ ни фонарей, ни жилья по близости, когда вспомнилъ знакомыя мѣста, то почувствовалъ, что задохнулся и усталъ.

Направо, на якорныхъ цѣпяхъ, стояли какія-то громадныя, должно быть, заграничныя, повидимому пустыя и поэтому поднятыя водою, барки; налѣво, на поларшина отъ поверхности льда, торчали борты перегруженныхъ дровами барокъ.

На бортъ одной изъ этихъ барокъ, подъ защиту дровъ, присѣлъ Алешка.

Ноги и руки дрожали, облипшая рубашкой мокрая отъ пота тощая грудь тяжело дышала подъ растегнутымъ нараспашку пальто. Алешка испуганно вглядывался въ темноту рѣчной поверхности и чутко, чутко прислушивался.

Но все было тихо. Даже деревья Петровскаго острова стояли, не колышась своими голыми верхушками. И по мосту никто не ѣхалъ и не шелъ, и мостовой настилъ не скрипѣлъ. Совсѣмъ тихо...

Алешка понемногу приходилъ въ себя, и къ нему возвращались спокойствіе и самообладаніе. Почувствовавъ холодъ, онъ плотно застегнулъ пальто, потомъ снялъ шапку и провелъ рукою по волосамъ. Опять что-то липкое почувствовалось между пальцами, но Алешка уже не думалъ объ этомъ.

Вдругъ захотѣлось спать. И онъ заснулъ бы тутъ же, на борту барки съ дровами, если бы его не остановила мысль, что караульный, обходя барки, можетъ сейчасъ же, сію же минуту наткнуться на него.

Всталъ и, нехотя, не торопясь, пошелъ впередъ, для безопасности—дальше отъ барокъ, по самой серединѣ Невы. И когда отошелъ съ полверсты и, оглянувшись налѣво, увидѣлъ безконечный рядъ знакомыхъ высокихъ сѣннухъ, тогда рѣшилъ по старой памяти переночевать въ одной изъ нихъ, такъ какъ сонъ всѣ сильнѣе и сильнѣе одолѣвалъ, и чѣмъ сильнѣе хотѣлось спать, тѣмъ меньше, смутнѣе становилось сознаніе опасности.

Напряженно всматриваясь въ темноту, осторожно сталъ онъ приближаться къ баркамъ и какъ-то вдругъ, совершенно неожиданно, въ нѣсколькихъ шагахъ увидѣлъ черный квадратъ майны, изъ которой добывали кабаны льда.

„Могъ бы врехаться! Поминай тогда, какъ звали!“—мелькнуло въ головѣ и съ какимъ-то непостижимымъ равнодушіемъ забылось. Такъ хотѣлось спать!

Обошелъ майну и, подойдя вплотную къ темной массѣ, отъ которой несло ароматомъ сѣна, прилепнулся.

Ни звука.

Протянулъ руку къ сѣну. По счастливой случайности сѣно было не прессованное, не въ кипахъ, а наложено по-старому, какъ на стогъ. Алешка пошелъ вдоль барки, все щупая плотно сложившіеся бока, и добрелъ до пустого пространства, продѣланнаго въ баркѣ для водолива. Тутъ онъ постоялъ нѣкоторое время, ожидая услышать присутствие человѣка. Но люди спали, вѣроятно, въ каютѣ, на кормѣ, а тутъ, подвѣшенный къ перекладинѣ, торчалъ одинъ водоливный ковшъ.

Алешка перешагнулъ черезъ бортъ, подлѣзъ подъ перекладину и, ощупывая направо и налево обѣими руками стѣнки галлерей изъ сѣна, медленно подвигался впередъ. По расчету, онъ долженъ былъ находиться по серединѣ барки, когда вдругъ услышалъ шорохъ и почувствовалъ запахъ перегорѣлой, выдыхаемой человѣкомъ, водки.

Остановился. Стало жутко. И шибко заколотилось сердце. И тотъ, который шевелился и дышалъ водкой, тоже притихъ и притулился.

Стоять и ждать, или уходить?

А спать такъ мучительно хочется! Даже голова клонится, и ноги чуть держать. И куда уходить, зачѣмъ, когда тутъ такъ темно, и никто не видитъ, не знаетъ, когда такъ тепло, и вотъ тутъ вотъ, сейчасъ, рука нащупываетъ впадину вполне достаточную, чтобы свернуться калачикомъ и заснуть, наконецъ, заснуть...

И неизвѣстно, какъ это случилось, что Алешка очутился во впадинѣ, крѣпко надвинулъ на уши шапку, натянулъ на голову пальтишко и, не слыша повторившагося шороха, мысленно твердя: „будь, что будетъ, будь, что будетъ!“ — крѣпко и безмятежно заснулъ.

Заснулъ безъ сновъ, какъ спать очень уставшіе, физически и нравственно уставшіе люди.

И все, все рѣшительно, что съ нимъ было, что дѣлалъ, все забылъ...

Предразсвѣтный туманъ осѣлъ надъ Невой. На востокѣ клубились облака, и заслоненное ими солнце пыталось озолотить ихъ края. На майну, чуть затянутую тонкой пленкой льда, слетались вороны, галки и голуби и ходили, вытянувъ головы, ища воды. По мосту, въ туманѣ, уже черкали одинокія фигуры пѣшеходовъ. То тутъ, то тамъ, издали доносились тягучіе фабричныя гудки.

Изъ барки, въ которой спалъ Алешка, вылѣзъ молодой оборванецъ съ испитымъ, непріятнымъ лицомъ, густо усѣяннымъ рябинами, постоялъ, почесался и медленно побрелъ по направленію къ Петровскому острову. На полпути къ

острову, навстрѣчу ему, шли довольно скоро двое городовыхъ и какой-то мужикъ въ полушубкѣ, съ бляхой на груди, что-то вродѣ караульнаго. Поровнявшись съ городовыми, оборванецъ чуть-чуть приподнял рванный картузь, потомъ остановился и посмотрѣлъ всей компаніи вслѣдъ. Городовые направлялись прямо къ баркамъ.

Зоркій глазъ оборванца замѣтилъ на берегу острова фигуру въ сѣромъ пальто съ портфелемъ, и выраженіе смутной тревоги промелькнуло на его рябомъ лицѣ. Остановился на минуту, задумался, потомъ свернулъ съ дороги на лѣво и, скрываясь за рядами барокъ, пошелъ прямо къ устью рѣки.

Городовые уже дошли до барокъ, мужикъ съ бляхой будилъ караульныхъ, тѣ выходили изъ каютъ въ накинутыхъ на плечи полушубкахъ, сонные, недовольные, почесывались, зѣвали, крестились на востокъ и, вмѣстѣ съ городовыми, осматривали барки.

Такимъ образомъ дошли до барки, въ которой спалъ Алешка. Водоливъ, тщедушный мужикъ, ругаясь, грубо потащилъ его за ноги, и когда Алешка проснулся, слабо ударилъ его по шеѣ.

— Чего дерешься?—огрызнулся Алешка.

— А ты чего, сволочь несчастная, по баркамъ шляешься! Мѣста другого не нашель? Сволочь!

— Вотъ и не нашель!

— Я тебѣ найду, стерва паскудная! Вылазь сейчасъ! Вылазь, говорятъ!

— Чего лаешься, анафема?

Сторожъ кинулся на Алешку, но тотъ легко оттолкнулъ его и пошелъ къ отверстію.

— Тебя и ждали!—крикнулъ ему чей-то сильный голосъ съ рѣки:—вылазь, вылазь, голубчикъ, нечего прятаться!.. Португѣевъ, сведи-ка его!

— Можетъ, еще найдется?—спросилъ Португѣевъ тоже сильнымъ, простуженнымъ голосомъ.

— Никого больше нѣту! Все обошли.

— Вѣрно говоришь, нѣту?

— Да вѣдь вотъ они обходили!

— Ну, ладно! Эка сволочь какая! Сколько изъ-за нихъ, изъ-за этихъ мерзавцевъ, безпокойства!.. Только одного, значитъ?

— Только всего!

— Безпашпортный дьяволъ! Ну, веди! А мнѣ еще нужно на набережную зайти... Скажи тамъ...

— Эй ты, иди, что ли! Стерва!

Алешка безпрекословно повиновался. Какъ слѣдуетъ еще, не пришелъ въ себя и весь былъ подъ наитіемъ пред-

утреннего сна. Снилось хорошее... Деревня, лугъ... Сушать сѣно, и онъ, Алешенька, „мамкинъ сынокъ“, вертится тутъ же, между взрослыми... И какъ пахнетъ, какъ хорошо пахнетъ сѣномъ! Солнце такъ ярко свѣтитъ, такъ ласково грѣетъ, такъ вольно дышать! А сѣно шуршитъ, и стоги растутъ, и пахнетъ отъ нихъ такъ хорошо!..

— Чего задумался? Двигай, двигай! Некогда тутъ съ тобою разсосоливать. Ну! Тебѣ говорятъ?

Слѣдовавшій сзади городской концомъ ножонъ отъ пашки толкнулъ его въ поясницу. Алешка оглянулся. На минуту мелькнуло злое, съ зеленоватымъ налетомъ на бривыхъ щекахъ молодое лицо городского и рыжіе, опущенные къ угламъ губъ, жиденькіе усы.

— За что?—спросилъ Алешка.

Онъ догадался, что его ведутъ въ участокъ, и догадался даже за что,—за то, что ночевалъ на баркѣ, за бродяжничество, неимѣніе ночлега, словомъ, за то самое, за что десятками, сотнями забираютъ людей на улицахъ, на бульварахъ и препровождаютъ „для разбора“ по частямъ. И спросилъ онъ поэтому такъ, зря, даже не ожидая отвѣта. И отвѣтъ былъ стереотипный, какой всегда дается въ такихъ случаяхъ полиціей:

— Тамъ узнаешь за что... Сволочь!

И Алешка совершенно удовлетворился этимъ отвѣтомъ и пошелъ значительно бодрѣе, поглядывая по сторонамъ съ равнодушнымъ видомъ гуляющаго человѣка. „Ну, что же будетъ? Да ничего не будетъ!.. Просилъ милостыню... безработный... отправятъ въ нищенскій комитетъ, а тамъ... ну, самое худшее—по этапу на родину. А на родинѣ—ничего, ни кола, ни двора, значить, опять какъ никакъ нужно въ Питеръ норовить... Ну, вотъ и вся недолга!..“

О ночномъ событіи Алешка забылъ и смутно припоминалъ только, что послѣ выпитой у Кукушкина водки въ головѣ шумѣло, и что спяна гдѣ-то, на какомъ-то перекресткѣ, въ темнотѣ, не то ударилъ, не то даже просто „толкнулъ“ кого-то, а кого—не помнилъ и, вообще, обстоятельству этому, какъ самому обыкновенному, случающемуся довольно часто, не придавалъ ни малѣйшаго значенія.

Показалось зданіе части, съ дежурившимъ у воротъ пожарнымъ въ блестящей, ярко начищенной каскѣ. Городовой поровнялся съ Алешкой, провелъ его дворомъ въ подъѣздъ и сталъ подниматься по скользкимъ, покрытымъ налипшимъ грязнымъ снѣгомъ ступенькамъ. На площадкѣ курили и бесѣдовали два полицейскихъ служителя въ бушлатахъ; посторонились, пропустили Алешку съ городовымъ и продолжали разговоръ.

— Крови, сказываютъ, ужъ очень много... Шубенка вся намочла!—говорилъ одинъ, сплевывая длинной слюной въ уголь площадки, откуда сильно несло кошками.

— Что же, лежалъ долго?—спросилъ другой, пуская струю дыма черезъ носъ.

— Вотъ ужъ не знаю... Не могу сказать!..

Городовой ввелъ Алешку въ большую комнату съ рѣшетчатымъ окномъ, наполненную разнымъ народомъ. Было много избитыхъ, въ синякахъ, а еще больше съ похмѣлья, оборванныхъ, безъ шапокъ, съ тупыми, покорными взглядами. Тутъ же стоялъ и рябой парень, ушедшій давеча съ барокъ. Онъ также тупо смотрѣлъ въ пространство и чему-то ухмылялся.

Неожиданно для себя, Алешка очутился лицомъ къ лицу съ полицейскимъ чиновникомъ. Это былъ небольшого роста брюнетъ, съ мелкими чертами злого лица, съ закрученными вверхъ, а la Вильгельмъ, черными усами.

Онъ вытягивался на носкахъ, яростно смотрѣлъ прямо въ лицо Алешки и допрашивалъ злымъ, тоненькимъ голосомъ, повышая его до фальцета.

— Кто такой? Какой губерніи? Уѣзда?.. Смотри на меня, сукинъ сынъ! Зовутъ? Что?—повернулся онъ въ сторону рыжеусаго городского. — Гдѣ ты его взялъ? На баркахъ? А!..

Онъ вдругъ пристально-пристально уставился на Алешку, подвинулся къ самому его лицу, опять пристально взглянулъ на что-то, бывшее на Алешкѣ, и, повернувшись къ служителямъ, приказалъ:

— Раздѣть его!

Два человѣка моментально сорвали съ Алешки пальто. пиджакъ, и остановились.

— Рубаху долой!—крикнулъ полицейскій. Въ голосъ его слышались торжествующія нотки.

Люди сняли съ Алешки рубаху, обнаруживъ стройное, молодое тѣло съ сильно выдавшимися ребрами и впалыми животомъ и грудью.

— Покажи сюда... Воротъ!—приказалъ полицейскій.

Недоумѣвавшіе люди обернули рубаху воротомъ и показали. На бѣломъ воротѣ рубахи ясно отпечатались красные слѣды пальцевъ.

— Это что? Кровь?—спросилъ полицейскій. — Смотри: кровь это?

— Надо быть, кровь-съ!—заикнулся служитель.

— „Надо быть!“ Дуракъ! Смотри хорошенько! Ну, смотри!—прикрикнулъ полицейскій.

— Точно: кровь-съ...—отвѣтилъ тотъ.

— Да вотъ и на спинжакѣ какъ будто... на подкладкѣ...—заявилъ другой.

— Ага! Такъ вотъ оно что, любезный!—торжествующій, почти радостный, обратился полицейскій къ Алешкѣ.—Откуда же это у тебя кровь? А!

Онъ совсѣмъ повеселѣлъ, и глаза его изъ яростныхъ круглыхъ сдѣлались мягкими и почти добрыми. Движеніемъ головы приказалъ отогнать сгрудившихся около него и Алешки бродягъ, самого Алешку отвести въ уголъ и изучалъ теперь его тощее, голое тѣло съ такимъ видомъ, какъ бы любовался.

Вѣсть о рубахѣ съ кровью разнеслась по всей части, и въ комнату набралось много разныхъ чиновъ полиціи, передававшихъ одинъ другому рубаху и разсматривавшихъ ее самымъ тщательнымъ образомъ со всѣхъ концовъ.

— Ну? Откуда же у тебя кровь на рубахѣ?—повторилъ полицейскій.

— Надо быть... изъ носу!—глухо отвѣчалъ Алешка.

Ужасъ охватилъ его, точно заморозилъ... Онъ начиналъ припоминать... Длинная, бесконечно-длинная, пустынная улица... Тусклый свѣтъ залѣпленныхъ снѣгомъ фонарей... И ни души кругомъ; только тамъ, гдѣ-то впереди, маячить одинокая, тщедушная фигурка въ шубенкѣ... Каблуки гулко и часто стучать о плиты панели... Догнать... посмотреть... сталъ просить... Да, да, все это было, было!.. Все было, все правда!

— Ну, а эта штучка... не твоя ли?

Кто-то быстро передалъ полицейскому „штучку“, и вотъ онъ держитъ ее за тупой конецъ, брезгливо двумя пальцами держать и показываетъ, прямо и настойчиво суесть передъ самые глаза Алешки...

Да, это онъ, напильникъ!.. Тотъ самый напильникъ, который былъ въ карманѣ, которымъ онъ... ударилъ... да... ударилъ... Это было... все, все было!..

Алешка съ расширенными отъ ужаса глазами смотреть на длинный, узкій, весь словно закрашенный чѣмъ-то чернымъ напильникъ, и прыгающія губы шепчутъ:

— Мо... мо... моя!...

— Сознался!—пронесся по комнатѣ торжествующій гулъ людскихъ голосовъ.

Но Алешка не слышалъ ничего. Потолокъ вдругъ сталъ опускаться, опускаться на него, стѣны закачались, задвигались и пошли на него, полъ заколебался подъ его ногами, и самъ Алешка съ дикимъ воплемъ рухнулъ на колѣни передъ маленькимъ улыбающимся человѣчкомъ въ свѣтлыхъ пуговицахъ...

Н. Баранцевичъ

Дореформенный институтъ и преобразованія К. Д. Ушинскаго.

(Изъ личныхъ воспоминаній.)

II.

Однообразіе институтской жизни.—Суровая дисциплина.—Холодъ, голодъ и посты.—Преждевременное вставаніе.—Охлажденіе къ родителямъ.—Презрѣніе къ бѣднымъ родственникамъ.—Традиционное обожаніе и причина этого явленія.—„Отчаянныя“ и ихъ значеніе.—Произволь классныхъ дамъ.

Теперь даже трудно себѣ представить, какую спартанскую жизнь мы вели, какъ непривѣтна, неуютна была окружающая насъ обстановка. Особенно тяжело было ложиться спать. Холодъ, всюду преслѣдовавшій насъ и къ которому съ такимъ трудомъ привыкали «новенькія», болѣе всего давалъ себя чувствовать, когда намъ приходилось раздѣваться, чтобы ложиться въ кровать. Въ рубашкѣ съ воротомъ, до того вырѣзаннымъ, что она сползала съ плечъ и сваливалась внизъ, безъ ночной кофточки, которая допускалась только въ экстренныхъ случаяхъ и по требованію врача, еле прикрытая отъ наготы и дрожа отъ холода, мы бросались въ постель. Двѣ простыни и легкое байковое одѣяло съ вытертымъ отъ старости ворсомъ мало защищали отъ холода спальни, въ которой зимой подъ утро было не болѣе 8 градусовъ. Жидкій матрацъ изъ мочалы, истертый нѣсколькими поколѣніями, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ такъ тонокъ, что желѣзные прутья кровати причиняли боль, мѣшали уснуть и будили по ночамъ, когда приходилось повертываться съ одного бока на другой.

Въ первую ночь я долго лежала безъ сна, — холодъ насквозь пронизывалъ мои члены. Но вдругъ меня осѣнила счастливая мысль: я развернула салопокъ, лежащій у моихъ ногъ, закуталась въ него и уже начинала дремать, когда была разбужена m-lle Верховскою, обходившею дортуаръ. «Для перваго раза, такъ и быть, оставь салопокъ, — сказала она, — но помни, что у насъ это строго запрещено»

Какъ только утромъ въ 6 ч. раздавался звонокъ, дежурныя начинали бѣгать отъ кровати къ кровати, стягивали одѣяла съ дѣвочекъ и кричали: «вставайте! торопитесь!»

Со многими суровыми условіями институтской жизни въ концѣ концовъ осваивались, хотя и съ трудомъ, но къ раннему вставанію рѣдко кто привыкалъ. Каждый разъ съ утреннимъ звонкомъ раздавались стоны и жалобы воспитанницъ. И дѣйствительно, мучительно было такъ рано подыматься съ постели въ окончательно остывшей спальнѣ, и зимой настолько еще темной, что приходилось зажигать лампу.

Вся институтская жизнь распредѣлялась по звонку: звонокъ будилъ насъ отъ сна, по звонку шли къ чаю, по звонку мы должны были разсаживаться по партамъ и ждать учителя, съ звонкомъ его урокъ оканчивался, и начиналась рекреация, звонокъ извѣщалъ о необходимости идти въ столовую,—однимъ словомъ, звонокъ опредѣлялъ всѣ минуты жизни воспитанницъ, служилъ указателемъ, что дѣлать, что думать. Звонокъ и крикъ классной дамы: «По парамъ!» — вотъ что мы слышали съ утра до вечера.

Хотя утрення молитва происходила въ 7 час., слѣдовательно на нашъ туалетъ полагался цѣлый часъ, но этого времени едва хватало: институтки носили ни съ чѣмъ несообразную одежду, съ которою лишь очень немногія умудрились справиться самостоятельно. Застегнуть платьѣ назади, заколотъ булавками лифъ передника, аккуратно подвязать рукавички подъ рукава, заплести косы въ двѣ тугія косички (въ младшемъ классѣ), подвѣсить ихъ жгутами на затылкѣ, пришить бантъ въ самомъ центрѣ, — на все это требовалась чужая помощь. Во многихъ семьяхъ дѣвочка къ 10-ти годамъ усваивала полезную привычку одѣваться и причесываться самостоятельно, но въ институтѣ, въ большинствѣ случаевъ, она утрачивала ее. Особенно трудно было причесываться самой. Одна прическа существовала для младшаго, другая для старшаго класса. Если волосы были непослушны, слишкомъ густы и волнисты, то изъ нихъ трудно было устроить гладкую прическу, и воспитанница наживала себѣ массу неприятностей, пока, наконецъ, съ помощью подруги не умудрялась сдѣлать того, что отъ нея требовали. Классныя дамы утверждали, что за прической онѣ особенно строго наблюдаютъ, чтобы искоренять кокетство, но этимъ лишь развивали его. По вечерамъ, когда дама уходила въ свою комнату, воспитанницы старшаго класса изощрялись въ изобрѣтеніи причесокъ, безъ конца толкуя о томъ, какая изъ нихъ кому идетъ. Институтское начальство никакъ не могло усвоить мысли, что дѣвочка не можетъ сдѣлаться кокеткой только изъ-за того, что она причесывается по своему вкусу: если въ ней съ дѣтства развивали интересъ къ чтенію, она въ свободное время будетъ съ подругой разговаривать о прочитанномъ, а не о прическѣ.

Одуряющее однообразіе институтской жизни, лишенной какихъ

бы то ни было освѣжающихъ впечатлѣній, дѣтскихъ удовольствій и здороваго веселья, нарушалось лишь три-четыре раза въ годъ, но большая часть и этихъ развлеченій была устроена такъ официально, что наводила лишь скуку. На масляной недѣлѣ воспитанницъ возили кататься вокругъ балагановъ, но лишь въ старшемъ классѣ, да и то не всѣхъ. Два раза въ годъ устраивали балы, въ Рождество ѣлку на счетъ воспитанницъ и, наконецъ, разъ въ годъ водили гулять въ Таврической садъ. Къ несчастію, на балахъ должны были присутствовать всѣ воспитанницы безъ исключенія, но тутъ онѣ встрѣчали все тѣхъ же подругъ и то же начальство, и продолженіи трехъ часовъ исключительно танцовали между собой, какъ онѣ выражались, «шерочка съ машерочкой». Поохотать на такомъ балу, пошутить, устроить какой-нибудь комическій танецъ— было немислимо: во весь вечеръ съ нихъ не спускали взора классныя дамы, инспектриса и начальница, сидѣвшія на стульяхъ, поставленныхъ у стѣны въ длинный рядъ, обращенный лицомъ къ танцующимъ. «Дурнушки» и дѣвочки, бывшія не въ фаворѣ у начальства, старались танцовать на другомъ концѣ зала, подальше отъ взоровъ классныхъ дамъ. Эти балы, не нарушая томительной монотонности институтской жизни, вознаграждали за свою непродолимую скуку только тѣмъ, что воспитанницы получали по окончаніи ихъ по два бутерброда съ телятиной, нѣсколько мармеладинъ и по одному пирожному.

Болѣе удобнымъ удовольствіемъ была лѣтомъ прогулка въ Таврической садъ. Хотя во время торжественнаго шествія туда изъ Смольнаго воспитанницы были окружены своими дамами, швейцаромъ и служителями, разгонявшими всѣхъ, встрѣчающихся по дорогѣ, но все-таки эту прогулку воспитанницы любили уже потому, что онѣ хотя разъ въ годъ, продолженіи нѣсколькихъ часовъ, не видѣли своихъ высокихъ стѣнъ и имѣли передъ глазами аллен и лужайки не своего сада. Кромѣ институтскихъ служащихъ и подругъ, институтки и здѣсь никого не встрѣчали: въ этотъ день постороннихъ изгоняли изъ Таврическаго сада.

Однообразная жизнь и отсутствіе чего бы то ни было, что хотя нѣсколько шевелило бы мысль, привлекало глазъ, постепенно вливали въ душу леденящій холодъ и замораживали ее. У будущихъ воспитательницъ молодого поколѣнія, которыя должны были нести ему живое слово, совершенно была подавлена душевная жизнь и проявленіе самостоятельной воли и мысли. Всегда и всюду требовалась тишина, каждый часъ, каждая минута жизни была распределена пунктуально, по командѣ, по звонку. Результатомъ этого была развинченность нервовъ, что чаще всего сказывалось паническимъ, безотчетнымъ страхомъ, который иногда вдругъ овладевалъ сразу всѣми воспитанницами. Когда вечеромъ, послѣ молитвы, классная дама уходила къ себѣ, мы, нерѣдко уже раздѣтыя, босмыя и въ однихъ рубашкахъ, кутаясь въ одѣяла, размѣщались на

кроватяхъ нѣсколькихъ подругъ и начинали болтать. Но о чемъ могли говорить существа, умственно неразвитыя, изолированныя отъ свѣта и людей? Мы болтали о разныхъ ужасахъ, привидѣнiяхъ, мертвецахъ и небывалыхъ страшилахъ. При этомъ чуть гдѣнибудь скрипнетъ дверь, послышится какой-нибудь шумъ, и одна изъ воспитанницъ моментально вскрикивала, а за нею и всѣ остальные съ провзительными криками и воплями, нерѣдко въ однѣхъ рубашкахъ, бросались изъ дортуара и неслись по корридору. Вбѣгала классная дама, начинались разспросы, допросы, брань, толчки, пинки, и дѣло оканчивалось тѣмъ, что нѣсколькихъ человекъ наказывали на другой день.

Такимъ образомъ, черезъ сто лѣтъ послѣ основанiя института совершенно былъ забытъ уставъ, данный ему Екатериною II, въ которомъ такъ много говорилось о томъ, чтобы для «цѣлости здравiя увеселять юношество невинными забавами», приучать къ чтенiю и устраивать библіотеки, которыхъ у насъ не было и въ поминѣ. Совершенно противно уставу Екатерины II, всѣ условiя института были направлены къ тому, чтобы не было нарушено однообразiе закрытаго заведенiя. Наше начальство находило, что это необходимо для того, чтобы воспитанницы сосредоточивали всѣ свои помыслы на развитiи нравственныхъ способностей, что это приучитъ ихъ довольствоваться скромною долею. Но достигали диаметрально противоположныхъ результатовъ. Слишкомъ разсѣянная жизнь, несомнѣнно, дѣлаетъ учащихъ мало усидчивыми, заставляетъ ихъ легкомысленно относиться къ своимъ обязанностямъ, но еще болѣе вредное влiяніе оказывало убійственное однообразiе: оно стирало всѣ индивидуальныя особенности, оригинальность и самобытность, притупляло способности ума и сердца, охлаждало живость впечатлѣнiй, губило въ зародышѣ воспрiимчивость и наблюдательность.

Кромѣ ранняго вставанiя и холода, воспитанницъ удручаль и голодь, отъ котораго онѣ вѣчно страдали. Трудно представить до чего мало питательна была наша пища. Въ завтракъ намъ давали маленькій, тоненькій ломтикъ чернаго хлѣба, чуть-чуть смазанный масломъ и посыпанный зеленымъ сыромъ,—этотъ крошечный бутербродъ составлялъ первое кушанье. Иногда вмѣсто зеленого сыра на хлѣбѣ лежалъ тонкій, какъ почтовый листикъ, кусокъ мяса, а на второе мы получали крошечную порцію молочной каши или макаронъ. Вотъ и весь завтракъ. Въ обѣдъ—супъ безъ говядины, на второе—небольшой кусочекъ поджаренной изъ супа говядины, на третье—драчена или пирожокъ съ скромнымъ вареньемъ изъ брусники, черники или клюквы. Эта пища, хотя и довольно рѣдко дурного качества, была чрезвычайно мало питательна, потому что порціи были до невѣроятности миниатюрны. Утромъ и вечеромъ полагалась одна кружка чаю и половина французской булки. И въ другихъ институтахъ того времени, сколько мнѣ приходилось

слышать, тоже плохо кормили, но, по крайней мѣрѣ, давали вволю черного хлѣба, а у насъ и этого не было: понятно, что воспитанницы жестоко страдали отъ голода. Посты же окончательно изводили насъ: миниатюрныя порціи, получаемыя нами тогда, были еще менѣе питательны. Завтракъ въ посту обыкновенно состоялъ изъ 6 маленькихъ картофелинъ (или изъ 3-хъ средней величины) съ постнымъ масломъ, а на второе давали размазню съ тѣмъ же масломъ или габеръ-супъ. Въ обѣдъ—супъ съ крупой, второе — отварная рыба, называемая у насъ мертвечиной, или 3—4 поджаренныхъ корюшки, а на третье — крошечный постный пирожокъ съ брусничнымъ вареньемъ.

Институтъ стремился сдѣлать изъ своихъ питомицъ великихъ постницъ. Мы постились не только въ Рождественской и Великой посты, но каждую пятницу и среду. Въ это время воспитанницы чувствовали такой адскій голодъ, что ложились спать со слезами, долго стонали и плакали въ постеляхъ, не будучи въ состояніи уснуть отъ холода и мучительнаго голода. Этотъ голодъ въ Великомъ посту однажды выразился тѣмъ, что болѣе половины институтокъ было отправлено въ лазаретъ. Нашъ докторъ заявилъ, наконецъ, что у него нѣтъ мѣстъ для больныхъ, и прямо говорилъ, что все это отъ недостаточности питанія. Зашумѣли объ этомъ и въ городѣ. Наряжена была, наконецъ, коммиссія изъ докторовъ, которые признали, что болѣзнь воспитанницъ вызывается недостаточностью пищи и изнурительностью постовъ. И послѣдніе были сокращены: въ Великомъ посту стали поститься лишь въ продолженіе трехъ недѣль, а въ Рождественскомъ—не болѣе двухъ недѣль, но по средамъ и пятницамъ постигали попрежнему.

Конечно, воспитанницамъ, имѣвшимъ родственниковъ въ Петербургѣ, приходилось меньше страдать отъ голода. Онѣ просили приносить имъ не конфеты, а хлѣбъ и съѣстное, и получали деньги, которыя потихоньку (это было строго запрещено) хранили у себя.

Воспитанницы возвращаются въ свой классъ послѣ обѣда. «Богачихи», подкрѣпивъ себя пищею, полученною изъ дома и, заткнувъ уши пальцами, неистово долбятъ уроки. Голодныя же бродятъ, какъ мухи въ осенній день, рѣшительно ничего не дѣлаютъ и слоняются изъ угла въ уголь, или сидятъ кучками и разговариваютъ о томъ, какъ бы *промыслить* себѣ «кусочекъ», у кого бы для этого призвать деньжонокъ. «Полякова будетъ сейчасъ брать десятый урокъ музыки, слѣдовательно, мать принесла ей денегъ для расплаты, вотъ мы къ ней и подѣдемъ,—сообщаетъ одна воспитанница другой, и обѣ стремглавъ бросаются къ подругѣ. На просьбы дать взаймы Полякова отвѣчаетъ отказомъ. Деньги, которыя лежатъ въ записной тетради, должны быть сегодня же вручены учительницѣ. Но ей доказываютъ, что ничего дурного не выйдетъ изъ того, если она извинится передъ нею и скажетъ, что

ея мать доставить деньги черезъ нѣсколько дней. Но Полякова наотрѣвъ отказывается исполнить просьбу подругъ, указывая на то, что ея учительница музыки особа крайне не деликатная и можетъ пожаловаться дортуарной дамѣ, которая будетъ считать своей обязанностью попросить ея мать быть впредь болѣе аккуратной при расплатѣ за уроки.

— Жадная, вотъ и все! Боишься, что деньги пропадутъ! Скупердяйка! Помни, что съ этихъ поръ никто иначе и называть тебя не будетъ!..—и просительницы убѣгаютъ. Полякова, встревоженная угрозой, летитъ за ними и даетъ имъ деньги.

— Голубчикъ Иванъ, сдѣлай, что мы тебя попросимъ! — пристають воспитанницы къ сторожу. Они разговариваютъ съ нимъ, стоя у двери, напряженно прислушиваясь къ малѣйшему шороху.

— Съ просьбами-то вы умѣете обращаться, а до сихъ поръ еще не заплатили за хлѣбъ!

— Мы съ тобой, Иванушка, сегодня же рассчитаемся.. Купи намъ по этой запискѣ..

— Нечего тутъ расписывать, не впервой съ вами возиться... Опять та же колбаса, сушеные маковники, хлѣбъ, булки.. Прямо говорите, на сколько купить и сколько положите мнѣ за безпокойство, а то вы скоро цѣну каждой покупкѣ будете назначать. А вѣдь въ здѣшнихъ лавкахъ за все берутъ втридорога: знаютъ, что по секрету, ну и деруть.

Дѣвочки передаютъ деньги солдату и умоляютъ его положить покупку въ нетопленную печку на томъ или другомъ коридорѣ.

— Пойду еще печки шупать,—грубо ворчитъ сторожъ,—суну подъ лавку въ нижнемъ коридорѣ, вотъ и вся недолга. Жрать захотите, всюду придете..

Нерѣдко и бывало, что сторожъ сунетъ покупку подъ лавку въ нижнемъ коридорѣ, куда ходить строго воспрещалось. Тогда добыть ее поручаютъ «отчаяннымъ», въ награду за что ихъ приглашаютъ раздѣлить трапезу.

Несмотря на то, что, какъ казенныя воспитанницы (постулившія по баллотировкѣ на казенный счетъ), такъ и своекоштные должны были получать отъ казны все необходимое, каждой воспитанницѣ приходилось имѣть ежегодно порядочную сумму денегъ для удовлетворенія разнообразныхъ нуждъ. Прежде всего необходимо было пріобрѣтать на свой счетъ все, что касалось туалета: гребенки, головныя и зубныя щетки, мыло, помаду, перчатки для баловъ, — эти предметы казна вовсе не выдавала намъ. Но это было еще далеко не все. Мы не могли являться ни на балы, ни даже на уроки танцевъ въ казенныхъ башмакахъ, — выдѣлывать въ нихъ антраша и пируэты не было физической возможности: наши «шлепанцы» то и дѣло сваливались съ ногъ, а когда приходилось вы тягивать носокъ, балетчица, въ младшихъ классахъ обучавшая насъ танцамъ, замѣчала то одной, то другой, танцовавшей въ ка-

зенныхъ башмакахъ: «да, вы, кажется, вмѣсто носка, мятку впередъ вывернули». Она находила нужнымъ постоянно дѣлать подобныя замѣчанія, вѣроятно, надѣясь на то, что начальство обратитъ, наконецъ, вниманіе на башмаки воспитанницъ, вынужденныхъ пользоваться казенными. Несмотря на то, что эта иронія балетчицы повторялась очень часто, воспитанницы и классная дама каждый разъ раздражались смѣхомъ, а несчастный объектъ этой насмѣшки не зналъ, куда отъ стыда глаза дѣвать.

Среди воспитанницъ не было героинь, а между тѣмъ отъ нихъ требовалось почти геройство или во всякомъ случаѣ, значительное мужество для того, чтобы не стыдиться бѣдности въ то время, когда почти все русское общество, и особенно институтское, открыто превирало бѣдность. Такъ какъ институтъ не давалъ воспитанницамъ ни нравственнаго, ни умственнаго развитія, а постепенно прививалъ лишь пошлѣе воззрѣнія, то онѣ къ выпуску вполнѣ укрѣплялись въ мысли, что если бѣдность не порокъ, то гораздо хуже всѣхъ пороковъ.

Въ старшемъ классѣ приходилось тратить особенно много денегъ. Прежде всего тутъ мы уже обязаны были носить корсетъ. Правда, воспитанницы имѣли право получать его отъ казны, и хотя онъ былъ, какъ и вся наша одежда, непрактиченъ и шить не по фигурѣ, но, разъ онъ былъ надѣтъ, начальство не придиралось. Но дѣло въ томъ, что китовый усъ въ казенномъ корсетѣ былъ замѣняемъ то металлическими, то деревянными пластинками, до такой степени хрупкими, что онѣ безпрестанно ломались и вшивались въ тѣло. Поносишь, бывало, такой корсетъ мѣсяць-другой, и вся талія оказывается въ ссадинахъ и ранкахъ. Нестерпимая боль заставляетъ воспитанницу умолять родныхъ дать ей денегъ на покупку собственнаго корсета. Можетъ быть, внѣ института его можно было приобрести дешевле, но у насъ онъ стоилъ отъ 6 до 8 рублей. Желаящія имѣть собственный корсетъ должны были подчиняться общему правилу, заказывать его у корсетницы, которой начальство разрѣшало прѣзжать въ институтъ снимать мѣрку. Выходило, что, по самому скромному расчету, каждой воспитанницѣ, лично для своихъ потребностей, нужно было ежегодно имѣть, по крайней мѣрѣ, рублей 15 — 17. Но и этою суммою мудрено было ограничиться: передъ Рождественскими праздниками воспитанницы устраивали въ складчину ѣлку, передъ Пасхою необходимо было имѣть деньги на покупку шелка, чтобы вышивать мячики, которыми христосывались, вмѣсто яицъ, со священникомъ, дьякономъ, съ учителями, инспектрисою. Существовалъ обычай праздновать именины, т. е. угощать въ этотъ день подругъ и учителей, на что затрачивалось сразу нѣсколько рублей, было и множество дургихъ расходовъ, — избѣгать ихъ было чрезвычайно мудрено. Конечно, болѣе всего нужны были деньги на то, чтобы не голодать. Воспитанницамъ, деньги которыхъ были на рукахъ классныхъ дамъ, дозволялось

покупать булки и ничего другого изъ съѣстнаго; тѣ же, которыя сами хранили деньги, покупали все, что хотѣли, но эти покупки обходились имъ вътридорога.

Въ первый годъ послѣ своего поступленія въ Смольный, когда мысль о домѣ еще жила въ душѣ воспитанницы, когда нѣжныя узы любви къ родителямъ еще не ослабѣли, она вспоминала о домашнихъ нуждахъ, о бѣдности своего семейства и употребляла всѣ средства, чтобы сокращать свои расходы, урѣзывать себя даже въ существенныхъ потребностяхъ. Но болѣе или менѣе продолжительное пребываніе въ институтѣ, напоминавшемъ настоящій женскій монастырь, изолированный отъ міра и людей, въ который никогда не проникали ни человѣческія стоны, ни человѣческія страданія, заставляя ее все глубже погружаться въ тину институтской жизни, все равнодушіе относиться ко всему остальному. Между родителями и дочерью-институткой мало-по-малу возникали недоразумѣнія, — прежде всего, на почвѣ матеріальной. Имѣя множество нуждъ, которыхъ казна или вовсе не удовлетворяла или удовлетворяла крайне плохо, воспитанница то и дѣло обращалась къ родителямъ съ просьбою дать ей денегъ или купить то одно, то другое. Большинство родителей были люди небогатые и зачастую отказывались исполнить такую просьбу, а другихъ возмущало то, что, отдавъ дочь на казенное иждивеніе, они должны были постоянно тратиться на нее. Къ тому же, и дочка все менѣе утѣшала ихъ: они замѣчали, что она теряетъ привычку къ экономіи, пріобрѣтенную въ семьѣ. Сначала она сама упрашивала ихъ доставлять ей лишь то, что дѣйствительно было для нея крайне необходимо, а потомъ начинала требовать денегъ на подарки, просила принести ей то духи, то одеколонъ и, наконецъ, умоляла купить золотую цѣпочку, на которой она могла бы носить крестъ, единственное украшеніе, которое намъ не было воспрещено. И родители, осаждаемые вѣчными просьбами, дѣлавшимися все болѣе настойчивыми и безсердечными, раздражались на свою дочь.

Вѣчно выпрашивать у родителей деньги насъ заставляли не только необходимость или собственный капризъ, но и классныя дамы. М-elle Верховская была особой весьма изящной. Она любила красивыя туалеты и тратила на нихъ почти все свое жалованье. Даже въ своемъ простомъ форменномъ синемъ платьѣ она казалась несравненно болѣе нарядной, чѣмъ всѣ остальные ея товарки. Передъ своими выѣздами она открывала дверь своей комнаты и, красивая, нарядная, улыбающаяся, выходила къ намъ и спрашивала, какъ мы находимъ ея новое платье. Мы приходили въ восторгъ отъ такого милаго отношенія и, въ отвѣтъ, кричали ей: «королева», «божественная», «небесная»! Красивая и изящная всегда, она была особенно прекрасна въ эти минуты своего «отлета» изъ института, когда она, хотя на нѣсколько

часовъ, оставляла ненавистныя для нея стѣны монастыря, въ которомъ жила по необходимости. Вѣроятно, вслѣдствіе любви ко всему изящному, Верховская, еще болѣе другихъ классныхъ дамъ, навязывала своимъ воспитанницамъ покупку всего дорогого, не считаясь со скудными средствами огромнаго большинства.

— Дѣти! Я ѣду въ гостинный дворъ,—объявляетъ она.—Что кому нужно?

Одна проситъ купить мыла, другая—помладу, гребенку, перчатки, щетку. На ея вопросъ, какое мыло купить, ей отвѣчаютъ «самое простое, коп. въ 15».

— Что тебѣ за охота мыться такой дрянью? Я за 60 коп. куплю тебѣ превосходное мыло...

— Но вѣдь тогда у меня останется всего 1 руб., а раньше, какъ черезъ три мѣсяца, мнѣ не пришлютъ денегъ изъ деревни.

— Какъ хочешь. Я могу купить и въ 15 коп. Если память меня не обманываетъ, такимъ мыломъ въ прачешной бѣлье моютъ. Вѣдь отъ него, пожалуй, саломъ несетъ!..

— Тогда, пожалуйста, m-elle, купите такое, какое вы советуете,—спѣшитъ заявить воспитанница, опасаясь разсердить Верховскую своимъ упорствомъ и заставить ее заподозрить себя въ расчетливости.

Такъ бывало съ маленькими воспитанницами, а въ старшемъ классѣ онѣ уже привыкали къ дорогимъ туалетнымъ принадлежностямъ и сами просили не покупать дешевыхъ.

Тамъ, гдѣ классныя дамы не подбивали воспитанницъ на покупку дорогихъ вещей, онѣ вынуждали ихъ тратить на что-нибудь другое. Напр., у одной классной дамы, Лопаревой, была страсть навязывать лотерейные билеты, чѣмъ она, вѣроятно, оказывала услугу кому-нибудь изъ своихъ знакомыхъ. Несмотря на то, что раздача ихъ была сопряжена для нея съ нѣкоторыми неприятностями, она продолжала дѣлать свое.

— Кто изъ васъ возьметъ лотерейный билетъ? Всего по четвертаку... Прехорошенькія вещицы на выигрышѣ: салфеточки, запонки, пряжки, подушки для булавокъ...

Всѣ молчать.

— Долго я буду дожидаться? Павлухина, ты сколько берешь?

— Не знаю, право...

— Кто же знаетъ, если ты не знаешь? Говори же, наконецъ...

— Одинъ...

— Одинъ? Да чего же ты боишься? Вѣдь если ты возьмешь даже 4 билета, у тебя все же останется еще 2 рубля!..

— Хорошо.

Лопарева немедленно записывала за Павлухиной 4 билета.

— А ты, Осипова, сколько берешь? Хотя у меня нѣтъ твоихъ

денегъ, но я съ удовольствіемъ одолжу тебѣ до пріѣзда твоего отца.

— Какъ же мнѣ просить у него деньги на лотерею, когда онъ только что купилъ мнѣ ботинки и перчатки! Онъ навѣрно откажется, скажетъ, что мнѣ не нужны здѣсь ни запонки, ни салфетки, которыя разыгрываются.

— Можешь сказать твоему отцу, что билеты эти берутся не для того, чтобы что-нибудь выгадать для себя, а чтобы помочь несчастному семейству. Если ваши родители не пріучили васъ дома къ состраданію, то мы обязаны дѣлать это.

Послѣ такого внушенія билеты разбирались, хотя по прежнему весьма неохотно, но безирекословно. Дѣло доходитъ до воспитанницы Петровой, одной изъ «отчаянныхъ». M-elle Лопарева, не ожидавшая ничего хорошаго для себя отъ этой воспитанницы, уже повернулась, чтобы уйти въ свою комнату, но та сама подошла къ ней и отчеканила: «денегъ для этихъ билетовъ я просить не буду... Моя мать не знаетъ несчастнаго семейства, въ пользу котораго вы распродаете билеты... Намъ и для собственной ѣды приходится то и дѣло кланчить деньги у родителей»...

— Гадина! Пошла прочь!—вскричала Лопарева и изо всей силы хлопнула за собою дверь.

— Счастливая! Сумѣла отвязаться отъ проклятыхъ билетовъ!— съ завистью говорить Петровой одна подруга.—Какъ бы я хотѣла быть такой же отчаянной, какъ и ты! Да вотъ, не могу...

Дорого обходились намъ и наши горничныя; въ каждомъ дортуарѣ служила одна изъ нихъ. Она обязана была убирать не только нашу спальню, но и комнату классной дамы, а также служить какъ намъ, такъ и ей. Она дѣйствительно убирала дортуаръ, но служила исключительно классной дамѣ. Нужно замѣтить, что воспитанницы обязаны были сами убирать свои кровати и ящики табуретовъ. Если передъ уходомъ въ классъ кто-нибудь изъ насъ забывалъ это сдѣлать или плохо выполнялъ эту обязанность, ее бранили и наказывали. Если горничная, по уходѣ воспитанницы, замѣчала беспорядокъ на ея кровати или въ табуретѣ, она старалась исправить эту небрежность, но только той, которая покупала ея любезность; на беспорядокъ же у воспитанницы, отъ которой она мало получала, она нерѣдко даже обращала вниманіе классной дамы. Несмотря на то, что каждая воспитанница дарила горничной деньги за ея услуги, дортуарная дама два раза въ годъ (въ Пасху и Рождество) дѣлала сборъ на покупку для нея подарка. Вслѣдствіе этого дортуарныя горничныя, сравнительно съ остальною прислугою института, быстро наживались, что давало имъ возможность, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ вступленія въ эту должность, выходить замужъ. Тутъ уже воспитанницамъ предстояла трата болѣе значительная, чѣмъ всѣ предыдущія.

— Дѣти!—обратилась къ намъ однажды m-elle Верховская.—

Дортуаръ m-elle Лопаревой сдѣлалъ прекрасное приданое своей горничной. Смотрите же и вы, не ударьте въ грязь лицомъ... Подумаемъ сообща, что кому изъ васъ попросить у родителей для Даши. Ты, Маша, что собираешься сдѣлать для нея?

— Поддюжины носовыхъ платковъ...

— Прекрасно, но вѣдь это же пустяки! Мы вотъ какъ устроимъ это дѣло: пусть каждая изъ васъ купитъ для нея какой-нибудь пустячекъ въ приданое и что-нибудь существенное. Ольга! Твоя сестра имѣетъ много вкуса: она сумѣла бы выбрать для нея простенькое, но хорошенькое подвѣнечное платье! Какой-нибудь недорогой шерстяной матеріи... Ну, а еще купи ей, напримѣръ, чулки или что-нибудь въ этомъ родѣ...

Между тѣмъ, сестра этой воспитанницы не имѣла собственныхъ денегъ; ея мужъ самъ покупалъ для нея наряды, но такихъ интимныхъ сторонъ жизни института уже никогда не передавала классной дамѣ.

— А твоя мама, Аня? Я знаю... она не можетъ много тратить!—(Верховская намекала на то, что мать этой воспитанницы была бѣдна, такъ какъ она приходила въ институтъ очень скромно одѣтою). При этомъ намеки воспитанница краснѣла отъ стыда.— Она можетъ не покупать нашей невѣстѣ никакого пустячка, но пусть приобрѣтетъ для нея только поддюжины готовыхъ рубашекъ. Это не обойдется ей очень дорого!

— А ты что?

— Перчатки.

— Неужели только? Подумай сама, какое же составитъ приданое, если одна изъ васъ подаритъ перчатки, другая—поддюжины носовыхъ платковъ... Вамъ нечего скаречничать! Вѣдь вы собираете на Дашу въ послѣдній разъ.

А между тѣмъ, въ нашемъ дортуарѣ уже вторая горничная выходила замужъ, къ тому же сборы на праздничный подарокъ происходили регулярно.

Нѣкоторыя воспитанницы тратили деньги и на подарки классной дамѣ въ день ея именинъ. За два, за три мѣсяца она обыкновенно говорила горничной о томъ, что ей хочется купить то или другое, но что она отложитъ эту покупку до той поры, пока скопитъ себѣ деньги. Иногда воспитанницы въ складчину покупали какой-нибудь подарокъ, иногда нѣсколько воспитанницъ дарили ей отдѣльно каждая,—только Верховская никогда не принимала подарковъ.

Въ одномъ изъ дортуаровъ двѣ воспитанницы-сестры положили на столъ своей классной дамы большой изящный ящикъ съ чаемъ, обтянутый атласомъ и затканный выпуклыми китайскими фигурами.

— Кто изъ васъ положилъ мнѣ это?—спрашивала классная дама, входя въ дортуаръ съ ящикомъ въ рукахъ.

— Мы, mademoiselle,—отвѣчали обѣ сестры.

— Но кто же изъ васъ? Ты или твоя сестра?—насмѣшливо улыбаясь, переспросила дама.

— Мы обѣ! — отвѣчали удивленныя сестры. Подарокъ былъ сравнительно дорогой,—нѣсколько фунтовъ высокаго сорта желтаго чая; но классная дама, вѣроятно, не подозрѣвала его цѣнности, а, можетъ быть, потому, что рассчитывала получить другое, она не постыдилась въ упоръ поставить такой вопросъ.

Охлажденію между родителями и дочерями содѣйствовало и весь строй институтской жизни. Нужно помнить, что въ ту пору институтъ былъ совершенно закрытымъ заведеніемъ: воспитанницъ не пускали къ роднымъ ни на лѣто, ни на праздники, и онѣ мало-помалу забывали обо всемъ, что дѣлалось внѣ ихъ стѣнъ. Все, что происходило не въ институтѣ, для институтокъ становилось все болѣе безразличнымъ, даже страннымъ,—ихъ отчужденіе отъ родителей и родного гнѣзда росло все быстрѣе. Скоро между ними не хватало даже темъ для разговора во время ихъ свиданій. Въ пріемные часы институтка сообщить родственникамъ о томъ, кого она «обогааетъ», сколько разъ въ эту недѣлю она встрѣтила «обогаемый предметъ», не утайтъ и того, какъ она была наказана, за что на этихъ дняхъ придралась къ ней «вѣдьма», какой баллъ она получила у учителя,—и матеріалъ для разговора исчерпанъ. Мало того, она замѣчаетъ, что и эти новости, для нея столь значительныя, совсѣмъ не интересуютъ ея родныхъ, а ея братья и кузены относятся къ нимъ даже насмѣшливо. Это ее раздражаетъ и мало-помалу озлобляетъ противъ своихъ. Она старается все меньше знакомить ихъ съ событіями институтской жизни, и иногда черезъ минуту послѣ свиданія совсѣмъ умолкаетъ, а между тѣмъ ей приходится сидѣть съ родными въ пріемные дни часа два и болѣе.

Образованіе учащихся, расширяя умственный горизонтъ ученицъ, могло бы еще поддерживать между родителями и ихъ дочерями интересъ другъ къ другу, но въ то время, которое я описываю, образованіе въ Россіи всюду было поставлено очень плохо, а въ Смольномъ еще того хуже. Подходящаго чтенія, которое могло бы хотя нѣсколько заинтересовать ученицъ, не существовало. Если и было нѣсколько любительницъ чтенія (ихъ вообще было крайне мало), то онѣ читали плохіе французскіе романы въ оригиналѣ, а еще чаще въ безграмотныхъ переводахъ.

Классныя дамы, какъ наше непосредственное и ближайшее начальство, не могли и не желали возбуждать въ насъ стремленіе къ чтенію. Будучи сами крайне невѣжественными, они настойчиво проповѣдывали необходимость для молодыхъ дѣвушекъ усвоить лишь французскій языкъ и хорошія манеры, а для нравственности—религію. «Остальное все»,—какъ безъ стѣсненія выражалась m^{lle} Тюфяева,—паръ, и какъ паръ быстро улечитися... Вотъ я, напримеръ, послѣ окончанія курса никогда не раскрывала книги, а слава

Бегу, ничего изъ этого дурного не вышло: могу смѣло сказать, начальство уважаетъ меня».

Въ дореформенное время, на Александровской половинѣ Смольнаго, не обучали естественнымъ наукамъ, никогда ничего не читали мы по этимъ предметамъ, да и могли ли онѣ насъ интересовать при нашей затворнической жпзни.—Мы за все время воспитанія никогда не видѣли ни цвѣтовъ, ни животныхъ, не могли наблюдать и явленій природы: сидимъ, бывало, въ саду во время лѣтнихъ каникулъ, а чуть только тучи начинаютъ сгущаться, насъ немедленно ведутъ въ дортуаръ или классъ. Во время всей нашей затворнической жизни намъ не удавалось видѣть ни широкаго горизонта, ни простора полей и луговъ, ни горъ, ни лѣсовъ, ни моря, ни рѣкъ и озеръ, ни восхода и заката солнца, ни бурана въ степи, хотя мы и дѣлали сочиненія на всѣ эти явленія природы. Тѣ, у кого въ дѣтствѣ была развита любовь къ природѣ, здѣсь совершенно утрачивали ее. Весьма естественно, что, окончивъ курсъ въ институтѣ, мы были вполне равнодушны къ красотамъ природы. Съ утра до вечера мы видѣли передъ собой лишь голыя стѣны громаднхъ дортуаровъ, корридоровъ, классовъ, всюду выкрашенные въ одинъ и тотъ же цвѣтъ. Всѣ эти апартаменты производили на новенькую удручающее впечатлѣнiе чего-то холоднаго, неуютнаго, что заставляло отъ страха замирать робкое дѣтское сердце, но проходилъ годъ—другой, и никто изъ насъ не обращалъ вниманiя, никто не находилъ эту обстановку ни постылою, ни странною. Спрашивается: почему не могли окрасить стѣны каждаго дортуара въ особый цвѣтъ, обвести ихъ сверху какимъ-нибудь цвѣтнымъ бордюромъ и тѣмъ придать спальнѣ менѣе казенный видъ? Кромѣ прiемной залы, гдѣ были портреты царской фамилии, стѣны были повсюду совершенно голыми. Почему не могли повѣсить на нихъ портретовъ знаменитыхъ писателей, олеографiи съ историческими сюжетами, пейзажи красивыхъ мѣстностей? Почему не дозволялось воспитанницамъ прикрѣплять къ изголовью кровати фотографiи родителей и родственниковъ, почему запрещено было ставить на подоконникахъ горшки съ цвѣтами, за которыми могли бы ухаживать воспитанницы? Все это хотя нѣсколько скрашивало бы однообразiе нашей жизни, возбуждало бы человѣческiя чувства, хотя слабо поддерживало бы любовь къ прекрасному.

Этотъ казарменный режимъ, вытравлявшiй любовь къ родителямъ, привязанность къ родному гнѣзду и другiя человѣческiя чувства, клалъ особенно постыдный отпечатокъ на отношенiе воспитанницъ къ бѣднымъ родственникамъ. Какъ краснѣли онѣ, когда въ прiемные дни имъ приходилось садиться подлѣ плохо одѣтыхъ матерей и сестеръ. Какъ страдала институтка, когда въ это время, нарочно, чтобы переконфузить ее еще болѣе, къ нимъ подходила дежурная классная дама и обращалась къ ея родственницѣ съ какимъ-нибудь вопросомъ на французскомъ языкѣ, котораго та не

знала. Конечно, въ такихъ случаяхъ, классныя дамы могли только бросать презрительно-насмѣшливые взгляды, но не смѣли вслухъ выражать своего презрѣнія. Но, чтобы дать это почувствовать воспитанницѣ, онѣ преимущественно останавливали свое вниманіе на особахъ, являвшихся въ институтъ въ модномъ туалетѣ. Провинится, бывало, въ чемъ-нибудь воспитанница, имѣющая богатыхъ родныхъ, классная дама замѣчаетъ: «Воображаю, какъ тяжело будетъ твоей достойной матушкѣ узнать о твоёмъ дурномъ поведеніи!» А между тѣмъ, все достоинство этой матери, съ которой классная дама никогда не сказала ни слова, состояло только въ томъ, что та являлась въ приемную въ богатомъ туалетѣ. Не мало было такихъ случаевъ: воспитанницу спрашиваютъ, кто у нея былъ въ послѣднее воскресеніе. «Няня», отвѣчаетъ та, и не только классной дамѣ говоритъ она это, но и своимъ подругамъ, а между тѣмъ къ ней приходила ея родная мать, но она была бѣдно одѣта, и институтка отреклась отъ родной матери. Вотъ какъ былъ великъ ужасъ сознаться въ бѣдности своихъ родителей! Ни съ кѣмъ не разговаривая въ институтѣ о семьѣ, если она не была богатою, воспитанница скоро забывала о своемъ тяжеломъ матеріальномъ положеніи и дѣлалась все болѣе чужой и далекой членамъ своей родной семьи. Матери, нѣсколько лѣтъ не выдавшія своихъ дочерей послѣ ихъ опредѣленія въ институтъ, обыкновенно поражались нравственной пережвѣной, происшедшей съ ними за время разлуки.

Постепенно утрачивая естественныя чувства, институтки сочиняли любовь искусственную, пародію, карикатуру на настоящую любовь, въ которой не было ни крупицы истиннаго чувства. Я говорю о традиціонномъ институтскомъ «обожаніи», до невѣроятности дикомъ и нелѣпомъ. Институтки обожали учителей, священниковъ, дьяконовъ, а въ младшихъ классахъ и воспитанницъ старшаго возраста. Встрѣтить, бывало, «адоратриса» (такъ называли тѣхъ, кто кого-нибудь обожалъ) свой «предметъ» и кричить ему: «adorable», «charmante», «divine», «céleste», цѣлуетъ обожаемую въ плечико, а если это учитель или священникъ, то уже безъ поцѣлуевъ только кричитъ ему: «божественный», «чудный!» Если адоратрису наказываютъ за то, что она для выраженія своихъ чувствъ выдвинулась изъ паръ или осмѣлилась громко кричать (классныя дамы не преслѣдовали насъ за обожаніе, а лишь за нарушеніе порядка и тишины), она считаетъ себя счастливою, сіяетъ и имѣетъ ликующій видъ, ибо она страдаетъ за свое «божество». Наиболѣе смѣлыя изъ обожательницъ бѣгали на нижній корридоръ, обливали шляпы и верхнія платья своихъ «предметовъ» духами, одеколономъ, отрѣзали волосы отъ шубы и носили ихъ въ видѣ ладанокъ на груди. Нѣкоторыя изъ нихъ вырѣзали перочиннымъ ножомъ на рукѣ инициалы обожяемаго предмета, но такихъ мученицъ, къ счастью, было немного.

Мнѣ такъ часто приходится говорить объ «отчаянныхъ», что

я хочу сказать о нихъ нѣсколько словъ. Какъ это ни странно, но «отчаянныя», вслѣдствіе своего дерзкаго поведенія, пользовались у насъ нѣкоторыми преимуществами. Хотя начальство ихъ жестоко ненавидѣло, но въ то время какъ классныя дамы за ничтожныя провинности награждали трепкой и пинками «кофулекъ», онѣ несравненно болѣе стѣснялись съ «отчаянными», особенно старшаго класса, которыя могли наговорить имъ много неподходящаго; классныя дамы называли это дервостями, а большая часть воспитанницъ—правдою. Эта правда роняла авторитетъ дамъ передъ классомъ, и онѣ многое спускали «отчаяннымъ», только бы лишній разъ не услышать ихъ дерзкія рѣчи.

Существованіе «отчаянныхъ» приносило нѣкоторую пользу и остальнымъ воспитанницамъ: во первыхъ, большинство ихъ защищало не только собственные интересы, но и интересы класса, вступаясь чаще всего за тѣхъ, которыя были несправедливо наказаны. Можно смѣло сказать, что отчаянное поведеніе нѣкоторыхъ воспитанницъ старшаго класса, гдѣ онѣ были уже болѣе находчивыми, нѣсколько ослабляло грубый произволъ и самодурство классныхъ дамъ.

Какимъ образомъ могли существовать отчаянныя, когда начальство всегда могло выбросить ихъ изъ института? Дѣйствительно, при невѣроятно суровой дисциплинѣ того времени, это можетъ показаться абсурдомъ, а между тѣмъ это неопровержимый фактъ. Происходило это, вѣроятно, потому, что не такъ-то просто было уволить изъ института воспитанницу, которая была не по душѣ начальству. Когда начальница, освѣдомленная о дурномъ поведеніи той или другой воспитанницы, доносила объ этомъ (еще въ гораздо болѣе раннія времена, чѣмъ тѣ, которыя я описываю) императрицѣ Маріи Федоровнѣ, та не поощряла такихъ жалобъ, а напротивъ—ставила ихъ въ величайшую вину не только класснымъ дамамъ, но и начальницѣ. Даже гораздо позже, когда высшее заведываніе институтомъ перешло къ императ. Александрѣ Федоровнѣ, которая, сравнительно съ предшествовающею государынею, почти не занималась институтомъ, императоръ Николай Павловичъ лично просилъ начальницу Леонтьеву оставить всѣ порядки, весь строй и духъ института, какъ это было при его матери, императ. Маріи Федоровнѣ. Однажды Леонтьева донесла Александрѣ Федоровнѣ о томъ, что одну изъ воспитанницъ слѣдовало бы выключить за шалости. Императрицу это разстроило, тѣмъ болѣе, что она въ это время была больна. Узнавъ объ этомъ, Николай Павловичъ былъ страшно взбѣшенъ, что такимъ сообщеніемъ тревожили его супругу во время болѣзни, и немедленно приказалъ передать Леонтьевой, чтобы она не смѣла разстраивать его супругу донесеніями о такихъ пустякахъ, какъ школьныя шалости институтокъ, и еще разъ строго подтвердилъ, чтобы она всецѣло руководствовалась правилами, введенными для институ-

товъ его покойною матерью. Послѣ того Леонтьева, видимо, была болѣе осторожна въ своихъ донесеніяхъ; въ ея письмахъ къ императ. Маріи Александровнѣ проглядываетъ уже другой характеръ. «Нѣкоторыя дѣвушки слишкомъ рѣзвы, но это такъ естественно въ ихъ юномъ возрастѣ»,—вотъ въ какомъ тонѣ писала она новой императрицѣ. Вѣроятно, Марія Александровна тоже не выказывала желанія легко выключать воспитанницъ изъ института. За все время моего воспитанія изъ института было уволено только двѣ воспитанницы, и два раза хотѣли уволить меня, но это не удалось ни въ тотъ, ни въ другой разъ. Вообще выкинуть воспитанницу изъ института было не такъ-то легко, въ чемъ я убѣдилась впоследствии по собственному опыту, и вотъ этимъ-то я объясняю существованіе у насъ «отчаянныхъ».

Нравственное воспитаніе у насъ стояло на первомъ планѣ, а образованіе занимало послѣднее мѣсто; вслѣдствіе этого наши учителя не имѣли никакого значенія въ институтѣ. Все воспитаніе было въ рукахъ классныхъ дамъ, являвшихся нашими главными руководительницами и наставницами.

Дочь бѣдныхъ родителей, окончивъ курсъ въ институтѣ, шла въ гувернантка,—это было почти единственное средство заработка для женщины того времени. Она могла быть и учительницей въ пансіонѣ, но ихъ было слишкомъ мало, чтобы пріютить всѣхъ желающихъ. Институтъ рѣдко принималъ въ классныя дамы очень молодыхъ дѣвушекъ, а потому имъ, по окончаніи курса въ институтѣ, волей-неволей приходилось начинать свою жизнь съ гувернантства. Умственно и нравственно неразвита,—все ея образованіе заключалось въ долбитѣ и въ переписываніи тетрадей,—бѣлоручка по воспитанію и привычкамъ, она не могла заинтересовать дѣтей своимъ преподаваніемъ, не имѣла и практическаго такта для того, чтобы дать отпоръ тогдашнимъ избалованнымъ помѣщичьимъ дѣтямъ. Положеніе гувернантки въ крѣпостнической періодъ было вообще самое печальное, а положеніе гувернантки-институтки, вслѣдствіе полной неподготовленности къ жизни, было еще того хуже. Мѣняя одно мѣсто на другое, выпивъ до дна полную чашу обидъ и униженій, дѣвушка, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ гувернантства, добивалась, наконецъ, мѣста классной дамы, если только, конечно, во время своего институтскаго воспитанія она сумѣла хорошо зарекомендовать себя передъ начальствомъ. За время гувернантства она не обновила своего умственного багажа, а только испортила характеръ и явилась на казенную службу уже особой озлобленной, съ издерганными нервами, мелочною и придирчивою. Окруженная молодыми дѣвушками, она не могла безъ зависти смотрѣть на молодые лица. Въ этомъ возрастѣ и она мечтала о счастьи взаимной любви (другихъ мечтаній въ то время у молодой дѣвушки не бывало), и онѣ, какъ она, тоже, вѣроятно, рассчитываютъ выйти замужъ за богатыхъ и знатныхъ,

которые съ обожаніемъ будутъ склонять колѣни передъ ними. Но ея мечты не осуществились, ее встрѣтили въ жизни лишь тяжелая зависимость и неволя... И съ ними,—думала она,—будетъ то же, что и съ нею, но онѣ счастливѣе ея уже тѣмъ, что еще могутъ надѣяться и мечтать.. И новая классная дама сразу становилась съ воспитанницами въ официальные отношенія, а затѣмъ дѣлалась все болѣе придирчивою и злою. Ея гувернантство не дало ей педагогической опытности, а если бы она и приобрѣла ее, то не могла бы примѣнять ее въ институтѣ, гдѣ существовали особыя правила и традиціи для воспитанія, и гдѣ весь строй жизни былъ противоположенъ семейному.

Въ качествѣ классной дамы она продолжала влачить свою жалкую жизнь, не скрашенную даже привязанностью воспитанницъ, ввѣренныхъ ея попеченію. Черезъ нѣсколько лѣтъ своей службы она уже была на счету «старой дѣвы», и, наконецъ, сама приходила къ окончательному выводу, что жизнь ее обманула, что больше ей уже не на что рассчитывать, и, разочаровавшись во всемъ и во всѣхъ, она начинала думать только о своемъ покоѣ. Вотъ почему классныя дамы такъ ревниво охраняли мертвую неподвижность, вотъ почему онѣ не допускали шума даже во время игръ и забавъ. Невѣжественныя, мелочныя, придирчивыя, многія изъ нихъ были настоящими «фуріями» и «вѣдьмами», какъ ихъ называли. Въ маленькихъ классахъ онѣ грубо толкали дѣвочекъ, чувствительно теребили ихъ; со старшими было немислимо позволять это себѣ, но зато ихъ можно было наказывать за всякій пустякъ: за недостаточно глубокой реверансъ, за смѣхъ, за оборванный крючокъ платья, за спустившійся рукавчикъ, за прическу не по формѣ и т. д. до безконечности.

Къ классной дамѣ принято было обращаться *только* съ просьбою: «позвольте мнѣ отправиться въ музыкальную комнату для упражненія на фортепіано», «позвольте мнѣ выйти въ корридоръ», но вступать съ нею въ простой, человѣческой разговоръ считалось непозволительною фамиллярностью. Самымъ обычнымъ наказаніемъ было сорвать передникъ, поставить къ доскѣ на нѣсколько часовъ, что нерѣдко мѣшало готовить уроки къ слѣдующему дню. Нѣкоторыя классныя дамы, наказывая воспитанницу младшаго класса, не позволяли ей плакать: рѣзко отрывая носовой платокъ отъ глазъ ребенка, онѣ кричали: «souffrez votre punition, souffrez». Этимъ достигали того, что дѣти скоро переставали стыдиться наказанія, а въ старшемъ классѣ къ нему уже относились совершенно равнодушно, какъ къ неизбѣжной повинности. Я не буду говорить особо о наказаніяхъ, такъ какъ о нихъ то и дѣло приходится упоминать въ этомъ очеркѣ, но не могу не сказать нѣсколько словъ объ одномъ изъ нихъ, тѣмъ болѣе, что оно совершенно подрывало физическія и нравственныя силы дѣвочекъ.

Извѣстный дѣтскій ночной грѣхъ возбуждалъ къ провинившейся

безчеловѣчное отношеніе со стороны всѣхъ безъ исключенія окружающихъ. Это несчастіе случалось съ нѣкоторыми юными воспитанницами обыкновенно лишь въ первый годъ ихъ вступленія въ институтъ, слѣдовательно, когда имъ было 9 или 10 лѣтъ. Въ младшемъ классѣ рѣдко кто изъ дѣвочекъ понималъ позоръ доноса на подругу, и никто изъ нихъ не умѣлъ разобратся въ томъ, происходитъ ли несчастіе съ товаркой отъ дурной привычки, или отъ болѣзни. Совершенно также плохо были осведомлены на этотъ счетъ и классныя дамы. Между тѣмъ, тѣ и другія твердо усвоили мысль о томъ, какъ постыдно не соблюдать чистоплотныхъ обычаевъ. Какъ только утромъ воспитанницы вставали, и одна изъ нихъ замѣчала, что у подруги не все обстоитъ благополучно, она объявляла объ этомъ во всеуслышаніе. Провинившюся осыпали бранью, кричали ей, что она опозорила дортуаръ, и звали классную даму, которая надѣвала провинившейся мокрую простыню поверхъ платья и завязывала ее на шеѣ. Въ такомъ позорномъ нарядѣ несчастную вели въ столовую и во время чая ставили такъ, чтобы всѣ взрослые и маленькія воспитанницы могли все время любоваться ею. Тутъ опять на несчастную сыпался градъ насмѣшекъ и издѣвательствъ, отовсюду раздавались вопросы, изъ какого дортуара эта особа? Во время урока несчастную избавляли отъ позорнаго трофея, но, когда приходилось спускаться въ столовую къ завтраку и обѣду, она опять была украшена имъ.

Этого несчастія воспитанницѣ никогда не удавалось скрыть отъ подругъ, а между тѣмъ оно обыкновенно повторялось... Подруги, считая себя изъ-за нея окончательно опозоренными, все запальчивѣе выражали къ ней ненависть и презрѣніе, не называя ее иначе, какъ позорными эпитетами, толкали, щипали ее. Чтобы предупредить повтореніе этой слабости, воспитанницы каждый разъ, когда кто-нибудь изъ нихъ просыпался, считали своею священною обязанностью будить несчастную. Въ дортуарѣ было до 30-ти дѣвочекъ, онѣ то и дѣло просыпались ночью и совсѣмъ не давали спать злосчастному ребенку. Замѣчательно, что при этой системѣ воспитанія несчастіе начинало быстро учащаться и, въ концѣ концовъ, дѣлалось хроническимъ явленіемъ. Такія дѣвочки являлись настоящими мученицами. Въ то время, какъ бѣднаго ребенка чуть не сживали со свѣта, никто никогда не обратился къ доктору, чтобы узнать, не подвержена ли онъ какой-нибудь болѣзни, не слѣдуетъ ли его лѣчить вмѣсто того, чтобы карать съ такою жестокостью. Одна дѣвочка, испытывая подобныя пытки, изъ здороваго, краснощекаго ребенка, какимъ она поступила въ институтъ, черезъ полгода превратилась въ хилое, желтолицее существо. Въ концѣ концовъ, ее удалили изъ института. Когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого она пріѣхала къ намъ навѣстить свою родную сестру, бывшую въ старшемъ классѣ,—этотъ, еще

недавно затравленный звѣрекъ, имѣлъ видъ веселый и здоровый.

Грубость и брань классныхъ дамъ, подстать всему солдатскому строю нашей жизни, отличались полною непринужденностью. Наши дамы, кромѣ нѣмки, говорившей съ нами по-нѣмецки, обращались къ намъ не иначе, какъ по-французски. Онѣ, несомнѣнно, знали много бранныхъ французскихъ словъ, но почему-то не удовлетворялись ими и, когда принимались насъ бранить, употребляли оба языка, предпочтая даже русскій. Можетъ быть, это происходило оттого, что выразительною русскою бранью онѣ надѣялись сильнѣе запечатлѣть въ нашихъ сердцахъ свой чистый, поэтический образъ! Какъ бы то ни было, но нѣкоторые бранныя слова онѣ произносили не иначе, какъ по-французски, другія не иначе, какъ по-русски. Вотъ наиболѣе часто повторяемыя русскія выраженія и слова изъ ихъ лексикона: «васъ выдеруть, какъ сидоровыхъ козъ», «негодница», «дурында-роговна», «колода», «дубина», «шлюха», «тварь», «остолопка»; изъ французскихъ словъ неизмѣнно произносилось: «vrebis galeuse» (паршивая овца), «vile populase» (сволочь). Брань и наказанія озлобляли однѣхъ, а къ другимъ прививали отчаянность и безшабашность, иныхъ дѣлали грубыми и рѣвкими, а многихъ заставляли терять всякое самолюбіе. И это естественно: тамъ, гдѣ не дѣйствуетъ убѣжденіе, уже никакъ не можетъ благотворно вліять наказаніе, въ корнѣ убивающее стыдливость.

Воспитаніе классныхъ дамъ ограничивалось надворомъ за вѣшными видомъ и вѣшнымъ поведеніемъ воспитанницъ: онѣ зорко наблюдали за тѣмъ, чтобы воспитанницы были одѣты, кланялись, здоровались, отвѣчали на тѣ или другіе вопросы, точь-въ-точь какъ это было въ институтскихъ обычаяхъ. Малѣйшее уклоненіе отъ общепринятаго этикета классная дама могла карать по своему усмотрѣнію. Въ младшемъ классѣ она въ то же время обязана была объяснять дѣтямъ уроки, заставлять ихъ читать и писать на трехъ языкахъ. Но эту обязанность выполняли очень немногія, и притомъ обыкновенно крайне формально и небрежно. Такъ же мало вниманія обращали онѣ на то, кто какъ учится, обнаруживаютъ ли отвѣты ученицы ея способности, или показываютъ полное непониманіе и тупость. По своему невѣжеству и отсутствію педагогическихъ способностей, классныя дамы не могли быть полезны кому бы то ни было, а тѣмъ болѣе воспитанницамъ старшаго возраста, съ большинствомъ которыхъ у нихъ были даже враждебныя отношенія. Надуть, обмануть, ловко провести классную даму, устроить ей какую-нибудь гадость—въ старшемъ классѣ считалось настоящимъ геройствомъ. Какъ бы жестоко ни обращалась классная дама съ воспитанницами, выполняла она или нѣтъ свои обязанности, не превышала ли своей власти, — за этимъ никто не слѣдилъ, даже инспектриса, хотя это было ея прямою обязан-

ностью. Понятно, что вслѣдствіе этого воспитанницамъ некому было жаловаться на возмутительное обращеніе съ ними классныхъ дамъ.

М-елле Нечаева, дортуарная дама одного изъ отдѣленій кофейнаго класса, всегда отличавшаяся необыкновенною неуравновѣшенностью своего характера, начала вдругъ приходить все въ большее нервное расстройство: то и дѣло немилосердно трепала кофулекъ, бросала въ нихъ книгами, безпрестанно ставила ихъ на колѣни въ уголь, оставляя въ такомъ положеніи по нѣскольку часовъ. Изъ ея дортуара вѣчно раздавались крики, стоны, слезы. Дѣвочки приходили въ классъ и столовую съ распухшими отъ слезъ глазами. Скоро къ этому присоединились и новыя выходки м-елле Нечаевой, отъ которыхъ ея питомицамъ приходилось страдать еще тяжелѣе: по ночамъ она внезапно вбѣгала въ дортуаръ съ крикомъ: «вставайте!» хватала за руку спящихъ дѣтей и заставляла ихъ одѣваться, а затѣмъ вопила пронзительнымъ голосомъ: «на молитву! Господь прогнѣвался на васъ!» При этомъ она бросалась на колѣни, увлекая за собой и дѣтей. Въ то же время она сильно измѣнилась: исхудала, не ходила, а какъ-то суетливо бѣгала, громко разговаривала сама съ собой; если кто-нибудь обращался къ ней съ замѣчаніемъ, она подымала шумъ, возню, скандалъ. Начальство по этому поводу тайно перешептывалось между собой, но никто ея не трогалъ и, вѣроятно, долго не тронулъ бы, если бы ея похожденія ограничились лишь ея дортуаромъ; но они приняли болѣе широкіе размѣры. Однажды, разбудивъ воспитанницъ и не давъ имъ времени одѣться, Нечаева потащила ихъ молиться въ классъ, добравшись до котораго приходилось черезъ нѣсколько корридоровъ. Армія босоногихъ дѣвочекъ, изъ которыхъ многія были въ однѣхъ рубашкахъ, съ отчаяннымъ крикомъ и плачемъ бѣжала за нею. Послѣ молитвы въ классѣ Нечаева отправилась съ дѣтьми въ апартаменты инспектрисы. Но къ этому времени м-ше Каро уже успѣла приготовить все, чтобы отправить ее въ сумасшедшій домъ. Инспектриса прересходно знала, что Нечаева уже нѣсколько мѣсяцевъ до этого происшествія по ночамъ будила дѣтей и жестоко терзала ихъ, но не ударила палець о палець, пока та не привела къ ней ночью полуголыхъ дѣтей.

Прошло уже болѣе полугодя послѣ моего вступленія въ институтъ, а я совсѣмъ еще не могла приспособиться къ раннему вставанію, голоду и холоду. Я вѣчно тряслась отъ лихорадки, а временами такъ кашляла, что будила подругъ по ночамъ, днемъ же мѣшала имъ слушать уроки. Въ то же время меня такъ одолевала сонливость, что я машинально исполняла приказанія, была вялою и неразговорчивою. Классныя дамы рѣшили, что я послушная дѣвочка, и выказывали ко мнѣ даже вниманіе: какъ только я имъ

попадалась на глаза, онъ всегда находили, что я больна, и посылали меня въ лазаретъ.

Въ то время для измѣренія температуры тѣла не примѣняли термометра: лихорадку докторъ опредѣлялъ по пульсу и опухшая лобъ своими руками. Продѣлавъ со мною все, что при этомъ полагалось, онъ говорилъ, обращаясь къ надзирательницѣ: «ея всегдашняя болѣзнь—лихорадка. Поспите, поѣсть, обогрѣется и завтра же будетъ ядорова, а отправится въ классъ—опять то же будетъ... Въ помѣщичьихъ-то домахъ жарко топятъ, плотно кормятъ, тепло укрываютъ; натурально, что такія дѣти не могутъ выносить у насъ температуры 9 и 8 градусовъ».

И я блаженствовала. Мнѣ нравилось даже то, что служащiе въ лазаретѣ называли другъ друга по именамъ, точно на волѣ. Не страдая болѣе отъ холода и голода, я крѣпко засыпала и на другой день вставала здоровою. Мое благополучiе продолжалось до тѣхъ поръ, пока не приволили нѣсколькихъ воспитанницъ, страдавшихъ такимъ же недомоганiемъ. Я смотрѣла на нихъ, какъ на враговъ, хотя понимала всю законность изгнанiя своего изъ лазарета, въ который я то и дѣло возвращалась, и гдѣ проводила не только дни, но и недѣли.

Единственнымъ утѣшенiемъ, единственнымъ отдыхомъ отъ неприглядной институтской жизни служилъ лазаретъ. Весь его служащiй персоналъ—докторъ, надзирательница, лазаретная дама—были простыя, добрыя существа, стоявшiя въ сторонѣ отъ институтскихъ интригъ; всѣ они обращались съ нами участливо и добропорядочно. Докторъ прекрасно понималъ, что причиною малокровiя и лихорадокъ, которыми воспитанницы страдали въ первый годъ своей институтской жизни, были скудное питанiе и суровая жизнь, и охотно держалъ въ лазаретѣ слабыхъ здоровьемъ, а по выходѣ изъ него многимъ прописывалъ молоко или на нѣкоторое время больничную пищу,—болѣе онъ ничего не могъ сдѣлать. Лазаретъ, въ которомъ воспитанницы могли выспаться вволю, гдѣ онѣ отдыхали душой и тѣломъ, спасалъ многихъ изъ нихъ отъ преждевременной гибели. Въ него шли охотно даже тогда, когда туда отправляли въ наказанiе, что, впрочемъ, практиковалось у насъ довольно рѣдко и исключительно въ старшемъ классѣ.

Несмотря на крайне неблагоприятныя условiя институтской жизни того времени, процентъ смертности среди воспитанницъ былъ сравнительно ничтоженъ. По словамъ одного врача, серьезно занимавшагося изслѣдованiемъ причинъ этого явленiя, это происходило прежде всего отъ того, что при самомъ ничтожномъ заболѣванiи лихорадкою, головною болью, незначительнымъ расстройствомъ желудка, воспитанницъ немедленно отправляли въ лазаретъ и укладывали въ кровать,—такимъ образомъ, въ самомъ началѣ заболѣванiя мѣшали дальнѣйшему развитiю болѣзни. Сильному распространенiю заразъ и заболѣванiй препятствовали также чистота и

опрятность хорошо вентилируемыхъ помѣщеній, регулярная жизнь и строго опредѣленное время для сна и ѣды, что въ сильной степени ослабляло возбужденное, нервное состояніе воспитанницъ. Но если процентъ смертности среди воспитанницъ былъ сравнительно не великъ, зато было чрезвычайно много болѣзненныхъ, исхудалыхъ, малокровныхъ и нервныхъ.

Возвращаясь изъ лазарета въ классъ, я уже черезъ нѣсколько часовъ чувствовала ознобъ и сонливость. Если это было въ тѣ часы, когда подруги готовили уроки къ другому дню, я устраивала себѣ ложе между скамейками: нѣсколько учебниковъ, закрытыхъ байковой косынкой, служили мнѣ подушкой; я опускалась на полъ, къ ногамъ подругъ, которыя усердно зубрили уроки; онѣ бросали на меня свои платки, и я засыпала. Дежурная дама не могла замѣтить меня, а если невзначай вспоминала о моемъ существованіи, то «сторожики», у ногъ которыхъ я лежала между скамейками, толкали меня, и я вскакивала, какъ ни въ чемъ не бывало. На вопросъ классной дамы, откуда я взялась, я отвѣчала, что искала учебникъ.

Сонливость и лихорадка, отъ которыхъ я страдала въ первый годъ институтской жизни, вѣчное пребываніе въ лазаретѣ, все болѣе развивающаяся лѣнь—изъ рукъ вонъ плохо отражались на моихъ занятіяхъ. Этому содѣйствовалъ и обычай, крѣпко укоренившійся въ нравахъ учителей: если воспитанница нѣсколько разъ плохо отвѣчала кому-нибудь изъ нихъ, онъ переставалъ вызывать ее, и она могла оставить заботу о своемъ ученіи, увѣренная, что онъ ея не потревожитъ въ продолженіе учебнаго сезона. За нерадѣніе въ ученіи и за плохія отмѣтки никто съ насъ не выскидывалъ, никого не беспокоила мысль, что воспитанница бросила учиться.

Изъ всего штата классныхъ дамъ, старыхъ дѣвъ, озлобленныхъ ханжей, придирчивыхъ и до крайности тупыхъ, рѣзко выдѣлялась моя дортуарная дама m-elle Верховская. Въ ту пору, о которой я говорю, ей было лѣтъ 25—26. Она была не только самою умною и образованною между ними, но и самою красивою и молодою. Остальныя дамы рѣдко выѣзжали изъ института въ свои свободныя дни, ея же въ такое время никогда не было дома,—у нея, видимо, было не мало знакомыхъ семействъ. Она не только много читала, но даже обстановка ея комнаты носила иной характеръ, чѣмъ у другихъ: надъ ея столиками и на стѣнахъ висѣли красивыя этажерки съ книгами, стоялъ шкафъ, наполненный книгами въ красивыхъ переплетахъ, — это были произведенія классиковъ на русскомъ и трехъ иностранныхъ языкахъ, которые она прекрасно знала и теоретически, и практически. Ея молодость, красота, превосходное знаніе языковъ, несравненно болѣе высокій уровень образованія, обстановка ея комнаты, даже ея простое форменное платье, изящно охватывавшее ея стройную,

высокую фигуру,—рѣшительно все возбуждало къ ней неутолимую зависть ея товарокъ. Онѣ не только вѣчно сплетничали про нее, интриговали, дѣлали ей какіе-то намеки и безцеремонно подглядывали за нею, когда кто-нибудь ее навѣщалъ, но наблюдали даже за ея отношеніями къ воспитанницамъ ея дортуара, однимъ словомъ—дѣлали ея жизнь просто невыносимой. Все это, видимо, страшно раздражало ее, чрезвычайно вредно отзывалось на ея, уже отъ природы крайне неуравновѣшенномъ, характерѣ, испорченномъ институтскимъ воспитаніемъ, и, какъ говорили мнѣ впоследствии, укаживаніями свѣтскихъ кавалеровъ, между тѣмъ какъ это существенно все же не мѣняло ея судьбы.

Только она одна считала своей обязанностью объяснять уроки воспитанницамъ своего дортуара, кое-что рассказывать имъ, заставляя ихъ читать. Къ несчастью, ей не часто приходилось заниматься съ дѣтьми: въ свободные дни она увѣжала, а въ дни дежурствъ иной разъ такъ погружалась въ чтеніе, что не видѣла и не слышала, что дѣлалось вокругъ. Не приходилось ей часто заниматься и потому, что между нею и нами отъ времени до времени наступали крайне враждебныя отношенія, когда всѣ безъ исключенія, точно по уговору, употребляли всѣ средства, чтобы держаться отъ нея въ сторонѣ, и отказывались отъ занятій, придумывая ту или другую причину. M-elle Верховская, добрая, милая, умная, даже обворожительная, когда находилась въ хорошемъ настроеніи, была невозможна, когда на нее нападали періоды гнѣва и вспышекъ,—тогда мы боялись ея больше всѣхъ классныхъ дамъ. Въ такіе періоды мы сидѣли въ дортуарѣ такъ тихо, что не смѣли пошевелинуться, осторожно перевертывали страницы учебника, и у насъ стояла гробовая тишина: никто не повѣрилъ бы тогда, что тутъ, въ огромной спальнѣ, сидитъ болѣе 30 дѣвочекъ, и притомъ въ свободное отъ уроковъ время.

Картина совершенно мѣнялась, когда между нами и Верховской царствовали миръ и согласіе. Воспитанницы такъ свободно, какъ ни въ одномъ дортуарѣ, расхаживали тогда по своей огромной спальнѣ, громко разговаривали между собой, а отъ времени до времени раздавался даже веселый смѣхъ. Но вотъ одна изъ нихъ подходитъ къ запертой двери комнаты Верховской и кричитъ по-французски: «пожалуйста, m-elle, расскажите намъ что-нибудь или почитайте». Къ ней присоединяются и остальные подруги, и всѣ то же самое на разные лады кричатъ ей въ дверь, которая скоро открывается. Верховская появляется съ милымъ, добрымъ выраженіемъ лица и садится читать «Записки пиквиесскаго клуба» или что-нибудь въ этомъ родѣ и вмѣстѣ съ воспитанницами заливается громкимъ смѣхомъ. Также любили мы слушать ея рассказы о томъ, что она видѣла въ театрѣ или что вычитала изъ книгъ. Иногда эти чтенія, которыя мы обожали, это мирное отношеніе къ намъ Верховской продолжались мѣсяць—другой, и мы просто

блаженствовали. Но вдругъ все мѣнялось, какъ по мановенію волшебнаго жезла.

Быль праздничный день, и мы послѣ обѣда пришли въ дортуаръ. Верховская заявила намъ, что будетъ читать, повзала всѣхъ въ свою комнату, насыпала въ передникъ каждой изъ насъ по горсти орѣховъ и сластей и приказала садиться тутъ же. Комнаты классныхъ дамъ были не велики, и мы размѣстились не только на ея немногихъ стульяхъ и диванчикѣ, но и на полу. Прежде всего она начала передавать намъ содержаніе одной комической сценки изъ балета. Пожевывая сласти и щелкая орѣхи, мы громко смѣялись. Вдругъ въ комнату вваливается Тюфяева.

— Какая... можно сказать, умилительная картина! Васъ тѣшить ихъ обожаніе... Какъ вы еще молоды! А я такъ плюю, когда онѣ меня обожаютъ и когда ненавидятъ.

Съ первыхъ словъ этой дамы воспитанницы вскочили съ своихъ мѣсть.

— Кажется, я ничего не сдѣлала недозволеннаго?..

— Едва ли такое баловство дозволено у насъ! Кромѣ васъ, никто не позволяетъ себѣ такихъ фамильярностей съ воспитанницами! Впрочемъ, я спрошу у инспектрисы, можетъ быть, она это и позволитъ, даже одобрить.—И Тюфяева вышла изъ комнаты.

Верховская сдѣлала видъ, что это не произвело на нее никакого впечатлѣнія, взяла книгу и начала читать, но читала безъ выраженія, и черезъ нѣсколько минутъ съ дѣланнымъ спокойствіемъ заявила: «Мнѣ надо писать письма... Идите къ себѣ»...

Дѣвочки вошли въ дортуаръ и сгрудились въ противоположномъ концѣ его, откуда ихъ тихіе разговоры не были слышны у Верховской. «Можетъ быть, еще и сойдеть!»—шептала одна изъ нихъ. «Держи карманъ!.. Всѣмъ достанется на орѣхи за орѣхи!..»—острила Ратманова.—«Знаете, что? Станемъ на колѣни передъ образомъ и произнесемъ 12 разъ сряду: Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его...»—предложила Ольхина. Это молитвенное воззваніе, по мнѣнію институтокъ, должно было спасти отъ всякихъ напастей. Но на этотъ разъ такое предложеніе вызвало только раздраженіе.

Въ дортуаръ вбѣжала пепиньерка и заявила Верховской, что м-ше Каро зоветъ ее къ себѣ. Она возвратилась, когда насъ уже нужно было вести въ столовую. Послѣ чая и молитвы, не разговаривая съ нами, она быстро направилась въ свою комнату и изо всей силы захлопнула дверь за собой. Мы рады были и тому, что она не оставалась съ нами. Мы уже рассчитывали на то, что на этотъ разъ, пожалуй, все пройдетъ благополучно. Однако, на другой день она встала мрачнѣе туи, объявила, что, несмотря на то, что это ея свободный день, она останется дома и будетъ съ нами заниматься вечеромъ.

Когда мы вошли въ дортуаръ, она объявила, что общала учи-
Августъ. Отдѣлъ I.

тею французскаго языка заставить насъ спрягать глаголы. Она была блѣдна, хваталась за голову, какъ отъ головной боли, и приказала намъ садиться. Мы размѣстились на двухъ скамьяхъ у стола, а она—у конца его, на стулѣ. Дѣвочки, по ея приказанію, по очереди начали спрягать глаголы, но то и дѣло ошибалась, какъ оттого, что плохо знали, такъ и оттого, что ихъ пугалъ мрачный видъ и расширенныя врачьи Верховской. «Тупицы! Идіотки!»—злбно видала она, при чемъ одну воспитанницу такъ толкнула, что та стукнулась головой объ стѣну, съ другой сорвала передникъ и затѣмъ нѣсколькихъ толчками прогнала отъ себя. Дошла очередь до меня. «Какъ? Какъ? Начинай снова!» топнувъ ногой, грозно закричала она на меня. Окрикъ Верховской заставилъ меня окончательно растеряться. «Вѣдь на-дняхъ еще я заставляла тебя спрягать тотъ же глаголъ!.. Ты знала... Значитъ, теперь понадобились фокусы, надругательства!»... Она встала со стула и такъ рванула меня за руку, что я громко закричала отъ боли.

Зазвонилъ колоколь. Она приказала всѣмъ, кромѣ меня, отправляться въ классъ, чтобы идти съ другими въ столовую, а меня толкнула въ уголъ, пиная при этомъ ногами, затѣмъ надавила руками на плечи такъ, что я грохнулась на колѣни, и сейчасъ же ушла къ себѣ. Когда черезъ нѣсколько минутъ она вышла оттуда, ея щеки горѣли багровымъ румянцемъ, глаза были налиты кровью, она схватила меня за плечи трясущимися отъ волненія руками, подняла съ колѣнъ и начала срывать съ меня передникъ и платье. При этомъ она осыпала меня обычной бранью классныхъ дамъ на русскомъ и французскомъ языкахъ, не щадя упрековъ и попрековъ за свои благодѣянія: «Гадина!.. Проспала чуть не весь годъ!.. Я трудилась съ нею, заставила ее догнать другихъ... Вотъ и благодарность!.. Подня, грязныя душонки!» Ея руки такъ тряслись, что я вывернулась отъ нея и побѣжала съ крикомъ къ двери. Она догнала меня, втянула въ свою комнату, замкнула дверь и, вся трясась, какъ осиновый листъ, продолжала срывать принадлежности моего туалета, но отъ волненія это ей не удавалось, и она схватила уже заранѣе приготовленный жгутъ и ну осыпать меня ударами по лицу, плечамъ, головѣ. Вѣроятно, она бы сильно забила меня, но въ это время снизу послышался шумъ, означавшій, что воспитанницы встаютъ изъ-за стола. Верховская бросила жгутъ и вдругъ сунула мнѣ кружку съ родой и полотенце, вѣроятно, желая заставить меня вытереть лицо. Но я бросила кружку объ полъ съ крикомъ: «Я все скажу... роднымъ напишу... не смѣете драться!»

Когда воспитанницы вошли въ спальню, я, рыдая, начала рассказывать имъ объ истязаніи, только что совершеномъ надо мною. Чтобы Верховская могла слышать, я нарочно выкрикивала во все горло, но спазмы душили меня, и я бросала только отдѣльныя

слова. Наконецъ, я сорвалась съ своего мѣста, подбѣжала къ образу, упала на колѣни, и, захлебываясь слезами, во всеуслышаніе провозносила клятву передъ Богомъ о томъ, что съ этой минуты я даю слово вѣчно быть «отчаянной», дерзить и грубить всѣмъ подлымъ дамамъ, а этой злоеѣ, этой змѣѣ подколодной болѣе всѣхъ и призывала въ свидѣтели всѣхъ подругъ! При тогдашней моей умственной и нравственной неразвитости эта клятва долго терзала меня, и я не могла отдѣлаться отъ нея, даже будучи взрослой, несмотря на то, что выполнять ее для меня было крайне тяжело, и въ концѣ концовъ я уже начала сама сомнѣваться въ томъ, слѣдуетъ ли мнѣ быть ей вѣрной.

Однако, Верховская была настолько тактичною, что не давала мнѣ повода дерзить ей. Она, конечно, слыхала мою клятву, знала по выраженію моего лица, что я начала крайне враждебно относиться къ ней, но она больше не обращала на меня ни малѣйшаго вниманія, перестала спрашивать у меня уроки, не заставляла меня читать, не подзывала къ себѣ, старалась не произносить моего имени, однимъ словомъ, совершенно оставила меня въ покоѣ. Но зато я начала дерзить m-lle Тюфяевой и другимъ класснымъ дамамъ, и скоро чуть не официально была причислена къ разряду «отчаянныхъ».

За громкій разговоръ Тюфяева тянетъ меня къ доскѣ, я не упускаю случая сказать ей что-нибудь въ такомъ родѣ: «Вамъ не дозволено вырывать у насъ руки».

— Будешь стоять у доски два часа!

— Я скажу завтра учителю, что вы не даете мнѣ учиться...
и т. п.

— Сбѣгай на нижній коридоръ, попроси солдата купить мнѣ хлѣба,—обращается ко мнѣ кто-нибудь изъ подругъ. Если я указываю, что по площадкѣ нижняго коридора только что проходила классная дама, мнѣ обыкновенно возражаютъ: «Какая же ты отчаянная, если не можешь сдѣлать и этого?» Трясусь, бывало, отъ страха, но употребляю всѣ усилія, чтобы не обнаружить его передъ другими, и, проклиная свою злосчастную долю, пускаюсь въ опасное предпріятіе изъ страха погубить свою репутацію «отчаянной». Мои похождения далеко не всегда увѣнчивались успѣхомъ, можетъ быть, потому, что быть «отчаянной» не было моимъ призваніемъ: меня то и дѣло ловили на мѣстѣ преступленія и наказывали. Но я продолжала соблюдать неизмѣнную стойкость и вѣрность принципамъ «отчаянной», что навлекало на мою голову не только наказанія, но и приносило мнѣ душевныя терзанія, тѣмъ не менѣе всѣ свои выходки и дерзости начальству я старалась дѣлать съ веселымъ видомъ, желая показать, что мнѣ все ни по чѣмъ.

Послѣ описаннаго выше происшествія Верховская замѣтно становилась все болѣе оживленною и веселою, все рѣже нападали

на нее припадки вспыльчивости и гнѣва, да и они не проявлялись уже въ столь острой формѣ. Но и въ наступавшіе длинные періоды своихъ любезныхъ отношеній она уже болѣе не усаживала воспитанницъ въ своей комнатѣ и не одѣляла ихъ сластями,—это, видимо, было запрещено ей тогда же инспектрисой. Теперь, когда она читала съ воспитанницами, я уходила на другой конецъ дортуара и садилась на табуретъ, но она мнѣ не дѣлала никакихъ замѣчаній по этому поводу. Ея безоблачное настроеніе сдѣлалось, наконецъ, обычнымъ явленіемъ, и она заявила намъ, что выходить замужъ и скоро навсегда оставляетъ институтъ.

Е. Водовозова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* * *

Сегодня вечеромъ былъ такъ прекрасенъ лѣсъ,
 Такъ солнце пламенно деревья освѣщало...
 Чуть-чуть дрожа, шумѣлъ зеленый ихъ навѣсъ,
 Порою облачко, румянясь, набѣгало.
 Сквозя топазами, уже темнѣла высь...
 И, гномъ, затерянный среди могучихъ елей,
 Я медленно бродилъ... А думы вдаль неслись,
 Какъ улья плѣнницы на дальній лугъ изъ келій.
 Года минувшіе мнѣ вспомнились опять,
 Не разъ разбитыя надежды молодья...
 И долго горькихъ слезъ не могъ я удержать!
 О, какъ вы хороши, обители лѣсныхъ!
 Молитвы тихія, хвалебный шумъ вокругъ...
 Какъ будто тайное творя богослуженье,
 Толпы неаримыя собрались въ тѣсный кругъ...
 Молчи, прислушайся—вдали услышишь гнѣнь!

Леонидъ Б.

СОБЛАЗНЪ.

Романъ *Вильгельма Гегелера.*

Пер. съ нѣмецкаго А. М. Брумберга.

VII.

Фрейлейнъ Кишъ вошла въ столовую съ корзинкой свѣжихъ цвѣтовъ, которые садовникъ, по ея распоряженію, нарвалъ въ оранжереѣ. Она осмотрѣла накрытый столъ и съ выраженіемъ неподражаемаго презрѣнія на лицѣ, подумала объ обществѣ, которое должно было здѣсь скоро собраться. Но вдругъ она крикнула:

— Анна!

— Что, фрейлейнъ?—отвѣтила изъ сосѣдней комнаты и вслѣдъ за этимъ появилась горничная.

— Вы, вѣрно, съ ума спятили, Анна: ставите на столъ бокалы для шампанскаго! Для воскреснаго общества достаточно обыкновенныхъ рюмокъ для краснаго и бѣлаго вина и бокаловъ для пива. Пора бы уже знать это. Для этой компаніи еще шампанское!—пробормотала она послѣ короткой паузы.

Между тѣмъ какъ горничная забирала бокалы, фрейлейнъ Кишъ поставила цвѣты въ хрустальную вазочку, но сдѣлала это сердито, какъ будто цвѣты теряли въ своей цѣнности отъ того, что они будутъ цвѣсти и пахнуть въ этотъ вечеръ. Едва она покончила съ цвѣтами, какъ раздался звонокъ. „Господи,—подумала она,—это Грове... Они, видно, по воскресеньямъ не обѣдаютъ и дожидаться не могутъ, пока накроютъ столъ“.

Когда она, прислушиваясь, стояла у двери, ея лицо вдругъ просвѣтлѣло; она узнала голосъ пастора Дистеркампа.

— Ахъ, г-нъ пасторъ, мнѣ такъ жаль, что вы не застали господъ дома. Не зайдете ли на минутку въ комнату? Они должны скоро вернуться.

— Гмъ... вотъ что,—проворчалъ посѣтитель, неодобрительно глядя на лакея, который былъ для него новостью. Послѣ нѣкотораго раздумья онъ рѣшилъ отдать ему свой вонтикъ и цилиндръ.

Войдя въ гостинную, онъ обратился къ фрейлейнъ Киппъ:

— Сегодня, видно, гости?

— Да, какіе тамъ гости... Обыкновенная воскресная компанія художниковъ.

— Такъ!

Пасторъ усѣлся въ кресло, отвернулъ подвернутыя брюки и бросилъ испытующій взглядъ вокругъ себя на шелковые обои, на которыхъ пастели въ свѣтлыхъ рамахъ отражали лампочки хрустальнаго канделябра, на пышный коверъ, разостланный передъ диваномъ, на стеклянный шкафъ, содержащій какія-то неизвѣстныя ему драгоценности, — и сравнивалъ все это со стоявшею здѣсь прежде крытой плюшемъ мебелью изъ краснаго дерева. Почтенный бюргерскій домъ превратился въ роскошное жилище свѣтской дамы. Отъ раздраженія кровь ударила ему въ лицо. Послѣ довольно продолжительнаго молчанія фрейлейнъ Киппъ сладчайшимъ голосомъ, наконецъ, обратилась къ нему:

— Ахъ, господинъ пасторъ, ваша сегодняшняя проповѣдь опять была такъ трогательна.

Онъ бросилъ на нее нѣсколько болѣе мягкій взглядъ, какъ бы приглашая ее продолжать разговоръ на эту тему. Но такъ какъ та только вздохнула, и на ея сильно моргающихъ глазахъ появилась слеза, при чемъ она стыдливо улыбулась, онъ, наконецъ, спросилъ ее:

— Какіе это, собственно говоря, художники?

Фрейлейнъ Киппъ тотчасъ почувствовала неудержимый приливъ давно накопленной горечи. Она глубоко вздохнула и сказала:

— Ахъ, я зову ихъ „компанія художниковъ“ лишь потому, что они вѣчно говорятъ объ искусствѣ. Но развѣ это настоящіе художники? Я думаю, что среди нихъ нѣтъ ни одного порядочнаго. Вѣдь наиболѣе выдающіяся имена каждый изъ насъ знаетъ. Да, г-нъ Грове пианистъ: онъ выступалъ уже въ Берлинѣ, но доходы его не особенно-то, кажется, велики. Затѣмъ, въ послѣднее время постоянно приходитъ, конечно, г-нъ Бюргель.

— Такъ? Г-нъ Бюргель, создатель фонтана? Что это, собственно, за человѣкъ?

— Это очень спокойный, образованный человѣкъ. Онъ, по крайней мѣрѣ, даетъ сказать слово, когда съ нимъ бесѣдуешь. Но тутъ имѣется еще д-ръ Макъ, — ужасы! Г-нъ пасторъ, вы можете окружить его пепельницами, но онъ

бросить пепель все-таки на коверъ. Въ послѣдній разъ онъ выжегъ въ немъ дыру. Но я ему еще утру носъ. И видъ же у него, словно онъ всю недѣлю голодаетъ, и у насъ долженъ наѣсться досыта. Да и то не ѣсть: все время безъ умолку говорить. Онъ радъ случаю поговорить. А когда онъ кончаетъ, начинаютъ другіе, и поднимается гвалтъ, какъ въ синагогѣ. И взгляды же у этого человѣка! Недавно онъ и мнѣ излагалъ свои сумасбродныя идеи, такъ я жъ ему задала. Я сказала: неужели вы думаете, что разумные люди думаютъ о чемъ-нибудь подобномъ? Они думаютъ о томъ, чтобъ чего-нибудь добиться и что-нибудь накопить. Тогда онъ мнѣ отвѣтилъ: „Ну, это не люди, это пока лишь живыя существа...“ Что вы скажете, г-нъ пасторъ, на такое безстыдство! Я все время смотрѣла на его манишку: она вся изорвана. Онъ смутился и весь покраснѣлъ. Такому человѣку, у котораго даже нѣтъ цѣлой рубашки на тѣлѣ, что ему только въ башку не взбредеть! Ахъ, Боже, и такіе люди располагаются здѣсь, какъ у себя дома! Ахъ, дорогой г-нъ пасторъ, если-бъ это знала ваша покойная сестра...

— Гмъ!—сказалъ Дистеркампъ съ мрачнымъ выраженіемъ на лицѣ.—И въ это общество я пускалъ свою дочь.

Но тутъ фрейлейнъ Киппъ испугалась и, какъ всегда, когда она проговаривалась, начала вдругъ говорить совсѣмъ другимъ тономъ. Она отдала справедливость д-ру Маку, что онъ замѣчательный ученый, не могла нахвалиться другими членами этого общества и попросила, наконецъ, пастора не проговориться про сказанное ею, что тотъ, разумѣется, обѣщаль.

Словесный потокъ еще лился изъ устъ фрейлейнъ Киппъ, когда въ комнату вошла г-жа Броохъ. Фрейлейнъ поспѣшила уйти.

— О, прекрасно!—сказала вошедшая, тепло пожимая руку пастора.—Германъ будетъ очень радъ. Его лишь на минуту задержалъ бургомистръ. Анна передала уже мнѣ, что васъ очень утомила ваша послѣдняя поѣздка, но что вы очень довольны достигнутымъ успѣхомъ. Впрочемъ, это можно было видѣть и изъ газетъ. Спасибо,—сказала она фрейлейнъ Киппъ, поставившей на боковой столикъ подносъ съ чайниками и чашками.—Я сама буду наливать. Вамъ чаю или кофе?

Наливъ гостю чашку чаю, она съ живостью продолжала:

— Меня очень радуетъ, что я вижу васъ, г-нъ пасторъ. Хотѣла съ вами поговорить насчетъ Эрнста. Но вы, конечно, возьмете въ чай немного рому?

— Гмъ, ну, одинъ глотокъ... Насчетъ Эрнста?

— Онъ, дѣйствительно, способный мальчикъ. Вѣдь я

вправѣ это сказать? Но передъ каждымъ урокомъ, на которомъ его готовятъ къ конфирмаціи, онъ сидитъ до поздней ночи, заучивая свои библейскія изреченія. Не задается ли дѣтямъ слишкомъ много?

— То, что я задаю дѣтямъ, дается имъ на всю жизнь. И я думаю, что этого,—сколько бы я имъ ни давалъ,—не можетъ быть слишкомъ много.

— Но неужели все дѣло лишь въ томъ, чтобъ они заучивали наизусть? Не будетъ ли это?..

— Я не могу отступить отъ этого ни на іоту. Не то я бы ограбилъ свою юную паству.

— Ахъ, и мнѣ въ свое время приходилось такъ много заучивать наизусть, но въ памяти у меня осталось крайне мало.

— Неужели это произошло только отъ того, что вы слишкомъ много заучивали?

Одну минуту оба смотрѣли другъ на друга: онъ съ угрозой, готовый къ борьбѣ, она—пораженная, что ея невинное замѣчаніе было такъ истолковано. Но она тотчасъ же замѣтила:

— Я, конечно, не имѣла въ виду жаловаться или даже просить, я думала лишь, нельзя ли...

Но тутъ вошелъ ея мужъ.

Послѣдній былъ удивленъ и въ то же время обрадованъ неожиданнымъ посѣщеніемъ. Не предчувствуя ничего дурного, онъ думалъ, что его шуринъ намѣревается возобновить охладѣвшія было отношенія.

— Очень хорошо съ твоей стороны, Готлибъ, что ты опять пришелъ,—сказалъ онъ, сильно трясая его руку.—До сихъ поръ приходилось довольствоваться одной лишь Анной. Ну, вѣдь ты былъ заваленъ заботами...

— Да, да, особенно послѣднее время...

— Ты теперь знаменитость. Въ общемъ могу сказать, что сочувствую твоимъ стремленіямъ, только...

— О, очень радъ.

— Да... только знаешь...

— Сядь, же, Германъ, и возьми чашку чая,—сказала г-жа Броохъ, не желая сейчасъ же опять допустить до разногласія.—Потомъ г-нъ пасторъ все равно кой о чемъ спроситъ тебя.

— Да, конечно. Я хотѣлъ бы съ тобой поговорить кой о чемъ, что самымъ тѣснымъ образомъ касается моихъ стремленій.

— Твои стремленія поднять общественную мораль?

— Вотъ именно.

Коммерціи совѣтникъ посмотрѣлъ на жену съ нѣво-

торымъ смущеніемъ. Ему пришли на умъ нѣсколько мѣстъ изъ рѣчей шурина, которыя привела газета, и онъ ожидалъ разоблаченій грязи столицы или чего-нибудь подобнаго. Но каково было его удивленіе, когда тотъ продолжалъ:

— Да, да, милый Германъ, какъ это мнѣ ни горько, я не могу скрывать, что и ты собираешься ввергнуть въ опасность нравственность нашего города.

— Я?

— Конечно, не непосредственно.

— Это любопытно.

Дистеркамъ началъ издаലെка, говорилъ о прекрасныхъ традиціяхъ семейства Брооховъ: отецъ его былъ до послѣднихъ дней своихъ аккуратнымъ, постояннымъ посѣтителемъ церкви и богослуженій. Дѣдушка обезсмертилъ свое имя въ приходѣ основаніемъ богоугоднаго заведенія, а внукъ... Тутъ его голосъ, полный стыда и болѣзненнаго трепета, понизился. Онъ сталъ говорить о фонтанѣ, который еще до открытія своего удостоился такой некрасивой славы. Коммерціи совѣтникъ и его жена смотрѣли на него съ удивленіемъ, пытались прервать его, но бурному потоку его словъ не было удержу. Наконецъ, г-жѣ Броохъ удалось вставить слово, которымъ она, словно мановеніемъ волшебнаго жезла, надѣялась устранить всякія недоразумѣнія. Она веселымъ тономъ сказала:

— Но, г-нъ пасторъ, васъ ввели въ заблужденіе. Конечно, конечно! Я вамъ покажу фотографію модели. Тогда вы сами увидите, что тутъ нѣтъ и малѣйшаго повода для соблазна.

— Я видѣлъ оригиналь. Мнѣ не нужно фотографіи.

— Что? Неужели это возможно?

— Я видѣлъ его изъ окна одного сосѣдняго дома. И какъ разъ подъ впечатлѣніемъ видѣннаго я и пришелъ сюда усовѣстить тебя.

— Очень любезно, право. Но я не нуждаюсь въ твоихъ увѣщаніяхъ. Пока ты борешься съ безнравственностью, съ порнографической литературой и порнографическими картинами,—à la bonne heure, мои симпатіи на твоей сторонѣ. Но искусство ты, пожалуйста, оставь. Ты лишь компрометируешь себя. Ибо ты въ этомъ понимаешь еще меньше моего. Въ этомъ фонтанѣ нѣтъ соблазна ни для одного разумнаго человѣка.

— А если для меня въ немъ есть соблазнъ?

— Тогда...

— Не можетъ бытъ!—быстро прервала г-жа Броохъ своего мужа.— Вы, дѣйствительно, думаете, что фонтанъ можетъ

служить соблазномъ для людей? Это въ высшей степени интересно! Вы, конечно, лучше знаете мѣстное населеніе.

— Я его также хорошо знаю, — ввернулъ слово коммерціи совѣтникъ.

Г-жа Броекъ слегка подмигнула мужу и продолжала:

— Твой шуринъ, быть можетъ, болѣе разносторонне знакомъ. Мы вамъ, во всякомъ случаѣ, благодарны. Ибо моему мужу и въ голову не приходило, что это можетъ быть соблазномъ. Но это вѣдь можно предотвратить...

Она быстро поднялась, чтобы привѣтствовать явившихся гостей. „Господи, — думала она, — что мнѣ дѣлать: дать ему уйти, или задержать? Если онъ останется, они другъ другу глаза выцарапаютъ“.

— Добрый вечеръ! Добрый вечеръ! Какъ понравился вамъ Кельнъ?

— Великолѣпно! — сказалъ маленькій человѣчекъ съ дѣтскимъ лицомъ и чудовищной гривой музыканта. Онъ вошелъ въ комнату первый, нѣсколько спотыкаясь на своихъ рахитичныхъ ногахъ. — Но съ нами опять случилось несчастье!

— Да, представьте себѣ, мы забыли названіе гостинницы, гдѣ мы остановились, — сказала его еще болѣе молодая жена, и разсмѣялась самымъ восхитительнѣйшимъ образомъ.

— Неужели! Г-нъ и г-жа Грове — мой шуринъ, г. пасторъ Дистеркампъ. Но вѣдь это ужасно. Расскажите.

„Я его задержу“, подумала она. Она возлагала надежды на пенатовъ своей гостинной. Здѣсь встрѣчались люди самыхъ противоположныхъ взглядовъ, накидывались другъ на друга съ такой яростью, что можно было ждать черезъ минуту взрыва, и все-таки, въ концѣ концовъ, уживались.

— Что? Даже не были записаны въ книгѣ? Какъ же вы нашли?

— Въ томъ-то самое забавное, — продолжала свой рассказъ молодая женщина, — что мы ея не нашли, и тайный совѣтникъ Шлоссеръ взялъ насъ къ себѣ въ своей каретѣ.

— И такимъ образомъ мы и познакомились съ нимъ. У него бывають замѣчательные домашніе концерты, въ которыхъ участвуютъ лучшіе музыканты.

— И какая тамъ обстановка! Я себя чувствовала точно въ волшебномъ замкѣ!

Эта маленькая женщина всегда чувствовала себя въ богатыхъ домахъ, словно въ волшебныхъ замкахъ, и она со своимъ мужемъ часто имѣли подобныя несчастья, которыя всегда оканчивались такъ же счастливо, какъ и въ этотъ разъ.

Тутъ съ нѣкоторыми промежутками стали являться и другіе гости. Прежде всего бургомистръ Клейнгольцъ со

своей грузной женой, которую пасторъ Дистеркампъ привѣтствовалъ хитрымъ: „Эге, добрый вечеръ!“ Бургомистръ подошелъ къ хозяйкѣ и, ядовито подмигивая, сказалъ:

— Кого придется вернуть на путь истины, его или насъ?

— Кто знаетъ? Можетъ, еще удастся обратить его.

— Меня только удивляетъ, что онъ не носитъ высокихъ сапогъ.

— Почему?

— Онъ вѣдь такъ много бродить по грязи!.. Знаете, я не выношу его. Чего онъ столько рыщетъ по свѣту? И въ Гаммерштадтѣ достаточно грязи и нищеты, но объ этомъ не пишутъ въ газетахъ... А, кого я вижу!

Вошелъ Антонъ Бюргель. Черезъ свои громадныя очки онъ нѣсколько недовѣрчиво смотрѣлъ на всякаго, привѣтствовавшаго его, и затѣмъ съ короткимъ смѣхомъ подавалъ ему руку. Вслѣдъ за нимъ явились профессоръ Мартини съ женой и дочерью. Послѣдняя привела съ собою свою подругу, Анну Дистеркампъ. Увидѣвъ пастора, Нетти Мартини шепнула Аннѣ: „О Боже, твой отецъ!“ Онъ сказала это съ такимъ искреннимъ замѣшательствомъ, что всѣ гости едва удержались отъ улыбки. Пасторъ же съ нѣкоторымъ безпокойствомъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ и хотѣлъ уже подняться, такъ какъ собиравшееся здѣсь общество совершенно не приходилось ему по вкусу. Но г-жа Броохъ завязала съ нимъ разговоръ, такъ что ему не представлялось удобнаго случая уйти.

Между тѣмъ, какъ Грове съ частью общества удалились въ сосѣднюю комнату, гдѣ стоялъ рояль, въ гостинную вошли д-ръ Макъ и элегантный прокуроръ Эбелингъ. Съ нѣкоторыхъ поръ они стали неразлучными друзьями, хотя д-ръ Макъ былъ красный, а прокуроръ—консерваторъ. Но ихъ обоихъ, какъ и большую часть этого „воскреснаго“ общества, объединялъ искренній, у нѣкоторыхъ страстный интересъ къ тѣмъ вещамъ, о которыхъ, по мнѣнію фрейлейнъ Киппъ, „разумные люди вообще не думаютъ“. Ихъ связывало чувство духовнаго одиночества и внутренней солидарности среди этого чуждаго имъ города, заведеннаго одними лишь практическими интересами.

Когда музыка кончилась, пасторъ Дистеркампъ опять хотѣлъ уйти. Но лакей открылъ дверь, на нихъ пахнула пріятная прохлада, пропитанная запахомъ цвѣтовъ и жаркого, и г-жа Броохъ сказала:

— Прошу васъ, господа, въ обычномъ порядкѣ. Вы будете столь любезны, г-нъ пасторъ?—обратилась она къ нему.

Тотъ не могъ не быть любезнымъ, и повелъ хозяйку къ столу.

Въ эти воскресные вечера у Брооховъ ѣли хорошо, хотя и безъ излишествъ. Ублаготворяли нѣсколько утробу, чтобъ она ублаготворяла душу, но за ней ухаживали не слишкомъ много, чтобъ она не считала себя властительницей. За паштетами послѣдовала жареная телятина съ кислымъ соусомъ изъ сметаны и какимъ-то замысловатымъ салатомъ. „Слава тебѣ, Господи“, думалъ пасторъ Дистеркампъ: „здѣсь теперь кушаютъ не хуже, чѣмъ во времена Матильды“. А салатъ ему до того понравился, что онъ не могъ удержаться, чтобы не спросить у хозяйки рецептъ его. Та обѣщала ему довѣрить рецептъ Аннѣ, хотя онъ представлялъ собою фамильную тайну.

— Но это вѣдь останется въ семьѣ,—сказала она съ улыбкой и чокнулась съ нимъ.—За то, чтобы вы и впредь были нашимъ частымъ гостемъ!

— Гм, да, но тогда и вы должны посѣщать мою церковь, — хотѣлъ онъ было возразить, но, какъ тактичный человѣкъ, счелъ это выраженіе не совсѣмъ умѣстнымъ. Потомъ, можетъ быть, съ глазу на глазъ, за рюмкой вина...

Онъ взглянулъ на другой конецъ стола, гдѣ между прокуроромъ Эбелингомъ и скульпторомъ сидѣла его дочь. Послѣдній, по обыкновенію, молчалъ и нѣсколько непривѣтливо смотрѣлъ черезъ свои очки. Лишь время отъ времени онъ легкимъ кивкомъ головы выражалъ свое согласіе съ Анной, которая разговаривала съ нимъ очень оживленно. Ея щеки, какъ, къ несчастью, и носъ, слегка покраснѣли, глаза сверкали. Вдругъ она взяла рюмку, округленнымъ движеніемъ поднесла ко рту, откинулась и выпила однимъ глоткомъ. И какая она была свѣжая, оживленная: никогда еще отецъ не видалъ, чтобъ она такъ смѣялась! Почему она дома была всегда такая мрачная. „Гмъ, да“—онъ откинулся на спинку кресла и досталъ изъ жилетнаго кармана зубочистку: „пребываніе въ домѣ, на которомъ почіеть благодать Божія, имѣетъ свои пріятныя стороны! Если бы здѣсь только господствовалъ истинный духъ смиренія!“ Его взоры стали блуждать по стѣнамъ, и онъ былъ тронутъ тѣмъ, что на нихъ не было ничего соблазнительнаго: была лишь развѣшана коллекція старинныхъ тарелокъ и пейзажи въ золоченыхъ рамахъ. „Гмъ“, думалъ онъ: „фрейлейнъ Дюмелингъ достойный всякаго уваженія человѣкъ, но отъ нея все-таки несетъ старой дѣвой. И меня она тоже поставила въ совершенно ложное, непріятное положеніе“.

Подали сладкое. Онъ быстро запряталъ зубочистку и все свое вниманіе обратилъ на заманчиво покачивавшійся пуддингъ кофейнаго цвѣта. Послѣ сыра съ масломъ всѣ вышли въ курительную комнату, не особенно большую, съ удобными

креслами. Дистеркампъ наслаждался своей сигарой и не думалъ ничего дурного, когда къ нему обратилась г-жа Броохъ съ улыбкой на устахъ, улыбкой, съ виду очень невинной, но не совсѣмъ лишенной нѣкотораго коварства.

— Вы, г-нъ пасторъ, должны, однако, рассказать намъ, зачѣмъ вы пожаловали къ намъ? У насъ, господа, будетъ сегодня очень интересный разговоръ.

— На очень животрепещущую тему, — прибавилъ ея супругъ.

— Чортъ возьми... да... гмъ...

Пасторъ очень испугался и чуть не выбилъ поднось изъ рукъ горничной.

— Да, животрепещущая, но также очень... очень серьезная тема. И, откровенно говоря, не знаю, подходит ли настоящее настроеніе и общество...

— Мы всегда обсуждаемъ самыя серьезныя темы, — возразилъ коммерціи совѣтникъ. — А общество, котораго этотъ вопросъ касается, какъ разъ на-лицо. Болѣе подходящій случай тебѣ наврядъ ли представится.

Тогда Дистеркампъ откашлялся и началъ: дѣло касается новаго фонтана, который, фигурально выражаясь, можетъ для многихъ явиться камнемъ преткновенія. Онъ тутъ же оговорился, что, хотя онъ въ искусствѣ ничего не понимаетъ, все-таки и не врагъ его. Напротивъ: нѣкоторыя произведенія искусства, извѣстную музыку, церковныя пѣсни, напримѣръ, онъ даже считаетъ богоугодными дѣлами. Итакъ, онъ не врагъ искусства, хотя и не понимаетъ его. Но настолько онъ еще все-таки понимаетъ, чтобы признать, что истинное искусство должно исправлять и возвышать, а не совращать и соблазнять. Онъ отнюдь не хочетъ причислить этотъ фонтанъ къ тѣмъ позорнымъ произведеніямъ, борьбу съ которыми онъ считаетъ своей священной обязанностью. Никкимъ образомъ! Онъ далекъ отъ того, чтобы приписать скульптору нечистые мотивы. Но думалъ ли г-нъ Бюргель также о тѣхъ, чье чувство легче поддается соблазну, чѣмъ чувство обыкновенныхъ, среднихъ людей? О чуткихъ душахъ! О нищихъ духомъ и беззащитныхъ! О слабыхъ! Тутъ онъ вспомнилъ одно мѣсто изъ посланія къ Римлянамъ. И голосъ его принялъ проникнутый внутренней дрожью тонъ. Онъ отложилъ въ сторону сигару, далеко отодвинулъ рюмку съ виномъ, лицо его покраснѣло, глаза налились кровью. Онъ совершенно не замѣтилъ, что г-жа Грове на порядочное разстояніе отодвинула отъ него свой стулъ и энергично терла свое лицо носовымъ платкомъ... Нищіе духомъ! Нищіе и слабые, которые беззащитны противъ соблазна. Во имя ихъ онъ просилъ, умолялъ даже сжалиться надъ ними и

не ввести ихъ во искушеніе. Ибо ихъ создалъ Господь, Творецъ всѣхъ существъ, и надъ ними простирается Его отеческая рука, и Онъ не потерпитъ, чтобы ихъ вводили въ соблазнъ, какъ сказано у Маттея и Исаи, у Іезекіаля и, Богъ знаетъ, еще гдѣ...

Когда онъ кончилъ, въ комнатѣ воцарилась мертвая тишина. Дамы смотрѣли на свои носки или внимательно изучали рисунокъ скатерти. Мужчины сосредоточенно курили свои сигары съ такимъ видомъ, какъ будто они курили въ первый разъ въ жизни.

— Да-съ,—сказалъ, наконецъ, коммерціи совѣтникъ и съ добродушной насмѣшкой обратился къ Бюргелю,—ну, скажите-ка. вы свое мнѣніе.

— Я... я вообще не знаю... что, собственно говоря, имѣеть въ виду г-нъ пасторъ... Мой фонтанъ?

— А то что же?

— Да, что же въ немъ есть соблазнительнаго?

— Эти голыя фигуры...

— Голыя фигуры... да, но вы вѣдь все говорите: „созданные Богомъ“... „созданные Богомъ“... Развѣ мы созданы Богомъ одѣтыми?

— Вы забываете грѣхопаденіе, милостивый государь,—возразилъ Дистеркампъ съ снисходительной мягкостью.—Грѣхопаденіе, которое стоитъ между тѣмъ, какъ мы созданы Богомъ, и тѣмъ, что мы собой представляемъ теперь...

— Позвольте!—вмѣшался бургомистръ, вынувъ изъ рта сигару.—Извините, если я прерву ваши теологическія изысканія. Мы лучше рассмотримъ это дѣло практически. Вы думаете, что опасность грозитъ лишь слабымъ? Но до чего мы дойдемъ, если всегда будемъ считаться съ ними... Если я... или возьмемъ въ примѣръ электрической трамвай. Неужели онъ долженъ двигаться такъ медленно, чтобы была исключена всякая опасность, даже для глухихъ и слѣпыхъ? Тогда нужно было бы впрягать воловъ...

— Правильно!—крикнулъ, смѣясь, д-ръ Макъ.—Хотя... трамвай и произведенія искусства...

— Невѣрно, тутъ есть разница!—поспѣшилъ сказать пасторъ.—Электрическія дороги и тому подобныя практическія сооруженія совсѣмъ не то, что искусство, которое служить лишь для удовольствія, является, слѣдовательно, чѣмъ-то ненужнымъ.

— Вы считаете искусство ненужнымъ?—спросилъ прокуроръ, нѣсколько картава.

— Да, а вы развѣ нѣтъ?

— Не совсѣмъ,—отвѣтилъ тотъ съ любезной улыбкой, смягчая по возможности свой невольнo рѣзкій тонъ.

— Я думаю, что существуют люди, для которых искусство является самым необходимымъ.

— Ну да, художники, зарабатывающіе этимъ свой хлѣбъ, но...

— Ахъ нѣтъ, не художники, а... это можетъ вамъ показаться страннымъ, но изъ своего опыта я знаю, что существуютъ люди, которые скорѣе откажутся отъ электрическихъ трамваевъ и тысячи другихъ удобствъ, чѣмъ отъ наслажденія искусствомъ или... скажемъ, художественнаго подъема.

— Ха-ха!—Дистеркамъ ухмыльнулся и весело затанулъ своей сигарой.—Если даже бываютъ такіе люди, то общество не должно считаться съ такими исключеніями.

— А съ вашими слабыми духомъ, съ вашими—я чуть было не сказалъ—кретинами нужно считаться?..—проворчалъ д-ръ Макъ.

Пасторъ Дистеркамъ чуть было не вспылилъ, какъ Эбеллингъ предупредилъ его.

— Pardon, pardon, обсудимъ это дѣло совершенно хладнокровно. Можетъ быть, г-нъ пасторъ совершенно правъ. Все зависитъ отъ того, какое мѣсто въ жизни мы отведемъ искусству. Представляетъ ли оно собою одну лишь роскошь или же лучший цвѣтокъ культуры, къ которому въ конечной цѣли стремится всякая культурная работа, и безъ котораго вообще не можетъ быть рѣчи о культурѣ? Отъ отвѣта на этотъ вопросъ зависитъ все.

Тутъ дебаты разомъ стали страстными, приняли въ нихъ участіе даже дамы. Образовались небольшія группы, такъ какъ одновременно говорили многіе. Но вдругъ д-ръ Макъ вскочилъ съ своего мѣста и заговорилъ одинъ. Величественнымъ жестомъ онъ, казалось, вынулъ изъ глубины своего бокового кармана всю исторію человѣчества и съ быстротою вихря началъ перелистывать страницу за страницей: отъ временъ Хеопса черезъ Грецію, эпоху Возрожденія и Людовика XIV до Гете. Онъ доказывалъ, что каждая эпоха истинной человѣчности была эпохой расцвѣта искусства. Лишь благодаря искусству человѣкъ, созналъ свое величіе, свою высоту, свое глубокое счастье. Безъ него онъ былъ нищимъ, слѣпымъ, беззащитнымъ, блуждающимъ, жестокимъ, свирѣпымъ, хищнымъ звѣремъ.

— А Римъ? Какъ вы, собственно, относитесь къ Риму, любезный Макъ?—прокартавилъ прокуроръ.

Но Римомъ д-ра Мака невозможно было смутить ни на минуту: всю римскую имперію онъ смелъ опять-таки однимъ величественнымъ жестомъ. Римъ со своими колоссальными зданіями, своими цирками, гладиаторскими боями и человѣческими жертвами, этотъ городъ, всосавшій въ себя

цѣлый міръ, представляетъ недостойное зрѣлище. Римъ могъ создать произведенія внѣшней культуры, но никоимъ образомъ не произведенія искусства. Вся культура, все прекрасное и достойное человѣка исходило изъ Греціи. Римъ своего искусства не имѣлъ. Римъ—ну его къ чорту!

— Скажите въ такомъ случаѣ, все таки, что вы вообще называете искусствомъ?—вдругъ спросилъ пастора скульпторъ съ побагровѣвшимъ лицомъ.

Всѣ обернулись въ его сторону. Удивительно было какъ то, что этотъ маленькій человѣчекъ, молчаливость котораго сдѣлалась среди этого общества темой для анекдотовъ, вообще произнесъ слово, такъ и то, что этотъ вопросъ задалъ именно онъ.

— Вы не знаете, что такое искусство, и сдѣлали его своимъ жизненнымъ призваніемъ?

— Нѣтъ... я думалъ... вы слишкомъ сузили понятіе искусства,—нѣсколько безпомощно промолвилъ Бюргель, опять оробѣвшій отъ того, что обратилъ на себя всеобщее вниманіе.—Полководцы вѣдь тоже могутъ быть художниками, не правда ли? Фридрихъ Великій былъ великій художникъ... въ качествѣ полководца, полагаю, не правда ли?

Тутъ дебаты получили другое направленіе. Страсти опять разгорѣлись, лица раскраснѣлись. Мнѣнія столкнулись, разговоръ пошелъ быстрѣе, сопровождаемый жестами. Замѣтно было, что сердца бились сильнѣе. Броохъ и бургомистръ Клейнгольцъ выступали вмѣстѣ противъ односторонности д-ра Мака. Профессоръ Мартини — Богъ знаетъ, въ какой связи,—говорилъ о Лютерѣ въ Вартбургѣ. Грове обратился къ Аннѣ Дистеркампъ и фантазировалъ о девятой симфоніи.

Г-жа Броохъ съ веселой улыбкой на лицѣ качалась въ своей качалкѣ. Эти споры она любила больше всего. Она не спрашивала: чѣмъ они кончаются? Ибо, собственно говоря, они никогда ничѣмъ и не кончались. Результатовъ не получалось никакихъ. Но все-таки всегда раздавалось слово, которое такъ пріятно было вспоминать среди однообразія будничной жизни.

Единственно кому было не по себѣ, это пастору Дистеркампу и фрейлейнъ Киппъ. Неоднократно онъ кивалъ ей головой, какъ бы желая сказать: „Вы правы. Совершенно какъ въ синагогѣ!..“ Естественно досадно было, что про него совершенно позабыли. Онъ, какъ будто, не существовалъ для этихъ людей, которые надъ его головою производили непрерывную словесную бомбардировку. Онъ прислушивался къ разговорамъ то здѣсь, то тамъ, но хваталъ лишь непонятныя ему крохи. Тутъ одинъ говорилъ о раз-

личіи между Кантовской эстетикой и современной, тамъ онъ услышалъ имя Чемберлена (что англійскій министръ вдругъ попалъ въ ихъ разговоръ, его особенно удивило: онъ не понялъ, что рѣчь идетъ о другомъ Чемберленѣ). Услышавъ же нѣсколько разъ повторенное слово „сверхчеловѣкъ“, онъ весь вострепнулся и внятно сказалъ:

— Нище Богъ покаралъ еще при жизни.

Нѣсколько сострадательныхъ взглядовъ были ему отвѣтомъ. Онъ поднялся очень сердито и налилъ себѣ еще рюмку ликеру. Въ этомъ отношеніи его зять сильно пошелъ назадъ. Онъ очень сожалѣлъ объ отсутствіи прекраснаго зеленого шартреза, который подавали раньше. На столѣ стояла лишь одна бутылка нѣмецкаго ликера.

Когда страсти нѣсколько улеглись, онъ рѣшилъ, что теперь наступила, наконецъ, его очередь, и, какъ человѣкъ послѣдовательный, который ни за что не даетъ сбить себя, онъ, обращаясь къ д-ру Маку, сталъ продолжать разговоръ съ того именно пункта, на которомъ его прервали.

— Вы меня совершенно не поняли. Говоря о слабыхъ, я имѣлъ въ виду не кретиновъ, какъ вы изволили выразиться, а прежде всего зеленую молодежь. Она нуждается въ охранѣ! Я думаю, что съ этимъ вы всѣ согласитесь.

Онъ оглянулся, довольный тѣмъ, что на него, наконецъ, опять обратили вниманіе.

— И меня радуешь, — продолжалъ онъ, обращаясь къ своему старому учителю Мартини, — что въ этомъ пунктѣ мы съ вами одного мнѣнія. Да, въ моемъ горѣ по поводу фонтана мнѣ доставило истинное утѣшеніе то, что я увидѣлъ возлѣ него нашего уважаемаго учителя съ нѣсколькими гимназистами, среди которыхъ былъ и твой сынъ, Германъ. Я думаю, то, что вы имъ говорили, мнѣ совершенно по душѣ. Вѣдь вы, навѣрное, объяснили этимъ молодымъ людямъ, что это зрѣлище не для нихъ?

— Упаси Богъ! — съ живостью возразилъ старикъ, прислушивавшійся къ его словамъ, держа руку у уха. — Мнѣ это даже въ голову не приходило. Я имъ, напротивъ, сказалъ: каждый разъ, когда вы идете въ училище, смотрите на фонтанъ; въ такомъ случаѣ уже съ утра вы получите возвышенное впечатлѣніе.

— Возвышенное впечатлѣніе... эта нагая женщина... для мальчиковъ, наканунѣ конфирмаціи.

— Оставьте! Этотъ фонтанъ не испортитъ никакого порядочнаго мальчика. Если-бъ я сталъ это дѣлать, если-бъ я чистыя произведенія искусства сталъ выставять нечистыми, я бы лишь накликалъ чорта. Тогда я разрушилъ бы въ мальчикахъ самое лучшее. Ибо одно хочу я вамъ сказать,

Августъ. Отдѣлъ I.

г-нъ пасторъ: юношество не такъ слабо, какъ вы думаете. У него имѣется ангель-хранитель, который насъ, къ сожалѣнiю, повидимому, уже покинулъ: это святой духъ наивности... Да, святой духъ!—повторилъ онъ гнѣвно, между тѣмъ какъ его смиренная супруга небольшими толчками подъ столомъ просила его успокоиться.

— О, какой непонятный, дерзкій, можно сказать, оптимизмъ!—возразилъ Дистеркампъ и всплеснулъ руками.

— Вотъ какъ! Н-да. Налейте мнѣ еще немного, г-нъ проруроръ, вы сидите вѣдь у источника... Спасибо. Ваше здорье,—чокнемся съ вами, и тогда вы еще кое-что услышите отъ своего стараго учителя.

Нѣсколькими осторожными, хотя и большими, глотками онъ выпилъ половину рюмки и досталъ затѣмъ изъ кармана сюртука пестрый шелковый платокъ, которымъ онъ отеръ бороду.

— Я сейчасъ же отвѣчу г-ну пастору... Что, матушка?—обратился онъ къ своей женѣ.

Та выпустила свое вязанье, съ недоумѣнiемъ посмотрѣла на мужа, уже начавшаго сердито ворчать, но вдругъ догадалась, въ чемъ дѣло, и съ живостью пробормотала: „Ахъ такъ! Ахъ, такъ!“ На что учитель съ торжествомъ замѣтилъ:

— Ты поняла? Да, вотъ вамъ также примѣръ непонятнаго оптимизма. Это, правда, случилось давно, но я недавно опять вспомнилъ про этотъ случай. Интересно вамъ послушать?

— Пожалуйста!—возразилъ Дистеркампъ.—Интересно во всякомъ случаѣ, но убѣдительно,—наврядъ-ли.

— Это случилось много лѣтъ тому назадъ на урокъ нѣмецкаго языка въ седьмомъ классѣ. Я далъ ученикамъ тему для сочиненiя: „Проявленiя поэтической фантази“. Тема довольно трудная. Согласенъ, признаю. Но я тогда былъ еще молодымъ учителемъ. Ну, да мальчики хорошо справились съ темой. Но при чтенiи одного сочиненiя меня охватилъ порядочный ужасъ: одинъ ученикъ, желая доказать, что и въ обыкновенныхъ, даже предосудительныхъ случаяхъ поэтъ можетъ найти высшiя отношенiя, процитировалъ слѣдующiе стихи изъ „Римскихъ элегiй“ Гете:

Да, я не разъ ужъ творилъ, въ милыхъ объятяхъ покоясь,

И гексаметровъ бѣгъ на бѣломъ бедрѣ отбивалъ...

— Охъ! — крикнулъ Дистеркампъ, закатывая глаза. — И такого мальчика вы считаете наивнымъ?

— Это былъ чрезвычайно честный, нравственно здоровый мальчикъ, за невинность котораго я готовъ голову отдать на отсѣченiе.

— А я за подобную невинность не далъ бы и полушки.

И мнѣ подобные мальчики не безызвѣстны. Съ внѣшней стороны они могутъ произвести впечатлѣніе самыхъ благо-воспитанныхъ, но внутренно это юноши, слишкомъ рано созрѣвшіе, фривольные, расположенные къ нравственной слабости, которая въ концѣ концовъ завершается безнравственностью.

Эти слова Дистеркампъ произнесъ съ достоинствомъ и соотвѣтственными движеніями рукъ, выразившими какъ бы нѣкоторое презрѣніе, при чемъ онъ смотрѣлъ на учителя вызывающе. Да, что значить санъ духовнаго лица въ сравненіи со званіемъ какого-то учителя!

— Къ нравственной слабости, завершающейся безнравственностью? — повторилъ старикъ. — По истинѣ! И вы это думаете въ самомъ дѣлѣ?

— Н-да, это мое убѣжденіе, основанное на опытѣ.

— Такъ! Но въ данномъ случаѣ вы неправы.

— Почему?

— Дальнѣйшее развитіе мальчика свидѣтельствуетъ объ этомъ.

— Какъ вы это докажете?

Тутъ учитель Мартини сдѣлалъ поразительно элегантное движеніе рукою и сказалъ:

— Вы сами служите доказательствомъ.

— Я?

— Да. Ибо этотъ ученикъ никто иной, какъ вы сами, г-нъ пасторъ.

Эффекта всѣ ждали. Предполагали, что г-нъ учитель назоветъ какого-нибудь уважаемаго гражданина, можетъ быть, бургомистра или коммерціи совѣтника. Но чтобъ это былъ пасторъ Дистеркампъ своей собственной персоной! Дамы, пораженныя привскочили со своихъ мѣстъ, а мужчины разразились совершенно непристойнымъ хохотомъ.

— Что, г-нъ пасторъ, правъ ли былъ я, старый оптимистъ? Думаю, что по этому поводу мы еще разъ чокнемся.

Но Дистеркампъ сидѣлъ перепуганный, весь багровый, какъ схваченный на мѣстѣ преступленія грѣшникъ. И онъ себя дѣйствительно чувствовалъ таковымъ, какъ будто противъ него свидѣтельствовали давно забытыя прегрѣшенія. Онъ механически поднялъ свою рамку, не поднося ее ко рту, и только и дѣлалъ, что качалъ головой и увѣрялъ, что не можетъ быть, чтобъ онъ являлся авторомъ этого сочиненія. Но Мартини ссылаясь на свою жену, которой онъ показалъ тетрадь нѣсколько дней тому назадъ.

— Почему ты, Готлибъ, не хочешь признать, что ты когда-то бредилъ Гете? У тебя вѣдь были еще и другія увлеченія, — сказалъ коммерціи совѣтникъ.

— Я... я, дѣйствительно, не помню... вѣдь у меня обыкновенно прекрасная память.

— Но свою юность такъ легко забываютъ. Ты ужь, навѣрное, не помнишь, что когда-то ты былъ большимъ безбожникомъ.

— Что... я?

— Да, конечно. Ты мнѣ сильно импонировалъ, когда доказывалъ, что Христосъ никогда вообще не существовалъ, а представляетъ собою романтическую фигуру.

Богъ знаетъ, показалось ли дамамъ смѣшнымъ выраженіе „романтическая фигура“, или совершенно искаженное лицо пастора, но всѣ онѣ, не исключая и Анны, разразились самымъ задушевымъ смѣхомъ. Тутъ Дистеркампъ почувствовалъ, что богохульства достаточно, предостаточно. Онъ весь побагровѣлъ отъ сильнаго гнѣва и возразилъ:

— Если Неисповѣдимый считалъ нужнымъ вести меня по такимъ ложнымъ стезямъ, то Онъ помогъ мнѣ также подняться къ истинному познанію. Но благородно ли, милый Броохъ, съ твоей стороны напоминать мнѣ объ этихъ мучительныхъ часахъ,—этотъ вопросъ я оставляю открытымъ.

— Ради Бога, я не зналъ, что эти воспоминанія такъ мучительны для тебя.

— Иначе я не былъ бы тѣмъ, что я есмь теперь. Во всякомъ случаѣ, тутъ дѣло идетъ не о Гете и не о Давидѣ Фридрихѣ Штраусѣ, на котораго ты намекаешь, а о фонтанѣ на базарной площади. Вопросъ въ томъ, способенъ ли онъ оскорбить нравственное чувство. И на этотъ вопросъ я могу рѣшительнымъ образомъ отвѣтить: да.

— Мы, значить, опять у начала нашего разговора, г-нъ пасторъ,—любезно замѣтилъ д-ръ Макъ.—Чье нравственное чувство вы имѣете въ виду? Слабыхъ духомъ?

— Ну, я скажу вамъ такъ: нравственность вообще! По моему мнѣнію, онъ опасенъ для нравственности!

— А что такое нравственность?

— На подобный же вопросъ я отвѣтилъ одному моему слушателю въ Берлинѣ: этотъ вопросъ вашъ показываетъ, что вы ея лишены. Но я, г-нъ докторъ, укажу вамъ лишь на десять заповѣдей.

— Десять запрещеній, скажите лучше. Ну, эти...

Но теперь г-жа Броохъ дѣйствительно ощутила нѣкоторый страхъ. Глаза д-ра Мака свѣтились злымъ огонькомъ. Пасторъ Дистеркампъ страдалъ, казалось, отъ приливовъ крови къ головѣ. Приблизительно такъ она представляла себѣ прежде ихъ разговоръ, но онъ, во всякомъ случаѣ, былъ ей не по душѣ. Поэтому она поспѣшила вмѣшаться:

— Мнѣ кажется, что отъ фонтана мы опять переходимъ

къ теологiи. Но это просходить отъ того, что говорятъ только мужчины. Вѣдь насъ, женщинъ, это еще больше затрагиваетъ. Поэтому и мы должны были бы принять участiе въ разговорѣ. Не правда-ли, г-жа Мартини?

— Да, тогда было бы нѣсколько спокойнѣе.

— А что вы скажете?

Старая дама раньше довязала петлю и затѣмъ сняла свои большiя очки.

— Я, собственно говоря, не могу ничего сказать, такъ какъ теперь все перемѣнилось. Въ нѣкоторыхъ отношенiяхъ стали теперь такъ свободны, въ другихъ же по-прежнему стѣсняются. Въ мое время попросту говорили: это — искусство, ты въ этомъ ничего не понимаешь. И баста! При этомъ не думали тогда ничего дурного.

— Но вы, моя уважаемая сосѣдка, — обратился пасторъ къ г-жѣ Грове, невинное, ангельское лицо которой внушало ему большiя надежды, — вы вѣдь согласны со мною?

— О нѣтъ! — И съ слишкомъ большой даже восторженностью ея карiе глаза поднялись къ канделябру. — Я считаю фонтанъ божественнымъ. Мнѣ кажется, я могла бы молиться передъ нимъ.

— Гмъ... гмъ... ну, кто же изъ дамъ на моей сторонѣ?

Слова эти были произнесены медленно, дрожащимъ голосомъ, и въ трепетномъ ожиданiи онъ сталъ переводить свои глаза съ одной дамы на другую, вначалѣ съ принужденной улыбкой, а затѣмъ — когда ни одинъ голосъ не прервалъ глубокаго молчанiя — съ серьезнымъ, со все болѣе серьезнымъ выраженiемъ на лицѣ. Мимо фрейлейнъ Киппъ его взоръ проскользнулъ быстро: ея просительный взглядъ говорилъ: „Я бы такъ хотѣла, но я вѣдь не могу“... Но тѣмъ долѣе онъ остановилъ свой взглядъ на своей дочери: вопрошающе, умоляюще, почти угрожающе. А она не избѣгала его взгляда, и смотрѣла на своего отца прямо и спокойно и, какъ ему казалось, съ нѣкоторой твердою холодною на лицѣ. Его охватила тогда искренняя боль: его родная дочь отрекалась отъ него. Его кровь и плоть не имѣетъ мужества стать на его сторону. Чѣмъ онъ заслужилъ это?

Онъ провелъ рукою по лицу, но его страдальческая сосредоточенность не уменьшалась. Г-жа Бруокъ прервала мучительное молчанiе:

— Любезный г-нъ пасторъ, сказано, правда, что самый сильный тотъ, кто одинокъ. Но это сказано о борьбѣ между мужчинами. А этотъ вопросъ...

Дистеркампъ прервалъ ее:

— Я думаю, что дамы попросту не достаточно хорошо

знають этотъ фонтанъ Вѣдь большинство изъ васъ видѣли его лишь поверхностно.

— Какъ и ты!—сказалъ коммерціи совѣтникъ.

— Поэтому я бы предложила,—продолжала г-жа Броохъ,—чтобъ твой шуринъ потрудился еще разъ осмотрѣть его. Мы просимъ г-на Бюргеля снять, насколько возможно, покровъ.

— Это не представляетъ никакихъ затрудненій.

— Хотите, г-нъ пасторъ! Завтра утромъ. Германъ навѣрное пойдетъ вмѣстѣ съ вами.

— Если вы считаете это нужнымъ,—холодно отвѣтилъ Дистеркампъ.

Г-жа Броохъ обратилась тогда къ Грове, который уже порядочное время барабанилъ пальцами по колѣнямъ.

Хотя музыка и не въ состояніи была прогнать у всѣхъ напряженное состояніе, она, однако, нѣсколько смягчила его. Скоро послѣ одиннадцати пасторъ и его дочь поднялись со своихъ мѣстъ. Оба шли молча домой по улицамъ, подъ проливнымъ дождемъ.

VIII.

Кромѣшная тѣма и мертвая тишина. Лишь карманные часы тикаютъ на ночномъ столикѣ. Пасторъ Дистеркампъ съ громкимъ стономъ просыпается отъ ужаснаго сна. Ради Бога, что случилось? Безобразіе, ужаснѣйшее безобразіе! Онъ чувствуетъ сильное давленіе въ головѣ, еще болѣе сильное въ желудкѣ. „Ахъ, салаты!“ приходитъ ему въ голову. Онъ нѣсколько разъ стонетъ. безпокойно ворочается съ бока на бокъ, то широко раскрывая глаза, то съ усиліемъ плотно закрывая ихъ опять, и, наконецъ, снова засыпаетъ, погружаясь въ еще болѣе страшный, еще болѣе запутанный сонъ, въ которомъ большую роль играетъ д-ръ Макъ и электрическій трамвай на полномъ ходу...

На другое утро пасторъ всталъ нѣсколько позже обыкновеннаго и продолжительное время лежалъ совершенно апатично. Но вдругъ его десница, сжатая въ кулакъ, опустилась на перину, и разразилась буря, буря, правда, невысказанныхъ словъ, но дикая и грозная, какъ ураганъ. Эта буря была направлена противъ вчерашняго общества, этихъ высокоумѣренныхъ отступниковъ-язычниковъ, которые хвастаются своей ложной мудростью, своими обрывками какихъ-то знаній и не обладаютъ тѣмъ единственнымъ знаніемъ, которое нужно человѣку. Какъ они, нагіе и нищіе, предстанутъ въ день Суда! О какъ было бы хорошо представить имъ все это и разбить ихъ кулакомъ, который билъ по перинѣ...

Онъ поднялся совершенно освѣженный. Совершая свой туалетъ, онъ все болѣе входилъ въ свою роль проповѣдника, то сжимая въ кулакъ покрытыя мыломъ руки, то угрожающе поднимая зубную щетку. Но, вспомнивъ про свою дочь, онъ опустилъ правую руку, которая только что расчесывала гребнемъ рѣдкіе волосы, и съ испытующимъ выраженіемъ на лицѣ посмотрѣлъ въ зеркало... Чтобъ его родное дитя предало его! Его кровь и плоть!.. Онъ видѣлъ свои рѣдкіе волосы, которые то подымались отдѣльными клочьями, то оставляли гладкую лысину, видѣлъ свои красные глаза, желтый носъ, узенькія жилки котораго лишь съ соболѣзнованіемъ и очень робко свидѣтельствовали о наслажденіяхъ прошлаго,—и глубокая жалость къ самому себѣ заставила его продолжительное время оставаться неподвижнымъ, полнымъ ожиданія и мыслей: „Такимъ она должна была бы увидѣть меня, своего стараго, согбеннаго отца!“

Но онъ долженъ призвать ее къ отвѣту! Гммм...

Выраженіе его лица измѣнилось и стало какимъ-то пугливо подстерегающимъ.

А что, если Анна будетъ возражать на его упрёки и откажется отъ повиненія?

Ей досталось небольшое наслѣдство отъ бабушки, она можетъ жить самостоятельно, и съ отцомъ ее связываютъ лишь дочерняя любовь и обязанности. А какъ въ этомъ отношеніи обстоитъ нынѣ съ женской молодежью? Куда ни кинешь взглядъ, вездѣ молодыя дѣвушки оставляютъ семьи и, даже не выходя замужъ, эммансипируются, какъ это называютъ теперь. И въ этомъ сказался упадокъ нравственности.. Гм... Но не можетъ же онъ допустить, чтобъ его дочь была настолько испорчена.

И онъ продолжалъ причесываться съ тѣмъ же полнымъ горечи, самого себя сожалѣющимъ выраженіемъ лица, какое у него было раньше. Когда онъ обтеръ гребешокъ, на пальцахъ его осталось нѣсколько сѣдыхъ волосъ. Этотъ фактъ онъ хотѣлъ связать съ какой-нибудь серьезной мыслью, но, такъ какъ она не приходила ему въ голову, онъ намазалъ волосы нѣсколько клейкимъ, но очень дорогимъ бальзамомъ и сдѣлалъ очень красивый, ровный проборъ.

Нѣтъ! Выговора не нужно! Лучше не сегодня, а завтра или послѣзавтра онъ умно, деликатно, но внушительно объяснитъ ей, что общество, собирающееся въ домъ его зятя, не подходящее для него и для нея.

— А теперь съ Божьей помощью за работу!—думалъ онъ, надѣвая бѣлый галстухъ. При этомъ передъ его глазами носился не только утренній кофе, но также то, что слѣдовало за нимъ: вторичный осмотръ фонтана и его окончатель-

ный приговоръ надъ нимъ. Онъ и тутъ хотѣлъ остаться вѣрнымъ своему христіанскому долгу, но вмѣстѣ съ тѣмъ мудрымъ, какъ змій: не горячиться, какъ вчера, а сдержанно осудить соблазнъ и, главнымъ образомъ, добиться осуществленія своихъ скромныхъ пожеланій: пояска для дѣвушки и по фиговому листку для каждаго изъ четырехъ мальчиковъ.

Онъ какъ разъ закурилъ свою утреннюю сигару и соби-
рался уходить, когда ему сообщили о приходѣ фрейлейнъ
Дюмелингъ.

Миниатюрная старая дѣва при его входѣ въ гостинную
вскочила съ своего мѣста и такимъ тономъ, какъ будто въ
воздухъ носилась величайшая опасность, спросила его:
сдѣланы ли уже необходимые шаги противъ открытія скан-
далознаго памятника?

Пасторъ Дистеркампъ счелъ умѣстнымъ нѣсколько раско-
лотить ея возбужденное состояніе. Онъ поэтому смотрѣлъ
на свою гостью съ снисходительнымъ хладнокровіемъ, по-
просилъ ее опять занять свое мѣсто и, пока фрейлейнъ чуть
не проглатывала его своими полными ожиданія глазами,
онъ также сѣлъ, спокойно положилъ ногу на ногу и, втя-
нувъ голову въ плечи и сморщивъ нѣсколько ротъ, при-
нялъ задумчивое выраженіе лица. При этомъ крѣпкіе пальцы
его правой руки играли серебряной цѣпочкой часовъ.

— Да,—сказалъ онъ черезъ нѣкоторое время.—Откро-
венно говоря, я не совсѣмъ раздѣляю ваше возбужденіе,
уважаемая фрейлейнъ Дюмелингъ. Прежде всего я нахожу,
что въ послѣдній разъ вы употребили слишкомъ рѣзкія
выраженія. Да, да! Мы,—христіане, и прежде всего мы сами
должны быть крайне осмотрительны при осужденіи чужихъ
проступковъ. Я еще разъ вызвалъ въ памяти впечатлѣніе,
которое произвелъ на меня фонтанъ: онъ, конечно, не въ
моемъ вкусѣ, но чтобъ онъ былъ безнравственнымъ, чтобъ
онъ представлялъ прямой соблазнъ, я не нахожу!

— Это, право, великолѣпно!—возразила фрейлейнъ Дю-
мелингъ, вскакивая опять со стула и раздражаясь истериче-
скимъ смѣхомъ.

— Что вы находите великолѣпнымъ?—рѣзко спросилъ
пасторъ.

Но фрейлейнъ Дюмелингъ должна была раньше дать
полную свободу своему язвительному восторгу, прежде
чѣмъ отвѣтила на многократные вопросы пастора. Велико-
лѣпнымъ она находить то, что въ то время, какъ всѣ по-
рядочные и христіански-мыслящіе элементы общины охва-
чены однимъ лишь чувствомъ возмущенія, глава общины
не находить нужнымъ вмѣшаться въ эту исторію.

— Католики будутъ себѣ руки потирать. Это—вода на ихъ мельницу!—сказала она.

Тутъ пасторъ Дистеркампъ насторожилъ уши: то, что онъ слышалъ, порядочно взволновало его. Фрейлейнъ Дюмелингъ увѣряла его, что на обратномъ пути изъ церкви она слышала, какъ самые различные люди говорили о фонтанѣ, и всѣ были того же мнѣнія, что и она. Она назвала дюжину именъ, именъ вѣскихъ, извѣстныхъ какъ строгой набожностью, такъ и почетнымъ социальнымъ положеніемъ ихъ носителей. За столомъ у нея былъ вчера еще ея двоюродный братъ, отставной капитанъ Дрегеръ. И онъ былъ не менѣе возмущенъ и, по обыкновенію своему, выражался очень рѣзко: этотъ фонтанъ—одно свинство, отъ котораго покраснѣеть любой фельдфебель.

Когда Дистеркампъ нѣсколько пришелъ въ себя отъ удивленія, въ его груди прозвучало какъ бы аллилуія. О, если-бъ онъ зналъ это вчера! Онъ занялъ бы тогда совершенно другую позицію: онъ былъ бы тогда ужъ не единственнымъ лицомъ, а представителемъ многихъ, лучшихъ, онъ былъ бы уполномоченнымъ христіанской общины. Вчера, когда онъ съ каеэды увидѣлъ такъ много пустыхъ скамей, а на занятыхъ лишь очень мало слушателей изъ почтенныхъ круговъ населенія, его охватило полное отчаяніе: не за себя, а за Господа Бога, Котораго онъ видѣлъ покинутымъ. Но теперь сердце его наполнилось мужествомъ, и въ его душѣ блеснуло предчувствіе, которое радостно потрясло его, какъ будто онъ увидѣлъ перстъ Божій, указующій, что этому фонтану суждено стать дѣломъ спасенія, которое разбудить спящихъ, внушить бодрость охладѣвшимъ, созоветь вѣрныхъ.

— Мой дражайшій другъ, — сказалъ онъ. — Вы меня раньше совершенно не поняли. Или, вѣрнѣе, вы не дали мнѣ высказаться. Я хотѣлъ сказать, что, хотя въ дѣломъ фонтанъ по-моему не представляетъ собою соблазна, я тѣмъ рѣшительнѣе осуждаю тѣ нѣкоторыя грубыя непристойности, которыя являютъ собою детали. Болѣе подробно перечислить ихъ не позволяетъ мнѣ чувство собственнаго достоинства. Но, какъ вы видите, я собирался къ своему зятю, чтобъ еще разъ поговорить съ нимъ и потребовать устраненія этихъ неблагопристойностей. Я думаю, этого достаточно.

— Я и многіе другіе за то, чтобъ совершенно снесли этотъ позоръ!..

— Но это...

— А если коммерціи совѣтникъ и слышать не захочетъ объ измѣненіяхъ?

— Тогда я исполню свой долгъ.

Госпожа Дюмелингъ поднялась и пожала руку пастора. Ея мутные стеклянные глаза поднялись къ нему съ благодарностью, между тѣмъ какъ нижняя челюсть и выдающійся впередъ подбородокъ, ослабѣя, задвигались туда и сюда.

— Если дѣло невозможно будетъ уладить миромъ, тогда война, г-нъ пасторъ. И да поможетъ вамъ Богъ въ этомъ!

Часъ спустя пасторъ Дистеркампъ бѣжалъ по улицѣ Евангелической Церкви съ развязавшимся галстукомъ и раскраснѣвшимъ лицомъ. Онъ зналъ уже, что дѣло пойдетъ по пути не мира, а войны. О Боже, какую сцену онъ только пережилъ! Ему опять пришлось погрузить свой потрясенный взглядъ въ бездны человѣческаго сердца. И у кого — у зятя! „Боже... Боже... Боже“... думалъ онъ, и, хотя ему слѣдовало спѣшить домой, чтобъ дать урокъ конфирмантамъ, онъ продолжалъ бѣжать въ противоположномъ направленіи.

Между тѣмъ, коммерціи совѣтникъ Броохъ, держа руки въ карманахъ брюкъ, большими шагами расхаживалъ по верандѣ и что-то посвистывалъ, какъ будто онъ былъ Богъ знаетъ какъ доволенъ. Когда же вошла жена въ декольте, лишь съ шелковой шалью на плечахъ, лицо его выразило удивленіе, и онъ спросилъ ее:

— Что это за смѣшной костюмъ?

— Ты вѣдь знаешь, сейчасъ придетъ Бюргель. Онъ хочетъ начать сегодня съ плечъ. А чѣмъ кончился вашъ разговоръ?

— Если-бъ этотъ человѣкъ не былъ моимъ шуриномъ, я бы сказалъ...

— Германъ, ты вѣдь не вспылить? Германъ, ты вѣдь общалъ мнѣ.

— Вспылить? Онъ сказалъ мнѣ, что съ кафедры будетъ громить соблазнъ...

— А ты?

— А я сказалъ: прекрасно, дѣлай, что хочешь. Но въ той церкви, гдѣ это произойдетъ, я не останусь больше ни одного дня. Я уйду изъ нея.

Г-жа Броохъ разразилась искреннимъ смѣхомъ.

— Да, да, уйду. Мнѣ надоѣла вся эта канитель.

Тутъ онъ споткнулся о ведро, стоявшее у окна подъ скамейкой для горшковъ съ цвѣтами. Онъ нажалъ электрическую кнопку и продолжалъ:

— Я не позволю такому одержимому маніей величія...

Онъ ужъ хотѣлъ обозвать своего шурина осломъ, какъ вошла горничная Элиза.

— Что это за безпорядки, Элиза! Вы на старости лѣтъ тоже съ ума спятили! Оставлять въ комнатѣ ведро!

— Ахъ, это моя вина! — быстро сказала г-жа Броохъ. —

Элиза совершенно не виновата. Я поливала цвѣты и, чтобъ вода не пролилась на паркетъ, велѣла подставить ведро.

— Ну, вы должны были принести какую-нибудь другую посудину. Не грязное же ведро!

— Принесите маіоликовый горшокъ, вы вѣдь знаете. Правда, это ведро имѣетъ не особенно презентабельный видъ. Слушай,—продолжала она, когда Элиза вышла,—когда ты сердить, кричи на меня, а не на прислугу. Они вѣдь не могутъ защититься.

— Ну да... но подобная непонятливость можетъ кого угодно вывести изъ терпѣнія. Если онъ говоритъ о произведеніи искусства, какъ о старомъ сапогѣ, я не въ претензіи на него. Но эта манія величія... Тебѣ нужно было бы только послушать его. Словно его устами говорилъ самъ Господь Богъ!

Въ эту минуту въ комнату опять вошла Элиза, лицо которой выражало страданіе и оскорбленное чувство собственного достоинства. Въ лѣвой рукѣ она держала маіоликовый горшокъ, а правой она проводила по морщинистой щекѣ, какъ будто на ней были слезы.

— Ну, да нечего вамъ сейчасъ же ревѣть, если я иной разъ несправедливо покричу на васъ. Я вѣдь знаю, что вы прекрасная дѣвушка.

Элиза одну минуту стояла молча и дала себя похлопать по широкой, уже нѣсколько сторбленной спинѣ, потомъ вышла изъ комнаты, не говоря ни слова, такъ какъ она не такъ-то легко прощала.

— Рааскажи же обо всемъ разумно... по порядку!

— Ну, сперва около четверти часа онъ все осматривалъ молча, въ кулакъ, понимаешь ли. Я спросилъ его, не желаетъ ли онъ, чтобъ я подалъ ему бинокль. Кончивъ осмотръ, онъ обратился къ Бюргелю—какъ будто меня не существовало:—„На фигуру нужно что-нибудь надѣть, по крайней мѣрѣ, поясокъ“. Тебѣ нужно было бы видѣть лицо Бюргеля при этомъ. Бѣдняга, какъ громомъ, былъ пораженъ этимъ предложеніемъ. И когда онъ спросилъ, какъ это ни съ того, ни съ сего наложить на фигуру поясокъ изъ мрамора, тотъ отвѣтилъ: если нельзя изъ мрамора, пусть сдѣлаетъ изъ бѣлой лакированной жести. Мнѣ, ей-Богу, стыдно стало передъ рабочими. Не желая подвергать Бюргеля дальнѣйшимъ терзаніямъ, я его отослалъ къ рабочимъ и сказалъ: объ измѣненіяхъ не можетъ быть и рѣчи. Ничего не прибавлять и ничего не убавлять. Тогда только началось. Онъ не можетъ потерпѣть этого соблазна. Община усомнится въ своемъ пастырѣ. Онъ долженъ, молъ, выступить противъ меня,—такъ прямо и сказалъ. Тогда я коротко и рѣши-

тельно отвѣтилъ ему: прекрасно, я выступлю въ такомъ случаѣ изъ церкви!

— Ты даже въ шутку не долженъ быть этого говорить.

— Въ шутку? Я думалъ это вполне серьезно. И мнѣ кажется, что это единственный отвѣтъ на подобный вызовъ.

— Прошу тебя,—сказала г-жа Броохъ нѣсколько нетерпѣливо.—Это значить вѣдь на неразумную угрозу отвѣтить еще болѣе неразумной. Твой шуринокъ смягчится, если ты не будешь раздражать его.

— Онъ не сдастся. По его словамъ, за нимъ стоитъ большая клика. Но что ты берешь его подъ свою защиту?..

— Ну, глупости!—сказала она.

— Конечно, вы, женщины, станете лучше на сторону противника, чтобъ только не нарушить милый вашему сердцу миръ. Но это замазываніе и прикрываніе мнѣ кажется глупымъ: пора раскрыть карты.

— Не пора еще.

— Можетъ, не для тебя. Для меня же—да. Чорта съ два, такъ будешь попадать изъ огорченія въ огорченіе.

— Но, Германъ... Германъ!

— Что „Германъ, Германъ“... Глупости. Прощай.

И при этихъ словахъ онъ выбѣжалъ изъ комнаты. Черезъ нѣкоторое время она замѣтила, что онъ ушелъ изъ дома.

— Старый дуралей!—пробормотала она и въ то же время съ улыбкою смотрѣла ему во слѣдъ.

Вслѣдъ затѣмъ появился Бюргель, и они пошли въ комнату, устроенную подъ мастерскую.

Яркій дневной свѣтъ могъ безпрепятственно проникать черезъ ничѣмъ не прикрытыя окна. Обычная мебель была удалена. Недалеко отъ подставки съ моделью изъ глины стояло на вращающемся кругѣ кресло. Тутъ же находилось одно ведро съ водой, другое—наполовину наполненное глиной. На столикѣ были разбросаны инструменты, а за ними стояли коробки съ сигарами и папиросами. На бамбуковомъ креслѣ висѣлъ длинный бѣлый рабочій халатъ. Въ то время, какъ Бюргель замѣнилъ куртку этимъ халатомъ, г-жа Броохъ усѣлась въ креслѣ и сказала:

— Ну? Надѣюсь, что глупости моего шурина вы не приняли близко къ сердцу.

Скульпторъ покачалъ головой, полузажмуренными глазами глядя по очереди то на г-жу Броохъ, то на свою работу.

— У васъ поразительныя плечи, долженъ я сказать,—бормоталъ онъ, весь погруженный въ созерцаніе своей мо-

дели, которую онъ сегодня въ первый разъ видѣлъ декольтированной.

Г-жа Броохъ слегка улыбулась.

— Вы находите?

— Да, они дѣйствительно поразительно красивы. Эта линия здѣсь...—при этомъ онъ провелъ рукою по воздуху.—Шея, пожалуй, чуть-чуть слишкомъ длинна, но это не мѣшаетъ.—Пожалуйста, немножко...—и рука опять сдѣлала движеніе въ воздухѣ.—Такъ! Такъ хорошо! Да, что я хотѣлъ сказать? Нѣтъ, я не огорчился. Мнѣ только жаль, что изъ-за вашей доброты вамъ приходится терпѣть непріятности.

— Э, этого вамъ бояться нечего!—отвѣтила г-жа Броохъ довольная.—Я увѣрена, мой шуринокъ сдастся.

Скульпторъ началъ свою работу и замолкъ. Онъ не употреблялъ почти никакого орудія, а все дѣлалъ большимъ пальцемъ, который нервно и въ то же время осторожно двигался по глинѣ и вдавливалъ ее, то кое-что отнимая, то прибавляя.

— Въ Мюнхенѣ мало хорошихъ моделей,—сказалъ онъ черезъ нѣкоторое время:—тамъ почти всѣ женщины имѣютъ толстыя шеи и короткія ноги. Просто бѣда.

Такъ какъ г-жа Броохъ ничего на это не отвѣтила, онъ замолкъ. Это время сеанса проходило не особенно оживленно. Прошло минутъ десять, когда онъ вдругъ спросилъ:

— Неужели всѣ пасторы таковы?

— О, нѣтъ,—съ живостью возразила г-жа Броохъ, такъ какъ и она въ это время думала о томъ же.—Было бы ужасно, если-бъ всѣ были таковы. Я думаю, что даже въ Гаммершпедтѣ онъ единственный среди своихъ коллегъ. Царящій въ немъ духъ вымираетъ. Нѣтъ, нѣтъ, молодые геологи болѣе свободны въ своихъ взглядахъ, и имъ принадлежитъ будущее. Дистеркампамъ пора ужъ на покой.

— Я думаю, что Дистеркампы вѣчны. Если они не господствуютъ въ церкви, то господствуютъ въ какой-нибудь другой области. Но одно мнѣ непонятно: какимъ образомъ у такого человѣка подобная дочь?

— Не правда ли, она милая дѣвушка?

— Мила, умна и скромна,—во всемъ противоположность отцу.

— И ей-таки достаточно тяжело съ нимъ: дома старикъ—настоящій тиранъ.

— Почему она не выходитъ замужъ?

— Ахъ! а носъ?

— Вѣдь носъ не можетъ же удерживать человѣка отъ женитьбы на дѣвушкѣ, которая ему симпатична.

— Странно, что это говорите вы, художникъ!

— Какъ такъ? Я женюсь вѣдь не на бедрахъ или бюстѣ, а на человѣкѣ, на духовномъ существѣ. Жениться и моделировать—двѣ различныя вещи. Впрочемъ, изъ своего опыта я вынесъ, что всякое тѣло имѣетъ свои красоты и свои безобразія. Совершенства нѣтъ. Слѣдовательно, ность мнѣ бы не помѣшала. Но упаси меня Богъ отъ женитьбы..

Слова его перешли въ бормотанье, и онъ опять молча сталъ работать.

Когда сеансъ кончился, г-жа Броохъ пошла въ уборную переодѣваться. Она собиралась уже позвонить горничную, какъ въ комнату вошелъ ея мужъ. Лицо его было еще покрыто свѣжей краской отъ верховой ѣзды и холодной воды душа. Онъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ улынулся и сказалъ:

— Здравствуй! Ты еще сердишься?

— Я?

— Ну, я это заслужилъ.

— Ты правъ. Но если съ вами, мужчинами, поступать по заслугамъ... Въ наказаніе ты можешь, однако, застегнуть мнѣ свади блузу.

— Это—наказаніе?

И онъ поцѣловалъ ее въ затылокъ.

— Слушай!—сказала она, опуская воротникъ своей блузки и поворачиваясь къ нему.—Не находишь ли ты, что шея у меня слишкомъ длинна?

— Твоя шея слишкомъ длинна?

— Бюргель сказалъ это.

— Вотъ нахальство!

— Но плечи мои онъ находитъ очень красивыми.

— Посмѣлъ бы... Я бы ему задалъ! И если-бъ онъ...

— Фи, замолчи! Будеть! Застегни, не то я позвоню Элизу.

Мужъ сталъ свади нея и, довольно неловко исполняя обязанности горничной, сказалъ ей:

— Но я все-таки выступлю. Я это рѣшилъ твердо.

— Вотъ какъ.

— Если онъ, дѣйствительно, такъ далеко пойдетъ и будетъ съ кафедры выступать противъ фонтана, то онъ вѣдь попросту вынудитъ меня къ этому! И я не буду единственнымъ! Не считая моихъ рабочихъ, которымъ доставитъ только удовольствіе послѣдовать за мною, въ городѣ найдется еще не одна сотня людей, которые внутренно совершенно далеки отъ господствующей церкви и принадлежать къ ней лишь внѣшнимъ образомъ, наружно. Всѣ они ждутъ лишь малѣйшаго повода.

Г-жа Броохъ съ нѣкоторымъ усиліемъ сама застегнула

послѣднія пуговицы своей блузки, постояла передъ зеркаломъ, поглаживая черное платье на бедрахъ. Затѣмъ она задумчиво усѣлась въ стоявшее у кровати кресло и возразила:

— Если ты хочешь выступить изъ церкви, ты, долженъ, по моему мнѣнью, сдѣлать это сейчасъ.

— Почему сейчасъ?

— Подобный важный шагъ нельзя сдѣлать по такому ничтожному поводу. Можно подумать, что вдругъ, когда пасторъ оскорбилъ тебя, твои убѣжденія измѣнились, а до того ты даже и не думалъ объ этомъ. Всего полгода тому назадъ ты еще вѣнчался въ церкви. Ты не остановился передъ этимъ...

— Но ты вѣдь сама знаешь, что мы это сдѣлали изъ-за Эрнста и Готлиба.

— Никогда нельзя ничего дѣлать изъ-за того или другого. Это всегда мститъ за себя. Но если ужъ что-нибудь сдѣлать, то этого нужно держаться. И прежде всего съ Эрнстомъ приходится считаться и теперь. Подобнымъ шагомъ ты причинишь ему излишнее горе. И такъ ужъ онъ доставляетъ мнѣ достаточно заботъ.

— Для него очень хорошо узнать, какъ его отецъ относится къ церкви. И безъ того мальчикъ съ каждымъ днемъ становится все большимъ дикаремъ.

Но Елена взяла руки мужа:

— Оставь его. Онъ ужъ самъ пробьется. Дѣйствительно, Германъ. Онъ вѣдь не только твой сынъ... по крови онъ также дитя своей матери. Не мучь его... предоставь его мнѣ!

Коммерціи совѣтникъ нагнулся и поцѣловалъ женѣ руку.

— Мальчикъ даже не подозреваетъ, какой прекрасный обмѣнъ онъ сдѣлалъ, получивъ такую мать.

— Ты говоришь, какъ мужчина и... купецъ,—отвѣтила она съ легкой улыбкой.—Но я совершенно не хочу изгнать изъ его памяти мать. Напротивъ. Я хочу лишь, чтобъ онъ мнѣ довѣрялъ.

— Ну,—сказалъ Броохъ послѣ короткаго раздумья.— Пожалуй, ради Эрнста я избѣгну всякаго скандала.

— Нѣтъ!—весело возразила г-жа Броохъ, вскакивая съ мѣста.—Не ради Эрнста, а потому, что ты и твое дѣло стоять слишкомъ высоко, чтобъ реагировать на подобныя нападки. Если твой шуринъ, дѣйствительно, такъ глушь, въ чемъ я продолжаю сомнѣваться, то пусть онъ позоритъ себя. Вѣрь мнѣ, Германъ, это самый лучший и самый коварный способъ защиты: спокойно дать противнику совершенно слѣпо и глубоко покрыть себя позоромъ.

Ея мужъ разсмѣялся, довольный. Но черезъ нѣкоторое время онъ спросилъ:

— Скажи же мнѣ, какъ ты смотришь вообще на выступленіе изъ церкви?

Нѣкоторое время она задумчиво качала головой и, когда затѣмъ начала излагать ему свои возрѣнія, свои сомнѣнія и тихія надежды, а онъ выставлялъ ей свои возраженія, то обнаружилось слѣдующее своеобразное явленіе: онъ, потомокъ строго религіознаго поколѣнія, продѣлавшій во время своей юности упорную религіозную борьбу, теперь съ корнемъ хотѣлъ вырвать все, что могло его хоть сколько-нибудь связать съ церковью, получая полное удовлетвореніе въ почерпнутыхъ имъ изъ естествознанія убѣжденіяхъ; она же, дитя семьи, не враждебной, а лишь совершенно равнодушной къ религіознымъ вопросамъ, выросшая безъ религіозныхъ вліяній и безъ всякой борьбы, между тѣмъ какъ высокія волны, поднимаемыя современной наукой и литературой, беспрепятственно доходили до ея души, она ощущала теперь какую-то неопредѣленную потребность, тоску по религіи, которой она не могла даже выразить, о которой не смѣла говорить, является ли тоска эта послѣднимъ отзвукомъ унаслѣдованныхъ отъ предковъ привычекъ, или же источникомъ, бьющимъ изъ предвѣчныхъ потребностей чловѣка.

— Нѣтъ,—сказала она, наконецъ,—мнѣ чуждо почти все, чему учить церковь: какъ ея вѣра, такъ и нравственность. И я знаю, въ моемъ кругу ея зовъ не можетъ найти отклика. Лишь сама я—изъ своего внутренняго я—могу себѣ дать отвѣтъ. И все-таки... все-таки... да, ты можешь себѣ улыбаться... я жажду общенія, символовъ, мистерій.

— Ты—женщина!—сказалъ онъ, улыбаясь.

Она кивнула головой:

— Радуйся, что ты—мужчина. Или нѣтъ!—она тихо покачала головой:—я бы не отказалась даже отъ неудовлетворенной тоски.

IX.

Долговязый Гаверкамъ пронюхалъ, что сегодня въ видѣ исключенія у пастора будетъ общій урокъ для обоихъ половъ. Ему сейчасъ же пришло на умъ использовать этотъ случай, чтобъ обмѣняться словечкомъ съ предметомъ своей страсти, Анной Баумъ. Не столько изъ товарищескихъ чувствъ, сколько изъ практическихъ соображеній, онъ посвятилъ въ этотъ планъ своихъ друзей, и сейчасъ же по окончаніи занятій въ школѣ они бросились на Королевскую

площадь, гдѣ скрещивались дороги изъ женской гимназіи и ихъ гимназіи. Впереди всѣхъ мчался Августъ, который, несмотря на свою тяжеловѣсность, былъ большимъ поклонникомъ прекраснаго пола. У него хотя и не было опредѣленнаго предмета страсти, но онъ надѣялся, что, благодаря сегодняшнему случаю, и его сердце воспламенится. Они остановились и спрятались за угломъ какого-то дома, и только время отъ времени кто-нибудь высовывался, чтобъ посмотреть, не идутъ ли дѣвушки. Было рѣшено, что дѣвушки должны прямо наскочить на нихъ, такъ что не смогутъ уже улизнуть, и Гаверкампъ увѣрялъ, что онъ ихъ заговоритъ до смерти, пока онѣ не позволятъ имъ провожать ихъ. Всѣ были въ большомъ возбужденіи; одинъ лишь Эрнстъ казался спокойнымъ, хотя волновался онъ на самомъ дѣлѣ больше всѣхъ. Можетъ быть, среди дѣвушекъ будетъ и та, чей образъ ужъ цѣлый годъ заполнялъ его отроческое сердце, хотя онъ ни разу не говорилъ съ ней: Кетхенъ Плацгофъ... Каждый разъ, когда онъ встрѣчалъ ее, кровь неудержимо ударяла ему въ голову, такъ что онъ долженъ былъ смотрѣть прямо передъ собою или отвернуться. Будетъ ли она сегодня? А то какое будетъ разочарованіе! Но ужасъ этого разочарованія начиналъ казаться ему ничтожнымъ въ сравненіи съ тѣмъ горькимъ чувствомъ, которое онъ испыталъ бы, если-бъ изъ робости и смущенія уступилъ Фрицу мѣсто рядомъ съ нею.

Послѣдній немного важничалъ и назвалъ около полдюжины именъ, пока не упомянулъ и Кетхенъ.

— Слушай,—спросилъ онъ Гаверкампа,—эта Кете Плацгофъ вѣдь тоже готовится къ конфирмаціи? Вотъ хорошо, она вѣдь прелесть! Слушай, она ужъ кое-что понимаетъ, или еще совсѣмъ зелена? Скажи мнѣ!

Гаверкампъ покачалъ головой.

— Она немного мямля, но тебѣ только надо порядочно растормошить ее.

— Ну,—отвѣтилъ Фрицъ,—этому меня не учи. Я ей скажу: „если-бъ ты подозрѣвала“...

— „Ты??.“ — Гаверкампъ презрительно прищурился.— Если начнешь съ „ты“, то моментально полетишь къ чорту.

— Значитъ, вы! Чортъ подери, хорошо, что я хоть узналъ!

Какъ мучительно было Эрнсту слышать этотъ разговоръ! Но какъ крѣпла вмѣстѣ съ тѣмъ его рѣшительность!

— Идутъ! Идутъ! — прошепталъ Августъ, весь запыхавшись, и книжки въ его потертомъ ранцѣ такъ и запрыгали.

— Ну, теперь давайте!—крикнулъ Фрицъ, подпрыгивая отъ радости.

— Что, ты хочешь быть коноводомъ? — крикнулъ на него Гаверкампъ. — Нѣтъ, какъ мы порѣшили, — я раньше!

Онъ при этомъ соорилъ смѣлую, непринужденную гримасу и медленнымъ шагомъ пошелъ навстрѣчу дѣвушкамъ. За нимъ шелъ Фрицъ, а потомъ Августъ и Эрнстъ. Три дѣвушки держали другъ друга подъ руку, а четвертая тщательно, можно сказать, слишкомъ тщательно подняла свою юбку, и едва Эрнстъ узналъ среди нихъ Кетхенъ, какъ у него захватило духъ, и задрожали ноги. Дѣвушки были немного поражены, немного растеряны, но старались принять высокомерный видъ. Надо было очень немного, чтобъ ихъ колеблющееся состояніе перешло въ возмущеніе, но неуязвимая рѣшительность Гаверкампа ихъ побѣдила. Легко, чрезвычайно учтиво, какъ училъ его танцмейстеръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ немного шутливо, совсѣмъ какъ взрослый, онъ представилъ дамамъ своихъ товарищей. Дамы ничего не могли подѣлать: вѣдь и онъ, наконецъ, учились манерамъ... Онѣ кивнули, стали болѣе привѣтливыми и... у Карла ужъ сыпались слова. Въ вызывающей позѣ фехтовальщика Эрнстъ стоялъ около Кете, и Фрицъ, который хотѣлъ угрѣмъ протиснуться между ними, получилъ довольно нетоварищескій толчокъ. Онъ, не долго думая, направился къ Гретэ Зоммеръ, дѣвушкѣ съ толстой косою и съ необычайно заманчивой фігурой. Августъ съ нѣсколько озабоченнымъ взглядомъ въ сторону посвятилъ себя четвертой, которую звали Люси Гиммельшейнъ. Ужъ само имя не нравилось ему, а она сама и того меньше. Однако, у него были самыя благородныя намѣренія.

Послѣ этой первой побѣды смѣлость Эрнста быстро исчерпалась. Онъ молча шелъ рядомъ съ дѣвушкой, которая, наконецъ, начала разговоръ съ того, что она уже много разъ видѣла его на каткѣ.

— Да, вы всегда катались съ Гаверкампомъ.

— Вѣдь онъ мой двоюродный братъ, — отвѣтила она тономъ, который, онъ самъ не зналъ почему, заставилъ радостно забиться его сердце. Послѣ этого разговоръ опять оборвался, пока она не спросила его, видѣлъ ли онъ море. Нѣтъ, но Рейнъ — да. Два года тому назадъ онъ былъ въ Ункель. Ахъ, хорошо тамъ было! Одинъ разъ онъ былъ также на охотѣ и видѣлъ, какъ лѣсникъ убилъ серну.

— Ахъ, Господи, какъ только можно убивать такое бѣдное животное! — сказала она.

Сначала онъ отвѣтилъ, что ей это, конечно, трудно понять, но потомъ почувствовалъ, что и ему самому даже теперь, при одномъ воспоминаніи, жаль серну. Во время разговора

они время отъ времени глядѣли другъ на друга. Всякая мелочь въ ея лицѣ восхищала и смущала его. Тонкій розовый носикъ, ротъ съ подвижными губами, которыя то слегка надувались, то мягко складывались, темныя рѣсницы, свѣтлыя волосики надъ ухомъ,—все казалось ему несказанно прекраснымъ, восхитительнымъ и особеннымъ. Онъ шелъ рядомъ съ нею или, вѣрнѣе говоря, порхалъ въ какомъ-то легкомъ опянѣннн, въ возвышенномъ настроеннн, какъ послѣ благороднаго подвига, въ настроеннн, въ которомъ чувство сладчайшаго счастья сливалось съ едва замѣтнымъ страданнмъ отъ крайняго напряженнн. Пока она все снова завязывала нить разговора, а онъ совершенно тщетно придумывалъ что-нибудь такое, что заслужило бы честь быть сказаннымъ въ ея присутствнн, они подошли къ углу той улицы, гдѣ осторожность повелѣвала разстаться.

Онъ былъ внѣ себя и не могъ понять, что дорога уже кончена. Механически взялъ онъ маленькую холодную ручку, которая плотно обхватила его кисть.

— До свиданнн!—сказала она.

— До свиданнн!—повторилъ онъ.

— На каткѣ!—прибавила она съ внезапно вспыхнувшимъ огонькомъ въ глазахъ и быстро побѣжала къ своимъ подругамъ.

Потомъ, когда Эрнстъ занялъ мѣсто на скамейкѣ рядомъ съ Августомъ, онъ спросилъ послѣдняго:

— Ну, что?

— Ее зовутъ Гиммельшейнъ, и она косая,—отвѣтилъ его другъ мрачно.

Помѣщеннн, въ которомъ происходили уроки, находилось въ пристройкѣ къ пасторскому дому. Въ заднемъ углу, около стѣны, лежавшей противъ трехъ оконъ съ видомъ на черную шиферную башню церкви, стояла безобразная желѣзная печь. Зимомъ отъ нея несло такимъ адскимъ жаромъ, что тотъ, кому приходилось сидѣть около этой печи, могъ предвкусить ужасъ геенны.

На послѣдней скамьѣ около печки были мѣста самыхъ плохихъ мальчиковъ, которыхъ ужъ нельзя было ни исправить, ни испортить. Ихъ только изрѣдка вызывали, такъ какъ они или вовсе не отвѣчали, или же насмѣшливыми рѣчами нарушали святость преподаваннн.

Въ то время, какъ Дистеркампъ взволнованно бродилъ еще по улицамъ, среди дѣтей царило шаловливое оживленнн. На заднихъ скамейкахъ, среди маленькихъ пролетарннн, разыгралась ссора изъ-за того, что одинъ изъ самыхъ испорченныхъ мальчиковъ, Петръ Гецке, долговязый, дряблый парень съ толстыми губами и добродушно-глупымъ лицомъ,

разорвалъ катехизисъ другого мальчика. Послѣдній плакалъ и кричалъ:

— Ты—бродяга! Ты—разбойникъ! Я пожалуюсь пастору! Твой отецъ долженъ будетъ заплатить.

— Ты, вѣрно, рехнулся,—отвѣтилъ тотъ и, гордый тѣмъ, что привлекъ всеобщее вниманіе, досталъ изъ кармана перочинный ножичекъ.

— А ну-ка, подступись!—сказалъ онъ.

Когда тотъ не принялъ его вызова, онъ развернулъ листъ газетной бумаги и принялся завтракать. Кругомъ разнесся запахъ майнцаго сыра.

Передъ первой скамейкой, на женской половинѣ, гдѣ сидѣли набожныя и образованныя дѣвочки, фланировалъ долговязый Гаверкампъ.

Августъ уже успѣлъ забыть свою любовную неудачу и дрался съ какимъ-то другимъ мальчикомъ, между тѣмъ какъ Фрицъ весь ушелъ въ геройскіе подвиги флибустьеровъ.

Эрнстъ Броохъ сидѣлъ одинъ, утопая въ бурномъ ощущеніи счастья. Онъ то закрывалъ глаза, то обводилъ ими классъ, чтобъ на еле замѣтный мигъ остановить ихъ на бѣлокурой дѣвичьей головкѣ, на бѣломъ матросскомъ воротничкѣ, на двухъ бѣлыхъ рукахъ, тонкія кисти которыхъ виднѣлись изъ короткихъ узкихъ рукавовъ ея синяго платья. Если его при этомъ застигалъ взглядъ быстрый и свѣтлый, какъ молнія, въ его щеки бросалась кровь, и онъ долго и серьезно останавливалъ свои глаза на печной трубѣ, какъ будто эта труба поглощала все его вниманіе.

Собственно говоря, вѣдь онъ уже давно знаетъ Кетхенъ, подумалъ онъ. Развѣ онъ не сжился съ нею въ тѣ свѣтлыя часы передъ сномъ, въ которые онъ и катался съ ней на каткѣ, и гулялъ, и бывалъ въ лѣсу!.. Но, когда онъ думалъ объ этомъ, онъ придавливалъ глаза большимъ и указательнымъ пальцемъ, чтобъ отгѣснить возникающія картины, которыя не были плодомъ его фантазіи; онъ ихъ вычиталъ изъ книги, въ которой описывалось лѣтнее вечернее гулянье влюбленной пары: дама споткнулась, господинъ подхватилъ ее въ свои объятія, и когда онъ ее держалъ, его ротъ неудержимо былъ привлеченъ ея сочными губами, испускавшими тонкій вздохъ. Это мѣсто необыкновенно возбуждало мальчика, оно не давало ему покоя; оно его толкало сдѣлать это переживаніе переживаніемъ своимъ съ Кетхенъ. Съ чувственной дрожью онъ снова и снова предвкушалъ это событіе, разрисовывая его все новыми красками... Теперь, когда онъ дѣйствительно былъ знакомъ съ нею, когда ея глаза такъ весело загорались, когда его касался свѣтлый лучъ ея невиннаго сердца, когда первая

предчувствія любви разбудили въ немъ всѣ нѣжныя струны,— теперь воспоминанія объ этихъ мысляхъ вызывали въ немъ обиду и возмущеніе. И то, что онъ раньше чувствовалъ лишь смутно, стало ему теперь ясно: не хорошо, не благородно, не деликатно играть съ беззащитной душой... Онъ едва осмѣливался теперь глядѣть на Кетхенъ, и стыдливое раскаяніе сжимало его сердце.

Наконецъ, вошелъ пасторъ. Большими прыжками Гаверкампъ бросился на свое мѣсто. Не поднимая головы, Дистеркампъ съ багровымъ лицомъ взошелъ на свою кафедру и сложилъ руки для молитвы.

— Помолимся!

Всѣ встали. Фрицъ спокойно положилъ передъ собою книгу и за спиною своего сосѣда продолжалъ читать, глядя черезъ свои сложенные руки.

Пасторъ молился сегодня дольше обыкновеннаго. Онъ не только просилъ Бога быть съ нимъ въ этотъ часъ, но говорилъ и о томъ, что въ ближайшемъ будущемъ городу предстоитъ великое искушеніе, и дьяволъ будетъ искать себѣ жертвъ.

Эрнстъ поднялъ голову. Ошибался ли онъ, или въ самомъ дѣлѣ глаза дяди были направлены прямо на него, какъ будто въ этихъ послѣднихъ словахъ онъ именно его имѣлъ въ виду.

Сначала во время отвѣтовъ все шло хорошо. Тѣ, которые что-нибудь знали, какъ заведенныя машинки, отмахивали заученное наизусть, тѣ же, которые ничего не приготовили, отбарабанивали урокъ еще быстрее, такъ какъ они читали изъ книжекъ передъ собою. Но, когда Грете Зоммеръ, которая забыла свой катехизисъ дома, спросили, о чемъ трактуетъ третій членъ символа вѣры, она съ добродушной улыбкой отвѣтила:

— Я это знаю, господинъ пасторъ, но я сейчасъ какъ разъ не могу вспомнить.

— Стыдись! Баумъ!

Послѣдняя вскочила и, задыхаясь, произнесла:

— О Святомъ Духѣ.

— А что ты думаешь о Святомъ Духѣ?

— Во-первыхъ, Онъ наравнѣ съ Отцомъ и Сыномъ Господь предвѣчный.

— Во-вторыхъ?

Съ этимъ вопросомъ пасторъ обратился къ Люси Гиммельшейнъ, которая также быстро и восторженно отвѣтила, что Святой Духъ данъ и ей и останется въ ней во вѣки вѣковъ.

— Гмъ... да! — пробормоталъ Дистеркампъ, потягиваясь.— Святой Духъ!.. Свя-той Духъ!

При этомъ его взглядъ упалъ на Петра Гецке, который съ невообразимо тупымъ лицомъ глядѣлъ въ окно.

— Ты тамъ, у печки, встань-ка! Гдѣ произошло откровение Святого Духа?

Предчувствуя несчастье, дѣти обернулись къ Петру Гецке, который въ этотъ моментъ проглатывалъ огромный кусокъ хлѣба, а потомъ, безъ всякихъ колебаній, отвѣтилъ:

— Тамъ наверху, въ церковной башнѣ.

Въ первый моментъ всѣ посмотрѣли въ окно. Но потомъ глаза всѣхъ съ испугомъ и ожиданіемъ обратились на пастора, и изъ заднихъ рядовъ послышалось хихиканіе. Дистеркампъ, уже весь красный отъ злости, крикнулъ:

— Болванъ, негодяй! Ты и въ этотъ священный часъ богохульствуешь. Вонъ отсюда!

Петръ Гецке равнодушно пожалъ плечами, сложилъ свою газету съ кусками сыру и шумно захлопнулъ свой ножикъ.

— Сію минуту вонъ!

— Я вѣдь уже иду. Не могу же я оставить этого.

Затѣмъ, будто нечаянно задѣвъ еще ящикъ съ углемъ, онъ спокойными шагами пошелъ къ двери. Тамъ онъ остановился со словами:

— Прощайте, господинъ пасторъ! Теперь я стану католикомъ.

Пасторъ вздрогнулъ и, послѣ краткаго размышленія, бросилъ:

— Убирайся на свое мѣсто. Я не хочу наказывать въ этотъ часъ. Тебя накажетъ другой.

— Мнѣ все равно, — сказалъ Петръ и, состроивъ гримасу, занялъ свое мѣсто.

— Броохъ, отвѣть ты на вопросъ!

Эрнстъ попробовалъ собраться съ мыслями, но потомъ отвѣтилъ:

— Я не знаю. Я не слышалъ!

— О чемъ же ты думаешь?

Пасторъ угрожающе приблизился къ нему и сказалъ:

— Отвѣть мнѣ, о чемъ ты думалъ?

Испуганный этимъ необычайно рѣзкимъ тономъ, Эрнстъ немного поблѣднѣлъ и вмѣстѣ съ тѣмъ умоляюще посмотрѣлъ на своего дядю. Но раньше, чѣмъ онъ нашелъ отвѣтъ, тотъ опять накинулся на него:

— Ты останешься здѣсь послѣ урока!

— Хорошо! — пробормоталъ онъ, медленно опускаясь на скамейку. Его подавляло смутное сознаніе виновности.

Съ этого момента началось одно несчастье за другимъ. Казалось, что возбужденное состояніе преподавателя сооб-

щалось и дѣтямъ. Настроение не улучшилось и тогда, когда заговорилъ самъ Дистерхампъ. Урокъ закончился молитвой. Потомъ первыми встали дѣвушки и, надѣвъ свои шляпы и пальто, спокойно оставили комнату.

Анна Баумъ сдѣлала маленькій крюкъ мимо пастора и набожнымъ закатываніемъ глазъ старалась перехватить взглядъ обожаемаго учителя. Грете Зоммеръ любезно кивнула ему, одновременно съ этимъ вытаскивая изъ подъ пальто свою толстую косу съ краснымъ бантомъ. Кетхенъ Плацгофъ была среди послѣднихъ. Стыдливо опустивъ глаза, она медленно слѣдовала за другими. Но, поровнявшись съ Эрнстомъ, она быстро обернулась и бросила на него открыто-сочувственный, но вмѣстѣ съ тѣмъ немного плутоватый взглядъ. Ея тонкія ноздри легко вздулись, губы пріоткрылись; казалось, къ блѣдному мальчику полетѣло еле прошептанное слово Кровь бросилась ему въ лицо, его грудь наполнилась и расширилась отъ радости, но потомъ опять сдавило дыханіе... Когда дѣвушки ушли, мальчикамъ позволено было сложить свои вещи.

— Смотри, не поддавайся. Скажи, что ты о чертовой бабушкѣ думаешь!—шепнулъ Фрицъ остающемуся.

Когда замолкли шумливый разговоръ и топанье ногъ на лѣстницѣ, Эрнста объялъ священный страхъ. Пасторъ съ откинутой назадъ головой и мрачнымъ лицомъ шагаль по комнатѣ, такъ что отъ его тяжелыхъ шаговъ каждый разъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ трещаль полъ. Онъ казался мальчику совершенно чужимъ.

— Отвѣтишь ли ты мнѣ теперь, о чемъ ты думаешь?

Блѣдный отъ возбужденія, но съ открытымъ взглядомъ Эрнстъ отвѣтилъ:

— Я этого не могу сказать, дядя.

Тогда пасторъ, весь побагровѣвъ, тяжело опустилъ руку на плечо Эрнста.

— Эрнстъ, Эрнстъ, что стало съ тобою? Ты очень измѣнился за послѣдніе полгода. Злой духъ овладѣлъ тобою.

Онъ съ укоромъ посмотрѣлъ на него и скорбно возбужденнымъ тономъ продолжалъ:

— Мнѣ страшно за тебя! Такъ много есть такихъ, которые погибли, погибли навѣки. Но тебя я причислялъ къ избраннымъ. Скажи мнѣ правду!

Но, когда мальчикъ со смертельно блѣднымъ лицомъ еще плотнѣе сжалъ свои губы, пасторомъ овладѣлъ ужасный гнѣвъ.

— Это, вѣрно, дурныя, грѣшныя мысли, въ которыхъ ты не смѣешь сознаться! Но не воображай, что ты ихъ можешь скрыть. Око Божье видитъ твое сердце. Отъ него ничего не

ускользаетъ. Оно съ тобою, гдѣ бы ты ни былъ. И когда ты въ своей комнатѣ, или стоишь черн я ночь, Онъ все-таки видитъ все, что ты дѣлаешь и предпринимаешь, что ты думаешь. Да, замѣть себѣ, и мысленный грѣхъ карается Господомъ! Итакъ, сознайся, дабы не подпасть его справедливости. Отвѣть—ты богохульствовалъ?

Короткій моментъ Эрнстъ колебался, и, хотя вратъ онъ не хотѣлъ, да и не зналъ, соотвѣтствуетъ ли это истинѣ, въ отчаяніи своемъ еле внятно прошепталъ: „Да“.

— Сложи руки, будемъ молиться!

При этомъ Дистеркамъ самъ сложилъ руки и такъ сильно потянулся, что затрещали швы его сюртука. Потомъ онъ повышеннымъ голосомъ, глухимъ, плаксивымъ тономъ началъ призывать Бога, моля Его смилостивиться надъ этой молодой человѣческой душой. И, такъ какъ сердце его было еще полно горечи отъ ссоры съ шуриномъ, онъ сыпалъ неясными намеками, опять говорилъ о „близкомъ искушеніи“, о „сѣтяхъ сатаны“, молилъ Бога уберечь мальчика отъ соблазна, „дабы глаза его не грѣшили, дабы тѣло его осталось храмомъ Божиимъ“... Потомъ онъ привелъ нѣсколько цитатъ изъ Ветхаго Завѣта, слова страднаго гнѣва, направленныхъ пророками противъ черстваго народа воиновъ; на молодую душу мальчика, въ которой только что начали распускаться самыя нѣжныя чувства, эти слова дѣйствовали какъ градъ камней на распускающійся цвѣтокъ. Но ужаснѣе всего потрясло Эрнста то, что пасторъ вызвалъ передъ нимъ образъ его покойной матери и представилъ ему, какъ она, несчастная, даже въ небѣ не можетъ найти покоя, глядя, какъ ея сынъ идетъ на встрѣчу пропасти.

Всю свою искреннюю любовь къ племяннику, весь свой гнѣвъ противъ шурина-отступника Дистеркамъ вложилъ въ эту молитву. Когда онъ, наконецъ, произнесъ „аминь“, онъ былъ страшно утомленъ, но ощущалъ вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ миръ и ту увѣренность, которые являются результатомъ всякой искренней молитвы. Потомъ онъ ужъ болѣе мягкимъ тономъ посоветовалъ Эрнсту, чтобъ тотъ самъ обратился къ Богу, когда наступятъ часы искушеній, и спросилъ его, не забываетъ ли онъ молиться.

— Утромъ я иной разъ забываю, такъ какъ мнѣ приходится очень торопиться.

— Забывать нельзя. Хотя короткое благодареніе Господу Богу надо произнести. А передъ обѣдомъ?

— За столомъ у насъ теперь ужъ не молятся.

— Что? Но вѣдь раньше вы молились? Вѣдь фрейлейнъ Кипшъ мнѣ сама сказала.

— Да, но съ тѣхъ поръ...

— Такъ, съ тѣхъ поръ!

Дядя многозначительно покачалъ головой. Въ этомъ медленномъ, все болѣе замедляющемся движеніи заключалось скорбное признаніе, гнѣвное обвиненіе, уничтожающій разговоръ надъ тѣми, о которыхъ думалъ сейчасъ Эрнстъ.

— Сегодня, когда ты сядешь за столъ, то сложишь руки и произнесешь молитву. Понимаешь?

Эрнстъ обѣщалъ и потомъ медленно собралъ свои вещи. Дядя еще разъ положилъ свою руку на его плечо:

— Ну, иди съ Богомъ! И при всѣхъ своихъ поступкахъ словахъ и мысляхъ будь такимъ, чтобъ тебѣ не пришлось бояться взгляда твоего пастора.

Вышедши за ворота, Эрнстъ глубоко вдохнулъ и, точно оглушенный, посмотрѣлъ на сѣрую улицу. Вотъ катится тяжелая двухколесная телѣга; широкими шагами рядомъ съ нею идетъ возница, который время отъ времени хриплыми гортанными звуками подгоняетъ сильную лошадь. Вотъ рѣзкій звонокъ предупредилъ о приближеніи трамвая, вотъ онъ появился и опять исчезъ. Вотъ ему навстрѣчу пошли нѣсколько дѣвушекъ въ пестрыхъ ситцевыхъ платьяхъ. Громко болтая, онѣ спѣшаютъ обратно на фабрику. Эрнсту было пріятно смотрѣть на все это, пріятно ощущать на своемъ лицѣ прохладныя дождевыя капли.

Но онъ вдругъ какъ будто почувствовалъ прикосновеніе тяжелыхъ, жесткихъ пальцевъ. Онъ затаилъ дыханіе и остановился. Ему вспомнилось, что Богъ всюду слѣдитъ за нимъ, слѣдитъ и въ этотъ моментъ. Его охватилъ настоящій ужасъ передъ тѣмъ, что человѣкъ никогда не можетъ оставаться одинъ, не можетъ быть свободнымъ... Онъ вспомнилъ учителя математики, господина Шнеллера, тоторый преслѣдовалъ каждаго своими глазами и превращалъ урокъ въ шестьдесятъ разъ шестьдесятъ секундъ напряженнаго ужаса; онъ не ругался, не давалъ пощечинъ, но все записывалъ въ свою книжку, гдѣ оно оставалось до суднаго часа, когда рѣшался вопросъ, будетъ ли кто-нибудь переведенъ въ слѣдующій классъ, или останется на второй годъ. И точно такъ же безмолвно все записывалось этимъ свидѣтелемъ, который никогда не выходилъ изъ себя, не призывалъ къ порядку, а только записывалъ все и копилъ для суднаго часа, когда будетъ поставленъ вопросъ о раѣ и адѣ.

Возвратившись домой, онъ, блѣдный, со сморщеннымъ лбомъ и съ глубокими складками у рта, зашагалъ по своей комнатѣ. Потомъ онъ сѣлъ на ручку кресла передъ рабочимъ столомъ и досталъ изъ ящика свой дневникъ. Безъ всякаго порядка тамъ были записаны самыя различныя вещи. На одной страницѣ крупными буквами красовалось: „Теперь я

знаю, что такое ненависть. Шнеллеръ научилъ меня этому. Развѣ онъ вообще человѣкъ? Я ненавижу его!"

Эрнстъ сморщилъ лобъ и продолжалъ перелистывать. Потомъ онъ съ возбужденнымъ блескомъ въ глазахъ взялъ ручку, обмакнулъ перо и написалъ: „Я тебя ненавижу, Б...“ Не рѣшался ли онъ дописать слово до конца, хотѣлъ ли онъ еще разъ обдумать то, что вызвало въ немъ это дикое возбужденіе, полное страха и ненависти? Онъ откинулся на спинку стула, какъ бы прислушиваясь къ чему-то скрытому въ своей душѣ. Взглядъ его упалъ на портретъ матери. Это была большого формата фотографія, снятая въ ея молодые годы. У покойной были еще тогда полное лицо и пышные черные волосы. Но, точно картина изъ-подъ картины, изъ ея чертъ выступало уже предчувствіе горя и болѣзни, какъ будто недугъ, который впоследствии погубилъ ее, началъ уже свое разрушающее дѣйствіе. Эрнстъ долго смотрѣлъ на этотъ портретъ съ какимъ-то страннымъ изумленіемъ. Но потомъ онъ медленно, медленно былъ охваченъ ощущеніемъ ея присутствія и сознаніемъ, что и она, покойница, видитъ его въ этотъ, какъ и въ каждый моментъ его жизни, что она не въ состояніи помочь ему и только страдаетъ за него... Это была странная мысль, охватившая его дрожью передъ чѣмъ-то ужаснымъ.

Онъ выглянулъ въ окно, осмотрѣлся въ комнатѣ, но и тутъ и тамъ все стало какимъ-то схематическимъ. Дѣйствительно, было только чувство, что каждый мигъ его жизни связанъ съ покойной матерью, что каждый его поступокъ, даже сокровеннѣйшая мысль среди темной ночи доходитъ до нея... Онъ сидѣлъ сосредоточенный, съ обращеннымъ во внутрь взглядомъ. Только время отъ времени онъ бросалъ бѣглый взглядъ на портретъ, а черезъ его душу, точно напоръ вѣтра, проносилось сомнѣніе въ потустороннемъ мірѣ. Но сомнѣнія эти подавлялись болѣзненнымъ чувствомъ, что отъ этихъ именно сомнѣній страдаетъ она.

Съ непреоборимымъ: „Ты долженъ!“ въ его душѣ поднялось рѣшеніе измѣнить свою жизнь, стать новымъ человѣкомъ... Онъ вскочилъ, сжалъ руки, откинулъ назадъ голову и поднялъ плечи,—движеніе, унаслѣдованное имъ отъ его дѣдушки Дистеркампа. Это рѣшеніе овладѣло имъ съ такой силой, что онъ почувствовалъ себя побѣдителемъ въ какой-то полной ужаса борьбѣ.

Внизу раздался голосъ отца, звавшего его къ столу. Эрнстъ всталъ и сказалъ, что идетъ. Не переставая ни на минуту думать, онъ механически приготовился къ обѣду. Что означала эта внутренняя буря? Предстояло ли ему принести жертву самую тяжелую и дорогую? И въ то время,

какъ воспоминаніе о пережитомъ утрѣ наполняло его душу неописанной сладостью, нѣжностью и чувствомъ счастья, въ это самое время онъ заставилъ себя поклясться, что онъ никогда больше не увидитъ Кетхенъ, не будетъ говорить съ ней, думать о ней.

Онъ скомкалъ полотенце въ своихъ рукахъ и ни за что не могъ вытереть насухо лицо. Но съ презрительной усмѣшкой онъ посмотрѣлъ въ зеркало и подумалъ о древнихъ герояхъ, которые, не моргнувъ глазомъ, переносили нечеловѣческія страданія. Эта мысль, точно дуновение горячаго воздуха, осушила слезы на его щекахъ.

Ужасная душевная борьба оставила на лицѣ мальчика такую блѣдность, что мать испуганно спросила его, что съ нимъ.

— Ничего.

Онъ уже взялъ было въ руки ложку, когда вдругъ вспомнилъ, что надо раньше помолиться. Не складывая рукъ, онъ откинулся на спинку. Но онъ былъ еще такъ возбужденъ, что не могъ собрать своихъ мыслей. И, вмѣсто молитвы, изъ его души рвалось: „Бороться! бороться! Начать новую жизнь!“

Его родители удивленно переглянулись.

— Что съ тобою?

Онъ покачалъ головой. Когда онъ смотрѣлъ на нихъ, имъ овладѣло чувство, что онъ видитъ передъ собою двухъ чужихъ, совершенно чужихъ ему людей, идущихъ не тѣмъ путемъ, что онъ.

X.

— Ну, г-нъ Бюргель, что слышно у васъ?—любезно спросила г-жа Броохъ скульптора, который стоялъ передъ нею торжественный и нѣсколько блѣдный, въ своемъ новомъ фракѣ.

— О...—отвѣтилъ онъ протяжно,— очень хорошо, очень хорошо. Пока очень хорошо.

— Но я нахожу, что видъ у васъ не совсѣмъ-то довольный. Вѣдь вы сегодня именинникъ. Или, вѣрнѣе, вы отецъ именинника.

Сегодня должно было состояться открытіе фонтана, и часть приглашенныхъ гостей находилась уже на огражденномъ гирляндами и елками пространствѣ передъ закутанымъ въ сѣрое полотно монументомъ.

— Довольный! Я былъ бы очень доволенъ, если-бъ мнѣ только не предстояло произнести рѣчь.

— Что, вы хотите произнести рѣчь?—спросилъ профессоръ Мартини, недовѣрчиво улыбаясь.

— Г-нъ коммерціи совѣтникъ находитъ, что передъ открытіемъ фонтана я долженъ сказать что-нибудь.

— Ну, такъ что же?—сказала г-жа Бרוохъ:—за нѣсколькими добрыми словами вы вѣдь въ карманъ не полѣзаете..

— Не полѣзу?... Нѣтъ, г-жа Бруохъ,—очень рѣшительно возразилъ Бюргель,—вы меня въ такомъ случаѣ плохо знаете. Я еще ни разу въ своей жизни не произнесъ какой бы то ни было рѣчи. Но вчера вечеромъ я сдѣлалъ набросокъ. Позвольте прочесть его?

Онъ досталъ изъ бокового кармана довольно большой листъ бумаги и медленно сталъ читать:

— Открывая фонтанъ, я надѣюсь, что онъ понравится.

Когда Бюргель замолчалъ и, полный ожиданія, сталъ оглядываться, какое дѣйствіе произвели его слова, всѣ разразились самымъ искреннимъ смѣхомъ, и г-жа Бруохъ сказала:

— Это, во всякомъ случаѣ, коротко и ясно.

— Эхъ, художникъ, твори, не говори! Произнесеніе рѣчей вполнѣ спокойно предоставьте другимъ. Мы еще достаточно слушаемся,—сказалъ Мартини.

Такъ и случилось. Плотнo жались къ чернымъ фракамъ свѣтлыя дамскія платья. Явился весь магистратъ, городская дума in cogroge, за исключеніемъ кондитера Батге, масса депутацій и почти всѣ нотабли Гаммерштедта. Но еще гуще была собравшаяся на базарной площади тысячеголовая толпа, которая, лишь только упала завѣса, и городской оркестръ заигралъ тушъ, разразилась шумными hoch, hallo и ура.

У кого было острое зрѣніе, могъ замѣтить, что при этомъ гулѣ занавѣски перваго этажа дома № 3 на Новорыночной ул. сильно заколыхались. А тотъ, кто обладалъ еще и тонкимъ слухомъ, могъ бы различить раздавшійся тамъ лай собаки и бормотанье какой-то дамы про чье-то безстыдство и воплощенную чувственность. Но гдѣ тутъ было прислушиваться, когда на трибуну сталъ сейчасъ же подыматься г-нъ бургомистръ, съ складнымъ цилиндромъ въ лѣвой рукѣ и бѣлыми перчатками въ правой, съ золотой цѣпью на шеѣ и торжественнѣйшимъ выраженіемъ на обыкновенно столь хитромъ, веселомъ лицѣ?.. И то, что онъ говорилъ, было также менѣе всего весело, зато очень торжественно, почтенно, длинно и нѣсколько скучновато. Прежде всего онъ въ трогательныхъ словахъ выразилъ отъ имени города благодарность за роскошнѣйшій даръ, преподнесенный столь заслуженнымъ г-номъ коммерціи совѣтникомъ. Затѣмъ онъ

увѣрялъ, что Гаммерштедтъ, который до сихъ поръ въ приреинскихъ земляхъ былъ самымъ дѣятельнымъ городомъ, вскорѣ станетъ и самымъ красивымъ. Тутъ онъ перешелъ на свою обычную тему: на высокое, далеко еще не достаточно оцѣниваемое значеніе искусства въ культурной жизни народовъ. То, что онъ говорилъ теперь, не были слова: то были гимны, которые въ данный моментъ, вѣрно, звучали въ ушахъ всѣхъ скульпторовъ, художниковъ, музыкантовъ и поэтовъ, какъ умершихъ уже, такъ и здравствующихъ... И, если вѣрить его словамъ, онъ самъ не зналъ большаго удовольствія, какъ послѣ дневныхъ заботъ и труда наслаждаться Гете, Шиллеромъ или какимъ-нибудь произведеніемъ искусства.

Да, это было поразительно! До сихъ поръ весь городъ былъ того мнѣнія, что его веселый бургомистръ всѣмъ произведеніямъ искусства предпочитаетъ хорошее произведеніе природы Рейна или Мозеля... Въ концѣ онъ перешелъ къ самому фонтану и его творцу и обрѣлъ опять свою обыкновенную, ясную и точную манеру выражаться. Сообщивъ краткую біографію скульптора, изъ которой явствовало лишь, что онъ родился и еще не умеръ, онъ, какъ бы борясь съ невидимыми противниками, заявилъ, что фонтанъ во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ внѣ всякихъ упрековъ и вполне цѣлесообразенъ. „Цѣлесообразенъ“ было, видно, любимое словцо господина бургомистра: онъ повторилъ его неоднократно, при чемъ Бюргель каждый разъ спокойно хватался за очки.

Вообще, поведеніе скульптора во время всего этого торжественнаго акта было нѣсколько странно. вмѣсто того, чтобъ прислушиваться къ рѣчамъ и кое-чему изъ нихъ научиться, онъ все время смотрѣлъ на одну часть фонтана: смотрѣлъ, качалъ головой, опять смотрѣлъ и опять качалъ головой... Что его такъ интересовало, если даже лицо его омрачилось? Одна лишь мелочь, одно лишь минутное настроеніе! Онъ нашелъ, что одна изъ дѣтскихъ фигуръ немного уступала другимъ. Она производила нѣсколько слабонное впечатлѣніе. Но это было уже слишкомъ сильно сказано. Не такъ оригинальна, какъ всѣ другія... „Но была ли совершенно правильна поднятая рука? Не слишкомъ ли сильно выгнута? Гмъ, что?.. Э, глупости!“ думалъ Бюргель, проклиная свою страсть къ самокритикѣ, которая погубила ужъ не одно произведеніе его въ самый моментъ возникновенія.

Легкое недовольство произошло, вѣрно, отъ того, что онъ былъ голоденъ. И дѣйствительно, какъ только онъ сѣлъ за столъ, онъ тотчасъ же позабылъ о немъ. Обѣдъ былъ

великолѣпнѣе, вина также, тосты не менѣе, но кульминационной точки одушевленіе достигло тогда, когда учитель Мартини пропѣлъ свою пѣсню. Она произвела такое сильное впечатлѣніе, что авторъ, уступая бурнымъ требованіямъ публики, принужденъ былъ повторить ее. Но этого еще мало: когда эта пѣсня, напечатанная на лучшей трипичной бумагѣ, была роздана всѣмъ гостямъ, всѣ присутствующіе стоя пропѣли ее еще разъ.

Послѣ этого Бюргель всталъ. Онъ подошелъ къ учителю и сказалъ ему (языкъ его сталъ подвижнѣе), что совершенно растроганъ этимъ великолѣпнымъ стихотвореніемъ. Онъ, собственно, хотѣлъ поблагодарить его тостомъ, но въ виду великолѣпія предшествующихъ рѣчей не рѣшается взять слово.

Учитель отвѣтилъ ему, что Бюргель такой прекрасный человѣкъ, что ему можно простить даже незнаніе Гомера.

— Что? Незнаніе Гомера?—опять возразилъ скульпторъ.— Вы вѣдь были столь любезны, что одолжили мнѣ Одиссею. Я цѣлые вечера до полуночи просиживалъ недѣю, пока не кончилъ. О, она великолѣпна! Она попросту грандіозна! А пѣсня, съ которой Одиссей обращается къ феакамъ, знаете ли... она имѣетъ въ себѣ нѣчто современное. Гдѣ найдешь такую восхитительную фигуру, какъ Наввикая? Какъ она говорить...

И тутъ обнаружилось, что Бюргель знаетъ уже наизусть большую часть пѣсни, отъ чего старый учитель пришелъ въ такой восторгъ, что послѣ обѣда усѣлся съ нимъ въ уголку и повторилъ ему тѣ же строфы по-гречески, чтобы онъ познакомился и съ музыкой этого великолѣпнаго языка. И они оба опорожнили еще не одну рюмку въ память старика Гомера.

Коротко и ясно: обѣдъ прошелъ прекрасно. Одно только болѣзненно задѣло Бюргеля: Анна Дистеркампъ отсутствовала... Она обѣщала было прійти, но затѣмъ по болѣзни не явилась. А онъ, между тѣмъ, заранѣе радовался ея сосѣдству! Съ нею такъ хорошо бесѣдовать! И вообще она такая милая, хорошая дѣвушка...

Оставивъ очень поздно домъ Брооховъ, онъ не ощущалъ ни малѣйшаго желанія пойти въ свой одинокій номеръ гостиницы, и потому въ очень повышенномъ, торжественномъ и веселомъ настроеніи направился въ паркъ.

Нѣсколько позже той же дорогой шла и Анна Дистеркампъ. Этимъ утромъ она имѣла бурное столкновение съ отцомъ, который запретилъ ей не только пойти на сегодняшнее торжество, но и вообще посѣщать домъ Брооховъ.

Быстро шагала она по улицамъ, и, чѣмъ быстрѣе стано-

вились ея шаги, тѣмъ сильнѣе оттаивалъ ледъ ея души. Боль и возмущеніе противъ слѣпого послушанія наполняли ея душу и вызывали слезы на ея глазахъ. Но она еще владѣла собою и лишь безпощадно терла себѣ носъ; только поспѣшность, съ которой она бѣжала по улицамъ, и разсѣянность, съ которой она отвѣчала на поклоны, могли удивить прохожихъ. Но, очутившись въ лѣсу, она дала волю своимъ чувствамъ и горько расплакалась...

На скамейкѣ, съ которой открывался видъ на городъ, сидѣлъ господинъ. Его облитый солнечнымъ свѣтомъ цилиндръ она замѣтила еще издали. Глядя прямо передъ собой, она быстро шла впередъ, но едва достигла скамьи, какъ господинъ вскочилъ, замахалъ шляпой и съ веселостью, которой она давно ужъ не видала, крикнулъ:

— Скажите! скажите, какая восхитительная встрѣча!

Торопливо, хотя нѣсколько покачиваясь, Антонъ Бюргель направился къ Аннѣ и, схвативъ ея руку, державшую носовой платокъ, продолжалъ крѣпко сжимать ее, словно крайне нуждался въ ея опорѣ. При этомъ все лицо его свѣтилось и смѣялось: такая восхитительная встрѣча, такая восхитительная!

— Прошу васъ, садьте! Пожалуйста, я провожу васъ...

Не желая силою вырваться изъ его рукъ, Анна принуждена была слѣдовать за нимъ. Она была страшно поражена переменой, происшедшей какъ въ наружности, такъ и въ поведеніи скульптора: щеки его пылали и цвѣли, какъ розы; его носъ покраснѣлъ не меньше, чѣмъ ея, глаза подернулись поволокой, и вся его маленькая фигура въ свѣтломъ пальто и съ красной розой въ петлицѣ имѣла въ себѣ что-то побѣдоносно-молодое, торжествующее, весеннее! Отъ него порядочно несло виномъ и сигарами. И вообще... она не знала, какъ съ нимъ держаться, и одинаково боялась и оставаться въ его обществѣ, и уйти отъ него, хотя... Онъ былъ такъ блаженно растроганъ, и то, что строгій, недоступный г-нь Бюргель могъ быть таковымъ, имѣло въ себѣ что-то трогательное, комическое!.. Нѣтъ, она не пугалась его, она боялась лишь, чтобъ кто-нибудь не пришелъ... Но ей не оставалось никакого выбора. Галантнѣйшимъ образомъ онъ подsunулъ ея руку подъ свою и, непрерывно повторяя: „Пожалуйста, я провожу васъ“, сердечно наклонился къ ней и довольно шумно посадилъ ее на скамью.

— Я могу лишь повторить: какая восхитительная встрѣча! Я раньше думалъ о васъ. Какъ печально, думалъ я, что фрейленъ Дистеркампъ лежитъ съ компрессомъ на головѣ въ то время, когда ты празднуешь свое счастье, день

своей радости, когда весь городъ привѣтствуетъ тебя, обѣ вѣтряныя мельницы отъ радости мапуть своими крыльями, и оба флюгера на башнѣ сверкаютъ золотомъ... то-есть... то-есть... — при этомъ онъ сверкнулъ глазами, высоко поднялъ свои очки и покачалъ головой.—Куда же дѣлась одна мельница? И одна башня также исчезла... Но это ничего... найдутся... И если бы я, можетъ быть... моя уважаемая фрейлейнъ, вы вѣдь знаете, въ мою честь дали обѣдъ, все было такъ роскошно, шампанское... Но я остановился на рюдесгеймерѣ... И какая же дама вапа тетя!.. Свѣтская дама въ полномъ смыслѣ слова и въ то же время женщина! Какъ она умѣетъ открывать человѣку сердце... Однимъ словомъ, человѣкъ!.. Даже фрейлейнъ Киппъ была сегодня любезнѣе обыкновеннаго. Она все еще гордится тѣмъ, что съ достоинствомъ исполняетъ свою роль. Ну, у каждого свой вкусъ... А г-нъ Мартини! Ради него я готовъ пойти опять въ школу, которую, впрочемъ, пусть чортъ поберетъ!.. Но тутъ я рѣшилъ, что нужно оставить домъ безукоризненно, съ хорошими манерами... держась прямо... и я такъ сдѣлалъ... Но тутъ... не находите ли вы... скажите откровенно, фрейлейнъ... не являются ли для васъ люди, которые... нѣтъ, не слишкомъ... когда серьезный человѣкъ по торжественному поводу залететь себѣ за галстухъ... ну?

— Отнюдь нѣтъ, отнюдь нѣтъ...

— Я этого ожидалъ отъ васъ. Вы женщина съ сердцемъ, съ умомъ, съ душой... словомъ, человѣкъ! Не кукла. Я не скажу, что все, происходящее подъ влiянiемъ алкоголя, хорошо. Однако... онъ принадлежитъ къ числу молчаливыхъ друзей... да, къ числу молчаливыхъ друзей!—повторилъ онъ торжественно.—Потому что, видите ли, фрейлейнъ, человѣкъ не долженъ быть одинокъ. Человѣкъ имѣетъ друзей. Миръ не такъ бѣденъ, какъ вы думаете... Ваша тетя мнѣ сказала: вы ведете одинокій образъ жизни. Почему вы не женитесь? Что я возражилъ?.. Правду говоря, я ничего не возражилъ, ибо не нашелъ подходящихъ словъ, но я долженъ былъ сказать: я не одинокъ, милостивая государыня. Но если-бъ я былъ женатъ, легко могло бы случиться, что я былъ бы одинокъ. Ибо, какъ дѣлается съ женщинами? Сидишь довольный въ своемъ ателье, держишь на своемъ большомъ пальцѣ комочекъ глины, который ты разнымъ образомъ лѣпишь,—и вдругъ открывается дверь, и входитъ—она! Не успѣла поздороваться, какъ уже говорить: „Мнѣ нужна новая шляпа!“ Она еще разъ многозначительно повторяетъ: „Слышишь? Новая шляпа!“ Она исчезаетъ, но вмѣстѣ съ нею исчезаетъ и все прекрасное, что только что наполняло твою душу. Мѣсишь, лѣпишь, но

все время думаешь лишь о шляпѣ... Очень много пишутъ противъ чорта, сидящаго въ бутылкѣ, почему ничего не пишутъ противъ чорта, сидящаго въ картонкѣ отъ шляпокъ? Ибо, говорю вамъ, послѣдній разрушилъ ужь не мало искреннихъ стремленій, не одно произведеніе серьезнаго и истиннаго искусства. Что такое дамская шляпа? Проволочное плетеніе, птичье чучело, немного лентъ—словомъ, бесполезнѣйшая вещь... безвкусное надувательство на головѣ и въ головѣ,—можно было бы сказать о женщинахъ. Извините эти нападки мои на вашъ полъ, но многолѣтній опытъ подтверждаетъ, что я правъ. А алкоголь... Онъ, правда, причиняетъ и несчастья, но сколько онъ приноситъ также утѣшенія! Я долженъ признаться, что и я въ плохія времена выпивалъ водки, но лишь въ крайней нуждѣ. Это низменное опьянѣніе, меланхолическое, печальное опьянѣніе безъ мыслей. Но вино!.. Какой тонкій, благородный другъ. Въ ряду моихъ молчаливыхъ друзей онъ стоитъ на второмъ планѣ. Книги, вино, лѣсъ и, наконецъ, рыбы. Но они лишь игрушка, такая же, какъ дѣти для своихъ матерей... Но представьте себѣ слѣдующее: съ утра въ дверной щели опять письмо: „Очень сожалѣемъ... ваше произведеніе не собрало достаточнаго количества голосовъ. Жюри“. Ложишься на диванъ, куришь и ждешь сумерекъ; тогда ужь станетъ свѣтло. Читать вѣдь невозможно, только и остается, что ругаться и ворчать. Но вотъ... есть такой маленькій ренсковый погребокъ... по вечерамъ онъ совершенно пустъ. Сядишь за боковой столикъ, сдуваешь крошки и для начала заказываешь браунбергера. Это для того, чтобы смуть огорченіе. Низкая работа у браунбергера. Затѣмъ переходишь къ болѣе благороднымъ сортамъ, и вмѣстѣ съ ними являются болѣе благородные друзья, хорошее настроеніе, воспоминанія. Ты ужь не одинокъ: тутъ сидятъ Гете, и Монтэнъ, и Шекспиръ... лучшіе люди сидятъ за твоимъ столомъ, любезно бесѣдуютъ съ тобой, утѣшаютъ и выказываютъ себя вѣрнѣйшими друзьями. И когда приходятъ люди и видятъ, что ты бормочешь и смѣешься, они не знаютъ, что съ тобою. Они никого изъ всего этого общества не видятъ. Ахъ, какое прекрасное изобрѣтеніе представляютъ собою книги! Скажите, есть ли что-нибудь болѣе великолѣпное, чѣмъ то, что мертвые не мертвы, а живутъ въ самомъ прекрасномъ и тонкомъ? Ну, скажите, развѣ есть что-нибудь лучше этого?

— Нѣтъ, — отвѣтила Анна. — Это самое лучшее. Но что вы скажете, г-нъ Бургель, если-бъ мы пошли немного погулять?

Въ то время, какъ маленькій человѣчекъ предоставилъ Августъ. Отдѣлъ I.

своему развязавшемуся языку полную волю состязаться въ скорости съ его мыслями, душа Анны раздвигалась. Съ одной стороны, она вся была вниманіе, прислушивалась къ его словамъ, удивлялась, улыбалась, радовалась; съ другой — окутанная гаммерштедтскимъ туманомъ, она по временамъ вздрагивала пугливой дрожью, безпокойно оглядывалась и слѣдила за дорогой, не поднимается ли по ней какой-нибудь гуляющій.

Если ее увидятъ здѣсь съ незнакомымъ мужчиной, ея доброе имя погубило. И потому она облегченно вздохнула, когда Бюргель тотчасъ же съ энтузіазмомъ вскочилъ и сказалъ:

— Конечно. Великолѣпная идея! Почему мы ужъ давно не пошли? Одинъ лишь еще взгляды на вѣтряныя мельницы... на мельницу! — спохватился онъ. — За нею находится еще другая. Прежде горизонтъ былъ шире. Ну, пойдѣмъ, пойдѣмъ! Да, о чемъ я говорилъ? Ахъ, фрейлейнъ, сегодня вы уже мнѣ такъ много сказали, скажите еще одно: не надоѣла ли вамъ моя болтовня?

— Отнюдь нѣтъ, право, нѣтъ! — возразила Анна, осторожно вынимая свою руку изъ его руки.

— Я сегодня говорю столько, сколько обыкновенно не говорилъ и за цѣлый годъ. Но почему бы и нѣтъ? Сегодня вѣдь день моего торжества. Мои именины. Съ сегодняшнаго дня я ужъ не безымянный. И почему мнѣ не говорить? Но я долженъ сдѣлать вамъ комплиментъ: все, что вы ни говорите, умно. Вы выражаете свои взгляды умно и ясно... и не противорѣчите изъ одного лишь желанія противорѣчить... Я этого не выношу. Я человѣкъ робкій, отшельникъ, но почему? Лишь потому, что не переношу, когда противорѣчатъ. Видите ли, въ юношескіе годы я иногда усаживался за столъ, гдѣ собиралась постоянная компанія. Сидишь, пьешь, прислушиваешься, высказываешь свои взгляды, которые ты раньше основательно обдумалъ... Но едва ты сказалъ слово, какъ какой-нибудь молокососъ, совсѣмъ еще зеленый юноша, прерываетъ тебя: „Э, ничего подобнаго! Вы ерунду мелете... Дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе...“ И начинаетъ болтать... Чтобъ чортъ его побралъ! И приходится выслушивать пустую болтовню какого-нибудь мальчугана, у котораго молоко еще на губахъ не обсохло, который думаетъ, что, разбивши нѣсколько мраморныхъ глыбъ, онъ уже Микель-Анджело. Высѣчь бы такого! Ну, ну, я становлюсь грубымъ. Земной шаръ пусть они наполняютъ своимъ многорѣчіемъ. Мое произведеніе стоитъ тамъ внизу для вѣчности, а ихъ крики вѣтеръ разнесетъ... Но посмотрите, какъ красиво!

Онъ отеръ горячій лобъ и указалъ на цѣпь холмовъ,

поднимавшуюся по ту сторону долины и покрытую темно-зелеными елями, совершенно окутанными тѣнью. Мрачно, какъ изъ черной разсѣлины, поднималась между ска- тами дорога,—сѣрая и безцвѣтная. Съ той же стороны, гдѣ они стояли, поднимало свою благословляющую руку солнце, настоящее, горячее, изливающее обильный свѣтъ лѣтнее солнце, которое грѣло имъ грудь, обливало матовымъ золотомъ коричневую листву буковъ и сверкало между стволами сосенъ. И когда Анна молча впивала всю эту красоту, столь разнообразную, столь пеструю, лишь не- много менѣе яркую, но зато болѣе тонкую въ этомъ осен- немъ настроеніи, ей казалось, что всѣ времена года со- единились, чтобъ украсить этотъ лѣсъ и спускавшіяся внизъ поля. Словно позабытые куски бѣлья, тамъ и сямъ на темной зелени елей бѣжали хлопья снѣга, но тутъ же на кустахъ краснѣли цвѣты шиповника, сверкали, какъ синій виноградъ, плоды терновника, и, словно толстыми нитками коралловъ обвивая извилистую дорогу, югились другъ возлѣ друга отягченныя плодами рябины.

Долго стояла она молча и, наконецъ, отъ всего сердца сказала:

— Боже мой, какъ здѣсь красиво!

— И хорошо!—прибавилъ маленькій человѣчекъ.

Прошедши еще нѣсколько шаговъ, онъ, объясняя свое загадочное восклицаніе, сказалъ:

— Все это,—вы можете быть въ порванныхъ ботинкахъ и потертыхъ штанахъ и двадцать разъ отвергнутымъ,—все это не посмотритъ на васъ презрительно. Это также при- надлежитъ къ молчаливымъ друзьямъ. Ибо не нужно быть одинокимъ.

Они пошли дальше, и маленькій человѣчекъ говорилъ безъ умолку, словно хотѣлъ вознаградить себя за оди- чество многихъ лѣтъ; онъ рассказывалъ о своихъ рыбахъ, о широкоротомъ карпѣ, котораго онъ называлъ директо- ромъ академіи, о забавной иглѣ-рыбѣ, постоянно засовы- вающей голову въ песокъ и машущей короткимъ, прямо поднятымъ хвостомъ: какихъ онъ требуютъ заботъ, и какими тяжелыми болѣзнями онъ страдаетъ... Затѣмъ онъ пере- шель къ первому визиту Брооховъ, по-своему рассказалъ то, что г-жа Броохъ по-своему же передала Аннѣ уже раньше. Съ засученными рукавами, съ зелеными отъ ила руками онъ собирался какъ разъ перевести рыбъ въ другое мѣсто. Вдругъ постучали въ дверь. Онъ думалъ, что это — натур- щица, и лишь послѣ того, какъ нѣсколько разъ постучали громче, онъ сердито крикнулъ: „Чортъ васъ побери, захо- дите!“ И тогда... онъ былъ попросту внѣ себя. Услышавъ,

что его фонтанъ поставятъ, онъ сталъ бѣгать по ателье, какъ мышь въ мышеловкѣ, и, наконецъ, сѣлъ на спиртовую кухню, отъ чего получилось, конечно, порядочное свинство. Почувствовавъ, что онъ совершенно потерялъ голову, онъ попросилъ ихъ прійти къ нему завтра. У него неотложное дѣло: его рыбы подохнуть, если онъ ихъ не пересадитъ немедленно. Когда же Броохи, какъ вѣжливые люди, попрощались, съ нимъ началась истерика. И, возясь съ бассейномъ, онъ весь наполнилъ его слезами, такъ что несчастнымъ прѣсноводнымъ пришлось плавать въ соленой водѣ.

Анна нѣсколько разъ смѣялась такъ искренно, какъ не смѣялась ужъ много лѣтъ. Одинъ разъ она даже громко захопала въ ладоши. Но тутъ Бюргель опять вернулся къ шляпкамъ, почему она подумала, что его счастье разбилось, вѣрно, о шляпку...

Время отъ времени онъ вполнѣ довѣрчиво бралъ ее за руку и говорилъ: „Теперь вы должны рассказать о своей жизни“. Она переводила дыханіе и говорила: „Ахъ, моя жизнь“... И каждый разъ въ ней поднималась глубокая горечь. Передъ ея душой пролетали мрачные часы, часы скрежещущей зубами злобы, часы горячихъ слезъ и долгіе-долгіе часы, когда она говорила себѣ: „Только не думайте! все впередъ, бессмысленно впередъ!“..

И, хотя она говорила лишь нѣсколько словъ, онъ ей неоднократно заявлялъ, что у нея прекрасные взгляды; разъ даже онъ самымъ искреннимъ тономъ, безъ околичностей, безъ извиненій или введеній сказалъ ей:

— Вы милая дѣвушка, право, Анна, вы милая дѣвушка!

Тутъ кровь у нея сильно заволновалась, такъ что все тѣло ея задрожало, густой румянецъ покрылъ ея лицо, затуманило ея взоръ, какъ въ легкомъ обморокѣ. Вся испуганная, заставляя замолкнуть буйный голосъ, громко выразившій едва признаваемыя ею чувства, она лишь самой себѣ сказала: „какъ хорошо получить похвалу“. Когда она еще была въ школѣ, похвала ее воспламеняла и удешевляла ея силы, но позже она никогда, никогда не слышала ни отъ кого дружескаго слова.

А потомъ... въ концѣ... случилось нѣчто удивительное, почти страшное, словно лопнула струна во время игры, словно ораторъ замолкъ въ срединѣ предложенія. Изъ чаши елей съ лѣвой стороны появилась вдругъ хорошо знакомая ей собака, которая задомъ катилась по хвоямъ и казалась настоящимъ дьяволомъ. Въ ту же минуту раздался не мнѣе знакомый ей голосъ: „Мими. Иди же, милая, иди, Мими!“

Тутъ Анной овладѣлъ такой ужасный, совершенно лишившій ее самообладанія страхъ, что она зашпетающимся

языкомъ попросалась со скульпторомъ и стремглавъ бросилась по темной боковой дорожкѣ.

Бюргель остался и смотрѣлъ ей вслѣдъ. Онъ вспомнилъ, что не снялъ шляпы, и, поспѣшивъ, снялъ ее теперь, поклонившись дереву. Онъ продолжалъ еще стоять и тщетно старался вспомнить то несчастное слово, которое прогнало Анну. Фрейлейнъ Дюмелингъ прошла мимо него, сдѣлавъ при этомъ большой крюкъ, такъ какъ по его надѣтому набекрень цилиндру она приняла его за пьянаго.

Солнце уже закатилось въ долинѣ поднимался туманъ, и изъ сердца Бюргеля совершенно исчезла веселость. Вопросы, раскаяніе и упреки чередовались другъ съ другомъ. Какое несчастное слово оскорбило Анну? Онъ былъ пьянъ, болталъ всякій вздоръ. Велъ себя, какъ, подобаетъ приличному человѣку. Оскорбилъ уважаемую дѣвушку...

Совершенно подавленный, онъ позднимъ вечеромъ вернулся домой. День его торжества окончился печально.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

I.

Памяти Н. С—ва.

Это было такъ недавно... Иль давно? Сама не знаю.
 Дни-ль ушли, недѣли, годы—не пойму, не сосчитаю..
 Можетъ быть, одно мгновенье, можетъ быть, и цѣлый годъ,—
 Все равно! Души тоскливой не излечить скучный счетъ.
 Все равно,—въ одномъ мгновеньи, раздѣлившемъ насъ съ
 тобою,

Вѣчность смотреть грозно въ сердце, омраченное тоскою,
 И мелькають дни за днями... И тускнѣють всѣ мечты..
 Съ каждымъ мигомъ, съ каждымъ часомъ отъ меня все
 дальше ты.

Я давно тебя искала всей душою истомленной,
 Жаждой свѣта, жаждой ласки, жаждой жизни окрыленной

Въ каждомъ сердцѣ я искала, каждой пѣсней я звала
 И у моря, лунной ночью, наконецъ, тебя нашла.
 Помнишь море? Шумъ прибоа, волны въ блескѣ звѣздъ лу-
 чистомъ

И мечты о нашемъ счастьи, молодомъ, весеннемъ, чистомъ,
 Дни, сверкающіе солнцемъ ночи, полныя молчанья,
 У порога свѣтлой тайны, какъ у храма, ожиданье?
 Но въ туманѣ замелькали дней осеннихъ вереницы,
 И закрылись жизни новой непрочтенныя страницы...
 Это было... Но давно ли? Развѣ сердце знаетъ счетъ?
 Можетъ быть, прошло мгновенье, можетъ быть, и долгій
 годъ...

II.

Огни потушила, отдернула съ оконъ гардины
 И слушаю старыхъ часовъ монотонный и грустный разговоръ.
 На слабо бѣлѣющихъ стѣнахъ невнятно темнѣютъ картины,
 Портреты людей позабытыхъ, ушедшихъ далѣко отъ насъ.
 „Такъ было, такъ было!“—часы говорятъ торопливо,
 Минуетъ и горе, и счастье, уходятъ и люди, и дни,
 И съ каждымъ мелькнувшимъ мгновеньемъ прощается
 сердце пугливо...
 Ихъ много, прошедшихъ безслѣдно... Скользятъ и уходятъ
 они...

Морозная ночь потонула въ серебряномъ свѣтѣ,
 На каждой снѣжинкѣ играетъ огнями сіянье луны...
 Прозрачная синяя ночь, ты сегодня умрешь на разсвѣтѣ,—
 Къ чему же твоя красота и твои лучезарные сны?..
 На слабо бѣлѣющихъ стѣнахъ темнѣютъ картины,
 Портреты людей позабытыхъ, ушедшихъ куда-то отъ насъ.
 Огонь я задула, отдернула съ оконъ гардины
 И слушаю старыхъ часовъ монотонный и грустный разговоръ..

Ада Чумаченно.

ИТАЛІЯ.

(Окончаніе).

По-своему, на свой ладъ, ново и необычно складывается жизнь возрождающейся Италіи. Глубоко интересно и знаменательно само это складываніе, его тенденціи, бросающіяся въ глаза даже постороннему человѣку, поверхностному наблюдателю итальянской жизни.

Римъ не сдѣлался по сіе время центромъ итальянской жизни, Парижемъ Италіи,—ни тотъ старый папскій Римъ Ватикана, ни новый Римъ Квиринала. Есть два Рима. Тамъ два государя, два правительства, два двора и два круга аристократіи, связанныхъ съ этими двумя дворами, двѣ международныхъ политики, два дипломатическихъ корпуса. Тотъ старый папскій Римъ никогда не былъ Парижемъ для Италіи. Знаменитое обращеніе папъ—„Urbi et orbi“—совершенно точно опредѣляло Римъ,—онъ былъ и шире, и уже Парижа. Съ одной стороны, это опредѣленіе разумѣло только Римъ и тянущуюсь къ нему Папскую область, а съ другой—заключало въ себѣ весь міръ, въ который Италія въ широкомъ смыслѣ слова входила, только какъ часть „orbi“. И жизнь итальянскаго „orbi“,—политическая, умственная, гражданская, художественно-литературная—шла мимо, нерѣдко наперекоръ, вопреки „urbi“.

И по сіе время здѣсь вяжутся и рѣшаются дѣла не только Италіи, но всего міра, быть можетъ, можно сказать, не столько Италіи, сколько міра,—Германіи и Франціи, Испаніи и Португаліи. И въ этомъ смыслѣ старый король-папа, старый дворъ, старое правительство играютъ ббольшую роль въ римской жизни, чѣмъ новый король, новый дворъ. Къ нему, къ старому центру, тянутся пилигримы со всего свѣта, что наполняютъ римскія улицы, римскіе отели, къ нему прислушиваются со всѣхъ концовъ міра,—и слова, исходящія изъ Ватикана, звучатъ громче, чѣмъ слова Квиринала, и огромная тяжелая тѣнь Ватикана заслоняетъ собой невысокій холмъ

королевскаго Квиринала. И не столько итальянцы, сколько люди всего міра идутъ къ старому художественному Риму. Если значеніе высшаго художественнаго университета въ значительной мѣрѣ ушло отъ Рима къ Мюнхену и Парижу, то значеніе художественнаго музея, единственнаго, исключительнаго музея для всего міра, остается и, вѣроятно, навсегда останется за Римомъ. Безчисленные, несравненныя сокровища Ватикана и Капитолія и частныхъ галлерей и самыя дома, площади и улицы, церкви,—тѣ, что на землѣ, и тѣ, что подъ землей, Форумъ и Колизей, Палатинъ и Пантеонъ, и термы, колонны и триумфальныя арки....

Новый Римъ слишкомъ новый и не успѣлъ ни сдѣлаться центромъ римской жизни, ни стянуть къ себѣ Италію. И самъ итальянскій король является пришельцемъ въ чужую «страну», по сіе время узурпаторомъ въ глазахъ Ватикана и клерикальной Италіи. Квиринальскій дворецъ не успѣлъ обрости живымъ мясомъ традицій, личныхъ и историческихъ переживаній.

Мало чувствуется столица въ Римѣ. Не самый крупный и не самый богатый въ Италіи городъ—Римъ; не выдѣляется изъ другихъ итальянскихъ университетовъ римскій по своимъ научнымъ силамъ; не стянулъ къ себѣ Римъ, какъ Парижъ, умственныя, художественныя силы страны. Онъ не промышленный центръ, и единственная сточащая промышленность его—обрабатывающая иностранцевъ. Не римскія газеты задаютъ тонъ Италіи, не въ нихъ формируется общественное мнѣніе страны, не въ нихъ кристаллизуются взгляды и мнѣнія, вкусы и моды. И, быть можетъ, въ этомъ зеркалѣ страны—въ газетахъ наиболѣе ярко встаютъ особенности Италіи, вся оригинальность современнаго складыванья итальянской жизни. Въ особенности, если сравнить ихъ съ французскими газетами...

Въ самомъ маленькомъ городишкѣ Франціи вы найдете если не „Matin“, то, по крайней мѣрѣ, „Petit journal“ или „Petit Parisien“, и вамъ не легко найти въ Парижѣ провинціальныя газеты даже крупныхъ центровъ. Въ самой маленькой провинціальной французской газеткѣ вы найдете большой отдѣлъ, посвященный Парижу,—она пересыщена Парижемъ, и въ самой большой и распространенной парижской газетѣ вы найдете въ провинціальномъ отдѣлѣ отчеты о рѣчи депутата или министра, сказанной своимъ избирателямъ, сообщенія о стачкахъ, но главнымъ образомъ—сенсационныя убійства и пикантные скандалы, до чего такъ падки читатели парижскихъ газетъ, и мало найдете извѣстій о гражданской и духовной жизни французской провинціи, о томъ, какъ складывается эта жизнь, куда идетъ она. Вы чувствуете, что

Парижъ стянулъ къ себѣ Францію, что въ немъ узелъ Франціи, что тамъ рѣшаются судьбы Франціи, политическія и финансовыя, литературныя и художественныя, оттуда декретируются правила поведенія, вкусы и моды.

Вы не всегда найдете въ глухомъ углу Италіи,—и не въ маленькомъ городкѣ,—римскую газету, а Римъ переполненъ провинціальными газетами. Нѣтъ кіоска, гдѣ вы не нашли бы миланской, туринской, генуэзской, неаполитанской газеты. Не римскія газеты самыя вліятельныя и распространенныя. Въ Римѣ нѣтъ ни одной газеты, такъ широко поставленной, съ такимъ огромнымъ литературнымъ матеріаломъ, какъ миланскій „*Coggiere della Sera*“, и его вы встрѣтите вездѣ въ Италіи и за-границей, и къ его голосу прислушиваются внимательнѣе, чѣмъ къ голосу римскихъ газетъ.

Первое, что бросается въ глаза въ итальянскихъ газетахъ, если даже недолго слѣдить за ними,—отсутствіе значительной разницы, рѣзкой разграничительной линіи между столичными и провинціальными газетами, удивительное сходство въ тонѣ и содержаніи римскихъ газетъ и газетъ крупныхъ центровъ Италіи,—вѣрнѣе будетъ сказать—отсутствіе столицы, одного центра. Одинаково широко ставятся и обстоятельно обсуждаются жизнь парламента и международная политика, одинаково внимательно и сторожко слѣдится за тѣмъ, что дѣлается въ Ватиканѣ, одинаково живой интересъ къ литературнымъ явленіямъ и одинаково огромное мѣсто,—и въ этомъ коренная разница съ французскими газетами,—занимаетъ въ римскихъ и не римскихъ крупныхъ газетахъ мѣстная жизнь. Вся полнота жизни.

Отчеты о засѣданіяхъ литературныхъ, художественныхъ и ученыхъ обществъ, жизнь муниципалитетовъ, борьба партій и направленій на мѣстахъ и то, что происходитъ въ низахъ,—въ деревняхъ и рабочихъ кругахъ,—занимаетъ, казалось мнѣ, большее мѣсто, чѣмъ жизнь римскихъ верховъ.

Когда вы вчитываетесь въ итальянскія газеты и всматриваетесь въ итальянскую жизнь, вы чувствуете, что работа научной и художественной мысли, пульсъ промышленности, ростъ культуры и гражданственности, измѣненіе нравовъ и укладовъ жизни совершается не въ центрѣ, а развертывается на периферіи, вы не видите централизаціи, центростремительнаго движенія, и вамъ кажется, что жизнь Италіи складывается и идетъ такъ, какъ складывалась и шла она и раньше, до того, какъ Италія стала единымъ государствомъ и Римъ столицей ея.

Слишкомъ долго отдѣльной и самостоятельной жизнью жили области Италіи,—эти королевства и республики, герцогства и городскія общины. Такъ часто были они врагами другъ другу, политическими и экономическими, и такъ долги и упорны были междоусобныя войны. Разно протекала ихъ исторія, по-разному складывалась ихъ государственная, гражданская жизнь, правовыя отношенія, хозяйственная жизнь, нравы и обычаи, костюмы и манеры, литература и искусство.

Какъ разные народы, жили Венеція и Римъ, Миланъ и Сицилія, по разному владѣли и пользовались землей Тоскана и Неаполитанское королевство, разное писали художники Флоренціи и Венеціи. Старинные дома Генуи совсѣмъ не похожи на дома Венеціи, и тѣ, и другіе мало похожи на старинные дома Рима и Неаполя. Италія объединилась, стала однимъ государствомъ, одной землей, но областныя организмы продолжаютъ жить отдѣльной самостоятельной жизнью. И не въ томъ одномъ дѣло, что слишкомъ недавно произошло это объединеніе,—почти въ одно время съ Германіей,—слишкомъ пестрымъ узоромъ выткана была ткань Италіи. Пестрымъ узоромъ кажется она и сейчасъ. Жизнь стираетъ старыя краски, но ткеть и новые узоры,—и по сіе время сѣверъ и югъ во многомъ разныя страны и живутъ разной жизнью, — рѣзко различаются въ парламентѣ буржуазныя депутаты сѣвера и юга, по разному складывается рабочее и социалистическое движеніе на сѣверѣ и югѣ.

Давно прекратились междоусобныя войны, отъ старой вражды остались только насмѣшки другъ надъ другомъ, не на полѣ битвы, а въ области культуры и гражданственности, экономической и духовной жизни идетъ соревнованіе различныхъ областей Италіи, но воспоминанія живы и традиціи крѣпки. Живы еще и крѣпки мѣстные патриотизмы. Онъ — итальянецъ, житель Италіи, но прежде всего онъ Тосканецъ, Пьемонтецъ, Генузецъ, Римлянинъ, Неаполитанецъ.

И не стянулись они къ Риму, и мнѣ показалось, что возрожденіе областной жизни, развертываніе жизни на мѣстахъ, а не тяга къ центру составляло главное содержаніе истекшаго пятнадцатилѣтія. Не въ сторону централизаціи, идетъ, повидимому, жизнь Италіи.

Быть можетъ, эти мѣстные патриотизмы и ихъ живучесть, мѣшаютъ складываться обще-итальянскому патриотизму, въ той формѣ, въ какой сложился онъ въ другихъ странахъ,—шовинизму, тому звѣриному патриотизму, въ которомъ больше

злости, ненависти и презрѣнія къ другимъ націямъ, тѣмъ любви къ своей родинѣ, тому патриотизму, за который стыдно. *Этого* патриотизма не чувствуется въ Италіи, и, можетъ быть, этимъ объясняется то удивительное чувство пріятности, какой-то особенной свободы, своего, а не чужого мѣста, которое испытываетъ въ Италіи человѣкъ, не соединяющій любви къ своей родинѣ съ враждой и презрѣніемъ къ другимъ странамъ, къ другимъ народамъ. Никто тебя не задѣваетъ, ничто не давитъ, не чувствуется отношенія къ тебѣ, какъ къ чужому и чуждому человѣку. И это тѣмъ болѣе удивительно, что такъ недавно закончилось объединеніе Италіи, и та динамическая сила, которая заключалась въ немъ, не разгорѣлась въ Италіи подъемомъ націоналистическаго чувства. Она объединилась въ одно время съ Германіей, и у нея былъ свой Бисмаркъ; Криспи съ такой же непреклонностью и страстностью итальянскаго темперамента упорно толкалъ Италію на путь великой державы, колониальной политики, военнаго могущества... И одно время казалось, что Италія пойдетъ по этому пути: я помню крикливый тонъ газетъ Криспи 14 лѣтъ назадъ, призывъ къ вооруженію, во что бы то ни стало, къ Абиссинскимъ авантюрамъ, брань по адресу Франціи и угодничество предъ Германіей и тройственнымъ союзомъ.

Не по тому, однако, пути пошла Италія, и, повидимому, въ глубь, въ возрожденіе и упорядоченіе внутренней жизни ушла сила объединившагося и возродившагося къ новой жизни народа.

Я жилъ въ прошломъ году во Франціи, когда случилось убійство въ Марокко французскаго доктора Мошана, послужившее поводомъ къ той горестной мароккской авантюрѣ, которая все больше и больше, какъ петля, завязывается на шеѣ Франціи, — и помню воинственные крики и битые въ пустыя лукошки буржуазнаго патриотизма, которыми полны были націоналистическія газеты и, въ особенности, „Matin“, кормилица и вдохновительница тѣхъ французскихъ патриотовъ, для которыхъ отечество постольку дорого, поскольку его можно грабить. Совершенно аналогичный фактъ—убійство итальянскаго монаха въ Триполи—случился въ нынѣшнемъ году во время моей жизни въ Римѣ, и въ буржуазныхъ газетахъ не было ни трубъ, ни литавровъ, ни воинственныхъ криковъ. На другой же день былъ отданъ приказъ итальянскому флоту быть готовымъ двинуться въ турецкія воды, но газеты спокойно и увѣренно говорили, что Турція уступить, и что нужно опредѣлить и урегулировать такія-то и такія-то отношенія, давно нуждающіяся въ опредѣленности и урегулированіи.

Газеты чутко и сторожно относятся ко всѣмъ колебани-ямъ международной политики, всю истекшую зиму въ евро-пейской прессѣ звучала доминирующая нота о неизбежно-сти близкаго столкновенія Германіи и Англіи, происходило свиданіе въ Венеціи императора Вильгельма съ итальян-скимъ королемъ, пріѣзжалъ въ Римъ Бюловъ для перего-воровъ съ Титтони,—и въ разсужденіяхъ о возможности войны между Англіей и Германіей и въ пріѣздившихъ корректныхъ статьяхъ по поводу свиданій между строч-ками опредѣленно звучала одна нота: о необходимости несвязанности Италіи, искренняя тяга къ миру, отгоражи-ваніе строго и тѣсно-итальянскихъ интересовъ, независимо отъ союза съ кѣмъ бы то ни было. И не было воинствен-ныхъ воплей и стараго крикливаго тона шовинизма.

Не говорятъ вамъ назойливо и противно о великой дер-жавѣ, какъ въ той или другой степени слышите вы это въ другихъ странахъ Европы. Все великія державы; всѣ онѣ величайшія, самыя великія, Англія, Германія, Франція, и такъ какъ каждая изъ нихъ самая величайшая, то въ той или въ иной мѣрѣ презираетъ другія самыя величайшія державы. Съ негнущейся прямою и честностью презираетъ другіе народы Англія; съ прусской грубостью грозитъ бро-нированнымъ кулакомъ міру Германія; съ утонченной лю-безностью величайшая изъ величайшихъ Франція всемірно презираетъ другія державы, въ томъ числѣ и Россію,—не только великую, но и святую Россію. А Америка просто и откровенно презираетъ весь старый свѣтъ. А Японія прези-раетъ вообще людей съ бѣлой кожей; а, быть можетъ, Индія завтра станетъ презирать людей и бѣлой, и желтой ксжи. И отъ всего этого получается безмѣрная тоска и смертельная скука. И становится обидно за человѣка,—не за звѣрство и алобу его, а за безпредѣльную глупость человѣческую, обидно, что люди не чувствуютъ себя дураками, не созна-ютъ своей глупости, обидно не за тѣхъ, кого презираютъ, а за тѣхъ, кто презираетъ. Когда старый профессоръ, маститый ученый, прошедшій долгую свою жизнь въ непрестан-номъ изученіи жизни человѣческой, судебъ народовъ, вы-ражаетъ презрѣніе къ чехамъ и вообще славянамъ и начи-наетъ разграничивать, что доступно имъ и что доступно только нѣмцамъ, становится обидно не за славянъ, а за тем-ныя глыбы глупости, лежащія тяжелыми пластами даже въ свѣтлыхъ умахъ человѣчества, за уость, рабью связан-ность даже широкаго человѣческаго ума.

Наименѣе чувствуется „великая держава“ въ Италіи, ме-нѣе, нежели гдѣ бы то ни было, ощущается этотъ против-ный привкусъ патріотизма, пошлость и плоскость воин-

ствующаго націонализма. Нѣтъ самоуслажденія своимъ величіемъ, и нѣтъ вражды и презрѣнія къ другимъ народамъ... Быть можетъ, единственное исключеніе составляетъ отношеніе къ нѣмцамъ. Глухая неприязнь чувствовалась и тогда, въ разгаръ тройственной дружбы, чувствуется и теперь,—въ уличной толпѣ, въ самомъ тонѣ, которымъ выговаривается слово *tedesco*. Но и тутъ, на сколько я успѣлъ уловить, нѣтъ племенной вражды, а чувствуются старыя воспоминанія, не зажившія раны отъ австрійскихъ цѣпей.

Я не могу себѣ представить въ Италіи возможности проявленія повиннама въ тѣхъ грубыхъ формахъ джингоистскихъ манифестацій, въ какихъ онъ проявлялся въ Англіи во время бурской войны,—по крайней мѣрѣ, прошлый разъ, когда итальянскій воздухъ насыщенъ былъ абиссинскими авантюрами, ничего подобнаго мнѣ не приходилось наблюдать въ Италіи. Я не могу себѣ представить самой возможности возникновенія дѣла Дрейфуса въ Италіи, чтобы такая же кровавая грязь, хотя бы временно, заполнила воздухъ Италіи, не могу себѣ представить „*conspirez*“ по адресу хотя бы д'Амичиса, той бѣшеной злобы къ великому сыну родины, ставшему за правду, — злобы, которую даже смерть не насытила.

Я не знаю, какъ это случилось. Изъ трудныхъ и сложныхъ вопросовъ человѣчества—складываніе національнаго характера, психологія народа, быть можетъ, одинъ изъ самыхъ трудныхъ и сложныхъ вопросовъ... Конечно, дѣло не въ однихъ мѣстныхъ патриотизмахъ. Быть можетъ, въ этомъ направленіи сыграла большую роль неудача абиссинской экспедиціи и горькій осадокъ, оставшійся на итальянской душѣ отъ разгрома ея арміи, быть можетъ, вліяетъ нищета населенія,—еще не на что дѣлать политику великой державѣ. А можетъ быть, великое страданіе, безмѣрное, долгое горе, выпавшее на долю Италіи, сложило такъ итальянскую душу. Быть можетъ, вѣрно, что великое страданіе очищаетъ душу отъ грязи и злобы, поднимаетъ человѣка на высоту человѣческаго духа, снимаетъ съ него цѣпи узости и пошлости.

О, итальянцы любятъ свою Италію, свое отечество! Они, быть можетъ, крѣпче и сильнѣе, чѣмъ другіе народы, любятъ свои моря, долины и горы, свою дышащую гнѣвомъ землю, сѣдые камни своихъ жилищъ, свой прекрасный „языкъ Фіеводе“. У нихъ есть патриотизмъ, быть можетъ, самый пламенный и нѣжный, истинный патриотизмъ, который можно назвать патриотизмомъ... Не станетъ истинно любящій своихъ отца и мать человѣкъ бѣгать по улицамъ

и площадямъ и кричать: „я люблю свою мать, я люблю своего отца!“ Стыдливо тая въ сердцѣ, какъ святѣню, свою родину, со скорбью и восторгомъ, съ болью и радостью, съ готовностью жертвы, великой любовью, выкованной годами тяжкихъ страданій, любятъ итальянцы свою Италію. Настоящей любовью,—ибо нѣтъ любви безъ скорби, любви безъ жалѣнья, нѣтъ любви безъ жертвы. Я не знаю, какой еще народъ *больше* любилъ, больше и дольше страдалъ за свою родину.

Не въ походѣ на чужую страну, не на завоеванной землѣ, не подъ громомъ пушекъ и блескомъ побѣдныхъ знаменъ совершилось объединеніе Италіи. То была великая, тяжелая борьба, гдѣ безконечно долго пламенные надежды смѣнялись горькими разочарованіями, побѣды пораженіями, короткая радость долгими муками,—борьба, вся сложенная изъ героизма и тоски, изъ жертвъ и слезъ, изъ мольбы и проклятій. Она кончилась только вчера, и еще живы люди, томившіеся въ австрійскихъ тюрьмахъ, и люди отрядовъ Гарибальди. То была борьба всего народа: итальянскія графини вышивали знамена для борцовъ за родину, на зовъ Гарибальди откликнулся купецъ и маркизь, рабочій и студентъ, рыбакъ и офицеръ, крестьянинъ и докторъ, инженеръ и адвокатъ. Они отдавали свое имущество, покидали свои семьи, бросали дѣла свои и шли освобождать родину... Они во многомъ разошлись—друзья, бившіеся плечомъ къ плечу за одно дѣло, они будутъ расходиться дальше и дальше въ начавшейся борьбѣ классовъ, но осталось еще тепло, не остывшая зола отъ того костра, за которымъ сидѣли они вмѣстѣ,—не забыли они еще, что вмѣстѣ страдали, за одно бились... И, быть можетъ, этимъ объясняется та терпимость, то взаимопониманіе, которыя я отмѣчалъ выше. Поднялась другая великая борьба освобожденія отъ всякаго рабства, и, быть можетъ, этими выкованными въ долгой борьбѣ и великихъ страданіяхъ особенностями итальянской души объясняется особая напряженность борьбы трудящихся классовъ за свое будущее. Но Италія *ипа*. Итальянцы продолжаютъ еще жить старыми отгороженными мѣстами и, быть можетъ, не выйдутъ изъ изъ нихъ, быть можетъ, въ сторону федераціи пойдетъ жизнь Италіи, но Италія—*ипа*, и, какъ одинъ человекъ, будутъ биться неаполитанецъ и римлянинъ, генуэзецъ и пьемонтецъ за общую родину, за всю итальянскую землю.

И у нихъ есть Онъ, великій, всю жизнь положившій на дѣло освобожденія родины и на связываніе ихъ, итальянцевъ, въ одно отечество, Онъ—символь, Онъ великій носитель той любви-скорби, любви-жалѣнія, любви—безпредѣль-

ной жертвы, Онъ —Гарибальди! Онъ живъ еще, онъ бродитъ, какъ великій призракъ, по городамъ и деревнямъ Италіи и встаетъ все выше и выше...

Я удивлялся въ этотъ разъ, почему такъ не метался мнѣ въ глаза Гарибальди 14 лѣтъ назадъ, не вставалъ предо мной такъ огромно, какъ теперь, почему я не почувствовалъ тогда того культа Гарибальди въ Италіи, который ярко всталъ предо мною въ нынѣшнемъ году. Гарибальди всегда былъ близокъ и дорогъ намъ, людямъ, воспитавшимся на рубежѣ 60-хъ и 70-хъ годовъ,—тогда въ студенческой комнатѣ можно было видѣть рядомъ съ Бѣлинскимъ и портретъ Гарибальди.

И въ то мое посѣщеніе Италіи память о немъ, несомнѣнно, была особенно жива; прошло всего 12 лѣтъ со смерти его, онъ былъ еще совсѣмъ близокъ тогда, и, тѣмъ не мѣнѣе, повторяю, я не чувствовалъ того культа Гарибальди, который я почувствовалъ въ этотъ разъ. Быть можетъ, именно потому, что онъ былъ еще совсѣмъ близко..! Тысячи людей только что смотрѣли въ его лицо, прикасались къ его платью, сидѣли за однимъ столомъ, шутили, смѣялись, соштовались. Они любили и чтили его, но онъ былъ еще для нихъ Иванъ Ивановичъ, „просто Долгорукій“, „дядя Пе“, какъ интимно-ласково называли его старые рыбаки. Быть можетъ, для современниковъ великій человѣкъ всегда прежде всего Иванъ Ивановичъ, изъ-за котораго имъ трудно видѣть великій образъ, быть можетъ, нужна перспектива, нужно время, нужно, чтобы великій человѣкъ ушелъ въ прошлое, чтобы стерлись мелкія, будничныя, индивидуальныя черты, и народное творчество, этотъ великій художникъ, взялъ общее, выбралъ главное, опредѣляющее и создалъ образъ-статую, образъ-легенду, образъ-пѣсню, образъ великаго человѣка. И мнѣ показалось, что Гарибальди именно теперь встаетъ въ Италіи въ свѣтломъ ореолѣ великаго человѣка, героя-гражданина, великаго сына своей родины. Онъ всюду. На безчисленныхъ *via Garibaldi*, *piazza Garibaldi*, въ памятникахъ, въ портретахъ, въ безчисленныхъ городахъ и деревняхъ Италіи, говорятъ—чуть не въ каждой крестьянской избушкѣ. Онъ—въ печати, когда говорится о событіяхъ его времени, когда пишется некрологъ крупнаго человѣка его эпохи, онъ на устахъ, онъ въ умахъ, онъ въ сердцахъ итальянцевъ.

Два дня возилъ насъ извозчикъ кругомъ Рима. Молодой извозчикъ съ необыкновенно характернымъ римскимъ лицомъ, настоящій *civis romanus*, съ крупными надбровными

дугами и съ твердымъ суровымъ подбородкомъ, словно только что вышедшій изъ Ватикана и Капитолія, изъ коллекціи старыхъ римскихъ сенаторовъ и только одѣвшійся въ нелѣпный, не идущій къ нему костюмъ извопика. Онъ хорошо зналъ Римъ и охотно, вѣжливо и деликатно отвѣчалъ на наши вопросы о церквахъ и башняхъ и о громадныхъ глыбахъ стѣнъ, гдѣ старая языческая римская кладка чередуется съ тонкими кирпичами папскаго Рима, но равнодушно проѣзжалъ мимо нихъ. И я помню, какъ неожиданно для насъ онъ остановился у одной изъ такихъ стѣнъ, задѣланной свѣжими кирпичами, и оживленно оборотился къ намъ:

— Вотъ здѣсь гарибальдійцы ворвались въ Римъ...

А на другой день, когда мы подѣзжали къ памятнику Гарибальди на Яникулѣ, онъ тоже неожиданно для насъ свернулъ въ сторону и остановилъ лошадь. Онъ даже слѣзъ съ козелъ, очевидно, приглашая и насъ сдѣлать то же, и, указывая рукою вдаль, съ засвѣтившимся лицомъ, говорилъ намъ:

— Вотъ здѣсь Гарибальди разбилъ французовъ... Вонъ тамъ, дальше, стояли французскія войска...

Я чужой, посторонній человекъ, короткимъ взглядомъ взглянувшій на Италію, но я не могъ не почувствовать того восторга и благоговѣнія, которыми окруженъ теперь въ Италіи образъ Гарибальди, и меня, случилось, глубоко волновали тѣ трогательныя формы, въ которыхъ проявляется культъ Гарибальди...

Я получилъ отъ моихъ хозяевъ, у которыхъ снималъ комнату, почетное приглашеніе разговляться за ихъ семейнымъ столомъ въ первый день итальянской Пасхи. Это была обыкновенная средняя буржуазная семья, трудящаяся семья. Глава дома, еще молодой, безъ сѣдыхъ волосъ, архитекторъ-подрядчикъ, строившій этотъ домъ, въ которомъ онъ живетъ больше двадцати лѣтъ, и выстроившій еще нѣсколько домовъ въ нашемъ кварталѣ, должно быть, не нажилъ денегъ. Старшая дочь, разошедшаяся съ мужемъ и жившая у отца съ двумя дѣтьми, дѣлала шляпки, шестнадцатилѣтняя синьорина готовилась къ конкурсному экзамену по иностраннымъ языкамъ, чтобы поступить въ желѣзнодорожный телеграфъ, а единственный сынъ съ семнадцати лѣтъ уѣхалъ въ Англію устраивать свою судьбу и теперь торгуетъ древностями въ Лондонѣ. Столъ былъ полонъ взрослыми и дѣтьми; кромѣ меня, разговлялись два молодыхъ социалиста, друзья дома. Было парадно за обѣденнымъ столомъ, по-итальянски, бѣдно-парадно, — то же жиденское вино „бари“, что семья ежедневно пила за ѣдой; немного лучше обычныхъ

затрапезныхъ платьевъ, одѣты были члены семьи, но цвѣты были въ волосахъ дѣвочекъ и молодыхъ женщинъ, и живыми цвѣтами усыпанъ былъ столъ, и два огромныхъ букета придавали торжественный видъ круглому столу, за которымъ мы сиживали по вечерамъ. И кухарка Кекина, торжествующая и парадная, подавала пасхальныя итальянскія блюда, которыя только разъ въ годъ подаются къ столу, и пасхальный куличъ, который готовятъ только въ одномъ мѣстечкѣ подъ Римомъ, гдѣ изъ рода въ родъ хранятся тайны пасхальнаго кулича и откуда снабжается ими Римъ.

Первый тостъ былъ предложенъ попо (дѣдомъ) за здоровье меня, иностранца, „принужденнаго на чужбинѣ справлять свѣтлый пасхальный день“. И только что подняли мы стаканы, торжественный маршъ мѣдныхъ трубъ загремѣлъ въ глубинѣ колодца-двора огромнаго пятиэтажнаго каменнаго дома. И это вышло такъ неожиданно и весело, что мы всѣ, сидѣвшіе за столомъ, стали аплодировать, и сразу стало весело.

Мы подходили къ окну и бросали деньги музыкантамъ. И столовыя всѣхъ квартиръ, гдѣ жили такія же среднія буржуазныя семьи, тоже, какъ и наша, выходили во дворъ, и тамъ, должно быть, тоже столы были усыпаны живыми цвѣтами, и тоже было радостно отъ веселыхъ звуковъ мѣдныхъ трубъ, тамъ тоже аплодировали и тоже бросали деньги, и поднимался шумъ со дна колодца отъ мѣдныхъ монетъ, словно отъ крупныхъ капель дождя, падавшихъ на каменные плиты. Мы продолжали обѣдать и вспоминали своихъ близкихъ, которые далеко отъ насъ разговлялись въ этотъ день,—сына, который все обѣщалъ пріѣхать изъ Лондона къ Пасхѣ и только наканунѣ прислалъ телеграмму, что не пріѣдетъ, вспоминали брата попо, который вотъ уже восемь лѣтъ не пріѣзжалъ изъ Буэноса-Айреса, гдѣ онъ давно поселился, и племянника, сына другого брата, который тоже въ Южной Америкѣ и тамъ женился и ни разу съ отъѣзда не былъ въ Римѣ. И легкое облако грусти повисло надъ итальянскимъ столомъ. Они спрашивали меня о моихъ дѣтяхъ и моей внучкѣ, и ласковымъ, милымъ участіемъ звучали ихъ голоса. А снизу все неслись мѣдные голоса, сіяющіе, торжественные, и изрѣдка говорилъ кто-нибудь за столомъ: Napoli! Но тихо было въ домѣ: тамъ тоже, должно быть, вспоминали своихъ родныхъ, скитающихся въ поискахъ хлѣба по Англіи и Америкѣ...

И вдругъ нашъ столъ замеръ. Были широко открыты глаза и ожиданіе и трепеть на лицахъ, и хозяинъ дома, возбужденный, кинулъ мнѣ черезъ столъ:

Августъ. Отдѣлъ I.

— Гимнъ Гарибальди!

Особенно торжественно звенѣли мѣдныя трубы, и сразу запѣлъ нашъ столъ. Съ засіявшими лицами пѣли синьора и синьорина и маленькія дѣти и социалисты, покачивала головой и тихо мурлыкала старая поппа, и громче всѣхъ и торжественнѣе всѣхъ пѣлъ самъ поппо, старый римлянинъ, быть можетъ, помнившій въ Римѣ дни Гарибальди. Пѣли тамъ, въ открытыхъ окнахъ столовыхъ, пѣли стѣны огромнаго римскаго дома...

Я подошелъ къ окну бросить деньги, но меня остановили. Поппо обходилъ столъ и собиралъ отъ каждого деньги, взявъ и мои и зажалъ въ кулачокъ пятилѣтней Лауры и поднялъ ее въ окнѣ высоко надъ колодцемъ-дворомъ, и она бросила деньги за гимнъ Гарибальди. И тамъ, въ чужихъ окнахъ, тоже были милыя дѣтскія личики, и маленькія ручки бросали музыкантамъ деньги за гимнъ Гарибальди, и снова шумъ мѣднаго дождя поднимался съ каменныхъ плитъ двора.

Вотъ два народа, два родныхъ брата. У нихъ разныя матери, но отецъ одинъ. Въ одномъ домѣ жили они въ дѣтствѣ, вмѣстѣ по одиѣмъ книгамъ учились, однѣ сказки слушали, однѣ игры играли. И, какъ прямые наслѣдники, они одни получили отцовское наслѣдство. Подѣлили и разошлись...

Почему они такъ далеко разошлись? Почему они такіе разныя, такъ различны ихъ голоса, ихъ нравы и обычаи, ихъ умы и души? Почему это?

Когда я думаю о французахъ и хочется понять мнѣ строй души и существо ихъ національнаго характера, мнѣ начинаетъ казаться, что все дѣло въ томъ, что у нихъ поставлено удареніе на послѣднемъ слогѣ: „Liberté, Egalité, Fraternité“, Verité, l'humanité, Philosophie... Если слово длинное, нужно быстро и мягко, быть можетъ, кое-что сокращая и затушевывая, пробѣжать промежуточные слоги, чтобы дойти до конца. И не нужно очень твердыхъ согласныхъ, чтобы они не мѣшали языку договаривать слово, и нельзя остановиться съ раздумьемъ въ срединѣ слова, на промежуточномъ слогѣ, потому что послѣдній слогъ, послѣднее удареніе зоветъ, требуетъ. Знаешь, гдѣ начало и гдѣ конецъ слова, слова становятся стройными рядами, законченныя, отмежеванныя, архитектурныя, получается особенная пластика языка, особая мѣрность,—ясный и чистый звонъ безъ перезвона. И когда люди говорятъ слово съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, у нихъ соответствующе открывається и закрывається ротъ, особенно складываются мускулы лица; оно обяываетъ къ опредѣленной мимикѣ, опредѣлен-

нымъ жестамъ, оно создаетъ особня манеры у людей,—пластичныя, законченныя.

Вѣроятно, это облегчаетъ французское стихосложеніе, помагаетъ ораторскому искусству. Быть можетъ, даже наукѣ и искусству, быть можетъ, даже жизни вообще...

Особая мѣрность, исключительное чувство мѣры, совершенство формы, архитектурная законченность и есть существо, привилегія французскаго ума и французской души,—изъ этого складывается національный характеръ. И великолѣпная французская наука такъ блестяща по формѣ, такъ архитектурно-стройна и всегда тяготѣтъ къ опредѣленнымъ выводамъ, къ утилитарнымъ примѣненіямъ. Французскій умъ тяготѣтъ къ естественнымъ наукамъ и къ такимъ наукамъ о человѣкѣ, гдѣ возможны широкія обобщенія, но непремѣнно и опредѣленные выводы, гдѣ можно поставить удареніе на послѣднемъ слогѣ, и даже философія,—это безплотное и безмѣрное бродяжество человѣческаго ума, на французской почвѣ принимаетъ опредѣленные позитивныя, не оставляющія мѣста раздумью и сомнѣнію, формы. Истина далеко, между ней и человѣкомъ горы и овраги, но можно обойти горы и перескочить овраги и прійти къ послѣднему слогу, а кто знаетъ,—не есть-ли и истина только удареніе на послѣднемъ слогѣ, не самое *i*, а только точка надъ *i*? И французскія истины,—большія, какъ километры, и малыя, какъ миллиметры,—стоятъ стройными рядами, какъ слова, какъ математическія формулы, опредѣленныя, законченныя, архитектурно-совершенныя.

И ихъ искусство, музыка и живопись и скульптура такъ пластичны и технически совершенны. И такъ законченны и совершенны и пріемлются всѣми ихъ мѣра и вѣсъ, ихъ лозунги и остроты, и термины. и привычки жизни, и моды, и манеры.

§ Стройно и планомѣрно складывалась ихъ гражданская жизнь и государственное устройство. Не знали они долговременнаго иностраннаго владычества, давно перестали жить самостоятельной жизнью областныя организмы, и мѣстныя патріотизмы потонули въ общемъ патріотизмѣ. Въ свое время былъ „король - солнце“,—это послѣднее удареніе на монархіи, въ свое время было сказано „liberté“, но „король-солнце“ остался, и Парижъ сказалъ: „государство—это я“! И какъ къ королю-солнцу стянулася французская жизнь, къ этому послѣднему и первому слогу Франціи,—туда посылаеть она свои умы и таланты, свои слова и идеи, тамъ ставится должное удареніе, и что Парижъ постановитъ, на томъ пригороды стануть.

Тамъ гражданскія отношенія ясны и просты, и общественныя группы отмежевались,—буржуазія, крестьянство, рабоче... Нигдѣ нѣтъ такого послѣдняго ударенія, какъ на французской буржуазіи,—все ясно, все договорено до конца. И то, что постороннимъ зрителямъ кажется тупостью и чрезырѣннымъ безстыдствомъ,—то есть только національный характеръ французской буржуазіи. Нельзя отмѣнять смертную казнь, потому что вырванъ будетъ послѣдній слогъ, послѣднее звено изъ длинной цѣпи наказаній, потому что потеряется стройность, пострадаетъ архитектура. Нельзя облегчать разводъ, нельзя позволять замужней женщинѣ называться своимъ именемъ, нужно, чтобы она называлась мадамъ Егоръ Клемансо, потому что иначе пострадаетъ архитектура французской семьи, что не соотвѣтствуетъ національному характеру. И главный аргументъ, который не одинъ разъ приходилось читать въ отчетахъ о засѣданіяхъ національнаго собранія противъ введенія подоходнаго налога, давно введеннаго въ сосѣднихъ странахъ тамошней буржуазіей,—это то, что подоходный налогъ не соотвѣтствуетъ національному характеру французской промышленности.

И потому во Франціи не эволюція, а революція. Когда бездоходные люди утомятся содержать на своихъ плечахъ государство и доходныхъ людей, они сбрасываютъ ихъ; когда они придумаютъ новое слово, новую истину,—безплотная мечта и безконечная тоска не въ ихъ національномъ характерѣ,—они дѣлаютъ должное удареніе. И нигдѣ не было столько революцій,—1-я революція, 2-я революція, тротья, четвертая, — не знаю, скоро-ли будетъ, но будетъ пятая.

Давно прошли тѣ времена, когда различныя общественныя группы бились плечо къ плечу за одно дѣло; люди давно разошлись, такъ далеко ушли другъ отъ друга, что „да“ однихъ—есть „нѣтъ“ другихъ. И отъ революціи до революціи все меньше и меньше общаго дѣла, все меньше общихъ лозунговъ, словъ связующихъ, площадей, на которыхъ люди могутъ сходиться. Съ отдѣленіемъ церкви отъ государства совсѣмъ мало осталось словъ связующихъ, и встаютъ слова только раздѣляющія. Вопросы и отношенія становятся голые, люди становятся другъ противъ друга, ясно отмежеванно, съ удареніями на послѣднемъ слогѣ, съ „да“ и „нѣтъ“. И понемножку встаетъ баррикада между ними, и понемножку люди распредѣляются по ту или другую сторону баррикады,—еще не законченно, но стройно, архитектурно. И совершенно точно, съ французской ясностью ума выразилъ это положеніе вещей одинъ изъ умнѣйшихъ людей Франціи, Клемансо, представителямъ гене-

ральной конфедерации труда: „Nous ne sommes pas du même côté de la barricade“ *).

Все празильно во Франціи, стройно, опредѣленно. Все въ мѣру... Въ мѣру мысль и дѣло, въ мѣру сомнѣніе и скептицизмъ,—ровно столько, чтобы поскорѣе найти истину, чтобы не нарушать стройности души, не портить архитектуру человѣка. Даже горе и страданіе рѣже, чѣмъ у другихъ народовъ, принимаетъ мрачныя формы отчаянія, оно не вопитъ и не кричитъ и не окутываетъ міръ черной пеленой Леопарди и чаще принимаетъ мягкія формы выплаканной слезы. У нихъ есть энтузіазмъ и паеось, но они ближе къ драмѣ, чѣмъ къ трагедіи...

Когда человѣкъ договоритъ свое слово, додѣлаетъ свое дѣло, прійдетъ къ своей истинѣ, ему пріятно и радостно, и веселье входитъ въ душу его. И нигдѣ нѣтъ столько пріятности и свѣтлой радости и веселаго гѣге, какъ во Франціи, гдѣ скорѣе всѣхъ договариваютъ слова, скорѣе всѣхъ отыскиваютъ истину и облакаютъ ее въ самыя совершенныя формы. И народамъ Европы, у которыхъ много раздумья и сомнѣнья, и на разныхъ слогахъ ударенія, нужно, необходимо имѣть въ своей средѣ Францію, гдѣ все такъ ясно, несомнѣнно, цѣльно и кругло, гдѣ всякую минуту люди знаютъ, что черное и что бѣлое, гдѣ истина, гдѣ не-истина, откуда идутъ такіе великолѣпные лозунги. И въ большей или меньшей степени хмурымъ народамъ Европы нуженъ Парижъ, гдѣ только и можно найти веселье всѣмъ людямъ.

Въ особенности нужно могущественнѣйшему народу, у котораго столько раздумья и сомнѣнія и которому трудно опознать свое могущество, затерявшееся на шестомъ слогѣ отъ конца, у котораго между великолѣпно звучащими „могу“ и „народъ“ столько свистящихъ, шепелявящихъ, скрипящихъ, какъ немазанная телѣга, слоговъ...

На разныхъ слогахъ ставятъ свои ударенія итальянцы. И вмѣсто „place“ они говорятъ „piazza“. И, чтобы сказать „piazza“, нужно широко открыть ротъ и потомъ сцѣпить зубы. У нихъ двойныя гласныя и двойныя твердыя согласныя, и всякая буква выговаривается, и другая музыка звучитъ въ итальянскомъ языкѣ. Нѣтъ мѣры любви и нѣжности, нѣтъ мѣры гнѣву и проклятіямъ въ этомъ безмѣрномъ языкѣ. У нихъ другая мимика лица, другія манеры, другіе жесты,—и я изумлялся различію ораторскихъ пріемовъ и

*) Цитирую по статьѣ С. Сталинскаго. „Рус. Бог.“ Май 1908 г

жестовъ, когда слушалъ профессоровъ итальянцевъ и французовъ на международномъ медицинскомъ конгрессѣ.

Не въ мѣру... Не въ мѣру лилась кровь на итальянской землѣ, не въ мѣру долго, безмѣрно огромными потоками обагряла она долины и горы Италіи. Безмѣрны были страданія итальянскаго народа, безмѣрна была мечта, безмѣрна тоска души его. Не стройно, не архитектурно складывалась жизнь Италіи. И междоусобныя войны и большіе и малые злодѣи рвали ея грудь и чужія ноги долго топтали ея землю. Цѣлое столѣтіе послѣ того, какъ Франція рѣшила и закончила самыя элементарныя гражданскія нужды свои, Италія все была разорвана на куски, въ австрійскихъ тюрьмахъ томились сыны родины, объ освобожденіи отъ иностраннаго владычества, отъ французовъ и австрійцевъ приходилось думать Италіи. Поколѣніе приходило, поколѣніе уходило, люди рождались, люди умирали, вспыхивала и потухала, рождалась и умирала мечта и надежда,—и безмѣрная тоска о своемъ мѣстѣ, о своемъ домѣ, о своей шпa Италіи, тоска по новой жизни неотступно стояла у постели новорожденнаго, у изголовья умирающаго. И не высохла, не стерлась еще та кровь, и не потухъ еще гнѣвъ въ итальянской душѣ...

Тридцать пять лѣтъ, только тридцать пять лѣтъ прошло съ того времени, какъ ушли чужіе люди изъ Италіи, и стала она Италіей. Нужно было родить и растить государство, чтобы не взяли опять Италію французы или нѣмцы; нужно было строить флотъ, созидать армію, крѣпости, строить желѣзныя дороги,—все изъ того же дохода знаменитаго своей нищетой итальянскаго народа. И отъ стараго прошлаго новой Италіи осталось тяжкое, не въ мѣру тяжкое наслѣдство, продажная и воровская полиція, которой трудно освободиться отъ привычекъ стараго воспитанія, развратъ администраціи, болѣе считающейся съ мѣстными вліяніями и интересами, чѣмъ съ общими законами, дожившія отъ средневѣковья мрачныя и страшныя организаціи вродѣ маффіи, что, какъ кривые корни огромнаго дуба, впились въ южную итальянскую землю,—и, можетъ быть, еще болѣе тяжкое наслѣдство,—тѣму человѣческой души, такъ долго бывшей униженной и оскорбленной, невѣжество и суевѣріе и то малое уваженіе къ своей личности, которое называется въ сдѣлавшемся ходячимъ словомъ итальянскомъ попрошайничанья, мошенничествѣ, обсчитыванія и проч. и пр., что такъ возмущаетъ иностранцевъ, въ особенности русскихъ, конечно никогда не видѣвшихъ ничего подобнаго на своей родинѣ...

Не въ свое время, не по порядку, не стройно, въ не-

обыкновенной сложности, запутанности и трудности встали вопросы жизни предъ Италией. Не конченные политическіе, государственно - гражданскіе вопросы, страшно выросшая вслѣдствіе быстрого роста промышленности социальнo-экономическая проблема, аграрный вопросъ въ остротѣ, невѣдомой Франціи, борьба съ всепроникающимъ клерикализмомъ, борьба за народное образованіе, за муниципальную жизнь,—все это сгрудилось сразу, сплелось въ одинъ сложный огромный узелъ, который трудно развязывать нитка за ниткой, который, быть можетъ, придется разрѣшить сразу во всемъ его объемѣ. И страшно размежеванные и въ то же время неотмежеванные стоятъ люди Италиі предъ этой огромной задачей государственной жизни...

И посейчасъ нищета стучится въ двери итальянца, нужда и забота стоятъ у его изголовья, и сейчасъ не можетъ Италія прокормить своихъ гражданъ и должна высылать своихъ дѣтей въ Соединенные Штаты и въ Буэнос-Айресъ, и во Францію, и Англию, и въ Швейцарію, и въ далекую Россію вскатъ хлѣба у чужихъ людей...

Быть можетъ, оттого такъ часто печаль ложится на итальянскія лица, и тоска смотреть изъ итальянскихъ глазъ, оттого такъ рѣдко вырывается смѣхъ сквозь сдѣвленные зубы, такъ часто отчаяніемъ повисаетъ горе надъ душой его, такъ быстро загорается гнѣвъ въ итальянскомъ сердцѣ, и ножъ сверкаетъ въ рукахъ.

Трагиковъ, а не комиковъ всегда поставляла Европѣ Италія.

Когда тяжесть повисаетъ на плечахъ человѣка, онъ или падаетъ подъ ней, или напрягаетъ мускулы въ мѣру тяжести. Италія не хочетъ и не собирается падать, она встаетъ и поднимается, и потому такъ напряжены ея мускулы...

У нихъ былъ Гарибальди... Великій человѣкъ, уходя изъ жизни, оставляетъ слѣды ногъ своихъ на той землѣ, по которой ходилъ, и долго голосъ его звучитъ еще въ воздухѣ, и его мысли и слова растворяются въ той средѣ, гдѣ родились и гдѣ проявлялись они. И отъ cadaго человѣка, уходящаго изъ жизни, остается жестъ его, и часто можно видѣть, какъ родные, близкіе, друзья, не сознавая, незамѣтно для себя, повторяютъ этотъ жестъ уже давно ушедшаго человѣка. Остался жестъ отъ Гарибальди, остался жестъ отъ Наполеона, остался жестъ отъ Бисмарка...

Наполеонъ и Гарибальди!.. Какъ близки и какъ далеки они, эти сосѣди—одинъ изъ Ниццы, другой изъ Корсики,—

дѣти двухъ братскихъ народовъ! Они оба античные люди, оба вышли изъ „жизнеописаній Плутарха“,—быть можетъ, послѣднія заключительныя главы этихъ древнихъ жизнеописаній... И оба національные герои!

Одинъ вынесъ оттуда ослѣпительное античное огромное я, безудержно властное я древнихъ завоевателей, — Александра Македонскаго, Юлія Цезаря; другой вынесъ изъ сѣдой древности ея сѣдую гражданскую добродѣтель, ту античную простоту подвига—великую правду Аристидовъ, великую и благородную красоту античнаго гражданина.

Одинъ надѣлъ на себя корону и императорскую мантию, какъ только завоевалъ Парижъ. Онъ срывалъ короны съ чужихъ державныхъ головъ и надѣвалъ на своихъ братьевъ, на товарищей—кондотъери. Онъ грабилъ свою Францію, какъ завоеванную страну, онъ грабилъ другія страны, увозилъ оттуда ихъ золото, ихъ искусство, книги, статуи, картины, колонны. Онъ перекраивалъ ихъ жизнь, дѣлилъ и соединялъ земли, давалъ имъ законы, и не было дня въ его жизни, когда бы онъ не думалъ о новыхъ завоеваніяхъ, о новомъ разгромѣ Австріи, о разгромѣ Пруссіи, о походѣ на Москву, о походѣ въ Индію.

Другой былъ итальянецъ въ красной рубашкѣ, въ круглой шапочкѣ съ плащомъ, который укрывалъ его отъ зимнихъ вѣтровъ, когда онъ скрывался побѣдителемъ или побѣжденнымъ въ сырыхъ ущельяхъ итальянскихъ горъ. Когда онъ поднялъ возстаніе въ Сициліи, Неаполитанскій король предлагалъ отдать ему Сицилію и, въ прибавку, большую сумму денегъ,—онъ не отвѣтилъ королю и пошелъ на Неаполь. Тамъ, во взятомъ Неаполѣ, въ пыли и прахѣ валялась корона, онъ оттолкнулъ ее ногой и сказалъ тому, на чьей головѣ казалась ему наиболѣе легкой для Италіи корона: „на, бери“. Онъ не надѣлъ ее на свою голову; тамъ въ Неаполѣ осталась касса около десяти милліоновъ, которую не успѣлъ увезти бѣжавшій король и которая могла бы поддержать корону на головѣ Гарибальди, и—кто знаетъ, какъ сложилась бы исторія Италіи, не покорилась ли бы она новому королю и не стала ли бы такъ же апплодировать новой коронѣ, какъ апплодировала Франція коронѣ Наполеона. Много жестовъ осталось отъ Гарибальди, разныхъ жестовъ. Приговоренный къ смерти, онъ бѣжалъ изъ Италіи, и его хотѣли арестовать въ маленькомъ французскомъ деревенскомъ трактирчикѣ, недалеко отъ границы. Тамъ пѣли. Онъ поднялъ бокалъ и сказалъ: „Теперь моя очередь пѣть!“ И запѣлъ,—и тѣ, кто хотѣли арестовать его, пѣли съ нимъ и проводили его до дороги въ Марсель.. Онъ одинъ, безоружный, съ своими друзьями вѣхалъ въ Неа-

поль и поѣхалъ къ крѣпости, которая была еще въ рукахъ непріятеля, и тамъ солдаты съ фитилями стояли у пушекъ, и дула ружей были направлены на него.

Гарибальди поднялся въ экипажъ и, скрестивши руки на груди, привѣтливо улынулся солдатамъ,—и ружья опустились, солдаты, словно по командѣ, отдали ему честь, и крѣпость принадлежала Гарибальди. Темною ночью, между сторожившими его военными кораблями, въ дырявой лодочкѣ, дыру которой онъ закрылъ плащомъ и своимъ тѣломъ, переехалъ онъ съ своего острова на берегъ, чтобы стать во главѣ возставшаго народа.

Два дня несъ онъ на рукахъ, укрываясь въ глухихъ мѣстахъ отъ преслѣдовавшихъ его по пятамъ австрійцевъ, свою умирающую жену, свою дорогую Аниту, которая была достойной женой Гарибальди; подъ пулями враговъ въ маленькой лодочкѣ, гордо стоя, перевозила она весь день съ судна снаряды сражавшемуся мужу, участвовала во всѣхъ его походахъ, и много разъ смерть висѣла надъ ея головой, и когда она, уставшая отъ пуль и походовъ, стала умирать на его рукахъ, только тогда заплакалъ и долго рыдалъ суровый, молчаливый человекъ. Тамъ, въ темномъ лѣсу подъ цвѣтущимъ жасминомъ зарылъ онъ свою Аниту, и нельзя ему было плакать у цвѣтущаго жасмина, австрійцы гнались за нимъ, и снова шелъ онъ по темнымъ лѣсамъ, черезъ горы и долины, дѣлать свое дѣло освобожденія родины отъ австрійцевъ... Одна рубашка была у Гарибальди, и когда онъ отдалъ ее своему голому солдату, друзья должны были найти для него рубашку, чтобы не ходилъ голымъ Гарибальди. И случалось, не на что было зажечь вечеромъ огонь въ его комнатѣ...

Какъ у того другого великаго человека, у него не было дня въ его жизни съ того времени, какъ юношей, въ городѣ Таганрогѣ, услышалъ онъ отъ встрѣтившагося ему тамъ кружка Молодой Италіи призывъ на борьбу за свою родину, чтобы онъ не думалъ только объ одномъ, объ освобожденіи своей родины, о счастіи Италіи. И не только своей родины, а и о счастіи борющагося за лучшее будущее человечества. Не было покоя несытой душѣ его, и утолялъ онъ жажду любви сердца своего изъ всякихъ источниковъ.

Когда не было мѣста или не было ему дѣла въ Италіи, онъ шелъ сражаться съ людьми Южной Америки за свободу и за счастье ихъ. И когда въ 71-мъ году ворвались нѣмцы во Францію, онъ забылъ кровную обиду, нанесенную ему Франціей, отнявшей отъ Италіи его родную Ниццу, и предложилъ Франціи свой мечъ, и пошелъ сражаться съ сынами Франціи, потому что у него былъ широкій патріотизмъ, по-

тому что его любовь къ родинѣ не соединялась съ невѣстностью и презрѣніемъ къ другимъ народамъ, потому что онъ не смѣшивалъ правительство съ народомъ, потому что онъ былъ человѣкъ въ благороднѣйшемъ и красивѣйшемъ смыслѣ слова. И любилъ цвѣты суровый Гарибальди...

Великіе люди не творятъ народъ, не вдыхаютъ душу въ него, они сами опредѣляются страной и народомъ, гдѣ родились, но они собираютъ въ себѣ все лучи, которые исходятъ изъ народа, краски его, свѣтъ и тѣни его, грани души его и, собирая, сгущаютъ ихъ, претворяютъ, какъ художникъ въ свой образъ, въ стройное цѣльное черты его, краски его, душу его. Темной тучей или свѣтлымъ облакомъ носятся они надъ страной и встаютъ все выше, и нерѣдко голосъ ихъ звучитъ тѣмъ громче, чѣмъ дальше ушли они въ прошлое. И неотступно смотритъ народъ на людей на горѣ, высоко надъ землей, и говоритъ: „такъ сказалъ онъ, великій, тамъ на горѣ, такъ думалъ онъ, такъ дѣлалъ онъ, такъ звѣщалъ онъ намъ!“... Бываетъ, мѣняются свѣтъ и тѣни иначе ложатся краски, но все не стирается изъ народной души его великій, его воплощеніе.

И тамъ, во Франціи, остался жестъ Наполеона, его жестъ передъ пирамидами и вѣками, его жестъ предъ другими народами, императорскіе жесты въ республиканскомъ Парижѣ, и онъ положилъ печать на народъ, который создалъ и поднималъ его надъ собой, его жестъ остался, какъ наследство, которое не можетъ сбросить себя республиканская Франція. И Викторъ Гюго, благородный и возвышенный человѣкъ, этотъ врагъ маленькаго Наполеона, въ своей „Исторіи одного преступленія“ жалостно и смѣшно повторяетъ жесты того большаго Наполеона... Мнѣ было странно и удивительно читать въ Лозаннѣ у покойнаго А. А. Герцена два письма, такъ близко лежавшія другъ отъ друга—я не знаю опубликованы ли они—къ отцу его, знаменитому А. И. Герцену,—письмо Гарибальди и письмо Виктора Гюго. Очень сердечное, но сжатое, короткое и поразительно скромное письмо Гарибальди и большое напыщенное, съ французскимъ пафосомъ, письмо Виктора Гюго на тему: „Вы, какъ и я“, гдѣ было больше „я“, чѣмъ „Вы“.

И въ знаменитомъ французскомъ патриотизмѣ и на страницахъ газетъ, и въ уличной толпѣ, и въ національномъ собраніи чувствуется все тотъ же Наполеоновскій жестъ. И жестъ Гарибальди, его тонъ души, его „я“ чувствуется раствореннымъ въ итальянской толпѣ, у итальянскихъ людей, въ ихъ душѣ, въ ихъ патриотизмѣ...

Национальные герои. И по сіе время, и, быть можетъ, на долгое будущее...

Не только рабочіе и крестьянство, — люди буржуазіи, купцы и доктора и министры съ трепетомъ и благоговѣніемъ произносятъ имя Гарибальди и, какъ святыню, чтутъ его память въ Италіи, — не только купцы и фабриканты, нѣ одна французская буржуазія, присвоившая себѣ истинно-французскій патриотизмъ, но и рабочіе и крестьянство, подлинные люди трудовой Франціи раздражаются бурными аплодисментами всякій разъ, когда на театральной сценѣ, на эстрадѣ кабачка встаетъ имя и образъ Наполеона, и заранѣе обезпеченъ успѣхъ книги, успѣхъ драмы, успѣхъ пѣсни, когда упадетъ на нихъ тѣнь Наполеона...

Тутъ не вся Франція и не вся Италія, — и тамъ, и тутъ были великіе люди другого тембра голоса, воплощавшіе въ себѣ другія свѣтотѣни, но сколько Франціи и Италіи въ этихъ двухъ національныхъ герояхъ!

Уже тогда въ первый разъ меня поразило нѣчто общее съ русскими, что лежитъ въ характерѣ итальянцевъ, въ ихъ психологіи. Простота манеръ, ихъ музыкальность и пѣвучесть, ихъ плюсы и минусы, ихъ свѣтъ и тѣни. И когда я наблюдалъ во Флоренціи въ театрѣ ту жадность, съ какой слушала итальянская публика „Власть тьмы“, и то огромное впечатлѣніе, которое произвела на нее „Власть тьмы“, мнѣ показалось, что есть общій языкъ, понятный и тѣмъ, и другимъ, я почувствовалъ, что „Власть тьмы“ такъ же близка имъ, такъ же волнуетъ ихъ.

Поразило меня и то отношеніе, которое встрѣчаетъ тамъ чужой человѣкъ, — какая-то особенная сердечность, ласка тона. Это не французская любезность, не *politesse*, милая и очаровательная, за которой чувствуется нѣкоторая пренебрежительность, смотрѣніе сверху внизъ, и мотивы которой такъ утилитарны и такъ легко вскрываются, — чувствуется именно ласка. И особенно чувствуютъ эту ласку русскіе. Это не одно мое личное наблюденіе. Мнѣ много приходилось встрѣчать русскихъ, которые рассказывали мнѣ, какъ они совершенно иначе начинали чувствовать себя, какъ только пересаживались изъ австрійскаго или французскаго вагона въ итальянскій, и какое радушное и привѣтливое отношеніе встрѣчали они къ себѣ, когда итальянцы узнавали, что ихъ сосѣди русскіе.

И не вчера это началось. Мнѣ рассказывалъ старикъ, русскій эмигрантъ, знавшій Гарибальди и многихъ дѣятелей того времени, близкій человѣкъ къ Герцену и Бакунину, — что они, русскіе эмигранты, завязывали крѣпкія дружескія отношенія съ французами, швейцарцами, англичанами и нѣмцами, но родными чувствовали себя именно съ итальянцами,

За послѣдніе три-пять лѣтъ эти симпатіи итальянцевъ къ Россіи вспыхнули съ особой силой и нерѣдко проявляются въ трогательныхъ формахъ. Я уже не говорю о тонѣ итальянскихъ буржуазныхъ газетъ, такъ рѣзко отличающемся отъ французскихъ, гдѣ всю зиму шло систематическое замалчиваніе русскихъ событій или освѣщеніе ихъ съ такой стороны, которая не можетъ быть неприятна русскому правительству,— не только крупныя итальянскія газеты, но сравнительно и небольшія постоянно помѣщали отчеты о ходѣ жизни въ Россіи, безпристрастные и правдивые, и если не имѣли собственныхъ корреспондентовъ, то перепечатывали длинныя сообщенія изъ англійскихъ газетъ, повидимому, наиболѣе освѣдомленныхъ о дѣлахъ Россіи.

Уличныя впечатлѣнія... Помню, старикъ чистилъ мнѣ сапоги на Корсо. Онъ любезно отвѣтилъ на мой вопросъ, какъ пройти къ Пантеону, но когда, послѣ разныхъ его предположеній, оказалось, что я русскій, онъ бросилъ свои щетки и повелъ меня самъ по узкимъ переулкамъ и на всѣ мои: „gracia, gracia!“ улыбался доброй улыбкой, и взялъ меня за рукавъ и все время велъ и такъ очаровательно раскланялся, когда виденъ былъ Пантеонъ... Мнѣ рассказывалъ русскій студентъ, какъ принимали въ римскомъ университетѣ, годъ или два тому назадъ, первыхъ студентовъ русскихъ. Пришелъ ректоръ и профессора, собрались студенты, и ректоръ сказалъ привѣтственную рѣчь, и шумно и горячо привѣтствовали профессора и студенты.

Стоило въ Миланѣ въ бюро рабочихъ союзовъ русскому назваться изгнанникомъ, чтобы получить бесплатное помѣщеніе и всякія заботы объ устройствѣ; тамъ выдавались рекомендаціи, съ которыми русскіе являлись въ рабочія организациі Турина и Генуи и встрѣчали тамъ такой же радушный приемъ, такія же заботы о присканіи работы. Я знаю много случаевъ, когда русскіе находили работу въ Генуѣ, въ Туринѣ, благодаря участию именно рабочихъ организаций. Я не знаю, надолго ли сохранится это отношеніе: о немъ узнали, и имъ стали пользоваться просто уголовные люди, бѣжавшіе изъ Россіи отъ тюрьмы и суда, и просто бродячіе люди, чуждые всякой политики, русскіе „перекати-поле“, которые изобрѣли своего рода промыселъ бродить отъ одной русской колоніи къ другой. У итальянскихъ рабочихъ бюро нѣтъ никакихъ средствъ отдѣлить плевелы отъ пшеницы, и некрасивый обликъ такихъ изгнанниковъ можетъ въ концѣ концовъ оттолкнуть итальянцевъ.

Отношеніе рабочихъ слоевъ къ русскому движенію едва ли, впрочемъ, требуетъ объясненій. Если демократія въ Европѣ вся цѣликомъ съ трепетнымъ чувствомъ надежды и ожиданія

слѣдить за развертывающейся картиной освободительнаго движенія въ Россіи, если вся она издавна видѣла въ Россіи вѣчную угрозу европейскому міру и, въ значительной мѣрѣ благодаря этому, скрѣпя сердце, во имя государственной необходимости, вотировала бюджеты на армію и флотъ, если на социалистическихъ конгрессахъ послѣднихъ трехъ лѣтъ русской революціей аргументировались самые различные вопросы сѣздовъ, до антимилитаризма включительно, если поэтому, въ значительной мѣрѣ въ личныхъ интересахъ, европейская демократія встрѣтила съ огромнымъ сочувствіемъ русское освободительное движеніе, то въ Италіи итальянской демократіей оно было встрѣчено съ особенно радостнымъ и напряженно-ждушимъ чувствомъ, такъ какъ всѣ вопросы жизни поставлены въ Италіи больнѣе и сложнѣе, чѣмъ въ остальной Европѣ. Одни говорятъ опредѣленно, другіе смутно чувствуютъ, что русскій вопросъ есть обще-европейскій вопросъ и ихъ итальянскій вопросъ, что плотина въ Россіи мѣшаетъ движенію воды въ итальянскихъ рѣкахъ, что это есть узелъ, которымъ завязана вся Европа, и что разрубаніе этого узла развяжетъ и ихъ итальянскіе вопросы, облегчитъ имъ бремя военного и морского бюджета, которое особенно тяжело для итальянскихъ плечъ, — они думаютъ, что только Россія и Германія главная угроза европейскому міру.

Не одни рабочіе — вся толща народа, вся Италія. Именно то, что отдѣляетъ Италію отъ Франціи, сближаетъ ее съ Россіей. Не только то сходство, какая-то близость темперамента и духовнаго уклада, о которыхъ я говорилъ, ихъ сближаетъ нищета населенія, тяжесть наслѣдства, полученнаго отъ стараго режима, огромная сложность задачи и, такъ сказать, черезполосность вопросовъ политическихъ и социальныхъ, одновременно и неразрывно связавшихся. И прежде всего аграрный вопросъ, нигдѣ не занявшій такого огромнаго мѣста на горизонтѣ государственной жизни, нигдѣ не вставшій такъ остро и не требующій такъ настойчиво немедленнаго разрѣшенія.

Ихъ сближаетъ огромность горя и страданій, и, можетъ быть, она выковала тѣ общія черты, то сходство душъ. Быть можетъ, свѣжая память о своемъ недавнемъ режимѣ произвола и насилія дѣлаетъ ихъ особенно чуткими къ тому „конституціонному строю“, который развертывается сейчасъ въ Россіи, и напряженная страстная жажда обновленія жизни въ возрождающейся Италіи тянетъ ее смутно и инстинктивно къ огромной, великой своимъ горемъ странѣ, въ мукахъ рождающей свою новую жизнь...

Они не называютъ русскій народъ фефелой за то, что онъ

не успѣлъ въ два года перестроить вѣками складывавшуща жизнь, они только недавно сами завершили свое великое освободительное движеніе и помнятъ, какъ долго и медленно оно шло, и знаютъ, какое великое и трудное дѣло освобожденіе народа. И они непоколебимо вѣрятъ и ни на минуту не сомнѣваются, чѣмъ кончится освободительное русское движеніе...

Я не успѣлъ разсмотрѣть Италію въ первое мое посѣщеніе. У меня остались въ памяти лица и улыбки, голоса и жесты, кусочки итальянской жизни, отдѣльныя черты, разорванныя и не связанныя, и печаль и грусть лежали на душѣ, когда я покидалъ тогда Италію. И тогда меня больше интересовала старая Италія, ея искусство. У меня остались въ памяти картины Беато Анжелико и Микель Анджело, и Рафаэля, и въ особенности ихъ предшественники, съ Перуджино во главѣ, наиболѣе волновавшіе меня. Остались въ памяти нѣжныя святыя мадонны, и восторженные дѣтскія личики, и наклоненныя сѣдыя головы, молитвенно думающія; но я не успѣлъ разсмотрѣть тотъ пейзажъ, который вставалъ между лицами мадоннъ и дѣтей, и старыхъ сѣдыхъ головъ, который дѣлалъ такой чистый фонъ для чистыхъ святыхъ лицъ... Святой пейзажъ, наивный, трогательный. Необыкновенно чистый голубоватый воздухъ, зеленые холмики съ радостными купама деревьевъ, замки зубчатые, иногда рыцари кованые въ беретахъ, на гордыхъ коняхъ изъ воротъ замка выѣзжающіе...

Въ этотъ разъ я разсмотрѣлъ его, тосканскій пейзажъ. Нѣжная молитва и сейчасъ лежитъ на немъ, и свѣтлая радость, какъ нимбъ надъ святымъ, окружила его. Нѣтъ утесовъ суровыхъ, грозящихъ, нѣтъ голыхъ ребристыхъ скалъ, льются тихія, ласковыя долины, встаютъ между ними мягкіе, волнующіеся холмы, и одѣты они зелеными лѣсками и лимонными и апельсинными садами, и зеленый плющъ и вьющіяся лозы дикаго винограда прикрыли старые сѣдые камни и суровыя башни, и зеленою улыбкою покрыли тлѣнъ и разрушеніе. Въ долинахъ тишина. Развертывается весна, тихая, млѣющая, нѣжная, и голубыми полосками, словно жертвенный дымъ, поднимается къ небсамъ изъ человѣческаго жилья. А кругомъ ликующія, тяжелыя, лиловыя гроздья глициній побѣдно возносятся по старымъ, сѣрымъ и темнымъ стѣнамъ, и розовыя облачка миндалей и персиковъ свѣтятся на солнцѣ, и недвижимо, словно въ подвѣчныхъ платьяхъ, въ бѣлыхъ ризахъ стоятъ яблони, груши, черешни.

И мнѣ почалось, что пейзажъ сталъ еще свѣтлѣе, еще

радостіе. Ушли рыцари, злые и гнѣвные, ушли оттуда монахи, темные, осеніе. Тихо теперь тамъ—ни звона оружія, ни грозящихъ адомъ проклятій. Дышитъ паромъ взрытая земля, и по черной землѣ широкихъ долинъ медленно двигаются бѣлые быки, только бѣлые быки, словно сошедшіе съ бѣломраморныхъ старыхъ саркофаговъ, съ триумфальныхъ воротъ и арокъ стараго Рима. Они идутъ шагъ за шагомъ, важно и торжественно, медленно шагаетъ задумчивый итальянецъ, и за ними темными рядами ложится земля, бархатная, мягкая, пушистая и, мнѣ кажется, сладко пахнущая...

Уходитъ отъ меня трагедія Италіи, и мрачныя развалины Колизея, и старыхъ дворцовъ, и громады гнѣвныхъ мускуловъ Микель Анджело; звенятъ надъ полями нѣжныя сладкія мелодіи, которыхъ такъ много въ итальянской музыкѣ, и носится надъ землей лирика итальянской поэзіи, и встаетъ ласковое лицо неогорченной Мадонны, и младенецъ съ глазами Бога, кажется, хочетъ сказать: „будь благословенна Италія!“

А земля все-таки вертится, и мы, мертвые, пробуждаемся... И, быть можетъ, скоро перестанемъ хоронить живыхъ людей и служить панихиды по здравствующимъ народамъ.

Даже по Венеціи... Давно закопали ее и давно служатъ панихиду русскіе и иностранцы, посѣщавшіе ее и писавшіе объ ней. Я попалъ на праздникъ Венеціи, литературный праздникъ. Пріѣхалъ туда Габріель д'Анунціо—вручить городу рукопись своей послѣдней драмы „Nave“. Три дня должны были устраиваться ежедневныя торжественныя представленія „Nave“, городъ собирался чествовать итальянскаго писателя. Это было шумно и торжественно. Еще во Флоренціи меня поразили объявленія, вывѣшенныя на стѣнахъ вокзала, гласившія, что въ Венеціи такого-то числа начнутся представленія „Nave“ д'Анунціо, и такіе-то поѣзда приспособляются для публики, желающей ѣхать въ Венецію. Такія же объявленія я встрѣтилъ въ Болоньи и въ Падуѣ.

Да, мертвый городъ. Жизнь ушла изъ знаменитой республики, не торгуетъ она, не воюетъ она. Пусть дворецъ дожей, и въ великолѣпныхъ, единственныхъ въ Европѣ по своей архитектурѣ, дворцахъ старой венеціанской знати, непрерывными рядами выстроившихся по обѣимъ сторонамъ Canale Grande, помѣщаются теперь торговныя конторы и товарные склады и нѣмецкіе отели для форестьеровъ,—нѣмцы еще не ушли изъ Венеціи и крѣпко держатся тамъ.

Мертвый городъ, поскольку ушла изъ него старая

жизнь... Но рядомъ, на Лидо, возникаетъ новая Венеція, и даже въ четыре года, въ которые я не видалъ ея, нельзя было узнать Лидо. Выстроились огромные отели, достраивается грандіознѣйшій отель противъ купалень, растянувшихся на громадное разстояніе на чудномъ берегу, не съ грязнымъ моремъ Венеціи, а съ неаполитанской окраски моремъ Лидо. И трамвай прорѣзалъ островокъ, поднялись великолѣпные сады. Нигдѣ нѣтъ такого ранняго и такого поздняго, такого великолѣпнаго купанья, и, можетъ быть, въ недалекомъ будущемъ въ Венецію снова потянутся не только смотрѣть кладбища старой красоты, стараго искусства, а и пользоваться радостями прелестнаго, чистаго, молодого Лидо...

Шумно и торжественно справлялся литературный праздникъ, мѣстныя газеты полны были описаніемъ торжественности представленій „Nave“, отчетами о завтракахъ и обѣдахъ и о вечернихъ банкетахъ, которые давались въ честь Габріеля д'Анунціо, рѣчами венеціанской знати и представителей муниципалитета и отвѣтными рѣчами Габріеля д'Анунціо. И въ той же газетѣ, гдѣ сообщалась программа дня, — мнѣ показалось, переполненная однимъ Габріелемъ д'Анунціо, — венеціанскіе граждане оповѣщались о назначенныхъ засѣданіяхъ (въ тотъ самый день и даже въ тѣ же часы банкетовъ и обѣдовъ въ честь д'Анунціо) общества высшей народной школы, литературнаго общества, гдѣ такой-то лекторъ будетъ читать рефератъ о такой-то главѣ Данте, засѣданіе еще такого-то общества съ пріѣзжими изъ Падуи депутатами — все людей, которымъ, по моимъ соображеніямъ, надлежало бы быть на банкетѣ д'Анунціо. Очевидно, мѣстная жизнь не вся уложилась въ чествованіе д'Анунціо, и что-то шло мимо него, мимо д'Анунціо, и, очевидно, въ Венеціи было достаточно людей, чтобы наполнить обѣды и банкетные вечера и продолжать свое обычное венеціанское дѣло, дѣло не мертвыхъ, а живыхъ.

И когда я ночью ѣхалъ въ гондолѣ на вокзалъ по Canale Grande мимо уснувшихъ дворцовъ, мнѣ думалось, что, можетъ быть, опять загорятся новыми огнями старыя жилища, и вотъ въ этотъ домъ, гдѣ жилъ Петрарка, войдетъ новый жилецъ и запоетъ новыя пѣсни, достойныя Петрарки.

Я ѣхалъ отъ освободившейся и возрождающейся Италиі къ трудной и сложной Россіи, въ тяжкихъ мукахъ рождающей новую жизнь.

Отъ близкихъ людей — къ своимъ людямъ...

Судьба маленькой деспотіи.

I.

Втеченіе всей первой половины XIX вѣка маленькое Неаполитанское королевство было ареной жестокой борьбы правительства Бурбонской династіи съ народомъ, пытавшимся добиться ограниченія королевской власти. Борьба эта шла съ перемѣннымъ успѣхомъ, и краткіе моменты торжества народа смѣнялись долгими періодами глухой и мстительной реакціи. Въ рукахъ правительства была организованная по австрійскому образцу полиція, относительно многочисленное войско и, наконецъ, фалатическая и невѣжественная городская чернь, готовая на все по слову патера или за нѣсколько солдатъ изъ рукъ полиціи. Если прибавить къ этому высокому́рису пренебреженіе къ общественному мнѣнію не только своей страны и всей Италіи, но и всей Европы, то придется признать, что неаполитанское правительство было хорошо вооружено для борьбы за свое существованіе съ легко воспламеняющимся, но лишеннымъ выдержки неаполитанскимъ народомъ. Но именно то обстоятельство, что вся политика правительства съ начала до конца опредѣлялась исключительно борьбой за собственное существованіе, чуждой обще-государственной идеи,—именно это и повело его къ быстрому и безславному паденію.

Впервые это сказалось еще въ 1799 году, когда французскія революціонныя арміи вошли въ Италію. Фердинандъ, король Обѣихъ Сицилій,—какъ называлось тогда Неаполитанское королевство съ присоединенной къ нему Сициліей,—опасаясь вліянія французскихъ идей на свой народъ, рѣшилъ предупредить вторженіе непріятели. Но посланныя навстрѣчу французамъ неаполитанскія и австрійскія войска обратились въ бѣгство послѣ первыхъ же столкновеній съ непріятеlemъ. Французы вступили на неаполитанскую территорію. Узнавъ объ этомъ, Фердинандъ немедленно рѣшилъ оставить на произволъ судьбы свою столицу, а самъ, со всей

семьей, сѣлъ на англійскія суда и отправился въ Сицицію, захвативъ съ собою всю казну и всѣ коронныя драгоценности.

Въ Неаполѣ такое послѣднее бѣгство всего королевскаго дома вызвало сильное смущеніе. Увѣжая, король издалъ манифестъ, въ которомъ призывалъ народъ къ защитѣ столицы. Но населеніе Неаполя раздѣлилось—въ то время какъ, нившіе слои городского населенія, такъ называемые лаццарони, готовы были драться, всѣ образованные классы общества смотрѣли на французовъ, какъ на вѣстниковъ свободы. Растерявшіеся остатки правительства не могли организовать никакой правильной обороны города, но часть населенія все-таки оказала довольно упорное сопротивленіе французамъ. Въ концѣ концовъ, Неаполь, однако, былъ взятъ, и французскій главнокомандующій, Шампіона, объявилъ Бурбоновъ низложенными.

Неаполитанское королевство было уничтожено, и вмѣсто него была провозглашена Партенопейская республика. Но вновь основанная республика имѣла очень мало почвы подъ собою. Съ одной стороны, она не имѣла почти никакихъ корней въ странѣ и была чужеземнымъ растеніемъ, съ другой—сама французская республика переживала въ то время періодъ упадка, и ея агенты были далеко не на высотѣ положенія. Очень скоро они возбудили противъ себя сначала неудовольствіе, а потомъ и ненависть мѣстнаго населенія, и вслѣдъ затѣмъ эта ненависть была естественнымъ образомъ перенесена на ту форму правленія, которую они принесли съ собою.

Между тѣмъ, какъ въ Неаполѣ провозглашалась республика, въ провинціяхъ царилъ величайшая смута. Королевская власть была уничтожена, но тайные агенты короля, вдохновляемые, главнымъ образомъ, королевой Маріей Каролиной, возбуждали народъ къ неповиновенію новымъ властямъ и сопротивленію французамъ. Во главѣ этого анти-республиканскаго и анти-французскаго движенія всталъ главный помощникъ Маріи Каролины, знаменитый кардиналъ Руффо.

Какъ только французскія войска, отозванные на родину, оставили Неаполь, то же движеніе перекинулось туда и быстро смело Партенопейскую республику. Возстановленіе королевской власти сопровождалось рядомъ ужасовъ. Въ городѣ и въ провинціи свирѣпствовала черная сотня, часто даже оставляя далеко позади предписанія своего вождя, Руффо. Настоящая вакханалія политическихъ преслѣдованій и убійствъ ознаменовала реставрацію Бурбоновъ. Впрочемъ, королевская семья предпочитала оставаться пока въ Палермо, предоставляя весь рискъ и всю честь «возстановленія порядка» на долю Руффо.

Король отважился лишь на англійскомъ суднѣ вѣхать въ неаполитанскую бухту и оттуда послалъ свой манифестъ вновь завоеванной столицѣ. «Благодаря неусыпнымъ трудамъ моего вѣрнаго и достойнаго генераль-викарія, кардинала Руффо и его высочайшихъ союзниковъ,—говорилъ король въ своемъ манифестѣ—мы достигли

успѣха... «Я вернулся говорилось далѣе, —положить конецъ анархїи, охранить добрыхъ и оградить ихъ отъ покушенїй безбожныхъ мятежниковъ». Тѣмъ, кто поднялъ оружіе на защиту религіи и трона, объявлялось полное монаршее благоволеніе и впредь имъ обѣщались поддержка и поощреніе. «Да осѣнитъ васъ Богъ своимъ небеснымъ благословеніемъ по молитвѣ вашего любящаго отца и короля *).

По словамъ Марїи Каролины въ письмѣ къ императрицѣ австрійской Марїи Терезїи, «привѣтствїя, радость, торжество народа при видѣ его (короля) поистинѣ невѣроятны, они не поддаются описанію; всѣ иностранцы даже заливались слезами умиленїя; мнѣ стоило большого труда не сопровождать его, но я поняла необходимость этого; но съ самаго его отъѣзда, хотя мое тѣло въ Палермо, всѣ мои мысли и способности (facultés—письмо написано по-французски) на Foudroyant (англійское судно). Въ настоящее время насчитывается уже болѣе 4,000 арестованныхъ **), прибавляетъ королева, вѣроятно, въ поясненіе неудержимаго восторга народа.

Но весь этотъ восторгъ не могъ все-таки внушить королю и королевѣ рѣшимость вернуться въ среду своего благодарнаго народа, они предпочитали наслаждаться его преданностью издалека. И это не смотря на весьма серьезную очистку Неаполя отъ плебей,—до 40,000 неаполитанскихъ гражданъ были за эти мѣсяцы подвергнуты всякаго рода политическимъ преслѣдованїямъ, пожизненному заключенію, изгнанію и смертной казни. «Судили мужчинъ, женщинъ, стариковъ и безусыхъ юношей. Самые уважаемые и справедливые люди карались смертью за то, что они оскорбили изображеніе короля, удившаго рыбъ и ловившаго птицъ (въ Палермо)... Короче, земля Неаполя была пропитана кровью и волны моря окрасились ею... До 4,000 людей, уважаемыхъ за свое происхожденіе, ученость и добродѣтели были лишены такимъ образомъ жизни... За то король по-царски наградилъ своихъ палачей. Руффо получилъ земли и 10,000 дукатовъ пожизненной ренты» ***).

Эти преслѣдованїя длились годы, неаполитанская эмиграція въ Европѣ росла, а внутренняя жизнь въ Неаполѣ замирала, и глухое недовольство въ народѣ усиливалось. Болѣе прозорливые современники со страхомъ смотрѣли на будущее страны и выражали опасенїя за судьбу династїи, до такой степени злоупотреблявшей произволомъ. «Какова будетъ судьба Неаполя?.. Я не знаю этого... Будущее итальянской свободы, повидимому, не особенно свѣтло; но, съ другой стороны, еще не вся надежда на новый, лучшій строй утрачена, и сами короли готовятъ то дѣло, которое безуспѣшно

*) Helfert, Fabrijo Ruffo, s. 372.

**) Письмо отъ 29 іюля 1799 г. Helf.—Auswahl von Schriftstücken, s. 582.

***) Italiens Schicksale seit 1789 bis 1831. Leipzig, 1832, s. 98—99.

начинали республиканцы. Быть можетъ, неаполитанскій король, переходя всё предѣлы въ своемъ стремленіи къ власти, снова потеряетъ королевство, и новая революція получить болѣе счастливый исходъ, такъ какъ вся нація ея жаждаетъ*). Эти слова, сказанныя въ 1805 г., оказались пророческими.

Французы, утратившіе было большую часть своихъ итальянскихъ владѣній, снова начали завоевательныя войны. Но теперь во главѣ ихъ стоялъ Наполеонъ. «И всего дороже долженъ быть расплатиться за эти войны неумный рыболовъ и птицеловъ, король черной сотни Фердинандъ». 27 декабря 1806 года Наполеонъ издалъ въ Шенбруннѣ манифестъ къ неаполитанцамъ, въ которомъ говорилось, что «неаполитанская династія перестала царствовать»; и власть, политая кровью столькожъ гражданъ, быстро выскользнула изъ рукъ короля. Войско не хотѣло драться, генералы соперничали въ измѣнахъ королю. Наконецъ, Фердинандъ, незадолго до того вернувшійся въ столицу, понявъ, что сопротивление безнадежно и вновь отправился по знакомой дорогѣ въ Сицилію, забравъ съ собою все, что могъ, цѣнное.

16 февраля 1807 года назначенный Наполеономъ неаполитанскимъ королемъ братъ его, Іосифъ, вступилъ во главѣ французскихъ войскъ въ столицу своего новаго королевства. Неаполь, измученный господствомъ Фердинанда, не оказалъ на этотъ разъ французамъ никакого сопротивленія. Только въ Калабрію, куда отправился старшій сынъ Фердинанда, долгое время еще продолжалась партизанская война съ французами. Черезъ годъ, опять по распоряженію Наполеона, Іосифа Бонапарта замѣнилъ на неаполитанскомъ престолѣ Муратъ.

Французское владычество, продолжавшееся восемь лѣтъ, принесло много пользы Неаполю. Подъ давленіемъ Наполеона, Іосифъ и въ особенности Муратъ дѣятельно переносили на почву Италіи сдѣланныя французской революціей завоеванія. Они уничтожили остатки феодализма, уничтожили всё дворянскія привилегіи, объявили гражданское равенство, ввели кодексъ Наполеона, замѣнивъ имъ страшную путаницу мѣстныхъ судебныхъ обычаевъ, ввели гласное судопроизводство. Они упорядочили податную систему, переложивъ ея тягость, лежавшую исключительно на трудящихся слояхъ населенія, на крупныхъ помѣщиковъ, установили всеобщую воинскую повинность. Наконецъ, они уничтожили монашескіе ордена и распродали ихъ земли.

Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ реформъ явилось паденіе феодальнаго дворянства, державшагося только благодаря своимъ привилегіямъ, и развитіе средней буржуазіи. Экономическое благосостояніе страны вслѣдствіе всего этого значительно поднялось, но духовная ея жизнь оставалась въ застоѣ. Тяжелая рука Наполеона давила на

*) Historischer Versuch über die Revolution in Neapel. Berl. 1805.

нее, нивеллируя заодно съ политическимъ и экономическимъ строемъ и всѣ бытовыя особенности края.

Хотя Мюратъ искалъ популярности и старался приближать къ себѣ итальянцевъ, население чувствовало въ немъ чужеземца, и никакой внутренней связи между новымъ правительствомъ и народомъ не возникало. Въ то же время, какъ ни старался Мюратъ держать себя независимымъ монархомъ и самостоятельно устанавливать свои международныя отношенія, зависимость его отъ судьбы Наполеона не подлежала сомнѣнiю. Какъ только звѣзда Наполеона стала меркнуть, и его положенiе на тронѣ пошатнулось. Когда Наполеонъ былъ удаленъ на островъ Эльбу, представители европейскихъ державъ на вѣнскомъ конгрессѣ выказали Мюрату явное недоверiе и неудовольствiе за его сношенiя съ Наполеономъ. Сто дней воскресили было мечты Мюрата, но окончательное паденiе Наполеона навесло ему послѣднiй ударъ. Теперь у него осталась одна надежда, онъ сблизился съ партией, мечтавшей объ объединенiи Италiи, и провозгласилъ войну за независимость всей Италiи. Но этотъ лозунгъ, хотя и напелъ откликъ во многихъ сердцахъ, еще не въ состоянiи былъ поднять на ноги Италiю. Армiя Мюрата, двинувшаяся на австрiйскую границу, была разбита австрiйскими войсками, и Мюратъ принужденъ былъ поспѣшно отступить къ Неаполю, который былъ уже тѣмъ временемъ занятъ англичанами. Несчастному королю, лишенному войска и столицы, оставалось только бѣжать. Но во время бѣгства онъ былъ схваченъ и разстрѣлянъ.

II.

По постановленiю вѣнскаго конгресса права династiи неаполитанскихъ Бурбоновъ были восстановлены, и неаполитанскiй тронъ возвращенъ Фердинанду.

На этотъ разъ Фердинандъ не рѣшился начать свое царствование съ такой оргiи преслѣдованiй, какъ въ 1799 году. Въ его первомъ манифестѣ, изданномъ передъ вступленiемъ короля въ столицу, говорилось между прочимъ: «Вамъ обезпечено мудрое, устойчивое и религiозное управленiе; власть будетъ принадлежать народу, а государь будетъ хранителемъ законовъ, которые будутъ установлены самой подходящей конституцiей». Далѣе король обѣщалъ полное прощенiе лицамъ, служившимъ при королѣ-узурпаторѣ, т. е. при Мюратѣ.

Но всѣ эти благiя обѣщанiя выродились въ очень печальную дѣйствительность. Глухая реакцiя, воцарившаяся къ этому времени во всей Европѣ, не могла, конечно, не отразиться на Италiи. Къ этому надо прибавить еще и личныя свойства Фердинанда, человѣка чупого, мстительнаго и двоедушнаго. Одновременно со своимъ

либеральнымъ манифестомъ онъ заключилъ съ австрійскимъ дворомъ тайный договоръ, въ которомъ обѣщалъ не вводить ничего, противорѣчащаго старымъ монархическимъ принципамъ. И въ этомъ договорѣ онъ былъ, безъ сомнѣнія, болѣе искрененъ, чѣмъ въ своемъ манифестѣ. Фердинандъ стремился подражать французскимъ Бурбонамъ, которые въ это время во Франціи пытались изгладить всѣ слѣды революціи и воскресить во всемъ объемѣ старый режимъ. Но такъ же, какъ и во Франціи, правительство не рѣшилось сразу затронуть социальныхъ реформъ, которыя успѣли уже пустить корни въ странѣ. Феодальныя привилегіи, уничтоженныя при Мюратѣ, не были восстановлены, и монастырскія имѣнія остались во владѣніи своихъ новыхъ хозяевъ. вмѣстѣ съ тѣмъ король вовсе не желалъ отказываться отъ той централизаціи и того усиленія власти центрального правительства за счетъ мелкихъ властителей, которое явилось въ результатѣ французской системы управления. Такимъ образомъ, послѣ реставраціи королевская власть въ Неаполѣ оказалась еще болѣе сильной, чѣмъ была до революціи.

Понемногу укрѣпляя свои позиціи, правительство стало отбирать у населенія тѣ приобретѣнія, какія оно сдѣлало за предшествующій періодъ. Всего энергичнѣе оно вступило въ борьбу съ тѣмъ освобожденіемъ отъ гнета духовенства, которое принесли съ собою французы. Итальянскіе государи привыкли считать своей правой рукой патера, въ особенности іезуита, который съ успѣхомъ исполнялъ роли и цензора, и шпіона и всегда являлся опорой трона. За время владычества французовъ духовенство утратило большую часть своего вліянія. Теперь снова настала его часъ. Монастыри возобновлялись, духовенству было возвращено право веденія реестровъ всѣхъ гражданскихъ актовъ, а, главное, въ его руки была отдана цензура, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ книгъ, надзоръ за книжной торговлей и за всѣми образовательными учрежденіями. Строгое соблюденіе культа стало считаться первымъ доказательствомъ благонадежности, а преданность іезуитамъ—знакомъ высокаго патриотизма.

Подъ вліяніемъ духовенства сильное распространеніе въ этотъ періодъ приобрѣлъ союзъ *санфедистовъ*. Онъ распался на множество группъ или отдѣловъ, соединенныхъ между собой единствомъ центрального управленія. Санфедисты были настоящей грозой населенія, не вхопившаго въ ихъ составъ. При вступленіи въ отдѣлъ санфедистовъ каждый новый членъ давалъ слѣдующую присягу: «Передъ лицомъ всемогущаго Бога, Отца, Сына и Святого Духа и непорочной Дѣвы Маріи клянусь пребывать твердымъ въ защитѣ святого дѣла, взятаго мною на себя, не щадить ни одного чело-вѣка, принадлежащаго къ презрѣнной сектѣ либераловъ, каково бы ни было его происхожденіе, родство и состояніе; не трогаться слезами дѣтей... и проливать до послѣдней капли кровь презрѣнныхъ либераловъ, не взирая на полъ и положеніе. Я клянусь

также въ безпощадной ненависти ко всѣмъ врагамъ нашей святой римской католической религіи, единой истинной» *).

Полиція, вторая опора трона Бурбоновъ, съ своей стороны всячески содѣйствовала санфедистамъ и считала ихъ своими естественными союзниками и помощниками.

Вскорѣ по водвореніи своемъ на престолѣ Фердинандъ поставилъ во главѣ полиціи бывшаго ученика и клеветы Маріи Каролины, Канозу. Во время царствованія Жозефа Бонапарта и Мюрата Каноза считался признаннымъ главою санфедистовъ. Онъ жилъ въ удаленіи отъ столицы, и всеобщая молва называла его главной пружиной всевозможныхъ гражданскихъ смуть и санфедистскихъ заговоровъ, тревожившихъ южную Италію. Теперь, призванный къ власти, онъ естественнымъ образомъ обратился къ своимъ всегдашнимъ союзникамъ. Вокругъ министра полиціи сгруппировались самыя низшія отребья санфедизма, промотавшіеся игроки, доносчики, развратники и т. п. Каноза организовалъ ихъ, выдалъ имъ оружіе и сталъ пользоваться ихъ услугами. Эта команда получила названіе кальдераріевъ.

Часто, когда полиція не имѣла приличныхъ поводовъ или почему-нибудь не желала раздѣлаться сама съ тѣмъ или другимъ вреднымъ въ ея глазахъ человекомъ, на помощь являлся услужливый кинжалъ кальдерарія; при этомъ преступникъ всегда успѣвалъ благополучно скрыться, а если, по несчастью, ему случалось попасться, то ему давали возможность бѣжать или, въ крайнемъ случаѣ, онъ получалъ великодушное помилованіе.

Полиція до такой степени увлеклась такимъ легкимъ способомъ отдѣлываться отъ неудобныхъ лицъ, что это обратило на себя вниманіе представителей иностранныхъ державъ, и они потребовали отъ короля отставки министра полиціи. Впрочемъ, Каноза и послѣ этого продолжалъ за кулисами руководить дѣятельностью полиціи и вліять на короля.

Полиція поглощала главное вниманіе правительства, требовала огромныхъ затратъ и въ то же время совершенно не могла обезопасить населеніе отъ участившихся грабежей и разбоевъ. Разбойники цѣлыми шайками бродили по странѣ и грабили мирное населеніе; иногда они откупались отъ полиціи, а иногда она и дѣйствительно не имѣла времени преслѣдовать ихъ, занятая своими трудами по уловленію неблагонадежныхъ элементовъ, пріютившихся въ университетахъ и другихъ опасныхъ учрежденіяхъ.

Между прочимъ, въ это время появилась знаменитая шайка Вардарели, наводившая страхъ на цѣлыхъ три провинціи. Самъ Вардарели началъ свою карьеру еще подъ начальствомъ знаменитаго кардинала Руффо, потомъ принужденъ былъ бѣжать и скрываться, пока возвращеніе Бурбоновъ не дало ему опять воз-

*) Rey, Hist. de la Renaissance polit. de l'Italie, p. 64.

возможности развить свою энергію. Онъ набралъ банду въ 50 человекъ и занялся грабежомъ, при чемъ все-таки соблюдалъ нѣкоторую справедливость—онъ грабилъ почти исключительно людей богатыхъ. Такое направленіе его дѣятельности, въ концѣ-концовъ, обезпечило правительству, и оно попробовало оказать ему противодѣйствіе. Но вскорѣ оно убѣдилось, что такая задача ему не по силамъ, и тогда оно сочло за лучшее покончить дѣло миромъ и перечислить разбойниковъ въ охранителей порядка. Этотъ любопытный договоръ состоялъ изъ четырехъ пунктовъ: «1) Вардарели и его товарищамъ дается полное прощеніе въ совершенныхъ ими проступкахъ; 2) банда составить военный отрядъ на службѣ короля, и на ея обязанности будетъ лежать поддержаніе общественнаго порядка; 3) ежемѣсячное жалованье Гаetano Вардарели будетъ составлять 90 дукатовъ, его трехъ офицеровъ—45 дукатовъ, и каждого изъ солдатъ 30; 4) вышеназванный отрядъ принесетъ присягу на вѣрность королю черезъ посредство королевскаго комиссара, онъ будетъ подчиненъ генераламъ, начальствующимъ въ провинціяхъ, и будетъ употребляемъ для преслѣдованія преступниковъ. Неаполь, 6 іюля, 1817 г.» *). Къ этому публичному договору было еще прибавлено маленькое секретное примѣчаніе, которымъ новому отряду разрѣшалось не выходить изъ района ихъ обычной дѣятельности и не входить въ укрѣпленные города. Вардарели, видимо, не вполнѣ полагался на королевское слово.

Въ то время, какъ полиція такъ оригинально справлялась съ одной своей задачей—охраной населенія,—перечисляя разбойниковъ въ защитниковъ общественнаго порядка, другая сторона ея дѣятельности, наиболѣе важная въ глазахъ правительства, шла не лучше. Какъ всегда бываетъ, параллельно съ проявленіемъ особой энергіи полиція шло усиленное развитіе тайныхъ обществъ. За время Наполеоновскихъ войнъ итальянская молодежь ближе познакомилась съ европейскими идеями, и теперь, послѣ реставраціи, она не могла примириться съ угнетеніемъ своей родины. Лишенная возможности принять какое-нибудь участіе въ политической и общественной жизни страны, она устраивала тайные кружки, занимавшіеся пропагандой освободительныхъ идей и носившіе въ большинствѣ случаевъ мистически-религіозный характеръ. Наиболѣе значительной изъ такого рода организацій былъ союз карбонаріевъ, возникшій еще ранѣе, но особенно разившійся именно въ эту эпоху. Его родиной былъ Неаполь, и уже оттуда онъ распространился по всей Италіи и даже за ея предѣлы. Въ началѣ общество карбонаріевъ носило почти исключительно мистическій характеръ. Они признавали своей религіей католицизмъ, но стремились къ его очищенію и мечтали въ далекомъ будущемъ о водвореніи въ Италіи религіозной республики. Но съ теченіемъ времени преслѣдо-

*) Memoires du générale Péré, t. II, p. 250.

ванія Неаполитанской полиціи съ одной стороны и проклятій папы съ другой—заставили ихъ вернуться съ неба на землю. Религія въ ихъ построеніяхъ въ значительной мѣрѣ уступила мѣсто политикѣ, но и послѣ этого ихъ политическія теоріи оставались достаточно неопредѣленными. Въ то время, какъ одни изъ нихъ удовлетворялись умѣренной конституціей, другіе мечтали объ общенитальянской республикѣ довольно страннаго типа. Вся Италія должна была состоять изъ двадцати провинцій и управляться изъ одного центра. Каждая провинція посылала своего депутата въ Верховное Собраніе, которое избирало двухъ королей— короля земли и короля морей,—срокомъ на 21 годъ каждаго. Государственной религіей оставался католицизмъ, только очищенный отъ злоупотребленій, подѣ главенствомъ патріарха, обязанности котораго могъ, по желанію, принять на себя папа. Значительно радикальнѣе были мечты карбонаріевъ въ соціальной области. Они предполагали уничтожить всѣ виды обложенія, замѣнивъ ихъ однимъ подоходнымъ налогомъ, при чемъ онъ долженъ былъ прогрессивно увеличиваться, отъ одной седьмой на неимущихъ до шести седьмыхъ на богачей. Организациія союза карбонаріевъ была очень простая и въ то же время почти неуловимая для полиціи. Они группировались въ отдѣльные кружки или *венты*, по 20 человекъ въ каждой. Всѣ венты составляли непрерывную цѣпь, заканчивавшуюся высшей вентой, находившейся въ Парижѣ. Всѣ сношенія между вентами происходили исключительно устно, чтобы въ руки полиціи не могли попасть никакіе письменные документы. При приѣмѣ новаго члена въ какую-нибудь венту его заставляли приносить торжественную присягу. «Я клянусь—говорилось въ ней—посвящать всѣ моменты моего существованія на то, чтобы содѣйствовать торжеству принциповъ свободы, равенства и ненависти къ деспотизму, составляющей душу всей тайной и явной дѣятельности карбонаріевъ. Если я нарушу клятву, я согласенъ быть распятымъ въ пещерѣ, съ терновымъ вѣнкомъ на головѣ, какъ нашъ добрый кузень Христосъ, нашъ образецъ». Карбонаріи называли другъ друга добрыми кузенами.

Между 15-мъ и 20-мъ годами карбонаризмъ сдѣлалъ громадныя успѣхи въ Неаполѣ. Онъ проложилъ себѣ дорогу во всѣ классы, во всѣ слои общества. Не только молодежь, но и люди зрѣлые, занимавшіе видное положеніе въ обществѣ, входили въ составъ вентъ. Одна вента въ Неаполѣ состояла исключительно изъ крупныхъ помѣщиковъ. Даже въ администрацію проникли добрые кузены, а въ арміи они составляли едва ли не большинство. Къ карбонаріямъ принадлежалъ, между прочимъ, одинъ изъ виднѣйшихъ неаполитанскихъ генераловъ, Гульельмо Пэпэ. Пэпэ, совсѣмъ еще юношей, принималъ участіе въ революціи 1799 года, потомъ былъ арестованъ и, послѣ многихъ мытарствъ, изгнанъ изъ Неаполя. Послѣ изгнанія Бурбоновъ въ 1806 г. Пэпэ снова вернулся на родину,

участвовалъ въ трудахъ Мюрата по преобразованію арміи и во всѣхъ его походахъ. На возвращеніе Бурбоновъ Пэпэ смотрѣлъ, какъ на величайшее несчастье для своей родины. Онъ думалъ было совсѣмъ бросить службу, но потомъ рѣшилъ остаться и приложить всѣ свои силы къ подготовкѣ революціи, необходимой для водворенія новаго строя. Его нѣсколько смущала необходимость конспирировать, находясь на военной службѣ. Но онъ успокоилъ себя слѣдующимъ разсужденіемъ: «Среди народа, гдѣ слово и перо свободны, по-моему, надо пользоваться тѣмъ и другимъ и не прибѣгать къ конспираціямъ для улучшенія соціального строя; но, когда страна стонетъ подъ неограниченной властью и когда нѣтъ возможности ни писать, ни говорить, ни заставлять законными путями уважать общественное мнѣніе, тамъ, по-моему, позволительно пользоваться всѣми способами, чтобы избавить свою страну отъ рабства» *). Стремясь къ этому, онъ сблизился съ карбонаріями и содѣйствовалъ ихъ пропагандѣ въ арміи. Когда, по его мнѣнію, недовольство и въ войскѣ, и въ народѣ распространилось достаточно широко, и карбонаріи составили значительную силу, онъ сталъ ждать благоприятнаго момента, чтобы поднять знамя восстанія. Последнимъ толчкомъ къ этому явилась революція 1820 г. въ Испаніи.

III.

Все было подготовлено, и срокъ восстанія назначенъ, но оно вспыхнуло нѣсколько раньше, въ то время, когда самъ Пэпэ былъ въ Неаполѣ по дѣламъ службы. Въ столицу пришло извѣстіе, что отрядъ солдатъ подъ командою двухъ офицеровъ выкинулъ знамя карбонаріевъ и двинулся изъ мѣстечка Нола съ криками: «Да здравствуетъ конституція!» Дворъ страшно встревожился. Послѣ нѣкотораго совѣщанія было рѣшено отправить для усмиренія мятежа Гульельма Пэпэ, такъ какъ онъ пользовался любовью и авторитетомъ среди солдатъ. Потомъ это рѣшеніе было взято обратно, но Пэпэ все же удалось ускользнуть изъ Неаполя и пробраться къ мѣсту восстанія. Онъ сейчасъ же всталъ во главѣ восставшихъ войскъ и двинулся съ ними по направленію къ столицѣ. Генералъ Каракова, посланный, чтобы удержать мятежниковъ, не рѣшился вступить съ ними въ сраженіе. Войска неохотно повиновались ему, дисциплина была подорвана, солдаты сотнями дезертировали и переходили на сторону восставшихъ. Населеніе привѣтствовало знамя карбонаріевъ и восторженно встрѣчало восставшія войска. Мятежъ превращался въ революцію. При дворѣ царило смятеніе. Генералы не ручались за безопасность столицы, тѣмъ болѣе, что и въ городѣ уже начались замѣт-

*) *Mém. du gén. Péré, t. II, p. 315.*

ныя волненія. Министры уговаривали короля не медлить и дать требуемую конституцію. «Пусть Ваше Величество послѣдуетъ совѣтамъ благоразумія,—сказалъ между прочимъ первый министр Кирилло—и Богъ поможетъ благочестивому и невинному государю возстановить права престола, отнимаемыя преступнымъ народомъ» *).

Эта перспектива заставила короля рѣшиться, и онъ въ тотъ же день, 6-го іюля, издалъ слѣдующій манифестъ:

«Къ народу королевства Обѣихъ Сицилій.

«Все населеніе королевства Обѣихъ Сицилій выразило единодушное стремленіе къ конституціонному строю, мы даемъ на это наше полное добровольное согласіе и общаемъ обнародовать основы конституціи въ восьмидневный срокъ. До опубликованія конституціи сохраняютъ силу существующіе законы. Удовлетворивъ такимъ образомъ всеобщее желаніе, мы требуемъ, чтобы солдаты разошлись по своимъ частямъ и всѣ вернулись къ своимъ занятіямъ.

Фердинандъ.

Неаполь, 6-го іюля 1820-го года **).

Одновременно съ этимъ, ссылаясь на свою слабость и преклонный возрастъ, король поручилъ всѣ дѣла управленія своему старшему сыну. Это обстоятельство, а также нѣкоторая неопредѣленность выраженій королевскаго манифеста, пробудили подозрѣнія въ Неаполѣ, и народъ сталъ требовать немедленнаго провозглашенія испанской конституціи. Наслѣдникъ отъ имени короля подтвердилъ обѣщаніе, и 13-го іюля, дѣйствительно, состоялась торжественная присяга короля конституціи, которая должна была въ своихъ основахъ совпадать съ испанской, съ тѣми лишь измѣненіями, которыя найдеть нужнымъ сдѣлать парламентъ. «Если я нарушу мою присягу или какую-нибудь часть ея, — такъ заканчивалась торжественная клятва—никто не обязанъ будетъ повиноваться мнѣ и всѣ мои акты, которые будутъ ей противорѣчить, должны считаться недействительными. Да защититъ и сохранить меня Богъ». И далѣе старый король прибавилъ, какъ бы повинуюсь непреодолимому горю: «Всемогущій Богъ, твой взоръ читаетъ въ сердцахъ и видитъ будущее, если я приношу эту клятву неискренно, или если въ будущемъ мнѣ суждено нарушить ее, порази меня сейчасъ же молніей твоего гнѣва».

По окончаніи всей церемоніи король подошелъ къ Пэнэ и, пожавъ ему руку со слезами на глазахъ, сказалъ: «Генераль, повѣрь мнѣ, на этотъ разъ я присягалъ отъ чистаго сердца» ***).

Восторгъ неаполитанцевъ не имѣлъ границъ. По улицамъ ходили процессіи, по вечерамъ городъ горѣлъ огнями иллюминацій,

*) Hist. de la Rev., p. 68.

**) Mém. de gén. Péré, t. II, p. 362.

***) Ib., p. 417.

воздух оглашался криками: «Да здравствует король! Да здравствует конституція!» Страна отвѣчала тѣмъ же, повсюду были торжества и ликованья; нигдѣ ни малѣйшаго диссонанса, никакихъ насилій и кровавыхъ сценъ. Весь народъ сливался въ одно чувство радости и благодарности.

Вскорѣ должны были происходить выборы въ первый парламентъ. Они произошли въ полномъ спокойствіи; вновь избранные депутаты оказались въ большинствѣ своемъ умѣренными конституціоналистами.

1 октября парламентъ былъ открытъ, и король вмѣстѣ съ сыномъ повторилъ клятву въ вѣрности конституціи.

Между тѣмъ, надъ новорожденной конституціей уже стали собираться тучи. Прежде всего, почти одновременно съ неаполитанской революціей вспыхнуло возстаніе въ Палермо. Возставшіе требовали не только одинаковыхъ правъ, но и полнаго отдѣленія Сициліи отъ Неаполя. Это движеніе очень осложнило положеніе Неаполя, тѣмъ болѣе, что европейскія державы весьма косо смотрѣли на происходившія тамъ событія и ждали только случая для вмѣшательства. Сицилійское возстаніе давало имъ удобный предлогъ. Новое правительство, очевидно, не было достаточно сильно чтобы поддержать порядокъ въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ, и необходима была помощь извнѣ.

Неаполитанское правительство рѣшило послать въ Сицилію вооруженныя силы подъ командой генерала Флорестана Пепэ. Послѣ многочисленныхъ столкновеній Флорестанъ Пепэ одержалъ верхъ надъ возставшими, и ему удалось возстановить полный порядокъ, обѣщавъ отъ имени правительства уравнивать Сицилію во всѣхъ правахъ съ Неаполемъ и дать ей отдѣльный парламентъ съ сохраненіемъ одного верховнаго правительства. Но этимъ дѣло не кончилось. Король и парламентъ не захотѣли санкціонировать данныхъ Флорестаномъ Пепэ обѣщаній, и въ Сициліи вновь возникли волненія, окончившіяся только съ уничтоженіемъ неаполитанской конституціи.

Въ концѣ 1820-го года собрался Лайбахскій конгрессъ. На немъ долженъ былъ обсуждаться, между прочимъ, Неаполитанскій вопросъ, и Фердинандъ получилъ приглашеніе присутствовать. Въ Неаполѣ относились крайне недоброжелательно къ отѣзду короля, тѣмъ болѣе, что немудрено было угадать, съ какими мнѣніями ему придется встрѣтиться. Но король разсыпался въ увѣреніяхъ, что онъ ѣдетъ съ спеціальною цѣлью примирить европейскія державы съ неаполитанской конституціей и, во что бы то ни стало, отстаивать ея интересы. Въ томъ случаѣ, если бы это ему не удалось, онъ давалъ слово немедленно вернуться, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать независимость своей страны. По смыслу конституціи парламентъ имѣлъ право воспротивиться отѣзду короля, но послѣ

такихъ увѣреній онъ не считалъ удобнымъ настаивать на своемъ правѣ и отпустилъ короля.

Въ моментъ отъѣзда король оставилъ своему сыну-регенту письмо, предназначенное, конечно, для широкаго распространенія «Милый сынъ,—писалъ онъ.—Хотя я много разъ говорилъ съ тобой о своихъ мысляхъ, я хочу написать ихъ, чтобы онѣ запечатлѣлись въ твоей памяти... Я не знаю намѣреній собравшихся государей, но я знаю свои и сообщаю ихъ тебѣ, чтобы ты зналъ повелѣнія своего короля и совѣты своего отца. Я буду защищать на конгрессѣ все, что я сдѣлалъ въ прошломъ юлѣ; я буду твердо стоять за испанскую конституцію для моего государства и буду просить мира; моя совѣсть и моя честь требуютъ этого... Пусть наши подданные пользуются спокойствіемъ; и пусть послѣ тридцати лѣтъ мы войдемъ, наконецъ, въ спокойную гавань. Хотя я полагаюсь на справедливость собравшихся монарховъ и на нашу старую дружбу, все же я нахожу полезнымъ сказать тебѣ, что въ какое бы положеніе Богу ни угодно было поставить меня, воля моя останется такой же, какъ выражено здѣсь, она останется твердой и неизблемой, не смотря ни на чьи усилія или просьбы. Запечатлѣй, сынъ мой, эти слова въ твоемъ сердцѣ, и пусть они будутъ правиломъ управленія и руководствомъ въ твоихъ поступкахъ. Благословляю и обнимаю тебя» *).

Трудно было не вѣрить тому, что человѣкъ говорилъ такимъ искреннимъ тономъ родному сыну.

А сынъ, съ своей стороны, тоже не жалѣлъ клятвъ и увѣреній. По отъѣздѣ короля онъ возобновилъ присягу въ парламентѣ въ качествѣ принца-регента. Въ своей отвѣтной рѣчи на привѣтствіе предсѣдателя онъ говорилъ между прочимъ: «Я всей душой раздѣляю печаль, которую вы испытываете въ отсутствіи моего августѣйшаго отца; но моему сердцу очень близка та благородная цѣль, которая побудила его предпринять путешествіе въ Лайбахъ, такъ какъ онъ долженъ защищать тамъ народное дѣло, которое такъ дорого ему, и онъ постарается отстранить отъ насъ войну со всѣми ея бѣдствіями... Отъ насъ далеко блѣдное недовѣріе и черныя интриги. Пойдемъ съ довѣріемъ по дорогѣ чести, вы, вооруженные всѣми правами, которыя конституція ввѣряетъ законодательной власти, а я со всей энергіей и свободой, которыя та же конституція сообщаетъ власти исполнительной. Пока король, мой отецъ, будетъ своимъ почтеннымъ голосомъ отстаивать дѣло родины передъ лицомъ союзныхъ монарховъ, пусть наше твердое, благородное и корректное поведеніе даетъ ему самые сильные аргументы въ нашу пользу» **). И на взрывѣ аплодисментовъ, покрывшихъ эти слова, онъ прибавилъ еще: «Эти слова вышли изъ глубины

*) Мém. de Pére, т. III, р. 126.

***) lb, р. 147.

моей души, такъ какъ я считаю конституцію, которой я присягнулъ, основой благополучія нашей родины».

Парламентъ, подкупленный этими горячими увѣреніями, рѣшилъ, что ему, дѣйствительно, самое время заняться законодательной работой. Онъ приступилъ къ детальному пересмотру конституціи, проектировалъ въ ней нѣкоторыя существенныя измѣненія, рѣшилъ ослабить административную централизацію, оставшуюся въ наследство отъ французовъ и душившую мѣстную жизнь. Далѣе, онъ уничтожилъ остатки феодализма въ Сициліи и майораты въ Неаполѣ.

Все это были очень полезныя реформы, но не въ нихъ было дѣло въ данный моментъ. Съ сѣвера надвигалась гроза, а парламентъ, довѣрившись клятвамъ короля и регента, и не думалъ принять противъ нея мѣръ.

На лайбахскомъ конгрессѣ участь Неаполя была рѣшена очень скоро. Конституція была признана опаснымъ новшествомъ, и короли объявили по прежнему абсолютнымъ монархомъ. 28 января регентъ получилъ отъ короля письмо, въ которомъ ему сообщалось, что новый порядокъ вещей не признанъ лайбахскимъ конгрессомъ, и если онъ не будетъ немедленно и добровольно упраздненъ, его уничтожатъ силою оружія.

Въ этотъ моментъ первая сессія парламента была закончена и новая конституція уже утверждена. По полученіи тревожнаго письма регентъ немедленно созвалъ парламентъ въ экстренную сессію и сообщилъ ему о полученномъ извѣстіи. Общее возмущеніе не знало предѣловъ, стѣны парламента оглашались страстными, негодующими рѣчами. Принцъ регентъ заявилъ, что его рѣшеніе неизмѣнно, онъ раздѣлитъ судьбу народа, онъ отдастъ жизнь свою и своей семьѣ за независимость, честь и справедливость *). Было немедленно рѣшено мобилизовать войска и выступить навстрѣчу австрійцамъ, 9-го февраля перешедшимъ По.

Парламентъ все еще продолжалъ упорствовать въ своемъ довѣрїи къ королю и принцу. Онъ издалъ прокламацію, въ которой заявлялъ, что смотреть на письмо короля, какъ на вынужденное силой, и на самого короля, какъ на плѣнника союзниковъ. Отвѣтъ не заставилъ себя ждать. 22 февраля король прислалъ второе письмо, въ которомъ онъ приказывалъ смотрѣть на австрійцевъ не какъ на непріятелей, а какъ на друзей, идущихъ возстановить порядокъ въ его странѣ. Всякаго, кто усумнится въ томъ, что эти письма писаны добровольно, онъ объявлялъ измѣнникомъ.

Теперь уже всѣ сомнѣнія относительно роли короля падали, но принцъ-регентъ продолжалъ держать себя твердо и рѣшительно. Умалчивая о поведеніи отца, онъ возобновлялъ свои клятвы на вѣрность конституціи и обѣщалъ бороться съ непріятелями до послѣдней капли крови.

Итальянскія войска были раздѣлены на двѣ арміи: одна подъ

*) Italiens Schicksale, s. 180.

командой Гульельмо Пэпе, другая подъ начальствомъ Каракозы. Пэпе выступилъ навстрѣчу австрійцамъ. Но при первомъ же столкновеніи съ болѣе многочисленнымъ и лучше дисциплинированнымъ непріателемъ его армія не выдержала и обратилась въ бѣгство. Никакія усилія Пэпе удержать солдатъ не помогли. Армія Каракозы растаяла раньше, чѣмъ дѣло дошло до битвы.

Австрійцы вмѣстѣ съ королемъ Фердинандомъ быстро приближались къ Неаполю, не встрѣчая на своемъ пути почти никакого сопротивленія. Неаполитанскія войска отступали безъ боя. Принцъ-регентъ сдѣлалъ попытку присоединиться къ арміи Каракозы, но узналъ объ ея отступленіи при самомъ выѣздѣ изъ Неаполя. 20-го марта принцъ-регентъ подписалъ миръ съ австрійцами, парламентъ не давалъ было на него своего согласія, но принужденъ былъ уступить силѣ. 24-го австрійскія войска вступили въ Неаполь.

Принцъ-регентъ, забывъ свои клятвы и увѣренія, стоялъ на балконѣ дворца со всѣми приближенными и радостно привѣтствовалъ непріятелей, внезапно превратившихся въ друзей.

IV.

Снова въ Неаполѣ настало тяжелое время. Король, опасавшійся послѣ реставраціи дать волю своимъ мстительнымъ чувствамъ, теперь не боялся ничего подъ охраной австрійскихъ войскъ. Немедленно (9-го апрѣля) былъ образованъ военный судъ, который сталъ судить всѣхъ, заподозрѣнныхъ въ участіи въ карбонаризмѣ. Во главѣ управленія снова поставили Канову, который ознаменовалъ свое возвращеніе невѣроятными жестокостями. Прежде, чѣмъ передать суду своихъ жертвъ, онъ подвергалъ ихъ тѣлесному наказанію и выставлялъ на публичный позоръ. Въ городѣ происходили страшныя сцены, напоминавшія средніе вѣка. Канова приказывалъ привязывать одного изъ арестованныхъ къ спинѣ осла, на которомъ были знаки карбонары. За нимъ шелъ палачъ съ длиннымъ кнутомъ и наносилъ несчастному удары по обнаженной спинѣ. Впереди и позади шли отряды войскъ съ барабаннымъ боемъ. Однако, представители европейскихъ державъ нашли, что такая слишкомъ эффектная инсценировка казней не совсѣмъ удобна, и Канову снова пришлось убраться.

На его мѣсто былъ призванъ Медичи, первый сравнительно умѣренный министръ Фердинанда. Но и при немъ политическія преслѣдованія и казни не стали рѣже, они только нѣсколько измѣнили характеръ.

Самъ король рѣшился вернуться въ столицу только послѣ того, какъ его вѣрные слуги произвели тамъ предварительную очистку, чтобы онъ не могъ етолкнуться тамъ съ людьми, которымъ онъ лично расточалъ свои королевскія клятвы. Главный изъ нихъ, Пэпе, бѣжалъ за-границу немедленно по вступленіи австрійцевъ.

Первымъ дѣломъ короля по возвращеніи было обнародованіе новой конституціи. Но эта конституція была ужь очень прозрачною ширмой, совершенно не скрывавшей истинныхъ намѣреній правительства. Депутаты, составлявшіе парламентъ, утверждались королемъ. За то имъ полагалось довольно значительное жалованье. Такимъ образомъ, это были привилегированные королевскіе представители народа. Конечно, такой парламентъ могъ играть роль только лишняго департамента лакеевъ.

Послѣ того, какъ большая часть казней была совершена, король даровалъ амністію членамъ тайныхъ обществъ, примкнувшимъ къ нимъ до вступленія австрійцевъ. Впрочемъ, амністія эта была довольно скудная, такъ какъ амнистированные все же теряли всѣ свои личныя и благопріобрѣтенныя права, такъ что даже врачи и юристы должны были снова держать государственныя экзамены.

Эти два акта король считалъ достаточной данью приличію и уже безъ всякихъ стѣсненій вернулся на прежній путь подавленія всякой свободной мысли и всякаго проявленія инициативы.

Снова была восстановлена цензура и возвращена въ руки іезуитовъ, запрещено всякое частное преподаваніе, не подчиненное правительственной регламентаціи и контролю. Посвщеніе церковныхъ службъ было вмѣнено въ обязанность всѣмъ гражданамъ подъ угрозой штрафа. Особенно же энергичныя мѣры были примѣнены къ арміи, которая проявила свой мятежный духъ при началѣ революціи. Всѣ офицеры получили отставку, вся армія была расформирована и сформирована вновь при содѣйствіи австрійскихъ генераловъ.

Вообще австрійское вліяніе, очень значительное и до 20-го года, теперь, послѣ революціи, еще болѣе усилилось. Вся администрація, и въ частности полиція, была устроена цѣликомъ по австрійскому образцу.

Для поддержанія порядка австрійскія войска были по договору съ Австріей на нѣкоторое время оставлены въ Неаполѣ. Одно ихъ содержаніе стоило государственной казнѣ 10 милліоновъ дукатовъ въ годъ. Въ то же время переформированіе всей арміи требовало значительныхъ сверхсмѣтныхъ расходовъ. Приходилось изыскивать новые источники доходовъ и позаботиться о нѣкоторой экономіи въ другихъ областяхъ. Между тѣмъ, дворъ еще никогда не окружалъ себя такою роскошью, какъ именно въ этотъ періодъ. Блестящія празднества и пиры слѣдовали непрерывной чередой. Король праздновалъ побѣду надъ своимъ народомъ. А парламентъ тѣмъ временемъ, вмѣсто обсужденія какихъ-нибудь мѣръ для помята экономическаго благосостоянія населенія, изобрѣталъ все новые каторжные законы противъ печати и тайныхъ обществъ.

Въ 1825 году Фердинандъ I умеръ, и на престолъ вступилъ его сынъ Францискъ. Но воцареніе этого принца, расточавшаго

пять лѣтъ тому назадъ увѣренія въ своей искренней преданности конституціи 1820 года, не внесло никакихъ измѣненій въ положеніе вещей. Новый король не думалъ ни о какихъ реформахъ и былъ поглощенъ исключительно охотой и всевозможными удовольствіями. Въ его царствованіе особенно усилились различныя злоупотребленія и хищенія при дворѣ.

Францискъ царствовалъ пять лѣтъ, и въ 1830 году ему наследовалъ его сынъ Фердинандъ II. Это былъ годъ іюльской революціи во Франціи. Молодой король почувствовалъ необходимость предотвратить возможную вспышку глубоко затаившагося недовольства. На первыхъ порахъ онъ проявилъ энергичную дѣятельность. Онъ прогналъ нѣсколькихъ проворовавшихся придворныхъ, уничтожилъ излишнюю роскошь и предпринялъ самъ путешествіе по провинціямъ, чтобы лично убѣдиться въ народныхъ нуждахъ. Путешествовалъ онъ очень скромно, останавливался въ маленькихъ францисканскихъ монастыряхъ, обѣдалъ съ мѣстными чиновниками, а въ деревняхъ вмѣшивался иногда въ танцы крестьянъ. При этомъ онъ повторялъ всѣмъ и каждому, что будетъ милостивъ къ добрымъ, но безпощаденъ къ злымъ. Подъ послѣдними онъ подразумѣвалъ, конечно, всѣхъ такъ называемыхъ революціонеровъ. Главная поддержка, которую онъ оказалъ «добрымъ», заключалась въ повышеніи пошлинъ на мануфактурные товары, ввозимые изъ Франціи и Швейцаріи. Благодаря этому, въ Неаполѣ развились различныя мануфактурныя фабрики, и часть нищаго городского населенія получила работу. Но главныя причины разоренія всей страны, заключавшіяся въ народномъ невѣжествѣ, въ тяжеломъ и неравномѣрномъ обложеніи, въ непомѣрныхъ расходахъ на войско и полицію, въ отсутствіи путей сообщенія и въ дезорганизаціи мѣстнаго управленія, остались во всей силѣ и при Фердинандѣ II. Нѣкоторыя даже усилились при немъ. Онъ считалъ необходимымъ обратить особенное вниманіе на армію и флотъ, сильно запущенныя по его мнѣнію при его отцѣ и дѣдѣ. Это требовало большихъ денегъ и вызывало введеніе новыхъ налоговъ. Въ то же время Фердинандъ съ подозрительной враждебностью относился ко всему, что могло поднять общую культуру края. Онъ не только враждовалъ съ народнымъ образованіемъ, но отнесся съ величайшимъ недоумѣніемъ къ желѣзнымъ дорогамъ. «Все, что облегчаетъ сношенія между людьми,—говорилъ онъ—опасно, такъ какъ ведетъ къ возникновенію заговоровъ».

Очень скоро молодой король направилъ свой реформаторскій пылъ на совершеннѣйшіе пустяки. Онъ съ жаромъ преслѣдовалъ рискованныя картины, приказывалъ прятать отъ публики Венеру Праксителя, опредѣлялъ съ точностью длину юбокъ балетныхъ танцовщицъ и цвѣтъ ихъ трико, велъ борьбу съ морганатическими браками внутри королевскаго дома и т. п. Въ то же время онъ поручилъ министерство полиціи прославившемуся еще въ

предыдущее царствование жандарму Дель-Каретто и предоставилъ ему полнѣйшую свободу дѣйствій. Начавъ свое царствованіе борьбой съ злоупотребленіями и казнокрадствомъ, Фердинандъ стрѣль сквозь пальцы, какъ этотъ самый Дель-Каретто назначилъ казначеемъ учетной кассы своего десятилѣтняго сына съ жалованьемъ въ 500 дукатовъ въ мѣсяцъ.

Въ своей дѣятельности Дель-Каретто шелъ по стопамъ Кановы. Его лозунгомъ была борьба съ просвѣщеніемъ. Онъ съ неослабнымъ рвеніемъ преслѣдовалъ книги и газеты, мѣстные и иностранныя, когда онѣ попадали въ Неаполь, подчинялъ самому строгому надзору преподаваніе на всѣхъ его ступеняхъ и съ торжествомъ улавливалъ крамолу въ учебникахъ начальныхъ школъ и въ лекціяхъ профессоровъ.

Рядомъ съ этимъ онъ задался цѣлью искоренить окончательно революцію, гнѣздившуюся въ тайныхъ обществахъ. Въ этомъ направленіи онъ сдѣлалъ даже нѣсколько шаговъ впередъ по сравненію съ своимъ предшественникомъ. Не довольствуясь административными карами, которыя онъ разсыпалъ щедрой рукой, онъ выпустилъ нѣсколько новыхъ драконовскихъ указовъ и настоялъ на изданіи особаго закона, по которому всякій человѣкъ, уличенный въ томъ, что онъ состоитъ членомъ тайнаго общества, приговаривался къ каторжнымъ работамъ, а инициаторы и руководители общества—къ смертной казни. Кромѣ того, при немъ же было официально признано тѣлесное наказаніе, которое раньше примѣнялось лишь въ исключительныхъ случаяхъ, и то по возможности безъ огласки. Но всѣ эти строгія мѣры далеко не вели къ уничтоженію тайныхъ обществъ. Одну изъ причинъ этого современники видѣли въ общей продажности всей администраціи, включая и полицію на всѣхъ ея ступеняхъ. «Сама полиція,—пишетъ Феррари,—эта святая опора абсолютизма, не можетъ устоять передъ соблазномъ взятокъ. У насъ шпіонъ обращается къ тому, за кѣмъ онъ слѣдитъ, со вздохомъ признается, что ему поручено слѣдить за нимъ, и проситъ у него ежемѣсячнаго вознагражденія за возможность избѣжать его бдительности. За скромную сумму въ 6 карлиновъ въ мѣсяцъ неаполитанскіе либералы могутъ доставить себѣ удовольствіе самимъ диктовать ежемѣсячные доклады, которые шпіонъ добросовѣстно передаетъ своему начальству» *).

Само собой разумѣется, наружная полиція еще шире пользовалась возможностью за взятки избавлять себя отъ хлопотъ, разбойники продолжали держать въ страхѣ цѣлыя провинціи, а въ экстренныхъ случаяхъ съ ними по прежнему приходилось заключать договоры.

Но эта необезпеченность жизни была еще не худшимъ зломъ, угнетавшимъ неаполитанскія провинціи при Фердинандѣ II.

*) Ferrarî—La rév. et les réformes en Italie, 1848, p. 18.

Гораздо опаснѣе было то подавленіе общественной жизни, то преслѣдованіе всякой инициативы, которое систематически проводилось неаполитанскимъ правительствомъ. Вся мѣстная жизнь была задушена въ корнѣ. Въ мѣстные учрежденія назначались исключительно ставленники полиціи, а всѣ сколько-нибудь независимые люди должны были или удаляться въ частную жизнь, или примыкать къ тайнымъ обществамъ, ежеминутно рискуя головой.

Карло Поэріо, будущій конституціонный министръ того же Фердинанда, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ эту печальную эпоху въ мемуарѣ, адресованномъ лорду Пальмерстону:

«Реакція, сдѣлавшись правительствомъ, организовалась на подобіе секты; она разстроила всю социальную машину, завладѣла всѣми должностями, превратила народъ въ илотовъ и упорно поддерживала невѣжество и суевѣрія; она запугивала населеніе преслѣдованіями, истощала его, разоряла поборами; она опиралась исключительно на грубую силу, она съ безжалостнымъ коварствомъ слѣдовала ужасному принципу, что суевѣрія и нищета подданныхъ самые прочные устои трона, и основывала свое могущество на угнетеніи всѣхъ» *). «Какой основной принципъ неаполитанской монархіи?—задается вопросомъ Феррари, и отвѣчаетъ судя по фактамъ,—это шпионство. Кто является въ настоящее время героемъ этого королевства? Это маркизъ Дель-Каретто, который воплощаетъ въ себѣ неаполитанскій принципъ. Кто же такой Дель-Каретто? Это совѣтъ короля Фердинанда II» **).

Упорное глухое недовольство и затаенная ненависть къ правительству охватывали всѣ слои населенія и прорывались отъ времени до времени вспышками бунтовъ.

Одной изъ самыхъ мужественныхъ, но и самыхъ безнадежныхъ, попытокъ возстанія, былъ извѣстный въ свое время заговоръ братьевъ Бандіера. Оба брата Бандіера, какъ многіе итальянцы, служили въ австрійскомъ флотѣ и въ то же время принадлежали къ тайному обществу «Молодой Италіи». Имъ удалось привлечь къ своему плану часть экипажа одного австрійскаго фрегата, и они рѣшили высадиться въ Сициліи и сдѣлать попытку поднять населеніе противъ Фердинанда. Одинъ изъ ихъ сообщниковъ оказался предателемъ и донесъ на нихъ начальнику мѣстныхъ войскъ. Раньше, чѣмъ небольшая кучка мятежниковъ дошла до какого-нибудь населеннаго пункта, они были окружены войсками и безъ труда разбиты. Всѣ взятые живыми революціонеры были приговорены къ смертной казни и только пятерымъ казнь была замѣнена вѣчной каторгой.

Болѣе значительный, но также безрезультатный мятежъ вспых-

*) Ferraris. Deux ans de Rév. en Italie; Charles Poerio, стр. 423.

***) Ferraris. La rév. et les ref. en Italie, p. 20.

нулъ въ Реджіо въ 1847 г. Онъ былъ совершенно неподготовленъ, и войско быстро подавило его. Тѣмъ не менѣе, и тутъ было 47 смертныхъ казней. Кромѣ того, въ Неаполѣ вслѣдствіе этого было арестовано нѣсколько уважаемыхъ гражданъ, которые были виноваты только въ томъ, что отговаривали отъ такихъ безнадежныхъ выступленій.

Фердинандъ скоро пересталъ обманываться относительно чувствъ своихъ подданныхъ, оставилъ всякія попытки снискать популярность и всѣ свои надежды возлагалъ на преданность войскъ. Онъ не щадилъ ничего для того, чтобы привязать къ себѣ армію, осыпалъ милостями офицеровъ, ласкалъ солдатъ и фамиліарничалъ съ ними. Но все это не помогло, когда терпѣнію народа пришелъ конецъ.

V.

Со второй половины сороковыхъ годовъ по всей Италіи пронеслось первое вѣяніе освобожденія.

Населеніе зашевелилось, литература оживилась, возродились надежды на возможность лучшаго будущаго. Прежде всего это произошло въ Церковной области. Въ іюнѣ 1846 года умеръ папа Григорій XVI, и на папскій престолъ былъ избранъ Пій IX. Въ качествѣ кардинала Пій IX былъ мало извѣстенъ населенію, но онъ принадлежалъ къ либеральной семьѣ, и его выборъ былъ встрѣченъ народомъ съ энтузіазмомъ. Пій IX постарался оправдать народныя надежды, онъ ознаменовалъ свое посвященіе широкой политической амнистіей и пообщалъ далѣе нѣкоторые, хотя и очень скромныя, реформы въ управленіи Церковной области. Это разрядило сгущавшуюся атмосферу и предотвратило въ данный моментъ готовившуюся въ средней Италіи революцію.

Вѣсть о либеральной эрѣ въ Римѣ быстро облетѣла всю Италію, создала громадную популярность новому папѣ и подняла духъ народа, подавленный долгими годами реакціи. Общество «Молодой Италіи» съ Мадзини во главѣ, игравшее теперь болѣе значительную роль, чѣмъ карбонаріи, призывало народы Италіи къ борьбѣ за свободу и независимость отъ австрійскаго ига. Въ Тосканѣ и Пьемонтѣ правительства, не ожидая революціоннаго взрыва, пошли на уступки, которыя были встрѣчены бурнымъ восторгомъ населенія.

До Неаполя освободительная волна докатилась всего позже. Недаромъ Фердинандъ употреблялъ столько усилій, чтобы изолировать свое королевство отъ вѣнскихъ вліяній, относясь съ одинаковой враждебностью и къ желѣзнымъ дорогамъ, и къ книгамъ. Но нельзя было скрыть отъ неаполитанцевъ то, что творилось кругомъ. Свободныя тосканскія газеты проникали въ Неаполь, не взимъ-

рая ни на какія заперещенія, и изъ нихъ неаполитанцы узнавали не только о событіяхъ, происходившихъ въ сосѣднихъ странахъ, но и о многомъ, составлявшемъ государственную тайну въ Неаполѣ. Такъ, въ одной изъ флорентійскихъ газетъ была разсказана исторія ужасныхъ злоупотребленій неаполитанскаго министра внутреннихъ дѣлъ Сантанджело. Разоблаченія носили настолько скандальный характеръ, что король счелъ за лучшее удалить слишкомъ зарвавшагося слугу. Неаполитанцы, не привыкшіе даже къ такимъ скромнымъ побѣдамъ общественнаго мнѣнія, встрѣтили отставку Сантанджело всеобщей радостью. На улицахъ раздавались крики: «да здравствуетъ король!» Нѣкоторые патріоты думали, что такого рода мирная демонстрація можетъ доставить удовольствіе королю и привить ему стремленіе къ популярности. Но Фердинандъ былъ человѣкъ другого склада. Такое проявленіе одобренія со стороны народа показалось ему оскорбленіемъ, а всякая демонстрація представлялась ему опасной.

На другой день появился приказъ по полиціи, которымъ воспрещались на улицѣ крики: «да здравствуетъ король», какъ подающіе поводъ къ беспорядкамъ. Неаполитанцы немедленно послушались. На другой день нигдѣ не было слышно возгласовъ: «да здравствуетъ король», за то повсюду раздавались крики: «да здравствуетъ Пій ІХ!» «Да здравствуетъ Італія!»

Фердинандъ рѣшилъ, что настало время дѣйствовать. Солдаты получили приказъ стрѣлять въ мирную толпу. На улицахъ завязалась борьба и полилась кровь. Въ результатѣ оказалось много раненыхъ и еще больше арестованныхъ.

По этому поводу Тьеръ замѣтилъ: „Одинъ только государь, неаполитанскій король, когда его народъ довѣрчиво устремился къ нему, показалъ ему остріе своей сабли, и народъ бросился на нее».

Но теперь времена уже были не тѣ, и то, что могло сойти безнаказанно нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, теперь вызвало громкій взрывъ негодованія.

На слѣдующій же день по улицамъ города оказался расклееннымъ слѣдующій протестъ:

«Мы, нижеподписавшіеся, заявляемъ, что мы всѣ, словами или дѣйствіями содѣйствовали святой манифестаціи 14 декабря 1847 года. Поэтому мы всѣми силами протестуемъ противъ арестовъ, произведенныхъ по этому поводу.

«Если любить свою родину преступленіе; если преступленіе публично выражать это; если преступленіе быть выразителями умѣренныхъ желаній всѣхъ; если преступленіе думать и надѣяться, что нашъ король любить насъ достаточно, чтобы исполнить желанія своего народа по примѣру другихъ итальянскихъ государей... тогда мы всѣ виновны; и тогда правительству должно быть мало заставить солдатъ стрѣлять въ насъ, истоптавъ ногами лошадей нѣкоторыхъ

изъ насъ и тяжело ранивъ многихъ гражданъ, пусть оно почититъ насъ еще заключеніемъ въ тюрьму, или пусть не посягаетъ ни на чью свободу* *).

Подъ этимъ протестомъ стояло до пятисотъ подписей.

Такое единодушное негодованіе смутило полицію, и арестованные были временно выпущены.

Въ это самое время гораздо болѣе значительныя событія разыгрывались въ Сициліи. Фердинандъ II дѣйствовалъ тамъ еще круче, чѣмъ въ Неаполѣ. Въ началѣ онъ и тамъ попытался снискать популярность и послалъ туда намѣстникомъ своего брата. Но очень скоро, видя довѣріе къ нему населенія, онъ побоялся, что сициліанцы провозгласятъ его королемъ, и отозвалъ его.

Въ это время въ Сициліи съ страшной силой разразилась эпидемія холеры, занесенной туда изъ Неаполя. Населеніе вымирало десятками тысячъ. Въ народѣ стали ходить слухи, что правительство намѣреннo напустило на Сицилію этотъ ужасный бѣдъ, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ вспыхнули холерные беспорядки. Фердинандъ воспользовался этимъ и послалъ знаменитаго Делькаретто съ приказаніемъ не останавливаться ни передъ чѣмъ для возстановленія порядка. Островъ, обезсиленный жестокой эпидеміей, былъ буквально валитъ кровью, хотя самые беспорядки были остановлены безъ одного выстрѣла. По малѣйшему подозрѣнію самые почтенные граждане разстрѣливались безъ суда, а начальнигъ карательной экспедиціи устраивалъ праздники и балы для ознаменованія своихъ побѣдъ надъ безоружнымъ населеніемъ*). По возвращенія въ Неаполь Делькаретто былъ лично принятъ королемъ и получилъ отъ него орденъ.

Съ этихъ поръ Фердинандъ сталъ смотрѣть на Сицилію, какъ на завоеванную страну. Отдѣльное министерство Сициліи было уничтожено, сициліанцы были исключены со всѣхъ должностей, и все управленіе передано въ руки неаполитанскихъ чиновниковъ. Въ нѣсколько лѣтъ несчастный островъ былъ доведенъ до полного разоренія. Половина всѣхъ доходовъ, собиравшихся съ Сициліи, поглощалась Неаполемъ, остальное расхищалось мѣстными властями. Земледѣліе и торговля, обложенныя произвольными податями, падали, дороги приходили въ запущеніе. Все вниманіе властей и здѣсь, какъ и въ самомъ Неаполѣ, было устремлено на сыскъ и политическія преслѣдованія. Особенно усердному гоненію подверглась литература. Книги, которыя свободно обращались даже въ Неаполѣ, запрещались въ Палермо, и храненіе ихъ вело къ аресту и продолжительному заключенію.

Такое положеніе, конечно, не могло продолжаться долго: оно

*) Vimercati —Hist. de l'Italie en 1848-49, p. 27.

***) Mémoires historiques sur les droits politiques de la Sicile, par Pataleoni et Lumia, p. 111.

должно было неминуемо привести къ взрыву. Слухи о либеральных реформах Пія ІХ и о конституціонныхъ уступкахъ королей сѣверной Італіи, не смотря на всѣ преграды, дошли, наконецъ, до Сициліи и не могли не вызвать тамъ сочувствія. Перваго сентября 1847 г. въ Мессинѣ впервые раздались крики: «да здравствуетъ Пій ІХ! Да здравствуетъ конституція!» Небольшая толпа манифестантовъ была безъ труда разсѣяна войсками, при этомъ многіе были захвачены и убиты, а трупы ихъ съ торжествомъ проносились по городу.

На время все опять затихло, но въ началѣ января волненія вспыхнули съ новой силой, сначала въ Мессинѣ, а потомъ въ Палермо. Въ нѣсколько дней весь островъ былъ охваченъ восстаніемъ. Растерявшіяся власти были совершенно неподготовлены къ такому единодушному взрыву и не могли оказать сколько-нибудь серьезнаго сопротивленія. Послѣ нѣсколькихъ столкновеній войскъ съ мятежниками неаполитанскіе гарнизоны были вытѣснены отовсюду. Только въ Палермо еще длилась борьба. Фердинандъ посылалъ туда все новыя подкрѣпленія, но они встрѣчали тамъ такое отчаянное сопротивленіе, что принуждены были отступать.

Король попробовалъ пойти на уступки. 18-го и 19-го января появилось 4 указа Фердинанда, въ которыхъ онъ обѣщалъ Сициліи отдѣльнаго вице-короля, особое управленіе, свободу печати и полную амнистію. Но сициліанцы горькимъ опытомъ убѣдились, какую вѣру можно придавать обѣщаніямъ королей. Кромѣ того, было уже повдно, они надѣялись теперь на большее. Они организовали въ Палермо временное правительство подъ предсѣдательствомъ Руджеро Сеттимо и мечтали о конституціи 1812 года и о независимости отъ Неаполя. «Мы восстали,—говорилъ Сеттимо—чтобъ отвоевать наши старинныя права и гарантіи, которыя одни могутъ обезпечить благосостояніе нашей родины. Мы не положимъ оружія, пока въ Сициліи, представленной особымъ парламентомъ въ Палермо, не будетъ введена конституція 1812 года, приспособленная къ современнымъ потребностямъ».

Во время этихъ переговоровъ борьба продолжалась съ прежнимъ ожесточеніемъ. 27-го января неаполитанскія войска послѣдній разъ попытались взять приступомъ Палермо, но были отбиты.

28 января неаполитанскія войска отплыли обратно въ Неаполь. Сицилія была фактически свободна и независима. Только одна неприступная крѣпость около Мессины была еще занята неаполитанскими войсками.

Извѣстія, приходившія изъ Сициліи, еще усиливали волненіе, дарившее въ Неаполѣ. Фердинандъ чувствовалъ, что и тутъ положеніе колеблется. Между тѣмъ, именно теперь ему нужна была поддержка своего народа, чтобы усмирить Сицилію. Вести борьбу одновременно на два фронта было бы слишкомъ трудно. Онъ рѣшилъ подкупить неаполитанцевъ маленькой взяткой. 18-го января

появился высочайшій указъ, которымъ права печати значительно расширились, объявлялась политическая амнистія и вводились нѣкоторыя либеральныя реформы въ организацію мѣстнаго управленія. Но и тутъ, какъ и въ Сициліи, король опоздалъ. Годъ назадъ эти уступки вывалили бы вервь благодарности впечатлительныхъ неаполитанцевъ. Теперь же примѣръ Сициліи, мужественно отстаивавшей свои права, побуждалъ и ихъ не удовлетворяться такими ничтожными подачками.

Въ городѣ стали циркулировать петиціи съ требованіемъ конституціи, и онѣ покрывались множествомъ подписей. Населеніе точно вдругъ сбросило съ себя гнетъ страха, скрывавшаго его долгіе годы. Никто не боялся полиціи, хотя она сохраняла еще полную власть. На улицахъ и по домамъ собирались группы и горячо обсуждали сициліанскія событія. Организовался революціонный комитетъ, вступившій въ сношенія съ временнымъ правительствомъ въ Палермо. Возвращавшіяся назадъ войска подливали масла въ огонь, рассказывая о непобѣдимой силѣ сициліанцевъ.

27-го января общее возбужденіе развилось внушительной демонстраціей. Утромъ двое молодыхъ людей устроили импровизированное трехцвѣтное знамя изъ двухъ зонтиковъ и платка и пошли съ нимъ по улицамъ. Немедленно громадная толпа окружила ихъ и съ криками: «да здравствуетъ конституція! Да здравствуетъ Пій IX!» направилась по главной улицѣ. Въ мигъ, точно по волшебству, на домахъ появились трехцвѣтные флаги и всѣ балконы украсились національными цвѣтами. Женщины изъ оконъ и съ балконовъ привѣтствовали процессію и тоже кричали: «да здравствуетъ конституція!»

Отрядъ кавалеріи, посланный расѣять сборище, былъ окруженъ толпой раньше, чѣмъ успѣлъ произвести залпъ. Въ суматохѣ нѣкоторые солдаты были выбиты изъ сѣделъ, но манифестанты поднимали ихъ съ земли и снова усаживали на лошадей.

Весь городъ вдругъ безъ битвы охватило властное упоеніе побѣды, даже войска не въ силахъ были противиться ему и отступали безъ сопротивленія.

Между тѣмъ, во дворцѣ царило мрачное уныніе, каждую минуту являлись новые вѣстники и рассказывали о безгровной побѣдѣ народа, вдругъ почувствовавшаго себя свободнымъ. Король колебался между противоположными рѣшеніями. То онъ хотѣлъ разгромить городъ, поднять черную сотню и залить Неаполь кровью, то терялся и соглашался на всякія уступки.

Наконецъ, совѣты благоразумія взяли верхъ, и Фердинандъ рѣшилъ принести въ жертву народу своего любимаго министра Дель-Каретто. Онъ былъ снѣжно посаженъ на корабль и въ тотъ же день отправленъ въ изгнаніе. Но и эта уступка не могла удовлетво-

рять теперь Неаполь. Крики: «да здравствует конституція!» не прекращались.

Одинъ за другимъ посланные на развѣдки генералы, Статела, Руберти и другіе, возвращались съ увѣреніями, что сопротивление невозможно, что народъ рѣшился на все, и самое безопасное уступить.

Фердинандъ во-время вспомнилъ, какъ мало связываютъ государей данныя народу обѣщанія, если вооруженная сила остается въ ихъ рукахъ, и рѣшилъ дать просимое.

29-го января на улицахъ Неаполя былъ расклеенъ слѣдующій высочайшій манифестъ:

«Фердинандъ II, король Обѣихъ Сицилій, герцогъ Пармскій и пр., и пр.

«Услышавъ общее желаніе нашихъ возлюбленныхъ подданныхъ имѣть гарантіи и учрежденія, соответствующія современной цивилизаціи, мы объявляемъ нашу волю снизить къ выраженнымъ намъ желаніямъ, давъ конституцію; для этого мы поручили нашему новому первому министру представить въ десятидневный срокъ на наше благовозрѣніе проектъ, покоящійся на слѣдующихъ основаніяхъ:

«Законодательная власть будетъ принадлежать намъ и двумъ палатамъ: палатѣ пэровъ и палатѣ депутатовъ. Члены первой палаты будутъ назначены нами; депутаты будутъ выбираться избирателями на основѣ установленнаго ценза.

«Единственной государственной религіей будетъ римская католическая и апостолическая, и никакой другой культъ не будетъ терпимъ.

«Особа короля будетъ священна, неприкосновенна и не подлежать отвѣтственности.

«Министры будутъ отвѣтственны за всѣ дѣйствія правительства.

«Всѣ сухопутныя и морскія силы будутъ въ вѣдѣніи короля.

«Во всей странѣ будетъ организована по примѣру столицы національная гвардія.

«Печать будетъ свободна и будетъ подлежать только дѣйствию закона въ случаяхъ оскорбленія религіи, нравственности, общественнаго спокойствія, короля, королевскаго дома, иностранныхъ государей и ихъ семей, а также чести и интересовъ частныхъ лицъ.

«Объявляя во всеобщее свѣдѣніе о такомъ нашемъ верховномъ и свободномъ рѣшеніи, мы полагаемся на благоразуміе и добросовѣстность нашихъ подданныхъ въ отношеніи соблюденія порядка и уваженія къ законамъ и установленнымъ властямъ.

«Фердинандъ.

«Скрѣплено президентомъ Совѣта министровъ графомъ Каприола».

Въ составъ новаго министерства вошелъ, между прочимъ, извѣстный адвокатъ и писатель Бозелли, изгнанный въ 1821-мъ году

и послѣ возвращенія неоднократно сидѣвшій въ тюрьмѣ. Онъ пользовался репутацией безукоризненной честности и, кромѣ того, слылъ якобинцемъ въ политикѣ.

Неаполь возликовалъ. Обѣщаніе конституціи и приглашеніе популярнаго человѣка въ министерство возбуждали общій восторгъ. Газеты, вдругъ выросшія, точно грибы, разсыпались въ похвалы Фердинанду и ставили его въ примѣръ другимъ государямъ. Онъ былъ такъ мудръ, что не шелъ на уступки, пока не былъ увѣренъ въ единодушномъ желаніи народа, когда же убѣдился въ немъ, онъ не ограничился ничтожными реформами, а сразу обѣщаль конституцію.

При этомъ никто не обращалъ вниманія, что въ самый день милостиваго манифеста Мессина разстрѣливалась королевскими войсками.

Нѣкоторое сомнѣніе возбуждалъ только пунктъ, объявлявшій единственной признанной религіей католицизмъ. Впрочемъ, черезъ нѣсколько дней на улицахъ снова стали собираться кучки. Казалась подозрительной отсрочка опубликованія самой конституціи. Наконецъ, 10-го февраля Бозелли представилъ королю текстъ новой конституціи, и король подписалъ, не возразивъ ни слова. Это до такой степени умилило стараго революціонера, что онъ бросился къ ногамъ Фердинанда, воскликнувъ: «Государь, еслибы я зналъ раньше Ваше Величество, я бы никогда не участвовалъ въ заговорахъ».

Въ тотъ же день конституціонный статутъ былъ опубликованъ. Не смотря на серьезные недочеты конституціи, онъ былъ встреченъ восторженными демонстраціями во всемъ королевствѣ.

Первое конституціонное министерство оказалось въ очень тяжеломъ положеніи. Старые законы, естественно, не могли примѣняться во всей строгости при измѣнившихся условіяхъ, новыхъ же еще не было. Старыя власти утратили остатки авторитета и сами растерялись, такъ какъ не умѣли дѣйствовать иначе, чѣмъ привыкли раньше. Между тѣмъ населеніе, освободившееся вдругъ отъ сковывавшихъ его по рукамъ и ногамъ цѣпей, естественно не могло проявить особой умѣренности и осторожности въ пользованіи свободой. Особенно сильно это сказалось на печати. Послѣ первыхъ восторженныхъ привѣтствій манифеста въ газетахъ стали появляться статьи, содержащія въ себѣ прямые оскорбленія королю и угрозы по адресу министровъ. Брошюры такого же содержанія издавались во множествѣ.

Фердинандъ не давалъ никакихъ указаній министрамъ и даже какъ будто съ нѣкоторымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на происходившее. Утверждаютъ даже, что онъ говорил придворнымъ: «Посмотримъ, кто изъ насъ, я или неаполитанцы, скорѣе устанемъ отъ свободы».

Въ министерствѣ скоро начались пререканія. Главнымъ пунк-

томъ столкновенія служилъ вопросъ объ отношеніи къ Сициліи. Правые члены кабинета требовали немедленнаго подчиненія мятежнаго острова, а лѣвые, въ особенности Салисети и Поэріо, не желали допустить вооруженнаго подавленія революціи въ Сициліи. Въ то же время они настаивали на немедленномъ участіи Неаполя въ войнѣ съ Австріей, предпринятою сѣверными королевствами. Король крайне не сочувствовалъ и тому, и другому; онъ боялся отсылать такъ далеко войска и не хотѣлъ портить отношеній съ Австріей; тѣмъ не менѣе, онъ принужденъ былъ согласиться и отрядъ въ 16.000 человекъ былъ посланъ на сѣверъ подъ начальствомъ генерала Пэрэ, хотя съ страннымъ приказаніемъ остановиться, не переходя По, и ждать новыхъ распоряженій.

Особенно недоволенъ былъ король нежеланіемъ министерства энергично приняться за Сицилію. Онъ согласился исполнить желанія неаполитанцевъ и дать имъ конституцію, главнымъ образомъ, чтобы развязать себѣ руки для подавленія Сициліи. Теперь же ему въ этомъ ставили препятствія. Кромѣ того, конституціонное министерство вообще слишкомъ широко поняло свои права. Салисети дошелъ до того, что потребовалъ реформы суда и изгнанія іезуитовъ. Последняя мѣра вызвала такой энтузіазмъ въ населеніи, что ее пришлось осуществить, но слишкомъ смѣлый министръ немедленно получилъ отставку по самому ничтожному поводу.

Въ мартѣ палъ и весь кабинетъ, и президентомъ Совѣта былъ назначенъ Троя, тоже либеральный писатель, изгнанный въ 21-мъ году, но болѣе умѣреннаго направленія. При дворѣ его дѣятельность встрѣтила не больше довѣрія.

Въ Неаполѣ, между тѣмъ, не прекращались демонстраціи, на которыхъ требовали уничтоженія палаты перовъ и пониженія избирательнаго ценза. Во избѣжаніе столкновеній, министерство пошло на уступки и значительно понизило цензъ къ большому неудовольствію короля. Кромѣ того, оно формально обѣщало пересмотрѣ конституціи парламентомъ.

На 18-е апрѣля были назначены выборы. Они прошли въ полномъ порядкѣ, и почти повсемѣстно были избраны либеральные кандидаты. Такой результатъ очень не понравился при дворѣ, и король рѣшилъ вмѣшаться, наконецъ, въ ходъ событій. Открытіе парламента, назначенное первоначально на 1-е мая, было отсрочено до 15-го. За два дня до открытія, когда уже большинство депутатовъ съѣхались въ Неаполь, въ городѣ былъ расклеенъ текстъ присяги будущихъ членовъ парламента.

Присяга состояла изъ слѣдующихъ пунктовъ:

«Я клянусь исповѣдывать и заставлять исповѣдывать католическую апостолическую и римскую религію.

«Я клянусь въ вѣрности королю Обѣихъ Сицилій.

«Я клянусь соблюдать конституцію, данную королемъ 10-го февраля».

Опубликованіе этой формулы вызвало большое волненіе въ городѣ, такъ какъ она налагала на депутатовъ обязанность проповѣдывать католицизмъ и отнимала у нихъ возможность содѣйствовать улучшенію конституціи.

Всѣ бывшіе въ Неаполѣ депутаты собрались въ Монте Оливетто (городской ратушѣ) и, обсудивъ присягу, рѣшили, что подписать ее они не могутъ. Чтобы избѣжать столкновенія въ парламентѣ, они немедленно послали къ королю депутацію съ просьбой измѣнить текстъ присяги.

Король не соглашался. На всѣ приводимые ему доводы онъ отвѣчалъ: «Не вижу ничего, что могло бы помѣшать депутатамъ принести присягу новой конституціи, я самъ ее принес!»

Пока шли эти переговоры, волненіе въ городѣ росло. Народъ собирался группами, раздавались крики: «да здравствуютъ депутаты!». Но пока еще не было никакихъ враждебныхъ дѣйствій. Всѣ выжидали. Вдругъ разнесся слухъ, что войска вышли изъ казармъ. Немедленно на улицахъ, окружающихъ ратушу, стали выростать баррикады. Къ вечеру всѣ главныя улицы были пересѣчены баррикадами. Короля продолжали уговаривать не доводить дѣла до вооруженнаго столкновенія. Наконецъ, министерству удалось добиться измѣненія послѣдняго пункта присяги. Но это никого не удовлетворило.

Депутаты не расходились всю ночь съ 14-го на 15-е мая, обсуждая положеніе, и весь городъ тоже былъ на ногахъ.

Въ пять часовъ утра король прислалъ сказать депутатамъ, что онъ согласенъ совсѣмъ отмѣнить церемонію присяги при открытіи парламента съ тѣмъ, чтобы депутаты добились разрушенія баррикады.

Депутаты приложили къ этому всѣ усилія, но теперь уже добиться этого было не такъ легко. Многіе изъ защитниковъ баррикады дѣйствительно стали расходиться, какъ только узнали объ уступкѣ короля. Но нѣкоторые не соглашались на это. Они требовали отозванія войскъ, требовали гарантій, что на этотъ разъ слово короля будетъ неизмѣнно. Общее напряженіе росло. Столкновеніе казалось неминуемымъ. Къ королю послали опять депутацію съ просьбою поручить кому-нибудь изъ министровъ немедленно открыть парламента. Король ставилъ условіемъ, чтобы ранѣе были убраны баррикады. Кругомъ короля толпились придворные, явно враждебные кабинету и парламенту.

Министры поддерживали просьбу депутатовъ, уговаривая короля подумать о безопасности трона, но король вдругъ перемѣнилъ тонъ. «Занимайтесь своими дѣлами,—сказалъ онъ имъ рѣзко и прибавилъ:—скоро и для васъ настанетъ день возмездія».

Въ это время на площади у дворца раздался первый выстрѣлъ. Кѣмъ онъ былъ произведенъ, осталось невыясненнымъ. Немедленно войска получили приказъ стрѣлять. Баррикады, не

смотря на отчаянную защиту, были разрушены, и войска бросились преслѣдовать ихъ защитниковъ, укрывавшихся въ сосѣднихъ домахъ. Дома разстрѣливались, солдаты врываются въ квартиры, убивали мужчинъ, женщинъ, дѣтей. Подъ охраной войска толпа громилъ завершала ихъ дѣло. Лаццарони утверждали, что самъ король сказалъ ихъ депутатамъ: «Отдаю вамъ городъ. Неаполь принадлежитъ вамъ».

Цѣлый день длилась жестокая бойня. Во многихъ мѣстахъ пылали пожары, многіе прекрасные дома были превращены въ развалины. Депутаты все это время продолжали засѣдать, проявляя большое личное мужество, но недостаточную гражданскую рѣшимость. Они не хотѣли расходиться, рискуя ежеминутно подвергнуться нападенію черной сотни, кричавшей: «да здравствуетъ король! долой парламентъ!» Въ то же время они не могли рѣшиться стать опредѣленно ни на сторону короля, ни на сторону народа. Ихъ нерѣшительность лишила центра народное движеніе и дала возможность войскамъ безъ труда побѣдить его. Къ вечеру всѣ участники возстанія были или перебиты, или взяты въ плѣнъ.

Все было кончено, и могильное молчаніе воцарилось въ городѣ, еще недавно такомъ оживленномъ. Вокругъ дворца дымились развалины, стояли лужи крови, валялись трупы, за то во дворцѣ царило оживленіе, тамъ праздновали побѣду надъ народомъ. «Вотъ и я устроилъ свою демонстрацію», говорилъ Фердинандъ своимъ приближеннымъ.

Въ парламентъ былъ посланъ офицеръ, чтобъ распустить его. Когда онъ вошелъ въ залу засѣданія, предсѣдательствовавшій, девяностолѣтній старикъ, съ достоинствомъ сказалъ ему: «Потрудитесь удалиться. Собраніе будетъ обсуждать».

Смущенный такой рѣшительностью, офицеръ вышелъ. Депутаты составили и подписали протестъ, въ которомъ заявляли, что считают роспускъ парламента незаконнымъ, и предупреждали, что при первой возможности соберутся вновь.

Послѣ этого офицера позвали опять, вручили ему бумагу, и только тогда депутаты спокойно разошлись.

На слѣдующее утро надъ дворцомъ вмѣсто трехцвѣтнаго развѣвался бѣлый флагъ въ знакъ того, что абсолютизмъ побѣдилъ. Король въ это время сосредоточивалъ въ себѣ всѣ власти, такъ какъ министерство вышло въ отставку при первыхъ залпахъ, данныхъ въ народъ.

Неаполь былъ покоренъ, но страна еще далеко не вся примирилась съ разгономъ парламента, на который возлагалось столько надеждъ. Во многихъ мѣстахъ населеніе громко выражало свое неудовольствіе, а возвращавшихся депутатовъ встрѣчали оваціями.

Особенно сильно волновалась Калабрія. Нѣсколько депутатовъ распущеннаго парламента собрались въ городъ Казенцѣ и выпустили слѣдующее воззваніе:

«Жители неаполитанскихъ провинцій.

«Ужасныя событія 15-го мая и послѣдующіе акты, уничтожившіе конституцію, расторгли всѣ узы, связывающія государя съ народомъ; поэтому мы, въ качествѣ представителей страны, становимся во главѣ калабрійскаго движенія, поддержанные нашими сицилійскими братьями, и, почерпая силу въ общемъ крикѣ негодованія, поднявшемся противъ ненавистнаго правительства, и, увѣренные, что мы остаемся выразителями общихъ желаній, мы заявляемъ слѣдующее:

«Помня торжественную клятву, данную парламентомъ въ его протестѣ отъ 15-го мая, собраться вновь при первой возможности, мы считаемъ своимъ долгомъ пригласить нашихъ товарищей въ Казенцу на 15 іюня, чтобы возобновить тамъ пренія, прерванные въ Неаполѣ грубою силою, и отдать подъ защиту національнаго собранія священныя права неаполитанскаго народа.

«Представители народа, мы призываемъ къ себѣ защитниковъ народной свободы, патриотизмъ гражданской милиціи, которая, борясь за святое дѣло, сумѣетъ уважать собственность и общественный порядокъ, безъ которыхъ немыслима свобода» *).

Фердинандъ немедленно отправилъ въ Калабрію значительныя военныя силы, но калабрійцы съ помощью сицилианцевъ мужественно защищали свое революціонное правительство. Изъ депутатовъ перваго парламента почти никто не откликнулся на призывъ подписавшихъ казенцское воззваніе. Они не чувствовали себя призванными къ роли полководцевъ. Къ тому же, сила королевскаго правительства уже ясно чувствовалась въ это время, и они не вѣрили въ успѣхъ народнаго возстанія. Они предпочитали издалека выжидать, чѣмъ оно кончится.

Цѣлый мѣсяцъ длилась отчаянная борьба калабрійцевъ. Королевскія войска осаждали ихъ съ двухъ сторонъ; въ то же время правительственные агенты старались поселить рознь между ними, обѣщая прощеніе жителямъ и предлагая крупныя суммы за головы зачинщиковъ. Депутатъ Ричіарди, стоявшій во главѣ возставшихъ, былъ оцѣненъ въ 5.000 дукатовъ.

Наконецъ, генералу Нунціанти удалось прорвать передовую линію возставшихъ и подступить къ самому городу Казенцѣ. Дальнѣйшее сопротивленіе было невозможно. Большой части сражавшихся удалось сѣсть на суда и лодки и уѣхать на Іонійскіе острова.

6-го іюля городъ былъ занятъ королевскими войсками, и тамъ начались жестокія преслѣдованія революціонеровъ. Въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ роспускъ перваго парламента тоже вызвалъ волненія, „порядокъ“ былъ восстановленъ еще ранѣе. Значительно дольше длилось лишь сопротивленіе Сициліи. Населеніе острова по-

*) Vimercati. Hist. de l'Italie en 1848—49, p. 280.

нимало, что ему нечего ждать от великодушія Фердинанда, и съ мужествомъ отчаянія защищало свою независимость. Но послѣ роспуска второго парламента и окончательнаго торжества реакціи въ Неаполѣ дни Сициліи были уже сочтены. Силы были слишкомъ неравны, а европейскія державы, къ заступничеству которыхъ обратилось временное правительство острова, не желали вмѣшиваться. Онѣ совѣтовали сициліанцамъ покориться, обѣщая оказать имъ покровительство передъ Фердинандомъ. Всѣ эти обѣщанія не помогли Сициліи. Въ маѣ 49-го года неаполитанскія войска сломили послѣднее сопротивление Сициліи, и несчастный островъ подвергся еще болѣе жестокой участи, чѣмъ Калабрія. Цвѣтущіе города были разграблены и разорены, особенно пострадала Мессина. «Этотъ городъ,—писалъ корреспондентъ *Journal des Débats*—который слѣдовало бы пощадить за его красоту, совершенно уничтоженъ, всѣ дома, безъ исключенія, представляютъ развалины».

Генераль Филанджіери за свою дѣятельность при покореніи Сициліи получилъ награду въ видѣ пожизненной пенсіи въ 12.000 дукатовъ.

Съ паденіемъ Сициліи все неаполитанское королевство было снова покорено власти короля, но, не смотря на это, во всѣхъ провинціяхъ продолжалось осадное положеніе, и длились „усмиренія“ безоружныхъ жителей. Населеніе жестоко платилось за излишнее довѣріе къ обѣщаніямъ своего государя.

VI.

Въ то время, какъ въ провинціяхъ свирѣпствовали карательные отряды, въ Неаполѣ происходила болѣе сложная игра. Передъ лицомъ Европы надо было сдѣлать видъ, что торжественныя обѣщанія короля остаются невыблемыми, а въ то же время моментъ былъ самый благоприятный, чтобы вернуть во всемъ объемѣ прежнія права короны.

Фердинандъ въ этомъ отношеніи проявилъ большое искусство. На другой день послѣ разгрома Неаполя и разгона парламента неаполитанцы съ удивленіемъ узнали, что къ власти призвано снова либеральное министерство. Президентомъ былъ назначенъ принцъ Каріати, въ числѣ министровъ стояли имена Руджіеро и Бозелли,—все сановниковъ съ либеральнымъ прошлымъ. Но король зналъ, кого выбираетъ. Всѣ эти люди были возмущены и напуганы крайностями народнаго движенія, ими овладѣла навязчивая идея, формулируемая словами: «порядокъ прежде всего»; въ жертву этому «порядку» они готовы были безъ колебаній принести и свободу, и благосостояніе гражданъ, забывая, что менѣе всего порядокъ совмѣстимъ съ произволомъ. На такихъ исполнителей Фердинандъ могъ смѣло положиться. По ихъ настояніямъ король издалъ 24 мая слѣдующій манифестъ:

«Неаполитанцы!

«Мы глубоко огорчены ужасными бѣдствіями 15-го мая; наше величайшее желаніе смягчить ихъ послѣдствія. Наша твердая и неизмѣнная воля заключается въ томъ, чтобы соблюсти конституцію 10-го февраля, охранивъ ее отъ всякаго рода излишествъ. Такъ какъ она одна соответствуетъ истиннымъ и непосредственнымъ потребностямъ этой части Италіи, то она будетъ кивотомъ завѣта, на которомъ должны покоиться судьбы нашего возлюбленнаго народа и нашего престола.

«Возвращайтесь къ вашимъ занятіямъ и отъ полноты души довърьтесь нашей чести, нашей религіи и нашей священной и добровольно принесенной клятвѣ» *).

Очень скоро неаполитанцы могли убѣдиться, какую цѣну надо придавать чести, религіи и священнымъ клятвамъ ихъ монарха.

«Либеральное» министерство начало свою дѣятельность тѣмъ, что ввело во всемъ королевствѣ осадное положеніе, при которомъ всѣ нормальные законы теряли свое значеніе, и управленіе провинціями вручалось военнымъ властямъ. Далѣе была отмѣнена свобода печати, уничтожено право собраній; вездѣ, гдѣ была учреждена на основаніи конституціи національная гвардія, былъ изданъ указъ о ея разоруженіи. Наконецъ, избирательный законъ былъ измѣненъ, при чемъ избирательный цензъ былъ значительно повышенъ. Совершенно уничтожить парламентъ правительство не считало удобнымъ и, кромѣ того, оно твердо надѣялось свести къ нулю его дѣятельность.

Выборы были назначены на 15-е іюня. Къ большому удивленію кабинета, не смотря на измѣненіе избирательнаго закона, выборы во второй парламентъ дали въ общемъ почти тотъ же результатъ, какъ въ первый. Правительственные кандидаты повсемѣстно терпѣли пораженіе. Нельзя, впрочемъ, не отмѣтить, что неаполитанское правительство все-таки нашло неприличнымъ сохранить осадное положеніе во время выборовъ, и оно было отмѣнено на этотъ періодъ.

15-го іюля открылся второй парламентъ. Тронная рѣчь, прочитанная Бозелли, содержала новыя увѣренія въ лояльности правительства и въ его твердомъ намѣреніи соблюдать конституцію. Собраніе выслушало его въ мрачномъ молчаніи. Многие изъ вновь избранныхъ депутатовъ не были еще выпущены изъ тюремъ, нѣкоторые не рѣшались вернуться, опасаясь повторенія 15 мая.

Въ своемъ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь палата выразила пожеланіе, чтобы министерство вышло въ отставку, чтобы правительство искренно вернулось къ конституціонной практикѣ и чтобы оно приняло дѣятельное участіе въ войнѣ за независимость.

*) Peirens, Deux ans de révolution en Italie (1848—49), p. 456; Deux lettres au lord Aberdun, per. W. E. Gladstone, p. 40.

Фердинандъ пришелъ въ негодованіе и не принялъ адреса, а министры демонстративно почти перестали появляться на засѣданіяхъ. Дѣятельность парламента и дѣятельность правительства стали развиваться бокъ о бокъ, совершенно независимо другъ отъ друга. Парламентъ рѣшительно выражалъ свое мнѣніе о происшедшемъ, вносилъ запросы по поводу нарушеній конституціи и подвиговъ правительственныхъ войскъ при усмиреніяхъ, принималъ рѣзкіе переходы къ очереднымъ дѣламъ, а дѣла внѣ его шли своимъ порядкомъ.

Между палатой и министерствомъ отношенія были самыя обостренныя. Особенно сильное негодованіе ея вызывалъ бывший либераль Бозелли. Ему приходилось не разъ выслушивать съ трибуны тяжелыя оскорбленія. Поэріо, его бывший товарищъ по министерству, теперь былъ его самымъ непримиримымъ врагомъ. Онъ уличалъ его въ отступничество и измѣнѣ всѣмъ своимъ прежнимъ принципамъ и слѣдилъ шагъ за шагомъ за его политикой. Но правительство предоставляло парламенту говорить все, что ему было угодно, не обращая на это ни малѣйшаго вниманія и только отмѣчая имена наиболѣе ярыхъ ораторовъ.

Какъ показало 15-е мая, реальной силы за парламентомъ не было. Народъ еще не былъ подготовленъ къ тому, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать его права. Отдѣльныя вспышки бунтовъ безъ особаго труда подавлялись правительственными войсками, которыя оказались несравненно пригоднѣе для борьбы съ «внутреннимъ врагомъ», чѣмъ для внѣшнихъ войнъ, во время которыхъ они терпѣли постоянныя пораженія.

За то Фердинандъ II еще щедрѣе, чѣмъ раньше, осыпалъ армию своими милостями. Онъ собственноручно раздавалъ награды участникамъ карательныхъ экспедицій. Въ Ломбардію, вопреки настояніямъ парламента, онъ не послалъ подкрѣпленій, но отозвалъ полкъ, отправленный туда ранѣе. При этомъ онъ не преминулъ объяснить солдатамъ, что именнo парламентъ требовалъ ихъ отправки на дальнюю войну. Посылая войска на покореніе Сициліи, онъ подчеркивалъ сочувствіе депутатовъ мятежнымъ сицилійцамъ и возлагалъ на нихъ отвѣтственность за тѣ опасности, которымъ должны подвергаться солдаты.

Плоды такой тактики не замедлили сказаться. Въ арміи воспитывалось раздраженіе противъ парламента. Въ отдѣльныхъ случаяхъ оно прорывалось и наружу. Депутатъ Конфорти, осмѣлившійся предложить отмѣну тѣлесныхъ наказаній въ арміи, получилъ угрозы отъ нѣсколькихъ офицеровъ. Депутатъ Славента былъ избитъ въ кафе группой офицеровъ; депутатъ Маззіоти получилъ ударъ кинжаломъ отъ сбѣра *) на одной изъ людныхъ улицъ столицы.

*) Полицейскій солдатъ.

На улицахъ солдаты кричали: «Долой конституцію! Долой націю! Да здравствуетъ король!»

Такое настроеніе арміи давало королю полную возможность оставить всякія церемоніи съ парламентомъ. 5-го сентября, раньше, чѣмъ палата успѣла приступить къ разсмотрѣнію бюджета, былъ опубликованъ указъ, которымъ ея засѣданія прерывались до 30-го ноября. Повдѣе этотъ срокъ былъ продолженъ до 1-го февраля.

Такимъ образомъ, главная задача парламента—утвержденіе бюджета и обсужденіе новыхъ налоговъ—была отнята у него самымъ простымъ способомъ.

Однако, день перерыва засѣданій второго парламента принесть съ собой правительству нѣкоторую неприятную неожиданность. Одинъ священникъ при помощи полиціи организовалъ въ честь этого событія демонстрацію. Но когда процессія съ криками: «долой свободу!» «да здравствуетъ король!» пошла по городу, навстрѣчу ей вышла другая толпа съ криками: «да здравствуетъ конституція!»

Произошло небольшое столкновение, и противники конституціи были безъ труда разсѣяны. Немедленно были вызваны войска, которыя окружили мирно расходившихся сторонниковъ конституціи, стали стрѣлять въ нихъ, многихъ ранили, а остальныхъ арестовали.

Никакихъ серьезныхъ послѣдствій эта демонстрація не имѣла, но она дала поводъ королю отнять у Бозелли министерство внутреннихъ дѣлъ и полиціи и назначить на его мѣсто Лонгобарди, друга и послѣдователя Дель-Керетто.

Частичные выборы, происходившіе во время перерыва сессіи, показали правительству, что настроеніе страны нисколько не измѣнилось. На всѣ вакантныя мѣста были вновь избраны представители оппозиціи, въ томъ числѣ г. Пепэ и Салисети. Но этотъ фактъ не заставилъ правительство ни на волосъ отступить отъ его тактики, онъ только побудилъ его поскорѣе раздѣлаться съ неудобнымъ парламентомъ.

Вторая сессія была еще короче первой. Напрасно депутаты работали въ комиссіяхъ и выработывали законы, никто на нихъ не обращалъ вниманія. Напрасно, желая открыть себѣ какунибудь возможность участвовать въ правительственной работѣ, они утвердили уже давно функционировавшій бюджетъ—это не спасло ихъ. 13-го марта въ засѣданіе палаты явился министръ де-Торелла и, вручивъ президенту пакетъ отъ короля, передалъ командиру дворцовой охраны приказъ заряжать ружья. Президентъ сообщилъ палатѣ, что приказомъ короля она распушена. Депутаты молча разошлись, и второй парламента исчезъ еще незамѣтно перваго.

«Бѣгите! Спасайтесь!» предупреждали со всѣхъ сторонъ депутатовъ оппозиціи. Нѣкоторые послѣдовали этому совѣту и не

спѣшно уѣхали за-границу. Дѣйствительно, немедленно же начались аресты бывшихъ депутатовъ. Всѣ сколько-нибудь видные ораторы оппозиціи были арестованы, въ томъ числѣ бывшіе министры Поэріо, Драгонетти и даже Руджіери, членъ кабинета Бозелли.

Самъ Бозелли казался уже теперь Фердинанду недостаточно преданнымъ. И онъ, и де-Торелла, заслуживъ презрѣніе своихъ прежнихъ друзей, были удалены королемъ, какъ только онъ могъ обійтись безъ нихъ, и замѣнены ставленниками придворной камарильи.

Снова началось въ Неаполѣ время мертвящей и безпощадной реакціи.

Для характеристики этого періода мы имѣемъ чрезвычайно интересный и вполне безпристрастный документъ—два письма Гладстона къ лорду Эбердину *). Имя Гладстона служитъ достаточнымъ ручательствомъ за строгую добросовѣстность въ передачѣ фактовъ и сдержанность въ характеристикахъ.

Гладстону, какъ онъ самъ рассказываетъ, пришлось по своимъ личнымъ дѣламъ провести зиму 1850—51 гг. въ Неаполѣ. То, что онъ увидѣлъ тамъ, до такой степени поразило его, что онъ счелъ своей обязанностью «человѣка и христіанина» довести до свѣдѣнія всего цивилизованнаго міра о творившихся беззаконіяхъ.

«То, что я буду вамъ описывать,—говоритъ онъ—это не простое несовершенство, не испорченность внизу, не случайная строгость, а постоянное, систематическое, обдуманное нарушеніе законовъ, которые власть призвана охранять. Это нарушеніе писанныхъ человѣческихъ законовъ, съ цѣлью растоптать ногами всѣ неписанные вѣчные человѣческіе и божественные законы; это преслѣдованье добродѣтели, соединенной съ умомъ, преслѣдованье въ такихъ размѣрахъ, что оно распространяется—можно смѣло сказать — на всѣ классы, такъ что правительство находится въ состояніи постоянной жестокой и глубоко незаконной враждебности ко всему, что живетъ, движется и составляетъ главную пружину прогресса и совершенствованія въ народѣ». «Результатомъ этого является полный переворотъ во всѣхъ нравственныхъ и соціальныхъ идеяхъ. Законъ вмѣсто того, чтобы внушать уваженіе, вызываетъ ненависть; правительство опирается не на преданность, а на силу. Между идеями порядка и свободы существуетъ не связь, а полная противоположность; правительство учитъ, что оно является воплощеніемъ Бога на землѣ, а между тѣмъ—оно сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ пороки и пользуется ими, чтобы давить общественное чувство. Я слышалъ о немъ слѣдующее энер-

*) The two letters to the Earl of Aberdeen of the State Prosecutions of the Neapolitan Government of W. E. Gladstone.

гичное выраженіе, которое кажется мнѣ вполне правильнымъ: это отрицаніе Бога, возведенное въ систему управленія».

И далѣе Гладстонъ прибавляетъ, чтобы не подумали, что такія свойства правительства вытекаютъ изъ національнаго характера неаполитанцевъ: «я долженъ выразить свое уваженіе къ мягкости, проявленной неаполитанскимъ народомъ во время революціи; повидимому, адскій духъ мести совершенно не имѣлъ мѣста въ его сердцѣ» **). «Какое впечатлѣніе произведетъ въ Англіи мое утвержденіе, что втеченіе четырехъ мѣсяцевъ, пока дѣйствовала конституція (январь—май 1848 г.), въ то время, когда дѣятельность полиціи была парализована, въ Неаполѣ среди населенія въ 400.000 душъ не было ни одного случая серьезнаго преступленія» *).

Изложивъ въ краткихъ словахъ исторію происхожденія конституціи 1848 г. и подчеркнувъ торжественныя клятвы короля, Гладстонъ отмѣчаетъ, что конституція эта не была вполнѣ результатомъ отпущенія, а между тѣмъ все происходящее является простымъ и грубымъ нарушеніемъ ея главнѣйшихъ пунктовъ, которые онъ и приводитъ:

«§ 1. Королевство Двухъ Силицій будетъ впредь представлять ограниченную монархію, наследственную и конституціонную, съ представительной формою правленія.

«§ 14. Никакой налогъ не можетъ быть вводимъ иначе, какъ въ законномъ порядкѣ.

«§ 24. Личная свобода гарантирована. Никто не можетъ быть арестованъ иначе, какъ на основаніи законнаго акта, исходящаго отъ компетентной власти. Въ случаѣ предупредительнаго ареста, обвиняемый долженъ быть представленъ компетентной власти, самое позднее, втеченіе 24-хъ часовъ, и въ тотъ же срокъ ему должны быть сообщены мотивы его ареста.

«Что касается § 1,—замѣчаетъ Гладстонъ,—то неаполитанская монархія вполнѣ абсолютная и неограниченная.

«Что касается § 14,—все налоги декретируются и взимаются одной королевскою властью.

«Что касается § 24,—когда я былъ въ Неаполѣ, передъ Рождествомъ, людей арестовывали сотнями безъ всякихъ законныхъ актовъ, безъ малѣйшаго признака проступка или видимости проступка; ихъ не представляли законной власти ни втеченіе двадцати четырехъ часовъ, ни поздне; ихъ захватывали самымъ грубымъ образомъ безъ всякаго участія суда и не сообщая имъ о причинахъ ихъ ареста» ****).

*) Deux lettres au lord Aberdeen par l'honorable W. E. Gladstone. p. 8.

**) Ib., p. 9.

***) Ib., p. 47.

****) Ib., p. 41.

Гладстона такого рода факты глубоко поражали и возмущали, и онъ не разъ возвращался къ нимъ въ своихъ письмахъ.

«Неаполитанскій законъ—пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ — признаеть, какъ я узналъ, личную свободу неприкосновенной иначе, какъ по специальному приказу судебной власти, компетентной въ этомъ отношеніи...

«Пренебрегая этимъ закономъ, правительство, важнымъ членомъ котораго является начальникъ полиціи, употребляетъ агентовъ департамента полиціи для того, чтобы слѣдить и шпионить за своимъ народомъ, дѣлать обыски на дому, въ большинствѣ случаевъ ночью; они шарятъ въ домахъ, захватываютъ бумаги и вещи, срываютъ, если имъ приходится охота, половицы подъ предлогомъ розысковъ оружія и хватаютъ людей десятками, сотнями и тысячами безъ всякихъ судебныхъ приказовъ, часто даже безъ всякой бумаги, просто по словесному распоряженію полиціи и безъ всякаго указанія на характеръ преступленія.

«И мало этого. Людей арестуютъ не потому, что они совершили или заподозрѣны въ совершеніи какого-нибудь преступленія, а потому, что находятъ удобнымъ избавиться отъ нихъ и поэтому требуется разыскать или сфабриковать обвиненіе противъ нихъ.

«Первая мѣра, стало бытъ,—это арестовать ихъ и заключить въ тюрьму; далѣе забираютъ и уносятъ ихъ книги, ихъ бумаги и все, что могутъ выбрать невѣжественные исполнители. Переписка заключеннаго тоже прочитывается, если признается нужнымъ; самого его допрашиваютъ тайнымъ образомъ, безъ всякаго предьявленія уликъ, которыя, въ сущности, и не существуютъ еще, безъ свидѣтелей, которыхъ тоже нѣтъ. Ему не позволяютъ брать себѣ защитника при этомъ допросѣ, онъ не имѣетъ права обращаться къ адвокату во время всей этой комедіи. При этомъ его не только допрашиваютъ, его оскорбляютъ сколько угодно самымъ грубымъ образомъ подъ предлогомъ допроса; я не думаю, чтобы это было злоупотребленіемъ исполнителей. Это входитъ въ систему, главной цѣлью которой является созданіе обвиненія.

«Его переписка тоже подвергается изслѣдованію. Представьте себѣ человѣка интеллигентнаго; онъ, вѣроятно, принималъ участіе въ общественныхъ дѣлахъ и испыталъ всѣ ихъ превратности; копія его писемъ и письма, адресованныя къ нему, сохраняютъ намеки на это; значеніе этого, какъ улики, будетъ зависеть отъ того впечатлѣнія, какое произведутъ эти намеки, сгруппированные вмѣстѣ. Всякое выраженіе, заключающее въ себѣ неодобреніе правительству, заносится въ протоколъ. Предположите, что позднѣйшія выраженія совершенно уничтожаютъ силу первыхъ и доказываютъ невинность жертвы, ихъ откладываютъ въ сторону, какъ немѣющія значенія; напрасно заключенный будетъ требовать предьявленія ихъ. Въ странахъ, гдѣ правосудіе уважается, наказываютъ за поступки, но считаютъ несправедливымъ наказывать за мысли

но въ Неаполѣ мысли извращаютъ, чтобы сдѣлать ихъ наказуемыми. Я говорю о томъ, что я знаю, я ничего не придумалъ и не преувеличилъ.

«Въ зависимости отъ дѣла, заключенныхъ держатъ до суда втеченіе мѣсяцевъ или втеченіе годъ, двухъ или трехъ... Я самъ видѣлъ человека, который послѣ шестимѣсячнаго заключенія все еще ждалъ, а заключеніе его началось не законнымъ актомъ, а актомъ произвола, нарушающимъ законъ».

Судъ, на который, наконецъ, попадаютъ заключенные послѣ долгихъ мѣсяцевъ ожиданія, когда улики собраны всѣми правдами и неправдами, тоже не служитъ для нихъ защитой отъ произвола. При политическихъ процессахъ судъ совершается обыкновенно по особымъ правиламъ, при чемъ якобы для ускоренія опускаются многія формальности, ограждающія интересы подсудимаго. Судьи, находящіеся въ полной зависимости отъ администраціи, продолжаютъ лишь начатое полиціей. Авторъ приводитъ случай, когда весь составъ суда въ Реджіо, вынесшій оправдательный приговоръ группѣ лицъ, обвинявшихся въ политическомъ преступленіи, получилъ немедленно отставку. Въ Неаполѣ судья, исполнившій свои обязанности втеченіе 50 лѣтъ, былъ удаленъ за то, что оправдалъ автора рѣзкой статьи въ газетѣ.

Немудрено, что при такихъ условіяхъ судьи чаще руководствуются страхомъ за свою судьбу, чѣмъ велѣніями совѣсти и гуманности.

«Я хочу дать вамъ представленіе,—говоритъ Гладстонъ,—не о безпристрастїи суда, но о томъ цинизмѣ, въ какой облекается его пристрастіе. Въ двухъ случаяхъ защитникамъ подсудимыхъ удалось узнать, что лжесвидѣтели, выставленные противъ нихъ, не знаютъ ихъ въ лицо. Въ одномъ случаѣ защитникъ попросилъ позволенія потребовать отъ свидѣтеля, чтобы онъ указалъ въ группѣ подсудимыхъ тѣхъ двухъ, противъ которыхъ онъ показывалъ. Судъ отказалъ. Въ другомъ случаѣ защитникъ самъ попросилъ свидѣтеля указать того подсудимаго, о дѣйствіяхъ котораго онъ рассказывалъ. Предсѣдатель, кажется Наварро, сдѣлалъ видъ, что не слышалъ вопроса, и, обратившись къ обвиняемому, сказалъ: «Встаньте, г. Ниско, судъ хочетъ предложить вамъ вопросъ». Послѣ этого адвокату было предложено продолжать свой допросъ. Горькій смѣхъ послышался въ публикѣ» *).

При такого рода приемахъ шаткія улики, собираемыя полиціей, оказываются вполнѣ достаточными, и обвиняемые снова возвращаются въ тѣ же тюрьмы, изъ которыхъ они явились на судъ, теперь уже въ качествѣ обвиненныхъ, часто для пожизненнаго заключенія.

Условія жизни въ этихъ тюрьмахъ ужасны. Гладстонъ описываетъ

*) Гь., р. 23.

васть только тѣ, которыя онъ самъ видѣлъ. «Грязь въ этихъ тюрьмахъ отвратительная. Смотрители рѣдко показываются тамъ, и то почти исключительно ночью. Смѣшно было бы читать правила, вывѣщенные на стѣнахъ въ приемной. Одинъ изъ параграфовъ этихъ правилъ касается посѣщенія докторомъ больныхъ. Я видѣлъ, какъ доктора, съ этими правилами въ карманахъ, не шли къ больнымъ, а тѣ, стая одной ногой въ гробу, должны были тащиться къ нимъ. Я шелъ среди толпы въ триста или четырехста заключенныхъ убійцъ, воровъ и другихъ уголовныхъ преступниковъ и смѣшанныхъ съ ними политическихъ... Работы имъ никакой не даютъ... Политическіе заключенные пользуются иногда привилегіей отдѣльной камеры».

И это еще далеко не худшія тюрьмы. Политическіе преступники, присужденные къ многолѣтнему заключенію, содержались обыкновенно въ мрачныхъ и сырыхъ подземельяхъ старинныхъ крѣпостей, передѣланныхъ въ тюрьмы, въ цѣвяхъ, иногда скованные по-двое. «Недавно — рассказываетъ Гладстонъ—заключенные въ государственной тюрьмѣ въ Працидѣ, доведенные до отчаянія ужасными условіями, возмутились и хотѣли овладѣть тюрьмой. Вотъ какія средства пустили въ ходъ, чтобы усмирить этотъ бунтъ: солдаты охраны стали бросать въ арестантовъ гранаты, убили 116 чел., изъ которыхъ 10 больныхъ изъ госпиталя, не принимавшихъ никакого участія въ бунтѣ. Говорятъ, что за это избіеніе командовавшій отрядомъ сержантъ получилъ орденъ» *).

Переходя къ вопросу о томъ, кто же такіе эти преступники, которыхъ съ такимъ ожесточеніемъ преслѣдуетъ неаполитанское правительство, Гладстонъ говоритъ: «Вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Неаполь я слышалъ, какъ строго осуждали одного человѣка, занимавшаго видное положеніе, который утверждалъ, что почти всѣ члены, составлявшіе оппозицію въ палатѣ депутатовъ парламента (распущенной), были въ тюрьмѣ или въ изгнаніи. Мое впечатлѣніе было такое, что такого рода утвержденіе, явно чудовищное и невѣроятное, заслуживало того осужденія, съ которымъ къ нему отнеслись. Это было въ прошломъ ноябрѣ (1850 г.). Палата была избрана народомъ при конституціи, данной королемъ свободно и добровольно; она была избрана вторично съ нѣкоторыми измѣненіями, мало благоприятными для оппозиціи; ни одинъ членъ собранія насколько мнѣ извѣстно, не появлялся еще передъ судомъ (хотя я долженъ мимоходомъ замѣтить, что одинъ изъ депутатовъ **) былъ убитъ священникомъ Пелузо, хорошо извѣстнымъ на неаполитанскихъ улицахъ въ то время, когда я тамъ былъ; его никто не трогалъ по поводу этого убійства, и, по слухамъ, онъ получилъ даже вознагражденіе отъ правительства). Итакъ, я смотрѣлъ на

*) Ib., p. 30.

**) Кардуччи.

это утверждёнiе, какъ на выдумку, и считалъ оглашенiе его неесторожностью, если не болѣе. Каково же было мое изумленiе, когда я увидѣлъ впослѣдствii подробный списокъ, который вполнѣ подтвердилъ достовѣрность этого факта... Послѣ правильного избранiя палаты депутатовъ и роспуска ея вопреки конституцiи правительство дошло до того, что заключило въ тюрьмы или принудило къ бѣгству, чтобы избѣжать заключенiя, абсолютное большинство народныхъ представителей».

Общее число заключенныхъ было, по словамъ Гладстона, очень трудно установить, такъ какъ правительство окружало этотъ вопросъ глубочайшей тайной и не давало никакихъ свѣдѣнiй. По приблизительнымъ подсчетамъ, которые онъ считаетъ въ общемъ правильными, число всѣхъ заключенныхъ въ неаполитанскомъ королевствѣ достигало въ то время до 20,000. Къ нимъ еще, по его мнѣнiю, слѣдуетъ прибавить столько же, если не больше, бѣжавшихъ и скрывающихся. При этомъ, такъ какъ большинство сидящихъ и бѣжавшихъ принадлежитъ къ среднему классу общества и жило раньше своимъ заработкомъ, то ихъ арестъ или бѣгство обыкновенно совершенно разоряетъ ихъ семьи и «является цѣлымъ маленькимъ очагомъ человѣческихъ страданiй».

Въ качествѣ иллюстрацiи Гладстонъ подробно излагаетъ исторiю заключенiя и суда надъ Поэрио и его сотоварищами, арестованными по ложному доносу и присужденными на основанiи ничтожныхъ уликъ къ пожизненному заключенiю.

«Мнѣ кажется,—заканчиваетъ онъ это повѣствованiе—что сказаннаго достаточно для доказательства, что подъ покровомъ тайны, которой облакаются дѣйствiя неаполитанскаго правительства, совершаются невѣроятные ужасы, удручающiе страну, разоряющiе цѣлые классы, на которыхъ покоится существованiе и преуспѣянiе страны, подрывающiе всѣ основы гражданскаго порядка, открывающiе путь бурной революцiи и превращающiе власть, призванную поддерживать спокойствiе и порядокъ въ человѣческихъ обществахъ, ограждать невинность и наказывать пороки, въ главнаго нарушителя закона, перваго угнетателя и разорителя страны, смертельнаго врага свободы и просвѣщенiя и главнѣйшаго фактора развращенiя народа» *).

И въ рукахъ такого правительства находилась не только власть преслѣдовать и угнетать народъ, но и право его воспытывать и влiять на всю его духовную жизнь. Гладстонъ съ грустью отмѣчаетъ, что «въ неаполитанскомъ королевствѣ вся печать и вся область народнаго образованiя находятся подъ непосредственнымъ наблюденiемъ правительства!»

Правой рукой правительства въ этой области является духовенство и, преимущественно, иезуиты. Они берутъ на себя не только

*) Ib., p. 30.

надворъ за образовательными учрежденіями, не только цензуру, но не отказываются даже отъ исполненія чисто шпіонскихъ функцій. «Я убѣжденъ,—говоритъ Гладстонъ,—что многіе священники исполняютъ полицейскія обязанности даже въ исповѣдальнѣ. Я знаю случаи арестовъ, слѣдовавшихъ непосредственно за исповѣдью, такъ что невозможно было не видѣть связи между ними» *).

Не трудно себѣ представить, какого рода нравственное воспитаніе получалъ при такихъ условіяхъ неаполитанскій народъ въ государственныхъ школахъ. Для иллюстраціи этого Гладстонъ подробно излагаетъ любопытную книжечку, рекомендованную для низшихъ школъ. Называлась она—«философскій катехизисъ для начальныхъ школъ».

Во введеніи авторъ говоритъ, что въ настоящее время необходимо преподавать юношеству философію, въ противовѣсъ вліянію либеральной философіи, проповѣдуемой людьми злыми и порочными. Въ примѣръ вредныхъ положеній либеральной философіи приводится: «неодобреніе насильственныхъ дѣйствій законныхъ властей». Либеральная философія производитъ всѣ бѣдствія и, главное, вѣчную гибель души. На вопросъ ученика, всѣ ли либералы одинаково порочны, учитель отвѣчаетъ: «Нѣтъ, мое дитя, одни—упрямые обманщики, а другіе одураченные бѣдняки; но, тѣмъ не менѣе, всѣ они идутъ по одному пути, и, если не переѣдутся, всѣ кончатъ одинаково».

Въ слѣдующихъ главахъ ученику даются основныя государственныя понятія. Верховная власть, утверждаетъ авторъ, не только божественна, но и неограниченна по самой своей природѣ. Эта власть ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть ограничена народомъ, обязанность котораго заключается только въ повиновеніи.

Ученикъ.—Можетъ ли народъ установить основные законы въ государствѣ?

Учитель.—Нѣтъ; потому что конституція или основные законы по необходимости ограничиваютъ верховную власть, которая можетъ лишь собственнымъ актомъ опредѣлить себѣ границы.

Ученикъ.—Предположимъ, что государь, вступая въ управленіе государствомъ, принялъ и утвердилъ конституцію или основные законы и далъ обѣщаніе или клятву соблюдать ее,—долженъ ли онъ сдержать свое обѣщаніе или клятву?

Учитель.—Долженъ, если это не нарушаетъ основъ его верховной власти и не претиворѣчитъ благу государства.

Ученикъ.—Почему вы считаете, что государь не обязанъ соблюдать конституцію, если она посягаетъ на его верховную власть?

Учитель.—Мы уже видѣли, что власть государя есть самая высшая власть, созданная Богомъ и поставленная Имъ надъ обществомъ для его благосостоянія, и эта власть, учрежденная

*) Ib., p. 47.

Богомъ и признанная Имъ необходимой, должна быть сохранена неприкосновенной; люди не могутъ ни ограничить, ни ослабить ее, не вступая въ противорѣчiе съ законами природы и Божественной волей. Всякій разъ, когда народъ дѣлаетъ предложенiе, ослабляющее верховную власть, и всякій разъ, когда государь обѣщаетъ исполнять его, предложенiе это является негѣпостью, а обѣщанiе не дѣйствительно, и государь не обязанъ соблюдать конституцію, противорѣчащую волѣ Божией.

Ученикъ.—Кто рѣшаетъ, посягаетъ ли конституція на верховную власть и противорѣчитъ ли она благу народа?

Учитель.—Государь, такъ какъ въ немъ сосредоточена высшая и первенствующая власть, установленная Богомъ въ цѣляхъ порядка и благоденствiя.

Ученикъ.—Почему вы считаете, что государь не обязанъ соблюдать клятву, если онъ находитъ ее противной интересамъ государства?

Учитель.—Богъ вручилъ верховной власти заботу о благѣ общества. Первый долгъ того, на кого она возложена, доставлять это благо обществу. Если основной законъ противорѣчитъ этому благу, и если обѣщанiе, данное государемъ, обязываетъ его соблюдать его во вредъ государству, законъ признается несуществующимъ и клятва недѣйствительной.

«Я не буду,—заканчиваетъ Гладстонъ,—перечислять всѣхъ лживыхъ, низкихъ, развращающихъ, иногда смѣшныхъ, но большей частью ужасныхъ идей, которыя я нашелъ изложенными въ религиозныхъ фразяхъ въ этой отвратительной книгѣ... Словомъ, это цѣлая систематизированная философія клятвопреступленiя для государей, въ примѣненiи къ современнымъ фактамъ неаполитанской исторiи за послѣдніе три года, изданная съ одобренiя правительства и распространяемая его авторитетомъ».

Слѣдующій циркуляръ обезпечилъ распространенiе этого замѣчательнаго катехизиса:

«Епископы сдѣлаютъ все необходимое, чтобы онъ былъ введенъ въ семинаріи, чтобы его читали монахи и приходское духовенство, чтобы онъ служилъ духовной пищей народа» и т. д.

Въ концѣ концовъ, Гладстонъ задается вопросомъ, какаа судьба ожидаетъ это правительство, которое такъ систематически угнетаетъ, разоряетъ и развращаетъ собственный народъ. «Да! Богъ,—говоритъ онъ—чтобы это несчастное правительство, или всякое другое, если есть еще гдѣ-нибудь подобное ему, во время опоминлось, прежде чѣмъ оскорбленное человѣчество возстанетъ противъ своего угѣснителя и чаша божественнаго мщенiя прольется на него» **).

*) *Ив.*, р. 43 и сл.

**) *Ив.*, р. 46.

VII.

Письма Гладстона, появившіяся въ печати въ іюлѣ 1851 года, возбудили взрывъ общественнаго негодованія во всей Европѣ. Но того впечатлѣтельства европейскіхъ державъ, на которое Гладстонъ рассчитывалъ, не послѣдовало. Гуманность, даже самая элементарная, никогда не опредѣляла международной политики. Съ другой стороны, неаполитанское правительство было слишкомъ ослѣплено, чтобы внять предупрежденіямъ умѣреннаго и осторожнаго политика.

Король не хотѣлъ ничего слушать. Подозрѣніе, страхъ и ненависть владѣли имъ. Онъ не выходилъ изъ своихъ загородныхъ дворцовъ въ Гаэтѣ и Казертѣ, не рѣшался показаться въ Неаполѣ и окружалъ себя исключительно военными. Дружескіе совѣты французскаго и англійскаго дворовъ ослабить нѣсколько гнетъ не оказывали на него вліянія. Напротивъ, реакція съ каждымъ годомъ все ожесточалась. Всякое проявленіе свободной мысли, самостоятельной инициативы въ какой бы то ни было области вырывалось съ корнемъ. Число поднадзорныхъ достигло 180.000 *). Единственнымъ способомъ избавиться отъ преслѣдованій полиціи оставались взятки.

Но, доводя до послѣдней степени напряженія гнетъ, Бурбоны, не сознавая того, все приближали неизбежный взрывъ. Не прошло и восьми лѣтъ послѣ появленія писемъ Гладстона, какъ его предсказанія уже начали сбываться.

Фердинандъ II не дожилъ до гибели своей династіи. Онъ умеръ весной 1859 года. Смерть его вызвала вздохъ облегченія у всѣхъ его подданныхъ. На престолъ вступилъ молодой, 23-хъ лѣтній юноша, его сынъ Францискъ II.

Это была свѣтлая эпоха возрожденія Италіи. Во всѣхъ государствахъ Италіи народъ поднимался на борьбу за свободу, независимость и объединеніе. Правительства или шли навстрѣчу властнымъ стремленіямъ населенія, или были вынуждены уступать поневолѣ. Король Пьемонта, Викторъ Эммануилъ, объединилъ подъ своею властью всю сѣверную Италію и велъ успѣшную борьбу съ Австріей. При вступленіи на престолъ Франциска II въ Неаполѣ онъ прислалъ ему письмо, въ которомъ уговаривалъ его дать конституцію своимъ подданнымъ и присоединиться къ нему для борьбы за независимость Италіи.

Но Францискъ промолчалъ. Слабый, болѣзненный и подозрительный, онъ боялся на шагъ отступить отъ завѣтовъ отца. Наибольшее вліяніе на него имѣли его духовникъ Галло и вдовствующе-

*) B. Rey. Hist. de la rev. polit de l'It., p. 419.

щая королева. Они оба старались изолировать молодого короля отъ всѣхъ вѣнскихъ впечатлѣній и культивировать въ немъ ненависть къ народу и свободѣ, окруживъ его тѣснымъ кольцомъ придворныхъ и военныхъ.

Но часъ возмездія былъ уже близокъ, и никакія охраны не могли спасти династію, сдѣлавшую себя ненавистной своему народу.

12 мая 1859 года Гарибальди съ нѣсколькими сотнями волонтеровъ высадился въ Сициліи. Этого было довольно, чтобы островъ, казалось, окончательно угнетенный и раздавленный, вдругъ воспрянулъ. Одно имя Гарибальди вливало бодрость и надежды, и гипновъ страха, съ помощью котораго властвовали Бурбоны, сразу разсѣялся. Въ одинъ мѣсяць неаполитанскія войска были повсюду разбиты и изгнаны изъ Сициліи. Гарибальди переправился въ Калабрию и двинулся на сѣверъ. Королевскія войска отступали при одномъ его приближеніи.

Опять смятеніе и страхъ овладѣли дворомъ, но колебанія длились не долго. Подъ руками было испытанное и вполне безопасное средство. Надо было пообѣщать, даже дать самую либеральную конституцію—вѣдь это ни къ чему не обязывало впоследствии.

25 іюня неаполитанцы проснулись опять въ конституціонномъ государствѣ. По всѣмъ стѣнамъ былъ расклеенъ манифестъ, которымъ король милостиво дарилъ своимъ возлюбленнымъ подданнымъ широкую конституцію и, кромѣ того, признавалъ независимость Сициліи подъ управленіемъ вице-короля. Но неаполитанцы холодно встрѣтили щедрый даръ своего государя. Они убѣдились, наконецъ, въ истинѣ словъ своихъ предковъ: «боюсь давайцевъ и дары приносящихъ». Городъ былъ погруженъ въ мертвое молчаніе. Ни одного привѣтствія, ни одного крика: «да здравствуетъ король!» Ни одного флага, ни одной трехцвѣтной кокарды. Прохожіе читали манифестъ и недовѣрчиво покачивали головами *).

Правительство Виктора-Эммануила тоже очень холодно встрѣтило предложеніе о союзѣ, сдѣланное отъ имени новаго конституціоннаго правительства Неаполя. «Пусть Францискъ соберетъ сначала неаполитанскій парламентъ—сказалъ Кавуръ—и организуетъ новыя учрежденія, тогда будетъ время обсудить условія союза».

Но объ этомъ въ данный моментъ нельзя было и думать. Гарибальди подвигался на сѣверъ, и при его приближеніи населеніе возставало, какъ одинъ человекъ.

Уже въ самомъ Неаполѣ мрачное молчаніе смѣнялось постепенно возбужденіемъ. На улицахъ раздавались крики: «да здравствуетъ единая Італія! Да здравствуетъ Викторъ Эммануилъ!»

*) Ib., p. 430.

Открыто продавали портреты Гарibaldi. Полицейскихъ, которые пробовали водворять порядокъ, били и прогоняли. При дворѣ было не лучше. Страхъ передъ надвигающимися событиями проникъ туда и быстро дѣлалъ свое дѣло. Тѣ самые люди, которые раньше совѣтовали Франциску не уступать и быть построже, теперь вдругъ стали либералами и торопили реформами. Одинъ за другимъ «вѣрные слуги короля, испытанныя опоры трона» измѣняли ему и переходили на сторону революціонеровъ. Генераль Нунціато, знаменитый усмиритель Калабріи, вышелъ въ отставку, отославъ королю свои ордена, и издалъ приказъ по войскамъ, въ которомъ говорилъ, что солдаты должны сражаться только за національное дѣло.

Все рушилось вокругъ молодого короля, почва уходила изъ-подъ его ногъ, и онъ началъ сознавать, что пора подумать уже не о неприкосновенности своей власти, даже не о сохраненіи ея, а просто о личной безопасности. Впрочемъ, незадачливые неаполитанцы не нанесли ему ни малѣйшаго оскорбленія. Они съ насмѣшливыми улыбками смотрѣли, какъ королевскіе пожитки снова укладывались и выносились изъ дворца, на этотъ разъ уже навсегда.

6-го сентября Францискъ II вмѣстѣ со всѣмъ своимъ дворомъ безпрепятственно выѣхалъ изъ Неаполя, чтобы уже никогда не возвращаться туда. А 7-го въ Неаполь пріѣхалъ съ кучкой товарищей Гарibaldi. Городъ сразу воскресъ. Давно забытый, неудержимый энтузіазмъ овладѣлъ народомъ. Всѣ дома отъ крышъ до земли были увѣшаны національными флагами. Неумолкающіе восторженные крики встрѣчали вездѣ появленіе народнаго героя. Свободный народъ со всѣмъ пыломъ южнаго темперамента встрѣчалъ своего освободителя.

О Бурбонахъ никто больше не вспоминалъ. Всѣ чувствовали, что на этотъ разъ они исчезли безвозвратно, и всякій гналъ ненавистное воспоминаніе о нихъ.

Францискъ II еще пытался сопротивляться и держался въ Капуѣ, окруженный оставшимися ему вѣрными войсками. Послѣ довольно продолжительной осады неаполитанскія войска были, наконецъ, разбиты гарibaldiйцами.

Въ то же время Викторъ Эммануилъ вступилъ въ Неаполь, издавъ слѣдующій манифестъ: «Народы южной Италіи, мои войска вступаютъ къ вамъ, чтобы укрѣпить порядокъ. Я не хочу навязывать вамъ свою волю, но заставить уважать вашу. Вы можете свободно проявить ее. Провидѣніе, которое охраняетъ правое дѣло, внушитъ вамъ то рѣшеніе, какое вы опустите въ урны...»

Населеніе встрѣтило Виктора Эммануила оваціями. 21-го октября произошелъ плебисцитъ, и 1.300,000 голосовъ было подано за присоединеніе Неаполя къ объединенной Италіи подъ

конституціоннымъ управленіемъ Савойской династіи. За Вурбоновъ не было подано ни одного голоса.

Такъ окончила свое существованіе маленькая деспотія, думавшая основать свое благополучіе на угнетеніи своего народа.

Т. Богдановичъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Затихла боль въ сердечной глубинѣ...
 Отъ прошлаго я думы отрываю,
 Не жду грядущаго и въ свѣтлой тишинѣ
 Раскрытымъ сердцемъ отдыхаю.
 И обновленный міръ, въ сіяніи весны
 Обвитый бѣлыми цвѣтами,
 Встаетъ передо мной, какъ сказочные сны,
 Съ давно забытыми мечтами.
 Опять мелодія въ душѣ моей звенить:
 Въ ней вешней пѣсни переливы...
 Такъ вѣтеръ на зарѣ вечерней шелестить
 Вѣтвями одинокой ивы.

II.

Охватила меня тишина,
 Такъ покойно и радостно мнѣ!
 Дремлютъ травы въ полуденномъ снѣ,
 Лишь трепещетъ осинка одна,
 Вся въ узорчатыхъ круглыхъ листкахъ,
 Вся объятая радостью дня..
 Далекó, далеко отъ меня
 Гдѣ-то люди въ холодныхъ стѣнахъ,
 Гдѣ-то злоба, печаль и вражда,
 Гдѣ-то страшные, темные сны—
 Все, чему въ этотъ мигъ тишины,
 Какъ природа, душой я чужда!..

III.

Сомкнитесь, зеленые, тихіе своды,
Закройте отъ скорбнаго міра меня!
Я чувствую—сердце великой Свободы
Здѣсь бьется, подъ солнцемъ весенняго дня.
Его не сковали стальными цѣпями,
Его не могли умертвить палачи...
И рвется оно молодыми ростками,
И льются его золотые лучи!
Оно, какъ зерно созидающей силы,
Растетъ, соарѣвая глубоко въ землѣ,
И кроетъ цвѣтами нѣмыя могилы,
И яркой зарницей сіяетъ во мглѣ.
Въ груди торжествующей вѣчной природы,
Гдѣ жизни источникъ могучій течетъ,
Горячее сердце великой Свободы,
Безсмертное сердце живетъ!..

Г. Галина.

Исторія моего современника.

Деревня Гарный Лугъ. „Помѣщики“.

Я уже какъ-то говорилъ о своихъ первыхъ впечатлѣніяхъ отъ деревни. Совсѣмъ еще ребенкомъ меня ваяли къ себѣ въ имѣніе Коляновскіе. Большой барскій домъ, прекрасный садъ и не вдалекѣ рядъ крестьянскихъ хатокъ, выглядывавшихъ изъ-за косогора соломенными крышами и бѣлыми мазаными стѣнами. По вечерамъ барскій домъ свѣтился большими окнами, а хатки мерцали какъ-то ласково и смиренно разбросанными въ темнотѣ огоньками. И это казалось такимъ мирнымъ, дружелюбнымъ и согласнымъ. Въ хатахъ жили мужики, тѣ самые, которые однажды сломали наше крыльцо и построили новое,—умные и сильные. Изъ этого деревенскаго моего пребыванія мнѣ очень запомнился одинъ разговоръ за вечернимъ столомъ. Какой-то пріѣзжій господинъ, въ черномъ сюртукѣ и ослѣпительныхъ воротничкахъ, развивалъ мнѣніе, что нашъ народъ ничего не знаетъ и не умѣетъ. Коляновская съ не совсѣмъ обычной горячностью и тономъ глубочайшей увѣренности доказывала обратное: вотъ этотъ домъ, въ которомъ мы теперь всѣ сидимъ, и все въ этомъ домѣ до послѣдняго стула сдѣлано ея мужиками. Домъ въ городѣ построили они-же, и руководилъ всѣми работами тоже ея мужикъ. И она спрашиваетъ: какой заграничный архитекторъ сдѣлаетъ это лучше?.. Я принималъ чувствомъ, что права именно Коляновская, и этотъ деревенскій незнакомый мнѣ миръ, миръ сильныхъ и умѣлыхъ, съ его соломенными крышами и смиренно мерцающими огоньками, казался мнѣ добрымъ и прекраснымъ въ своемъ тихомъ смиреніи... По вечерамъ мимо барскаго сада возвращались съ работы парубки и дивчата, въ вѣнкахъ изъ васильковъ, съ граблями и косами на плечахъ и съ веселыми пѣснями... Когда снимали первый снопы въ полѣ, то приносили его торжественно въ бар-

скій дворъ. Снопъ качался надъ головами парубковъ въ бараньихъ шапкахъ и дѣвушекъ въ вѣнкахъ изъ васильковъ. И казалось, что онъ сознательно принимаетъ молчаливое участіе въ этой радости труда. Это называлось „зажинки“. Съ еще большей торжественностью приносили на „дожинки“ послѣдній снопъ, и тогда во дворѣ стояли столы съ угощеніемъ, и парубки съ дивчатами плясали до поздней ночи передъ крыльцомъ, на которомъ сидѣла вся барская семья, радостная, благожелательная, добрая. Потомъ толпа съ пѣснями удалялась отъ горѣвшаго огнями барскаго дома къ смиреннымъ огонькамъ за косогоромъ, и по мѣрѣ того, какъ пѣвцы расходились по хатамъ,—пѣсня замирала и таяла, пока не угасала совсѣмъ, гдѣ-то въ невидномъ дальнемъ концѣ деревни. И все казалось такъ мирно, благожелательно и прекрасно, а главное—предустановлено, цѣльно и ненаруσιμο.

Второе впечатлѣніе отъ деревенскаго міра было такъ же обще, мимолетно и поверхностно. Мы ѣздили въ имѣніе дяди капитана, въ Гарный Лугъ. Деревня и этотъ разъ оставалась за предѣлами нашего горизонта, который ограничивался скромнымъ „господскимъ“ дворомъ и садомъ, отгороженнымъ густыми кустами сирени. И еще разъ въ душѣ отложилось впечатлѣніе свѣжести, простора и близости какой-то особенной таинственной и гармоничной жизни.

Потомъ эту же деревню намъ пришлось узнать поближе. По семейному соглашенію, сынъ „дяди капитана“ Саня (или, какъ его звали по польски, Siano) жилъ у насъ въ Ровно весь учебный годъ, а мы всей семьей пріѣзжали къ нимъ на каникулы. Саня былъ мальчикъ длинный, худощавый, съ деревенскими пріемами, которые дѣлали его жертвой насмѣшекъ, съ дѣтски чистымъ сердцемъ и головой слабоватой на ученіе. Мы всѣ любили его, но порой довольно жестоко шутили надъ его деревенской простотой. Деревенскую робость онъ сохранилъ на всю жизнь и сохранилъ еще что-то особенное: какъ будто противорѣчія жизни отпечатлѣлись бессознательно на слишкомъ чуткой совѣсти.

Когда кончались экзамены и насъ „распускали“, то за нами, мальчишками, обыкновенно пріѣзжала гарнолуужская тройка и гарнолуужскій „кучеръ“ Антось (мать, сестры и иной разъ старшій братъ пріѣзжали послѣ). И тройка, и кучеръ были своего рода достопримѣчательностями. Лошади были чисто деревенскія, рабочія, сильно изморенныя. Одна была „сивая кобыла“, другая—меринъ, котораго по прежнему владѣльцу звали Банькевичемъ. Третій конекъ, почти еще

жеребенокъ, припрягался обыкновенно на случай внезапнаго несчастья съ котормъ-нибудь изъ двухъ старыхъ буцефаловъ и въ передней путь бѣжалъ только рядомъ съ ними на оброти. Первое же появленіе этой тройки у заставы вызвало вниманіе еврейскихъ мальчишекъ и праздныхъ „мишуресовъ“, которые сопровождали ее насмѣшливыми оваціями до нашихъ воротъ, хлеща лошадей по исхудалымъ бокамъ палками и кидая въ нихъ комками грязи. Заслуженная рабочія лошади отнотсилн къ этому весьма философски: Банькевичъ только стригъ ухомъ, кобыла едва вмахиwała хвостомъ. Только юный жеребчикъ, къ великому удовольствію толпы, высоко лягался и распускала хвостъ трубой.

Кучеръ Антось былъ парубокъ на удивленіе некрасивый: странной формы, суженная кверху голова, нѣсколько кривыя, широко разставленныя въ бедрахъ ноги, точно ущипнутый носъ и толстыя губы. Все вмѣстѣ производило впечатлѣніе, вызывавшее невольную улыбку. Но особенность некрасиваго парубка состояла въ томъ, что онъ и самъ готовъ былъ посмѣяться надъ собой. Даже выраженіе его смѣшныхъ губъ напоминало, какъ будто, не самое безобразіе, а пародію на чье-то безобразіе. И объяснялось это, кажется, глубокой ироніей, съ которою онъ относился къ своей родной деревнѣ, Гарному Лугу, и ко всему, что изъ него исходило, значить—въ томъ числѣ и къ себѣ. Когда Саня, наоборотъ страстно любившій свой Гарный Лугъ,—выбѣгалъ навстрѣчу и принимался съ умиленіемъ цѣловать морды Банькевича и кобылы, Антось смотрѣлъ на эти изліянія съ насмѣшливымъ презрѣніемъ и почти безъ всякаго повода вытягивалъ Банькевича кнутомъ.

Въ первый пріѣздъ, завернувъ лошадей къ сараю и увидя Саню,—онъ сказалъ ему просто:

— Отъ я и пріѣхалъ.

— А мы и не видимъ,—иронически замѣтилъ лакей отца Павелъ, парень тоже некрасивый, съ отвислой нижней губой, но „городской“ и потому иронически отнесшійся къ деревенщинѣ. Горничная и кухарка, привлеченныя шумнымъ появленіемъ гарнолужской „тройки“, фыркнули. Но Антось нимало не смутился. Онъ скорчилъ невѣроятную рожу, оттянулъ въ сторону Павла нижнюю губу и такъ мигнулъ женщинамъ, что тѣ расхохотались уже надъ Павломъ, котораго Антось передразнилъ очень потѣшно. Вечеромъ пріѣзжій былъ своимъ человекомъ на кухнѣ и пользовался тамъ видимымъ успѣхомъ.

„Городъ“ вызвалъ въ немъ почтительное вниманіе. Запасшись кнутомъ на случай новыхъ еврейскихъ овацій, онъ

весь день осматривалъ его достопримѣчательности и долго стоялъ, задравши голову, передъ старымъ замкомъ на островѣ. Я засталъ его за этимъ занятіемъ: небольшая нескладная фигура терялась у подножія гигантскаго каменнаго рыцаря, стоявшаго у подъѣзда. Глаза парубка съ наивнымъ изумленіемъ бродили по стѣнамъ съ фресками и проникали въ зіяющія впадины оконъ, откуда изъ таинственнаго полумрака поблескивала кое-гдѣ позолота карнизовъ, и случайный лучъ свѣта выхватывалъ уцѣлѣвшія на стѣнахъ фигуры нимфъ и амуровъ.

— Ну, что скажете, Антось?—спросилъ я, ожидая и тутъ какой-нибудь юмористической выходки. Но онъ глубоко вздохнулъ, какъ чловѣкъ, просыпающійся отъ сна, и сказалъ серьезно, почти съ благоговѣніемъ:

— Вотъ это видно, что попы жили... Го-го! Настоящіе!

Въ отзывѣ, вмѣстѣ съ признаніемъ таинственнаго величія этихъ исчезнувшихъ настоящихъ поповъ, звучало какъ будто ироническое воспоминаніе о другихъ, хорошо знакомыхъ Антосю „ненастоящихъ“ попахъ...

Утромъ онъ подымалъ насъ еще до разсвѣта, и мы по холодку проѣзжали мимо заставы съ соннымъ инвалидомъ.

Эти поѣздки съ Антосемъ въ Гарный Лугъ были для насъ настоящимъ праздникомъ; даже нельзя сказать, чтобы намъ было особенно удобно въ ободранной и тѣсной гарнолужской таратайкѣ. Зато цѣлый день передъ нами мелькали картины роднаго простора: лѣса, поля, перелѣски, рѣки. Стороной около шоссе тянулись вереницы богомольцевъ въ Почаевъ; ковылялъ старый еврей съ мѣшкомъ, разносчикъ своеобразной, существовавшей тогда на ряду съ правительственной, еврейской почты; тащила, шурша по щибню, балагула, зятая сверху пологомъ на обручахъ и набитая биткомъ головами, плечами, ногами, перинами и подушками... На козлахъ еврей, живой и нервный, то и дѣло взмахивалъ кнутомъ, шевелилъ возжами, головой, локтями, колѣнями и подбодрялъ лошадей отчаяннымъ крикомъ, не производившимъ на нихъ ни малѣйшаго впечатлѣнія.

Мы тоже ѣхали тихо. Около 12-ти часовъ останавливались кормить въ еврейскомъ заѣзжемъ дворѣ, проѣхавъ только половину дороги, около 30 верстъ. Послѣ этого мы оставляли шоссе и сворачивали на проселки.

Антось великодушно позволялъ намъ править по очереди, а самъ сидѣлъ бокомъ и, свѣсивъ ноги, курилъ корешки въ черепневой трубкѣ, искусно сплевывая сквозь зубы.

— Вдарь Банькевича, вдарь!—командовалъ онъ по вре-

менамъ, видя, что тройка совсѣмъ засыпаетъ въ нашихъ рукахъ, а порой бралъ кнутъ, и хлесткій ударъ влетать въ спину злополучнаго мерина. Тройка тотчасъ-же встряхивала своими костистыми спинами, телѣжка катилась быстрѣе.

Порой въ клубкѣ пыли выкатывалась намъ навстрѣчу помѣщичья бричка. Если лошади и упряжь не выдерживали критики, Антось искося провожалъ ее презрительнымъ взглядомъ. Но когда, наоборотъ, изъ пыли, какъ звѣри, выскакивала пара въ краковской упряжкѣ, на козлахъ сидѣлъ хорошо одѣтый кучеръ, а въ сидѣннѣ—важный панъ въ бѣлой запыленной свеху накидкѣ, то на лицѣ Антоса виднѣлось одобреніе.

— Вотъ это кони. Видно, настоящіе... панскіе...

Бѣдному Банькевичу опять доставалось за то, что онъ не настоящій панскій конь, мы не настоящіе паничи, а Антось не настоящій кучеръ. Въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ пробѣгало облако: мы чувствовали, что въ сущности Антось презираетъ насъ, правда—вмѣстѣ съ собою...

Солнце склонялось къ закату, а наша „тройка“ все еще устало мѣсила пыль по проселкамъ, окруженная зноемъ и оводами. Казалось, мы толчемся на одномъ мѣстѣ. Некованная копыта мягко шлепали по землѣ; темнѣло; гдѣ нибудь на дальнемъ болотѣ гудѣлъ „бугай“, въ придорожной ржи сонно ударялъ перепелъ, и нетопыри пролетали надъ головами, внезапно появляясь и исчезая въ сумеркахъ.

Становилось все тише, спокойнѣе и, какъ будто, печальнѣе. Мы приближались къ цѣли; чувствовалась по знакомымъ признакамъ близость Гарнаго Луга, и, вмѣстѣ съ радостью, какой-то еще клубокъ странныхъ ощущеній катился за нами въ пыльной сумеречной мглѣ. Головы отяжелѣли отъ жары, солнца и неудобнаго сидѣнія. Хотѣлось поскорѣе свѣтлой комнаты, чаю, покоя. И изъ-за близости всего этого проглядывала смутная, неясная, неоформленная тревога, ожиданіе чего-то еще... чего-то неприятнаго, что вѣдетъ вмѣстѣ съ нами въ деревню и останется на все время...

Всѣ мы становимся молчаливѣе. Таратайка ныряетъ въ лѣсъ. Антось, не говоря ни слова, беретъ возжи въ свои руки и садится на козлы. Тройка бѣжитъ бодрѣе, копыта стучать чаще, порой колесо звонко ударяетъ о корень, и трескъ отдается по темной чащѣ.

— Вотъ тутъ зимой за Антосемъ бѣжали два волка,— задумчиво говоритъ Саня и прибавляетъ:

— Антось, правда?

Но Антось, который днемъ непремѣнно пустился бы въ подробности этого происшествія, угрюмо молчитъ. Лица его

не видно. Саня тоже смолкает. Становится еще смутнѣе и печальнѣе...

Лѣсъ кончился. Телѣжка катится внизъ, въ лощину, которая теперь, въ темнотѣ, кажется огромной широкой ямой. На днѣ видны безпорядочно разбросанные огоньки. На не вполне еще угасшемъ горизонтѣ рисуются темные силуэты пирамидальныхъ тополей, и среди нихъ правильный обрѣзъ высокой остроконечной крыши... Точно какой-то готическій замокъ на возвышеніи. Но мы уже знаемъ, что это не замокъ, а только старый „магазинъ“ или кладовая, оставшаяся отъ какой-то давно исчезнувшей барской усадьбы. „Магазинъ“ этотъ деревянный, въ два этажа съ мезониномъ,—очень старъ и, говорятъ, опасенъ. По временамъ онъ крѣпится очень подозрительно, но капитанъ не любитъ, когда говорятъ объ этомъ, и дорожитъ величавымъ обломкомъ старины... Крыша капитанскаго дома едва виднѣется невдалекѣ,—это скромная постройка съ соломенной крышей...

Телѣжка останавливается и даже откатывается назадъ. Передъ нами въ темнотѣ столбы скрипучаго „коловорота“ у вѣзда въ деревню. Какая-то бѣлая фигура отодвигаетъ его передъ нами. Налѣво, на холмикѣ, свѣтитъ открытая дверь кабака. Въ глубинѣ видна стойка и фигура шинкаря. Снаружи, на „призбѣ“ маячитъ въ тѣни группа мужиковъ...

— Ты это, Антось?—несется оттуда вопросъ.

— А кто-жь... Я.

— Рано выѣхалъ?

— До схида сонца...

— Отакъ... А пріѣхалъ ночью...

— Добрые кони, — насмѣшливо отвѣчаетъ Антось, и хлесткій ударъ кнута звонко шлепаетъ въ мягкой тишинѣ вечера.

— Что слышалъ?

— Ничего... Встрѣтили Зализныцькаго пана. Купилъ новую пару. Огонь!.. На кучерѣ новая свита...

— Панъ... настоящій...

Короткое молчаніе. Вспыхиваютъ красные огоньки люлекъ. Одинъ изъ мужиковъ подходитъ къ телѣжкѣ, заглядываетъ къ намъ и вѣжливо здоровается. Но отъ шинка опять несутся безцеремонныя замѣчанія:

— Привезъ-таки?

— А привезъ,—отвѣчаетъ Антось.

— Всѣхъ?

— А кто его знаетъ: можетъ, пару обронилъ по дорогѣ. Пойдите, добрые люди, подберете,—ваше.

— Своихъ довольно, свои осточертѣли до біса...

Въ голосѣ слышна угрюмая вражда.

— Геть-геть... вьо-о!

Антось щелкаетъ кнутомъ и принимаетъ позу настоящаго панскаго кучера, собирающагося лихо подкатить къ крыльцу... Онъ дѣлаетъ видъ, что съ трудомъ удерживаетъ лихую тройку, и даже отваливается корпусомъ назадъ. У кабака смѣются. Тройка дергаетъ впередъ и заворачиваетъ въ переулочекъ, гдѣ за ней увязываются собаки. Подъ этотъ лай, подъ хлопаніе бича и кривлянье Антоса, мы подгѣбаемъ къ скромному дому капитана... И, вмѣстѣ съ радостью прибытія, съ предчувствіемъ долгой свободы, въ душѣ стоитъ смутное сознаніе, что на эти два мѣсяца мы становимся „гарнолуужскими паничами“, и надъ нами, какъ облако, простирается общее отношеніе этихъ смиренныхъ хатъ, сверкающихъ огоньками изъ-подъ соломенныхъ крышъ, — къ своему „панству“...

Для того, чтобы объяснить это чувство, которое, я увѣренъ, въ большей или меньшей степени знакомо многимъ моимъ сверстникамъ, выросавшимъ въ эпоху ликвидаціи крѣпостного права, — я долженъ съ нѣкоторой подробностью остановиться на описаніи Гарнаго Луга.

Деревня была особенная, одна изъ тѣхъ, въ которыхъ крѣпостное право еще до формальнаго упраздненія уже дошло до явной нелѣпости. Рабство уничтожено 19 февраля 1861 года; но нѣтъ сомнѣнія, что этотъ великій актъ явился лишь формальнымъ завершеніемъ процесса, въ которомъ крѣпостной строй уже изживалъ себя, вырождався и разлагался, наполняя атмосферу запахомъ тлѣнія. Покойный Данилевскій въ бѣгломъ эскизѣ набросалъ картинку деревни, носившей характерное названіе Стопановки. Такъ окрестили ее потому, что въ ней, при ограниченномъ количествѣ душъ, было около сотни „помѣщиковъ“, почти столько-же, сколько крѣпостныхъ. Такихъ деревень къ концу крѣпостного права было, надо думать, немало (если даже не считать однодворцевъ, благополучно превратившихся въ настоящихъ мужиковъ), и онѣ служили только наиболѣе яркимъ выраженіемъ общаго процесса: помѣстное сословіе мельчало, разорялось, теряло черты непосредственнаго барства божіей милостью, выдѣляло изъ себя все болѣе и болѣе явныхъ паразитовъ, приживальщиковъ, которыхъ такъ ярко изображала литература того времени..

Гарный Лугъ представлялъ изъ себя нѣчто въ родѣ разсадника или фокуса такого естественно вырождавшагося крѣпостническаго барства.

Деревенька когда-то помнила лучшіе дни, — была больше и богаче. Но въ разныя времена мужиковъ продавали или дарили на сводъ, и ко времени эмансипаціи въ ней было

около 60 дворовъ. На это количество крѣпостныхъ душъ—пановъ приходилось больше двухъ десятковъ...

Эта своеобразная социальная структура отражалась даже на наружномъ видѣ деревни. Въ ней прежде всего бросалось въ глаза темное и величавое зданіе капитанскаго „магазина“ съ остроконечною крышей и даже высокимъ флажштокомъ. Его окружала группа изъ шести или семи пирамидальныхъ тополей, стоявшихъ точно на стражѣ у фантастическаго замка. Рядомъ съ этимъ страннымъ остаткомъ какого-то исчезнувшаго величія, ютился надъ заросшимъ прудомъ скромный домикъ капитана, а кругомъ—раскинулись однообразныя соломенныя крыши и мазанныя стѣны. Кое-гдѣ среди нихъ торчали одинокіе тополи,—это значило, что тутъ тоже стоитъ „панская“ хата; но въ остальномъ эти панскія усадьбы уже мало отличались отъ крестьянскихъ.

Капитану принадлежало въ свое время около трети наличныхъ крѣпостныхъ душъ и около трети земли. Но и это было не очень много.

Мой дядя-капитанъ (женатый на сестрѣ матери) уже нѣсколько знакомъ читателю по предыдущимъ очеркамъ. Онъ былъ немного вольтерьянецъ, немного духовидецъ и спиритъ,—вообще фигура не совсѣмъ заурядная и не вполне сливавшаяся съ окружающею средою. Кромѣ того, онъ былъ превосходный рассказчикъ и большой юмористъ. Порой, въ длинные вечера на рождественскихъ каникулахъ, онъ очень ярко рисовалъ передъ нами разные эпизоды изъ прошлаго Гарнаго Луга, и въ этихъ рассказахъ вставали удивительныя фигуры и нравы. Повидимому, многочисленное гарнолуужское благородное сословіе пошло когда-то отъ двухъ родовъ, постепенно множившихся и обѣднѣвшихъ, вмѣстѣ съ обѣднѣніемъ и самой деревни. Отъ этого долго сохранялось раздѣленіе на двѣ партіи, и жизнь разнообразилась кипучею борьбой изъ-за „правъ и привилегій“, которыя не могли мирно раздѣлить эти гарнолуужскіе Монтекки и Капулетти. Центромъ борьбы являлось право пропинаціи, т. е. сдача въ аренду шинка. Каждая партія считала это право за собой и каждая выдвигала своего кандидата, поддерживая его вооруженной рукой. Шинокъ превращался порой въ настоящую крѣпость. Паны Лохмановичи ставили караулы, чтобы защитить водвореннаго въ шинкѣ Янкеля, Банькевичи чинили нападенія, чтобы водворить своего кандидата Мопка. Темными ночами вдругъ закипалъ бой. „Паны“ во главѣ своей челяди лѣзли на приступъ: трещали головы, лаiali собаки, вопили женщины и дѣти...

Когда водка въ шинкѣ вся выходила, и приходилось по-

купать въ городѣ новую бочку, — это становилось задачей настоящей военной экспедиціи. Въ одной изъ такихъ экспедицій капитанъ, кажется, участвовалъ даже лично; по крайней мѣрѣ, онъ съ большимъ увлеченіемъ рассказывалъ во всѣхъ подробностяхъ, какъ однажды Янкель отправился въ телѣгѣ съ пустой бочкой, въ сопровожденіи цѣлаго коннаго отряда подъ предводительствомъ лучшихъ военачальниковъ изъ господствовавшей партіи. Пустая бочка проѣхала въ городѣ благополучно, но когда ей пришлось возвращаться съ драгоценною жидкостью, въ лѣсу у мостика была сдѣлана засада по всѣмъ правиламъ военного искусства. На высокихъ соснахъ сидѣли соглядатаи, извѣщавшіе разными птичьими криками о приближеніи непріятеля. Едва телѣга съ Янкелемъ на передкѣ переѣхала мостикъ и тихо поплелась по глубокой песчаной дорогѣ, — изъ-подъ моста и изъ заросли выскочили нападающіе. Закинула драка, которая могла кончиться печально, если бы кто-то изъ защитниковъ или враговъ Янкеля не догадался разбить саму бочку. Водка хлынула потоками, воины, забывъ вражду, кинулись черпать ее шапками, горстями, даже сапогами, а кое-кто предусмотрительно запаса на всякій случай и посудой... Черезъ короткое время друзья и враги валялись на берегу рѣчки и въ заросляхъ совершенно пьяные, и только Янкель рвалъ на себѣ пейсы и будилъ чуткое эхо соснового бора отчаянными воплями надъ погибшимъ сокровищемъ.

Все это вело къ нескончаемымъ тяжбамъ, отъ которыхъ паны все болѣе разорялись и нищали...

Въ то время, когда мнѣ пришлось познакомиться съ Гарнымъ Лугомъ, — эти героическіе нравы уже отошли въ область легендъ, а панство, въ большинствѣ, достигло послѣдней степени паденія. Только незначительное меньшинство разумно перешли на положеніе хлѣборобовъ, срубили на домашнюю потребу фамилльные тополи, надѣли даже лапти. Эти жили хоть не почетно, но были, по крайней мѣрѣ, сыты. Многіе, однако, не забыли своего „дворянства“ и, хотя порой жестоко голодали, но „носили себя гордо и съ фантазіей“ и требовали отъ хамовъ знаковъ почтенія.

Самымъ старымъ изъ этихъ гарнолужскихъ „пановъ“ былъ панъ Погорѣльскій, живая лѣтопись деревни, помнившій времена самостоятельной Польши и самъ участникъ конфедераціи. Ему было что-то около сотни лѣтъ.

При этомъ воспоминаніи мнѣ приходитъ въ голову странная мысль. Чуть не каждый годъ мы читаемъ теперь въ газетахъ извѣстія о томъ, что въ томъ или другомъ мѣстѣ умеръ старикъ или старуха ста, ста-десяти лѣтъ, а лѣтъ

восемь или десять назадъ сибирскія газеты сообщали о смерти поселенца 136 лѣтъ... Когда мы смотримъ на горные склоны, покрытые лѣсомъ, то даже средняя гора кажется огромной по сравненію съ деревьями: столько ихъ, такая безчисленная зеленая рать толпится по ея уступамъ. Но если-бы выбрать столѣтнія деревья и сосчитать высоту горы по ихъ росту, начиная каждую ступень отъ корней новыхъ деревьевъ, совпадающихъ съ верхушками старыхъ, то оказалось бы, что десятокъ-другой такихъ деревьевъ уже измѣряетъ высоту горы... Безчисленныя поколѣнія людей какъ мелколѣсье на горныхъ склонахъ, умѣстились на разстояніи двадцати столѣтій, протекшихъ съ той ночи, когда на небѣ сіяла хвостатая звѣзда и въ виолеемской пещерѣ нашла приютъ семья плотника Іосифа, пришедшаго изъ Назарета для переписи по указу Августа.

Съ тѣхъ поръ пала Іудея, Римская имперія раздѣлилась и потонула въ безчисленныхъ ордахъ варваровъ, основались новыя царства, водворилась готическая тьма средне-вѣковья съ покорными гимнами небу и стопами еретиковъ; опять засверкала античная жизнь бѣлыми статуями изъ-подъ земли и старыми манускриптами въ архивахъ, прошумѣла реформація; цѣлыя поколѣнія косила тридцати-лѣтняя война, яркимъ костромъ вспыхнула великая революція и разлилась по Европѣ пламенемъ наполеоновскихъ войнъ. И подумать только, что все это улеглось на разстояніи менѣе, чѣмъ двадцати максимальныхъ человѣческихъ жизней. И все это время не было недостатка въ 125-лѣтнихъ старикахъ, которые могли бы, „какъ очевидцы“, передавать другъ другу лѣтопись вѣковъ. Такихъ „очевидцевъ“ до нашихъ дней смѣнилось бы только... двадцать!..

Одного изъ такихъ старыхъ дубовъ человѣческаго лѣса я видѣлъ въ Гарномъ Лугѣ въ лицѣ шляхтича пана Погорѣльскаго, служившаго когда-то „панцирнымъ товарищемъ“ въ хоругви пана Холевинскаго или пана Голембіовскаго (теперь уже не помню). Это было въ шестидесятихъ годахъ прошлаго вѣка. Ему считали около ста или немного за сто лѣтъ. Это значитъ, что онъ жилъ уже сознательною жизнью въ семидесятихъ и восьмидесятихъ годахъ XVIII вѣка. Если-бы я самъ тогда былъ умнѣе и любопытнѣе, то могъ бы теперь людямъ двадцатаго вѣка рассказать *со словъ очевидца* разныя событія изъ временъ самостоятельности и упадка Польши, за полтора столѣтія назадъ.

Но эти вопросы тогда интересовали меня мало. Пана Погорѣльскаго я видѣлъ лишь нѣсколько разъ, а разговаривать пришлось одинъ только разъ, и то случайно.

Проходя зачѣмъ-то однимъ изъ закоулковъ Гарнаго

Луга, я увидѣлъ въ маленькомъ огородѣ, у тына, высокую прямую фигуру съ обнаженной лысой головой, обрамленной по бокамъ бѣлыми, какъ молоко, сѣдыми буглями волосъ. Эта голова странно напоминала голову высохшаго мака, около которой сохранились бы два бѣлыхъ засохшихъ лепестка. Когда я проходилъ мимо, онъ какъ разъ выпрямился. Я поклонился.

Старикъ посмотрѣлъ на меня синими выцветшими, но еще живыми глазами и сказалъ:

— А чей ты, хлопче? Я что-то такихъ не видалъ.

Я отвѣтилъ, что я племянникъ капитана, и мы разговорились. Онъ стоялъ за тыномъ, высокий, худой, весь какъ будто изъ однихъ костей и сухожилий. На немъ была черная „чамарка“, вытертая и въ пятнахъ. Застегивалась она рядомъ мелкихъ пуговицъ, но половины ихъ не было, и изъ-подъ чамарки виднѣлось голое тѣло: у бѣдняги была одна рубаха, и когда какая-нибудь добрая душа брала ее въ стирку, старикъ обходился безъ бѣлья.

— Да... капитанъ... Знаю... Онъ купилъ тридцать душъ у такого-то... Номо повус... Прежнихъ уже нѣтъ. Га! Прежние, вотъ это были люди. „Паны“ цѣлой губой... хамство держали въ рукахъ... Вотъ-то били! Вотъ-то сѣкли... Вотъ-то мордовали... Скажу тебѣ по правдѣ: другой разъ даже жалко было... Э! Потомъ все пошло въ нивечъ (прахомъ). Потому что, видишь ли. Не очень давно еще, лѣтъ, можетъ, сорокъ или пятьдесятъ, было здѣсь два пана: панъ Банькевичъ, Юсифъ и панъ Лохмановичъ, Якубъ. У пана Банькевича было три сына и у пана Лохмановича, знаешь, тоже три сына. Это уже выходитъ шесть. А еще дочери... За одной Юсифъ Банькевичъ далъ 15 дворовъ на выводъ, до Подоля... А у тѣхъ опять пошли дѣти... Одни разошлись по свѣту, другіе остались... У Банькевича: Стахъ, Франекъ, Фортунать, Юзефъ...

Онъ сыпалъ этими генеалогическими развѣтвленіями, которыя я, конечно, передаю здѣсь очень вольно, и по мѣрѣ разсказа передо мной вставала картина постепеннаго размноженія и измельчанія панства... О старыхъ временахъ онъ говорилъ съ одушевленіемъ, почти восторженнымъ.

— Гей, гей!.. Скажу тебѣ, хлопче, правду: были люди... „За часувъ рѣчи посполітой“... Когда, напримѣръ, гусарскій regimentъ шелъ въ атаку, то, понимаешь,—какъ буря потому что за плечами имѣли крылья... Кони летятъ, а въ крыльяхъ вѣтеръ, говорю тебѣ, какъ ураганъ въ сосновомъ бору... Исусъ, Марія, святой Юсифъ...

Глаза старика при этомъ воспоминаніи засверкали какой-то острой колючей искоркой, въ лицо бросилась кровь.

такъ что покраснѣла даже лысина. Но тотчасъ же возбужденіе схлынуло.

— А теперь,—га!—скажи онъ тихо, наклоняясь ко мнѣ черезъ тынъ:—теперь, скажу тебѣ, хлопче.. Все покатилося кверху дномъ на этомъ свѣтѣ. Теперь мужикъ, клянусь Богомъ и Пресвятой Дѣвой—бьетъ родовитаго шляхтича по мордѣ.. И что же?.. И ничего... Да что тутъ говорить... Последнія времена...

Голосъ его спустился до шопота, а старые потухшіе глаза озирались, какъ будто опасаясь, чтобы его не услышали, чего добраго, прежніе люди, панцырные товарищи и самъ панъ Холевинскій... Въ лицѣ виднѣлось дѣтски наивное удивленіе: что это за люди кругомъ, куда исчезла панцырная хоругвь, куда провалилась прежняя шляхта... Кругомъ было знойно и тихо. Въ огородѣ качались подсолнухи. Къ нимъ, жужжа, липли пчелы, на кольяхъ стараго тына чернѣли опрокинутые горшки, и жесткіе листья кукурузы шелестѣли брягливо и сухо...

Уже незадолго передъ освобожденіемъ, у самого пана Погорѣльскаго оставалась всего на всего одна крѣпостная семья, которую по закону уже нельзя было раздѣлить. Между тѣмъ, у него были дочь и сынъ. Дочь вышла замужъ, когда сынъ былъ въ отлучкѣ, и старикъ, уже и тогда лучше помнившій старыя годы, тѣмъ ближайшія обстоятельства, подарилъ „душу“ крѣпостного Микиты зятю. Когда сынъ вернулся, то сталъ оспаривать это распоряженіе, и между двумя раздѣлившимися панскими „дворами“ закипѣла борьба изъ-за обладанія Микитой, при которой старикъ присутствовалъ въ качествѣ скорбнаго свидѣтеля, только разводившаго руками. Хуже всего при этомъ доставалось, конечно, злополучному предмету спора. Оба „молодыхъ пана“ отдавали Микитѣ приказанія, и оба требовали неукоснительнаго исполненія. Такимъ образомъ, несчастный мужикъ вѣчно находился подъ воздѣйствіемъ двухъ силъ, тянувшихъ въ разныя стороны. Равнодѣйствующая повлекла его въ направленіи, одинаково удаленномъ отъ обѣихъ: онъ облюбовалъ себѣ мѣсто въ шинкѣ Янкеля, который и оказался его фактическимъ повелителемъ. Положеніе между двумя воюющими и одной нейтральной державой развило въ Микитѣ дипломатическія способности: порой онъ заключалъ союзъ съ однимъ паномъ и вмѣстѣ съ нимъ тузилъ другого. Потомъ переходилъ на сторону противника и для восстановленія политическаго равновѣсія добросовѣстно колотилъ недавняго союзника. Суда онъ не боялся, такъ какъ въ обихъ случаяхъ исполнялъ приказаніе „своего пана“...

Бывало, конечно, и такъ, что оба пана приходили къ

сознанію своего, какъ теперь принято говорить, классоваго интереса и заключали временный союзъ противъ Микиты. Тогда Микитѣ приходилось плохо, если только Янкель не успѣвалъ своевременно обезпечить ему убѣжище. Впрочемъ, даже во времена наиболѣе для него благоприятныхъ конъюнктуръ, положеніе злополучнаго Микиты было самое печальное. Жизнь его сложилась уже совсѣмъ не по-людски и была лишена всякаго смысла. Едва ли онъ мечталъ о многомъ: имѣть одного „настоящаго пана“—это было бы для него сравнительно счастьемъ. Но и это было недостижимо. Онъ приходилъ къ капитану, прося купить его въ нераздѣльное владѣніе и обѣщая работать за троихъ. Работникъ онъ былъ хорошій, и Янкель не имѣлъ основаній на него жаловаться. Тѣмъ не менѣе, и купить его было нельзя, такъ какъ онъ былъ владѣніемъ спорнымъ, и не было извѣстно, кто же собственно могъ его продать. А раздѣлить покупную сумму пополамъ „стороны“ не соглашались: онѣ лучше согласились бы разрубить пополамъ самого Микиту.

— Хйба-жъ я таки ничего не стою?—спрашивалъ бѣдняга въ отчаяніи.

— Я тебя, бѣдный человекъ, не хулю,—отвѣчалъ капитанъ.—Мужикъ ты стоящій, но съ тобой приходится наживать тяжбу... Иди себѣ съ Богомъ...

Микита ожесточался, шелъ въ корчму, напивался тамъ и становился страшенъ для обоихъ владѣльцевъ... А старикъ Погорѣльскій глядѣлъ на все своими потухшими старыми глазами и былъ совершенно неспособенъ развязать имъ же завязанный узелъ. Порой только, когда онъ видѣлъ, какъ сынъ колотилъ зятя или зять сына, и при этомъ „хамъ“ тоже поднималъ на панскую физиономію свою святотатственную руку, старикъ вспыхивалъ, какъ сгорѣвшая солома, въ которой вѣтеръ раздулъ еще сохранившуюся искру, и хваталъ со стѣны старую турецкую ружницу.

— Га! Пустите только меня. Застрѣлю лайдака, какъ пса... Когда я былъ панцырнымъ товарищемъ...

Но всѣ хорошо знали, что въ ружницѣ нѣтъ ни кремня, ни пороху, и что вмѣшательство стараго рыцаря совершенно неопасно. Жилъ онъ, когда я его видѣлъ, кажется, у зятя и, какъ сказано, порой ходилъ совсѣмъ безъ рубахи...

Судьба Микиты между двумя владѣльцами была только наиболѣе яркимъ символомъ общаго положенія вещей въ Гарномъ Лугѣ. И если она представляла своего рода *reductio ad absurdum* этого положенія, то и самъ Гарный Лугъ былъ доведеніемъ до уродливыхъ нелѣпостей всего крѣ-

постного строя: размножившееся панство, какъ явный паразитъ, поѣдало и мужиковъ, и другъ друга...

Въ семьѣ Лохмановичей тоже кипѣли свары и драки между раздѣлившимся отпрысками, доставляя матеріаль для юмористическихъ наблюденій капитана. Однажды, напри-мѣръ, у одного изъ родственниковъ пропала свинья. Черезъ нѣкоторое время она была найдена застрѣленной и въ такой степени разложенія, что ее не согласился купить даже про-ѣзжій цыганъ. А еще черезъ нѣкоторое время вода въ колодецѣ противника „затухла“ и стала издавать загадочный запахъ. Въ семьѣ появились отъ нея болѣзни. Когда прочистили колодець,—въ немъ оказался трупъ безвременно погибшей свиньи...

Старшій въ родѣ Лохмановичей представлялъ тоже фигуру довольно яркую: широкоплечій, съ тонкой таліей, съ большимъ польскимъ носомъ и окладистой бородой, красиво раастилавшейся по всей груди,—онъ прямо просился на картину историческаго живописца и, можетъ быть, представлялъ точную копію какого-нибудь воинственнаго предка, водившаго въ бой отряды.. Теперь это была форма безъ соответствующаго содержанія. Изъ всѣхъ качествъ воинственнаго предка сохранилась только живописно-величавая осанка, богатырскій аппетитъ и благородное влеченіе къ тонкимъ блюдамъ. „Панъ Лохмановичъ,—говорилъ про него капитанъ,—знаетъ, чѣмъ пахнетъ дымъ изъ каждой печной трубы въ Гарномъ Лугѣ“.

Однажды у капитана случилась покража. Кто-то валомаль окно въ его знаменитомъ „магазинѣ“ и утащилъ кадучку меду. Первый сообщилъ объ этомъ „случайно зашедшій“ панъ Лохмановичъ, и онъ-же выражалъ наиболѣе шумное негодованіе противъ распущеннаго хамства.

— И зачѣмъ бы, спрашиваю, челоуѣку воровать. А! Стыдъ передъ людьми, грѣхъ передъ Богомъ. Богъ велѣлъ каждому довольствоваться тѣмъ, что дано Его святымъ милосердіемъ. Имѣю немного, но что имѣю—мое! А у этого хамства нѣтъ ни стыда, ни совѣсти, ни страха Божія..

Мужики угрюмо молчали и осматривали внимательно признаки взлома. Вдругъ одинъ изъ нихъ указалъ на слѣды подъ окномъ. Слѣды были сапожные, и правый давалъ ясный отпечатокъ сильно сбитаго каблука.

Мужики загалдѣли. Они всѣ ходятъ въ „постолахъ“ (лаптяхъ), сапоги — обувь панская... И притомъ у пана Лохмановича правый каблукъ стоптанъ какъ разъ въ ту-же сторону.

Когда дѣло дошло до этого щекотливаго открытія,—панъ Лохмановичъ какъ-то незамѣтно стушевался. Но—слово было

брошено, и хлопство его подхватило. Поднялся шумъ, громкіе крики, насмѣшки. Мужики громко кричали на улицахъ, что магазинъ взломали „паны“, и никто не могъ заткнуть имъ глотку... Честь всего гражданского правящаго сословія была задѣта, и къ пану Лохмановичу рѣшено было отправить депутацію, о которой капитанъ любилъ рассказывать съ юмористическими подробностями. Во главѣ ея, какъ старѣйшій представитель шляхетства, сталъ панъ Погорѣльскій. Бывшій панцирный товарищъ испытывалъ при этомъ большую робость: пани Лохмановичева слыла за даму очень воинственную, способную обратить въ бѣгство всю „хоругвь“ даже съ паномъ Холевинскимъ во главѣ. По счастливой случайности оказалось, что грозная шляхтянка какъ разъ была въ отлучкѣ, и депутація свободно проникла во дворъ. Панъ Погорѣльскій, владѣвшій до извѣстной степени формами старо-польскаго краснорѣчія, обратился къ „уважаемому пану-брату“ съ рацеей, въ которой говорилъ, между прочимъ, что:

— Самъ уважаемый собратъ и благодѣтель видитъ, какъ разнузданное хлопство кидаетъ злую „калюмнію“ на все благородное сословіе Гарнаго Луга, и при этомъ осмѣливается называть уважаемое имя пана Лохмановича...

Заключеніе длинной рѣчи сводилось къ тому, что оскорбленное хамами шляхетство, единственно для того, чтобы вогнать калюмнію обратно въ хлопскія глотки,—обращается къ уважаемому собрату съ просьбой дозволить осмотръ своихъ кладовыхъ.

Панъ Лохмановичъ держался великолѣпно: съ него и въ эту минуту можно было бы написать какого-нибудь польскаго Цинцинната, принимающаго депутацію въ своей скромной „загородѣ“. Онъ спокойно согласился открыть свои обширныя кладовыя для осмотра.

— Pro forma, благодѣтель, pro forma,—говорилъ обрадованный Погорѣльскій.—Только чтобы зажать рты черни.

Обыскъ приходилъ къ концу безъ результата, и паны готовы были уйти, когда одинъ изъ мужиковъ, допущенныхъ все-таки въ качествѣ депутатовъ отъ черни, обратилъ вниманіе на большую кучу отрубей, сыпанную въ одномъ углу. Онъ разгребъ ее своими мужицкими руками, и подъ ней обнаружились двѣ стройныя высокія кадочки, одна съ масломъ, другая съ медомъ.

Панъ Погорѣльскій остолбенѣлъ, депутаты сконфузились, а мужики, подхвативъ кадочки на плечи, съ торжествомъ понесли ихъ къ капитану по улицамъ Гарнаго Луга, въ сопровожденіи шумно бѣсновавшейся толпы... На одной изъ улицъ произошла неожиданная встрѣча съ возвращавшейся

изъ лѣсу пани Лохмановичевой. Разобравъ, въ чемъ дѣло, воинственная дама произвела было такой бурный натискъ, что едва не обратила въ бѣгство самый центръ хлопства, окружавшій кадки, какъ нѣкое знамя... Но, въ концѣ концовъ, знамя все-таки осталось въ рукахъ мужиковъ, а храбрая дама вынуждена была довольствоваться побѣдой надъ старымъ Погорѣльскимъ, котораго долго ругала на улицѣ передъ его домомъ.

Бѣдный старикъ былъ искренно удрученъ этой исторіей, находя, что этотъ случай представляетъ несмыслимый позоръ для шляхетства. Онъ плакалъ, „какъ бобръ“, по выраженію капитана, вспоминая о прежней славѣ, о панцырной хоругви и оплакивая коррупцію нравовъ, *periculum in moribus nobilitatis harnolusiensis*... Но самъ Лохмановичъ, да и остальная среда этой *nobilitatis* отнеслись къ дѣлу очень философски.

Для черезъ два панъ Лохмановичъ отправился, какъ ни въ чемъ не бывало, къ капитану и сказалъ съ видомъ подкупающаго простодушія:

— А, пане капитане,—не лучше-ли намъ бросить все это дѣло. Ей-Богу! Говорятъ люди, что худая згода лучше хорошей драки... Ну, случилось тамъ... съ кѣмъ не бываетъ... Хорошо ли мѣшать крѣчковъ въ свои сосѣдскія дѣла...

Капитанъ былъ человѣкъ вспыльчивый, но добродушный. Онъ простилъ сосѣду „маленькую случайность“, и впоследствии ни одно семейное событіе въ домѣ капитана, сопровождавшееся экстреннымъ угощеніемъ, не обходилось безъ того, чтобы его не украсила живописная фигура Лохмановича...

Однако, самыми замѣчательными личностями среди гарнолужскаго панства были два брата Банькевичи, Антоній и Фортунатъ.

Старшій, Антоній, былъ круглый человѣкъ съ большимъ животомъ и маленькой лысой головой. Лицо у него было необыкновенно красно, носъ совершенно сизый, маленькіе глазки лоснились и глядѣли очень добродушно. Вообще, когда онъ сидѣлъ въ креслѣ, сложивъ пухлыя руки на животъ, вращая большими пальцами, и съ тихой улыбкой глядѣлъ на собесѣдника,—его можно было бы принять за благодушнѣйшаго старца, довольнаго судьбой и желающаго ближнимъ всякаго благополучія. Но въ дѣйствительности это былъ страшный хищникъ, орудіемъ котораго была ябеда.

Ябеда и доносъ еще и теперь представляютъ силу очень значительную. А въ тѣ времена при общемъ невѣ-

жествъ и старыхъ судахъ—ябедникъ, обладавшій „острымъ перомъ“ и знаніемъ судейскихъ формъ, внушалъ среднему обывателю ужасъ почти суевѣрный, какъ злой волшебникъ, знающій магическое „слово“, которое отдастъ въ его руки чужую судьбу. Усадьба пана Антонія Банькевича представляла нѣчто вродѣ заколдованнаго круга, близость къ которому оказывалась роковой. Это испытали на себѣ его сосѣди. Если курица какого-нибудь пана Кунцевича попадала въ огородъ пана Антонія,—она, во-первыхъ, исчезала, а, во-вторыхъ, начинался искъ о потравѣ. Если, наоборотъ, свинья пана Антонія забиралась въ сосѣдскій огородъ,—это было еще хуже. Какъ-бы почтительно ни выпроводилъ ее бѣдный Кунцевичъ,—все-таки оказывалось, что у нея перебита нога, проколотъ бокъ, или какимъ инымъ способомъ она потерпѣла урокъ въ своемъ здоровьи, что влекло опять уголовное обвиненіе и гражданскіе иски. Сосѣди дрожали и откупались, а Банькевичъ, сидя на своемъ крыльцѣ, цѣлые дни озиралъ свои владѣнія, высматривая поводы для начатія дѣла.

По большей части дѣла эти не доходили даже до суда такъ какъ сосѣди предпочитали идти на всѣ условія, котормы имъ диктовалъ могучій волшебникъ.

— А пусть его всѣ черти возьмутъ, — говаривалъ какой-нибудь простодушный панъ Кунцевичъ.—Какъ тутъ быть, когда человѣкъ не знаетъ, какой статьей можно гнать съ огорода гуся, а какой поросенка. А онъ загоняетъ чужихъ, откуда хочетъ, и ничего не боится.

Изъ долгой практики сосѣди приходили къ заключенію, что куры, утки, гуси и свиньи пана Банькевича находятся подъ особымъ покровительствомъ закона... И слава пана Антонія установилась даже за предѣлами Гарнаго Луга такъ прочно, что служила источникомъ постоянного дохода... Къ нему обращались всѣ сутяги изъ окрестныхъ селъ и даже изъ ближайшаго мѣстечка. Когда въ Гарномъ Лугѣ появился капитанъ, купившій чуть не половину деревни, — у него съ Банькевичемъ вышло столкновеніе. Это было неизбежно: капитанъ не выказывалъ никакого суевѣрнаго страха передъ волшебнымъ могуществомъ знаменитаго ябедника и такимъ образомъ косвенно подрывалъ его репутацію. Банькевичъ рѣшился,—мнѣ кажется, просто изъ ябедническаго самолюбія,—на дерзкій, ошеломляющій натискъ: онъ явился съ рабочими на ниву новаго владѣльца и сталъ жать его хлѣбъ.

Когда къ капитану принесли извѣстіе объ этомъ набѣгѣ, онъ выслушалъ его спокойно и отразилъ по-своему: съ уморомъ. Рабочіе Банькевича жали цѣлый день, а подъ вечеръ сложили снопы на воза и повезли. Дорога пролегла мимо

усады капитана, по задачамъ. Банькевичъ лично предводительствовалъ поѣздомъ, шагая впереди и зорко вглядываясь во вражескую усадьбу. Тамъ все было тихо. По близости не было видно ни живой души. Однако, когда первый возъ, поскрипывая, поровнялся съ запертыми воротами капитанской клуны, — эти ворота широко раскрылись, изъ-за нихъ выбѣжали капитанскіе рабочіе и, захвативъ воловъ, повернули возъ за возомъ въ клуню. Разгрузивъ телегу, ее выводили въ другія ворота и отдавали рабочимъ Банькевича, которые не оказывали ни малѣйшаго сопротивленія. Ихъ было меньше, и, кромѣ того, они сознавали, что капитанское дѣло правое. Пока все это продѣлывалось въ клунѣ, — капитанъ, снявъ свою форменную фуражку съ кокардой, любезно благодарилъ дорогого сосѣда за помощь и пригласилъ его, по окончаніи трудовъ, на чашку чая...

Ударъ былъ нанесенъ на глазахъ у всего Гарнаго Луга, и всѣ понимали, что Банькевичъ не уступитъ. Ябедникъ понималъ, въ свою очередь, что имѣетъ дѣло съ сильнымъ противникомъ и сталъ готовиться. Было извѣстно, что всякую ябеду онъ начинаетъ молитвой. На этотъ разъ онъ сѣзидилъ къ чудотворной иконѣ „на одпустъ“ и, вернувшись, долго обдумывалъ что-то, рылся въ законахъ, потомъ зажегъ у себя въ хатѣ „громницу“ и лежалъ „крыжемъ“ на полу, выпрашивая у Богородицы помощи и вдохновенія.

Экстренныя приготовленія вызвали въ сосѣдяхъ большую тревогу. Можно было подозрѣвать, что дѣло идетъ о капитанѣ, но... кто знаетъ, можетъ быть, ябедникъ захочетъ взять реваншъ на комъ-нибудь изъ слабыхъ сосѣдей... Одинъ изъ послѣднихъ всю ночь дрожалъ отъ страха, не могъ сомкнуть глазъ и слѣдилъ за ужасными приготовленіями. Банькевичъ долго молился, билъ себя въ грудь и даже плакалъ, между тѣмъ какъ на столѣ лежала приготовленная бумага и очищенные гусинья перья... Всю лѣтнюю ночь изъ окна Банькевича падалъ желтоватый снопъ свѣта на кусты жасмина, на бурьянъ и подсолнечники, а, можетъ быть, также на истомленное лицо испуганнаго соглядатая-сосѣда... А въ комнатѣ видѣлась фигура ябедника, то падаваго на колѣни, когда изсякало вдохновеніе, то усиленно строчившаго ябеду... На деревнѣ пѣли уже пѣтухи, когда окно Банькевича стукнуло, и въ немъ появилось красное лицо со слѣдами не остывшаго еще вдохновенія. Онъ съ выраженіемъ торжества поднималъ руку съ листомъ бумаги и помахалъ имъ въ ту сторону, гдѣ высился темной крышей съ флагштокомъ „магазинъ“ капитана, окруженный тополями.

Такъ какъ общее сочувствіе было на сторонѣ капитана,
Августъ. Отдѣлъ I.

то результатъ ночныхъ наблюденій сосѣда быть ему тогда же сообщенъ во всѣхъ подробностяхъ.

Тяжба закипѣла.

Впослѣдствіи капитанъ любилъ разсказывать все ея ходы, а однажды позволилъ мнѣ ознакомиться со своимъ домашнимъ архивомъ, гдѣ были черновики ябедъ Банькевича и отвѣтовъ капитана. Противники были достойны другъ друга.—Первая жалоба Банькевича произвела на меня впечатлѣніе своеобразнаго, но несомнѣнно талантливаго произведенія. Стилъ ея былъ старинный, русско-польскій, кудреватый, запутанный и усѣянный такими неожиданными, что, когда я читалъ жалобу громко,—то въ нашей молодой компаніи стоялъ общій хохотъ. Однако, ей нельзя было отказывать ни въ выразительности, ни въ своеобразномъ пафосѣ, какъ будто рассчитанномъ на чувствительность нѣжныхъ судейскихъ сердець. Себя авторъ называлъ „сиротой-дворяниномъ“, а противника—„именующимъ себя капитаномъ“. Тщательно избѣгая указаній на то, откуда именно взять спорный хлѣбъ, жалоба выдвигала впередъ несомнѣнный фактъ, что его везли собственные его, Банькевича, люди, на собственныхъ возахъ и собственными волами. Попутно на капитана вводились разныя стороннія обвиненія. Онъ именуется непринятымъ званіемъ (онъ былъ штабсъ-капитанъ въ отставкѣ, а звали его все капитаномъ), имѣніе его называлось почему-то „незаконно-пріобрѣтеннымъ“, рабочіе „безбожными“... и т. д. „И какъ будучи тѣ возы на дорогѣ, пролегающей мимо незаконно пріобрѣтеннаго имъ, самозванцемъ Курцевичемъ, двора, то оный самозванный капитанъ со своей безбожною и законопротивною бандою, выскочивъ изъ засады съ великимъ шумомъ, крикомъ и тумультомъ, яко настоящій тать, разбойникъ и публичный грабитель, похватавъ за оброти собственныхъ его, сироты дворянина Банькевича, лошадей, а воловъ за ярма,—сопровождали оныхъ въ его, Курцевича, клуню и съ великимъ поспѣхомъ покидали въ скирды. О каковомъ публичномъ рабункѣ и явномъ разбоѣ онъ, низайшій сирота-дворянинъ Антоній Фортунатовъ Банькевичъ, „омочая сію бумагу горькими сиротскими слезами“, просить произвести строжайшее слѣдствіе и дать судъ по формѣ“. Въ заключеніе приводились статьи, угрожавшія капитану чуть не ссылкой въ каторжныя работы, и списокъ убытковъ, грозившій противнику полнымъ разореніемъ.

Хотя на этомъ и на послѣдующихъ произведеніяхъ Банькевича я впервые знакомился съ особенностями ябедническаго стили, но, конечно, мое изложеніе даетъ лишь отдаленное и самое общее понятіе объ его красотахъ. Особенно

поражало обиліе чисто-патетическихъ мѣстъ. Такъ какъ старый ябедникъ, очевидно, не могъ серьезно разсчитывать на судейскую чувствительность, то это была безкорыстная дань эстетикѣ, своего рода полетъ чистаго творчества. Газетъ въ деревнѣ не было. Книги почти отсутствовали. Поэтому съ красотами человѣческаго писаннаго слова деревенскіе обыватели знакомились почти исключительно по такимъ произведеніямъ. Пущенная по рукамъ жалоба читалась и перечитывалась. Даже капитанъ долженъ былъ признать, что она написана перомъ острымъ и краснорѣчивымъ. Общее мнѣніе было,—что капитану придется „разгрызть твердый орѣхъ“. Банькевичъ наслаждался литературнымъ успѣхомъ.

Капитанъ, въ свою очередь, собрался въ походъ.

Уже самые его сборы были внушительны: прислуга вытаскала изъ сундуковъ и принялась выколачивать военный мундиръ съ эполетами, брюки съ лампасами, сапоги со шпорами и каску съ султаномъ. Развѣшенное на тыну, все это не могло не произвести впечатлѣнія на смиренную гарнолужскую публику, въ глазахъ которой уже отъ одного этого шансы капитана должны были сильно подняться. Затѣмъ капитаномъ былъ прочитанъ знакомымъ весьма искусно составленный „въ такой-то высшій земскій судъ отставного корпуса лѣсничихъ штабсъ-капитана Венедикта Казиміровича Курцевича отзывъ... А о чемъ оный отзывъ, тому слѣдуютъ пункты“...

Въ этихъ пунктахъ капитанъ не безъ нѣкотораго подъема изложилъ прежде всего, что онъ не самозванецъ, а истинный Государя своего штабсъ-капитанъ въ отставку, на что имѣетъ законныя доказательства. Ибо: начавъ службу въ такомъ-то полку юнкеромъ изъ дворянъ, участвовалъ въ дѣлахъ съ мятежниками, при чемъ понесъ ядерную контузію въ правый бокъ; былъ взятъ мятежниками въ плѣнъ подъ Остроленкой, отбитъ отрядомъ донскихъ казаковъ, награжденъ такимъ-то орденомъ. Послѣ чего, выйдя въ отставку, опредѣлился на службу по корпусу лѣсничихъ, былъ произведенъ въ чины и въ такомъ-то году по прошенію уволенъ въ отставку въ чинѣ штабсъ-капитана съ мундиромъ. Изъ чего явствуетъ, что именующій себя сиротой-дворяниномъ Банькевичъ повиненъ въ клеветническомъ оболганіи его, Курцевича, и сверхъ того въ дерзостномъ непризнаніи Высочайшихъ указовъ и повелѣній.

Самое происшествіе со снапами излагалось съ другой точки зрѣнія и въ другомъ тонѣ. Паеосу и чувствительности Банькевича капитанъ противопоставилъ язвительность и иронию, и спрашивалъ: какъ сирота-дворянинъ очутился со

снопами у его, Курцевича, клуни, когда всему свѣту въ Гарномъ Лугѣ извѣстно, что его, Банькевича, поле лежитъ въ другомъ мѣстѣ и ѣзда къ нему по другой дорогѣ. Слыхано и видано, что сироты ходятъ съ торбами, вымалывая куски хлѣба для насущнаго пропитанія. Но чтобы сироты прѣзжали на чужое поле не съ убогою торбиною, а съ подводами, конно и людно, тому непохвальный примѣръ является собою лишь оный Антонъ Фортунатовъ Банькевичъ, что въ благоустроенномъ государствѣ терпимо быть не можетъ. А посему, за силою законовъ,—капитанъ, въ свою очередь, требовалъ для Банькевича разныхъ немилостивыхъ наказаній.

Пожавъ свою долю лавровъ въ Гарномъ Лугѣ (при чемъ слушать отзывъ прѣзжали даже окрестные помѣщики), капитанъ съ мундиромъ, саблей, шпорами и цѣлымъ возомъ разныхъ деревенскихъ продуктовъ для „судей“ тоже отправился въ городъ... Тяжба тянулась долго, со всякими подходами, жалобами, отзывами и доносами. Банькевичъ чувствовалъ, что вся его слава идетъ прахомъ. Одолѣть капитана стало задачей его жизни. Онъ засыпалъ его злостными доносами, но капитанъ стоялъ, какъ скала, отвѣчая на патетическія ябеды язвительными отзывами, все расширявшими его литературную извѣстность. Когда капитанъ читалъ свои произведенія передъ восхищенными слушателями, его лицо оставалось спокойно, только сѣдые усы чуть-чуть подергивались въ юмористическихъ мѣстахъ. Между тѣмъ, какъ слушатели хлопали себя по колѣнкамъ и громко хохотали, закидывая головы отъ восторга, Банькевичъ изводился отъ злобы. Едва-ли самая злая газетная полемика такъ волнуетъ теперь литературныхъ противниковъ, какъ волновала и самихъ участниковъ, и мѣстное общественное мнѣніе эта борьба капитана съ злымъ ябедникомъ, слава котораго колебалась, какъ иная литературная репутація подъ ударами новой критики.

Въ концѣ концовъ, капитанъ побѣдилъ: выведенный его успѣхами изъ границъ всякаго благоразумія, Банькевичъ потерялъ самообладаніе и сталъ писать доносы въ высшія инстанціи на самихъ судей, яко мадоимцевъ „хабарниковъ, чинящихъ оному Курцевичу толеранцію и потакательство, а ему сиротѣ-дворянину—импертынненцію и несправедливость. Кромѣ того, онъ засыпалъ разныя учрежденія исками и доносами на родственниковъ и знакомыхъ капитана и на знакомыхъ этихъ знакомыхъ. Тогда судъ, сдѣлавъ точный сводъ всей этой литературѣ, отослалъ его въ сенатъ, и тамъ было рѣшено примѣнить къ доносчику статью о „завѣдомыхъ ябедникахъ“, отъ коихъ всѣмъ присутственнымъ мѣ-

стамъ и начальствующимъ лицамъ воспрещается принимать жалобы и доносы. Рѣшеніе это настигло Банькевича, какъ громъ среди яснаго неба, особенно когда, по предписанію нижняго земскаго суда, въ Гарный Лугъ явился становой приставъ съ волостными и сельскими властями. Собравъ гарнолуужскихъ понятыхъ, онъ съ злораднымъ торжествомъ явился къ Банькевичу, отобралъ у него всю бумагу, перья, чернила и потребовалъ у „завѣдомаго ябедника“ подписку о „неимѣніи оныхъ принадлежностей и на впредь будущее время“.

Банькевичъ былъ убитъ и уничтоженъ. Это былъ злой волшебникъ, у котораго отняли черную книгу, который такимъ образомъ превратился сразу въ обыкновеннаго смертнаго. Даже самые смиренные изъ его сосѣдей, недавно передъ нимъ трепетавшіе, гоняли дрючками его свиней, нанося дѣйствительное членовредительство, а своихъ поросятъ, захваченныхъ въ заколдованныхъ нѣкогда предѣлахъ,—отнимали съ наглымъ пренебреженіемъ даже къ справедливымъ претензіямъ „завѣдомаго ябедника“, лишеннаго теперь покровительства законовъ.

Банькевичъ изводился отъ безсильной злобы и печали. Однако, черезъ нѣкоторое время онъ опять сѣзидилъ на однусть къ чудотворной иконѣ и вернулся значительно успокоенный. Одной темной осенней ночью на дворѣ капитана завyla собака, за ней другая. Проснулся кто-то изъ работниковъ, но сначала ничего особеннаго во дворѣ не замѣтилъ... Потомъ за клуней что-то засвѣтилось. Пока онъ будилъ другихъ работниковъ и капитана, клуня уже была вся въ огнѣ,—та самая клуня, съ которой началась ссора.

Эту ночь долго помнили въ Гарномъ Лугѣ. Хлѣбъ уже былъ свезенъ, но только небольшая часть обмолочена и зерно сложено въ „магазинъ“. Оставшіеся скирды и солома пылали такъ сильно, что невозможно было подступиться; вверху надъ пожаромъ въ кровавомъ отсвѣтѣ кружились голуби и падали въ пламя, а огромные тополи около магазина стояли, точно сейчасъ отлитые изъ расплавленной мѣди. Поджогъ былъ сдѣланъ съ подлымъ расчетомъ,—вѣтеръ дулъ на магазинъ. Но вскорѣ онъ перемѣнился и подулъ въ поле. Величавое дряхлое аданіе уцѣлѣло; только у нѣкоторыхъ тополей посохли верхушки и долго потомъ торчали сухими вѣтниками надъ остальной буйной листвою, напоминающая о страшной ночи.

Капитанъ въ эту ночь посѣдѣлъ окончательно, и теперь настала его очередь терзаться безсильнымъ гнѣвомъ. Онъ хватался за пистолеты, порывался расправиться съ врагомъ, и женѣ стоило много труда удерживать эти бѣшенныя

вспышки. А панъ Антоній сидѣлъ утромъ на своей „призьбѣ“ (заваленкѣ), попрежнему сложивъ руки на кругломъ животѣ и крутя большими пальцами. Сосѣди видѣли, какъ онъ вышелъ изъ своей хаты въ началѣ пожара, протирая глаза и неодѣтый. Поэтому формально „сирота-дворянинъ“ стоялъ внѣ подозрѣній. Но онъ не скрывалъ, что считаетъ себя истинной причиной „божіей кары“ надъ капитаномъ. Онъ горячо молился пресвятой дѣвѣ о своихъ обидахъ и сразу почувствовалъ, что его молитва будетъ услышана, и его горькія слезы капитану отольются... И вотъ... Та самая клуна, у которой ему нанесена капитаномъ „импертыненція“, улетѣла съ дымомъ...

При этомъ маслянистые глазки „сироты-дворянина“ сверкали радостнымъ умиленіемъ, а на губахъ играла такая странная улыбка, что близкіе и дальніе сосѣди опять начали низко кланяться пану Антонію.

Одинъ еще разъ успѣхъ, какъ будто, улыбнулся ябеднику и на излюбленномъ поприщѣ. Подошло время возстанія 1863 года. Капитанъ былъ полякъ, но патріотъ неважный, что видно уже изъ начала его служебной карьеры: повстанцы 30-го года взяли его въ плѣнъ, и капитанъ рассказывалъ съ большимъ юморомъ, какъ какой-то начальникъ говорилъ объ немъ караульнымъ: „за этимъ имѣйте око; онъ хотъ Курцевичъ и полякъ, но душа у лайдака московская“.

Когда началось возстаніе 1863 года, капитанъ вздумалъ пошутить надъ старымъ панцирнымъ товарищемъ и сталъ уговаривать почти столѣтняго Погорѣльскаго поступить въ банду: повстанцамъ недостаетъ вождей, и человекъ, служившій въ хоругви Холевинскаго, можетъ стать во главѣ отряда. Бѣдный старикъ вздыхалъ, даже плакалъ, отбиваясь отъ соблазнителя: ни нога уже не годится для стремени, ни рука для сабли,—но капитанъ изо дня въ день приходилъ къ его хатѣ, нашептывая одно и то-же. Наконецъ, искусситель потерялъ надежду и бросилъ. Но тутъ оказалось, что старикъ пришелъ къ нему самъ: въ послѣднемъ разговорѣ капитанъ намекнулъ на то, что „до лясу“ повезли цѣлые возы провизіи, въ томъ числѣ превосходные окорока. Бѣдный оголодавшій пляхтичъ не могъ устоять противъ этого послѣдняго соблазна и пришелъ записаться...

Къ соблазну юмористическихъ рассказовъ капитана о гарнолужскомъ панствѣ прибавился еще одинъ, но судьба чуть не заставила его горько расплатиться за эту жестокость. Банькевичъ подхватилъ рассказъ и послалъ доносъ, изложивъ довольно точно самые факты, только, конечно, лишивъ ихъ юмористической окраски. Время было особенное, и доносу „завѣдомаго ябедника“ данъ былъ ходъ...

Капитану пришлось пережить нѣсколько тяжелыхъ минутъ, и только видъ бѣднаго старика, расплакавагося, какъ ребенокъ, въ комиссіи, убѣдилъ даже жандарма, что такого вояку можно было вербовать развѣ для жестокой шутки и надъ нимъ, и надъ самымъ дѣломъ.

Мнѣ остается отмѣтить еще одну яркую фигуру изъ того же гарнолужскаго панства. У ябедника Антонія былъ братъ Фортунатъ Фортунатовъ сынъ Банькевичъ. Онъ былъ нѣсколькими годами моложе, гораздо подвижнѣе и живѣе старшаго брата. Образъ жизни онъ велъ загадочный, часто куда-то отлучался и пропадалъ надолго съ гарнолужскаго горизонта. Потомъ появлялся опять съ цѣлыми вязками лошадей за бричкой. Водился онъ съ цыганами, греками и вообще сомнительными людьми „по лошадиной части“. Порой къ гарнолужскому табуна нивѣсть откуда присоединялись дорогія статныя лошади, которыя также таинственно исчезали. Многіе качали при этомъ головами, но... панъ Фортунатъ былъ человѣкъ обходительный и любезный со всѣми. Ему удалось даже помирить брата съ капитаномъ. Однажды онъ исчезъ и болѣе въ Гарномъ Лугѣ не появлялся. Говорили, будто онъ сложилъ свою дворянскую голову гдѣ-то темною ночью, на промыслѣ за чужими лошадьми. Но достовѣрно ничего не было извѣстно даже брату...

Мужики.—Грѣхи капитана.—Судьба Антося.

Таково было гарнолужское „помѣстное сословіе“, разоренное, опустившееся, разлагающееся и справедливо презираемое. Совершенно понятно, что первое дѣтское впечатлѣніе отъ деревни съ ея гармоническими мирными впечатлѣніями и идилліей, совершенно заслонилось въ моемъ представленіи сначала фигурой грознаго Дешерта, а затѣмъ карикатурными типами гарнолужскаго панства... То, что было привлекательнаго въ первыхъ воспоминаніяхъ о деревнѣ, оставалось теперь только на одной сторонѣ: мужицкую деревню мы и теперь не знали, но на сторонѣ мужика оставался постоянный трудъ и страданіе. Разоренные еще до освобожденія своимъ „ненастоящимъ“ панствомъ—гарнолужане завидовали судьбѣ другихъ мужиковъ, у которыхъ хоть паны-то были настоящіе...

И мы, приобщаясь временно къ гарнолужской жизни, чувствовали на себѣ вѣяніе этого враждебно-презрительнаго отношенія мужицкой части деревни къ части немужицкой. Инстинктъ подсказывалъ намъ также, что въ общемъ это

отношеніе справедливо. Впослѣдствіи на эту почву русская литература посѣяла свои сѣмена, которыя дали такіе обильные всходы именно потому, что этотъ мотивъ былъ общій, какъ мнѣ кажется, для всего поколѣнія...

Одинъ изъ работниковъ капитана, молодой парубокъ Иванъ, не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ, по своему объяснялъ социальную исторію Гарнаго Луга. Чортъ несъ надъ землей кошницу съ панамы и сѣялъ ихъ по свѣту. Пролетая надъ Гарнымъ Лугомъ, проклятый чертѣка ошибся и сыпнулъ сѣмена кучкой. Отъ этого здѣсь панство закустилось, какъ бурьянъ на томъ мѣстѣ, гдѣ случайно „лягнула“ корова. А настоящей травѣ, то-есть мужикамъ, совсѣмъ не стало ходу...

Этотъ Иванъ былъ парубокъ молодой, смуглый, съ глазами, горящими, какъ угли. Изъ нихъ глядѣла мрачная вражда, отъ которой по временамъ становилось жутко. Мы не могли тогда понять источника этой вражды, но она чувствовалась такъ ясно, что въ то лѣто, когда онъ работалъ у капитана, мы предпочитали отказаться отъ возки сноповъ и сѣна,—занятія доставлявшаго намъ истинное наслажденіе въ другое время. Въ мрачномъ пламени этихъ черныхъ глазъ было что-то безпредметно-гнѣвное, почти стихійное. Казалось, онъ можетъ безъ всякой причины кинуться на человѣка, зарубить топоромъ или пропороть вилами. Однажды, когда онъ былъ въ полѣ, молодня, но все же довольно смиренная въ другихъ рукахъ рабочія лошади прибѣжали во дворъ съ однимъ передкомъ разбитой телѣги. Въ паническомъ ужасѣ онѣ забились въ узкое пространство между сараемъ и тыномъ; Иванъ прибѣжалъ вслѣдъ за ними и, схвативъ дрючокъ, сталъ наносить безумные, изступленные удары. Нѣсколько человѣкъ едва справились съ освирипѣвшимъ парубкомъ, а лошади послѣ этого до самаго вечера дрожали, какъ въ лихорадкѣ. И всѣ чувствовали при этомъ, что Иванъ не просто колотилъ непокорныхъ животныхъ, а вымещалъ злобу именно на панской скотинѣ. Капитанъ, обыкновенно въ такихъ случаяхъ наполнявшій весь дворъ неистовыми хозяйскими распеканіями и ругней, на этотъ разъ не кричалъ, а просто позвалъ на утро Ивана, отдалъ ему заработанныя деньги и предложилъ немедленно уйти съ двора. Иванъ угрюмо получилъ расчетъ и ушелъ, какъ будто чувствуя, что это, дѣйствительно, лучше для обѣихъ сторонъ. Впослѣдствіи, когда я вспоминалъ этого Ивана, мнѣ стало почему-то казаться, что онъ, вѣроятно, сынъ Микитки. Можетъ быть, я ошибался...

Другая замѣтная мужичья фигура во дворѣ капитана былъ нѣкій Кароль, о которомъ я упоминалъ въ одномъ изъ

предыдущих очерковъ. Это былъ не совсѣмъ заурядный крестьянинъ. Самое имя его было неправославное (кажется, онъ былъ изъ униатовъ). Черты лица были тонки, суховаты, заострены. Сѣть морщинокъ около глазъ отбѣняла ихъ странное выраженіе: то задумчиво спокойное, то какое-то колючее и горькое. Онъ былъ мастеръ на всѣ руки: слесарь, столяръ, плотникъ и даже механикъ. А такъ какъ капитанъ самъ тоже обладалъ жилкой изобрѣтателя-самоучки, то ихъ соединяла какая-то симпатія родственныхъ натуръ. Кароль былъ правой рукой капитана: они вмѣстѣ построили водяную мельницу, шумѣвшую колесами на заднемъ концѣ пруда, а потомъ, когда воды оказалось мало для крупнаго помола,—конный приводъ.

Капитанъ былъ фантазеръ и изобрѣтатель. Свои замыслы онъ развивалъ съ увлеченіемъ, картинно, почти восторженно. Кароль слушалъ молча, серьезно, ничѣмъ не выдавая своего отношенія къ проектамъ и потягивая вѣчно торчавшую во рту трубку. Потомъ онъ принимался за исполненіе,—автономно исправляя всѣ недочеты и промахи замысла...

Я никогда не могъ опредѣлить, какія взаимныя чувства связываютъ этихъ людей—пана и его бывшаго крѣпостного. Кажалось по временамъ, что это близкое товарищество, почти дружба. Но порой Кароль запивалъ и тогда становился грубъ, непокоренъ и прямо враждебенъ къ капитану... А въ прошломъ у нихъ были очень рѣзкіе счеты...

Это было незадолго до эмансипаціи. Должно быть, эти послѣдніе годы рабства напоминали то предразсвѣтное время, когда мракъ еще какъ будто сгущается, роса сильнѣе выѣдаетъ глаза, и разные призраки мечутся съ особеннымъ ожесточеніемъ, въ предчувствіи скорого пѣтушинаго крика... Надо думать, что злополучному Микитѣ съ „душой“, разсѣченной между двумя панами, приходилось въ это время особенно тяжело, если даже сравнительно добродушный капитанъ вдругъ ожесточился до такой степени, что превратился въ крѣпостника-истязателя и тирана. Время было неопредѣленное и тревожное: ходили фантастическіе толки о волѣ, преувеличенные и искаженные. Въ окрестностяхъ появился бѣглый гайдамака, называвшій себя новымъ Кармелюкомъ, покровительствовавшій мужикамъ и грозившій панамъ близкой расправой. Его встрѣчали въ большомъ желѣзницкомъ лѣсу даже работники капитана, и его рѣчи передавались шопотомъ изъ устъ въ уста... Все это рождало напряженіе, взаимное недовѣріе, раздраженіе и страхъ. А страхъ—всегда источникъ жестокости: капитанъ почувствовалъ себя гарнолужскимъ помѣщикомъ, солидарнымъ съ

людьми, съ которыми до тѣхъ поръ воевалъ или которыхъ высмѣивалъ... А мужики, съ которыми до тѣхъ поръ онъ въ общемъ ладилъ, показались ему разбойниками и врагами...

Въ это время Кароль однажды запилъ. Эти запои случались и раньше, и послѣ, и капитанъ относился къ нимъ довольно терпимо, по возможности не затрагивая своего пьянаго сотрудника. Но тутъ, въ этихъ предрасвѣтныхъ сумеркахъ, онъ почему-то вспылить. Кароль, быть можетъ, тоже проявилъ необычную строптивость, и вотъ въ мирной усадьбѣ разыгралась мрачная и безобразная сцена: капитанъ приказалъ раздѣть пьянаго Кароля, поставилъ его подъ жолобъ, а другимъ работникамъ велѣлъ поливать его на морозѣ ледяной струей... Жена со слезами умоляла освирѣпѣвшаго мужа прекратить истязаніе, дѣти плакали, забившись по угламъ, но капитанъ ничего не слушалъ, и надъ мирной усадьбой стояло иступленіе и мрачная рабская покорность: послушные рабы истязали раба строптиваго...

Въ то время, когда я узналъ ближе Гарный Лугъ и Кароля, — объ этой исторіи сохранились только рассказы шопотомъ: при капитанѣ никто не смѣлъ напомнить объ этомъ эпизодѣ, котораго онъ глубоко стыдился. Иной разъ, когда капитанъ развивалъ передъ Каролемъ какой нибудь новый планъ, а тотъ молча слушалъ, куря трубку и сплевывая, — я глядѣлъ на нихъ обоихъ и спрашивавъ себя: помнить Кароль, или забылъ? И если помнить, то кого винить въ этомъ прошломъ ужасѣ? Свой строптивый запой? Или капитана? Или рабство? Ничего нельзя было сказать, глядя на это суховатое морщинистое лицо, съ кошачьей искоркой въ глазахъ и съ тонкими губами, всегда плотно сжатыми, точно отъ привычнаго ощущенія укуса и желчи.

Былъ у капитана и еще одинъ крѣпостной грѣхъ, — не такой драматическій и яркій, а хроническій, затяжной и почти незамѣтный среди тогдашнихъ сословій. Это — судьба Антоса.

— Антось, можетъ быть, не простой человекъ, — говорилъ намъ съ своимъ простодушно-печальнымъ и задумчивымъ видомъ Саня...

И дѣйствительно, происхожденіе Антоса было для насъ окутано нѣкоторой таинственностью. Старшіе на вопросы по этому поводу не отвѣчали, находя неудобнымъ посвящать дѣтей въ исторію молодой „покоёвой панны“ (горничной), увлеченной жившимъ временно у капитана землемѣромъ. Землемѣръ уѣхалъ, „панна“ пожелала остаться панной: бросила мальчика и тоже уѣхала куда то искать

забвенія и новой доли, а мальчикъ остался у капитана. Когда капитанъ рѣшилъ оставить у себя сиротку, то безъ сомнѣннй слушался только своего добраго сердца, а не разсчета. Остальное пришло, какъ награда за доброе дѣло, и случилось естественно и просто: мальчикъ сначала бѣгалъ по всѣмъ комнатамъ; имъ, вѣроятно, забавлялись и ласкали; потомъ естественнымъ образомъ мѣстомъ его постоянного пребыванія стала кухня, гдѣ его походя толкали и кормили. Говорилъ онъ, разумѣется, „по мужицки“ и вообще выросталъ маленькимъ „мужичкомъ“, некрасивымъ, вихрастымъ, глядѣвшимъ искоса, „зызомъ“. А такъ какъ естественное состояніе мужиковъ въ то время было „крипацтво“, то никто и не замѣтилъ, какъ въ лицѣ пріемыша Антоса выросъ капитану крѣпостной работникъ.

Это было „въ порядкѣ вещей“ и случилось такъ просто, постепенно и незамѣтно, что и намъ въ то время исторія эта не казалась ни предосудительной, ни странной: у капитана были прежде крѣпостные; одинъ изъ нихъ былъ некрасивый Антось, съ смѣшнымъ лицомъ и нескладной фигурой. Прошлое Антоса было не совсѣмъ обычно, и при другихъ условіяхъ жизнь его могла сложиться иначе. Теперь онъ освобожденный мужикъ, какъ и другіе, только работаетъ за болѣе дешевую плату, и капитанъ порой на весь дворъ ругаетъ его байстрюкомъ и неблагонадежнымъ... Вотъ и все. Это были просто факты, выросшіе въ жизни, какъ въ лѣсу вырастаетъ или сохнетъ дерево, а въ полѣ трава.

И нужно сказать, что некрасивая фигура парубка далеко не возбуждала идеи о „благородномъ происхожденіи“. Только одна черта выдѣляла его изъ остальной дворни: страстное влеченіе къ музыкѣ. Мои двоюродныя сестры учились на фортепіано, и одна играла очень недурно. Когда въ гостиной рокотали клавиши его и звуки неслись въ открытыя окна; или когда около шинка въ воскресенье пиликали двѣ скрипки и контрабасъ, подъ которые парубки и дивчата отдирали гопака,—Антось непременно былъ тутъ, жадно слушающая и запоминая мотивы. Когда онъ немного подросъ, то самъ смастерилъ простымъ ножомъ грубое подобіе скрипки и сталъ пиликать въ конюшнѣ плясовые напѣвы, а порой что-то въ родѣ „полонеза Огинскаго“ или „молитву Дѣвы“. Сначала къ этому относились, какъ къ курьезу, и сестры нарочно наигрывали ему мотивы. Но потомъ капитану показались оскорбительными эти конюшенныя пародіи на благородную музыку, или онъ нашелъ, что музыкальное баловство мѣшаетъ работѣ,—только однажды онъ страшно вспылилъ и разбилъ скрипку вдребезги. Антось сдѣлалъ другую, лучшую, и съ этихъ поръ между Антосемъ и капитаномъ.

началось своеобразное состязаніе: Антось пряталь скрипки, капитанъ находилъ и ломаль ихъ... Мы сочувствовали Антосю и придумывали вмѣстѣ лучшія мѣры храненія, но опять это было только непосредственное чувство: мы готовы были укрыть Антосю отъ капитанскаго гнѣва, какъ дали бы ему пріютъ отъ стихійной грозы. Глубокая несправедливость этого преслѣдованія еще не выступала въ нашемъ сознаніи.

Однажды на рождественскія каникулы Антось за нами не пріѣхаль, и въ Гарномъ Лугѣ насъ встрѣтили новостью: Антось осенью умеръ.

Умеръ опять стихійно, просто и... бессмысленно. Несмотря на экстренно-некрасивую наружность, онъ, какъ оказалось, годамъ къ двадцати выработался въ настоящаго деревенскаго ловеласа. Изъ своего безобразія онъ сдѣлаль орудіе грубоватаго юмора. Кромѣ того, вѣроятно, деревенскія красавицы угадывали въ немъ искру художника-артиста. Какъ бы то ни было,—некрасивый парубокъ со своей скрипкой и шутками сталь настоящей душой общества на осеннихъ деревенскихъ вечерницахъ.

Однажды, захвативъ скрипку, онъ,—конечно тайно,—ушелъ со двора и на утро вернулся, еле волоча ноги. На разпросы, что съ нимъ, онъ не говорилъ ничего: „неудужаю“ — и только. Было еще довольно тепло, только по утрамъ становились заморозки, и Антось, съ инстинктомъ дикаго животнаго, удалился изъ людской и устроилъ себѣ пристанище на чердакѣ брошенной водяной мельницы, въ концѣ пруда, совершенно заросшаго зеленой ряской. Туда рѣдко кто ходилъ; тамъ было тихо, пустынно, квакали лягушки и однотонно звенѣла вода, просачиваясь въ старыя млызны. Изрѣдка навѣдывавшіеся товарищи слышали, какъ Антось временами стонетъ на своей вышкѣ. Но когда подходили, онъ смолкаль и говорилъ, что ему лучше.

О медицинской помощи, о вызовѣ доктора къ заболѣвшему работнику тогда, конечно, никому не приходило и въ голову. Такъ Антось лежалъ и тихо стональ въ своей морѣ нѣсколько дней и ночей. Однажды старикъ-сторожъ, пришедшій провѣдать больнаго, не получилъ отклика. Старикъ сообщилъ объ этомъ на кухнѣ, и Антосю сразу стали бояться. Подняли капитана,—пошли къ мельницѣ скопомъ. Антось лежалъ на соломѣ и уже не стональ. На блѣдномъ лицѣ осѣль иней...

Пріѣхаль становой съ уѣзднымъ врачомъ, и Антосю потрошили, послѣ чего стали бояться уже и всего этого угла у старой мельницы. По вскрытіи оказалось, что Антось страшно избить и умеръ отъ перелома реберъ... Говорили, что парубки, недовольные его успѣхами на вечерницахъ и его

побѣдами,—застигли его ночью гдѣ-то подъ тыномъ и „били дрючками“. Но ни самъ Антось и никто въ деревнѣ ни единымъ словомъ не обмолвился о предполагаемыхъ виновникахъ. Антосю, какъ умершаго безъ покаянія и „потрошеннаго“, схоронили за оградой кладбища, а мимо мельницы вечеромъ никто не рѣшался ходить, и даже трещотка стараго сторожа никогда не отъывалась въ томъ концѣ. „Магазинъ“ былъ оттуда недалеко, и старику приходилось его караулить... По временамъ въ комнаты доносился отчаянный, какъ будто испуганный грохотъ его трещотки. Старикъ жаловался, что даже около магазина слышно порой, какъ опять стонетъ Антось на своемъ чердакѣ, и онъ заглушалъ трещеткой эти стоны. Вѣроятно, ночной вѣтеръ доносилъ съ того угла тягучій звонъ воды въ старыхъ шлюзахъ.

Къ тому времени мы уже видѣли немало смертей. И однако, рѣдкая изъ нихъ производила на насъ такое огромное впечатлѣніе. Въ сущности, все было опять въ порядкѣ вещей. Капитанъ пророчилъ давно, что скрипка не доведетъ до добра. Изъ дому Антось ушелъ тайно... Если тутъ была вина, то, конечно, всего болѣе и прамѣе были виновны невѣдомые соперники, т. е. деревня... Но, конечно, и они, навѣрное, не желали убить... Темная ночь, слишкомъ тяжелый дрючокъ, неосторожный ударъ...

И, тѣмъ не менѣе, было что-то подавляюще-тревожное, мрачное, почти угрожающее въ этой нелѣпой гибели, и даже на насъ въ эти зимніе вечера вѣяло отъ мельницы безотчетнымъ ужасомъ. И, вмѣстѣ, что-то тянуло туда. Дверка чердачка была сорвана съ одной петли, и передъ нею намело снѣгу. На чердакѣ было темно, пусто, вѣяло жуткой тайной и холодомъ...

Въ одинъ день этихъ каникулъ старшіе уѣхали куда-то, а мы остались дома одни. Зима была снѣжная, завалило крыши, клумбы, оголенные кусты сирени, узкія дорожки сада. Къ вечеру подымалась мятель, закрывая бѣлыми хлопьями черныя стекла. Мы сидѣли, сгрудившись въ одной комнатѣ, у камина, и разговаривали объ Антосѣ, объ его полубогатырскомъ для насъ происхожденіи, объ его скрипкахъ. Надъ разговорами этими носилось невысказываемое, можетъ быть, даже несознанное ощущеніе чьей-то вины, какой-то крупной неправды... А темная ночь шумѣла и глухо гудѣла за стѣнами, надъ садомъ, надъ усадьбой, надъ мельницей.

Вдругъ за стѣной въ саду послышался лай. Собаки отъ мятели скрылись у садоваго крыльца, гдѣ было тише, и теперь, сорвавшись разомъ, какимъ-то бѣшенымъ клубкомъ понеслись въ аллею. И такъ же внезапно лай стихъ... Съ

минуту слышалось только шипѣніе и вой мятели, потомъ совсѣмъ близко послышался пугливый визгъ, что-то кинулось къ наружной двери... Дверь, неплотно запертая, соскочила съ задвижки... Въ сѣняхъ послышалась возня, жалобный визгъ собакъ и громкій, торжествующій свистъ вѣтра. Казалось, кто-то ворвался въ домъ и слѣпо стучится къ намъ въ двери, не находя входа...

Всѣ мы вскочили съ мѣстъ. Лица у всѣхъ были блѣдны. — Волкъ,—сказалъ кто-то.—Надо выйти.

Выходить было жутко, но мы, мальчики, взяли фонарь, сняли со стѣны два ружья, старый заряженный пистолеть и вышли. Дверь въ сѣняхъ была открыта, и уже успѣло накидать снѣгу. Ободренные нашимъ присутствіемъ, собаки опять яростно залаяли и понеслись въ аллею. За ними ничего не было видно, только въ свѣтъ фонаря неслись въ неистовой пляскѣ крупныя снѣжинки, а гдѣ-то въ невидимомъ ночномъ просторѣ слышался непрерывный протяжный шумъ, свистъ, гудѣніе. Среди хаоса звуковъ выдѣлялся глубокій, тревожный гулъ тополей, и на крышѣ магазина желѣзные листы гремѣли, какъ будто кто трогалъ ихъ или пробѣгалъ по крышѣ тяжелыми торопливыми шагами. Казалось, будто среди этой странной ночи все живетъ какой-то особенной жизнью: кто-то огромный мечется среди мятели, плачетъ, грозить и прокликаетъ, а все остальное несетъ, налетаетъ, отступаетъ, шипитъ, гудитъ, грохочетъ, грозить или трепещетъ отъ страха...

Собаки опять затихли, и намъ было слышно, какъ онѣ спутаннымъ клубкомъ, визжа и перескакивая другъ черезъ друга, опять убѣгаютъ отъ кого-то въ паническомъ ужасѣ. Мы поспѣшно вбѣжали въ сѣни и плотно закрыли дверь... Послѣднее ощущеніе, которое я уносилъ съ собой снаружи,—былъ кусокъ наружной стѣны, по которой скользнула лучъ фонаря... Стѣна осталась тамъ подъ порывами вихря. И казалось, ей тоже страшно. Собаки жалались къ дверямъ и жалобно, трусливо визжали...

Въ комнатѣ, освѣщенной огнемъ камина, нѣкоторое время стояла тишина.

— Это—Антось...—сказала одна изъ сестеръ тихимъ, упавшимъ голосомъ...

Это было глупо, но въ этотъ вечеръ всѣ мы были не очень умны. Наша маленькая усадьба казалась такой ничтожной подъ налетами бурной ночи, и въ неистовствѣ мятели слышалось столько сознательной угрозы... Мы не были суевѣрны и *знали*, что это только снѣгъ и вѣтеръ. Но въ ихъ разнообразныхъ голосахъ слышалось что-то, чему навстрѣчу подымалось въ душѣ неясное, неоформлен-

ное, тяжелое ощущение... Въ этой усадьбѣ началась и погибла жизнь... И, какъ стоны погибшей жизни, плачетъ и жалуется вьюга...

Поздно ночью занесенные снѣгомъ вернулись старшіе. Капитанъ молча выслушалъ нашъ рассказъ. Онъ былъ „вольтеріанецъ“ и скептикъ, но только днемъ. По вечерамъ онъ молился, вѣрилъ вообще въ явленія духовъ и съ увлеченіемъ занимался спиритизмомъ... Одна изъ дочерей, веселая и плутоватая, легко „засыпала“ подъ его „пассажи“ и поражала старика замѣчательными откровеніями. При сеансахъ съ стучащимъ столомъ онъ вызывалъ и бесѣдовалъ съ Юліемъ Цезаремъ, послѣднимъ изъ умершихъ папъ, съ Паскевичемъ Эриванскимъ и Костюшкой. Сомнительно, однако, рѣшился ли бы онъ вызвать для бесѣды тѣнь Антося...

На слѣдующій день мятель стихла, надъ наметенными за ночь сугробами ярко свѣтило солнце, съ крышъ и вѣтвей срывались бѣлые комочки снѣга... Мы рѣшили единогласно, что, навѣрное, собаки вчера испугались забѣжавшаго изъ лѣсу волка.

Такъ развертывались постепенно мои деревенскія впечатлѣнія,—залегавшія когда-то такимъ красивымъ золотистымъ облакомъ на зарѣ дѣтскихъ воспоминаній. Между нами и деревней стояла стѣна, которую и трудно было, и не хотѣлось разрушать. Мы здѣсь были люди безъ среды. „Панство“ было смѣшно и презираемо. Правда, теперь капитанъ жилъ со всѣми ближайшими сосѣдями въ мирѣ. Панъ Лохмановичъ, попрежнему величавый, но вмѣсто чамары одѣвавшійся въ „сукману“ изъ верблюжьей шерсти, не пропускалъ ни одного семейнаго торжества, чтобы не явиться въ домъ капитана съ поздравленіями. Изъ всѣхъ остальныхъ претензій онъ долѣе всѣхъ сохранилъ претензію гастронома. Онъ увѣрялъ, что прекрасно знаетъ вкусъ самыхъ тонкихъ блюдъ и можетъ различить всѣ вина. Пользуясь этой слабостью, мы приготавливали порой невѣроятныя смѣси, выдавая ихъ за вина лучшихъ марокъ. Лохмановичъ тянулъ эту бурду съ наслажденіемъ и неизмѣнно хвалилъ:—„Вотъ и видно, что изъ столицы“. Только однажды, когда мы хватили черезъ край и угостили его смѣсью пива, краснаго вина, яблочнаго квасу и дрожжей,—онъ все-таки выпилъ всю бутылку, но на вопросъ подосланнаго нами знакомаго рѣшился отвѣтить:

— А скажу тебѣ правду: хвастаются, будто заграничное вино... Ничего не понимаютъ: обыкновенное столовое вино, не больше...

Одинъ сынъ Лохмановича былъ глухо-гѣмой, другой за что-то попалъ въ Сибирь, и старикъ долго питалъ надежды на какія-то фантастическія удачи сына въ соболиной ловлѣ...

На рѣдкія, впрочемъ, вечеринки въ капитанскомъ домѣ являлся даже „завѣдомый ябедникъ“, сирота-Банькевичъ. Онъ сильно растолстѣлъ и ослабъ. За ужиномъ ѣлъ всегда невѣроятно много, а затѣмъ садился поуютнѣе въ креслѣ и, сложивъ на животѣ красныя руки, глядѣлъ на танцующую или играющую молодежь благодушными глазками, пока не засыпалъ. Было извѣстно, что въ такія минуты съ достойнымъ шляхтичемъ бываютъ не совсѣмъ приличныя случайности, и порой среди минутнаго затишья залъ вдругъ оглашался совершенно неожиданными звуками. Кавалеры хихикали, барышни краснѣли, а безпечный шляхтичъ просыпался, окидывалъ притихшій залъ свѣтлымъ взоромъ и спрашивалъ:

— А?.. Что такое?..

Совершенно понятно, что съ этой средой у насъ, подраставшей молодежи, не было ничего общаго. Мы жили особнякомъ, жизнью молодого кружка, замыкавшей въ усадьбѣ, какъ будто отгороженной отъ остальнаго міра... Близкихъ связей среди остальныхъ помѣщиковъ у капитана тоже было мало... И порой напряженная тоска такой жизни становилась почти невыносимой...

Яркій солнечный день. Раскаленные лучи засыпаютъ круглую клумбу съ цвѣтами, темную зелень сирени, садовыя аллеи. Гдѣ-то, какъ немазаное колесо, клекочетъ аистъ, въ раскрытыя окна изъ гостинной несутся звуки фортепьяно. Это кузина играетъ пьесы изъ своего небогатаго репертуара: „Пѣсня безъ словъ“, „Молитва дѣвы“, „Полонезъ Огинскаго“, шумки и думки польско-украинскихъ композиторовъ. Играетъ хорошо... Звуки, полные то безпредметной страсти, то неоформленныхъ историческихъ воспоминаній, то мечтательнаго томленія, рвутся изъ комнаты, вѣютъ надъ цвѣтами, вьются, несутся, гаснутъ надъ истомленнымъ садомъ. Я слушаю ихъ съ наслажденіемъ, страннымъ, томительнымъ, жуткимъ. Они рождаютъ въ груди ощущеніе, которое ищетъ исхода, порывается куда-то далеко за этотъ кругъ цвѣтовъ и сирени, куда-то вдаль... Порывается и не можетъ влетѣть, и носится все въ томъ же тѣсномъ и знойномъ кругу... Я уйду въ темные уголки сада, сажусь тамъ и даю волю воображенію... Въ пѣвучемъ рокотѣ фортепьяно, смягченномъ разстояніемъ и зарослями, мнѣ слышится звонъ чашъ, лягъ сабель, крики борьбы... И опять романтическіе призраки прошлаго обступаютъ меня

кругомъ, овладѣвають душой, колышутъ, баюкаютъ, нѣжатъ, уносятъ въ невѣдомыя края и въ невѣдомое время... Рыцари, знамена, пыль на степныхъ широкихъ шляхахъ... Скачка, погоня, сбѣга... Съ кѣмъ? За что? Съ какой цѣлью?.. Во имя какой идеи? Этого не говоритъ ни этотъ звенящій рокоть, ни раскаленное зноемъ воображеніе.. А гдѣ-то тамъ, за предѣлами усадьбы, идетъ своя трудовая жизнь, невѣдомая и чуждая... Отъ нея вѣетъ въ заколдованные предѣлы тѣснаго существованія отчужденностью, презрѣніемъ, пожалуй—враждой... И нѣтъ ничего, что бы связало жизнь воображенія, мечты, порыва съ этой суровой, но дѣйствительной жизнью труда и терпѣнія...

Смерть отца.

Мы были на лѣтнихъ каникулахъ въ Гарномъ Лугѣ, когда мать, оставшаяся это лѣто въ городѣ, прислала извѣстіе, чтобы мы всѣ пріѣзжали. Отцу плохо.

Послѣдніе годы онъ все слабѣлъ. Уже давно онъ оставилъ всѣ свои фантазіи, изученіе языковъ, философію, ветеринарію и тому подобныя неожиданности, которыми прежде выражались не стихавшіе порывы его молодости. Впрочемъ, уже въ самые послѣдніе годы жизни онъ производилъ еще одинъ опытъ. Брился онъ всегда самъ, а такъ какъ это становилось для него все труднѣе, то онъ задумалъ болѣе радикальное средство: завелъ тонкіе стальные щипчики и выщипывалъ волосокъ за волоскомъ. „Облагодѣтельствуя всѣхъ чиновниковъ, — говорилъ онъ съ трогавшимъ насъ отблескомъ прежняго тихаго юмора:—брейся три раза въ недѣлю,—вѣдь это мука. А такъ—выщипаль разъ, и кончено.“

На щекахъ у него въ это время можно было видѣть выщипанные плѣшинки, которыя, однако, скоро заросли. Онъ выщипывалъ вторично, думая такимъ образомъ истощить ростъ волосъ, но результаты были тѣ-же... Пришлось признать, что проектъ облагодѣтельствованія чиновнаго рода не удается...

Ему оставалось немного дослужить до пенсіи. Въ періодъ молодой неудовлетворенности онъ дважды бросалъ службу, и эти два-три года теперь недоставали до срока. Это заставляло его сильно страдать: дотянуть, во что-бы то ни стало, оставить пенсію семьѣ—было теперь послѣдней задачей его жизни.

Казалось, на этомъ сосредоточились всѣ оставшіяся еще силы. Онъ уже не глядѣлъ по сторонамъ жизненной дороги,—не устраивалъ даже невинныхъ карточныхъ вечеровъ, не вмѣшивался въ хозяйственныя дѣла, не спрашивалъ насъ

объ успѣхахъ въ гимназіи. Вставъ утромъ, онъ заставлялъ лакея обтирать себя холодной водой, пилъ молча чай, надѣвалъ мундиръ и отправлялся черезъ нашъ дворикъ въ судъ. Въ судѣ держалъ себя все время такъ, чтобы никто не могъ замѣтить его слабости. Когда однажды мать послала меня зачѣмъ-то экстренно къ отцу въ эти дѣловые часы,— я былъ удивленъ его видомъ. Онъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ важный и бодрый, принималъ доклады и отдавалъ ясные, точные приказы. Было видно, что всѣ нити управленія судомъ онъ держалъ твердо въ своихъ слабѣвшихъ рукахъ. Правда, въ это время у него былъ хорошій помощникъ: недавно присланный новый „подсудокъ“ Поповъ, человѣкъ отцовскихъ взглядовъ на службу, очень добрый, дѣловитый и честный. Отецъ относился къ нему съ уваженіемъ и довѣріемъ.

Возвращаясь домой, отецъ сразу слабѣлъ и, едва побѣдавъ, ложился спать. По вечерамъ опять занимался, а затѣмъ ходилъ, по совѣту врача, полчаса по комнатѣ, съ трудомъ волоча ноги и постукивая палкой. Дослужить... дослужить во что-бы то ни стало оставшіеся нѣсколько мѣсяцевъ... На эту задачу свелась теперь вся недюжинная когда-то жизненная энергія этого не совсѣмъ зауряднаго человѣка!

Когда еврей-посыльный принесъ къ намъ въ деревню письмо матери,— оно застало насъ въ разгарѣ молодого веселья, которое сразу упало. Въ тотъ-же день мы выѣхали на гарнолужскихъ лошадяхъ до первой почтовой станціи. Пока на станціи запрягали перекладныхъ, я съ младшимъ братомъ вышелъ въ перелѣсокъ у шоссе. Былъ необыкновенно свѣтлый осенній вечеръ, когда сумерки угасаютъ незамѣтно, а сверху, почти съ середины неба, уже свѣтитъ полная луна. Это опять была минута, которая во всѣхъ мелочахъ запала на всю жизнь въ мою память. Вся природа показалась мнѣ проникнутой какой-то особенной мягкой и печальной сознательностью. Тихо шептались листья орѣшника и ольхи, вѣтеръ обвѣвалъ лицо, съ почтоваго двора доносилось потренькиваніе подвязываемаго къ дышлу колокольчика,— и мнѣ казалось, что весь этотъ сдержанный говоръ лѣса, дороги, поля и почтоваго двора говоритъ по своему объ одномъ: о концѣ жизни, о торжественномъ значеніи смерти...

Двоюродный братъ, только что выпущенный изъ училища офицеръ, тихо подошелъ къ намъ и дружески обнялъ обоихъ.

— Можетъ быть, выздоровѣетъ,— сказали онъ. Но я чувствовалъ ясно, что надежды нѣтъ, что все кончено, чувствовалъ по этой глубокой печали, разлитой кругомъ, и удивлялся, что еще вчера я могъ этого не чувствовать, а еще сегодня веселился такъ безпечно... И въ первый разъ

всталъ передъ сознаниемъ вопросъ: что же теперь будетъ съ матерью, болѣзненной и слабой, и съ нами?..

Колокольчикъ забился сильнѣе, заворчали колеса, и черезъ минуту мы ѣхали по бѣлой лентѣ шоссе, уходившей въ ночную тьму, къ сумрачнымъ пятнамъ дальнихъ перелѣсковъ, такимъ же неяснымъ и смутнымъ, какъ наше будущее, но все-таки озареннымъ, какъ молодость...

Отца мы застали живымъ. Когда мы здоровались съ нимъ, онъ не могъ говорить и только смотрѣлъ глазами, въ которыхъ виднѣлись страданіе и нѣжность. Мнѣ хотѣлось чѣмъ-нибудь выразить ему, какъ глубоко я люблю его за всю его жизнь и какъ чувствую его горе. Поэтому, когда всѣ вышли, я подошелъ къ его постели, взялъ его руку и прильнулъ къ ней губами, глядя въ его лицо. Губы его зашевелились, онъ что-то хотѣлъ сказать. Я наклонился къ нему и услышалъ два слова:

— Не мучь...

На слѣдующій день судьи не стало. За его гробомъ шло очень много народа, въ томъ числѣ много бѣдноты, мѣщанъ и евреевъ. Военскій начальникъ прислалъ оркестръ, и подъ звуки похороннаго марша, подъ плескъ вѣтра въ хоругвяхъ, сдержанный топотъ толпы,—гробъ понесли на кладбище. Старый инвалидъ высоко поднималъ бревно плагбаума, изъ оконъ тюрьмы глядѣли блѣдныя лица арестантовъ, хорошо знавшихъ этого человѣка, лежавшаго въ гробу съ блѣднымъ лицомъ и въ мундирѣ... „Вѣчная память“... Стукъ земли о крышку гроба, заглушенныя рыданія матери, и на ровенскомъ кладбищѣ выросъ новый холмикъ подъ стѣной скромной деревянной церкви.

Матери пришлось сразу взять на себя тяжесть оставшейся семьи. Отецъ, все-таки, не дослужилъ нѣсколько мѣсяцевъ, и потому пришлось много хлопотать, чтобы добиться хоть маленькой пенсіи. За тридцать слишкомъ лѣтъ службы, вдова судьи, извѣстнаго своей исключительной честностью въ тѣ мрачныя времена, получила что-то около 12 рублей вдовой пенсіи. вмѣстѣ съ дѣтьми это составляетъ около 17 руб. въ мѣсяцъ, и это благодаря усиленнымъ стараніямъ двухъ-трехъ добрыхъ людей, которые чтили память отца и помогали матери совѣтомъ... Чтобы кое-какъ довести до конца наше ученіе, мать тотчасъ послѣ похоронъ стала хлопотать о разрѣшеніи держать ученическую квартиру, и съ этихъ поръ, больная, слабая и одинокая, она, съ истинно-женскимъ героизмомъ, отстаивала наше будущее... Судья могъ спать спокойно въ своей скромной могилѣ подъ убогой кладбищенской церковью: жена, насколько могла и даже болѣе, выполнила задачу, которая такъ мучила передъ концомъ его страдающую душу...

Жизнь ея измѣнилась сразу и рѣзко. Изъ „жены судьи“,

одного изъ „первыхъ людей“ въ городишкѣ, она превратилась въ „бѣдную вдову“ съ кучей дѣтей и безъ средствъ (пенсію удалось выхлопотать только черезъ годъ). Ей пришлось являться просительницей передъ людьми, еще недавно считавшими за честь ея знакомство, а въ качествѣ „содержательницы ученической квартиры“ она зависѣла отъ гимназическаго начальства. Правда, за очень рѣдкими исключеніями я не могу припомнить случаевъ, когда бы обыватели города рѣзко дали ей почувствовать эту перемену, и, наоборотъ, были случаи трогательной доброты и помощи.

Могила отца была обнесена рѣшеткой и заросла травой. Надъ ней стоялъ деревянный крестъ, и краткая надпись на немъ передавала кратчайшее содержаніе жизни: родился тогда-то, былъ судьей, умеръ тогда-то... На камень не было денегъ у осиротѣвшей семьи. Пока мы были въ городѣ, мать и сестра каждую весну приносили на могилу вѣнки изъ цвѣтовъ. Потомъ насъ всѣхъ разнесло по широкому свѣту. Могила стояла одинокая, и теперь, навѣрное, отъ нея не осталось слѣда...

Что осталось отъ жизни, отъ ея ошибокъ и ея страданій?..

Я тогда еще „вѣрилъ“ по-отцовски, простодушно и цѣльно и думалъ, что счеты отца сведены благополучно: онъ былъ человѣкъ религіозный, всю жизнь молился, исполнялъ долгъ, посильно защищалъ слабыхъ противъ сильныхъ и честно служилъ „закону“. Богъ признаетъ это, — и, конечно, ему теперь хорошо.

Впослѣдствіи „простая“ вѣра разлетѣлась, и въ моемъ воображеніи вставала скромная могила: жилъ, надѣялся, стремился, страдалъ и умеръ, съ мукой въ душѣ за участь семьи... Какое значеніе имѣетъ теперь его жизнь, его стремленія и его „преждевременная донъ-кихотская“ честность?..

— Чудакъ былъ, — рѣшали не разъ благодушные обыватели. — А что вышло: умеръ, оставивъ нищихъ.

И меня удивляло, что говорили это тоже люди „простодушной вѣры“ въ Бога и въ его законы.

Никогда ни у матери, ни у всей семьи нашей не возникало и тѣни такихъ сомнѣній. Простодушная отцовская религіозная вѣра ушла, растаявъ въ сомнѣніяхъ и вопросахъ, но *эта* вѣра, оставленная всей его жизнью, жила и среди религіознаго невѣрія. Смутное ощущеніе глубокаго смысла жизни далеко не всегда идетъ рядомъ съ признанной вѣрой и не теряется въ „безвѣріи“, а идетъ своимъ путемъ, глубокимъ и независимымъ отъ формулъ.

Вл. Короленко.

Польско-руси́нскія отноше́нія въ Га- лиціи.

(Письмо изъ Австріи).

Политическая жизнь Галиціи за послѣднее время изобиловала фактами, свидѣтельствующими о вторженіи новыхъ элементовъ въ область давнишняго, постоянно обостряющагося польско-руси́нскаго антагонизма. Возникновеніе польскаго національнаго движенія на территоріи Восточной Галиціи; измѣна традиціонной политикѣ по отношенію къ русинамъ со стороны польскихъ руководящихъ сферъ; торжество т. н. «москвофильской» партіи во время выборовъ въ галиційскій сеймъ; наконецъ убійство намѣстника Галиціи, гр. А. Потоцкаго, руси́нскимъ студентомъ Сичинскимъ, — все это событія, совершенно неожиданныя для большинства людей, даже хорошо знакомыхъ съ исторіей польско-руси́нскихъ отношеній. Поэтому я полагаю, что для читателей «Русскаго Богатства» будетъ небезынтересно ознакомленіе съ этими событіями и ихъ общественной подкладкой, тѣмъ болѣе, что хотя они разыгрываются и за границей, но касаются отношеній, не чуждыхъ Россіи. Вѣдь и польская, и руси́нская часть Галиціи являются лишь отрѣзками той польской и украинской территоріи, которая входитъ въ составъ Россіи. Къ тому же отъ дальнѣйшей эволюціи польско-украи́нскихъ отношеній въ Галиціи въ значительной мѣрѣ зависитъ и разрѣшеніе украинскаго и польскаго вопроса по эту сторону границы. Не даромъ обѣ враждующія стороны подчеркиваютъ фактъ, что польско-руси́нская распря въ Галиціи далеко не ограничивается тѣмъ значеніемъ, какое она имѣетъ тамъ, въ предѣлахъ Австріи.

I.

Чтобы уяснить себѣ характеръ польско-руси́нскаго вопроса въ томъ видѣ, въ какомъ онъ выступаетъ въ настоящее время, слѣдуетъ прежде всего ознакомиться съ данными національной статистики Галиціи вообще и Восточной Галиціи въ частности. Эти данныя покажутъ намъ, что разрѣшеніе польско-руси́нскаго вопроса

Августъ. Отдѣлъ II.

сопряжено съ цѣлымъ рядомъ затрудненій, отсутствующихъ тамъ, гдѣ взаимныя отношенія двухъ національностей сводятся къ со-сѣдской распрѣ обитателей двухъ этнографическихъ территорій.

Тамъ, гдѣ враждующія національности занимаютъ каждая вполне определенную, строго очерченную территорию, выдѣленіе такой территоріи въ самостоятельное, автономное цѣлое даетъ возможность, если не прекратить національную распрю, то во всякомъ случаѣ ввести ее въ опредѣленные границы. Такъ, напр., выдѣленіе южнаго Тироля изъ теперешней тирольской провинціи Австрія разрѣшило-бы итальянскій вопросъ въ Трентинѣ. То же самое можно сказать и о славянскомъ вопросѣ въ Штиріи, румынскомъ въ Буковинѣ и т. д. Къ несчастью, и русинскій вопросъ въ Галиціи, и польскій вопросъ въ ея восточной части почти невозможно разрѣшить путемъ территориальнаго разграниченія поляковъ и русиновъ.

Довольно распространено мнѣніе, что Галиція распадается на двѣ части—Восточную Галицію, чисто русинскую, и Западную—въ той же мѣрѣ польскую. Между тѣмъ это совсѣмъ не вѣрно. Въ Западной Галиціи, на ея южной окраинѣ, вдоль Карпатскихъ горъ, русинскія поселенія тянутся узкой, постоянно расширяющейся полосой, которая сливается съ русинской этнографической территоріей Восточной Галиціи *). Эта полоса проникаетъ вглубь чисто-польской территоріи почти на линіи Кракова. Она является (напр., по свидѣтельству проф. М. Грушевскаго, крайняго украинскаго націоналиста) остаткомъ русинской территоріи, которая нѣкогда была гораздо шире и занимала мѣсто, на которомъ теперь обитаетъ сплошное польское населеніе восточной части Западной Галиціи и даже западныхъ окраинъ Восточной. Уже одинъ этотъ фактъ показываетъ, что въ теченіе столѣтій польскій элементъ значительно передвинулся на востокъ, отгнѣсняя мѣстное русинское населеніе дальше и покрывая сплошную русинскую территорію островами и островками, которые кое-гдѣ сохранили свою національность и до сихъ поръ.

Что касается Восточной Галиціи, то по даннымъ переписи 1900 г. изъ 4.814.171 ея населенія 62,5% считали себя русинами, 33,7%—поляками и, наконецъ, 3,7%—нѣмцами. Такимъ образомъ, если преобладающее большинство населенія Восточной Галиціи и составляютъ русины, то все-таки поляковъ тамъ больше трети. Мало того, количество поляковъ Восточной Галиціи постоянно возрастаетъ—не только абсолютно, но и пропорціонально по отно-

*) Понятія „Западная“ и „Восточная Галиція“ условны. Они сохранились въ качествѣ историческаго пережитка, хотя административное раздѣленіе Галиціи на двѣ части существовало только въ періодъ 1854—1860 годовъ. Сохраненію этихъ понятій способствовало практическое удобство ихъ для всякихъ сопоставленій.

шенію къ остальному населенію, на что указываютъ слѣдующія цифры:

Годъ.	Поляковъ въ Восточной Галиціи.	%
1880	1.076.145	28,1
1890	1.338.899	31,2
1900	1.618.170	33,7

Восточная Галиція распадается на 50 уѣздовъ (повѣтовъ). И вотъ только въ восьми изъ нихъ поляки не достигаютъ 15% населенія. Въ большинствѣ уѣздовъ ихъ 15, 20, 30% и болѣе. Во Львовѣ, во львовскомъ, бжовскомъ и ярославскомъ уѣздахъ поляки составляютъ большинство населенія. Слѣдуетъ при томъ замѣтить, что уѣзды съ крупнымъ польскимъ меньшинствомъ разбросаны по всей Восточной Галиціи и не составляютъ сплошной территоріи. Рядомъ съ ярославскимъ уѣздомъ, гдѣ польское населеніе достигаетъ 65,2%, расположенъ яворовскій, въ которомъ поляковъ всего 11,8%. На востокъ отъ яворовскаго, рядомъ съ нимъ, находится грудецкій, гдѣ поляковъ 39,7%. Польскій Львовъ вмѣстѣ съ львовскимъ уѣздомъ, въ которомъ поляки составляютъ большинство, расположенъ въ самомъ центрѣ Восточной Галиціи, а на ея восточной окраинѣ, на самой границѣ Россіи, лежитъ скалатскій уѣздъ съ 44,8% польскаго населенія.

Такимъ образомъ мы видимъ, что польскій элементъ въ Восточной Галиціи очень силенъ въ количественномъ отношеніи, при чемъ о выдѣленіи комплекса уѣздовъ съ польскимъ большинствомъ изъ территоріи Восточной Галиціи не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ они, за двумя исключеніями, не примыкаютъ къ чисто-польской территоріи.

Сила польскаго элемента Восточной Галиціи объясняется не только его численностью, но и его социальнымъ составомъ, обуславливающимъ его политическое значеніе. Сила эта складывалась и росла въ теченіе столѣтій, и въ настоящее время она является результатомъ историческихъ усилій многихъ поколѣній. Польскій элементъ въ Восточной Галиціи двоякаго происхожденія. Во-первыхъ, онъ состоитъ изъ пришельцевъ съ запада, сохранившихъ свою польскую національность. Во-вторыхъ,—изъ представителей мѣстнаго, русинскаго элемента, ассимилировавшагося съ поляками, которые, впрочемъ, ассимилировали не однихъ русиновъ, но и другіе этнографическіе элементы, какъ мѣстные, такъ и пришлые.

Съ тѣхъ поръ, какъ теперешняя Восточная Галиція окончательно подпадаетъ подъ политическую власть Польши (съ XIV столѣтія), польское вліяніе становится въ ней мало-по-малу преобладающимъ. Польскіе короли и польская знать основываютъ новые или возстановляютъ пришедшіе въ упадокъ города, заселяя ихъ нѣмецкими выходцами, которые съ теченіемъ времени ополчились точно такъ же, какъ армяне и румыны, поселившіеся въ этихъ городахъ. Ополчилась вся русинская знать вмѣстѣ съ дворянствомъ

и болѣе зажиточнымъ русинскимъ городскимъ населеніемъ. Та же участь неминуемо постигала всякаго русина, выдѣлявшагося изъ бѣднѣйшихъ классовъ населенія. Приобщаясь къ высшей культурѣ, онъ ополячивался. Только массы польскаго крестьянства, десятками тысячъ двигавшіяся на востокъ, гдѣ еще не мало было незанятой земли, утопали въ русинскомъ крестьянскомъ морѣ, ассимилируясь съ окружающимъ ихъ населеніемъ.

Паденіе Польши и присоединеніе Восточной Галиціи къ Австріи нѣсколько замедлило дальнѣйшую ассимиляцію восточно-галиційскаго населенія. Германизаторская политика, которую проводило австрійское правительство съ послѣдней четверти XVIII столѣтія и вплоть до конца 60-хъ годовъ XIX вѣка, нанесла ей сильный ударъ, но съ начала конституціонной эры поляки опять возстановляютъ свое политическое преобладаніе и процессъ ассимиляціи снова налаживается.

Однако онъ пріобрѣтаетъ нѣсколько иной характеръ. Ополячиваются преимущественно нѣмцы, насажденные австрійской политикой германизаціи. Ополячиваются евреи, при чемъ тутъ процессъ ассимиляціи принимаетъ не столько національный, сколько чисто-политическій характеръ. Еврейская интеллигенція, считавшая себя и бывшая фактически нѣмецкой въ эпоху германизаціи, превращается теперь въ польскую, принимаетъ польскій языкъ и т. д. Что же касается еврейскихъ массъ, употребляющихъ жаргонъ, то онѣ постепенно переписываются изъ рубрики «нѣмцевъ» въ польскую, усиливая такимъ образомъ *статистически* польскій элементъ Восточной Галиціи въ ущербъ постоянно тающему нѣмецкому. Что же касается русиновъ, то съ конца сороковыхъ годовъ, со времени первыхъ проблесковъ національнаго русинскаго возрожденія, процессъ ихъ поглощенія поляками если и не прекращается, то во всякомъ случаѣ сильно замедляется и теряетъ свой массовый характеръ. Ополячивается только часть тѣхъ русинскихъ элементовъ, которые прежде всецѣло ассимилировались съ поляками. Возникновеніе русинской интеллигенціи, самостоятельнаго русинскаго культурнаго и общественнаго движенія, русинской школы, сначала элементарной, а затѣмъ и средней, почти останавливаетъ процессъ ассимиляціи, которой продолжаютъ подвергаться только малокультурные элементы бѣднѣйшаго русинскаго населенія въ городахъ съ преобладающимъ польскимъ населеніемъ. Въ настоящее время этотъ процессъ, можно сказать, завершилъ кругъ своего развитія. Русинская общественная жизнь разлилась такъ широко, русинскія экономическія, просвѣтительныя и политическія ассоціаціи вмѣстѣ съ русинской печатью получили такое вліяніе, что и эти элементы только въ исключительныхъ случаяхъ ополячиваются.

Тѣмъ не менѣе и въ настоящее время въ Восточной Галиціи наблюдается ростъ польскаго элемента. Возникновеніе и развитіе нефтяной промышленности привлекло туда значительное количе

ство польскихъ рабочихъ. Меньшая, по сравненію съ Западной Галиціей, густота населенія Восточной и низшія цѣны земли содѣйствовали появленію множества польскихъ колонистовъ, parcelлирующихъ крупную земельную собственность и образующихъ рядъ польскихъ деревень на русинской территоріи. Эта стихійная колонизація принимаетъ въ послѣдніе годы весьма значительные размѣры, и такимъ образомъ въ Восточной Галиціи растетъ количественно польское крестьянство.

Въ то время, какъ русское населеніе Восточной Галиціи—это крестьяне, мѣщане-земледѣльцы, очень тонкій слой мелкой буржуазіи и интеллигенціи, поляки Восточной Галиціи принадлежатъ ко всѣмъ безъ исключенія общественнымъ классамъ. Сильнѣе всего польскій элементъ въ городахъ. Въ 58 городахъ съ населеніемъ свыше 5000 душъ (по переписи 1900 г.) поляки составляли 64%, русины 23,4%. Чѣмъ крупнѣе городъ, тѣмъ сильнѣе въ немъ польскій элементъ, представляемый буржуазіей, интеллигенціей, бюрократіей и рабочими. Въ городахъ съ населеніемъ свыше 20000 душъ поляки составляютъ 72,5%, русины 13,6%. На помѣщичьихъ земляхъ Восточной Галиціи поляки составляютъ 66% населенія. Въ сельскихъ общинахъ—26%, т. е. свыше милліона населенія.

II.

Хотя, какъ мы видѣли, русинское населеніе занимаетъ и часть Западной Галиціи, однако ареной польско-русинской національной борьбы является только Восточная Галиція. Западно-галиційскіе русины живутъ въ горахъ, далеко отъ центровъ политической жизни, количество интеллигенціи среди нихъ ничтожно, къ тому же во всѣхъ обитаемыхъ ими уѣздахъ они составляютъ меньшинство, почти не играющее никакой роли даже во время выборовъ. Такимъ образомъ мнѣ придется говорить о польско-русинскихъ отношеніяхъ исключительно Восточной Галиціи.

Русинское движеніе въ Галиціи въ своемъ историческомъ развитіи почти ничѣмъ не отличалось отъ аналогичныхъ явленій, наблюдаемыхъ и у другихъ славянскихъ народностей и извѣстныхъ подъ названіемъ «національнаго возрожденія». Подобно тому, какъ это было у словенцевъ, лужичанъ, силезскихъ поляковъ и т. д., и у галиційскихъ русиновъ подъ вліяніемъ демократическихъ идей—этголосковъ революціоннаго вѣянія въ Западной Европѣ,—появились единичныя личности, стремившіяся облегчить плачевную участь простого народа. Желая служить народу, изъ среды котораго они вышли, эти первые національные просвѣтители Галицкой Руси должны были обратиться къ языку, на которомъ говорилъ народъ. И вотъ такимъ образомъ возникаетъ популярная малорусская письменность, которая растетъ по мѣрѣ расширенія круга дѣятель-

ности молодой русинской интеллигенции, выдѣлившейся изъ польской интеллигентской массы. Процессъ выдѣленія русинской интеллигенции изъ польской мало-по-малу принимаетъ все возрастающіе размѣры. вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается вліяніе этой интеллигенции на народныя массы, у которыхъ она принуждена искать опоры для своей политической дѣятельности. Такъ возникаетъ русинское національное движеніе, противопоставляющееся польскому культурному и политическому преобладанію въ Восточной Галиціи.

Составъ первыхъ поколѣній русинской интеллигенции сообщилъ всему русинскому движенію на долгіе годы специфическій характеръ. Дѣло въ томъ, что эта интеллигенція состояла почти исключительно изъ униатскихъ священниковъ, которые вмѣстѣ съ извѣстнымъ народолюбіемъ обладали значительной дозой востости и сервилитета по отношенію къ австрійскимъ правительственнымъ сферамъ. Въ концѣ сороковыхъ годовъ русинская интеллигенція изъ оппозиціи къ полякамъ, принявшимъ очень видное участіе въ революціонномъ движеніи, поддерживала правительство и играла въ руку реакціи. Правительство содѣйствовало усилению «тирольцевъ Востока» (какъ съ тѣхъ поръ прозвали въ Австріи русиновъ) и признало за русинами право на самостоятельное національно-политическое развитіе, но, когда въ помощи русиновъ миновала надобность и когда конституціонный строй въ Австріи упрочился окончательно, вѣрные «тирольцы Востока» были покинуты на произволъ судьбы и политическое преобладаніе опять перешло въ руки поляковъ, которые не преминули воспользоваться имъ для упроченія своей власти и надъ русинами.

Лишенную поддержки правительства русинскую интеллигенцію охватило отчаяніе, и вотъ мы видимъ, что въ ея средѣ возникаетъ новое теченіе, не имѣющее ничего общаго съ первоначальнымъ направленіемъ русинскаго «возрожденія». Первые просвѣтители и національные дѣятели Галицкой Руси (Шашковичъ и его кружокъ) стояли на почвѣ національной самостоятельности и обособленности русиновъ, какъ отъ поляковъ, такъ и отъ великоруссовъ. Все политическое движеніе русиновъ въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ имѣло характеръ національно-малорусскаго движенія. Въ шестидесятыхъ годахъ изъ русинскаго національнаго лагеря выдѣляется группа (образующая его крайне-правое крыло), которая провозглашаетъ, что никакой самостоятельной малорусской національности не существуетъ, что галиційскіе русины такіе же русскіе, какъ и великоруссы, и что слѣдуетъ стремиться къ объединенію всего русскаго народа въ одно культурное цѣлое. Такова была официальная программа родоначальниковъ современной «москвофильской» партіи. Неофициально же «москвофилы» 60 гг. завязали самыя тѣсныя сношенія съ русскими славянофилами правительственнаго лагеря, стали вести пропаганду православія и распространяли идею присоединенія Галиціи къ Россіи.

Такимъ путемъ среди русинской интеллигенціи возникъ расколъ, результатомъ чего было образованіе двухъ политическихъ партій—москвофильской и украинофильской. Къ первой примкнули всѣ реакціонные элементы, ко второй демократически настроенная молодежь, воспитанная на Шевченкѣ и идеяхъ русскаго украинофильства. Первоначально украинофильскій («народовскій», какъ онъ самъ себя называлъ) лагерь былъ несравненно слабѣ москвофильскаго, но современемъ оказалось, что онъ обладалъ живенностью, позволившей ему постоянно развиваться, въ то время какъ москвофилы не перестали быть мертворожденной, искусственно созданной, лишенной почвы, ретроградной группой.

Слѣдуетъ замѣтить, что практика москвофильской партіи рѣзко расходилась съ ея теоріей. Москвофилы считали себя «русскими», но русскаго языка они не употребляли не только въ домашнемъ обиходѣ, но и въ литературѣ. Поскольку они имѣли дѣло съ народомъ, имъ приходилось писать по-малорусски. На малорусскомъ языкѣ появились изданія просвѣтительнаго «Общества имени Качковскаго», созданнаго въ противовѣсъ украинофильской «Прогрессивной». На малорусскомъ языкѣ издавались москвофилами и газеты для народа, какъ, напр., «Наука» извѣстнаго о. Наумовича. Въ изданіяхъ же москвофиловъ для интеллигенціи господствовали чудовищный жаргонъ—смѣсь церковнославянскаго языка съ великорусскимъ и малорусскимъ—жаргонъ, на которомъ никто никогда не говорилъ. На этомъ жаргонѣ печатались издаваемые москвофилами газеты и книги.

Вполнѣ понятно, что такая мертвечина не могла конкурировать съ живымъ народнымъ движеніемъ, представляемымъ украинофилами, тѣмъ болѣе, что всякое завоеваніе русиновъ въ области національныхъ правъ обращалось противъ москвофиловъ. Мало того, будучи противниками малорусскаго языка, москвофилы должны были поддерживать требованія украинофиловъ, направленные къ расширенію правъ этого языка въ школахъ, судопроизводствѣ и административныхъ учрежденіяхъ, такъ какъ, не поддерживая ихъ, они потеряли бы всякое вліяніе на массы. Выступить же съ требованіями введенія русскаго языка вмѣсто малорусскаго москвофилы не могли, хотя бы уже потому, что русскій языкъ не признается «краевымъ» (landesüblich) языкомъ въ Австріи, да къ тому же русскій языкъ былъ для нихъ языкомъ, практически совершенно чуждымъ.

Все, что было живого въ русскомъ обществѣ въ Галиціи, становилось на украинофильскую національную почву. На этой почвѣ съ теченіемъ времени сьорганизовались, кромѣ «народовской», радикальная и социаль-демократическая партія. Русины, придерживающіеся взгляда, что малорусское племя такъ же самостоятельно по отношенію къ великороссамъ, какъ и къ полякамъ, одержали полную побѣду надъ своими соперниками и оттѣснили ихъ на задній

планъ. Путемъ упорной борьбы «украинцамъ» (какъ въ послѣднее время стали называть себя противники москвофиловъ) удалось завоевать цѣлый рядъ уступокъ со стороны польскихъ руководящихъ сферъ—уступокъ, являющихся этапами къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ національнаго характера. Русинская школа, какъ первоначальная, такъ и средняя, перешла въ руки украинцевъ, которые такимъ образомъ получили возможность воспитывать юношество въ національномъ духѣ. Украинцы заняли всѣ 7 малорусскихъ каедръ въ львовскомъ университетѣ. Они развили энергичную просвѣтительную дѣятельность среди народа, создали многочисленную печать, организовали рядъ научныхъ, экономическихъ и т. п. обществъ, заняли всѣ отведенные русинамъ общественные посты и спихнули депутатовъ-москвофиловъ съ насиженныхъ ими мѣстъ во львовскомъ сеймѣ и вѣнскомъ парламентѣ.

Однако москвофильская партія не исчезла. Лишенная возможности играть серьезную политическую роль, она прозябала въ теченіе десятилѣтій, поддерживая связи съ русскимъ официальнымъ міромъ и платонически вздыхая объ ожидаемомъ вторженіи русскихъ войскъ въ Галицію. Старое пожеланіе москвофиловъ вымирало, среди же москвофильской молодежи начали появляться признаки рѣшительнаго поворота отъ теоретическаго руссофильства къ практическому обрусенію. Возникаетъ т. н. «молодое москвофильство». Появляются русины, которые порываютъ практически съ малорусскимъ языкомъ, изучаютъ русскій, пишутъ и говорятъ на немъ, распространяютъ русскую литературу и провозглашаютъ требованіе ввести въ русинскія школы Галиціи русскій языкъ преподаванія. «Молодое москвофильство» мало-по-малу начинаетъ приобрѣтать серьезное значеніе въ москвофильской партіи и руководители его—Дудыкевичъ, Глѣбовецкій, Марковъ и др.—постепенно становятся настоящими заправилами всей партіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ «молодое москвофильство» получаетъ такое политическое значеніе, котораго никогда не имѣло старое. Значеніе это оно приобрѣтаетъ на почвѣ сближенія съ польскими націоналистами—такими же, какъ и москвофилы, врагами русинскаго національнаго движенія подъ знаменемъ украинства.

Чтобы понять это поразительное по своей неожиданности событіе, какимъ является польско-москвофильское сближеніе, необходимо прослѣдить эволюцію отношеній польскихъ политическихъ партій къ русинамъ и ихъ національному движенію.

Отношеніе польскаго общества къ русинскому движенію видоизмѣнялось въ зависимости отъ постепеннаго развитія политическихъ тенденцій русиновъ. Первые попытки горсти русинской интеллигенціи выдѣлиться изъ общепольскаго лагерь и встать на самостоятельную національную почву были приняты всѣми поляками, какъ сепаратистская махинація, направленная противъ Польши. Не мало было употреблено усилій въ доказательство того,

что никакой русинской національности не существуетъ, что малорусскій языкъ—это говоръ польскаго языка, не заслуживающій самостоятельнаго развитія и т. д. ««Niema Rusi—jest tylko Polska i Moskwa!»—«Нѣтъ Руси, существуетъ только Польша и Москва!»—это восклицаніе одного изъ депутатовъ львовскаго сейма довольно долго было лозунгомъ большинства польскаго общества, разъ дѣло касалось русинскаго вопроса.

Реакціонная роль русинской интеллигенціи въ революціонный періодъ конца 40 гт., когда эта интеллигенція была слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ контръ-революціоннаго правительства, вырыла глубокую пропасть между поляками и русинами. Ненависть къ «тирольцамъ Востока» охватила весь польскій лагерь, къ которому примкнули и немногочисленные революціонные элементы русинскаго происхожденія, образовавшіе характерную группу «родомъ русиновъ, поляковъ по національности» (*gente Rutheni, natione Poloni*). Къ той же эпохѣ относится очень живучая и до сихъ поръ еще окончательно не забытая легенда, будто русиновъ и русинское движеніе «выдумалъ» губернаторъ Галиціи, графъ Стадіонъ.

Съ теченіемъ времени полякамъ пришлось помириться съ существованіемъ русинскаго «сепаратизма», тѣмъ болѣе, что онъ пересталъ казаться опаснымъ съ тѣхъ поръ, какъ австрійское правительство перестало выдвигать русиновъ на первый планъ въ противовѣсъ полякамъ. Съ 1867 г. хозяевами положенія въ Галиціи стали поляки или, вѣрнѣе, руководители польской консервативной партіи, которая сумѣла быстро расправиться съ русинскими политиками. Въ 1879 г., благодаря неслыханнымъ злоупотребленіямъ и террористическому давленію на массы избирателей со стороны административныхъ властей, въ вѣнскій парламентъ попадаетъ всего три представителя русинскаго населенія Галиціи. Тѣмъ же путемъ и количество русинскихъ депутатовъ во львовскомъ сеймѣ сводится до минимума.

Хотя русинскому движенію и былъ нанесенъ серьезный ударъ на политической аренѣ, однако это не только не уничтожило самого движенія, но даже не могло замедлить его развитіе. Культурныя силы русинскаго общества растутъ, количество русинской интеллигенціи увеличивается, національное самосознаніе народныхъ массъ усиливается, и вмѣстѣ съ тѣмъ все шире распространяется духъ протеста, все громче и громче раздаются жалобы на гнетъ и угнѣненіе. И вотъ въ польскомъ обществѣ, которое уже успѣло примириться съ существованіемъ русинскаго движенія и его культурной обособленности, начинается пробиваться тенденція уладить какъ-нибудь дѣло съ русинами, выработать какой-нибудь *modus vivendi* и создать условія, при которыхъ стало бы возможнымъ мирное сожителство двухъ родственныхъ національностей.

Даже консерваторы понимаютъ, что однимъ насиліемъ ничего не подѣлаешь, и что слѣдуетъ пойти добровольно на уступки и за-

включить компромиссъ съ одной изъ двухъ существующихъ русинскихъ партій. Что касается москвофиловъ, то о соглашеніи съ ними никто и не думалъ. Ихъ руссофильская программа, зиждущаяся на преданности официальной Россіи, той самой Россіи, которая еще такъ недавно раздавила возстаніе поляковъ, ставила ихъ въ ряды злѣйшихъ враговъ польскаго національнаго дѣла. Москвофиловъ ненавидѣли одинаково всѣ польскія партіи и поэтому могла быть рѣчь только о соглашеніи съ украинцами (въ то время называвшимися «народовцами»).

Соглашеніе съ украинцами было симпатично для демократическихъ элементовъ польскаго общества еще въ силу слѣдующихъ соображеній. Русинскіе народовцы заявляли что галиційскіе русины являются только частью украинскаго народа, преобладающая масса котораго живетъ въ Россіи. Они лелѣли мечту о созданіи одного общеукраинскаго политическаго организма. Но на пути къ созданію независимой Украины стояла Россія, противъ которой направлялись и всѣ революціонныя попытки поляковъ, борющихся за національную независимость. Такимъ образомъ явилась политическая концепція, согласно которой украинское національное движеніе союзникъ польскаго, такъ какъ у нихъ одинъ общій врагъ—деспотическая, обрусительная Россія. Исходя изъ этого положенія, слѣдовало создать въ Восточной Галиціи очагъ украинскаго національнаго движенія, которое въ будущемъ охватитъ и русскую Украину.

Такова была позиція польскихъ демократовъ различныхъ отѣнковъ по отношенію къ русинскому національному движенію. Кромѣ того слабыя польскія демократическія группы смотрѣли на русиновъ, какъ на своихъ естественныхъ союзниковъ въ борьбѣ съ преобладаніемъ консервативной партіи, которая для подавленія демократическаго движенія среди польскихъ крестьянъ не отступала передъ средствами насилія, съ успѣхомъ примѣняемыми къ русинскому движенію. По тѣмъ и другимъ соображеніямъ польскіе демократы поддерживали требованія русиновъ въ области расширенія правъ малорусскаго языка въ школахъ, судопроизводствѣ и въ присутственныхъ мѣстахъ и во время выборовъ часто шли рука объ руку съ русинами.

Между тѣмъ консерваторы дѣлаютъ попытки практическаго разрѣшенія русинскаго вопроса путемъ заключаемыхъ отъ времени до времени соглашеній съ украинофильскою партіей. Первое такое соглашеніе относится еще къ 1869 году, затѣмъ оно возобновлялось въ 1881—1882 г. и, наконецъ, въ 1890 г. Результатъ былъ крайне мизеренъ. Частичныя уступки не могли удовлетворить русиновъ, и консерваторы при слѣдующихъ же выборахъ пускали въ ходъ террористическія мѣры, которыя еще больше ожесточали русинское общество, еще больше углубляли пропасть между русинами и поляками. Русинскіе политики пользовались частичными

уступками (учрежденіе новыхъ русинскихъ гимназій, расширеніе правъ малорусскаго языка въ судопроизводствѣ и администраціи, возникновеніе какой-нибудь новой малорусской каѳедры въ львовскомъ университетѣ), укрѣпляли свои позиціи и съ новымъ запасомъ энергіи организовали борьбу, приобретающую съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе ожесточенный характеръ.

III.

До очень недавняго времени польско-русинская распря въ Галиціи имѣла характеръ борьбы русинской интеллигенціи, опирающейся на крестьянство, съ политическимъ и социальнымъ преобладаніемъ польской консервативной партіи, дающей весь край. Въ этой борьбѣ русиновъ поддерживали неоднократно польскіе демократы и народники. Такимъ образомъ національная борьба русиновъ приобретала характеръ социально-политической борьбы съ феодальной кликой, захватившей въ свои руки власть надъ всѣмъ галиційскимъ населеніемъ безъ различія національности.

Съ появленіемъ на аренѣ борьбы польскихъ націоналистовъ— т. н. національ-демократической партіи, основанной выходцами изъ русской Польши—Поплавскимъ, Дмовскимъ (теперешнимъ председателемъ «кола» въ Государственной Думѣ), положеніе дѣлъ рѣзко мѣняется. Ограждая свои социально-политическія привилегіи отъ «посягательства» народныхъ массъ, польскіе консерваторы сравнительно довольно легко шли на мелкія уступки національнаго характера. Дать русинамъ 2—3 гимназіи для нихъ было легче, чѣмъ сдѣлать шагъ по пути къ осуществленію всеобщей подачи голосовъ. Обезпечить за малорусскимъ языкомъ право въ судебныхъ учрежденіяхъ они рѣшались гораздо скорѣе, чѣмъ согласиться на ничтожнейшую уступку въ области земельныхъ отношеній при проведеніи какого-нибудь выгоднаго для крестьянъ мѣропріятія въ дѣлѣ рыболовства или реформъ дорожнаго закона и т. д. Националь-демократы поставили вопросъ совсѣмъ иначе.

Они провозгласили величайшей святыней польскіе національные интересы и выставили лозунгъ защиты польскихъ національныхъ приобретеній въ Восточной Галиціи. Въ противоположность помѣщикамъ-консерваторамъ, національ-демократы, опирающіеся преимущественно на профессиональную интеллигенцію и бюрократію, относятся отрицательно ко всѣмъ національнымъ уступкамъ, какъ будто не имѣя ничего противъ политическихъ и социальныхъ реформъ, поскольку онѣ не нарушаютъ польскихъ національныхъ приобретеній на русинской территоріи.

Тактика національ-демократовъ оказалась очень подходящей для того фазиса развитія польско-русинскаго вопроса, въ которомъ онъ очутился въ началѣ текущаго столѣтія. Националь-демо-

краты крайне ловко воспользовались всеми антагонизмами, которые обнаружались на почвѣ польско-русинскихъ отношеній Восточной Галиціи. Они не забыли ни объ одной группѣ польскаго общества и прежде всего обратили вниманіе на миллионную массу польскаго крестьянства, которымъ до сихъ поръ почти никто не интересовался.

Польскимъ помѣщикамъ, конечно, не было никакого дѣла до крестьянъ и ихъ національныхъ интересовъ. Польскихъ крестьянъ они эксплуатировали точно также, какъ и русинскихъ, совершенно не входя въ ихъ умственные нужды. И только съ появленіемъ національ-демократовъ поднимается вопросъ о культурной работѣ среди этихъ заброшенныхъ массъ. «Общество народной школы», находящееся всецѣло въ рукахъ національ-демократовъ, обращаетъ свое вниманіе на польскихъ крестьянъ Восточной Галиціи, и вотъ начинается лихорадочная дѣятельность, выражающаяся въ основываніи польскихъ школъ, читаленъ, библіотекъ и подобныхъ просвѣтительныхъ учрежденій въ польскихъ селахъ Восточной Галиціи, обреченныхъ, какъ казалось, на неминуемое поглощеніе со-сѣдями-руси́нами. Воспользовавшись колоссальной сельскохозяйственной забастовкой, вспыхнувшей въ 1902 г. въ Восточной Галиціи, національ-демократы заставляютъ помѣщиковъ принять сильное участіе въ національной работѣ среди польскаго крестьянства. Помѣщики даютъ матеріальныя средства, на которыя націоналистическіе агитаторы устраиваютъ цѣлый рядъ предпріятій культурнаго характера, распространяютъ массу изданій антирусинскаго направленія и вообще акклиматизируются въ польской деревнѣ, стоявшей до сихъ поръ въ сторонѣ отъ всякаго національнаго движенія.

Мало-по-малу вся Восточная Галиція покрылась сѣтью польскихъ просвѣтительныхъ утрежденій національнаго характера, вліяніе которыхъ стало распространяться не только на польскихъ крестьянъ, недавно прибывшихъ съ запада, но и на такихъ, которые, живя долгіе годы среди русинскихъ крестьянскихъ массъ, забыли по-польски и почти совсѣмъ ассимилировались съ русинами. Такъ какъ націоналистическая пропаганда среди такихъ «бывшихъ поляковъ» играетъ очень видную роль въ польско-русинской распрѣ, то я и останавлиюсь на ней нѣсколько подробнѣе.

Возьмемъ для примѣра первое попавшееся село т. н. «латынниковъ» въ любомъ изъ восточно-галиційскихъ уѣздовъ. Такое село возникло, можетъ быть, болѣе ста лѣтъ тому назадъ. Его основали польскіе крестьяне, выходцы изъ теперешняго Царства Польскаго или изъ Западной Галиціи. Польскіе колонисты поселились среди сплошнаго русинскаго населенія, образовавъ небольшой, совершенно обособленный островокъ на русинской этнографической территоріи. Не подлежало сомнѣнію, что раньше или позже это русинское море поглотитъ польскій островокъ. Такъ оно и случилось. Проживая

среди русиновъ, польскіе выходцы мало-по-малу сливались съ окружающей ихъ русинской стихіей, теряя всѣ свои отличительныя національныя черты и—прежде всего—языкъ. Малорусскій языкъ становится ихъ обиходнымъ языкомъ, а ихъ быть ассимилируется съ бытомъ русинскаго крестьянства. Въ концѣ концовъ отъ коренныхъ русиновъ эти ассимилировавшіеся съ ними поляки отличаются только однимъ: церковнымъ обрядомъ. Русины—уніаты и въ церкви у нихъ господствуетъ славянскій языкъ съ малорусскимъ выговоромъ. Бывшіе польскіе выходцы не перестали быть римскими католиками и ходятъ въ костелъ, гдѣ языкъ литургии латинскій, языкъ же добавочнаго богослуженія и проповѣдей польскій. Ставъ русинами по языку, польскіе выходцы остались «латынниками»—и это единственная нить, которая ихъ еще связываетъ съ прежней національностью.

Однако эта нить, не смотря на свою кажущуюся слабость, играетъ очень видную роль въ дѣлѣ національной агитаціи. Прежде всего «латынники» чувствуютъ, что они, не смотря на свой языкъ и бытъ, все-таки не совсѣмъ русины. Хотя бы традиція ихъ западнаго происхожденія и исчезла, тѣмъ не менѣе и сосѣди, коренные русины, и административныя власти не считаютъ ихъ «чистыми» русинами. Въ понятіи первыхъ «чистый» русинъ долженъ быть непременно уніатомъ, вслѣдствіе чего коренные русинскіе крестьяне склонны считать говорящихъ по-малорусски «латынниковъ» чужаками. Что же касается польской администраціи, то она всегда основывала національную классификацію на вѣроисповѣдныхъ чертахъ, считая всѣхъ римско-католиковъ поляками.

Пока національное самосознаніе и русинскихъ, и польскихъ народныхъ массъ находилось на очень низкомъ уровнѣ развитія, пока національная агитація и съ русинской, и съ польской стороны не принимала сколько-нибудь значительныхъ размѣровъ, «латынники» жили бокъ о бокъ со своими сосѣдами-уніатами, не думая ни о какой борьбѣ. Но вотъ наступаетъ періодъ усиленія національной борьбы между русинскими и польскими національными партіями, въ этой борьбѣ народныя массы мало-по-малу начинаютъ играть выдающуюся роль, и вопросъ о національности «латынниковъ» приобретаетъ острый характеръ.

Отношеніе крестьянъ-русиновъ, ставшихъ сознательными членами русинскихъ партій, къ «латынникамъ» нѣсколько видоизмѣняется. Русинскія національныя партіи требуютъ, чтобы «латынники» сознательно примкнули къ русинскому лагерю, а такъ какъ римско-католическій обрядъ въ силу укоренившейся традиціи является серьезной помѣхой въ этомъ направленіи, то эти требованія не приводятся въ исполненіе. «Латынникъ» начинаетъ сознавать, что онъ дѣйствительно отличается отъ окружающихъ его коренныхъ русиновъ. По всей вѣроятности, это зарождающееся осознаніе отличности такъ бы и заглохло, если бы на сцену не

явился польский национальный агитаторъ въ лицѣ студента, народнаго учителя, кого-нибудь изъ мелкихъ чиновниковъ, а иногда и римско-католическаго священника или помѣщика. Такой агитаторъ появляется въ селѣ, обитаемомъ «латынниками», и начинаетъ доказывать имъ, что они въ сущности поляки, забывшіе свой языкъ, что они должны возвратиться къ своей покинутой польской національности, служить общепольскому національному дѣлу, защищаться отъ «посягательства» русиновъ и т. д.

Первоначально, конечно, такая агитація идетъ туго, но у польскихъ национальныхъ агитаторовъ цѣлый аппаратъ воздействия, пускаемый ими въ ходъ съ неослабввающей энергіей. Достаточно найти въ селѣ «латынниковъ» нѣсколько лицъ, у которыхъ удалось раздуть искорку польскаго національнаго сознанія, чтобы дѣло «возрожденія» пошло на ладъ. Въ селѣ возникаетъ польская читальня, гдѣ, кромѣ популярныхъ брошюръ появляется ультра-націоналистская «Ojczyzna». Въ читальнѣ наѣзжающими агитаторами произносятся пламенные рѣчи о національной солидарности и национальныхъ обязанностяхъ, читаются рефераты по исторіи Польши—и все это дѣлается съ тенденціей убѣдить «латынниковъ», что они поляки, что они должны перестать говорить между собой по-малорусски, что они должны обучать дѣтей польской грамотѣ и т. д. Немаловажную роль играютъ экскурсіи крестьянъ въ Западную Галицію—въ Краковъ, Кальварію и т. д. Обыкновенно такіе экскурсіи организуются «Обществомъ народной школы», которое привлекаетъ къ этому дѣлу содѣйствіе уѣздныхъ совѣтовъ, помѣщиковъ и вообще состоятельныхъ лицъ. Благодаря такому содѣйствію, ежегодно снаряжаются десятки экскурсій, въ которыхъ принимаютъ участіе тысячи польскихъ крестьянъ и крестьянъ-«латынниковъ» изъ Восточной Галиціи. Экскурсія направляется въ Краковъ, гдѣ пріѣзжихъ крестьянъ водятъ на Вавель поклониться праху польскихъ королей, показываютъ камень, на которомъ присягалъ народу Костюшко, и другіе памятники польской старины, сосредоточенные въ краковскихъ музеяхъ и костелахъ. Для этихъ экскурсій въ краковскомъ театрѣ даются спеціальныя представленія патриотическихъ пьесъ и т. д. Все это сопровождается рѣчами и объясненіями, разжигющими національное самосознаніе и національную гордость крестьянъ. Такая, ловко обставленная и очень умѣло организованная экскурсія несомнѣнно оставитъ неизгладимые слѣды въ памяти крестьяна, привезеннаго изъ какого-нибудь захолустья.

Разъ польской національной агитаціи удалось стать твердою ногой въ селѣ «латынниковъ», сами собой ухудшаются взаимныя отношенія между послѣдними и ихъ чисто русинскими сосѣдями. Разъ «латынники», говорящіе по-малорусски, начинаютъ считать себя поляками, русины, принадлежащіе къ организованному національному партіямъ, затѣваютъ контръ-агитацію, что способствуетъ ускоренію націонализаціи «латынниковъ». Въмѣсто прежней

мирной жизни крестьянъ, отличающихся только обрядомъ, на сцену появляется антагонизмъ двухъ національныхъ группъ, разжигаемый агитаторами съ обѣихъ сторонъ.

Съ того момента, когда въ селѣ, обитаемомъ «латынниками», появляется польская школа, основываемая или «Обществомъ народной школы» или самой гминой, ростъ національнаго самосознанія въ духъ колонизаціи «латынниковъ» обеспеченъ. Мнѣ припоминается тутъ слѣдующій характерный фактъ. Года два тому назадъ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ прїѣзда въ Краковъ участниковъ одной изъ экскурсій крестьянъ Восточной Галиціи въ древнюю столицу Ягеллоновъ. Крестьяне, которыхъ было больше 200, расположились въ одномъ изъ краковскихъ монастырей, гдѣ для нихъ былъ приготовленъ бесплатный ночлегъ. Среди участниковъ экскурсіи преобладали несомнѣнные поляки, какъ я потому узналъ, изъ недавно образовавшихся колоній. Но было не мало и такихъ, которые говорили между собой по-малорусски. Я заинтересовался, главнымъ образомъ, послѣдними и рѣшилъ убѣдиться лично, къ какой національности они принадлежатъ. Улучивъ минуту, когда охраняющіе ихъ агитаторы (студенты и студентки) куда-то отлучились, я сталъ подробно спрашивать крестьянъ — откуда они, поляки они или русины и т. д. Замѣтивъ еще прежде, что разговаривавшіе между собой по-малорусски участники экскурсіи обращались по-польски къ сопровождающимъ ихъ агитаторамъ, я нарочно заговорилъ съ ними по-малорусски, полагая, что, если они русины, то этимъ я расположу ихъ къ себѣ. Случилось какъ разъ наоборотъ, и только тогда, когда я сталъ говорить съ ними по-польски, они отвѣчали мнѣ охотно. Многие жаловались, что они уже забыли по-польски и что имъ легче говорить по-малорусски; почти всѣ говорили, что дома, у себя, они говорятъ по-малорусски, но что они считаютъ себя поляками. Съ особенной радостью сообщилъ мнѣ крестьянинъ, плохо говорившій по-польски, что теперь у нихъ въ деревнѣ основана школа и что поэтому дѣтишки перестанутъ говорить по-малорусски. Слушавшіе его крестьяне изъ различныхъ уѣздовъ въ одинъ голосъ подтверждали, что только школа можетъ «спасти» дѣтей отъ поглощенія русинской стихіей.

Не довольствуясь распространеніемъ національнаго самосознанія среди польскихъ крестьянъ Восточной Галиціи, національ-демократы обратили свое вниманіе, главнымъ образомъ, на созданіе антирусинскаго настроенія среди польской интеллигенціи. И это имъ удалось безъ особеннаго труда. Дѣло въ томъ, что политическія завоеванія русиновъ въ области расширенія правъ малорусскаго языка практически отражаются весьма чувствительно на шкурныхъ интересахъ польской интеллигенціи. Въ прежнее время, когда польскій языкъ въ присутственныхъ мѣстахъ и судопроизводствѣ Восточной Галиціи былъ господствующимъ языкомъ, мало-

русский же играл роль едва терпимаго, польская интеллигенция не боялась конкурентов-русиновъ. По мѣрѣ же расширенія прая малорусскаго языка расширялся и кругъ дѣятельности русинскихъ интеллигентовъ. Количество послѣднихъ растетъ очень быстро. И вотъ національ-демократы указываютъ польской интеллигенціи на малорусскія гимназіи, какъ на корень зла, какъ на источникъ опасности, угрожающей современемъ окончательнымъ вытѣсненіемъ поляковъ съ насиженныхъ ими мѣстъ во всѣхъ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ.

Среди польской интеллигенціи возникаетъ настроеніе, враждебное малорусскимъ гимназіямъ, рѣшительные протесты противъ учрежденія новыхъ малорусскихъ гимназій раздаются все громче и громче. Требованіе же отдѣльнаго малорусскаго университета въ Львовѣ принимается польскимъ націоналистическимъ общественнымъ мнѣніемъ съ нескрываемымъ негодованіемъ, какъ неслыханное посягательство на историческія національныя приобрѣтенія польской культуры.

Путемъ разжиганія враждебныхъ чувствъ ко всѣмъ національнымъ требованіямъ русиновъ, національ-демократамъ удалось слѣпнуть вокругъ своего знамени всѣ тѣ элементы, для которыхъ уклоненіе позиціи русинской интеллигенціи представляетъ не малую опасность. Укрѣпившись среди интеллигенціи, національ-демократы могли оказывать сильное воздѣйствіе на общественное мнѣніе, тѣмъ болѣе, что у нихъ въ рукахъ оказалась самая вліятельная часть польской печати Восточной Галиціи съ очень распространенной ежедневной газетой «*Slowo Polskie*» во главѣ. Эта печать ведетъ антирусинскую кампанію, не брезгая никакими средствами, тѣмъ болѣе, что и русинскія націоналистическія изданія («*Гайдамаки*», «*Діло*» и др.) не отстаютъ отъ нея въ этомъ отношеніи.

Въ прежнее время борьба русиновъ съ польскимъ преобладаніемъ имѣла характеръ борьбы съ насильственной политикой польской консервативной партіи, которая давила всѣхъ своихъ противниковъ безъ различія національности. Выступая противъ консерваторовъ, русинскіе политики могли располагать извѣстными симпатіями и среди польской оппозиціи, особенно народнической. Однако въ послѣдніе годы позиція русинскихъ национальных партій круто измѣняется, принимая характеръ враждебнаго отношенія ко всѣмъ полякамъ безъ различія партійнаго направленія. Националистическія русинскія изданія проповѣдуютъ походъ противъ поляковъ, не скрывая своего желанія выбросить ихъ всѣхъ «за Сагъ», т. е. въ Западную Галицію. Страсти разгораются, и на этой почвѣ столкновенія двухъ націоналистическихъ фанатизмовъ принимаютъ порой отвратительно грубыя формы.

Такіе факты мало-по-малу заставляютъ и польскихъ демократовъ, не ослѣпленныхъ одностороннимъ націонализмомъ, относиться съ сдержаннѣе и сдержаннѣе къ русинскимъ требованіямъ. Прежнѣе

сознаніе общности интересовъ оппозиціи безъ различія національностей исчезаетъ. И вотъ мы видимъ, что антирусинское настроеніе охватываетъ даже польскихъ народниковъ, руководитель которыхъ, Стаинскій, заявляетъ въ парламентѣ, что, поскольку дѣло касается защиты польскихъ интересовъ въ Восточной Галиціи, польская крестьянская партія солидарна съ остальными польскими партіями. Во время послѣднихъ парламентскихъ выборовъ въ Восточной Галиціи противъ русинскихъ кандидатовъ составилъ блокъ, въ составъ котораго вошли всѣ польскія политическія группы за исключеніемъ, конечно, социалистовъ.

Такое положеніе дѣлъ въ высшей степени способствуетъ усиленію вліянія національ-демократовъ, которые проповѣдуютъ борьбу съ русинами *à outrance*. Подъ ихъ вліяніемъ на общественное мнѣніе помѣщики, парцеллирующіе свои владѣнія, часто не рѣшаются продавать землю русинскимъ крестьянамъ и уступаютъ ее только польскимъ. Тѣ же помѣщики выписываютъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ изъ Западной Галиціи, строятъ римско-католическіе костелы и капеллы для тѣхъ «латынниковъ», которымъ грозитъ опасность перехода въ унию и т. д. «Никакихъ уступокъ украинцамъ!»—вотъ лозунгъ національ-демократовъ.

Рядомъ съ этимъ лозунгомъ, въ послѣдніе годы появляется еще другой, на выставленіе котораго польскіе націоналисты могли рѣшиться, только окончательно упрочивъ свое вліяніе въ обществѣ—до такой степени онъ шелъ въ разрѣзъ со всей традиціонной политикой по отношенію къ русинамъ.

Національ-демократы пришли къ убѣжденію, что въ борьбѣ съ русинскимъ національнымъ движеніемъ москвофильская партія можетъ стать желаннымъ союзникомъ польскихъ націоналистовъ. Вѣдь борьба украинцевъ за расширеніе правъ малорусскаго языка почти такъ же не симпатична для москвофиловъ, какъ и для польскихъ націоналистовъ. Упроченіе малорусскаго языка въ общественной жизни и политическихъ учрежденіяхъ Галиціи въ высшей степени вредно для русинскихъ противниковъ украинофиловъ, потому что это лишаетъ почвы ихъ мечтанія о господствѣ русскаго языка въ Восточной Галиціи. Для нихъ, особенно же для «молодыхъ москвофиловъ», выгодно все то, что можетъ затормозить дальнѣйшія національныя пріобрѣтенія украинцевъ. Они предпочитаютъ даже временное господство и преобладаніе поляковъ завоеваніямъ украинцевъ, такъ какъ имъ кажется, что въ случаѣ присоединенія Галиціи къ Россіи легче будетъ управиться съ поляками, чѣмъ съ укрупнившимся на родной почвѣ украинствомъ, которому окажутъ поддержку и русскіе украинцы.

Что же касается польскихъ національ-демократовъ, то они поняли, что москвофильство, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока Галиція остается за Австріей, совершенно безопасно для польскихъ интересовъ. Его полная беспочвенность совершенно оче-

видна, и поэтому требованія москвофиловъ, если и могутъ причинить кому-нибудь вредъ, то только украинцамъ, а никакъ не полякамъ. Наоборотъ, серьевная поддержка, оказанная москвофиламъ, будетъ тяжелымъ ударомъ для украинцевъ, которымъ придется вести борьбу на два фронта—противъ поляковъ и противъ русиновъ, не признающихъ самостоятельности малорусскаго языка и стремящихся къ замѣнѣ его русскимъ.

Въ сущности, ловунгъ сближенія съ москвофилами, провозглашенный польскими націоналистами, не опирается на искреннее желаніе сойтись съ этой партіей на почвѣ какихъ-нибудь уступокъ. Националисты разсматривали свой проектъ исключительно съ точки зрѣнія большей или меньшей его вредоносности для украинцевъ. Это прекрасно понимали и сами москвофилы, но такъ какъ и для нихъ важнѣе всего были не конкретныя уступки въ пользу русскаго языка, а все то, что могло бы противодействовать дальнѣйшему укрѣпленію украинства, то соглашеніе съ польскими націоналистами было ими молчаливо принято.

Такъ какъ по вопросу объ отношеніи къ русинамъ въ польскомъ обществѣ восторжествовали взгляды національ-демократовъ, то и идея союза съ москвофилами, распространяемая послѣдними, привилась очень быстро. Этому способствовала и тактика москвофильской печати.

Прежде москвофилы не отставали отъ своихъ соперниковъ—украинофиловъ въ нападеніяхъ на поляковъ, теперь же эти нападенія, если и не прекратились, то во всякомъ случаѣ стали гораздо болѣе умѣренными. За то борьба съ украинцами, которую систематически вела эта печать, приняла характеръ, сближавшій ее съ антирусинской тактикой польскихъ націоналистовъ. Въ москвофильскихъ органахъ появляются доносы на малорусскія гимназіи, какъ на очаги разврата, безвѣрія и всяческой неблагонадежности. Доносы эти подхватываются польской націоналистической печатью, и союзники громятъ украинскую культуру съ двухъ фланговъ. Всякая некультурная выходка русинской націоналистической молодежи даетъ москвофильской прессѣ предлогъ къ огульному осужденію всѣхъ украинскихъ стремленій, какъ проявленій варварства, дикости и т. д. Польскіе націоналисты, конечно, съ радостью пользуются статьями москвофиловъ, ссылаясь на нихъ, какъ на мнѣніе самихъ русиновъ о некультурности украинскаго движенія.

Москвофилы очень ловко использовали для борьбы съ украинцами и болѣе тѣснаго сближенія съ польскими націоналистами мотивъ «славянскій солидарности», совершенно отрицаемый галиційскими украинофилами. Дѣло въ томъ, что волна германизации, захлестывающая западнославянскую территорію въ Пруссіи, Польшѣ, въ Чехіи или въ странѣ словенцевъ, не представляетъ ровно никакой непосредственной опасности для галиційскихъ ру-

синовъ, стоящихъ въ сторонѣ отъ борьбы западныхъ славянъ съ германскимъ натискомъ. Мало того, считая самыми опасными своими противниками поляковъ, галиційскіе украинцы ищутъ въ вѣнскомъ парламентѣ сближенія съ нѣмецкими націоналистическими партіями, настроенными враждебно по отношенію къ полякамъ. Украинскіе націоналисты идутъ въ этомъ направленіи такъ далеко, что ихъ печать не стѣсняется восхвалять или, по крайней мѣрѣ, оправдывать тѣ крутыя мѣры, которыя примѣняетъ прусская германизаціонная политика къ полякамъ Познани. Это, конечно, вызываетъ негодованіе всѣхъ польскихъ партій, не исключая и социалистовъ, систематически поддерживающихъ всѣ справедливыя требованія украинцевъ. И вотъ москвофилы демонстративно заявляютъ о своей полной солидарности съ поляками, поскольку дѣло касается «общаго врага»—германизаціи. Они говорятъ, что польско-русинская распря въ Галиціи—это домашній споръ двухъ родственныхъ племенъ, споръ, который можетъ быть улаженъ къ обоюдной выгодѣ и который не мѣшаетъ москвофиламъ считать поляковъ братьями передъ лицомъ общеславянской опасности, которую угрожаетъ завоевательное движеніе Германіи. Наконецъ, слѣдуетъ еще замѣтить, что націоналистическій лозунгъ украинцевъ «за Санъ поляковъ!» москвофилами осуждается, какъ проявленіе безсмысленнѣйшаго шовинизма, потому что поляки Восточной Галиціи такіе же автохтоны, какъ и русины, и должны пользоваться полнымъ равноправіемъ.

Сближеніе русинскихъ москвофиловъ съ поляками довольно долго не выходило изъ границъ чисто теоретическихъ соображеній публицистическаго свойства. Только послѣ выборовъ въ парламентъ, обезпечившихъ за украинскимъ лагеремъ серьезный перевѣсъ, мы видимъ кое-какіе практическіе результаты этого сближенія.

IV.

Введеніе всеобщей, прямой и тайной подачи голосовъ при парламентскихъ выборахъ было для украинскіхъ партій въ Галиціи, какъ и вообще для всѣхъ партій, опирающихся на народныя массы, политическимъ приобрѣтеніемъ колоссальнаго значенія. Хотя общеавстрійскій избирательный законъ былъ видоизмѣненъ въ угоду господствующей до сихъ поръ въ Галиціи феодальной олигархіи, однако и въ этомъ измѣненномъ видѣ онъ давалъ русинамъ въ руки могущественное орудіе политической борьбы.

Чего только не предпринималось для борьбы съ оппозиціей вообще и съ русинской въ частности при первыхъ выборахъ на основаніи всеобщей подачи голосовъ! Шовинистическая демагогія, злоупотребленіе административной властью, массовое спаиваніе народа, открытая покупка избирательныхъ легитимаций, застрачиваніе всякими способами избирателей—вотъ чѣмъ открылась выбор-

ная кампанія въ Восточной Галиціи. А самыя выборы происходили въ обстановкѣ административнаго террора и страшныхъ злоупотребленій властей. Въ нѣкоторыхъ округахъ карточки, при помощи которыхъ производится подача голосовъ, выдавались уже заполненными фамиліями консервативныхъ кандидатовъ. Оппозиціоннымъ кандидатамъ ихъ кое-гдѣ совсѣмъ не выдавали. Списки избирателей обильно пополнялись фамиліями покойниковъ, а голоса послѣднихъ оказывались поданными за консерваторовъ и націоналистовъ. Всѣ присутственныя мѣста и желѣзнодорожныя конторы были превращены въ бюро купли и продажи легитимаций. По деревнямъ, вопреки точному смыслу закона, устраивалось явное голосованіе, при чемъ лица, которыя въ качествѣ членовъ избирательныхъ комиссій протестовали противъ такихъ злоупотребленій, подвергались аресту. Оффиціальныя писцы писали неграмотнымъ крестьянамъ фамиліи оппозиціонныхъ кандидатовъ въ такомъ исковерканномъ видѣ, что впоследствии эти карточки объявлялись недѣйствительными. Правительственные комиссары вынимали изъ урнъ карточки оппозиціи и замѣняли ихъ заполненными фамиліями консервативныхъ кандидатовъ. Однимъ словомъ, не было средства, котораго бы власть предержавшая не пустила въ ходъ, чтобы посрамить противниковъ консервативно-націоналистической коалиціи.

И все-таки въ Восточной Галиціи этой коалиціи не удалось почти ничѣмъ поживиться внѣ городскихъ округовъ (причисленныхъ къ польскимъ округамъ, недоступнымъ для русиновъ вследствие ихъ малочисленности въ городахъ). Только въ одномъ изъ русинскихъ округовъ польскимъ національ-демократамъ удалось отвоевать одно депутатское полномочіе, такъ что русинскихъ депутатовъ оказалось не 28, а 27. Во всякомъ случаѣ и эта цифра (вмѣсто прежнихъ 10) превращала русинское представительство въ парламентѣ изъ ничтожной группки въ серьезную политическую силу, съ которой должны считаться и другія партіи, и правительство.

Побѣдили русинскія партіи, стоящія на украинской національной почвѣ: національ-демократы, радикалы и социаль-демократы, получившіе 376.000 голосовъ, въ то время какъ москвофилы получили всего 171.000 и провели въ парламентъ только 5 депутатовъ, въ томъ числѣ двухъ сторонниковъ «молодого москвофильства».

Такимъ образомъ первый опытъ примѣненія всеобщей подачи голосовъ обезпечилъ за украинцами преобладаніе въ русинскомъ лагерѣ и указалъ на нихъ, какъ на естественныхъ представителей массы русинскаго населенія.

Это, конечно, было крайне невыгодно для польскихъ націоналистовъ, такъ какъ украинская фракція въ парламентѣ получила благодаря своей многочисленности, возможность оказывать влияние на политическое развитіе государства и, входя въ сдѣлки съ правительствомъ, получать извѣстныя національныя уступки вопреки

волѣ «польскаго кола». Первыя же пренія на галиційскія темы, возникшія по поводу запросовъ относительно злоупотребленій во время выборовъ, показали, что украинскія національности, попавшія въ парламентъ, церемониться не стануть и за словомъ въ карманъ не полѣзутъ. Слѣдовало позаботиться о томъ, чтобы зріобрѣсти хоть какихъ-нибудь союзниковъ въ русинскомъ лагерѣ въ противовѣсъ украинскимъ націоналистамъ и радикаламъ. Такихъ союзниковъ можно было найти только среди москвофиловъ, которые образовали самостоятельную «русскую» фракцію и которыхъ можно было цѣною извѣстныхъ услугъ использовать противъ украинцевъ.

Конфиденціальныя переговоры между поляками и москвофильскими депутатами подготовили почву для формальнаго союза, который обнаружился только во время происходившихъ въ началѣ текущаго года выборовъ въ львовскій сеймъ. Москвофилы приняли видное участіе въ парламентской демонстраціи, являющейся протестомъ противъ новыхъ антипольскихъ законовъ въ Пруссіи. Украинцы (за исключеніемъ социаль-демократовъ) уклонились отъ участія въ ней, еще разъ демонстрируя свое пруссофильство, что не могло не вызвать всеобщаго негодованія среди поляковъ, которымъ ловко воспользовалась москвофильская партія для укрѣпленія своей позиціи.

Приближалось время выборовъ въ галиційскій сеймъ, имѣвшихъ тѣмъ большее значеніе, что отъ ихъ исхода въ немалой степени зависѣла судьба реформы сеймоваго избирательнаго закона. Послѣ того, какъ общеніперскій избирательный законъ былъ измѣненъ въ духъ всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ, существующая избирательная система галиційскаго сейма являлась анахронизмомъ, съ чѣмъ согласны даже консерваторы. Задачей новаго сейма является проведеніе такого избирательнаго закона, который хоть отчасти удовлетворялъ бы назрѣвшимъ потребностямъ политической жизни широкихъ массъ, въ томъ числѣ и русинскихъ. Поэтому демократическія партіи, заинтересованныя въ судьбѣ предстоящей реформы избирательнаго закона, прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы послать въ новый сеймъ возможно больше своихъ представителей. Украинскія партіи не сомнѣвались, что онѣ одержатъ побѣду надъ своими соперниками москвофилами. Эту надежду онѣ основывали между прочимъ и на результатахъ выборовъ въ парламентъ. Однако онѣ не приняли во вниманіе одного факта — именно соглашенія, заключеннаго между намѣстникомъ Галиціи, гр. А. Потоцкимъ, и москвофильской партіей.

Благодаря этому тайному соглашенію, москвофильскіе кандидаты являлись правительственными кандидатами и ихъ успѣхъ обезпечивался тѣми же средствами, которыя всегда пускались въ ходъ, когда нужно было доставить побѣду правительственнымъ кандидатамъ. Выборы сопровождались традиціонными злоупотребленіями, на этотъ разъ направленными противъ украинскихъ кандидатуръ

въ угоду москвофиламъ. Въ результатѣ получился выборъ 11 украинцевъ (8 націоналистовъ и 3 радикаловъ) и 10 москвофиловъ. То, что было невозможно, еслибы выборы производились на основаніи всеобщей подачи голосовъ, оказалось вполне достижимымъ на почвѣ устарѣвшаго сеймоваго избирательнаго закона. Намѣстникъ Галиціи, графъ А. Потоцкій, достигъ того, что въ сеймѣ москвофильское представительство почти не уступаетъ количественно украинскому.

Такой исходъ выборовъ вызвалъ взрывъ восторга въ москвофильскомъ лагерѣ. Органъ москвофиловъ, «Галичанинъ», пишетъ: «Если бы кто-нибудь послѣ нашего пораженія во время парламентскихъ выборовъ предсказывалъ такую блестящую побѣду при выборахъ въ сеймъ, то такого человѣка можно было смѣло назвать витающимъ въ воздухѣ оптимистомъ. Центръ тяжести передвинулся на нашу сторону, такъ что мы по справедливости должны подчеркнуть нашу блестящую, хотя и неожиданную, побѣду. Тѣ, которые насъ безъ устали громили, которые гѣли намъ уже отходную, потерпѣли поворное пораженіе. Русскій духъ не только не исчезъ въ нашемъ народѣ, но, наоборотъ, усилился, окрѣпъ. Оказалось, что ошибались тѣ пессимисты, которые боялись порвать узы, соединяющія насъ съ украинцами. Теперь, на основаніи опыта, мы можемъ смѣло утверждать, что для нашей идеи не было ничего столь вреднаго и унижительнаго, какъ эта злополучная связь съ величайшимъ нашимъ врагомъ. И, какъ только мы порвали связывающія насъ узы, какъ только мы почувствовали полную свободу и оцѣнили ясно наше положеніе точно такъ же, какъ и положеніе соперника, мы тотчасъ же, при первомъ предоставившемся случаѣ доказали, сколь жизненны наши силы, а нашъ противникъ, до недавняго времени еще убѣжденный въ своемъ могуществѣ, безъ нашей поддержки палъ поворнымъ образомъ». Что касается украинцевъ, то искусственно созданная побѣда москвофиловъ внесла въ ихъ среду вполне понятное раздраженіе. Тонъ націоналистической русинской печати становится еще болѣе, рѣзкимъ а содержаніе статей націоналистическихъ органовъ проникается крайнимъ фанатизмомъ.

На почвѣ этого раздраженія, вполне понятнымъ становится фактъ, который явился однимъ изъ самыхъ неожиданныхъ эпизодовъ польско-русинской борьбы. Намѣстникъ Галиціи, графъ А. Потоцкій, палъ, сраженный пулями студента Сичинскаго. Начиная съ ультра-націоналистическаго «Діла» и кончая социаль-демократической «Землей и Волей»,—вся украинская печать не нашла ни слова осужденія для террористическаго акта, совершеннаго Сичинскимъ. Съ другой стороны, вся польская печать, начиная съ органовъ самого намѣстника и газетъ націоналистическаго направленія, какъ «*Slowo Polskie*» или «*Dziennik Polski*», и кончая газетами прогрессивныхъ демократовъ, народниковъ и социаль-демократовъ, отнеслась отрицательно къ этому акту.

Воспользовавшись негодованіемъ, охватившимъ все польское общество, національ-демократы поспѣшили организовать что-то вродѣ погрома русиновъ, выразившагося въ разбиваніи стеколъ въ украинскихъ общественныхъ учрежденіяхъ и магазинахъ Львова. Выѣстъ съ тѣмъ «*Slowo Polskie*» объявило подписку на «живой памятникъ» гр. Потоцкому, предлагая собрать извѣстную сумму денегъ для учрежденій польскихъ бурсъ имени гр. Потоцкаго, въ которыхъ дѣти незажиточныхъ крестьянъ и ремесленниковъ получали-бы полное содержаніе, что давало бы имъ возможность оканчивать курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Эти бурсы, конечно, предполагалось открывать въ Восточной Галиціи. Воззваніе націоналистическаго органа встрѣтило симпатіи очень широкихъ круговъ польскаго общества, и въ короткій сравнительно срокъ на польскія бурсы въ Восточной Галиціи было собрано до 80.000 кронъ.

Смертью намѣстника не преминули воспользоваться и москвофилы, чтобы укрѣпить свой союзъ съ польскимъ лагеремъ. «Галичанинъ» писалъ послѣ покушенія Сичинскаго: «Общественное мнѣніе единогласно характеризуетъ графа Потоцкаго, какъ человека благороднаго во всѣхъ отношеніяхъ. Какъ политическій дѣятель, унаслѣдовавшій тягостное наслѣдство отъ своихъ предшественниковъ, онъ исполнялъ безукоризненно свои обязанности, по отношенію же къ русинскимъ партіямъ былъ безпристрастенъ. И это было источникомъ слѣпой ненависти къ нему со стороны украинцевъ. На своемъ отвѣтственномъ посту онъ палъ, какъ солдатъ, геройской смертью, какъ невинная жертва своихъ обязанностей... Какъ и прежде, такъ и теперь, мы специально подчеркиваемъ наше категорическое требованіе, чтобы насъ никогда и ни подъ какимъ условіемъ не смѣшивали съ украинской группой... Стронниковъ идеи, во имя которой совершено гнусное убійство, мы считаемъ не только чуждыми для русскаго народа, но и открытыми и самыми опасными его врагами». Любопытно, что москвофильская молодежь приняла дѣятельное участіе въ организованномъ польскими національ-демократами погромѣ во Львовѣ.

Такимъ образомъ террористическій актъ Сичинскаго далъ въ результатѣ, кромѣ новаго взрыва націоналистическаго фанатизма съ обѣихъ сторонъ, еще и болѣе тѣсное сближеніе москвофиловъ съ польскимъ лагеремъ. Одинъ изъ руководителей «молодо-москвофильскаго» теченія, Глѣбовицкій, заявилъ: «Русскіе и поляки во всей Галиціи должны признавать принципъ: «*suum cuique*». Изъ этого слѣдуетъ, что мы не согласны съ достойнымъ порицаніемъ, прямо смѣшнымъ въ XX столѣтіи, лозунгомъ украинцевъ: «за Санъ ляховъ»!..

Конечно, такія заявленія не могутъ не оказывать извѣстнаго вліянія даже на тѣ сферы польскаго общества, которыя не ослѣплены шовинизмомъ національ-демократовъ. Въ этихъ сферахъ

начинает складываться взглядъ, что полякамъ неачтъ вмѣшиваться во внутренніе споры русинскихъ лагерей. Пусть русины сами разбираются въ вопросахъ, касающихся ихъ національности, пусть они считаютъ себя украинцами или русскими, это насъ не касается, и дальнѣйшія уступки русинамъ не должны идти исключительно по линіи концессій однимъ украинцамъ,—такое мнѣніе раздается въ послѣднее время со столбцовъ умѣренной польской печати. И на этомъ москвофилы строятъ свои надежды на успѣхъ въ борьбѣ съ украинцами, рассчитывая на то, что такая «объективность» на практикѣ сведется къ поддержкѣ москвофильской партіи и ея, пока что, еще очень скромныхъ требованій*).

* * *

Общая картина польско-русинскихъ отношеній Галиціи въ настоящій моментъ довольно неприглядна. И съ одной, и съ другой стороны мы видимъ разгулъ шовинистическихъ страстей, приводящій къ взрывамъ національнаго фанатизма, одинаково вреднымъ для нормальнаго развитія какъ русиновъ, такъ и поляковъ. Лозунгъ «за Санъ поляковъ!» провозглашенный русинскими шовинистами, ведетъ къ сплоченію всѣхъ поляковъ Восточной Галиціи въ одинъ общенациональный лагерь, руководить которымъ будутъ, конечно, національ-демократы. Этотъ лозунгъ, игнорирующій законные интересы полуторамилліоннаго польскаго населенія Восточной Галиціи, долженъ неминуемо возстановить противъ украинцевъ и тѣ сферы польскаго общества, которыя считаютъ необходимымъ дальнѣйшее расширеніе правъ русиновъ. А это ведетъ къ такому уродливому явленію, какъ союзъ поляковъ съ москвофилами, союзниками черносотенныхъ элементовъ въ Россіи. Съ другой стороны, лозунгъ польскихъ націоналистовъ: «никакихъ уступокъ украинцамъ!» является совершенной негѣпостью, потому что, при теперешней культурной и политической силѣ украинства въ Галиціи, эти уступки неминуемы и—желаютъ ли этого польскіе шовинисты или нѣтъ—вопросъ о нихъ уже не сойдетъ съ очереди. Чѣмъ скорѣе они будутъ реализованы, тѣмъ лучше для обѣихъ сторонъ. Реализація же украинскихъ національныхъ требованій зависитъ отъ торжества демократической идеи, которая постепенно разрушаетъ старую феодально-централистическую Австрію и создаетъ на ея развалинахъ новый жизнеспособный организмъ—союзъ равноправныхъ самоуправляющихся національностей. Только этимъ путемъ можно будетъ разрѣшить и польско-русинскій вопросъ въ Галиціи и вопросъ объ обезпеченіи правъ польскаго меньшинства въ ея восточной части.

Л. Василевскій (Плохоцкій).

*) Москвофилы требуютъ признанія русскаго языка краевымъ (landesüblich), учрежденія каеодръ русскаго языка и литературы во львовскомъ университетѣ и права основывать русскія гимназіи на казенныя средства.

«Избранныя» и «отверженныя» расы.

I.

«Nehmt hin die Welt!»*),—воскликнули дѣтъ пятнадцать на-
задъ дипломаты, подражая шиллеровскому Зевесу.

„Da eilt, was Hände hat, sich einzurichten,
Es regte geschäftig Jung und Alt“**).

«Старыя» государства, уже много вѣковъ причисляемыя къ «первокласснымъ» и молодыя честолюбивыя страны, *roturières* въ европейскомъ концертѣ, поспѣшили захватить возможно больше территорій въ Африкѣ. Черный континентъ дипломаты дѣлили по картѣ, по географическому меридіану. Территоріи, въ которыхъ никто не былъ, оказались подѣленными между двумя, тремя и болѣе странами. Такъ, напр., туземное государство на берегахъ озера Викторія Ніанца досталось Англии, Германіи, Франціи и Бельгіи. На западномъ берегу Африки мы видимъ еще болѣе смѣлый раздѣлъ. Такой же захватъ происходилъ въ Южной Азіи. Одно время казалось, что и Китай будетъ раздѣленъ по меридіанамъ. Въ подѣленные земли явились новые владѣльцы. Они объявили неграмъ береговъ Танганайки или банту изъ Бечуэнланда, что отнынѣ у нихъ новые хозяева. Эмигрировавшій изъ Европы капиталъ принялся эксплуатировать мѣстные богатства при помощи туземнаго дешеваго труда. Такъ какъ негры, владѣвшіе землей на общинныхъ началахъ, шли очень неохотно въ работники, то новые владѣльцы создали теорію о «необходимости приобщенія дикарей къ цивилизаціи». Съ этой цѣлью негры были обложены специальнымъ денежнымъ налогомъ. Чтобы заработать эти деньги, негры должны были отправиться на приски или на плантаціи бѣлыхъ. Когда черные, недовольные новыми порядками, выразили свое неудовольствіе, это сочтено было бунтомъ. Черныхъ смирили при помощи машинныхъ пушекъ. Неграмъ доказали превосходство европейской культуры надъ африканской. Въ особенности съ успѣхомъ дѣлаютъ это нѣмцы и бельгійцы. Послѣ «бунта» у неблагодарныхъ негровъ отняли ихъ земли и скоть. Прежніе хозяева превратились въ наемныхъ пастуховъ, караулящихъ отнятый у нихъ же скоть. На Черномъ континентѣ все это было продѣлано совершенно откровенно; но и Азія едва не под-

*) Возьмите міръ.

***) Въ переводѣ Фофанова: „И вотъ спѣшать всѣ, кто имѣетъ руки. Хлопочуть взять, что можно, старъ и младъ“.

верглась такому же расхищенію, но только въ болѣе замаскированномъ видѣ. Стоитъ вспомнить занятіе Бирмы (подъ предлогомъ, что король—деспотъ и... пьетъ безпросьбно), Тонкина, Маньчжуріи и проч. Одно время казалось, что изъ-за раздѣла Китая возникнетъ общеевропейская война. Мы знаемъ, что захватъ европейцами территорій цвѣтнокожихъ—не новое явленіе. Захваты дѣлались съ такою же безцеремонностью, если представлялась возможность, и территорій, заселенныхъ бѣлыми, но не аріями. Сторонники захвата являются въ то же время горячими защитниками священнаго права собственности. И вотъ явилась необходимость въ созданіи теорій, по которой выходило бы, что въ извѣстныхъ случаяхъ собственность не является священной. Теорію придумали, хотя не особенно оригинальную. Сводилась она къ слѣдующему. «Собственность священна, покуда она моя. Я могу отнять у другого; но если кто-нибудь покусится на то, что попало уже въ мои руки, то это будетъ преступленіе противъ священнаго права». Подъ «я» въ данномъ случаѣ подразумѣвалось европейское государство. Не было недостатка въ поэтической и «научной» терминологіяхъ для прикрытія слишкомъ откровенной теоріи. Образцомъ первой можетъ служить доктрина о «бремени бѣлаго человѣка», *The White Man's Burden*. Негры,—гласитъ эта доктрина,—грубыя, темныя, беззаботныя дѣти, по природѣ своей лѣнныя. На европейцахъ лежитъ долгъ, тяжкое бремя, приобщить этихъ лѣнвыхъ и темныхъ дѣтей природы къ цивилизаціи. Въ интересахъ высшей гуманности бѣлый человѣкъ обязанъ заставить лѣннаго негра работать. За выполненіе долга бѣлый, конечно, получаетъ себѣ результаты труда черныхъ. За то негры возвышаются морально и, приобщаясь къ культурѣ, прогрессируютъ. Теорію о *White Man's Burden*, т. е. о провиденціальной миссіи европейцевъ, выдвинулъ въ Англіи пѣвецъ имперіализма, всеобщей солдатчины и захвата—Киплингъ. Что у насъ восторгаются индійскими разсказами его, а въ особенности *Jungle Book*,—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Мнѣ совершенно непонятны только восторженные отзывы, которые я встрѣчалъ у нашихъ молодыхъ критиковъ, о плоскихъ, грубыхъ, не умныхъ, вульгарныхъ солдатскихъ «балладахъ» Киплинга. Даже въ стихахъ нѣтъ никакой звучности. Это—не поэзія, а «doggerel», какъ говорятъ англичане, т. е. семинарскія вирши. Вотъ, напр., выдержка изъ знаменитой «баллады», сложенной во время южно-африканской войны.

„When you've shouted „Rule Britania“—when you've sung
„God Save the Queen“—

When you've finished killing Kruger with your mouth—
Will you kindly drop a shilling in my little tambourine
For a gentleman in kharki ordered South?
He's an absent-minded beggar and his weaknesses are great—

But we and Paul must take him as we find him—
 He is out on active service, wiping something off a slate—
 And he's left a lot o' little things behind him!

(т. е. «Когда вы прокричали: *Властѣи Британія!* Когда вы пропѣли: *Боже, храни королеву!* Когда вы кончили убивать Крюгера словами, не кинете ли вы тогда шиллингъ въ мой маленькій тамбуринъ для джентльмена въ хаки, отправленнаго на югъ? Онъ—разсѣянный тетеря. Слабости его велики; но мы и Павелъ должны взять его таковымъ, какъ онъ есть. Онъ—на дѣйствительной службѣ и покрываетъ старый позоръ *). Джентльменъ оставилъ дома много неоконченныхъ дѣлишекъ».

И если это—стихи, да и еще прекрасные, то почему же нельзя отнести къ такой же категоріи импровизацію опереточнаго Аякса:

„Toute chaîne
 A deux poids,
 Toute peine
 En a trois?“

Затѣмъ, мы имѣемъ еще научныя теоріи, оправдывающія подчиненіе цвѣтнокожихъ. Такова, напр., теорія о «контролѣ надъ тропиками». Европейцы должны захватить тропическія страны,—гласитъ теорія.—Но такъ какъ они не могутъ работать тамъ, а цвѣтнокожіе самой природой приспособлены къ низкимъ широтамъ, то господство бѣлыхъ надъ другими народами—естественный законъ. Теорія эта, между прочимъ, была выдвинута четыре года тому назадъ плантаторами въ Квинслендѣ, когда тамъ подняли вопросъ о воспрещеніи ввоза работниковъ-канаковъ. Сторонники воспрещенія доказывали, что дѣло идетъ только о нормальной заработной платѣ. Плантаторы стоятъ за канаковъ только потому, что трудъ ихъ дешевле, а не изъ челоуѣколюбія,—доказывали сторонники воспрещенія. Послѣ отчаянной борьбы, законъ о воспрещеніи ввозить цвѣтнокожихъ работниковъ прошелъ. Работники въ Квинслендѣ настояли на большемъ: они потребовали удаленія всѣхъ канаковъ, изъ которыхъ многіе прожили въ Австраліи болѣе тридцати лѣтъ. По отношенію къ нимъ бѣлые работники проявили высшій актъ несправедливости; но доказали, что гипотеза о томъ, что европейцы будто бы не могутъ работать подъ тропиками—совершенно невѣрна. На помощь къ сторонникамъ захвата явились тогда нѣкоторые социологи съ теоріями о высшей и низшихъ расахъ.

«Существуетъ іерархія челоуѣческихъ расъ,—читаемъ мы у Летурно.—Раса больше, чѣмъ среда, вліяетъ на социологическое

*) Патриотическія газеты, стоявшія за войну, доказывали, что Англія должна „покрыть старый позоръ“ за пораженіе подъ Маджубой, или „to wipe the slate“, т. е., буквально, „стереть старую записъ съ доски“.

развитіе. Гдѣ бы ни было мѣстообитаніе человѣка, онъ плохо подготовленъ къ прогрессу, если не обладаетъ группою свойствъ, съ трудомъ приобретенныхъ въ борьбѣ за жизнь и переданныхъ по наслѣдству. Свойства эти: общезитительность (*sociabilité*), соединяющая и координирующая усилія индивидуумовъ; разумъ, направляющій эти усилія къ цѣли, полезной для общины; наконецъ, воля, дающая возможность настаивать и терпѣть... Среда дѣлаетъ многое; но она не дѣлаетъ всего. Раса имѣетъ большое значеніе въ исторіи прогресса. Негры никогда не создавали великихъ цивилизацій. Древній Египетъ былъ населенъ только негрѣподобнымъ племенемъ (*négroïde*) и метиссами *). Азіатскія расы и берберы, по всей вѣроятности, приняли важное участіе въ созданіи египетской культуры... Не было еще примѣра, чтобы анатомически низшая раса создала бы высшую цивилизацію. На такой расѣ,—продолжаетъ Летурно,—тяготѣетъ органическое проклятіе, тяжесть котораго можетъ быть уменьшена только борьбой въ теченіе тысячелѣтій, число которыхъ могло бы составить геологическій цикл. Такимъ образомъ,—органически человѣческія расы не равны: одні изъ нихъ являются *избранными*, а другія—*проклятыми* (*réprouvés*). Бокль говоритъ, что цивилизація, достойная этого названія, развивается раньше всего тамъ, гдѣ богатство растительнаго царства доставляетъ легкій источникъ питанія. Въ этомъ тезисѣ есть доля истины,—говоритъ Летурно, но географическая среда не представляетъ еще всего. Что можетъ быть болѣе благопріятнаго для развитія цивилизаціи, если вѣрно положеніе Бокля,—чѣмъ счастливые острова Океаніи, лежащіе между сѣвернымъ и южнымъ тропиками? А между тѣмъ мы наблюдаемъ тамъ только рудименты человѣческаго общества. Быть можетъ, намъ скажутъ, что въ Полинезіи человѣкъ не развился вслѣдствіе оторванности отъ всего міра? Или потому, что поле опыта было слишкомъ ограничено? Или потому, что не было мѣста эмиграціи? Въ Азіи и въ Европѣ,—продолжаетъ Летурно,—движеніе цивилизаціи, повидимому, совпадаетъ съ этимъ толкованіемъ фактовъ; но совсѣмъ иное мы видимъ въ Африкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, кафры не стоятъ выше по развитію, чѣмъ чиллуки Бѣлаго Нила. Готентоты, живущіе рядомъ съ кафрами, стоятъ неизмѣримо ниже ихъ. Въ Америкѣ вліяніе умѣреннаго климата и переселеній еще болѣе сомнительно. Сколько нибудь высокую культуру европейцы нашли въ Америкѣ только въ тропическомъ поясѣ: въ Мексикѣ и Перу: Что же касается безконечныхъ пространствъ остальной Америки, то туземное населеніе стояло на самой низшей ступени развитія. Краснокожіе не умѣли даже приручить бизоновъ, на которыхъ охотились въ жизнь» **).

*) По мнѣнію многихъ авторитетовъ древній Египетъ былъ населенъ настоящими неграми, нѣкоторыя мнѣнія приведены дальше.

**) La Sociologie d'après l'Ethnographie.

«Когда мы слышимъ отъ нѣкоторыхъ представителей науки такія же рѣчи, какъ отъ торговцевъ невольниками или отъ прежнихъ плантаторовъ южныхъ штатовъ,—воздержимся отъ чувства негодованія,—говорить Л. И. Мечниковъ въ своей посмертной книгѣ «La Civilisation et les grands fleuves».—Спросимъ только этихъ ученыхъ: «Чѣмъ же именно отличаются *избранныя* расы отъ *проклятыхъ*?» Отвѣтить на этотъ вопросъ далеко не легко. Начиная съ конца XVIII вѣка, ученые часто пытались раздѣлить весь человѣскій родъ на опредѣленные, легко отличимыя группы и категоріи. Нѣкоторыя изъ этихъ попытокъ основывались на цвѣтѣ кожи, хотя никто не опредѣляетъ породу лошадей или собакъ по масти. Иные ученые раздѣляли расы соответственно съ формой волосъ въ разрѣзѣ. Форма пересѣченія овальна у расъ съ шерстистыми волосами и кругла у европейцевъ и семитовъ, волосы которыхъ гладки или кудрявы. Дальше мы видимъ попытки раздѣлить племена по формѣ черепа на круглоголовыхъ (брахицефаловъ) и длинноголовыхъ (долихоцефаловъ) и пр., и пр. Всѣ эти попытки до сихъ поръ приводили только къ противорѣчивымъ заключеніямъ. Много въ высшей степени даровитыхъ племенъ, живущихъ въ Центральной Африкѣ, имѣютъ шерстистые волосы и кожу черную, какъ эбеновое дерево, тогда какъ нѣкоторыя племена, относимыя къ «избраннымъ» поражаютъ ярко выраженнымъ бестіальнымъ прогназмомъ. «Если бы человѣскія расы, были чисты,—говоритъ Топпинаръ въ своей *Антропологии*,—достаточно было бы собрать всѣ общіе и отличительные признаки ихъ, прослѣдить патологическія отклоненія, а затѣмъ приступить къ группировкѣ. Въ дѣйствительности, ничего подобнаго сдѣлать нельзя, такъ какъ антропологически чистыхъ расъ нѣтъ. Расы раздѣлились, разсыпались, смѣшались и скрестились въ всевозможныхъ пропорціяхъ. И процессъ этотъ шелъ въ теченіе многихъ десятковъ тысячелѣтій. Побѣжденные расы теряли свой языкъ, замѣнивъ его языкомъ побѣдителей, потомъ опять мѣняли языкъ. Иныя расы продѣлывали это раза четыре. Передъ нами теперь не расы, а племена, которыхъ происхожденіе надлежитъ прослѣдить. Когда дѣло идетъ о группировкѣ племенъ, живущихъ совершенно оторванно и обособленно, какъ напр., эскимосы въ Гренландіи, тогда классификація еще понятна. Но теперь говорятъ о расѣ съ этнографической точки зрѣнія. И при этомъ мы видимъ самыя грубыя и несчастныя ошибки. Намъ говорятъ о расахъ латинской, германской, англійской, славянской, хотя эти термины совершенно не научны. Передъ нами только чисто политическія понятія, которыми хотятъ опредѣлить случайный агломератъ, получившійся изъ различныхъ антропологическихъ источниковъ» *).

*) *Léon Metchnikoff, La Civilisation et les grands fleuves. Paris. 1889. p. p. 77—95.*

роды передвигались постоянно, скрещивались и смѣшивались. Возьмемъ для примѣра германцевъ, которые особенно усиленно выдвигаютъ теперь политическую доктрину, основанную, будто бы, на научныхъ соображеніяхъ, объ единствѣ расы. Съ антропологической точки зрѣнія нѣмцы представляютъ конгломератъ различныхъ этническихъ элементовъ. Мы видимъ тутъ блондурыхъ дольхоцефаловъ и брахицефаловъ сѣверныхъ государствъ и смуглыхъ брахицефаловъ южныхъ государствъ. Почти то же самое можно сказать объ Италиі. Еще болѣе трудно говорить о «славянской расѣ». Антропологически, напр., русскіе сѣверныхъ, западныхъ и южныхъ губерній различны. На сѣверѣ Россіи славяне скрещивались и смѣшались съ безчисленными финскими народностями; на югѣ—съ монгольскими и турецкими племенами. Великая русская низменность была большей дорогой, по которой проходили сотни племенъ арійскихъ, турецкихъ, семитскихъ. Всѣ эти племена растворялись въ тиглъ время, образовавъ одну политическую, но не антропологическую народность. И если нѣтъ расы, то какъ же можно говорить о засиліи инородцевъ? «Всѣ попытки группировать человѣчество на основаніи антропологическихъ данныхъ не имѣютъ никакого значенія»,—говоритъ Топинаръ. Абсолютно невѣрно также основанное на такихъ попыткахъ раздѣленіе человѣчества на избранныя и на отверженныя расы, т. е. на расы высшія и низшія. Вотъ, на примѣръ, народъ упорно враждебной цивилизаціи, не смотря на то, что въ теченіе послѣднихъ 30 вѣковъ нѣсколько разъ жилъ рядомъ съ высоко культурными народностями. Я говорю о бедуинахъ. И въ наше время они остаются такими же, какъ во времена фараоновъ первыхъ династій. А между тѣмъ бедуины—семиты, т. е. родственныя имъ племена создали великія культуры въ Месопотаміи, въ Тирѣ, Сидонѣ и Карфагѣ, а потомъ въ Багдадскомъ, Кордовскомъ и Гранадскомъ калифатахъ. Съ другой стороны, теперь почти вѣ сомнѣніи, что «отверженная» негритянская раса, поставленная въ благопріятныя условія, создала культуру въ долинѣ Нила. Въ Родесіи въ первобытныхъ лѣсахъ найдены недавно развалины циклопическихъ построекъ, гигантскіе храмы и дворцы въ видѣ пирамидъ. Все это обломки древней негритянской культуры, разрушенной и растоптанной неизвѣстными побѣдителями въ невѣдомые вѣка.

II.

Вопросъ о низшихъ и высшихъ расахъ, объ «избранныхъ» и «проклятыхъ» народахъ, имѣетъ теперь громадное значеніе. Съ одной стороны, мы видимъ теперь попытки «научнаго» оправданія теоріи «господствующей національности», съ другой—предъ нами возрожденіе многихъ «низшихъ» расъ. Многія народности, о смерти

которыхъ недавно еще съ увѣренностью говорили авторитеты,—теперь воскресли и требуютъ свое достояніе, захваченное европейцами. На нашихъ глазахъ произошло удивительное возрожденіе Японіи. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ въ смерти ея никто не сомнѣвался. И если возникалъ вопросъ, то только о томъ, кому должно достаться наслѣдство. На нашихъ глазахъ возрождается Китай. Затѣмъ происходитъ чудесное воскресеніе изъ мертвыхъ ислама. Три года тому назадъ это явленіе съ особенной выпуклостью было отмѣчено мусульманиномъ Негибъ-Азури-беемъ, издавшимъ въ Парижѣ книгу «Le Réveil de la Nation agabe dans l'Asie Turque». То же явленіе отмѣтилъ Жэнъ въ своемъ трудѣ «La Crise Mondiale de Demain» (Paris, 1906). Въ дѣйствительности, пробужденіе ислама наблюдалось гораздо раньше появленія книги Негибъ-Азури-бея. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ Египетъ является центромъ умственной жизни возрожденнаго ислама. Негибъ-Азури-бей считалъ Турцію абсолютно мертвой и предсказывалъ политическое возрожденіе только Аравіи. Событія послѣднихъ дней показали, однако, что исторія знаетъ нѣсколько «воскресшихъ Лазарей». Такое же пробужденіе мы видимъ теперь въ Индіи. Племена, ненавидѣвшія другъ друга, соединились вмѣстѣ для общей цѣли. Сперва мы видимъ мирные «національные конгрессы», на которыхъ браминисты, буддисты, парсы и магометане выдвигали рядъ крайне умѣренныхъ требованій. Дѣло шло только о реформѣ административной машины, о болѣе справедливомъ распредѣленіи налоговъ и объ очень скромномъ участіи населенія въ вершеніи собственныхъ дѣлъ. Такъ продолжалось почти двадцать лѣтъ. Такъ какъ положеніе дѣлъ не мѣнялось, то движеніе въ Индіи приняло рѣзко національный характеръ («Банде Матарамъ»). Потомъ началось «свадесійское» движеніе, выразившееся въ строго проведенномъ бойкотѣ всѣхъ англійскихъ товаровъ въ Индіи. Приставшіе къ движенію «свадеси» покупали только индійскіе товары. Затѣмъ, въ началѣ этого года, въ Индіи появилась крайняя партія, думающая добиться реформъ при помощи насилія. Индійскія и англійскія газеты заговорили о «the arrival of the Bomb in India» (о появленіи бомбы въ Индіи). Приведу двѣ выдержки изъ выходящаго въ Калькутѣ на англійскомъ языкѣ журнала «Indian World». «Факты сводятся къ слѣдующему. Нѣсколько молодыхъ людей составили тайное общество вскорѣ послѣ раздѣленія Бенгаліи. Общество сперва не имѣло никакихъ опредѣленныхъ цѣлей. Нѣкоторые изъ молодыхъ людей, повидимому, полагали, что имъ удастся освободить Индію отъ англичанъ. Другіе желали только терроризировать «угнетателей ихъ расы» и научить народъ, какъ дерзать и умирать. Члены общества занялись физическимъ воспитаніемъ молодежи и пропагандой политической независимости Индіи. О террорѣ молодежь тогда не думала совершенно. Только шесть мѣсяцевъ тому назадъ нѣкоторые члены тайнаго общества

заялись изготовленіемъ бомбъ. Сперва заговорщики думали взорвать генераль-губернаторскій поѣздъ. Объ одной попыткѣ подобнаго рода (въ Миднапурѣ) стало извѣстно. Затѣмъ заговорщики свершили еще нѣсколько покушеній на жизнь европейцевъ въ Индіи (мэра Чандернагора и двухъ администраторовъ). Повидимому, всѣ эти покушенія,—говорить «Indian World»,—явились результатомъ инициативы отдѣльныхъ лицъ, а не постановленія тайнаго общества. Въ апрѣлѣ этого года заговорщики пытались убить судью Кингефорда въ Мозуфферпорѣ. Покушеніе окончилось смертью жены и дочери одного изъ самыхъ уважаемыхъ англичанъ въ провинціи. Многочисленные аресты, произведенные послѣ этого, и значительное количество бомбъ, найденныхъ полиціей въ разныхъ городахъ, доказываютъ, что тайное общество, центромъ котораго была Калькута, имѣло сторонниковъ во многихъ мѣстахъ Индіи». По мнѣнію «Indian World», поведение большинства арестованныхъ заговорщиковъ доказываетъ, что «бенгальцы, подобно марсельцамъ, знаютъ, какъ умирать...» «Поведеніе молодыхъ людей, преданныхъ теперь суду въ Алипорѣ,—продолжаетъ англо-индійскій журналъ,—свидѣтельствуетъ не только о смѣлости и рѣшительности, но также до извѣстной степени о героизмѣ, составляющемъ дѣйствительную сущность патриотизма». «Indian World» задается вопросомъ, почему эта молодежь такъ спокойно глядитъ теперь смерти въ глаза? «Самой главной причиной смуты, наблюдаемой теперь въ Индіи,—говорить «Indian World»,—является неудача всѣхъ попытокъ слѣдовать нынѣшнее правительство болѣе симпатичнымъ и справедливымъ и болѣе пріемлемымъ въ глазахъ народа. Быть можетъ, намѣренія англичанъ въ Индіи хороши; но населеніе не видитъ этого. Пусть англичане *докажутъ*, что ихъ намѣренія хороши. Между тѣмъ, что мы видимъ въ дѣйствительности? Индіи необходимы серьезныя реформы; но правительство только намѣтило ихъ, а осуществленіе откладываетъ постоянно. Правительство совершенно не обращаетъ вниманія на законныя и справедливыя требованія всей страны. За то оно настойчиво провело законопроекты, противъ которыхъ высказывалась вся Индія. Общественнымъ мнѣніемъ систематически совершенно пренебрегаютъ. Правительство настойчиво дѣлаетъ какъ разъ обратное желанію всего населенія. Безъ всякаго сомнѣнія, страстный тонъ туземной печати поддерживаетъ неудовольствіе *) населенія; но слѣдуетъ помнить,—продолжаетъ англо-индійскій журналъ,—что пожаръ зажженъ британскою наглостью (insolence), британскимъ высокомеріемъ и британскимъ презрѣніемъ къ индійскому общественному мнѣнію». Читатели мо-

*) Въ Индіи, какъ и въ Англіи, дѣйствуютъ основныя законы о свободахъ. Населеніе пользуется широкой свободой передвиженія. Митинги и союзы разрѣшаются не только крайнимъ консерваторамъ, восхваляющимъ правительство. Англійская и туземная печать пользуется широкой свободой. Тонъ ея крайне страстный и рѣзкій.

гугъ судить по приведенной выдержкѣ о томъ, какъ широка свобода печати въ Индіи. Печать, выходящая на туземныхъ языкахъ, выражается, говорятъ, гораздо болѣе рѣзко. «Indian World» перечисляетъ слѣдующія причины недовольства: нежеланіе призвать къ общественной дѣятельности представителей населенія, обложеніе пошлиной индійскихъ бумажныхъ товаровъ, закрытіе монетныхъ дворовъ для свободной чеканки серебряной монеты, измѣненіе уголовныхъ законовъ о мятежѣ, усиленіе чиновничьяго элемента въ индійскихъ университетахъ, раздѣлъ Бенгаліи, закрытіе нѣкоторыхъ митинговъ полиціей, преданіе суду нѣкоторыхъ журналистовъ и ораторовъ, преслѣдованіе «свадесійскаго» движенія, шпионская слѣжка за общественными дѣятелями, пользующимися всеобщимъ уваженіемъ, высылка изъ Лагора въ Мандалай виднаго общественнаго дѣятеля Лала Ладжпата-Раи. Что же нужно дѣлать? Пусть правительство,—говоритъ «Indian World»,—преслѣдуетъ всѣми силами бомбометателей; но пусть оно въ то же время приведетъ свой «домъ въ порядокъ». Пусть оно совѣтуется съ народомъ. Правительство должно уважать желанія всего населенія, считаться съ общественнымъ мнѣніемъ. «Бога ради,—заканчиваетъ журналъ,—во имя интересовъ Индіи и Англии, не загоняйте недовольства въ подполье. Ибо это поведетъ къ гибели не только имперіи, но и двухъ цивилизацій». На судѣ въ Бомбей, вождь національнаго движенія Тилакъ, привлеченный къ отвѣтственности за восхваленіе въ своей туземной газетѣ «Kesari» террористическихъ покушеній, сказалъ въ своемъ послѣднемъ словѣ присяжнымъ: «Мы стоимъ на порогѣ великой борьбы за конституцію между обществомъ и могущественной бюрократіей. Теперь вопросъ идетъ не обо мнѣ. Я ужь старъ и мнѣ все равно, проживу ли я нѣсколькими годами больше или меньше. Приговоръ вашъ оцѣнитъ слѣдующее поколѣніе. Оно рѣшитъ вопросъ, должно ли индусамъ пользоваться въ Индіи тѣми же политическими правами, какія имѣютъ британскіе граждане въ Англии» *). Присяжные вынесли Тилаку обвинительный вердиктъ, въ силу котораго крайне популярный вождь національнаго движенія приговоренъ къ штрафу въ 1.000 рупій (660 руб.) и къ шестилѣтнему изгнанію.

Приведу еще нѣсколько строкъ изъ статьи «The genesis of Terrorism in Bengal» (Происхожденіе терроризма въ Бенгаліи), помѣщенной въ іюльской книжкѣ «Modern Review». «Явленіе (т. е. терроризмъ) обусловливается крайне эгоистичною, грубою и тираническою политикою правительства, а также въ высшей степени пренебрежительнымъ отношеніемъ англійскихъ чиновниковъ къ туземцамъ въ Бенгаліи. Администрація до послѣдняго момента не находила нужнымъ считаться сколько нибудь съ настроеніемъ, чувствами и взглядами населенія въ Бенгаліи. Администрація въ

*) „Times“, July 23, 1908.
Августъ. Отдѣлъ II.

Бенгалии стала русской по духу (Russianisation in spirit). И это именно натолкнуло небольшую часть населенія на методъ русскаго терроризма».

Итакъ, мы видимъ, съ одной стороны — «захватъ землѣ европейцами, выдвигающими теорію о «высшихъ» и «низшихъ» расахъ, о «мисси» бѣлыхъ народовъ. Съ другой, — предъ нами процессъ послѣдовательнаго пробужденія цвѣтнокожихъ расъ. Въ противѣствіи теоріямъ о высшихъ расахъ и о народностяхъ «не способныхъ» къ созданію высокой культуры — цѣлый рядъ авторитетныхъ ученыхъ доказываютъ, что подобное раздѣленіе человѣчества рѣшительно ни на чемъ не основано. Въ числѣ послѣднихъ мы видимъ Топинара, Мечникова и др. Теперь къ нимъ слѣдуетъ причислить доктора Теофила Скольса, только что выпустившаго второй и послѣдній томъ громаднаго труда, начало котораго вышло еще въ 1905 г. (Glimpses of the Ages, or the «Superior» and «Inferior» Races etc. By Theophilus E. Samuel Scholes, M. D., etc. London, 1905 — 1908. v. v. I — II). Два громадныхъ тома написаны съ страстностью не вполне обычно въ социологическомъ трудѣ. Авторъ видитъ въ отношеніи бѣлыхъ къ цвѣтнокожимъ — движеніе Европы назадъ. Становится ли міръ лучше? спрашиваетъ др. Скольсъ и отвѣчаетъ отрицательно. Мы замѣчаемъ дальше, что человѣчество не стоитъ на мѣстѣ. Есть ли это движеніе впередъ или назадъ? Сторонники тезиса, что человѣчество движется впередъ, приводятъ слѣдующія соображенія. Между передовыми народами существуютъ теперь болѣе сердечныя отношенія, чѣмъ раньше. Въ самоуправляющихся странахъ наблюдается стремленіе къ миру. Оно проявляется: а) въ постоянномъ обсужденіи вопроса въ литературѣ; б) въ международныхъ мирныхъ конгрессахъ; в) въ желаніи передовыхъ народовъ разрѣшать мирнымъ путемъ возникающія недоразумѣнія и г) въ возникновеніи постоянного международнаго третейскаго суда.

Движеніе человѣчества впередъ доказывается, кромѣ того, тѣмъ — говорятъ защитники тезиса, — что теперь права разныхъ классовъ, входящихъ въ составъ общества, больше признаются чѣмъ раньше.

Др. Скольсъ допускаетъ, что во всѣхъ этихъ доводахъ есть известная доля правды. Передовые народы, во всякомъ случаѣ, нѣкоторые изъ нихъ, болѣе сближаются теперь, чѣмъ раньше, они болѣе заинтересованы теперь въ сохраненіи мира. Въ культурныхъ и самоуправляющихся странахъ, кромѣ того, теперь признается равноправіе, — во всякомъ случаѣ теоретически, — всѣхъ классовъ, входящихъ въ составъ общества, *если они состоятъ изъ бѣлыхъ людей*. Если бы социологъ, рѣшающій вопросъ о томъ, движется ли человѣчество впередъ, имѣлъ передъ собою только перечисленные данныя, онъ долженъ былъ бы придти къ положительнымъ выводамъ. Но при болѣе внимательномъ изслѣдованіи, — говоритъ др. Скольсъ, — мы убѣждаемся, что всѣ «факты», при-

дымне оптимистами, только фикція. Постараемся выяснить, что дѣйствительно въ этихъ призракахъ. Возьмемъ, на примѣръ, будто бы, увеличивающуюся дружбу между передовыми народами. На самомъ дѣлѣ мы видимъ, что вооруженіе народовъ быстро возрастаетъ. Всѣ государства расходуютъ теперь на поддержаніе арміи и флота четыре миллиарда руб. въ годъ. Прекрасныя рѣчи о мирѣ, которыя такъ хорошо звучатъ на международныхъ конгрессахъ и конференціяхъ; безчисленныя брошюры и книги, въ которыхъ выставлены ужасы и бѣдствія войны; гаагскій трибуналъ,—все это не помѣшало ходу войнъ: испанско-американской, англо-бурской и наконецъ русско-японской. Последнюю нужно считать едва ли не самой кровавой войной изъ всѣхъ тѣхъ, которыя внесены въ лѣтописи всѣхъ народовъ. Не смотря на торжественные международные конгрессы мира, государства, посылающія на нихъ своихъ представителей,—отправляютъ карательныя экспедиціи, выжигаютъ деревни. Германія истребляетъ теперь негровъ въ одной изъ своихъ африканскихъ колоній. Въ Конго и на Мадагаскарѣ творятся невѣроятные ужасы. Аккомпаниментомъ къ прекраснымъ рѣчамъ о братствѣ народовъ является прогнозъ неизбежной европейской войны. И, предвидя ее, государства готовятъ новыя, совершенныя орудія истребленія, какъ, напр., летучіе корабли. Такова дѣйствительность. Въ противовѣсъ утвержденію, что въ европейскихъ странахъ признаются теперь права гражданина, можно противопоставить,—говорить др. Скольсъ,—Россію. Самыя передовыя страны поступаютъ по отношенію къ цвѣтнокожимъ такъ же, какъ Россія—къ евреямъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ теперь у негровъ почти отняты политическія права. Въ англійскихъ колоніяхъ избирательными правами пользуются только бѣлые. Цвѣтнокожіе до сихъ поръ не эмансипированы.

На основаніи всѣхъ этихъ фактовъ др. Скольсъ приходитъ къ заключенію, что человѣчество движется скѣрѣе назадъ, чѣмъ впередъ. Защитники теоріи поступательнаго движенія человѣчества указываютъ, между прочимъ, на мощное вліяніе науки и религіи. Др. Скольсъ совершенно отрицаетъ послѣднее. По его мнѣнію, наука и религія пассивныя факторы. Пассивность эта обуславливается одной причиною: современная наука и религія *боятся истины*. Какъ больной водянкой страдаетъ отъ накопленія жидкости въ тканяхъ, такъ установленный культъ страдаетъ отъ обилія лжи. Въ боязни истины кроются причины революцій. «Я не хочу сказать, что наука и религія совершенно скрываютъ истину,—продолжаетъ др. Скольсъ;—я утверждаю только, что ее говорятъ въ зависимости отъ политическихъ соображеній. Общественная жизнь, законы, воспитаніе, торговля, религія, литература, наука, филантропія, все это опредѣляется теперь, конечно не въ теоріи, политическими соображеніями. Сообразно съ ними истину скрываютъ или обнаруживаютъ только часть ея.

казательствомъ, по мнѣнію dr. Скольса, можетъ служить слѣдующій фактъ. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ нѣкоторые этнографы и социологи, на основаніи не выдерживающихъ никакой критики данныхъ, выставили теорію, что цвѣтнокжіе фактически, морально и умственно не только не равны бѣлымъ, но даже ниже ихъ. Много лѣтъ эта теорія не находила нигдѣ сторонниковъ. Но вотъ лѣтъ тридцать тому назадъ бѣлые въ Америкѣ пожелаали отгнать африканцевъ, чтобы всецѣло въ своихъ рукахъ удержать власть. То же самое задумали англичане въ своихъ колоніяхъ. И тотчасъ изъ мысли забвенія была выкопана теорія. Ее гальванизировали, чтобы влить въ нее жизнь. И теперь религія, торговля, литература и законъ пользуются этимъ гальванизированнымъ трупомъ, чтобы держать въ рабствѣ значительную часть человѣчества *). За послѣднія пятьдесятъ лѣтъ этнографы изучили жизнь первобытныхъ народовъ и собрали много новыхъ фактовъ, совершенно опровергающихъ теорію о неспособности къ высшей культурѣ цвѣтнокожихъ. Новые изслѣдованія рѣшительно опровергаютъ также тезисъ, будто бы анатомическія данныя свидѣтельствуютъ о превосходствѣ бѣлыхъ расъ надъ цвѣтнокожими. Какъ же были приняты всѣ эти факты? Ихъ измѣнили или замолчали съ цѣлью, чтобы политика могла воспользоваться ложной теоріей, высказанной пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Религія, какъ и наука, продолжаетъ говорить о «низшихъ расахъ». Она оправдываетъ то, что цвѣтнокожимъ не даютъ политическихъ правъ. Тотъ же установленный культъ изъ политическихъ соображеній доказывалъ, что на землѣ и бѣлые люди не равны, что равенство это получило божественную санкцію. Скрываніе истины, замалчиваніе ея или искаженіе, по мнѣнію автора, судитъ страшныя несчастія. Dr. Скольсъ въ своемъ двухтомномъ трудѣ развиваетъ три тезиса: 1) Человѣчество теперь идетъ назадъ; 2) обуславливается это боязнью истины; 3) результатомъ этого движенія рано или поздно будетъ страшная катастрофа. Авторъ доказываетъ, что нѣтъ основаній для утвержденія, что цвѣтнокжіе расы ниже бѣлыхъ. Обратимся къ аргументаціи его.

*) Я бы могъ привести еще болѣе поразительный примѣръ пользы нія «трупомъ» для политическихъ цѣлей. Тринадцать лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ вышла книжка нѣкогого Луи Мартена, несомнѣнно душевно-больного «L'Anglais est-il un juif»? Въ ней доказывается (если только слово это примѣнимо для несвязнаго бреда душевно-больного), что «Les Anglais, les Juifs, les Huguenots et les Francs-Maçons avancent à pas de géants». Всѣ общественныя бѣдствія, всѣ революціи, всѣ катастрофы обуславливаются тайнымъ союзомъ «англичанъ, евреевъ, гугенотовъ и франкъ-масоновъ». Теперь, къ великому изумленію, въ писаніяхъ г. Меньшикова и даже въ рѣчахъ нѣкоторыхъ пастырей я вижу «философскую доктрину» Мартена. Для простоты только г. Меньшиковъ отбросилъ «гугенотовъ» и «англичанъ», а пастыри—однихъ «гугенотовъ».

III.

Сторонники теоріи о низшихъ расахъ ссылаются на измѣренія череповъ ихъ. Изученіе данныхъ, приводимыхъ антропологами, признающими «низшія» расы, заставляетъ насъ придти къ слѣдующему заключенію,—говоритъ Скольсъ.—Выводы антропологовъ были бы убѣдительны при наличности двухъ условій: если бы черепъ опредѣленнаго типа всегда былъ свойственъ данной расѣ, а затѣмъ, если бы число измѣренныхъ череповъ было громадно. Въ самомъ дѣлѣ, если съ одной стороны будетъ доказано, что у кавказской или бѣлой расы, у монголовъ и эфіоповъ мы находимъ долихоцефалическіе, мезатицефалическіе (т. е. средніе) и брахицефалическіе черепа, а съ другой,—что измѣрено, сравнительно, очень небольшое число череповъ,—тогда станетъ очевиднымъ ненаучность выводовъ нѣкоторыхъ антропологовъ объ «избранныхъ» или «отверженныхъ» расахъ. Посмотримъ, дѣйствительно ли мы находимъ черепа всѣхъ трехъ типовъ (круглые, средніе и длинныя) у бѣлой, черной и желтой расы? Дѣйствительно ли доказано, что черепъ опредѣленнаго типа свойственъ данной расѣ? Вотъ, напр., мнѣніе выдающагося американскаго этнолога профессора Бринтона. Крайне важны измѣренія череповъ, т. е. краниологія или краниометрія. Но этнологи слишкомъ преувеличиваютъ значеніе этой науки, которую они усиленно выдвигаютъ впередъ. Форма черепа индивидуума не представляетъ доказательства принадлежности къ извѣстной расѣ. Форма черепа имѣетъ значеніе только тогда, когда представляетъ преобладающій типъ. Но даже и въ данномъ случаѣ нельзя говорить о расѣ. У славянъ мы, напр., находимъ черепа всѣхъ трехъ типовъ. Такое же явленіе мы наблюдаемъ даже у изолированныхъ, повидимому, чистыхъ, племенъ, живущихъ на маленькихъ островахъ Тихаго океана. Форма головы пріобрѣтаетъ извѣстное значеніе только тогда, когда измѣрено и изучено громадное число череповъ. Но и тогда выводы получаются крайне противорѣчивые. Профессоръ Кинъ (Keane) доказываетъ, что на одной краниологіи абсолютно невозможно построить раздѣленіе человечества на расы. Долихоцефализмъ и брахицефализмъ, ортогнатизмъ (прямозубіе) и прогнатизмъ (косозубіе) встрѣчаются въ одномъ и томъ же племени... Ретцусъ раздѣлилъ всѣ человѣческія племена на длинноголовыя и короткоголовыя. Раздѣленіе это основывалось на измѣреніи шведскихъ и славянскихъ череповъ. У шведовъ, по Ретцусу, наибольшая длина череповъ относится къ наибольшей ширинѣ, какъ 1000 : 733, т. е., приблизительно, какъ 9 : 7; у славянскихъ племенъ, какъ 1000 : 888, или какъ 8 : 7. Выводы Ретцуса основаны на наблюденіяхъ надъ немногими черепами, которые онъ выбиралъ, какъ типичныя. Самъ Ретцусъ дѣлаетъ ого-

ворку, что въ каждомъ изъ племенъ, изученномъ имъ, встрѣчаются черепа обоихъ типовъ *). Брока, изслѣдовавшій массу череповъ, вырытыхъ на одномъ изъ парижскихъ кладбищъ, нашелъ черепъ всѣхъ трехъ типовъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что краниологія доказываетъ, что нѣтъ антропологически чистыхъ племенъ. Доказано ли, что черепа опредѣленнаго типа преобладаютъ въ томъ или другомъ племени? Карль Фогтъ говоритъ, что для выводовъ подобнаго рода необходимо сдѣлать предварительно много наблюдений. Для иллюстраціи Фогтъ приводитъ наблюденія, производимыя надъ молодыми людьми, призванными къ отбыванію воинской повинности. При помощи такихъ наблюдений, полагаетъ Фогтъ, возможно выяснитъ, между прочимъ, средній ростъ европейцевъ. «Предположимъ, однако,—продолжаетъ Фогтъ,—что на основаніи ста наблюдений подобнаго рода сдѣланъ общій выводъ. Результаты эти не будутъ имѣть никакого значенія, такъ какъ сто измѣренныхъ молодыхъ людей могли быть изъ Альзаса, Бретани или Прованса, населеніе которыхъ различно по происхожденію и росту». Чтобы получить данныя, достаточныя для опредѣленія средняго роста европейцевъ, необходимо измѣрить, по мнѣнію Фогта, не сто новобранцевъ вообще, а тысячи ихъ въ каждой странѣ. Но даже и тогда возможны большія ошибки. Очень можетъ быть, напр., что въ тотъ годъ, когда родились изслѣдуемые новобранцы, была эпидемія или голодъ. И это, конечно, должно было отразиться на рождавшихся дѣтяхъ. Вотъ почему Карль Фогтъ предупреждаетъ, что для выводовъ относительно средняго роста европейцевъ необходимо дѣлать наблюденія надъ новобранцами и теченіе цѣлаго ряда лѣтъ. Все это совершенно вѣрно и свидѣлствуетъ объ осторожности знаменитаго ученаго. Но вотъ онъ, доказывающій гибельность скороспѣлыхъ выводовъ, приступаетъ къ изученію череповъ эфіопской расы. Онъ изслѣдуетъ не «тысячи различныхъ череповъ», принадлежащихъ представителямъ разныхъ черныхъ племенъ, не сотни даже, а только *шесть образцовъ* **). И на основаніи этихъ шести измѣненій Карль Фогтъ приходитъ къ заключенію, что «негритянскій черепъ—типично дольхоцефалическій». На основаніи этихъ наблюдений ученый дѣлаетъ выводъ, что негры—низшая раса. Карль Фогтъ говоритъ дальше, что мозгъ бѣлой расы имѣетъ больше извилинъ, чѣмъ мозгъ черной. Выводъ основанъ на еще меньшемъ числѣ наблюдений, чѣмъ заключеніе о черепахахъ. «У меня нѣтъ мозга негра — говоритъ Фогтъ. Долженъ сказать также, что я не довѣряю рисункамъ, приведеннымъ у старыхъ авторовъ, какъ Тидманъ или Земмерингъ. Извилины мозга, имѣющія такое громадное значеніе, не передаются достаточно отчетливо на рисункахъ. Но я изучилъ данную Gray-

*) „Glimpses of the Ages“, etc., vol I, p. 43—44.

***) См. Vorlesungen über den Menschen, vol. I.

lat превосходную модель мозга готентотки («готентотской Венеры»). Мозгъ этотъ шире и короче мозга негра, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ—сходственъ. Сравнивъ эту модель съ мозгомъ, съ одной стороны, германца, а съ другой—человѣкоподобной обезьяны, я былъ пораженъ сходствомъ, существующимъ между мозгомъ низшаго человѣческаго типа (негра) и высшимъ четверорукимъ. Въ особенности это относится къ переднимъ полушаріямъ» *). Такимъ образомъ, на основаніи изученія даже не мозга, а модели мозга одной готентотки сдѣланы обобщенія, относящіяся къ 212 милліонамъ представителей человѣческой расы! А между тѣмъ выводами Карла Фогта пользуются тѣ, которые доказываютъ необходимость и законность господства бѣлыхъ надъ черными. Бернскій профессоръ Аеву основалъ новую систему краниологическихъ измѣреній и на ней построилъ свою классификацію человѣческихъ племенъ на широкоголовыхъ и узкоголовыхъ. Обобщенія профессора захватываютъ весь человѣческій родъ; но ученый измѣрилъ только 600 череповъ, главнымъ образомъ, европейскихъ племенъ. То же самое можно сказать о выводахъ Нотта и доктора Мартина. Заключение о томъ, что емкость черепа первой тевтонской группы имѣетъ 92 куб. дюйма, основано на изслѣдованіи тридцати череповъ.

Докторъ Теофиль Скольсъ, сгруппировавъ всѣ данныя, полученныя антропологами, приходитъ къ заключенію, что емкость череповъ кавказскаго племени отнюдь не больше таковой негритаискаго. Выводы эти подтверждаются наблюденіями Пришара и другихъ. Въ своемъ описаніи человѣческихъ расъ, выпедшемъ въ 1900 г., докторъ Деникеръ говоритъ: Топинаръ опредѣляетъ средній вѣсъ мозга взрослого европейца въ 1361 граммъ для мужчины и 1290 граммъ для женщины. Выводъ этотъ основанъ на 11 тысячахъ наблюденіяхъ. Высказывается не подтвержденное достаточнымъ количествомъ фактовъ предположеніе, что мозгъ другихъ расъ вѣситъ меньше. Топинаръ, изслѣдовавшій 11 тысячъ мозговъ европейцевъ, взвѣсилъ 190 мозговъ негровъ и только 18 мозговъ анамцевъ. И какія цифры приводитъ Топинаръ? Средній вѣсъ мозга негровъ—1316 граммовъ, т. е. такой же почти, какъ европейцевъ. Средній вѣсъ мозга анамцевъ—1341 граммъ. Что касается другихъ племенъ, то у насъ имѣются очень малочисленныя наблюденія. Для cadaго племени существуютъ изслѣдованія вѣса 3, 4, самое большее—11 мозговъ. Эти данныя совершенно недостаточны для широкихъ обобщеній, если принять во вниманіе, что колебанія въ вѣсѣ мозга выражаются у негровъ цифрами 1018—1587, а у анамцевъ—1145—1450 гр. Даже когда наблюдатели оперируютъ надъ большимъ количествомъ наблюденій, выводы не одинаковы. Пикокъ, напр., взвѣсивъ 128 мозговъ англичанъ, приходитъ къ заключенію, что средній вѣсъ 1388 грам., въ то время,

*) *Karl Vogt, Vorlesungen über den Menschen, vol. I, p. 172.*

какъ Бойдъ, на основаніи 425 наблюденій, опредѣляетъ средній вѣсъ въ 1354 гр. Разница эта (34 грамма) немногимъ меньше, чѣмъ найденная Топинаромъ между мозгами европейцевъ и негровъ (45 граммъ).

Такимъ образомъ, ни краниометрія, ни сравнительный вѣсъ мозга европейцевъ и негровъ не даютъ намъ никакого права дѣлить человѣческія расы на высшія и низшія, на избранныя и отверженныя. Дальнѣйшія изслѣдованія подтверждаютъ этотъ выводъ. Докторъ Скольсъ приводитъ рядъ доказательствъ въ пользу того, что египетская культура—негритянскаго происхожденія. Методъ Скольса—тотъ самый, которымъ пользовались англійскіе скептики начала XVIII вѣка для доказательства, что библія не можетъ быть божественнаго происхожденія: авторъ нашъ сопоставляетъ различныя противорѣчивыя гипотезы, предложенныя историками и этнологами, отрицающими негритянское происхожденіе египетской культуры. «Гирнъ говоритъ намъ, что первоначальной родиной египтянъ былъ югъ, Фитэрмэнъ указываетъ на сѣверъ; Ноттъ столь же категорически утверждаетъ, что первоначальная родина египтянъ находилась неизвѣстно гдѣ. Столь же противорѣчивы гипотезы объ этническомъ родствѣ египтянъ. Гирнъ желаетъ намъ доказать, что египтяне были индусы, Фитэрмэнъ видитъ въ нихъ сирійцевъ или ассиріянъ. Ноттъ и Глидонъ стоятъ за европейское происхожденіе. Въ египтянахъ видятъ арійцевъ индійской и европейской вѣтвей, затѣмъ—семитовъ. Предположимъ,—продолжаетъ Скольсъ,—что передъ присяжными предсталъ бы обвиняемый и что весь исходъ процесса зависѣлъ бы отъ того, какой національности подсудимый. Онъ подъ присягой утверждаетъ, что родомъ англичанинъ. То же самое показываютъ его друзья. Но одинъ свидѣтель показывается, что подсудимый американецъ, другой увѣряетъ, что онъ французъ, а третій свидѣтель говоритъ, что обвиняемый нѣмецъ. На основаніи разнорѣчивости свидѣтельскихъ показаній судья и присяжные, конечно, оправдали бы подсудимаго и этимъ молча подтвердили бы, что онъ именно тотъ, за кого выдаетъ себя, т. е. англичанинъ. На основаніи этого прецедента,—говоритъ Скольсъ,—мы можемъ идти дальше. Если своей скульптурой, живописью, затѣмъ своими муміями и пр. египтяне свидѣтельствуютъ о своемъ негритянскомъ происхожденіи; если то же самое утверждаютъ ихъ друзья, тогда какъ изъ остальныхъ свидѣтелей одинъ говоритъ объ индійскихъ предкахъ египтянъ, другой—объ ассирійскихъ предкахъ, а третій—о европейскихъ, то я долженъ высказаться за негритянское происхожденіе» *).

Скольсъ приводитъ, впрочемъ, длинный рядъ и другихъ доказательствъ. Выводы его таковы. Филологическія, физическія и историческія данныя говорятъ намъ о негритянскомъ происхожденіи древней ег-

*) Glimpses of the Ages, vol. I, p. 196.

петской культуры. Филологія показываетъ намъ, что между языкомъ древнихъ египтянъ, съ одной стороны, и семитическимъ и арамейскимъ языками, съ другой—существуетъ глубокая, непроходимая пропасть. То же самое можно сказать о египетскомъ и индо-европейскихъ языкахъ. Въ то же время полное сходство между египетскимъ языкомъ и безчисленными діалектами африканскихъ племенъ свидѣтельствуетъ о принадлежности соиздателей культуры долины Нила къ такъ называемой хамитской расѣ. Рисунки древняго Египта дають намъ людей съ различными оттѣнками кожи. На основаніи этихъ оттѣнковъ дѣлались выводы о семитическомъ или индо-европейскомъ происхожденіи египтянъ. Но общій видъ рисунковъ даетъ намъ представленіе именно о хамитской расѣ. Среди нынѣшнихъ негритянскихъ племенъ мы находимъ такое же разнообразіе оттѣнковъ кожи, какъ и на древнихъ рисункахъ. Мы имѣемъ совершенно черныхъ негровъ и очень свѣтлыхъ. Если изъ историковъ одни авторитеты, какъ Гирнъ, Фитермэнъ, Ноттъ и Глидонъ высказывались противъ негритянскаго происхожденія египтянъ, то за это мы имѣемъ свидѣтельства такихъ авторитетовъ, какъ Вольней, Пришаръ и Роллэнъ. Древніе историки, которые сами посѣтили Египетъ, какъ, напримѣръ, Геродотъ, говорятъ о томъ, что египтяне были черны, т. е. негритянскаго происхожденія.

IV.

Итакъ, раса, признаваемая низшей, въ состояніи была, поправъ въ благоприятную географическую среду, создать крайне высокую культуру, имѣвшую потомъ вліяніе на греческую. «Египтяне достигли колоссальныхъ результатовъ въ искусствѣ; философія и религія ихъ поражаютъ своею глубиною; наука тоже была развита. И это въ то время, когда остальные народы всего міра были почти неизвѣстны». Такъ говоритъ одинъ изъ знатоковъ древняго Египта—д-ръ Берчъ.

Въ состояніи ли теперь негры создать собственную культуру? Сторонники теоріи о низшихъ расахъ говорятъ, что «дикари», предоставленные сами себѣ, способны только убивать другъ друга. До появленія европейцевъ, черный континентъ, по словамъ сторонниковъ миссіи высшей расы, представлялъ такую же картину, какъ въ стихотвореніи Шйллера земля до пришествія Цереры.

«Флоды полей и грозди сладки
Не блистають на пирахъ;
Лишь дымятся тѣль остатки
На кровавыхъ алтаряхъ».

Обратимся къ дѣйствительности. Вотъ, напр., многочисленное племя Мандинго, живущее до настоящаго времени почти совершенно оторванно отъ европейцевъ. Мандинго живутъ на сѣверѣ

отъ Сиерра Леоне, въ странѣ, орошаемой Сенегаломъ и Гамбіей. Здѣсь всюду встрѣчаются ихъ города, деревни и поселки. Мандинго отличаются высокимъ ростомъ и красивой мускулатурой. Города обыкновенно расположены по берегамъ рѣкъ. «Тата», или города, въ которыхъ живутъ вожди или короли, укрѣплены и окружены стѣной изъ кирпича сырца. По угламъ стѣны — башни съ бойницами. Днемъ въ городъ ведутъ трое или четверо воротъ, которыя на ночь запираются подъемными мостами. Такими же стѣнами окружены пограничныя деревни, которымъ угрожаетъ неприятельское нападеніе. Въ мирное время жилища менѣе состоятельныхъ людей, а также хлѣвы, находятся за стѣнами и образуютъ предместья. Въ случаѣ войны все населеніе и скотъ находится въ чертѣ городскихъ стѣнъ. Мандинго относятся къ числу самыхъ искусныхъ и трудолюбивыхъ племенъ Судана. Они съ большимъ успѣхомъ занимаются земледѣліемъ, составляющимъ главный источникъ существованія народа. Во время дождливаго періода земли обрабатывается крайне тщательно и готовится къ посѣву сорго, маиса, риса и проса. Занимаются полевыми работами по преимуществу мужчины, которые пахутъ, сѣютъ и заботятся объ искусственомъ орошеніи. Женщины помогаютъ пересаживать рисъ, но жнутъ только мужчины. Они же молотятъ... Мандинго искусны также въ различныхъ ремеслахъ; среди нихъ есть ораторы и хорошіе поэты. Мандинго выше всего цѣнятъ хорошихъ ораторовъ, пѣвцовъ, скорняковъ и искусныхъ кузнецовъ. Народъ этотъ умѣетъ изготовлять хорошія бумажныя и шерстяныя ткани. Для отдѣленія хлѣпка отъ сѣмянъ негры придумали особую машину съ желѣзными цилиндрами. Прядутъ нитки женщины, но ткутъ только мужчины. Ткань красятъ потомъ въ красивый прочный синій цвѣтъ. *Karankeas* или скорняки и кожевники встрѣчаются во всѣхъ городахъ. Они умѣютъ готовить отличную кожу. Мандинго искусны также въ добываніи желѣза и въ обработкѣ его. Ихъ доменные печи, сложенныя въ видѣ круглой башни, имѣютъ до 10 футовъ въ вышину и до трехъ въ поперечникѣ. Мандинго усердно занимаются также торговлей. Вся внутренняя торговля въ Сиерра Леоне находится въ ихъ рукахъ. Мандинго вымѣниваютъ скотъ, слоновою костью, рисъ и пр. на соль, орѣхи-кола, порохъ, резину, полотно, табакъ и пр.

Народъ этотъ дѣлитъ годъ на лунные мѣсяцы и согласуетъ свои полевныя работы съ наступленіемъ дождливаго времени. День дѣлится на *сойманъ*, или на часы отъ восхода солнца до 11 часовъ утра, *теле*, или время отъ 11—4 ч. дня, *ула*, между 4—7 вечера и *суда*, или ночь. Среди мандинго многіе — магометане. Эти — хорошо грамотны, бѣгло читаютъ коранъ и пишутъ по-арабски. Въ взаимныхъ отношеніяхъ мандинго вѣжливы и вѣрно соблюдаютъ извѣстныя правила этикета. Мужчины, напр., при встрѣчѣ принимаютъ руки къ сердцу, пожилыя женщины обмѣниваются

рукопожатіемъ, молодыя дѣвушки цѣлуются и т. д. Мандинго въ высшей степени гостепріимны.

Народъ, какъ было упомянуто, любитъ искусство и знаетъ нѣсколько музыкальныхъ инструментовъ: *кумтингъ*, или родъ трех-струнной гитары, *симбингъ*, или семиструнную арфу, *балафу*, или цимбалы. Кромѣ этихъ музыкальныхъ инструментовъ, мандинго имѣютъ еще дудки, флейты, треугольники и барабаны всякаго рода. Мандинго очень любятъ пѣніе. Въ каждомъ городѣ есть профессиональный пѣвецъ, восхваляющій доблесть и добродѣтели національныхъ героевъ. Народъ имѣетъ также своихъ лѣтописцевъ. И во время войны, чтобы вдохновить населеніе, лѣтописцы читаютъ на площадяхъ про дѣянія предковъ.

Мандинго очень любятъ танцы, которые обыкновенно происходятъ послѣ работы въ лунныя ночи. Въ особенно торжественныхъ случаяхъ танцующіе маскируются.

Если вѣрно, что степень культуры народа измѣряется положеніемъ женщины и долей уваженія къ ней, то мандинго очень прогрессивное племя. Мужья не бьютъ своихъ женъ и обращаются съ ними ласково. Женщины имѣютъ право участвовать во всѣхъ народныхъ собраніяхъ. Такую же высокую культуру мы находимъ у другого народа, тоже родственнаго мандинго, но живущаго далеко на западъ въ центральномъ Суданѣ. Въ громадномъ тропическомъ лѣсу, занимающемъ площадь въ тысячи квадратныхъ верстъ въ Центральной Африкѣ—живетъ карликовое племя, про которое долго рассказывали много сказокъ. Только два-три европейца видѣли этихъ «пигмеевъ». И вотъ три года тому назадъ англійскій путешественникъ привезъ въ Лондонъ восемь карликовъ изъ тропическаго лѣса. Это, безъ сомнѣнія, племя, живущее наиболѣе оторванно отъ другихъ народовъ. Но оказывается, что эти «пигмеи» создали въ тропическомъ лѣсу свою культуру, правда, примитивную. Они знаютъ, какъ добывать желѣзо изъ руды и умѣютъ выковывать изъ него стрѣлы, ножи, копья и браслеты. Пигмеи знаютъ гончарное колесо, эту первую машину людей неолитическаго періода. Но карликовое племя по отношенію къ мандинго занимаютъ такое же мѣсто, какъ предки современныхъ англичанъ или нѣмцевъ по отношенію къ римлянамъ. И, припоминая описанія классическихъ писателей, мы должны придти къ заключенію, что не только мандинго, но даже «пигмеи» стоятъ выше по культурѣ, чѣмъ древніе бритты или германцы. «Они жили въ деревняхъ въ наскоро сложенныхъ шалашахъ,—говоритъ Полибій о цизальпийскихъ галлахъ.—Постели ихъ были изъ соломы и листьевъ. Питались галлы мясомъ, не знали ни искусствъ, ни другихъ занятій, кромѣ войны. Такъ какъ собственность каждого заключалась въ скотъ и золото, что очень легко было переносить, то галлы перекочевывали съ одного мѣста на другое». Мы видѣли у мандинго правильные, укрѣпленные города. У древнихъ брит-

товъ Юлій Цезарь нашелъ только, вмѣсто городовъ, поросли, окруженные рвомъ и тыномъ. Въ этой чащѣ пряталось население въ случаѣ нашествія непріятеля. О германцахъ Тацитъ пишетъ: «У германцевъ нѣтъ не только городовъ, но и стоящихъ рядомъ жилищъ. Германцы живутъ разбросанно на берегахъ рѣчекъ, на лугахъ или въ лѣсу. Каждый германецъ селится отдѣльно или изъ опасенія пожара, или отъ неумѣнія строитья. Въ самомъ дѣлѣ, германцы не умѣютъ складывать кирпичныхъ стѣнъ и не знаютъ черепицы. Какъ строительный матеріалъ они употребляютъ неотесанныя бревна, нисколько не заботясь о красотѣ. Германцы копаютъ глубокія ямы, которыя прикрываютъ жердами и толстымъ слоемъ навоза. Эти пещеры служатъ жилищемъ зимою и мѣстомъ для сохраненія зерна, такъ какъ подъ навозомъ довольно тепло. Во время войны, когда вторгшійся непріятель сжигаетъ всѣ дома, населеніе прячется въ этихъ погребахъ». «Жители Кента,—говоритъ Юлій Цезарь,—самые просвѣщенные изъ бриттовъ. Они мало отличаются своими обычаями отъ галловъ». Большая часть населенія не засѣваетъ полей, питается мясомъ и молокомъ. Одѣваются бритты въ звѣриныя шкуры. Всѣ бритты безъ исключенія красятъ себѣ кожу вайдой въ синій цвѣтъ, что придаетъ имъ страшный видъ во время войны. Они живутъ группами въ 10—12 человекъ и имѣютъ женъ сообща. Ребенокъ принадлежитъ тому, кто первый женится на матери его». Такъ невысока была культура, созданная самостоятельно европейскими народами. Въ сравненіи съ культурой древнихъ бриттовъ, цивилизація, созданная самостоятельно мандинго, кажется необыкновенно высокой. Эта культура гораздо выше той, которую Флетчеръ, напр., въ концѣ XVI вѣка видѣлъ въ Московскомъ государствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ нѣсколько выдержекъ. Мы видѣли, что въ странѣ Мандинго люди ведутъ широкую торговлю. Торговцу нечего бояться за свою жизнь и за имущество. Не то Флетчеръ видѣлъ въ Московскомъ государствѣ. «Чрезвычайныя притѣсненія, которымъ подвержены бѣдные простолюдины,—говоритъ онъ,—лишаютъ ихъ вовсе возможности заниматься своими промыслами, ибо чѣмъ кто изъ нихъ зажиточнѣе, тѣмъ въ большей находится опасности не только лишиться своего имущества, но и самой жизни. Если же у кого и есть какая собственность, то старается онъ скрыть ее, сколько можетъ... Страхъ этотъ простирается въ нихъ до того, что весьма часто можно замѣтить, какъ они пугаются, когда кто изъ бояръ или дворянъ узнаетъ о товарѣ, который они намѣрены продать. Я нерѣдко видалъ, какъ они, разложивъ товаръ свой, все оглядывались и смотрѣли на двери, какъ люди, которые боятся, чтобы ихъ не застѣли и не захватилъ какой-нибудь непріятель. Когда я спросилъ ихъ для чего они это дѣлали, то узналъ, что они сомнѣвались, не было ли въ числѣ посѣтителей кого-нибудь изъ царскихъ дворянъ или какого сына боярскаго, и чтобы они не пришли съ своими

сообщниками и не взяли у нихъ насильно весь товаръ» *). Теперь у насъ восхваляютъ идиллическую жизнь Московскаго государства до вторженія западной культуры. Почему бы не справиться съ Флетчеромъ, благо онъ переизданъ теперь въ Россіи. Духовенство племени Мандинго заключаетъ въ себѣ самыхъ знающихъ людей и самыхъ популярныхъ поетовъ. А вотъ что Флетчеръ пишетъ о русскомъ духовенствѣ конца XVI вѣка. «Будучи сами невѣждами во всемъ, они (священники и монахи) стараются всѣми средствами воспрепятствовать распространенію просвѣщенія, какъ бы опасаясь, чтобы не обнаружилось ихъ собственное невѣжество и нечестіе. По этой причинѣ они увѣрили царей, что всякій успѣхъ въ образованіи можетъ произвести переворотъ въ государствѣ и, слѣдовательно, долженъ быть опаснымъ для ихъ власти. Въ этомъ случаѣ они правы, потому что человѣку разумному и мыслящему, еще болѣе возвышенному познаніями и свободнымъ воспитаніемъ, въ высшей степени трудно переносить принудительный образъ правленія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, еще при покойномъ царѣ (т. е. при Иванѣ IV), привезли изъ Польши въ Москву типографскій станокъ и буквы, и здѣсь была основана типографія съ позволенія самого царя и къ величайшему его удовольствію. Но вскорѣ домъ ночью подожгли и станокъ съ буквами совершенно сгорѣлъ, о чемъ, какъ полагаютъ, постаралось духовенство» **). Въ XVI вѣкѣ Флетчеръ нашелъ въ Московскомъ государствѣ болѣе грубые и жестокіе нравы, чѣмъ путешественники XIX в. у мандинго. «Видя грубые и жестокіе поступки съ ними (москвитами) всѣхъ главныхъ должностныхъ лицъ и другихъ начальниковъ, они также безчеловѣчно поступаютъ другъ съ другомъ, особенно съ своими подчиненными и низшими... Отъ этого бываетъ здѣсь множество грабежей и убійствъ. Жизнь человѣка считается ничемъ. Часто грабятъ въ самыхъ городахъ на улицахъ, когда кто запоздаетъ вечеромъ, но на крикъ ни одинъ человѣкъ не выйдетъ изъ дому подать помощь, хотя бы и слышалъ вопли. Я не хочу говорить о страшныхъ убійствахъ и другихъ жестокостяхъ, какія у нихъ случаются. Едва ли кто повѣритъ, чтобы подобныя злодѣяства могли происходить между людьми, особенно такими, которые называютъ себя христіанами». Путешественники съ большою похвалою отзываются о честности мандинго — торговцевъ. Флетчеръ въ концѣ XVI вѣка отмѣчаетъ: «Понстинѣ можно сказать (какъ вполне извѣстно тѣмъ, которые имѣли съ ними болѣе дѣла по торговлѣ), что отъ большого до малого (за исключеніемъ весьма немногихъ, которыхъ очень трудно отыскать) всякій русскій не вѣритъ ничему, что говорить другой, но зато и самъ не скажетъ ничего такого, на что бы можно

*) Флетчеръ. О государствѣ Русскомъ etc., переводъ 1867 г., стр. 46.

**) Ib., стр. 83.

было положиться. Эти свойства дѣлають ихъ презрѣнными въ глазахъ всѣхъ ихъ сосѣдей» *).

Итакъ мы видимъ, что низшая раса, какъ мандинго, создавъ самобытную культуру, неизмѣримо болѣе высокую, чѣмъ та, которую Юлій Цезарь нашелъ у бриттовъ почти передъ началомъ нашей эры или Флетчеръ у русскихъ въ самомъ концѣ XVI вѣка. Народъ начинаетъ дѣйствительно прогрессировать тогда, когда воспринимаетъ отъ сосѣдей его высшую культуру, приспособляя ее къ новой географической средѣ. Такимъ образомъ мы имѣемъ передъ собою не *отдѣльныя* самобытныя культуры, а *одну*, видоизмѣненную и усовершенствованную. Даже эллины не создали самостоятельно свою культуру. Они взяли все хорошее, созданное другими народами, и усовершенствовали это. Посмотримъ теперь, какъ приспособляется «низшая» негритянская раса къ высокой культурѣ, созданной народами Западной Европы.

V.

Всѣхъ негровъ, живущихъ теперь въ Америкѣ, или афро-американцевъ (въ отличіе отъ евро-американцевъ),—около 14 милліоновъ. Большая часть ихъ, а именно около 10—11 милліоновъ, живутъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Всѣ они сравнительно еще недавно были рабами. Невольниками также были ихъ предки въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ. Все это время негры жили при условіяхъ, превращающихъ человѣка въ жалкое, низкое, грубое животное. Когда, наконецъ, въ шестидесятихъ годахъ дѣла рабства были сняты съ негровъ, они очутились на свободѣ безъ всякихъ средствъ къ существованію. Освобожденные невольники были почти всѣ поголовно неграмотны. Имъ приходится кромѣ того, бороться за жизнь при крайне неблагоприятныхъ условіяхъ другого рода. Бѣлое населеніе, въ особенности на Югѣ, предубѣждено противъ негровъ. Периодическая печать осыпаетъ негровъ насмѣшками и взваливаетъ на всю расу преступленіе, свершенное индивидуумомъ. Нѣкоторыя преступленія, составляющія среди бѣлыхъ нерѣдкое явленіе, вооружаютъ всю печать и общество противъ всѣхъ негровъ, если одинъ изъ нихъ оказывается виновникомъ. Въ такомъ случаѣ, не дожидаясь суда, бѣлые безпощадно расправляются съ негромъ, противъ котораго существуютъ одни только подозрѣнія или же оговоръ. «Противъ негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ,—говоритъ докторъ Скольсъ,—составилъ настоящій заговоръ: ихъ отгѣсняють отъ выполненія гражданскихъ обязанностей, ихъ унижаютъ на каждомъ шагѣ». Посмотримъ, чего достигли въ Соединенныхъ Штатахъ при такихъ неблагоприятныхъ

*) Ib., стр. 112, 113.

обстоятельствах негры, которые сорокъ лѣтъ тому назадъ вышли на волю нищими и темными людьми. Обращусь сперва за цифровыми данными къ только что вышедшему въ Нью-Йоркѣ капитальному труду Блисса *). Въ 1880 г. — читаемъ мы въ статьѣ «The Negro in United States», — въ Соединенныхъ Штатахъ было 6.580.793 негра. Въ 1900 г. негровъ уже 8.833.994, что представляетъ приростъ въ 34,2%. Такимъ образомъ, негры ни въ коемъ случаѣ не желаютъ слѣдовать примѣру краснокожихъ или маорисовъ въ Новой Зеландіи, т. е. они не только не исчезаютъ, но, напротивъ, число ихъ быстро увеличивается. Въ 1880 г. среди негровъ было 70% неграмотныхъ (въ концѣ шестидесятыхъ годовъ неграмотныхъ было 97%), въ 1890 г. — 57%, а въ 1900 г. уже только 44,5%... Въ 1860 г. негръ не имѣлъ ни жилища, ни денегъ; какъ рабу, ему чужда была забота о завтрашнемъ днѣ. Въ 1890 г. мы видимъ, что 18,7% всего негритянскаго населенія Соединенныхъ Штатовъ живутъ въ собственныхъ домахъ. Изъ домовладѣльцевъ 88,8% ничего не должны были за свои дома. Въ 1900 г. мы находимъ уже 21,8% домовладѣльцевъ негровъ. «Передъ нами единственный въ своемъ родѣ случай, — говоритъ авторъ цитируемой статьи. — Въ короткій сравнительно періодъ сословіе нищихъ рабовъ создало 372.414 домовладѣльцевъ, изъ которыхъ 255.156 не должны ни цента... Перепись 1900 г. говоритъ намъ о значительномъ прогрессѣ, достигнутомъ неграми фермерами въ Южныхъ Штатахъ. Эти фермеры, такъ сказать, сами вытащили себя за волосы изъ болота. Въ моментъ освобожденія у нихъ не было ничего, кромѣ рукъ. Въ Южныхъ Штатахъ негры владѣютъ теперь 95.624 фермами, а 348.805 фермъ арендуются черными. Вся земельная собственность негровъ въ Южныхъ Штатахъ оцѣнивается 230 мил. долларовъ» *). Типичнымъ «чернымъ штатомъ» является Виргинія, главный городъ котораго, Ричмондъ, былъ столицей конфедератовъ во время гражданской войны. По отчетамъ 1900 г. негры Виргиніи уплатили 15 мил. дол. подоходнаго налога (въ 1898 г. — 12 мил. дол.). Въ Соединенныхъ Штатахъ негры владѣютъ школьнымъ имуществомъ, представляющимъ цѣнность въ 12 мил. дол.; церковное имущество ихъ оцѣнивается въ 24 мил. дол., земельное имущество черныхъ оцѣнивается въ 725 мил. дол. На фермахъ, принадлежащихъ неграмъ, собрано въ 1899 г. 11.235.383 тюка хлопка. Нищія сорокъ лѣтъ тому назадъ — негры теперь владѣютъ имуществомъ, представляющимъ по разверсткѣ 72,50 дол. на человѣка. Таковъ размѣръ матеріальнаго благосостоянія, достигнутого освобожденными невольниками и доказывающаго, что негры крайне трудолюбивы и обладаютъ качествомъ, особенно цѣннымъ англо-саксонской расой: заботой о завтрашнемъ днѣ.

*) „The New Encyclopedia of Social Reform“, New York, 1900.

**) Encyclopedia of Social Reform, p. 819.

Посмотримъ теперь, каковы другіе результаты, достигнутыя неграми. Въ 1897 г.,—говоритъ докторъ Токеръ—въ 16 прежнихъ невольничьихъ штатахъ 916.880 дѣтей негровъ посѣщали школы. Въ Соединенныхъ Штатахъ 180 среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ получаютъ образованіе исключительно негры. Всѣхъ учащихся 42.330, среди нихъ студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній—2.492. Между студентами 560 изучали богословіе, 116—юридическія науки, 342—медицину и пр. Техническихъ школъ для цвѣтнокожихъ было 160, а учащихся въ нихъ—14.400. Агрономію и садоводство изучали 1.260 воспитанниковъ, столярное ремесло 1.804 и пр. Технические школы имѣютъ библіотеки съ 237.145 томами, представляющими цѣнность въ 215.908 долларовъ. Всѣхъ учителей и учительницъ негровъ—21.000. Всѣхъ университетовъ и колледжей для негровъ—18, нормальныхъ школъ—50, гимназій—40, духовныхъ семинарій—45. Сюда слѣдуетъ еще прибавить шесть школъ специально для глухонѣмыхъ и слѣпыхъ*).

Сорокъ лѣтъ тому назадъ съ трудомъ можно было найти грамотнаго негра. Теперь мы имѣемъ поэтовъ и беллетристовъ (напр., Поль Лоренсъ Дѣбаръ, авторъ популярныхъ въ Америкѣ «Lyrics of Lowly Life» и «The Uncalled»), историковъ (напр., полковникъ Джорджъ Уильямсъ, авторъ «History of the Negro Race, The Suppressing of the African Slave Trade» и пр.), социологовъ (напр., профессора Атлантскаго университета Дюбуа, автора труда «The Conservation of Races») и пр. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ отцы и дѣти этихъ поэтовъ, беллетристовъ, историковъ и социологовъ только во снѣ могли видѣть свободу.

„И надъ сонными пронесся торжественный гулъ,
Словно радостный кличъ боевой!
Мирадой немолчныхъ своихъ языковъ
О свободѣ гласили лѣса;
Кличемъ воли въ дыханьи пустыни неслись
И земли, и небесъ голоса“ **).

Вотъ предъ нами дѣти и внуки рабовъ, которые—

„In dark fens of the Dismal Swamp“

(въ черной тони Проклятаго болота) съ ужасомъ слышали топотъ копей и лай пущенныхъ по слѣду собакъ. Теперь они талантливые художники, оцѣненные въ Парижѣ. (Таковъ, напр., Н. О. Туппер, картина котораго *Воскресеніе Лазаря* находится въ Люксембургскомъ музеѣ). Афро-американцы создали въ Соединенныхъ Штатахъ собственную печать. Теперь негры издають тамъ больше 200 еженедѣльныхъ журналовъ и нѣсколько большихъ газетъ

*) The Glimpses of the Ages, vol. I, p. 263.

**) Изъ стихотворенія Лонгфелло „Сонъ невольника“ въ переводѣ М. Михайлова.

(Freedom's Journal). За короткий период свободы, несмотря на все неблагоприятные условия, негры выдвинули в Америку несколько выдающихся общественных и политических деятелей, как Джедсон Лайонс, Джордж Уайт и др.

Негры не являются только слепыми подражателями. Они создали кое что, могущее служить образцом для белых. Таков, напр., «Нормальный промышленный институт» в Тескеджи (в Алабаме), основанный Букером Уошингтоном, интересные записки которого, если не ошибаюсь, имеются и в русском переводе. Институт существует около двадцати лет. По мнению всех, это не только лучшее учебное заведение для негров, но и вообще лучшая школа этого типа. Институт возник в маленьком наемном церковном доме, с одним преподавателем и тридцатью воспитанниками. Теперь школа имеет незаложенную землю, стоющую 300.000 долларов и 42 постройки, почти все выведенные самими воспитанниками. Школа принадлежит образцовая ферма в 2200 акров. Всех преподавателей 80, а учащихся 1164 (801 студент и 363 студентки). Интересна всего агрономическое отделение школы. Фермы присылают в школу образцы своей земли, которая подвергается студентами химическому исследованию. В зависимости от него определяется род и характер удобрения. Путем анализа определяется также состав корма для скота в зависимости от того, желает ли фермер получить сало, мясо или хороший убой. Результаты, добытые школой на ее опытной ферме, граничат с чудом. Культурное влияние школы на весь штат признается даже врагами негров. И следует помнить, что оригинальная школа возникла по инициативе освобожденного невольника, Букера Уошингтона, которому с великими усилиями удалось добиться знания. Все преподаватели — сыновья невольников, а студенты — внуки их.

За короткий период времени развился, несмотря на все неблагоприятные условия, не только бывший раб, но также жена и дочь его. Наглядным доказательством является, между прочим, Национальная Ассоциация цветнокожих женщин, собирающаяся теперь периодически в разных городах Соединенных Штатов. «Крайне знаменательно то, что каких-нибудь тридцать лет с небольшим после освобождения невольников такой «конвент» мог собраться, — писал *Chicago Tribune* в 1899 г. во время второго конгресса негритянок. — Как сильно был бы взволнован Авраам Линкольн, если бы мог прослушать вчера превосходные, содержательные, полные достоинства доклады, сделанные в Quinn Chapel господами Террель, Букер Уошингтон, Джеффри, Брюс, Термон и др. представительницами недавно лишь эмансипированной расы».

Негры в Америке своей кровью купили себе гражданские права. Во время великой гражданской войны Севера с Югом в Августе. Отдѣль П.

рдаяхъ федералистовъ было 186 тысячъ негровъ. Черные полки мужественно сражались, отстаивая интересы сѣверянъ. Подведемъ теперь итоги тому, что достигнуто за самый короткий періодъ времени «нижней» расой, которой дозволено было, хотя и при очень неблагоприятныхъ условіяхъ, соприкоснуться съ высшей культурой. Авторъ, цитируемый Скольсомъ, говоритъ: «Прошло то время, когда предъ негромъ лежалъ выборъ только слѣдующихъ профессій: или собирать хлопокъ на плантаціяхъ, или прислуживать за столомъ, или стлать постели въ пудмановскихъ спальныхъ вагонахъ. Изученіе опубликованныхъ недавно статистическихъ отчетовъ приводитъ насъ къ заключенію, что цвѣтнокожая раса быстро создаетъ свой собственный промышленный и социальный строй. Трудно найти теперь такую отрасль промышленности, въ которой негры не были бы представлены. Это относится одинаково, какъ къ мужчинамъ, такъ и къ женщинамъ. На югѣ можно создать колоссальный черный городъ, въ которомъ ни одинъ бѣлый не нашелъ бы возможности примѣнить свою профессию. Въ самомъ дѣлѣ. Въ Соединенныхъ Штатахъ теперь 21.268 негровъ учителей и профессоровъ, 15.530 священниковъ. Негры, при помощи принадлежащихъ имъ 82 банковъ, могли бы найти средства для большой желѣзной дороги и выстроить ее при помощи своихъ 120 инженеровъ, 545.980 работниковъ и 12.327 машинистовъ; 185 инженеровъ-электриковъ, 529 стрѣлочниковъ и 55.327 кондукторовъ обслуживали бы эту дорогу, а 728 черныхъ адвокатовъ отстаивали бы въ судахъ ея интересы. Цвѣтнокожіе жалуются, что въ американскихъ театрахъ имъ позволяется сидѣть только на галлерей. Но теперь въ Соединенныхъ Штатахъ 2040 негровъ-актеровъ. Они могли бы устроить собственные театры и предоставить въ нихъ цвѣтнокожимъ всѣ ложи. Теперь негры имѣютъ 58 архитекторовъ, 236 художниковъ, 1734 доктора, 212 зубныхъ врачей, 210 журналистовъ, 3920 музыкантовъ и преподавателей музыки и 99 писателей и ученыхъ. Цвѣтнокожій ребенокъ можетъ быть введенъ въ этотъ міръ неграми акушерами и воспитанъ черными учителями. Когда ребенокъ вырастетъ, онъ поселится въ домѣ, выстроенномъ неграми; все необходимое доставятъ ему черные купцы; когда же негръ умретъ, его похоронятъ черные гробовщики. Процентъ негровъ, живущихъ самостоятельно, выше соотвѣтственнаго процента бѣлыхъ. По статистикѣ 84,1% мужчинъ негровъ и 40,7% женщинъ заняты производительнымъ трудомъ, въ то время, какъ среди бѣлыхъ цифры будутъ 79,5% и 16%. Вотъ что могутъ отвѣтить негры на глупыя обвиненія уличныхъ южныхъ газетъ, что любимое занятіе цвѣтнокожихъ — похищеніе куръ» *).

*) *Glimpses of the Ages*, vol. I, p. 264.

VI.

Пренебрежительное отношеніе «вышей» расы къ низшей еще не исчерпываетъ, какъ мы видѣли, положенія. Предъ нами, кромѣ того, еще грубая эксплуатація, прикрываемая пышными теоріями о тяжкомъ бремени, взятомъ на себя бѣлыми по отношенію къ цвѣтнокожимъ. Послѣдствіемъ такой системы можетъ быть страшная катастрофа, подобная той, которая была въ концѣ XVIII вѣка въ Гаити. Такъ какъ восстаніе негровъ тамъ выдвинуло «чернаго Юлія Цезаря» — Туссэна Лувертюра (L'Ouverture), котораго считаютъ «величайшимъ африканцемъ всѣхъ временъ», то я нѣсколько остановлюсь на этой любопытной фигурѣ. Въ концѣ XVIII вѣка Гаити была французскою колоніей, населенной сперва бѣлыми и черными. Потомъ прибавились еще мулаты. Черные были невольниками. Мулаты юридически были свободны, но глубоко презирались бѣлыми и не имѣли никакихъ политическихъ правъ. Правительственная машина приводилась въ движеніе изъ метрополіи, и колонисты не имѣли никакого контроля надъ обществнными дѣлами. Въ результатъ былъ мятежъ сперва бѣлыхъ. Плантаторы призвали на помощь мулатовъ, которыхъ глубоко презирали и началась борьба между колоніей и метрополіей. Но вотъ въ 1791 г. національное собраніе дало гражданскія права сперва мулатамъ, а въ 1794 г. — неграмъ. Борьба между колоніей и метрополіей, однако, не прекратилась. Представители французскаго правительства на островѣ убѣдили негровъ подняться противъ плантаторовъ и ихъ союзниковъ мулатовъ. Гражданская война сразу выдвинула «величайшаго африканца». «Онъ родился невольникомъ на плантаціи — говоритъ біографъ Туссэна Лувертюра Уэнделъ Филиппъ. — Отецъ его былъ тоже невольникомъ; въ дѣтствѣ его похитили на Гвинейскомъ берегу въ Африкѣ. Когда началась гражданская война въ Гаити, Туссэну было уже пятьдесятъ лѣтъ. Старый негръ выучилъ его грамотѣ. Любимыми книгами Туссэна были Эпиктетъ, Рэйналь, Военныя записки и Плутархъ. Живя постоянно въ лѣсу, онъ изучилъ свойства нѣкоторыхъ травъ и занимался лѣченіемъ въ деревнѣ. На плантаціи Туссэнь служилъ кучеромъ. Въ пятьдесятъ лѣтъ онъ присоединился къ арміи въ качествѣ врача. Восставшіе негры вырѣзали всѣхъ жестокихъ плантаторовъ; но Туссэнь самъ усадилъ своего бывшего хозяина и семью его на корабль, отправлявшійся въ Балтимору. Впослѣдствіи Туссэнь постоянно матеріально поддерживалъ плантатора». «Если бы мнѣ пришлось писать исторію Наполеона, — говоритъ біографъ Туссэна, — я обратился бы къ фактамъ, сообщеннымъ французами, которые не находятъ достаточно яркихъ словъ для восхваленія великаго полководца XIX вѣка. Если бы мнѣ необ-

ходимо было писать біографію Вашингтона, я обратился бы за матеріалами къ американцамъ, полагающимъ, что нѣтъ монумента, достойнаго ихъ героя. За матеріалами для біографіи Туссэна мнѣ, приходится обращаться къ непримиримымъ врагамъ его — къ англичанамъ, французамъ, итальянцамъ, ненавидѣвшимъ этого негра и невольника, наносившаго имъ постоянно пораженія. И если эти враги признаютъ крайне неохотно достоинства Туссэна, то тѣмъ болѣе цѣнны показанія подобнаго рода». Когда Туссэнь присоединился къ арміи, ей только что были нанесены глубокія оскорбленія. Во первыхъ, старшіе офицеры-негры, вызванные для переговоровъ съ французскимъ комитетомъ, были прогнаны. Затѣмъ негритянскій генераль Франсуа былъ вызванъ на вторую конференцію, на которую прибылъ въ сопровожденіи двухъ своихъ офицеровъ. Молодой французскій поручикъ, оскорбленный тѣмъ, что бывшій невольникъ носитъ генеральскій мундиръ, дважды стегнулъ Франсуа бичемъ по плечамъ. Двадцатипятитысячная черная армія только черезъ день узнала объ оскорбленіи, нанесенномъ ихъ генералу. Негодованіе и озлобленіе были такъ велики, что солдаты хотѣли перебить всѣхъ плѣнныхъ французовъ, до 1500 человекъ. Но солдаты остановилъ Туссэнь. «Братья,—сказалъ онъ,—только кровь французовъ, стоящихъ лагеремъ вонъ тамъ, а не плѣнныхъ, можетъ смыть оскорбленіе». Прошло семь лѣтъ. За это время Туссэнь сталъ вождемъ всѣхъ черныхъ. Онъ разбилъ испанцевъ нѣсколько разъ, взялъ ихъ города въ С. Доминго штурмомъ и поднялъ на стѣнахъ французскій флагъ. Въ первый и, вѣроятно, въ послѣдній разъ на всемъ островѣ была одна власть. Туссэнь разбилъ армію мулатовъ; одержалъ побѣду надъ англичанами и заставилъ ихъ удалиться къ берегамъ Ямайки. Французскія войска возстали противъ своего главнокомандующаго Лаво (Laveaux), заковали его и посадили въ тюрьму. Туссэнь разбилъ французовъ, освободилъ Лаво и помогъ ему снова стать во главѣ войскъ. Благодарный Лаво назначилъ Туссэна генералъ-аншефомъ.—«*Cet homme fait' ouverture partout*»,—говорили французы о Туссэни и прозвали его *L'Ouverture*. «Кромвелль создалъ самъ свою армію,—говоритъ біографъ Туссэна.—Изъ кого? Изъ англичанъ, т. е. изъ свободныхъ людей. Туссэнь тоже самъ создалъ свою армію. Но изъ кого? Изъ негровъ, т. е. рабовъ, униженныхъ и деморализованныхъ двухвѣковымъ рабствомъ. Въ рядахъ арміи Туссэна было пятьдесятъ тысячъ негровъ, привезенныхъ на островъ всего за четыре года до начала войны. Эти говорили на разныхъ африканскихъ діалектахъ и не понимали другого языка. И изъ этого матеріала Туссэнь создалъ отличную армію, которую двинулъ противъ испанцевъ, и побѣдилъ ихъ, противъ французовъ и обратилъ ихъ въ бѣгство, противъ англичанъ и заставилъ ихъ поспѣшно отплыть на Ямайку. Кромвелль признается великимъ полководцемъ; но Туссэнь тоже свершалъ много подви-

говъ. Кромвелль былъ только полководецъ. Государство, созданное имъ, погубило съ его смертью. Туссенъ проявилъ себя такимъ же выдающимся государственнымъ дѣятелемъ, какъ и полководцемъ. Исторія говоритъ намъ,—продолжаетъ слишкомъ восторженный биографъ Туссена,—что самымъ выдающимся актомъ государственной мудрости Наполеона была прокламація, обнародованная въ 1802 г. во время Амьенскаго мира. «Французы!—писалъ Наполеонъ,—возвратитесь домой. Преступленія послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ предаются забвенію». Это было въ 1802 г. Въ 1800 г. негръ Туссенъ обнародовалъ воззваніе, въ которомъ говорится. «Сыны С. Доминго, возвратитесь домой. Мы никогда не думали отнимать у васъ ваши жилища или поля. Ваши дома ждутъ васъ. Мы ихъ не сжигали. Ваши поля колосятся. Приходите и убирайте жатву». Прокламація была обращена къ плантаторамъ. И изъ Мадрида, Парижа, Балтимора и Нью-Орлеана возвратились плантаторы, чтобы взять опять свое имущество. Они безусловно положились на слово побѣдителя, главнокомандующаго надъ арміей рабовъ. И Туссенъ никогда не нарушилъ слова. Диктаторъ затѣмъ распустилъ свою армію. «Вы побѣдили,—сказалъ онъ своимъ солдатамъ.—Ступайте теперь и займитесь мирной работой на поляхъ. Государство создается не мечомъ, а трудомъ. Только на поляхъ мы научимся, какъ строить государство». Французскій адмиралъ, присутствовавшій при этомъ обращеніи къ арміи, говоритъ, что черезъ недѣлю поля растаяли и солдаты превратились въ фермеровъ. Только въ 1846 г. англичане ввели свободную торговлю; но задолго до Кобдена и Роберта Пиля Туссенъ, давая наказъ лицамъ, составлявшимъ конституцію для негритянской республики,—говорилъ: «Упомяните въ самомъ началѣ, что всѣ гавани С. Доминго открыты для торговцевъ всего міра». Въ началѣ XIX вѣка, въ Англіи только принадлежціе къ государственной церкви могли быть членами парламента. Даже въ Соединенныхъ Штатахъ, за исключеніемъ Rhode Island, происходила ожесточенная борьба между представителями различныхъ сектъ. И вотъ въ 1800 г. негръ-католикъ даетъ составителямъ конституціи наказъ: «На С. Доминго всѣ религіи пользуются совершенно одинаковыми правами».

Туссенъ не только по своимъ способностямъ, но и по характеру былъ выдающійся человекъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Туссенъ не любилъ носить мундировъ, а ходилъ всегда въ простомъ сюртукѣ, повязавъ голову желтымъ платкомъ, какъ дѣлаютъ это невольники. Французскій поручикъ обозвалъ его обезьяной въ желтой шапкѣ. На другой день Туссенъ взялъ офицера въ плѣнъ, но отпустилъ его... Французы устроили на него разъ покушеніе, стрѣляли въ него, но промахнулись. Они были тутъ же захвачены и ожидали, что ихъ разстрѣляютъ на мѣстѣ. Туссенъ отпустилъ ихъ.

Республиканское правительство во Франціи сперва сочувствовало возникновенію республики въ Гаити; но затѣмъ Наполеонъ отпра-

вилъ противъ Туссена тридцать тысячъ лучшихъ войскъ подъ начальствомъ генерала Леклерка съ приказомъ уничтожить республику, «смирить» негровъ и ввести снова рабство Голландія дала Франціи шестьдесятъ кораблей. Англія обѣщала Туссену нейтралитетъ, но скорѣе сочувствовала французамъ. Америка относилась враждебно къ республикѣ, основанной бывшими невольниками; но янки, не смотря на это, привозили контрабандой на Гаити старые мушкетеры, которые продавали Туссену по очень дорогой цѣнѣ. Туссенъ съ высокой скалы смотрѣлъ на приближающіеся непріятельскіе корабли, на которыхъ находились лучшіе въ мірѣ солдаты. Возвратившись въ лагерь, Туссенъ выпустилъ къ населенію воззваніе. «Дѣти мои,—говорилось тамъ,—Франція прислала армію, чтобы обратить насъ снова въ рабовъ. Богъ далъ намъ свободу. Франція не имѣетъ права отнять ее. Сожгите же города, подпалите нивы, взорвите мосты и отравите колодцы. Покажите бѣлымъ тотъ адъ, который они пришли сдѣлать». И приказъ Туссена былъ исполненъ въ точности. Распоряженіе Туссена вызвало тогда сильное негодованіе въ Европѣ и въ Америкѣ, но біографъ чернаго Юлія Цезаря оправдываетъ своего героя. «Когда великій Вильгельмъ Оранскій,—пишетъ біографъ,—увидалъ, что войска Людовика XIV захватили всю Голландію,—то отдалъ приказъ: «Разрушайте плотины; отдайте Нидерланды назадъ океану!» Приказъ былъ исполненъ, и Европа воскликнула: «величественно!» Когда русскіе увидели, что Наполеонъ забралъ Москву, они сожгли городъ. Европа опять воскликнула: «величественно!» Туссенъ видѣлъ, что вся Европа идетъ на его народъ и отдалъ распоряженіе защищаться. Негры буквально защищали свою свободу». Поразительная жестокости, которыми съ обѣихъ сторонъ сопровождалась борьба французовъ съ неграми, даютъ намъ возможность предвидѣть, какой характеръ будетъ носить возстаніе «низшей» расы противъ «высшей». Въ концѣ концовъ воюющіе заключили миръ, когда французскій генералъ Леклеркъ обѣщаль, что невольничество не будетъ введено. При подписаніи мира Леклеркъ увидалъ, что у негровъ почти нѣтъ оружія. «Туссенъ, гдѣ бы вы взяли оружіе, если война продолжалась бы?»—спросилъ Леклеркъ.—«У васъ»,—отвѣтилъ вождь негровъ. Бѣлые не выполнили своихъ обѣщаній. Туссенъ былъ слишкомъ опасный человекъ, чтобы оставить его въ Гаити. И вотъ французы обманомъ захватили его послѣ подписанія мира и отправили во Францію, гдѣ посадили въ сырую, мрачную тюрьму. Здѣсь чернаго Юлія Цезаря уморили голодомъ: смотритель тюрьмы съ ключами отъ камеры отправился въ Швейцарію; когда онъ возвратился, Туссенъ уже умеръ отъ голода.

Личность Туссена показываетъ, что, когда моментъ наступитъ, «низшая» раса можетъ выставить своихъ полководцевъ. Познакомимся, однако, съ выводами, къ которымъ приходитъ докторъ Скольсъ.

Дионео.

Изъ быта крестьянъ Саратовской губ.

Крестьянское оскудѣніе стало теперь безспорнымъ фактомъ. Оскудѣніе центра засвидѣтельствовано правительственной комиссіей, обнищаніе крестьянъ Бѣлоруссіи и Привислинскихъ губерній всегда было въ глаза, а объ обѣднѣніи юговостока громко вопіють періодически повторяющіяся голодовки.

Правительство и поддерживающее его думское большинство ищутъ причинъ крестьянскаго оскудѣнія не въ малоземельѣ и налоговомъ обремененіи, а въ агрикультурной отсталости, въ которой, по ихъ мнѣнію, всецѣло повинно общинное землевладѣніе. Ссылками на агрикультуру желаютъ они оправдать указы 9-го и 15-го ноября 1906 года.

Ниже, данными изъ быта крестьянъ Саратовской губерніи я попытаюсь выяснитъ истинныя причины упадка крестьянскихъ хозяйствъ. Теперь-же остановлюсь нѣсколько на обвиненіи общины въ сельско-хозяйственной отсталости общинниковъ. Это обвиненіе не ново; однако при малѣйшей фактической превѣркѣ оно всегда оказывалось мыльнымъ пузыремъ.

Земскіе статистики и другіе исследователи крестьянскаго хозяйства неопровержимыми фактами доказали, что общинная форма землевладѣнія является весьма эластичнымъ институтомъ, легко приспособляющимся къ новымъ формамъ хозяйственной жизни.

Земскіе агрономы установили, что община не только не тормозила начинаній мѣстныхъ органовъ самоуправленія въ области агрикультурныхъ мѣропріятій, но, наоборотъ, принимала въ нихъ активное участіе.

Въ полосѣ общиннаго землевладѣнія мы не только находимъ широкое распространеніе улучшенныхъ сельско-хозяйственныхъ орудій, но тамъ-же радужный приѣмъ встрѣтили и болѣе серьезныя сельско-хозяйственныя улучшения, какъ, на примѣръ, искусственныя удобренія, общественное травосѣяніе, многопольный сѣвооборотъ и др.

Въ Московской губерніи интенсивность удобренія крестьянскихъ полей мало отличается отъ интенсивности, наблюдаемой въ Остзейскихъ губерніяхъ.

То-же можно сказать про Тверскую, Смоленскую, Нижегородскую и нѣкоторыя другія губерніи нечерноземной Россіи. Въ этой полосѣ величина урожая пропорціональна степени удобренія. Община учла этотъ факторъ и приспособила къ нему передѣльный механизмъ. Удлинненіе сроковъ обшихъ передѣловъ до періода, необходимаго для использованія затратъ на удобренія, оказалось достаточнымъ для

устраненія, такъ сказать, внѣшнихъ тормозовъ къ распространенію навознаго и минеральнаго удобренія. Ниже мы увидимъ, что широкое развитіе навознаго удобренія встрѣчаетъ серьезное препятствіе не въ формахъ землевладѣнія, а въ малочисленности крестьянскаго скотоводства.

О степени распространенія улучшенныхъ сельско-хозяйственныхъ орудій можно судить по размѣрамъ оборотовъ земскихъ складовъ. Изъ 359 земскихъ уѣздовъ склады имѣются уже въ 310, а обороты ихъ въ 1904 году превышали уже 6 милліоновъ рублей въ годъ. Есть теперь цѣлые уѣзды, гдѣ допотопная соха совершенно вытѣснена плугомъ.

Правильное полевое травосѣяніе мы теперь встрѣчаемъ въ 1000 селахъ одной только Московской губерніи. Такіе же быстрые успѣхи сдѣлало травосѣяніе въ Тверской губерніи, гдѣ въ 10% всѣхъ селеній имѣется уже правильное общественное травосѣяніе. Не отстаютъ въ этомъ отношеніи Псковская, Владимірская, Смоленская и другія губерніи.

Опытныя и показательныя поля, организованныя земскими агрономами на общинныхъ земляхъ, насчитываются теперь сотнями. Анкета Вятской губерніи выяснила желаніе свыше ста сельскихъ обществъ устроить у себя показательныя участки, на которыхъ всѣ сельско-хозяйственныя работы должны производиться по указанію земскихъ агрономовъ.

Я напомилю эти факты, иллюстрирующіе способность общинъ къ сельско-хозяйственнымъ улучшеніямъ, чтобы ярче потомъ отгнать истинныя причины, тормозящія развитіе прогрессивныхъ теченій въ крестьянскихъ хозяйствахъ. Для этой цѣли я остановился на юговостокѣ Россіи по слѣдующимъ соображеніямъ. Этотъ обширный край испоконъ вѣковъ служитъ житницей Россіи. Самарская пшеница на американскихъ выставкахъ получала первыя награды и послужила родоначальницей самыхъ лучшихъ сортовъ американской пшеницы. Нынѣ юговостокъ не только не кормитъ центра, но, наоборотъ, самъ съ восьмидесятихъ годовъ нуждается въ продовольствіи. Это явленіе давно ждетъ своего изслѣдователя. Давно пора экономической литературѣ выяснить причину обнищанія этого богатаго края, а главное установить связь между этимъ оскуднѣніемъ и экономической политикой правящихъ сферъ.

Изъ всѣхъ губерній и областей юговостока, я остановился на Саратовской потому, что она является самой типичной. Эта губернія кромѣ того даетъ такіе соціально-экономическіе контрасты, которые на первый взглядъ кажутся необъяснимыми. Остановлюсь на первомъ, бьющемъ въ глаза, контрастѣ: самое оппозиціонное крестьянство, съ одной стороны, и рядомъ съ этимъ усиленная реализація закона 9-го ноября. До настоящаго времени заявило уже желаніе о выходѣ изъ общинъ до 40.000 домохозяевъ, т. е. до 12% всей наличности крестьянскихъ приписныхъ семей.

Можетъ быть описаніе быта крестьянъ этой губерніи хотя нѣсколько освѣтитъ это загадочное явленіе.

Наконецъ, Саратовская губернія обратила мое вниманіе еще потому, что губернское земство накопило много матеріаловъ по сельско-хозяйственной промышленности края и использованіе этихъ матеріаловъ для широкой публики давно ждетъ очереди.

Послѣ этого краткаго вступленія я перехожу къ основной темѣ моей статьи.

Населеніе Саратовской губерніи по даннымъ всероссійской переписи 1897 года равнялось 2.419.884 душамъ обоюго пола, въ томъ числѣ городскихъ жителей считались 319.918 или 13,2%,—немного выше средняго отношенія городского населенія Европейской Россіи *), что объясняется наличностью такихъ двухъ большихъ торгово-промышленныхъ центровъ, какъ Саратовъ и Царицынъ. На эти два города приходится 193.076 жителей или 60,3% всего городского населенія Саратовской губерніи.

По профессіямъ населеніе губерніи распредѣляется такъ:

	Абсолютныя числа.	въ %
Крестьяне (земледѣльцы)	2.009.430	83,1
Землевладѣльцы	21.619	0,1
Капиталисты предприниматели }	74.477	3,1
Торгово-промышленный классъ }		
Рабочіе }	213.753	8,8
Ремесленники и кустари }		
Остальныя группы	86.550	4,1

Итакъ для 83,1% населенія Саратовской губерніи земледѣліе составляетъ, если не исключительное, то во всякомъ случаѣ о glavное занятіе.

Основными факторами земледѣльческаго промысла служатъ земля и скотоводство. Отъ размѣра и взаимоотношенія этихъ элементовъ зависятъ размѣръ производства и степень обезпеченія земледѣльца. Посмотримъ, что имѣетъ земледѣлецъ Саратовской губерніи. Начну съ исторической справки.

Наканунѣ освобожденія крестьянъ средній по губерніи надѣлъ на одну ревизскую душу мужского пола равнялся 5,1 казенныхъ десятинъ, а у помѣщичьихъ крестьянъ 4,9. При освобожденіи за норму надѣла, могущаго обезпечить быть крестьянъ и исправное выполненіе всякаго рода повинностей, принято было 7 десятинъ для Царицынскаго, 4—для Саратовскаго и Кузнецкаго, 4,5—для остальныхъ 7 уѣздовъ. Благодаря этому, а главнымъ образомъ благодаря пере-

*) Изъ общаго числа жителей въ имперіи 18% (16.785.213 чел.) живетъ въ городахъ. Наибольшій % городскихъ жителей (21,7) даетъ Польша, а наименьшій (9,3) Сибирь. Въ Европейской Россіи городское населеніе составляетъ 12,8%.

ходу значительной части крестьянъ на дарственный надѣлъ, земельная площадь, бывшая въ дѣйствительномъ пользованіи у крестьянъ до 1861 года, по освобожденіи сократилась на 600.000 дес. или на 42,7 проц. По этой причинѣ группировка помѣщичьихъ крестьянъ по размѣрамъ душевого надѣла рѣзко измѣнилась, какъ это подтверждаютъ слѣдующія данныя:

Размѣръ надѣла.	Сколько крестьянъ въ проц. владѣло до 1861 года. послѣ 1861 года.	
6,1 дес.	48,1	5,8
4,4 "	9,2	26,7
4,0 "	26,6	15,1
3,0 "	12,7	9,7
2,2 "	2,7	40,4
0,9 "	0,7	2,3

Въ среднемъ надѣлъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ по освобожденіи сразу понизился съ 4,9 до 2,8 дес., т. е. сократился безъ малаго вдвое.

Вернемся теперь изъ экскурсіи въ эпоху освобожденія къ современному положенію. Прошло 42 года. Населеніе постепенно увеличивалось (ежегодно на 1,2 проц.), землевладѣніе же крестьянъ, хотя тоже увеличилось, но далеко не въ такой степени, какъ это требовалось приростомъ населенія *). Въ результатѣ получилось новое рѣзкое уменьшеніе обезпеченія крестьянъ землей. Въ 1860 г. крестьяне всѣхъ категорій (государственные, удѣльные и помѣщцы) имѣли, какъ мы только что видѣли, въ среднемъ по 5,1 дес. на душу. Въ 1901 году, по даннымъ оцѣночнаго отдѣленія Саратовской губернской земской управы, средній надѣлъ равнялся уже только 3,6 десятины, причѣмъ 28,2 проц. всѣхъ крестьянъ владѣло надѣломъ въ 6,2 десят., 47,5 проц.—3 дес. и 24,3 проц. владѣло надѣломъ не выше 1,8 десятины. Измельчаніе надѣла вслѣдствіе прироста населенія не составляетъ исключительной особенности Саратовской губерніи. Это явленіе въ томъ же масштабѣ наблюдается и во всей Европейской Россіи. По даннымъ комиссіи объ оскуднѣніи центра, въ 1860 г. средній надѣлъ на ревизскую душу для 50 губерній Европейской Россіи составлялъ: у бывшихъ государственныхъ крестьянъ — 6,7 десятины, у бывшихъ удѣльныхъ — 4,9 дес. и бывшихъ помѣщичьихъ — 3,2 дес., а для всѣхъ разрядовъ — 4,8 дес. Въ 1880 году средній размѣръ надѣла на наличную душу мужского пола для всѣхъ разрядовъ крестьянъ понизился до 3,5 дес., а въ 1900 году—до 2,6 дес.

*) До 1902 года крестьянами куплено всего 499,4 тысячъ десятины, что составляетъ 13,1% надѣльной площади (8808,5 тысячъ казенныхъ десятины). Въ это же время земледѣльческое населеніе увеличилось не меньше, чѣмъ на 60%. Въ Европейской Россіи сельское населеніе съ 1860 по 1890 годъ увеличилось на 72%. Въ Саратовской губерніи это увеличеніе ниже потому, что ежегодный приростъ въ ней равняется 1,2,—между тѣмъ какъ въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи приростъ составляетъ 1,4.

зённые, земскія и мірскія повинности? Прямое изслѣдованіе въ этомъ направленіи выяснило, что въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ на одну душу приходится не меньше шести десятинъ, а такихъ едва одна треть (28,2 проц.)—хозяйство на собственномъ надѣлѣ за удовлетвореніемъ потребности семьи въ продовольствіи и обмененіи, а скота въ прокормѣ, даетъ остатокъ хлѣба для продажи на сумму въ 78 р. 82 к. Въ семьяхъ со среднимъ надѣломъ въ три десятины, а ихъ 47,5 проц. — остатокъ не превышаетъ 5 р. 41 к.; четвертая же часть крестьянскихъ семей, со среднимъ надѣломъ въ 1,8 дес. не собираетъ хлѣба, потребнаго для продовольствія людей и прокормленія скота. Хлѣба не хватаетъ на 54 р. 40 к.

Можетъ быть, дефицитъ надѣльнаго посѣва пополняется доходами аренднаго посѣва? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ слѣдующія цифры.

Въ началѣ текущаго столѣтія крестьяне засѣвали на надѣльной и арендной землѣ 2429 тыс. десят., при чемъ внѣнадѣльный арендный посѣвъ составлялъ 25,0% *) всей посѣвной площади. Доходъ съемщика отъ внѣнадѣльнаго посѣва при краткосрочной арендѣ (а она составляетъ 63% всей арендной площади), по даннымъ оцѣночного отдѣленія губернской земской управы, приближается къ заработной платѣ, а въ уѣздахъ, гдѣ спросъ на землю очень великъ, доходъ отъ аренднаго посѣва даже ниже заработной платы. Слѣдующая таблица иллюстрируетъ доходъ съемщика въ цифрахъ:

	Валов. доходъ съемщика съ 1 десят.		Арендная плата.	Доходъ за искл. арендн. платы.		Стоим. обраб. ботки 1 дес.		Прибыль (+) или убыт. (-) съемщика.	
	р.	к.		р.	к.	р.	к.	Въ рубл.	Въ копѣйкахъ
Сердобскій	23	47	11	10	12,37	13	16	-0,79	- 3
Петровскій	22	02	8	—	14,02	14	58	-0,56	- 3
Балашовскій	26	29	11	20	15,09	15	42	-0,33	- 1
Аткарскій	23	71	8	30	14,89	15	15	+0,26	+ 1
Хвалынский	18	42	7	60	10,82	10	—	+0,82	+ 4
Вольскій	20	11	7	10	13,01	12	08	+0,93	+ 5
Кузнецкій	20	89	6	90	14,00	12	93	+1,07	+ 5
Царицынскій	14	06	2	98	11,08	8	86	+2,22	+16
Камышинскій	18	82	6	20	12,62	9	70	+2,92	+15
Саратовскій	24	23	9	70	14,53	11	59	+2,94	+12

Долгосрочная аренда доходивъе краткосрочной. Въ большинствѣ уѣздовъ долгосрочный наемъ обходится дешевле годичнаго на $\frac{2}{5}$ — $\frac{1}{2}$ своей стоимости. Кромѣ того при долгосрочной арендѣ съемщикъ пользуется бесплатной пастбой скота по пару и по живнью. Къ сожалѣнію, этотъ видъ арендъ составляетъ всего $\frac{1}{3}$ арендуемой площади.

*) Интересно отмѣтить, что площадь внѣнадѣльнаго аренднаго посѣва совпадаетъ съ площадью отрѣзковъ.

Закончимъ характеристику аренднаго посѣва нѣсколькими отзывами корреспондентовъ текущей статистики губернскаго земства.

Одинъ изъ крестьянъ Петровскаго уѣзда, указывая на то, что при наличности существующихъ арендныхъ цѣнъ, съемщикъ всегда будетъ получать убытокъ отъ посѣва, приводитъ въ доказательство своихъ словъ слѣдующій расчетъ по приходу-расходу съемщика съ 1 десятины посѣва на арендованной землѣ:

РАСХОДЪ.

Арендная плата за землю	12 р. — к.
Обработка земли подъ посѣвъ ярового	3 „ 50 „
8 пудовъ сѣмянъ овса по 35 к.	2 „ 80 „
Полка (2 женщ. по 20 к.)	— „ 40 „
Скосить, связать и сложить на загонѣ	2 „ 75 „
Свезти на гумно	1 „ — „
Обмолотить	1 „ — „

Итого 23 р. 45 к.

ПРИХОДЪ.

При среднемъ урожаѣ десятина даетъ не болѣе 45 пудовъ, считая пудъ по осенней цѣнѣ 30 коп.	13 р. 50 к.
Стоимость соломы	3 „ — „

Итого 16 р. 50 к.

Такимъ образомъ, съемщикъ, уплативъ владѣльцу арендную плату (12 р.) и получивъ въ возвратъ израсходованныя имъ на сѣмена (2 р. 80 к.) получаетъ въ вознагражденію за свой трудъ по обработкѣ и уборкѣ 1 десятины земли менѣе 2 рублей (1 р. 70 к.), а если оцѣнивать его трудъ по рыночной цѣнѣ, то онъ получитъ отъ предприятия убытокъ въ суммѣ до 7 р. (6 р. 95 к.).

Крестьянинъ Балашовскаго уѣзда сообщаетъ слѣдующія данныя объ условіяхъ аренды въ Макаровской вол.: «за 1 десятину въ посѣвѣ съемщикъ обязанъ уплатить 8 руб. и кромѣ того обработать владѣльцу подъ посѣвъ овса 1 десятину, а по урожаѣ — свосить, связать, сложить въ крестцы, свозить на гумно и сложить въ скирды, каковая работа стоитъ 10 р.; посѣять 3 саж. гороху, по урожаѣ убрать и обмолотить, что стоитъ 2 руб.; слѣдовательно съемщику земля стоитъ 20 руб. Если арендаторъ посѣялъ даже пшеницу (наиболѣе дорогой хлѣбъ), то при среднемъ урожаѣ въ уѣздѣ въ 50 пудовъ и при среднихъ цѣнахъ въ 70 к. за пудъ валовой доходъ, считая и солому, не превѣситъ 38 рублей, а аренда вмѣстѣ съ сѣменами составитъ расходъ въ 25 руб. Такимъ образомъ, арендатору остается 13 р. въ то время, когда работа стоитъ не меньше 14 р.»

Подводя итогъ всему вышеозначенному, мы приходимъ къ заключенію, что $\frac{3}{4}$ крестьянскихъ хозяйствъ отъ надѣльнаго посѣва только кормятся, для четвертой части надѣль не является кормильцемъ. Арендный посѣвъ не составляетъ достаточнаго подспорья и

не покрываетъ расхода на хозяйственные и духовно-культурныя нужды. Къ тому же львиная доля аренднаго посѣва приходится на болѣе зажиточныя семьи, какъ это подтверждаютъ данныя по 2 уѣздамъ.

Такъ въ Балашовскомъ уѣздѣ въ 1902 г. на 1 наличный дворъ — безъ рабочаго скота, съ 1 голов., съ 2-мя и болѣе — арендовалось: 0,2—1,5—6,7 казен. десят. Въ Камышинскомъ уѣздѣ въ семьяхъ безъ рабочаго скота, съ 1—2—3—4—5 и болѣе — арендовано: 0,3—1,6—3,5—5,6—7,11—16,3.

Третьимъ источникомъ дохода земледѣльческаго населенія Саратовской губерніи является заработокъ въ помѣщичьихъ хозяйствахъ. Частновладѣльческая посѣвная площадь равняется 375 тысячамъ казенныхъ десятинъ. Большая половина ея обрабатывается собственнымъ инвентаремъ, какъ живымъ, такъ и мертвымъ; поэтому на оплату только рабочихъ въ среднемъ требуется 7—8 руб. за десятину или до 3-хъ милліоновъ за всю посѣвную площадь. Предположимъ, что треть крестьянскихъ семей, съ надѣломъ свыше 6 десятинъ, не нуждается въ стороннихъ заработкахъ, и что заработки у помѣщиковъ цѣлкомъ перепедаютъ остальнымъ маломощнымъ семьямъ, то и тогда въ среднемъ на 1 семью приходится всего 14 рублей.

Перейдемъ теперь къ послѣднему источнику дохода — къ скотоводству.

По даннымъ волостныхъ правленій весною 1901 г. въ крестьянскихъ хозяйствахъ числилось: 585.844 лошади, въ томъ числѣ 471.917 головъ (80,5%) старше 3-хъ лѣтъ; 965.474 головы крупнаго рогатаго скота, въ томъ числѣ 108.725 рабочихъ быковъ и 384.696 коровъ. Кромѣ этого скота въ крестьянскихъ хозяйствахъ числилось еще 2.253.485 овецъ и ягнятъ, 247.009 свиней и поросятъ и 45.405 козъ. Если перевести мелкій скотъ (жеребятъ, телятъ до 1-го года, овецъ, козъ и свиней) въ крупный, приравнивая 10 головъ первой категоріи къ 1-ой головѣ послѣдней, то окажется, что крестьянское скотоводство весною 1901 г. опредѣлялось 1.536.938 головами крупнаго скота. По даннымъ текущей статистики въ 1901 г. у крестьянъ находилось подъ посѣвами въ общемъ по губерніи 2.429.273 казен. десятины, считая надѣльныя, арендованныя и купчія земли. 80,32% всей посѣвной площади приходится на три главныхъ хлѣба: рожь, пшеницу и овесъ.

Насколько же посѣвная площадь обезпечена рабочимъ скотомъ? Если работоспособность двухъ быковъ принять равной 1-ой лошадиной силѣ, то окажется, что крестьянскія хозяйства располагаютъ 526.280 лошадиными силами; другими словами на одну лошадиную силу приходится 4,6 казенной десятины ярового и озимаго посѣва. Эта норма по отдѣльнымъ уѣздамъ колеблется слѣдующимъ образомъ: Аткарскій уѣздъ — 4,4; Балашовскій — 3,9; Вольскій — 5,3; Камышинскій — 4,8; Кузнецкій — 4,2; Петровскій — 4,4; Саратовскій —

5,2; Сердобскій—4,7; Хвалынскій—4,5; Царицынскій—6,6. Сельскохозяйственная практика разныхъ уѣздовъ нашей губерніи выяснила, что при существующей системѣ полеводства и современной техники въ среднемъ по губерніи одной головой рабочаго скота можно обработать до 7 десятинъ посѣва. Такимъ образомъ вслѣдствіе недостаточныхъ размѣровъ крестьянскаго посѣва значительная часть (до 34,3% въ среднемъ по губерніи) рабочей силы скота не можетъ быть использована. Это обстоятельство удорожаетъ замѣтно земледѣльческій промыселъ и этимъ самымъ уменьшается доходность крестьянскихъ хозяйствъ. Что Саратовская губернія не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія изъ прочихъ губерній Европейской Россіи можно видѣть изъ данныхъ, приводимыхъ г-номъ Тернеромъ (Положеніе крестьянъ въ Россіи; «Вѣстникъ Европы», июль 1898 г. стр. 19 и 20). Г-нъ Тернеръ цитируетъ С. Короленко, который посвятилъ обширный трудъ изслѣдованію вопроса объ отношеніи количества лошадей въ Россіи къ ея хозяйственной потребности.

По даннымъ г. Короленко, въ мелкихъ хозяйствахъ крестьянская лошадь при существующей земледѣльческой технике можетъ обработать по меньшей мѣрѣ 5 десятинъ. Въ большихъ же крестьянскихъ хозяйствахъ число десятинъ, могущихъ быть обработанными одной лошадыю, доходить до десяти. Если даже остановимся на первой нормѣ, то окажется, что въ семи губерніяхъ на 1 рабочую лошадь приходится 4 и 5, въ тридцати—отъ 3 до 4 и въ пятнадцати—менѣе 3-хъ десятинъ посѣва.

Изъ приведенныхъ данныхъ мы видѣли, что по отношенію наличнаго числа рабочаго скота къ размѣрамъ посѣвной площади Саратовская губернія повторяетъ собою явленіе, общее всѣмъ губерніямъ Европейской Россіи.

Итакъ, въ среднемъ по губерніи наличное количество рабочаго скота въ крестьянскихъ хозяйствахъ превышаетъ сельско-хозяйственную потребность этихъ-же хозяйствъ на $\frac{1}{3}$ или точнѣе на 34,3%. Можетъ быть, этотъ избытокъ поглощается нуждами частновладѣльческихъ хозяйствъ? Въ 1901 г., во всѣхъ частновладѣльческихъ хозяйствахъ было лошадиныхъ силъ 43.542, которыя, по нормѣ 7 десятинъ на 1 $\frac{1}{2}$ силу, могли обработать 304.794 каз. дес. Вся же посѣвная площадь частновладѣльческихъ хозяйствъ по даннымъ текущей статистики—371.312 дес. Такимъ образомъ владѣльческаго рабочаго скота не хватало всего на 66.518 д., что составляетъ 0,12 дес. на 1 крестьянскую лошадь. Слѣдовательно, избытокъ крестьянскаго рабочаго скота не поглащается нуждами частновладѣльческихъ хозяйствъ.

Слѣдуетъ ли, однако, изъ вышеизложеннаго, что въ дѣлѣ обезпеченія крестьянскихъ хозяйствъ рабочимъ скотомъ все обстоятъ благополучно. Отвѣтъ на это даютъ конская перепись 1899 г. и подворное изслѣдованіе крестьянскаго скотоводства 1897 г. Эти

изслѣдованія выяснили, что крестьянскія хозяйства по степени обезпеченія лошадами дѣлятся на слѣдующія 4 группы: 1) безлошадную, составляющую 26,5%; 2) однолошадную—33,7%; 3) двухлошадную—22,0; 4) трехлошадную и болѣе—17,82%. Такимъ образомъ, четвертая часть крестьянскихъ хозяйствъ совершенно не имѣетъ рабочаго скота, а въ одной трети обезпеченіе рабочимъ скотомъ крайне не устойчиво, такъ какъ хозяйство съ 1 лошадью въ любой моментъ можетъ очутиться въ категоріи безлошадныхъ, въ особенности если вспомнить, что % смертности лошадей въ однолошадныхъ хозяйствахъ не опускается ниже 15,9.

Анализъ данныхъ, касающихся безлошадныхъ хозяйствъ Петровскаго уѣзда, показалъ, что среди безлошадныхъ семей, таковыхъ, занимающихся только посѣвомъ, было 18,2%, при посѣвѣ на одну семью въ среднемъ 3 дес.; семей, занимающихся посѣвомъ и промысломъ—58,3%; въ этой группѣ на одну семью приходится 2,3 дес. посѣва. Итого 76,5% безлошадныхъ семей занимаются посѣвомъ и потому нуждаются въ рабочемъ скотѣ.

До сихъ поръ я говорилъ о степени обезпеченія крестьянскихъ хозяйствъ рабочимъ скотомъ. Перейдемъ теперь къ учету тѣхъ животныхъ продуктовъ, которые потребительный скотъ крестьянскихъ хозяйствъ можетъ дать для удовлетворенія нуждъ населенія въ молоко и въ мясо. По даннымъ страхования и изслѣдованія частновладѣльческаго скотоводства, смертность рогатаго скота составляетъ въ среднемъ 4%, а овецъ и свиней 10%. Процентъ браковки равняется 10%. Исходя изъ этихъ нормъ, я вычислилъ, что, при сохраненіи даннаго количества потребительнаго скота, населеніе можетъ ежегодно отчуждать для убоя на мясо въ видѣ откормленнаго брака и остатка приплода 183.128 головъ крупнаго скота (10 овецъ и 2 свиньи приравнены 1 головѣ крупнаго), что при 10 пудахъ убойнаго вѣса дастъ 1.831.280 пудовъ мяса на 2.045.702 души обоого пола крестьянскаго населенія или 35 фунтовъ въ годъ на одного человѣка. Такимъ образомъ, если бы крестьяне даже ничего не продавали на сторону, а весь убойный скотъ использовали на личное потребленіе, то при 160 скоромныхъ дняхъ на одного человѣка въ день приходилась бы $\frac{1}{8}$ часть фунта, т. е. меньше того, сколько американецъ съѣдаетъ въ день сахару. Въ дѣйствительности потребленіе мяса еще ниже, такъ какъ значительная часть убойнаго скота идетъ на нужды городского населенія. Уже 25 лѣтъ я стою близко къ крестьянскому населенію, и я имѣлъ возможность убѣдиться, что число семей, употребляющихъ въ скоромные дни ежедневно мясо, крайне не значительно. Громадное большинство мясомъ только равговляется и заговывается. Роль скоромной пищи играетъ главнымъ образомъ молоко, котораго едва хватаетъ на дѣтей. Въ 1901 г. 335.860 крестьянскихъ семей, со среднимъ составомъ населенія въ 6,4 души обоого пола, располагало 384.698 коровами. Яловость коровъ

равняется въ общемъ 15%, такимъ образомъ число дойныхъ коровъ не превышало 326.992, т. е. меньше одной коровы на 1 дворъ. Въ 1897 году подворное изслѣдованіе крестьянскаго скота выяснило слѣдующую группировку крестьянскихъ хозяйствъ по числу коровъ: безкоровныхъ — 19,0%; съ одной коровой — 53,3%; съ 2-мя—20,3%; съ 3-мя и больше—7,4%. Если даже примемъ одну корову на семью, то при средней удоилвости русскихъ коровъ (50 пуд. въ годъ) на одного человѣка въ день приходится около $\frac{10}{11}$ фунта. Не горькой-ли ироніей звучать послѣ этого всѣ разговоры о неотложности мѣръ къ увеличенію экспорта мяса и молочныхъ продуктовъ.

Итакъ, $\frac{10}{11}$ фунта молока и 3 лота мяса въ день—вотъ предѣльный запасъ животныхъ бѣлковъ, который потребительный скотъ можетъ дать крестьянскому населенію.

Въ Саратовской губерніи трехпольная система полеводства является преобладающей, хотя правильнаго трехполя нѣтъ, такъ какъ на озимый хлѣбъ приходится 37,3% посѣвной площади. Трехпольная система безъ удобрения пароваго поля ведетъ къ быстрому истощенію почвы. Позволяетъ ли наличность крестьянскаго скота удобрять весь паръ? Выше мы видѣли, что въ крестьянскихъ хозяйствахъ имѣется 1.536.938 головъ крупнаго скота. При хлѣбномъ содержаніи скота въ теченіе 6 мѣсяцевъ одна крупная голова даетъ до 500 пудовъ навоза, если только употребляется достаточно подстилки (8 фун. въ день на 1 голову). При такой нормѣ на 1 десятину пароваго поля требуется 5 головъ крупнаго рогатаго скота. Для удобрения же всего озимаго поля въ 907.652 каз. дес. требуется 4.538.260 головъ крупнаго скота, почти въ 3 раза больше того количества, которымъ располагаютъ крестьянскія хозяйства.

Такимъ образомъ при настоящей наличности рабочаго и потребительнаго скота населеніе въ состояніи удобрять едва $\frac{1}{4}$ часть пароваго поля и то при томъ предположеніи, что весь навозъ пойдетъ на удобреніе, а не на топливо, какъ это практикуется въ значительной части губерніи. Строго говоря, въ настоящее время въ малоскотныхъ дворахъ, а ихъ больше половины—навоза едва хватаетъ на топливо.

Я закончилъ анализъ данныхъ, касающихся степени обезпеченія крестьянскихъ хозяйствъ скотомъ. Подведемъ итоги:

1) Въ общемъ крестьянскія хозяйства Саратовской губерніи располагаютъ рабочимъ скотомъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ это вызывается размѣромъ посѣвной площади.

2) Благодаря же неравномѣрному распредѣленію рабочаго скота 26,5% крестьянскихъ хозяйствъ вовсе не имѣютъ лошадей, а въ 33,7% (съ 1 лошадыю) обезпеченіе рабочимъ скотомъ крайне неустойчиво.

3) При нынѣшнемъ количествѣ потребительнаго скота и при предположеніи, что всѣ получаемые отъ него мясные и молочные

продукты идутъ исключительно на нужды крестьянскаго населенія, на 1 человѣка въ день приходится $\frac{10}{11}$ фунта молока и 3 лота мяса *), т. е. такое количество животныхъ бѣлковъ, котораго едва хватаетъ на поддержаніе фізіологическаго равновѣсія въ человѣческомъ организмѣ въ покойномъ его состояніи.

4) Потребительный скотъ тоже неравномѣрно распределенъ: 19% крестьянскихъ хозяйствъ вовсе не имѣютъ коровъ, а 53,3% имѣютъ только по одной коровѣ.

5) Предѣльное количество навоза, которое могло бы дать такое количество потребительнаго и рабочаго скота въ крестьянскихъ хозяйствахъ, едва хватаетъ на удобреніе $\frac{1}{4}$ парового поля.

Коснемся теперь вѣратцѣ движенія крестьянскаго скотоводства за послѣднія 20 лѣтъ. Въ теченіе этого промежутка времени было 2 земскихъ подворныхъ переписи: первая въ срединѣ восьмидесятыхъ годовъ (съ 1882 по 1887 годъ), а вторая въ 1897 году. За это время коневодство сократилось на 20.943 головы или на 3,6%, а количество рабочихъ лошадей уменьшилось на 31.413 головы, или на 6,7%. Наличие рогатаго скота увеличилась на 24,4%, въ томъ числѣ наличие коровъ—на 16,1. Овцеводство же и свиноводство сократились: первое на 115.400 (8,7%), а второе на 27.460 (12,8%) головъ.

Число наличныхъ приписныхъ семей за тоже время увеличилось на 8,9%. Въ результатѣ произошло существенное измѣненіе въ распределеніи семей по рабочему скоту. Такъ, число семей безъ рабочаго скота и съ одной головой скота увеличилось на 9,5 и 30,8%. Количество же семей съ двумя головами рабочаго скота и болѣе сократилось на 5,3%.

Приведенныя данныя касаются всей губерніи. Относительно 5-ти уѣздовъ имѣется болѣе детальная группировка. Тамъ количество семей безъ рабочаго скота увеличилось на 3,3%, съ одной головой рабочаго скота—на 31,5% и съ двумя головами—на 15,1%. Число же хозяйствъ съ тремя головами скота уменьшилось на 10,2, а съ 4-мя и болѣе на 14,9%.

Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія губернія пережила 4 голодныхъ года (1898—9; 1901—2 и 1905—7). Недороды сильно отразились на крестьянскомъ скотоводствѣ. Подъ вліяніемъ голода 1898—9 г. число лошадей, рогатаго скота и овецъ сократилось на 20.151—104.671 и 187.588 головъ. Еще большее опустошеніе произвели два послѣднихъ голодныхъ года. По даннымъ текущей статистики губернскаго земства, двухлѣтній неурожай сказался на

*) Эти нормы весьма близки къ нормамъ, выясненнымъ докторомъ Шнигаревымъ для д. Моховатки и с. Ново-Животиннаго Воронежской губ. („Сар. Зем. Нед.“ 1901 г.), а именно: 31,1—37,3 грамма всякаго рода мяса и 257—183 грам. молока на 1 человѣка въ сутки. Нормы г. Щербинъ для Воронежской губ. и г. Эрисмана для Московской выше на 20—10%.

крестьянскомъ скотоводствѣ сокращеніемъ общаго числа всякаго рода скота. Данныя эти таковы (въ тысячахъ головъ):

	1905 г.	1906 г.	1907 г.
Лошадей рабочихъ	472,6	454,4	447,3
» не раб. старше 1 г.	77,7	72,3	60,8
Жеребятъ до 1 года	51,3	43,5	37,9
Рабочихъ быковъ	96,7	82,9	82,1
Бугасвъ	4,7	4,5	4,2
Коровъ	386,1	374,3	358,4
Бычковъ 1—2 лѣтъ	78,5	66,6	54,6
Телокъ 1—2 лѣтъ	115,0	93,6	81,4
Телятъ до 1 года	223,9	180,7	186,5
Овецъ взрослыхъ	1144,8	1037,8	916,6
Ягнятъ	845,8	724,7	671,7
Свиней взрослыхъ	116,7	93,7	73,8
Поросятъ	91,2	62,4	50,4
Козъ	35,2	31,3	29,7

Какъ измѣнилась послѣ двухъ неурожайныхъ лѣтъ обезпеченность крестьянъ скотомъ, показываетъ сравненіе количества головъ скота на 1 наличную приписную семью за три послѣднихъ года Беремъ двѣ важнѣйшія категоріи—лошадей (рабочихъ) и коровъ:

Приходилось на наличную приписную семью къ веснѣ:	Рабочихъ лошадей.	Коровъ.
1905 года	1,3	1,1
1906 »	1,2	1,0
1907 »	1,2	0,9

Приводимъ въ заключеніе сравнительную таблицу потерь по губерніи главнаго скота съ весны 1905 года у крестьянъ.

Къ веснѣ 1907 г. осталось изъ того числа головъ, какое было къ веснѣ 1905 г.:

Рабочихъ лошадей	94,6%
Коровъ	92,8%
Овецъ	80,0%

Попытаемся теперь подсчитать бюджетъ крестьянской семьи, каждой изъ указанныхъ выше категорій. Къ первой категоріи мы отнесли семьи съ надѣломъ на наличную душу мужского пола не менѣе 6-ти десятинъ. Онѣ составляютъ 28,2% всѣхъ приписныхъ семей. Эти семьи отъ надѣльнаго посѣва получаютъ, кромѣ продовольствія, прокормленія скота и сѣмянъ, 78 руб. 82 коп. чистаго дохода.

По бюджетнымъ даннымъ Щербинъ средней расходъ на наличную душу земледѣльческой семьи составляетъ 63 руб. 32 коп. Среди этого расхода 34 р. 69 коп. приходятся на личныя потребности по слѣдующему расчету: 20 руб. 44 коп.—пища, 4 р. 6 к.—

жилище, 6 р. 3 к.—одежда, 2 р. 60 коп.—религиозныя потребности и 1 р. 56 к.—прочія нужды.

Земледѣльческая семья первой категоріи пищевые продукты получаетъ съ надѣльнаго посѣва; слѣдовательно, 20 руб. 44 коп. можно исключить, остается еще 14 руб. 25 коп. на каждую душу или 85 руб. 50 коп. на семью *).

Такимъ образомъ надѣльный посѣвъ даже въ многоземельныхъ хозяйствахъ не покрываетъ всѣхъ личныхъ потребностей земледѣльческой семьи.

Не хватаетъ 6 руб. 68 коп. Но въдѣ, кромѣ личныхъ расходовъ, имѣются еще хозяйственные, куда включены и повинности **). Всѣ хозяйственные расходы составляютъ 28 руб. 53 коп. на личную душу мужского пола или 171 р. 18 к. на дворъ. Въ такихъ многоземельныхъ хозяйствахъ имѣется и много скота. Доходъ со скотоводства Щербина опредѣляетъ въ 16,6% бюджета, что въ переводѣ на абсолютную сумму составитъ 60 руб. 64 коп. Не хватаетъ, слѣдовательно, 117 руб. 22 к., которые надо добыть путемъ аренднаго посѣва и другихъ заработковъ. Но если семьи первой категоріи не покрываютъ своего расхода изъ надѣльнаго посѣва, то что же говорить о той половинѣ (47,5%) хозяйствъ, у которыхъ чистый доходъ отъ надѣльнаго посѣва не превышаетъ 5 р. 41 к., а тѣмъ паче тѣхъ 24,3% земледѣльческихъ семьяхъ, которыя не добираютъ хлѣба съ надѣльнаго посѣва на 54 р. 40 коп. Съ аренднаго посѣва и заработка въ помѣщичьихъ хозяйствахъ такія семьи выручаютъ всего 38 руб. въ годъ, а доходъ отъ скотоводства, особенно въ семьяхъ третьей категоріи, врядъ ли превышаетъ нуль. Голодъ, холодъ и недоимки—вотъ ихъ удѣлъ.

Ф. А. Березовъ.

*) Въ Саратовской губерніи средній составъ земледѣльческой семьи исчисляется въ 6 душъ.

***) Сумма окладныхъ налоговъ съ крестьянскихъ земель Саратовской губерніи, включая сюда казенные, земскіе, мірскіе и страховые, составляетъ 7 съ полов. милл. въ годъ. Косвенныхъ налоговъ крестьяне уплачиваютъ до 5¹/₂ милл. Если прибавить сюда еще около 700 тысячъ личныхъ мірскихъ налоговъ, то въ общемъ окажется, что крестьяне въ годъ платятъ до 14 милл. всякаго рода налоговъ, что въ среднемъ на одну семью составляетъ около 43 рублей. По подсчету Балашовскаго комитета о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности крестьянской дворъ въ уѣздѣ имѣетъ доходъ отъ собственнаго хозяйства и заработковъ въ помѣщичьихъ хозяйствахъ 114 руб. 35 коп., налоговъ же прямыхъ и косвенныхъ приходится 58 руб. 21 коп.

Рудничныя катастрофы и ихъ причины.

(По поводу взрыва на Рыковскомъ рудникѣ).

Снова взрывъ съ сотнями человѣческихъ жертвъ. Снова потоки крови, обуглившія трупы, оторванныя головы принесенныя въ жертву Молоху горнопромышленности. Снова вереницы вдовъ и сиротъ; грядущій ужасъ нищеты для цѣлаго ряда семей.

И снова заволновались и періодическая печать, и предприниматели, и горная инспекція, и министерство торговли и промышленности. Всѣ судятъ и рѣдятъ. На тысячи ладовъ трактуютъ о виновномъ всегда и во всемъ «стрѣлочникѣ»; даютъ дюжины остроумныхъ совѣтовъ; образуютъ комиссіи «для изслѣдованія причинъ взрывовъ газа въ Донецкомъ бассейнѣ» вообще и взрыва на Рыковскомъ рудникѣ—въ частности.

Но пройдетъ мѣсяць-другой Впечатлѣніе поизгладится. Выступятъ на первый планъ новыя событія, — и умолкнутъ газеты. Тогда, съ сознаниемъ «выполненнаго долга», развѣдутся по домамъ, ничего не сдѣлавъ, комиссіи,—какъ развѣхались онѣ послѣ перваго взрыва въ шахтѣ «Иванъ», унесшаго въ 1898 г. по оффиціальнымъ даннымъ 75, а по неоффиціальнымъ—150 жизней; какъ развѣхались послѣ втораго взрыва въ той же шахтѣ, 4-го іюня 1905 г. унесшаго уже не 75 и не 150, а болѣе 300 жертвъ. Администрація приведетъ шахту въ исправность, благо въ газетахъ уже сообщалось, что «особыхъ поврежденій въ шахтѣ не имѣется»,—и, какъ всегда,—снова закипитъ каторжно-тяжелая, опасная работа глубоко подъ землею. до новой катастрофы. Ибо мало-ли «несчастныхъ случаевъ», унесшихъ сотни человѣческихъ жизней, проходило безслѣдно и забывалось!

Оставляя въ сторонѣ «мелочи»,—уносившія по двѣ-три жертвы, вспомнимъ для примѣра нѣсколько болѣе крупныхъ. Вспомнимъ, случай, имѣвшій мѣсто лѣтъ двѣнадцать назадъ на рудникѣ г-на Бабича. Не державшій изъ скупости специалиста-инженера, не имѣвшій точныхъ плановъ подземныхъ работъ,—этотъ рыцарь легкой наживы, въ погонѣ за рублемъ, велъ работы на русское «авось» и кончилъ тѣмъ, что залилъ ихъ водою изъ старой шахты, къ которой «нечаянно» подошелъ слишкомъ близко.

Десять сутокъ качали воду безъ перерыва; десять сутокъ искали путей, чтобы пробраться въ залитыя водою выработки,—и десять сутокъ тамъ, въ тѣмъ и ужасѣ сидѣли заживо-погребенные люди, ожидая помощи... Часть ихъ извлекли мертвыми; другую,—полу-

живыми. Г-ну Бабичу это стоило немного денегъ, два мѣсяца церковнаго покаянія, отбытаго имъ дома,—и все снова вошло въ свою колею.

Вспомнимъ другой случай. На рудникѣ бывш. Полякова, близъ ст. «Горловка», по недосмотру задохлись въ дыму отъ загорѣвшагося пласта угля—12 человекъ. Ихъ всѣхъ извлекли мертвыми. Штейгеръ за это заплатился также церковнымъ покаяніемъ.

Далѣе—слѣдуетъ рудничный пожаръ на рудникѣ г. Успенскаго, повлекшій за собой гибель 61 человекъ. «Истинная причина катастрофы,— по словамъ инженера Негребецкаго,—совершенно неправильное устройство рудника, полное отсутствіе какихъ бы то ни было спасательныхъ средствъ и, наконецъ,—нераціональность принятыхъ мѣръ спасанія.» *).

Затѣмъ—катастрофа въ сентябрѣ 1903 г. на рудникѣ Алмазнаго общества, гдѣ «несчастье произошло вслѣдствіе того, что работы въ шахтахъ велись хищническимъ способомъ» **), вопреки основнымъ правиламъ горнаго искусства. Въ результатѣ—6 человекъ убитыхъ.

Первый взрывъ на шахтѣ № 14 Рыковского общества, въ 90-хъ годахъ, гдѣ «послѣ взрыва погибшими было показано 62—64 человекъ, а въ продолженіе года разработки завала главнаго штрека было извлечено еще 30 труповъ, которые и были тайно похоронены ночами (†), не говоря о тѣхъ, которые остались во второстепенныхъ выработкахъ и остались тамъ навѣки» ***). Первый взрывъ въ шахтѣ «Иванъ», гдѣ послѣ взрыва погибшихъ было показано 72 человекъ, «а между тѣмъ, по показаніямъ рабочихъ не хватало 150 человекъ, но это — «замяли» ****). Второй взрывъ въ той же шахтѣ «Иванъ», 4 іюня 1905 года,—взрывъ, къ которому мы еще вернемся,—унесшій болѣе 300 человекъ.

Всѣ эти «исторіи»,—имя же имъ легионъ,—появляются одна за другой и одна за другой валяются въ Лету, силошь и рядомъ не попадая даже на страницы періодическихъ изданій. Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ я не знаю ни одного болѣе или менѣе громкаго процесса; ни одного обнародованнаго во всеуслышаніе отчета постоянно посылаемыхъ и неизвѣстно что дѣлающихъ комиссій,—которые хоть слегка освѣтили бы рудничные порядки.

Одинъ за другимъ появляются и сходятъ со сцены эти «случаи», не оставляя послѣ себя ничего, кромѣ труповъ и ничего ни на юту не измѣняя; молчатъ о нихъ печать; привыкаютъ къ нимъ представители горной инспекціи; забываетъ общество. Не забываютъ только матери и жены погибшихъ. Но и онѣ молчатъ въ глуши деревень...

*) «Новое Время», № 9664, отъ 24 янв. 1903 г.

**) «Вѣстн. Юга», № 557, отъ 23 сент. 1903 г., «Хроника».

***) «Сынъ Отечества», № 103, отъ 16 іюня 1905 г.

****) Ibidem.

А между тѣмъ, при взглядѣ на 'холодные ряды цифръ, — статистику несчастій въ области горнаго промысла Россіи—невольно становится жутко. Въ самомъ дѣлѣ: въ то время, какъ во Франціи на 175 тысячъ горнорабочихъ пострадало 25.600 человекъ, или 146 жертвъ на 1000, при чемъ умерло 1,04 на 1000; въ то время, какъ на фабрикахъ и заводахъ Россіи, далеко не отличающихся блестящей постановкой въ области огражденія рабочихъ отъ поврежденій, въ 1904 г. на 1.651.956 работавшихъ поврежденія получили 47.205, т. е. 28,6 на тысячу,—при смертности въ 0,23 на тысячу,—въ то же самое время наша горнопромышленность и металлургія по статистикѣ даетъ слѣдующія цифры:

При общемъ числѣ рабочихъ въ 1904 г. въ 141.882—пострадало—51.182, т. е. *347 на тысячу*. Въ 1905 г. при 146.345 рабочихъ получило увѣчья и умерло 57.172, т. е. *391 на тысячу*. Въ 1906 г. число рабочихъ возросло до 157.000, а число пострадавшихъ дошло до 61.919 или *382 на тысячу*.

Умерло изъ нихъ въ 1904 г.—251; въ 1905—264 и въ 1906—283 человекъ. Число полныхъ инвалидовъ съ 17-ти — въ 1904 г. дошло до 110 въ 1906, а частичныхъ съ 2.420—въ 904, до 3.538 въ слѣдующемъ и 4.104 въ 1906 г., т. е. съ 16,33—до 25,80 на тысячу, временная же потеря трудоспособности дошла до 344 ч. на 1000 *), т. е. другими словами, въ то время какъ въ фабрично-заводской промышленности пострадало 29, а умерло 0,23% на 1000, количество несчастій въ горнопромышленныхъ предприятияхъ превысило несчастія на фабрикахъ *въ 13 разъ*; а смертность на рудникахъ оказалась *выше въ 19 разъ*. Таковыя явыки цифръ.

Тридцать восемь, 39 пораненій на сотню рабочихъ. Это—нѣчто неслыханное, невѣроятное... А между тѣмъ, можно утверждать безъ боязни ошибиться, что *дѣйствительный* процентъ *еще выше*, ибо въ статистику не входитъ масса незначительныхъ пораненій, какъ легкіе ушибы и проч.—о чемъ силошь и рядомъ протоколы не составляются и свѣдѣнія не даются.

Такъ идутъ дѣла изъ мѣсяца въ мѣсяць, изъ года въ годъ, до тѣхъ поръ, пока не разразится крупная катастрофа, вроде взрыва въ Рыковскомъ рудникѣ.

Тогда всѣ начинаютъ волноваться.

Посмотримъ, однако, въ чемъ причина этихъ безконечныхъ взрывовъ, обрушеній, затопленій и прочихъ ужасовъ, дающихъ такія гигантскія цифры искалѣченныхъ, потерявшихъ трудоспособность, убитыхъ. Попытаемся разобраться въ этомъ вопросѣ на основаніи тѣхъ довольно богатыхъ данныхъ, какія можно найти по поводу послѣднихъ двухъ взрывовъ: 4 іюня 1905 г. въ шахтѣ «Иванъ» и въ шахтѣ № 4 «Рыковского общества». Попытаемся

*) Цит. по „Совр. Сл.“, № 243, отъ 22 іюня, 1908 г.

отыскать дѣйствительныхъ виновниковъ большинства катастрофъ, не сваливая по общему правилу вину на самого горнорабочаго.

Этотъ горнорабочій является вѣчнымъ козломъ отпущенія... Корреспонденты газетъ, со словъ «лицъ, стоящихъ близко къ дѣлу», «находящихся въ курсѣ случившагося» и т. д., а по просту—со словъ либо представителей совѣта съѣзда, либо администраціи рудника и тому подобной «освѣдомленной» публики—въ одинъ голосъ отмѣчаютъ, съ большей или меньшей рѣзкостью, по поводу, напр., теперешняго рыковскаго взрыва: «Отчего произошелъ взрывъ? Онъ могъ произойти отъ электрическихъ проводовъ и отъ закуренной кѣмъ-либо изъ рабочихъ на мѣстѣ наибольшаго скопленія газа, папироски, и отъ лопнувшей лампы» *). (Корр. «Утра»). «Вѣроятнѣе всего предположеніе о томъ, что кто-нибудь изъ рабочихъ закурилъ папиросу. Наши шахтеры, смутно сознавая опасность... тѣмъ не менѣе проявляютъ къ ней полное безразличіе» **). («Южн. Кр.»). «Варывы въ шахтахъ происходятъ вслѣдствіе воспламенія скопляющагося въ шахтахъ гремучаго газа, преимущественно благодаря неосторожному обращенію рабочихъ съ огнемъ при закуриваніи, что воспрещается въ шахтахъ» ***). («Газ. К.»). Словомъ—вся вина переносится на рабочаго. Переносится часто по «невинности» пишущихъ,—въ силу незнакомства съ условіями труда въ шахтѣ и постановкой дѣла, либо—совнательно, въ интересахъ рудничной администраціи. Но вотъ предсѣдатель совѣта съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи, г. фонъ-Дитмаръ, человѣкъ хорошо знакомый съ рудничнымъ дѣломъ вообще, а Донецкаго бассейна—въ частности, идетъ еще далѣе. Указывая въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ «Русск. Слова» на трудность раскрытія причинъ взрыва, вслѣдствіе уничтоженія мелкихъ предметовъ (табаку и спичекъ?), г. фонъ-Дитмаръ «между прочимъ» передаетъ о слѣдующемъ поразительномъ фактѣ: когда въ шахтѣ раздался взрывъ и семь рабочихъ бросились къ мѣсту катастрофы, у многихъ изъ нихъ на квартирахъ было расхищено почти все имущество; обворованными оказались 85 квартиръ ****).

Что хотѣлъ сказать этимъ «сообщеніемъ между прочимъ», г. фонъ-Дитмаръ? Уже не то ли, что воры, организовавшись, отправили одного изъ своихъ товарищей произвести взрывъ, и въ то время, какъ посланный взлетѣлъ на воздухъ и превратился въ обуглившійся трупъ, пославшіе занялись расхищеніемъ имущества у осиротѣлыхъ семей?

Какъ бы то ни было, повторяемъ, чаще всего вина въ проис-

*) Цит. по „Совр. Слову“, № 247, отъ 27 іюня 1908 г.

***) Цит. по „Совр. Слову“, № 245, отъ 25 іюня 1908 г.

****) Ibidem, № 245, 25 іюня 1908 г.

*****) Цит. по „Совр. Слову“, № 248, отъ 28 іюня 1908 г.

Ходящихъ катастрофахъ сваливается на небрежность и неосторожность *самихъ рабочихъ* и на невыполнение ими существующихъ правилъ внутреннего распорядка. Правда, изрѣдка появляются сообщенія вродѣ слѣдующаго: «Профессоръ Коцовскій, осмотрѣвшій шахты Донецкаго бассейна (послѣ взрыва 1905 г. л. л.), обнаружилъ халатное отношеніе администраціи рудниковъ къ элементарнѣйшимъ предохранительнымъ мѣрамъ»; по словамъ газетъ, «въ разслѣдованіяхъ профессора есть матеріалъ для привлеченія къ отвѣтственности многихъ администраторовъ рудниковъ» *), но такія сообщенія остаются только «сообщеніями». Собранный матеріалъ никогда не печатается, его никто, кромѣ г. Коцовскаго и пославшихъ его не знаетъ, а во всѣхъ трудныхъ случаяхъ снова и снова пускается въ ходъ старая, на первый взглядъ правдоподобная версія о виновности рабочихъ въ неисполненіи распорядка.

Въ свое время я пытался разбить этотъ предрасудокъ, на основаніи частнымъ образомъ произведеннаго въ 1901 году изслѣдованія на Каньяпусо-Богодуховскомъ рудникѣ Алексѣевскаго горнопромышленнаго общества, изслѣдованія, охватившаго 315 несчастныхъ случаевъ, имѣвшихъ мѣсто за годъ на указанномъ рудникѣ.

«Рубрика «несчастій по винѣ рабочихъ» подраздѣляется на 4 категоріи, — писалъ я *), — а) собственная неловкость и неосторожность—34 случая, составляющихъ 10,8% общаго числа несчастій; б) неосторожность другого—18 случаевъ или 5,7%; в) неисполненіе правилъ—9 случаевъ или 2,9%; д) неупотребленіе существующихъ приспособленій, дающее всего 2 случая или же 0,6% общаго числа пострадавшихъ. При разсмотрѣніи этихъ цифръ прежде всего бросается въ глаза чрезвычайно малый % несчастій, являющихся результатомъ неупотребленія имѣющихся приспособленій (2 случая) и неисполненія существующихъ правилъ (9 случаевъ), сводящійся въ суммѣ къ 3,5% (11 случаевъ изъ 315) общаго числа несчастій. Здѣсь цифровыя данныя идутъ прямо въ разрѣзъ съ существующимъ въ горномъ мірѣ, ничѣмъ необоснованнымъ, правда, мнѣніемъ, что большинство несчастій происходитъ благодаря непониманію рабочими необходимости строгаго выполненія имѣющихся на рудникахъ правилъ внутреннего распорядка».

Приводя эти на цифровыя данныя, я позволю себѣ присовокупить только, что ходячее мнѣніе о причинахъ несчастій держится повидимому не столько на предрасудкѣ, сколько на желаніи гг. предпринимателей перенести вину съ больной головы на здоровую,

*) См. «Вѣст. Юга», № 1023, отъ 1 сент. 1905 г. «Рудниковые хищники»

**) См. мою статью: «Условія труда горнорабочихъ въ Донецкомъ бассейнѣ», журн. «Вѣст. фабричн. законодат.», январь, 1905 г., стр. 11.

какъ говорится, взваливъ на рабочаго,—а особенно уже погибшаго рабочаго,—причину катастрофы.

Что касается дѣйствительной причины ихъ вообще, а взрывовъ въ частности, то большинство изъ нихъ зависитъ отъ другихъ факторовъ, къ анализу и выясненію конхъ мы сейчасъ и приступимъ.

Уже въ самомъ началѣ замѣтки, перечисляя рядъ несчастныхъ случаевъ, мы отмѣчали, что по даннымъ газетныхъ сообщеній и на рудникѣ Успенскаго, гдѣ задохлись 61 человекъ, и на рудникѣ Алмазнаго общества, гдѣ погибло 6 человекъ, въ шахтѣ г. Бабича, гдѣ залило 12 рабочихъ,—всюду причиной несчастій являлось *неправильное*, часто хищническое, вопреки закону, *веденіе работъ*, отсутствіе приспособленій для спасанія погибающихъ и, наконецъ, часто нерациональность принятыхъ мѣръ спасанія. Но всѣ эти случаи отмѣчены кратко, такъ сказать, вскользь и не даютъ достаточнаго матеріала для анализа.

Совершенно иной характеръ имѣютъ свѣдѣнія о недавнемъ взрывѣ на «Рыковскомъ рудникѣ», и особенно о взрывѣ въ шахтѣ «Иванъ», случившемся въ 14 іюня 1905 г., въ моментъ сильнаго общественнаго подъема, когда газеты имѣли полную возможность помѣщать всѣ даваемые свѣдѣнія. Правда, быстрая смѣна событій заслонила отъ вниманія публики и эти свѣдѣнія и фактъ гибели 300 человекъ; было не до того. Но все же данныя остались, и мы теперь попытаемся въ нихъ разобраться...

При просмотрѣ ихъ,—этихъ данныхъ,—приходишь къ нѣсколькимъ выводамъ, чѣмъ пришли и г. фонъ-Дитмаръ, косвенно обвиняющій во взрывѣ воровъ, и газетные сотрудники, выдающіе вину въ папироскѣ рабочаго.

Мы не станемъ, конечно, отрицать возможности взрыва отъ закуренной папирсы. Куренье табаку въ нашихъ шахтахъ съ гремучимъ газомъ, дѣйствительно, фактъ общеизвѣстный, и на Горловскомъ рудникѣ, (Южно-Русскаго общества) и на рудникѣ Рутченковскаго горнопромышленнаго общества, и на рудникѣ Ольховскаго общества,—гдѣ повсюду наблюдается выдѣленіе гремучаго газа,—мнѣ лично приходилось наталкиваться на фактъ куренья. Да оно и вполне понятно. Многие изъ рабочихъ—люди, только что оторванные отъ земли, полуграмотные, не имѣющіе ни малѣйшаго представленія о «газѣ, который взрываетъ». Въ этомъ я убѣдился путемъ неоднократныхъ опросовъ новичковъ-рабочихъ. На объявленіи о воспрещеніи курить они смотрятъ, какъ на одну изъ причудъ ихъ постоянного врага, начальства, всячески обостряющаго взаимоотношенія, а на разъясненія—часто приходится слышать:

— И, что вы!.. Съ чего ему, чистому воздуху, взрывать-то! Пустое это!..

Посмотримъ, однако, какія мѣры примѣняются администраціей для борьбы съ этимъ зломъ, и установимъ, поскольку онъ цѣлесообразны.

Мѣры эти—двухъ видовъ. Первымъ является занесеніе въ рабочую книжку, въ отдѣлъ «внутренняго распорядка», параграфа, гласящаго: «Во избѣжаніе взрыва,—курить въ шахтѣ строго воспрещается»,—а въ «табели взысканій»—поясненія: «при обнаруженіи куренья, съ курильщика удерживается рубль штрафа и онъ немедленно получаетъ расчетъ». Второй мѣрой являются неожиданные обыски спускающихся въ шахту рабочихъ, производимые штейгерами и инженерами. Все это ведетъ къ тому, что рабочіе и администрація превращаются въ два враждующихъ лагеря, изъ которыхъ—первый старается «провести», «обставить», а второй «накрыть его, каналю». А такія взаимоотношенія едва ли могутъ привести къ благимъ результатамъ. Если же прибавить къ этому сообщенія корреспондента «Рѣчи» (№ 152, отъ 27 іюня) о появляющихся въ послѣднее время объявленіяхъ вродѣ нижеслѣдующаго: «воспрещается касаться столбовъ подѣ страхомъ смертной казни», то можно себѣ представить, какъ серьезно пріучаются смотрѣть рабочіе на объявленія г.г. администраторовъ, и какъ въ силу этого, могутъ быть выполняемы подобныя «осгруппныя» объявленія.

Прибѣгнуть-же къ болѣе дѣйствительнымъ мѣрамъ, вродѣ, напр., популярныхъ чтеній о значеніи, происхожденіи и дѣйствиіи гремучаго газа, сопровождаемыхъ опытами для большей убѣдительности, считается излишнимъ, и если вы подымете подобный вопросъ,—васъ только высмѣютъ. Правда, послѣ одного изъ взрывовъ былъ разговоръ на съѣздѣ горнопромышленниковъ о популярной брошюрѣ по поводу взрывовъ, которую-де надо написать, издать и широко распространить въ средѣ рабочихъ. Но, насколько мнѣ извѣстно, брошюры этой въ средѣ рабочихъ нѣтъ. Видимо изданіе осталось однимъ изъ тѣхъ добрыхъ пожеланій, которыми, говорятъ, адъ вымощенъ.

Но если мы допускаемъ возможность взрыва отъ куренья, то въ такой-же мѣрѣ онъ возможенъ и отъ неисправной предохранительной лампы, и отъ неисправныхъ проводовъ электрической машины, служащей для взрыванія порохомъ и динамитомъ угля и сопровождающихъ его породъ, и отъ неправильности самаго способа взрыванія. А главное,—и это особенно важно,—всѣ причины взрывовъ, указанные выше, возможны лишь въ томъ случаѣ, когда слаба вентиляция, т. е. когда замѣна испорченнаго воздуха свѣжимъ въ копяхъ настолько слаба, что въ подземномъ воздухѣ успѣваетъ собраться достаточное для взрыва процентное содержаніе гремучаго газа, а также съ меньшей силой взрывающей угольной пыли.

Посмотримъ-же, въ какомъ состояніи находятся на рудникахъ

Донецкаго бассейна: а) вентиляція, б) машинки для взрываія, с) каковъ способъ взрываія и, наконецъ, d) насколько аккуратно заправляются лампы, спеціально предназначенныя для работъ въ копяхъ, гдѣ выдѣляется гремучій газъ.

Начнемъ съ того, что вентиляція на большинствѣ рудниковъ Донецкаго бассейна находится въ самомъ возмутительномъ состояніи. Въ то время, какъ на Западѣ недавно для вентилированія примѣняются машины, нагнетающія свѣжій воздухъ внутрь шахтъ или высасывающія испорченный, способъ вентилированья на нашихъ рудникахъ самый примитивный. Все происходитъ «естественнымъ» путемъ, на основаніи различія температуръ воздуха внутри и снаружи шахтъ. Зимой воздухъ шахтъ теплѣе внѣшняго воздуха, и обмѣнъ происходитъ довольно полно; лѣтомъ-же, особенно въ періодъ, когда наступаетъ «равновѣсіе» температуры,—обмѣнъ падаетъ до того, что въ шахтахъ едва горятъ лампы. Кромѣ того, въ мѣстахъ, гдѣ работаютъ водоотливныя машины, температура и лѣтомъ и зимой—убійственно высокая. Высока она и въ колодцахъ углубляемыхъ шахтъ.

Все это—явленія почти повсемѣстныя. Исключеніе составляютъ лишь нѣсколько наибѣе крупныхъ рудниковъ, какъ, напр., копи Южно-Русскаго о-ва, при ст. «Горловка», гдѣ давно шахты вентилируютъ машинами.

Не лучше дѣло обстояло и на обихъ шахтахъ въ періоды взрывовъ. «Насколько совершенна была вентиляція шахты «Иванъ» (наканунѣ взрыва), пишетъ г. Горный Техникъ,—видно изъ того, что вмѣсто законнаго $\frac{1}{2}\%$ газа въ воздухѣ, его зачастую было 3% » *), а это—норма слишкомъ близкая къ $\%$, когда взрывъ при малѣйшей неосторожности становится неминуемымъ. Тоже и на Рыковскомъ рудникѣ: «Исслѣдованіе выяснило, что шахты Рыковского рудника старыя, всегда отличались обиліемъ газовъ,—пишетъ корреспондентъ «Русск. Слова»,—*рабочіе жаловались на плохую вентиляцію.* (курс. мой. Л. Л.) **). Что вентиляція была очень плоха, видно и изъ факта, что «взрывъ несомнѣнно сопровождался повторными взрывами угольной пыли» ***), чего не могло быть при хорошей вентиляціи.

И шахта «Иванъ», и шахты Рыковского о-ва,—старыя, переполненныя гремучимъ газомъ,—на перебой утверждаютъ газеты, да я и самъ это знаю. Это бочки съ порохомъ, готовыя взорвать при первой брошенной искрѣ, и предприниматели должны были сдѣлать все зависящее для хорошей вентиляціи. Почему-же не предпринимались мѣры для пониженія $\%$ пыли и гремучаго газа до безопасной нормы? Почему не ставились машины, примѣняемыя на

*) «Сынъ Отеч.», № 103, отъ 16 іюня 1905 г.

**) Цит. по «Совр. Слову», № 246, 26 іюня 1908 г.

***) Ibidem.

Западѣ? Почему,—спрашиваемъ мы. Потому,—отвѣчаетъ корреспондентъ «Русск. Вѣд.» *), что «предприниматели, стараясь возможно скорѣе и возможно дешевле выжать всѣ соки изъ шахты, считали излишними затраты на всякія усовершенствованія»...

Итакъ, несомнѣнно, что вентиляція въ шахтахъ вполне благоприятна для взрыва. Но, можетъ быть, въ остальномъ было сдѣлано все, могущее препятствовать взрыву, и онъ могъ произойти *только* по небрежности рабочихъ въ обращеніи съ огнемъ?—Посмотримъ.

Корреспондентъ «Русск. Слова» сообщаетъ о Рыковскомъ рудникѣ:—«Взрывъ могъ произойти *отъ неисправности электрическихъ проводовъ, о чемъ говорили, но поправку, по словамъ рабочихъ, отложили до воскресенья* **). Какъ видите,—и второе условіе безопасности работъ выполнено не было. Мало того. *Несмотря на предупрежденіе* о неисправности проводовъ, ежеминутно могущихъ вызвать взрывъ,—администрація находитъ возможнымъ отложить поправку ихъ до праздника, дабы не останавливать и не задерживать работы,—вѣдь простой въ работѣ стоитъ денегъ,—и отправляетъ внивъ рабочихъ въ числѣ 400 человекъ, рассчитывая, что «авось обойдется».

Далѣе—взрываніе шпуровъ динамитомъ. «Причина, вызвавшая взрывъ на ш. «Иванъ»,—говоритъ г. Горный Техникъ ***)—по предположеніямъ была слѣдующая: предъ смѣной спустился одинъ изъ десятниковъ для обрушенія кровли выработаннаго пространства, но вмѣсто того, чтобы заложить 6 фунтовъ динамита въ шпуръ (спеціально высверливаемый цилиндрическія углубленія, Л.Л.) въ кровлѣ, тамъ просто привязывали все количество динамита къ стойкѣ, чтобы не дѣлать шпуровъ, хотя по закону этого и нельзя. Отъ сотрясенія воздуха кровля садилась, но въ данномъ случаѣ полагаютъ, что часть динамита загорѣлась, а этого достаточно для взрыва».

Такова «система». Хотя по закону и нельзя, но динамитъ *привязывали* къ стойкѣ и взрывали. Привязывали... Это указываетъ на повторяемость дѣйствія. Почему привязывали?—Очень просто: высверливанье отверстій стоитъ денегъ,—и вотъ, снова, съ рискомъ лишить жизни свыше 300 человекъ, продѣлывается ради экономіи недопустимая, непростительная вещь. Кто виновать здѣсь? Десятникъ? Но развѣ администрація можетъ не знать, какъ производится взрыванье? Не можетъ и не смѣетъ не знать.

Не можетъ не знать ужъ потому, хотя-бы, что всюду десятники подаютъ свѣдѣнія и рапорты ежедневно, изъ которыхъ видно работали-ли люди надъ данной работой; не говоря уже о томъ, что сами представители технического надзора назначаютъ на всѣ виды

*) «Русск. Вѣд.», № 152, отъ 2 іюня 1908 г.

**) Цит. по «Совр. Слову», № 246, отъ 26 іюля 1908 г.

***) Выше отмѣч. «С. О.», № 103.

рабочихъ во время «наряда». *Не смѣетъ не знать*, ибо работа слишкомъ отвѣтственна по связанной съ нею возможности катастрофы, слишкомъ серьезна, чтобъ не заинтересоваться, какъ она выполняется.

И администрація *знаетъ*. Мы въ этомъ не сомнѣваемся.

Но посмотримъ дальше: какъ поставлены ламповыя отдѣленія, выдающія рабочимъ лампы на «газовыхъ» шахтахъ Донецкаго бассейна? Вѣдь сплошь и рядомъ вину во взрывѣ видятъ въ небрежномъ обращеніи рабочаго съ лампой: «стекло-де разбилось... Ну—и взрывъ».

И на этотъ вопросъ намъ не придется дать положительнаго отвѣта. Какъ и другія стороны рудничныхъ оборудованій, перечисленные выше, ламповыя отдѣленія стоятъ далеко не на требуемой высотѣ.

Начать съ того, что лампы заправляютъ обыкновенно мальчуганы, часто не достигшіе 12—13 лѣтъ, — «хотя по закону этого и нельзя». Много ли можно требовать отъ такого мальчугана? Къ тому-же, помимо сперттой, пропитанной парами бензина атмосферы, въ которой происходитъ наливка лампъ, и которая такъ сильно истомляетъ, — немислимо тщательное выполненіе «заправки лампы» и въ силу ненормальной длины рабочаго дня. Мальчуганы сплошь и рядомъ, опять-таки «вопреки закону», работаютъ по 10—11 час. Больше того: «на одномъ осмотровомъ нами рудникѣ малолѣтніе работаютъ въ двѣ смѣны *днемъ и ночью*, по *двѣнадцати часовъ каждая*. Впрочемъ, если точнѣе высчитать, то рабочій день выразится цифрой много большей двѣнадцати... На мой вопросъ, когда дѣти приходятъ, завѣдывающій ламповымъ отдѣленіемъ отвѣтилъ, что обязаны они приходиться въ 6 ч. утра или вечера и уходить въ 6 ч. вечера или утра (въ зависимости отъ того, дневная или ночная смѣна), «Впрочемъ,—добавилъ онъ,—многіе по своему желанію (?) приходятъ ранѣе, часовъ съ 4-хъ» *)

Само собой понятно, что истомленные ребяташки едва-ли способны дѣйствительно тщательно заправить лампу и замѣтить, не прорваны-ли гдѣ либо сѣтки. Не можетъ усмотрѣть за этимъ при выдачѣ и взрослый персоналъ, который, — въ лицѣ 2—3 человекъ, — обязанъ принять 300—400 лампъ отъ возвращающихся рабочихъ и выдать столько-же спускающимся — въ теченіе какихъ-нибудь 1½—2 часовъ.

И, дѣйствительно дѣло съ лампами обстоитъ не блестяще: «это фактъ вѣсѣмъ извѣстный, — говоритъ г. Горный Техникъ по поводу взрыва въ ш. «Иванъ», — что изъ 500 предохранительныхъ лампъ съ магнитными затворами, чтобъ рабочіе не могли открывать ихъ, только около 50 штукъ были въ исправности; всѣ же остальные свободно открывались руками, чему я самъ былъ сви-

*) См. мою статью „Условія труда горнор.“, указанную выше..

дѣтелемъ»... *) При томъ взглядѣ, какой существуетъ среди администраціи на безпечность рабочихъ, явленіе это—вещь буквально недопустимая; ибо если возможно куренье папирозъ, то, значить тѣмъ болѣе возможны случаи зажиганія лампъ «своими средствами»; чтобъ не терять времени въ ожиданіи прихода лампоноса, для обмѣна потухнувшей лампы на горящую.

Но неисправность лампъ идетъ несравненно далѣе. Вотъ что говоритъ г. Газадиновъ *) по поводу того-же взрыва.

«Когда было еще свѣжо въ памяти у всѣхъ начальствующихъ лицъ воспоминаніе о взрывѣ (1898 г.), завѣдывающей шахтой инженеръ Быковъ требовалъ, чтобы стекла и асбестовые кружки выписывались въ изобилии; стекла были съ шлифованными концами; благодаря чему они и безъ асбестовой прокладки плотно приставали къ тѣлу лампы, а съ прокладкой, конечно, ни въ какомъ случаѣ не могли пропустить рудничнаго воздуха внутрь лампы **). Но со временемъ воспоминаніе о прошломъ взрывѣ... перестало дѣйствовать благотворно на порядки ламповаго двора... Была выписана партія стеколъ, предназначенныхъ не для лампъ Вольфа, а для маслянокъ паровыхъ машинъ (!). Стекла эти почти всѣ были съ косыми концами и даже прокладка изъ 2—3-хъ асбестовыхъ колець не была иногда достаточна, чтобы сдѣлать лампу герметически запертой (а значить, и вполне безопасной Л. Л.). Кромѣ того, для большаго прижиманія стекла къ кольцамъ, приходилось употреблять ламповщику значительное физическое усиліе, отчего многія стекла давали трещины и пропускали воздухъ... до 30% изъ нихъ (стеколъ) еще новыя были уже не годны для употребленія и подлежали уничтоженію».

Вы думаете, что стекла эти—уничтожались, замѣнялись новыми? Что выписали, можетъ быть, ихъ по ошибкѣ,—и, разсмотрѣвъ, достали настоящія стекла, предназначенныя для лампъ Вольфа, а не косыя—отъ маслянокъ паровыхъ машинъ? Нѣтъ. Стекла отъ маслянокъ продолжали играть роль «стеколъ настоящихъ». Но и этого мало.

«Съ 1 октября 1904 г. завѣдывающей шахтой и штейгера стали участниками въ прибылахъ о-ва: они должны были получать съ удешевленія стоимости угля, т. е. съ уменьшенія расходовъ... Началось соблюденіе экономіи и на ламповомъ дворѣ: стеклѣ отпущалось такое количество, что о бракованіи ихъ можно было думать лишь изрѣдка... Асбестовые кружки отпускались въ ничтожномъ количествѣ (50 кружковъ на смѣну въ 400 лампъ), такъ что

*) См. выше указ. корresp. въ „С. О“...

**) См. цитир. выше статью его, помѣщ. въ „Вѣстн. Юга“.

***) Воздухъ долженъ поступать въ лампу только черезъ проволочныя сѣтки, надѣтыя на стекло. Чтобъ воздухъ не проникалъ возлѣ стекла, тамъ гдѣ оно соприкасается съ „тѣломъ“ лампы,—кладется кружокъ изъ асбеста. Л.Л.

ламповщики должны были одинъ и тотъ же кружокъ, превращающійся въ тряпку послѣ 3—4 разъ употребленія, пускать въ дѣло еще 3—4 раза. Кружокъ, наконецъ, превращался въ рядъ кусочковъ, которые складывались ламповщиками и—шли въ дѣло. Понятно, между кружками всегда были заторы, пропускавшіе воздухъ. Тѣмъ не менѣе, ламповщикъ отдавалъ такую лампу рабочему и послѣдній отправлялся въ надшахтное зданіе гдѣ долженъ былъ спуститься въ шахту».

Не думайте, что картина, рисуемая г. Газадиновымъ, исключеніе. То же самое наблюдалъ я въ 1904 году на Ольховскомъ р-гѣ Успенскаго о-ва; то же самое продѣлывается на большинствѣ рудниковъ Донецкаго бассейна,—въ различныхъ варіаціяхъ, конечно. Но картина еще не закончена.

«Въ надшахтномъ зданіи каждая лампа подвергается осмотру со стороны вентиляціоннаго десятника,—говоритъ далѣе г. Газадиновъ. Десятникъ беретъ у рабочего лампу и дуетъ на асбестовый кружокъ: если пламя не колышется, то, значитъ, лампа заперта герметично, въ противномъ случаѣ—рабочій возвращается въ ламповый дворъ, гдѣ ему снова готовятъ лампу» Но, само собой, такой примитивный способъ осмотра не можетъ дать хорошихъ результатовъ, тѣмъ болѣе, что одному человѣку приходится продувать «не 400 лампъ, а поменьшей мѣрѣ, 700, такъ какъ многіе рабочіе по 4, 5 разъ должны бѣгать изъ ламповаго зданія въ надшахтное и обратно». Такъ какъ десятникъ человѣкъ, а не кузнечный мѣхъ, то при всемъ его усердіи «многія лампы все-таки были негодны для спуска въ шахту, но... рабочіе часто спускались съ такими лампами и до поры, до времени все было благополучно», пока въ концѣ концовъ «случай» не унесъ свыше 300 жизней.

Таковъ уголокъ картины рудничныхъ порядковъ. Безобразная вентиляція... неисправные провода электричества... беззаконные способы эксплуатаціи шахтъ и взрыванія динамитомъ... неисправность лампъ и десятки другихъ недочетовъ,—все это ждетъ на одномъ и томъ же фундаментѣ,—экономіи въ цѣляхъ наживы. Но и этого мало.—Вотъ, что говоритъ г. Горный Техникъ *) о взрывѣ на ш. «Иванъ»: «Рабочіе бѣгутъ съ этой шахты-могилы на сосѣдніе рудники и бѣгутъ не потому, что боятся въ ней работать снова, но они утѣряютъ (курс. вездѣ мой Л. Л.), что въ одной части шахты произошелъ пожаръ еще 15 апрѣля (т. е. за 7 недѣль до взрыва Л. Л.)—юрятъ колчеданистыя породы; объ этомъ даже главная контора не знаетъ, кромѣ инженера, который ею завѣдуетъ. Говорятъ, что десятники получили по 10 рублей за молчаніе»... Мы не знаемъ, что открыла тамъ комссія, знаемъ только, что сообщеніе это опровергнуто не было.

*) См. выше цит. статью...

Во всемъ этомъ ужъ не можетъ быть рѣчи о «случайности» или пресловутой винѣ рабочаго. Нѣтъ, дѣло идетъ о *сознательной ставкѣ* на карту сотенъ человѣческихъ жизней, въ погонѣ за наживой, — будь то «премія» для администраціи или дивидендъ для участниковъ предпріятій.

До какихъ поръ будетъ это продолжаться? Неужели и теперь эти новыя 400 жертвъ ни на іоту не измѣняютъ положенія дѣлъ на рудникахъ Донецкаго бассейна?

Назначены комиссіи на Рыковскій рудникъ; д. ст. сов. Коцовскій командированъ министерствомъ промышленности и торговли для обревизованія всѣхъ вообще горныхъ округовъ Донецкаго бассейна, — для выясненія вопросовъ: 1) «насколько въ мѣстныхъ копанияхъ, выдѣляющихъ рудничный газъ, осуществлены мѣры противъ взрывовъ, 2) въ какой мѣрѣ какъ горное управленіе, такъ и горный надзоръ выполнили свою задачу при введеніи въ жизнь означенныхъ мѣръ, и 3) какое вліяніе оказало на улучшеніе надзора за безопасностью горныхъ работъ усиленіе штата горной инспекціи и насколько правильно распределены работы между чинами горнаго надзора» *), — словно сами факты взрывовъ не достаточно доказательно говорятъ о томъ, что на рудникахъ «не все благополучно»; словно мало говорили газеты въ 1905 г. при взрывѣ въ шахтѣ «Иванъ»; словно, наконецъ, г. Коцовскій въ 1905 г. не ѣздилъ съ той же миссіей и не собралъ убійственныхъ матеріаловъ, «обнаружившихъ халатное отношеніе администраціи рудниковъ къ элементарнѣйшимъ предохранительнымъ мѣрамъ» и дававшихъ богатѣйшія данныя для привлеченія къ отвѣтственности администраторовъ многихъ рудниковъ, а безконечныя комиссіи — точно не разслѣдовали «причинъ» и въ 1905 и до 1905 г.

Да, ѣздилъ и г. Коцовскій, ѣздили и комиссіи въ 1905 г... Что же сдѣлано за 3½ года? — Ничего.

Мало-ли говорилось о спасательныхъ станціяхъ? Обь организаціи спасательныхъ артелей? И что-же? На богатѣйшемъ рудникѣ бассейна, Рыковскомъ, гдѣ шахты переполнены газомъ, — *не имѣлось своей артели для спасанія*. Мало того: на рудникѣ *не было своихъ аппаратовъ для работы въ удушливыхъ газахъ!* Только въ восьмомъ часу извѣстили о несчастии соседнюю станцію, и лишь черезъ 1½ часа послѣ извѣщенія прискакали служащіе ея, сдѣлавъ 12 верстъ. Всего оказалось 19 аппаратовъ. Что-же нашли на рудникѣ спасатели? «Прибывшая спасательная станція нашла полную растерянность... *Не было плана шахты* (кур. мой. Л. Л.), и это очень затрудняло работы станціи... Не было людей съ аппаратами отъ рудника... обученной рудничной команды владѣльцы рудниковъ не имѣли» **). И 19 человѣкъ должны были спасти 400,

*) „Совр. Слово“, № 247, отъ 27 іюня 1908 г.

**) „Приднѣпр. Край“, № 3413, отъ 26 іюня 1908 г.

Августъ. Отдѣлъ II.

работая въ условіяхъ, гдѣ болѣе 3-хъ часовъ никто не выдерживалъ. А смѣны не было, ибо не было подготовленныхъ людей.

Вдобавокъ ко всему, въ виду отсутствія плана шахты,—нельзя было приступить къ спасанію, пока пришедшій въ себя помощникъ управляющаго не набросалъ схематическаго плана. И въ то время какъ артель спасательной станціи вынужденно бездѣйствовала,—хотя каждый моментъ былъ дорогъ,—тамъ, глубоко подъ землею, во тьмѣ, въ удушливомъ воздухѣ шла мучительная борьба за жизнь.

«Положеніе многихъ труповъ,—отмѣчаетъ корреспондентъ «Южнаго Края» *),—указывало на борьбу съ газами; люди *искали* спасенья, а не были убиты на мѣстѣ. Много труповъ нашли лежащими ничкомъ, точно люди всасывали изъ земли воздухъ, не хватавшій имъ для дыханія... Нѣкоторые лежали лицомъ въ небольшихъ выбоинахъ, гдѣ скопилась вода, точно въ лужахъ этихъ они искали источникъ жизни... Было найдено восемь рабочихъ необожженныхъ, лежащихъ на землѣ и закрывавшихъ лицо тряпками, которые они мочили (въ шахтѣ было мокро) и накрывали головы... Были сидящіе на землѣ, лежавшіе съ потушими фонарями въ рукахъ, были застывшіе съ рукою, творившей крестное знаменіе» **)

Артель работала самоотверженно. Но что могли сдѣлать 19 человекъ при такихъ условіяхъ! Къ тремъ часамъ утра, перерутомленные рабочіе артели прервали работу до 5; замѣнить было некъмъ. А въ 5 утра, возобновивъ работу, нашли 11 человекъ, закрытыхъ брезентомъ. «Они были живы, не получили поврежденій, но психическое состояніе ихъ было печально»... Нѣкоторые сошли съ ума. «При болѣе благоприятныхъ условіяхъ можно было-бы спасти много больше народу» ***), замѣчаетъ пишущій.

А на поверхности все время творилось нѣчто не поддающееся описанію. «Жены и дѣти съ воплями и причитаніями окружали шахту». «Возгласы сливались въ какой-то потрясающій хаосъ и неслись въ вечернемъ воздухѣ все выше и выше, вмѣстѣ съ заунывнымъ, тревожнымъ гудкомъ». Артель начала работать. Снова ввѣрхъ и внизъ клѣтки, и несли, несли изуродованныхъ, мертвыхъ людей, складывая ихъ прямо на эстакады. «Часть толпы рванулась туда и съ ужасомъ отступила...тамъ лежали голые, искаженные трупы, всѣ обгорѣвшіе, съ растрескавшейся кожей, многіе безъ головъ»...

Сколько погнбло тамъ? Триста? Четыреста?—Отвѣтить трудно, Говорятъ, гробовъ заказано триста. Но смѣна была около 400, и въ этихъ цифрахъ надо считать погибшихъ.

Говорю «въ этихъ цифрахъ», ибо въ Донецкомъ бассейнѣ есть тенденція скрывать и умалять количество жертвъ, съ цѣлью осла-

*) Цит. по „Совр. Сл“, № 248, отъ 28 іюня.

***) „Придн. Край“, № 3413, отъ 26 іюня 1908.

***) Ibidem.

бить впечатлѣніе. Такъ при первомъ взрывѣ на томъ же Рыковскомъ рудникѣ «послѣ взрыва погибшихъ было показано 62—64 человекъ, а въ теченіе года похоронили тайкомъ, ночами, еще человекъ 30». Въ ш. «Иванъ» въ 98 г. указали погибшихъ 72 человекъ, а по подсчету рабочихъ не хватало 150 человекъ. Въ 1905 г. въ той же шахтѣ указали погибшими «свыше ста», а по даннымъ десятниковъ погибло не сто, а свыше 300, да и гробовъ администрація заказала 300, *только въ разныхъ мѣстахъ...* (С. О. № 103).

Хоронили погибшихъ торжественно... «На панихидѣ былъ представитель Совѣта съѣзда горнопромышленниковъ Юга Россіи, депутація Совѣта съѣзда, директора и управляющіе рудниковъ, чины горнаго правленія» — и... приличное количество казаковъ. Такъ что когда кто-то изъ рабочихъ попытался сказать рѣчь, — ...«къ нему двинулась полиція», и только вмѣшательство толпы избавило его отъ зреста.

Депутація отъ Совѣта съѣзда горнопромышленниковъ... Вънокъ отъ этихъ представителей... для мертвыхъ,—и ничего для живыхъ.

Взгляните хотя-бы на исторію съ испытательной станціей, для изслѣдованія газовъ въ Донецкомъ бассейнѣ. Еще на XXVII съѣздѣ въ 1901 г. ассигновано было 12.678 р. на устройство этой станціи. Въ трудахъ съѣзда XXVIII (съ 1-го сент. 1902 по 1-е сент. 1903 г.) въ отчетѣ ревизіонной комиссіи значится, что по этой статьѣ «расходовъ произведено не было». *) Ассигновку перенесли на слѣдующій годъ, но и въ «трудахъ XXIX съѣзда читаемъ снова, что 12.678 р., ассигнованные на устройство испытательной станціи, остались не тронутыми **), хотя всѣ остальные ассигновки, вплоть до взноса «Торгово-промышл. газеты» 6000 р.—выполнены сполна, а на организацію съѣзда, такъ даже съ перерасходомъ въ 3 тыс. р. (вмѣсто 12 т. 15.575 р.).

«Торгово-Промышл. Газетѣ» внесли 6.000 руб., хотя въ то же время имѣлся «свой» органъ,—«Горно заводскій Листокъ», давшій 8549 р. съ копѣйками убытку, а станціи строить не начали. Не выстроена она и посейчасъ, несмотря на то, что «43.485 руб. необходимые для оборудованія станціи *уже даны правительствомъ* и углепромышленники должны будутъ нести расходъ по содержанію станціи не болѣе чѣмъ въ 11½ тысячъ руб. въ годъ» ***).

Говорятъ,—виновато въ несчастьяхъ то обстоятельство, что многими рудниками завѣдуютъ французы, [не говорящіе по-русски, что русскіе инженеры служатъ только «громоотводомъ», не имѣя права вмѣшиваться въ дѣло. Иначе, де, они совсѣмъ по иному дѣло вели-бы. Но—правда-ли это? Мы знаемъ, напр., Рутченковскія копи (при ст. Юзово), гдѣ инженеръ французъ, г. Лебрентъ,—

*) «Труды 28 съѣзда Горн. Юга Россіи», Т. II, стр. 5.

**) «Тр. съѣзда XXIX». Отч. Рев. Комиссіи, стр. 3—4...

***) «Совр. Сл.» № 244 отъ 24 іюня 1903 г.

помощникъ директора,—нашелъ необходимымъ вывѣсить объявленіе, требующее *отъ русскихъ инженеровъ* обязательнаго посѣщенія шахтъ *не рѣже 2 разъ въ недѣлю*, если память мнѣ не измѣняется.

Да и мало-ли рудниковъ съ русской администраціей, гдѣ царятъ ничѣмъ не лучшіе порядки. Впрочемъ, что-же удивляться. Экономія за счетъ человѣческихъ жизней проникаетъ всю систему рудничнаго хозяйства; отражается она и на техническомъ надзорѣ, почти отсутствующемъ. Въ то время, какъ на Западѣ на 25 рабочихъ полагается десятникъ, на 2-хъ десятниковъ — штейгеръ, на 2-хъ штейгеровъ — оберъ-штейгеръ и т. д. *) у насъ сплошь и рядомъ одинъ штейгеръ завѣдываетъ 5—6 шахтами, посѣщая каждую не чаще раза въ недѣлю и сваливая всю работу на десятниковъ, часто неграмотныхъ, и имѣющихъ очень смутное представленіе о теоріи горнаго искусства.

Такова ужасная, угнетающая картина жизни рудниковъ. Такова *дѣйствительная* причина несчастій. И ни параграфы рабочихъ книжекъ, ни комиссіи, посылаемыя министерствами для очистки совѣсти, ничего въ ней не измѣняютъ.

Левъ Либерманъ.

Хроника внутренней жизни.

1. Общественныя силы „Слова“. Успокоеніе объявлено. Требованіе реформъ.—
2. Реформы г. Столыпина и политическая неблагонадежность.—
3. Тайны бакинской юстиціи и другія тайны. Ванька Каннъ. Эпидемія „воровства“. Матеріальныя и моральныя опустошенія.

«Правительство не довѣряетъ странѣ... Страна попрежнему не довѣряетъ бюрократіи... Но худой миръ лучше доброй ссоры. Приходится найти *modus vivendi* и какъ-нибудь ужиться, и какъ-нибудь работать вмѣстѣ... Общественныя силы готовы работать вмѣстѣ съ правительствомъ... Правительство и страна могутъ быть въ какихъ угодно натянутыхъ отношеніяхъ, но волею судебъ и велѣніемъ исторіи имъ теперь приходится идти на совмѣстную работу...»

Такъ пишетъ «Слово» **), стоявшее, между прочимъ, въ центрѣ петербургскихъ славянскихъ торжествъ и въ центрѣ «перваго все-россійскаго» съѣзда журналистовъ, — не того перваго, который былъ

*) „De la condition des ouvriers dans les mines“, р. K. Delcourt, р. 4.

***) № отъ 22 іюля.

въ 1905 г., а другого «перваго», бывшаго лѣтомъ 1908 г. Газета не объясняетъ, которыя именно «общественныя силы» «готовы работать съ правительствомъ» при условіи «какихъ угодно натянутыхъ отношеній» между нимъ и страной. Тѣ ли это «силы», которыя участвовали въ славянскихъ торжествахъ, тѣ ли, которыя участвовали въ съѣздѣ журналистовъ, или какія какія-нибудь другія? Признаться, я лично затруднился бы отыскать эти «силы» даже въ мѣстахъ, совершенно близкихъ къ «Слову». Названная газета «выходитъ въ изданіи и подъ редакціей М. М. Ѳедорова» и въ ней «принимаютъ—какъ значитъ въ объявленіяхъ—ближайшее участіе»: К. К. Арсеньевъ, И. В. Жилкинъ, М. М. Ковалевскій и др. Даже если ограничиться этими тремя именами, было бы рискованно утверждать, что всѣ они одинаково «готовы». Наверное, даже среди ближайшихъ сотрудниковъ «Слова» далеко не всѣ «готовы». Правда, нѣкоторые изъ числа тѣхъ же сотрудниковъ, видимо, совершенно приготовились. По крайней мѣрѣ, они сами объ этомъ печатно заявляютъ. Удивительно, однако, что даже «готовые» сотрудники г. Ѳедорова, по ихъ собственнымъ словамъ, сами еще не знаютъ, для какой надобности они предлагаютъ свои услуги, «Какія же—спрашиваетъ «Слово» въ той же статьѣ, гдѣ говорится о совмѣстной работѣ, — государственныя задачи ставить передъ собою бюрократія? Какія положительныя государственныя дѣла преслѣдуетъ, помимо чисто отрицательнаго успокоенія и мелкихъ и крупныхъ попытокъ реставраціи? Гдѣ программа?»

— Что прикажете дѣлать, ваше превосходительство?—съ такимъ, говоря коротко, вопросомъ обращаются «общественныя силы» «Слова» къ бюрократіи. Даже не къ правительству, а именно къ бюрократіи. И даже не просто, «что дѣлать», а что дѣлать «помимо успокоенія и попытокъ реставраціи»... Возможно, однако, и даже наиболѣе вѣроятно, что со стороны «Слова тутъ не столько серьезное предложеніе услугъ, сколько маленькая военная хитрость, впрочемъ, совершенно благонамѣренная, и въ то же время, вполне либеральная. Кстати сказать, эта маленькая военная хитрость пущена въ ходъ другими періодическими изданіями, также совершенно благонамѣренными и во же время вполне либеральными. И заключаетъ она вотъ въ чемъ.

Недавно оффиціозное «Петербургское Телеграфное Агентство» разослало циркуляръ своимъ корреспондентамъ. По циркуляру агентства, «страна все больше переходитъ къ нормальному состоянію, къ здоровой и мирной жизни, свободной отъ революціонныхъ проявленій»; а посему корреспонденты «приглашаются сообщать въ своихъ телеграммахъ все, что характеризуетъ мирную созидательную работу общественныхъ силъ...», что характеризуетъ укрѣпленіе религіознаго чувства, поднятіе нравственности населенія, пробужденіе въ немъ національнаго самосознанія въ духѣ русской государственности, проявленіе со стороны общественныхъ учрежде-

ній и группъ населенія довѣрія къ правительственной власти и ея органамъ и готовность идти навстрѣчу правительственнымъ мѣропріятіямъ *)). Почти одновременно съ этимъ циркуляромъ въ англійской печати черезъ посредство г. Стэда было опубликовано категорическое мнѣніе самого г. Столыпина, что успокоеніе наступило. И почти одновременно съ этими мѣропріятіями появились свѣдѣнія о достигнутомъ уже якобы соглашеніи между парижской биржей и русскимъ правительствомъ относительно новаго займа «въ размѣрѣ 800 милліоновъ франковъ для оплаты свѣдѣтельствъ казначействъ, срокъ уплаты по которымъ наступаетъ въ 1909 г.; если же казначейству понадобятся средства и для другихъ цѣлей, то сумма займа будетъ увеличена» **). Достигнуто соглашеніе или не достигнуто, — судить не будемъ. Но свѣдѣтельства казначейства, дѣйствительно, надо будетъ оплатить, и «средства для другихъ цѣлей», дѣйствительно, могутъ понадобиться. Безъ новой финансовой комбинаціи, и притомъ довольно крупной, и не даѣе какъ въ 1909 г., дѣло, во всякомъ случаѣ, не обойдется. И предписывая своимъ агентамъ доставить, такъ сказать, документальное доказательство успокоенія и «созидательной работы общественныхъ силъ», Петербургское Агентство поступаетъ вполне предусмотрительно, согласно дѣловой и коммерческой обстановкѣ неизбѣжныхъ въ ближайшемъ будущемъ операцій. Ну, а въ либеральныхъ изданіяхъ сидятъ тоже хитрые люди. Агентамъ предложено писать сочиненіе на тему: «страна переходитъ къ нормальному состоянію». «Слово», волнуясь и спѣша, огрубляетъ и заостряетъ мысль офиціознаго заданія:

«Успокоеніе уже наступило. Этого никто отрицать не можетъ».

Понимаете, — правительство обѣщало: сначала успокоеніе, потомъ реформы, и вотъ — восклицаетъ «Слово»:— «туманы разсѣялись, вопросъ (о реформахъ) выступаетъ ярко и опредѣленно, и отвѣтъ на него требуется ясный и недвусмысленный» ***). Поймали-таки, наконецъ, г. Столыпина. И нѣтъ ему теперь никуда выхода. Хочешь или не хочешь, а реформы начинай... Повторяю, этотъ шагъ и матъ объявляли правительству разные органы либеральнаго направленія и, между прочимъ, по случаю того же циркуляра Пет. Аген. И оригинальность «Слова» заключается лишь въ томъ, что оно отъ собственнаго, Богомъ даннаго разума прибавило «общественныя силы, готовые работать вмѣстѣ съ правительствомъ». Это, такъ сказать, дополнительный аргументъ, — заслонъ, окончательно преграждающій противнику пути отступленія. И если кто находитъ этотъ аргументъ слишкомъ убійственнымъ, тому приходится

*) Цит. по „Одесскимъ Новостямъ“, 19 іюля.

***) „Современное Слово“, 22 іюля.

***) „Слово“, 22 іюля.

пенять не столько на отсутствие у «Слова» добрых намерений, сколько на Господа Бога.

Во всякомъ случаѣ требованіе реформъ по причинѣ «признаваго» успокоенія предъявлено было сразу энергично со стороны многихъ изданій. И «Россія» соблаговолила отвѣтить:

Нѣтъ спора, страна должна имѣть просвѣщенныхъ пастырей... Нѣтъ спора, что всеобщее обученіе является необходимою, и что сельскіе учителя должны быть обезпечены содержаніемъ и пенсіями... Нѣтъ спора, что число среднихъ и высшихъ школъ должно быть увеличено. Конечно, надо построить много новыхъ путей сообщенія, рельсовыхъ и колесныхъ, и упорядочить водяныя. Разумѣется, наши моря нуждаются въ новыхъ промѣрахъ, въ маякахъ и портахъ. Наша бѣдная армія нуждается въ очень многомъ... Нашъ флотъ — также. Наше населеніе посѣщенныхъ неурожаемъ губерній нуждается въ общественныхъ работахъ. Огромныя богатства Россіи нуждаются въ подробномъ изученіи, изслѣдованіи и описаніи... Наконецъ, охрана жизни и имущества гражданъ требуетъ увеличенія числа судебныхъ работниковъ, увеличенія полиціи, увеличенія тюремъ... *).

«Спора нѣтъ», «наше населеніе» нуждается также въ чистой, здоровой питьевой водѣ и въ правильныхъ методахъ варки пищи... Только этого напоминанія, пожалуй, и недостаетъ, чтобы явная насмѣшка «Россіи» зазвучала прямымъ издѣвательствомъ. Впрочемъ, послѣдній пунктъ — относительно полиціи и тюремъ — и безъ подчеркиваній звучитъ глумительно. Вы спрашиваете у правительства: «гдѣ программа» реформъ? Вотъ она. Иронія отвѣта далеко не извѣстна. Но боюсь, она до извѣстной степени заслуженна.

II.

Гдѣ программа? спрашиваетъ «Слово», спрашиваетъ «Рѣчь», спрашиваютъ и другіе органы либерализма. Спрашиваютъ вообще. Спрашиваютъ и въ раздробь, по отдѣльнымъ пунктамъ.

«Когда — писать, напр., „Рѣчь“, — какая-либо страна имѣетъ несчастье пережить военное пораженіе, она сейчасъ послѣ него развиваетъ усиленную энергію прежде всего по реорганизации арміи... (слѣдуютъ историческіе примѣры). Ничего подобнаго не замѣчается у насъ, ничего (ничто?) не свидѣтельствуетъ и о горячей реформаторской творческой работѣ, которая, казалось бы, должна кипѣть въ военномъ вѣдомствѣ. Что сдѣлано за годы, цѣлые годы, протекшіе со времени Мукдена? Ничего, или почти ничего... **)

И, однако, «за годы, цѣлые годы» со времени если не Мукдена, то переименованія князя Потемкина-Таврическаго въ Пантелеймоны-Цѣлители, сдѣлано много, очень много. Въ арміи съ немалымъ трудомъ и значительнымъ искусствомъ открыты элементы, возбуждающіе сомнѣнія относительно политической неблагонадеж-

*) Цит. по „Соврем. Слову“, 24 іюля.

**) „Рѣчь“, 22 іюля

ности, и она старательно очищена. Въ ней организованъ образцовый надзоръ за настроеніемъ умовъ какъ среди солдатъ, такъ и среди офицерства. Выработана и введена система предупредительныхъ обысковъ въ казармахъ. Выработана и введена особая новѣйшая система храненія воинскихъ припасовъ, которая позволяетъ любую часть, въ случаѣ обнаруженія въ ней волненій, совершенно отрывать отъ оружія или, по крайней мѣрѣ, оставить только при холодномъ оружіи. Въ видахъ устраненія недовольства на экономической почвѣ, значительно улучшенъ матеріальный бытъ офицеровъ и приняты мѣры къ дальнѣйшему улучшенію. Недавно открытъ подъ Новгородомъ, никому дотогѣ невѣдомый цѣлый батальонъ (около 500 человекъ) «сознательныхъ солдатъ», т. е. хотя и обнаружившихъ умственное развитіе, болѣе значительное, чѣмъ свойственно среднему солдату, но не совершившихъ поступковъ, достойныхъ заключенія въ арестантскихъ ротахъ. По отзывамъ газетъ, этотъ «сознательный батальонъ» совершенно изолированъ отъ остальной арміи, «оружія не имѣетъ, карауловъ не занимаетъ, курса стрѣльбы не проходитъ, въ лагерныхъ сборахъ не участвуетъ», и вся «воинская служба» въ «сознательномъ батальонѣ» сводится только къ фронтальному ученью *). «Сознательные батальоны» — явленіе, кажется, нигдѣ еще невиданное. И уже одно появленіе ихъ свидѣтельствуетъ, что военное вѣдомство обнаруживаетъ не только лихорадочную дѣятельность, но и остроуміе и даже творческія способности. Оно сумѣло занять умы арміи радикально перетасовкою формъ обмундировки, — пунктъ для офицерскаго состава вовсе не шуточный. Недавно изданнымъ циркуляромъ оно установило надзоръ за литературною дѣятельностью офицеровъ. Оно поставило во весь ростъ, хотя и не успѣло еще рѣшить, цѣлую проблему о совершенномъ изгнатиі лицъ, сомнительныхъ въ смыслѣ политической благонадежности, изъ порядка всеобщей воинской повинности. Благодаря системѣ генералъ-губернаторствъ, наша армія въ настоящее время располагаетъ значительнымъ кадромъ инструкторовъ, на практикѣ изучившихъ принятую гражданскимъ вѣдомствомъ систему политическаго сыска, — преимущество, которымъ не можетъ похвалиться ни одна изъ европейскихъ армій. Даже въ смыслѣ усовершенствованія оружія на случай «безпорядковъ» сдѣланъ крупный шагъ впередъ: вспомните, «во времена Мукдена» у насъ не было даже такого дѣйствительнаго противъ внутреннихъ враговъ оружія, какъ пулеметы, а теперь, говорятъ, заготовлены даже бронированные автомобили.

Разумѣется, «Рѣчь» можетъ возразить:

— Мы не объ этихъ реформахъ говоримъ, напоминая опытъ Мукдена.

Но вѣдь и «Рѣчи» могутъ возразить:

*) «Сѣверъ», 17 іюля.

— Опыт Муудена стоилъ всего половины Сахалина. Опытъ же младотурецкаго успѣха...

Или говорить о реформѣ полиціи. Правительство уже много сдѣлало въ этой области. И, не довольствуясь тѣмъ, что сдѣлано, вполне соглашается, что реформа необходима, И не только соглашается, но и общало внести соответствующій законопроектъ въ ближайшую сессію Думы. И дѣйствительно, разрабатываетъ этотъ законопроектъ, спѣшно собираетъ матеріалы примѣнительно къ своему плану. Суть «реформы», по газетнымъ свидѣніямъ, сводится къ тому, чтобы учредить: 1) особую «полицію благосостоянія», ближайшимъ образомъ подчиненную органамъ мѣстнаго «общественнаго управленія», 2) особую полицію судебную, ближайше подчиненную прокуратурѣ. Весь же наличный штатъ полиціи, подчиненной непосредственно министерству внутреннихъ дѣлъ и отдѣльному корпусу жандармовъ, обратить всецѣло на предметъ «предупрежденія и пресѣченія». Это будетъ и по размѣрамъ, и по широтѣ полномочій единственная въ мірѣ, небывалая «полиція безопасности», только безопасности, освобожденная отъ несенія всѣхъ обязанностей, кромѣ обысковъ, арестовъ, выслѣживанія и наблюденія. И, съ точки зрѣнія департамента полиціи, это, конечно, колоссальная реформа.

Правительство много и нерѣдко укоряли, что оно медлитъ реформою губернскихъ учрежденій. И оно время отъ времени выражало сочувствіе этой реформѣ, признавало ея необходимость. И не только призывало, но за послѣдніе 3 года много сдѣлало въ смыслѣ организаціи мѣстнаго управленія на новыхъ началахъ, наиболѣе приспособленныхъ все къ той же главной и основной задачѣ,—къ борьбѣ съ политической неблагонадежностью. Казалось бы, у всѣхъ на глазахъ Россія раздроблялась на такъ называемыя «сатрапіи», но сатрапіи особаго типа. Каждый въ отдѣльности вятый начальникъ, дѣйствительно, можетъ быть названъ, пожалуй, и сатрапомъ. Подобно сатрапамъ, онъ обладаетъ неограниченными правами и возможностями, но лишь постольку, поскольку на его обязанность возложено искоренять «внутреннихъ враговъ». Въ этой обязанности права и возможности провинціального администратора не такъ ужъ широки. Онъ въ сущности такое же поднадворное лицо, какъ и рядовые обыватели; онъ вынужденъ лебезить передъ союзниками, почтительно отвѣчать на неприличныя, а временами и прямо-таки наглыя замѣчанія г. Дубровина. Каждый, такъ называемый, «сатрапъ» хорошо знаетъ, о чемъ свидѣтельствуетъ примѣръ генерала Субботича, уволеннаго по доносу безъ суда и слѣдствія, безъ мундира и даже, сколько помнится, безъ пенсіи. И каждому понятно, что ждетъ заурядъ-генерала, если даже покойный Линевищъ едва не попалъ подъ судъ—также по доносу—за попустительство крамоулъ. Эта система, построенная на антагонизмѣ различныхъ вѣдомствъ, бевильномъ, если «сатрапъ» ревностнѣе всѣхъ испол-

неть обязанности искоренителя внутреннихъ враговъ, и сразу обезоруживающемъ того же «сатрапа», если онъ захочетъ проявить самостоятельность, усовершенствована именно за послѣдніе три года. Именно теперь она доведена до такихъ крайнихъ предѣловъ, при которыхъ избытокъ ревности въ дѣлѣ крамоло-искорененія позволяетъ—г-ну Думбадзе, напр.—держитъ даже министрамъ, а при недостаткѣ ревности любому губернатору можетъ безнаказанно говорить дерзости любой сапожникъ, украшенный значкомъ союза русскаго народа. Это фактическое «реформированіе» мѣстнаго управления продѣлывалось у всѣхъ на глазахъ. Теперь уже выработаны и соответствующій законопроектъ и, по словамъ газетъ, внесенъ въ Думу отъ имени министерства внутреннихъ дѣлъ. Онъ сводится къ юридическому оформленію status quo. И я готовъ понять психологію людей, которые нѣсколько наивно спрашиваютъ: — Позвольте, а гдѣ же обѣщанная реформа губернскихъ учреждений?

Благодушные россияне слишкомъ привыкли въ слово: «реформа» влагать непременно свое и совершенно несвойственное г. Столыпину содержаніе. И по привычкѣ своей, никакъ не могутъ повѣрить, что реформами на языкѣ г. Столыпина называется именно то, что онъ дѣлаетъ. А дѣлаетъ онъ и обязанъ дѣлать прежде всего и главнымъ образомъ то, что клонится къ сосредоточенію государственныхъ силъ и средствъ на борьбѣ съ политической неблагонадежностью. Государственныя силы и средства, разумѣется, уже давно сосредоточивались на этомъ пунктѣ. И уже давно онъ сталъ главнѣйшимъ и основнымъ. Но еще никогда онъ не заслонялъ такъ всѣ другія стороны правительственной дѣятельности, какъ заслоняетъ теперь. Еще ни разу не производилось такое генеральное изыатіе «неблагонадежныхъ» элементовъ, какое произведено за послѣдніе 2—3 года во всѣхъ вѣдомствахъ, начиная съ судебного и учебнаго и кончая духовнымъ и полунезависимымъ отъ администраціи земствомъ. Борьба съ политической неблагонадежностью у насъ и раньше стояла во главѣ угла. Но до Мукдена и Портсмута рядомъ съ нею стояло и кое-что другое. Стояла, напримеръ, игра въ большую, рѣшающую, великодержавную политику. Худо или хорошо велась эта игра,—вопросъ иной. Но она была. Послѣ Портсмута мы знаемъ, между прочимъ, два вполне замѣтныхъ и достаточно реальныхъ предпріятія во внѣшней русской политикѣ, приписываемыхъ всецѣло русской инициативѣ. Изъ нихъ одно—сначала «острое недоразумѣніе», какъ выразилось «Новое Время», русскаго представителя съ персидскимъ меджлисомъ, а потомъ и полный разгромъ меджлиса состоящимъ на русской службѣ полковникомъ Ляховымъ, а другое — блестящее отсутствіе россійскихъ представителей, а также и представителей балканскихъ государствъ на приѣмѣ у султана послѣ селямлика во время принесенія всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ поздравленій по случаю

«дарованной турецкому народу конституции» *). Въѣ этого активнаго и пассивнаго выраженія чувствъ по адресу чужестранныхъ крамольниковъ, у насъ есть два жизненныхъ нерва высшей политики: переговоры и соглашения о выдачѣ государственныхъ преступниковъ и подготовка финансовыхъ комбинацій для поддержанія политики внутренней на высотѣ все той же основной задачи—борьбы съ политической неблагонадежностью. Эта борьба до того преобладаетъ надъ всѣми другими соображеніями, что даже по случаю визита президента французской республики въ ревелскій портъ было категорически запрещено пѣть марсельезу. Мотивъ разрѣшили: все-таки г. Фальеръ—представитель страны, гдѣ марсельеза въ нѣкоторомъ родѣ національный гимнъ и гдѣ есть прекрасная биржа. Но слова... Пусть «высокій гость» какъ ему угодно думаетъ о русскомъ гостепримствѣ, но въѣ это—совершенно неблагонадежныя слова, содержащія прямой призывъ къ бунтовщическому дѣянію...

Подробность анекдотическаго свойства. И самое понятіе «политическая неблагонадежность», по своей крайней условности и неопредѣленности, неумолимо приводитъ агентовъ власти къ безконечному ряду анекдотическихкихъ недоразумѣній, а то и прямо-таки нелѣпостей. Эта борьба съ противникомъ, несомнѣнно реальнымъ и въ то же время до крайности неуловимымъ, нѣкоторыми своими сторонами заставляетъ вспомнить походы знаменитаго испанца противъ всѣхъ вообще, кто не признаетъ Дульцинею Тобозскую первую красавицею въ мірѣ. Безъ сомнѣнія, знаменитый испанецъ былъ очень близокъ къ истинѣ, подозрѣвая каждого прохожаго въ скептическомъ образѣ мыслей оторосительно тобозской красавицы. Но именно эта возможность основательно видѣть въ каждомъ встрѣчномъ врага и обрела известнаго своими приключеніями героя на борьбу съ вѣтранными мельницами. Въ самомъ заданіи: «прежде всего и главнымъ образомъ политическая неблагонадежность», есть нѣчто ненормальное, болѣзненное, свидѣтельствующее объ окончательномъ разложеніи системы, которая ставитъ себѣ такія цѣли. Однако, помимо чисто анекдотической и явно болѣзненной стороны дѣла, есть несомнѣнные реальныя факты и есть

*) Фактъ отсутствія, отмѣченный и подчеркнутый газетами (см. напр. „Кіев. Вѣсти“, 24 іюля), впрочемъ, доселѣ официально не подтвержденъ и не объясненъ. Лишь „Новое Время“, не упоминая о самомъ фактѣ, напечатало (28 іюля) статью вообще о халатности дипломатическаго вѣдомства. Въ статьѣ, между прочимъ, упоминалось, что „нашъ посоль въ Константинополь г. Зиновьевъ въ самую горячую минуту покинулъ свой постъ“ (выѣхалъ въ Петербургъ), а „совѣтникъ посольства г. Свѣчинъ, давно уже больной, занимается („въ самую горячую минуту“) излеченіемъ... въ европейскихкихъ курортахъ“; „что же касается секретари посольства г. Нелидова, то „его опытность и дарованія ничѣмъ не доказаны“. Такимъ образомъ, краснорѣчивый фактъ въ полуоффиціозномъ объясненіи свелся къ недостатку опытности и дарованій.

нѣкоторая историческая необходимость, заставившая сосредоточить всѣ силы на борьбѣ съ внутреннимъ врагомъ, борьбѣ безпощадной, съ обязательнымъ условіемъ: побѣдить или умереть. Не углубляясь въ довольно общезвѣстныя причины, обусловившія эту необходимость, позволяю себѣ напомнить хотя бы только слѣдующее.

Въ недавно изданномъ первомъ томѣ сборника «Борьба за землю» приводятся, между прочимъ, характерныя цифры по мобилизаціи дворянскихъ земель послѣ 1861 года. За первые 36 лѣтъ послѣ отмены крѣпостного права дворянское землевладѣніе получили около 500 милліоновъ выкупныхъ платежей и до 1½ милліарда банковыхъ ссудъ. Сверхъ того, ему оказывались въ разное время и разными способами пособія натурой, — допущено «захватить» свыше милліона десятинъ башкирской земли, продано до 2 милліоновъ десятинъ казенной земли въ сѣверныхъ губерніяхъ по цѣнѣ 2 р. 90 коп., вмѣсто 16 р. 90 коп. и т. д. Сверхъ того, предоставлялись исключительныя права на казенное жалованье, — вспомнимъ хотя бы учрежденіе земскихъ начальниковъ, исключительныя льготы по несенію общегосударственныхъ и мѣстныхъ повинностей и налоговъ. И не смотря на все это, дворяне потеряли за 45 лѣтъ (къ началу 1907 г.) около половины отданной въ ихъ собственность при освобожденіи крестьянъ земли. И это въ буквальномъ смыслѣ слова разрушеніе экономической базы подъ командующимъ классомъ произошло въ эпоху беспросвѣтнаго абсолютизма, не смотря на всѣ жертвы государственнаго казначейства, не смотря на превращеніе всей страны въ «дортуаръ при полицейскомъ участкѣ». Господствующій политическій слой не щадилъ государственныхъ силъ и средствъ, чтобы поддержать и обосновать свое политическое господство экономической мощностью. И все-таки лишился половины состоянія, а другую заложилъ и перезаложилъ, доведя сумму ежегодныхъ платежей по ссудамъ до 40 процентовъ дохода съ земли. Теперь это банкротъ, который лишь кое-какъ сводитъ концы съ концами, да и то благодаря безконечнымъ воспособленіямъ казны, безграничнымъ отсрочкамъ банковскихъ платежей и безграничной возможности накоплять недоимки по платежу чрезвычайно-льготныхъ налоговъ. Прекратите сейчасъ борьбу съ политической неблагонадежностью, допустите хотя бы самую купую конституцію, его черезъ 2—3 года опишутъ за долги и продадутъ съ молотка. У политическаго господина данной минуты только два пути: либо безпощадная борьба со всѣмъ тѣмъ, что называется въ либеральномъ лагерѣ реформами, либо окончательная, формальная «объявка о несостоятельности». Такъ какъ документальныя доказательства «наступившаго успокоенія» по разнымъ причинамъ нужны (циркуляръ Петерб. Агентства послѣдовалъ не зря), то либеральную видимость время отъ времени нельзя не допускать. Вотъ;

напр., «г. Макаровъ объяснилъ г. Стэду, что военное' положеніе въ Харьковѣ замѣнено усиленной охраной, т. е. тѣмъ самымъ положеніемъ, которое дѣйствуетъ въ Петербургѣ со смерти императора Александра II», а самъ г. Столыпинъ тому же корреспонденту «Times» «выразилъ надежду, что мѣсяца черезъ 2 военное положеніе будетъ возможно снятъ въ Одессѣ, а къ зимѣ въ Польшѣ и Прибалтійскихъ губерніяхъ, такъ что къ Рождеству на военномъ положеніи останется только Кавказъ» *). И отчего же въ самомъ дѣлѣ не снятъ военное положеніе, разъ придуманъ способъ представлять это доказательство успокоенія, ничѣмъ не рискуя. Порядокъ теперь установленъ превосходный: одновременно съ формальной отмѣной военнаго положенія объявляется, что всѣ обязательныя постановленія, изданныя на основаніи этого положенія, остаются въ полной силѣ. А когда либеральная печать объяснила, что при такихъ условіяхъ отмѣна военнаго положенія малоубѣдительна и по существу почти ничего не измѣняетъ, «Голосъ Москвы» поспѣшилъ выступить съ объясненіями:

«Если администрація,—читаемъ въ центральномъ органѣ октябристовъ (№ 17 іюля),—находитъ возможнымъ послѣ отмѣны военнаго положенія оставить въ силѣ изданныя въ это время постановленія, то это значить только, что мѣропріятія администраціи соотвѣтствовали не военному положенію, а усиленной охранѣ. На что жъ тутъ жаловаться обывателямъ?».

Не жаловаться, а благодарить надо. Вы думали, что наступившая усиленная охрана ничѣмъ не разнится отъ военнаго положенія. Наоборотъ, это значить лишь, что по особому милосердію начальства военное положеніе ничѣмъ не разнилось отъ усиленной охраны. И никакого, если хотите знать, настоящаго военнаго положенія не было. Была только видимость, а въ сущности обыкновенная «охрана»,—«то самое положеніе, какъ любезно объяснилъ англичанамъ мистеръ Стэдъ въ «Times», которое существуетъ въ Петербургѣ со смерти Александра II», 27 лѣтъ,—почти треть вѣка. Это даже «усиленной охраной» нельзя назвать, это просто «положеніе», штатный, нормальный порядокъ вещей...

«Голосу Москвы», коего сердцу близки интересы дворянскаго землевладѣнія, должно быть особенно понятно, почему политическая неблагонадежность есть прежде всего и главнѣе всего. Думаю, однако, «Голосу Москвы» не бесполезно учесть кое-какія послѣдствія.

*) «Новое Время» 25 іюля.

III.

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ въ Баку всплыло было на поверхность крайне запутанное и темное дѣло, къ сожалѣнію, почти незамѣченное столичной печатью. Потомъ свѣдѣнія о немъ вдругъ исчезли и въ мѣстной печати. То же немногое, что успѣло обнаружиться, сводится вкратцѣ къ слѣдующему.

Въ началѣ апрѣля е. г. бакинскимъ окружнымъ судомъ разсматривалось дѣло объ убійствѣ мирового судьи Шиманскаго. Убийцы не обнаружены. И по обвиненію въ подстрекательствѣ къ убійству былъ привлеченъ въ качествѣ подсудимаго бывший секретарь бакинскаго мирового отдѣла Аскеровъ, человѣкъ малограмотный, но въ политическомъ отношеніи чрезвычайно благонадежный, поощряемый и любимый начальствомъ, по происхожденію—сынъ полицейскаго урядника. На судѣ—дѣло разсматривалось при открытыхъ дверяхъ—прошелъ цѣлый рядъ не совсѣмъ обычныхъ свидѣтелей—судьи, товарищи убитаго и начальники подсудимаго, члены окружнаго суда, присяжные повѣренные, судейскіе чиновники и даже «фактическій, какъ выразался подсудимый, предсѣдатель суда» г. Долинскій. Собственно, бакинскій окружной судъ какъ бы разсматривалъ свое семейное недоразумѣніе, начавшееся въ 1903 г., когда Аскеровъ, неимущій, но благонадежный и услужливый молодой человѣкъ былъ опредѣленъ на службу въ мировой отдѣлъ. Черезъ 2 года тотъ же Аскеровъ, по выраженію прокурора, «началъ вести себя, какъ миллионеръ, жилъ роскошно, имѣлъ содержанокъ, покупалъ мебели въ годъ на 8000 р., покупалъ брилліанты», хотя жалованья получалъ менѣе 50 руб. въ мѣсяцъ. Бакинская магистратура подтвердила на судѣ, что это чудесное превращеніе мелкаго чиновника въ «какъ бы миллионера» она видѣла. И не только видѣла, но и учитывала. Такъ, своему непосредственному начальнику Аскеровъ однажды оказалъ денежную услугу въ размѣрѣ 12.000 р. А мировой судья Меликъ-Гусейновъ въ качествѣ свидѣтеля подтвердилъ, что ему говорили о полученіи 1500 р. отъ Аскерова самимъ «фактическимъ предсѣдателемъ» Долинскимъ *). Но вотъ въ Баку былъ назначенъ новый судья—Шиманскій. Вскорѣ по пріѣздѣ онъ заявилъ судебному слѣдователю и прокурору, что Аскеровъ совершаетъ растраты и подлоги. Но семейное дѣло бакинской юстиціи продолжаетъ оставаться семейнымъ. У Шиманскаго является подозрѣніе, что довольно крупная сумма, которую Аскеровъ якобы внесъ въ казначейство, на самомъ дѣлѣ не внесена. Онъ добивается, чтобы былъ посланъ

*) „Баку“, отчетъ по дѣлу объ убійствѣ Шиманскаго, № 9 апрѣля; см. также №№ „Баку“ 8, 10, 13, 17, 18 апрѣля.

официальный запрос казначейству. Казначейство ответило, что деньги «внесены». Впоследствии оказалось, что казначейство дало «ложную справку», так как деньги, действительно, не были Аскеровым внесены. Шиманский добился было приказа об увольнении Аскерова. «Но приказ этот (где-то) затерялся и не был приведен в исполнение». Наконец, Шиманскому удается настоять на назначении ревизии. Ревизоры приступают к работам и обнаруживают растрату не менее 200.000 р. И вот когда размер растраты стал выясняться, некоторые судьи дружески посоветовали Шиманскому скрыться из Баку. Он не послушался. И утром 5 апреля 1907 г. по дороге на службу был убит «на глазах у нескольких лиц», при чем убийца, покончив с Шиманским, пошел прочь от трупа «спокойно, заложив руки в карманы», не торопясь.

Аскеров на судьи тоже был спокоен, почти все время, по словам «Баку», иронически улыбался и даже смеялся. Его, как подстрекателя, судьи приговорили к 20-тилетней каторге. Но вслед за тем из канцелярии окружного суда часть дела об убийстве Шиманского пропала, при чем пропали главным образом документы, настолько важные, что приговор в окончательной форме в назначенный срок не мог быть объявлен («Баку», 22 апреля). Вслед за тем понадобилась справка из другого дела, по иску в 10.000 р., предъявленному к тому же Аскерову. Но тут обнаружено, что это дело из окружного суда «пропало целиком» и «найти его никак не могут» («Баку» 4 мая). Последние (газетные) сведения, какими я располагаю, рисуют дело в таком виде: окружный суд разыскивает бумаги и документы, но не может найти, Аскеров гуляет на свободе. Перед нами пока целый ряд загадок, тайны бакинской юстиции, в котором род сходен с тайнами мадридского двора. Впрочем, тут тайны, кажется, не только юстиции. По крайней мере, прокурор в своей обвинительной речи счел необходимым признать, что между Аскеровым и «чиновниками казначейства», дававшими ложные, но выгодные Аскерову справки, были, «повидимому, сношения». И возможно, что тут тайны не только бакинские. Пропажа дела Аскерова из окружного суда явление, конечно, ненормальное. Но ведь и то, что бакинский суд оказался и свидетелем и судьей в деле, для него крайне щекотливом и неприятном, едва ли нормально. Логически об ненормальности одна из другой вытекают и одна другую дополняют. Можно предполагать, что ненормальности эти чисто местного, бакинского происхождения. Но возможно, что они допущены по благословению или, во всяком случае, по молчаливому попустительству свыше.

Так или иначе, но перед нами, повторяю, загадки. И много теперь таких загадок. Сплошной загадкой представляется деятельность киевского сыскного отделения, руководимаго начальником

Аслановымъ, оказавшимся организаторомъ воровскихъ мошенническихъ шаекъ, содержателемъ игорныхъ притоновъ и домовъ разврата. Не менѣе загадочна «первопрестольная Москва» съ ея сенаторскою ревизіею, раскрывающею сложную систему вымогательствъ, организованныхъ кражъ, мошенничествъ, почему-то связываемыхъ съ дѣятельностью бывшаго градоначальника Рейнбота. Загадоченъ Екатеринославъ, гдѣ также теперь начата какая-то ревизія, между прочимъ открывшая, если вѣрить газетамъ, что за разрѣшеніе тайной продажи водки полиція брала дешевле, чѣмъ акцизное вѣдомство. Загадочна петербургская Александро-Невская лавра, гдѣ слѣдствіемъ по случаю растраты казначеемъ духовной академіи Успенскимъ въ суммѣ 35.000 р. открыто существованіе «клуба съ азартными играми» и даже съ постояннымъ составомъ посѣтителей. Въ числѣ постоянныхъ посѣтителей лаврскаго игорнаго притона, по свѣдѣніямъ газетъ, были: мѣстный полицейскій приставъ, какіе-то три монаха, какая-то генеральша, какія-то другія «лица» *)... Впрочемъ, нѣтъ никакой возможности перечислить мѣста и учрежденія, гдѣ за послѣднее время обнаружено то или другое «воровство», по терминологіи старинныхъ государственныхъ актовъ. Какъ тутъ перечислить, когда даже Зимній дворецъ оказался обворованнымъ. То и дѣло раскрываются необыкновенно сложныя и крайне оригинальныя системы хищеній на желѣзныхъ дорогахъ, не только дальнихъ, какъ Сибирскія, но такихъ чрезвычайно близкихъ къ центру, какъ Николаевская. Продовольственная кампанія 1906 г. подарила Россію процессами Гурко, Лидваль, Фредериксъ. Продовольственная кампанія 1907 г. сулитъ, пожалуй, болѣе замысловатые сюрпризы. Въ видѣ примѣра напомнимъ хотя бы слѣдующія газетныя замѣтки относительно самарскаго земства. «Предсѣдатель николаевской уѣздной земской управы (Самарской г.) Акимовъ, получившій 35.000 р. на оказаніе помощи нуждающемуся населенію, исчезъ неизвѣстно куда», — это замѣтка изъ «Рѣчи», отъ 1 апрѣля. 2 мѣсяца спустя уже «выясняется, что предсѣдатель Николаевской земской управы Акимовъ лично растратилъ не 35.000 р. продовольственныхъ денегъ, а только 15.000 р., остальные же 20.000 р. онъ передалъ члену 3 Государственной Думы А. А. Ушакову, который позаимствовалъ ихъ у него для пополненія ввѣяныхъ изъ земскихъ же средствъ 50.000 р.» **). Имѣются столь же глухія свѣдѣнія изъ другихъ мѣстъ о пополненіи за счетъ продовольственныхъ суммъ разныхъ кассовыхъ дефектовъ. И если кампанія 1906 г. дала нѣкоторые дополнительные штрихи къ характеристикѣ нравовъ центральной администраціи, то кампанія 1907 г. грозитъ дать дополнительные штрихи къ характеристикѣ всего общественнаго слоя, въ руки коего предано «мѣстное управленіе».

*) «Кіевская Мысль», 20 марта 1908 г.

***) «Сѣверъ», 4 іюня.

Государственный Совѣтъ, а по избирательному закону 3 іюня и Государственная Дума. Аскеровыми Россія никогда не была бѣдна. И весьма трудно статистически доказать, когда «аскерствовали» меньше, когда больше. Однако, въ газетахъ не даромъ стали мелькать заголовки: «эпидемія хищеній». И хотя, повторяю, нѣтъ точныхъ данныхъ для сравненія вѣка нынѣшняго съ вѣкомъ минувшимъ, но непосредственное, суммарное обывательское впечатлѣніе оправдываетъ эти заголовки: «эпидемія». Чувствуется, что въ смыслѣ всякаго рода «воровства» Богъ посѣтилъ нынѣ Русскую землю сугубымъ, преизбыточествующимъ урожаемъ. И вполне естествененъ вопросъ: откуда столь тяжкое изобиліе сего?

Вопросъ какъ будто и лишній, ибо кому же неизвѣстно, что развѣ администрація фактически безответственна, развѣ нѣтъ контроля общественнаго, то... и т. д. Соображеніе насчетъ безответственности и безконтрольности совершенно правильное, и легко доказать, что именно теперь, въ эпоху военно-полевой системы управленія, администрація сугубо безответственна, сугубо безконтрольна, а, стало быть, и неудивительно, что получился сугубый урожай соотвѣтствующихъ плодовъ. Помимо этого общаго соображенія, можно напомнить деталь, съ особенною яркостью развитую въ «Русскомъ Словѣ». Я говорю о старомъ и общезвѣстномъ макиавеллиевскомъ правилѣ внутренней политики, — каждый администраторъ, согласно этому правилу, долженъ имѣть вовлѣ себя исполнителей съ возможно болѣе подмоченною репутаціею и возможно болѣе уголовнымъ прошлымъ. И, чѣмъ подмоченнѣе и уголовнѣе, тѣмъ лучше. Во-первыхъ, это гарантія отъ предательства, измѣны или интриги, ибо исполнитель такого рода прекрасно понимаетъ, что при малѣйшемъ сомнѣніи въ его вѣрности онъ моментально будетъ раздавленъ, какъ муха. А во-вторыхъ, это ручательство, что такой исполнитель ни отъ какого порученія отказаться не посмѣетъ. Однако макиавеллизмъ макиавеллизмомъ, безконтрольность безконтрольностью, но трудно не видѣть прямой связи между системой, сосредоточенной, главнымъ образомъ, на борьбѣ съ политической неблагонадежностью и «эпидеміей хищеній». Эту связь не всѣ ясно представляютъ, но она, между прочимъ, давно подмѣчена обличительной народной литературой, — напомню хотя бы полузабытую «Исторію славнаго вора-разбойника и бывшаго московскаго сыщика Ваньки Каина».

Сколько я знаю, специалистами до сихъ поръ не вполне рѣшено, подлинная ли это автобіографія самого Ваньки Каина, или только искусная поддѣлка подъ автобіографію. Во всякомъ случаѣ Иванъ Осиповъ, по прозвищу Каинъ, изъ крестьянъ Ростовскаго уѣзда — подлинное историческое лицо. И обстоятельства, изложенныя въ его «Исторіи» подъ видомъ автобіографіи, подтверждены архивными справками въ дѣлахъ бывшей тайной канцеляріи. Начинается ванькина «Исторія» тѣмъ, что онъ обокралъ своего госпо-

дина, помѣщика Филатьева, да церковнаго сторожа по дорогѣ извѣчиль, да попа съ попадѣею обобрагъ, а когда его пойманъ, «тотчасъ, какъ характерно выражается авторъ книжки, старую свою пѣсню запѣлъ: слово и дѣло», т. е. сдѣлалъ на Филатьева доносъ. Этотъ тактическій маневръ вполнѣ достигъ цѣли. Въ тайной канцеляріи, — рассказываетъ Ванька, — «графъ Семенъ Андреевъ Самтыковъ... приказалъ мнѣ дать для взятія помѣщика пристойное число конвою»... Обокраденнаго Филатьева засадили «въ Стукаловъ монастырь, сирѣчь въ тайную». А вору Ванькѣ тайная канцелярія выдала въ награду «вольное письмо». Съ вольнымъ письмомъ въ карманѣ Ванька первымъ долгомъ обокралъ «придворнаго доктора Елвиха», потомъ неустанно красть, мошенничалъ, разбойничалъ, а когда его ловили, «пѣлъ старую свою пѣсню: слово и дѣло». И такой эта немудреная, казалось бы, пѣсня имѣла успѣхъ, что въ концѣ-концовъ Ванькѣ «для сыску данъ былъ отъ сената указъ и опредѣлена была для вспоможенія команда, и притомъ какъ въ военную коллегію, въ полиціймейстерскую канцелярію и въ сыскной приказъ, такъ и въ подлежащія команды посланы были для вѣдома и вспоможенія указы». У Ваньки подъ началомъ оказалось «45 человекъ солдатъ и при нихъ сержантъ, да чернаго народу хорошаго сукна 30». Столь полномочной особѣ необходимо жениться и, разумѣется, не иначе, какъ на честной дѣвушкѣ изъ благородной семьи. Однако, честная дѣвушка, облюбованная Ванькой, категорически отвергла его предложенія:

„И слышать не хотѣла и думать не велѣла. Не могъ сыскать, — чисто-сердечно рассказываетъ Ванька, — болѣе къ тому способу, научилъ въ сыскомъ приказѣ содержащагося въ воровскихъ деньгахъ мастера Андрея Суробогатаго... оговаривать ее, почему она взята въ тотъ приказъ была, гдѣ по приводѣ подъ жестокимъ битьемъ плетью спрашивана... Послѣ чего я къ ней прислалъ женщину сказать: ежели она пойдетъ за меня замужъ, то въ то-жъ время освобождена на волю будетъ... Честная дѣвушка свои отвѣтила отказомъ, однако, потомъ, поды угрозой новыми пытками, „прислала по меня, чему я былъ радъ, тотъ же часъ пришелъ къ ней, тогда услышалъ отъ нея, что уже за меня замужъ идти желаетъ, почему я просилъ присутствующихъ, чтобъ до дальняго дѣла ее не доводить, а наказать кнутомъ и выпустить на волю, потому что сколоченая посуда два вѣка живетъ. Что въ скоромъ времени ей и учинено“.

Слѣдить за дальнѣйшими похождениями Ваньки не буду. Но еще 2—3 штриха, чтобъ сравнить нынѣшнее съ давнимъ, пожалуй, не лишни. По газетнымъ свѣдѣніямъ, бывшій начальникъ кievскаго сыскаго отдѣленія Аслановъ стоялъ во главѣ игорныхъ притонновъ и домовъ разврата. И представьте, 150 лѣтъ тому назадъ Ванька Каинъ, едва его утвердили начальникомъ сыскаго командъ прежде всего «нанялъ въ Зарядѣ особливый себѣ домъ, въ которомъ сдѣлалъ на томъ же дворѣ въ особливомъ покоѣ бильяръ, вернь и прочія игры». Какъ-то о варшавскихъ сыщикахъ сообщалось, что они организовывали кражи, а потомъ за особое возна-

ражденіе отъ обокраденныхъ разыскивали пропажу. Ванька Каинъ, между прочимъ, пишетъ:

„Въ Троицынъ день съ березкой на живомъ мосту Москвы-рѣки для гулянья были множествомъ народу, при чемъ случился быть компанейщикъ Григорій Колобовъ, у котораго изъ партіи моей въ то время пошевелили въ карманѣ на 20000 рублей протестованныхъ векселей. Тогда оной Колобовъ пришелъ ко мнѣ, просилъ меня, чтобъ я какъ можно оныя векселя постарался отыскать, за что обѣщаль дать мнѣ плату“...

Далѣе описывается, какъ Ванька «отыскалъ» украденные его подручными векселя и получилъ отъ «компанейщика Григорія Колобова» за труды «190 рублей».

Нынѣ, комментируя дѣло Аскерова, «Баку» пишетъ (№ 9 апрѣля), что: этотъ секретарь мирового отдѣла могъ бы долго и безпечно обдѣлывать свои дѣлишки, но ужъ слишкомъ увлекся,— «предѣлы терпимаго даже въ Баку были перейдены». Въ старой «Исторіи Ваньки Каина», впервые напечатанной еще при Екатеринѣ II, въ 1785 г., говорится: «такимъ-то образомъ Каинъ... видя, что все благополучно съ рукъ его сходить... въ одинъ день отважился увести и насмѣшвенно обезчестить жену полицейскаго подъячача Николая Будаева». Предѣлы терпимаго даже московскою полиціею XVIII в. оказался превзойденнымъ. «Убоявшись жестокаго наказанія, закричалъ» было Ванька «слово и дѣло, но сей вымыселъ не имѣлъ уже успѣха». Въ 1755 г. судъ по ванькиному дѣлу вынесъ приговоръ: «колесовать, отрубить голову». Указомъ сената 27 февраля 1756 г. сыщикъ Каинъ былъ помилованъ и сосланъ на тяжкія работы въ Рогервикъ. Ванька исчезъ. Но сила старой пѣсни: «слово и дѣло», осталась. Возможность эксплуатировать любовь государственной власти къ этому мотиву не исчезла. На мѣстѣ стараго Ваньки очутились Ваньки новые. И не перевелись они на Руси до сихъ поръ. И не могутъ перевестись. Слишкомъ ужъ ясно, что, чѣмъ старательнѣе борется правительство съ «внутренними врагами», и чѣмъ, стало быть, больше цѣнить оно политическій доносъ, тѣмъ легче устраивать свою судьбу за государственный счетъ разнымъ темнымъ людямъ, которыхъ съ циническою откровенностью характеризуетъ одна изъ любимыхъ пѣсень Ваньки-Каина:

„Ни стыда, ни совѣсти въ насъ нѣту,
Олухамъ-то здѣшнимъ не въ примѣту“...

Напряженность борьбы съ политической неблагонадежностью прямо пропорціональна числу Каиновъ, брандмейстеровъ Осиповыхъ и Аслановыхъ на правительственной службѣ. А, стало быть, прямо пропорціональна и росту той преступности, съ какою нынѣ приходится имѣть дѣло, между прочимъ, московскому ревизору сенатору Гарину.

— Вы хотите усилить сыскъ. Знайте, что на этомъ пути вы

прежде всего усилите казнокрадство, лихоимство и такъ называемое «злоупотребленіе власти» съ пѣлями грабежа и мошенничества,—такова вкратцѣ мораль правдивой, неприкрашенной «Исторіи» російскаго Шерлока Холмса XVIII в.

Нынѣшнее направленіе внутренней политики ужъ слишкомъ широко открываетъ дорогу каждому, кто желаетъ или склоненъ подражать классическому примѣру Ваньки Каина. Но дѣло не только въ этомъ. Недавно «Новое Время» привело не безынтересную справку о происхожденіи «знаменитаго третьяго пункта» *), коимъ предписывается увольнять чиновниковъ безъ объясненія причинъ, «въ случаѣ неспособности или неблагонадежности». «Новое Время» признало, что слово «неспособность» здѣсь стоитъ по преимуществу для приличія.

Въ російское законодательство вошелъ этотъ пунктъ впервые въ 1850 г., когда правительство къ ужасу своему узнало, что декабристы не только не вывелись на Руси, но даже перекочевали изъ военныхъ въ гражданскія сферы... Вивовными оказались весьма дѣльные чиновники, у которыхъ нельзя было найти ни сучка, ни задоринки, но замѣчавшіеся лишь въ такъ называемомъ вольнодумствѣ... Они не давали никакого повода къ увольненію ихъ отъ службы, были исполнительны, корректны, и только ихъ взгляды... могли служить путеводною нитью для опредѣленія политической благонадежности.

А такъ какъ увольнять безпорочнаго чиновника за взгляды неприлично, то «и введенъ былъ... историческій третій пунктъ», разрывающій искоренять неблагонадежныхъ безъ прошенія и безъ объясненія причинъ.

«Нынѣшнее правительство...—объясняетъ даже «Нов. Вр.»—поспѣшило воспользоваться третьимъ пунктомъ, какъ орудіемъ борьбы съ своими политическими врагами. Въ сентябрѣ 1906 г. по всѣмъ правительственнымъ учрежденіямъ послѣдовало циркулярное предложеніе совѣта министровъ, коимъ вмѣнялось начальникамъ въ обязанность, въ виду «невозможности ожидать успѣха исключительно отъ дѣйствія полицейскаго и судебнаго аппарата», имѣть «постоянное наблюденіе» за... подчиненными и «твердо примѣнять... дисциплинарную власть вплоть до увольненія служащихъ безъ прошенія, на основаніи статьи 788 устава о службѣ» *)...

Какъ бы возвращаясь на двусмысленную позицію 1904 г., когда правительство судорожно металось, не видя для себя выхода, а чуткій г. Меншиковъ, стараясь угождать и Богу, и сатанѣ, призывалъ совершать «не реформы, а реформу», «Новое Время» не скрываетъ даже своего мнѣнія о «плодахъ политики», основанной на примѣненіи «третьяго пункта»:

«Наравнѣ съ либеральнымъ духомъ бюрократы стали тщательно

*) Точнѣе, ст. 788 III тома св. закон., уст. о сл. по опредѣл. отъ правит.

**) „Новое Вр.“, 1 августа.

вытраивать изъ правительственныхъ учрежденій чувства совѣсти, долга и безкорыстія. Гоголевскіе типы продолжали существовать... какъ ни въ чемъ не бывало».

«Гоголевскими тинами» «правительственныя учрежденія» всегда были обильны. Но есть разныя степени обилія. Мы съ нѣкоторымъ ужасомъ вспоминаемъ времена Деянова и Боголѣпова. Однако, даже во времена деяновскія и боголѣповскія правительство избѣгало, напр., того оффиціального выступленія въ защиту буквы з, какимъ ознаменовало себя нынѣ министерство народнаго просвѣщенія и даже министерство юстиціи *). Былъ оффиціально объявленъ походъ на «кухаркиныхъ дѣтей»,—и все таки циркуляръ Деянова о кухаркиныхъ дѣтяхъ при всей его несомнѣнной скандальности имѣлъ свою цѣль и свой смыслъ. Но въ повтореніи анекдотическихъ циркуляровъ николаевскихъ временъ о неукоснительномъ употребленіи «твердаго знака» нѣтъ ни смысла, ни цѣли. Это голый и явно убыточный для правительства скандалъ, такъ сказать, платоническое напоминаніе о старинныхъ эксцессахъ властвованія, давно осмѣянныхъ, какъ классическій примѣръ нечѣстности. Съ именемъ покойнаго Побѣдоносцева много связано такихъ правительственныхъ мѣропріятій, при напоминаніи о которыхъ конфузится даже «Россія». Однако, когда третій миссіонерскій съѣздъ (въ Казани, въ 1897 г.) рѣшилъ вести борьбу съ инославіемъ и иновѣріемъ по всей строгости каноновъ, Побѣдоносцевъ «былъ возмущенъ неадекватностью, отказалъ въ разсмотрѣніи постановленій съѣзда, заявилъ, что при своей жизни не допуститъ болѣе ни одного миссіонерскаго съѣзда **»). И свое слово покойный, какъ извѣстно, сдержалъ. Но вотъ синодомъ организованъ 4-й, кіевскій, миссіонерскій съѣздъ. Онъ начинается занятія демонстративнымъ подчеркиваніемъ особенной близости къ организаціи, которая вовсе не склонна скрывать своей выдающейся роли въ организаціи погромовъ и не торопится снять съ себя даже оффиціально предъявленныя обвиненія въ подготовкѣ цѣлаго ряда убійствъ, начиная съ убійства Герценштейна. Въ своихъ постановленіяхъ четвертый съѣздъ доходитъ до такихъ каноническихъ крайностей, какъ полный запретъ браковъ православныхъ съ инославными. Кажется, даже «Новое Время» чув-

*) Въ концѣ минувшаго 1907—8 уч. года, между прочимъ, въ Москвѣ отъ преподавателей русскаго языка среднихъ учебныхъ заведеній отбрана подписка относительно „правильнаго“ употребленія буквы з. Одновременно газетами отмѣчена „борьба изъ-за твердаго знака“ въ другихъ учебныхъ округахъ. Такъ, напр., въ Кіевскомъ учебномъ округѣ директоръ одной только уманской гимназіи „отклонилъ 12 прошеній о допущеніи къ экзамену на аттестатъ зрѣлости“, по той единственной причинѣ, что они написаны безъ буквы з. И одновременно же судебное ходатайство одного изъ московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ оставлено безъ движенія, какъ опять-таки написанное безъ буквы з. (См. „Сарат. Вѣст.“, 12 іюня). Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ мѣропріятіемъ общеперскаго характера.

***) „Старообрядецъ“, № 4—6, стр. 513.

ствуешь и понимаешь, что кievская «нетактичность» 1908 г. болѣе скандальна и выразительна, чѣмъ «нетактичность» казанская, возмутившая Побѣдоносцева въ 1897 г. Однако, вовсе не замѣтно, что нынѣшніе «руководители церкви» склонны чувствовать и понимать неловкость происшедшаго,—наоборотъ, „всѣ постановленія миссіонерскаго стѣзда ускоренно представляются для разсмотрѣнія въ ближайшую сессію синода“ *). Какою бы зловѣщей фигурой ни былъ Побѣдоносцевъ, но онъ обладалъ образованнымъ и въ своей специальной области тонкимъ умомъ. Преемники Побѣдоносцева прежде всего менѣе интеллигентны, и уже одно это дѣлаетъ ихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ менѣе чувствительными. Съ интеллектуальностью сейчасъ вообще не слишкомъ благополучно на верхахъ. А до какихъ серьезныхъ размѣровъ очищены административныя нивы, можно судить по недавнему сообщенію изъ Курска, гдѣ, оказывается, въ послѣднее время не только низшіе, но и высшіе полицейскіе агенты при розыскѣ скрывшихся преступниковъ стали обращаться за помощью къ «гадалкѣ Ольгѣ Васильевнѣ», а такъ какъ «Ольга Васильевна» въ скорости умерла, то разыскали новую гадалку «нѣкую Логачеву», которая и ворожить нынѣ и чинамъ наружной полиціи, и агентамъ охраны **). По указаніямъ ворожей ведутся разслѣдованія, производятся дознанія, добываются такъ называемыя «агентурныя свѣдѣнія», на основаніи которыхъ одни предаются суду, другихъ постигаетъ административная кара. И послѣ Д. Ѳ. Трепова, консультаціи котораго у какого-то таинственнаго ворожее-астролога дали обильную пищу юмористическимъ журналамъ, едва ли есть надобность подчеркивать, что Курскъ, гдѣ обнаружены при полиціи вольнопрактикующія колдуньи,—все-таки не захолустье, все-таки крупный губернский городъ.

«Бюрократы стали вытравлять изъ правительственныхъ учреждений чувства совѣсти, долга и безкорыстія». Этими словами «Новое Время» характеризуетъ упадокъ моральный. Понадобились бы болѣе рѣзкія слова, чтобъ надлежаще охарактеризовать упадокъ интеллектуальный. Однѣ только курскія ворожей знаменуютъ собою возвратъ къ средневѣковью, наполненіе «правительственныхъ учреждений» элементами, умственное развитіе которыхъ недалеко ушло отъ господствующихъ понятій XV—XVI вѣка. И вовсе не случайность—возвратъ къ средневѣковымъ системамъ управленія, восстановленіе принципа «дикой виры», наказаніе цѣлыхъ волостей и городовъ за преступленіе отдѣльныхъ лицъ, сожженіе домовъ и уничтоженіе деревень только потому, что вовлѣ ихъ совершено преступленіе. Сколько угодно доказывайте, что принципъ, напр., коллективной отвѣтственности при данныхъ условіяхъ жизни совершенно недопустимъ. Генераль Думбадзе вась такъ же не

*) „Нов. Время“, 2 августа.

**) Харьковское „Утро“, 19 іюля.

поймать, как курскіе охранники не поймутъ вашихъ доказательствъ, что вѣра въ гадалокъ—абсурдъ.

Вотъ теперь въ газетное употребленіе начинаетъ входить терминъ: «опустошители». И не даромъ: за 3 года усиленной борьбы со смутой опустошено таки не мало. Что опустошены школы, бібліотеки, земская статистика и всякаго рода культурныя учрежденія, самое существованіе которыхъ даетъ поводъ подозрѣвать политическую неблагонадежность,—это само собою понятно. Но замѣтныя опустошенія сдѣланы даже въ области «матеріальной культуры», необходимой даже «командующимъ классамъ». Провінціалы жалуются, напр., что цѣлый рядъ шоссеиныхъ дорогъ, неважныхъ, но до 1905 г. все-таки «удовлетворявшихъ своему назначенію», за послѣднее время запущены, а мѣстами и вовсе стали непроѣзжны. Въ прошломъ году, по случаю чрезвычайныхъ «залежей», помнится, даже «Новое Время» отмѣтило, что теперь паровозы и весь вообще желѣзнодорожный подвижной составъ находятся въ еще болѣе печальномъ состояніи, чѣмъ прежде. Совѣтъ сѣвядовъ торговли и промышленности также не скрываетъ нѣкоторыхъ измѣненій къ худшему. Оказывается, напр., что срочные и скоропортящіеся рыбные товары Прикаспійскаго района временами совершенно нѣтъ возможности отправлять изъ Царицына кратчайшимъ путемъ—по юго-восточнымъ дорогамъ. «Въ минувшіе, видите-ли, годы, когда дорога входила въ нужды отправителей, и у агентовъ ея было больше энергіи, грузилось до 250 и даже до 300 вагоновъ въ сутки», а теперь не больше 108. Когда надо грузить, на мѣстахъ отправки, оказывается, «нѣтъ вагоновъ, нѣтъ паровозовъ». Доставить дорога подвижной составъ, но ухитрится такъ хаотически распределить его, что «пути бывають забиты до невозможности болшею частью больными вагонами», и «мѣстная администрація положительно теряетъ голову, не зная, куда дѣть такіе вагоны». Но вотъ «больные вагоны» кое-какъ убраны, пути расчищены,—новая бѣда: «не хватаетъ рабочихъ рукъ—грузчиковъ», такъ какъ дорога ставитъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы погрузка производилась только нанятыми ею рабочими, и рабочихъ, нанятыхъ самими отправителями, не допускаетъ *). Въ нѣкоторыхъ родахъ службы, гдѣ требуется особо высокій и особо несомнѣнный цѣвъ благонадежности, въ этомъ направленіи достигнуты еще болѣе поразительные результаты. По словамъ газетъ, между прочимъ, во время ревизіи по случаю хищеній въ Зимнемъ дворцѣ, «кн. Оболенскій обнаружилъ необычайную распушенность общаго надзора за цѣнными предметами, а также обратилъ вниманіе на... совершенно непростительное отношеніе чиновъ къ своимъ обязанностямъ. Въ особенности поразительна небрежность, проявленная при отправкѣ почты: оказалось,

*) Отзвъвъ Царицынскаго биржевого комитета въ 1907 г. Цит. по „Торговль и Промышленности“, № 2, 1908 г. Стр. 102—103.

напр., что письма, сданные еще въ мартѣ, до послѣднихъ дней остались не отправленными» («Южная Заря», 10 июля). Герою извѣстной басни удалось таки набрать музыкантовъ, которые хоть и «деруть, зато хмѣльного въ ротъ ни капли не берутъ». Правительственнымъ дирижерамъ тоже удалось выиграть въ смыслѣ повышения халатности, неумѣнья работать, невѣжества, технической неподготовленности рабочихъ правшаго механизма. Во всякомъ случаѣ, трудно не согласиться съ «Моск. Ежедѣльн.», что за послѣдніе годы «страна опустошена какъ бы нашествіемъ непріятеля, можетъ быть, даже сильнѣе» *). Но опустошали не только «земскіе зубры», какъ полагаетъ названный органъ кн. Е. Трубецкого. И не только то опустошено, что ненавистно «зубрамъ». Регуляторъ поставленъ такъ, что вся машина роковымъ образомъ обречена опустошать не только ненавистное «зубрамъ», но и необходимое даже для самихъ «зубровъ».

«Московский Ежедѣльникъ» говоритъ объ опустошеніяхъ матеріальныхъ. Есть, однако, опустошенія иного рода, пожалуй, болѣе серьезныя. Не могутъ безнаказанно для страны проходить такіе, напр., эксперименты, какъ изытіе «сознательныхъ солдатъ» изъ общаго казарменнаго оборота. Даже чисто-механически эта мѣра понижаетъ общій уровень умственнаго развитія армейской массы, какъ простое вычеркиваніе немногихъ крупныхъ слагаемыхъ значительно отражается на ариметическомъ среднемъ. Но суть, конечно, не въ механикѣ и не въ ариметическомъ подсчетѣ. Общеизвѣстна поговорка о трехъ праведникахъ, которыми держится цѣлый городъ. Тутъ не столько мистика, сколько образно сформулированный выводъ изъ бытовыхъ наблюдений. Всегда и вездѣ есть масса и есть единицы, которыя удовлетворяютъ ея жаждѣ къ благообразію жизни, которыя покоряютъ массу личнымъ примѣромъ, безупречностью поведенія, умомъ, знаніями; есть единицы, благодаря которымъ держится на извѣстной интеллектуальной и моральной высотѣ населеніе цѣлыхъ городовъ и даже цѣлыхъ странъ. Въ этомъ можно видѣть нѣчто мистическое, ибо взаимодействие личности и среды, конечно, тайна. И въ то же время передъ нами явленіе настолько реальное, настолько несомнѣнное и общеизвѣстное, что вонъ даже «Новое Время» не скрываетъ, какъ отразилось на средѣ устраненіе возвышающихся ее единицъ: получилось господство «гоголевскихъ типовъ» и паденіе «чувства совѣсти, долга и бевкорыстія». Слова: «гоголевскіе типы», паденіе «чувства совѣсти», звучатъ жестко. Но бытовыя явленія, соответствующія имъ, способны подсказать выраженія, еще болѣе жесткія. Вотъ для примѣра мелкій эпизодъ, рассказанный «Голосомъ Москвы»:

*) Цит. по «Сѣверу», 17 июля.

„Полицейскіе сторожа 1 стана Московскаго у., Кузьма Демидовъ и Никифоръ Кузьминъ... были командированы... сопровождать для водворенія въ московскую пересыльную тюрьму арестантовъ. Исполнившимъ порученіе начальства сторожамъ надлежало отправиться обратно на станцію Перово къ мѣсту своего служенія, но они стали бражничать въ Москвѣ, а загѣмъ, появившись на площади у казанскаго вокзала въ нетрезвомъ состояніи, стали приставать ко всѣмъ проходившимъ женщинамъ... Продолжая свою облаву сторожа увидѣли... молодого человѣка Рогачева съ знакомой барышней Ильиной. Демидовъ и Кузьминъ стали... приставать съ гнусными предложеніями къ барышнѣ. Возмущенный Рогачевъ вступился за свою спутницу, но сейчасъ же за это получилъ нѣсколько ударовъ кулакомъ по лицу. Барышня въ испугѣ убѣжала, сторожа поволокли Рогачева въ пѣвадь“... *)

На сей разъ, къ счастью, полицейскимъ было необходимо «влочить» избитаго, «окровавленнаго», кричавшаго о помощи человѣка черезъ такое людное мѣсто, какъ станціонная платформа московскаго вокзала казанской желѣзной дороги. Вмѣшалась публика, пришлось вмѣшаться и станціоннымъ жандармамъ. Рогачевъ отдѣлался сравнительно благополучно. И ему приходится благодарить Бога, что онъ попался стражамъ не тамъ, гдѣ имъ предоставлена вся полнота власти. Приходится благодарить Бога и публику, что она вмѣшалась въ дѣйствія власти иногородней, а не мѣстной. Недавнее убійство полицейскими 60-лѣтняго старика-торговца Шитухина, быть можетъ, еще краснорѣчивѣе въ смыслѣ характеристики моральнаго состоянія именно среды, а не отдѣльныхъ лицъ. Шитухинъ погибъ въ родномъ городѣ Тетюшахъ, гдѣ онъ чувствовалъ себя въ безопасности, какъ человѣкъ «строгой благочестивой жизни» (старообрядецъ), нешьющій, лично всѣмъ извѣстный. Онъ провинился, во-первыхъ, въ томъ, что сказалъ двумъ городовымъ, когда они били какихъ-то пьяныхъ: «бить грѣхъ», а во-вторыхъ, въ томъ, что на угрожающіе крики и ругательства городскихъ заявилъ: «я полиціи не боюсь». Его схватили и стали бить. Били по дорогѣ къ участку, били въ участкѣ. «Шитухинъ, по словамъ «Волжско-Камской Рѣчи», обращался съ мольбю о защитѣ къ постовымъ стражникамъ, къ дежурному при полиціи чиновнику»... Стражники, чиновникъ, околоточные прекрасно знали, кто такой Шитухинъ и, казалось бы, должны понимать, что увѣче, нанесенное слишкомъ замѣтному въ городѣ лицу не можетъ пройти безъ непріятной огласки. Но такова именно среда, что у нея ни одного человѣка не нашлось, который прекратилъ бы побой, хотя бы даже не во имя челоуѣколюбія, а лишь во избѣжаніе скандала. 60-лѣтняго старика избивли до безчувствія, замертво бросили въ темный карцеръ. Семья Шитухина, узнавъ о происшедшемъ, стала просить объ оказаніи старику медицинскій помощи. Челоуѣколюбіе мѣстной полицейской среды оказалось таково, что въ этомъ было категорически отга-

*) Цит. по „Соврем. Сл.“, 2 августа.

зано. Лишь «послѣ продолжительныхъ слезныхъ просьбъ троихъ сыновей Шитухина», полицейское начальство разрѣшило допустить врача и отправить изувѣченнаго старика въ больницу, гдѣ онъ и умеръ черезъ три дня. И, разумѣется, самое ужасное въ этомъ тетюшскомъ случаѣ именно то, что онъ вовсе не исключительный случай.

Передо мною письма политическихъ изъ тюрьмы. Авторы ихъ не новички. Есть и такіе, которые отбываютъ, съ перерывами, конечно, всеобщую тюремную повинность российской интеллигенціи уже второе царствованіе. Опытъ другихъ не столь обширенъ. Но все же они лично испытали дореволюціонный тюремный режимъ, а нынѣ испытываютъ режимъ «усуокоительный». И по ихъ отзывамъ, весьма единодушнымъ, перемены такіа, что «даже сравнивать нельзя». Ужасна прежняя тюрьма. Извѣстная книга Кеннана—лишь блѣдный намекъ на дѣйствительность. Но все же было гораздо ближе къ человѣчности, чѣмъ настоящее. Дѣло не только въ усиленіи строгостей, продиктованномъ изъ центра. Никакія строгости не въ состояніи произвести того эффекта, какой создается диковиннымъ измѣненіемъ нравовъ тюремной администраціи. Бывали и раньше поборы, насилія, издѣвательства, бывало многое другое, но все же оно не доходило до того, что есть теперь. Вотъ, напр., сравнительно невинное «конституціонное» развлеченіе надзирателей е—кой (провинціальной) тюрьмы.

„Дежурный на дворѣ надзиратель подходитъ къ окну камеры и просовываетъ свою берданку между прутьями желѣзной рѣшетки.

— Эй вы, тамъ,—кричитъ онъ,—ложись подъ нары, а то какъ разъ всѣхъ перестрѣлю...

И арестанты лѣзутъ подъ нары. А кто не подчинится, тѣхъ ждутъ побой, карцеръ, лишеніе обѣда, а то и впрямь пуля.

Иногда къ окну подходятъ два надзирателя сразу. Одинъ беретъ берданку на прицѣлъ и кричитъ: „ложись, всѣ на полъ а то стрѣлять буду“. А другой тоже съ берданкой на прицѣлъ командуетъ: „вставай всѣ съ помъ, не то застрѣлю“.

Политическіе, путешествуя по пересыльнымъ тюрьмамъ, иногда встрѣчаютъ среди конвойныхъ «старыхъ знакомыхъ». И опять таки поражаются чрезмѣрнымъ паденіемъ нравовъ. «И тѣ же какъ будто люди, да не тѣ». Пусть бы «застрожали» они, пусть бы неукоснительно стояли на почвѣ новыхъ инструкцій. Но въ томъ-то и горе, что поражаетъ не строгость, а грубость, безудержный, сладострастный разгулъ самодурства.

Вытравляются чувства совѣсти, долга, безкорыстія... Я бы очень не скоро кончилъ, если бы поддакъ своему желанію замѣнить алгебраическіе знаки этой формулы «Новаго Времени» конкретными явленіями изъ текущей жизни различныхъ вѣдомствъ, начиная съ полицейскаго, тюремнаго, судейскаго и кончая духовнымъ, почтовымъ и учебнымъ. Между тѣмъ перемена нравовъ

сама по себѣ ни для кого не секретъ. И въ числѣ разныхъ и сложныхъ причинъ, обусловившихъ ее, не послѣднее мѣсто занимаетъ «вытравленіе» элементовъ, которые все таки поддерживали среду на нѣкоторомъ, хотя бы и не очень высокомъ интеллектуальномъ и моральномъ уровнѣ. Исчезли «праведники», и палъ, морально палъ «городъ». И не только столыпинскій, правительственный «городъ» палъ.

Было бы ослѣпленіемъ думать, будто для моральнаго состоянія всей страны можетъ пройти безнаказанно массовое изгнание едва народившейся сельской интеллигенціи и массовое «вытравленіе совѣсти, долга, безкорыстія» на пространствѣ всей вообще Россійской имперіи. Я знаю, — всего не опустошишь. Заживающая сила жизни необъятна и неисчислима. На живомъ тѣлѣ раны зарубцовываются, «надъ павшимъ строимъ—свѣжій строй». И все-таки преуменьшать значеніе опустошеній нельзя. И нельзя забывать, что сейчасъ всё еще неизгнаны изъ обращенія политически-неблагонадежныя силы страны всемирно изгоняются съ открытой общественной арены. Или, точнѣе, съ открытой общественной арены изгоняются силы, которыхъ благоудно признавать «политически неблагонадежными» тому самому правительственному агенту, который дѣйствуетъ по указаніямъ курской бабы-гадалки. Именно этотъ ворожейкинъ клиентъ и опредѣляетъ, кому безпрепятственно разрѣшается ходить по всѣмъ улицамъ и переулкамъ. И по милости ворожейнина клиента господами улицы и всѣхъ вообще общественныхъ мѣстъ оказались тѣ чрезвычайнаго темныя люди, которые вотъ уже больше двухъ лѣтъ систематически избиваютъ прохожихъ на улицахъ Одессы, которыми съ весны нынѣшняго года начаты такія же систематическія избиенія въ Кіевѣ, которыя шайками охотятся на женщинъ въ Ростовѣ на Дону и въ цѣломъ рядѣ другихъ городовъ, и которыми, между прочимъ, устраивается нѣчто вродѣ «общественныхъ пытокъ» въ отдѣльныхъ селахъ и деревняхъ. Какъ только слѣжка и травля за политически-неблагонадежными достигла нынѣшнихъ размѣровъ, хозяиномъ улицы сталъ господинъ хулиганъ. И для газетъ понадобилась новая постоянная рубрика: «Озвѣрѣніе». А въ статьяхъ газетныхъ моралистовъ завучали ноты неподдѣльнаго ужаса:

„Озвѣрѣніе растетъ,—выскавывался, напр., вологодскій „Сѣверъ“...—Избиваютъ цѣлой толпой уличеннаго въ незначительномъ преступленіи. Разрываютъ на части конокрадовъ. Въ мелкой ссорѣ сплошь и рядомъ хватаются за дубину, ножъ, кинжалъ. Падаютъ уваженіе къ женщинамъ. Насиліе стало повседневымъ явленіемъ. Насилуютъ взрослыхъ и малолѣтнихъ. Наслуляютъ по одиночкѣ и массами“...

Это обобщеніе можно бы оправдать ссылками на чудовищныя по звѣрству и разнузданности эпизоды, какими нынѣ слишкомъ богата хроника каждой ежедневной газеты. И, конечно, въ обобщеніяхъ, основанныхъ на такого рода эпизодахъ, многое надо от-

нести за счетъ ошибокъ чисто внѣшняго воспріятія. Люди часто судятъ о вещахъ лишь по немногимъ бросающимся въ глаза признакамъ. Въ обывательской жизни, кромѣ избиеній и насилій есть стыдъ, совѣсть, безкорыстіе, человеколюбіе и подвиги человеколюбія. Кромѣ нынѣшняго хозяина улицы господина хулигана, есть живыя силы, въ тишинѣ и въ удаленіи творящія дѣло огромной общественной важности. Но живыя силы творятъ именно въ тишинѣ и въ удаленіи. А хулиганъ непотребствуетъ у всѣхъ на виду. Подвиги человеколюбія скромно прячутся. Наглость и безчинство хвастливо выставляются напоказъ. Этимъ создается нѣсколько преувеличенное представленіе объ интеллектуальномъ и моральномъ упадкѣ обывательской среды. И все-таки, повторяю, массовое вытравленіе совѣсти и безкорыстія нельзя производить безнаказанно. Въ жалобахъ на оствѣрленіе есть доля правды. И, поскольку она есть, ее приходится поставить въ счетъ все тѣхъ же руководителей политики, направленной къ искорененію и къ устраненію элементовъ, способныхъ возвышать сознание и чувства страны и уже по одной этой причинѣ «политически-опасныхъ» и «политически-неблагонадежныхъ». Нечего удивляться, если очень жидко молоко, съ котораго непрестанно снимаются сливки. Сосредоточеніе всѣхъ государственныхъ силъ и средствъ на борьбѣ съ политической неблагонадежностью не можетъ не опустошать морально страну до болѣе или менѣе полного оствѣрленія ея, какъ не можетъ не опустошать и матеріально, до болѣе или менѣе полного одичанія.

А. Петрицевъ.

Наброски современности.

XIV.

О писательскомъ съѣздѣ.

Среди разнообразныхъ мелкихъ и крупныхъ явленій, всплывавшихъ за послѣднее время на поверхность нашей общественной жизни, любопытный и характерный эпизодъ представилъ собою писательскій съѣздъ, собиравшійся минувшимъ лѣтомъ въ Петербургѣ. Интересъ этого съѣзда не исчерпывается его профессиональнымъ значеніемъ. Во многихъ отношеніяхъ онъ отразилъ на себѣ типичныя черты переживаемой нами дѣйствительности и съ этой точки зрѣнія онъ можетъ, пожалуй, представить извѣстный интересъ не только для писателей, но и для всѣхъ, кто стремится уло-

вить смыслъ различныхъ общественныхъ теченій настоящаго момента.

«Первый всероссійскій съѣздъ повременной печати»—такъ называли съѣздъ его инициаторы и устроители. Въ сущности это названіе было не совсѣмъ точно. Всероссійскій съѣздъ дѣятелей повременной печати уже собирался въ томъ же Петербургѣ въ 1905 году. Правда, тотъ съѣздъ собрался «явочнымъ порядкомъ» и носилъ по преимуществу политическій характеръ. Нынѣшній же съѣздъ былъ собранъ съ разрѣшенія начальства и старался стоять возможно дальше отъ политики. Должно быть, поэтому устроители съѣзда и наименовали его «первымъ», тѣмъ самымъ какъ бы отрицая всякую связь между нимъ и съѣздомъ 1905 года. И, судя по газетнымъ отчетамъ, такая связь, дѣйствительно, совершенно отсутствовала, хотя на нынѣшнемъ съѣздѣ и было не мало лицъ, въ свое время участвовавшихъ на съѣздѣ 1905 года. Другое время содало и другой характеръ писательскаго съѣзда.

Первой и главной особенностью нынѣшняго съѣзда, судя по отчетамъ и воспоминаніямъ его участниковъ, была крайняя безцвѣтность, оставившая, повидимому, во многихъ членахъ съѣзда чувство тягостной неудовлетворенности и какого-то смутнаго разочарованія. Когда съѣздъ еще только готовился, нѣкоторые органы печати возлагали на него большія ожиданія. «Кіевскія Вѣсти», напримѣръ, отмѣчая, что программа съѣзда черезчуръ узка, благодаря чему «самые жгучіе и насущные для печати интересы текущаго момента останутся на съѣздѣ не освѣщенными», тѣмъ не менѣе рѣшительно привѣтствовали самый съѣздъ. «Даже въ узкихъ рамкахъ настоящей программы—писала названная газета—эта первая попытка объединенія русской прессы, какъ столичной, такъ и провинціальной, на почвѣ совмѣстнаго обсужденія хотя бы нѣкоторыхъ вопросовъ заслуживаетъ широкаго сочувствія и поддержки. Съѣздъ собирается въ періодъ, необычайно тяжелый для русской журналистики, характеризуемый такъ ярко хотя бы безпримѣрнымъ упадкомъ числа періодическихъ изданій. И въ правовомъ, и въ экономическомъ отношеніяхъ русская печать прогрессивнаго лагеря несетъ передъ обществомъ службу, граничащую часто съ самопожертвованіемъ. Кто знаетъ, когда настанетъ для нея лучшее будущее? Пока же въ тяжеломъ настоящемъ придется искать облегченія въ солидарности и мы желаемъ съѣзду заложить хотя бы первый камень въ зданіе этой солидарности, прочной и постоянной организаціи прессы» *). Съ еще большею горячностью высказывала свои ожиданія отъ съѣзда петербургская «Рѣчь». «Если бы съѣздъ—писала она—положилъ начало превращенію разсыпанной хранины отдѣльныхъ журналистовъ въ стройную, организованную общественную силу, при всемъ разнообразіи

*) «Кіевскія Вѣсти», 22 іюня.

путей движущуюся къ единой общей цѣли, онъ могъ бы считать свою задачу осуществленной. Онъ знаменовалъ бы крупный шагъ впередъ въ развитіи русской общественной жизни. Свободное слово должно сдѣлаться на Руси силой, честной, правдивой и могучей, опасной для насильниковъ и хищниковъ, близкой душѣ всякаго угнетеннаго, обиженнаго, ищущаго правды... Мы знаемъ всю гамму различій направленій въ современной печати, мы знаемъ всю остроту возникающихъ въ ней споровъ и непримиримость разногласій. Мы не питаемъ никакихъ иллюзій, но все же думаемъ, что при всѣхъ этихъ различіяхъ можетъ найтись то общее, что дозволить имъ дружными усилиями приступить къ постройкѣ общаго для всѣхъ зданія, заложить основы такого обычнаго литературнаго права, которое обезпечитъ нашей повременной печати нравственную мощь и общественное уваженіе... *)).

Такъ писали газеты до открытія съѣзда. Но послѣ его открытія этотъ приподнятый тонъ сохранился на столбцахъ едва-ли не одной лишь «Рѣчи». Въ большинствѣ же остальныхъ органовъ печати онъ уступилъ свое мѣсто совсѣмъ другому тону и другого рода отзывамъ о съѣздѣ. Въ корреспонденціяхъ со съѣзда, помѣщавшихся въ «Кіевскихъ Вѣстяхъ», тѣхъ самыхъ «Кіевскихъ Вѣстяхъ», которыя такъ горячо привѣтствовали событіе съѣзда, яственно сквозила нота разочарованія и, пожалуй, даже нѣкотораго недоумѣнія по поводу того характера, какой принялъ съѣздъ въ дѣйствительности. «Съѣздъ... носилъ странный характеръ—отмѣчалъ съ своей стороны какой-то «провинціальный журналистъ» въ «Голосѣ Москвы»—и провинціальнымъ журналистамъ нечего было тамъ дѣлать» **). «Первый всероссійскій съѣздъ печати—констатируетъ въ свою очередь хроникеръ «Вѣстника Европы»—оставилъ въ общемъ тяжелое впечатлѣніе» ***).

Только что упомянутый сотрудникъ «Голоса Москвы» попытался не только отмѣтить «странный характеръ» съѣзда, но и объяснить эту «странность». По его мнѣнію, бѣда съѣзда, «состоявшаго, вкстати сказать, почти исключительно изъ представителей лѣвой печати», заключалась въ томъ, что «организаторы его не включили въ программу ни одного дѣйствительно серьезнаго профессиональнаго вопроса». «Я объясняю это—продолжалъ онъ—тѣмъ, что петербургскіе генералы отъ литературы совершенно незнакомы съ условіями газетной дѣятельности въ провинціи». «Вы думаете,—говорилъ онъ—въ провинціи преслѣдуется „вредное направленіе“? Увѣряю васъ, въ провинціи въ смыслѣ направленія гораздо свободнѣе, чѣмъ въ столицахъ... Но за то абсолютно нельзя писать о событіяхъ мѣстной жизни. Малѣйшій промахъ въ этомъ

*) «Рѣчь», 21 іюня.

***) «Голосъ Москвы», 3 іюля.

***) «Вѣстникъ Европы», августъ, «Изъ общественной хроники», с. 821.

отношеніи, оглашеніе какого-нибудь выдающагося случая, о которомъ давно уже знаетъ и говорить весь городъ, влечетъ за собой массу неприяностей, объясненія съ администраціей, угрозы штрафомъ и арестомъ, иногда приводимыя въ исполненіе. Я могу въ провинціальной газетѣ громить П. А. Столыпина, доказывать, что онъ ведетъ государство къ гибели, но не смѣю написать, что въ нашемъ городѣ городовые спятъ на улицахъ. Я могу свободно писать, что не слѣдуетъ давать денегъ на флотъ, но не смѣю занкнуться, что обывательскія деньги непроизводительно расходуются на абсолютно бесполезный институтъ ночныхъ стражниковъ, учрежденный по распоряженію мѣстнаго начальства. Направленіе газеты при этомъ не имѣетъ никакого значенія... Вотъ еслибы кто-нибудь на «всероссійскомъ сѣздѣ» сдѣлалъ докладъ на эту тему, сгруппировалъ бы факты, нарисовалъ бы дѣйствительную картину положенія провинціальной печати,—за это низко поклонились бы мы, провинціальные газетные работники, безъ различія направленія. Такой докладъ, фактически обоснованный, съ соответствующимъ мотивированнымъ постановленіемъ сѣзда, не могъ бы пройти незамѣченнымъ и, возможно, оказалъ бы косвенное вліяніе на улучшение положенія русской печати».

Увлечшись розовыми мечтами о столь легкомъ способѣ улучшить положеніе русской печати, сотрудникъ «Голоса Москвы» возлагаетъ на организаторовъ писательскаго сѣзда всю вину за то, что этотъ способъ не былъ примененъ на дѣлѣ и на сѣздѣ не были освѣщены въ рядѣ специальныхъ докладовъ современныя условія существованія русской прессы. Въ дѣйствительности, однако, судя даже по газетнымъ извѣстіямъ, въ отсутствіи въ программѣ сѣзда вопроса о настоящемъ положеніи русской печати приходится винить не инициаторовъ и устроителей сѣзда. Другой вопросъ, конечно, стоило ли собирать всероссійскій сѣздъ представителей печати для того, чтобы на немъ молчать о положеніи печати. Такого рода сѣздъ неизбежно долженъ былъ оказаться безцвѣтнымъ и получить «странный характеръ», и неудивительно, что его странность рѣзала глаза даже писателямъ октябристскаго толка, наивно надѣявшимся на «профессіональномъ» писательскомъ сѣздѣ подѣлиться мыслями обо всѣхъ огорченіяхъ, доставляемыхъ писательской профессіей. Гораздо больше можно удивляться тому, что организаторы сѣзда не только не предвидѣли этой странности, но какъ будто не замѣчали ея и на самомъ сѣздѣ, и въ своихъ докладахъ, изложенныхъ въ весьма высокомъ стилѣ, упорно не считались съ реальнымъ положеніемъ вещей, но за то очень торжественно именовали печать «шестой державой». Быть можетъ, отъ нѣкоторыхъ участниковъ сѣзда и ускользалъ комизмъ этой торжественности, но на посторонній взглядъ «шестая держава», не смѣющая заговорить о своемъ правовомъ положеніи, представляла собою по-истинѣ странное зрѣлище.

Впрочемъ, странность писательскаго съѣзда заключалась не только въ томъ, что онъ молчалъ о томъ, о чемъ, казалось бы, долженъ былъ говорить прежде всего. Не мало страннаго было и въ томъ, что говорилось на съѣздѣ, какъ не мало страннаго было и въ обстановкѣ этихъ разговоровъ. Главнымъ предметомъ занятій съѣзда, по плану его организаторовъ, долженъ былъ послужить вопросъ о чествованіи Л. Н. Толстого по поводу 80-лѣтней годовщины со дня его рожденія. Помимо этого, устроители съѣзда поставили на его обсужденіе еще два вопроса: объ устройствѣ литературнаго суда чести и объ авторскомъ правѣ. На почвѣ такой, довольно пестрой и случайной программы, инициаторы съѣзда разсчитывали создать широкое общеніе писателей безъ различія направленій, замкнувъ это общеніе въ рамки профессиональнаго съѣзда, который въ свою очередь долженъ былъ послужить первою ступенью къ образованію профессиональной писательской организаціи.

Въ этомъ планѣ уже въ самый моментъ его зарожденія было нѣчто такое, что не только не позволяло вѣрить въ его успѣхъ, но и способно было заставить людей, дорожащихъ опредѣленностью позиціи, занять по отношенію къ нему выжидательное положеніе, не принимая никакого участія въ его осуществленіи. Попытка сдѣлать изъ чествованія Л. Н. Толстого профессиональный вопросъ сама по себѣ едва-ли могла быть удачною. Но она становилась еще менѣе удачною, будучи соединена съ попыткой объединить въ такомъ чествованіи всю печать безъ различія направленій. Казалось бы, довольно трудно предпринимать такую попытку, связывая ее съ именемъ Л. Н. Толстого. Вѣдь Толстой не только великій художникъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ мыслитель и моралистъ, занимающій вполне опредѣленное положеніе по отношенію къ окружающей его жизни. И въ свою очередь въ этой жизни существуютъ вполне опредѣленные отношенія къ Толстому, расходящіяся въ разныя стороны до полной противоположности. Если одни относятся къ Толстому, какъ къ вдохновенному глашатаю высшей религіозной истины, если другіе, не соглашаясь со многими ученіями Толстого, различая въ великомъ писателѣ его десницу и шуйцу, все же видятъ въ немъ славу и гордость родной литературы, то третьи прежде всего усматриваютъ въ Толстомъ человека, преданнаго анафемѣ, вреднаго агитатора и пропагандиста, отличающагося отъ другихъ опасныхъ пропагандистовъ развѣ лишь тѣмъ, что ему, благодаря его извѣстности, не такъ легко заткнуть ротъ. Пытаться объединить первыхъ и вторыхъ съ третьими на почвѣ общаго чествованія Толстого значило бы, очевидно, создавать изъ этого чествованія жалкій компромиссъ, глубоко фальшивый въ самой своей основѣ, значило бы устраивать такое чествованіе Толстого, при которомъ было бы обойдено молчаніемъ все, что составляетъ духовную сущность великаго писателя. А между тѣмъ именно такое объединеніе какъ будто и имѣли въ виду инициаторы писатель-

скаго съѣзда, включившіе въ составъ временнаго бюро по созыву съѣзда печати въ числѣ другихъ лицъ и постояннаго сотрудника «Новаго Времени», г. А. Столыпина.

Представитель «Новаго Времени», совмѣстно съ представителями другихъ редакцій озабоченный устройствомъ чествованія Толстого,—такое зрѣлище было, по меньшей мѣрѣ, странно. Что общаго между Л. Н. Толстымъ, проповѣдникомъ любви и незлобія, требующимъ отъ литературы служенія высокимъ идеальнымъ задачамъ, и «Новымъ Временемъ», этимъ органомъ литературнаго сыска и доносительства, восхвалителемъ казней и погромовъ, насквозь проникнутымъ челоуѣконенавистничествомъ? И какое общеніе возможно между «Новымъ Временемъ», отстаивающимъ гнетъ надъ мыслью и словомъ, и тѣми органами печати, которые стремятся къ завоеванію свободы слова въ Россіи? Инициаторы съѣзда, повидимому, не ставили себѣ этихъ вопросовъ. Но передъ всякимъ, кто встрѣчалъ въ спискѣ устроителей съѣзда имя г. А. Столыпина, ближайшаго и постояннаго сосѣда нововременскаго Іудушки, такіе вопросы вставали сами собою и въ результатъ ихъ неизбѣжно рождалось недоувѣрчивое чувство по отношенію къ проектируемому съѣзду и возникали опасенія, что вся работа съѣзда приметъ чисто формальный характеръ и, не давъ ничего серьезнаго, сведется къ фальшивой демонстраціи мнимаго объединенія всей печати.

Въ значительной мѣрѣ эти опасенія и оправдались на дѣлѣ. Съѣздъ оказался немногочисленнымъ по составу, вялымъ по настроенію и, дѣйствительно, не далъ ничего серьезнаго. Даже главный вопросъ, подлежавшій его обсужденію и послужившій поводомъ къ самому созыву съѣзда печати,—вопросъ о чествованіи Л. Н. Толстого—принялъ на съѣздѣ крайне убогую форму. Съѣздъ прежде всего выслушалъ сообщеніе М. А. Стаховича объ его хлопотахъ, вмѣстѣ съ К. К. Арсеньевымъ и М. М. Ковалевскимъ, объ утвержденіи устава общества имени Толстого. Учредители проектировавшагося общества составили его уставъ съ крайней осторожностью, включивъ въ него только пункты уставовъ уже легализованныхъ обществъ, и такимъ образомъ, казалось имъ, обезпечили себя отъ возможности отказа въ утвержденіи устава. Помимо того они побывали у предсѣдателя совѣта министровъ, который выразилъ свое сочувствіе возникающему обществу, прибавивъ, однако, что утвержденіе устава зависитъ отъ городского присутствія по обществамъ и союзамъ. Предсѣдатель этого присутствія, петербургскій градоначальникъ, у котораго также нашли нужнымъ побывать учредители общества, съ своей стороны обѣщаль содѣйствовать утвержденію устава. Послѣ того городское присутствіе шесть недѣль тянуло дѣло и, наконецъ, отказало въ утвержденіи устава, мотивировавъ свой отказъ тѣмъ, что учредители общества не представили письменнаго заявленія самого Л. Н. Тол-

этого о согласіи его на учрежденіе общества его имени. Присутствіе не удовлетворилось даже тѣмъ, что ему было доставлено письмо гр. Толстой съ извѣщеніемъ о согласіи Л. Н. Толстой на учрежденіе общества, и требовало непременно письменнаго заявленія самого Толстого. Учредителямъ общества осталось лишь, какъ рассказывалъ г. Стаховичъ писательскому съѣзду, утѣшиться рѣшеніемъ обжаловать отказъ присутствія въ сенатъ. Съ своей стороны, съѣздъ, какъ повѣствовалъ одинъ изъ его участниковъ, «покрылъ рукоплесканіями рѣчь Стаховича и перешелъ къ очереднымъ дѣламъ». «Никто—продолжалъ тотъ же повѣствователь—не считъ нужнымъ сдѣлать изъ этой рѣчи неизбѣжно напрашивающіеся выводы. Вѣдь совершенно ясно, что разрѣшеніе общества имени Толстого признается нежелательнымъ, что дѣйствіе, разрываемое въ Петербургѣ, это только прологъ ко всему тому, что общается произойти въ близкіе дни Толстовскаго юбилея. Если въ Петербургѣ относятся отрицательно къ культурно-просвѣтительному обществу имени Толстого, во главѣ котораго ставятся такія завѣдомо благонадежныя лица, какъ Стаховичъ, Арсеньевъ и Ковалевскій, то не трудно себя представить, какъ мысль о чествованіи Толстого будетъ встрѣчена тамъ, гдѣ правятъ Думбада, Пѣшковы, Толмачевы. Казалось бы, при такихъ условіяхъ съѣздъ долженъ былъ заняться этими «неограниченными возможностями» и, кто знаетъ, быть можетъ, пришелъ бы къ заключенію, что достоинству, какъ Толстого, такъ и печати и страны, болѣе отвѣчаетъ отказъ отъ чествованія, чѣмъ тѣ жалкія формы, въ которыхъ будетъ дозволено этому чествованію вылиться. Но съѣздъ перешелъ къ своимъ очереднымъ мелочнымъ дѣламъ» *)...

По предложенію бюро, созваваемаго съѣздъ, этотъ послѣдній съ серьезнымъ видомъ постановилъ, чтобы номера газетъ и журналовъ, которые выйдутъ 28 августа, были посвящены Толстому. Кромѣ того, опять-таки по предложенію бюро, съѣздъ выразилъ пожеланіе, чтобы въ день 28 августа были устроены въ честь Толстого чтенія въ школахъ, народныя чтенія и спектакли. Одинъ изъ членовъ съѣзда, г. Либровичъ, предложилъ, чтобы 28 августа во всѣхъ семьяхъ читались произведенія Толстого. Съѣздъ и это пожеланіе принялъ съ тѣмъ же серьезнымъ видомъ. Всѣ эти постановленія съѣзда проходили, конечно, вполнѣ благополучно, и, какъ только одинъ изъ ораторовъ, г. Цитронъ, заговорилъ о томъ, что всего лучше было бы ознаменовать юбилей Толстого требованіемъ отъѣны смертной казни, сейчасъ же полицейскій чиновникъ, командированный на съѣздъ градоначальникомъ, попросилъ остановить оратора и снять возбужденный имъ вопросъ съ обсужденія съѣзда. Послѣднему такимъ образомъ и на его собственномъ опытѣ было наглядно показано, въ какихъ именно предѣлахъ допускались

*) „Кіевскія Вѣсти“, 26 іюня.

разговоры о чествованіи Толстого. И съѣздъ, повидимому, учелъ этотъ опытъ въ своихъ проектахъ чествованія, но учелъ исключительно въ сторону самоограниченія.

Въ качествѣ проектовъ ознаменованія Толстовскаго юбилея съѣздомъ были приняты еще два предложенія. Одно изъ нихъ было внесено г. Гессеномъ, предложившимъ издать сборникъ статей, посвященныхъ Л. Н. Толстому. Другое было сдѣлано г. Богучарскимъ и сводилось къ проекту открыть черезъ органы печати повсемѣстный сборъ пожертвованій на устройство въ Петербургѣ дома-музея имени Толстого. Собираніе пожертвованій для этой цѣли—аргументировалъ г. Богучарскій свое предложеніе—встрѣтитъ меньше препятствій, нежели сборъ пожертвованій на изданіе сочиненій Толстого. А, съ другой стороны, при наличности такого дома-музея въ немъ могли бы происходить писательскія собранія и русскіе журналисты нашли бы себѣ постоянный пріютъ, «безъ чего всѣ разговоры объ объединеніи писателей останутся въ значительной степени праздными». Такимъ образомъ съѣзду предлагалось, воспользовавшись юбилеемъ Толстого, открыть сборъ пожертвованій частью на музей, посвященный Толстому, частью на профессиональныя нужды писателей. Это предложеніе немедленно вызвало новый проектъ—со стороны г. Градовскаго, который вспомнилъ старую тактику «Кассы взаимопомощи литераторовъ», пользовавшейся всякимъ случаемъ, чтобы устроить сборъ въ свою пользу, и предложилъ сдѣлать изъ долженствующаго быть собраннымъ путемъ всероссійскихъ пожертвованій Толстовскаго фонда отчисленіе въ пенсіонный капиталъ «Кассы». Предложеніе г. Градовскаго повело къ горячимъ спорамъ на тему: возможно ли для писателей обращеніе за помощью къ обществу, при чемъ, однако, никто изъ спорившихъ не задалъ довольно естественнаго, казалось бы, вопроса, почему, если даже считать такое обращеніе вообще допустимымъ, оно можетъ быть сдѣлано именно въ интересахъ «Кассы взаимопомощи литераторовъ», обслуживающей не всѣхъ русскихъ писателей, а только одну ихъ часть, объединившуюся на началахъ взаимопомощи. Въ концѣ концовъ предложеніе г. Градовскаго было все же отвергнуто, хотя и не особенно значительнымъ большинствомъ голосовъ, а предложеніе г. Богучарскаго нѣсколько видоизмѣнено, и съѣздъ выразилъ пожеланіе объ открытіи повсемѣстнаго сбора пожертвованій въ Толстовскій фондъ съ тѣмъ, чтобы средства этого фонда были употреблены на созданіе дома-музея имени Толстого, на другія культурно-просвѣтительныя учрежденія, предназначенныя для изученія произведеній Толстого или для ознакомленія съ ними широкихъ круговъ населенія, на изданіе всего, что написано Толстымъ за послѣдніе 25 лѣтъ его жизни, и, наконецъ, вообще на удешевленіе его сочиненій. Этимъ и закончилъ съѣздъ свои работы по организаціи чествованія Л. Н. Толстого.

Еще меньшіе результаты дала другая часть работъ съѣзда, по-

священная профессиональнымъ вопросамъ. Вопросъ объ авторскомъ правѣ, который первоначально предполагалось обсуждать, былъ затѣмъ снятъ съѣздомъ съ очереди, и изъ всѣхъ профессиональныхъ вопросовъ писательскій съѣздъ занялся лишь однимъ—вопросомъ объ учрежденіи литературнаго суда чести. Правда, инициаторы съѣзда склонны были придавать этому вопросу весьма серьезное значеніе. М. М. Ковалевскій, открывая съѣздъ, постарался даже связать этотъ вопросъ съ чествованіемъ Л. Н. Толстого и съ самымъ ученіемъ послѣдняго. «Мы намѣреваемся—говорилъ онъ, перечисляя задачи съѣзда,—показать себя вѣрными послѣдователями толстовскаго ученія, ставящаго самоусовершенствованіе высшей задачей жизни. Мы рѣшили поэтому включить въ нашу программу обсужденіе тѣхъ мѣръ, которыми наша печать могла бы и на будущее время обезпечить себѣ ту заслуженную репутацію нелицеприятнаго голоса общественной совѣсти, какую создали ей въ разное время Новиковъ и Карамзинъ, Полевой и Аксаковы и длинная плеяда ея вождей вплоть до Корша и Салтыкова». Указавъ затѣмъ, будто въ прошломъ «наши періодическія изданія никогда не давали серьезнаго повода къ обвиненію, что они закабалены тѣмъ или другимъ имущественнымъ классомъ и являются односторонними глашатаями ихъ заинтересованныхъ требованій», г. Ковалевскій вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчалъ, что въ настоящее время положеніе русской печати въ корнѣ измѣнилось, такъ какъ «времена, когда голосъ печати оставался гласомъ вопіющаго въ пустынь, къ счастью, отошли въ прошлое». «При представительномъ образѣ правленія—продолжалъ онъ—печать необходимо становится повсюду руководящей общественной мысли, а потому и законодательной дѣятельности. Одни могутъ радоваться этому, другіе—печалиться, но никто этого не можетъ отрицать, а если такъ, то понятно, что вопросъ о сохраненіи за русской печатью репутаціи безсребренной служительницы высшимъ интересамъ родины и народному благу, неразрывно связанъ со здоровымъ развитіемъ нашей народной самостоятельности, нашего какъ центрального, такъ и мѣстнаго самоуправления. Я полагаю поэтому, что устроители настоящаго съѣзда хорошо сдѣлали, включивъ въ его программу вопросъ о судѣ чести. Отъ правильной постановки этого суда и того довѣрія, какое съ сумѣетъ внушить къ себѣ, во многомъ зависитъ будущее нашей печати, т. е. сохраненіе за нею роли воспитательницы призванныхъ къ политической жизни слоевъ русскаго общества» *).

Многое въ приведенной тирадѣ должно было при ближайшемъ разсмотрѣніи показаться нѣсколько страннымъ. Какимъ образомъ, «оставаясь вѣрными послѣдователями толстовскаго ученія», отрицающаго возможность какого бы то ни было суда и осужденія, можно было прийти къ мысли объ учрежденіи литературнаго суда

*) „Рѣчь“, 24 іюня.

честь, это, конечно, останется секретомъ М. М. Ковалевскаго, представляющимъ своего рода загадку для всѣхъ другихъ. Въ своемъ родѣ не менѣе любопытно было, пожалуй, и другое утвержденіе г. Ковалевскаго, сводившееся къ заявленію, будто до сихъ поръ наши періодическія изданія никогда не давали серьезнаго повода къ обвиненію, что они закабалены тѣмъ или другимъ имущественнымъ классомъ и являются односторонними глашатаями его интересовъ и требованій. Въ дѣйствительности, конечно, исторію русской печати не приходится рассматривать черезъ такія розовыя очки. Органы, обслуживающіе интересы отдѣльныхъ имущественныхъ классовъ и, въ частности, классовъ правящихъ, были и есть въ рядахъ нашей прессы. Г. Ковалевскій, повидимому, просто забылъ о существованіи такихъ періодическихъ изданій, какъ покойные «Вѣсть» и «Русскій Вѣстникъ» или нынѣ здравствующія «Московскія Вѣдомости» и «Новое Время». И если эта забывчивость можетъ показаться нѣсколько странной, то, пожалуй, не менѣе страннымъ, чтобъ не сказать наивнымъ, представляется и тотъ оптимизмъ, съ которымъ г. Ковалевскій, предвидя извѣстную опасность для нравовъ прессы въ «представительномъ образѣ правленія», разсчитываетъ предотвратить эту опасность и сохранить за печатью «репутацию безсребренной служительницы высшимъ интересамъ родины и народному благу» и «роль воспитательницы призванныхъ къ политической жизни слоевъ русскаго общества» путемъ устройства литературнаго суда чести. Для такой большой цѣли данное учрежденіе явится, можно думать, черезчуръ мелкимъ и ненадежнымъ средствомъ.

Большинство съѣзда стало, однако, на другую точку зрѣнія, близкую къ высказанной М. М. Ковалевскимъ. Правда, когда внесено было предложеніе объ устройствѣ литературнаго суда чести, на стѣндѣ раздались отдѣльные голоса, говорившіе о томъ, что созданіе такого суда, въ общемъ желательнаго, все же не является особенно важной задачей въ настоящій моментъ и во всякомъ случаѣ не можетъ имѣть большого значенія до тѣхъ поръ, пока не существуетъ никакой правильной профессиональной организаціи писателей. Но эти голоса вызвали горячій отпоръ со стороны большинства ораторовъ, согласно утверждавшихъ, что судъ чести крайне важенъ для писателей именно въ настоящее время, и что устройства его нельзя откладывать до образованія профессиональной писательской организаціи. «Откладывать учрежденіе суда чести—восклицалъ одинъ изъ ораторовъ, г. Раецкій,—больше нельзя. Надо немедленно создать аппаратъ самосохраненія для защиты отъ надвигающагося на русскую печать грознаго приврака—желтаго, чумазаго шантажиста». «Пока солнце взойдетъ, роса глаза выѣстъ,—вторилъ ему другой ораторъ, г. Адриановъ.—Нельзя ждать учрежденія суда чести до тѣхъ поръ, пока сформируется прочная профессиональная организація писателей... Въ періодъ шатанія,

который мы теперь переживаемъ, необходимъ такой органъ, во главѣ котораго стояли бы лица, сужденіямъ которыхъ мы вѣримъ *). Въ этихъ и подобныхъ имъ рѣчахъ передъ проектируемымъ судомъ чести ставилась приблизительно та же самая задача, какую намѣчалъ для него въ своей рѣчи и г. Ковалевскій,—задача спасенія добрыхъ нравовъ прессы, и ораторы, повидимому, находились въ твердой увѣренности, что такая задача легко можетъ быть осуществлена, въ всякой зависимости отъ общихъ условій положенія печати, однимъ лишь созданіемъ литературнаго суда чести. Въ концѣ концовъ съѣздъ и призналъ необходимымъ, не дожидаясь созданія профессиональной писательской организаціи, немедленно учредить литературный судъ чести, съ тѣмъ, что всѣ участники съѣзда, голосовавшіе за это учрежденіе, а равно и лица, которыя впоследствии присоединятся къ нимъ, образуютъ собой первую ячейку литераторовъ, признающихъ для себя нравственно обязательнымъ судъ чести.

Можно было бы не мало возразить и противъ выдвиганія суда чести, какъ главнѣйшей потребности русской печати въ настоящую минуту, и противъ созданія такого учрежденія въ неоформленной средѣ, лишенной всякой сколько-нибудь устойчивой организаціи. Но, быть можетъ, сильнѣе и ярче всѣхъ подобныхъ возраженій охарактеризовали истинное значеніе предпринятой съѣздомъ попытки дальнѣйшаго дѣйствія самого съѣзда. Покончивъ съ общими вопросами, онъ приступилъ къ выборамъ членовъ суда чести и членовъ постоянного комитета, который долженъ былъ замѣнить собой временное бюро, созвавшее съѣздъ. И при этихъ выборахъ въ составъ комитета, на ряду со многими уважаемыми писателями *), прошелъ, между прочимъ, и г. А. Столыпинъ, бывшій раньше членомъ временнаго бюро. Такимъ образомъ, съѣздъ, признавшій необходимымъ поднимать и очищать нравы печати путемъ литературнаго суда чести, вмѣстѣ съ тѣмъ счелъ для себя вполне возможнымъ имѣть въ числѣ своихъ выборныхъ представителей нововременскаго публициста, ничѣмъ притомъ не выдѣляющагося изъ ряда типичныхъ сотрудниковъ «Новаго Времени». Правду сказать,

*) «Рѣчь», 27 іюня.

**) Нужно замѣтить, однако, что многіе члены и комитета, и суда чести были выбраны съѣздомъ заочно. Недавно въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ появилось такое письмо А. В. Пѣшеконова: „Въ № 168 „Русскихъ Вѣдомостей“ было напечатано обращеніе комитета съѣзда повременной печати съ просьбой о присылкѣ изданій, посвященныхъ Л. Н. Толстому, для музея, устраиваемаго комитетомъ. Въ концѣ обращенія приведенъ списокъ лицъ, входящихъ въ составъ комитета, при чемъ въ качествѣ такового названъ и я. Это—очевидное недоразумѣніе. Правда, изъ газетъ мнѣ известно, что съѣздъ заочно избралъ меня кандидатомъ въ члены, но этимъ и ограничиваются всѣ мои отношенія къ съѣзду и комитету. Въ составъ послѣдняго я не вхожу“. Сколько мнѣ известно, отказался отъ избранія не одинъ А. В. Пѣшеконовъ и въ виду этого опубликованные въ газетахъ списки членовъ комитета и суда чести являются не совсѣмъ точными.

согласовать эти два рѣшенія довольно трудно и остается только предполагать, что, по крайней мѣрѣ, часть съѣзда мало вдумалась въ задачу, какую сама себѣ поставила, и не дала себѣ достаточнаго отчета въ томъ, въ какихъ предѣлахъ возможно объединеніе дѣятелей печати, въ особенности объединеніе, преслѣдуемое, въ качествѣ одной изъ своихъ цѣлей, охраненіе чистоты литературныхъ нравовъ. Объединеніе печати, поставленное безъ всякихъ оговорокъ, является слишкомъ общей и неопредѣленной задачей. Надо еще знать, съ кѣмъ и во имя чего предполагается объединеніе, а то вѣдь печать есть разная и объединеніе объединенію тоже бываетъ ровнь. Но отвѣтить на вопросъ, какое именно объединеніе имѣлъ въ виду писательскій съѣздъ, не такъ легко. Учредить для поддержанія литературной этики судъ чести и вслѣдъ затѣмъ выбрать въ число своихъ представителей сотрудника газеты, сдѣлавшей своей специальностью клевету и доносъ,—въ этомъ есть глубокое внутреннее противорѣчіе, которое никакъ нельзя устранить, и которое, думается, какъ нельзя болѣе убѣдительно свидѣтельствуешь, что съѣздъ не вполне ясно представлялъ себѣ, что именно онъ хочетъ сдѣлать, и понималъ свою задачу по преимуществу съ формальной стороны.

Не меньшее противорѣчіе проявилось и въ другомъ рѣшеніи съѣзда. Своему комитету, участникомъ котораго является г. А. Столыпинъ, комитетъ поручилъ озаботиться приведеніемъ въ исполненіе мѣръ, намѣченныхъ имъ для чествованія Л. Н. Толстого. Но проектъ чествованія Толстого поднялъ на ноги всѣ темныя силы реакціи и въ первую голову пресловутый «союзъ русскаго народа». Въ Саратовѣ городская дума постановила было принять участіе въ чествованіи юбилея Толстого, но мѣстный «православный братскій союзъ русскаго народа» представилъ губернатору ходатайство о недопущеніи такого чествованія и губернаторъ во исполненіе этого ходатайства приостановилъ постановленіе думы, за что и удостоился благодарственнаго адреса отъ «союза» *). Въ Кіевѣ городская дума ходатайствовала о присвоеніи двумъ городскимъ начальнымъ училищамъ имени Л. Н. Толстого, но ходатайство это, по словамъ «Кіевлянина», представлено администраціей въ Петербургъ «съ неблагопріятнымъ заключеніемъ». Кіевскій же отдѣлъ «русскаго собранія» въ одномъ изъ своихъ засѣданій постановилъ, по предложенію г. Юзефовича, «поручить особой делегаціи просить г. начальника края воспретить въ предѣлахъ юго-западнаго края чествованіе Л. Н. Толстого». Въ свою очередь одна изъ секцій собиравшагося въ Кіевѣ миссіонерскаго съѣзда постановила возбудить ходатайство передъ синодомъ объ изданіи увѣщательнаго посланія съ воспрещеніемъ участвовать въ чествованіи Тол-

*) „Сарат. Вѣстникъ“, 16 іюля.

стого *). Одинъ изъ членовъ синода, извѣстный кронштадтскій священникъ Иванъ Сергіевъ, счелъ, впрочемъ, нужнымъ пойти еще дальше. «Господи, — молился онъ недавно на столбцахъ «Русскаго Знамени» — умиротвори Россію ради церкви Твоей, ради нищихъ людей Твоихъ, прекрати мятежъ и революцію, возьми съ земли хульника Твоего злѣйшаго и нераскаяннаго Льва Толстого и всѣхъ его горячихъ послѣдователей» **). Съ своей стороны и центральная свѣтская власть не осталась равнодушной къ Толстовскому юбилею и министерство народнаго просвѣщенія, какъ сообщаютъ газеты, особымъ циркуляромъ, обращеннымъ къ попечителямъ учебныхъ округовъ, воспретило учебнымъ заведеніямъ участіе въ чествованіи Толстого ***). И въ этой оргіи человѣконенавистничества, разыгравшейся вокругъ имени великаго писателя, явственно прозвучалъ голосъ «Новаго Времени», устами г. Меньшикова обрушившагося на Л. Н. Толстого, за его послѣднюю статью, направленную противъ смертныхъ казней («Не могу молчать»), и истолковавшаго самый юбилей Толстого какъ «попытку евреевъ приспособить великаго русскаго человѣка въ качествѣ іерихонской трубы для разрушенія стѣнъ русской государственности и вѣры» ****). Я не знаю, какъ почувствовали себя въ виду этого послѣдняго факта дѣятели печати, объединившіеся съ «Новымъ Временемъ» для совмѣстнаго чествованія Толстого и выбравшіе съ этой цѣлью г. А. Столыпина въ свой комитетъ, но могу сказать, что я на ихъ мѣстѣ чувствовалъ бы себя попавшимъ въ крайне фальшивое положеніе. И однако-же случилось какъ разъ то, что должно было случиться, и «Новое Время» заняло именно ту позицію, какою оно только и могло занять въ настоящемъ случаѣ.

Не нужно было, въ самомъ дѣлѣ, черезчуръ большой проницательности для того, чтобы предвидѣть, какъ въ концѣ концовъ отнесется газета г. Суворина къ чествованію Толстого, и не нужно было, казалось бы, чрезмѣрной брезгливости для того, чтобы воздержаться отъ слишкомъ тѣснаго общенія съ этой газетой. Не сѣзъ, стараясь, очевидно, остаться вѣрнымъ своему лозунгу объ объединеніи печати безъ различія направленій, не счелъ нужнымъ проявить даже минимальную брезгливость и тѣмъ самъ подготовилъ для себя положеніе, въ которомъ заключается глубокое противорѣчіе, такъ ярко выступившее наружу съ приближеніемъ для Толстовскаго юбилея.

Подводя конечные итоги писательскаго сѣзда, трудно признатъ ихъ сколько-нибудь серьезными и значительными. Собраннымъ въ эпоху жесточайшихъ гоненій на русскую печать, онъ счелъ все-

*) „Соврем. Слово“, 25 іюля.

**) Цитирую по „Совр. Слово“, 18 іюля.

***) „Утро“, 11 августа.

****) „Новое Время“, 14 іюля.

возможнымъ совершенно замолчать эти гоненія. Выдвинувъ въ качествѣ едва-ли не главнѣйшей потребности русской печати въ настоящую минуту созданіе литературнаго суда чести, онъ и эту задачу поставилъ крайне одностороннимъ и формальнымъ образомъ. Созванный для чествованія Л. Н. Толстого, онъ составилъ довольно убогіе проекты такого чествованія и вмѣстѣ съ тѣмъ воспользовался имъ для демонстративнаго объединенія прогрессивной печати съ «Новымъ Временемъ», объединенія, вся фальшь котораго не замедлила, конечно, обнаружиться. Такого рода результаты едва-ли способны обезпечить минувшему писательскому съѣзду особенно видное мѣсто въ исторіи русской журналистики и то разочарованіе многихъ членовъ съѣзда, о которомъ я выше упоминалъ, представляется вполне понятнымъ.

Вялый и безцвѣтный по своему настроенію, неустойчивый и протворѣчивый въ своихъ рѣшеніяхъ, писательскій съѣздъ минувшаго лѣта едва-ли случайно получилъ такой характеръ. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, какъ я уже упоминалъ, онъ представляется типичнымъ порожденіемъ переживаемой нами минуты, тѣсно связанымъ съ нѣкоторыми ея особенностями. Въ моментъ жестокаго пораженія народа, среди дикаго разгула реакціи естественно было зародиться мысли о необходимости объединенія всѣхъ живыхъ общественныхъ силъ. И за послѣднее время такая мысль, дѣйствительно, носится, можно сказать, въ воздухѣ, проявляясь въ самыхъ различныхъ углахъ нашего отечества, въ самыхъ различныхъ сферахъ нашей общественной жизни. Но, съ другой стороны, только что понесенное пораженіе оставило глубокіе слѣды въ психологіи нѣкоторыхъ менѣе устойчивыхъ въ своемъ настроеніи общественныхъ группъ, подрывая въ нихъ вѣру въ возможность и плодотворность рѣшительной борьбы и прививъ имъ склонность къ далеко идущимъ компромиссамъ. И въ прямой зависимости отъ этого самыя попытки объединенія общественныхъ силъ, предпринимаемыя такими группами, получаютъ особенный характеръ. Онѣ совершаются, такъ сказать, по линіи наименьшаго сопротивленія, производятся съ наивнымъ расчетомъ привлечь къ проектируемому объединенію побужденныхъ хотя бы нѣкоторые элементы изъ лагеря торжествующихъ побѣдителей. За послѣдніе мѣсяцы передъ глазами русскаго обывателя прошелъ цѣлый рядъ попытокъ такого страннаго объединенія. Онѣ совершались въ третьей Думѣ, гдѣ конституціоналисты-демократы упорно, хотя и безуспѣшно, старались сблизиться съ октябристами, онѣ повторялись весною при приѣмѣ «славянскихъ гостей» въ Петербургѣ и лѣтомъ на славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ, причемъ въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ происходило объединеніе еще болѣе пестрыхъ элементовъ. Аналогичную попытку объединенія представилъ собою и лѣтній писательскій съѣздъ, на которомъ

часть прогрессивной русской печати оказалась объединившейся не только съ г. Стаховичемъ, но и съ «Новымъ Временемъ» и его представителемъ, г. А. Столыпинымъ. И въ качествѣ именно такой попытки съѣздъ роковымъ образомъ приобрѣлъ безцвѣтный характеръ чисто формальнаго предпріятія, сами участники котораго какъ будто не вѣрили въ серьезность и необходимость того дѣла, какою они собирались дѣлать.

Въ сущности всѣ подобныя попытки объединенія принципиально противоположныхъ элементовъ и дѣйствительно обречены на неизбежную неудачу. Слишкомъ много фальши заложено въ нихъ, слишкомъ большого и серьезнаго компромисса требуютъ онѣ отъ своихъ участниковъ. Правда, сторонники такого компромисса имѣютъ въ защиту его специальный аргументъ. Согласно этому аргументу, русская жизнь вступила теперь въ новую эру, характеризуемую «представительнымъ образомъ правленія», и въ виду наличности этой новой эры многія изъ прежнихъ принципиальныхъ разногласій утрачиваютъ свое значеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ выдвигаются многія новыя задачи, разрѣшеніе которыхъ становится возможнымъ именно при условіи примѣненія далеко идущихъ компромиссовъ. Казалось бы, текущая дѣйствительность самымъ недвусмысленнымъ и жестокимъ образомъ показываетъ русскому обывателю, съ какою роюй и съ какимъ именно «представительнымъ образомъ правленія» имѣетъ онъ дѣло. И однако-же потребность самоутѣшенія такъ сильна въ нѣкоторыхъ обывательскихъ кругахъ, что мысль о новой эрѣ все продолжаетъ повторяться, причемъ въ подкрѣпленіе ея порою приводятся самыя неожиданныя сообщенія.

Не такъ давно «Саратовскій Вѣстникъ» счелъ нужнымъ возразить на мою июньскую статью, въ которой мнѣ пришлось говорить о томъ, что представляетъ собою якобы происходящее въ настоящее время «укрѣпленіе конституціи» въ Россіи. «Какъ ни краснорѣчивы, какъ ни безспорны приводимые г. Мякотинимъ факты „излишества“,—говоритъ газета,—не менѣе безспорно и то, что *идея* *) народнаго представительства послѣ семимѣсячнаго существованія третьей Думы значительно окрѣпла. Не надо забывать, что такое представляетъ изъ себя третья Дума по своему составу. Подавляющее большинство ея—это люди 3 іюня, въ которыхъ старый порядокъ надѣялся найти опору. И вотъ это „руководящее большинство“ „простымъ и элементарнымъ фактомъ“ участія въ парламентской жизни настолько отравилось конституционнымъ ядомъ, что оно не можетъ больше „мыслить Россію съ инымъ политическимъ строемъ, чѣмъ тотъ, какой водворился“. Уже самый тотъ фактъ, что подобныя слова исходятъ отъ человѣка **), еще не такъ давно открыто оправдывавшаго „излишества“, въ высшей

*) Курсивъ здѣсь, какъ и дальше, принадлежитъ газетѣ.

**) А. И. Гучкова.

степени симптоматиченъ. Онъ является лучшимъ аргументомъ въ пользу того, что *идея* народного представительства сдѣлала въ Россіи большіе успѣхи. Правда, идея — одно, практика — другое; но вѣдь объ *идеѣ* пока только и идетъ рѣчь — идеѣ, которая, какъ извѣстно, всегда предшествуетъ практикѣ». Исходя изъ этихъ соображеній, газета считаетъ себя вынужденной «признать, что именно „простой фактъ“ существованія третьей Думы въ значительной степени способствовалъ расширенію круга сторонниковъ конституціи». «Менѣе всего, конечно, — продолжаетъ она, — здѣсь можно говорить о „заслугахъ“ третьей Думы; но исторія сплошь и рядомъ зло смѣется надъ Савлами, незамѣтно для нихъ самихъ обращая ихъ въ Павловъ. И если о полномъ обращеніи Савловъ третьей Думы говорить пока преждевременно, то все же признаки нѣкотораго прозрѣнія — фактъ несомнѣнный. Пренія по морскому бюджету, ко смѣтѣ народного просвѣщенія и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ показываютъ, что внутренняя переработка уже началась» *).

Какъ видно, публицистамъ «Саратовскаго Вѣстника» нужно очень немного для того, чтобы увѣровать въ успѣхи «идеи народного представительства». Нѣсколько думскихъ рѣчей съ критикой правительства со стороны октябристовъ, да заявленіе г. Гучкова, что они не могутъ «мыслить Россію съ инымъ политическимъ строемъ, чѣмъ тотъ, какой водворился», — и газета уже заключаетъ, что «идея народного представительства сдѣлала въ Россіи большіе успѣхи». Пожалуй только, такое заключеніе черезчуръ ужъ поспѣшно и черезчуръ мало соответствуетъ тѣмъ доводамъ, которые положены въ его основу. Разныя рѣчи говорили октябристы въ Думѣ и тѣ изъ ихъ рѣчей, въ которыхъ они критиковали правительство, всего менѣе были согласованы съ ихъ поступками. Что касается словъ г. Гучкова, то имъ трудно придавать сколько-нибудь серьезное значеніе. Было время, когда г. Гучковъ заявлялъ о необходимости всеобщаго избирательнаго права, было время, когда онъ восхвалялъ военно-полевые суды. Теперь онъ заявляетъ, что октябристы не могутъ мыслить Россію «съ инымъ политическимъ строемъ, чѣмъ тотъ, какой водворился», но и это заявленіе недорогого стоитъ. Слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстно, что перемѣняея обстоятельства — г. Гучковъ и другое скажетъ. Такимъ образомъ доводы «Саратовскаго Вѣстника» едва-ли могутъ доказать существованіе тѣхъ «успѣховъ идеи народного представительства», которыхъ сама газета не надѣется найти въ практикѣ русской жизни. Но, конечно, если достаточно рѣшительно отдѣлить «идею» отъ «практики», то можно спокойно вѣрить въ существованіе и успѣхи нематериализованной идеи и такую вѣру окажутся, пожалуй, неспособны поколебать самые разительные, самые чудовищные факты.

*) „Сарат. Вѣстникъ“, 3 іюля.

А въ такихъ фактахъ нѣтъ недостатка. Ихъ приносятъ къ собою каждый день, объ нихъ говорить чуть-ли не каждый свѣжій газетный листъ. Не далѣе, какъ на-дняхъ, въ столичныхъ газетахъ былъ опубликованъ чрезвычайно характерный приказъ по управленію Нерчинской каторги, данный 25 іюня т. г. начальникомъ каторги Забѣлло. Въ виду крупнаго интереса, представляемаго этимъ документомъ, я позволю себѣ привести его цѣликомъ.

29 мая сего года—говорится въ немъ—17 ссыльно-каторжныхъ Акатуйской тюрьмы подали на имя прокурора Читинскаго окружнаго суда прошеніе съ жалобой на строгость тюремнаго режима, а также на то, что приказомъ отъ 28 апрѣля с. г. вѣнено въ обязанность всѣмъ начальникамъ тюремъ ввести въ расписаніе арестантскаго дня обязательное пѣніе молитвъ послѣ утренней и вечерней повѣрки.

Прошенія эти г. прокуроромъ были препровождены военному губернатору Забайкальской области и его превосходительствомъ наложена слѣдующая резолюція:

„1. „Какіхъ-то“ циркуляровъ не бываетъ, а бываютъ настоящіе, для точнаго исполненія.

2. Молитва Богу входитъ въ общій внутренній распорядокъ тамъ, гдѣ живутъ люди.

3. Тамъ, гдѣ законъ разрѣшаетъ сѣчь виновныхъ розгами,—молитвы могутъ способствовать исправленію совѣсти и не составляютъ ровно никакого издѣательства надъ личностью христіанина.

4. На каторгѣ никакія политическія партіи не признаются и не допустимы.

5. „Свобода“ осуществляется на свободѣ, а не въ каторжной тюрьмѣ, гдѣ никакая свобода допущена не будетъ.

6. На каторгѣ нѣтъ политическихъ, а есть ссыльно-каторжные арестанты.

7. Всякія „осложненія“, о которыхъ говорится въ прошеніяхъ, могутъ вызвать со стороны администраціи такое острое воздѣйствіе, которое едва-ли будетъ лучше пѣнія молитвъ.

8. Тамъ, гдѣ нѣтъ вѣры, не можетъ быть и рѣчи о вѣротерпимости.

9. Прокурору не предоставлено право вѣшиваться во внутренній порядокъ въ тюрьмахъ.

10. Кто попалъ въ каторжную тюрьму за государственное преступленіе, тому на высочайшій манифестъ 17 октября 1905 года ссылаться поздно, лучше было бы воспользоваться его благами до тюрьмы.

11. Прошеніямъ на строгость режима никто никакого значенія придавать не будетъ изъ высшей администраціи края.

12. Кто попалъ въ тюрьму, тому надо помнить, что онъ не на свободѣ.

Резолюцію эту предписываю начальникамъ тюремъ и завѣдующимъ ссыльно-каторжнымъ на промыслахъ объявить всѣмъ ссыльно-каторжнымъ, содержащимся во ввѣренныхъ имъ тюрьмахъ.

Свирѣпый юморъ этого документа достаточно говоритъ самъ за себя. Остается развѣ добавить, что, по частнымъ свѣдѣніямъ, политическіе каторжные, находящіеся въ тюрьмахъ Нерчинской каторги, уже нѣсколько мѣсяцевъ принуждены выдерживать упорную борьбу изъ-за предъявленнаго къ нимъ требованія участвовать въ пѣніи молитвъ. За отказъ въ исполненіи этого требованія ихъ сажаютъ въ карцеръ, лишаютъ пищи и грозятъ имъ тѣлеснымъ наказаніемъ. Резолюція военнаго губернатора Забайкальской области

и передающій ее приказъ начальника каторги, конечно, еще болѣе обостряетъ эту борьбу и не трудно представить себѣ, къ какимъ мрачнымъ трагедіямъ можетъ повести она. Но возможность такихъ трагедій изъ-за нелѣпаго требованія, чтобы невѣрующіе люди пѣли молитвы, никого не пугаетъ и глава мѣстной администраціи впередъ объявляетъ, что «прошеніямъ на строгость режима нѣтъ никакого значенія придавать не будетъ».

Одного этого эпизода, пожалуй, достаточно, чтобы вполне ясно охарактеризовать достигаемые нами «успѣхи» и уяснить смыслъ переживаемаго момента. Это моментъ безпощадной войны, безжалостнаго истребленія торжествующей силой реакціи всѣхъ ея противниковъ. И если въ такой моментъ можетъ и должна идти рѣчь объ объединеніи всѣхъ живыхъ силъ страны, то, казалось бы, онъ не оставляетъ мѣста для компромиссовъ и объединенія съ торжествующими истребителями и восторженными пѣвцами ихъ подвиговъ.

В. Мякотинъ.

Левъ Николаевичъ Толстой.

I.

Среди смуты, въ хаосѣ творенія новой русской жизни, наступаетъ 80-лѣтняя годовщина великаго русскаго художника и истинно замѣчательнаго человѣка, вызывающаго удивленіе и восторгъ во всемъ читающемъ и мыслящемъ человѣчествѣ. Нѣтъ угла на земномъ шарѣ, въ который только проникаетъ газета, на какомъ бы языкѣ она ни издавалась, куда бы теперь ни проникало и это имя. И всюду оно вызываетъ извѣстное движеніе мысли и чувства, ума и совѣсти, начиная съ простаго любопытства или радостнаго сочувствія и кончая напряженнымъ столкновеніемъ религіозныхъ, нравственныхъ, политическихъ мнѣній. Последнее—особенно въ нашемъ отечествѣ. Здѣсь около этой сложной, удивительной и величавой фигуры бушуетъ теперь настоящій водоворотъ разнообразныхъ теченій, происходитъ столкновеніе не однихъ взглядовъ, но и страстей. Наша жизнь всколыхнулась до глубины въ трагическомъ усилии возрожденія,—но и среди этого огромнаго движенія, быть можетъ, въ органической съ нимъ связи—правдникъ литературы, правдникъ свободной мысли и слова составляетъ одинъ изъ выдающихся эпизодовъ, которому суждено остаться и въ біографіи великаго писателя и въ исторіи нашей общественности характер-

нымъ пятномъ на своеобразномъ фонѣ... Какой величаво-яркій закатъ... какая тревожная, бурная обстановка...

Толстой—великій художникъ. Это истина, уже признанная читающимъ міромъ и, кажется, нигдѣ и никѣмъ серьезно не оспариваемая. И если порой всетаки поднимаются голоса, вроде Бѣлавека въ вѣнскомъ рейхстагѣ или епископа Гермогена въ Саратовѣ, утверждавшаго еще недавно, что образы Толстого художника «красивы, но не дѣйствуютъ благотворно ни на умъ, ни на сердце», то судьба такихъ свѣдущихъ критиковъ—только отгнать торжественный хоръ общаго восхищенія и признанія...

Да, Толстой дѣйствительно огромный художникъ, какіе рождаются вѣками, и творчество его кристально чисто, свѣтло и прекрасно. Кто то изъ крупныхъ французскихъ писателей, если не ошибаюсь, Гюи де-Мопассанъ, сказалъ, что каждый художникъ изображаетъ намъ свою «иллюзію міра». Обыкновенно принято сравнивать художественное произведеніе съ зеркаломъ, отражающимъ міръ явленій. Мнѣ кажется, можно принять въ извѣстной комбинаціи оба опредѣленія. Художникъ—зеркало, но зеркало живое. Онъ воспринимаетъ изъ міра явленій то, что подлежитъ непосредственному воспріятію. Но затѣмъ въ живой глубинѣ его ображенія воспринятія впечатлѣнія вступаютъ въ извѣстное взаимодействие, сочетаются въ новыя комбинаціи, соотвѣтственно съ лежащей въ душѣ художника общей концепціей міра. И вотъ въ концѣ процесса зеркало даетъ свое отраженіе, свою «иллюзію міра», гдѣ мы получаемъ знакомые элементы дѣйствительности въ новыхъ, доселѣ незнакомыхъ намъ сочетаніяхъ. Достоинство этого сложнаго отраженія находится въ зависимости отъ двухъ главныхъ факторовъ: зеркало должно быть ровно, прозрачно и чисто, чтобы явленія вѣшняго міра проникали въ его глубину не изломанныя, не извращенныя и не тускляя. Процессъ новыхъ сочетаній и комбинацій, происходящій въ творящей глубинѣ, долженъ соответствовать тѣмъ органическимъ законамъ, по которымъ явленія сочетаются въ жизни. Тогда, и только тогда, мы чувствуемъ въ «вымыслѣ» художника живую художественную правду...

Иллюзія міра... Да, конечно. И эти иллюзіи сложны и разнообразны, какъ и самъ воспринимаемый міръ. Одно и то же лицо можетъ быть отражено въ зеркалѣ плоскомъ, или вогнутомъ, или выпукломъ. Ни одно изъ этихъ зеркалъ не солжетъ,—элементарные процессы природы лгать не могутъ (кажется, въ этомъ смыслѣ софисты доказывали, что лжи совсѣмъ нѣтъ). Но если вы увидите всѣ эти изображенія на экранѣ и измѣрите ихъ очертанія, то увидите, что только прямое зеркало дало вамъ отраженіе, размѣры и пропорціи котораго объективно совпадаютъ съ размѣрами и пропорціями предмета въ натурѣ. Отраженіе того же лица на поверхности самовара—конечно не «ложь»: оно и движется и измѣняетъ выраженіе, оно, значитъ, отражаетъ дѣйствительное, живое лицо.

Но между этимъ лицомъ и видимымъ нами отраженіемъ леги искажающія свойства выпуклой поверхности. А вѣдь порой, на этой поверхности есть еще ржавчина, или плѣсень, или она изъѣдена кавернами, или окрашена случайными реактивами, измѣняющими живую окраску... И тогда порой, вглядываясь въ чуть мерцающее отраженіе живого лица, мы едва узнаемъ знакомыя намъ черты: онѣ растянуты, обезображены, искажены; на мѣстѣ глазъ—ржавыя пятна, вмѣсто живого тѣла—цвѣтъ разложенія, вмѣсто «иллюзіи живого явленія»—«иллюзія» призрака.

Конечно, можетъ случиться, что и при такой отражающей поверхности, внутренней процессъ творчества будетъ обладать свойствами органически правильнаго и оригинальнаго сочетанія, какъ это было, напримѣръ, у больного Достоевскаго. И тогда въ искаженныхъ отраженіяхъ мѣстами, какъ клочки неба въ черныхъ тѣсныхъ оверахъ, будутъ сверкать откровенія изумительной глубины и силы. Они будутъ и драгоценны, и поучительны, но всегда односторонни. Они вскроютъ намъ почти недоступныя глубины больного духа, но не ищите въ нихъ ни законовъ здоровой жизни, ни ея широкіхъ перспективъ. Продолжая ранѣе взятое сравненіе, я скажу, что по прямому отраженію пейзажа, зарисованнаго на бумагѣ, вы можете ориентироваться въ натурѣ, легко найдете свою дорогу и рассчитаете усилія, необходимыя для достиженія цѣли. Попробуйте сдѣлать то же по рисунку, отраженному несправильной зеркальной поверхностью и, конечно, вы соьветесь съ пути.

Нынѣшній періодъ литературы особенно богатъ такими иллюзіями призраковъ, т. е. иллюзіями вдвойнѣ. Отчего бы это ни происходило, какъ бы «натурально» ни объяснялось, и какъ бы «законно» ни было, фактъ все же остается фактомъ: воспринимающая поверхность нашего художественнаго зеркала за послѣдніе годы какъ будто искривилась, покрылась ржавыми пятнами, извратилась на разные лады и въ разныхъ направленіяхъ. Я не говорю, конечно, о томъ, что на ней появляются то и дѣло искаженные ужасомъ лица, расширенныя и застывшіе зрачки, стоящіе дыбомъ волосы: ужасъ составляетъ значительный моментъ самой современности. Я говорю о тѣхъ извращеніяхъ, которыя не зависятъ прямо отъ явленій жизни, а только отъ зеркала... Болѣзненныя искривленія линій, невѣроятныя и нежизненныя положенія и поступки, преувеличенно-приапическое выраженіе, сплошь разлитое на среднихъ человѣческихъ лицахъ, въ средней, повидимому, обстановкѣ... При видѣ этихъ верениць дикихъ образовъ, точно въ фантастическомъ вихрѣ несущихся передъ современнымъ читателемъ, мы уже не спрашиваемъ вмѣстѣ съ «старымъ» поэтомъ:

Съ кого они портреты пишутъ?

Гдѣ разговоры эти слышать?

На сходство съ дѣйствительностью, на простоту и естественность они и сами не претендуютъ... Нѣтъ, при созерцаніи фанта-

этической метели модернизма, приходит на умъ парафразъ изъ другого поэта:

Сколько ихъ, куда ихъ гонять?
Что фальшиво такъ поють?

II.

Когда послѣ этого обращаешься къ Толстому, то чувствуешь, точно съ Брокена и вальпургіевой ночи попалъ на свѣтъ дня и солнца. Миръ Толстого это—миръ, залитый солнечнымъ свѣтомъ, простымъ и яркимъ, миръ, въ которомъ всѣ отраженія по размѣрамъ, пропорціямъ и свѣто-тѣни соотвѣтствуютъ явленіямъ дѣйствительности, а творческія сочетанія совершаются въ соотвѣтствіи съ органическими законами природы... Надъ его пейзажемъ, залитымъ свѣтомъ дня, несутся облачныя пятна, есть людская радость и печаль, есть грѣхи, преступленія и добродѣтели... И всѣ эти образы, трепещущіе жизнью движеніемъ, кипящіе человѣческими страстями, человѣческой мыслью, стремленіями ввысь и глубокими паденіями, созданы въ полномъ соотвѣтствіи съ творчествомъ жизни, ихъ размѣры, ихъ окраска, пропорціи ихъ взаимнаго распредѣленія отражаютъ точно и ясно, какъ экранъ подъ прямымъ зеркаломъ, взаимоотношенія и свѣто-тѣни дѣйствительности. И все это отмѣчено печатью гармоническаго духа, свѣтится внутреннимъ свѣтомъ необыкновеннаго воображенія и никогда не устающей бодрой мысли.

Но кромѣ этой вѣрности, чистоты и прозрачности образовъ, поразительна еще ширина творческаго захвата, огромность художественнаго горизонта Толстого. Мы, люди работающіе въ нижнихъ слояхъ той же области, надъ которой высится и паритъ Толстой, особенно живо чувствуемъ почти титаническую силу его художественнаго подъема. Средній художникъ считаетъ себя счастливымъ, если напряженіемъ творческаго воображенія ему удастся выхватить изъ безформеннаго хаоса явленій одну освѣщенную тропу, въ лучшемъ случаѣ пробить просѣку, по которой движется послѣдовательное развитіе даннаго образа, освѣщая кое-что и по сторонамъ главной дорожки. Художественный захватъ Толстого это не тропа, не просѣка, не лента дороги. Это огромный, далеко и широко раскинувшійся круговоръ, лежащій передъ нами во всемъ своемъ неизмѣримомъ просторѣ, съ изгибами рѣкъ, пятнами лѣсовъ, дальними селами. Подойдите ближе въ любомъ мѣстѣ, и передъ вами зашумитъ многоголосный, живой говоръ толпы. Еще ближе—и вы видите изъ нея отдѣльныхъ людей. И все это живетъ собственной, полной, настоящей жизнью, кипучей, своеобразной и многообразной...

Размѣры статьи и ея назначеніе не позволяютъ мнѣ привести

для иллюстраціи примѣры и сравненія. Я позволю себѣ однако одно бѣглое указаніе. Золя въ своемъ «Débauché» разработалъ ту же тему, что и Толстой въ «Войнѣ и Мирѣ». Золя—крупный художникъ и мыслитель, однако, сравните его картины съ картинами Толстого. Вотъ, на примѣръ, движеніе отрядовъ. У Золя—это «боевыя единицы». Вы ихъ видите, слышите гулъ ихъ движенія, наблюдаете дѣйствіе ихъ въ общемъ столкновеніи. Но это именно коллективныя единицы, которыя движутся, точно пятна на планѣ. Въ лучшемъ случаѣ вы разглядите среди нихъ главнаго героя и отдѣльныя группы, близкія къ главной нити разсказа. У Толстого проходящій на парадѣ или идущій въ сраженіе полкъ—не коллективная единица, а человѣческая масса, кишачая отдѣльными жизнями. Передъ вами выступаютъ то и дѣло множество живыхъ лицъ,—генералы, офицеры, солдаты, со своими личными особенностями, со своими случайными ощущеньями данной минуты,—и когда это изумительное движеніе пронеслось и исчезло, вы еще чувствуете этотъ глубокаго человѣческихъ жизней, прокатившійся въ общей массѣ... Выражаясь грубо фигурально, можно сказать, что средній художникъ поднимаетъ въ воображеніи двухъ, трехъ, наконецъ, десятокъ-другой лицъ. И чѣмъ больше расширитъ онъ свой захватъ, тѣмъ тусклѣе становятся образы. Воображеніе Толстаго поднимаетъ сотни, и несетъ ихъ съ изумительной легкостью, какъ могучая рѣка свои караваны и флотилии... Въ своемъ «Разгромѣ» Золя—архитекторъ, отлично владѣющій матеріаломъ и распредѣляющій его, какъ математикъ, по закону: необходимо и достаточно. Порой въ его строго расчитанной картинѣ чувствуется чертежъ и подстриженная аллея. Творческое воображеніе Толстаго не знаетъ удержа: поле его фантазіи засѣяно могучей порослью, буйно разрастающейся за всякія ограды намѣченнаго плана. У него нѣтъ главнаго героя. Его герои цѣлая страна, борющаяся съ нашествіемъ врага. Въ его картинѣ сотни лицъ и каждое, даже случайно, мимоходомъ выпущенное на арену, тотчасъ же заявляетъ о своей яркой особенности, насильно захватываетъ ваше вниманіе для своей собственной личной жизни, не хочетъ уйти изъ вашей памяти... И все это вмѣстѣ растекается въ ширь, какъ наводненіе, грозя выхлестнуть изъ рамы съ стихійной силой самостоятельнаго, непокорнаго ничьему велѣнію явленія жизни. При меньшей силѣ художественнаго круговора,—эта буйная плодовитость воображенія могла бы стать роковымъ недостаткомъ: столпленіе образовъ могло бы превратиться въ настоящій хаосъ конкретныхъ явленій, то есть потерять значеніе обобщающаго художественнаго творенія. Порой кажется, что еще немного, и художникъ дѣйствительно изнеможетъ подъ бременемъ своихъ образовъ, какъ атлетъ, поднявшій чрезмѣрную тяжесть, и тогда разросшееся твореніе падетъ опять въ хаосъ явленій, сольется съ беспорядкомъ, изъ котораго пыталось его выхв-

тить художественное творчество. Но Толстому по силамъ то, подъ чѣмъ изнемогъ бы всякій другой. Своимъ истинно - орлинымъ взглядомъ онъ все время обозрѣваетъ огромное поле своего дѣйствія, не теряя изъ виду ни одного лица въ отдѣльности и не позволяя имъ закрывать передъ собой цѣлое... Въ концѣ концовъ неуправляемый напоръ стихійно возникающихъ образовъ введетъ все-таки въ границы, и въ заключеніи романа вы видите, какъ буйный разливъ вошелъ въ свои берега... Грандіозная эпопея заканчивается плавно, величаво и спокойно...

Да, это почти не человѣческая сила воображенія и почти магическая власть надъ кипящими отраженіями жизни. Можно сказать смѣло, что по непосредственной силѣ творческой фантазіи, по богатству и яркости художественнаго матеріала нѣтъ равнаго Толстому изъ современныхъ художниковъ. Всемирно извѣстный Ибсенъ не можетъ и отдаленно сравниться съ Толстымъ въ этомъ отношеніи: его порой очень глубокая мысль далеко не всегда покрывается слишкомъ для нея скудными образами, и художнику то и дѣло приходится прибѣгать къ заплатамъ сухого, отвлеченнаго и безкровнаго символизма.

III.

Теперь отъ художественной области, въ которой величіе Толстого очевидно и неоспоримо, мы переходимъ къ области болѣе спорной, около которой и въ настоящую минуту возникаютъ разногласія, вскипаютъ страсти.

Толстой публицистъ, моралистъ и мыслитель не всегда былъ достаточно благодаренъ Толстому художнику. А между тѣмъ, если бы художникъ не поднялся на высоту, откуда онъ виденъ и слышенъ всему міру, едва-ли міръ съ такимъ вниманіемъ прислушался бы къ словамъ мыслителя. И кромѣ того Толстой-мыслитель весь и цѣликомъ заключенъ въ Толстой-художникѣ. Здѣсь всѣ его крупныя достоинства и не менѣе крупныя недостатки.

Давно уже отмѣчено, что въ произведеніяхъ Толстого-художника нашла отраженіе вся наша жизнь, начиная отъ царя и кончая крестьяниномъ. Эти полюсы намѣчены вѣрно: дѣйствительно въ «Войнѣ и мирѣ», на примѣръ, есть поразительно яркій и реальный образъ царя въ лицѣ Александра I-го. Это съ одной стороны. На другой — мы имѣемъ почти бессловесныхъ солдата Каратаева и мужика Акима. Между этими крайностями располагается множество персонажей, — аристократія, деревенскіе дворяне, — много деревенскихъ дворянъ, крѣпостные, дворовые, мужики, — много мужиковъ... Однако, есть въ этой необыкновенно богатой коллекціи и одинъ существенный пробѣлъ: вы напрасно станете искать въ ней «средняго сословія», интеллигента, человѣка сво-

бодныхъ профессій, горожанина, — будь-то чиновникъ на жалованіи, конторщикъ, бухгалтеръ, кассиръ частнаго банка, ремесленникъ, заводскій рабочий, газетный сотрудникъ, технологъ, инженеръ, архитекторъ... Родовитое дворянство въ произведеніяхъ Толстого подаетъ руку мужику черезъ головы людей средняго состоянія, которые въ этомъ богатомъ собраніи персонажей почти отсутствуютъ или являются только мелькомъ безъ существенныхъ особенностей своего положенія, своей психологіи и быта.

Городъ для Толстого это мѣсто, гдѣ влюбляется Левинъ, гдѣ Стива Облонскій видитъ во снѣ своихъ дамочекъ и рюмочки, куда деревенскіе ходоки приходятъ съ своими ходатайствами за разоренныхъ Стивой и его братьями однодеревенцевъ, куда, наконецъ, идутъ на скорую погибель дѣтски-безпомощные деревенскіе парни и дѣвицы. Но горожанина, какъ такового, и городской жизни, независимой отъ деревни, съ ея особенной самостоятельной ролью въ общей жизни великой страны не знаетъ художественное вниманіе Толстого. Въ немъ всего устойчивѣе отразились два полюса крѣпостной Россіи: деревенскій дворянинъ и деревенскій мужикъ. Нашего брата, горожанина-разночинца, чья жизнь вращается между этими полюсами, великій художникъ не видитъ, не хочетъ знать и не желаетъ съ нами считаться.

Не знаю, попадалось-ли уже это замѣчаніе въ огромной критической литературѣ о Толстомъ. Во всякомъ случаѣ оно принадлежитъ не мнѣ: впервые я слышалъ его отъ одного изъ моихъ друзей и оно поразило меня своей мѣткостью. Разумѣется, было бы странно ставить это обстоятельство на счетъ «недостатковъ» въ художественномъ творествѣ Толстого. Пожалуй, наоборотъ, — оно подчеркиваетъ огромный захватъ этого творчества: въ то время, какъ у другихъ художниковъ мы указываемъ, что именно, какой уголокъ жизни они изобразили, у Толстаго легче отмѣтить то, что онъ пропустилъ. Но для Толстаго мыслителя и публициста этотъ пробѣлъ имѣлъ очень существенное, почти роковое значеніе.

Дѣло именно въ томъ, что Толстой-мыслитель — цѣликомъ порожденіе Толстаго-художника. Конечно, Толстой человекъ очень образованный, много читавшій и много изучавшій. Для своего толкованія евангелія онъ изучилъ даже древне-еврейскій языкъ. Но его публицистическія и моральныя схемы никогда не истекали изъ этого изученія, какъ самостоятельный выводъ изъ накопленныхъ знаній. Наоборотъ, изученіе являлось служебнымъ орудіемъ для готовой схемы, которая рождалась изъ художественной интуиціи.

Въ комплексѣ душевныхъ свойствъ этого замѣчательнаго человека есть одна черта, заслуживающая болѣе пристальнаго и обстоятельнаго анализа. Можетъ быть я остановлюсь еще на ней въ другой разъ, а пока отмѣчу ее лишь общими чертами. Въ недавнѣ

опубликованныхъ г-номъ Чертковымъ матеріалахъ изъ семейной хроники и переписки Толстыхъ есть одно письмо старшаго брата писателя, а въ письмѣ есть характерная фраза: «Левушка все юфанить». Въ примѣчаніи къ письму говорится, что Юфанъ былъ работникъ въ имѣніи Толстыхъ, который очень нравился Льву Николаевичу. Нравился до такой степени, что онъ подражалъ его движеніямъ, его манерѣ держать соху и т. д. И это было далеко уже не въ дѣтскомъ и даже, кажется, не въ юношескомъ возрастѣ.

Такихъ примѣровъ можно было бы привести очень много и изъ произведеній, и изъ біографіи великаго писателя. Эта способность увлекаться чужой личностью, вовлекаться, такъ сказать, въ ея сферу составляетъ парадоксальную на первый взглядъ, но очень замѣтную черту нравственной фізіономіи Толстого. И, навѣрное, этотъ Юфанъ ничѣмъ особеннымъ не выдѣлялся изъ ряда. Здѣсь не нужно ни особенной глубины, ни оригинальности, ни богатства душевнаго строя. Нужна только *непосредственность* и *цѣльность*. Солдатъ Каратаевъ не умѣетъ сказать трехъ послѣдовательныхъ фразъ, Акимъ закрываетъ свое туманное міросозерцаніе магической и почти нечленораздѣльной формулой: тае-тае. Убогость душевнаго міра несомнѣнная. Мало словъ, мало понятій, мало образовъ и мало ощущеній. Зато эта убогая душевная мебелировка разставлена удивительно просто и гармонично: тутъ нѣтъ мѣста разнымъ душевнымъ беспорядкамъ, — вродѣ столкновенія различныхъ противурѣчивыхъ понятій, нѣтъ мѣста рефлексіи и сомнѣніямъ. Отсюда спокойная вѣрность въ своей правотѣ, отсюда непосредственность и цѣльность. А этого достаточно, чтобы великій художникъ, буреваемый цѣлымъ міромъ образовъ, идей, понятій, которые вѣчно волнуются, сталкиваются въ душѣ и не позволяютъ ей окончательно сложиться въ какомъ-нибудь прочномъ и гармоническомъ «стилѣ», — остановился передъ Каратаевымъ, передъ Акимомъ, передъ Юфаномъ, зачарованный почти до гипноза ихъ простою и убогою цѣльностью. И въ своемъ увлеченіи онъ силою таланта заставитъ и насъ преклоняться передъ этой цѣльностью и вѣрить, что въ солдатѣ Каратаевѣ мерцаетъ какая-то необыкновенная мистическая мудрость, которую не дано разгадать даже гениальному художнику.

Вся многообразная исторія Толстовскихъ душевныхъ переживаній сводится, по моему мнѣнію, къ жадному исканію цѣльности и гармоніи духа. Если это возможно только при душевномъ и умственномъ обѣднѣніи, то—за бортъ душевное и умственное богатство! Для Толстого наступаетъ періодъ общенія съ Юфанами, Каратаевыми и Акими въ «простой народной вѣрѣ», «у одной чаши», у одного обряда... Вмѣстѣ со своимъ Левинымъ онъ идетъ тогда въ деревенскій храмъ и съ сердечнымъ сокрушеніемъ раскрываетъ передъ немудрымъ деревенскимъ попикомъ свою гениальную душу. Онъ вовлеченъ въ душевную сферу Юфановъ и Каратаевыхъ, и ему кажется, что онъ «научился» вѣрить такъ же без-

думно, просто и «правильно», какъ правильно, «по-юфановски», научился держать соху. Онъ задулъ свой диогеновскій фонарь и съ наслаждениемъ погружается въ океанъ непосредственной вѣры, безъ критики, съ подавленнымъ анализомъ въ душѣ.

Но, конечно, это только иллюзія. «Научиться» акимовой вѣрѣ нельзя, во-первыхъ, а, во-вторыхъ, не стоитъ, потому именно, что невозможно *научиться непосредственности*, а только она и влекла Толстого. Между тѣмъ кипучая, богатая красками и мыслью натура художника протестуетъ противъ обѣднѣнія. Наступаетъ кризисъ. Анализъ сухъ и безрадостенъ, но вѣдь онъ тоже стихія, живущая своей непосредственной жизнью... А «народная вѣра—глупа» и полна нехристіанскихъ суевѣрій... Гармонія исчезаетъ. Періодъ неравсуждающей ортодоксіи законченъ. Вѣчный искатель пускается въ новый путь.

IV.

Толстой говоритъ (если не ошибаюсь въ «Исповѣди»), что въ это время онъ былъ близокъ къ самоубійству. Но вотъ, на безрадостномъ распутіи, Толстой-художникъ протягиваетъ руку помощи растерявшемуся Толстому-мыслителю, и богатая фантазія возсноваляетъ передъ нимъ картину новой душевной непосредственности и гармоніи. Онъ спитъ и видитъ сонъ *). Песчаная, выжженная пустыня. Кучка невѣдомыхъ людей въ простыхъ одеждахъ древности стоитъ подъ солнечными лучами и ждетъ. Самъ онъ стоитъ вмѣстѣ съ ними, со своимъ теперешнимъ ощущеніемъ духовной жажды, но онъ одѣтъ, какъ они. Онъ тоже простой іудей перваго вѣка, ожидающій въ знойной пустынѣ слова великаго Учителя жизни...

И вотъ *Онъ*, этотъ Учитель, всходитъ на песчаный холмъ и начинаетъ говорить. Говоритъ онъ простыя слова евангельскаго ученія, и они тотчасъ-же водворяютъ свой миръ въ смятенныя и жаждущія души.

Это было. Значитъ, это прежде всего можно себѣ представить воображеніемъ. А подвижное и яркое воображеніе великаго художника къ его услугамъ. Онъ *самъ* стоялъ у холма, самъ *видѣлъ* Учителя, самъ вмѣстѣ съ другими іудеями перваго вѣка испыталъ очарованіе этой божественной проповѣди. Теперь онъ сохранить этотъ душевный строй, въ сферу котораго кинулъ его вѣщій художественный сонъ, и развернетъ его передъ людьми. И это будетъ благодатная новая вѣра Толстого, въ сущности старая христіанская вѣра, которую нужно добыть въ евангеліи изъ подъ позднѣй-

*) Къ сожалѣнію, я пишу эту статью въ деревнѣ, не имѣя подъ руками произведеній Толстого. Поэтому многое мнѣ приходится цитировать на память и неточно. Ручаюсь только за общій смыслъ цитатъ.

шихъ наслоеній, какъ золото изъ подъ шлака. Толстой читаетъ евангелія, вдумывается въ греческіе тексты вульгаты, изучаетъ древне-еврейскій языкъ... Но это изученіе—не изслѣдованіе объективнаго ученаго, готоваго признать выводы изъ фактовъ, каковы-бы они ни оказались. Это страстное стремленіе художника во что-бы то ни стало возстановить душевный строй первыхъ христіанъ и гармонию простой, неусложненной христіанской вѣры, которые онъ пережилъ въ воображеніи. Въ то время, когда на него въ вѣщемъ сновидѣніи сошло ощущеніе благодати и покоя, онъ былъ іудеемъ перваго вѣка. Ну что-жь,—онъ имъ и останется до конца. Это ему нетрудно: къ услугамъ богатое воображеніе, придающее ему силу дѣйствительности. Это во-первыхъ. А, во-вторыхъ, къ услугамъ еще и тотъ пробѣлъ въ его художественномъ кругозорѣ, о которомъ мы говорили выше.

Толстой-художникъ знаетъ, чувствуетъ, видитъ только два пейзажа земледѣльческой Россіи. Его художественный міръ—это міръ богатыхъ Лазарей земледѣльческаго строя и его бѣдныхъ Лазарей. Тутъ есть и добродѣтельные Воозы, и бѣдныя Руеи, и неправедные цари, отымающіе у поселанина его виноградникъ, но совсѣмъ нѣтъ ни самостоятельной городской жизни, ни фабрикъ, ни заводовъ, ни капитала, оторваннаго отъ труда, ни труда, лишеннаго не только виноградника, но и собственнаго крова, ни трестовъ, ни союзовъ рабочихъ, ни политическихъ требованій, ни классовой борьбы, ни забастовокъ... Значить—ничего этого для единственнаго блага на землѣ—душевной гармоніи—и не нужно. Нужна любовь. Добрый богачъ Воозъ допустилъ бѣдную Руею собирать колосья на своей богатой нивѣ. Вдовица смиренно подбирала колосья... И Богъ устроилъ все ко благу ихъ обоихъ... Нужна любовь, а не союзы и стачки... Пусть всѣ полюбятъ другъ друга... Не ясно ли, что тогда рай водворится на этой смятенной землѣ.

Толстой—великій художникъ, и Толстой же—мыслитель, указывающій человѣчеству пути къ новой жизни. Не странно ли, что онъ никогда не попытался написать свою «утопію», т. е. изобразить въ конкретныхъ, видимыхъ формахъ будущее общество, построенное на проповѣдуемыхъ имъ началахъ. Мнѣ кажется, что эта видимая странность объясняется довольно просто. Для своего будущаго общества Толстой не требуетъ никакихъ новыхъ общественныхъ формъ. Его утопія—частью назадъ: простой сельскій бытъ, которому остается только проникнуться началами первобытнаго христіанства. Всѣ усложненія и надстройки позднѣйшихъ вѣковъ должны исчезнуть сами собою. Взыскуемый градъ Толстого по своей структурѣ ничѣмъ не отличался бы отъ того, что мы видимъ теперь. Это была бы простая русская деревня, такія же избы, тѣ же бревенчатыя стѣны, той же соломой были бы покрыты крыши и тѣ же порядки царствовали бы внутри деревенскаго міра. Только—вы любили бы другъ друга. Поэтому не

было бы бѣдныхъ вдовицъ, никто бы не обижалъ сиротъ, не «грабилось бы» начальство... Избы были бы просторны и чисты, закрома широки и полны, скотина сильна и сыта, отцы мудры и благо-склонны, дѣти добры и послушны. Фабрикъ и заводовъ, университетовъ и гимназій не было бы вовсе. Не было бы «союзовъ», не было бы политики, не было бы болѣзней, не было бы врачей и ужъ, конечно, не было бы губернаторовъ, исправниковъ, урядниковъ и вообще «начальства».

Такъ могло бы быть на этомъ свѣтѣ, если бы люди захотѣли послушаться іудея перваго вѣка нашей эры, который самъ слышалъ слова великаго Учителя съ холма среди песчаной пустыни...

У.

Мнѣ кажется, я не ошибаюсь: въ этомъ образѣ, который Толстой-художникъ подарилъ Толстому-мыслителю, и въ стремленіи мыслителя развернуть въ конкретныхъ формахъ навѣянное имъ ощущеніе благодатной душевной гармоніи, пріобшивъ къ ней всѣхъ людей,—въ этомъ весь законъ и пророки Толстого-мыслителя и моралиста. Здѣсь его поразительная временами сила и не менѣе поразительная слабость.

Сила—въ критикѣ нашего строя съ точки зрѣнія якобы признаваемыхъ этимъ строемъ христіанскихъ началъ. Слабость—въ неумѣнии самому ориентироваться въ запутанностяхъ этого строя, изъ котораго онъ желаетъ намъ указать выходъ. Если бы дѣйствительно іудей перваго вѣка, слышавшій живую рѣчь Христа, какимъ-нибудь чудомъ очутился теперь среди насъ, то очень вѣроятно, что, ошеломленный сложностью нашей жизни и ея ужасами, онъ сказалъ бы намъ приблизительно то же, что и Толстой: братья, уйдемъ отсюда въ пустыню, гдѣ жизнь проще и добрѣе, и, когда на холмъ взойдетъ великій Учитель,—ваша скорбь и ваше смятеніе стихнетъ. Увы!—онъ не зналъ бы, что этотъ холмъ существуетъ уже только въ сновидѣніи, что въ дѣйствительности отъ него уже не осталось и слѣда, что по тому мѣсту проложены, быть можетъ, рельсы и поѣздъ несетъ туда за деньги людей, каждый шагъ которыхъ въ святой землѣ долженъ быть оплаченъ тѣми же деньгами... Такъ какъ каждый клочекъ святой земли служитъ источникомъ алчнаго дохода...

Когда самъ Толстой со своей мечтой, навѣянной чуднымъ сновидѣніемъ, выходитъ на городскую улицу XX вѣка—онъ беспомощенъ и наивенъ совершенно въ той же степени, какъ нашъ предполагаемый выходецъ изъ перваго вѣка. Иллюстрацій сколько угодно,—мы возьмемъ одну изъ области борьбы великаго писателя съ деньгами...

Тотъ, кто въ знойной пустынѣ водворилъ простыми словами

миръ въ его душу, охваченную отчаяніемъ и смятеніемъ, сказалъ, между прочимъ, великія слова: «просящему дай», и «если имѣешь двѣ одежды, одну отдай нищему». Заповѣдь простая, которую, по-видимому, нужно только *пожелать* исполнить, а программа исполненія ясна: «иди и раздай имѣніе нищимъ».

Что же? У Толстого не хватило желанія? Какъ извѣстно, этотъ пунктъ является однимъ изъ наиболѣе благодарныхъ для личныхъ нападокъ, на тему притчи о богатомъ юношѣ и объ игольномъ ухѣ. Чужая душа, разумѣется, потемки, но мнѣ кажется, что та точка зрѣнія, какую я пытаюсь установить въ этой, быть можетъ, слишкомъ бѣглой и торопливой замѣткѣ, исключаетъ въ очень значительной степени мелкое злоеволюе и злорадное торжество при видѣ «противорѣчія между словомъ и дѣломъ» въ практикѣ этого прямого и искреннаго человѣка.

Дѣло въ томъ, что нашъ іудей перваго вѣка замѣчательный психологъ и наблюдатель. Было время: онъ пытался исполнить заповѣдь. Всѣмъ извѣстенъ эпизодъ во время переноси, когда Толстой сдѣлалъ довольно широкую попытку помогать деньгами и что изъ этого вышло: вышло не благо. На деньги «простого графа» потянулась (положимъ въ Хитровомъ рынкѣ) дикая алчность, лицензія, ложь и зависть. И результатами такой упрощенной раздачи явилось не улучшеніе людей, не благодатныя просвѣты въ душахъ пріемлющихъ, а только сгущенная тѣма алчности, пьянства, цинизма.

«Рука дающаго не оскудѣваетъ»—говорить «простая» народная мудрость, и на этомъ основаніи «простой» обыватель намѣниваетъ каждую субботу копѣечекъ и раздаетъ ихъ въ воскресенье нищимъ на паперти приходскаго храма. Толстой не знаетъ *такихъ* раздачъ и такой крохоборной благотворительности. Все или ничего. *есе*—когда изъ этого проистекаетъ прямо и непосредственно добро въ его смыслѣ. Что же значитъ, что результаты исполненія простой заповѣди дали такіе странные результаты? Мы, приглядывающіеся къ жизненной суетоѣ съ другой, болѣе современной и болѣе сложной точки зрѣнія, знаемъ, что и благотворительность въ современныхъ условіяхъ требуетъ большого вниманія, сложной системы и даже искусства. Но іудей перваго вѣка не хочетъ знать никакихъ сложностей. Отъ раздачи денегъ истекало зло. Откуда оно? Очевидно не отъ внутренняго побужденія дающаго. Алчное тяготѣніе обездоленнаго къ протанутой рукѣ тоже естественно. Зло въ самыхъ деньгахъ, этомъ изобрѣтеніи лукаваго города. Христось не помогать деньгами, апостолы тоже. Это оттого, что деньги зло. А значитъ дающій деньги—даетъ зло. Деньгами помогать ближнему не слѣдуетъ. Можно помогать только любовью. А уже любовь найдетъ свои пути и свои способы помощи.

Такова теорія, и она установлена прочно. Но вотъ наступаетъ тяжелый 1891—2 годъ. На огромномъ пространствѣ Россія люди—

взрослые, женщины, дѣти болѣютъ отъ голода, страдаютъ и умираютъ. Одинъ «петербургскій житель» пишетъ Толстому письмо, въ которомъ изображаетъ свое положеніе: онъ желалъ бы помочь голодающимъ, но—онъ малосостоятельный горожанинъ, живущій на свой городской заработокъ. Единственная форма помощи ближнему, которая ему доступна—это ежемѣсячное отчисленіе отъ своего заработка. Но... деньги зло! Что ему дѣлать?

Былъ ли это дѣйствительно простодушный вопросъ искренняго толстовца, или это, наоборотъ, была форма полемики съ толстовскими идеями, это неважно. Вопросъ былъ поставленъ ребромъ, и отвѣтъ на него несомнѣнно имѣлъ большое значеніе для искреннихъ послѣдователей Толстого. Вопросъ состоялъ въ томъ, какъ заурядному современному человѣку сдѣлать хоть маленькое дѣло любви и помощи въ современныхъ условіяхъ раздѣленія труда и денежнаго хозяйства.

Л. Н. Толстой отвѣтилъ на запросъ цѣлой статьёй, которая, кажется, не была напечатана, но въ то время ходила по рукамъ, литографировалась, читалась въ собраніяхъ, и всюду оставляла чувство неудовлетворенія. Изъ нея мы, различные представители междуполярныхъ общественныхъ слоевъ, не богатые деревенскіе помѣщики и не нищіе деревенскіе пахари—должны были еще разъ убѣдиться, до какой степени и мы сами, и наше положеніе чужды и Толстому-художнику и Толстому-моралисту. Въ статьѣ подтверждалось все-таки, что „деньги зло“ и помощь деньгами—не настоящая помощь. Помогать надо любовью. Любовь требуетъ близости. Пусть же господа горожане при наступленіи лѣта ѣдутъ, „вмѣсто дорогихъ петербургскихъ дачъ“—въ голодающія деревни. Тамъ непосредственное созерцаніе умирающихъ съ голоду братьевъ укажетъ имъ, что дѣлать. Вмѣсто холодной и формальной денежной помощи горожанинъ отрѣжетъ краюху отъ собственнаго хлѣба, и это будетъ дѣломъ любви.

— Да, только гениальному человѣку можно простить такіе совѣты,—говорилъ мнѣ одинъ «горожанинъ», прочитавшій статью... Бѣда въ томъ, что вопрошатель Толстого едва-ли выѣзжалъ на дачи. А если выѣзжалъ, то ему были доступны только досчатые сооруженія въ Шуваловѣ, Парголовѣ, Перкіярви, откуда каждый день съ портфелемъ подъ мышкой онъ долженъ ѣздить на работу въ канцелярію, контору или редакцію... «Уѣхать на дачу» въ голодающія губерніи!.. Но тогда онъ немедленно очутится съ семьей въ положеніи того-же «голодающаго», такъ какъ у него нѣтъ ни богатаго помѣстья, ни мужичьяго надѣла, а только «образованіе», гонораръ, построчная плата... Онъ продаетъ свой трудъ за деньги... и отдать онъ можетъ только деньги, столько-то рублей въ мѣсяцъ. А столько-то рублей это по условіямъ хлѣбнаго рынка—столько-то пудовъ хлѣба... Т. е. столько-то накормленныхъ людей.

Толстой—честь и слава его живому чувству,—самъ, повидимому,

не удовлетворился своимъ отвѣтомъ, отступилъ отъ своей схемы, сталъ принимать денежныя пожертвованія и мѣнять деньги на хлѣбъ. И онъ сдѣлалъ въ голодный годъ большое благотворительное дѣло...

А затѣмъ... Можно было думать, что этотъ рѣзкій эпизодъ, это бьющее въ глаза противорѣчье теоріи съ неизбежной практикой (вредъ отъ раздачи денегъ—деньги зло; необходимость денежной помощи—деньги благо) заставитъ Толстого остановиться въ новомъ раздумьи и что отсюда начнется новое отрицаніе. Но на этотъ разъ онъ удержался все таки въ занятой позиціи, въ атмосферѣ волшебнаго свидѣнія объ іудеѣ перваго вѣка. Хотя, — кто знаетъ—даже и теперь, покончить-ли на этомъ неутомимый искатель, или мы услышимъ еще разъ о новыхъ сомнѣніяхъ этого вѣчно бодрого ума.. Паломникъ въ страну непосредственности и гармоніи духа опять, быть можетъ, возьметъ свой странническій посохъ, чтобы отправиться въ новый путь, и самый поздній закатъ застанетъ его среди этого неусыпнаго вѣчнаго стремленія...

VI.

Итакъ, Толстой-мыслитель — весь въ Толстомъ-художникѣ, и изъяны его построеній почти цѣликомъ вытекаютъ изъ указаннаго выше пробѣла въ области его художественныхъ наблюденій. Его прекрасная мечта о водвореніи первыхъ вѣковъ христіанства можетъ сильно дѣйствовать на простыя, непосредственныя или на уставшія души. Но мы, люди изъ просмотрѣннаго художникомъ междуполярнаго міра, не можемъ послѣдовать за нимъ въ эту измечтанную страну. Для этого у насъ нѣтъ ни достаточно воображенія, ни достаточно досуга и, наконецъ, настроенія. Жизнь, усложненная, запутанная современная жизнь съ ея условіями обладаетъ насъ, междуполярныхъ жителей, бурными вихрями отъ обонихъ полюсовъ. Мы тоже еще недавно вѣрили въ близкое царство божіе на землѣ и такъ же, какъ Левъ Николаевичъ, признавали формулу: все или ничего. Но суровая исторія борьбы нѣсколькихъ поколѣній напомнила намъ старую истину, что «царство божіе нудится», что одной проповѣди недостаточно даже для воспитанія, что формы общественной жизни являются въ свою очередь могучими факторами совершенствованія личности, и что необходимо шагъ за шагомъ разрушать и перестраивать эти формы. Въ одной изъ статей Толстого приведены слова Генри Джорджа, котораго нашъ писатель ставитъ очень высоко. «Я знаю,—говоритъ Генри Джорджъ,— что предлагаемая мною реформа не водворитъ еще царства справедливости на землѣ. Для этого и сами люди должны стать лучше. Но эта реформа *создастъ условія*, при которыхъ людямъ легче совершенствоваться»... Въ этой совершенно правильной мысли—

узель того спора, который раздѣляетъ порой такъ рѣзко настроеніе Толстого-мыслителя и чужей великаго художника передовой частью русскаго общества. Никто не отрицаетъ, что человѣкъ долженъ стремиться стать и внутренно достойнымъ свободы. Дѣло только въ томъ, что между внутренней и внѣшней свободой есть органическая внутренняя связь и для возможности самой проповѣди о внутреннемъ совершенствованіи необходимы лучшія, *болѣе нравственныя* формы общественныхъ отношеній. И вотъ почему идетъ эта тяжкая борьба, которая потребовала уже столько жертвъ изъ той именно сферы жизни, которую проглядѣлъ Толстой - художникъ и съ которой не желаетъ считаться Толстой-мыслитель и моралистъ. И потребуетъ еще много. И не для «всего», не для водворенія сразу царства божія на землѣ, которое кажется такимъ простымъ, *если бы* встъ захотѣли и могли повѣрить озаренному свѣтлому сну о первомъ вѣкѣ христіанской эры, а только для того, чтобы ступень за ступенью, рядъ за рядомъ класть основы, на которыхъ будетъ построенъ храмъ будущей свободы. И когда среди этой тяжелой борьбы, порой идущей среди тьмы и тумана, іудей перваго вѣка смотритъ съ пренебрежительной усмѣшкой или съ тяжкимъ упрекомъ на эти усилія, осуждая не только средства, которыя разнообразны, но и цѣли, за которыя люди (а теперь уже массы людей) отдають свою жизнь,—то становится понятнымъ чувство отвѣтной горечи, которое являлось временами по адресу Толстого среди передовыхъ слоевъ борющагося общества и народа... И порой невольно приходитъ въ голову, что только благодаря тому, что Толстой знаетъ, видитъ, чувствуетъ лишь самые низы и самыя высоты соціального строя,—ему такъ легко требовать «все или ничего», такъ легко отказываться отъ «одностороннихъ» улучшеній, въ родѣ конституціоннаго строя и ограниченія закономъ внѣшняго произвола во всѣхъ его видахъ. Низы долго страдали и безропотно, смиренно терпѣли... До высотъ, особенно до той высоты, на которой стоитъ гениальный художникъ,—не можетъ доплеснуть волна никакого утѣшенія. А намъ, людямъ изъ невѣдомой и непризнанной области, намъ нуженъ отъ времени до времени хоть глотокъ свѣжаго воздуха, чтобы не задохнуться въ этомъ царствѣ гнета и безграничнаго произвола...—А теперь уже не мы одни, междуполярные жители, но самыя низы готовы, по-видимому, отказаться отъ «внутренней свободы» безропотаго и безграничнаго терпѣнія... И пока будетъ устроенъ на землѣ *рай полной* свободы,—хотѣли бы раздвинуть и расширить свое теперешнее помѣщеніе, сломать ненужныя, сгнившія пристройки и—главное—почувствовать себя хоть до известной степени хозяевами въ собственномъ домѣ.

VII.

Я пишу не панегирикъ къ юбилейному дню, а стараюсь только дать сильную характеристику гениальнаго художника и крупнаго, искренняго, смѣлаго человѣка. Толстой не нуждается въ дифирамбахъ, а характеризовать его правильно, со всѣми свойствами его выдающейся личности—значить дать образъ, вызывающій восторгъ и удивленіе. Безъ указанія же на отмѣченныя выше черты, характеристика была бы не полна...

Но въ той же толстовской мечтѣ есть также источникъ его силы, какъ безопаднаго критика современнаго строя. Мы не можемъ послѣдовать за Толстымъ въ измечтанную имъ область. Но искренняя мечта всегда была отличнѣмъ критеріемъ дѣйствительности. Гдѣ теперь было бы человѣчество, если бы по временамъ дѣйствительность не вынуждалась стать передъ судомъ мечты. Притомъ же нельзя забывать, что простые истины, вынесенныя изъ перваго вѣка нашей эры, являются признанными, официально освященными и закрѣпленными основами нашего строя. Это та формальная почва, которая является для современнаго строя источникомъ его привнанной, показной морали. И въ этой области выходецъ изъ перваго вѣка, со всей своей наивностью и даже благодаря ей можетъ сказать съ большимъ авторитетомъ много живого и интереснаго.

И вотъ подъ влияніемъ своего чуднаго сновидѣнія, въ которомъ онъ самъ слышалъ слова Учителя,—Толстой смотритъ на нашу дѣйствительность и въ изумленіи протираетъ глаза при видѣ всего того, съ чѣмъ когда-то такъ страстно мечтали примириться. Какъ? Такъ это христіанство? Какъ? Это—общество, основанное на завѣтахъ Христа... Иудей перваго вѣка глубоко изумленъ, а всякая изумленная фигура среди сутолоки будничной жизни невольно привлекаетъ общее вниманіе, возбуждаетъ и заражаетъ...

Отсюда изумительное искусство Толстого говорить общезвѣстныя истины. Да, именно общезвѣстныя истины говорить очень трудно, т. е. говорить такъ, чтобы онѣ приобрѣтали свѣжесть, оригинальность и жизнь, а именно въ этомъ особенно нуждается наша современность. Мы, образованные люди, *знаемъ* очень много, но въ нашей жизни *сдѣлано* очень мало изъ того, что для насъ стало уже избитой, азбучной истиной. Отсюда—многое въ нашей современной литературѣ и, между прочимъ, стремленіе къ тому, «чего никогда не бывало». У насъ—сѣкутъ мужиковъ въ повалку, иногда женщинъ и дѣтей, и старыхъ почтенныхъ стариковъ. Это позорно. И это не законно. И объ этомъ говорилось много разъ. И говорилось, какъ о вопіющемъ и позорномъ нарушеніи человѣческаго права, но... господа губернаторы продолжаютъ свои упражненія,

давно,—и въ «мирное время» столь же свободно, какъ и во время смуты, слабый петербургскій шютъ, очутившійся, благодаря протекціи, въ роли помпадуръ, приказываетъ разложить почтеннаго старика, который годится ему въ пращѣды, а въ своемъ дѣлѣ во сто разъ умнѣе, чѣмъ помпадуръ въ своемъ и... въ воздухѣ свящуетъ лова. Мы узнаемъ это и, если сможемъ, напечатаемъ негодующую статью, въ стилѣ которой, однако, звучитъ скрытое уныніе и скука: и погромче насъ были витія.. Ни для кого это, увы!—не новость.

Но вотъ въ одинъ прекрасный день въ концѣ 80-хъ годовъ такой легковѣсный администраторъ въ Орлѣ отправляется въ экспедицію и производитъ экзекуцію надъ мужиками. Конечно, все это сойdetъ ему благополучно... Однако, черезъ нѣкоторое время откуда-то налетаетъ вихрь, и карьера орловскаго помпадуръ разбита. Что же случилось? Ничего особеннаго. Только іудей перваго вѣка узналъ объ этомъ эпизодѣ и изумленно вскрикнулъ, что это не по-христіански. Но равнѣ мы всѣ, сверху до низу, этого не знали? Развѣ это не общезвѣстная истина? Да. Но Толстой, изъ глубины своего настроенія іудея перваго вѣка, сумѣлъ сказать эту истину такъ, что она вновь потрясаетъ не только готовое къ негодованію «общество», но и тѣхъ, кто терпѣлъ, поощрялъ, даже награждалъ ретивыхъ помпадуровъ за такія же мѣропріятія. Сказалъ Толстой... Это много. Но еще—сказалъ «іудей перваго вѣка христіанской эры»,—а это, пожалуй, въ такихъ случаяхъ еще больше.

И дѣло, конечно, не въ томъ, что одинъ администраторъ, легкомысленный и жестокій, потерялъ карьеру. Придутъ другіе, не менѣе легкомысленные и жестокіе. Это мы знаемъ лучше и тверже, чѣмъ іудей перваго вѣка... Но дѣло въ томъ, что подъ перомъ Толстого такія «общезвѣстныя истины» теряютъ свою тусклость и избытокъ, сверкаютъ опять всѣми красками жизни, будятъ новое негодование, тревожатъ, вновь заставляютъ искать выхода... И еще: онѣ перестаютъ быть мертвымъ капиталомъ, лежавшимъ на сохраненіи до лучшихъ временъ, а расходятся широко, проникая и захватывая такіе слои, гдѣ раньше царилъ тупая непосредственность, жалкая покорность или слѣпое безразличіе.

Въ такіе моменты преграда между Толстымъ-проповѣдникомъ и его принципиальными противниками изъ среды междуполярныхъ жителей рушится. Потому что въ его рѣчахъ слышится глубокая искренность. И когда онъ говоритъ о непротивленіи злу насиліемъ, то онъ не похожъ на тѣхъ фарисеевъ, которые обращаются съ своей проповѣдью исключительно къ сторонѣ слабѣйшей. Толстой уже раньше безстрашно и рѣзко осудилъ тѣхъ, кто обладаетъ властью и силой и кто пытается обосновать эту власть на авторитетѣ христіанства и его морали...

И въ ту минуту, когда я пишу эти строки, — весь образованный міръ читаетъ опять одну изъ «общезвѣстныхъ истинъ» въ освѣщеніи Толстого: его простые слова на азбучную тему о смерт-

ной казни опять потрясают людскія сердца... И, конечно, все, что может сдѣлать человѣческое слово въ прямомъ смыслѣ и еще болѣе—что оно может сдѣлать косвенно, освѣщая мрачныя бездны нашего порядка,—все это сдѣлаетъ слово гениальнаго мечтателя, которому приснилось однажды, что онъ слышитъ въ знойной пустынѣ слова любви и мира изъ устъ самого великаго Учителя...

VIII.

Есть еще одна сторона въ огромной и сложной личности Толстого-писателя, которая заставляетъ насъ, междуполярныхъ жителей, сочувствовать Толстому-мыслителю и восхищаться имъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мы принципиально далеко но во всемъ съ нимъ согласны. Онъ поднялъ печатное слово на высоту, недостижимую для преслѣдованія.

Правда, для самого Толстого тутъ есть источникъ своеобразнаго нравственнаго страданія. Около 20 лѣтъ назадъ я, еще молодымъ человѣкомъ, только что вернувшись изъ отдаленной ссылки, въ первый разъ посѣтилъ Толстого и первыя его слова при этой встрѣчѣ были:

— Какой вы счастливый: вы пострадали за свои убѣжденія. Мнѣ Богъ не посылаетъ этого. *За* меня ссылаютъ. *На* меня не обращаютъ вниманія.

Это понятно: запечатлѣть свою проповѣдь жертвой за исповѣдуемыя идеи—стремленіе всякаго проповѣдника, и Толстой много разъ послѣ этого печатно бросалъ русскому правительству упрекъ въ непослѣдовательности и неправосудіи: почему гонять, сажаютъ въ тюрьмы, преслѣдуютъ тѣхъ, кто увлеченъ проповѣдью, и оставляютъ въ покоѣ самого проповѣдника?

Еще недавно, полемизируя съ Толстымъ (по поводу, если не ошибаемся, статьи противъ смертной казни), оффиціозный органъ «конституціоннаго» министерства отвѣчалъ между прочимъ и на этотъ упрекъ. Что дѣлать,—говорить «Россія»: Толстой—плохой мыслитель, но онъ-же и великій художникъ. Его проповѣдь (напримѣръ, противъ смертной казни?) очень вредна, но злая судьба создала правительству спеціальное затрудненіе въ пресѣченіи этого вреда: приходилось бы преслѣдовать великаго художника, къ которому чувствуешь «невольную нѣжность», кототаго необходимо беречь...

Внушить «невольную нѣжность» людямъ, защищающимъ при мѣненіе смертной казни какъ повседневное, широкое, почти бытовое явленіе,—уже это, если принять à la lettre заявленіе оффиціоза, является, конечно, огромнымъ нравственнымъ завоеваніемъ. «Другіе» не столь оффиціозные, но одинаково во многомъ настроенные люди такой нѣжности не испытываютъ: по всей Россіи идетъ теперь наступленнй походъ противъ великаго писателя, и противъ его

чествованія благодарнымъ русскимъ обществомъ, а извѣстный кронштадтскій іерей, даже обратился къ Богу съ особой молитвой, очень напоминающей докладъ по департаменту о необходимости скорѣйшей административной высылки великаго писателя за предѣлы этого міра: онъ кощунственно просить у Бога скорѣйшей смерти Толстому. О, какъ далеко это «христіанство» отъ того ученія, которое іудеи црваго вѣка слышали на берегахъ озеръ и съ пустынныхъ холмовъ...

Да, нѣжность ретроградныхъ слоевъ русскаго общества, потрясаемыхъ простымъ и могучимъ словомъ «плохого мыслителя»,—очень условна. И однако, фактъ остается: Толстого не рѣшили и не рѣшаются тронуть, хотя никакіе запреты не въ состояніи остановить распространеніе его мыслей и его наивно-простыхъ, но ужасныхъ обличеній. Толстого это печалитъ. Мы не можемъ этому же радоваться.

И не только потому, что намъ при всѣхъ нашихъ разногласіяхъ дорогъ этотъ неугомонный великій старецъ, но и потому, что въ немъ мы видимъ первую побѣду свободы совѣсти и мысли надъ нетерпимостью и гоненіемъ. Да, онъ поднялъ свободное слово на такую высоту, передъ которой преслѣдованіе бессильно.

И это онъ сдѣлалъ только внутренней силой своего генія. Великій художникъ создалъ это положеніе смѣлому мыслителю. Мы не великіе художники, и вся остальная литература бредетъ еще въ густой тьмѣ произвола и безправія. Но впереди, передъ нею, возвышаясь свѣтящимся колосомъ, стоитъ надъ туманами, заволакивающими еще поле русской жизни, могучая фигура, шагнувшая за предѣлы этой тьмы и этого безправія. И мы чувствуемъ съ особенной силой, что онъ все-таки нашъ, и гордимся, что онъ достигъ этой высоты силою одного только слова. Насъ ободряетъ то, что онъ вынесъ свѣтъ свободной совѣсти и слова за предѣлы достиженія угнетателей. И, глядя на высоко поднятый имъ факелъ, мы забываемъ наши разногласія и шлемъ восторженный привѣтъ этому честному, смѣлому, часто заблуждающемуся, но и въ самыхъ ошибкахъ глубоко искреннему великому человѣку..

Слава гениальному художнику. Слава честному искателю правды

Вл. Короленко.

НОВЫЯ КНИГИ.

Стихотворенія С. Я. Надсона. Изданіе двадцать третье. Спб. 1908. Ц. 2 р.

Литературный Фондъ выпустилъ 23-е изданіе стихотвореній Надсона въ количествѣ 12.000 экземпляровъ; между тѣмъ, предыдущее изданіе, въ такомъ же числѣ экземпляровъ, было выпущено всего лишь 1½ года назадъ. Такимъ образомъ, въ моментъ, когда нашъ книжный рынокъ (всѣ признають и всѣ жалуется на это), послѣ мимолетныхъ «дней свободы», пришелъ въ состояніе небывалаго угнетенія, и бойко идетъ одна лишь порнографія,—успѣхъ Надсона не только не падаетъ, но даже растетъ. За цѣлый рядъ предыдущихъ лѣтъ (1887—1899) стихотворенія его расходились въ общемъ по 6000 экз. въ годъ, но съ 1900 года расходъ этотъ началъ повышаться и въ настоящее время выросъ, какъ видно, чуть не вдвое *)...

Правда, модерно-декадентская критика, относящаяся съ презрительнымъ высокобріемъ къ поэзіи Надсона, считаетъ доказаннымъ, что это поэзія 16-лѣтнихъ гимназистовъ и гимназистокъ. Но если такъ,—радоваться нужно тѣмъ больше: значить, какъ ни шумятъ господа декаденты, какъ ни кричатъ о своей «побѣдѣ», эстетическіе вкусы подростящаго поколѣнія совершенно иные,—слава Богу, здоровые и нормальные...

Прекрасный образъ юноши-поэта, въ которомъ такъ гармонически и такъ трогательно сочеталась съ любовью къ искусству любовь къ родинѣ, «боль за идеалъ и слезы о свободѣ»,—во всей своей чудной красотѣ воскресаетъ всякій разъ, какъ берешь въ руки эту незабвенную книгу скорбныхъ пѣсенъ. Трагическая судьба короткой жизни поэта прибавляетъ къ его ореолу нѣсколько лишнихъ лучей, но и безъ того онъ былъ бы прекрасенъ и такъ же привлекалъ бы сердца своей удивительной чистотой и кристальной прозрачностью.

Намъ вспоминается, какъ, подготавливая въ 1900 г. сборникъ «Недопѣтыхъ Пѣсенъ», куда вошли многочисленные обрывки начатыхъ и неконченныхъ Надсономъ стихотвореній, мы остановились въ нѣкоторомъ колебаніи надъ слѣдующей пѣской:

Такъ вотъ она, „страна безъ правъ и безъ закона“?
Страна невинныхъ жертвъ и наглыхъ палачей,
Страна владычества холопа и шпіона

*) Цифровыя свѣдѣнія мы беремъ изъ „Матеріаловъ для статистики изданій Надсона“, публикуемыхъ Литературнымъ Фондомъ.

И торжества штыковъ надъ срятостью идей!
 О вѣтъ, не можете быть!.. Вы лжете мнѣ, вы лжете,
 Апостолы борьбы! Неправую враждой
 Вы сердца моего корыстью не зажжете -
 Я вѣрю въ мой народъ и вѣрю въ край родной!
 Онъ не унизился-бъ до робкаго смиренья,
 Не сталъ молчать года съ покорностью раба
 И гордо-бъ всталъ на бой, могучъ, какъ ангель мщенья,
 Неотразимъ, какъ вихрь, и страшень, какъ судьба!
 Пока въ немъ слышенъ смѣхъ...

Нужно ли,—спрашивали мы себя,—публиковать эту пьеску? Не дастъ ли она г.г. Меньшиковымъ лишняго повода сказать: «Вотъ каковъ былъ настоящий, природный Надсонъ! Вы испортили его, апостолы борьбы, отравивъ своими либеральными идеями». Но покойный Н. К. Михайловскій, къ которому мы обратились за совѣтомъ, сказалъ, прочитавъ стихи: «очень ужъ красивы они и простодушны!»—и стихи были напечатаны сначала въ «Русск. Бог.» (начальныхъ строкъ цензура тогдашняя, помнится, не пропустила), а потомъ и въ «Недопѣтыхъ Пѣсняхъ».

И такого рода стиховъ, «антилиберальныхъ», наивныхъ, не мало въ книжкѣ Надсона, какъ среди посмертныхъ, такъ и среди напечатанныхъ при его жизни, и никогда ни одному «апостолу борьбы», уважающему свое дѣло, они не казались ни вредными, ни сколько-нибудь нарушающими цѣльность и красоту глубоко-симпатичнаго образа самого поэта. Почти одновременно съ выше-приведенными стихами (годомъ раньше или позже—хронологію этихъ отрывковъ установить трудно) онъ написалъ другіе, діаметрально противоположнаго содержанія и настроенія:

Художники ее любили воплощать
 Въ могучемъ образѣ славянки свѣлоокой,
 Склоненною на мечъ, привыкшій побѣждать,
 И съ думой на челѣ, спокойной и высокой.
 Осѣнена крестомъ, лежащимъ на груди,
 Съ орломъ у сильныхъ ногъ и радостно сияя,
 Она глядитъ впередъ, какъ будто впереди
 Обѣтованный рай сквозь сумракъ прозрѣвая.
 Миѣ грезится она иной: томясь въ цѣпяхъ,
 Порабощенная, несчастная Россія,—
 Она не на груди несетъ, а на плечахъ
 Свой крестъ, свой тяжкій крестъ, какъ несъ его
 Мессія.

Въ лохмотьяхъ нищеты, истерзана кнутомъ,
 Покрыта язвами, окружена штыками,
 Въ тоскѣ она на грудь повикнула челомъ,
 А изъ груди, дымясь, струится кровь ручьями...
 —О лесь холонская! Ты міру солгала!

Такъ называемаго боевого значенія стихи Надсона абсолютно не имѣютъ. Это задушевная исповѣдь юноши съ чистымъ сердцемъ и слагающимися еще политическими взглядами, исповѣдь во всѣхъ
 Августъ. Отдѣлъ II.

затаенныхъ мечтахъ, сомнѣніяхъ и надеждахъ, дневникъ его сокровеннѣйшихъ радостей и страданій. И, несмотря на всѣ идейныя противорѣчія, естественныя въ такомъ интимномъ дневникѣ, образъ самого поэта является передъ нами не только яснымъ, какъ проточная вода, но и удивительно цѣльнымъ. Вотъ почему книга стихотвореній Надсона для такихъ же, какъ онъ, чистыхъ и складывающихся юныхъ душъ является превосходной школой ума и чувства, — настольной книгой ряда поколѣній...

Въ заключеніе, нѣсколько словъ о техникѣ новаго изданія. Оно выгодно отличается отъ предыдущаго малымъ, сравнительно, количествомъ опечатокъ. Къ сожалѣнію, начало прекраснаго стихотворенія «И крики оргіи, и гимны ликованья» по-прежнему испорчено невнимательной разстановкой знаковъ препинанія. Слѣдуетъ читать:

И крики оргіи, и гимны ликованья
Въ сіяньи праздничномъ торжественныхъ огней,
А рядомъ—жгучій стонъ мятежнаго страданья,
И кровь пролітая, и рѣзкій звонъ цѣпей!..
Разнузданный развратъ, и т. д.

Нужно также: «въ пошлой суетнѣ», а не «суетѣ»—этого требуетъ рифма. Въ стих. «Я вчера еще радъ былъ отречься отъ счастья» надо читать: «на отраду и ласку весеннихъ лучей». Въ пьесѣ «Нѣтъ, легче мнѣ думать, что ты умерла», въ стихахъ

И мнѣ отвѣчаешь съ пугливой мольбой,
Да горькой улыбкой стыда да слезами

съ—лишнее... Стих. «О, неужели будетъ мигъ» было напечатано еще при жизни поэта, и потому отысканное въ рукописи заключительное четверостишіе, откинутое Надсономъ не по цензурнымъ соображеніямъ, слѣдуетъ помѣщать въ подстрочномъ примѣчаніи, а отнюдь не въ текстѣ. «Предъ бурей испытаній изжита жизнь до дна»...—явная опечатка: нужно «подъ бурей»...

Кажется, это и все наиболѣе важное, если не считать фантастическихъ нерѣдко знаковъ препинанія.

Что касается раздѣленія стиховъ на два отдѣла—напечатанныхъ при жизни Надсона и «посмертныхъ», то мы не устанемъ повторять, что оно неосновательно послѣ 20 слишкомъ лѣтъ, прошедшихъ со дня смерти поэта. Оно имѣло бы еще нѣкоторый смыслъ въ томъ случаѣ, если бы «посмертный» отдѣлъ состоялъ исключительно изъ слабыхъ, черновыхъ набросковъ, которые самъ авторъ, очевидно, не хотѣлъ печатать; но въ дѣйствительности—и въ этомъ отдѣлѣ есть немало настоящихъ шедевровъ надсоновской поэзіи, не появившихся своевременно въ печати лишь по цензурнымъ или инымъ преходящимъ условіямъ. Съ другой стороны, среди стихотвореній, напечатанныхъ при жизни поэта, въ первые годы его литературной дѣятельности, встрѣчается не-

мало совершенно слабыхъ, дѣтскихъ вещей, еще не представляющихъ ничего характернаго для будущаго Надсона: укажемъ хотя бы на поэму «Бояринъ Брянскій»... Искусственность дѣленія на два отдѣла подчеркивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что ни одно изъ стихотвореній, напечатанныхъ при жизни автора и по этому именно признаку вошедшихъ въ I отдѣлъ, не сопровождается редакціоннымъ примѣчаніемъ—когда именно и гдѣ оно было напечатано. Всѣ стихи размѣщены въ книгѣ по времени написанія...

Мы ничего не имѣли бы даже противъ *трехъ* отдѣловъ, но совершенно иного характера. Первый состоялъ бы, такъ сказать, изъ основного текста поэміи Надсона—всѣхъ тѣхъ стихотвореній и отрывковъ (расположенныхъ, конечно, строго хронологически), въ которыхъ видна уже рука мастера, виденъ незаурядный и своеобразный талантъ. Начать этотъ отдѣлъ слѣдовало бы стихотвореніями «Поэтъ», «За что» и пр. Второй отдѣлъ составили бы болѣе слабыя и блѣдныя пьесы, главнымъ образомъ 1878—1879 г.г., въ томъ числѣ, поэмы «Иуда», «Христіанка», «Бояринъ Брянскій», изъ позднѣйшихъ—драматическій отрывокъ «Царевна Софія» и т. п. Наконецъ, въ третьемъ отдѣлѣ слѣдовало бы помѣстить лишь наименѣе цѣнные отрывки, которыхъ въ бумагахъ Надсона, хранимыхъ въ настоящее время въ Публичной Библиотекѣ,—найдется еще великое множество. Для большой публики они, конечно, не интересны, но для біографовъ и специальныхъ почитателей поэта и они, разумѣется, могутъ представлять высокій интересъ и цѣнность.

А. И. Богдановичъ. Годы перелома (1895--1906). Сборникъ критическихъ статей. Кн. во „Миръ Божій“ Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Увидавъ въ газетахъ объявленіе объ этой книгѣ, многіе читатели, быть можетъ, спросятъ себя: «Кто такой этотъ Богдановичъ?» Но если бы назвать имъ однѣ только начальныя буквы имени и фамиліи,—вѣроятно, они тотчасъ бы вспомнили, о комъ идетъ рѣчь. Кто, въ самомъ дѣлѣ, не зналъ А. Б., автора «Критическихъ Замѣтокъ», цѣлыхъ десять лѣтъ, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, печатавшихся на страницахъ «Міра Божія», одного изъ популярнѣйшихъ журналовъ конца прошлаго и начала текущаго вѣка?

Мы можемъ только пріятствовать появленіе книги, представляющей лучшій надгробный памятникъ надъ безвременной могилой литературнаго бойца, съ нѣкоторыми идеями котораго и нашему журналу приходилось въ свое время спорить, но въ которомъ мы никогда не переставали видѣть и уважать честнаго, искренно убѣжденнаго противника, шедшаго, въ концѣ-концовъ, рука объ руку съ нами къ одной свѣтлой цѣли. И мы жалѣемъ объ одномъ только, что въ этой толстой книгѣ (почти полтысячи страницъ) не умѣстилось, навѣрное, и одной десятой доли всего написаннаго

Ангеломъ Ивановичемъ Богдановичемъ, да и то, что умѣстилось, не представляетъ, на нашъ взглядъ, ни характернѣйшихъ сторонъ таланта покойнаго критика, ни наиболѣе яркихъ его вспышекъ. Въ одной изъ вступительныхъ (редакціонныхъ) статей сборника, говорится: «Какъ только, благодаря движенію октябрьскихъ дней 1905 года, журналистика временно освободилась отъ душившей ее цензурной петли, А. И. измѣнилъ заглавіе своихъ очерковъ и, начиная съ ноябрьской книжки этого года, «Критическія Замѣтки» превратились въ «Текущія». Это были горячія, нервно, съ подъемомъ написанныя статьи, сначала полныя энтузіазма и вѣры, а вскорѣ, во времени бѣлостокскаго и прочихъ погромовъ, зазвучавшія гнѣвомъ и ожесточеніемъ... Къ сожалѣнію, нынѣшнія цензурныя условія дѣлаютъ невозможнымъ помѣщеніе ихъ въ настоящемъ сборникѣ. Ихъ было всего четыре—этихъ статей, въ которыхъ онъ говоритъ своимъ настоящимъ голосомъ, не прибѣгая къ обинякамъ и намекамъ, какъ принужденъ былъ дѣлать всѣ живы».

Итакъ, въ сборникѣ не вошли даже тѣ, можно сказать, единственныя статьи, гдѣ критику удалось говорить «настоящимъ своимъ голосомъ»...

Но, думается, и помимо цензурныхъ условій, въ сборникѣ не вошло очень много характернаго для Богдановича. Авторы вступительныхъ статей, среди которыхъ читатель съ удовольствіемъ встрѣтитъ имена гг. Кузрина и Короленко, давая яркій и любопытный очеркъ личности погибшаго писателя, не отмѣчаютъ почему-то того общеизвѣстнаго факта, что покойный велъ чрезвычайно замкнутый образъ жизни, строго ограничиваясь кругомъ семьи и близкихъ друзей и рѣдко, лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, показываясь въ собраніяхъ литературнаго и иного характера. Самъ Богдановичъ, съ свойственной ему прямою, объяснял эту свою нелюдимость, бросавшуюся многимъ въ глаза, не однимъ только обиліемъ работы, но и нѣкоторымъ сознательнымъ расчетомъ: «Вѣда обширныя знакомства въ литературномъ мірѣ,—говорилъ онъ,—критикъ иногда невольно поддается личнымъ симпатіямъ или антипатіямъ; живя одиноко, я могу быть независимѣе въ своихъ печатныхъ сужденіяхъ».

И, дѣйствительно, въ литературныхъ своихъ сужденіяхъ и отзывѣхъ Богдановичъ былъ, какъ никто, прямодушенъ, нелицепріятенъ и подчасъ рѣзокъ. Можно было не соглашаться съ этими отзывами, но одно было для всякаго несомнѣнно: вытекаютъ они лишь изъ непосредственнаго чувства автора, диктуются только его разумнѣемъ и ничѣмъ другимъ. Ни эллина, ни іудея онъ, можно сказать, не зналъ въ литературѣ и цѣнилъ только правильность идеи и красоту художественнаго образа,—конечно, какъ то и другое представлялось его сознанію. Эта черта литературнаго характера,—грубоватая порой прямота сужденія и колющій, «злой» языкъ,—разумѣется,

создавали Богдановичу не мало враговъ. Мимо его статей и рецензій, во всякомъ случаѣ, нельзя было пройти равнодушно,—онѣ торчали, какъ своего рода шило, среди другихъ, чинныхъ и солидно приглаженныхъ, статей журнала..

Почтенная редакція сборника, очевидно, полагала, что надъ свѣжей еще могилой не стоитъ воскрешать острыхъ воспоминаній, и почти всѣ такія замѣтки и рецензіи опустила, хотя именно онѣ-то, думается, и представляютъ наибольшій интересъ. Пощажены, между прочимъ, составителями сборника и наши декадентскіе поэты, которымъ Богдановичъ, сочувствовавшій въ теоріи «символизму», посвятилъ, какъ извѣстно, немало язвительныхъ рецензій...

Чисто-литературный талантъ Богдановича былъ оригиналенъ и ярокъ. Полякъ по рожденію, онъ въ совершенствѣ владѣлъ русскимъ языкомъ, и всегда сразу можно было узнать его сжатый, сильный слогъ, въ которомъ чувствовалась сдержанная страсть и упрямая вѣрность избранной идеѣ. Но особенно силенъ Богдановичъ тамъ, гдѣ онъ стоитъ на общелитературной, общегуманной точкѣ зрѣнія, далеко отъ текущихъ партійныхъ споровъ и разногласій. Когда рѣчь идетъ, напр., объ исторической горестной судьбѣ русской литературы, о тѣхъ кошмарныхъ путяхъ, въ которыхъ суждено биться русской мысли и русскому слову, онъ поднимается порой до высокаго паеоса... Такова была его небольшая замѣтка о Пушкинѣ,—положительно лучшее изъ всего того многого, что было написано о великомъ поэтѣ въ юбилейномъ 1899 году; но, къ сожалѣнію, и ея нѣтъ въ сборникѣ...

Что касается борьбы Богдановича съ «отжившимъ» народническимъ міровоззрѣніемъ, борьбы, которой придаетъ такое значеніе г. Невѣдомскій (авторъ одной изъ вступительныхъ статей), то намъ представляется, что въ этого рода писаніяхъ автора «Критич. Замѣтокъ» играло значительную роль простое недоразумѣніе. «Интеллигенція сознала себя,—говорится въ одной его статьѣ,—какъ неразрывную часть народа, составляющую въ немъ все то, что стремится къ сознательной жизни... Исчезло подчиненное отношеніе ея къ народу, вмѣстѣ съ понятіемъ «долга», которое *теперь* замѣняется понятіемъ общности, тождественности интересовъ народа и интеллигенціи». Въ такой категорической формѣ мысль эта, по нашему мнѣнію, совершенно неправильна. Идея долга передъ народомъ въ сознаніи нашей народнической интеллигенціи никогда не исключала представленія о тождественности ихъ интересовъ. Но, въ концѣ концовъ, если даже и произошла какая-либо перемѣна въ настроеніи русской интеллигенціи,—развѣ въ томъ или другомъ «сознаніи» ея суть дѣла, въ той или другой ея волѣ? Одумалась въ одинъ прекрасный день интеллигенція, сообразила, что стояла на неправильной точкѣ зрѣнія—и все пошло превосходно? Къ чести Богдановича слѣдуетъ сказать, что онъ лично не упускалъ изъ виду исторической перспективы и никогда не продѣлывалъ на

воображаемой могилѣ пресловутаго «долга» такой «пляски боманчей», какъ, напр., другой—тоже покойный нынѣ—критикъ, примыкавшій къ одному съ нимъ направленію, Евгений Соловьевъ. Не думаемъ также, чтобы Богдановичъ столь неосмотрительно рассуждалъ о партіи «Народной Воли» (въ которой самъ принималъ нѣкогда участіе), какъ увѣряетъ насъ г. Невѣдомскій: «Анализируя *народничество* съ точки зрѣнія этической и психологической, онъ открывалъ въ немъ элементы, чуждые истинному демократизму... *основной порокъ: народовольчество* было движеніемъ чисто интеллигентскимъ, не опиравшимся на массу и по тому самому, несмотря на весь героизмъ своихъ представителей, обреченнымъ на гибель. *И вотъ этотъ порокъ народнической программы, сознанный А. И.*... и т. д.

Изъ подчеркнутыхъ нами словъ видно, во-первыхъ, что г. Невѣдомскій смѣшиваетъ въ одну кучу два совершенно различныхъ народничества: съ одной стороны, революціонное народничество 70-хъ годовъ, къ которому примыкали идейно и народовольцы, съ другой—такъ называемыхъ «эпигоновъ народничества», Юзова, В. В., Кривенко, Абрамова, съ которыми Богдановичъ, дѣйствительно, жестоко порой воевалъ. Тѣ же подчеркнутыя слова любопытны и въ другомъ еще смыслѣ. Кто станетъ въ настоящее время отрицать, что народовольческое движеніе погибло оттого, что фактически не опиралось на народные массы? Однако, нужно быть по-истинѣ ослѣпленнымъ социаль-демократомъ (каковымъ Богдановичъ, повторяемъ, не былъ), чтобы съ легкой развязностью утверждать, что отсутствіе такой опоры объяснялось «основнымъ порокомъ народовольческой программы»!..

Отмѣтимъ въ заключеніе, что тотъ же г. Невѣдомскій даетъ полемическое толкованіе и самому заглавію сборника—«Годы перелома». По его мнѣнію, это «годы ликвидаціи недавно царившаго міросозерцанія, съ его признаніемъ особаго для Россіи пути историческаго развитія, съ элементами мессіанства»... Мы, съ своей стороны, хотѣли бы понимать заглавіе книги въ иномъ, болѣе широкомъ смыслѣ, болѣе соответствующемъ, на нашъ взглядъ, и главному характеру дѣятельности покойнаго критика. Онъ работалъ, дѣйствительно, въ «годы перелома», въ тѣ предразсвѣтныя годы, когда весь народъ русскій началъ, наконецъ, пробуждаться къ сознательной жизни, когда снаружи, правда, казалось, что все живое и мыслящее невозвратно умерло, задавленное грубой рукой самовластиа, въ глубинахъ же народной жизни, въ тайникахъ общественной психики подготовлялось уже то грандіозное движеніе, свидѣтелями котораго мы были въ текущемъ десятилѣтіи...

Какъ одинъ изъ скромныхъ борцовъ-работниковъ, незамѣтно подготовлявшихъ это великое движеніе, какъ одинъ изъ подвижниковъ-мучениковъ русской литературы, которая, по прекрасному выраженію В. Г. Короленка, была «настоящей родиной его души»,—Богдановичъ не будетъ забытъ русскимъ читателемъ, и сочиненія

его, собранныя когда-нибудь въ болѣе полномъ объемѣ, станутъ на полкахъ библиотекъ рядомъ съ сочиненіями лучшихъ представителей родной критики и публицистики.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство“.

ПОСТУПИЛО:

Въ пользу б. шлиссельбурнцевъ: отъ К. Маркова—5 р.

Въ пользу пострадавшихъ депутатовъ первой и второй Госуд. Думы: отъ К. Маркова—10 р.

Въ пользу осмысленныхъ и заключенныхъ: отъ К. Маркова—15 р.; отъ М. Чеботарева—10 р.

Итого 25 р.

Въ пользу безработныхъ: отъ С. В. З.—43 р. 51 к.

На изданіе сборника паялти Н. Н. Михайловскаго: отъ В. Буйницкаго, изъ Екатеринбургa—1 р.

Продолжается подписка на 1908 г. на ежемѣсячный журналъ (третій годъ изданія)

ЯСНАЯ ПОЛЯНА.

Въ журналѣ помѣщаются запрещенные въ Россіи и печатавшіеся за-границею журналы: «Колоколь» А. Герцена, «Былое» и «Искра» (журналы освободительнаго движенія). 24 книги приложеній заключаютъ въ себѣ: 16 книгъ полнаго собранія сочиненій графа Л. Н. Толстого, до сихъ поръ печатавшихся за-границею, 5 книгъ «Сборникъ рѣчей депутатовъ Государственной думы 1 и 2 созыва»; 2 книги гр. Джакомо Леопарди «Диалоги и мысли» и 1 книга популярной исторіи Россіи отъ начала до нашихъ дней. Вышло 9 №№ съ 18 книгами приложеній. Подписная цѣна за 12 №№ журнала и 24 книги приложеній 7 р. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р., остальные въ разсрочку; сроки по желанію г.г. подписчиковъ. Требования адресовать: Петербургъ, Лѣсной корпусъ, книгоиздательство „Ясная Поляна“. Дешовое собраніе сочиненій графа Л. Н. Толстого можетъ быть приобрѣтено только по подпискѣ на журналъ „Ясная Поляна“. Въ отдѣльной продажѣ оно стоитъ втрое дороже. Вышедшихъ №№ съ приложеніемъ осталось ограниченное количество и по израсходованіи ихъ подписка прекратится.

Редакторъ-Издатель *Вл. Боролетто.*

Отъ Комитета съѣзда представителей русской печати.

ПОСТАНОВЛЕНІЯ И ПОЖЕЛАНІЯ

ПЕРВАГО ВСЕРОССІЙСКАГО СЪѢЗДА ПЕЧАТИ.

(С.-Петербургъ, 22—25 іюня 1908 г.).

А. По вопросу о чествованіи Л. Н. Толстого.

1. Желательно, чтобы по случаю 80-й годовщины рожденія великаго писателя русской земли, 28 августа 1908 г. или въ ближайшіе дни, всѣ газеты и журналы посвятили-бы свои страницы, главнымъ образомъ, этому знаменательному событію, на которое несомнѣнно, такъ или иначе, откликнется все просвѣщенное челоѵчество.

Хотя день 28 августа приходится въ канунъ праздника, когда зрѣніи не допускаются, но все-же вполне уместно устроить бесплатныя чтенія для народа и для дѣтей изъ избранныхъ сочиненій Л. Н. Толстого. Печати слѣдовало бы пригласить и каждую интеллигентную семью, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, устроить семейныя, домашнія чтенія, посвященныя гуманной личности нашего гениальнаго современника и его произведеніямъ.

2. Главное чествованіе, по мнѣнію съѣзда, слѣдуетъ перевести на осень текущаго года, когда заканчиваются лѣтній отдыхъ и разѣздъ изъ городовъ. Такимъ временемъ съѣздъ намѣчаетъ 1-ое октября 1908 года и, по возможности, смотря по мѣстнымъ условіямъ, — слѣдующую за 1 октября недѣлю. Въ эти дни желательно организовать чтенія о Толстомъ и устраивать спектакли изъ его произведеній, живыя картины, лекціи, дѣтскіе и народныя праздники, по программамъ, не противорѣчающимъ воззрѣніямъ Толстого, съ тѣмъ, чтобы платныя предпріятія этого рода могли-бы увеличить общій фондъ имени великаго писателя или были предназначены на другія благія цѣли, по усмотрѣнію устроителей.

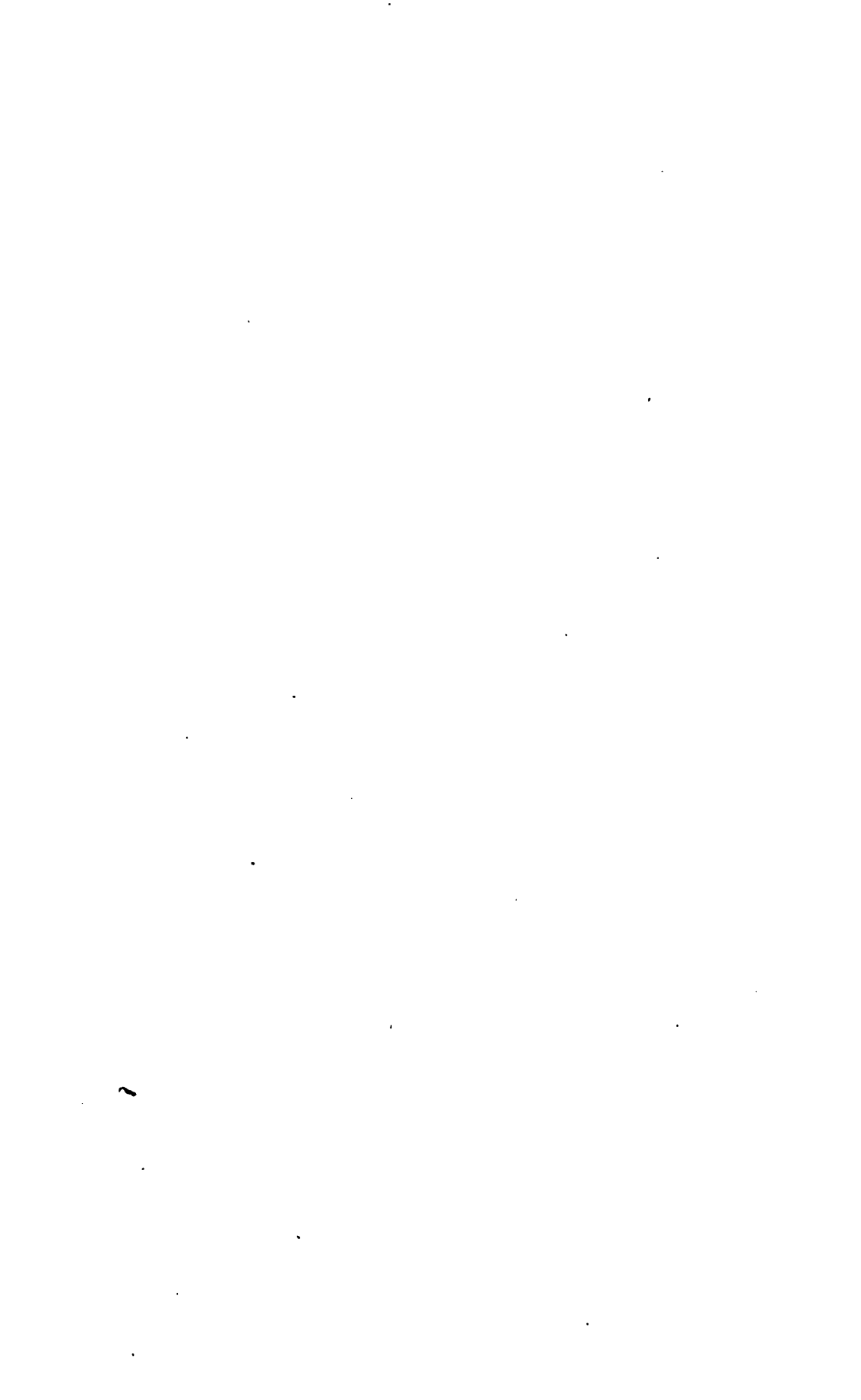
3. Отъ имени печати рѣшено издать сборникъ, всецѣло посвященный личности чествуемаго писателя, мнѣніямъ о немъ и характеристикѣ его произведеній. Сборникъ долженъ быть составленъ изъ отзывовъ и статей, полученныхъ отъ русскихъ и иностранныхъ писателей, особо приглашенныхъ къ тому. Изданіе сборника возлагается на Комитетъ, избранный для приведенія въ исполненіе постановленій съѣзда.

4. Съѣздъ призналъ необходимымъ устроить въ С.-Петербургѣ литературный домъ-музей имени Л. Н. Толстого. Въ домѣ этомъ, кромѣ музея, признаю желательнымъ имѣть и другія культурно-просвѣтительныя учрежденія, какъ для изученія произведеній великаго писателя, такъ и для ознакомленія съ ними широкіе круговъ населенія. На ряду съ этимъ, съѣздъ выразилъ пожеланіе, чтобы приняты были мѣры для изданія всего, что вышло изъ-подъ пера Л. Н. Толстого за послѣднія 25 лѣтъ, а также для удешевленія его сочиненій. Для осуществленія этихъ предположеній съѣздъ постановилъ открыть сборъ въ фондъ имени Л. Н. Толстого *).

5. Всѣ сборы и пожертвованія въ фондъ имени Толстого должны быть сосредоточены въ Обществѣ его имени, а впредь до утвержденія этого Общества, — въ Комитетъ съѣзда.

*) Пожертвованія въ фондъ имени Л. Н. Толстого принимаются въ Петербургѣ въ редакціяхъ журналовъ „Современный Міръ“, „Образованіе“, „Минувшіе годы“, „Русское Богатство“ и газетъ: „Рѣчь“, „Слово“ и „Современное Слово“.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

BOOK OVERDUE
~~CANCELLED~~
AUG 28 1979
AUG 28 1979